

В. К. Грищук

**ВИБРАНІ
НАУКОВІ ПРАЦІ**

Книга IV

**Хмельницький
2025**

УДК 340.12;343
Г 82

Грищук В. К.

Г 82 Вибрані наукові праці: у 4-х кн. Книга 4./ Хмельницький університет управління та права імені Леоніда Юзькова. – Хмельницький: Видавництво ХУУП імені Леоніда Юзькова, 2025. 1027 с.

УДК 340.12;343

©Грищук В. К., 2025
©Хмельницький університет управління
та права імені Леоніда Юзькова

Грищук В. К.
**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ
ПАРАДИГМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЧЕЛОВЕКА**
Монография

Моим родителям:

*Маме – Надежде Владимировне,
Отцу – Климу Павловичу*

*и моей жене
Людмиле Анатолиевне
посвящается*

Prawo stanowione nie moze być spreeczne z prawem naturalnym, to ostatnie bowiem jest niczym innym, jak tylko zespołem pierwotnych i pod-stawowych zasad rządzących życiem moralnym, a zatem wskazuje na istotne przymioty, głębokie potrze-by i najwyższe potrzeby człowieka / Jan Pawel II // Przemówienie na Jubileusz Parlamentarzystów i Poli-tyków, 4, 4 XI 2000.

Podstawowym kryterium każdego porządku prawnego powinno być zawsze odniesienie do osoby ludzkiej jako posiadającej niezbywalną godność tak w jej wymiarze indywidualnym jak i wspólnotowym /

Jan Pawel II // Messaggio del Santo Padre Giovanni Paolo II al Rettore Magnifico delle Pontificia Universita Lateranense, S.E. Mons. Salvatore Fisichella, 7, 21 III 2002.

Nie ma wątpliwości, że jedność prawa i nauk prawnych znajduje właściwy fundament w dynam-icznej sprawiedliwości, wyrazie nie tylko ścisłego porządku prawnego, ale przede wszystkim w tej recta ratio, która powinna rządzić tak zachowaniami jed-nostek, jak i władzy / Jan Pawel II // Messaggio del Santo Padre Giovanni Paolo II al Rettore Magnifico delle Pontificia Universita Lateranense, S.E. Mons. Salvatore Fisichella, 2, 4, 21 III 2002.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно десятилетиями говорят о Правах Человека, что принципиально правильно, если иметь в виду реализацию сформировавшейся тенденции гуманизации общественных отношений. Вместе с тем, важной составляющей процесса гуманизации является необходимость обеспечения гармоничного сочетания Прав Человека с его Правовыми Обязанностями. Ибо, как известно, нет прав без обязанностей, как и нет обязанностей без прав. Их единство составляет правовой Статус человека в современном обществе. Разумное пользование человеком своими правами и разумное исполнение своих правовых обязанностей – неотъемлемые качества его правовой культуры. Неразумный подход человека в этом контексте должен предполагать его негативную социальную ответственность, неотъемлемой составляющей которой является юридическая ответственность что, в конечном счёте, содействует укреплению безопасности граждан, общества и государства, их консолидации.

Предлагается поразмышлять о Правах и Обязанностях Человека через призму его Ответственности, прежде всего, перед Богом, перед самим собой, перед каждым социумом и своим государством.

Современное состояние развития украинской государственности характеризуется сложностью, неоднозначностью, а иногда и противоречивостью, обусловленной рядом как внутренних, так и внешних факторов субъективного и объективного характера.

Важнейшим внешним фактором стало создание Европейского Союза как формы согласования и реализации государственных и межгосударственных интересов: политических, экономических, социальных, культурных и т.п. Четко очерчена тенденция, выражающая стремление Украины к вступлению в это европейское сообщество. Ярким свидетельством этого является подписание соглашения об ассоциации Украины с Европейским Союзом. Несмотря на то, что в украинском обществе нет единства мнений относительно вступления Украины в НАТО, однако сотрудничество с этим военно-оборонным блоком осуществляется на уровне отдельных планов и программ.

Демонтаж СССР привел к изменению геополитической ситуации в мире. Ныне доминирующими стали четыре центра тяготения: США, КНР, Европейский Союз, Российская Федерация, каждый из которых соответственно видит определенную роль и место Украины в мировом политическом и экономическом пространстве.

Значительное влияние на развитие внутригосударственных процессов оказывает глобализация, а также катаклизмы природы.

С провозглашением независимости Украины и обретением других бывших советских республик статуса самостоятельных государств постепенно изменились связи между ними в экономической сфере. Это со временем привело к практической потере экономической кооперации многих предприятий, сужению объема производства продукции, закрытию

ряда заводов и фабрик, ликвидации устойчивой экономической системы, возникновения и росту безработицы, инфляционных процессов, потере финансовых сбережений людей, снижению платежной способности населения, его жизненного уровня, усилению миграции в зарубежные государства. На этой почве повысился уровень преступности, расширилась сфера проявления ее организованных форм как сугубо национальных, так и транснациональных, снизился уровень законности и правопорядка в обществе, усилился правовой нигилизм.

Просчеты в организации системы власти, в осуществлении приватизации, отсутствие целостной идеологии развития общественных процессов привели к непропорциональному экономическому и политическому расслоению общества.

Отсутствие четкой общегосударственной концепции демократизации жизни общества, идеализация форм ее проявления в зарубежных государствах и непродуманное, бессистемное их заимствование и копирование без учета украинских ментальных реалий создало почву для постепенного изменения системы общественных ценностей, снижения нравственности, появления профессиональной проституции, роста наркомании и алкоголизма, распространения торговли людьми, незаконной торговли оружием и т.п.

После Майдана, или как принято называть Революции Достоинства, резко обострились отношения с ближайшим украинским соседом – Российской Федерацией. Последствием этого стала аннексия Крыма, сепаратистские настроения на востоке Украины, породившие вооруженное противостояние. В этой связи резко изменилось в сторону ухудшения отношение украинцев к России, а также резко усилились проНАТОвские настроения в украинском обществе.

Все названные выше обстоятельства детерминировали состояние идейной неопределенности, духовной неустойчивости, нестабильности общественных процессов, личностный дискомфорт людей, неуверенность в своей физической и бытовой безопасности, в завтрашнем дне.

Весомой причиной негативных изменений в общественной жизни было безответственное отношение политиков, должностных лиц к исполнению своих обязанностей, а также безответственное поведение во многих случаях и отдельных граждан. Вследствие этого в определенной мере снизилась роль социальных норм как регуляторов общественного поведения людей, сузилась сфера ответственности и расширилась сфера безответственности человека. В юридической литературе заговорили о кризисе права, о кризисе правового регулирования.

Очевидно, что при изложенных выше обстоятельствах урегулированность и порядок, как основа консолидированного гражданского общества, не обеспечены надлежащей прочностью. Успех же реформационных процессов в значительной мере зависит от наличия эффективного общественного механизма регулирования и обеспечение порядка вообще и правопорядка в частности.

Как известно, любые социальные проекты имеют самый большой шанс на успех при условии их надлежащего научного обеспечения. Сложившаяся ситуация свидетельствует в пользу необходимости научного осмысления комплекса проблем социальной ответственности человека, юридической ответственности как ее вида и уголовно-правовой ответственности как разновидности юридической ответственности человека в государстве социально-демократической ориентации. Восхождение *от общего к особенному, а от него к единичному*, как представляется, позволит более глубоко окунуться в данную проблематику и показать в определенном системном виде теоретические основания механизма регулирования ответственности человека в общественной среде.

В имеющейся научной литературе – философской, социологической, психологической, политологической, юридической – проблема ответственности анализируется в разных плоскостях: как ответственность человека (физического лица), юридического лица, государства, общества, политических партий, корпораций, главы государства, народных депутатов и т.п. В любой плоскости исследования центральной фигурой, основным субъектом ответственности является человек. Без него не может существовать никакой иной субъект общественного отношения, представляющий собой не что иное, как проявление самоорганизации человека (людей) в условиях цивилизованного общества.

При анализе научной проблематики ответственности человека автор исходит из того, что понятие *«человек», «лицо», «субъект»* являются тождественными, синонимическими по смыслу в контексте данного исследования. То есть, в этом случае имеется в виду человек, подлежащий ответственности. Также синонимическими, тождественными является понятия «уголовная ответственность человека» и «уголовно-правовая ответственность человека», хотя второе понятие более точно отражает юридическую природу этого вида юридической ответственности как общественной реальности, действительности.

Ответственность человека рассматривается в антропосоциальном контексте государства социально-демократической направленности (ориентации) и социально неоднородного общества.

Автор этой работы не разделяет взгляда об универсальности, пригодности «на все случаи жизни» юридических и в том числе уголовно-правовых средств. Думается, что такие средства являются средствами крайнего воздействия, крайней возможности, крайней необходимости в регулировании общественных отношений, когда все другие имеющиеся общественные средства в конкретной ситуации не позволяют достичь назревшей цели общественного регулирования, противодействовать антиобщественному, девиантному поведению человека. К тому же автор представленной читателю монографии отстаивает социально-детерминистический подход к изучению социальных явлений и нормативного регулирования общественных отношений. В общих чертах этот подход сводится к необходи-

мости воздействия, прежде всего, на социальные причины и условия девиантного поведения человека и уже, наряду с этим, далее – на нарушителей социальных норм путем выявления, раскрытия совершенных ими антисоциальных деяний и привлечения виновных к соответствующему виду социальной ответственности.

Предмет этого исследования ограничен проблематикой общих подходов к разумению понятия, видов, оснований, форм, стадий реализации и принципов социальной ответственности, юридической ответственности и уголовно-правовой ответственности человека. Разумеется, что при этом автор исходит в основном из логистско-позитивного понимания общественного нормативного комплекса, сочетая его с представлением о первичности естественного права, полагая, что позитивное право нельзя рассматривать в отрыве от права естественного и, тем более, противопоставлять их. Позитивное право представляет собой частичное, в каждом конкретном случае разное, воплощение права естественного. В позитивном праве мы всегда находим, в определенной степени, элементы естественного права, познанные человеком и воплощенные им в его нормах.

Исповедуя целесообразность и необходимость плюралистического подхода к пониманию правовых явлений, автор стремился к толерантному, максимально емкому, философско-методологическому анализу обозначенной проблематики. При этом автор также стремился как можно более широко применить метод системного представления и синтеза воззрений ученых по данной проблематике. Изучение специальной литературы позволило целенаправленно, последовательно и широко цитировать труды отечественных и зарубежных ученых с тем, чтобы побудить читателя задуматься и дать ему возможность творчески осмыслить «палитру» их взглядов по каждому дискуссионному вопросу, представить собственные выводы относительно их продуктивности, предложить свою систему научных убеждений, видение решения рассматриваемых проблем. Безусловно, при этом не ставилась цель всеобщего обзора имеющейся литературы по данной проблематике, а лишь той ее части, которая является доступной автору для научного анализа, поскольку, как известно, любое научное исследование не может претендовать на абсолютную полноту и объективность рассмотрения избранного предмета исследования.

Ссылки на научные труды других авторов поданы на языке их опубликования.

Автор надеется, что данная научная работа будет полезной для магистров, аспирантов, соискателей научных степеней, преподавателей высших учебных заведений и научных учреждений, практических работников, а также всех тех, кто интересуется рассматриваемой проблематикой. Одновременно автор надеется на обратную связь с заинтересованными лицами. В частности, используя возможности электронной почты: vkhryshchuk@gmail.com

РАЗДЕЛ I

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

1.1. Общефилософские подходы к пониманию феномена социальной ответственности человека

Философия, как наиболее абстрактная, рафинированная система научных знаний, выполняя мировоззренческую, онтологическую, гносеологическую, аксиологическую и праксиологическо-методологическую функции, является надежным научным фундаментом, на котором базируются исследования всех социальных явлений, феноменов. Глубинные корни каждой общественной науки, той или иной мерой мы находим в философии. Понятно, что это также касается и разума ответственности.

Социальная ответственность человека является тем фундаментом, на котором развивается вся система отношений в обществе. В этом случае она выступает неотъемлемым элементом в макросистеме человек – государство – общество.

Человек, осознавая свою обособленность от мировой жизни, размышляя над проблемами свободы, ответственности, смысла жизни, вынужден постоянно ощущать противоречие между сущим и надлежащим, сопоставлять, сравнивать, живя не просто в онтологическом континууме «природа – социум», а в соответствующей культурной среде, с неизбежностью впадая кое-где в диссонансное состояние разлада с мировым порядком и сами собой. И хотя люди по своей сути и стремятся к **порядку**, указано в Книге правителя области Шан, однако своими деяниями они порождают **беспорядок**¹. Категории «**порядок**» и «**беспорядок**» являются антиподами и вместе с тем парными категориями, находящимися между собой в корреляции – взаимосвязи, взаимозависимости. Здесь можно наблюдать своеобразное проявление на уровне социума **двух законов термодинамики**: каждая сложная социальная структура стремится к самосохранению, в частности, через упорядочение общественных отношений, а с другой стороны – каждая сложная социальная структура стремится к распаду, дезинтеграции, в частности, посредством разрыва унормированных социальных связей. Для примера можно вспомнить Римскую империю, Киевскую Русь, Югославию, Чехословакию, СССР. Снова же как обратный процесс – создание СНГ, Евросоюза, стремление к образованию широкого Евразийского Союза. Таким образом, расшире-

¹ Философия права. Хрестоматия / под ред. Н.И. Панова; сост. Панов Н.И., Бачинин В.А., Святоцкий А.Д. – К.: Ин Юре, 2002. – С. 92.

ние сферы порядка усиливает тенденцию интеграции социума, суживает сферу беспорядка. И наоборот – расширение сферы беспорядка ведет к нивелированию порядка и к дезинтеграции социума. Здесь имеем дело с своеобразным проявлением закона единства и борьбы противоположностей. Позитивный результат такого единства и борьбы в значительной мере зависит от ряда факторов объективного и субъективного характера и, в частности, от уровня развития социального нормативного комплекса и наличия эффективного социального механизма обеспечения контроля по соблюдению нормативных предписаний, а также **неотвратимости социальной ответственности** человека за их нарушение.

Таким образом, ежедневное человеческое общественное бытие на жизненном маргине связано с необходимостью цивилизованного унормирования, гармонизации, консолидации отношений всех участников такого многопланового, разноуровневого социума, с целью обеспечения его жизнеспособности, стабильного и прогрессивного развития. Установление же норм отношений объективно требует надежного социального контроля по их соблюдению. Именно здесь, в частности, берет свое начало учение о свободе человека, ее пределах, определенных общественным нормативным комплексом, а также об ответственности человека как позитивной, так и ретроспективной, об ответственности всех субъектов общественных отношений. Тем самым ответственность выступает весомым инструментом в механизме социального контроля, соответствующей мерой обеспечивая его эффективность.

Эффективный социальный контроль, основанный на общечеловеческих ценностях гуманности, демократичности, справедливости, неуклонного соблюдения социальных норм, обеспечение прав человека является неотъемлемой чертой независимого, демократического, социального, правового государства и консолидированного гражданского общества.

Консолидированное гражданское общество по определению З. С. Байниязовой, – это совокупность таких параметров, которые в нравственном, правовом, социальном, культурном отношении укрепляют его основы. Важно выстроить в единый ряд все параметры становления консолидированного гражданского общества, которые должны быть нацелены на достижение общего совместного результата. Частью концепции формирования консолидированного гражданского общества должна стать концепция развития личности (консолидация гражданского общества и личности)¹.

Нет вида общественно значимой деятельности человека, которая бы в той или иной мере не была связана с его ответственностью: или **реальной**, или **потенциальной**. Под **реальной** ответственностью человека в широком плане следует понимать, прежде всего, его ответственность в личностном плане – реальные, ответственные поступки человека,

¹ Человек и государство в правовой политике Нового и Новейшего времени / под. ред. проф. О.Ю. Рыбакова. – М.: Статут, 2013. – С. 392.

согласованные с требованиями социальных норм, а в узком социальном плане – негативные последствия для человека, наступающие вследствие несогласования его поступков с требованиями социальных норм. Под **потенциальной** ответственностью человека в социальном плане следует понимать наличие действенного механизма социального контроля, способного обеспечить привлечение каждого виновного к соответствующему виду социальной ответственности в случаях нарушения им предписаний социальных норм, а в личностном – осознание человеком возможности ответственности за последствия личной безответственной деятельности.

С древнейших времен в работах выдающихся философов прослеживается, в разных их подходах, понимание **социально-коммуникативной** (интерсубъективной) природы социальной ответственности человека через его взаимосвязи с Богом, природой, государством, другими людьми.

Проблема ответственности в ее коммуникативной (интерсубъективной) многоаспектности – человека перед Богом, гражданина перед государством, государства перед гражданином и ответственности человека за свои поступки – находилась в поле зрения выдающихся философов, начиная со времен античности. В работах «Государство»¹, «Законы»², «Политика»³ Платон понимал ответственность как нравственную обязанность человека перед государством, формированию которой содействуют этическое воспитание и философские размышления, как состояние, отвечающее внутренним убеждениям человека, его моральным качествам, представлениям о справедливости. Эти свойства он трактовал как проявление **добродетели**, присущей каждому гражданину и известной ему с досознательного бытия. Ответственность человека перед законом соотносится у философа с его ответственностью перед государством, ответственным, в свою очередь, за благосостояние граждан. Именно в такой плоскости видел Платон проблематику социальной ответственности человека. В этом контексте Платон осмысливал ответственность **в двух аспектах**: гражданин – ответственный перед государством, а государство – перед гражданином. Человек, ответственный перед государством, представляющим собой космос, в котором властвует **наивысшая добродетель – справедливость**, существование которой становится возможным посредством воспитания у граждан чувства ответственности⁴.

Ответственность человека в работах Платона трактуется и как имеющая двойственный характер в понимании **моральной ответственности** и **ответственности перед законом**, трансформирующаяся

¹ Платон. Государство. пер. с древнегреч. А.Н. Егунова // Платон: [сочинения: в 3 т.]. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – С. 89–454.

² Платон. Законы. пер. с древнегреч. А.Н. Егунова // Платон. Государство. Законы. Политика. – М.: Мысль, 1998. – С. 385–716.

³ Платон. Политика. пер. с древнегреч. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Государство. Законы. Политика. – М.: Мысль, 1998. – С. 717–797.

⁴ Платон. Государство. – С. 89–102.

в ответственность за его нарушение. Таким образом, речь идет о **двух аспектах ответственности – позитивном** (моральная ответственность перед обществом, государством) и **негативном** (ответственность, которую человек испытывает в случае нарушения установленных норм)¹.

Платон рассматривал закон как такой, что с древнейших времен содействовал родственному единению, а позднее, устранив расхождения во взглядах на справедливость, корыстность, вредность, честь и бесчестье, выполнил функцию консолидации общества, укрепления его коммуникативных связей. В работе Платона «Протагор» приводятся рассуждения относительно индивидуальной ответственности человека, основывающиеся на убеждениях софистов относительно права выбора и решающего значения полученного человеком образования².

Совершение преступления, считал Протагор, не происходит автономно, а прежде всего, является свидетельством отсутствия морального багажа, приобретаемого в процессе обучения собственными силами. Если же человек не приложил силы к моральному самосовершенствованию, то это его собственный выбор, а поэтому и ответственность за поступки полагается именно на него.

Осмысливая ответственность человека как моральное чувство, Протагор утверждал мнение относительно необходимости его прививания человеку путем обучения, как необходимого условия получения знаний и формирование нравственности как наивысшей добродетели³.

В диалоге «Протагор», в контексте дискуссии относительно морального самосовершенствования, в которой Сократ убеждает, что научить добродетели невозможно, а Протагор высказывает противоположное мнение, ответственность человека в конечном результате выступает таковой, что приобретается путем морального самосовершенствования и обучения при наличии желания и осознания человеком необходимости получения знания.

В упомянутом диалоге актуализируется проблема **ответственности человека как многоаспектного коммуникативного (интерсубъективного) явления**. В частности, Сократ размышлял об ответственности философов перед молодежью, судей перед законом и государством, а также потребность восприятия человеком морально осознанной способности принимать ответственность⁴.

¹ Платон. Георгий. пер. с древнегреч. С. Маркиш // Платон: [сочинения: в 3 т.]. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 257–365; Платон. Протагор. пер. с древнегреч. В.С. Соловьева // Платон: [сочинения: в 3 т.]. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 189–253; Платон. Законы. Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова // Платон. Государство. Законы. Политика. – М.: Мысль, 1998. – С. 385–716.

² Платон. Протагор. – С. 207–212.

³ Платон. Протагор. – С. 206–210.

⁴ Платон. Апология Сократа. пер. с древнегреч. В.С. Соловьева // Платон: [сочинения: в 3 т.]. – М., 1968. – Т. 1. – С. 109–112; Платон. Георгий. пер. с древнегреч. С. Маркиш [сочинения: в 3 т.]. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 340–341.

Человек, избежавший ответственности, считал Сократ, чувствует себя намного хуже, чем ее испытывший, поскольку такой человек не в состоянии избавиться от страданий и мучений совести, являющихся средством воздержания души от зла, если она есть неразумной и нечестивой, поскольку после ненаказанного зла идет большее по объему зло, потом – следующее и таким образом – до бесконечности¹.

Платон, делая ударение на личной ответственности человека перед обществом и государством, утверждал, что она связана со знанием истины, добродетели, реализацией гражданских качеств, непоколебимым соблюдением принципов общего существования. Эта ответственность не дана от рождения, а приобретена в процессе обучения и воспитания, связана с формированием у гражданина морального сознания, присущего лишь людям, имеющим разум, гармонизирующий все желания и стремления.

В «Тимее» и многих других работах Платона² звучат мифологические мотивы, в том числе и относительно ответственности, испытываемой обществом за совершение преступления кем-то из его граждан. Эти введенные в произведения мифоэлементы, построенные на господствующим в давнем мировоззрении представлениях относительно хтонической силы земли, имеют как философские, так и литературные аналогии. Например, события, разворачивающиеся в трагедии Софокла «Царь Эдип», начинаются с эпизода, из которого явствует, что в Фивах начался голод из-за того, что на его территории находился преступник. Плутарх у своих исторических описаниях рассказывал о том, как римляне считали, что у них начался голод вследствие пребывания в городе преступников³.

Демосфен в провозглашенной в суде речи «Против Аристократа» ссылаясь на давние человеческие обычаи, согласно которым убийца не имел права ступить на их землю, поскольку считалось, что это могло привести к голодомору⁴.

Социальный реформатор и философ Солон в своих обращениях к народу напоминал, что за совершенное отдельным лицом преступление

¹ Платон. Протагор. – С. 206–208, 342.

² Платон. Тимей. пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева // Платон: [сочинения: в 3 т.]. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 455–541; Платон. Красил. пер. с древнегреч. Т.В. Васильева // Платон: [сочинения: в 3 т.]. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 413–491; Платон. Георгий. – С. 257–365.

³ Плутарх. Тесей и Ромул; сост. Н.И. Ефименко // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – Владивосток: Изд.-во Дальневост. ун-та, 1989. – С. 11–72; Софокл. Царь Эдип. // Софокл. Трагедии; [пер. с древнегреч. С. Шервинского] / под общ. ред. С. Аверинцева, С. Апта, М. Гаспарова, А. Тахо-Годи, С. Шервинского, В. Ярхо. – М.: Худож. лит.-ра, 1988. – С. 31–94.

⁴ Демосфен. Против Аристократа // Демосфен. Речи: в 3 т.; отв. ред.: Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – Т. II. – С. 161–232.

ответственность ложится на плечи всех граждан¹. Такие же примеры приведены у Эсхила, Аристотеля, Гесиода и др.^{2*}.

Аристотель, обращаясь к теме ответственности человека, рассматривал ее в контексте проблематики взаимоотношений государства и гражданина. В его работе «Политика» государство выступает как объединение свободных граждан, являющееся «относительным целым», полноценное функционирование которого связано персонально с каждым из граждан³.

У Аристотеля, в отличие от Платона, рассматривавшего земное наказание как сопровождаемое потусторонним, делается ударение на ответственности за нарушения норм права. Тогда как Платон размышлял о несправедливости в широком понимании слова, Аристотель различал несправедливое как абстракцию и конкретный несправедливый поступок⁴. Акцентируя на различии между действиями и поступками, основой ответственности философ считал именно поступки. Все *существа* в мире, утверждает он, **выполняют действия** – лишь **человек осуществляет поступки**, которые в случае нарушения закона характеризуются как незаконные.

Аристотель, так же, как и Пифагор, основой ответственности человека считал его способность осуществлять свободный выбор. Однако, не отрицая, что свобода выбора может ограничиваться, философ, хотя и считал человека «основой своих поступков», заметил, что эта «основа не пассивная»⁵. Утверждая, что **в основе поступков человека лежат воля и сознательный выбор**, а осуществляются они на основе принятого решения, Аристотель, тем не менее, согласился с тем, что свобода выбора может ограничиваться. Он не отрицал существования так называемых подневольных поступков, то есть таких, что осуществляются вне воли человека. Однако к ним Аристотель не зачислял поступков «неосознанных», а именно, например, совершение преступления в состоянии опьянения. Он утверждал, что пьяный совершает плохие поступки в неведении, то есть, не осознавая того, что совершает. Однако это сознательно выбранная неосознанность. Злоупотребляя алкоголем, человек знает, чем это угрожает, и в данном случае речь идет о поведении, за которое индивид несет полную ответственность⁶.

¹ См.: Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. – Т. II. Первые философы; [пер. с англ.; общ. ред. А. Ф. Лосева]. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. – С. 221.

² Гесиод. Работы и дни // Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева; под общ. ред. С. Апта, М. Грабарь-Пассек, Ф. Петровского, А. Тахо-Годи, С. Шервинского. – М.: Гос. изд-во худ. ли-ры, 1963. – С. 149; Эсхил. Орестея: трилогия // Эсхил. Трагедии / [пер. Вяч. Иванова]. – М.: Наука, 1989. – С. 76–195.

* Позже, в XX в., эти мотивы нашли свое отражение в экзистенциальной литературе, в частности, в драме Ж.-П. Сартра «Мухи» и в романе А. Камю «Чума».

³ Аристотель. Политика. пер. с давньогрец. О. Кислюк. – К.: Основи, 2003. – С. 66–68.

⁴ Аристотель. Никомахова этика. пер. Т. А. Миллер // Этика. – М.: АСТ, 2006. – С. 147.

⁵ Аристотель. Никомахова этика. пер. Н. В. Брагинской // Этика. – М.: АСТ, 2006. – С. 144, 146–148.

⁶ Гусейнов А. А. Этика Аристотеля. – М.: Знание, 1984. – С. 125.

В средневековой философии понятие ответственности человека осмысливалось и сквозь призму теоцентризма. Философ и юрист Тертуллиан в «Апологии» размышляет относительно ответственности за преступ абсолютно справедливого естественного закона (законов природы), а также нарушение Божьих заповедей, впервые провозглашенных Адаму и Еве в Раю, а позднее переданных язычникам через Моисея. Ответственность за нарушения закона Тертуллиан рассматривал в контексте Старого Завета как такого, что потерял первенство после провозглашения Нового Завета. В этих параметрах источником ответственности выступает способность души быть активной, деятельной силой и право осуществлять личностью свой выбор, основанием для ответственности становится нарушение созданных людьми законов, отвечающих **Божьим заповедям**¹.

Августин, считая, что человек способен избирать между злом и добром, понимал проблему ответственности в двух аспектах – на фоне представлений относительно «града» земного и Божьего. «Град земной» Августин рассматривал как земной мир с несовершенными законами в отличие от «града Божьего», где властвует абсолютная справедливость. Впрочем, подчеркивал Августин, несовершенство законов, властвующих в «граде земном», не снимает ответственности за их нарушение. Именно таким образом Августин решал проблему ответственности на пересечении двух миров – «града земного» и «града Божьего»².

В соображениях другого средневекового философа – Оригена ответственность вытекает **со способности человека к самосовершенствованию через любовь**. Он делает ударение на том, что именно любовь к Богу порождает в человеке чувство ответственности, однако, вместе с тем, побуждая его к осуществлению выбора, принуждает нести потери в том случае, если этот выбор оказался ошибочным. Однако суть дела, считал Ориген, состоит не в том, чтобы путем насилия заставить человека понести потери, а в том, чтобы он сам осознал потребность их ощутить, а ощутив, понял бы, что они содействовали его духовному укреплению. В этом понимании Ориген подошел к осознанию ответственности человека как добровольному движению на пути к самосовершенствованию³.

Средневековый теолог Григорий Неокесарийский размышлял следующим образом: человек не рождается с чувством ответственности, а приобретает его, если имеет веру в Бога. Именно эта вера дает возможность христианину ощутить ответственность, однако, вместе с тем, и обязывает

¹ Тертуллиан. Апология. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб: «Северо-Запад Пресс», 2004. – С. 105–106.

² Августин Аврелий Блаженный. О граде Божиим: книги XIV – XXII. Творения: в 4 т. - Т. 4; [сост. и подг. текста к печати С.И. Еремеева]. – СПб.: Алтея; К.: УЦИММ-Пресс, 1998. – С. 21–25; 48–52; 54–57; 85–86 и др.

³ Ориген. О началах: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/acts/03/1/origen_18.htm

его испытать ответственность в том случае, если его деяния не будут отвечать Закону Божьему¹.

Человек, по мнению Григория Неокесарийского, не может ощутить ответственности без веры, а, имея в сердце веру, становится ответственным не только перед Богом, но и перед людьми как творениями Божьими. Однако, будучи ответственным перед Богом, он обязан понять, что побеждая страсти свои, побеждает их не только во имя Господнее, а и ради себя. Человеку, считал Григорий Неокесарийский, дарована Господом способность выбирать между добром и злом, от чего и зависит мера его ответственности в случае неправильного выбора. Человек, подчеркивает в этом контексте Григорий Неокесарийский, должен понять, что посягательство на ближних будет означать посягательство на его собственную жизнь, а посягательство на собственную жизнь будет означать и посягательство на жизнь других. Он считал, что человек не может жить, не подпадая под ответственность, поскольку последняя дает возможность своевременно обезвреживать ошибочные движения души и недостатки характера. Если же их надлежащим образом не исправлять, то человек может стать настолько грешным, что уже и не сможет исправиться и получить душевное исцеление. Поэтому надлежит, считал философ, понять, что **от себя убежать невозможно, а от Бога тем более** и затем своевременно покаяться, подвергнуться осуждению, принять его и идти дальше с осознанием того, что получен опыт на сложном духовном пути самосовершенствования. Чувство ответственности, заметил он, помогает слуг дьявольских уничтожать и к ним в прислугу не попадаться, а наоборот принудить не только о дьявольских соблазнах забыть, но и их искоренению поспособствовать для того, чтобы очистить мир и привнести в него правду во служении Господу, создавшему мир не для того, чтобы он (мир этот) в распоряжение дьявола попал, а на радость поклоняющимся Господу людям был. Поэтому, считал Григорий Неокесарийский, мир этот в чужих руках не должен быть, а надо его отвоевывать от тех, кто Господу служить не захотел, а дьяволу прислуживая, стал себя хозяином чувствовать на земле, которая не принадлежит ему и не должна ему принадлежать, поскольку не имеет он права владеть тем, что не для него создано, а для слуг Божьих. Поэтому не должен он подвергаться притеснениям лжецов, охотников за легкой добычей, лиходеев, а имеет им супротив совершать, достойный слуги Божьего, и показать им, что это он здесь – однако не хозяин, а председательствующий, поскольку Бог сохранит его лишь тогда, когда и осудит, и простит, и покорности научит, но не врагам своим, а Богу, даровавшему жизнь не только ему, а и семье, и детям его. Поэтому служить Ему надо, **а извергов на кол их гордыни насаждать** и осо-

¹ Григорий Неокесарийский: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orthlib.ru/Gregory_Neokes/christm.html

знание им того давать, что они грязь и отступники и не свое место занимают¹.

По утверждению Эскандера, если своевременного человека не остановить, то он в своей безответственности со временем станет неуправляемым, **дьявол его оседляет и превратит в грешника** в поисках новых грехов ему на утеху².

К образу грешника как коня, оседланного дьяволом, обращался также и Эриугена³. В изобразительном искусстве **преступник нередко изображался как конь со всадником в облики сатаны**. Если же человек, считал Эскандер, не позволит этого, то честь и хвала ему, однако не за то, что ответственности избежал, а за то, что, приняв ее как свою собственную, в душу проникнуть дьяволу не дал и уничтожить душу не позволил, и отчаяния не подвергся, когда изверги его обессиливали. А не занапастив жизнь свою, сохранил ее как для Бога, так и для людей.

Эриугена утверждал, что чувство ответственности дается человеку не от рождения, а рождается в страданиях жизни. От ответственности, считал он, человек убежать не может, поскольку она есть его судьбой, частью, которую невозможно отнять, так же, как и руку невозможно отрезать, не нанеся вреда всему телу. Отбыв наказание, утверждал он, человек освобождается не от ответственности, а от греха своего, потому, что ответственность с ним останется как предостережение. Ответственность человека, считал Эриугена, есть не такой важной для выполнения наказания, как для уничтожения дьявольских замыслов; против них необходимо свести стены, способные противостоять целому войску, которое погибнуть может, а душу уничтожить невозможно будет, если будет находиться она в недостигаемой твердыне и будет укрепляться ответственностью как броней.

Пелагий понимал ответственность как такую, что является обязанностью человека отвечать за свои поступки с ощущением признательности к Богу за предоставленную возможность избавиться от своих недостатков. Пелагий считал, что человек, прежде всего, ответствен перед Богом, а потом уже перед собой, а от себя ему не убежать, так же, как и от Господа не спрятаться. Он не желал обращаться к проблемам наказания потому, что считал, что это не в компетенции теолога, однако считал, что ответственность освобождает человека не от страданий, а от более трудных грехов.

Иоан Пустынник утверждал, что способность человека отвечать за свои поступки – это благо, дарованное небесами, позволяющее ему осмысливать свои поступки, помогает стать лучшим и покаяться. Ответственность перед людьми, считал он, – это осознание обязанности отве-

¹ Григорий Неокесарийский: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://predanie.ru/lib/book/read/67524/>

² Эскандер: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.azlib.ru/e/escander/1_01.html

³ Эриугена. Книга о божественном предопределении // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / сост. П.С. Гуревич. – М.: Политиздат, 1991. – С. 164–169.

тить за свои поступки не только перед Богом, но и перед людьми и воспринять их осуждение с духовным смирением, имея обязанность не повторять ошибок.

Дамаскин также понимал ответственность как самую важную из человеческих качеств, полагая, что человек, прежде всего, ответственный перед Богом, а потом уже перед людьми. Философ считал это не рожденной способностью, а данной Богом для спасения человека, обязанного, заботясь о своей душе и днем и ночью, быть готовым испытать ответственность не только за каждый день своей жизни, но и за каждый его миг. Дамаскин беспокоился по поводу того, что люди недостаточно уважают закон. Он призывал к ответственности человека перед земной властью как такой, что является наместником Бога на земле и перед законом как выразителем Его воли. Философ не сомневался в том, что невозможно избежать ответственности ни в мире земном, ни в мире небесном. Поскольку суд земной подчинен суду небесному, то его необходимо уважать и помнить, что именно он соизмеряет желание со способностью к общежитию, упорядочивая последнее с целью предотвращения несчастий и бед и наставления человека на путь истины. Суд Божий, утверждал Дамаскин, стоит и над судьями, которые, будучи призваны направлять людей на путь истины, вместо того жадными глазами заглядывают в их души с намерениями не на их исправление, а на гибель. Таким судьям, убежден он, не будет прощения и страданий они значительно больших испытают, чем их подсудимые. Людям, считал Дамаскин, не чужих деяний надо бояться, а своих, поскольку отвечать они будут не за чужие, а за свои деяния. Хотя и мысль грешная наказывается, однако лишь судом Господа, а не земным, поскольку не могут люди знать ни мыслей другого, ни того, способны ли они навредить и не смогут ли измениться таким образом, чтобы бы стать заслугой, а не грехом.

Дамаскин утверждал, что неосознанно человек не может нести ответственность за свои поступки, вместо того должен понять и осознать не только то, за что отвечает, а и то, что, не испытав ответственности, не оздоровит ни тела своего, ни души.

В этот период уже отошли на маргинес представления относительно родовой ответственности. Они оставались лишь в мифах и сказаниях (например, о Кроне, за преступление которого были наказаны потомки), Танталидов (согласно сказаниям, за поступок Тантала пострадали его сыновья и внуки), Кадмидов (за преступление Кадма отвечали его сыновья, внуки и правнуки), Алкмеонидов, Лабдакидов (за преступление Лая «расплатились» его сын Эдип, внуки Этеокл и Полиник, правнуки Лаодамант и Ферсандр, невестка Йокаста и т.п.).

Однако в то время, как античные источники лишь опосредственно выполняли функцию предотвращения совершения человеком преступлений — ведь о том, что имеет место именно родительная ответственность, становилось известно лишь в том случае, если этот секрет раскрывала

пророчица (вспомним, что когда Крез пожаловался Пифии на свои страдания, то она ответила, что в пятом поколении он расплачивается за преступление своего предка Гигеса), то во время Средневековья уже речь шла о том, что потомки будут нести ответственность за своих пращуров в седьмом или девятом поколениях.

Древнерусский мыслитель Илларион полагал, что человек, прежде всего ответственный перед Богом за свои поступки, но эта ответственность порождается не страхом, а любовью к Богу. В то время как, согласно Старому Завету, утверждал философ, ответственность основывается на страхе, то в Новом Завете она зиждется на любви и свободном послухе, означающим добровольное соблюдение Божьих заповедей и принятия без принуждения осуждения и страданий за нарушения Божьих заповедей и санкционированного Богом человеческого закона. Учитывая высказанные этим философом соображения, выдающийся специалист по уголовному праву XIX века А. Ф. Кистяковский утверждал, что на учение Христа принадлежало бы указать как на такое, что впервые провозгласило иные принципы уголовного права. Если бы, полагал А. Ф. Кистяковский, постулаты Христа испытали последовательное развитие, то могли бы заложить крепкую почву для другой науки уголовного права, поскольку в Новом завете речь шла об идеале Бога, отца людей, стремящегося не к смерти грешника, а к его исправлению. Однако взгляд Христа на преступника, констатировал А. Ф. Кистяковский, был заменен более пригодным для Средневековья мировоззрением Моисея¹.

Византийская система наказаний, не вписываясь полной мерой в христианские принципы Нового завета, не отвечала убеждением мыслителей Киевской Руси. По этому поводу вспомним Владимира Великого, который, введя смертную кару, со временем ее отменил, поскольку был убежден, что не имеет права распоряжаться чужой жизнью.

Новозаветная ориентация отражалась и на общественном сознании. Как справедливо отметила Н. Ю. Мельничук, в этом частично содержится ответ на вопрос относительно того, почему украинское обычное право, сориентированное в своем развитии на отказ от смертной казни, в конечном результате оказывалось социально более эффективным, чем насаждаемое на определенных украинских территориях немецкое или магдебургское право, учитывая широчайший спектр применения смертной казни, на первый взгляд, должно было бы обеспечивать надлежащую правовую дисциплину. Гуманное украинское обычное право оказалось более результативным, чем право, основывающееся на запугивании².

¹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением Начал Русского Уголовного Законодательства: Часть общая. Ч. 1. – изд. второе, испр. и дополн. – К.: Тип. И. и. А. Давиденко, 1882. – С. 72.

² Наталія Мельничук. Світоглядні чинники духовно-правничих колізій в контексті звичаєвого права // Науковий вісник Львівського юридичного інституту. – 2004. – № 2 (1). – С. 194–200.

Ответственность человека по украинскому обычному праву, прежде всего, связывалась с осознанием вины и искуплением, о чем свидетельствуют соответствующие архивные материалы¹. Эти представления были связаны с мировоззренческими представлениями давних славян².

Так, в контексте украинского народного мироощущения убийство выступало как поступок, вследствие чего земля может потерять способность давать урожай – в мировоззренческом измерении ответственность вытекала из установок, связанных с культом Земли, исходя из которого, согласно народным представлениям, она могла потерять способность давать урожай. Затем культ земли осуществлял значительное влияние на формирование представлений относительно ответственности, в древние времена воспринимавшейся таковой, что касается всех членов общины, независимо от того, кто из них совершил преступление. Такие представления определенной мерой предотвращали совершение преступлений – ведь человек верил, что за его поступок будет расплачиваться не только он, а и его род и община. Именно эти мысли встречаем у Иллариона, отметившего, что законы действуют, опираясь на народное мировоззрение. Однако во время Средневековья, когда языческие представления уступили христианским, акцент сместился – ответственность уже начала трактоваться сквозь призму христианства, в контексте проблематики взаимоотношений Бога и христиан.

Рассматривая ответственность человека в контексте проблематики права наказания, Т. Гоббс, как один из ярчайших философов Нового времени, утверждал, что тогда как в доисторическое время люди владели правом совершать убийство и причинять вред безнаказанно, с появлением государства они добровольно отказались от этого права и передали его суверену, чтобы тот его использовал по своему усмотрению, расширяя тем самым возможность суверена применять собственное право с целью защиты тех, кто в вышеуказанном понимании отказался от своего права. Тогда как Платон утверждал, что в естественном бытии нет ответственности, поскольку она порождается по состоянию культуры, и естественное состояние он соотносил с господством блаженства, мира и покоя, когда люди несли ответственность лишь перед богами, обеспечивающими их всем необходимым для жизни, на смену которому пришло управление в форме государства, где наряду с ответственностью перед богами появилась ответственность перед мудрым правителем, Т. Гоббс трактовал это состояние как представляющее собой войну всех против всех, поскольку

¹ Архів Інституту народознавства НАН України. – Ф. И., оп. 2, спр. 360.

² Нечуй-Левицький І.С. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології. – К.: АТ «Обереги», 1992. – 86 с.; Іларіон. Дохристиянські вірування українського народу. – К.: АТ «Обереги», 1991. – 424 с.; Наталія Мельничук. Світоглядні чинники духовно-правничих колізій в контексті звичаєвого права. – С. 194–200; Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу (опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов): в 3 т. – М., 1865. – 222 с.

при отсутствии закона преступление прекращает свое существование из-за того, что действует естественный закон¹.

Так же, как и у Т. Гоббса, у Дж. Локка естественное состояние – это состояние наиполнейшей свободы, состояние, в котором, не спрашивая никакого разрешения и не завися не от чьей-либо воли, люди могут делать то, что им нравится, и распоряжаться всем, что имеют, чтобы держаться в пределах законов природы². В этой связи Б. Спиноза писал о том, что в естественном состоянии руководящим есть импульс желания, а следовательно, по праву природы человеку разрешено любым способом достичь желаемого, считая его полезным для себя³.

Высказывания Т. Гоббса относительно того, что там, где нет закона, не может быть несправедливым ни убийство, ни что-либо другое⁴, Дж. Локка относительно отсутствия ответственности в естественном состоянии и Б. Спинозы относительно того, что преступным деяние может быть признано лишь в условиях общественного сожителства, дают основания считать, что ведущие философы Нового времени утверждали, что при отсутствии закона не может быть и речи о социальной ответственности.

Во времена Просвещения эту позицию поддержал юрист и философ А. П. Куницын, акцентируя на том, что в естественном состоянии человек руководствуется естественной свободой, а потому ему разрешается делать все, от чего он получает удовлетворение⁵.

В рамках теории общественного договора к теме ответственности человека обращался Ж.-Ж. Руссо, понимая политический организм как соглашение между народом и правителями, предусматривающее взаимную ответственность государства и граждан⁶.

Ч. Беккариа, развивая мысль Сократа относительно ответственности как таковой, что является средством воздержания души человека от зла, акцентировал на необходимости воспрепятствовать преступнику вновь нанести ущерб обществу, а затем делал ударение на потребности прибегать к таким наказаниям, которые бы сильно влияя на душу, были бы наименее болезненными для тела⁷.

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 1964. – С. 324–326. – (Избр. сочиния: в 2 т.; т. 2).

² Мадіссон В. Основи філософії приватного права. – К.: Школа, 2004. – С. 27.

³ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избр. произв.: в 2 т.; [пер. с лат.]. – М. – Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1951. – С. 204.

⁴ Гоббс Т. О свободе и необходимости. – М.: Мысль, 1964. – С. 537. – (Избр. произв.: в 2 т.; т. 1).

⁵ Куницын А.П. Изображение взаимной связи государственных сведений; под ред. И.Я. Щипанова. – М.: Мысль, 1966. – С. 182–184. – (Собр. произв.: в 2 т.; т. 2).

⁶ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – С. 129; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – С. 207–212.

⁷ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. пер. с итал. М.М. Исаева. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 103–109.

Ш.-Л. Монтескье, обращаясь к теме ответственности человека, подчеркивал, что прежде всего преступников необходимо *лишать выгод, связанных с моральными добродетелями*¹. Он настаивал на индивидуальной ответственности человека, в частности делал ударение на том, что дети не должны отвечать за преступления своих родителей².

В этом контексте К.-А. Гельвеций говорил о естественной склонности людей к посягательствам на чужие права, а затем делал ударение на необходимости отыскания средств, с помощью которых можно было бы согласовывать индивидуальные интересы с интересами других людей³.

И. Кант подчеркивал, что «Человек ответственен за человечество в своем лице»⁴. Сформулированный философом *категорический императив* звучит следующим образом: «поступай лишь по этой норме, которую хочешь видеть универсальным императивом – нормой для всех людей и также для себя. Поступай так, чтобы ты всегда мог относиться к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству». В своих трудах «Основы метафизики нравственности» и «Критика практического разума» он сформулировал свой категорический императив таким образом: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом... поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице каждого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству... поступай так, что бы максима твоей воли всегда могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства»⁵. *Всеобщий правовой закон*, заключив он в «Метафизике нравов», гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной с всеобщим законом⁶.

Понимание ответственности человека Л. Фейербахом, в контексте антропологического материализма, основывалось на толковании воли как таковой, которая может быть волей лишь конкретного лица⁷. Человек, утверждал Л. Фейербах, чувствует себя ответственным только за то, за что

¹ Монтескье Ш.-Л. О духе законов // Избранные произведения. – М.: Изд-во политической литературы, 1955. – С. 319–320.

² Монтескье Ш.-Л. О духе законов. – С. 240–241.

³ Гельвеций Клод Адриан. Об уме. – М.: Мысль, 1973. – (Сочинения: в 2 т.; т. 2). – С. 445–446.

⁴ Кант И. Сочинения: в 6 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1965. – С. 478.

⁵ Кант Иммануил. Сочинения в шести томах. Том 4, часть 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 260–261, 270, 347.

⁶ Кант И. Метафизика нравов // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 3. Европа, Америка XVII–XX вв. – С. 309–310.

⁷ Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли // Сочинения: в 3 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1995. – С. 348.

его делают ответственным другие люди, по крайней мере, поскольку они в своем уме, т.е. за то, что он делает, а не за то, чем он является. Конечно, тот, кто убил, есть убийца, но это языковое бытие не исчерпывает моего действительного бытия, ибо оно является выражением лишь данного моего поступка¹.

Л. Фейербах понимал человека как основу, начало государства и права. Все спекулятивные раздумья о праве, о воле, о свободе, о лице вне человека, вне его или даже над ним, – писал он, – все это раздумья без единства, без необходимости, без субстанции, без основы, без реальности. Человек является бытием свободы, бытием лица, бытием права².

Приведенные утверждения Л. Фейербаха основываются на его философской концепции о счастье и воле. Под волей философ понимает личностное устремление человека к счастью, рассматривая его как такое, что лежит в основе всех его поступков. Разумный, справедливый закон является ничем иным, утверждает Л. Фейербах, как таким устремлением человека к счастью, которое согласовывается с устремлением к счастью других людей. Мое право, подчеркивает он, это мое устремление к счастью, признанное законом; моя обязанность – это устремление к счастью другого человека. «Я хочу», – говорит мое устремление к счастью; «ты должен», – заявляет устремление другого к счастью, независимо от того, осуществляется ли заявление этим человеком персонально или по его поучению. Приведенное положение Л. Фейербах выводит из собственной философской концепции относительно связи «Я и Ты», которую он отождествляет со связью самозаконодательства и законодательства. В этом контексте философ трактует ответственность как признание права другого на его стремление к счастью и приходит к выводу, что человек неотвратимо испытает ответственность за несправедливость, которую он наносит другим. На этом фоне Л. Фейербах усматривает проблему **«согласования воли относительно себя» и «воли относительно других»**, то есть личного устремления к счастью с устремлением к счастью других людей³.

Во времена Просвещения в контексте проблемы свободы выбора, Г. С. Сковорода, утверждая, что источником человеческого закона является закон Божий, делал ударение на ответственности человека при наличии возможности выбора между добром и злом, правдой и обманом⁴. Наряду с этим, Г. Конисский разумел ответственность не как решающую

¹ Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли. – С. 360–362.

² Фейербах Л. Сущность христианства // Сочинения: в 3 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1995. – С. 86.

³ Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли. – С. 336–340.

⁴ Сковорода Г. Разговор пяти путников о истинном щастии в жизни [Разговор дружеский о душевном мире] // Григорій Сковорода: твори: в 2 т. / упор. И. А. Табачников. – К.: Вид-во АН УРСР, 1961. – Т. 1. – С. 14; 18; 207–248.

черту, которая влияет на выбор добра или зла, а как такую, что вытекает из возможности человека осуществлять выбор в процессе достижения цели¹.

Таким образом, диалектический подход к понятию ответственности человека в философско-правовом измерении дает основания утверждать, что первоначальные, древнейшие представления относительно ответственности человека основывались на мировоззренческих началах, согласно которым ответственность воспринималась как такая, что передается из поколения в поколение, касается всех членов рода («родовая ответственность»), а также членов общины, жителей города и т.п. (коллективная ответственность). Таким образом, в мировоззренческом понимании в контексте представлений, связанных с культом земли, речь шла о коллективной ответственности за совершенное лицом преступление.

С появлением философии, как уже отмечалось, понимание ответственности человека приобретает личностно-коммуникативное измерение. В Античное время четко выделяется позиция относительно индивидуальной ответственности человека. В частности, речь идет о его ответственности за собственные поступки с акцентуацией на ответственности гражданина перед государством и государства перед гражданином.

Во времена Средневековья разумение ответственности человека рассматривалось и сквозь призму теоцентризма. Это – ответственность человека за нарушения Божьих заповедей и человеческих законов, санкционированных Богом. В теологическом трактовании ответственности человека как христианина, на передний план выведена вера, надежда и любовь, согласованные через призму представлений о чистоте души, милосердии, добродетели, добродетели. Если в философии средневековья идея ответственности человека рассматривалась в контексте наивысшей Божьей справедливости по отношению к греховности человека, то свобода могла быть только в отношении любви к Богу, проявляющейся в гипертрофированной ответственности перед ним вплоть до игнорирования человеком самого себя. Утверждался примат естественного права, ибо над этим стоит сам Бог. Вся иерархическая система власти, включая и короля, должна подчиняться этому праву. Однако это право не может быть реализовано без светского законодательства. Вместе с тем, зарождается разумение нетождественности закона и права, формируется переход от сверхъестественного, божественного понимания сущности права к естественному его объяснению в антропологическом плане в связи со свободой воли и разумом человека, гражданской справедливостью, реализуемой через верховенство закона. Возникает и развивается религиозная идея личной ответственности человека за содеянное зло. Содержание

¹ Кониський Г. Філософія надприродна, або метафізика // Філософські твори: у 2 т. / [редкол.: І.С. Захара та ін.]. – К.: Наукова думка, 1990. – Т. 2. – С. 424–428; Кониський Г. Загальна філософія. Моральна філософія або етика // Філософські твори: у 2 т. / [редкол.: М.М. Верников та ін.]. – К.: Наукова думка, 1990. – Т. 1. – С. 423.

свободы воли человека связывалось не с подчинением необходимости, а с детерминацией поведения человека, его совестью и разумным чувством ответственности.

В общих чертах идеи ответственности человека как христианина в философии средневековья можно представить в такой логической последовательности:

а) маргинасом развития средневековой философии был теоцентризм, проявлявший патологическую нетерпимость к ереси. Окружающая действительность однозначно признавалась творением, промыслом Божиим;

б) исходным постулатом средневековой философии стало убеждение об открытости истины в откровении Святого писания. Человек, как истинный христианин, рожденный в истине, обязан постичь истину не ради себя, а ради самой истины – Бога. В силу этого он должен быть ответственным;

в) в тесной связи с содержанием воплощенного Слова состояла идея субъективности. Относительно разумения воплощение идеи Слова, зрение и слух рассматривались как наиважнейшие органы ощущения. Знания, как умопостигаемость, позиционировались условием ответственности человека;

г) безапелляционно считалось, что Богу принадлежит общепризнанное знание. На человеческом уровне функцию необходимого знания должна исполнять этика, имеющая своей целью установление ответственности человека во имя реализации идеи спасения;

д) преобладал личностный подход к трактованию ответственности человека. Человек как личность обладает свободой воли, содержание которой подчинено не необходимости, а детерминировано его разумом и совестью, чувством ответственности. Отсюда – особенностью понимания идеи свободы воли человека в эту эпоху стала моральная реабилитация человека. Обосновывалась его суверенность как морального субъекта, утверждалось право на удовлетворение его жизненных потребностей.

В эпоху Возрождения и Реформации акцентируется на необходимости согласования ответственности человека с его свободой воли, разумом, взаимной ответственности государства и граждан и ответственности, основанием которой является нарушение закона, а почвой – право собственного выбора, основанное на необходимости. В гуманистической философии делается ударение на индивидуальной ответственности человека за нарушения закона и его ответственности в контексте проблематики согласования свободы каждого со свободой всех, личностного устремления к счастью с устремлением к счастью других людей. Развивается концепт понимания социально-коммуникативной (интерсубъективной) природы ответственности человека. В период Возрождения возникает и развивается гуманистическое направление в юриспруденции. Рецепция римского права происходит на почве национального права с учетом новых условий общественно-политической жизни. Концентрация внимания ученых на

доминирующей роли позитивного права не привела к отрицанию естественного права. Осуществляется постепенный переход от теолого-корпоративного к доктринальному пониманию права, формированию правосознания.

Развивается положение об ответственности человека, о необходимости формирования ответственного, добродетельного человека методами просвещения. Философы эпохи Возрождения и Реформации осуществили поворот к античному культурному наследию и на его основании формировали научное мышление в сторону рациоцентризма, гуманизма и антропоцентризма. Естественно, что этому послужили так же имеющиеся в этом плане определенные достижения теоцентризма. При этом важнейшей идеей Реформации стало отрицание посреднической роли церкви между человеком и Богом и обоснование личной ответственности человека перед Богом. В какой-то мере это позволило согласовать религиозное мировоззрение с гуманизмом эпохи Возрождения.

Философско-правовые концепты античности, средневековья, эпохи Возрождения и Реформации относительно ответственности человека получили свое дальнейшее развитие, применительно к новым общественно-политическим условиям жизни людей, в эпоху Нового времени и Просвещения, что послужило маргиналом для последующих поколений философов, в том числе и для современных. Доминирующей в научных исследованиях стала диалектика: свободы и необходимости; свободы и принуждения; свободы, равенства и права; права, свободы совести и разума; свободы, права и достоинства человека; прав человека, свободы и ответственности; коммутативной (интерсубъективной) природы ответственности; верховенства права, прав человека и ответственности.

Важное методологическое значение имеет уяснение этимологического значения категории «ответственность». Термин «ответственность» происходит от латинского «respondere» (отвечать). Русское слово «ответственность», немецкое «Verantwortlichkeit», французское «responsabilite», английское «responsibility» по смыслу означают «отвечать», «отчитываться», «быть привлеченным к ответу»¹.

Первенство использования понятия «ответственности» в науке принадлежит Томасу Гоббсу. Рассматривая «ответственность» как абстрактную категорию, он толковал ее как ответственность граждан за деяния государства. Известный философ, в частности, считал, что «... для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя *ответ-*

¹ Швець О.В. Відповідальність як соціальне явище: теоретико-правові засади // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. – 2012. – Вип. 1. – С. 89.

ственным за это; ... государство есть единое лицо, **ответственным** за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей...»¹. Как утверждает А. И. Галаган, впервые, в сугубо негативном значении, понятие «ответственность» применил Джон Стюарт Милль². Правда, А. В. Кувшинова и Д. С. Литвинова полагают, что слово «ответственность» было введено в научный оборот в 1855 году А. Бейном в его книге «Эмоции и воля»³.

В современных научных источниках, в наиболее общем, концентрированном разумении, этимология понятия «ответственность» отображена в имеющихся лингвистических справочных источниках. В соответствии со словарем В. И. Даля, ответственность – это «обязанность отвечать за что-то, повинность ручаться за что-то, обязанность отчитываться о чем-то»⁴.

В словаре Д. Н. Ушакова указано, что ответственность имеет два значения: 1) положение, при котором лицо, выполняющее какую-нибудь работу, обязано дать полный отчет о своих деяниях и принять на себя вину за возможные последствия, которые могут наступить при выполнении порученного дела; 2) выполнение обязанностей, обязательств⁵. Другой словарь трактует «ответственность» трояко: 1) необходимость, обязанность дать отчет о своих деяниях, отвечать за их последствия; 2) наделенный правами и обязанностями в осуществлении какой-нибудь деятельности; 3) человек с высокоразвитым осознанием общественной обязанности, проникнутый таким осознанием⁶.

Словарь русского языка С. И. Ожегова слово «ответственность» толкует так: 1) несущий ответственность; 2) облеченный правами и обязанностями в осуществлении деятельности, в руководстве делами⁷.

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 3. Европа, Америка XVII-XX вв. – М.: Мысль, 1999. – С. 42.

² Галаган А.И. Право, свобода и социальная ответственность личности // Право и борьба идей в современном мире. – М., 1980. – С. 112.

³ Кувшинова А.В., Литвинова Д.С. Формування відповідальності як основа морального виховання [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// oaji.net/articles/690-1396510687.pdf](http://oaji.net/articles/690-1396510687.pdf)

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Мысль, 1985. – Ч. 2. – С. 1292–1293.

⁵ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 2. – С. 523.

⁶ Лопаткин В.В., Лопаткина А.Е. Малый толковый словарь русского языка. – М.: Русские словари, 1993. – С. 339.

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Изд-во «Язь», 1992. – С. 481.

В большинстве других российских словарей изложено понимание ответственности как обязанности отвечать и за свои прошлые поступки, и за будущие¹.

Согласно французскому словарю П. Робера, «ответственность» обозначает: 1) обязанность для министров оставлять власть, когда законодательный корпус отстраняет их; 2) обязанность возместить вред, причиненный по вине лица или в случаях, определенных законом; 3) моральная или интеллектуальная обязанность искупить вину, исполнить свой долг, обязанность, договор².

Большой толковый словарь современного украинского языка подает два разумения ответственности: 1) положенная на кого-то или взятая на себя обязанность отвечать за определенный участок работы, дело, за чьи-то деяния, поступки, слова; 2) серьезность, важность дела, момента и т.п.³.

Схожими есть подходы к разумению понятия «ответственность» и в других научных источниках. Так, в энциклопедическом социологическом словаре раскрывается такое содержание этого термина: 1) синоним обязанности что-нибудь сделать; 2) последствия нарушения обязанности; 3) принятие или возложение определенных обязательств, выдвижение на этой основе требований к соответствующему лицу, группе, организации последующим применением санкций в случае невыполнения указанных требований. Социальная ответственность человека – это элемент взаимодействия между индивидом и обществом и т.п.⁴.

В словаре украинского языка под редакцией Б. Д. Гринченко «ответственность» осмысливается в двух ракурсах. Такой лингво-исторический подход обусловлен двойственным содержанием термина, обозначающим два аспекта этого понятия: 1) отвечать, ответить; 2) отвечать, быть ответственным⁵. **Первый аспект:** осмысление ответственности основывается на ее понимании как такой, что означает – «отвечать чему-то, быть соответствующим чему-то». В указанных параметрах акцент осуществляется на прилагательном «ответственный», обозначающем одну из моральных качеств человека. В этом понимании речь идет о лице, осознающем собственную ответственность перед семьей, коллективом и т.п., и, будучи в своих установках соответствующей требованиям морали, с которыми коррелируют определенные требования семьи, коллектива и т.д., реализует это свое осознание в практической сфере, которая дает основания характеризовать его как ответственного человека. В контексте такого разумения

¹ Словарь русского языка. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. – С. 419.

² Rober P. Dictionnaire alphabetique francase. – Paris, 1980. – Т. 4. – Р. 430.

³ Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун». 2009. – С. 177.

⁴ Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – С. 437.

⁵ Словник української мови / упор. Борис Грінченко. В чотирьох томах. Т. 1. – К.: Наукова думка, 1996. – С. 223–224.

понятия ответственности, «социальная ответственность» осмысливается как личностное моральное качество, реализующееся в поведении человека и отвечающее общественным ожиданиям. Указанная акцентуация большей частью функционирует в научных работах по педагогике, посвященных воспитанию социальной ответственности личности.

В историко-философской вертикали эта парадигма достигает своими корнями антропоцентрической этики Сократа, находит продолжение в социоцентрической «этике ответственности» М. Вебера, а позднее – в педагогических работах А. С. Макаренко, В. И. Сперанского и их последователей.

В параметрах такого разумения социальной ответственности человека разговор о ее основаниях теряет всякий смысл. **Второй аспект:** осмысление социальной ответственности человека основывается на понимании «ответственности» как такой, что означает – «отвечать (за что-то)». Этот акцент превалирует в работах по философии права, социологии, психологии, экономике, политологии. Однако, вопреки определенному дистанцированию от изложенного выше прилагательного семантики «ответственности», связь между двумя значениями сохраняется.

В современной социальной философии проблема социальной ответственности человека – одна из наиболее актуальных. Ее рассматривают как одно из самых важных средств социализации индивида, которую в основном связывают с его способностью быть ответственным за все, что происходит в действительности вообще и в социуме его обитания в частности.

Глубокое и всеобъемлющее разумение ответственности человека в ее философско-теоретическом аспекте позволяет более продуктивно исследовать проблемы юридической ответственности вообще и уголовно-правовой ответственности в частности.

В современных философских научных источниках подходы к разумению ответственности человека в целом схожи, когда речь идет о наиболее важных ее сущностных чертах. Так, в философском словаре утверждает-ся, что ответственность – категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу (человечеству в целом), которое характеризуется исполнением своего нравственного долга и правовых норм. Категория «ответственность» охватывает философско-социологическую проблему соотношения способности и возможности человека выступать в качестве субъекта (автором) своих действий, и более конкретные вопросы: способность человека сознательно (намеренно, добровольно) выполнять определенные требования и осуществлять стоящие перед ним задачи; совершать правильный моральный выбор; достигать определенного результата, а также связанные с этим вопросы правоты или виновности человека, возможности одобрения или осуждения его поступков, вознаграждения или наказания¹. В таком

¹ Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1981. – С. 267.

контексте уровень внутренней самодисциплины, наконец, культуры конкретного человека – это поле (маргинес) для реализации его свободы и ответственности. Конечно, свободу можно понимать как поле (маргинес) для жизни по желаниям в допустимых обществом пределах. То есть, речь идет о выборе между позитивными и негативными последствиями своей деятельности, между справедливостью и несправедливостью, нравственностью и аморальностью, добром и злом и т.п. Это означает, что человек, реализовывая себя как личность, должен подпадать под ответственность за осуществленный выбор.

В общих чертах в философии категория «ответственность» понимается как внутренняя свобода человека, как один из решающих элементов структуры личности, определяющим степень свободы и основное направление поведения человека. И если свобода представляет собой возможность или способность «принимать решение со знанием дела» или поступать со знанием дела, то ответственность – это **необходимость** (диктуемая объективными условиями, законами, формирующими ту или иную ситуацию) или же **обязанность** принятия таких решений, в которых одновременно выражались бы и цели, интересы людей, их социумов, поскольку всякой деятельностью управляют не только объективные законы, но и ценности, идеалы, нормы, идеология, мировоззрение, опосредованно и суммарно выражающие реальные интересы людей¹.

В условиях глобализации, считает Ганс Йонас, на смену «человеку разумному» должен прийти «человек ответственный»². Дж. Лэдд трактует ответственность как основное свойство сущности бытия человека, ведь люди – это лица, способные осознавать собственные поступки и нести ответственность за их последствия³. То есть, ответственность, в разумении философа, – это аксиологически обусловленный стержень деятельности человека и его фактическая социальная позиция, отображенная через призму личностного отношения человека к обществу, государству, миру и т.п. Ответственность в таком случае выражает глубинный смысл человеческой деятельности. Как справедливо по этому поводу отмечал Ж.-П. Сартр, существовать – это брать на себя свое бытие и всегда быть ответственным за него⁴.

Ответственность, заметил В. П. Тугаринов, – это способность человека предусматривать последствия своей деятельности и определять ее, исходя из того, какую пользу или вред она может причинить обществу. Ответственность является моральным признаком практического применения разума⁵.

¹ Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. – М.: Политиздат, 1969. – С. 63, 65.

² Белова О.М. Социальная ответственность как один из аспектов формирования личности // Вестник Оренбург. ун-та. – 2005. – № 7. – С. 40.

³ Ladd J. The Ethics of Participation // Participation in Politics. – New York, 1975. – P. 109.

⁴ Сартр Ж.-П. Стена: Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1992. – С. 381.

⁵ Тугаринов В.П. Личность и общество. – М.: Политиздат, 1985. – С. 2.

О. М. Белова определяет понятие «ответственность» в двух значениях: а) с позиции юридической науки – ответственность – это отношения к власти; б) с позиции философской науки – ответственность рассматривается через призму этических категорий – мораль (нравственность), долг, добро и зло, свобода¹.

Более широко определяет социальную ответственность человека В. Я. Тацій: «Социальная ответственность – это способность видеть и оценивать деятельность социальных субъектов с позиции интересов своего народа, социального прогресса, дает она пользу или наносит ущерб благополучию народа, предусматривать последствия тех или иных деяний социальных субъектов, сопоставлять их деяния с господствующими в обществе и общепризнанными ценностями, которые выстраданы многочисленными поколениями народов мира, сопоставлять общие социальные потребности социальных групп, элиты с реальными возможностями общества, сообществ, и т.п.»².

Многие современные философы, в той или иной степени, акцентируют внимание на коммутативной природе социальной ответственности. Так, И. Г. Савченко, понимает социальную ответственность как форму регуляции социального поведения, имеющего двойственный характер и означающее добросовестное, ответственное отношение человека, должностного лица, органа государственной власти к своей деятельности (поведения). В случае нарушения ими прав и законных интересов другой стороны, невыполнение своих обязанностей и социальной роли относительно другой стороны, для них наступают определенные негативные последствия. Социальная ответственность человека как философская и государственно-правовая категория отражает ценностно-правовой аспект общественного отношения. Актуализируя идеи социального государства, исследователь переакцентирует свое внимание из социальной ответственности человека перед обществом и государством на социальную ответственность государства перед обществом и человеком³.

В доктрине высказано множество концептов по поводу соотношения «государство – человек». Проанализировав их Д. С. Комарницкий обобщил их к двум подходам: 1) индивидуалистический, личностный, гуманистический (природно-правовой). Его содержание – права принадлежат человеку от природы. Он имеет их независимо от государства. Эти его права неотъемлемы. Задача государства и общества состоит в том, чтобы

¹ Белова О.М. Социальная ответственность как один из аспектов формирования личности. – С. 40.

² Тацій В.Я. Вибрані статті, виступи, інтерв'ю / упор. О.В. Петришин, Ю.Г. Барабаш, В.И. Борисов; відпов. за вип. О.В. Петришин. – Х.: Право, 2010. – С. 732.

³ Савченко І.Г. Соціальна відповідальність органів державної влади в умовах розбудови соціальної держави: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. наук з держ. упр.: спец. 12.00.01 «Теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень». – Харків, 2007. – С. 12.

соблюдать эти права, не допускать их нарушения, создавать условия для их реализации. Конкретное содержание и объем прав изменяется и расширяется с развитием общества, сами же фундаментальные права остаются неизменными; 2) государственный, статический (юридико-позитивистский). Этот подход вытекает из понимания государства как цели, а человека – как средства достижения этой цели. Его содержание – человек получает свои права от общества и государства, природа этих прав патерналистическая; государство – источник и гарант прав человека благодаря закреплению их в законе; право и закон не имеют исторических отличий; права человека изменяются в зависимости от государственной целесообразности и возможности¹.

Первый приведенный выше подход нашли свое концептуальное упрочение в ч. 2 ст. 3 Конституции Украины, где зафиксировано, что права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направление деятельности государства. Государство отвечает перед человеком за свою деятельность. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является основной обязанностью государства.

К. Муздыбаев отмечает, что социальная ответственность отражает склонность личности придерживаться в своем поведении общепринятых в обществе социальных норм, исполнять ролевые обязанности и ее готовность дать отчет за свои действия. Категория «ответственность» рассматривается им с психологических позиций как одна из наиболее общих качеств человека, как результат интеграции всех его личных, психических функций и субъективного восприятия окружающего мира, оценки собственных, чувственных ресурсов, эмоционального отношения к обязанности и воли².

Т. О. Чепульченко рассматривает ответственность как форму взаимосвязи и взаимодействия общества и лица. Соответственно, социальная ответственность определяется как «подотчетность, как отношение лица к социальным требованиям, которая выражается в конкретных деяниях, как осмысленно-волевое отношение человека к предъявленным обществом требованиям и обязанность неуклонного их соблюдения, как соответствующая позитивная или негативная оценка деятельности человека со стороны общества»³.

¹ Комарницький Д.С. Удосконалення інституту юридичної відповідальності держави перед особою як дієва гарантія забезпечення прав і свобод людини // Часопис Київського університету права. – 2009. - № 3. – С. 61.

² Муздыбаев К. Психология ответственности / под ред. В.Е. Семенова. – Л.: Наука, 1983. – С. 42, 19.

³ Чепульченко Т.О. Соціальна відповідальність: поняття та сучасність // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право: Зб. наук. праць. – К.: ІВЦ «Політехніка», 2010. – № 1(5). – 142 с.: [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vkpi/Soc/2010_1/Chepylchenko.pdf

А. Черемнина акцентирует на том, что ответственность человека возникает в результате социальной необходимости согласования поведения человека с системой общественных отношений, как сфера пределов, рамок необходимого поведения человека, требований общества (или класса) к индивиду, как неотвратимость представлять отчет о своем поведении перед лицом или организацией, которые имеют право призвать к отчету. В этих координатах речь идет о внешней форме, негативном аспекте ответственности – подотчетность, необходимость отвечать, вменение в вину, наказание; и внутреннюю форму, позитивный аспект ответственности как «понимание человеком своей связи с обществом», как «готовность принять социальный контроль и выполнить предъявленные обществом требования»¹.

О. Новикова, поднимая проблему социальной ответственности объектов и субъектов управления за состояние и перспективы человеческого и социального развития, акцентирует на необходимости внедрения механизма социальной ответственности государства. В частности, предлагается предоставить критерии и показатели, которые являются выражением эффективности социального управления, а их невыполнение определить как инструмент для применения социальной ответственности².

К. В. Басин, имея в качестве мировоззренческого ориентира права человека, также обращает внимание на социально-коммуникативную природу ответственности человека. Реализация любой социальной нормы осмысливается им как социальная ценность, а деяния, которые нарушают социально значимые правила, трактуются как такие, что разрывают социальную коммуникацию и вызывают негативную реакцию общества – социальную ответственность человека, которая проявляется в двух формах: **неправовой**, которая является следствием нарушения социальных норм, и **правовой**, что имеет активный характер, наступает вследствие нарушения правовых предписаний и предусматривает активное психическое воздействие на правонарушителя, в том числе и принудительное³.

В. А. Бачинин понимает ответственность как этико-правовую категорию, фиксирующую зависимость личности от социального окружения, общества, государства и обозначающую степень соответствия индивидуального поведения существующим нормативным образцам. В понятии ответственности человека присутствует содержание побудительно-принудительного субъективно-императивного характера, взывающее к морально-правовому сознанию и ориентирующее его носителя на соблюдение

¹ Малиновська В.М. Юридична відповідальність як різновид соціальної відповідальності: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vru.gov.ua /Docs/a150710.pdf>

² Новікова О. Соціальна відповідальність в контексті якості державного та регіонального управління // Публічне управління: теорія та практика. – № 3–4. – С. 78.

³ Басін К.В. Механізм реалізації юридичної відповідальності та права людини // Часопис Київського університету права. – 2003. – № 4. – С. 9.

социальных норм. Одновременно ответственность представляет собой субъективную форму, в которую облекается объединенное противоречие между личностью и общностью, устремленное своим императивным вектором в субъективное пространство индивидуального «я», инициирующее его активность и заставляющее вносить необходимые коррективы в социальное поведение. Для позитивного результата личность должна находиться на определенном уровне социальной и моральной зрелости, обладать необходимыми социальными качествами, дееспособностью и правоспособностью¹.

В философской литературе четко прослеживается приверженность многих авторов к концепту классификации социальной ответственности на позитивную (перспективную) и негативную (ретроспективную). Оригинальным в этой связи представляется подход к разумению понятия «социальная ответственность» В. И. Сперанского. Он рассматривает это понятие как общеметодологическое, охватывающее все формы и виды ответственности, характеризующие специфику социальных отношений в том или ином обществе. Ответственность человека выступает **регулятором общественных отношений**, предусматривающим обязательность учета и реализации в коллективной жизнедеятельности социально значимых принципов и норм. Понимаемая в этом плане ответственность человека связана со всеми формами общественного и индивидуального сознания и нацеливает отдельных людей, социальные группы на достижение общественных идеалов. Социальная ответственность человека как система подразделяется на две подсистемы отношений. В первой подсистеме ответственность человека носит **ретроспективный** характер, выступает как система социальной подотчетности и как санкция за действия, идущие вразрез с интересами общества. Во вторую подсистему входят взаимосвязи между людьми, коллективами, общностями, основанные на сознательном отношении к деятельности, совершаемой в соответствии с потребностями общества и отдельной личности. Эта сторона социальной ответственности базируется на внутренней регуляции поведения индивида, на относительно устойчивых правилах человеческого общежития, на моральных принципах, имеющих общечеловеческий характер². В этом случае очевидно речь идет о **позитивной** социальной ответственности. В другом случае В. И. Сперанский утверждает, что социальная ответственность объединяет две различные формы ответственности: общественную и личную. Первая из них представляет собой систему ответов общества (реакцию) на поведение личности, а вторая – это система ответов индивида, личности на требования общества³.

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 571.

² Сперанский В.И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 146–147.

³ Сперанский В.И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности

В структуре ответственности человека как общесоциальной и философской категории, пришла к выводу М. Б. Разгильдиева, четко выделяются три аспекта. **Первый** – ответственность человека выступает тем социальным требованием, которое общество адресует своим членам. Суть этого требования – необходимость и обязанность оценки субъектом собственных деяний и актов с точки зрения добра и зла, надлежащего и ненадлежащего и т.д. В этом аспекте его ответственность выступает в форме социальной нормы, которая формулирует данное требование и тем самым предусматривает возможность применения к нему санкции за ее несоблюдение. В таком случае ответственность выступает ограничением свободы индивида и действительно необходимым ее условием. Юридической формой этого аспекта ответственности выступают такие категории, как правосознание, правовая активность. А при выборе поведения юридически наказуемого именно этот аспект ответственности приобретает форму вины. **Второй аспект** социальной ответственности – ответственность как субъективная способность человека осуществлять оценку собственных актов поведения с точки зрения надлежащего и ненадлежащего, разрешенного и запрещенного, добра и зла, с позиции существующих и необходимых ограничений его индивидуальной свободы. Человека, не способного в виду физиологических, психологических или иных причин вырабатывать эту операцию мышления, невозможно назвать свободным, поскольку объем его свободы не совпадает с объемом свободы других членов общества. Он может быть свободным даже в большей мере, чем они, поскольку не ведает пределов собственной свободы, ее детерминации любыми ограничениями, но как социальный феномен такая свобода теряет свое значение. Поэтому в таком понимании ответственность является необходимой частью свободы, ее важным содержательным элементом. Этот аспект ответственности человека имеет юридическое выражение в такой категории, как вменяемость и обусловлена ею деликтоспособность лица, хотя понятно, что последняя не охватывает всего содержания этого аспекта ответственности (в части того, что принято называть ощущением ответственности, долга). **Третий аспект** ответственности человека – ответственность как реакция общества на сознательно выбранное субъектом поведение, его последствие. С давних времен замечено, что общество реагирует на поведение своих членов двояко: одобряет или осуждает его. Поэтому и ответственность в этом аспекте можно рассматривать в данных направлениях: как ответственность **позитивную** (одобрительное и поощрительное социально значимое поведение) и ответственность **негативную** (осуждение и наказание социально негативного поведения)¹.

формирования. – С. 15.

¹ Разгильдиева М.Б. Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 104–106.

Д. П. Горчаков обобщает два разумения понятия «ответственность»: **первое** – это «так называемая «ретроспективная» ответственность субъекта за совершенное раньше; **второе** – это «так называемая «перспективная» ответственность – чувство обязанности у субъекта относительно определенных деяний, определенного стандарта поведения в настоящем и будущем». О первой из них он пишет как об **объективной** ответственности – оценку обществом деяний индивида и реакцию на них, а о другой – как о **субъективной** ответственности – внутренние ощущения лица относительно своей обязанности и оценки его выполнения. При этом, считает ученый, субъективная ответственность может иметь как **перспективный**, так и **ретроспективный** характер¹.

В. Б. Исаков заметил, что в условиях социального регулирования, действия социальных норм с необходимостью функционирует институт социальной ответственности человека, целью которого является борьба с нарушением социальных норм, воздействие на социально-волевою деятельность лица для приведения его поведения в соответствие с социальными нормами².

Социальная ответственность по Д. А. Липинскому – это диалектическая взаимосвязь между человеком и обществом, которая характеризуется взаимными правами и обязанностями, относительно соблюдения и выполнения предписаний социальных норм, влекущая за собой одобрение, поощрение, а в случаях безответственного поведения, не отвечающего предписаниям социальных норм, – обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпение³.

Позднее Д. А. Липинский совместно с Р. Л. Хачатуровым констатировали, что под социальной ответственностью человека необходимо понимать **обязанность** по соблюдению субъектами общественных отношений требований социальных норм, реализующуюся в их правомерном поведении, а в случаях безответственного поведения, не отвечающего предписаниям этих норм и нарушающего общественный порядок, – претерпение виновным лишения личного или имущественного характера. В этом определении аккумулированы обе стороны ответственности человека – позитивная и негативная⁴.

В. М. Хомич также выделил два аспекта в разумении понятия социальной ответственности человека: **личностный** и **общественный**.

¹ Горчаков Д.П. Вивчення поняття політичної відповідальності у вітчизняній науці // Наукові записки. – Т. 45. Політичні науки. – 2005. – С. 4.

² Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 312.

³ Липинский Д.А. Формы реализации юридической ответственности. – Тольятти: Изд-во Волжского ун-та им. Татищева. – 1999. – С. 15.

⁴ Липинский Д.А.; Хачатуров Р.Ф. Юридическая ответственность (социально-философский аспект) // Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. – Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – С. 370–371.

По его мнению, ответственность человека представляет собой сложное общественное отношение, состоящее в осмысленно-волевом самоограничении лицом субъективной свободы согласно требованиям одобренной и поддержанной обществом необходимости (**позитивный, личностный аспект**), а также в общественном осуждении и связанному с ним воздействием на лицо, допустившее безответственность в осуществлении субъективной свободы (**негативный, внешний аспект**)¹.

По мнению Р. Г. Апресяна, ответственность человека – это отношения его зависимости от чего-то, что воспринимается им как определяющее основание для принятия решений и совершения деяний. Объектом ответственности могут быть другие люди, в том числе будущие поколения, сообщества, а также животные, окружающая среда, материальные и социальные ценности и т.п. В праве, по его мнению, объектом ответственности является закон. Ответственность, считает он, может быть обусловленная: а) умышленно (естественно или случайно) приобретенным человеком статусом (ответственность родителей, и т.п.); б) сознательно принятым человеком социальным статусом (ответственность должностного лица и т.п.) или заключенным соглашением (ответственность перед контрагентом, ответственность наемного работника и т.п.). Ответственность, которая обусловлена статусом, осознается человеком как призвание, а обусловленная соглашением – как обязанность. Она может быть двоякой: а) вызванной групповыми, корпоративными, служебными или любыми другими локальными обязанностями, которые приближают ее к разумению подотчетности; б) самостоятельно принятой лицом как личная и универсальная обязанность. В обоих случаях сохраняется ее измерение, фиксирующееся в модальности **«ответственность перед»**, в отличие от модальности **«ответственность за»**².

В ряде случаев ученые-философы рассматривают социальную ответственность человека как специфические общественные отношения. Так, Г. В. Атаманчук пишет, что в наиболее общем виде ответственность представляет собой отношения, которые обеспечивают интересы и волю взаимозависимых субъектов, гарантированные обществом и государством. Ответственность, по его мнению, формируется на основе последовательного взаимодействия трех основных составных частей: а) осознание обязанности; б) оценки поведения; в) наложение санкций за невыполнения или ненадлежащее выполнение обусловленных правил поведения субъектов³.

¹ Хомич В.М. Социальная ответственность и право // Право и демократия. – 1989. – № 2. – С. 26.

² Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – Т. IV. – С. 171–172.

³ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. – М.: Статут, 1997. – С. 302.

М. С. Строгович сформулировал разумение общего понятия ответственности как отношения человека к обществу и государству, к другим людям с точки зрения выполнения ими определенных социальных, политических, этических, юридических требований, осознания и правильного понимания гражданином своих обязанностей относительно общества, государства, других лиц¹.

Таким образом, социальную ответственность человека в общем ее измерении можно понимать и как определенное явление, существующее независимо от каких-либо субъективных факторов, представляющее собой проявление обязательного регулирования общественных отношений в рамках соответствия личного поведения между субъектами социальной коммуникации. Социальная ответственность человека в этом случае определяется корректированием и координированием процессов общей деятельности людей, вызывает приспособление личных интересов к общественным. Итак, при наличии межличностных отношений в обществе можно утверждать о факте ответственной взаимозависимости. То есть, потребность в упорядочении межличностных отношений в рамках нормативного поведения регламентирует основоположную сущность социальной ответственности. Здесь речь идет прежде всего о социальных нормах, содержащихся в правовых актах и ключевых принципах уставов общественных организаций, этикета общения и т.п.

Относительно сущности признаков понятия социальной ответственности имеющиеся в литературе точки зрения ученых также различны. Так, В. В. Мальцев утверждает, что социальная ответственность человека, по меньшей мере, характеризуется наличием таких признаков: 1) это социальное явление, обладающее конкретно-историчным содержанием; 2) это сознательное осуществление обязанности (долга) лица перед обществом; 3) его исполнение являются велением совести субъекта; 4) неисполнение долга предполагает ту или иную степень осуждения такого лица обществом (общественной группой, отдельными членами общества и т. д.)².

К примеру, А. В. Белов проследил такие характеристики социальной ответственности человека: а) она содержит инициативный характер; б) отдает предпочтение или общественному субъекту, или же индивидуальному субъекту, трактуемому, вероятно, в качестве представителя общества или социальной группы; в) отдает предпочтение компромисса между общественными интересами и целями, с одной стороны, и индивидуальными, профессиональными, этическими и т.д. устремлениями, с другой; г) поведение людей в контексте социальной ответственности определяется, большей частью, ожиданиями людей по отношению к со-

¹ Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Сов. госуд. и право. – 1979. – № 5. – С. 72–73.

² Мальцев В.В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Известия ВУЗ «Правоведение». – 2000. – № 6 (233). – С. 153.

циальной позиции субъекта в формировании социально определенных атрибутов конкретных социальных групп¹.

Практически все свойства социальной ответственности человека прослеживаются и в юридической ответственности как одной из ее видов. В таком случае базовая терминология социальной ответственности, бесспорно, является принципиально-методологической для характеристики юридической ответственности. С одной стороны, авторитарность социальных норм отражает связь субъекта норм с их требованиями, означающую не что иное, как присутствие в той или иной норме соответствующей санкции для обеспечения реализации требований социальных норм. Это в свою очередь, означает, что каждая норма является средством обеспечения соответствующего поведения субъекта общественного отношения. С другой стороны, нормативность – это обязательное свойство ответственности, а ответственность – обеспечение выполнения требований норм.

Составляющими социальной ответственности есть субъект и объект, субъективная и объективная стороны. По этому поводу справедливо отмечает А. П. Чирков, что об ответственности в единстве всех этих элементов мы правомочны говорить, лишь когда последняя рассматривается нами в динамике. Итак, объективная сторона ответственности выступает как совокупность требований, предъявляемых обществом к своим членам или коллективам в виде принципов, норм, выражающих общественную необходимость. Причем мера ответственности субъекта зависит от общественной значимости его поведения, в частности от занимаемого им общественного положения, профессии и других социальных ролей, в которых он выступает в разных областях своей деятельности². Таким образом, по мнению исследователя, очевидным является тот факт, что объективное содержание ответственности не реализует своего социального значения в случае отсутствия осознания этого содержания человеком и если оно не отразится в той или иной форме его поведения.

Каждый вид социальной ответственности человека опирается на разум, интеллектуальные способности человека осознанно и свободно выполнять требования социальных норм, как и приспособлять к ним личное поведение и интересы. Речь идет, прежде всего, о том, что социальная ответственность может применяться только относительно человека, виновного в совершении определенного деяния. К тому же такой человек должен быть способным к осознанию применяемых относительно него мер социальной ответственности, которая будет обеспечивать соответствующее коррекционное воздействие на его сознание и, соответственно, будет моделировать его поведение в социально желательном русле.

¹ Белов А.В. Понятие социальной ответственности в современной социальной философии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 3. – С. 17.

² Чирков А.П. Ответственность в системе права. – Калининград: Изд-во Калининград ун-та, 1996. – С. 6–7.

Однако физической способности человека к осознанию своих деяний, а также осознания применяемых относительно него мер социальной ответственности недостаточно для обеспечения **просоциального** нормативного поведения человека. Определяющее значение при этом имеют два фактора формирования социально ответственного поведения человека: а) наличие основанных на общечеловеческих ценностях системе социальных норм; б) наличие демократически сориентированного, действенного социального механизма контроля, способного обеспечить установление фактов нарушения предписаний социальных норм и привлечение виновных к соответствующему виду социальной ответственности.

Если размышлять относительно второго фактора, то нужно согласиться с мнением О. Чучаева и О. Лошенко, что такой механизм охватывает убеждение и принуждение как испробованные общественной практикой методы регулирования общественного отношения. Убеждение при этом достигается путем воспитания или угрозы принуждению. Последняя обоснованно признается психическим насилием и потому является инструментом принуждения. Что же касается воспитательного воздействия, то именно оно является убеждением в «чистом виде». Такое воздействие способно склонить индивида к позитивному поведению. Однако воспитание без принуждения не является частью механизма социальной ответственности. Социальная ответственность человека принадлежит только к элементу принуждения. Это принуждение неоднородное. Во-первых, оно может выступать негативным для нарушителя последствием невыполнения своих обязанностей. Во-вторых, оно может принуждать к выполнению обязанности, не выполненной добровольно. Такое принуждение разделяют на два вида. Первый – психическое принуждение – негативное воздействие, применение которого обусловлено исполнением неисполненной обязанности. Второй – физическое принуждение, в частности, взыскание на имущество осужденного, уклоняющегося от уплаты штрафа. Влиять на будущее поведение лиц, способных руководить своими деяниями, можно при помощи условия, ставя наступление позитивных или ненаступление негативных последствий в зависимость от осуществления того или иного деяния или воздержания от него. Нарушение социальной нормы является предпосылкой осуждения и негативного воздействия со стороны общества, государства, коллектива. Таким образом, социальная ответственность человека связана лишь с тем принуждением, которое предусматривает дополнительное негативное воздействие на субъекта в случае нарушения им правила поведения. Возможность такого принуждения (его потенциальная угроза – **В. К.**) создает для лица ситуацию выбора между безпоследственным позитивным поведением и нарушением социальной нормы, связанной с негативным воздействием¹.

¹ Чучаев О.И., Лошенко О.В. Відповідальність у кримінальному праві // Про українське

А. Т. Панов и В. А. Шабалин также утверждают, что социальная ответственность человека включает в себя элементы объективного и субъективного. Объективное выступает в форме должного, общественнонеобходимого, в виде социальных требований, обязанностей, оформленных в правовых, политических, нравственных нормах и правилах, которые существуют независимо от того, признает их человек или нет. Субъективное – это знание, осознание необходимости, целесообразности социальных требований, добровольное «наложение» их на себя и активное исполнение¹.

Иногда предметом философских исследований выступает профессиональная социальная ответственность. Как метко высказался в этой связи Карл Митчем, когда присмотреться к тому, что именно профессиональные сообщества наиболее интенсивно дискутируют по поводу проблем профессиональной ответственности и этики, то окажется, что эти сообщества владеют большой технологической властью². В этой связи М. С. Солодкая выделила три направления в профессиональной ответственности субъекта общественного отношения, среди которых: а) ответственность власти; б) ответственность менеджмента; в) ответственность инженеров³.

Каждое профессиональное сообщество опирается на четко сформированную иерархическую структуру. Соответственно можно утверждать, что ответственность человека «под воздействием» непременно наталкивает на проблемный этический компонент, поскольку, к примеру, руководство применяет принуждение для улучшения деятельности своих подопечных, где последние исполняют свои обязанности ответственно, в данном случае, или с боязнью потерять работу, или же желанием карьерного роста. Тем не менее, о рамках профессиональной ответственности можем говорить лишь в контексте тех полномочий, которыми владеет субъект общественного отношения в своей деятельности (ответственность наступает исключительно за те полномочия, которые являются действительными в данный момент). Это дает основания согласиться с мнением М. С. Солодкой относительно того, что сегодня наиболее действенными нормами профессиональной ответственности являются этические нормы⁴. Однако необходимо согласиться и с убеждением Ганса Йонаса по поводу того, что ни морали, ни морального убеждения, ни

право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київськ. націон. ун-ту ім. Т. Шевченка / за ред. І. Безклубного. – К.: Вид-во КНУ ім. Т. Шевченка. – Число V. – С. 254–255.

¹ Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – С. 18.

² Митчем К. Что такое философия техники. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – С. 105.

³ Солодкая М.С. К единству социального и технического: проблемы и тенденции развития научных подходов к управлению. – Оренбург: Димур, 1997. – С. 39.

⁴ Солодкая М.С. К единству социального и технического: проблемы и тенденции развития научных подходов к управлению. – С. 40.

трезвого мышления не достаточно для достижения моральной правильности¹. Ведь это становится возможным исключительно при условии осознания готовности человека к ответственности за личные поступки. В конце концов, принцип ответственности, в рамках истории развития этого понятия, – это и философская, и правовая, и каноническая, религиозная категория с общим моральным характером и конкретным юридическим содержанием.

Ответственность человека как социальное явление охватывает практически все без исключения виды деятельности как их качественный показатель, поэтому измерение ответственности присущие каждому явлению общественной жизни. Кроме этого, целесообразно утверждать и об ответственности конкретного человека за собственные поступки в частности, а не только об ответственности в обществе или государстве вообще. Можно заключить, что именно ответственность человека представляет стержневой эквивалент измерения уровня современных общественно-социальных и государство образующих процессов. В связи с этим для конкретизации механизма реализации социальной ответственности человека за антинормативное поведение, как справедливо обращают внимание А. Т. Панов и В. А. Шабалин, важное значение имеют *мера* и *объем* ответственности. При этом *мера* ответственности понимается ими как практическое отношение индивида к своим возможностям в соотношении с должным. Сфера возможного определяет собой шкалу возможностей в сопоставлении с должным. От индивида зависит, что он выберет – минимум или максимум, нечто среднее или вообще решит бездействовать, не используя существующей возможности. При определении меры ответственности необходимо иметь в виду как положительные, так и отрицательные аспекты ответственности. *Объем* ответственности человека понимается ими как совокупность (круг) требований к субъекту или объем вины. Мера и объем социальной ответственности человека выступают, как определяющие содержание этого явления признаки и могут быть раскрыты через ряд факторов. В каждом конкретном случае, по мнению ученых, необходимо учитывать такие факторы: 1) конкретно-историческую обстановку и ситуацию, в которой действует данная личность; 2) реальные права и возможности личности; 3) способность личности предвидеть и правильно оценивать последствия своих поступков; 4) наличие и возможность выбора различных вариантов поведения; 5) уровень совпадения должного и желаемого в поведении конкретного индивида².

Вопреки всей своей внешней привлекательности, данная концепция в части определения содержательной части категорий «мера» и «объем» является умозрительной, построенной на понятиях оценочного характера.

¹ Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації. – К.: Лібра, 2001. – С. 231.

² Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. – С. 48–49.

Продуктивной она может оказаться, как представляется, для углубленного изучения позитивной (перспективной) социальной ответственности. Для негативной (ретроспективной) социальной ответственности человека более приемлемой является категория «мера». В этом случае, например, относительно юридической ответственности, она конкретизирована в законодательстве через вид, размер, срок взыскания или наказания.

Наличие и необходимость социальной ответственности человека детерминированы целым рядом как объективных, так и субъективных предпосылок. Человек – это носитель и непосредственный участник разнообразнейших социальных отношений, поскольку находится в постоянной связи с государством, общественными организациями и т.д. Вместе с тем, любая форма общественной жизни непременно предусматривает наличие тех или иных социальных норм, которые бы регулировали межличностные взаимоотношения в рамках общих интересов.

В. Г. Антонечко, определяя понятие социальной ответственности человека, утверждает, что она – мера соответствия для социальных субъектов (лиц, социальных групп, государства) взаимным требованиям, действующим правовым и другим социальным нормам, общим интересам¹.

Антиподом понятия **«социальная ответственность человека»** является понятие **«социальная безответственность человека»**, которое не нашло своего соответствующего достаточно глубокого и всестороннего исследования на монографическом уровне в философско-правовой литературе. Между тем, Р. И. Михеев понимает социальную безответственность человека как несовместимость его сознания и социального поведения с объективными законами общественного развития, с нормами этики, морали и права, с общепринятыми условиями человеческого сосуществования. По своей социальной природе, подчеркивает он, социальная безответственность человека является общим источником негативных социальных явлений. В значительной мере ею порождается социальная неблагоприятность, дисфункции в экономической, идеологической, моральной и правовой сферах². Поэтому ответственность человека является важным социальным благом, средством внешнего контроля и внешней регуляции социального поведения человека, связанного множеством невидимых нитей с обществом. Это наполняет поведение человека важным и необходимым социальным содержанием. Ответственность человека, отмечает далее автор, имеет два критерия: **объективный**, характеризующий объективную обусловленность деятельности человека внешними социальными требованиями, то есть, его «включенность» в социальные

¹ Соціальна філософія: Короткий енциклопедичний словник / за ред. В.П. Андрущенка, М.І. Горлага. – Київ–Харків: Рубікон, 1997. – С. 81.

² Михеев Р.И. Социальная безответственность // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. – С. 15–16.

связи и взаимоотношения; и *субъективный*, определяющий социально и морально-психологические качества человека как общественного существа, как продукта общественного воспитания, формирования и развития, что предполагает осознание лицом своей обязанности, своей невиновности перед обществом¹.

Ответственность, по мнению А. Ф. Плахотного, имеет весьма широкую сферу проявления, развитие личности не является пассивным следствием различных воздействий общества, поскольку личности присуща относительная самостоятельность по отношению к обществу. При всем многообразии социальных ролей, выполняемых личностью, социальная ответственность проявляется по-разному в соответствии с природой тех отношений, которые ею охватываются: экономическими, политическими, нравственными, правовыми, профессиональными².

В общей теории права, как увидим в следующем разделе данной работы, разумение понятия ответственности человека также связывают с нормативным комплексом, сформированным и действующим в обществе. Самореализация организации, деятельности, управление обществом, государством отдельными социумами и индивидами осуществляется с помощью системы социальных норм, которые содержат в себе наиболее общие правила поведения всех субъектов общества: людей, органов государства, политических партий и общественных организаций, религиозных образований и т.п.

Необходимо еще раз заметить, что социальная ответственность человека имеет (должна иметь) двойственный диалектически-взаимный характер, означающий не только взаимное добросовестное, ответственное отношение субъектов общественного отношения к своему общественно значимому поведению, но и ответственность государства перед обществом и человеком, что возможно наиболее эффективно на почве гармоничного сочетания интересов всех субъектов социально неоднородного общества. Таким образом, социальная ответственность человека и государства демократической ориентации должна быть взаимной. Гармоничное объединение названных аспектов социальной ответственности является гарантией развития суверенного и независимого, демократического, социального и правового государства в Украине. Затем, гарантия эффективности социальной ответственности – это обеспечение уравновешенной, гармоничной корреляции прав и обязанностей человека в поле общественного нормативного комплекса. Воплощение такой модели прав и обязанностей в реальное общественное бытие содействует формированию человека не только как потребителя естественных и общественных благ, но и как заботливого, бережливого хозяина естественных и социальных благ, целенаправленного творца и хранителя общественных благ, как

¹ Михеев Р.И. Социальная безответственность – С. 16.

² Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность (социологический аспект). – Х.: Издательство Харьков. ун-та, 1972. – С. 26.

материальных, так и духовных. В этом в основном состоит ценность формирования у людей позитивной социальной ответственности через призму гармонии единства их прав и обязанностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что **социальная ответственность человека** – это социальное явление, феномен, представляющий собой **необходимость** сознательного и добровольного использования человеком своих прав, исполнение своих обязанностей, соблюдение запретов, которые содержатся в социальных нормах, а в случае их нарушения – **необходимость** претерпения нарушителем этих норм мер принудительного воздействия, предусмотренных ими.

Социальная ответственность человека преследует **цель** упорядочения, гармонизации общественных отношений и обеспечения их прогрессивного, поступательного и стабильного развития.

Воспринимая ответственность как личную моральную позицию, человек ставит ее в рамки стержня личной внутренней мотивации. Фактически социальная ответственность в таком случае может выражаться сквозь призму способности человека вести себя в соответствии с интересами других людей. Чем больше свободы, тем больше ответственности, однако исключительно свободный и ответственный человек склонен к полноценному саморазвитию в контексте социального поведения. Наконец, проблематика ответственности – это выражение все же моральной свободы человека через развитие всех без исключения его способностей.

Социальная ответственность человека и **социальная безопасность** неразрывно связаны между собой. Социальная ответственность является эффективной гарантией **социальной безопасности** вообще и **личной безопасности** человека в частности, средством поддержания и укрепления социального согласия, консолидации общества, государства. Социальная безопасность, таким образом, объективно нуждается в надежном механизме социальной ответственности человека.

1.2. Виды социальной ответственности человека

Социальные нормы, выполняя в обществе охранительную, регулятивную и воспитательную функции, определяя рациональные пределы свободы человека, выступают гарантией гармонизации, упорядоченного постоянства общественных отношений, поступательного прогрессивного развития общества в целом.

Если рассматривать общество как сложное, системное, многоуровневое образование, социально-правовой механизм, то, как представляется, есть основания согласиться с Б. Д. Шаховым в том, что социальные нормы выполняют роль эффективного средства сохранения системы,

системосоздания, восстановления системности в общественных отношениях, произведенных самой социальной системой в ходе общественной эволюции¹. Таким образом, социальные нормы через свои функции выступают системообразующим фактором.

Различают такие виды социальных норм: обычаи, традиции, нормы морали, религиозные (канонические) нормы, этические нормы, политические нормы, корпоративные нормы, нормы общественных организаций, технические нормы, нормы культуры, нормы права и т.п.

В процессе взаимодействия разных видов социальных норм каждая из них, сохраняя свою специфику, выступает регулятором особого рода².

В *зависимости от видов социальных норм* в литературе выделяют такие *разновидности* социальной ответственности человека: моральную, религиозную, корпоративную, политическую, правовую (юридическую) и т.п.

Основными формами социальной ответственности человека, отмечает И. Г. Савченко, являются: юридическая, моральная, политическая, партийная, профессиональная, экологическая и т.п. Древнейшая среди них – моральная ответственность. Политическая и правовая ответственность возникают с появлением государства, формирующего политические и правовые нормы³.

Согласно современной этической мысли К. Майер-Абих выделяет *восемь кругов ответственности человека*. *Во-первых*, это эгоцентризм. «Каждый индивид ответственный только за самого себя», все другие могут быть под его ответственностью только в том случае, когда они входят в сферы его собственного интереса. *Во-вторых*, это непотизм, то есть мораль, которая ограничивается «своими», своим кругом, непосредственным окружением. *В-третьих*, национализм, предусматривающий ответственность лишь за собственную страну или нацию. *В-четвертых*, это «антропоцентризм современности – сообщество людей, близких и далеких», характеризующееся стремлением ответственности за все человечество, а не только за себя, «своих» или свою страну. *В-пятых*, это антропоцентризм, отличающийся от предыдущего круга. Ответственность должна содержать в себе также ответственность за то, чтобы будущие поколения имели не меньше шансов на жизнь, чем те, которые получили мы сами; никакой человек не должен быть использован как человеческий ресурс. *В-шестых*, это мамализм. Может ли человечество ограничиваться только самым собой, пренебрегая сосуществованием с другими?

¹ Шахов Б.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. – М.: Наука, 1985. – С. 93.

² Нерсисянц В.С. Юриспруденция. Введения в курс общей теории права и государства. – М.: Норма, 2000. – С. 51.

³ Савченко І.Г. Соціальна відповідальність в контексті розбудови соціальної держави в Україні // Актуальні проблеми державного управління: Зб. наук. пр. – № 2 (24): У 2 ч. – Ч. 1. – Х.: Вид-во ХарPI НАДУ «Магістр», 2005. – С. 55–63.

Конечно, же нет. Наше бытие есть телесным и наше происхождение дает возможность увидеть совместную родственность с естественным миром. Относя животных к кругу ответственности, мы воспринимаем их собственное право в естественном целом, а не рассматриваем их только как средства для нашей собственной жизни». **В-седьмых** – биоцентризм, то есть сообщество живых существ, которые попадают в круг человеческой ответственности. И, в конце концов, **в-восьмых** – физиоцентризм. Мир воспринимается как целое. Сфера ответственности человека стала настолько большой, что ничто больше не должно существовать лишь ради другого. Не человек является мерой всех вещей, подчеркнул он, а все, что существует с нами, является **мерой нашей человечности**¹.

М. Хайдеггер, связывая ответственность человека с характером совершенного деяния и воздействием внешних условий, выделил такие виды ответственности: а) **генерализованную ответственность** (лицо, ответственное за любые последствия таких деяний, в которых оно принимало участие или с которыми было связано каким-нибудь образом); б) **собственную ответственность** (лицо, ответственное лишь за непосредственно им совершенное); при этом нет различия между случайными, намеренными и предвиденными результатами; в) **дифференцированную ответственность** (лицо, ответственное за любой предвиденный результат деяния, независимо от того, был он умышленным или нет); г) **осознаваемую ответственность** (лицо, отвечающее не только за свои намерения и последствия их реализации, но и за значение, которое оно предает внешним факторам, которые вследствие этого, так или иначе, влияют на результат деяния); д) **полную ответственность** (лицо, полностью ответственное за процесс, результаты и последствия деяний, каковыми не были бы условия их хода)².

Известный философ права Г. Харт выделил четыре следующих вида ответственности человека: 1) **казуальная ответственность** – ответственность за личное действие или бездействие; 2) **ответственность за деяния, совершенные или запланированные к реализации** – ответственность за что-нибудь; 3) **ответственность должностную или ролевую** – ответственность перед кем-то или чем-то; 4) **ответственность через повинность** – ответственность компетентную³.

К этому же перечню, к примеру, немецкий философ, основатель баденской школы неокантианства, В. Виндельбанд добавил еще одну стадию – **самоответственность совести**, целью которой, по его мнению, есть возможность познать себя как личность. «Самоответственность совести, – пишет философ, – это внутренний процесс наказания или вознаграждения. Эти ощущения можно считать и противоположными, и

¹ Яковенко Т. Принцип відповідальності як еко-етичний імператив сталого розвитку // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 4. – С. 105.

² Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 211.

³ Харт Г. Понятие права. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. – С. 86-95.

общими одновременно. Если речь идет о внутреннем моральном вознаграждении, то это может служить стимулом к исправлению негативных последствий и самосовершенствования, вместо того, когда речь идет о внутреннем моральном наказании, то это приводит к внутренней переориентации сущности человека»¹. В конце концов здесь присутствует есть стимул к развитию личных моральных ценностей и морального саморазвития вообще.

Р. Ингарден, исходя из онтологических оснований ответственности, предложил наличие **четырёх возможных ракурсов** ответственности человека: 1) человек несет ответственность за что-нибудь; 2) человека берет ответственность на себя за что-нибудь; 3) человека привлекают к ответственности; 4) человек действует ответственно².

Высказаны и другие подходы относительно классификации видов социальной ответственности человека. В частности, А. Г. Панов, В. А. Шабалин и А. Ф. Плахотный упоминают о политической, экономической и государственной ответственности³. М. М. Бахтин выделил нравственную, персональную, политическую, специальную ответственности⁴; Л. И. Грядунова – политическую, гражданскую, партийную, производственную, правовую, моральную, профессиональную, семейно-бытовую ответственности⁵; А. В. Поляков – неправовую (моральную, политическую, корпоративную и т.п.) и правовую ответственность⁶.

Как уже отмечалось, в научной литературе – философской, социологической, психологической, юридической – социальную ответственность человека понимают преимущественно в двух плоскостях, аспектах: **позитивном** (перспективном, проспективном) и **негативном** (ретроспективном). И. А. Ильин назвал их по-иному – «**предварительной**» и «**последующей**». При этом предварительную ответственность он определил как живое чувство предстояния и призванности, стремление к совершенствованию, при которых лицо еще не совершило поступка, а уже знает о своей ответственности⁷.

¹ Виндельбанд В. О свободе воли. – М.: АСТ, 2000. – С. 188.

² Ингарден Р. Об ответственности и ее онтических основаниях. – М.: МГУ, 2010. – С. 71.

³ Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность (социологический аспект). – С. 66; Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. – С. 38.

⁴ Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Искусство и ответственность. – К.: Next, 1994. – С. 20, 24, 32, 44, 51, 225, 253.

⁵ Грядунова Л.И. Социальная ответственность личности в условиях социализма. – К.: Вища школа, 1979. – С. 31.

⁶ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – С. 831.

⁷ Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 305.

Определение социальной ответственности человека, аккумулирующее в себе понимание позитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной) социальной ответственности приводят Р. Л. Хачатуров и Р. Г. Ягутян. Они позиционируют ответственность человека как двуединое социальное явление: а) соблюдение субъектами общественного отношения требований социальных норм; б) в случае безответственного поведения, не отвечающего предписаниям социальных норм, нарушающего общественный порядок – претерпение виновным лишений личностного или имущественного характера¹.

Как представляется, социальной ответственности человека, **по ее сущностному содержанию**, свойственный единый бинарный характер. Она имеет два **вида**, проявления, аспекты – позитивный и негативный, ответственность за прошлое и ответственность за настоящее и будущее. Под **позитивной** (перспективной) социальной ответственностью следует понимать **необходимость** добровольного и сознательного **использования** человеком своих прав, **исполнения** обязанностей, **соблюдения** запретов, которые определены в социальных нормах. Под **негативной** (ретроспективной) социальной ответственностью – **необходимость вынужденного** претерпения нарушителем предписаний социальных норм, **мер принуждения**, предусмотренных этими нормами и применяемых компетентными субъектами общественных отношений в установленных пределах, процессуальных и исполнительных формах.

Между позитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной) социальной ответственностью существует диалектическая корреляционная зависимость: расширение сферы позитивной (перспективной) социальной ответственности ведет к сужению сферы негативной (ретроспективной) социальной ответственности и наоборот – расширение сферы негативной (ретроспективной) социальной ответственности ведет к сужению сферы позитивной (перспективной) социальной ответственности.

Формирование позитивной (перспективной) социальной ответственности и воздание эффективной модели негативной (ретроспективной) социальной ответственности является важным фактором в механизме обеспечения социализации человека, обеспечения его прав и свобод, развития демократических институтов общества, формирования и утверждения гуманной системы социальных ценностей. Фактически, специфика негативной (ретроспективной) ответственности состоит в нивелировании ее социальными нормами. Напротив, позитивная (перспективная) ответственность состоит в осознании человеком своей обязанности перед обществом через призму смысла и последствий своих деяний.

Как полагают Д. А. Липинский и Р. Л. Хачатуров, реальным содержанием позитивной ответственности, выступает соблюдение субъектом

¹ Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. – Тольятти: ВГУ им. В.Н. Татищева, 1995. – С. 22.

общественных отношений социальных норм, то есть социально полезное, одобряемое поведение. Через деяние человека выявляется его отношение к установленным социальными нормами правилам. В позитивной ответственности отражается как повинность и обязанность, так и собственное социально значимое деяние субъекта ответственности. Все они создают статические и динамические характеристики социальной ответственности.

Социальная ответственность человека, по их мнению, едина, но имеет две формы реализации: **добровольную** – выражающуюся в обязанности субъекта следовать предписаниям социальных норм, его правомерном поведении и реакции на него, и **принудительную** – выражающуюся в обязанности нарушителя социальных норм подвергнуться разнообразным мерам общественного и (или) государственного принуждения, понести неблагоприятные последствия. Общность позитивной и негативной форм социальной ответственности состоит в их закреплении социальной нормой, в единых предпосылках и выражении вовне в поведении субъекта. Это поведение не одинаково по своим характеристикам. Оно может быть конфликтным, а может быть и социально одобряемым. Внешние противоречивые характеристики этих разновидностей поведения **обусловлены философским законом единства и борьбы противоположностей**. Однако оба варианта поведения человека смоделированы в социальной норме, как смоделированы в ней позитивный и негативный аспекты реализации социальной ответственности. Учитывая это, полагают ученые, социальная ответственность – это диалектическая взаимосвязь между личностью и обществом, характеризующаяся взаимными правами и обязанностями по соблюдению предписаний социальных норм, их выполнение, влекущее одобрение, поощрение, а в случаях безответственного поведения, не соответствующего предписаниям этих норм, – обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпевание¹.

П. П. Осипов высказал разумение перспективной ответственности человека как соблюдение социальных требований и следование общественным ожиданиям². Это дает возможность проследить отношение приведенных выше ученых и к правосознанию, которое также выражает те или иные социальные требования, нормы, регулирующие поведение человека, его осознание и т.п. Наконец, оба этих вида ответственности (позитивная (перспективная) и негативная (ретроспективная) взаимосвязаны, поскольку высший уровень перспективной ответственности проецируется настолько, насколько осознанно выполняются социальные нормы и настолько же реже случается ретроспективная ответственность.

¹ Философия права. Курс лекций: учеб. пособие в 2 т. – Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. – С. 371–372.

² Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – С. 73.

Позитивный аспект юридической ответственности человека привлек внимание многих зарубежных исследователей (Ф. Поллак, Ж.-П. Сартр, Н. Хайнс и др.). С середины 60-х гг. XX ст. в советской философской литературе начинается рассмотрение данной научной проблемы в работах В. Е. Давидовича, Р. И. Косолапова, В. С. Маркова, А. Т. Панова, В. А. Шабалина, А. Ф. Плахотного, В. И. Сперанского, В. П. Тугаринова, А. П. Черепниной и других ученых. Названными и другими учеными отстаивается взгляд, что ответственность человека за ближайшее будущее и более отдаленную перспективу образует сердцевину, составляет сущность всякой ответственности, ответственности любого рода¹.

В постсоветской философской литературе преобладает мнение о наличии позитивной (перспективной) социальной ответственности человека и о необходимости исследования ее закономерностей, хотя подходы ученых к разумению ее понятия, структуры, задач и функций частично отличаются. При этом не отрицается значения негативной (ретроспективной) ответственности, подчеркивается ее воздействие на формирование позитивной (перспективной) ответственности, а также то, что ответственность негативная не в состоянии полностью удовлетворить потребности эффективности регулирования общественного отношения².

Тайна свободы, – или как обычно говорят «свобода воли», по мнению И.А. Ильина, – состоит в том, что сила духа способна **сосредоточиваться, укреплять себя, увеличивать свою силу** и преодолевать свои внутренние затруднения и свои внешние препятствия. Дух человека «свободен» не в том смысле, что на него «ничто не влияет», или что он не несет никакого бремени «воздействий» и «причин»; но в том смысле, что ему дан **дар самоусиления**, самоосвобождения, который он должен принять и в пользовании которым он должен искушаться и укрепиться. Итак, предстоящий дух призван, а призванный человек ответствен, и в основе всего этого лежит дар к самоосвобождению, сообщенный человеческому духу свыше. Как это просто, ясно и бесспорно: человеку подобает жить не состояниями, а действиями, и соответственно отвечать за эти действия. Как уже отмечалось выше, философ различал **предварительную** (позитивную, перспективную – **В. К.**) ответственность человека и его **последующую** (негативную (ретроспективную) – **В. К.**) ответственность. **Предварительная** ответственность, с его точки зрения, – это живое чувство предстояния и призванности, и в то же время – живая воля к совершенству. Человек, в этом случае, не совершил еще никакого деяния; может быть, и не решил еще, что именно делать; может быть, и не избрал своей высшей

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: РАМ, 2008. – С. 22.

² Грядунова Л.И. Социальная ответственность личности в условиях развитого социализма. – С. 21; Сперанский В.И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования. – С. 25–26.

ценности, и не наметил своей высшей цели. Он, – пишет И. А. Ильин, – только чувствует в себе активную силу и волевую энергию, он предвидит возможность и неизбежность будущих деяний – и связывает их намерением и внутренним обязательством осуществить «наилучшее». Еще не совершив, он уже знает о своей ответственности. И это чувство своей ответственности – сразу дисциплинирует его, сосредоточивает его и вдохновляет. Поэтому и значение этой предварительной ответственности в культурном творчестве – основополагающее и велико¹.

И в самом деле, нетрудно представить последствия деятельности человека вне пределов действия позитивной ответственности. Для примера, безответственность судьи, который не выявляет надлежащего уровня правосознания и не реализует очевидной потребности объективного изучения обстоятельств преступления, в конце концов знания закона – все это и приведет как к негативным последствиям в провозглашении приговора, так и к произволу в судебной системе, коррупции и т.д.; безответственность политика непременно приводит к многочисленным интригам, мошенничествам, обману граждан, общества и государства; безответственность врача приводит не только к полной деформации его как профессионала и дискредитации медицины в целом, а и к фатальным последствиям такого «лечения». Фактически люди, лишенные позитивной ответственности, абсолютно не способны создавать как собственную, так и общественную культуру, наконец не способны создавать ни демократическо-правового государства, ни гражданского общества. Именно поэтому возрастает значимость и *предварительной*, и *последующей* ответственности человека. Поэтому, заметил В. Франкл, «свобода, если ее реализация не связана с ответственностью, может превратиться в простой произвол»².

В философской, социологической и политологической науке нет общепризнанной классификации видов социальной ответственности человека. Данный вопрос не был предметом отдельного, специального монографического исследования. Представляется наиболее целесообразным классифицировать социальную ответственность человека по двум критериям: а) по видам социальных норм; б) по сущностному содержанию ответственности.

По первому критерию выделяются следующие виды социальной ответственности человека: 1) нравственная; 2) религиозная; 3) дисциплинарная; 4) политическая; 5) правовая. Чаще всего социальная ответственность человека возникает универсально комбинированной: нравственной и дисциплинарной; нравственной и политической; нравственной и правовой; нравственной, политической и правовой и т.п. По второму критерию,

¹ Ильин И.А. О чувстве ответственности: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin/chuv_otv.php

² Франкл В. Духовность, свобода и ответственность. – М.: Прогресс, 1990. – С. 76.

то есть по сущностному содержанию, социальную ответственность человека можно классифицировать на два вида: 1) позитивная (перспективная) и 2) негативная (ретроспективная).

1.3. Основания социальной ответственности человека

В философской доктрине не наблюдается наличия специального внимания к исследованию оснований социальной ответственности человека. Каждому виду человеческого поведения свойственна ответственность, справедливо подчеркивает М. А. Краснов, только ее пределы зависят от конкретных оснований ответственности: для одних основанием является факт ответственности перед кем-то, для других – за кого-то, для еще других – за что-то, для четвертых – имеет значение вероятное наказание за совершенное правонарушение (нарушение – **В. К.**), для пятых – возможность избежать негативной оценки своей деятельности¹. В этом случае очевидно речь идет о позитивной (перспективной) социальной ответственности, об одной из характеристик субъективной составляющей ее объективного основания.

Вообще в философской доктрине принято утверждать об **объективных** и **субъективных** основаниях ответственности человека. При исследовании объективных оснований социальной ответственности человека предполагается всестороннее изучение и учеты целого ряда факторов. Прежде всего – объективных законов развития природы, общества, мышления, которые определяют цель и поступки людей. Притом на каждом этапе развития общества одновременно имеются противоположные, взаимоисключающие тенденции, необходимости, возможности. Полем функционирования поведения человека служит сфера необходимого, сфера возможного, которые как составные социальной действительности служат основой выбора, а также объективным критерием оценки принятого им решения. Определяющее воздействие на поведение человека оказывает окружающая среда – соответствующий социум. Объективные возможности выбора определенного варианта поведения человека, а, следовательно, и меру его ответственности, зависят (наряду с социальной ориентацией человека) также и от его положения в обществе, от его социальной роли.

Предпосылкой субъективных оснований ответственности человека является возможность познания человеком законов природы и общества. Это, прежде всего, связано с проблемами свободы воли, необходимости выбора поведения, о чем будет идти речь отдельно. Поэтому среди субъективных оснований социальной ответственности человека, по обыкновению, выделяют: 1) возможность познания индивидом законов объективного мира, конкретной социальной необходимости; 2) свободу

¹ Краснов М.А. Ответственность в системе народного представительства: методологические подходы. – М.: Наука, 1995. – С. 23–24.

воли индивида; 3) относительную независимость его сознания и воли от окружающей среды; 4) не жесткий, а вероятностный характер детерминации поведения человека; 5) возможность выбора и свободы выбора различных вариантов поведения; 6) способность индивида оценивать свои поступки в соответствии с интересами общества¹.

Подобной позиции придерживаются также Р. И. Косолапов и В. С. Марков, имея в виду негативную (ретроспективную) и позитивную (перспективную) ответственность человека, которые утверждают, что содержание социальной ответственности человека формируется вследствие взаимодействия факторов двоякого рода: а) объективных, принуждающих к действию через потребности и, соответственно, через более или менее адекватное познание действительности и б) субъективных, выступающих для человека как внутренние, сознательные, в том числе, ценностные факторы².

По мнению О. М. Ивановой, основанием социальной ответственности может служить необходимость охраны установленного порядка общественного отношения как нормальных условий жизни. Общество живет согласно определенным законам, которые образовались на основе его исторического, национального, социально-культурного развития. Естественным процессом для такого общества будет, конечно же, защита уже созданного на этой основе порядка общественных отношений. Нарушение этого порядка неизбежно вызывает применение ответственности³.

Приведенные подходы ученых-философов к исследованию оснований социальной ответственности человека можно условно назвать такими, которые осуществляются с *широких философско-социологических позиций*, то есть широкими. Они дают возможность выяснять глубинные корни социальной обусловленности как нормативного, так и антинормативного поведения человека, что присуще анализу социального механизма формирования такого его поведения.

С позиций *нормативного подхода* каждому виду социальной нормы корреспондирует (когда речь идет о негативной (ретроспективной) социальной ответственности) соответствующий вид (виды) социальной ответственности человека.

Проведенный анализ не только философских, но и философско-правовых, правовых научных источников позволяет утверждать о наличии трех оснований социальной ответственности человека: *социально-этического (нравственного, морального), нормативного и фактического*.

¹ Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. – С. 29–33.

² Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. – С. 65.

³ Иванова О.М. Философский и юридический аспекты свободы и ответственности // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева: Юриспруденция. – Вып. 18. – Тольятти: ВУИТ, 2001. – С. 51.

Социально-этическое (нравственное, моральное) основание социальной ответственности человека дает ответ, главным образом, на вопрос почему и при каких условиях человек подлежит социальной ответственности, а конкретные органы субъектов общественных отношений имеют моральное право привлечь его к ответственности.

С давних времен, размышляя над данной проблематикой, известнейшие философы и теологи связывали ее разумение, главным образом с категориями **«разум»**, **«совесть»**, **«свобода»**, **«свобода воли»**.

Свобода человека была и есть традиционным предметом исследований ученых разных наук в течение многих столетий. «Не заслоняй мне солнца» – сказал Диоген Александру Македонскому в частной полемике, имея вероятно в виду также и свою индивидуальную свободу мышления¹.

В контексте древнегреческой культуры в понятии **«свобода воли»** акцентируется не столько философско-категориальное, сколько юридическое значение. Свободный человек – это гражданин полиса, тот, который живет на земле своих предков. Противоположность ему – военнопленный, увезенный на чужбину и превращенный в раба. Исток свободы личности – полис, его земля (Солон); свободный от рождения живущий на земле полиса, **где установлен разумный закон**. В гомеровском эпосе понятие свободы обнаруживает еще один смысл. Свободный человек тот, кто действует без принуждения, в силу собственной натуры. Теоретическая предпосылка научно-философской постановки вопроса о свободе воли складывается в мышлении софистов, противопоставлявших «фюсис» (единственно возможный, порожденный самой природой порядок) и «номос» (порядок жизни, самостоятельно устанавливаемый каждым народом). Сократ подчеркивал решающую роль знания в осуществлении свободы. Подлинно свободный, нравственный поступок возможен лишь на основе четких понятий блага и доблести. Никто не может поступать плохо по доброй воле, человек стремится к лучшему в своих поступках, и лишь незнание, невежество толкает его на неверный путь. Платон связывал понятие свободы воли с бытием блага как высшей «идеи». Благо освящает порядок, действующий в мире как порядок целесообразный. Поступать свободно – значит действовать, ориентируясь на идеал блага, согласуя личные устремления с общественной справедливостью. Аристотель рассматривал проблему свободы воли в контексте нравственного выбора. Свобода связана со знанием особого рода – знанием-умением («фронесис»). Оно отлично от знание-«технэ», обеспечивающего решение задач по известному образцу. Нравственное знание-умение, прокладывающее путь свободе, ориентирует на выбор лучшего поступка в контексте этического выбора. Источник такого знания – специфическая нравственная интуиция, которая воспитывается у человека жизненными испытаниями².

¹ Кейне Джон. Кінець Caisser-faire // Лібералізм: онтологія / упор. О. Проценко, В. Лісовий. – К.: Смолоскип, 2001. – С. 728.

² Ждановский А.П. Свобода воли: [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Аристотель ввел разумение гражданина как лица, в котором сочетаются властвование и свобода – два источника общественного строя, что в негражданских и негреческих сообществах конфликтуют между собой и могут формировать относительно самостоятельные обычаи или этики. Собственно грекам принадлежит открытие ценности самоконтроля, что также выступает формой добродетели и характеризует человека в его способности властвовать над собой, проявлять послушание и подчиненность относительно верховенства права и закона. Наличие механизма самоконтроля, который может быть свойственным только свободному человеку, стало для греческой философии своеобразным критерием социальной эффективности государственного строя. У Аристотеля идея свободы еще далеко не достигает безусловного индивидуального качества человека, данного для всех от рождения. Скорее всего, она появилась только в контексте совместных усилий граждан либо коллектива и имеет полисное значение. Это, прежде всего, гражданский образец свободы, присущий для человека-гражданина, который ведет активную полисную жизнь. Из творчества Аристотеля вытекает, что наиболее высокий статус человека-гражданина, который он отстаивал, достигается заодно с почтением и свободы человека, и законов социального строя. Свобода в Древней Греции не распространялась на понятие частной сферы человека, связанной с его пребыванием в обществе, государстве¹.

Стоицизм развивал свое видение свободы, признавая приоритет провидению в жизни человека. Самостоятельное значение личности стоики усматривали в соблюдении обязанности и долга (Панэций). При этом провидение может рассматриваться и как закон природы, и как воля в человеке (Посидоний). Воля в последнем случае выступает как орудие борьбы против судьбы, и как таковая требует особого воспитания. Эпикур рассматривал вопрос о свободе воли в своей атомистической физике. Он указывал на возможность свободного отклонения атома от прямолинейной траектории. Причины такого отклонения не внешние, оно происходит совершенно спонтанно².

В Римскую эпоху на историческую арену вышли социальные институты, которые стали эстафетным явлением относительно распространения греческого прочтения свободы. В частности Цицерон объяснял, что государство – это совместная собственность народа, собственность «гражданской общины», либо группы людей связанных соглашением.

<http://www.philosophi-terms.ru/word/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B8>

¹ Карась Анатолий. Філософія громадянського суспільства в класичних і некласичних інтерпретаціях: монографія. – Київ; Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2003. – С. 18-19.

² Ждановский А.П. Свобода воли: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophi-terms.ru/word/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B8>

Соглашение возможно тогда, когда народ является свободным; тогда он «сохраняет свои права», а это наилучшее состояние, сама свобода, само благоденствие. Свободе придается значение в деле объединения людей и соблюдения ими законов. Ибо нет ничего более крепкого, нежели народ, который во всем учитывает безопасность и свободу. Однако Цицерон не рассматривает свободу граждан, объединенных в государство как наивысшую ценность. Он не видит прямой связи между свободой и правом. Поэтому право зависит от ценности свободы человека не прямо, а устанавливается для всех одинаковым естественным законом. Цицерон не рассматривал человека как автономную личность в своей рациональности, а закон считал универсальным явлением природы. Интеграцию людей осуществляет сама природа в форме государственной организации. Следовательно, человек не имеет оснований выступать против законной власти, отстаивая справедливость и свою свободу¹.

Особый этап в постановке вопроса о свободе воли составляет христианская идеология. Человек призван осуществить свою сущность в единстве с Богом, учить Библию. Проблема, однако, состоит в том, чтобы соединить универсализм Божьей воли, с одной стороны, и нравственное усилие человека, еще не достигшего (а по сути никогда и не достигающего) соединения с Божеством, – с другой. Так, Пелагий обосновывал достаточно широкое толкование христианской идеи об участии воли человека в формировании его судьбы, невольно принижая значение искупительной жертвы Христа. Идею универсальности Провидения в полемике с этой точки зрения защищал Августин. Осуществление добра в деятельности человека возможно только с помощью благодати Божией. Причем ее действие Августин не связывал с сознательным обращением к ней со стороны человека. Она проявляется независимо от него².

Августин рассматривал свободу человека как основу и начало самого человека и источник блага в обществе. Именно Августин заложил основу концепции свободной воли. Согласно ей человек свободен в выборе поведения. Лишь под воздействием злой воли, что является следствием вселения в него злых сил, человек совершает преступление³. Он утверждал, что человек, имея привитое в душе чувство правды, ищет ее в течение всей своей деятельности. Человек осуществляет свою деятельность вследствие сознательных и несознательных актов воли. Понятие свободы Августин понимал в двух значениях: а) свобода формальная; б) свобода нравственная. Формальная свобода означает возможность выбора лицом

¹ Карась Анатолий. Філософія громадянського суспільства в класичних і некласичних інтерпретаціях: монографія. – С. 24-27.

² Ждановский А.П. Свобода воли: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophi-terms.ru/word/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B8>

³ Сливка С.С. Природне та надприродне право. – К.: Атіка, 2005. – С. 85; Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М.: ИНФРА-НОРМА, 1997. – С. 16.

между добром и злом. Нравственная свобода, с этической точки зрения, имеет принципиальное значение, она сводится к внутреннему избеганию зла и сознательному совершению добра. Это есть основательный вид свободы, обеспечивающий конструктивное развитие человека, и является основой морального или политического развития общества¹.

Всеприсутствие и всемогущество Бога вытекает из его неотъемлемого свойства – воли. По мнению Августина, «Воля ведь присуща Богу до начала творения: ничто не могло быть сотворено, если бы воля Творца не существовала раньше сотворенного. Воля Бога принадлежит к самой субстанции Его. И если в Божественной субстанции родилось то, чего в ней не было раньше, то субстанция эта по справедливости не может быть названа вечной; если вечной была бы воля Бога творить, почему не вечно Его творение?»².

Как замечает В. В. Соколов, осмысление творения «из ничего», особенно, что касается Августина, закономерно наталкивало его к выдвиганию на первый план именно волевого свойства божественной сущности. Фактор воли, в этом случае, – утверждает исследователь, – стал ключевым выражением иррациональности и даже сущности божественного Субъекта. Однако философская опасность здесь кроется в том, что она все же таки не исчерпывает всей полноты божественного Субъекта в его отношении к миру и человеку, ведь такого рода отношение невозможное вне свойства знания³.

Рассматривая проблемы ответственности, воли, свободы воли человека философы всех времен обращали и обращают внимание на категорию разума человека. Так, согласно интерпретации этой тематики Августином, фактически преимущество души над телом выражается, прежде всего, свойством воли. То есть специфика активности человека обуславливается свойством его личной воли. Последняя наряду с разумом выражает атрибут Бога, отражаясь как основа Его всемогущества. В конце концов, именно специфика человеческой деятельности детерминируется исключительно в рамках личной воли, способностью человека к свободному решению, независимому от каких-либо внешних факторов. Безусловно, такого рода терминология свойственна основам богословия христианства и формировалась в течение многих эпох. Так, принципы свободы верующей личности сформулировал еще апостол Павел: «Господь же – дух, а где Господний дух, там воля» [II Кор. 3, 17]⁴.

¹ Sylwestrzak Andrzej. Historia doktryn politycznych i prawnych. – Warszawa: Lexis Nexis, 2009. – s. 106.

² Аврелий Августин. Исповедь. Кн. 11, X (12): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/avgustin_avreliy/ispoved.html

³ Соколов В.В. Историческое введение в философию: история философии по эпохам и проблемам. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 358.

⁴ Святе Письмо Старого та Нового Завіту / перекл. о. Івана Хоменка. – Львів: Місіонер, 2005. – С. 221.

Среди многих произведений Августина, которые в той или иной мере касаются обозначенной проблематики, необходимо выделить в частности такие: «О свободном решении»; «О граде Божием»; «О свободной воле» и т.п. В этих и других произведениях средневековый мыслитель и отец Церкви поставил действенность воли впереди разума, считая его однозначно пассивным, поскольку его глубинные идеи выражаются лишь благодаря действию божественного Субъекта и его благодати. Во-первых, волю целесообразно трактовать в рамках свободы, поскольку воля – это стержень жизни любого человека. Во-вторых, воля во всех жизненных случаях предшествует разуму. Фактически Августин утверждал, что Бог, в котором абсолютизируется любая истинность, владеет исчерпывающим знанием и промыслом. Это дало основание мыслителю считать, что божественное предвидение касается, прежде всего, конкретного лица, действия которого заведомо известны Богу. Однако промыслу Божьему не подчинена человеческая воля, поскольку, по сути, она независима от любого внешнего вмешательства или регламентирования. Волюнтаризм Августина состоит, в этом контексте, – замечает В. В. Соколов, – в предшествовании воли относительно разума и даже господстве над ним. Здесь христианская философия осуществила весомый прорыв вперед относительно античной философии с присущим ей интеллектуализмом. Для многих античных философов в предвозникновении свободы – это, прежде всего, лишь отсутствие внешнего принуждения и возможность выбора средств для достижения целей¹.

Августин всесторонне развивал учение о свободе воли, чем, в сущности, актуализировал тематику формирования мировоззрения личности. Воля, по его мнению, – это субъект веры у всемогущего и доброго Бога. В конце концов, апостол Павел отразил значение воли человека как иррационального свойства людской деятельности: «Ибо, что делаю, не понимаю: я или совершаю не то, что хочу, но что ненавижу, то делаю» [Рим. 7, 15]².

Здесь прослеживается ключевая доминантная компонента христианского учения, особенно, что касается абсолютности Божьего промысла, который словно бы нивелирует судьбу или фатум и регламентирует человеческую деятельность в рамках христианской этики, однако соотносится со свободой выбора людской воли. Именно последняя, по мнению Августина, создает человека как богоподобного. То есть, свойственная человеку воля активизирует диалог между Богом и человеком и наоборот, что в свою очередь, делает возможным осознание человеком личного призвания, путей самореализации и, в конце концов, методов духовного совершенствования и т.п.

С другой стороны, Августин неоднократно подчеркивал и греховное свойство свободной воли человека. То есть речь идет о связи иррацио-

¹ Соколов В.В. Историческое введение в философию: история философии по эпохам и проблемам. – С. 375.

² Святе Письмо Старого та Нового Завіту / перекл. о. Івана Хоменка. – С. 192.

нальности свободной воли с человеческой телесностью. Согласно апостолу Павлу: «Теперь же то не я совершаю, а грех, что живет во мне» [Рим. 7, 17]¹. Однако, утверждает В. В. Соколов, грех не наделен онтологическим статусом в теодицеи Августина, поскольку мир, созданный наидобрейшим Богом, представляет собой разнообразнейшую градацию добра. Зло, таким образом, полностью скрыто в человеке, собственное в его свободной воле, которая большей частью выбирает именно грех². Кроме того, ответственным за содеянный грех или грехи есть сам человек, ведь его свободная воля становится словно преградой в созерцании добра. Человек, совершивший грех, совершил его свободно и с проявлением желания. Он продолжает использовать личную свободу воли, чтобы действовать согласно личным желаниям, но не с теми, к которым должен стремиться (согласно христианской этике). Принимая во внимание свое милосердие, Бог избрал отдельных к действию спасения. Совершил он это в контексте действия своей благодати. Последняя предшествует доброй воле человека.

Вместе с тем, свободная воля человека по своей природе не может быть причиной аморального или морального поступка, как и, в конце концов, поводом аморального поведения также. На его долю приходится всего лишь причинность осуществления выбора или в пользу того или иного вида поступка, или на его преграду. Обобщая, заметим, что свободная воля является необходимым условием реализации морального поступка, ведь без нее нельзя говорить о нравственности или аморальности поступка. Многие из современных канонистов, опираясь на учение Августина, убеждены, что, имея свободу, человек имеет все шансы стать или святым, или вести аморальный, грешный образ жизни. Другими словами, причиной греха есть, прежде всего, желания человека использовать личную свободу (в данном случае, моральную свободу) для удовлетворения своих похотей, страстей или утаенных аморальных желаний.

По этому поводу справедливо отмечает М. А. Олесницкий: как в физической природе господствует всеобщий и неизменный закон, производящий повсюду порядок и красоту, так и в мире духовном, и в частности в области человеческой жизни, господствует такой же всеобщий и неизменный закон, устанавливающий повсюду порядок и производящий благо. Оба закона имеют свое основание в святой, всемогущей и благой воле Бога. Но если в физической природе закон осуществляется с необходимостью, то в человеческой жизни он исполняется свободно. В первом случае присутствующими является принуждение и неизбежность, а, во втором, – обязательство (то есть повеление без принуждения). Свободное или добровольное исполнение обязательств, налагаемых на нас законом или волей Бога, как Творца и как Искупителя нашего, называется нрав-

¹ Святе Письмо Старого та Нового Завіту / перекл. о. Івана Хоменка. – С. 192.

² Соколов В.В. Историческое введение в философию: история философии по эпохам и проблемам. – С. 376.

ственностью или нравственной жизнью, точнее – христианской нравственностью¹. Более глубокий комментарий представил Августин: «Если, в самом деле, человек есть некое благо и не может поступать правильно, если не захочет, он должен обладать свободной волей, без которой не может поступать правильно. Но от того, что благодаря ней также совершаются и прегрешения, конечно, не следует полагать, что Бог дал ее для этого. Следовательно, поскольку без нее человек не может жить праведно, это является достаточной причиной, почему она должна быть дарована. А что она дана для этого, можно понять также и из того, что, если кто-либо воспользовался ею для совершения прегрешений, наказывается свыше. Что было бы несправедливо, если бы свободная воля была дана не только для того, чтобы жить праведно, но и для того, чтобы грешить. Ибо, каким же образом было бы справедливо наказание того, кто воспользовался волей с той целью, для какой она и была дана? Теперь же, когда Бог карает грешника, что же, по-твоему, иное Он [тем самым] говорит, как не: «Почему ты не воспользовался свободной волей для той цели, для которой Я дал тебе ее, то есть для праведного поведения»? – Далее, разве было бы благом то, благодаря чему сама справедливость предназначается для осуждения прегрешений и почитания праведных поступков, если бы человек был лишен свободного решения воли? Ведь то, что не сделано на основе воли, не было бы ни грехом, ни праведным поступком. А потому и наказание, и награда были бы несправедливы, если бы человек не обладал свободной волей. Однако и в каре, и в награде должна быть справедливость, поскольку это – одно из благ, которые происходят от Бога. Таким образом, Бог должен был дать человеку свободную волю»².

Можем предположить, что Августин отделял свободную волю человека от свободы, и больше того, дискутировал по этому поводу с Цицероном. Последний утверждал, что в случае, когда человек признает то, что существует предварительная определенность всего, то вытекает, что **это делает невозможным нравственность человека**. Ведь зачем наказание или награда человеку, когда тот или другой его поступок не является проявлением ни его свободной воли, ни его нравственности, а, вместо того является проявлением каких-то случайных обстоятельств или Божьим промыслом? Здесь прослеживается предоставление Цицероном преимущества свободе человека, отбрасывая в таком случае общее управление миром. Августин, критикуя отрицание Цицероном Божьего промысла в мире, утверждал, что Бог, будучи всезнающим, дает право или возможность человеку самому свободно выбирать правильное решение относительно Его воли, выполнять ее или нет. Однако во всем бытии,

¹ Олесницкий М.А. Нравственное богословие: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/nravstvennost_i_duhovnost/olesnicky_bogoslovie_1g01_all.shtml

² Аврелий Августин. О свободе воли // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. – С. 26.

по мнению Августина, прослеживается Божья сила, поэтому и свободная воля человека также ведет свое начало у Бога. Она словно помогает человеку быть свободным, даря ему свою благодать, которая увеличивает значение свободной воли в жизни человека, а не отрицает ее или ограничивает.

Наконец, из уже изложенного можно сделать вывод, что Августин отстаивал свободу человека скорее **как свободу воли, а не как свободу действий**. Другими словами, говоря о выражении, скажем, «все в нашей власти», следует понимать лишь как то, что мы способны реализовать то, чего желаем. Вместе с тем, человеческая воля есть одной из тех вещей, которые неподвластны нашему воздействию или господству, поскольку в тот момент, когда человек чего-то желает, сразу выявляет присутствие личной воли. Личная же воля человека к действию, имея своим источником Божий промысел, должна формироваться человеком в пределах Божьих заповедей, что является основой христианской морали. Фактически, это в общих чертах отражает теорию Августина о свободе воли.

Человек должен научиться через призму собственного желания отличать в своем поступке физическое действие от проявления личной воли, принимая во внимание различие личной воли от действия духовной благодати. Промысел Божий, по мнению Августина, не ограничивает или заведомо не определяет волю человека. Человеку подвластно лишь стремление к тому, чего он желает, однако на самом деле он этого не способен достичь, поскольку успех достижения желательного вопреки всему зависит и от других, вне человеческого воздействия, факторов, а не от личной воли. То есть, не отрицая Божий промысел или Его свойство – всезнающий, – необходимо согласиться с Августином, что все же личная воля человека в этом контексте остается неприкосновенной и свободной. Божий промысел **не лишает человека «права» выбора альтернативы своих действий и поступков**, вместо того и личная свободная воля не действует вопреки Божьему промыслу. Другими словами, **корреляция Божьего промысла и человеческой воли** создает человека свободным. Как отмечает А. И. Пашук, Бог сотворил человека свободным, то есть лицом, существом, **свободным осуществлять выбор между добром и злом, но вместе с тем обязанным нести ответственность за свой выбор**, а следовательно, обреченным на моральное возмездие за этот выбор¹.

В рамках свободы человека, его воли, Августин размышляет и над действием Божьей благодати, как внешней относительно человека силы, которая словно бы устраняет его свободу. То есть теоретически, здесь можно предположить непричастность свободной воли к спасению человеческой души, принимая во внимание то, что, согласно Августину, после

¹ Пашук А.І. Нариси з історії філософії середніх віків. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – С. 108.

грехопадения свободной воли как такой не существует. В свою очередь, Божья благодать играет, в случае спасения, ключевое значение. В конце концов, Августин один из немногих тогдашних отцов церкви, если не первый, кто сумел обосновать непревзойденность влияния и действия Божьей благодати, особенно, что касается преобразования ею личной воли человека. Божья воля, прежде всего, как и свободная воля человека, по мнению Августина, является апогеем непознаваемости Бога и невозможностью его осмысления в рамках любых логических операций.

Фома Аквинский отрицал понимание свободы человека как **неподчинения воздействию извне и неограниченности в действиях**, делая ударение на том, что **сущность свободы состоит в согласованности с необходимостью**¹, признавая тем самым унормированность свободы человека социальными регуляторами.

Разнообразие позиций проявляется и в эпоху Реформации. Так Эразм Роттердамский защищал идею свободы воли. Против нее выступал Лютер, настаивая на буквальном прочтении догмата о Божественном предопределении. Бог, изначально, призвал одних людей к спасению, других приговорил к вечным мукам. Будущая судьба человека остается, однако, неизвестной ему самому. Лютер при этом указывал на особую сферу бытия, «испытывая» которую личность в состоянии рассмотреть проступающие в ней знаки избранности. Идетя о сфере человеческой повседневности и прежде всего о профессиональной деятельности, успешное осуществлении которой есть признак состоятельности (избранности) личности перед лицом мира и Бога. Аналогичную позицию занимает и Кальвин, считающий, что воля Божья всецело программирует бытие человека. Протестантизм практически низводит свободу воли к минимальному значению. Фундаментальный парадокс протестантской этики состоит, однако, в том, что постулируя пассивность человеческой воли в осуществлении Божьей благодати, она, заставляя человека разыскивать «шифры» избранничества, тем самым сумев воспитать активистский тип личности. С протестантизмом полемизировал Л. де Молина (1535–1600): среди разных выводов всевидения Божия его теория выделяла особое «среднее знание» о том, что может произойти вообще, но конкретно осуществится при соблюдении определенного условия. Это условие Молина и связывал с живой человеческой волей. Этот взгляд получил свое дальнейшее развитие у Суареса, полагавшего, что Бог сообщает свою благодать лишь тем действиям человека, в ходе совершения которых помощь Бога не подавляет свободу воли. Учение К. Янсения (1585–1638), по сути, возрождает идеи Кальвина и Лютера – человек волен выбирать не между добром и злом, а лишь между разными видами греха. Аналогичный взгляд был развит также Л. де Молиным, утверждавшим идею пассивности человеческой души перед лицом Бога².

¹ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права. – С. 244.

² Ждановский А.П. Свобода воли: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophi-terms.ru/word/%D0%A1%D0%B2%D0%BE>

Инокентий Гизель напротив настаивал на активности человеческой души, утверждая, что воля является **душевной силой разумной души**, которой душа пристает к доброму ранее познанному разумом. Признаком воли есть свобода, которая состоит в том, что воля может что-то хотеть, либо того не хотеть, либо хотеть противоположного к тому. Выявления свободной воли бывают добрые и злые: добрые выявления есть тогда, когда воля чего-то хочет согласно справедливому суждению, которое направляет по Закону Божьему. Злые проявления есть тогда, когда воля хочет чего-то, что противоречит справедливому суждению. Свобода воли есть причиной и грехов, и добрых дел: поскольку никто не грешит и не делает добра в том, от чего не может уклониться¹.

Таким образом, Западный мир получил информацию о ценности свободы и права из двух источников: античного и христианского. Однако в христианском мировосприятии смысл свободы приобрел новую интерпретацию и новое универсальное значение. Христианство, прежде всего, выявило знак недоверия и неоправданности к строго-логическому толкованию бытия мира. Христианская интерпретация свободы выводит ее постижение вне чисто политической и государственной сферы. Удержание от политической активности и карьеры признается предпосылкой для приобретения правдивой свободы, что является непосредственным условием спасения человека от греховности. Христианское мировосприятие стало решающим фактором для целиком нового, иного, нежели в античности, разумения свободы. Мы и сегодня фактически отождествляем свободу со свободой воли, что не было свойственно древнегреческой философии. Там свобода носила исключительно прикладной характер к тому, что считалось субстанционным основанием действия, либо активности человека. Христианская философская мысль открыла путь к целиком личной ответственности человека за свой жизненный путь перед лицом Господа, голос которого слышен в дарованной людям свободе благой воли. Человек создан Богом, чтобы в окружающий мир необходимости, потребности и принуждения привнести возможность нового начала, то есть свободу, которая совпадает с благой волей. Дорога к Богу прокладывается человеком исключительно его личными усилиями поступать свободно, на основе выбора лишь собственного внутреннего духовного труда. Ибо когда человек не проявляет своей свободы, то он фактически распространяет зло уже только тем, что он пассивен, подчинен обстоятельствам мира или внешней безрассудности, имеющей всегда место. С дара свободы воли должно начинаться действие человека, смысл которого в привнесении любви к ближнему, либо добра к грубому окружению. Свобода в христианстве осуществляется покаянием, прощением, милосердием и благодарностью, — действиями и словами, которые приходят на землю благодаря

Д0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B8

¹ Гизель І. Вибрані твори в 3 томах. Том 1. Книга 1. — Київ-Львів: Видавництво «Свічадо», 2012. — С. 79.

сознательному выбору человека между тем, чего он хочет, и тем, что он может совершить¹.

Тема свободы воли обнаруживает себя и в философии Нового времени. Томас Гоббс писал, что, по его мнению, свободу можно правильно определить следующим образом: свобода есть отсутствие всяких препятствий к действию, поскольку они не содержатся в природе и во внутренних качествах действующего субъекта².

Для Гоббса свобода воли значила, прежде всего, отсутствие физического принуждения. Свобода интерпретируется им в индивидуально-естественном измерении: человек тем более свободен, чем больше возможностей для саморазвития открывается перед ним. Свобода гражданина и «свобода» раба различается лишь количественно: первый не обладает абсолютной свободой, о втором нельзя сказать, что он совершенно не свободен. Согласно Спинозе, свободен только Бог, так как только его действия детерминированы внутренней закономерностью, человек же как часть природы не свободен. Тем не менее, он стремится к свободе, переводя неотчетливые идеи в отчетливые, аффекты – в рациональную любовь к Богу. Разум умножает свободу, а страдания сокращают ее, – считал Лейбниц, различая *свободу негативную (свободу от...)* и *позитивную (свободу для...)*. Для Локка понятие свободы равнозначно свободе действия; свобода – это способность действовать в соответствии с сознательным выбором. Именно свобода воли, противопоставляемая разуму, выступает фундаментальным определением человека, – такой взгляд Ж.-Ж. Руссо. *Переход от естественной свободы, ограниченный силами самого индивида, к «моральной свободе»* возможен посредством использование законов, которые люди приписывают сами себе. Согласно Канту, свобода воли возможна лишь в сфере нравственной закономерности, противопоставляющей себя закономерности природы. Для Фихте свобода – это инструмент осуществления нравственного закона. Шеллинг находит свое решение проблемы свободы воли, считая деяния свободными, если они проистекают из «внутренней необходимости сущности», свобода человека стоит на перепутье между Богом и природой, бытием и небытием. Согласно Гегелю, христианство вносит в сознание европейского человека идею о том, что история – это процесс в осознании свободы. Ницше считал всю историю морали – историей заблуждения относительно свободы воли. Согласно его воззрению, свобода воли – фикция, «заблуждение всего органического»³.

¹ Карась Анатолій. Філософія громадянського суспільства в класичних і некласичних інтерпретаціях: монографія. – С. 29-31.

² Гоббс Т. Избранные произведения. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Мысль. 1964. – С. 555.

³ Ждановский А.П. Свобода воли: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophi-terms.ru/word/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B8>

На сложный, тернистый путь генезиса становления и развития учения о свободе обращает наше внимание Лорд Актон (Джон Эммерих Эдвард Дальберг). Свобода, констатировал он, ***стала следующим, после религии, понуждением к добрым делам и распространенным предложением к преступлениям*** еще от зерна, кинутого в Афинах 2460 лет тому, к щедрому урожаю, собранному настоящим человечеством. ***Она является нежным плодом зрелой цивилизации;*** и минуло далеко не одно столетие, пока нации, познавшие значение этого слова, решили быть свободными. Каждые сутки на пути ее прогресса стояли естественные враги – невежество и предрассудки, страсть к завоеваниям и любовь к бездействию, пылкое желание власти со стороны сильных мира сего и не менее пылкое желание иметь продовольствие со стороны бедных. В течение продолжительных периодов она была полностью забыта, когда нации спасались от варварства и порабощения чужеземцами и когда постоянная борьба за существование и потеря людьми хоть какого-то интереса к политике и ее пониманию сделали их весьма расположенными выменять свое первородное право на саму поживу и неосознание драгоценного сокровища, которое они упустили. Во все времена искренние друзья свободы встречались редко, и своими победами она обязана меньшинству, которое имело возможность торжествовать, соединяясь с сподвижниками, чьи цели часто отличались от ее собственных; всегда опасные, эти объединения иногда становились катастрофическими на самом деле в результате предоставления оппонентам почвы для оппозиции и через разжигания споров о вознаграждениях вовремя успеха. ***Никакое препятствие не было таким постоянным или трудным для преодоления, как неопределенность и путаница вокруг природы истинной свободы.*** Если вражеские интересы и наносили большой ущерб, то еще более – ошибочные идеалы; так и ее прогресс одинаково увековечен в росте знаний, как и в усовершенствовании законов. Часто история установлений является историей обмана и иллюзий; поскольку их ценность зависит от идей, которые их создают, и от духа, который их оберегает, и форма может оставаться неизменной, когда субстанция уже исчезла¹.

В философии понимание ответственности человека, по обыкновению, связывается с категориями свободы, свободы воли, свободы принятия решений, свободы действий. Свобода при этом рассматривается как онтологическая основа ответственности. Так, Г. Герц полагал, что свобода и ответственность объединяют активные общественные действия людей в единое целое. Ответственность – это требование к человеку, состоящее в способности предусмотреть результаты собственного выбора, объективно оценивать свои действия и анализировать их. Для ответственности боль-

¹ Лорд Актон. Свобода як головна політична цінність // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. Антологія. Упорядники: Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Вид. дім «Простір». «Смолоскип», 2008. – С. 644.

шое значение имеет выбор как основа действия, от которого зависит развитие личности. Моральный выбор и ответственность являются проявлением свободы в том случае, когда служат общественному прогрессу¹.

В этой связи важным есть уяснение этимологического значения категории «свобода». В энциклопедических источниках содержатся различные определения термина «свобода». Наиболее доступные из них определяют «свободу» как: 1) способность человека овладевать условиями своего бытия, преодолевать зависимость от естественных и социальных сил, сохранять возможности для самоопределения, выбора своих действий и поступков²; 2) осознанная необходимость и действия человека согласно своим знаниям, возможностям и способности выбора в своих действиях³; 3) способность человека к активной деятельности согласно своим намерениям, интересам, при которой она стремится достичь поставленной перед собой цели⁴; 4) естественное состояние народа или отдельного человека, характеризующееся возможностью действовать по собственному усмотрению. В узком понимании – субъективная возможность человека и гражданина осуществлять или не осуществлять определенные действия, основывающиеся на его конституционных правах и свободах⁵; 5) философская категория, в которой отражается свобода действий человека как разумного существа, основывающаяся на познании и практическом использовании объективных законов, на покорении человеком стихийных сил природы и познании законов общественной жизни⁶.

Есть основания согласиться, что ключевым элементом эволюции гражданского общества является мера осуществления свободы человека в социальной, экономической и политической сферах. Расширение либо сужение свободы тесно связаны с соответствующими дискурсивными практиками и присутствующими в них «виртуально возможными мирами», которые существуют в контекстах определенной семиотической реальности. Особую роль в системе семиотической реальности выполняет институт социальной ответственности человека. Свобода в публичной и общественной сферах связана с ответственностью, которая имеет одновременно и личное, и социальное основание. Вне ответственности в общественной сфере свобода и моральная автономия человека не могут фактически осуществляться, впадая в виртуальное пространство интеллектуального ожидания и непрерывных дискуссий под воздействием все новых неожиданных «знаний». Под воздействи-

¹ Нравственные проблемы развития личности. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 46.

² Современный философский словарь / под ред. проф. В.Е. Кемерова. – М. – Бишкек-Екатеренбург: Одиссей, 1996. – С. 439.

³ Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – Т. 4. – С. 559.

⁴ Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 569.

⁵ Юридична енциклопедія: в 6 т. – К.: Українська енциклопедія, 1998. – Т. 5. – С. 441.

⁶ Український радянський енциклопедичний словник: в 3 т. – К.: Українська енциклопедія, 1968. – Т. 3. – С. 231.

ем последних неотвратимыми становятся убеждения, которые изменяются вплоть до противоположных, ибо эмпирические знания никогда не бывают исчерпывающими, но часто становятся ложными, ошибочными, и собственно в ипостаси неправдивости они способны обуславливать внешне свободные интеллектуальные дискуссии духом ложных убеждений и несвободы¹.

Ответственность человека является закономерным проявлением его свободы, но не единственным. Она – следствие его безответственного поведения, тогда как ответственное поведение человека не порождает такого последствия. Следовательно, не существует ответственности человека вне его свободы. Как утверждают Р. И. Косолапов и В. С. Марков, свобода и ответственность – это две стороны единого целого – сознательной человеческой деятельности. Свобода – это возможность реализации целенаправленной деятельности, способность действовать в рамках знания сути вещей, и реализуется она настолько, насколько более глубокими являются знания объективных условий, точнее к этим условиям избраны цель и средства ее достижения. Ответственность – продиктованная объективными условиями, их осознанием и субъективно поставленной целью, необходимость выбора способов действия. То есть свобода порождает ответственность, ответственность – направляет свободу².

Ответственность человека, как верно подчеркивают Г. И. Иконникова и В. П. Лященко, является органическим свойством его свободы. Произвол собственно потому и не является свободой, поскольку он не предусматривает ответственности. Свобода всегда признает за субъектом определенные права относительно общества, но в то же время требует от него ответственности (выполнение обязанностей) перед обществом. Ответственность является органическим свойством свободы. Человек и другие субъекты общественных отношений осуществляют свою деятельность не инстинктивно, а сознательно. Это означает, что разум, непосредственно юридически оформленный, не позволяет социальному субъекту делать все, что ему угодно. Свобода – это возможность жить по собственному усмотрению в пределах, определенных социальными нормами. Жить же по собственному усмотрению – означает выбирать между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, нравственностью и аморальностью, быть творцом – реализовать себя как лицо и отвечать за свой выбор перед обществом и собой³.

Свобода человека – это возможность делать или не делать. То есть любая свобода предусматривает выбор. Об этом говорит и современный экзистенциализм: свобода – это всегда ситуация выбора человека меж-

¹ Карась Анатолий. Філософія громадянського суспільства в класичних і некласичних інтерпретаціях: монографія. – С. 9, 171-172.

² Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. – С. 72.

³ Иконникова Г.И., Лященко В.П. Философия права. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 253–254.

ду разными возможностями, здесь прежде всего речь идет о выборе ценностей, а не конкретных действий, ибо последние предопределяются первым. В современном человеческом познании явным образом прослеживается размежевание проблемы воли, которая понимается как произвольное управление человеком своим поведением на основе сознательных решений, проблемы выбора, как конкретных действий, которые могут быть зафиксированы внутренним наблюдением и собственно свободы, которая тесно переплетается с вышеназванными понятиями, однако не сводится к ним, а наоборот, предлагает исключительно свое существование в человеке¹.

Ответственность человека является обратной стороной его свободы, которая неразрывно связана с ним и всегда его сопровождает. Тот, кто действует свободно, полностью отвечает за свои действия. Каждый человеческий поступок как следствие свободно избранного решения в ситуации морального выбора, так или иначе, затрагивает интересы других людей, общества. Поскольку моральный выбор выражает реальная связь лица с другими людьми, а наступившее последствие приобретает определенное значение для других людей, то это всегда налагает ответственность на это лицо².

Ответственность человека, таким образом, представляет неотъемлемое органическое свойство свободы, ее обратную сторону в смысле свободы воли и действий человека, являющегося субъектом свободы и вместе с тем субъектом ответственности. Свобода человека принадлежит к числу основных общечеловеческих моральных добродетелей общества, которыми, в частности, есть совесть, справедливость, гуманность, независимость, равенство.

В контексте понимания **ответственности человека как необходимости** и условия **свободы**, Н. А. Мясникова выделила несколько ее измерений, среди которых:

– **онтологическое измерение** – дает представление о трансцендентальной ответственности человека как характеристике человеческого бытия, меняющего свою конфигурацию и характеристики под воздействием современной реальности (ответственность – фундаментальный элемент жизнедеятельности, адекватный мгновенности, которая играет интегральную функцию на уровне индивида и общества, вместо того модель «неустойчивой» ответственности является адекватной условиям современной реальности);

– **аксиологическое измерение** – рассматривает ответственность человека как саму собой определенную ценность, как благо, которое должно реализовываться практически;

¹ Разгильдиева М.Б. Правовые убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография. – С. 90.

² Этика / за ред. В.О. Лозового. – К.: Юрінком інтер, 2007. – С.110–111.

– *праксеологическое измерение* – это реализация ответственности человека как элемента современных социальных практик¹.

От философов древних веков и до современных философов разумение свободы и ответственности человека как основных начал демократического порядка, как правило, связывали и связывают с категорией *разум*². Свобода преимущественно мыслилась и мыслится философами как *«разумная необходимость»*, не имеющая абсолютного характера. Так, по мнению Аристотеля, в основе психофизической деятельности человека находятся две первопричины – *стремление и разум*. Их объединение порождает волю – начало, родившееся в разумной части души, основой которого являются знания. Воля является промежуточным звеном между разумной деятельностью и импульсивным поведением человека³.

Платон понимал свободу человека как склонность к добру, благодаря которой человек превращается в свободного участника общественных отношений. Свобода – это *состояние разумности*, помещенное в человеческой душе. Свобода изначально не свойственна человеку, она является состоянием, которого нужно достичь⁴.

Фома Аквинский считал началами собственно нравственных деяний с внутренней стороны – добродетели, а с внешней – законы и благодать. Он анализировал добродетели как навыки, позволяющие людям устойчиво использовать свои способности во благо и противостоящие им пороки. Следуя аристотелевской традиции, он полагал, что для достижения вечного счастья помимо добродетелей существует необходимость в дарах, блаженствах и плодах Святого Духа. Нравственную жизнь Фома Аквинский не мыслил вне наличия *теологических добродетелей* – веры, надежды и любви. Вслед за ними идут четыре «кардинальные» (основополагающие) добродетели – *благоразумие*, справедливость, мужество и умеренность, с которыми связаны остальные добродетели⁵.

Рассматривая онтологическую *связь закона и разума*, Фома Аквинский подчеркнул, что *разум* устанавливает не только то, что служит общему благу, но и то, что направлено к частному благу одного. Как *разум* есть основа человеческих поступков, так и в самом разуме заключено нечто, что является основой всего остального. Человеческий *разум* сам по себе не является правилом вещей. Но принципы, запечатленные в нем от природы, служат некими общими правилами и мерилами всех деяний

¹ Мясникова Н.А. Свобода и ответственность при конструировании жизненной стратегии индивида // Філософські перипетії: Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2006. – № 750. – С. 72.

² Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 570.

³ Антология мировой философии: Античность. – Минск: Харвест, 2000. – С. 371–377.

⁴ Платон. Диалоги. – М.: Эксмо, 2009. – С. 182–183.

⁵ Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. IV – С. 260

человека, для которых естественный **разум** есть правило и мерило, хотя и не является мерилем того, что относится к природе¹.

Подобный ход мыслей, характерный для понимания свободы воли человека и его связи с разумом, мы находим у Иоганна Скотта Эриугена. Он, утверждая божественное происхождение воли, пришел к выводу, что Бог подчинил природу человека **разумной воле**, которая является его неотъемлемой чертой. Без разумной воли человек не может жить. Если уничтожить разумную волю, то человека не будет².

Основателем современного юридического рационализма, рационального мироощущения считают Рене Декарта. «Все, что понимает **разум**, – полагал Декарт, – он понимает правильно, и невозможно, чтобы он ошибался. Откуда же рождаются мои заблуждения? Очевидно, только из того, что воля, будучи более обширной, чем ум, не удерживается мной в границах, но распространяется также на вещи, которых я не постигаю»³.

Р. Декарт, утверждает В. А. Бачинин, стоял у истоков классицизма как культурного стиля с его антропоцентризмом, рационализмом, идеями порядка и уравновешенности всех миров: божественного, природного, социального и духовного, которым надлежит не конфликтовать между собой, а мирно сосуществовать в пределах задаваемых разумом императивов и границ. Р. Декарт считал, что то, что проявляется как моральность и аморальность, есть «привычки души», предрасполагающие людей к определенным умонастроениям и действиям. Одни люди находят внутри себя силы для овладения своими страстями, а другие к этому неспособны. Но в обоих случаях источником различных форм социального поведения оказываются антропологические способности их психики и разума. Антропосоциологическая позиция Декарта опиралась на несколько основополагающих этических принципов: 1) принцип **приоритета разума над страстями**, т.е. уверенность, что высшая добродетель состоит в умении разрешать противоречия между разумом и страстями в пользу разума, что высшая доблесть и справедливость заключаются в действиях, предписываемых не аффектами, а разумом; 2) принцип изначальной моральности и законопослушности человеческого разума, уверенность в том, что именно разум способен наикратчайшим путем вести человека к истине, благу и справедливости; 3) принцип социального служения, утверждавший, что долг, предписываемый разумом, заключается в честном и самоотверженном служении человека своему государю и государству. Антропоцентризм Декарта проявился и в сфере методологических проблем, касающихся обоснования нового

¹ Аквинский Фома. Сумма теологии/ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа: V-XVII вв. – М.: Мысль, 1999. – С. 581, 584, 588

² Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / редкол. И.Т. Фролов и др. – М. Политиздат, 1991. – С. 164.

³ Декарт Р. Метафизические размышления // Избранные произведения. - Москва - Ленинград: Госполитиздат, 1950. - С. 376-377.

метода философского познания. Взяв за основу принцип сомнения, Декарт утверждал, что человек может сомневаться во всем, кроме факта собственного мышления. Мыслящее «я» – это абсолют, перед которым отступают любые сомнения: «*ergo cogito, ergo sum*» («я мыслю, следовательно, я существую»). Способность к рациональному мышлению Декарт считал исходной для философского познания. Не вера, не страсти, не инстинкты, не интуиция, а **разум – альфа и омега философствования** о мире и человеке, о нормах и ценностях, о морали и праве. Разум становится исходным основанием нормативных и ценностных построенных естественно-правового характера¹.

В основе человеческого поведения, по Томасу Гоббсу, лежат мотивы корыстности, определяющиеся его **желанием и разумом**, которые также рассматривались им в соотношении **с необходимостью**².

Б. Спиноза связывал свободу человека с **разумным ограничением** его стремлений. Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов он называл **рабством**. Такой человек не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему. По его мнению, человек **разумный** следует общему порядку природы, повинуюсь ему и пристраиваясь к нему, насколько того требует природа вещей, потому что **разум** не требует ничего противного природе. Познание природы вещей дает человеку гарантию личной свободы. Его желания, возникающие из разума, чрезмерными быть не могут. Свободной есть лишь тот человек, который руководствуется одним только разумом. **Свобода человека – это не индивидуальный произвол, а познанная человеком необходимость**³.

Свобода в обществе, по мнению Д. Локка, принадлежит человеку, способному **действовать или не действовать согласно предписаниям разума** и общеустановленным правилам добровольности и признания достоинства человека⁴. Свободы человека не может быть там, где нет мысли, нет желания, нет воли. Свобода человека предполагает **разум и волю**⁵. Свобода человека и свобода действовать согласно своей воле, утверждал Дж. Локк, основывается на том, что человек имеет **разум**, что он способен научить его закону, которым он должен руководствоваться, и принудить его понять, в какой мере в нем остается свобода на собственную волю. Предоставить человеку неограниченную свободу, прежде чем

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – С. 248-249.

² Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – С. 233.

³ Б. Спиноза. Избранные произведения. – М.: Госюриздат, 1957. – Т. 1. – С. 521, 529, 537, 571, 576.

⁴ Локк Дж. Два трактата про вярдування. – К.: Основи, 2001. – С. 180.

⁵ Локк Дж. Сочинения: в 4 т. – Т.1. – М.: Мысль. 1985. – С. 289.

он будет иметь **разум**, способен руководить ею, не значит предоставить ему привилегии быть свободным по своей природе¹.

Э. Берк мечтал, чтобы Франция была оживлена духом **разумной свободы**. Если все гарантии умеренной свободы не будут подтверждены, считал он, то ничто не мешает вернуться к деспотии. Что такое свобода без мудрости и добродетели? – вопрошал он, отвечая, что это величайшее из всех возможных зол; это безрассудство, порок и безумие, не поддающиеся обузданию².

Человеческая способность согласно И. Канту, детерминируется тремя факторами: а) чувственностью; б) здравым рассудком; в) разумом. **Чувственностью** называется способность человека получать представление тем образом, которым предметы влияют на нас. Это интуитивно-целостное постижение предмета в его присутствии, под воздействием впечатлений, которые он дает. **Здравый рассудок** – это способность человека говорить и думать о предметах, не получая от них непосредственных впечатлений. Это его опосредствованная способность размышлять с помощью суждений, понятий, логики и мышления. **Разум** человека как понятие характеризуется И. Кантом следующим образом. **Первое**, разум, в отличие от чувственности и рассудка, является способностью человека к опосредствованному, прямо не связанному с опытом познанию. **Второе, разум** – это способность человека к наивысшему обобщению, синтезу, единства познания. **Разум** – это суммирование обработанного рассудком материала чувственности под высшее единство мышления. **Третье**, разум является способностью человека вырабатывать понятия. **Четвертое**, разум, в отличие от рассудка, как способности человека давать правила, является способностью формировать принципы при познании частичного, в общем, через посредничество понятий. **Пятое**, если здравый смысл – это способность человека к суждению, то есть его способность размышлять, то разум понимается как способность человека строить умозаключения, способность их делать. По И. Канту, **есть три идеи разума: Бог, свобода и бессмертие**³.

В этом плане видение И. Кантом значения разума человека, в какой-то степени, как идея, концепт созвучно с учением стоиков о природе человека, в основе которого лежит **«логос» – разум**, разлитый во всем сущем и обеспечивающий неодушевленным предметам «устойчивое состояние», растениям – «произрастание», животным – «самодвижение», а в людях и богах выступающий как разум в собственном смысле. Следовательно, «жить по природе» для человека значит **«жить по разуму»**, а нравственная цель – через усовершенствование этой природы прийти к «добродетели». Но, соответственно разумной природе человека, совершенная добродетель есть совершенное знание, или мудрость. Путь, указываемый

¹ Локк Дж. Два трактата про вярдування. – С. 162.

² Берк Э. Размышления о революции во Франции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php

³ Філософія: навч. посібник / за ред. М.П. Гетьманчука. – Львів: ЛьвДУВС, 2010. – С. 102–105.

стоиками, совпадал со стремлением Сенеки прийти к нравственной норме через **разумное суждение** и знание¹.

Г.В.Ф. Гегель связывал **разум** со значением Абсолютного духа, считая, что дух есть латентным для истории, а его сущностью есть свобода, которая выступает основным интерпретативным знаком и самоосознания, и саморазвития, и прогрессивных изменений в истории. Он не воспринимал Кантовского «чистого разума» как условия принципа единства между субъектом и миром, применяя весьма мистифицированный концепт **«хитрости разума»**, через который Абсолютный дух направляет исторический процесс на пути осознания и выявления свободы. Пребывая в контексте определенной целесообразности Абсолютного духа, **хитрость разума** осуществляется в двух основных формах: 1) в образовании наций-государств, которые успешно возникали на протяжении исторического развития; 2) в действиях выдающихся исторических личностей, которые осуществляют величественные исторические изменения. Хитрость разума осуществляется не столько в экономической сфере, сколько в духе народа. Согласно гегелевской философии, разум является ключевым интерпретантом смысла национального государства. Разумное предназначение человека, – полагал Г. В. Ф. Гегель, – жить в государстве, а если государства еще не существует, то наличествует требование разума, чтобы оно было создано².

По мнению Вильгельма фон Гумбольдта, уже целиком доказан принцип, что **истинный разум** может желать человеку лишь такое состояние, когда не только каждый отдельный индивид имеет более нескованную свободу самому развивать себя во всем своем своеобразии, а и физическая природа под действием человеческих рук приобретает лишь такую форму, которую по собственной воле предоставляет ей каждый отдельный индивид согласно своим потребностям и склонностям, ограниченный только своими способностями и правами. От этого принципа, считал он, разум не должен отступать, разве что такое отступление будет необходимо для сохранности самого принципа. Поэтому этот принцип должен быть в основе любой политики³.

Следует обратить внимание, что начиная с античных времен, философы осмысливали категорию **разум** также в сочетании с категорией **рассудок**, считая их основными типами умственной деятельности личности. Первым из мыслителей, кто уловил разнотипность характера мышления, был Гераклит, который показал, что **разум** состоит в возможности воспринять природу целостно, в ее движении и взаимосвязи. Сократ по-

¹ См. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Переиздание / перевод, послесловие и примечание С. А. Ошеровича / Кемеровское кн. Изд-во, 1986. – С. 397.

² Цит. по: Карась Анатолій. Філософія громадянського суспільства в класичних і некласичних інтерпретаціях: монографія. – С. 189-190, 221.

³ Вільгельм фон Гумбольдт. Позитивна і негативна держава // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулза. – С. 649.

нимал под рассудком средний, характерный для многих уровень мышления, способность согласовывать внутренние правила с внешней деятельностью¹. Платон выделял четыре состояния, возникающие в душе человека: на высшей ступени – **разум**, на второй – **рассудок**, третье место уделено **вере**, а последнее – **уподоблению**. В своих раздумьях о модели государства он исходил из иерархии наивысших способностей человека: разума, воли и чувств. При этом каждой из этих наивысших способностей человека корреспондирует своя добродетель: **разуму** – мудрость, **воле** – мужество, **чувствам** – умеренность в проявлении². **Разум** двояк: один – совершенно непостижимый и в то же время достоверный; другой – безошибочно знающий предметы; из них первый присущ Богу и недоступен для человека, а второй доступен и для человека. Он также двоякого рода: один относится к умопостигаемому, другой – к чувственному. **Разум**, относящийся к умопостигаемому, есть наука – это научный разум; а к чувственному относится мнящий **разум** – это мнение. **Научный разум** верен и постоянен, поскольку он понимает верное и постоянное. Вероятностный и мнящий всего лишь правдоподобен, так как он понимает непостоянное³.

Платон считал, что **разум является** способностью созерцать сущее в понятиях, а рассудок достаточен для обыденного применения в практической деятельности. **Рассудок** проявляет себя в частных науках, в какой-либо специальной области. Его функция – составление суждений, формальное отношение к вещам. **Разум** же ориентирован на сущее; он рефлексивен⁴. **Разум должен** не только созерцать вещи и создавать идеи, но и актуализировать их. Это задача деятельного (или активного) разума. В отличие от теоретического, или созерцательного, деятельный разум одновременно является и мышлением и объектом мышления, «реализованное знание то же самое, что познаваемый предмет»⁵.

Как утверждал Николай Кузанский, рассудок разрывает противоречия, противопоставляя противоположности друг другу. Существо рассудка – абстрактность. Разум мыслит и разрешает противоречия; он мыслит мир как процесс⁶. Николай Кузанский, предвосхищая более поздние работы И. Канта, различал четыре ступени познавательных способностей

¹ Спиркин А.Г. Философия: учебник. Второе изд. – М. Гардарики, 2002: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-394990.html?page=61>

² Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. – С. 973; Платон. Диалоги. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – С. 254.

³ Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. – С. 1456.

⁴ Спиркин А.Г. Философия: учебник. Второе изд. – М. Гардарики, 2002: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-394990.html?page=61>

⁵ См. Копнин П.В. Рассудок и разум: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philo.edu-ua.net/texts/philosophy/rassudok_i_razum

⁶ Спиркин А.Г. Философия: учебник. Второе изд. – М. Гардарики, 2002: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-394990.html?page=61>

человека: 1) чувственное восприятие; 2) рассудок, или дискурсивное мышление, разделяющее противоположности; 3) **разум**, ставящий противоположности в связь между собой; 4) мистическая интуиция, являющаяся непосредственным созерцанием совпадения противоположностей. **Разум** так же близок к истине, как многоугольник к кругу, ибо, чем больше число углов в писанном многоугольнике, тем более он приблизится к кругу, но никогда не станет равным кругу¹.

Адекватным и достаточным инструментом решения земных проблем (т.е. физического существования и регуляции жизни общества), как полагал Мартин Лютер, служит **разум** – величественный дар Бога, отличающий человека от животного. Однако, по мнению Лютера, человеческий разум («природный разум») в принципе неспособен проникнуть в тайну божественной милости, которая может быть познана лишь верой. Для веры же никакой рациональной предпосылки существовать не может, поскольку природный разум извращен грехом; религия такого разума не просто недостаточна, но порочна и ведет к идолопоклонству. В теологии такой **разум может** быть служанкой веры, дрессировщиком человеческой самонадеянности и никчемности. Вера рождает «просвещенный разум» – способность человека упорядоченно рассуждать над материалом, который дан в Писании².

Рассудок, утверждал Бенедикт Спиноза, абстрактен и действует по установленным, твердым правилам интеллекта, выводя на основе общих понятий заключения о явлениях мира. Спиноза высказал любопытную мысль: действующий по определенным правилам рассудок представляется неким духовным автором, а **разум служит** высшим регулятором общественной жизни и деятельности человека и направлен на всеобщее благо. Он находится в единстве с бытием, постигая вещи, существующие сами по себе³.

Разум, по Г. В. Ф. Гегелю, снимает ту неопределенность, которой приятное чувство характеризуется по отношению к предметам, очищает содержание побуждений от всего субъективного и случайного и знакомит в отношении содержания со всеобщим и существенным желаемого, а в отношении формы или умонастроении – с объективным, иначе говоря, с действием ради самой вещи. Сначала **рассудок**, или рефлексия, поднимаясь над непосредственным удовольствием, не меняет цели, или принципа. В этом случае рефлексия поднимается только над единичным удовольствием, сравнивает побуждения друг с другом и, следовательно, может предпочесть одно из них другому. Если рефлексия направлена не на удовольствие как нечто единичное, а на удовольствие в целом, она

¹ Ступени человеческого познания по Николаю Кузанскому: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vikent.ru/enc/1393/>

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. – С. 117

³ Спиркин А.Г. Философия: учебник. Второе изд. – М. Гардарики, 2002: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-394990.html?page=61>

имеет в виду благоденствие. Такая рефлексия еще остается внутри субъективного принципа, а цель ее – все еще удовольствие, но только большее, более разнообразное. Если человек превращает удовольствие в цель, то такая рефлексия отнимает у него стремление выйти за пределы удовольствия и совершить что-либо более высокое. Удовольствие неопределенно в отношении содержания именно потому, что может возникать в связи с любым предметом. В этом смысле в удовольствии нельзя, следовательно, найти никакого объективного различия, кроме количественного. **Рассудок**, взвешивая последствия, как раз и предпочитает большее удовольствие меньшему. **Разум** же, напротив, находит качественное различие, то есть различие в отношении содержания. Он предпочитает достойный предмет удовольствия недостойному. Он занимается, следовательно, сравнением природы предметов. В этом смысле он рассматривает уже не субъективное как таковое, а именно приятное чувство, а нечто объективное. Он, следовательно, учит тому, какие предметы человек должен желать ради них самих¹.

Свобода в сочетании с **разумом**, как полагал Дж. Локк, приобретает качества этических образцов поведения и является основой общежития людей. Благодаря функции разума свобода каждого становится «общим делом», осуществляемым всем народом. Свобода человека и свобода действовать по своей воле основывается на том, что человек имеет разум, способный научить его закону, которым он должен руководствоваться, и принудить его понять, в какой мере у него остается свобода на собственную волю².

В современной философской литературе рассудок и разум также являются предметом исследования. Прежде всего, о разуме. По мнению Л. Соколова, **разум** объединяет достаточно широкий спектр ментальных феноменов, к числу которых относят осведомленность, ощущение, мысли, память, внимание, эмоции и опыт. Элементом мышления есть ментальное состояние, которое объединяет взаимодействие перечисленных феноменов, что завершается привлечением **рассудка** и принятием соответствующих решений. Разум он представляет как систему, которая собирает, сохраняет, перерабатывает информации, дает ответ в форме принятых решений, языковой трансляции и биологических движений тела. Информация при этом поступает от пяти внешних сенсорных органов чутя, рецепторов на поверхности и внутри тела, что обеспечивает связь разума с внешней средой³.

¹ Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // История философии права. – СПб: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – С. 257–258.

² Карась Анатолий. Філософія громадянського суспільства в класичних і некласичних інтерпретаціях: монографія. – С. 73.

³ Соболев Леонід. Анатомія розуму. Б. м. (США): Xlibris Corporation, 2011. – С. 82-83.

П.В. Копнин считает, что разумное познание – это, прежде всего, оперирование понятиями и исследование их собственной природы. **Разум** не просто механически переставляет и группирует понятия, но осознает их содержание и природу и в соответствии с этим осознанием оперирует ими. Отсюда **разум** всегда выступает в определенной степени самопознанием. Самопознание как исследование природы постигающего мышления является не самоцелью, а средством более успешного познания объективного мира. Особенностью разумного познания является его целенаправленность. **Разум** постигает мир не созерцательно, а творчески активно, он отражает объект в необходимых формах его существования и движения, видит его не только таким, каков он есть, но и каким он может быть в процессе своего развития под воздействием практической деятельности человека. Творческая функция **разума** подчеркивалась и гипертрофировалась идеализмом, который превращал разум в творца действительности. На самом деле человек изменяет мир своим практическим действием, а разум направляет это действие, активно отражая объект. Творчески активное отражение обязательно предполагает синтез знаний, поэтому разум выступает синонимом синтетического познания. С его помощью охватывается широкий круг знания и формируются идеи. Таким образом, **разум** можно определить **как высшую форму теоретического освоения действительности**, для которого характерно осознанное оперирование понятиями, исследование их природы, творчески активное, целенаправленное отражение действительности, предполагающее синтез знаний. **Рассудочное познание** также оперирует абстракциями, однако не вникает в их содержание и природу. Для рассудка характерно оперирование абстракциями в пределах заданной схемы или другого какого-либо шаблона. Рассудочная деятельность не имеет своей собственной цели, а исполняет заранее заданную цель, поэтому отражение действительности рассудком носит до некоторой степени мертвый характер. Главная функция рассудка – расчленение и исчисление¹.

Поддерживая и развивая тезис Сократа, Платона и Аристотеля о соотношении понятий «знания» и «разум», Н. Карамышева, в контексте эволюции человеческого разума, определила два его вида: а) естественный разум – первичный, врожденный, генетически обусловленный; б) просвещенный разум – культурный, творческий разум, способный создавать искусственный мир, то есть техносферу, техногенную среду, артефакты культуры и цивилизации. Исследование взаимоотношения знания и разума, обоснованно полагает она, дает возможность более глубоко понять конкретный механизм когнитивной деятельности человека, направленной на освоение разновидностей знания, что представляет собой необходимое опосредствованное звено его практического использования².

¹ Копнин П.В. Рассудок и разум: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philo.edu.ua.net/texts/philosophy/rassudok_i_razum

² Карамышева Неллі. Знання і розум // Вісник Львівського університету. Серія філософські науки, 2007. – Вип. 10. – С. 107-108.

Известный научный интерес представляет модифицированный кантовский подход к пониманию разумности в деятельности человека, примененный Берти. Рассматривая человеческую деятельность как практическое понятие, аккумулирующее основные способности, без которых нельзя осуществлять поступки человека, он выделил три необходимые к этому способности: а) рефлексивность; б) разумность; в) автономность. При этом **рефлексивность** – больше, чем просто процесс мышления. Это общая способность думать, прежде чем действовать. **Разумность** же понимается как способность к разумному поведению. Разумность требует взвешенного отношения к причинам. В процессе взвешивания, или установления приоритетов, определяется основной принцип деятельности. **Разумный человек** – такой человек, который может понимать, реагировать и действовать, исходя из основного принципа. **Автономность**, как способность человека, означает его способность к самоопределению, к самоуправлению¹.

Не все философы, как в прошлом, так и в современном мире высказывались в пользу фетишизации разума как детерминанта человеческого поведения. Скептически относительно функции разума как одной из самых важных способностей человека высказывались, в частности, М. Шелер, К. Юнг, Г. Ф. Пухта, Ортега-и-Гассет и др. М. Шелер образно трактовал **разум** человека так: «это демон, сам бес, сила, которая разрушает жизнь и душу»². К. Юнг рассматривал антинормативное поведение человека как «освобождение безграничного влечения, взрыв неукротимой динамики животной природы; поэтому в дионисическом хоре человек появляется **в виде сатиры, сверху – Бог, снизу – козел**»³.

По мысли Г. Ф. Пухты, право основано не на разуме, а на свободе, поэтому из понятия разума нельзя прийти к понятию права. Для него без признания свободы как возможности выбора, в принципе невозможно существование права. Только вследствие наличия свободы у человека он становится субъектом права. Из свободы вытекают все юридические отношения. Следовательно, философы, «выводящие право из разума, находятся вне своего предмета; они или вовсе не доходят до понятия права, или доходят, делая скачки»⁴.

«Непонятно одно, – вопрошает испанский философ Ортега-и-Гассет, – почему разум уже давным-давно не открыл универсум всех истин? Как он позволил человечеству тысячелетиями забавляться в объятиях самых разнообразных заблуждений? Чем объяснить множество мнений и вкусов, господствовавших в истории веками, вместе с расами, индивидами? С точки зрения рационализма история со всеми ее бесконечными перипе-

¹ Berteau S. The Normative Claim of Law. – Oxford: Hart Publishing, 2009. – p. 191-202.

² Шелер М. Человек и история. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1992. – С. 89.

³ Юнг К. Психологические типы. – Минск: ООО «Попурри», 1998. – С. 167.

⁴ Пухта Г. Ф. Энциклопедия права. – Ярославль: Типография Г. Фальк, 1872. – С. 6.

тиями лишена смысла и представляет, собственно говоря, историю помех разуму на пути его самообнаружения. Рационализм антиисторичен»¹.

Таким образом, проблема пределов свободы человека, которая волновала умы философов разных эпох и школ. Например, Томас Гоббс считал, что максимальная свобода человека возможна только в пределах государства. Когда возникает государство, каждый гражданин сохраняет за собой столько свободы, сколько нужно для спокойной и благодатной жизни, отбирая у других ее лишь столько, чтобы их не бояться². Это приводит к **ограничению воли отдельного гражданина государственной необходимостью**³. Конечно, государство осуществляет это в частности и с помощью норм права.

Б. Спиноза главным рычагом власти видел страх перед нарушением установленных законов, которые ограничивают свободу человека в общественной среде. Однако, считал он, государство должно пользоваться этим рычагом лишь в крайних случаях, направляя свои основные силы на разумное сочетание общественных и частных интересов, на поддержание главного естественно-правового принципа – закона самосохранения. **Граждане, вместе с тем, обязаны добровольно ограничивать свою свободу, которая не может быть беспредельной.** Государство же должно гарантировать гражданам свободу мысли, совести, вероисповедания, слова, а также защищать частную собственность⁴. По его убеждению, человек, руководствующийся разумом, является более свободным в государстве, где он живет сообразно с общими постановлениями, чем в одиночестве, где он повинуеться только самому себе⁵.

Дж. Локк рассматривал два вида свободы человека – **«естественная свобода» и свобода человека в обществе**. Если в первом случае человек свободен от какой-либо власти человека, то в другом случае – он должен признавать ту законодательную власть, которая установлена по согласию всех. Свобода в обществе отвечает совместно созданному законодательству. Это свобода поступать по собственной воле во всех действиях, когда это не запрещено правилами, и не подчиняться непостоянной, неполной, неизвестной, деспотичной воле другого человека⁶.

Эдмунд Берк в свое время обобщил и подчеркнул, что **крайняя степень свободы** (которой есть ее абстрактное совершенство, но реальный недостаток) **нигде не поддерживается и не должна поддерживать-**

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? - М.: Издательство Наука, 1991. – С. 13.

² Гоббс Т. О свободе и необходимости // Томас Гоббс: соч. 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 373.

³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – С. 233.

⁴ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – С. 866.

⁵ Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума // Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 579.

⁶ Локк Дж. Два трактата про вярдування. – С. 159.

ся, где бы то ни было и никогда. Потому что крайности, как мы все знаем, в каждом деле, касающиеся наших жизненных обязанностей или удовлетворений, **являются разрушительными как для наших добродетелей, так и утех**. Свободу особенно нужно ограничивать, чтобы ею овладеть. Степень ограничения при любых обстоятельствах невозможно установить точно. Но каждый мудрый общественный совет должен поставить себе цель отыскать, – путем тщательных опытов и разумных, хладнокровных усилий, – меру того, сколько существует, а не как много этих ограничений каждое сообщество способно выдержать. Ибо свобода есть добро, которое нужно совершенствовать, а не зло, которое нужно уменьшать. **Она представляет собой не только благо наивысшего образца, но и животворный источник и мощь самого государства, имеющего ровно столько жизненной силы и мощи, сколько и свободы**¹.

Лорд Актон понимал под свободой гарантию того, каким образом каждый человек в своих действиях в связи с представлениями о собственной обязанности будет защищен против давления власти и большинства, обычаев и общепринятых мыслей. Государство правомочно приписывать обязанности и проводить линию между добром и злом только в своей непосредственной сфере. Вне пределов необходимого для его благополучия она может лишь предоставлять косвенную помощь для победы в жизненных битвах путем содействия влияниям, которые преодолевают соблазн, – со стороны религии, образования и распределения богатства. Во времена античности государство присваивало не надлежащую ей власть и вмешивалось в сферу личной свободы. В Средние века оно распоряжалось уж весьма малой властью и тем самым страдало от вмешательства со стороны других. Новейшие государства по обыкновению прибегают к обеим крайностям².

Целью государства, подчеркивал Д. Локк, является сохранение свободы и собственности, приобретенной в результате труда. Свобода является универсальным правом человека. Из этого можно сделать вывод, что свобода обязывает как человека, так и государство. Для того, чтобы всех людей можно было удерживать от посягательств на права других и нанесения вреда друг другу, чтобы соблюдался закон природы, требующий мира и **сохранения всего человечества, исполнение закона природы** в этом случае передано в руки каждому человеку, из-за чего каждый имеет право наказывать нарушителей этого закона в такой мере, лишь бы это могло не допустить нарушения этого закона, – утверждал он, – потому, что закон природы был бы, как и все иные законы, касающиеся людей в этом мире, напрасным, если бы не было никого, кто имел бы в

¹ Берк Е. Що таке справжня громадянська свобода // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. – С. 656.

² Лорд Актон. Свобода як головна політична цінність // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. – С. 645.

состоянии природы **власть выполнять этот закон**, и таким образом оберегать невинных и сдерживать обидчиков, и если кто-нибудь может подвергнуть наказанию другого за любое зло, совершенное им, то так и нужно ему делать. Ибо в состоянии абсолютного равенства, где по природе не существует превосходства или власти одного над другим, то, что может делать ради исполнения этого закона кто-то один, так же имеет право делать каждый. Итак, **в естественном состоянии один человек приобретает какую-то власть над другим**; но это не является абсолютной или неограниченной властью наказывать преступника, когда тот оказывается в его руках, согласно своим бурным страстям или неудержимому воображению собственной воли, а лишь властью наказывать его в той мере, как это приказывают **спокойный разум и совесть**, лишь бы наказание отвечало совершенному нарушению и было именно таким, чтобы могло служить **для покаяния и укрощения**. Поэтому лишь учитывая эти две причины один человек может законно причинить вред другому, то есть совершить то, что мы называем наказанием. Нарушая закон природы, злоумышленник тем самым заявляет, что живет по правилу, **отличающемуся от правила разума** и общего равенства, являющегося мериллом, установленным Богом для поступков людей ради их взаимной безопасности; и, таким образом, он становится опасным для человечества, ослабив и разорвав те узы, которые защищают людей от вражды и насилия. И в силу того, что это является преступлением против всего рода человеческого, против его мира и безопасности, гарантированных законом природы, каждый человек, благодаря праву, которое он имеет ради сохранения человечества в целом, может сдерживать или, же там, где это необходимо, – уничтожать вещи, вредные для людей, а затем может **наносить такую меру зла любому нарушителю этого закона, которая принудит того раскаяться в своих действиях**, и таким образом удержать его, а на его примере и других от подобных злодеяний. И в этом случае и на таком основании каждый человек имеет право подвергнуть наказанию преступника и быть исполнителем закона природы¹.

В пользу концепта естественности ограничения свободы человека в обществе высказался Джеймс Фицджеральд Стивен. Люди имеют такую натуру, – писал он, – что, хотя какую бы теорию добра и зла мы не решили признать, в мире всегда будет огромное количество плохих и равнодушных людей, – людей, которые умышленно будут делать все то, чего они не должны делать, и будут оставлять не совершенным все то, что они должны делать. Оцените часть людей, которые эгоистичны, сластолюбивы, непутевы, ленивы, абсолютно банальны и преисполнены незначительными мелочами, и подумайте, в какой мере самое свободное из свободных

¹ Локк Дж. Цілі політичного суспільства та врядування // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулза. Антологія. – вид. друге, переробл. / упор. Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Смолоскип, 2009. – С. 640.

обсуждений может усовершенствовать их. *Единственный способ, с помощью которого практически возможно повлиять на них вообще, – это принуждения либо ограничения*¹.

Л. Т. Гобгауз высказал соображение что *первым условием общей свободы является степень общих ограничений*. Без таких ограничений часть людей будет свободной, а часть несвободной. Один человек будет иметь возможность удовлетворять каждую свою прихоть, а другой будет лишен собственной воли, разве кроме той, которую этот человек изволит им дать. Если это самое утверждение сформулировать по-иному, то первое условие свободного управления – не своевольные указы властителя, а управление на основе определенных и устойчивых законов, которым подлежит и сам властитель².

Свободу как неотъемлемую черту достоинства человека рассматривал Жан-Жак Руссо. По его мнению, отказаться от свободы – значит отказаться от своего человеческого достоинства, от прав человека, даже от обязанностей – такой подход не совместим с человеческой природой³. По общественному договору, – писал он, – человек теряет свою естественную свободу и *неограниченное право* на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает. Поэтому надо точно различать *естественную свободу*, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и *свободу гражданскую*, которая ограничена общей волей. К числу приобретений человека в гражданском состоянии он добавляет *моральную свободу*, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания – это рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода. Переход от состояния естественного к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и предавая его действиям тот нравственный характер, которого он (человек) ранее был лишен. Только тогда, когда *голос долга сменяют плотские побуждения, а право – желание*, человек, который до сих пор считался только с самим собою, оказывается вынужденным действовать соответственно другим принципам и советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям⁴.

¹ Стівен Д.Ф. Свобода в межах моралі та права // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. – С. 679.

² Гобгауз Л.Т. Антологія свободи // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулза. – С. 472.

³ Чит. по: Капицын В.М. Права человека и механизмы их защиты. – М.: ИКФ «ЭК МОС», 2003. – С. 91.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 3. Европа, Америка: XVII-XX в.в. – С. 130-131.

Так же, как сознательное *подчинение закону* осознание необходимости ограничения поведения человека, понимали свободу И. Кант, Г.В.Ф. Гегель.

И. Кант, обосновывая антропоцентристское устройство мира, утверждал, что в центре мира находится человек и его отношение к окружающему миру. Он в мире первичен, а мир является результатом *разумных поступков* человека, осознающего свою обязанность. Принцип свободы человека как члена общества он выразил в следующей формуле: *никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет* (так, как он представляет себе благополучие других людей); *каждый вправе искать своего счастья* на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он этим не наносит ущерба свободе других стремиться к подобной цели – свободе, совместимой по некоторому возможному всеобщему закону со свободой каждого другого (т. е. с таким же правом другого)¹.

Для примера, И. Кант различал *внешнюю и внутреннюю свободу* человека. Внешняя свобода человека проявляется в действиях, в которых люди сталкиваются между собой. Вследствие этого *возникает необходимость такого регламентированного поведения людей*, при котором *свобода каждого была бы совместимой со свободой всех*. Внутренняя свобода, согласно И. Канту, является сугубо индивидуальной. Она не выходит за пределы индивидуальной психики отдельного лица и потому не допускает никаких ограничений. Это сфера внутренне-го осознания личностью своей обязанности, сфера норм нравственности.

Определение свободы человека по И. Канту, таким образом, имеет двойственный характер. С одной стороны, – это признание стремления человека к самопроявлению и самореализации, а с другой, – это определенный идеал или принцип, с которым должны согласовываться поступки человека. Однако сами поступки приобретали бы «признаки необходимости, или же принадлежности к правильному выбору». То есть свобода как повинность остается лишь формальным проявлением *человеческой способности к ней*. Если формально свобода оказывается в *форме прав человека*, то реально она может быть реализована или осуществлена только будучи связанной практическими действиями и правовой ответственностью перед другими².

И. Кант понимал человеческую свободу еще в двух ипостасях: а) *позитивную свободу* как свободу добра; и б) *негативную свободу* как свободу вседозволенности. В этом измерении *свобода возникает как свобода выбора*. Важным инструментом реализации свободы человека, утверждал И. Кант, есть право как совокупность условий, при которых

¹ Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 3. – С. 303.

² Грищук О.В. Людська гідність у праві: філософські проблеми. – К.: Атіка, 2007. – С. 7.

произвол одного человека совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы¹.

Относительно оснований ответственности человека позиция И. Канта выглядит примерно так: если человек в нравственном смысле бывает или может быть добрым или злым, то он сам себя может сделать таким. И то, и другое должно быть результатом его волеизъявления, иначе это не может быть вменено ему в вину².

Из Кантового разумения философии свободы А.Ф. Карась выводит несколько важных тенденций. Во-первых, осмысливая свободу человека в аспектах универсальных категорий мышления и ответственности личного действия, И. Кант переносит акцент на значение активной роли субъекта в общественной жизни, которое он призван изменять, выявляя автономную частную волю. Во-вторых, выявление свободы как одновременное осуществление субъективности прокладывает путь к новому разумению и субъективности, и свободы. Первая будет приобретать экзистенциальный смысл, а вторая – привлечение антропологических особенностей развития человечества, в третьих, И. Кант идентифицировал свободу действий человека с конструированием автономной частности, которая одновременно сохраняет значение нравственности. Иными словами, нравственное действие человека равно способности проявлять и осуществлять ответственную свободу. **Подневольное поведение не имеет нравственного характера**, но это еще не значит, что в обществе таких действий меньше, чем действий, побужденных индивидуалистическими ориентирами³.

Английский философ И. Берлин, подобно И. Канту, различал свободу человека негативную и позитивную, но наполнил их другим содержанием. **Негативная свобода**, по его мнению, – это *свобода от*, при которой никто не понуждается к чему-то другими людьми. **Позитивная же свобода** – это свобода поступка, когда человек использует имеющиеся возможности⁴.

Несколько иначе к пониманию негативной и позитивной свободы подошел Э. Фромм, считая, что **негативная свобода** – выбор индивидуумом погони за идолами. Главные «идолы» для него: экономическое процветание – высокая материальная прибыль; высококачественное образование; карьерные достижения; владение модными предметами; отдых на престижных курортах. Основанные на корыстном расчете отношения не «греют» душу, поэтому он ощущает себя одиноким и душевно опустошенным. Все это делает для него свободу, которая реаль-

¹ Кант И. Метафизика нравов //Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 3. Европа, Америка XVII-XX вв.– С. 309-310.

² Кант И. Сочинения: в 8 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 6. –С. 29-30

³ Карась Анатолий. Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і некласичних інтерпретаціях: монографія. – С. 178-179.

⁴ Канке В.А. Философия для юристов. – М.: Омега, 2009. – С. 302.

но существует в развитом демократичном обществе, негативной. Свободу индивидуума, благодаря которой он чувствует себя аутентично идентифицированным с окружающим его миром (Богом, родными и близкими, социумом, нацией, государством, природой, культурой, цивилизацией и т.п.) органичной его частью, Э. Фромм назвал **позитивной**¹. Он писал: «Процесс развития свободы – не порочный круг; человек может быть свободен, но не одинок, критичен, но не подавлен сомнением, независим, но неразрывно связан с человечеством. Эту свободу человек может приобрести, реализуя свою личность, будучи самим собой. Но что значит реализовать свою личность? Философы-идеалисты полагали, что личность может быть реализована одними только усилиями интеллекта. Они считали для этого необходимым расщепление личности, при котором **разум должен подавлять и опекать человеческую натуру**. Однако такое расщепление уродовало не только эмоциональную жизнь человека, но и его умственные способности. Разум, приставленный надзирателем к своей узнице – натуре человека, стал в свою очередь узником, и, таким образом, обе стороны человеческой личности – разум и чувство – калечили друг друга. Мы полагаем, что реализация своего «я» достигается не только усилиями мышления, но и путем активного проявления всех его эмоциональных возможностей².

Классификацию свободы на **позитивную и негативную** поддерживает Дж. Кристмэн. По его мнению, смысл идеи позитивной свободы состоит в том, что в ней «схвачено» требование к свободной личности быть самоуправляемой, а это эквивалентно представлениям об автономии человеческого индивида. Сущность негативной свободы усматривается в том, что свобода личности является прямой функцией ограничений, с которыми она сталкивается при реализации собственных решений³.

Авторы учебника «Философия права» также различают два типа свободы – **«свободу от»** (негативную свободу) и **«свободу для»** (позитивную свободу). Первая из них выступает в той мере, в которой индивид имеет определенную (социальными нормами – **В. К.**) зону выбора идей и действий без возможности натолкнуться на ограничения и репрессии. **«Свобода от»** – не самоцель, а условие саморазвития. Самое главное не уходить из мира «в себя», не отстраняться, а творить «из себя», самопорождая новые формы, которые сами себя выражают. **«Свобода для»**, или позитивная свобода, делает возможным действие согласно собственной системе ценностей и собственных целей, освободив себя от скованности

¹ Цит. по Москалец В.П. Психологія особистості: навч. посібник. – К.: «Центр учбової літератури», 2013. – С. 332-333.

² Фромм Эрих. Бегство от свободы: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://royallib.ru.doc.zip>

³ Цит. по: Сичивица О.М. Либерал-рестрикционизм и архитекtonика гармонического мира: Историсофско-политологический трактат. – Львов: Каменяр, 2013. – С. 125.

собственных предубеждений, представлений и образов¹. В этом случае есть основания говорить, что поведение человека согласно сформированной в его сознании внутренней системе **нормативов свободы**, отвечает достигнутому человеком социально-культурному уровню развития.

Схожий подход применил Юзеф Бремер. По его убеждению, **свобода от (свобода негативная)** – возможность сознательного, разумного поведения, а **свобода для (свобода позитивная)** – возможность и способность такого поведения².

Гегель Г. В. Ф. рассматривал свободу как наивысший идеал, ограниченный необходимостью государственной институциональной сферы, выступающей последней разумной инстанцией в смысле рационального регулирования поведения человека. Он связывал свободу человека с правом и «свободной волей», утверждая, что почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение, **и система права** есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа. Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым **право есть вообще свобода** как идея. Право – это нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное **бытие** абсолютного понятия, самосознательной свободы. Свобода человеку дана как факт сознания, и что в нее нужно верить. Свобода воли человека имеет физическую природу. Воля без свободы – пустое слово, так же, как свобода действительна лишь как воля, как субъект³.

Следует заметить, что не все философы прошлого разделяли теорию свободы воли человека. В частности, Мартин Лютер, Дени Дидро, Артур Шопенгауэр, Энрико Ферри и их последователи. Так, Дени Дидро отрицая полностью свободу воли человека, пришел к выводу, что он не способен совершить ни единого поступка, прямо вытекающего из решений его воли⁴.

В своем труде «О рабстве воли» Мартин Лютер резко выступил против утверждений философов о свободе воли человека, подчеркнув, что действительно и единственно свободной есть воля Бога. Поступки же человеческие полностью подвластны его воле. В этом плане его концепт о невозможности свободы воли человека созвучен с традицией религиозно-канонического детерминизма, яркими представителями которой были, в частности, Филон Александрийский и Августин Блаженный⁵.

¹ Філософія права / за ред. О.Г. Данільяна. – К.: Юрінком Інтер, 2002. – С. 215–216.

² Józef Bremer. Czy wolna wola est wolna? Komparatywizm na tle badań interdyscyplinarnych. – Kraków: Wydawnictwo WAM, 2013. – S. 286.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 67-68, 89-90.

⁴ См. Дидро Д. Сочинения: в 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1986. – С. 485.

⁵ См. Сичивица О.М. Либерал-рестрикционизм и архитектура гармонического мира: Историософско-политологический трактат. – С. 137-138.

Анализируя причины человеческого поведения, А. Шопенгауэр пришел к выводу о возможности двух альтернативных форм, направлений детерминации: «или таким фактором являются мотивы сами по себе, т.е. внешние обстоятельства, – в таком случае, очевидно, человек не отвечает за свой поступок, и тогда все люди при одинаковых обстоятельствах должны были бы поступать совершенно одинаково; или же поступок человека обуславливается его восприимчивостью к такого рода мотивам, стало быть, врожденным характером, т. е. исконно присущими человеку склонностями, которые у разных индивидуумов могут быть различными и в силу которых действуют мотивы. Но тогда воля не будет уже свободной, ибо склонности эти представляют собою тяжесть, положенную на чашку весов»¹.

Концептуальный подход А. Шопенгауэра стал основой для обоснования двух крайних «моделей» человека. Первая из них – человек является существом социальным, полностью определяющимся под воздействием окружающей среды. Причины, которые обуславливают его поведение, находятся вне пределов человека, поскольку он сам есть ничем иным как совокупностью общественных отношений. Очевидно, что в этом случае никоим образом речь не идет о свободе воли человека. Вторая – противоположная первой «модели». Согласно ей причины поведения человека исходят из него самого, они находятся в человеке, и той части его природы, которая зависит от самого человека, от его воли².

Подобный ход мыслей наблюдается и у Р. Штайнера: свободу можно найти в действительности человеческой деятельности. «Для этого, утверждал он, необходимо было из всей области человеческой деятельности выделить те её части, в отношении которых при непредвзятом самонаблюдении может идти речь о свободе. Это те поступки, которые представляют собой осуществление идеальных интуиций. Остальные поступки никакое беспристрастное рассмотрение не назовёт свободными... Человек свободен лишь в той мере, в какой в каждое мгновение жизни он в состоянии следовать самому себе. **Нравственный поступок** есть только мой поступок, если он в этом смысле может быть назван свободным. Здесь речь идёт прежде всего о том, при каких предпосылках угнетенный поступок ощущается как свободный; а каким образом эта чисто этически понимаемая идея свободы осуществляется в человеческом существе... Поступок, совершённый исходя из свободы, не исключает **нравственных законов**, а включает их в себя; он лишь оказывается стоящим на более высокой ступени по сравнению с поступком, который только продиктован этими законами. Почему мой поступок должен меньше служить общему благу, когда я совершил его из любви, чем когда я выполнил его только на том основании, что ощущаю своим долгом служить общему благу? Одно лишь

¹ Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – С. 101.

² Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрোকриминология). – М.: Норма, 2001. – С. 116–117.

понятие долга исключает свободу, потому что оно не хочет признавать индивидуального, а требует подчинения его всеобщей норме. Свобода действия мыслима только с точки зрения этического индивидуализма»¹.

Выступая против концепции либерального государства, Л. А. Тихомиров предлагал вести речь не о свободе как таковой, а только о **способности к свободе** в гражданском обществе, которое отличается от государства не отсутствием власти, а иным ее характером².

В современной российской литературе также высказано категорическое отрицание идеи свободы. По мнению В. Н. Жукова, основой единственно возможным политики внутри России **может быть только сила**. Все политические, экономические, социальные мероприятия, которые необходимо будет проводить в интересах российского народа, в своей основе должны опираться на силу (политическую, полицейскую, военную). Для русского человека характерна **не идея свободы, а идея служения**. Следует отказаться от красивого западнического мифа, западнической иллюзии о демократии в России. **России нужна не демократия, а просвещенный авторитаризм**, дающий русскому человеку идею служения и надежные социальные гарантии³.

Поддерживая биосоциальную концепцию природы человека, Э. Ферри, тем не менее, пришел к заключению, **что преступление является болезнью, которая не зависит от воли человека**. Поэтому преступника следует выводить из этого состояния, а не карать⁴. Отрицая свободу воли как элемент причины индивидуальных преступлений, он не отрицал, что злоупотребление свободой является следствием негативных духовных факторов на уровне массовой причинности.

Ж.-Ж. Руссо, фетишизируя общественные и государственные интересы, исходя из концепции общественного договора, утверждал, что люди, заключивши настоящий договор и создав государство, наделили его правом выражать их общую волю. Государство получило неограниченную власть над личностью, стало гарантом свободы граждан. Поэтому, если кто-то откажется подчиниться общей воле, его нужно принудить, а это будет означать, что его силой **принудят быть свободным**⁵.

Рассматривая свободу человека как благо, Ш.-Л. Монтескье отмечал, что нет слова, которое бы получило столько разных значений и

¹ Штайнер Рудольф. Истина и наука. Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bdn-steiner.ru/cat/Ga_Rus/003-004.pdf. 285, 411.

² Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков: Автореф. дис. ... докт. ист. Наук. Томск, 2007. – С. 34.

³ Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 218.

⁴ Ферри Энрико. Уголовная социология // Антология мировой правовой мысли. – Т. 3. Европа. Америка. XVII-XX вв. – С. 521.

⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 164.

вызывало бы столь разное воздействие на разум, как слово «свобода». Одни называют свободой легкую возможность свергнуть того, кого они наделили тиранической властью; другие – право выбирать того, кому они должны подчиняться; третьи – право носить оружие и совершать насилие; четвертые – видят ее в привилегии быть под управлением человека своей национальности и подчиняться собственным законам. Какой-то народ длительное время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Другие объединяют это название с известной формой правления, исключая все другие¹. Обращаясь к проблеме практической реализации свободы человека в обществе, Монтескье связывал в частности ее решение с государственным устройством. «Для гражданина политическая свобода, – писал он, – есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина. Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем. Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц»².

Людвиг Фейербах, как и другие его современники и предшественники, не был в стороне от полемики относительно свободы воли человека. В частности, эти проблемы он затрагивает в работе «О спиритуализме и материализме, в особенности о их отношении к свободе воли». В ней он поставил задачу открыть истинное содержание и основание положения о свободе воли человека и представление о ней и содействовать познанию того, что заставляет человека приписывать себе и другим свободу воли, и таким образом, показать те пределы, в которых человек делает это правомерно. Свобода воли человека, полагал он, состоит **не в возможности начать, а собственно в способности закончить начатое**. Но возможностью и условием такой свободы является время. **Не воля и не разум человека, а только время,**

¹ Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. – М.: Из-во политической литературы, 1955. – С. 283.

² Азаркин Н.М. Монтескье. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 107-108. (Из истории политической и правовой мысли).

только **будущее** освобождает от страстей и безумств, от пороков и несчастий настоящего дня. С помощью **разума**, подчеркивал он, можно провести различие между причиной и действием, между предметом и ощущением. С помощью же воли можно различать между благом и злом, счастьем и несчастьем, между небом и адом, между обладанием и необладанием также резко, как между жизнью и смертью. Воля оказывается и утверждается лишь в действиях. Воля, свободная от принуждения, принуждения действительного – физического или психического, – свободная, например, от принуждения ярости, лишаящей **воли и разума**, является вместе с тем волей, свободной от несчастья или зла, какой бы ни был его предмет. **Нравственная** воля – это та воля, которая не хочет причинить зла, поскольку что не хочет сама терпеть его. Только воля, не желающая терпеть зла, стало быть только стремление к счастью, является нравственным законом и совестью, которая удерживает или должна удерживать человека от причинения зла. Воля, таким образом, является стремлением к счастью¹. Очевидно, здесь речь идет о понимании сути «доброй воли». Все иное, вне этого понимания воли принадлежит к сфере «злой воли».

Ответственность человека в истинном понимании этого слова, отмечал Е. Фромм, – это целиком добровольный акт, отвечающий на **потребности другого**. Быть «ответственным» – означает быть «сознательным» и готовым отвечать². Правда, как заметил Людвиг Фейербах, «... **потребности противоречивы**: одни усматривают потребность в том, чтобы удержать старое, чтобы изгнать новое, для других потребность – реализовать новое. На чьей стороне подлинный запрос времени? На той, которая составляет потребность будущего, где предвосхищается будущее, где имеется прогресс. Потребность удержать старое есть искусственная, вымученная потребность, – это реакция»³. Вместе с тем, в другой своей работе, он подчеркнул, что **существование без потребностей есть бесполезное существование**. Все, что вообще лишено потребности, то не имеет потребности в существовании. Существует ли оно или нет – безразлично, безразлично для него самого, безразлично для других⁴.

Существовать, по Ж.-П. Сартру, это всегда **брать «на себя»** свое бытие, то есть всегда быть ответственным за него, а не получать извне как факт или камень. Ответственность человека не противоречит его свободе,

¹ Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли // Сочинения: В 2 т. Пер. с нем. / Ин-т философии. – М.: Наука, 1995. Т. 1. – С. 332, 338, 339, 345.

² Фромм Э. Душа человека. – М.: АСТ, 1998. – С. 114.

³ Фейербах Людвиг. Необходимость реформы философии // Сочинения в 2-х т. Т. 1.. – М.: Наука, 1995. – С. 66.

⁴ Фейербах Людвиг. Предварительные тезисы к реформе философии // Сочинения в 2-х т. Т. 1.. – М.: Наука, 1995. – С. 79.

она является ее логическим следствием, объединяющим ряд поступков на жизненном пути человека, его биографию¹.

Свобода, считал В. Франкл, есть способность человека **взять на себя** ответственность за свою судьбу, **слушать свою совесть** и принимать решение о своей судьбе. По его мнению, каждый человек духовно свободен в выборе позиции не только относительно своей физической, но и психической природы. В. Франкл выделил **три вида свободы человека**: а) к влечениям; б) к наследственности; в) к факторам и обстоятельствам внешней среды².

В послании к Конгрессу 6 января 1941 года президент США Рузвельт определил четыре вида свободы: «Мы хотим жить в мире, основанном на **четырёх сущностных человеческих свободах**. **Первая** – свобода речи и выражения – повсюду в мире. **Вторая** – свобода каждого человека поклоняться Богу, как он считает нужным, – повсюду в мире. **Третья** – свобода от нужды... во всем мире. **Четвертая** – свобода от страха... во всем мире»³.

Несколько с иных позиций подошел к определению свободы американский философ М. Адлер, выделивший три понимания свободы: а) **ситуативная** свобода самореализации как выбор того, что хочет человек; б) **приобретенная** свобода как способность человека выбирать на ценностной основе: нужно это делать или нет; в) **естественная** свобода, базирующаяся на ответственности перед другими⁴.

В литературе выделяют разные уровни (разновидности) свободы человека: 1) **гражданская** свобода; 2) **фискальная** свобода; 3) **личная** свобода; 4) **социальная** свобода; 5) **экономическая** свобода; 6) **домашняя** свобода; 7) **местная, национальная** и **расовая** свобода; 8) **международная** свобода; 9) **политическая** свобода⁵.

Единичные проявления свободы, как написал В. Е. Давидович, практически неисчерпаемые. Им предложено **четыре аспекта** рассмотрения различий в проявлении свободы человека:

а) различия, зависящие от особенностей субъекта свободы;

б) различия в объективных условиях свободной деятельности, в характере ее цели и ограничивающих ее препятствий;

в) различия, обусловленные объективным многообразием сфер жизнедеятельности субъекта;

г) различия в степени овладения необходимостью, в полноте свободы.

Анализируя отличия, обусловленные объективным разнообразием сфер жизнедеятельности субъекта, В. Э. Давидович говорит о спе-

¹ Сартр Ж.-П. Стена: избранные произведения. – С. 381.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 48, 185.

³ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права: учебник, 2-е изд., перераб. и доп. – С. 244.

⁴ Етика та естетика / за ред. проф. М.П. Гетьманчука. – Львів: ЛьвДУВС, 2010. – С. 54.

⁵ Гобгауз Л.Т. Антологія свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 459.

цифических сферах свободы человека: бытовая, свобода физического развития, психологическая, проблемы свободы, связанные с отношениями полов и т.п. Применительно к структуре осуществления личной свободы, он счел правомочным выделить следующие свободы: 1) **свободу жить** (материальные условия личной свободы); 2) **свободу мыслить** (проблемы духовной свободы личности); 3) **свободу решать** (нравственно-психологические аспекты свободного поступка); 4) **свободу действовать** (политико-юридический аспект осуществления свободы личности)¹.

В. А. Бачинин классифицировал свободу человека на три вида: а) **витальную**; б) **социальную**; в) **духовную**. **Витальная свобода** – способность живого существа перемещаться в физическом пространстве, преодолевать препятствия, приспосабливаться к требованиям окружающей среды. В ее основе находится **воля к жизни**. **Социальная свобода** человека мыслима лишь в социальной среде. В ее основе заложена **воля к социальной самореализации**. **Духовная свобода** – это возможность культурного сознания человека двигаться в пространстве-времени универсума мировой культуры, в мире познавательных, художественных, нравственных, экзистенциальных ценностей. В ее основе лежит **воля человека к духовному совершенствованию**².

Поскольку человек выступает **в трех ипостасях** (естественной, социальной и духовной), целиком уместно, как полагает И. И. Кальной, приобщить к ним соответствующие виды свободы человека: **витальную, социальную и духовную**. **Витальная** свобода, пишет он, заявляет о себе как **воля к жизни**. Ее специфика заключается в том, что она **вненормативная**. Она слепа и не выходит за пределы естественных причинных связей. Но это особый вид слепоты, которая, похоже, не только не мешает, а напротив помогает решать проблемы витального характера, не путаясь ни в целях, ни в средствах их достижения. **Социальная** свобода есть воля к самоутверждению в пределах конкретного социального пространства, воля к власти и к успеху. В отличие от витальной свободы, социальная свобода **нормативная**, ибо предполагает определенные ограничения и принятие свободы других людей. Она является осознанной необходимостью. **Духовная** свобода есть воля к самоосуществлению. Она **сверхнормативная** и ориентирована на идеалы метафизики, предполагая духовное восхождение и обретение **способности не только смотреть, но и видеть**. Происхождением витальной свободы человек обязан природе, становлением социальной свободы – обществу, формированием духовной свободы – только себе³. К этому следует приобщить способность «слушать».

¹ Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. – Львов: Изд-во Львов. гос. ун-та., 1967. – С. 31, 34–35.

² Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – С. 769–770.

³ Кальной И.И. Философия права: учебник. – СПб: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 193.

Ибо, как *известно, способность смотреть не значит видеть, а способность слушать не значит слышать.*

Соглашаясь с И. И. Кальным, что воля – это сознательная целеустремленность человека на осуществление определенного действия и, как представляется, не только активного, но и пассивного поведения, следует обратить внимание на неоправданность трактования автором вопроса об источнике свободы и сущности воли. Поскольку *источник свободы – воля, а не разум* – пишет он – то по своей сути *воля иррациональна*. Но в своей иррациональности она тяготеет к собственной противоположности – *свободе как разумной необходимости*¹. Думается, что свобода воли, как уже отмечалось, неразрывно связана с умственной способностью человека осуществить осознанный и продуманный выбор (нормативный или антинормативный) и мужественно принять решение. Свобода воли формируется *через разум* на основе категорий: добро, зло, обязанность, необходимость, совесть и ответственность. Волевое поведение всегда опосредствовано *разумом* человека. *Разум и воля* являются антропологическими основами формирования поведения человека, составными факторами объективного и субъективного оснований ответственности. Воля не может быть признана по своей сущности иррациональной, то есть такой, что находится за пределами разума. *Иррациональной, неразумной* ее можно признать, например, в контексте целесообразности определенной формы поведения человека через призму его личных интересов, интересов общества или государства.

По А. И. Артемьеву, есть основания выделить четыре вида свободы человека: 1) свобода *экономическая* (свобода от эксплуатации; равноправные экономические отношения; свобода экономических действий); 2) свобода *политическая* (набор гражданских прав, обеспечивающий нормальную жизнедеятельность человека; справедливое национально-государственное устройство; всеобщее избирательное право и т.п.); 3) свобода *духовная* (свобода выбора мировоззрения; свобода выбора вероисповедания; свобода выбора идеологии; свобода духовной пропаганды и т.п.); 4) свобода *гносеологическая* (свобода как способность человека действовать вследствие познания закономерностей естественного и социального мира)².

Свобода общества и отдельного человека, по мнению И. Л. Петрухина, проявляется в следующих сферах: 1) расширение господства над природой и совершенствование отношений, возникающих в процессе производства и распределения материальных благ (*социально-экономическая свобода*); 2) овладение человека законами, управляющими обществом, регулирование на их основе отношений между государством, общественными организациями и гражданами (*политическая свобода*); 3) свободное

¹ Кальной И.И. Там же. – С. 28.

² Артемьев А.И. Социология личности. – М.: ООО «Арба Т-XXI», 2001. – С. 235.

развитие науки, искусства, культуры – духовное обогащение общества (**духовная свобода**); 4) утверждение и развитие моральных ценностей общества (**нравственная свобода**); 5) введение и реализация правовых дозволий, предписаний и запретов (**юридическая свобода**)¹.

В. П. Малахов выделяет такие характерные особенности свободы: 1) свобода как **открытость** социальной системы; 2) свобода как **напряженность** действия и выбора; 3) свобода как **действительность права**; 4) свобода как **самоценность человека**; 5) свобода как **право**; 6) свобода как **самодостаточность права**; 7) право как **мера свободы**; 8) **свобода выбора** как право; 9) **несвобода** как мера права. Приведенное понимание свободы человека позволило В. П. Малахову выделить четыре ее формы:

а) **«свобода для»**, связанная с достижением правовой самостоятельности и неподчиненности;

б) **«свобода от»**, выражающая независимость субъекта от давления обстоятельств и чужой воли и способность его к произволу;

в) **«свобода вопреки»** как самоутверждение человека как правового существа, единственной целью которого является возвышение себя как самоценности над обстоятельствами и зависимостями, а также как выражение сопротивления всему, что может умалить ценность человека;

г) **«свобода ради»**, вызванная способностью и стремлением правового существа к самопренебрежению, к самопожертвованию².

Таким образом, в современной философии, философии права преобладает понимание свободы человека как универсального, многогранного явления социально-правовой реальности.

С позиции диалектико-материалистичного подхода свобода человека не только осознанная необходимость, но и его действия согласно ей. При этом необходимость рассматривается как первичное, а воля и сознание человека – как вторичное, производное. **Формами же существования необходимости являются объективные законы развития природы и общества.** Как видим, здесь нашло свое воплощение классическое определение свободы Б. Спинозы, развитое впоследствии Гегелем и Ф. Энгельсом.

Материалистическое решение проблемы свободы воли человека отвергает представление о полной и абсолютной детерминированности человеческих поступков, фатальной предопределенности человеческого поведения, об отсутствии всякой свободы воли. Это решение не приемлет также и представления об абсолютной свободе воли как о самостоятельной силе, которая ставит человека вне законов реального мира³.

¹ Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. – М.: Наука, 1985. – С. 8–9.

² Малахов В.П. Философия права. – М.: – ЮНИТИ, 2007. – С. 129–134.

³ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 12.

В общих чертах исследование категории «свободы» в теории марксизма-ленинизма сводится собственно к следующему. Базовой для понимания этого понятия является тезис об «базисе» и «надстройке». Экономическая сфера жизни общества является «базисом», тогда как все другие сферы жизнедеятельности общества были провозглашены «надстройкой». Понимание «базиса» исключало частную собственность. Допускалась в минимальных пределах «личная собственность», которая трактовалась вообще как вещи первой необходимости. Все другое – это общенародная собственность. Экономика, таким образом, детерминирует все сферы жизни человека, функционируя согласно с познанными человечеством законами общественного развития. Однако это не означает отрицание свободы и творческой деятельности человека. Человек становится «свободным», познав законы общественного развития, которые определяют пределы его социальной свободы. Свобода, таким образом, не является полной свободой воли, то есть произволом. Свобода человека связана неразрывно с волевым отношением человека к общественным ценностям, с интересами прогрессивного развития общества.

В современной философско-правовой литературе также преобладает понимание свободы человека через право, нормы морали и права, права и свободы человека. В этой связи делается ударение на коммуникативной природе социальной свободы человека. Так, Маргарет Тетчер считала, что **«...свобода уничтожит сама себя, если не будет реализовываться в пределах определенной моральной структуры**, определенной совокупности общих убеждений, духовного наследства, переданного через церковь, семью и школу. Свобода уничтожит себя и тогда, когда не будет иметь цели. Существует хорошо известная молитва, в которой служение Богу названо «совершенной свободой». Мое желание для народа нашей страны состоит в том, **чтобы мы были «свободны служить»**. Итак, мы должны иметь свободу и должны иметь мораль. Но даже этого недостаточно: **человек по своей природе грешен, и, чтобы иметь цивилизованное и гармоничное общество, нам нужны законы, укрепленные эффективными наказаниями**. Утверждение закона – это та сфера жизни, где бы я хотела, чтобы государство было более сильным, чем теперь. **Свобода может существовать только на основе закона, который соблюдается и властителями, и подданными, и этот закон надо сурово и справедливо внедрять**. Итак, роль государства в демократии состоит, прежде всего, **в поддержке господства закона**. Но иногда в истории мы попадаем под такое влияние этой истины, что забываем: **настоящая гармония** – это, в конце концов, **добровольное сотрудничество свободных людей**, в чрезмерно зарегулированном обществе гармонии нет. Более того, даже когда свобода, как иногда случается, кажется противоречит социальной гармонии, мы должны помнить, что она имеет

свойственную ей ценность, и то только потому, что люди рождаются, чтобы быть свободными»¹.

С. С. Алексеев подчеркнул, что право отражает процессы, связанные с становлением системы субъективных прав, которые открывают гарантированное пространство для личной активности. Частное право возникает как атрибутивные юридические формы, **в пределах которых** реализуется свобода человека².

Вместе с тем, в философии поддерживался и другой, противоположный концепт – о абсолютном характере свободы человека. К примеру, еще Пелагий (прим. 360-418 гг.) пришел к заключению, что человек полностью свободен у своих поступков, в противном случае он не может быть ответственным за это после его смерти.

В свое время И. Г. Фихте также полагал, что человеку свойственна способность действовать в пределах силы своего духа, своего нравственного долга и совести, невзирая ни на какие внешние препятствия. А. Д. Урсул также утвердительно ответил на этот вопрос, заметив, что по аналогии с категорией абсолютной истины можно говорить об абсолютной свободе³.

Как весьма оригинальный в логическом плане следует отметить концепт Г. Ф. Пухты, который исходил из двойственного понимания свободы человека: свобода внешняя и свобода внутренняя. «Для свободы человека, утверждал он, мы нашли границу в его свойствах как физического существа; она – конечная свобода. Граница эта дается принципом, лежащим вне свободы, не ею самою; она, поэтому, есть внешняя граница. Человек познает ее разумом; его воля неразумна, если желает выйти из этой границы, если направляется на что-либо естественно-невозможное, все равно отвергается ли от выбранного природа тела или души. Но как граница эта для свободы есть внешняя, то самая свобода через это в своем внутреннем существе не изменяется, внутренне она остается не ограниченной»⁴.

Возвращаясь к вопросу о возможности абсолютной свободы следует заметить, что более распространенным, доминирующим, как показал ретроспективный анализ, был и продолжает оставаться концепт отрицания абсолютной свободы и необходимости ее унормирования социальным нормативным комплексом. В этой связи вызывают научный интерес позиции ученых, категорически отрицающих возможность абсолютной свободы. «Глубочайшие тайны, утверждал Людвиг Фейербах, заключены в

¹ Тетчер Маргарет. Я вірю // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. – С. 426.

² Алексеев С.С. Частное право. – М.: Статут, 1999. – С. 33.

³ Урсул А.Д. Некоторые философские вопросы освоения космоса. – М.: Знание, 1964. – С. 30.

⁴ Пухта Г. Ф. Энциклопедия права // История философии права. – СПб: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – С. 327.

простейших явлениях природы, которые попирает ногами мечтательный метафизик, взгляд которого устремлен на потустороннее. Источник оздоровления – только в возвращении к природе. **Ложный путь усматривать противоречие между природой и этической свободой.** Природа не только создала простую мастерскую желудка, она воздвигла также храм мозга; она не только даровала нам язык, снабженный бугорками с соответствующими ворсинками тонких кишок, но она снабдила нас ушами, которые восхищаются гармонией звуков, и глазами, наслаждающимися только небесной, бескорыстной сущностью света. Природа **сопротивляется только фантастической свободе**, с разумной же свободой она не находится в противоречии»¹.

По меткому выражению П. И. Новгородцева, если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, что бы эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и к разрушению основ государственной жизни»².

Свободы полной, тотальной, абсолютной, категорически заключил И. А. Ильин, **нет и быть не может**; и можно только радоваться тому, что человек лишен таких свойств и способностей. Ибо трудно себе даже представить, что за кошмарное создание представлял бы из себя человек, способный ежесекундно к проявлению какого-то метафизического произвола, обреченный на такие свойства, как невоспитываемость, непредусмотримость в решениях и поступках, невременность, хаотическая капризность и способность в любой момент провалиться в невиданную бездну зла³.

В. Е. Давидович также отрицал возможность фетишизации свободы подчеркнув, что абсолютной свободы человека, то есть, безусловной, безотносительной, неограниченной не существует⁴.

Не может быть **абсолютной свободы** человека, убедительно доказали В. Г. Сокуренок и А. Г. Савицкая, – она всегда нормирована соответствующими социальными нормами и находит свое выражение в правах и обязанностях. Юридической мерой свободы являются права и обязанности, закрепленные в законе. Право, регулируя поведение людей, тем самым обеспечивает свободу их деятельности. Свободная деятельность – не та, что вне права, а та, которая отвечает требованиям правового нормирования. Право, устанавливая пределы, стремится наиболее полно вы-

¹ Фейербах Людвиг. К критике философии Гегеля // Сочинения в 2-х т. Т. 1.. – М.: Наука, 1995. – С. 55.

² Новгородцев П. И. Демократия на распутье // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/39.php

³ Ильин И.А. О чувстве ответственности: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin/chuv_otv.php

⁴ Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. – С. 29.

разить социальную сущность свободы. Задание права – создать не ограничения, а оптимальные юридические возможности, чтобы максимально сориентировать поступки личности в русло достижений социальной свободы¹.

Позицию В. Г. Сокуренька и А. Н. Савицкой поддержал М. В. Цвик, заметив органическое единство свободы каждого со свободой всех, подчеркнув, что право всегда выступает как соответствующая характеру общественного отношения мера свободы, которая должна быть легитимизирована².

Разделяют изложенный выше подход и другие ученые. Так, С. С. Сливка также считает, что свобода человека не может быть безграничной. Она должна иметь ограничения, пределы, иначе она на каждом шагу будет превращаться в произвол. Такими ограничениями **служит разум и интеллект**³.

Живя в обществе, пишет В. А. Канке, невозможно быть свободным от него. Абсолютная свобода невозможна уже постольку, поскольку человеку приходится действовать при определенных условиях. Следовательно, принцип свободы имеет относительный характер. К тому же следует учитывать, что свобода одного не должна стать гнетом для другого. Иначе говоря, свобода воли предполагает четкое различие доброй и злой воли. Принцип свободы несовместим со злой волей⁴.

В. П. Москалец полагает, что **свобода человека относительна**, поскольку он не может делать все, что захочет потому, что его умственные и физические возможности ограничены, человеческая свобода не тождественна всемогуществу. Истинная, животворная для личности и общества свобода направляется ответственностью, иначе она превращается в произвол⁵.

О. М. Сичивица, поддерживая концепт унормированной свободы, заметил, что **чрезмерная свобода компонентов** организованного и органического целого, выражающаяся в наличии явно завышенных, отклоняющихся от норм и меры их формотворческих и функциональных потенциалов, неизбежно ведет к тем или иным проявлениям **их качественной деградации**. Сказанное в полной мере относится к человеческому обществу и всем достаточно развитым и сложным его подсистемам. Вопрос о влиянии свободы на качество социальной системы и на формирующуюся в ее структуре личность не так прост, как это может показаться

¹ Сокуренько В.Г., Савицка А.Н. Право. Свобода. Равенство. – Львов: Выща школа. – 1981. – С. 168.

² Цвик М. Про сучасне праворозуміння // Вісник Академії правових наук України. – № 4 (27). – 2007. – С. 9.

³ Сливка С.С. Позитивістські концепти: філософсько-правовий аналіз: монографія. – Львів: ЛьвДУВС, 2006. – С. 19.

⁴ Канке В.А. Философия для юристов. – М.: Омега, 2009. – С. 304.

⁵ Москалец В.П. Психологія особистості. Навчальний посібник. – С. 374

на первый взгляд. Совершенно очевидно, что **минимизация свободы здесь откровенно пагубна**, ибо она сопровождается возникновением бесчисленных преград на путях общества и человека, неизбежно влечет за собою социальный примитивизм, жизнедеятельностную нивеляцию и духовный застой со всеми их плачевными последствиями. С другой стороны, **не менее пагубной является также чрезмерная, абсолютизированная свобода**, которая в отрыве от надлежащих ограничений становится могучим фактором дисгармонии и дезорганизации социума, что по логике системных зависимостей так или иначе калечит, уродует личность. Только **разумно дозированная свобода**, идущая рука об руку с **регулятивными ограничениями** и целесообразным образом лимитированная, способна стать залогом здоровья общественной системы, гармоничного развития и счастья человека. Вместе с тем он весьма справедливо обращает внимание на близорукое игнорирование «... всего добродетельного, что связано с разумными ограничениями, регламентацией, целесообразной умеренностью и т.п. столь вождельных прав и свобод человека или человеческой общности». По его мнению, современный либерализм вступает в качественно новую полосу «... критического осмысления, несовместимого с восторженно-прекраснодушной апологетикой, в период отрицания, - но не голого, зряшного, метафизического, а диалектического, предполагающего сохранение и дальнейшее внедрение в жизнедеятельность человечества, всего того положительного, что сопряжено с идеей свободы, вместе с избавлением людей от издержек и бед ее абсолютизации»¹.

В качестве примера неудачной попытки обоснования теории абсолютной свободы О. М. Сичивица приводит анархизм, одним из основоположников, теоретиком которого считается П. Ж. Прудон, который погрозился сжечь до самого основания эксплуататорский строй и организовать общественную жизнь на началах **«абсолютной свободы»**. Будущее цивилизации виделось анархистам как **царство свободы**, которая возведена в ранг некоего общественного фетиша. Идеология анархизма – это продукт чрезмерной гипертрофии, абсолютизации прав и свобод личности, мрачная **оборотная сторона идеи свободы**, которая искусственно изолирована от представлений о необходимых для жизнедеятельности людей ограничениях, законах, нормах, связях, запретах, требованиях к личности и т.п. В частности М. А. Бакунин видел общество будущего, построенное в соответствии с канонами анархизма как царство абсолютной свободы, полной независимости человека от какой-либо власти, что, по его мнению, должно стать залогом развития всех его способностей. Таким образом, четко прослеживается в анархизме стремление создать максимально благоприятные условия для жизни людей, построить по-своему гармоничное общество

¹ Сичивица О.М. Либерал-рестрикционизм и архитектура гармонического мира: Историософско-политологический трактат. – С. 238-239, 87.

на основе сочетания *больших свобод со слабовластием*. Такая идея может импонировать прежде всего тем прекраснодушным людям, которые не хотят замечать суровую «правду жизни» и склонны к утопическому проектированию. Они свято и слепо верят в добрые начала человеческой натуры, в реальную возможность жить с душой, открытой навстречу ближнему, хотя, как известно, в обществе всегда есть немало сознательных вершителей зла, а в открытую душу иногда, к сожалению, плюют. Все те опасности, которые связаны с абсолютизацией свободы, особенно рельефным образом проявляются не столько в теоретических построениях анархизма сколько в его практике. Как оказалось на поверку, приверженцами анархизма могут быть не только прекраснодушные радетели прав и свобод личности, не понимающие социального значения рестрикционизма, но и *морально-интеллектуальная чернь*, жаждущая произвола и беспредела. Наряду с идейными анархистами в предреволюционный период и особенно в ходе российской социалистической революции под знамя анархии стали всякого рода негодяи, которых интересовали не судьбы ближних, а собственные шкурные интересы. Поэтому, приходит он к выводу, идея свободы как такова, то есть, не дополнена *идеей ее разумных ограничений*, в значительной мере антигуманна и разрушительна, ибо одна из опаснейших свобод – это *вседозволенность вершения зла* по собственному усмотрению на основе своекорыстно-эгоистических устремлений и даже мизантропии. Свобода в такой ее ипостаси может импонировать лишь тем, чей духовный мир замутнен синдромом недомыслия, наивным простакам, оболваненным невеждам и законченным глупцам, которые, будучи к тому же ослеплены алчностью и отравлены ядом необоримого эгоизма, воспринимают безмерную свободу как лишь свою, исключительно свою и только свою собственную, забывая, что это будет также и столь же не лимитированная свобода других в капкан которой они могут легко попасть при определенном ходе вещей и неблагоприятном развитии событий¹.

Гражданская свобода, заключает А. Ф. Карась, вовсе не значит, что каждый может делать то, что ему вздумается, она предоставляет право людям распоряжаться по своему усмотрению собственной персоной и своей собственностью в пределах общесозданных законов. Парадоксальность, таким образом, интерпретированной свободы состоит в том, что, находясь в состоянии природной свободы, человек фактически попадает в сферу произвола других людей. Тогда как человек в обществе, хотя и подчинен законодательной власти, однако, становится свободным от природного произвола других. Именно в обществе, основанном на гражданских законах, человек постепенно освобождается от «закона природы» и приобретает возможность свободно распоряжаться своей собственностью².

¹ Сичивица О.М. Либерал-рестрикционизм и архитектоника гармонического мира: Историософско-политологический трактат. – С. 275, 276, 279, 281, 37.

² Карась Анатолий. Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і некласичних інтерпретаціях: монографія. – С. 71-72.

Рассматривая внутреннюю свободу человека как условие развития эго-идентичности, Т. Б. Партыко пришла к выводу, что эта свобода является основной ценностью, к которой стремится человек с первых дней своего существования. Главное свойство внутренней свободы – свобода принимать наивысшие ценности и жить по ним. Внутренняя свобода понимается здесь как совокупность условий (внешних и внутренних), которые содействуют гармоничному разворачиванию и проявлению разнообразных способностей личности, как объективная возможность сознательно регулировать свое поведение при помощи свободно избранных способов действий. Внутренняя свобода человека ограничена условиями природной и социальной среды, а также его внутренними особенностями. Поэтому можно говорить **только об относительной свободе**. Относительная свобода человека характеризуется двумя диалектически едиными измерениями: объективным и субъективным. Объективная, или внешняя свобода, - это возможность выбора; субъективная, или внутренняя, - возможность **сделать обоснованный выбор**¹.

Социальная свобода человека, по В. А. Бачинину, нормативная. Она предполагает наличие морально-правовых ограничений, регулирующих ее проявление. Общество, государство, мораль, право требуют, чтобы проявление социальной свободы людей вписывались в рамки существующих требований социальной необходимости. Человек, чтобы быть свободным, должен знать эти требования и считаться с ними. Социальная свобода может быть значительной, если она проявляется в пределах, установленных цивилизованными нормами, гуманными правовыми принципами. Внешняя свобода человека предполагает наличие внешних ограничений в виде не только юридических законов запретительного характера, но и постоянное присутствие рядом с субъектом свободы множества других субъектов с их собственными правами и свободами. В цивилизованном государстве нормы права, как и другие социальные нормы (**В. К.**), адресуются личности как свободному субъекту, который, имея свободу воли, обладает возможностью выбора и может либо подчиниться норме, либо нет. Свобода воли рассматривается им как метафизически-антропологический атрибут человека, обуславливающий его способность выступать в качестве первопричины, аутодетерминанты своих социальных действий и прежде всего нравственных поступков. Личность, обладая свободой воли, может совершать выбор между добром и злом, легальным и криминальным поведением, принимая на себя всю ответственность за последствия своего избирательного предпочтения. Это позволяет социальному окружению при оценке конкретных деяний

¹ Партыко Т. Б. Внутрішня свобода як умова розвитку еґо-ідентичності // Людина в сучасному світі. В трьох книгах. Книга 2. Психолого-антропологічний контекст: колективна монографія / А. О. Вовк, О. В. Волошок, І. І. Галецька та ін.; за заг. ред. д-ра філос. наук, проф. В. П. Мельника. – Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2012. – С. 52–77.

личности учитывать всю цепочку зависимостей: свобода – выбор – ответственность¹.

Н. А. Бердяев по этому поводу писал, что определение свободы человека как выбора является формальным определением свободы, это лишь один из моментов свободы. ***Действительная свобода, обосновано подчеркивает он, проявляется не тогда, когда человек должен выбирать, а тогда, когда он сделал свой выбор.*** Отсюда происходит новое определение свободы, свободы реальной, являющейся творческой внутренней энергией человека, с помощью которой человек создает совсем новые формы жизни, новую жизнь общества и мира. Свобода человека не предполагает причинных объяснений, она находится вне причинных отношений, поскольку она есть причиной².

По мнению Н. А. Бердяева, свобода человека является конститутивным признаком человеческой сущности. Источником свободы есть не душа, не тело человека, а его дух. Исследователь охарактеризовал свободу духа – внутреннюю, глубинную энергию духа. Рассматривая свободу как самую большую человеческую ценность, он утверждал, что свобода является трудным бременем человека потому, что принятие ею решений органически связано с постоянным риском и необходимостью личной ответственности. Н. А. Бердяеву принадлежит ряд точных афоризмов относительно свободы: «Человек является не только существом разумным, но и существом свободным»; «Человек должен быть свободным, не имеет права быть рабом, потому что обязан быть человеком»; ***«Декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть формальной, должна быть также и декларацией обязанностей человека и гражданина».*** Он полагал, что свобода есть свободой не только от господ, но и от рабов³.

Кстати, в Декларации независимости США 1776 года к числу неотчуждаемых прав относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Особое внимание свободе уделено во французских декларациях, где она указана среди естественных и неотъемлемых прав человека, к числу которых отнесены также собственность, безопасность и сопротивление угнетению. «Свобода, как определено в ст. 4 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены только законом». В последующей французской Декларации прав человека и гражданина 1793 года (ст. 6) провозглашено: «Свобода есть присущая человеку возможность делать все, что не причиняет ущерба правам другого; ее основу составляет природа, а ее правило – справед-

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социология права. – С. 769-770, 773, 776.

² Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995. – С. 325.

³ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: избранные труды. – М.: Флинта, 1999. – С. 268, 276, 279, 281, 286.

ливость; обеспечение свободы есть закон. Нравственную границу свободы составляет следующее правило: «не причиняй другому того, что нежелательно тебе самому от других»¹.

Верховный Суд США также определил свою позицию по этому вопросу: «Свобода предусматривает автономию личности, которая содержит свободу мысли, верований и убеждений, выражения и личного поведения»².

Изложенные выше законодательные и правоприменительные толкования категории «свобода» позволяют заключить об изначальном наличии концепта, согласно которому свобода является неотъемлемым естественным правом человека, требующим всесторонней правовой защиты.

Свобода, по Б.Н. Чичерину, – это самоопределение человека, относительно которого **закон** является требованием или принуждением. Для разумного существа его выполнение становится обязанностью. В этом состоит существенное отличие между естественными законами и моральными. Первые являются необходимыми отношениями вещей, а вторые – требованиями, которые обращены к **разумно-свободным существам**. Высоким достоинством разумных существ является то, что они выполняют законы не по принуждению, а добровольно. Это, подчеркнул он, наивысшая метафизическая мера свободы и нравственности. Свобода является самоопределением, а самоопределение состоит в выборе человека между разными путями. Самоопределение к добру собственно, поэтому и является выражением свободы, поскольку в нем содержится возможность противоположного. **Свобода добра вместо свободы зла**³.

Б. Н. Чичерин также заметил проявление свободы человека через частное право. В нем человек понимается как свободное и самостоятельное лицо, находящееся в определенных юридических отношениях с другими лицами⁴.

Принципиальное значение для понимания понятия «свобода воли» имеет выяснение содержания **понятия «воля»**. На энциклопедическом уровне понятие «воля» определяют как: а) философское и психическое понятие, означающее осознанную саморегуляцию и управление человеком своими действиями⁵; или б) термин для обозначения: 1) менталитета особенности лиц и человеческих коллективов, наличие которого позво-

¹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. – С. 132, 50, 88.

² Таманага Б. Верховенство права: історія, політика, теорія / пер. з англ. А. Іщенко. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – С. 45.

³ Чичерин Б.Н. Философия права. Изд. 2-е испр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 176.

⁴ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. – СПб.: Изд-во Русской Христианской Академии, 2005. – С. 172.

⁵ Большая Российская энциклопедия: в 30 т. – М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2006. – Т. 5. – С. 697.

ляет им регулировать свои психические состояния и процессы и направлять действия; 2) как синоним к слову «свобода»¹; или в) как способность к выбору цели деятельности и внутренних усилий, необходимых для ее осуществления²; или г) сложный психический процесс, проявляющийся в активном стремлении человека достичь сознательно поставленной цели, в регулировании трудностей через осознанные, целенаправленные действия, она является функцией мозга, одной из форм активного отображения реальной действительности³.

Волю в научных источниках понимают как определенную способность человека, как свойство нормально функционирующего мозга человека, как функцию мозга. Так, М. Д. Шаргородский писал, что воля – это функция нормально работающего человеческого мозга, это одна со сторон психического жизни человека; волевые действия характеризуются осознанностью и целенаправленностью. В. П. Тугаринов определял волю как «способность человека решать и приводить эти решения в исполнение. А. Т. Панов и В. А. Шабалин определили волю как мыслительную деятельность (функция мозга) как психическое состояние (признак личности), как способность принимать решения и приводить их в исполнение. Волевые действия человека в отличие от рефлексорных и инстинктивных являются результатом социального опыта конкретного лица. ***Все, за что человек борется, на что направлена его воля, связано с его целями, интересами и потребностями***⁴.

Понятие воля характеризует деятельную сторону человеческой психики, ее внутреннюю активность, целеполагающую устремленность, сосредоточенное стремление личности к достижению той или иной цели. Воля – это всегда усилие, преодоление препятствий, мобилизация внутренних потенций субъекта для совершения поступка. Ее специфической особенностью является способность регулирования побуждений, отбора мотивов, сепарации актов деятельности. Воля – это компонент сознания человека, определяющий регулятивную сторону деятельности, выступающий как разрешающая, санкционирующая сторона. В ней индивид ярко выявляет свое «Я», утверждает характер. Не случайно ***абулия*** (патологическое безволие), – это одна из характерных черт распада личности, процесса деперсонализации. Апатико-абулическое состояние рассматриваются современной психиатрией как показатель резкой деградации личности. Волевое действие человека, таким образом, психологически включает в себя ряд актов: осознание собственной цели, взве-

¹ Енциклопедія сучасної України. – К.: НАН України, 2006. – Т. 5. – С. 727.

² Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е издание. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – Т. 5. – С. 349.

³ Український енциклопедичний словник: у 3 т. – 2-ге видання. – К.: Гол. ред. УРЕ, 1986. – Т. 1. – С. 336.

⁴ Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. – С. 34.

шивание аргументов «за» и «против» ее достижения, определение путей и способов, ведущих к цели и, наконец, действие – исполнение решения. Всем этим актам присуща избирательность. Воля как фаза, сторона или свойство психики человека может быть выделена лишь в анализе, на деле она выступает проявлением целостного субъекта в единстве и неразъемлемости различных граней и единичных проявлений его духовного мира. Воля тем и отличается от слепой импульсивности, что она исходит из «центра» человека, что является сознательным регулированием субъектом его собственных действий. Понятно, что воля не может обнаруживаться там, где субъект не обладает какой-то относительной самостоятельностью в выборе цели и осуществлении решений. Воля без свободы – это фикция. Субъект, лишенный воли, это автомат, механический агент, все что угодно, но не личность. Есть такое выражение – сломить волю, оно означает растоптать личность¹.

В философской литературе отмечается, что наиболее существенным, исходным для понимания проявления воли, есть **целеустремленность**, которая может приобретать формы и психического процесса, и состояния, и свойств человека. Целеустремленность является отображением объективных отношений, объективной общей и отдаленной цели и возможностей человека. Домогательство и уровень домогательства представляют собой целеустремленность, в которой возможности человека заменены ее направленностью: **желанием и стремлением**. Поскольку направленность человека включает в свою структуру потребности, домогательство всегда эмоционально окрашено и принадлежит к проявлениям не только воли, но и эмоций. Волевое усилие – **«сила воли»** как процесс и настойчивость – **«стойкость воли»** как состояние или как свойство человека – это отражение объективного соотношения цели деятельности соответствующему уровню его домогательств и фактически выполняемой собственной деятельности, которая обеспечивает достижение этой цели. **Волевое усилие** человека одноразовое и связано с более приближенной целью; **настойчивость** – с более отдаленной, общей, которая подчиняет себе отдельные цели. Процесс принятия **волевого решения в волевом действии и решительность**, как волевая черта человека, являются производными от волевого усилия и настойчивости. Они определяются темпом волевого действия и **преимуществом волевого компонента над эмоциональным** в едином акте сознания человека. Последнее – баланс волевого и эмоционального компонентов **при господстве воли над эмоциями**, взятое независимо от темпа, принято называть **самообладанием**. Центральным элементом в структуре волевой формы отображения человека является **волевое усилие**. В осложненных условиях оно проявляется в определении цели, на этапе борьбы мотивов, в принятии решения, в его осуществлении и в дальнейшей непосредственный прак-

¹ Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. – С. 184, 185, 187, 188.

тической деятельности. Эмоции и воля, в таком их понимании, включаются **в единую систему форм психического отображения**: эмоции, ощущение, мышление, восприятие, чувство, воля, память¹.

По М. И. Варию, в психологии **воля** чаще всего понимается:

- через волевые качества человека: инициативность, самообладание, выдержку, настойчивость, решительность, целеустремленность и т.п.;
- через добровольную регуляцию поведения человека, психических процессов;

• через волевые действия человека, которые определяются по таким признакам: осознанность, целеустремленность, преодоление препятствий, инициация действий, наличие волевого усилия, отсутствие зависимости от актуальной потребности. Ни один из приведенных признаков не является достаточным для определения содержания воли, но вместе они отличают волевое действие в ее специфике. **Воля** – это сознательное управление человеком своей деятельностью и поведением, проявляющееся в принятии решения, преодолении трудностей и препятствий на пути достижения цели, выполнение поставленных задач. Сознание и воля человека являются самостоятельными концептами. Выполняя свою роль в психическом процессе, сознание не становится волей, но все же является ее важным признаком. Сознание и в волевом процессе остается сознанием. Оно обеспечивает выполнение волей ее функций. Вообще волевая деятельность человека охватывает: а) волевые процессы, имеющие место в любом волевом поступке, усилии; б) волевою деятельность, которая выражается в осуществлении произвольных и невольных действий; в) волевые состояния –временные психические состояния, которые оптимизируют, мобилизуют психику человека на преодоление внутренних и внешних препятствий. Часто такие состояния проявляются в волевом усилии человека, отражающем уровень нервно-психического напряжения, мобилизирующего ее физические, интеллектуальные и моральные силы; г) волевые качества – относительно стойкие, независимые от конкретной ситуации психические проявления человека. Волевая регуляция всегда начинается с интеллектуального акта, из осознания проблемной ситуации. Рефлексия и анализ проблемной ситуации требуют «включения» волевых актов – это «моменты движения» деятельности. В моменты «пуска» и «остановки» волевого регулирования роль интеллекта ярко выражена. Воля выполняет две взаимосвязанных функции – **побудительную и тормозящую. Побудительная** функция обеспечивает активность человека в преодолении трудностей и препятствий. Если у человека отсутствует актуальная потребность выполнять действие, но при этом необходимость выполнения ее он осознает, воля создает вспомога-

¹ Платонов К.К., Шингаров Г.Х., Шамаков А.В. Эмоции, чувства и воля как формы отражения действительности // Ленинская теория отражения и современная наука. Теория отражения и естествознание. – София: Наука и искусство, 1973. – С. 289–290.

тельное побуждение, меняя смысл действия (делает его более значимым), вызывая переживание, связанные с предусмотренными последствиями действия. Основным проявлением воли становится поступок. Побуждение человека к действиям создают определенную благоустроенную систему – иерархию мотивов – от естественных потребностей к высшим побуждениям, связанным с переживанием моральных, эстетичных и интеллектуальных чувств. Если исходить из понимания воли как моральной саморегуляции, тогда основной ее характеристикой станет покорение личных социально значимых мотивов, а акцент переносится на проблему направленности личности. **Тормозящая** функция проявляется в сдерживании нежелательных проявлений активности. Эта функция чаще всего выступает в единстве с побудительной. Человек способен тормозить возникновение нежелательных мотивов, выполнение действий, поведение, противоречащие представлениям об образце, эталоне, и осуществление которых может поставить под вопрос или повредить авторитету человека. Волевое регулирование поведения было бы невозможным без тормозящей функции¹.

Другой философский вопрос о воле касается свободы воли человека. Имеются два его решения: детерминизм (свободы воли нет) и индетерминизм (свобода воли есть). По мнению С. А. Левицкого, вопрос о свободе воли человека дифференцируется в пределах трех вопросов:

- **о свободе действия** (она ограничена законами физики, физиологии);

- **о свободе выбора** (то есть способна ли человеческая воля выбирать между мотивами; согласно детерминистам, волевая жизнь человека сводится к борьбе мотивов, в которой сильнейший мотив автоматически побеждает – но критерием силы мотива может быть только его действительность. Следовательно, о том, каков мотив считать сильнейшим, мы узнаем не раньше, чем он победит);

- **о свободе желания** (этот вопрос о том, отвечает ли ощущение желания возможности – этот уровень вопроса является наиболее глубоким, он касается проблемы моральной ответственности человека за свои поступки)².

Волевой акт поведения человека всегда связан с процессом его раздумий и оценки каждой ситуации бытия, целесообразности той или иной возможной или невозможной формы, вида поведения. Конечным результатом этого процесса является выбор доминантного варианта поведения в конкретной социальной ситуации, согласованного с **интеллектуальными установками** человека. Понятно, что при этом учитываются внешние факторы воздействия на выбор формы, вида поведения человека через призму его **будничных и перспективных ин-**

¹ Варій М.Й. Загальна психологія: навч. посібник. – К.: Вид-во «Центр учбової літератури», 2007. – С. 604.

² Левицкий С. А. Трагедия свободы. – М.: Канон, 1992. – С. 37.

интересов и потребностей. Интеллектуальные установки человека являются закономерным результатом соответствующего уровня его социализации. Они, образно выражаясь, представляют собой **стержень совести и силы воли человека** как **просоциального**, так и **антисоциального** его поведения.

Разумение понятия «**свобода воли**» в современной философско-правовой литературе определенной мерой перекликается с представлениями о ней выдающихся философов, юристов и теологов, актуализированные в этой работе выше. Так, А. Г. Спиркин рассматривает это понятие как имеющее многоплановую характеристику: свобода воли человека проявляется не только в выборе линии поведения, не только в господстве над силами природы и сознательном преобразовании общественных отношений. Она находит выражение и во власти человека над самим собой, над своими инстинктами, влечениями и чувствами, за формы проявления которых он также несет ответственность и перед обществом, и перед своей собственной совестью¹.

Как правильно отмечает Н. В. Витрук, свобода человеческой воли выражает активность, целенаправленную, преобразующую роль человека по отношению к детерминирующим обстоятельствам, индивидуально неповторимое отражение объективных причин в человеческой деятельности. Раскрывая содержание понятия свободы воли, нужно иметь в виду и свободу желания, и свободу выбора поведения, и отсутствие принуждения, и определенное эмоциональное состояние воли. Все эти моменты представляют собой существенные характеристики свободы воли и раскрывают ее содержание². Подытоживая, следует заметить, что понятие «**свобода воли**» содержит в себе **три интеллектуально-волевых характеристики**: свободу желания, свободу выбора и свободу деяний человека.

В свою очередь, отмечает А. А. Гусейнов, **свобода воли** конкретного человека – это способность личности определять свое поведение на основе познания объективной действительности, способность предвидеть последствия своих деяний и оценить их в соответствии с требованиями морали и права. Подлинная свобода заключается не в полной независимости от внешнего мира, а в способности принимать решение с сознанием дела, с учетом их социального значения. Таким образом, по мнению философа, **свобода воли**, как и **свобода выбора** между одобряемым и порицаемым обществом поведением составляет необходимое условие как позитивной, так и негативной ответственности человека³.

¹ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М.: Наука, 1972. – С. 298.

² Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 14.

³ Гусейнов А.А. Основания позитивной юридической ответственности: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.bsu.az/w8/Xeberler%20Jurnali/Sosial%202009%202/37-45.pdf>

Цивилизованный человек с позитивным морально-правовым сознанием, живущий в цивилизованной государственности, подчеркивает В. А. Бачинин, легко находит правовые формы и способы реализации своей потребности в свободе. Правовые ограничения, которые распространяются только на его внешнюю, социальную свободу, не создают ему особых неудобств и тем более страданий. С ними человек спокойно мирится, как мирится с наличием земного притяжения, не позволяющего ему летать, как птица. Основная его свобода – это свобода внутренняя, духовная, моральная. Она всегда остается с ним, вне пределов достижимости норм права и административных щупалец государства¹. Поэтому В. И. Букреев и И. Н. Римская, определяя свободу как высшую форму духовности в человеке, утверждают, что абсолютно свободный человек может быть в сфере духа, в *сфере творения себя в мире и мира в себе*².

Внутренняя, духовная, моральная свобода (*свобода воли* – В. К.) человека реализуется через доминантную цель человека в соответствующих условиях общественного бытия. Свобода является фактором, формирующим цель человека, определяющим содержание бытия и стиля человека. Свобода является потенциальной возможностью человека, которую он может реализовывать или отказаться от реализации такой возможности, а вместе с тем и от части своей сущности. *Свобода есть одной из тех ключевых, фундаментальных ценностей*, которые вытекают из самой сущности человека – *человеческого достоинства* и, таким образом, находит свое выражение в духовности социума, его культуре и в праве³.

Свобода воли человека, как внешняя, так и внутренняя, неразрывно связана с таким его неотъемлемым личностным качеством, как *естественное достоинство*.

Достоинство человека в юридической литературе правомерно рассматривается как основа прав человека⁴. Думается, что не только прав, но и обязанностей человека. Общество не вправе посредством социальных норм возлагать на человека такие обязанности, которые нарушают его естественное достоинство, ибо в таком случае были бы нарушены и его права. В этом плане следует обратить внимание на генетическую связь достоинства человека со свободой его воли и совестью.

Многие философы прошлого уделяли этой проблематике определенное внимание. Специального внимания заслуживают их высказывания относительно совести: «утрызения совести есть единственная добродетель».

¹ Бачинин В.А. Морально-правовая философия. – Харьков: Консум, 2000. – С. 205.

² Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. – М.: Юрайт 1998. – С. 17.

³ Грищук О.В. Людська гідність у праві: філософські проблеми. – С. 145.

⁴ Orzeszyna Krzysztof. Godność ludzka podstawa praw człowieka // Człowiek – jego prawa i odpowiedzialność. – Lublin. Wydawnictwo KUL. 2013. – С. 15-23; I. von Münch. Godność człowieka w niemieckim prawie konstytucyjnym // Godność człowieka jako kategoria prawa. Reg. K. Complak. – Wrocław. 2001.

тель, остающаяся у преступников» (Ф. Вольтер); «я знаю только одного тирана, и это тихий голос совести» (М. Ганди); «угрызения совести начинается там, где кончается безнаказанность» (К. Гельвеций); «разум и совесть не могут быть лишены своих прав. Их можно налгать, но их нельзя обмануть» (И. Гете); «совесть – это наш внутренний судья, безошибочно свидетельствующий о том, насколько ваши поступки заслуживают уважения или порицания наших близких» (П. Гольбах); «закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть есть, собственно, соотнесение наших поступков с этим законом» (И. Кант); «совесть – лучшая нравоучительная книга из всех, которыми мы обладаем; в нее следует чаще всего заглядывать» (Б. Паскаль); «совесть карает иногда даже там, где закон этого не делает» (П. Сир); «я знаю в жизни только два действительных несчастья: угрызения совести и болезнь» (Л. Толстой); «если хочешь крепко спать, возьми с собой в постель чистую совесть» (Б. Франклин)¹.

Фома Аквинский, например, проповедуя диктат совести над свободой воли человека, подчеркивал, что **свобода воли является наивысшим проявлением достоинства человека**, а достоинство человека в условиях демократии измеряется преданностью идеалам свободы, которая должна быть подчинена честности и не должна существовать сама для себя, поскольку это вело бы человека ошибочным путем вседозволенности².

И. Кант в этой связи полагал, что человеческая личность не имеет цены, но имеет достоинство, и поэтому, никогда не следует использовать человека как средство или как цель в себе. Для него именно достоинство человека отличает его от иных живых существ и предметов. Кант применял понятие достоинства человека в двух контекстах, различая достоинство человека и его цену. Он утверждал, что все имеет либо какую-то цену, либо достоинство. То, что имеет цену, можно также заменить чем-то иным, равноценным. Однако достоинство человека превышает всяческую цену и не имеет равнозначного эквивалента. **Нравственность и человечность**, поскольку личность способна к нравственности, есть тем, что содержится в достоинстве человека³.

С более широких философских позиций к пониманию достоинства человека подошел И. А. Ильин. По его мнению, не угрызения совести, за несовершенство в прошлом добра или за совершение в прошлом зла; но совесть, как творческая энергия, энергия любви и воли, направленная вперед, в будущее, к предстоящим свершениям. Она же и дает человеку то высшее счастье на земле, которое выражается словами духовного достоинства и призвания. Духовное достоинство состоит в том, что «предстоящий» человек утверждает свою жизнь принятием Божественного,

¹ Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове) / Худож. Ю. Д. Федичкин. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – С. 525–526.

² Аквінський Ф. Коментарі до Арістотелевої «Політики». – К.: Основи, 2000. – С. 96.

³ Orzeszyna Krzysztof. Godność ludzka podstawa praw człowieka // Człowiek – jego prawa i odpowiedzialność. – С. 18.

любовью к Нему и верностью Ему. Он приемлет Его лучи, и эти лучи проникают в его душу до самого дна. Он проникается ими, как бы питаясь и животворясь ими, и они сообщают ему свой огонь, свой свет и свое тепло. В них он находит свое бытие; так что само существо или естество его личности определяется и освещается ими. В глубине его души как бы строится храм, и в храме этом утверждается алтарь и престол с неугасающим светильником. И не в том смысле, чтобы этот храм, и престол, и светильник – были бы «доступны» ему, как извне приходящему «прихожанину»; но в том смысле, что этот храм есть его собственная обитель, и престол этот есть его собственная святыня, и светильник этот есть его собственное горение. Не только «в нем есть пламя», но он и сам в полноте своего духовного начинает постигать, что значит «читать самого себя» и что чувство бытия – это пламя. И это пламя есть его Главное, от которого он не может отказаться, которым он дорожит превыше всего своего «прочего» и которому он не может изменить. И удовлетворившись в этом удостоверении, он начинает постигать, что значит «читать самого себя» и что такое чувство собственного достоинства¹.

«Свобода воли» и «необходимость», как обоснованно утверждает В. А. Бачинин, опосредствуются такой качественно-социальной, личностной чертой, как **совесть человека**. Совесть человека в философско-правовой литературе понимается как его эмоционально-психологическая **способность** к нравственному самоконтролю, позволяющая личности соотносить собственное социальное поведение с морально-правовыми образцами должного, оценивать степень расхождения и вменять его себе в вину. Связь с чувством вины предают переживаниям совести острый внутренний драматизм и позволяет говорить о «муках» человека. Пока личность не фиксирует каких-либо существенных противоречий между должным и сущим, внешними универсальными нормативами и собственными мотивами и поступками, ее нравственное самочувствие пребывает в спокойном, уравновешенном состоянии, именуемом состоянием **чистой совести**. Когда же такие противоречия обнаруживаются, нравственное самочувствие ухудшается, резко понижается сознание ценности своей личности, страдает чувство собственного достоинства².

Совесть как индикатор, определитель позитивного или негативного волевого решения человека в условиях конкретной «необходимости» или конкретных «необходимостей», имеет неодинаковый уровень относительно разных людей. В том случае, **когда совесть** человека **властвует над его волей**, вероятность выбора человеком позитивного варианта поведения в нормативном социальном поле **через позитивную силу воли** есть самой большой. При **условиях отсутствия господства совести** человека над свободой воли наиболее вероятным является выбор чело-

¹ Ильин И.А. О чувстве ответственности: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin/chuv_otv.php

² Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. – С. 803.

веком антисоциального варианта поведения **через негативную силу воли**. Таким образом, **свобода воли человека** связана с его **свободой совести** в широком понимании этого слова. В узком понимании понятием «свобода совести» отдельные авторы обозначают свободу вероисповедания, закрепленную в ст. 35 Конституции Украины.

В философском контексте **свобода совести** – это особая качественная определенность человеческого бытия, которая отражает внутреннюю способность суверенного субъекта к свободному, не детерминированному внешними силовыми факторами самоопределению в духовной сфере, а также возможность его творческой и ответственной самореализации на основе ценностного ориентированного выбора¹. Образно говоря, это моральный императив, моральный кодекс человека, внутренняя шкала моральных правил человека для определения добра и зла, справедливости или несправедливости, гуманности или негуманности, демократичности или недемократичности и т.п.

Постановку проблемы **свободы совести человека** связывают в философии с Мартином Лютером – идейным вдохновителем и духовным лидером протестантского движения, отрицающим наряду со свободой совести и свободу воли. Его трактат «О свободе христианина» (1520 г.) послужил научной полемике ученых того времени и позднее. Эразм Роттердамский, в частности, считал, что отрицание свободы воли человека делает его неодушевленным существом, не способным отвечать за свои поступки, а Бога – деспотом, не достойным ни почитания, ни любви. В ответ Мартин Лютер утверждал абсолютную суверенность воли Бога. По его мнению, мы не можем говорить: Бог должен делать так, потому что это благо; напротив, это благо, потому что Он так делает. Воля же человеческая «находится где-то посредине между Богом и сатаной, словно выючный скот. Если завладеет человеком Господь, он охотно пойдет туда, куда Господь пожелает. Если же владеет им сатана, то он охотно пойдет туда, куда сатана пожелает». Воля человека «без Божьей благодати ничуть не свободна, а неизменно оказывается пленницей и рабыней зла, потому, что сама по себе она не может обратиться к добру»².

В противоположность Мартину Лютеру, Фома Аквинский утверждал о необходимости диктата, доминирования совести человека над его свободой. По его учению, *syngeresis* – **искра совести лежит в основе практического разума человека**, целью которого является создание вещей и определение поведения. Она дает этическое знание, имеющее всеобщий характер.

Философское определение совести человека прослеживаем у Григхайма: «Совесть есть святое, неприкосновенное в человеке, она – чистая уверенность в самом себе, свобода как предикат, в себе и для себя сущее,

¹ Релігієзнавчий словник / за ред. проф. А. Колодного і Б. Лобовика. – К.: Наукова думка, 1996. – С. 296.

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. – С. 468.

ничто гетерогенное в нее не привносится, совесть неприкосновенна в отношении того, что есть добро, она есть знание добра»¹.

В концепции Инокентия Гизеля совесть выступает как осознание самого себя, или осознание суждения о себе, при помощи которого человек судит, следует ему что-то делать или не следует. А так же - добрым или злым есть то, что он делает или сделал. Свойства совести такие: свидетельствовать на себя, судить себя, наставлять себя либо советовать себе. Он, в частности, выделяет такие **виды совести**: богобоязненная, благоговейная, уверенная, истинная, добрая, злая, смешанная, правдивая, ложная или неуверенная, справедливая, смущенная, сомнительная, малодушная, чрезмерно смелая, мирная, тихая. Совесть, на его взгляд, может быть разной, поэтому и ответственность человека также должна быть разной. Наилучшей на его взгляд, есть так называемая «мирная» совесть, умеющая различать добро и зло согласно с «законом естественным» и «заповедями Божьими». Людям с такой совестью свойственно ощущения внутреннего покоя и гармонии, они судят благоразумно и всегда пребывают в «мире» с Богом и самим собой. Наихудшей есть совесть «ложная или неуверенная». Подавая воле искаженное видение того, к чему следует стремиться, а от чего необходимо воздерживаться, ложная совесть вызывает веление к общественно злему – как доброму для себя. Такие люди преимущественно не сомневаются в собственном выборе, потому, что даже не размышляют о нем. Они вообще не склонны к покаланию, и живут по собственному усмотрению, без Божьей милости. Люди с такой совестью воспринимаются как антисоциальные, которые нарушают установленный правопорядок, разрушают «общее благо». Кроме этого Гизель описал **промежуточные типы совести**, одной из которых есть так называемая «сомнительная» совесть, которая состоит в том, что человек, чрезмерно остерегаясь греха, становится пассивным, неспособным сделать наименьший выбор, поскольку он требует надлежащей моральной оценки варианта выбора. Наихудшей выглядит жизнь у людей, которым выпала совесть «смущенная», то есть такая, которая во всем сомневается и везде видит действие демонических сил, полностью парализует волю и разум, не позволяя им действовать. Характеристика Гизелем типов совести подчеркивает значение активности и размышлений человека в формировании его ответственности. Здесь наблюдается и логика ее развития: сначала формируется ответственность перед Богом, потом – перед людьми, а еще позже – перед совестью, то есть перед самим собой. Он полагал, что каждый человек в собственной жизни и собственной волей каждый раз делает собственный выбор, который может быть и добрым, и злым. Именно поэтому люди несут персональную ответственность за свой сделанный выбор².

¹ Цит. по: Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 421.

² Гизель І. Вибрані твори в 3 томах. Том 1. Книга 1. См. также: Матласевич О.В. Психолого-історичне дослідження відповідальності у християнській психології Інокентія Гизеля // Наукові записки Національного університету «Острозька академія» Серія «Психологія і педагогіка». – 2012. – Вип. 21. – С. 126, 127, 125.

Согласно Б. Н. Чичерину, совесть человека «... есть то самое свободное, что существует в мире. Она не подчиняется никаким внешним побуждениям. Можно принудить человека поступать так или иначе, но нельзя заставить его поступать так или иначе по совести. Она составляет недостижимое для внешней власти **нравственное святилище человека**. И только то имеет нравственную цену, что исходит из этого святилища, что определяется человеком на основе внутреннего, **свободного голоса совести**. ... Когда власть вторгается в область, которая может определяться только совестью, она переступает границы своего права. Никакие внешние соображения не могут ее прощать, ибо нравственный закон есть закон безусловный... Самая просветленная совесть есть только судья, который произносит приговор, она ограничивается оценкой действия, но не она исполняет свои решения. Для этого нужна особая **нравственная сила**, способная воздерживать влечения и подчинять их требованиям разума и совести. Эта сила есть **добродетель**»¹.

Смысловым органом, интуитивной способностью человека ощущать единственно необходимый смысл бытия и своего поведения, считает В. Франкл, является его совесть – единственное, что позволяет ему противостоять жестокости и бездуховности².

Как справедливо заметила Н. В. Гайворонюк, совесть является проявлением нравственного самосознания человека. Ее можно назвать **компасом, ведущим человека по жизни**. Наличие совести демонстрирует способность человека к самоконтролю, умению определять свои обязанности, контролировать их выполнение и давать оценку своим действиям. Если человек живет по совести, он отвечает за свой нравственный выбор и поведение. Совестьный человек всегда наделен чувством обязанности. В его духовном мире нет места низким чувствам, он чуткий, внимательный, справедливый. **Внутренний контролер**, которым для такого человека **есть совесть**, помогает ему быть на самом деле свободным, не зависеть от внешнего контроля и принуждения. Кроме того, совесть подсказывает человеку характер отношений с людьми. Она является внутренним судьей человека³. О таком человеке можно сказать, что он позитивно ответственный.

«Совесть, будучи выражением свободы, по мнению В. Е. Давидовича, сводит в одно целое и нравственную необходимость (долг), и личное побуждение (желание). Я желаю действовать так и только так, в этом мое высшее нравственное удовлетворение, – так может говорить только человек, следующий голосу совести. Но там, где совесть человека слепа, там появляются фанатики, одержимые, индивиды со сверхценными идеями. Совесть всегда осознана; к ней тоже следует относиться критически и мерить ее истинность по объективным результатам поступков.

¹ Чичерин Б.Н. Философия права. – С. 190-191, 194.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. – С. 184-186.

³ Этика та эстетика / за ред. М.П. Гетьманчука. – С. 59.

Ложная совестливость может связать руки, стать препятствием для по-
длинно свободного поступка. Надо отметить и то, что совесть, будучи
выражением свободы, в то же время выступает как ограничение про-
извола, субъективности. Будучи своеобразным голосом общества в ду-
ховном мире человека, совесть в какой-то мере оказывается «независи-
мой» от его желаний. Муки совести приходят без спроса, они вторгаются
в духовную жизнь, ломают планы и расчеты, иной раз круто меняют
жизненный путь личности. В совести личность поднимается до ясного
осознания своей персональной ответственности перед обществом за все
ее содеянное, за свои намерения и поступки, за возможные и реальные
результаты предпринятых шагов»¹.

Совестливыми или бессовестными людьми не рождаются, – верно
отмечает Н. В. Гайворонюк. *Совесть* – это приобретенная характерис-
тика человека, и она может беспощадно преследовать его, когда тот игно-
рирует свою моральную обязанность. Здесь совесть, по словам Гольбаха,
выступает своеобразным внутренним судьей человека, который безоши-
бочно свидетельствует, на сколько наши поступки заслуживают уваже-
ния или осуждения наших ближних².

На значение совести человека как фактора социальной ответствен-
ности личности обращали внимание и другие ученые. Так, по мнению
С. А. Велиева, *в основе внутренней регуляции* поведения человека
могут лежать *три основных вида психологических состояний*: опа-
сение подвергнуться общественному осуждению или связанным с ним
социальным санкциям; осознание своего общественного долга; веление
собственной совести³.

Отдельные ученые в понятие «совесть» включают долг, честь и дру-
гие нравственные категории. Некоторые ученые возражают против тако-
го трактования совести⁴.

Учитывая изложенное, имеет значение наличие эффективного обще-
ственного механизма контроля над соблюдением человеком предписаний
социальных норм. Социальные нормы, которые не выполняются, не со-
блюдаются и не используются – «мертвые» нормы. Поэтому общественный
нормативный комплекс и эффективный механизм контроля над его реа-
лизацией смогут в значительной мере «пробудить» совесть человека, со-
действовать ее формированию, развитию и укреплению.

Совесть человека является антропологической основой его по-
зитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной) социальной
ответственности.

¹ Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. – С. 215.

² Этика та эстетика / за ред. М.П. Гетьманчука. – С. 59.

³ Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 19.

⁴ См.: Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. – С. 87.

Прямую связь между ответственностью и совестью прослеживает О. М. Белова, понимая под совестью «личное дело», основу внутреннего достоинства человека. *Совесть* должна удерживать человека от причинения зла. Перед принятием решения человек все-таки полагается на совесть предупреждающую, признаками которой выступают «придирчивость» и «скрупулезность». Совесть не «просыпается» в человеческой душе, а представляет собой первоначальные интеллектуальные и моральные задатки. Совесть также имеет социальный аспект ответственности, который заключается в следующем: человеку приходится выбирать одну линию из альтернатив, за каждой из которых стоят мощные побуждения. Сознание мучительно напряжено, и когда решение принято, человек испытает особого рода ощущения, которые мы называем чувством долга, решимости и правоты. Следовательно, *совесть* выступает как *голос более глубокой рациональности*. Идти против совести – значит действовать в состоянии суженного и фрагментарного сознания, а это, в свою очередь, означает, что человек начинает утрачивать целостность своей личности, «распадается» на части. Для индивида, размышляющего над собственным поведением, его совесть единственно возможный руководящий принцип, истина последней инстанции. Изменить ее – значит совершить моральное самоубийство. У неуравновешенного человека совесть присутствует, но она неустойчивая в своих оценках, власть ее слабая, а усилия кратковременные. У таких людей голос совести – это лишь эхо их мимолетных эмоций, ибо долгосрочный внутренний синтез им не по силам. И даже этот голос, заглушенный потоком импульсивных переживаний, они часто не слышат, и их поведение вообще лишено рационального контроля. На людей такого типа благотворно действует угроза наказания¹.

Связывая свободу человека с правовым положением, А. Г. Мучник понимает под свободой правовое положение и соответствующую политическую атмосферу, в которых каждый отдельный человек, территориальная община, этнос или народ имеют возможность безопасно для себя делать все, что не причиняет вреда достоинству, свободе и правам других людей².

Следовательно, свобода человека – это, во-первых, его состояние во внешнем мире, а, во-вторых, его внутреннее психическое состояние, обеспечивающее возможность выбора поведения. В первом случае речь идет о физической свободе человека, а во втором – о свободе воли человека, которая предусматривает в себе свободу выбора и свободу действия. Свобода человека является естественной, личностной и общественной, «вечной» ценностью, доминирующей чертой его достоинства. Изложенное выше по-

¹ Белова О.М. Социальная ответственность как один из аспектов формирования личности. – С. 40–41.

² Мучник А.Г. Философия достоинства, свободы и прав человека. – К.: Парламентське видавництво, 2009. – С. 395.

звolyет логически заключить, **что абсолютная, безграничная свобода человека в условиях общества невозможна, и даже вредна.** Разумная свобода человека, как относительное понятие, связана органически с социальными нормами, которые определяют ее пределы.

И. И. Кальной пишет, что историко-философский анализ феномена свободы человека от Античности до нашего времени подтверждает ее **метафизический характер** и косвенно свидетельствует о противоречии в отношениях индивида и общества. Вместе с тем, подчеркнул он, исторический опыт свидетельствует, что свобода – неминутная ценность для человека, ее основополагающая сущностная характеристика. Свобода рядоположена с такими ключевыми ценностями права, как жизнь и воля человека. Всякое покушение на свободу человека это форма его убийства, превращение в животного. Всякий отказ от свободы есть демонстрация духовного самоубийства. По мнению исследователя, аксиома «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества» допускает три толкования: а) в обществе, как и в природе, свобода в принципе **невозможна**. Общество обладает абсолютным приоритетом по отношению к индивиду и его законы практически не отличаются от законов развития природы. В этом случае **социальная детерминированность оборачивается необходимостью**; б) возможно осуществление **относительной свободы человека**. Такое толкование предполагает возможность **умеренной свободы человека**, но на практике подлинная свобода подменяется здесь иллюзорной. И в этом понимании свобода человека заявляет о себе как условие самовыражения через выбор одного варианта из многих и принятие ответственности за этот выбор; в) наряду с социальной детерминацией **свобода (абсолютная – В. К.) возможна, но только за пределами общества**. Здесь открывается возможность осуществления гармонии в отношениях человека и общества¹. Вопреки оптимизму автора и отождествления законов природы с законами развития общества, его позиция в целом может быть приемлемой.

Свобода человека, пришел к выводу Ролло Мей, **не является противоположностью** детерминизма. Свобода – это способность человека знать, что он детерминирован, делать паузу между стимулом и реакцией и за счет этого бросить свою гирю, как бы мала она не была, на чашу весов одной реакции с нескольких возможных².

Физическая свобода и свобода воли человека мыслятся в пределах соответствующего социума: семьи, коллектива, государства, общества и т.п. Еще Аристотель подчеркивал, что когда какой-нибудь человек, в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне общества, государства, то **он либо недоразвитое в моральном отно-**

¹ Кальной И.И. Философия права: учебник. – С. 25, 27.

² Ролло Мей. Новый взгляд на свободу и ответственность // Экзистенциальная традиция. – 2005. – № 2. – С. 173.

*шении существо, либо сверхчеловек*¹. Снова же таки, по известному выражению В. И. Ленина, – жить в обществе и быть свободным от общества невозможно.

Свободы «вообще», справедливо отмечает В. П. Малахов, не существует. Будучи присущей социальному субъекту в качестве возможности его самоопределения и действия, она предстает как свобода нравственная. Будучи деятельностью социального субъекта, она обретает смысл свободы политической. В нравственном отношении свобода проявляется как открытость взаимного общения и единения людей; в политическом отношении свобода проявляется как независимость и выделенность социального субъекта. С нравственной точки зрения человек свободен настолько, насколько свободны все вокруг него. С политической точки зрения, человек свободен настолько, насколько он освобожден, не связан свободой других, насколько, по сути, другие несвободны².

В конце концов, социальная свобода и социальная ответственность человека зависимы от личной способности человека, определяющейся его индивидуальной чувственностью, совестью, рассудком и разумом. Личностная способность человека, обеспечивая в значительной мере автономию свободы его воли, предопределяет: возможность оптимального выбора модели своего поведения; умение и стремление не осуществлять антисоциальных поступков, а в случае их совершения проявить позитивное социальное поведение; возможность моделировать свое и чужое поведение, оценивать собственное поведение через призму прошлого, настоящего и будущего; новаторская активность его в общественно полезном плане как творца окружающей действительности. Человек, имея **и силу, и волю**, не всегда имеет их органичное объединение – **силу воли**. Сила его эмоций бывает часто более сильной силы его воли, силы разума, что закономерно приводит к нарушению предписаний социальных норм. Кроме того, нужно помнить, что автономия свободы воли человека зависит, как известно, не только от личностных, субъективных, внутренних факторов, но и от объективных, внешних факторов общественной реальности.

Ю. В. Сорокина справедливо акцентирует на том, что проблеме ощущения и понимания свободы человека хорошо можно увидеть и прочувствовать через противоположное – **через «несвободу», принуждение, насилие**. Грань перехода от **свободы** к **несвободе** весьма тонкая. При этом она обращает внимание на три степени **«несвободы»**: 1) **несвобода**, в основе которой физиологические причины; 2) **несвобода**, в основе которой нравственно-религиозные ограничения; 3) **несвобода**, в основе которой прямое принуждение – физическое и государственное³.

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – С. 378.

² Малахов В.П. Философия права. – С. 139.

³ Сорокина Ю.В. Введение в философию права. – М.: Норма, 2009. – С. 103.

На это обстоятельство обратили также внимание Р. И. Косолапов и В. С. Марков, заметив, что следование за желаниями, считающееся самым важным признаком свободы человека, если оно не ограничено, способно привести к противоположному результату. **Свобода** может стать **несвободой**. Наоборот, известное ограничение, организация стремлений и потребностей человека, которые извне выглядят как угнетение свободы, в действительности может стать ее самой важной предпосылкой. Следование за желаниями – **свобода**, запрет или невозможность этого – **рабство**; следование за неограниченными желаниями – **рабство**, разумное их ограничение – **свобода**. В этом проявляется диалектика, которая, так или иначе, известна каждому человеку по его собственному опыту¹.

Такой подход Ю. В. Сорокина, Р. И. Косолапова и В. С. Маркова представляется весьма продуктивным, ибо он позволяет более глубоко познать детерминационный механизм свободы.

Нужно согласиться также с В. Е. Давидовичем, что осознание самоценности свободы во многом зависит от того, насколько силен в человеке **внутренний протест против несвободы**, насколько ранит и уязвляет его порабощение².

Современное философское знание свободы воли человека, – пишет М. Б. Разгильдиева, – понимается двусмысленно, как **свободу и несвободу одновременно**, однако толкует она данный тезис несколько иначе. Деятельность в рамках познавательной необходимости и выбор разных вариантов поведения выступают самостоятельными, отличными друг от друга аспектами свободы воли, в которых и проявляется то, что человек, **и несвободен** (ограниченная в своей свободе объективными условиями), **и свободен** (возможность выбирать из определенных возможностей). Отличие между данными аспектами свободы заключается в том, что с одной стороны, свобода человека действительно ограничена определенными объективными, независимыми от ее сознания обстоятельствами. Здесь воля соотносится с объективными закономерностями естественного и общего развития и выступает как нечто производное и обусловленное объективным миром. С другой стороны, **выбор человека в конкретной ситуации детерминируется его внутренними установками**, то есть для внутреннего наблюдения является свободным. Здесь воля человека, выступая вместе с другими факторами, является одним из первичных факторов. Психологией установлено, что выбор – это сложно организованная деятельность, развернутая во временной процесс, имеющая сложную структуру, которая может быть зафиксирована внутренним наблюдателем. Он локализован во времени; между двумя активными выборами может быть пространство, в котором никакой выбор не осуществляется, хотя в любой момент времени, когда присутствует рефлекс ситуации, возмо-

¹ Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. – С. 9.

² Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. – С. 86.

жен и выбор. Не существует безальтернативных ситуаций; в то же время необходимым условием построения сначала неочевидных ситуаций есть работа по рефлекторному осмыслению ситуации¹.

Нормативным основанием социальной ответственности человека как негативной (ретроспективной), так и позитивной (перспективной), есть система имеющихся, действующих социальных норм, которые функционируют в данном обществе.

Социальные нормы, выполняя в обществе охранительную, регулятивную и воспитательную функции, определяя рациональные пределы свободы человека, выступают средством консолидации социального организма, гармонизации, упорядоченного постоянства общественных отношений, поступательного прогрессивного развития государства и общества в целом.

Различают обычно такие виды социальных норм: обычаи, традиции, нормы морали (нравственные нормы), религиозные (канонические) нормы, этические нормы, политические нормы, корпоративные нормы, нормы общественных организаций, технические нормы, нормы культуры, нормы права и т.п.

В процессе взаимодействия разных видов социальных норм каждая из них, сохраняя свою специфику, выступает особым рода регулятором².

Наличие целостной, динамической системы социальных норм есть весомым социальным достижением, ярким свидетельством прогрессивного цивилизованного развития соответствующего общественного организма. С другой стороны, общественный прогресс невозможен без целостной, динамической системы общеобязательных правил поведения в виде социальных норм, которые обеспечивают упорядоченность, постоянство, контролируемость и прогнозируемость развития общественных отношений.

Системе социальных норм присущ объективно-субъективный характер. С одной стороны, они являются следствием объективных закономерностей развития общества, а с другого – результатом субъективного познания, на основе восприятия и оценки этих закономерностей человеческим сознанием и их субъективной объективации в материю поля социальных норм. Поэтому есть основания утверждать, что социальные нормы, как формы общественного сознания, являются в определенной мере отражением достигнутого обществом уровня духовно-культурного, экономического и социально-политического развития, исторической чертой характеристики качества жизни людей в данном обществе.

Социальная норма понимается юристами как общее правило поведения, регулирующее общественно значимое поведение людей. В своей сумме социальные нормы образуют своеобразную систему стандартов

¹ Разгильдиева М.Б. Правовые убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография. – С. 91-92.

² Нерсисянц В.С. Юриспруденция. Введения в курс общей теории права и государства. – С. 51.

(образцов, моделей), принципов поведения человека, которые являются обязательными (желательными, допустимыми) в условиях соответствующего социума.

Социальные нормы непосредственно или опосредованно определяют общественно полезные, общественно приемлемые, общественно вредные и общественно опасные деяния людей в системе общественного отношения, исполняя роль важной детерминанты человеческого поведения. Такое определение осуществляется через разрешение, поощрение творческого отношения к общественным требованиям или же обязанности к определенному поведению или его запрету. В двух последних вариантах потенциальной является угроза соответствующего осуждения субъекта, а также его антинормативного поведения и наступления для него нежелательных последствий нарушения предписаний этих социальных норм в виде соответствующих нормативных взысканий.

Характерной особенностью социальных норм является то, что они, кроме норм права, технических норм, норм общественных организаций имеются как в догосударственном обществе, так и в государственно организованном обществе. Правда, система этих норм в названных периодах развития общества – разная. Однако неперменной чертой является их взаимодействие при относительной автономности, специфичности каждой из этих норм. В своем гармоническом объединении они образуют **нормативное поле** общественного механизма регулирования поведения людей. Социальные нормы являются мерилем свободы и ответственности человека в обществе.

Целью социальных норм является охрана и обеспечение приумножения тех духовных и материальных ценностей, которые являются достижением общества и служат основами для цивилизованной реализации интересов и потребностей человека. В связи с этим уместно подчеркнуть, что согласно ст. 3 Конституции Украины, человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются наивысшей социальной ценностью.

Социальная ответственность и свобода связаны с отношением человека к социальным ценностям. Собственно внутренние установки человека **формируются у него на почве индивидуальных и социальных ценностей.**

В истории философии и философии права к вопросу о ценностях, их сущности сложилось, по меньшей мере, **пять подходов. Во-первых**, ценности – это порождение разума и воли человека (субъективный идеализм); **во-вторых**, ценности – это идеальная сущность, которая существует испокон веков (объективный идеализм); **в-третьих**, ценности – естественные характеристики оценки одних предметов и явлений повседневного жизни в сравнении с другими предметами; **в-четвертых**, ценности – это такое социальное явление, являющееся объективным и

субъективным одновременно; **в-пятых**, ценности – объективное явление, рожденное реальными отношениями субъекта и объекта¹.

В философско-правовом смысле ценностями являются объекты, явления, идеи, общественные процессы, и их свойства, к которым человек относится как к таким, что удовлетворяют его социальные потребности, интересы, желания и которые он привлекает к сфере своей жизнедеятельности. Ценности выступают неотъемлемой составляющей культуры общества и отражаются в сознании людей².

По мнению Т. З. Гарасимива, каждое общество представляет собой упорядоченную систему ценностей, где право – только один из уровней ее проявления. Вопрос состоит только в том, чтобы определить психологическую форму бытия ценности вообще и ценностей права в частности, их структуру, выделить их как основные аксеологические функции, которые опосредствуют интеграцию человека в социум как тотальное правовое поле и одновременно содействуют становлению личности как правового субъекта, настоящего *homo juridicus*³.

Система индивидуальных ценностей человека, как известно, является относительной и зависит от ряда факторов объективного и субъективного характера. Вместе с тем, имеется и группа ценностей, которые наиболее очевидны и воспринимаются и признаются большинством людей. Н. И. Лапин, на основании исследований ценностных убеждений россиян, проведенных в 1995 году Центром исследования динамики ценностей Института философии РАН, приводит **14 базовых ценностей**:

- 1) жизнь человека как наивысшая ценность, самооценность;
- 2) свобода в современном либеральном понимании этого понятия как «свобода для» реализации социально позитивных потребностей и способностей индивида;
- 3) нравственность как качество поведения человека в соответствии с общечеловеческими морально-этическими нормами;
- 4) общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь;
- 5) семья, личная жизнь, продолжение рода;
- 6) работа как самоценное содержание жизни и как средство для заработка;
- 7) благосостояние – доходы, комфорт своей жизни, здоровье;
- 8) инициативность, предприимчивость, способность выделиться, реализовать себя;
- 9) традиционность – уважение к традициям, жить как все, зависимость от обстоятельств;

¹ Копець Л.В. Психологія особистості: навч. посібник. – К.: Вид. дім Києво-Могилянська акад., 2008. – С. 7.

² Петрович З.З. Соціальні аспекти цінності у справі // Науковий вісник Львівського державного університету. серія юридична. – 2011. – № 1. – С. 227.

³ Гарасимів Т.З. Природні та соціальні детермінанти формування девіантної поведінки людини: філософсько-правовий вимір: монографія. – Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2012. – С. 73.

10) независимость – способность быть личностью, жить по своим критериям;

11) самопожертвование как готовность помогать другим, даже в ущерб себе;

12) авторитетность, способность влиять на других, иметь власть над ними, конкурировать и добиваться победы;

13) законность как установленный государством порядок, обеспечивающий безопасность индивида, равноправие его отношений с другими;

14) независимость как архаическая «свобода от...» ограничений волеизъявления индивида, тяготеющего к вседозволенности¹.

Как представляется, все названные 14 ценностей формируются и могут существовать как ценности только при условии надежного обеспечения их формирования, развития и охраны социальными нормами, которые, в свою очередь, является также особой ценностью общества.

Признание «шкалы» ценностей на уровне человека, людей и общества в целом создает необходимую надежную почву для реализации социальных норм, которые их охраняют, обеспечивает гармонизацию человеческих отношений, содействует утверждению общественного нормативного порядка и организованности нормативной культуры. С другой стороны, система ценностно-нормативной ориентации людей содействует развитию социальных ценностей, укреплению позитивной установки субъектов относительно окружающей действительности. Определяющим содержанием этого направления является склонность человека к социально полезному, социально приемлемому поведению.

На связь поведения человека с социальными нормами обращает внимание в философской литературе. Так, В. М. Малиновская подчеркивает, что **ответственность человека** всегда и неразрывно связана с **необходимостью** соблюдения предписаний, правил поведения, подчинение, согласование своего поведения с объективными законами природы и общества. Если нет необходимости в соблюдении каких-либо норм, предписаний, то нет и ответственности. Социальная ответственность возникает тогда, когда поведение человека имеет общественное значение и регулируется социальными нормами².

Д. Бернштейн, рассматривая социальную ответственность в этом же русле, понимает ее в двух аспектах: 1) ответственность за выполнение обязанности, которая предусмотрена социальной нормой; 2) ответственность за нарушение такой обязанности³. Тем самым еще раз утверждается социально-коммукативная (интерсубъективная) природа ответственности.

¹ Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологическое исследование. – 1996. – № 5. – С. 7.

² Малиновська В.М. Юридична відповідальність як різновид соціальної відповідальності: [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.vru.gov.ua/Docs/a150710.pdf>

³ Бернштейн Д.И. Правовая ответственность как вид социальной ответственности и пути ее обеспечения. – Ташкент: «ФАН», 1989. – С. 35.

ти человека. Как уже отмечалось, в историко-философской вертикали парадигма такого понимания социальной ответственности человека уходит своими корнями к Гомеру и Гесиоду, философствование которых обозначалось акцентуацией на осмыслении **соотношения «надлежащего» и «сущего»**. Фалес, Солон, Питтак, Биант, Клеобул, Хилон, Периандр, продлили этот подход, делая ударение на необходимости подчинения реального поведения человека нормам, заложенным в обществе. Софисты развили, расширили этот тезис, высказавшись таким образом: если человек нарушит требования природы, то подпадет под ответственность, то есть испытает определенные потери, даже если о его нарушении никто не узнает. Если же человек осуществит нарушение нормы, установленной людьми, то испытает позор и стыд – однако это неизбежно лишь в том случае, если об этом его поступке узнают в социуме¹. В этом же направлении осмысливали этот вопрос Демокрит, Платон, Аристотель, Эпикур, Цицерон и многие другие философы. Их соображения фактически задали вектор к пониманию оснований социальной ответственности человека как таких, что связаны с нарушением социальных норм. Именно это понимание нашло свое дальнейшее развитие в теории и философии права. Так, И. А. Ильин, обращаясь к социальной ответственности человека, на первый план выводил социальные нормы, понимая последние как правила, которые определяют взаимные отношения между людьми².

Фактическим основанием негативной (ретроспективной) социальной ответственности человека является совершения им деяния, противоречащего социальной норме или нормам (антинормативного поступка), а в случае нарушения юридической нормы – наличие в таком деянии состава соответствующего правонарушения.

Фактическим основанием позитивной (перспективной) социальной ответственности человека есть его нормопослушное деяние, другими словами – наличие совершенного им соответствующего нормопослушного поступка.

Учитывая выше изложенное, нельзя не согласиться с В. В. Мальцевым, что основанием социальной ответственности человека выступают не только общественно вредные (и общественно опасные – **В. К.**), но и **общественно нейтральные** и общественно полезные поступки человека в ситуациях, когда сформировалось общественное мнение относительно вывода: в каком-нибудь поведении не было проявлено достаточной мерой осмотрительности или, наоборот, решительности, мужества, смелости, сообразительности, разума, трудолюбия, уважения к старшим, родителям, родине и т.п. Другое дело, пишет дальше ученый, что и спектр ответственности при этом также чрезвычайно широкий: от вынесения сурового приговора за совершение преступления к молчаливому осуждению не-

¹ Маковельский А.О. Досократики. Часть первая. – Казань: Изд-во книжного магазина М.А. Голубева, 1914. – С. 46.

² Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. – М.: Хранитель, 2006. – С. 77.

сколькими лицами¹. Думается, что в части общественно нейтральных деяний утверждения В. В. Мальцева являются некорректными. Дело в том, что социально-нормативному урегулированию подвергаются лишь такие деяния человека, которые имеют публичное, общественное значение, есть общественно значимыми. То есть такие, которые выступают предметом интересов других субъектов общественного отношения, задевают их интересы. Общественно нейтральные деяния человека не задевают этих интересов, воплощаются лишь на уровне частных интересов данного субъекта общественного отношения.

В таком контексте уровень внутренней самодисциплины, наконец, культуры конкретного человека – это почва для реализации его свободы и ответственности. Конечно, свободу человека можно понимать как почву для жизни по желаниям в допустимых обществом пределах. То есть речь идет о выборе между позитивными и негативными последствиями своего деяния, между справедливостью и несправедливостью, нравственностью и аморальностью, добром и злом и т.п. Это означает, что человек, реализовывая себя как личность, должен подвергаться ответственности за осуществленный выбор.

Вместе с тем прослеживается неразрывная связь субъективной основы социальной ответственности со свободой человека, что и будет рассмотрено далее, исходя из доминантной важности данного аспекта этой проблемы. Как отмечает М. С. Конох, свобода – **использование необходимости** ради достижения конкретных целей, вместо того ответственность – вид деятельности, в которой свобода отражается, и более того, находящаяся в пределах соответствия свободной деятельности тем объективным условиям, в которых она проходит².

Изложенное выше позволяет заключить, что ответственность как саморегулятор деятельности человека предусматривает наличие у него свободы воли, ощущение разумной необходимости, совести, способность к самоконтролю и самоуправлению во имя личного добра и добра других членов социума. Это означает, что осуществив выбор и приняв соответствующее решение, человек берет на себя ответственность, и прежде всего за последствия своего поведения. Поэтому и свобода воли связывает с умственной способностью человека осуществить осознанный и продуманный выбор, мужественно принять решение. Свобода воли через **разум**, на основе категорий: **добро, зло, обязанность, разумная необходимость, совесть и ответственность** – такой в общих чертах диалектический путь формирования модели поведения и ответственности человека.

¹ Мальцев В.В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность. – С. 153.

² Конох М.С. Особа: право, свобода, відповідальність. – К.: Редакційно-видавничий відділ Дніпродзержинськ. держ. техн. ун-ту, 1996. – С. 65.

1.4. Стадии социальной ответственности человека

Разумение свободы человека лишь в ракурсе определенной необходимости приводит к ее восприятию как сугубо внешней, одной из функциональных элементов последней. В этом контексте (понимание свободы человека как технологической стадии ее развития) нужно выделить одну из первых стадий ответственности человека – ее осознания перед объективной реальностью. По мнению В. Н. Сагатовского, эта стадия ответственности человека есть, собственно, рациональной. «Но будет ли человек, – отмечает исследователь, – чувствовать внутреннюю ответственность, если его субъективный выбор не связан с поведением, диктуемым именно этой объективной зависимостью? Делая свой выбор, человек на этой ступени свободы отвечать перед самим собой, добровольно принимает или не принимает на себя ту или иную ответственность»¹. Второй стадией ответственности человека в этом случае будет отношение души к Духу, обуславливающему и третью стадию ответственности – творчество новых возможностей. Осуществление свободы выбора непосредственно зависит от силы ощущения человеком ответственности перед объективной реальностью. В свою очередь, зависимость осуществления свободы выбора человека через отношение к бытию в целом (будет служить на благо личное и общественное или приведет к деструкции и мировоззренческой и правосознания) будет определяться уже через призму осознания и переживание человеком присутствия в бытии духовных основ. Следовательно, речь идет о стадии ответственности перед духовной целостностью бытия (переход от ответственности перед собой к ответственности перед Богом). Свобода человека, отмечает дальше В. Н. Сагатовский – как **выбор и ответственность** за этот выбор перед собой, собственной душой реализовывается **на второй стадии** свободы и ответственности как единого целостного феномена. **Первая стадия** – осознание человеком объективных тенденций бытия и ответственности перед миром – представляет собой технологию реализации свободы выбора. **Третья – наивысшая – стадия**, через призму присутствия **Духа**, направляет выбор и творчество человека на ответственность перед духовной основой бытия в целом. То есть личность, освященная **Духом**, призванная к свободному и ответственному усовершенствованию мира и человека, объективной и субъективной реальности. Но этот фундаментальный выбор между добром и злом способен и обязан осуществить лишь сам человек.

Наряду со стадиями в философской литературе высказанные мысли относительно уровней социальной ответственности человека. Так, В. В. Томашев различает **четыре уровня ответственности человека**: 1) **познавательный** уровень как ответственность за правильное

¹ Сагатовский В.Н. Уровни свободы и ответственности: системный синтез: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/sagat_urvn_svobod.htm

определение прогрессивной объективной необходимости; 2) **аксиологический** уровень как ответственность за правильную оценку имеющихся возможностей для действий согласно необходимости; 3) **инструментально-корректирующий** уровень как ответственность за правильный выбор средств и методов реализации объективной необходимости; 4) **практический** уровень – ответственность за результаты практических действий, которые реализуют требования объективной необходимости. Эта структура, как правильно утверждает В. В. Томашев, позволяет не только понять содержание этой категории, но и указывает на направление развития ответственности: от познавательного уровня к практическому, от познания необходимости – к ее реализации¹.

В. И. Сперанский определил уровни социальной ответственности согласно жизненной позиции личности: **на первом (низшем)** уровне жизненной позиции ответственность человека проявляется как ответственность-санкция, а основным мотивом совершения действий является стремление избежать ответственности; **на втором** уровне побудительным мотивом служит «соблюдение установившихся норм и правил, привязанность к окружающим» (наличие этого мотива свидетельствует о формировании чувства ответственности), на этом этапе происходит переход объективной ответственности в субъективную; **на третьем** уровне происходит перерастание чувства ответственности в социальную ответственность личности; **четвертый** уровень характеризуется, прежде всего, устойчивым проявлением высокоразвитой профессиональной ответственности, которая реализуется в трудовой активности; **пятый** уровень позволяет социально зрелому человеку четко занимать сознательную активную позицию во всех ее основных видах деятельности – в трудовой, общественной -политической, культурно-творческой, спортивной и т. п.². Таким образом, приведенное распределение на уровни социальной ответственности как черты человека позволяет определить для каждого возрастного периода определенный уровень зрелости этого социального свойства и соответствующие формы ее выявления. Как отмечает В. И. Тернопольская, социальная зрелость развивающейся личности понимается как определенная степень ее развития в условиях конкретной социальной среды. Ее рост содействует творческому овладению разными видами культуры, а также создает возможность собственного участия в разных видах деятельности, чтобы наиболее активно приносить пользу окружающим»³.

¹ Томашев В.В. Сущность социальной ответственности и ее место в системе исторического материализма // Проблемы систематизации категорий исторического материализма. – Челябинск, 1980. – С. 108–109.

² Сперанский В.И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования. – С. 73–86; Тернопільська В.І. Відповідальність особистості: гуманітарний аспект // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – № 14. – 2004. – С. 48.

³ Тернопільська В.І. Відповідальність особистості: гуманітарний аспект. – С. 48–49.

Ответственность как общественное отношение, таким образом, проходит во времени определенные стадии, этапы. По мнению С. В. Кондакова, таких этапов шесть: **первый** этап – возникновение объективной потребности определенного поведения человека; **второй** этап – осознание необходимости определенного поведения человека на уровне бытового и теоретического сознания; **третий** этап – осознание человеком необходимости поведения превращается в социальный императив, общество выдвигает перед ним политические, правовые, моральные требования; **четвертый** этап – осознание человеком (социумом) своей социальной ответственности; **пятый** этап – воплощение социальной ответственности в актах конкретного поведения человека; **шестой** этап – общественная оценка поведения человека с позиции ее социальной ответственности, коррекция поведения человека в интересах общества, а в случае необходимости – применение к нему поощрительных или карательных мер, предусмотренных социальными нормами¹.

На основе доктринальной концепции нормативного регулирования общественных отношений целесообразно выделить **следующие стадии** социальной ответственности человека: а) **возникновение**; б) **реализация**; в) **прекращение**.

Негативная социальная ответственность возникает в момент совершения лицом аморального, общественно вредного или общественно опасного деяния. Реализация этой ответственности начинается после выявления факта нарушения социальной нормы с установления субъекта антисоциального деяния. Далее на этого субъекта осуществляется воздействие при помощи определенных социальных средств, имеющее свою специфику в зависимости от вида социальной ответственности. Прекращение негативной социальной ответственности человека также зависит от ее вида. В случае, когда происходит осуждение поступка, ответственность прекращается с истечением в силу разных причин сроков этого осуждения. Общественные, партийные и дисциплинарные взыскания и судимость могут быть сняты досрочно или погашены по истечении определенного времени и с этого момента прекращается данный вид социальной ответственности. Каждый вид негативной юридической ответственности человека также имеет свою специфику относительно ее прекращения. Все виды негативной социальной ответственности прекращаются в случае смерти человека, виновно нарушившего предписания социальной нормы или норм.

Позитивная социальная ответственность также имеет названные выше три стадии, но они имеют свою специфику. Возникновение ее следует связывать с **осознанием человеком** необходимости сознательного и добровольного **использования** своего **права, исполнения** обязаннос-

¹ Кондаков С.В. О взаимосвязи правовой и нравственной ответственности // Вопросы ответственности и наказания в свете решений XXVI съезда КПСС. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1982. – С. 37.

ти, **соблюдения** запрета, содержащихся в социальных нормах. Вторая стадия позитивной социальной ответственности – реализация этой необходимости: использование человеком своего права, исполнение своей обязанности, соблюдение установленного запрета. Прекращается позитивная социальная ответственность с момента сознательного и добровольного совершения человеком антинормативного деяния: **неиспользование** своего **права**, **неисполнение** обязанности, **несоблюдение** запрета, содержащихся в социальных нормах. Сюда же следует отнести утрату действия таких социальных норм, а также смерть человека.

1.5. Принципы социальной ответственности человека

Учитывая, что поведение человека большей частью трактуют в двух аспектах (позитивном и негативном), ответственность также целесообразно трактовать в двух аспектах: в позитивном – (перспективном) и в негативном – (ретроспективном). В первом случае ответственность содержит одобрительное – позитивное отношение человека к личному поведению, отражающее его стремление исполнить обязанности и реализовать свои права наиболее эффективно и наиболее быстро. Фактически здесь речь идет об ответственности за надлежащую реализацию личного социального назначения, за выполнение предписаний тех или иных социальных и правовых норм и пр. Итак, например, в рамках права позитивную (перспективную) ответственность преимущественно связывают с социально-правовой активностью в выполнении правовых предписаний и т.п. Таким образом, как заметил С. С. Алексеев, ответственность в этом случае понимается как осознанная и воспринятая человеком необходимость инициативного исполнения обязанности, всей гаммы наложенных на него обязанностей – политических, моральных, правовых, и, таким образом, это ответственность за будущее поведение¹. Регулируя поведение субъектов общественных отношений, общество корректирует его стимулированием социальной активности (поощрение, награда и др.), и принуждением к исполнению, а то и наказанием нарушителя социальных требований. В случае негативной (ретроспективной) ответственности имеет место ответственность за совершенное, которая связана, прежде всего, с внешним воздействием со стороны общества, государства. В этом контексте (собственно негативной (ретроспективной) ответственности) особенно, как видится, выделяется юридическая ответственность, приобретающая государственно-принудительный характер, поскольку государство, устанавливая правовые нормы, определяет ими правовую ответственность независимо от желания правонарушителя.

¹ Алексеев С.С. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2004. – С. 345.

Базовые принципы ответственности человека на основе идей Ганса Йонаса, изложенные в его работе «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации»¹. Философ понимает ответственность человека в двух ее ипостасях: вертикальной и горизонтальной. Во-первых, понимается **ответственность за кого-то** (распространяется большей частью на тех лица, которые в силу обстоятельств неспособны к принятию самостоятельных решений). Это ответственность за окружающую среду, за уровень развития будущего, поскольку оно непосредственно зависит от поступков и деятельности человека в настоящем. Во-вторых, **ответственность за достижение поставленных целей** (диалогический вид ответственности), или же по словам Г. Йонаса – «человек должен быть». Такого рода ответственность содержит условия, обеспечивающие ее реализацию, среди которых: личность с достаточно развитым моральным сознанием способна свободно принимать конкретные решения и предусматривать их последствия; заинтересованность личности, прежде всего, интересами других, предусматривая готовность на жертву собой ради блага других.

Среди принципов ответственности, полагает Г. Йонас, нужно выделить следующие:

– **интерес**, предусматривающий заботу о наличии ответственности: «Исключительно человек способен владеть ответственностью, соответственно, относительно себе подобных он обязан ее иметь»;

– **страх** как и категория, ограничивающая те сферы, на которые ни при каких условиях не должно распространяться воздействие человека (страх за будущее человечества, рожденный благоговением перед жизнью): «составляющая этики ответственности, в которой превалируют негативные прогнозы над позитивными». То есть если имеется малейшее сомнение относительно определенных решений, поступков, деятельности, то их выполнение непременно нужно отложить;

– **смирение**, прежде всего, как проявление готовности сильного, сознательного, разносторонне развитого человека упорядочить и контролировать внутреннюю силу свободы;

– **умеренность** в принятии тех или иных решений. По мнению философа, современный человек еще не до конца осознал всей серьезности своего состояния (цель умеренности – сохранение жизни, и лишь будущее поколение способное полноценно оценить последствия настоящей деятельности)². Можно утверждать, что выделенные Г. Йонасом принципы ответственности определенным образом направляют к максиме И. Канта относительно его императива ответственности, лишь в его

¹ Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.

² Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – С. 53, 58, 88, 180.

интерпретации: «Поступай так, чтобы последствия твоего действия были совместимы с непрерывностью подлинной человеческой жизни на Земле».

Т. М. Скобелева в контексте моделирования структуры социально ответственного человека выделила следующие принципы социальной ответственности:

- **гражданственность** как комплекс субъективных качеств человека, которые проявляются в деятельности и отношении человека (осознанная законопослушность, преданность Родине, защита интересов своего государства, преданность общепринятым социальным нормам и моральным ценностям);

- **патриотизм** как понимание человеком ценности и уникальности Родины;

- **ответственность** как категория, которая характеризует человека под углом зрения выполнения требований общества, выражает степень участия человека или социальных групп и в личном моральном усовершенствовании и в усовершенствовании общественных отношений;

- **ощущение обязанности** как моральных обязательств человека, которые он выполняет с чувством совести;

- **нравственность** как особая сфера общественного сознания и вид общественных отношений, цель которых – сформировать образ нормативного регулирования поведения и действий людей в обществе с помощью норм, принципов и категорий морали;

- **духовность** как процесс гармонического развития духовных задатков человека;

- **профессиональная компетентность** как знания, опыт, получение образования в соответствующей сфере деятельности;

- **творческая направленность** как склонность человека к творческой инициативе;

- **трудолюбие** как черта характера, состоящая в позитивном отношении человека к процессу трудовой деятельности, которая выражается через активность, инициативность, добросовестность, дисциплинированность и т.п.¹

Нетрудно заметить, что и Г. Йонас, и Т. М. Скобелева указывают на черты ответственного человека в плане позитивной (перспективной) социальной ответственности, а не на принципы социальной ответственности.

Обобщая, следует согласиться с тем, что быть социализированным – это означает быть ответственным за все происходящее в этом мире, в бытии в целом, и в обществе в частности².

¹ Скобелева Т.М. Социальная ответственность – интегральное качество гражданина-патриота // Вопросы воспитания. – № 10. – 2009. – С. 53–55.

² Белова О.М. Социальная ответственность как один из аспектов формирования личности. – С. 40.

Социальная ответственность человека через призму вышеперечисленных принципов может трактоваться как своеобразный механизм воздержания от негативных последствий человеческой деятельности при условии изменения ее содержания в пользу свободы выбора и ответственности за него.

Наряду с этим, следует заметить, что специальных монографических исследований, предметом которых стали бы принципы социальной ответственности человека как в плане негативной (ретроспективной), так и в плане позитивной (перспективной) социальной ответственности, в украинской и зарубежной философской, социологической и политологической литературе не выявлено.

Относительно принципов социальной ответственности человека, то, как представляется, ими являются: 1) принцип демократичности ответственности; 2) принцип гуманности ответственности; 3) принцип нормативности ответственности; 4) принцип справедливости ответственности; 5) принцип равенства ответственности.

Принцип демократичности социальной ответственности состоит главным образом в том, что она осуществляется: а) непосредственно народом или его частью, определенным социумом – главным образом речь идет о моральной ответственности за нарушения обычаев, традиций, моральных норм или дисциплинарную ответственность членов, участников общественных и корпоративных образований; б) уполномоченными народом субъектами общественного отношения – демократическими общественными институтами, которые образованы на основе реализации людьми своих избирательных прав. Проявление этого принципа социальной ответственности в каждом ее виде имеет свое проявление и свои особенности.

Нормативной основой социальной ответственности в государстве демократического направления являются сформированные, санкционированные, принятые демократическим путем социальные нормы.

Принцип гуманности социальной ответственности проявляется в государстве демократической направленности в признании человека наивысшей социальной ценностью. Ответственность при этом не имеет целью месть человеку за совершенное им деяние, она преследует цель возвращения нарушителя предписаний социальной нормы в социально нормативное поле, другими словами – модификация его поведения в про-социальное русло. Гуманность социальной ответственности проявляется наиболее ярко тогда, когда гармонично, взвешено объединяются интересы всех участников социального конфликта: нарушителя предписаний социальной нормы, потерпевшего, где бы он не находился, государства, общества в целом, отдельного социума, интересы которых нарушены совершением человеком антинормативного деяния. К нарушителю предписаний социальных норм в государстве демократической направленности должны применяться гуманные, целесообразные взыскания и наказания.

Целесообразность как проявление гуманности социальной ответственности реализуется в основном через выбор формы социальной ответственности в пределах соответствующего ее вида. Скажем, каждый вид юридической ответственности, как разновидность социальной ответственности, имеет свою специфику. Так, например, административные взыскания как форма реализации административной ответственности, согласно ст. 24 действующего Кодекса Украины об административных правонарушениях, могут быть следующими:

- 1) предупреждение;
- 2) штраф;
- 3) платное изъятие предмета, ставшего орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения;
- 4) конфискация: предмета, ставшего орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения; денег, полученных вследствие совершения административного правонарушения;
- 5) лишение специального права, предоставленного данному гражданину (права управления транспортными средствами, права охоты);
- 5¹) общественные работы;
- 6) исправительные работы;
- 7) административный арест.

Целесообразность выбора каждого из названных взысканий зависит, прежде всего, от степени общественной вредности совершенного административного правонарушения и лица, его совершившего.

Как другой пример, формами уголовной ответственности человека, о чем речь идет в третьем разделе данной работы, могут быть: 1) осуждение; 2) наказание; 3) судимость. Целесообразность выбора каждой из них зависит от наличия предусмотренных законом оснований и условий. В частности, от степени общественной опасности совершенного преступления и лица, его совершившего.

Принцип нормативности социальной ответственности человека. Ответственность человека, каждый ее вид, должны основываться на социальных нормах соответствующего вида. Необходимо помнить, что в правовом государстве доминантным элементом социальной (политической) организации общества есть право: международное и внутригосударственное, устанавливающее, в основном, права и свободы человека. Международное право, как известно, имеет приоритетное значение относительно внутригосударственного права. В плане внутригосударственного права, доминирующим, определяющим, таким, что программирует отраслевое законодательство, является Основной Закон – Конституция. Исходя из этого, другие социальные нормы не должны противоречить как международному праву, так и внутригосударственному. Вместе с тем, нормы права как международного, так и внутригосударственного не могут противоречить нормам цивилизованной общечеловеческой морали. То есть они должны отра-

жать современные общечеловеческие моральные ценности общественной жизни, выстраданные человечеством в течение тысячелетий. Они должны быть глубоко моральными. Очевидно, что каждый вид социальной ответственности в плане принципа нормативности имеет свои особенности, что не является непосредственным предметом данной научной работы. В следующих разделах монографии рассмотрим принцип юридической ответственности вообще и уголовной ответственности в частности.

Виды, формы нормативного воздействия на нарушителя социальных норм, как и процедура этого воздействия, для каждого вида социальной ответственности свои, специфические. Нужно обратить внимание, что иногда социальная ответственность человека за нарушение социальных норм имеет комбинированный характер: моральная и юридическая; моральная, юридическая, политическая; моральная, юридическая, политическая, религиозная и т.п.

Принцип справедливости социальной ответственности человека. Справедливость является весьма вместительным принципом по своему содержанию. В первую очередь, идея справедливости предусматривает признание приоритета общечеловеческих ценностей над иными ценностями (национальными, религиозными и т.п.) и раскрывается в гражданском обществе свободным волеизъявлением граждан, отношения между которыми строятся на основаниях равенства¹.

Справедливой должна быть социальная норма, которая служит нормативным основанием социальной ответственности. Это значит, что она прежде всего должна преследовать цель утверждения общечеловеческих ценностей гуманизма, демократии, добродетели. Наряду с этим, сама процедура привлечения человека, виновного в совершении нарушения социальной нормы, должна быть справедливой, то есть такой, что не унижает человеческое достоинство. Далее, устанавливаемое законодателем или назначаемое компетентным органом взыскание, наказание является лишь тогда справедливым, когда оно соотносено со степенью общественной вредности или общественной опасности совершенного деяния и лица, его совершившего, а также формой вины. В конечном счете, процесс исполнения определенного или назначенного взыскания, или наказания также должен быть справедливым.

Социальная ответственность должна быть обоснованной, что наиболее ярко проявляется через социальную обусловленность социальных норм, а также через установление соответствия совершенного лицом деяния запрещенной, осуждаемой модели, содержащейся в социальной норме. Фактическим основанием социальной ответственности человека, как указано выше, есть совершение им деяния, запрещенного, осуждаемого социальной нормой. Обоснованность фактического основания, в общем, проявляется путем

¹ Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Белгород, 2002. – С. 16.

установления достоверной информации о совершении именно этим человеком именно этого деяния, служащего основанием социальной ответственности в данном конкретном случае. Наличие нормативного и фактического оснований ответственности человека свидетельствуют о ее обоснованности.

Справедливой является такая социальная ответственность, которая есть неотвратимой. Именно неотвратимость социальной ответственности человека является проявлением ее справедливости. Это, в общем, означает, что каждое нарушение предписаний социальных норм должно быть выявлено, а виновные в их совершении должны быть привлечены к социальной ответственности соответствующего вида (видов), в зависимости от характера совершенного деяния и его несоответствия определенной социальной норме (нормам).

Своевременность социальной ответственности человека является залогом ее эффективности, достижение как стратегических, так и тактических целей общественного развития. Она имеет известное профилактическое значение как общее, так и специальное. Несвоевременная социальная ответственность человека, а тем более ее отсутствие, существенным образом ослабляет ресурс справедливости нормативности общественных отношений, разбалансирует устойчивые механизмы социального контроля, может привести к анархичности, непрогнозируемости, непостоянства, оклократии, аномии общества как целостной системы.

Таким образом, весь механизм реализации социальной ответственности человека лишь тогда будет справедливым, когда не нарушаются общепризнанные общественные моральные принципы, естественные права и свободы человека, а ее следствием является укрепление унормированности общественных отношений, обеспечение их прогрессивного развития, усовершенствование самого человека как социального существа, консолидация государства и общества.

Принцип равенства социальной ответственности. В плоскости социальной ответственности, касательно принципа равенства, речь не идет о сугубо математическом равенстве всех субъектов общественных отношений перед социальными нормами. Имеется в виду, в первую очередь, равенство нормативных требований ответственности для равных субъектов, равенство нормативной правоспособности и дееспособности. Формальное, нормативное равенство людей перед социальными нормами проявляется в том, что эти нормы выступают одинаковым, равным для равных субъектов общественных отношений, масштабом, мерилom деяний людей, одинаковым мерилom реализации ими своих прав и обязанностей. Рациональное равенство всегда являлось признаком справедливости.

Это равенство не является абсолютным, а относительным (формальным) на основании единых норм и в одинаковой мере за подобные нарушения социальных норм. При этом должна учитываться необходимость гармоничного сочетания этого принципа с принципами справедливости, гуманности, демократичности, нормативности.

ВЫВОДЫ К РАЗДЕЛУ 1

Подытоживая изложенное выше, представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Понимание феномена социальной ответственности имеет глубокие исторические корни. Европейская философская мысль развивалась по условным этапам: космоцентризм, теоцентризм, рационализм, атеизм и антропоцентризм, гуманизм. Наиболее мощным направлением в современной философии продолжает оставаться либеральное мировоззрение, успешно конкурирующее с консервативным мировоззрением.

Истоки научного обоснования концепта ответственности человека мы находим у философов Античности. Именно они связывали идеи ответственности человека с процессом его морального самосовершенствования, формированием умственных способностей оценивать свои поступки, как и поступки других людей, сквозь призму разума, добра и зла, справедливости, равенства, гуманизма. Речь идет, прежде всего, о древнегреческих мыслителях, которые заложили основы перехода к рационально-логическому способу познания и объяснения окружающего мира, а также общественных процессов. Необходимо заметить, что генезис и развитие античной философской науки осуществлялись как идеология свободных людей, квинтэссенцией, которой стала категория свободы как фундаментальная ценность. У философии Античности преобладало двойственное понимание свободы: как проблема гражданского сознания и ответственности человека за свои поступки и как проблема охраны свободы от посягательств тирании при помощи социально-политического механизма и в том числе права.

На заре светской философии, в Античное время, четко выделяется позиция философов относительно индивидуальной ответственности человека. В частности, Платон, Сократ, Аристотель размышляли об ответственности человека за собственные поступки с акцентуацией на ответственности гражданина перед государством и государства перед гражданином, затрагивая разные аспекты ее нравственной основы. Зарождается концепт понимания социально-коммуникативной (интерсубъективной) природы ответственности человека. Деяния человека, которые нарушают социальные нормы, рассматриваются как недопустимые, как зло для других людей, как такие, что разрывают систему социальной коммуникации.

Значительное внимание проблеме ответственности человека уделено в теологических доктринах эпохи Средневековья, рассматривавших ответственность человека в контексте христианской духовности. Ознакомление с философскими взглядами наиболее известных теологов дает возможность иметь определенное представление о понимании ими ответственности человека. В общем, ответственность человека как христианина в доктринах теоцентризма понимается трихотомически: а) ответственность перед Богом — божественная ответственность; б) ответственность

перед людьми – светская, социальная ответственность: перед государством, перед обществом, перед соответствующим социумом (семья, сообщество местожительства, работы и т.п.), перед отдельными людьми; в) ответственность внутренняя – перед самим собой, своей совестью, за свои поступки.

Если светской ответственности можно нередко избежать, то божественная ответственность, ответственность перед Богом осуществляется относительно каждого лица, совершившего грех. Ответственность человека в доктринах теоцентризма органически связывают с его греховным поведением. Все, что мы переживаем – есть по справедливой в наивысшей степени воле Божьей: вознаграждение, испытание, наказание. Каждому воздается не только «по делам его», но и «по делам» предыдущих прямых родственников. Разум и любовь Божья к людям безграничны в его благодати. И вознаграждение, и испытание, и наказание являются благодатью Божьей. **Вознаграждение** как разновидность благодати Божьей содействует укреплению духа и тела человека. Вознаграждение воздается всем, но не в одинаковой мере, а равно пропорционально делам добрым. При этом **жизнь как наивысшая благодать** дается каждому человеку Богом. **Испытание** как благо дается время от времени каждому человеку с тем, чтобы подвергнуть апробации и укрепить его веру в Бога, любовь к Богу и к ближнему, укрепить его дух и тело. Кто успешно прошел испытание, не подвергся на соблазны нечистого, тот вновь заслуживает на вознаграждение. А тот, кто не смог противостоять соблазнам и совершил грех, – заслуживает наказания. **Наказание** не является местью, расправой над виновным. Оно является разновидностью благодати Божьей, поскольку указывает человеку путь истинный – к Богу. Оно предоставляет человеку возможность осмыслить свое поведение в свете Святого Письма и позаботиться о своем самосовершенствовании через христианские ценности, повернуться лицом к Богу и к людям.

В теологическом трактовании ответственности человека как христианина, на передний план выведена **вера, надежда и любовь**, согласованные через призму представлений о чистоте души, милосердии, добродетели, добродетели. Если в философии средневековья идея ответственности человека рассматривалась в контексте наивысшей Божьей справедливости по отношению к греховности человека, то свобода могла быть только в отношении любви к Богу, проявляющейся в гипертрофированной ответственности перед ним вплоть до игнорирования человеком самого себя. Утверждался примат естественного права, ибо над этим стоит сам Бог. Вся иерархическая система власти, включая и короля, должна подчиняться этому праву. Однако это право не может быть реализовано без светского законодательства. Вместе с тем, зарождается разумение нетождественности закона и права, формируется переход от сверхъестественного, божественного понимания сущности права к естественному его объяснению в антропологическом плане в связи со свобо-

дой воли и разумом человека, гражданской справедливостью, реализуемой через верховенство закона. Возникает и развивается религиозная идея личной ответственности человека за содеянное зло. Содержание свободы воли человека связывалось не с подчинением необходимости, а с детерминацией поведения человека, его совестью и разумным чувством ответственности.

В общих чертах идеи ответственности человека как христианина в философии средневековья можно представить в такой логической последовательности:

а) маргинасом развития средневековой философии был теоцентризм, проявлявший патологическую нетерпимость к ереси. Окружающая действительность однозначно признавалась творением, промыслом Божиим;

б) исходным постулатом средневековой философии стало убеждение об открытости истины в откровении Святого писания. Человек, как истинный христианин, рожденный в истине, обязан постичь истину не ради себя, а ради самой истины – Бога. В силу этого он должен быть ответственным;

в) в тесной связи с содержанием воплощенного Слова состояла идея субъективности. Относительно разумения воплощение идеи Слова, зрение и слух рассматривались как наиважнейшие органы ощущения. Знания, как умозрительность, позиционировались условием ответственности человека;

г) безапелляционно считалось, что Богу принадлежит общепризнанное знание. На человеческом уровне функцию необходимого знания должна исполнять этика, имеющая своей целью установление ответственности человека во имя реализации идеи спасения;

д) преобладал личностный подход к трактованию ответственности человека. Человек как личность обладает свободой воли, содержание которой подчинено не необходимости, а детерминировано его разумом и совестью, чувством ответственности. Отсюда – особенностью понимания идеи свободы воли человека в эту эпоху стала моральная реабилитация человека. Обосновывалась его суверенность как морального субъекта, утверждалось право на удовлетворение его жизненных потребностей.

В эпоху Возрождения и Реформации внимание философов сосредоточено главным образом на согласовании ответственности со свободой воли человека, его разумом, взаимной ответственности государства и граждан, а также на ответственности, основанием которой являются нарушения закона, а почвой – право собственного выбора, основанное на необходимости. В гуманистической философии делается ударение на индивидуальной ответственности человека за нарушения закона и ответственности в контексте проблематики согласования свободы каждого со свободой всех, личностного устремления к счастью с устремлением к счастью других людей. Развивается концепт понимания социально-коммуникативной (интерсубъективной) природы ответственности человека. В период Воз-

рождения возникает и развивается гуманистическое направление в юриспруденции. Рецепция римского права происходит на почве национального права с учетом новых условий общественно-политической жизни. Концентрация внимания ученых на доминирующей роли позитивного права не привела к отрицанию естественного права. Осуществляется постепенный переход от теолого-корпоративного к доктринальному пониманию права, формированию правосознания.

Развивается положение об ответственности человека, о необходимости формирования ответственного, добродетельного человека методами просвещения. Философы эпохи Возрождения и Реформации осуществили поворот к античному культурному наследию и на его основании формировали научное мышление в сторону рациоцентризма, гуманизма и антропоцентризма. Естественно, что этому послужили так же имеющиеся в этом плане фундаментальные достижения теоцентризма. При этом важнейшей идеей Реформации стало отрицание посреднической роли церкви между человеком и Богом и обоснование личной ответственности человека перед Богом. В какой-то мере это позволило согласовать религиозное мировоззрение с гуманизмом эпохи Возрождения.

Философско-правовые концепты античности, средневековья, эпохи Возрождения и Реформации относительно ответственности человека получили свое дальнейшее развитие, применительно к новым общественно-политическим условиям жизни людей, в эпоху Нового времени и Просвещения, что послужило маргинасом для последующих поколений философов, в том числе и для современных. Доминирующей в научных исследованиях стала диалектика: свободы и необходимости; свободы и принуждения; свободы, равенства и права; права, свободы совести и разума; свободы, права и достоинства человека; прав человека, свободы и ответственности; коммутативной (интерсубъективной) природы ответственности; верховенства права, прав человека и личной ответственности.

2. В современной философии и философии права категорию «ответственность» нередко анализируют в органической связи с категориями «порядок» и «беспорядок». Категории **«порядок»** и **«беспорядок»** являются антиподами, но вместе с тем и парными категориями, которые находятся между собой в корреляции – взаимосвязи, взаимозависимости. В этом случае можно наблюдать своеобразное проявление на уровне социума **двух законов термодинамики**: каждая сложная социальная структура тяготеет к самосохранению, консолидации, в частности, через упорядочение общественных отношений, а с другой стороны, – каждая сложная социальная структура тяготеет к распаду, дезинтеграции, в частности, через разрыв унормированных социальных связей. В качестве примера, можно привести Римскую империю, Киевскую Русь, Югославию, Чехословакию, СССР. Тенденция обратного порядка – тяготение к соединению. Здесь примером может быть образование Евросоюза, СНГ, стремление развить Евро-Азиатский Союз. Следовательно, расширение

сферы порядка усиливает тенденцию интеграции социума, суживает сферу беспорядка и наоборот – расширение сферы беспорядка ведет к сужению сферы порядка и к дезинтеграции социума. Здесь мы имеем дело со своеобразным проявлением закона единства и борьбы противоположностей. Позитивный результат такого единства и борьбы противоположностей в значительной мере зависит от ряда объективных и субъективных факторов и, в частности, от уровня развития социального нормативного комплекса и наличия эффективного социального механизма обеспечения контроля над соблюдением нормативных предписаний и **неотвратимости социальной ответственности** за их нарушение.

Социальная ответственность человека – это социально-нормативное явление, представляющее собой **необходимость** сознательного и добровольного **использования права, исполнения обязанностей и соблюдения запрета** человеком согласно предписаниям социальных норм, а в случае их нарушения – **необходимость вынужденного претерпения** нарушителем этих норм, мер принудительного воздействия, предусмотренных ими. Социальная ответственность человека является неотъемлемым элементом каждого, основанного на научных принципах, общественного механизма. В сугубо индивидуальном плане социальная ответственность человека является признаком его социализированности, цивилизованности в обществе. Следует согласиться, что сложность современной жизни общества с необходимостью требует, чтобы **на смену человеку разумному пришел человек разумный и ответственный**.

3. **Социальная ответственность человека**, в антропосоциальном плане, является объективно необходимым, испытанным фактором регулирования общественных отношений. Она, как важная и доминирующая социальная гарантия, содействует консолидации общества, упорядочению, гармонизации, программированию общественных отношений и обеспечению их прогрессивного, поступательного и стабильного развития. Она имеет выработанную поколениями в течение многих столетий нормативную основу – целостную, динамическую систему социальных норм, которая, с одной стороны, является весомым социальным достижением, свидетельством цивилизованности общества, а, из другой, – средством, обеспечивающим жизнеспособность общества, упорядоченность, постоянство, контролируемость и прогнозируемость развития общественных отношений, что является перспективной основой прогрессивного развития общества. Социальные нормы, исполняя свои функции, приобрели качества консолидирующего, системообразующего фактора относительно общества.

Социальные нормы как правила общественных отношений, социокультурные регуляторы, являются по своей сути **эталонами**, моделями общественно полезного, общественно приемлемого, общественно вредного или общественно опасного **поведения человека**, полем его потенциальной социальной свободы. С другой стороны, они по своему содер-

жанию являются овеществлением, воплощением доминирующих интересов и потребностей общества, которые возникли на фоне гармонического согласования интересов как индивидуальных, так и интересов отдельных общественных сообществ. *По своей сути* они отражают сформированные на уровне общества, государства, других общественных субъектов государства **веления относительно поведения человека** в общественной среде. Эти веления имеют двоякий характер: с одной стороны, они направлены против антисоциального поведения человека, а с другой – стимулируют, поощряют человека к просоциальному, общественно полезному, общественно приемлемому поведению.

Характерной особенностью социальных норм есть то, что они, кроме, например, норм права, технических норм, имеются как в догосударственном обществе, так и в государственно организованном обществе. Система норм в названных периодах развития общества разная. Однако неперменной чертой является их взаимодействие и взаимовлияние при относительной автономности, специфичности каждой из них. В своем гармоническом объединении они образуют **нормативное поле** общественного **механизма регулирования поведения людей**. Социальные нормы являются **мерилом свободы и ответственности** человека в общественной среде. Они являются средством образования, укрепления и развития нормативно-коммутативного поля каждого социума.

4. В философской, социологической, политологической и юридической литературе довольно распространенным есть концепт, согласно которому каждому виду социальной ответственности человека свойственный единый бинарный характер. Будучи единым феноменом, она реализуется **в двух проявлениях**: а) добровольном (позитивном, перспективном) и б) принудительном (негативном, ретроспективном). Первое из этих проявлений базируется на убеждении, осознании, а второе – на принудительном воздействии на нарушителя предписаний социальных норм. **Ответственность, таким образом, рассматривается как единое бинарное, двойственное социальное явление**. Вместе с тем, каждый вид ответственности человека направлен к единой цели – консолидации государства и общества, унормирование, гармонизация общественных отношений в социально неоднородном обществе.

Между позитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной) социальной ответственностью человека проявляется **корреляционная зависимость**: расширение сферы позитивной (перспективной) социальной ответственности ведет к сужению сферы негативной (ретроспективной) социальной ответственности и наоборот – расширение сферы негативной (ретроспективной) социальной ответственности ведет к сужению сферы позитивной (перспективной) социальной ответственности.

5. Социальная ответственность человека является родовым понятием, содержащим в себе исходные характеристики, **«генетический код»** каждого ее вида. В философской, социологической и политологи-

ческой науке не выработано единого, общепризнанного понимания критериев классификации и видов социальной ответственности человека. Как представляется, целесообразнее всего классифицировать социальную ответственность человека на виды *по двум критериям*: по видам социальных норм и по сущностному содержанию ответственности. Социальная ответственность человека в зависимости от видов социальных норм, может быть классифицированная на такие виды: 1) нравственная; 2) религиозная; 3) корпоративная; 4) политическая; 5) юридическая. Чаще всего социальная ответственность человека бывает комбинированной: нравственной и дисциплинарной; нравственной и политической; нравственной и правовой; нравственной, политической и правовой т.п. *По своему сущностному содержанию* она имеет два вида, (проявления, аспекты): *позитивный (перспективный)* – ответственность за настоящее и будущее и *негативный (ретроспективный)* – ответственность за прошлое. Под *позитивной* (перспективной) социальной ответственностью человека следует понимать реализованную *необходимость* сознательного и добровольного *использования* человеком *права, исполнения обязанности, соблюдения запрета*, которые содержатся в социальных нормах. Под *негативной* (ретроспективной) социальной ответственностью человека надо понимать *реализованную необходимость вынужденного* претерпения нарушителем социальных норм *принудительных мер* социального воздействия, *предусмотренных* ими и *применяемых* компетентными субъектами общественных отношений в общепринятых или установленных законодательством формах.

6. Социальная ответственность человека *имеет три основания*: а) социально-этическое (нравственное, моральное); б) фактическое и в) нормативное.

Социально-этическое (нравственное, моральное) основание социальной ответственности сводится, главным образом, к выяснению, почему и при каких условиях человек должен (обязан) подлежать социальной ответственности, а компетентный субъект общественных отношений имеет право привлечь человека к соответствующему виду социальной ответственности.

В философии дефиниция ответственности человека, по обыкновению, рассматривается в неразрывной связи с категориями разума, свободы, свободы воли, свободы совести, свободы принятия решений, свободы действий. Трактовка понятия ответственности человека в классической философии максимально зависит от *понятия свободы воли* человека, которая рассматривается как *онтологическая основа ответственности*. Ответственность при этом является закономерным проявлением свободы воли человека, но не единственным. Негативная (ретроспективная) социальная ответственность – следствие безответственного поведения человека, тогда как его ответственное поведение детерминирует позитивную социальную ответственность.

Социальная ответственность человека также неразрывно связана с философскими категориями «необходимость» и «свобода воли». Именно соотношение категорий «свобода» и «необходимость» служит методологической основой, почвой для определения категории «социальная ответственность». **Социальную ответственность** можно рассматривать как необходимое ограничение свободы воли каждого, волей общества, государства, других субъектов нормотворчества для направления социальной активности и пассивности каждого в определенное русло, определенные рамки. Поэтому нет оснований для абсолютизации, фетишизации свободы человека. В цивилизованном обществе, в государстве социально-демократической ориентации, она всегда унормирована, разумно дозирована. Должна соблюдаться разумная, научно обоснованная диалектика ограничений и свобод. Свобода человека в этом контексте является его познанием нормативной необходимости поведения и его предель.

Возможность и целесообразность социальной ответственности, таким образом, в философской, психологической, социологической литературе связывают с наличием у человека **свободы воли**. Антропосоциальная ценность свободы воли рассматривается сквозь призму ее влияния на поведение человека, как важный фактор успешных социальных преобразований. Человеку должны быть присущи обычного уровня **сознание и разумная свобода воли** к деянию (действию или бездействию). Такой человек должен быть способным соотносить свое поведение с предписаниями социальных норм через призму его **совести и разумной** индивидуальной и социальной **необходимости**. Разумная свобода воли, таким образом, характеризует, в частности, достоинство человека. В то же время, компетентный субъект общественных отношений при таких условиях должен выполнить одну из своих функций – в случае нарушения человеком предписаний социальных норм выявить и отреагировать надлежащим образом, привлечь его к соответствующему виду социальной ответственности. В государстве демократической направленности применение имеющихся видов социальной ответственности должно быть сбалансированным относительно каждого вида нарушения человеком предписаний социальных норм. При этом **недопустимым является** злоупотребление наиболее суровыми видами социальной ответственности. Каждому виду нарушения социальной нормы должны корреспондировать **разумный (необходимый) и достаточный** вид и мера социальной ответственности.

Между объемом социальной ответственности и объемом социальной свободы человека имеется диалектическая корреляционная зависимость. Социальная ответственность человека является обратной стороной его социальной свободы. Чем больше социальной свободы, тем больше социальной ответственности. Свобода воли человека детерминирует ответственность, а ответственность предполагает нормативные пределы свободы.

Социальная ответственность имеет свою субъективную предпосылку – свободу воли человека, направленную его **разумом и совестью**. Ответственность является весомым фактором, средством социализации человека.

Свобода воли человека предполагает возможность выбора им соответствующего решения, поступка, поведения и стремление к его реализации, а **ответственность** – это оценка выбора и последствий этого решения, поступка, поведения через призму социальных норм. Образно высказываясь, социальная ответственность человека является специфической платой за его социальную свободу.

Свобода воли человека как потенциальная возможность содержит в себе **опосредствованные его разумом** три интеллектуально-волевых характеристики: **свободу желания, свободу выбора, свободу деяния**, которые всегда, в каждой конкретной ситуации, реализуются через доминантную цель человека. **Факторами** индивидуального психофизического (антропологического) характера, которые могут определять рациональность и нормативность свободы воли человека, являются: а) **осознание** человеком на уровне разума опасности общественного осуждения его антинормативного поведения и (или) применение санкций социальных норм; б) **осознание** человеком на уровне разума своего права, своей обязанности или запрета; в) **совесть** человека как его внутренний ориентир, стабилизатор, способность разумно унормировать свое поведение через призму общечеловеческих ценностей, гармонично сочетая свои интересы с интересами общества, государства, других людей.

Волевой акт поведения человека, таким образом, всегда связан с процессом его **разумной деятельности** и оценки каждой ситуации бытия, целесообразности той или иной возможной или невозможной формы, вида поведения. Конечным результатом этого интеллектуального процесса есть выбор человеком доминирующего варианта поведения, согласованного с его **интеллектуальными ценностно-нормативными установками**. Понятно, что при этом учитываются внешние факторы воздействия на выбор формы, вида поведения человека через призму его будничных и перспективных интересов и потребностей. **Интеллектуальные ценностно-нормативные установки** человека являются закономерным результатом соответствующего уровня его социализации. Они являются **стержнем совести и силы воли человека** как к **просоциальному**, так и **антисоциальному** его поведению.

В философской науке различают «**свободу от**» – свободу от внешнего принуждения и «**свободу для**» – свободу в принятии собственных моделей поведения (действия, бездействия) и их реализации.

«**Свобода воли**» человека и **необходимость** опосредствуются такой качественно-специальной, личностной чертой человека, как **совесть**. Философы с давних времен отмечали это свойство человека. Вообще совесть, наряду со свободой воли, рассматривается философами как

неотъемлемое позитивное свойство социализированного человека, показатель его достоинства. ***Совесть человека является предпосылкой, антропологической основой ее как позитивной (перспективной), так и негативной (ретроспективной) социальной ответственности.*** Под ***совестью человека*** понимается его интеллектуально-волевая способность принимать решение и действовать через призму категорий добра и зла, гуманности и негуманности, необходимости уважения достоинства других индивидов, учет интересов соответствующего социума и общества в целом. Совесть – индикатор, определитель, регулятор позитивного или негативного волевого решения человека в условиях конкретной «необходимости» или «необходимостей», а потому есть разносубъективной, неодинакового уровня у разных людей. В случае, если совесть человека через разум властвует над свободой его воли, достоверность выбора человеком позитивного варианта поведения в нормативном социальном поле через ***позитивную силу*** его воли является самой большой. При отсутствии господства совести человека через разум над свободой его воли, наиболее вероятным будет его выбор (через ***негативную силу воли***) антисоциального варианта поведения вне пределов нормативного поля. Следовательно, ***свобода воли человека органически зависит от свободы его совести*** в широком понимании этого слова.

Волю в философских научных источниках понимают как способность человека, как свойство его мозга осознавать и осуществлять на почве интеллектуальных установок целенаправленные поступки, целенаправленную деятельность, исходя из необходимости, которая детерминирована объективными и субъективными факторами.

Большинство философов, от времен античности до настоящего времени, рассматривали и рассматривают волю как разумное желание человека, как его самоопределение в пределах природного назначения. Воля человека, в разных жизненных ситуациях, по ее качественному наполнению, может быть ***«доброй»*** или ***«злой»*** как ***два ее духовных полюса***. Во-первых, ***воля как стремление к деянию*** реализуется через общественно полезное или общественно приемлемое поведение, а во-вторых, – через общественно вредное или через общественно опасное поведение, то есть ***через антинормативное поведение.***

Всегда, когда человек нарушает предписания социальных норм, «срабатывают» иные социальные факторы, детерминирующие такое его антинормативное поведение, которые оказались в данных условиях доминантными, а не угроза нравственного осуждения, применение взыскания или наказания. Свобода воли не причина антинормативного поведения человека. Она лишь диапазон возможного, соответствующего социальным нормам, поведения человека. Далее, ***во-первых***, различая нормопослушное и антинормативное поведение человека, разнообразностью которого признаем противоправное поведение человека. Отсюда, логически, ***во-вторых***, считать, что не менее важным для обеспечения

эффективности общественного нормативного комплекса **является исследование закономерностей нормопослушного и в том числе правопослушного поведения человека**, вместе с исследованием анти-нормативного, и в том числе противоправного поведения. Заметим при этом, что сфера, объем нормопослушного поведения человека является доминирующим репрезентативным фактором в механизме регулирования его общественно значимого поведения. Уточнение сферы, объема **нормопослушного поведения человека** возможно на основе новых научных исследований закономерностей его функционирования. **В-третьих, гармоничный учет закономерностей нормопослушного и анти-нормативного поведения человека**, как думается, позволит выйти на качественно новый уровень понимания механизма унормирования общественных отношений средствами социальных норм и функционирования общественного механизма обеспечения поведения человека в нормативном поле.

Общественный нормативный комплекс и механизм его применения должны обеспечить единство общественных установок людей относительно пределов свободы, баланса, гармонизации, эквивалентности свободы всех людей вообще на регулятивном уровне и каждого в частности на нормоприменительном уровне.

Как уже отмечалось, человек должен быть умственно, интеллектуально способным к осознанию предписаний социальных норм и применяемых к нему, в случае их нарушения, мер социальной ответственности, которая будет обеспечивать соответствующее корректирующее воздействие на его сознание и соответственно моделировать его поведение в социально желательном русле. То есть социальная ответственность должна применяться лишь относительно человека, виновного в совершении определенного антинормативного деяния.

Физической способности человека к осознанию своих деяний, а также осознанию применяемых относительно него мер социальной ответственности недостаточно для обеспечения **просоциального** поведения человека. Определяющее значение имеют **два фактора формирования социально ответственного поведения человека**: а) наличие основанных на общечеловеческих ценностях системы социальных норм; б) наличие демократически сориентированного, действенного социального механизма контроля, способного обеспечить установление фактов нарушения предписаний социальных норм и привлечение виновных к соответствующему виду социальной ответственности.

На выбор пределов ответственного поведения влияет осознание человеком свободы. По степени реализованности выделяем два вида свободы человека: **нормативную** свободу и **фактическую** свободу. Реализация **нормативной свободы** человека не должна нарушать нормативной свободы других людей, гармонично с ней сочетаться. Поэтому свобода предусматривает самоутверждение человека через его поведение,

сопряженное с самоограничениями, вытекающими из социальных норм, являющихся мерой свободы человека. В этом, в частности, проявляется социально-коммукативная (интерсубъективная) природа ответственности человека.

Фактическая свобода человека – это имеющаяся в реальном бытии свобода человека, обеспеченная соответствующим уровнем развития общества. Философское понимание свободы сводится к ее трактованию как совокупности реальных общественных возможностей для удовлетворения человеком своих интересов и потребностей. Абсолютная свобода в обществе невозможна, недопустима и вредна. Она – дорога к произволу, хаосу и аномии государства и общества.

Между нормативной и фактической свободой человека, как правило, имеются расхождения.

Свобода и произвол человека понимаются в науке как две парные категории, два антипода. **Сущностная ценность свободы** человека в условиях общественного бытия **не может быть сведена к вседозволенности и произволу**. Научный подход не воспринимает концепта абсолютизации, фетишизации свободы человека, утверждает необходимость добродетельного, разумного, умеренного и целесообразного ее ограничения.

Унормированная общественным нормативным комплексом свобода человека является надежным средством охраны и приумножения социальных ценностей, предпосылкой консолидации прогрессивного развития государства и общества. С другой стороны, индивидуальные и общественные ценности являются почвой, на которой зиждутся социальные ценностно-нормативные установки человека. Ценности служат инструментом формирования человеческой личности на почве общечеловеческих ценностей гуманности, справедливости, демократичности, порядочности, доброты, благодетельности. Лишь на этой почве возможно формирование у человека чувства собственного достоинства, ответственности за день сегодняшний и за будущее как члена социума, что является базовой составляющей формирования цивилизованного гражданского общества. Поэтому, большое значение имеет качество общественно нормативного комплекса. Имеется в виду, в первую очередь, его **соответствие общечеловеческим ценностям**.

Свобода человека **как общественная ценность** – многогранное понятие. Поэтому не случайно ее понимание было и является предметом многих наук: философии, истории политической и правовой мысли, социологии, психологии, теории права, философии права и других наук. Очевидно, что наиболее всеобъемлющее, адекватное понимание свободы человека как социальной и правовой категории возможно лишь на почве достижений, прежде всего, философии как науки, выполняющей методологическую функцию относительно всех наук, изучающих общественные явления. **Интердисциплинарный подход** способен обеспечить получение научных знаний наиболее высокой пробы.

Социальная свобода человека и его социальная ответственность зависят от личной антропологической способности человека, определяющей его индивидуальной чувственностью, здравым смыслом, разумом и совестью, силой воли. Категория «совесть», как уже отмечалось, является важнейшей антропологической основой для определения категорий «социальная свобода», «социальная ответственность».

С древнейших времен **разум, совесть и воля** рассматриваются философами едва ли не как самые важные психофизические человеческие качества. Они – три **антропологические детерминанты** поведения человека, и, следовательно, составные субъективного основания социальной ответственности. Вместе с тем, **разум, совесть и воля человека** есть теми факторами, которые задействованы в формировании социальных норм, и тем самым являются **антропологическими детерминантами нормативного основания** его социальной ответственности.

Личностная способность разума человека, обеспечивая в значительной мере **автономию свободы его воли**, предопределяет возможность оптимального выбора варианта своего поведения; умение и стремление не осуществлять антисоциальных поступков, а в случае их совершения – проявить позитивное социальное поведение; возможность моделировать свое и чужое поведение, оценивать собственное поведение через призму прошлого, настоящего и будущего; новаторская активность его в общественно полезном плане как творца бытия. Человек, имея **силу** и **волю**, не всегда способен обеспечить их органическое объединение – **силу воли**. **Сила эмоций человека** бывает нередко сильнее **его силы воли, силы разума**, что закономерно также нередко приводит к нарушению им предписаний социальных норм. В конечном счете, автономия свободы воли человека зависит, как известно, не только от субъективных, но и от объективных, внешних факторов общественной реальности.

Нормативным основанием социальной ответственности человека как негативной (ретроспективной), так и позитивной (перспективной), есть система имеющихся, действующих социальных норм, которые функционируют в данном обществе. Системе социальных норм присущ объективно-субъективный характер. С одной стороны, они являются следствием объективных закономерностей развития общества, а с другого – результатом субъективного познания, на основе восприятия и оценки этих закономерностей человеческим сознанием и их субъективной объективации в материю поля социальных норм. Поэтому есть основания утверждать, что социальные нормы, как формы общественного сознания, являются в определенной мере отражением достигнутого обществом уровня духовно-культурного, экономического и социально-политического развития, исторической чертой характеристики качества жизни людей в данном обществе.

Социальные нормы, выполняя в обществе охранительную, регулятивную и воспитательную функции, определяя рациональные пределы

свободы человека, выступают средством консолидации социального организма, гармонизации, упорядоченного постоянства общественных отношений, поступательного прогрессивного развития государства и общества в целом.

Социальные нормы – мерило, масштаб, школа свободы человека. Социальные нормы непосредственно или опосредованно определяют общественно полезные, общественно приемлемые, общественно вредные и общественно опасные деяния людей в системе общественного отношения, исполняя роль важной детерминанты человеческого поведения. Такое определение осуществляется через разрешение, поощрение творческого отношения к общественным требованиям или же обязанности к определенному поведению или его запрету.

Свобода человека это свобода от внешнего принуждения в пределах социальных норм. Выход человека за эти пределы детерминирует применение к нему принуждения – от нравственного осуждения к применению уголовного наказания, в зависимости от формы этого выхода, его общественной вредности или общественной опасности. **Потенциальная угроза** такого принуждения содействует **унормированию** человеком своего поведения. Социальные нормы, таким образом, являются мерилем свободы и ответственности человека в цивилизованном обществе.

Весьма важное значение для реализации социального механизма ответственности человека имеет доминирующая в обществе «шкала ценностей». Признание «шкалы» ценностей на уровне человека, людей и общества в целом создает необходимую надежную почву для реализации социальных норм, которые их охраняют, обеспечивает гармонизацию человеческих отношений, содействует утверждению общественного нормативного порядка и организованности нормативной культуры. С другой стороны, система ценностно-нормативной ориентации людей содействует развитию социальных ценностей, укреплению позитивной установки субъектов относительно окружающей действительности. Определяющим содержанием этого направления является склонность человека к социально полезному, социально приемлемому поведению.

Фактическим основанием негативной (ретроспективной) социальной ответственности человека является совершения им деяния, противоречащего социальной норме или нормам (антинормативного поступка), а в случае нарушения юридической нормы – наличие в таком деянии состава соответствующего правонарушения.

Фактическим основанием позитивной (перспективной) социальной ответственности человека есть его нормопослушное деяние, другими словами – наличие совершенного им соответствующего нормопослушного поступка.

7. Социальная ответственность и социальная безопасность человека неразрывно связаны между собой. Социальная ответственность является гарантом социальной безопасности вообще и личной безопасности чело-

века в частности, средством поддержания и укрепления социального согласия, консолидации общества, государства. Социальная безопасность, таким образом, объективно нуждается в надежном механизме обеспечения социальной ответственности.

Не смотря на наличие исследований социальной ответственности человека, тем не менее, в изучении разума ее понятия остается немало пробелов. В частности, относительно ее видов, принципов и стадий реализации, социальных механизмов, с помощью которых общество добивается правопослушного поведения от человека. Предопределено это, прежде всего, сложностью структуры общей проблематики социальной ответственности человека, поскольку существует множество видов человеческой деятельности, множество способов обеспечения субъектно-объектных отношений и т.п. Вместе с тем, имеют место и экономические, демографические, психологические, политические и другие факторы, которые влияют на формирование социальной ответственности. В конце концов, сама ответственность человека в той или иной мере связанная с системой отношений человека и общества, содержится во всех без исключения формах личностного, общественного и правового сознания.

Социальная ответственность человека осуществляется во времени и пространстве, в этих же параметрах она и развивается, совершенствуется. На основе концепции нормативного регулирования общественных отношений представляется возможным выделить следующие стадии реализации социальной ответственности: а) возникновение; б) реализация; в) прекращение.

Негативная социальная ответственность человека возникает в момент совершения им антинормативного деяния, разрывающего нормативную систему социальной коммуникации. Реализация этой ответственности человека начинается после выявления факта нарушения социальной нормы из установления виновного в осуществлении антинормативного деяния. Далее к нему применяется нормативное воздействие, имеющее свою специфику в зависимости от вида социальной ответственности человека. Часто такое воздействие имеет комбинированный характер, поскольку одновременно нарушаются, например, нравственные нормы и нормы права; нравственные нормы, нормы права и нормы общественной организации и т.п. Прекращение негативной социальной ответственности человека также зависит от ее вида. В любом случае она прекращается в связи со смертью виновного в осуществлении антинормативного деяния.

Стадии позитивной социальной ответственности имеют свою специфику. Возникновение ее следует связывать с осознанием человеком необходимости сознательного и добровольного **использования** своего **права, исполнения** обязанности, **соблюдения** запрета, содержащихся в социальных нормах. Вторая стадия позитивной социальной ответственности – реализация этой необходимости: использование человеком своего права, исполнение своей обязанности, соблюдение установленного запре-

та. Прекращается позитивная социальная ответственность с момента сознательного и добровольного совершения человеком антинормативного деяния: **неиспользование** своего **права**, **неисполнение** обязанности, **несоблюдение** запрета, содержащихся в социальных нормах. Сюда же следует отнести утрату действия таких социальных норм, а также смерть человека.

8. К **принципам социальной ответственности** человека следует отнести: 1) принцип демократичности ответственности; 2) принцип гуманности ответственности; 3) принцип нормативности ответственности; 4) принцип справедливости ответственности; 5) принцип равенства ответственности.

9. Залогом эффективности социальной ответственности человека является обеспечение морально-правильной, уравновешенной, гармонической корреляции его прав и обязанностей в общественно-нормативном комплексе. Воплощение такой модели прав и обязанностей в реальное общественное бытие содействует формированию человека не только как потребителя естественных и общественных благ, но и как заботливого их хозяина, целенаправленного творца и хранителя как материальных, так и духовных общественных благ. В этом в основном и состоит ценность формирования, на основе единства прав и обязанностей, у людей позитивной социальной ответственности. Ответственное поведение человека является ярким проявлением его общественных, цивилизованных качеств.

10. Социальная ответственность человека имеет коммуникативную (интерсубъективную) природу и двойственный характер, означающий не только взаимное добросовестное, ответственное отношение людей к своему общественно значимому поведению, но и ответственность государства перед обществом и человеком. Социальная ответственность человека, общества и государства демократической ориентации, других субъектов политической организации общества, должна быть взаимной, полисубъективной. Гармоничное сочетание названных аспектов социальной ответственности является залогом формирования и развития гражданского общества, суверенного и независимого, демократического, социального и правового государства.

11. В современной социальной философии проблема социальной ответственности человека – одна из наиболее актуальных. Ее рассматривают как одно из самых важных средств социализации индивида, которую в основном связывают с его способностью быть ответственным за все, что происходит в действительности вообще и в социуме его обитания в частности.

Глубокое и всеобъемлющее разумение ответственности человека в ее философско-теоретическом аспекте позволяет более продуктивно исследовать проблемы юридической ответственности вообще и уголовно-правовой ответственности в частности.

РАЗДЕЛ 2

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

*«Juris praecepta sunt haec:
honeste vivere, alterum non
laedere, suum cuique tribuere»
— предписания закона сво-
дятся к следующему: честно
жить, не обижать других,
воздавать по заслугам.*

2.1. Общие подходы к пониманию феномена юридической ответственности человека

В доктрине украинской юридической науки немногочисленны специальные монографические исследования этой проблематики¹. Между тем, украинские теоретики права обращались к анализу проблем юридической ответственности человека на уровне монографий, отдельных разделов коллективных монографий, учебников и учебных пособий, отдельных научных статей. В частности, П. П. Андрушко, И. А. Безклубый, П. С. Берзин, С. В. Бобровник, Л. К. Воронова, М. С. Кельман, А. А. Козловский, Н. И. Козюбра, А. Н. Костенко, Н. С. Кузнецова, Р. А. Майданык, А. Д. Машков, М. В. Никифорак, Н. Г. Пархоменко, Н. М. Онищенко, П. М. Рабинович, А. Н. Савицкая, О. Ф. Скакун, В. Г. Сокуренок, О. В. Сурилов, Н. И. Титова, О. Д. Тихомиров, Е. О. Харитонов, О. И. Харитонova, А. О. Шевченко, В. С. Щербына. Весьма интересной и ценной в научном плане является инициатива кафедры теории и истории государства и права Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, учеными которой организовано издание специального тематического выпуска кафедрального издания «Об украинском праве» на тему «Правовая ответственность»². Кроме этого, коллективом авторов по-

¹ Онищенко Н.М., Тараконич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах / за заг. ред. Н.М. Онищенко. — К.: Юридична думка, 2009; Юридична відповідальність: цивілістичні аспекти / за ред. Н.І. Титової. — Львів: Вища школа, 1975.

² Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка / за ред. проф. І.А. Безклубого. — К.: Вид-во Київ. нац. ун-та ім. Т. Шевченка, 2010. — Число V. (далі — Про українське право. Число V.).

дготовлено и издано под общей редакцией проф. И. А. Безклубого три фундаментальные монографии¹.

Среди зарубежных ученых, посвятивших проблемам юридической ответственности человека специальные монографические исследования, необходимо прежде всего назвать Б. Т. Базылева, Н. В. Витрука, А. Ф. Закомлистова, Д. А. Липинского, М. Б. МIRONЕНКО, Р. Л. Хачатурова, А. П. Чиркова, Р. Г. Ягютяна².

В философской и юридической литературе, как правило, отмечается, что юридическая ответственность человека является разновидностью социальной ответственности, подчеркивается, что они соотносятся, как общее и особенное³. Кроме этого, определяются общие и отличительные особенности между ними. Так, С. В. Бобровник пишет, что этим видам ответственности человека присущи такие черты: 1) как любая социальная, так и юридическая ответственность человека являются средством регулирования и охраны общественных отношений; 2) они устанавливаются определенными субъектами и гарантируются определенными средствами; 3) они являются средством гарантирования прав человека и общественных интересов; 4) являются элементами надстройки общества, зависящими от развития экономического, политического уровней и соответствующего развития общественных отношений; 5) имеют динамический характер, то есть развиваются и трансформируются вместе с общественными отношениями; 6) существуют в определенной сфере и регламентируются определенной разновидностью социальных норм; 7) преследуют достижение определенной цели и имеют функциональную направленность; 8) предусматривают наступление определенных последствий для нарушителя; 9) обеспечивают системность общества как

¹ Відповідальність у праві: філософія, історія, теорія: монографія / І. Безклубий, С. Бобровник, І. Гриценко та ін.; за заг. ред. І. Безклубого. – К.: Грамота, 2014. – 448 с.; Відповідальність у приватному праві: монографія / І. Безклубий, Н. Кузнєцова, Р. Майданик та ін.; за заг. ред. І. Безклубого. – К.: Грамота, 2014. – 416 с.; Відповідальність у публічному праві: монографія / П. Андрушко, І. Безклубий, А. Берlach та ін.; за заг. ред. І. Безклубого. – К.: Грамота, 2014. – 496 с. – (Серія «Про українське право»).

² Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985; Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – М.: Городец-изд., 2001; Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: РАМ, 2008; Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; МIRONЕНКО М.Б. Принципы юридической ответственности. – Тольятти: ВУиТ, 2001; Хачатуров Р.Л., Ягютян Р.Г. Юридическая ответственность. – Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995; Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. – М.: Юридический центр Пресс, 2007; Чирков А.П. Ответственность в системе права. – Калининград: Калининградский университет, 1996.

³ Онiщенко Н.М., Тараконич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах. – С.26.

социального образования; 10) вырабатывают уважение к правам и свободам человека и становление проявления культуры общества. Вместе с тем, автор указывает на отличительные особенности этих двух видов ответственности человека, а именно: 1) юридическая ответственность человека предусматривается компетентными органами государства, а социальная ответственность – негосударственными структурами; 2) юридическая ответственность человека предусмотрена правовыми нормами, а социальная ответственность регламентируется иными социальными нормами; 3) юридическая ответственность человека имеет принудительный характер, а социальная ответственность не является средством принуждения; 4) юридическая ответственность человека применяется согласно нормативно закреплённого процесса, а социальная ответственность регламентируется в произвольном порядке; 5) юридическая ответственность человека имеет определённый вид и форму, а социальная ответственность – произвольной формы; 6) юридическая ответственность человека порождает дополнительную обязанность, а социальная ответственность направлена на реализацию основной обязанности; 7) юридическая ответственность человека является неотделимой от правонарушения и есть его последствием, а социальная ответственность связана с нарушением социальных норм; 8) юридическая ответственность человека связана с государственно-властной деятельностью, а социальная ответственность – со средствами общественного воздействия; 9) юридическая ответственность человека назначается согласно санкциям правовой нормы, а социальная ответственность реализуется согласно социальным нормам, не имеющим структурных элементов; 10) юридическая ответственность человека наступает независимо от понимания субъектами содержания норм и отношения к ним, социальная ответственность наступает лишь в результате нарушения норм в зависимости от разумения их содержания и отношения к ним; 11) юридическая ответственность человека имеет исключительно правовой характер, а социальная ответственность существует в разных видах¹.

Однако, не со всеми приведенными отличительными особенностями юридической и социальной ответственности человека можно согласиться. В частности с тем, что социальная ответственность человека не является средством принуждения. Обеспечение выполнения предписаний социальных норм всегда связано с **применением** или **потенциальной возможностью** применения принуждения относительно нарушителя. Чаще всего такое принуждение осуществляется в форме публичного осуждения поведения и лица нарушителя. К тому же юридическая ответственность человека наступает независимо от разумения субъектом содержания норм и отношения к ним. Если имеется в виду закреплённый в

¹ Бобровник С.В. Юридична відповідальність // Загальна теорія держави і права (основні поняття, категорії, правові конструкції та наукові концепції): навч. посібник / за ред. О.В. Зайчука, Н.М. Оніщенко. – К.: Юрінком Інтер, 2008. – С. 291–292.

ч. 2 ст. 68 Конституции Украины принцип: **«Незнание законов не освобождает от юридической ответственности»**, то это безусловно так. Когда же речь идет об осознании человеком общественной вредности или общественной опасности совершенного им деяния, то это не всегда так. Если в гражданском праве, в отдельных случаях, при определенных условиях возможно наступление ответственности человека за причиненный вред без вины, то в уголовном праве это невозможно потому, что согласно ч. 1 ст. 11 УК Украины, преступлением является предусмотренное действующим УК Украины общественно опасное, **виновное** деяние. Виной же является психическое отношение лица к совершаемому действию или бездействию, предусмотренному действующим УК Украины, и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности (ст. 23 УК Украины). Одним же из признаков умысла есть осознание общественно-опасного характера своего деяния, а неосторожности – предвидение общественно опасных последствий своего деяния или непредвидения этих последствий при наличии обязанности и возможности их предвидеть.

И еще одно – юридическая ответственность, кроме названных выше ее особенностей, является видом социальной ответственности, что несколько меняет предложенную С. В. Бобровник схему их отличительных особенностей.

Весьма важный научный интерес для исследования проблем юридической ответственности имеет установление особенностей формирования института юридической ответственности в романо-германской правовой системе, к которой принадлежит правовая система Украины. В научной литературе обращено внимание на следующие из них.

1. Органическая связь с римским правом. Становление романо-германской правовой системы состоялось на основе римского права. Это – главная особенность романо-германского права. Романо-германские правовые системы как бы продолжают римское право, они есть последствием его развития.

2. Образования романо-германского права на основе изучения римского права в итальянских, французских и немецких университетах. Именно университеты создали в XII-XVI столетиях на основе Свода законов Юстиниана общую для многих европейских стран юридическую науку. Эта наука в свою очередь определила характер романо-германского права.

3. Ярко выраженная доктринальность и концептуальность института юридической ответственности. Романо-германская правовая система активнее воспринимает правовые теории и доктрины, чем англо-американская правовая система, где работа юристов-практиков имеет большее влияние. В системе континентального права существуют общие принципы и идеи на основании которых формируется и развивается институт юридической ответственности.

4. Абстрактный характер норм юридической ответственности. Они устанавливают общие правила наказания, исходя из принципов и правовых доктрин этой правовой системы. Это отличает романо-германское право от англо-американского, где нормы юридической ответственности создаются преимущественно судами.

5. Доминирующая роль закона в системе источников права. В романо-германской системе законы и кодексы – это опорные столбы права.

6. Ярко выраженный кодифицированный характер норм юридической ответственности. Кодификация норм ответственности в романо-германском праве имеет принципиальные особенности, что отличает ее от аналогичных процессов в других правовых системах. Это, в частности: а) наличие глубоких и крепких исторических корней; б) глобальный характер, охват практически всех отраслей и институтов права; в) использование своеобразной юридической техники наказания; г) наличие собственной идеологии ответственности, сущность которой состоит в том, чтобы кардинально переработать, а иногда даже аннулировать ранее действующее право, создав новую правовую реальность относительно юридической ответственности¹.

Не со всеми предложенными И. Б. Аземша особенностями следует соглашаться. Прежде всего относительно доктринальности юридической ответственности. Ее роль в англо-американской системе права достаточно весома. В частности в Англии, где научные труды многих ученых (Блекстона, Кока, Хейла, Хоукинга, Кенни, Кросса, Карда, Джонса, Смита, Хогана и др.) используются в качестве источника права. Вряд ли полностью отвечает действительности утверждение автора о том, что в англо-американской системе нормы юридической ответственности создаются преимущественно судами. Особенно это касается США, где существует и действует достаточно основательная система законодательства двух уровней: федерального и каждого штата.

В юридической литературе, как и в философской, и социологической разуме феномена «ответственность» обосновано связывают с актами поведения человека, имеющими *сознательный, волевой* характер.

При анализе разума юридической ответственности человека необходимо обратить внимание, на еще одно важное обстоятельство. Речь идет о вопросе: может ли юридическая ответственность человека в демократическом государстве иметь *неправовой характер*? Н. В. Витрук предложил различать понятие «правовая ответственность» и «юридическая ответственность», поскольку, по его мнению, их отождествление обусловлено сутобо позитивистским подходом к пониманию права и юридической ответственности человека, первоисточником которых является лишь

¹ См.: Аземша І.Б. Особливості формування інституту юридичної відповідальності в романо-германській правовій системі // Часопис Київського університету права, 2010. - № 4. – С. 43; Гражданское и торговое право капиталистических государств / Отв. ред. Е.А. Васильев. – М.: Междунар. Отношения, 1993.

воля государства, выраженная в законе. Такая позиция, подчеркнул исследователь, игнорирует аксиологический подход к содержанию права и юридической ответственности человека. **Правовая ответственность**, по его мнению, — это ответственность, устанавливаемая в соответствии с требованиями идеального (естественного) права, его идеалов и ценностей. Она наиболее тесно связана с принципами свободы, справедливости и равенства. **Правовая** же ответственность, утверждает он далее, лежит в основе юридической ответственности. Правовая ответственность находит свое исходное, первоначальное выражение в нормах конституции, которые закрепляют правовые основы юридической ответственности. Конституционные положения, посвященные юридической ответственности, получают конкретизацию и развитие в нормах текущего (отраслевого) законодательства. **Юридическая** ответственность, по его мнению, означает негативную реакцию государства на совершенное правонарушение, нравственно-правовое *осуждение*, порицание государством правонарушителя. Указанная реакция как специфическое, особое воздействие государства на правонарушителя за совершенное им противоправное поведение, состоит в справедливом воздаянии. Оно включает в себя возмещение или компенсацию причиненного правонарушением ущерба и наказание правонарушителя¹.

Думается, что полностью соглашаться с приведенными аргументами Н. В. Витрука не следует, хотя сама постановка вопроса несомненно имеет определенную научную ценность. Во-первых, понятие «идеального (естественного) права», его идеалов и ценностей является дискуссионным и расплывчатым как в общей теории права, так и в философско-правовой литературе, и учитывая это, оно не может служить эффективным инструментом исследования проблем юридической ответственности человека. Наряду с этим, позитивное юридическое право является реальным, конкретным фактором общественного бытия, выраженным в соответствующих нормативных актах. Оно является результатом познания законодателем закономерностей общественного развития и его пониманием естественного права. Здесь можно говорить об уровне объективно-субъективного разумения законодателем сути естественного права и уровне его воплощения в законодательстве позитивном, объективном. Это разумение и воплощение зависят от ряда факторов объективного и субъективного характера, которые в значительной мере зависят от состояния общегуманистического развития общества, социокультурной и правовой основы сознания законодателя. Логика суждений подсказывает, что естественное право, если исходить из его разумений в доктринах права и философии права, нашло свое определенное воплощение в праве позитивном, объективном и поэтому нет оснований для их сравнения и противопоставления. Тем более, что сравнивать можно лишь объекты,

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. — С. 20–21, 33.

предметы, обладающие конкретно четким выражением. В данном случае позитивное, объективное право обладает такими характеристиками. В отношении естественного права это проблематично, поскольку отсутствует ее общепринятая дефиниция, разумение. Во-вторых, принципы свободы, справедливости и равенства по своей содержательной наполненности интуитивно воспринимаются субъектами общественных отношений по-разному. Они не нашли своего общепринятого теоретического измерения, четкого законодательного определения и по той же самой причине, что и предыдущее понятие не могут служить эффективным инструментом исследования многих научных проблем и в том числе юридической ответственности человека. При этом едва ли возможным есть полное и всеобъемлющее определение этих принципов в законодательстве. Скажем, определение принципов уголовного кодекса в действующем УК Российской Федерации, принципов уголовного закона и уголовной ответственности в действующем УК Республики Беларусь не завершило дискуссии в теории уголовного права относительно их содержания, поскольку в названных случаях в действующих кодексах закреплены лишь общие, наиболее существенные, по мнению законодателей, сущностные черты этих принципов. Вместе с тем, нет достоверной информации о том как закрепление этих принципов повлияло на правоприменительную практику. В-третьих, для юридической, правоприменительной практики приведенное Н. В. Витруком определение понятия правовой ответственности ничего полезного не дает. Вместо того, **в сущности, содействует «размыванию» правового основания юридической ответственности.** Оно может быть ценным разве что для философии права, общей теории права как научная концепция, которая может служить предметом дальнейших углубленных научных исследований. В-четвертых, не следует искусственно противопоставлять правовую и юридическую ответственность человека. Юридическая ответственность человека всегда реализуется в правовых рамках. В юридической ответственности, по точному выражению А. В. Малько, «действия субъекта (правомерные и неправомерные) смоделированы в нормах права»¹. Выход за правовые рамки, как известно, порождает соответствующее правонарушение, что является основанием для соответствующего вида юридической ответственности человека. Очевидно, что термин **«правовая»** и **«юридическая»** являются синонимами, а их противопоставление представляется умозрительным, искусственным. Поэтому, есть все основания согласиться с О. Э. Лейстом, что юридической ответственности человека нет и не может быть за пределами действующего права. Как и правовое регулирование в целом, юридическая ответственность возможна лишь там, где объективно существует доказуемость и исполнимость правоотношений

¹ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – С. 17.

средствами юридического процесса, причем ее реализация требует специального аппарата, способного применять правовые нормы и при необходимости принуждать к их исполнению и соблюдению¹. Вместе с этим заметим, что нет достаточных оснований для утверждения, что прилагательное «юридическая» является слишком узким по отношению к термину «ответственность»².

Юридическая ответственность человека как правовой феномен **является неотъемлемой составляющей** демократической общественной **правовой реальности**. К числу феноменов правовой реальности в юридической литературе, в частности, относят: правовые нормы и правовые отношения, правосознание и правопорядок, субъектов права, акты правосудия, административные акты управления, правонарушение и юридическую ответственность, правовые системы, правовые обычаи и традиции, юридический статус и юридические факты. К их числу следует также в частности отнести и органы государства, правопослушное и противоправное поведение лиц, уровень, динамику и структуру правонарушений и т.п.

В государстве социально-демократической ориентации юридическая ответственность – **это не «дорога с односторонним движением»**, когда речь идет лишь о юридической ответственности человека. В государстве демократической ориентации ей присущ социально-коммуникативный (интерсубъективный), полисистемный характер. Юридически ответственными, таким образом, должны быть все субъекты политической организации общества и особенно государство. Человек, например, должен быть ответственным перед государством, но и государство должно быть ответственным перед человеком.

Проблематика коммуникации между государством и личностью весьма широко представлена в творческом наследии П. Д. Юркевича. Исходным пунктом его анализа был процесс деятельности человека в государстве. Эту деятельность он рассматривал в двух плоскостях: а) индивидуальной (частной); б) общей для всех лиц в государстве. В этом контексте, как полагал он, человек может быть представлен исключительно как **личность моральная**. Это такая личность, которая уважает человеческое достоинство другого человека, уважает чужие права и выполняет свои обязанности, вносит мир и согласие в отношения людей, имеет другие позитивные качества. Именно моральные личности составляют общество. **Моральная личность** – это не единичное существо, а целостное творение, которое во взаимодействии с государством представляет общество. С одной стороны, личность подчинена обществу, а с другой

¹ Лейст О.Э. Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юрист, 2001. – С. 640.

² Безклубий І. Запрошення до наукової дискусії про правову відповідальність // Про українське право. Число V. – С. 20.

— создаются условия для проявления ее индивидуальности. П. Д. Юркевич убежден, что не только общество и личность, но и государство и личность могут пребывать в состоянии гармонического взаимодействия, когда каждый из них выполняет свои обязанности. Личность как морально организованный индивид выполняет законы государства, а государство в лице государственной власти издает законы в расчете на собственное их исполнение и с учетом интересов личности. В другом случае между государством и личностью возникают конфликты, которые пагубно сказываются на развитии всего общества¹.

Как верно заметила Н. М. Онищенко, в условиях демократического, правового государства отношения «лицо — государство» испытывают существенные изменения. Эти отношения не имеют целью обеспечение для одной части общества большей степени свободы, чем для другой; в этом случае нужно вести речь о государственной власти, обеспечивающей условия свободы для всех членов общества, всех граждан государства. Права и свободы, установленные демократической, государственной властью, осуществляются в интересах всех граждан и каждого человека в отдельности. В установлении прав и свобод государственной властью, в реализации их гражданами наблюдается фактическое единство общего и отдельного, результатом чего являются укрепление государственной власти, удовлетворение интересов людей. В наше время, подчеркнула она, ответственность государства перед личностью начинается, хотя и медленно, приобретать более-менее реальный характер: активно обновляется законодательство, в том числе нормы, предусматривающие юридическую ответственность как государства в целом, так и его должностных лиц. Установление норм ответственности государства перед гражданином является свидетельством признания государственного приоритета прав и свобод гражданина над ценностями в обществе. В частности государство: 1) гарантирует каждому информацию о его правах и свободах; 2) берет на себя обязанность обеспечить права своих граждан и обеспечивает их реальное осуществление; 3) предоставляет свободу проявить себя во всех сферах социально-политической жизни, за исключением сфер, непосредственно указанных в законе; 4) не имеет права ограничивать права и свободы, кроме случаев, прямо предусмотренных законом; 5) не имеет права привлекать к ответственности за отказ давать показания или объяснение относительно себя, членов семьи или близких родственников, круг которых установлен законом; 6) гарантирует защиту судом прав и свобод человека и гражданина; 7) действует исключительно в рамках закона, имеет установленные конституцией четкие пределы своих полномочий; 8) ответственно за неправомерные деяния должностных лиц: превышение власти, злоупотребление служебным положением. Правовой институт

¹ Цит. по: Тимошенко В. И. Теория государства и политико-правовой мысли Украины и России (конец XIX — начало XX вв.); под. ред. В. И. Тимошенко: монография. — 2-е изд., перераб. и доп. — Чернигов: Издатель Лозовой В. М., 2014. — С. 349 — 350.

ответственности государства дает возможность создать дополнительные сдерживания и противовесы власти, смягчить ее автократические проявления, ограничить возможные злоупотребления с помощью подчинения ее законам. Создаваемые этим институтом условия превращают властвование в общественное служение. Соблюдение института ответственности государства, его органов и должностных лиц перед человеком и гражданином является одним из основных признаков правовой направленности деятельности государства. Он выражает нравственно-юридические принципы в отношениях между государством как носителем власти и гражданином как участником ее осуществления; 9) обязано возместить за свой счет или за счет органов местного самоуправления материальный и моральный вред, причиненный незаконными решениями, действиями или бездейтельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц при осуществлении ими своих полномочий. В частности, согласно ст. 55 Конституции Украины суду предоставлено полномочие пересмотреть решение, действие или бездейтельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц в случае их обжалования. Тем самым создан механизм ответственности государства перед человеком за свою деятельность; 10) гарантирует право лица обращаться за защитой своих прав и свобод к соответствующим международным судебным учреждениям или соответствующим органам международной организации, членом или участницей которых является Украина. Согласно ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, государство, во исполнение обязательств относительно защиты прав человека и гражданина: а) обеспечивает права всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, без какой-либо дискриминации; б) согласно конституционной процедуре законодательного или иного характера принимает меры, дающие возможность осуществлять эти права; в) предоставляет каждому, чьи права нарушены, процессуальные правовые средства для их защиты; г) развивает возможности использования указанных правовых средств, а также отвечает за действенность их применения. Лицо, являющееся гражданином государства, в свою очередь, **не только реализует права, но и имеет обязанности перед государством** и своими согражданами, отвечает за их неисполнение: 1) пользуется предоставленными ему правами в определенных рамках, установленных законом; 2) каждой из его свобод отвечает обязанность, потому что пользование свободой предусматривает сдерживание других лиц от препятствующих деяний. С целью защиты интересов других граждан и общества некоторые его деяния ограничиваются законом; 3) ответственность гражданина не зависит от его должности и положения в обществе. Поэтому, подытожила автор, уместно в системе юридической ответственности выделять две такие подсистемы: 1) **публично-правовую ответственность** (ответственность человека перед государством) и 2) **юридическую ответ-**

ственность государства перед частным субъектом. Если рассматривать **публично-правовую ответственность** как систему нижестоящего уровня, то в ней также можно выделить **две подсистемы**: 1) юридическую ответственность частного субъекта перед государством (внешнее правоотношение) и 2) юридическую ответственность публичного субъекта перед государством (внутренне системные или внутренне организационные отношения)¹. Как представляется, в приведенном концепте Н. М. Онищенко четко прослеживается социально-коммукативная (интерсубъективная) природа юридической ответственности человека в государстве демократической ориентации.

Весьма привлекательным в научном плане представляется концепт В. И. Червонюка о том, что юридическая ответственность имеет двойственную сущность, что позволяет раскрыть ее в широком и узком значении: 1) в широком (философском) значении понятие юридической ответственности определяется как отношение лица к обществу и государству, к другим лицам с точки зрения исполнения ним определенных обязанностей по отношению к обществу, государству либо других лиц; 2) в узком (специально-юридическом) значении юридическая ответственность интерпретируется как реакция государства на совершенное правонарушение. В его понимании юридическая ответственность характеризуется рядом признаков:

- во-первых, она связана с государственно-властным принуждением, поскольку предусматривает возникновение отношений правоохранительного характера, в которых обязана сторона – правонарушитель, вынужден подчиниться требованиям уполномоченного лица государства как представителя компетентных ее органов или должностных лиц;

- во-вторых, она связана с определенными лишениями, которые правонарушитель должен пережить. Это объективное свойство юридической ответственности, поскольку эти лишения наступают как соответствующая реакция государства на вред, причиненный правонарушителем. Негативные последствия могут быть личного характера либо имущественного;

- в-третьих, она наступает только за совершенное правонарушение, которое есть основанием наступления юридической ответственности;

- в-четвертых, она возникает не только в случае нарушения правовых норм, но и применяется в строгом соответствии с ними, то есть применение юридической ответственности к правонарушителю возможно только при условии соблюдения определенного процедурно-процессуального порядка, установленного законом².

В связи с изложенным выше, заслуживает внимания научная позиция С. И. Максимова. «Если классические правовые порядки находили форму

¹ Онищенко Н.М. Юридична відповідальність держави перед особою: монографія. – К.: Юридична думка, 2007. – С. 90-93, 109.

² Червонюк В. И. Теория государства и права: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 565–566.

своей легитимации в различных конструкциях общественного договора, то основными легитимационными принципами современной цивилизации выступают суверенитет народа и права человека, которые тесно связаны между собой и находятся в отношениях взаимодополнения. Общей основой этих принципов является признание автономии гражданина, как личной (моральной и утилитарной), так и публичной (гражданской). **Моральная автономия** состоит в том, что человек как общественное и **моральное существо** может осознать значимость и ценность безусловного закона без какого-либо государственного влияния, то есть он может понимать, что есть добро и что есть зло. Суть утилитарной автономии заключается в том, что каждый член общества может самостоятельно судить, что является для него выгодным, а что невыгодным. Личная автономия, делает акцент на невмешательстве в собственные дела индивида, которые не наносят вреда другим гражданам. Она находит выражение в классических правах на жизнь, собственность и личную свободу. Публичная автономия предполагает участие людей в разработке совместных решений, касающихся их собственного благосостояния и счастья. Это затрагивает не просто их интересы, а саму способность суждения, свобода которого очевидна для каждого. Правовым выражением гражданской автономии являются демократические права или права активного государства»¹.

В юридической литературе рассматривается такая черта юридической ответственности человека как **принуждение**, что отражает возможность государственного принуждения человека к выполнению юридических норм в случае их невыполнения. Еще Джон Генри Ньюмен предостерегал, что социальное объединение обещает **две большие** и противоречивые преимущества: защиту и свободу, защита, которая не должна посягать на свободу, и свободу, которая не должна препятствовать защите. **В какой мере то или иное государство может обеспечить защиту, а в какой – свободу, зависит от конкретных обстоятельств**².

На самом деле является справедливым то, – утверждает А. П. Чирков, – что возможность применения государственного принуждения возникает в связи с совершением правонарушения, однако обеспеченность принудительной силой государства – это признак, присущий праву вообще, а следовательно, и каждой правовой норме в отдельности³. То есть юридическая ответственность человека в этом контексте выполняет ряд функций, основу которых составляет ее социальное на-

¹ Максимов С.И. Коцепция правовой реальности // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков:Библиотека международного журнала «Проблемы философии права» – 2013. – С. 49-50.

² Ньюмен Джон Генрі. Захист і Свобода: кого звинувачувати? // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. – С. 252.

³ Чирков А.П. Ответственность в системе права. – С. 9.

значение, а содержание последнего состоит, прежде всего, в принуждении к выполнению или же стимулированию к **исполнению норм** права. Без надлежащей системы юридической ответственности человека, справедливо подчеркивает Н. М. Онищенко, право становится бессильным и ненадежным, **не оправдывает социальных ожиданий**. Правовые нормы, установленные на их основании права и обязанности членов общества превращаются **в «благие» намерения**, если власть не способна организовать возобновление и защиту нарушенных прав, принуждение к выполнению обязанностей, наказание тех, кто нарушает правовые запреты. Ведь довольно много процессов и направлений правового развития **связаны с действенностью права**: ощущением защищенности каждым, гарантированности прав и законных интересов, противостоянием произволу в процессе упорядочения общественных отношений, несомненным деянием механизмов относительно обеспечения правового порядка во всех сферах общественной жизни, гарантированием и обеспечением системы безопасности, связанной с социальной деятельностью, особенно той, которая несет потенциальную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства. А это, констатирует далее автор – далеко не полный перечень наших ожиданий от современного права¹.

С. И. Максимов также отмечает, что даже самое совершенное состояние права как лишь одной стороны общественной жизни не приведет к наиболее совершенному состоянию всей общественной жизни, состоянию «земного рая». Роль права в жизни человека скорее аналогична роли страховки у альпинистов, которая отнюдь не поднимает человека вверх, то есть не является фактором его «совершенствования», но она и не дает упасть ему вниз и тем самым вносит свой вклад в его «восхождение к реализации способностей». Право не гарантирует успешного восхождения, но оно гарантирует от неудач, оно ничего не говорит о том, как надо идти кверху, куда поставить ногу и т.п., это дело свободной воли каждого. Но если в обществе есть право, то человек уже не окажется на дне пропасти не по собственной вине².

Парной относительно категории **«юридическая ответственность»** есть категория **«юридическая безответственность»**. Между ними имеется коррелятивная диалектическая взаимосвязь. Как обоснованно отмечает Р. К. Русинов, юридическая ответственность человека, как правило, – результат социально-правовой **безответственности**, слабо развитого или отсутствующего вообще чувства виновности субъекта

¹ Онищенко Н. Юридична відповідальність: теоретично-правовий аналіз природи та сутності // Про українське право. Число V. – С. 30; Онищенко Н.М., Тарахонич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах. – С. 26.

² Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – С. 318.

в правовой сфере¹. **Безответственность** – констатирует А. А. Козловский – всегда сладкая: она дает выгоду; она позволяет опередить ближнего в погоне за успехом, наслаждением и радостью жизни. Чем безответственность не приятнее, чем ответственность? А ответственность – это всегда напряжение, тяжелая работа, которая только и приводит к справедливости, поэтому и справедливость представляется всегда трудной, рутинной, что наконец не оправдывает себя в своей выгоде. Та радость, которую дает справедливость, отнюдь не компенсирует израсходованных усилий и перенесенных страданий, прежде всего, времени, которые на нее израсходованы. Скорость и эффективность – пафос безответственности. Почему же замедленность более оправдана? Она надежная, более надежная. Безответственность быстрая и эффективная, однако эффективность ее или кратковременная, или **ненадежная**. Вот **основной недостаток безответственности – ненадежность, неонтологичность**, она всегда предусматривает риск потери эффективности, а то и потери результата и необходимости «уплаты неустойки», то есть встречи с ответственностью. Ответственность всегда предусматривает расходы воли, времени и терпения. Только такой ценой можно оплатить эффективность и покой².

Состояние безответственности в поведении людей, его прогрессирование – путь к **аномии** (отрицание закона, беззаконие), то есть к хаосу в обществе, кризисно-катастрофическому состоянию социально-правовой системы. Состояние общества, когда имеющиеся нравственно-правовые регуляторы уже бездействуют, а новых нет. Отсюда – разгул преступности, падение нравственности, социальные конфликты, кризисы, демонтаж демократических общественных институтов и т.п.

Р. Иеринг в свое время подчеркивал, что сущностью права является его практическое осуществление. Правовая норма, никогда не получавшая себе такого осуществления или опять его утратившая, не может более претендовать на такое название. **Она стала испорченной пружиной в механизме права, которая не участвует в его работе, и которую можно удалить без всякого ее изменения**³. Очевидно данное теоретическое положение является без сомнения актуальным и ныне как для правотворческой, так и правоприменительной деятельности.

Подобно аномии существуют ситуации **вакуума ответственности**. **Социальная безответственность** – это состояние общества (или иного типа сообщества), которое характеризуется слабостью или отсутствием ответственности у большинства членов данного сообщества. Это явление следует отличать от безответственности перед социумом, которое

¹ Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – С. 311.

² Козловський А. Філософія відповідальності // Про українське право. Число V. – С. 95.

³ Иеринг Р. Борьба за право // Антология мировой правовой мысли. – Т. 3. Европа. Америка. XVII-XX вв. – С. 449.

существует, когда человек или группа лиц проявляют безответственность по отношению к обществу (или иному типу сообщества). Можно говорить о **двух типах** социальной безответственности: **экзогенной и эндогенной**, проявляющейся во вне или внутри сообщества, различающиеся по вектору своего воздействия (или бездействия)¹.

Безответственное поведение человека, как убедимся далее, является фактическим основанием его юридической ответственности.

Нельзя не согласиться с Н. М. Онищенко в том, что законодательство в сфере ответственности имеет общественное значение лишь в той мере, в которой оно реализуется. Если правоохранительные органы демонстрируют бессилие в борьбе с правонарушением или содействуют нарушителям, в обществе возникает убеждение, что большинство запретов можно безнаказанно нарушать, а для защиты своих прав целеустремленно применять самосуд и самоуправство, являющиеся более эффективными, нежели деятельность официально существующих правоохранительных органов. Является аксиомой, что в сфере, где применяется государственное принуждение, довольно часто государственные органы и должностные лица, расследующие дела о правонарушении, часто могут превышать и превышают свои властные полномочия. Это демонстрирует отсутствие гласности, произвол в процессе собирания доказательств и запугивание лиц, вовлеченных в процесс расследования. Стремление быстрее обосновать обвинение и закончить дело в кратчайший срок иногда, к счастью весьма редко, ведет к осуждению невиновного. Существенный вред законному и обоснованному осуществлению юридической ответственности может вызвать давление дезориентированного общественного мнения, административная слабость высоких должностных лиц, деяния коррумпированных работников правоохранительных органов, политические амбиции и лоббизм определенных клановых интересов. Ни общество, ни отдельное лицо не могут существовать без защиты от правонарушителей, а следовательно, без деятельности специального аппарата, охраняющего право от нарушений. Ведь при осуществлении юридической ответственности противоборствуют две неравные стороны: лицо, обвиняемое (подозреваемое) в совершении правонарушения, и организация должностных лиц, имеющих власть и полномочие применять принуждение от имени государства. При указанных условиях это принуждение может быть применено как произвол, с определенным нарушением закона².

В общей теории права, как и в философии и философии права, не выработано единого разумения феномена юридической ответственности человека, хотя предложения ученых относительно его определения и

¹ Безрукова О.А. Ответственность/Безответственность как инструмент социального деяния (взаимодействия). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Staptp/2009_43/files/ST43_04.pdf

² Онищенко Н.М., Тарахонич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах. – С. 28–29.

многочисленны. Дискуссионным является и сам вопрос о целесообразности выработки единого разумения юридической ответственности человека. Так, О. И. Харитонов и Е. О. Харитонов считают, что **формулирование универсального определения понятия юридической ответственности является нецелесообразным**, поскольку во многих случаях имеют место попытки объединить многочисленные и разные признаки этого феномена в дефиницию, оставляющую без внимания специфические проявления разных аспектов феномена юридической ответственности человека. Вместо этого **целесообразно различать юридическую ответственность человека как средство** государственно-правового принуждения и юридическую ответственность **как охранительное правоотношение**. Юридическая ответственность как средство государственно-правового принуждения, — акцентируют они, — предусмотрена нормами права. Как нормы права она существует независимо от совершения правонарушения и играет роль фактора, сдерживающего субъектов права от нарушений, стимулируя их к правопослушному поведению. Юридическая ответственность человека как охранительное правоотношение, по их мнению, возникает в результате нарушения субъективных прав и интересов других участников общественных отношений и нарушение этими противоправными деяниями норм права, предусматривающих возможность применения санкций на случай совершения нарушения¹.

Нужно согласиться с Н. М. Онищенко, что сегодня при исследовании проблем ответственности зашли в глухой угол семантические поиски, основанные не на изучении права, его общих принципов практики применения, а на изучении отдельных, иногда изолированных, оторванных раздумий и выводов значения слова «ответственность». Ученые-исследователи старались вывести содержание понятия «ответственность» с ее терминологического определения, однако понятно, что для этого необходимо было исследовать сущность, природу и значение данного феномена².

В целях более детального исследования этой проблематики, условно выделим **два доминирующих концептуальных подхода к разумению феномена юридической ответственности** человека: разумение юридической ответственности человека в ее негативном (ретроспективном) значении и разумение юридической ответственности человека как двухаспектного юридического явления в его негативном (ретроспективном) и позитивном (перспективном) значениях.

Юридическая ответственность человека, исходя из ее разумения как **единого бинарного, двухаспектного общественного феномена**, представляет собой реализованную им **необходимость** со-

¹ Харитонов О., Харитонов Е. Юридична відповідальність: пошук парадигми // Про українське право. Число V. — С. 29.

² Онищенко Н. Юридична відповідальність: теоретично-правовий аналіз природи та сутності. — С. 31.

знательного и добровольного **использования** своего права, **исполнения** обязанности, **соблюдения** запрета, содержащихся в правовых нормах, а в случае их нарушения – **необходимость вынужденного претерпения** нарушителем правовых предписаний, применяемых к нему компетентным органом государства и предусмотренных правовыми нормами мер принуждения, в установленных пределах процессуальных и исполнительных формах.

2.2. Общие подходы к пониманию феномена позитивной юридической ответственности человека

Необходимо заметить, что в этом случае большинство ученых-теоретиков, поддерживая какую-либо из концепций негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека, высказывались в пользу целесообразности наличия отдельного понятия юридической ответственности в ее позитивном значении, либо просто отмечали о ее наличии в доктрине права. Негативная (ретроспективная) и позитивная (перспективная) юридические ответственности применяются ими в понимании разноплановых, самостоятельных понятий. При этом, например, А. С. Мордовец позитивную юридическую ответственность человека называет «**предварительной**», а негативную (ретроспективную) – «**последующей**»¹.

Г. Йонас пишет о **легальной** ответственности человека, установленной на уровне закона, то есть **внешней** ответственности, и о **нравственной – внутренней** ответственности (ощущение вины, покаяние, готовность к искуплению вины, сопровождающие субъекта противоправного поступка)².

Вопрос о позитивной юридической ответственности человека был впервые поставлен представителем уголовно-правовой науки, известным ученым В. Г. Смирновым. Он, в частности, писал, что проблема юридической ответственности человека не исчерпывается ответственностью за правонарушение; ответственность лишь наиболее отчетливо проявляется в нарушении каких-либо интересов, существуя реально и при совершении разрешенных, а тем более таких, что вытекают прямо из закона или из нравственных принципов, деяний. Ответственность, в широком понимании этого слова, – это прежде всего осознание человеком своей обязанности перед обществом и государством, осознание характера и вида

¹ Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. – С. 17.

² Йонас Г. Принцип відповідальності. – С. 143.

связей, в которых он живет и действует¹. Более категорически и образно высказался А. А. Козловский: «Право – это **ад** ответственности. Ответственность есть путь **к раю**. Ад и Рай начинаются во мне, а следовательно ответственность начинается во мне, она манит и отталкивает»².

В отдельных научных работах позитивную (перспективную) юридическую ответственность человека именуют как «**перспективную**»³, или «**активную**»⁴. С. Н. Братусь, И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин применили относительно обозначения позитивной юридической ответственности такое словосочетание: «**активный аспект ответственности**»⁵. О. Э. Лейст назвал позитивную юридическую ответственность человека **активной, конститутивной, функциональной, персональной**⁶.

С. Г. Ольков применил математический метод для обоснования позитивной юридической ответственности человека. Он предложил понимать ее как поощрение, которое должно наступать в виде правового последствия полезного для общества поведения. При этом он допускает объединение уравновешений между позитивным и негативным поведением человека, что должно основываться на математических закономерностях. В частности, равные по силе позитивный и негативный поступки **порождают нуль** при видении **правового последствия** такого поведения. По его мнению, такое понимание ответственности будет наиболее адекватно отражать закономерности функционирования общественного организма. Такой подход, такая система, считает он, возможны лишь **при условии точной научной нравственности**, основанной на том, что она не зависит от усмотрения разных людей⁷.

Критическое отношение к концепции позитивной юридической ответственности человека С. Г. Олькова высказал П. П. Сердюк, заметивший, что противоречивость его концепции прежде всего оказывается в том, что позитивную юридическую ответственность в том смысле, в котором он ее понимает, должны нести лишь те люди, активность которых можно оценить не по критерию «непричинение вреда», а в поведении,

¹ Смирнов В.Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Известия Высш. Учебн. Завед. «Правоведение». – 1963. – № 4. – С. 79; Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. – С. 78.

² Козловський А. Філософія відповідальності. – С. 102.

³ Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – С. 311; Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Юрид. лит., 1976. – С. 95; Сурилов А.В. Теория государства и права. – К. – Одесса: ВШ, 1989. – С. 399; Про українське право. Число V. – С. 20, 81–82.

⁴ Самощенко И.С. Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 6.

⁵ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – С. 108.

⁶ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому уголовному праву. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 214, 230.

⁷ Ольков С.Г. Точная теория юридической ответственности // Право і політика. – 2006. – № 10. – С. 20–22.

отличающимся из массы своей нетипичной полезностью, то есть человек не делает вреда, а приносит пользу не только себе, но и другим. При этом эта польза альтруистична, то есть она не является избыточным продуктом эгоизма человека. Поощрение в праве возможно лишь на основании правовых норм. Должны существовать правовые нормы, поощряющие определенное поведение. Для такого поощрения мало требования не причинять вреда, нужно определенное **сверхнормативное поведение**, превышающее обычные требования к субъектам правоотношений. Учитывая то, что, действительно, возможно сверхнормативное позитивное поведение, поощрительные нормы нужно ограничивать от стимулирующих, поскольку последние стимулируют обычное поведение в пределах нормативных обязанностей субъектов. Можно утверждать, что С. Г. Ольков представил совсем иное разумение позитивной юридической ответственности человека, нежели то, что представлено в литературе, поскольку исследователь базируется на идее, что как негативная, так и позитивная ответственность человека «раскидываются» по оси ординат от 0 до +10 и от 0 до -10 как градиентов соответственно позитивной и негативной юридической ответственности, однако на уровне 0 нет ни позитивной, ни негативной юридической ответственности человека. Когда человек не нарушает правового запрета, его поведение равняется 0, то есть не является проявлением позитивной юридической ответственности, последняя возникает лишь путем продвижения к +10 – показателя, отвечающего наивысшей отдаче человека себя обществу и государству. Отсюда утверждение С. Г. Олькова, что дискуссия о том, существует ли позитивная юридическая ответственность, является бессмысленной с учетом подтверждения ее наличия математической моделью, представляется некорректной, ибо дискуссии продолжались именно по поводу того, существует ли позитивная юридическая ответственность человека в том формате, когда он просто соблюдает правовые запреты или не нарушает других правовых норм.

Концепция позитивной юридической ответственности человека, – пишет П. П. Сердюк, – хотя и основывается на общем понимании социально ответственного поведения, все же не представляется практически применимой, поскольку позитивная юридическая ответственность не раскрывает всего содержания соответствующих правовых отношений. В позитивной юридической ответственности обязанным субъектом является только отдельный человек, а об обязанностях и правах иного субъекта – общества, государства ничего не сказано. К тому же, концепция позитивной юридической ответственности С. Г. Олькова является односторонней, поскольку не раскрывает реального правового статуса субъектов абсолютных правовых отношений. Не только лицо обязано действовать или не действовать определенным образом, но и общество и государство не могут обременять лицо тем, чего оно не должно нести, то есть **codeter-**

жание позитивной ответственности поведения должно иметь двусторонний характер¹.

По сути, обоснованно пришел к выводу А. П. Козлов, позитивная ответственность состоит из двух частей: первая из них возникает на чувстве социальной справедливости и равенства всех и вторая – на основе очевидных требований права. Обе эти части в совокупности создают либо все сознание, либо ту часть сознания личности, которая «не замутнена» антисоциальными ценностными ориентациями, установками, мотивами и целями. Именно во втором варианте возникает проблема существования позитивной ответственности в недрах юридической ответственности².

Вместе с поддержкой концепции позитивной (перспективной) юридической ответственности человека в общей теории права высказаны аргументы против ее научной разработки. Поэтому, вопрос о позитивной юридической ответственности человека принадлежит к числу чуть ли не наиболее контраверсионных, дискуссионных. Ряд известных ученых-теоретиков **высказались против** целесообразности внедрения понятия позитивной юридической ответственности человека. В частности, делалось упор на принципиальной недопустимости объединения в одном определении сознательного отношения честного человека к исполнению своего социального долга и противоправного поведения правонарушителя. Кроме того, отмечалось, что правоведение не может просто использоваться в «готовом виде» философские понятия и категории без учета специфики предмета своей науки. Как считают такие ученые, их использование при исследовании проблем юридической ответственности нередко сводится к переименованию правовых явлений, произвольному использованию философских и других терминов. Терминологическое же «переодевание» хорошо известных явлений в новые словесные одежды не может привести к какому-либо приращению научного знания. Наряду с этим, неоднократно указывалось, что большая часть рассуждений сторонников правовой позитивной ответственности человека основана на смешивании и отождествлении обязанности и ответственности, правомерного поведения и ответственности человека, что невозможно определить юридические свойства позитивной юридической ответственности человека, отмежевать ее от известных понятий «обязанность», «правомерное поведение», «правосубъектность», «деликтоспособность», «исполнение обязательств». Обращалось внимание также на то, что в большей части раздумий о правовой позитивной ответственности человека правовые явления теоретически объединяются с такими категориями правосознания и морали как

¹ Сердюк П.П. Концепція позитивної кримінальної відповідальності як нормативний паронім загальних кримінально-правових відносин у доктрині кримінального права // Право України. – 2010. – № 11. – С. 158–159.

² Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. Красноярск.: Краснояр. гос. аграр. Ун-т. 2013 г. – С. 37.

«осознание необходимости правомерного поведения», «добросовестное отношение к своим обязанностям», «чувство ответственности»¹.

Другие авторы акцентируют на невозможности объединения в одном юридическом понятии таких категорий, как «благо» и «зло», следование долгу и его нарушение потому, что это создало бы неадекватное представление о сущности ответственности человека как юридического явления².

По мнению А. С. Шабурова, позитивный аспект юридической ответственности человека не наделен признаками, качествами, особенностями правового явления, характеризующего связь государства с правом, а признание юридического характера позитивной ответственности не только не отвечает природе явлений, но и усложняет решение многих проблем в юридической науке, поскольку означает ликвидацию юридической ответственности как специфического правового явления³.

О. Э. Лейст, признавая позитивную юридическую ответственность человека как самостоятельный вид ответственности, а также отрицая концепцию двухаспектности юридической ответственности, подвергнул критике имеющиеся ее трактования в науке. Самым уязвимым звеном идеи позитивной юридической ответственности – пишет он – является невозможность определить ее юридические свойства и качества, чем-либо отличающиеся от известных понятий «обязанность», «правомерное поведение», «правосубъектность», «деликтоспособность», «исполнение обязанностей» и т.п. Многолетние призывы выработать понятие правовой позитивной юридической ответственности, раскрыв свойственное ей юридическое содержание, – отмечает он – не пошли дальше декларативных рассуждений⁴.

Категоричность вывода О. Э. Лейста, как представляется, не является корректной. Первое, что вызывает возражение, это постановка вопроса об ограничении понятия позитивной юридической ответственности человека от названных выше понятий. Есть ли в этом практическая потребность? Определенной мерой каждое из них отражает какую-то черту позитивной юридической ответственности человека, что может послужить для синтетического определения ее понятия. Второе, едва ли можно характеризовать как однозначно безрезультативные научные исследования ученых этой проблематики. В доктрине права последних десятилетий данная проблема постоянно находится в поле зрения ученых

¹ Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / под ред. М.Н. Марченко. – С. 635–637.

² Братусь С.Н. Юридическая ответственность и сознание долга // Вопросы теории государства и права. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – С. 45, 51.

³ Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дисс. докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1992. – С. 15–16.

⁴ Лейст О.Э. Юридическая ответственность // Общая теория государства и права. Академическое издание / отв ред. М.Н. Марченко. Т. 3 – М.: ИКД Зеркало-М, 2002. – С. 479–480.

и высказанные ими мысли, концепты по этому поводу заслуживают дальнейшего творческого осмысления.

Н. С. Малейн также возразил против возможности конструирования двух видов ответственности человека – негативной и позитивной – или объединении их в одну специфическую юридическую категорию. Ведь содержание отношений и положение субъекта так или иначе различны: когда он надлежаще пользуется своими правами, добросовестно выполняет обязанности и когда он их нарушает. Если в содержание позитивной ответственности включаются права, обязанности, долг, компетенция, то при столь широком понимании позитивная ответственность утрачивает конкретность и, по существу, сливается с понятием права¹.

Еще более категорично выглядит позиция И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшина – о позитивном аспекте юридической ответственности человека не может быть и речи потому, что юридическая ответственность, с тех пор как она возникла, всегда была ответственностью за прошлое, за совершенное противоправное деяние. Ни научные интересы, ни тем более интересы практики не дают оснований для пересмотра взгляда на юридическую ответственность как последствие правонарушения².

При широком понимании юридической ответственности человека – подчеркнула Р. О. Халфина – теряется специфика юридического понимания ответственности и возникает потребность в новом термине, обозначающем то, что сегодня включается в понятие ответственности в юридическом смысле³.

В. Г. Баранов выразил мнение, что позитивная юридическая ответственность имеет неправовую природу, а поэтому рассматривать ее в качестве юридической нельзя. При такой постановке вопроса – утверждал он – понятие юридической ответственности человека «разбухает до невероятных и ненужных пределов», что «вряд ли верно и полезно». Это понятие, по его мнению, является искусственной теоретической конструкцией. Общую теорию юридической ответственности человека в ретроспективном и позитивном планах – подчеркнул он – создать вряд ли возможно⁴.

По убеждению И. Н. Тихоненко, то, что называют позитивной юридической ответственностью, точнее было бы назвать надлежащим исполнением юридических обязанностей человеком. Введение понятия позитивной юридической ответственности человека вносит нечеткость в терминологию: ответственностью называют и юридическую обязанность со-

¹ Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – С. 128–134.

² Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юридическая литература, 1971. – С. 43.

³ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 316–317.

⁴ Баранов В.М. Юридическая ответственность // Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 1999. – С. 504–505.

вершить предусмотренные законом деяния, и юридические последствия невыполнения этой обязанности¹.

Т. С. Кивалова также однозначно поддержала позицию ученых, считающих, что деление юридической ответственности человека на позитивную и негативную не отвечает ее правовой природе, поскольку в основе позитивной ответственности лежит, прежде всего, нравственная, а не правовая оценка, не позволяющая оценивать такую ответственность, как юридическое последствие правонарушения. Более правильным представляется понимание юридической ответственности человека именно как «негативной» ответственности, существующей наряду с ответственностью позитивной².

Негативное отношение к концепции позитивной (перспективной) юридической ответственности человека высказали и другие ученые. Так, Н. П. Колдаева, подчеркнув, что источником данной концепции были программные установки КПСС, и что она является проявлением либеральных концепций в праве, пришла, как представляется, к необоснованному выводу о том, что теория позитивной юридической ответственности ограничилась лишь спорами³.

Позитивная юридическая ответственность, по мнению Е. В. Лошенковой, относительно новое явление в правовой науке. Обобщив и критически проанализировав предлагаемые учеными ее дефиниции, она пришла к выводу, что для признания позитивной правовой ответственности нет достаточных оснований⁴.

Поддерживая оппонентов позитивной юридической ответственности человека, И. Л. Петрухин предложил вместо понятия «позитивной» юридической ответственности ввести понятие социального (правового) долга, считая, что позитивная ответственность – это не ответственность, а понимание и исполнение лицом своего долга перед обществом, государством и гражданами⁵.

В юридической литературе высказано также предложение традиционную юридическую ответственность человека за правонарушения называть **«юридической»**, а позитивную (перспективную) – **«правовой»**⁶.

¹ Тихоненко И.Н. Основания освобождения от юридической ответственности: автореф. дисс. на соискание научной степени канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 10.

² Кивалова Т. Цивільно-правова недоговірна відповідальність як вид юридичної відповідальності // Про українське право. Число V. – С. 210.

³ Колдаева Н.П. Об ответственности в законотворчестве // Концепция стабильности закона / под ред. В.П. Казимирчука. – М.: Проспект, 2000. – С. 161–170.

⁴ Лошенкова Е. В. Позитивная юридическая ответственность: есть ли достаточные основания для ее признания? // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 437–444.

⁵ Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). – М.: Юрист, 1999. – С. 248–250.

⁶ См.: Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание // Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1. – СПб: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 514.

Возражения против аргументов противников признания позитивной юридической ответственности человека ее приверженцами, в частности В. Н. Кудрявцевым, Н. В. Витруком, сводится, в основном, к следующему. Необходимо учесть, что понятие позитивной ответственности человека является намного шире по содержанию, чем обязанность. Это правоотношение, состоящее из нескольких элементов. Во-первых, в правоотношении права и обязанности корреспондируют друг другу. Вместе с обязанностью правопослушного поведения субъект получает содействие, помощь, поддержку со стороны общества и государства. Он имеет право требовать соответствующих действий от всех, кто к этому уполномочен и защищать свои деяния в установленном порядке. Во-вторых, позитивная ответственность включает знание, понимание человеком своей обязанности и соответствующее отношение к ней, характеризующиеся как чувство обязанности, стремление хорошо выполнить порученное дело, достичь результата, необходимого обществу и государству. Ответственность человека – подчеркивает дальше В. Н. Кудрявцев – связанная с назначением и применением наказания, не является самоцелью. Главный ее смысл в том, чтобы пробудить в правонарушителе, а также укрепить в его окружающих чувство ответственности за свои поступки в будущем, понимание социального значения своего поведения. ***В его понимании ретроспективная ответственность есть лишь специфическим методом обеспечение позитивной ответственности***¹.

Н. В. Витрук, проанализировав аргументы ученых «за» и «против» позитивной юридической ответственности пришел к выводу, что введение в научный оборот категории позитивной ответственности человека обогащает теорию ответственности, дает возможность глубже и полнее понять природу, смысл и назначение ретроспективной (негативной) юридической ответственности человека. Вопрос об ответственности в правомерном поведении человека имеет самостоятельное значение и заслуживает самого пристального внимания как со стороны юристов, так и в особенности представителей других наук – подчеркнул он. Позитивная ответственность, сущность которой заключается в нормальном и активном выполнении требований норм внутригосударственного и международного права – несомненная социальная ценность, составная часть более общего вопроса о повышении эффективности правового регулирования, действия права, об усилении связей права, правосознания и других видов общественного сознания. Это предполагает более широкий спектр исследования на стыке философии, социологии, психологии и правовой науки. Представляется возможным и необходимым – попытожил ученый – продолжение плодотворных исследований данной проблемы².

¹ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 11.

² Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 32.

В пользу изложенного выше подхода высказались также П. М. Рабинович и А. И. Сушинский, заметив, что вопрос об ответственности в правомерном поведении (позитивная ответственность) имеет самостоятельное значение и заслуживает **особого внимания** и разработки¹.

По Н. И. Матузову позитивная правовая ответственность человека наделена необходимым набором юридических свойств, предоставляющих ей статус в юридическом явлении. В пользу такого вывода он приводит, как представляется, весомые аргументы. Первый, это то, что позитивная ответственность прямо вытекает из правового статуса человека, связана с осуществлением его прав, свобод и обязанностей, с общим статусным правоотношением. Второй, поскольку ответственность является бесконфликтной, она сопровождает человека постоянно и обуславливает его поведение во многих сферах, прежде всего с внутренней, а не с внешней стороны. Это оказывает стабилизирующее воздействие на всю систему юридических связей, которые «замыкаются» на человеке. Третий, что по юридической природе позитивная ответственность, в отличие от негативной, не временная и не принудительная, а постоянная (перманентная), добровольная и глубоко осознанная ответственность человека за свое поведение в настоящем и в будущем, за надлежащее исполнение своих юридических обязанностей и гражданского долга².

Автономный и **ответственный человек**, как убедительно подчеркивает С. И. Максимов, представляет собой субъект, на существование которого ориентируется право. Именно человек, осуществляющий свое право на самореализацию, является основополагающим условием существования и гражданского общества, и правового государства. Как субъект правового общества он возникает **в мундире гражданина**. Гражданин, в отличие от обычного подданного, имеет возможность и способность свободного выражения своей воли. Ему присущи достоинство и мужество, готовность стать на защиту ценностей свободного общества. У него есть **гражданская ответственность**, и его правосознание принципиально отличается от просто закономерного сознания члена неправового общества³.

Приведенные выше аргументы в пользу позитивной юридической ответственности человека представляются в целом достаточно убедительными. Сама идея, концепция позитивной юридической ответственности является продуктивной, хотя она еще не нашла своих исполнителей в полном, наиболее широком, всестороннем и глубоком варианте

¹ Рабінович П., Сушинський О. Юридична відповідальність: загальнотеоретичні проблеми: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: www.nbuv.gov.ua/portal/soc-gum/vtd/2009_2.pdf

² Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 204, 206, 208.

³ Максимов С.І. До проблеми правової людини // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників Другого всеукраїнського «круглого столу». – Львів: Край, 2007. – С. 173–174.

ее исполнения. Тот факт, что ряд ученых-юристов «зациклились» лишь на одном достигнутом уровне познания юридической ответственности человека как правового явления, на ее негативном разумении, не может быть препятствием на пути дальнейшего исследования данной проблематики. Перспективность этих исследований, как думается, в первую очередь обусловлена необходимостью выявления и обоснования закономерностей в механизме общественной саморегуляции, что позволит в определенной мере расширить сферу позитивной ответственности субъектов общественных отношений в контексте требований социальных норм вообще и юридических норм в частности.

Усиленное внимание ученых-юристов к анализируемой научной проблеме не привели к выработке единого подхода к разумению понятия и сущности позитивной (перспективной) юридической ответственности человека. В этом вопросе наблюдается многообразие суждений и оценок. Д. А. Липинский сделал весьма удачную попытку их обобщения, подчеркнув, что за четыре последних десятилетия уровень разработки проблем юридической ответственности человека продвинулся далеко вперед. От понимания позитивной ответственности как осознания долга осуществлен переход к исследованию ее нормативной основы и не только психологических, но и сущностных объективных характеристик. Заслуживают поддержки выделенные ученым следующие концепции разумения позитивной юридической ответственности человека: 1) позитивная юридическая ответственность – осознание человеком долга, чувство ответственности; 2) позитивная юридическая ответственность – обязанность человека дать отчет о своих деяниях; 3) позитивная юридическая ответственность – обязанность человека соблюдать предписания, требования правовых норм (обязанность действовать правомерно, требование по соблюдению правовых норм); 4) позитивная юридическая ответственность – статусная ответственность человека; 5) позитивная юридическая ответственность – правопослушное поведение человека; 6) позитивная юридическая ответственность – поощрительная позитивная юридическая ответственность человека; 7) позитивная юридическая ответственность – добровольная форма реализации юридической ответственности человека¹. Думается, что есть основания выделить еще один вид концепции позитивной юридической ответственности – **синтезированные (интегрированные) концепции**. Рассмотрим их в обозначенном порядке.

Позитивная юридическая ответственность – осознание человеком чувства долга, чувство ответственности (С. С. Алексеев, В. С. Венедиктов, В. И. Курляндский, В. Г. Смирнов, Ф. Н. Фаткуллин, А. П. Чугаев и др.).

Понимание позитивной юридической ответственности человека, как полагает В. Н. Фаткуллин, сводится к идентификации ее как феноме-

¹ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – С. 15–42.

на осознания человеком правовых свойств своих действий (бездействия), соотнесение их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за них перед государством и обществом¹. Не соглашаясь с таким разумением юридической ответственности человека в общем, Д. А. Липинский все же отметил его позитивную роль на пути к исследованию вопросов о субъективных признаках позитивной юридической ответственности. Позитивная юридическая ответственность личности существует в единстве своих объективных и субъективных признаков. К субъективным признакам юридической ответственности он относит: осознание человеком правовых норм, обязанностей, выработка по отношению к ним внутреннего психического отношения, стремление совершать определенные действия, мотивы, цели, эмоции².

С. С. Алексеев заключил, что юридическая ответственность человека в позитивном аспекте предусматривает суровое, совершенно инициативное исполнение своих обязанностей или осмысление лицом собственной обязанности перед обществом, разумение в свете этой обязанности содержания и значения собственных деяний, корректирование своих деяний с возложенными на него обязанностями, вытекающими из общественных связей человека³.

Изложенный выше подход к пониманию позитивной юридической ответственности отвергается многими учеными юристами. К примеру, Е. А. Носкова возразила против трактования позитивной юридической ответственности как осознание долга и чувства ответственности. Она убеждена, что принятие такой позиции приводит к тому, что субъект, выполняющий свои обязанности из страха наказания, не должен признаваться действующим ответственно. Мотивы его поведения не заслуживают одобрения, и потому само правомерное поведение должно быть наказуемо⁴.

Позитивная юридическая ответственность – обязанность человека дать отчет о своих деяниях (К. С. Бельский, Т. Д. Зражевская, И. М. Зайцев, В. А. Рibaков, В. А. Тархов).

Согласно данной концепции позитивная юридическая ответственность человека – это урегулированная правом его обязанность дать отчет о своих деяниях, в первую очередь, самому себе, независимо от того будет ли по этому отчету привлечение его к юридической ответственности.

Д. А. Липинский не согласился с отождествлением позитивной (перспективной) юридической ответственности человека с юридической об-

¹ Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. - Казань: Изд-во Казан. ун-та., 1987. – С. 265

² Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – С. 16.

³ Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – С. 371.

⁴ Носкова Е.Н. Позитивная юридическая ответственность / под общей ред. Р.Л. Хачатурова. – Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2003. – С. 19 – 20.

язанностью, приведя следующие аргументы. *Первый*, что юридическая обязанность человека – вид и мера должного или требуемого поведения. В основе обязанности лежит юридически закрепленная необходимость. Одна обязанность не может характеризовать всю ответственность человека в целом. Она не может существовать без своей основы – правовой нормы, но и правовая норма не характеризует ее полностью и не исчерпывает понятие добровольной ответственности. *Второй*, что юридическая обязанность, как и все право, рассчитано прежде всего на осознанное и волевое поведение человека. Это осознание выражается через позитивное психическое отношение, но не сводится к последнему, так как позитивное отношение должно опредметиться в реальном правомерном поведении человека. Чувство долга, ответственности, позитивное психическое отношение не есть сама ответственность – ***это субъективная сторона правомерного и ответственного поведения***. Субъективной стороны не может быть без ее объективной основы, статического выражения юридической ответственности человека. *Третий*, юридическая ответственность человека не тождественна обязанности, поскольку эта обязанность реализуется в осознанном, волевом правомерном поведении человека – внешнем выражении ответственности. Динамика добровольной юридической ответственности начинается с момента реализации человеком юридической обязанности. *Четвертый*, правомерное поведение человека осуществляется в рамках регулятивных правоотношений. Как и в любом правоотношении, обязанности субъекта неизбежно сопутствует соответствующее право¹.

Объявление ответственностью обязанности совершить предусмотренные законом действия, утверждает Н. С. Малеин, ведет, с одной стороны, к удвоению терминологии: одно и то же явление одновременно именуется и обязанностью, и ответственностью, а с другой, также вносит неясность в терминологию: ответственностью называется и сама обязанность, и последствия ее неисполнения².

В. В. Мальцев высказался категорически против проанализированных выше двух концепций позитивной юридической ответственности. Согласно его позиции, категории «долг», «убежденность», «обязанность перед обществом» в контексте этой ответственности наполнены лишь нравственным содержанием. Поэтому, опеределение юридической ответственности через эти категории нравственного и морального порядка выводит из ее содержания правовую сущность и размывает рамки позитивной ответственности³.

Позитивная юридическая ответственность – обязанность человека соблюдать предписания, требования правовых норм

¹ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – С. 35.

² Малеин Н. С. Правонарушения: понятия, причины, ответственность. – С. 131.

³ Мальцев В. В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность. – С. 159.

(обязанность действовать правопослушно, соблюдать требования правовых норм) (Б. Т. Базылев, Д. И. Бернштейн, В. С. Епанешников, В. Н. Кудрявцев, П. Е. Недбайло, М. С. Строгович, Р. Л. Хачатуров, Р. Г. Ягутян и др.). Так, М. С. Строгович писал, что юридическая ответственность – это прежде всего ответственное отношение человека к своим обязанностям, ответственность за правильное исполнение лицом возложенных на него законом обязанностей, то есть ответственность в ее позитивном значении¹.

Позитивная юридическая ответственность по Б. Т. Базылеву – обязанность субъекта общественной жизни соблюдать предписания правовых норм, которая должна реализоваться в реальном правомерном поведении субъекта права². Обязанность – констатировал Н. И. Матузов – есть конкретная, (нормированная) форма выражения ответственности³.

Р. Л. Хачатуров и Р. Г. Ягутян также усматривают в понятии позитивной юридической ответственности долг, обязанность человека действовать правопослушно⁴.

По мнению П. Е. Недбайла, юридическая ответственность – это обязанность человека действовать правомерно. Главным видом юридической ответственности человека является позитивная ответственность, социальное содержание которой состоит в деятельности, отвечающей объективным требованиям данной конкретной ситуации и объективно обусловленная идеалами времени. В содержание позитивной юридической ответственности человека входит ее самостоятельная и инициативная деятельность в рамках правовых норм и тех идеалов, для достижения которых эти нормы созданы. Без исследования «позитивной» ответственности невозможно понять и ответственность «негативную»⁵.

М. С. Кельман и А. Г. Мурашин пришли к выводу, что в позитивном значении юридическая ответственность является абсолютным отношением, представляющим собой добросовестное исполнение человеком своих обязанностей перед гражданским обществом, правовым государством, коллективом людей и отдельным человеком. Другими словами – это ответственное отношение человека к исполнению обязанностей⁶.

Г. В. Мальцев ввел в научный оборот понятие **«юридически ответственный гражданин»**, который должен: а) честно и добросовестно, аккуратно выполнять все, что предписано законами государства

¹ Строгович М.С. Сущность юридической ответственности. – С. 73.

² Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. – С. 26.

³ Конституционный статус личности в СССР / под ред. Н.В. Витрука, В.А. Масленникова, Б.Н. Топорнина. – М.: Юрид. лит., 1980. – С. 214.

⁴ Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. – С. 14.

⁵ Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Известия ВУЗ «Правоведение». – 1971. – № 3. – С. 50–52.

⁶ Кельман М.С., Мурашин О.Г. Загальна теорія держави і права: підручник. – К.: Кондор, 2008. – С. 324.

или основанных на законах актами государственных органов; б) быть способным к юридической оценке своих деяний, в той или иной определенной законом форме отвечать за последствия своих поступков¹.

Позитивная юридическая ответственность – статусная ответственность человека (Б. Т. Базылев, Н. И. Матузов, А. С. Мордовец, Е. В. Черных и др.). Как утверждают представители данного взгляда, позитивная юридическая ответственность является элементом правового статуса человека как ответственность за надлежащее и правильное исполнение возложенных на него обязанностей. Статусная ответственность человека постоянно находится и реализуется в составе общих статусных правоотношений. Через ответственность человек связан с обществом и государством. Это типичная общая связь, отражающая взаимные права и взаимные обязанности. Человек и государство, таким образом, находятся в состоянии взаимной ответственности. Статусная ответственность является позитивной ответственностью, то есть ответственностью за надлежащее исполнение человеком своих обязанностей, нравственно-правовой обязанности. Статусная ответственность – отмечает – Н. И. Матузов, – это и есть позитивная ответственность, т. е. ответственность за надлежащее исполнение человеком своих обязанностей, морально-правового долга².

Обращает на себя внимание позиция Е. В. Черных по этому вопросу. Установление единой ответственности – пишет она – имеет место до факта правомерного или противоправного поведения человека, до его оценки как ответственного, или безответственного. Она представляет собой общее требование для всех субъектов права, руководство к действию, к правильному исполнению правовых предписаний, является ориентиром должного поведения и критерием его оценки. Согласно логике еще до реакции на юридически значимое поведение, до его оценки как ответственного или безответственного государство должно установить, какие субъекты, при каких условиях, за что и в каком объеме несут ответственность, а также каковы будут последствия положительного (позитивного) или отрицательного отношения к правовым установкам государственной власти³.

Статутная ответственность – отмечают Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский – это объективно обусловленная, установленная законом и охраняемая государством обязанность (необходимость) соблюдения правовых предписаний участниками правоотношений, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера. В ста-

¹ Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). – М.: Юрид. лит., 1968. – С. 31.

² Матузов Н.И. Правовая система и личность. – С. 214.

³ Черных Е.В. О нормативном характере юридической ответственности // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы современного государства и права: межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 1 (10). – Саратов: СГАП, 1998. – С. 80–83.

тусной ответственности нормативно закреплены как добровольная, так и государственно-принудительная формы реализации юридической ответственности. На их взгляд, именно такая постановка вопроса отвечает современным потребностям правового регулирования общественных отношений, так как добровольная форма реализации юридической ответственности без закрепления в нормах права государственно-принудительной формы оказывается беззащитна, а государственно-принудительная форма реализации ответственности без добровольной – бессмысленна¹.

Позитивная юридическая ответственность – правомерное поведение человека (А. А. Анферов, З. А. Астемиров, В. Г. Лазарев, В. Т. Федорова, А. А. Чистяков, А. П. Чирков и др.). Сущность позитивной юридической ответственности, по убеждению приверженцев данной концепции, состоит не в обязанностях человека соблюдать закон, не в правах и обязанностях человека и государства, а в его ответственном правомерном поведении. В частности, М. В. Лазарев и В. Г. Федорова утверждают, что позитивная правовая ответственность именно и есть ответственное отношение дееспособных субъектов к своему юридически значимому и подотчетному поведению. Содержанием и позитивной и негативной юридической ответственности является **правомерное** поведение сторон отношения юридической ответственности².

В названии этой концепции обращает на себя внимание понятие «правомерное поведение человека», употребление которого в контексте содержательно-позитивной части анализируемой концепции представляется некорректной. Элементарная логика подсказывает, что более целесообразным и этимологически точным словосочетание **«правопослушное поведение человека»**, а не **«правомерное поведение человека»** ибо термин «правомерное» означает такое поведение человека, которое может быть «измерено» с помощью правовых норм, а точнее закрепленных в них признаков такого поведения человека. В правовых нормах, как известно, закреплены не только признаки позитивного (правопослушного) поведения человека, но и, в первую очередь, признаки его противоправного поведения. Например, признаки административного проступка или преступления. Необходимо также заметить, что содержание научных работ, суждений относительно применяемого учеными понятия «правомерное поведение» дает основания утверждать, что под этим понятием безосновательно понимается исключительно правопослушное поведение человека.

Позитивная юридическая ответственность – поощрительная ответственность человека (И. Е. Звечаровский, Д. А. Ли-

¹ Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. – С. 40-41.

² Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография. – Волгоград: Изд-во Вол. ГУ, 2005. – С. 52.

пинский, Н. М. Онищенко, Б. Т. Разгильдиев, З. С. Шадия). Согласно этой концепции, позитивная юридическая ответственность человека может быть основанной на праве, если она прямо предусмотрена в норме права, предоставляющей гражданам право на совершение четко определенных действий для защиты от противоправных посягательств. Действие поощрительных правовых норм, таким образом, связано с правопослушным поведением человека, которое упомянутые выше авторы называют в этом случае позитивной ответственностью. Так, Н. М. Онищенко полагает, что позитивная юридическая ответственность – это вид юридической ответственности, представляющий собой соответствующую реакцию государства и общества на осуществленное общественно полезное правомерное деяние человека в виде применения разных мер правового поощрения: а) личного характера (вынесение благодарности, присвоение почетного звания); б) имущественного характера (денежная премия, вручение ценного подарка); в) организационного характера (повышение в должности)¹.

Ряд ученых, приверженцев поощрительной позитивной юридической ответственности, выделяют такие ее виды ***в зависимости от категории заслуг и сферы реализации***:

- наградительная ответственность – этот вид позитивной ответственности – за особые заслуги, имеющие самую большую степень социальной полезности или представляющие собой выдающиеся результаты в важных сферах человеческой жизнедеятельности;

- поощрительная ответственность в сфере уголовно-исполнительного права – применяется к лицам, подпадающим под деяние уголовного наказания, но которые за заслуги или долгосрочное добросовестное исполнение ими своих юридических обязанностей получают право на досрочное или частичное освобождения от дальнейшего отбывание наказания;

- позитивная ответственность в сфере трудового права – применяется работодателем к работнику за добросовестное исполнение трудовых обязанностей или перевыполнение трудовой нормы и выражается, например, в виде денежной премии, награждения почетной грамотой и т.п.;

- дисциплинарная позитивная ответственность – применяется за соблюдение соответствующей дисциплины, точность и скорость выполнения указаний и т.п. на государственной, военной службе, а также может быть установлена в правилах внутреннего трудового распорядка;

- финансово-экономическая позитивная ответственность – применяется в сфере осуществления экономической деятельности со стороны государства к разным бизнес-структурам, индивидуальным предпринимателям и другим хозяйственным субъектам за достижение ими высоких экономических показателей, высокую активность в сфере благотвори-

¹ Онищенко Н. Юридична відповідальність: теоретично-правовий аналіз природи та сутності. – С. 31.

тельности, за общую реализацию государственных национальных проектов и т.п.¹

Позитивная юридическая ответственность – добровольная форма реализации юридической ответственности человека (В. Н. Кудрявцев, Д. А. Липинский, В. А. Номоконов, В. В. Похмелкин и др.). Приверженцы данной концепции различают две формы юридической ответственности человека: а) позитивную (перспективную) – добровольную форму юридической ответственности и б) негативную (ретроспективную) – принудительную форму реализации юридической ответственности.

Синтезированные (интегрированные) концепции разумения позитивной юридической ответственности человека (Н. В. Витрук, А. Ф. Закомлистов, М. С. Кельман, Д. А. Липинский, О. Э. Лейст, А. С. Мордовец, А. Г. Мурашин, А. Т. Панов, Л. Б. Смирнова, М. С. Строгович, В. А. Шабалин и др.).

Нельзя не отметить, что **нередко ученые-юристы** характеризуя, в разное время, позитивную юридическую ответственность человека, и **отмечая некоторые ее признаки, высказались, также в пользу иных концепций ее разумения**. В этом случае ученые акцентируют внимание не на одном каком-то признаке, а на нескольких признаках, которые, по их убеждению, наиболее точно отражают феномен юридической ответственности человека. Этот вид концепций, как уже указывалось выше, условно можно назвать **синтезированными (интегрированными)**. Так, Д. А. Липинский обратил внимание на позитивную юридическую ответственность человека как на обязанность, а также на ее нормативность по объективному содержанию, правопослушность поведения, добровольность по субъективному содержанию.

Л. А. Морозова пишет, что позитивная юридическая ответственность является сознательным исполнением человеком разных обязанностей (юридических, нравственных, иных), пониманием своей обязанности перед окружающими². Подобной является также позиция Л. Б. Смирнова, который, исходя из того, что правом регулируется не только поведение, но и внутренний духовный мир человека, определил, что позитивная правовая ответственность предусматривает такое отношение человека к обществу, государству, другим людям, которое включает эмоционально-психическое осмысление и рациональное осознание им своего гражданского долга перед обществом, государством, другими людьми, а также готовность действовать в соответствии с этой личностной установкой³.

¹ Оніщенко Н.М., Тараконич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах. – С.38-39.

² Морозова Л.А. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2002.– С. 336.

³ Смирнов Л.Б. Юридическая ответственность осужденных в пенитенциарных учреждениях (теоретико-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб.: 1995. – С. 10.

А. Ф. Закомлистов пишет, что под позитивной (перспективной, активной) юридической ответственностью понимаются определенное внутреннее состояние индивида, его отношение к порученному делу, обществу, государству, своему поведению (в настоящем и будущем), чувству самодисциплины, сознательности¹.

О. Э. Лейст подчеркнул, что позитивную ответственность человека необходимо понимать как ответственность, основанную на правотворчестве. Она может быть конститутивной, функциональной и персональной. В частноправовом варианте она выражена в феномене гражданской ответственности, имеющую ярко выраженную ориентацию на идейно-политическое содержание задач государства и общества².

М. С. Кельман и А. Г. Мурашин полагают, что в позитивном значении юридическая ответственность является абсолютным отношением, представляющим собой добросовестное исполнение человеком своих обязанностей перед гражданским обществом, правовым государством, коллективом людей и отдельным лицом. Другими словами – это ответственное отношение к исполнению обязанностей³.

А. Т. Панов, В. А. Шабалин, рассматривают правовую ответственность также в личностном плане как определенное отношение личности к правовым требованиям, выраженное ею в конкретных деяниях и соответствующим образом оцениваемое государством и самой личностью⁴. В этом случае как, видно, речь идет о синтезированном (интегрированном) понимании понятия «ответственность» как единство ее двух элементов: негативного (ретроспективного) и позитивного (перспективного). Конкретный результат оценки – позитивный или негативный – зависит от человека и государства.

А. С. Мордовец, соотнося понятие поощрительной позитивной юридической ответственности человека и правового долга, утверждает, что понятие правового долга является более широким нежели понятие правовой обязанности. «Долг – это своего рода объективная обязанность. Однако понятие обязанности, в отличие от долга, имеет более конкретный характер... Позитивная юридическая ответственность предполагает самостоятельное, добросовестное, активное выполнение человеком обязанностей, добровольное следование предписаниям норм права. Правовой долг также подразумевает добровольное следование человека требованиям закона, принципам права. И в этом плане активная юридическая ответственность как бы сливается с правовым долгом»⁵.

¹ Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. – С. 310.

² Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому уголовному праву. – С. 234.

³ Кельман М.С., Мурашин О.Г. Загальна теорія держави і права: підручник. – С. 324.

⁴ Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. – С. 83.

⁵ Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – С. 232.

В этом плане И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин, не возражая в принципе против возможности постановки вопроса о позитивной юридической ответственности человека, справедливо заметили, что ответственность в позитивном плане понимается учеными как осознание человеком своего долга перед обществом, классом, коллективом, другими людьми, осознание смысла и значение собственных поступков, согласование их со своими обязанностями, обусловленными общественными связями человека¹.

В числе первых на необходимость обоснования позитивной юридической ответственности человека обратил внимание М. С. Строгович, определивший юридическую ответственность как ответственное отношение человека к своим юридическим обязанностям, как ответственность за правильное исполнение физическим и юридическим лицом — гражданином и должностным лицом, общественной организацией и государственным органом возложенных на них законом обязанностей².

На ответственность человека в позитивном (положительном, активном, перспективном) плане обращает также внимание Н. В. Витрук, который рассматривает ее как осознание личностью смысла и значения собственных поступков, согласование их со **своими правами и обязанностями**, своим долгом в настоящем и в будущем поведении³.

Касаясь вопроса соотношения правового долга и обязанности, Д. А. Липинский считает, что правовой долг — понятие более широкое, нежели юридическая обязанность. Он может воплотиться в поведении субъекта только в результате осознания обязанностей и ответственности. Правовой долг основывается на высоком правосознании, следовательно, и проявляется он не у всех субъектов юридической ответственности⁴.

Назвав подходы ученых к разумению понятия позитивной юридической ответственности через совокупность признаков комплексным, Е. В. Лошенкова обратила внимание на некоторые, на ее взгляд, недостатки таких концепций. Во-первых, утверждает она, юридическая ответственность в представленной трактовке охватывает столь широкий круг правовых явлений, что теряет точные очертания. Если правовая ответственность — это и обязанность, и отношение к ней, и ее исполнение, и поощрение за исполнение, а с учетом ретроспективного аспекта, еще и обязанность претерпеть ограничение прав, и реализация таких правоограничений, то, что же не является юридической ответственностью — вопрошает она. Пожалуй, только правонарушение. Во-вторых, нормальной является ситуация, когда одному термину (термину в одном значении) соответствует одно целостное обособленное явление. Лишь в этом случае

¹ Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. — С. 6.

² Строгович М.С. Сущность юридической ответственности. — С. 73.

³ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. — С. 23.

⁴ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. — С. 19.

теорминология способна выполнять возложенные на ее функции, и только тогда существование термина имеет смысл. В рассматриваемой ситуации за понятием «юридическая ответственность» стоят не одно, а целый ряд правовых явлений. Несомненно, они взаимосвязаны, но эта связь не образует единый феномен. Совокупность явлений, понимаемых под юридической ответственностью, в предлагаемой трактовке, слишком рыхлая. Термин становится громоздким, и оперировать им невозможно. Понятие «юридическая ответственность» утрачивает функциональность¹.

Такой подход Е. В. Лошенковой представляется несколько ущербным. Представители синтезированных (интегрированных) концепций определяют понятие позитивной юридической ответственности как правового явления через совокупность признаков, а не совокупность явлений. Многие понятия в доктрине права определяются таким образом. Например, понятия: «право», «правонарушение», «субъект», «правоотношения» и т.п. Такой подход является вполне оправданным, поскольку дает возможность рассмотреть конкретные правовые явления в разных плоскостях реификации.

Таким образом, в юридической литературе для определения сущности позитивной (перспективной) юридической ответственности человека применены такие, в частности, эпитеты: «чувство ответственности»; «осознание долга»; «обязанность действовать правомерно»; «обязанность соблюдать предписания правовых норм»; «необходимость правомерного поведения»; «активная правомерная деятельность»; «определенное внутреннее состояние лица»; «чувство самодисциплины, сознания»; «добровольная форма юридической ответственности»; «позитивная форма юридической ответственности»; «надлежащее исполнение юридических обязанностей»; «правовой долг»; «правомерное поведение»; «ответственность за правильное исполнение возложенных законами обязанностей»; «ответственное отношение человека к своим юридическим обязанностям»; «ответственное отношение дееспособных субъектов к своему юридически значимому и подотчетному поведению»; «законопослушное поведение»; «добросовестное отношение к исполнению своих обязанностей и качественное их исполнение»; «добросовестное (ответственное) исполнение субъектом своих правовых предписаний»; «сознательное исполнение лицом разных обязанностей (юридических, нравственных и других), разумение своего долга перед окружающими» и т.п.

Думается, что каждое из приведенных выше определений отдельно взятое не дает полного представления о сущности позитивной юридической ответственности человека как социального феномена. Методологически оправданным подходом к анализу сущности юридических понятий, как известно, является синтезированное (интегрированное) определение

¹ Лошенкова Е. В. Позитивная юридическая ответственность: есть ли достаточные основания для ее признания? – С. 443 – 444.

их объективных и субъективных характеристик в их единстве. Вместе с этим, *позитивную юридическую ответственность человека нужно рассматривать не только через призму его юридических обязанностей, а и через призму его прав на правопослушное поведение.*

Исследование позитивной юридической ответственности человека предполагает прежде всего, выявление ее закономерностей. Это, в первую очередь, касается сложного психологического механизма формирования *просоциальных установок* человека. То есть его позитивной готовности, как органического составляющего социума, к системе социальных ценностей.

Таким образом, *позитивная (перспективная)* юридическая ответственность человека — это реализованная им *необходимость* сознательного и добровольного *использования* своего *права, исполнения* обязанности, *соблюдения* запрета, содержащихся в правовых нормах.

2.2.1. Основания и стадии позитивной (перспективной) юридической ответственности человека

Учитывая подчеркнутое выше определенное единство права естественного и права позитивного, объективного, думается, что понятие «основание ответственности» человека следует употреблять в трех значениях. В этом контексте целесообразно выделять такие три основания позитивной (перспективной) юридической ответственности: 1) социально-этическое (нравственное, моральное); 2) нормативно-правовое; 3) фактическое.

1. Социально-этическое (нравственное, моральное) основание главным образом сводится к тому, что человек как член общества соответствующего социума, будучи наделен разумом, совестью, свободой и силой воли, в интересах собственной и общественной безопасности, безопасности других лиц, должен уважать права и свободы других членов общества или соответствующего социума, ответственно относиться к общественным и государственным интересам.

2. Нормативно-правовым основанием позитивной (перспективной) юридической ответственности человека является норма права, содержащая в себе четко выраженное предписание, государственное веление (волю) относительно характера поведения человека в конкретных условиях общественной реальности: право, обязанность, запрет, поощрение относительно определенного социально значимого деяния человека при определенных условиях окружающей действительности.

3. Фактическим основанием позитивной (перспективной) юридической ответственности является деяние человека, содержащее в себе

состав его правопослушного поступка: объект; объективная сторона; субъект; субъективная сторона.

Е. Н. Носкова определила особенности объективной и субъективной сторон позитивной (перспективной) юридической ответственности человека. Объективная сторона позитивной (перспективной) юридической ответственности проявляется в обязанности человека сопоставлять свое поведение с предписаниями норм права, обязывающих, поощряющих или запрещающих те или иные его деяния; в обязанности рационально подходить к реализации своих полномочий, предусматривать неблагоприятные для общества последствия и предотвращать их, используя все возможные правомерные средства. С субъективной стороны – позитивная юридическая ответственность представляет собой психическую направленность человека, его сознания на совершение правомерных деяний и включает в себя как элементы: позитивное психическое отношение человека к своему поведению в сфере права и его последствиям, которые, в свою очередь, характеризуются сознанием и волей, а также мотивами, целями, эмоциями¹.

Определение объективной стороны позитивной (перспективной) юридической ответственности человека только через обязанность представляется дискуссионным. Выше уже отмечалось, что нормативное государственное веление (воля) выражается, в зависимости от конкретных условий поведения человека, через: право, обязанность, запрет, поощрение.

Прогнозирование человеком возможности возникновения опасных для общества последствий характеризует его интеллектуальную готовность, которая касается уже субъективной стороны, то есть психической деятельности субъекта. Непонятным при этом является указание на обязанность использовать «все возможные правомерные средства» для предотвращения неблагоприятных для общества последствий.

Объектом позитивной (перспективной) юридической ответственности человека являются особо ценные общественные отношения, охраняемые нормами права.

Объективная сторона позитивной (перспективной) юридической ответственности, как думается, проявляется в правопослушных общественно-полезных или общественно-приемлемых деяниях человека как субъекта общественных отношений.

Субъектом позитивной (перспективной) юридической ответственности является физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста соответствующего вида юридической ответственности, а также, в ряде случаев – юридическое лицо.

Субъективная сторона – в осознании человеком необходимости, целесообразности и полезности предоставленного ему права, установленной обязанности, запрета, поощрения и значимости его правопослушного

¹ Носкова Е.Н. Позитивная юридическая ответственность. – С. 57.

поведения. Стержнем субъективной стороны позитивной (перспективной) юридической ответственности является стабильная психическая просоциально-правовая установка человека как субъекта общественных отношений к поведению, отвечающая предписаниям правовых норм. То есть к поведению, находящемуся под контролем его сознания. Свобода воли находит свою материализацию через установки человека – его своеобразные внутренние принципы, шкалу оценки окружающей действительности и принятие решений относительно варианта поведения в соответствующих условиях этой действительности. Поэтому акт поведения человека является воплощением, выражением связи его внутреннего и внешнего мира.

Обзор позиций ученых относительно определения сущности позитивной (перспективной) юридической ответственности человека позволил предложить следующее понятие позитивной (перспективной) юридической ответственности. **Позитивная (перспективная)** юридическая ответственность – это добровольное и сознательное подчинение поступков человека как субъекта общественных отношений предписаниям юридических норм, содержанием которых является государственное веление (воля) относительно соответствующего характера его поведения в конкретных условиях общественной реальности: право, обязанность, запрет, поощрение.

Позитивная юридическая ответственность реализуется через правопослушное поведение человека как субъекта общественных отношений (физических, юридических лиц). При этом право и поощрение выступают в форме государственного веления-разрешения человеку на совершение определенных деяний, определенное поведение. Собственно через поведение человека можно выделить следующие уровни реализации позитивной юридической ответственности: 1) социально-активный; 2) обычный; 3) конформистский; 4) маргинальный.

Социально-активный уровень – это наивысший уровень ответственного правопослушного поведения человека, твердо убежденного в общественной полезности, целесообразности, необходимости его активного правопослушного поведения в интересах социума. Этот уровень присущ патриотически настроенным просоциальным субъектам общественных отношений. В этом случае в значительной степени проявляется утверждение С. И. Максимова относительно того, что превращение «... очевидностей правосознания (правовых смыслов) в установки индивидуального сознания, и, более того, правового этноса, есть **путь трансформации концепции правовой реальности в личную реальность**, внутренний опыт права, когда бытие в мире права становится способом индивидуального бытия человека. Если человек осилит «смысл права», тогда вся сложная система правовой символики (предметный мир права) окажется не «книгой за семью печатями», а **путеводителем по лабиринтам права**»¹.

¹ Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – С. 318.

Обычный уровень – когда человек подчиняет свое поведение общепринятым, общепризнанным, обычным представлениям о добре и зле, правопослушном или противоправном характере поведения на общебытовом уровне. В этом случае не требуется весьма продолжительных раздумий, продолжительного мотивационного выяснения. **Сила привычки** человека здесь является доминирующей детерминантой его поведения.

Конформистский уровень – это приспособленческое, пассивное правопослушное поведение человека как субъекта общественных отношений, детерминированное, главным образом, внешним давлением на него властного социально-нормативного комплекса, механизма его применения и социальной среды. Конформистское поведение человека не является добровольным. Нередко человек подчиняет свое поведение внешнему, воображаемому или реальному давлению, не соглашаясь в душе со справедливостью таких требований. В этом случае поведение человека как субъекта общественных отношений может проявляться через одобрение, уступчивость, безапелляционное подчинение в интересах собственного комфортного состояния. Обратной стороной конформизма является **нонконформизм** – активное поведение человека как субъекта общественных отношений, проявляющееся в оказании сопротивления внешнему давлению на него. Конструктивный нонконформизм служит инструментом усовершенствования, развития общественных отношений. Неконструктивный нонконформизм – путь к социальным конфликтам, противоправному поведению, а следовательно – к социальной, правовой безответственности.

Маргинальный уровень – наиболее низкий по порядку и содержательной частью уровень правомерного поведения человека. Его индивидуальное правосознание не основывается на требованиях (волевых предписаниях) правовых норм. То есть оно формально правопослушное под воздействием определенных внешних социальных факторов. Оно не добровольное, а вынужденное. Сам человек психологически настроен на противоправное поведение, находится на грани между правопослушным и противоправным поведением. Он, как правило, не доволен своим положением, главной причиной которого считает нерациональность имеющейся системы управления обществом, несовершенство государственной власти. На этой почве такой человек потенциально склонен к восприятию консервативных, антисоциальных радикальных идей и концептов, авантюрного, агрессивного антисоциального поведения, угрожающего общественному порядку и общественной безопасности. К тому же, он нередко выступает подстрекателем, активным участником массовых акций непокорности власти.

Стадии позитивной (перспективной) юридической ответственности человека. Можно условно выделить такие ее стадии:
а) **возникновение** ответственности – с момента подчинения поведения

человека предписаниям правовых норм, содержанием которых является государственное веление (воля) относительно характера его соответствующего поведения: право, обязанность, запрет, поощрение; б) **продолжение** ответственности – время, на протяжении которого поведение человека подчинено предписаниям правовых норм; в) **прекращение** ответственности – совершение человеком правонарушения, отмена нормы (норм) права как правового основания этой юридической ответственности, смерть человека.

2.3. Понимание феномена юридической ответственности человека в его негативном (ретроспективном) значении

Заметим, что ученые не пришли к единому мнению относительно этого вопроса. Разнобой их взглядов многообразный. Наиболее известными в общей теории права, как представляется, являются такие разумения (концепции) феномена юридической ответственности человека в ее негативном (ретроспективном) значении: 1) юридическая ответственность человека – правоотношение; 2) юридическая ответственность человека – наказание; 3) юридическая ответственность человека – реализация санкции; 4) юридическая ответственность человека – определенная государством его способность давать отчет относительно собственного противоправного поведения и претерпевать меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения принадлежащих ему благ; 5) юридическая ответственность человека – следствие, мера государственного принуждения за совершенное им правонарушение; 6) юридическая ответственность человека – его правовая обязанность, возникающая из факта совершенного им правонарушения; 7) синтезированные (интегрированные) концепции разумения сущности и понятия юридической ответственности человека.

Необходимо заметить, что приверженцы каждой из названных выше разумений (концепций) негативной (ретроспективной) юридической ответственности часто также не единодушно в выяснении подходов к определению их содержательной части, порой **отдельные ученые, как увидим далее, являются приверженцами нескольких названных концепций**, что в данном случае не являются специальной, доминирующей целью исследования. В целом содержание названных выше концепций сводится к следующему.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека – правоотношение (С. С. Алексеев, Б. Т. Базылев, А. С. Булатов, И. А. Галаган, Н. И. Загородников, М. С. Кельман, О. Э. Лейст, А. Г. Мурашин, И. Н. Сенякин и др.). В этом случае юри-

дическая ответственность человека рассматривается как системное образование разных видов охранительных правоотношений. Необходимо заметить, что понятие охранительных правоотношений было внедрено в научную практику Н. Г. Александровым еще в 1955 году. Он писал, что эти отношения возникают между правонарушителем и соответствующими компетентными органами государства с целью применения к нему определенных санкций¹. На этой основе возник концепт связи юридической ответственности с охранительными правоотношениями, что впоследствии привело к отождествлению юридической ответственности с правоотношениями, субъектами которых выступают государство в лице его компетентных органов, правонарушитель и потерпевший.

Субъекты вступают в *регулятивные* правоотношения с момента вступления в силу соответствующего закона или законов, определяющих виды и меры юридической ответственности. В этих правоотношениях каждый из субъектов имеет свои права и обязанности, неисполнение которых находится под потенциальной угрозой юридической ответственности.

В случае выхода субъекта за пределы прав или неисполнение обязанности, то есть совершение правонарушения, возникают качественно новые правоотношения – *охранительные*. Далее общие охранительные правоотношения перерастают в конкретные, индивидуально определенные правоотношения ответственности, реализующиеся в материально-правовой, процессуально-правовой и исполнительно-правовой формах. Результатом такого развития событий является наступление для правонарушителя предусмотренных законом неблагоприятных последствий, в частности, лишений, ограничений, дополнительных обязанностей.

С. С. Алексеев относительно анализируемой концепции заметил, что юридическая ответственность человека представляет собой правовое явление (последствие), которое имеется и реализуется в рамках особого, динамического охранительного правоотношения, когда правонарушитель фактически несет обязанность претерпеть определенные лишения штрафного характера².

Б. Т. Базылев по этому поводу писал, что юридическая ответственность это динамическое правовое отношение, через которое (в рамках которого) реализуется правовая норма ответственности. Она представляет собой негативную, охранительную, более точно – карательную правовую связь. Правоотношение ответственности возникает на основании и с момента совершения правонарушения как взаимная связь права государства подвергнуть наказанию правонарушителя с его обязанностью подвергнуться наказанию. Будучи порожденной правовой нормой ответ-

¹ Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 91-92.

² Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. –Т. 1. –Свердловск: Изд-во СЮИ, 1972. – С. 381–384.

ственности и фактом правоотношения, юридическая ответственность в дальнейшем своем развитии обеспечивается активной процессуальной формой, то есть комплексом тех процессуальных отношений, которыми она «обрастает»¹.

Соглашаясь в основном с мнением Б. Т. Базылева, необходимо заметить, что юридическая ответственность человека **«обрастает»** не только процессуальными, но и исполнительными отношениями, а относительно уголовной ответственности – еще и отношениями судимости.

Заслуживает внимания обобщающий вывод, сделанный В. Г. Лазаревым и В. Г. Федоровой. Взгляд на юридическую ответственность человека как на правоотношение заметно обогатил и методологию ее исследования, – отмечают они. Это объясняется тем, что любое правоотношение выполняет в механизме правового регулирования такие функции, как, во-первых, фиксирование круга лиц, на которых в тот или иной момент распространяется действие данных юридических норм; во-вторых, закрепление конкретного варианта поведения, которому должны или имеют право следовать лица, оказавшиеся в той или иной юридически значимой ситуации; в-третьих, приведение в действие специальных юридических средств обеспечения субъективных прав и правовых обязанностей. Кроме того, считают они, появилась теоретическая возможность выявить и проанализировать в рамках одной категории такие компоненты юридической ответственности человека, как штрафные санкции, наказание, принуждение к исполнению наказания, субъективные права и обязанности, юрисдикционное правоприменение и фактическое поведение участников отношений юридической ответственности и др.²

Как считает О. Э. Лейст, юридическая ответственность человека – это взятые в динамике правовые отношения между правонарушителем (или лицом, обвиняемым в правонарушении) и государственными органами (в определенных случаях – потерпевшим от правонарушения). Основные вопросы, которые решаются в рамках этих отношений, – наличие или отсутствие правонарушения, необходимость применения санкции и определение в ее рамках конкретных правоограничений, обязанностей правонарушителя (или освобождение от ответственности), реализация этих обязанностей и правоограничений. Ответственность человека осуществляется на основе материально-правовых норм, но ее динамика определена процессуальными нормами, которые в ряде стадий ответственности будто выступают на передний план³. И в этом случае следует помнить о исполнительных отношениях и отношениях судимости – применительно к уголовной ответственности.

¹ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. – С. 96.

² Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография. – С. 51–52.

³ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому уголовному праву. – С. 170.

М. С. Кельман и А. Г. Мурашин полагают, что ретроспективная юридическая ответственность человека – это «правовые отношения, но конкретные, индивидуализированные, возникающие на основании правонарушения»¹.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека – наказание (И. А. Галаган; Н. А. Духно; В. И. Ивакин; Н. С. Малеин; А. П. Чирков и др.). Представители данной концепции сводят юридическую ответственность человека к наказанию, утверждая, что наказание правонарушителя собственно и есть его юридической ответственностью. В частности, И. А. Галаган подчеркнул, что вопрос о соотношении ответственности и наказания (взыскания), высказывая большей частью общее мнение выдающихся умов, должен быть решен в пользу их полного отождествления². Определяющим признаком юридической ответственности – отмечают Н. А. Духно и В. И. Ивакин – является наказание. Если говорить о ретроспективной ответственности, то она является испытанием, претерпением лицом неблагоприятных последствий своего противоправного поведения, а с иной стороны – причинение ему этих лишений. В данном случае о юридической ответственности можно говорить лишь в плане наказания³. Другие ученые, возражая против такого подхода к определению юридической ответственности человека, акцентируют на том, что «наказание» и «ответственность» не являются тождественными понятиями. Так, Е. В. Черных сделал обоснованный вывод, что наказание есть существенный, но далеко не единственный элемент структуры механизма юридической ответственности человека⁴.

Уместными в этой дискуссии являются ссылки на действующий Уголовный Кодекс, где как самостоятельные употребляются понятия «ответственность» и «наказание». Необходимо добавить, что наказание присуще лишь уголовному праву. Кроме этого, с исполнением наказания уголовная ответственность человека, как правило, не завершается поскольку за этим идет период судимости лица. Нет сомнения, что наказание является лишь одной из форм уголовной ответственности, о чем будет идти речь в следующем разделе данной работы.

Что касается других видов юридической ответственности, то согласно действующего законодательства можно говорить о правовых взысканиях или санкциях. Например, к нарушителям дисциплины могут применяться взыскания предусмотренные дисциплинарными статутами и

¹ Кельман М.С., Мурашин О.Г. Загальна теорія держави і права: підручник. – С. 324.

² Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1970. – С. 13.

³ Духно Н.А., Ивакин В.И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 12–13.

⁴ Черных Е.В. Юридическая ответственность и государственное принуждение // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 555.

положениями, правилами внутреннего распорядка, в частности, такие из них: замечание, предупреждение, выговор, перевод на другую работу, освобождение с работы или должности, понижение в должности или звании. За совершение административных проступков, по общему правилу, – предупреждение; штраф; платное изъятие предмета, который стал предметом совершения или непосредственным объектом административного правонарушения; конфискация: предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения, денег, полученных вследствие совершения административного правонарушения; лишение специального права (права управления транспортными средствами, права охоты); общественные работы; исправительные работы; административный арест. В качестве гражданско-правовых взысканий, в частности, могут быть применены: лишение правонарушителя определенных благ материального характера, замена неисполненной обязанности новой, присоединение к неисполненной обязанности новой, дополнительной. В конституционном законодательстве к нарушителям предусмотрены, в частности, такие санкции: 1) лишение общего или специального конституционно-правового статуса, досрочное прекращение (лишение) полномочий; 2) ограничение, лишение (изъятие) субъективного конституционного права; 3) переход конституционного полномочия; 4) оценочные санкции; 5) отмена (признание недействительным) юридически значимого результата; 6) отмена, признание неконституционными правовых актов; 7) принуждение к исполнению конституционных обязанностей, 8) конституционно-правовые санкции процедурного характера; 9) конституционно-правовые санкции, имеющие финансовый (имущественный) характер.

Каждый вид конституционно-правовых санкций может применяться как в «чистом» виде, так и в сочетании с другими конституционно-правовыми санкциями. Некоторые санкции по своей природе являются комплексными.

По отношению к государственным органам применяются оценочные конституционно-правовые санкции (выражение недоверия, признание деятельности неудовлетворительной), а также отмена актов, досрочное прекращение полномочий и др.

В зависимости от характера конституционного деликта к должностным лицам могут применяться различные конституционно-правовые санкции: 1) лишение полномочий; 2) ограничение конституционного права; 3) оценочные конституционно-правовые санкции; 4) отмена (признание недействительным) юридически значимого решения; 5) конституционно-правовые санкции процедурного и финансового характера.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека – реализация санкции (С. Н. Братусь, Ю. А. Денисов, А. Ф. Закомлистов, Р. Х. Макуев, И. С. Самощенко, Е. А. Флейшниц, В. Н. Хропанюк, А. С. Шабуров, Л. С. Явич и др.). Ученые, разделяю-

щие такой подход к определению юридической ответственности человека, утверждают, что применение соответствующей санкции за совершенное правонарушение и является юридической ответственностью. Так, еще И. С. Самощенко писал, что юридическая ответственность человека представляет собой не что иное, как реализацию правовых санкций¹. Л. С. Явич также сделал обобщающий вывод, что «в самом простейшем подходе, юридическая ответственность человека – это применение соответствующей санкции нарушенной правовой нормь»². По мнению Е. А. Флейшниц, юридическая ответственность правонарушителя есть применение к нему санкции за нарушение обязанности, вытекающей из правовой нормы³.

А. Ф. Закомлистов пишет, что понятие юридической ответственности человека, которое является традиционным для отечественной юридической литературы, означает, что она представляет собой применение государством санкции в ответ на правонарушение. Сущность санкции состоит в негативной реакции по отношению к виновному лицу, совершившему правонарушение. Такого рода ответственность человека можно охарактеризовать как способ реагирования по отношению к факту правонарушения, это динамическое воздействие следует считать направленным в прошлое, ответственность является в этом смысле ретроспективным отрицанием и публичной государственной акцией⁴. В обществе – образно заключает он – создается своеобразный резервуар нормативного подхода к общественным процессам, в который помещаются результаты социально-аксиологической селекции. Этот резервуар вмещает в себя случаи индивидуальных разрушительных действий и соответствующих санкций как отрицательной реакции на эти действия. Санкция представляет собой установление меры ответственности человека за правонарушение. Определение меры ответственности человека происходит также и за счет внешнего лишаящего воздействия, заключающегося в уменьшении количества или объема блага, которое имеется у правонарушителя⁵.

Несколько отличным является мнение Ю. А. Денисова, подчеркнувшего, что сущность юридической ответственности человека видится в том, что она является применением к правонарушителю меры (мер) государственного принуждения, предусмотренных санкцией правовой нормы⁶.

¹ Самощенко И.С. Вопросы общей теории советского права. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 340.

² Явич Л.С. Право и социализм. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 136.

³ Флейшниц Е.А. Общественная ответственность по основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское госуд. и право. – 1962. – № 3. – С. 35–36.

⁴ Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. – С. 304.

⁵ Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. – С. 252.

⁶ Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и юридической ответственности. – Ленинград: Изд-во Лен. ГУ, 1983. – С. 140.

А. С. Шабуров также понимает юридическую ответственность человека как реализацию санкции¹.

Я. М. Шевченко под понятием «санкция» понимает «любые предусмотренные нормами права неблагоприятные последствия для лица, допустившего противоправное поведение»².

Другие ученые высказались критически относительно разумения юридической ответственности человека как санкции за совершенное правонарушение. Так, Н. А. Боброва и Т. Д. Зражевская, отрицая данную концепцию, отметили, что действительность юридической ответственности человека отнюдь не ограничивается правоохранительным правоотношением, а распространяется на всю сферу деяния права и собственно в этом качестве содействует повышению ее эффективности (позитивный аспект). Санкция, по их мнению, является лишь крайним, конечным выражением, сгустком юридической ответственности человека, но не единственной сферой ее проявления настолько, насколько возможность государственного принуждения лишь в конечном счете стоит за каждой нормой³.

Как видно, концепция «юридическая ответственность человека – реализация санкции» близка к концепции «юридическая ответственность человека – наказание». В общетеоретическом плане она является более совершенной, если исходить с традиционного разумения такой структуры нормы права: гипотеза – диспозиция – санкция. Однако, нельзя сводить юридическую ответственность человека – как только наказанию, так и лишь к применению санкции, потому что эти понятия не отражают в полной мере содержание и формы реализации юридической ответственности человека. Юридическая ответственность человека более широкая по своему смыслу от понятия «наказание» и «применение санкции». Она включает в себе и вопросы квалификации совершенного, доказывание вины и невиновности лица, предупредительные меры, механизм определения «дозы» наказания, освобождение от ответственности и наказания. Следует в частности помнить, что юридическая ответственность человека может реализовываться и без применения санкции вообще и наказания в частности. Для примера, согласно действующему УК Украины, как увидим далее, юридическая (уголовная) ответственность человека возможна и без назначения наказания.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека – определенная государством его способность

¹ Шабуров А.С. Юридическая ответственность // Теория госуд. и права: учебник / под ред. В.Д. Перевалова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 418.

² Шевченко Я.М. Що таке юридична відповідальність? // Юриспруденція. Теорія і практика. – 2011. – № 1 (75). – С. 4.

³ Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантии конституционных норм (государственно-правовые аспекты). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – С. 16.

давать себе отчет о своем противоправном поведении и претерпевать меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения надлежащих ему благ (В. М. Горшенев, В. В. Меньшиков и др.). Рассматривая юридическую ответственность человека с позиций физического и юридического лица, приверженцы данной концепции выходят из оценки его поведения со стороны государства, определяя юридическую ответственность в двух ипостасях: **а) как «статусную» и б) как субъективную**. В первом значении юридическая ответственность человека выступает как правовой институт всех видов правовой ответственности человека, как совокупность определенных законодательством видов, мер, условий, а также порядка государственного принуждения относительно нарушителей правовых предписаний. Как «субъективная» она является конкретным правоотношением между лицом и компетентным органом государства. Так, В. М. Горшенев, связывая эту обязанность лишь с правонарушением, включает юридическую ответственность человека в его статус как важный его компонент, определяя юридическую ответственность человека как **признаваемую государством способность** лица (гражданина, учреждения, органа государства, должностного лица и т.п.) давать отчет о своем противоправном поведении и претерпевать меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения благ, находящихся в его распоряжении¹.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека – мера (средство) государственного принуждения за совершенное правонарушение (С. С. Алексеев, С. В. Бобровник, Ю. А. Денисов, Р. Л. Иванов, О. С. Йоффе, Р. З. Лившиц, Р. Т. Мухаев, Н. М. Онищенко, И. А. Ребане, О. Ф. Скакун, Л. И. Спиридонов, М. Д. Шаргородский и др.). Как утверждают представители данной концепции, мера (средство) государственного принуждения является закономерным результатом совершения лицом правонарушения. Одни из них считают, что осуждение государством деяния правонарушителя и применение к нему предусмотренных законом мер (средств) принуждения в установленном процессуальным законодательством порядке представляют собой юридическую ответственность. Другие еще проще – под юридической ответственностью человека понимают применение к виновным в совершении правонарушений предусмотренных законом мер (средств) принуждения в установленном порядке. Например, С. В. Бобровник заключает, что юридическая ответственность – это применение в особом процессуальном порядке к человеку, совершившему правонарушение, средств государственного принуждения, предусмотренных санкцией правовой нормы².

С. С. Алексеев заключил, что юридическая ответственность человека – это применение к виновному лицу мер государственного принуждения

¹ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 104.

² Бобровник С.В. Юридична відповідальність. – С. 293.

за совершенное правонарушение. При юридической ответственности правонарушитель **«держит ответ»** – претерпевает меры государственного принуждения за свою вину и поэтому испытывает определенных лишений, утрат¹.

По мнению О.Ф. Скакун, юридическая ответственность человека – вид государственного (государственно-правового) принуждения, связанный с лишением нарушителя благ личного, организационного или имущественного характера².

Р. Л. Иванов также считает, что юридическая ответственность человека связана с государственным принуждением, которое может быть как реальным, реализованным, так и потенциальным. Потенциальное принуждение, по его мнению, имеет место тогда, когда правонарушитель добровольно терпит меры юридической ответственности – возмещает причиненный вред, платит штраф и т.п. без вмешательства в этот процесс компетентных органов государства, хотя такая возможность имеется³.

Представляется, что потенциальная угроза применения государственного принуждения всегда присутствует не только в указанном случае Р. Л. Ивановым, но и в других случаях, когда содержанием правового предписания является обязанность или запрет.

Н. М. Онищенко обращает внимание на то, что негативная юридическая ответственность человека – это **особый вид** юридической ответственности, представляющий собой соответствующую реакцию общества и государства на осуществленное личностью виновное, противоправное деяние в форме применения к ней мер государственного принуждения: а) личного характера (лишение свободы); б) имущественного характера (штраф); в) организационного характера (освобождение)⁴.

Р. Т. Мухаев под юридической ответственностью человека понимает применение средств государственного принуждения к правонарушителю за совершенное им противоправное деяние, связанное с обязанностью виновного претерпеть лишения личного или имущественного характера⁵.

В этом контексте актуализируется такое свойство правовой ответственности человека как принуждение, отражающее возможность государственного принуждения к выполнению юридических норм в случае их неисполнения. То есть правовая ответственность человека здесь

¹ Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – С. 74.

² Скакун О.Ф. Теория государства и права. Энциклопедический курс: учебник. – Харьков: Эспада, 2005. – С. 696.

³ Иванов Р.Л. Некоторые вопросы юридической ответственности // Вестник Омского ун-та. – 1998. – Вып. 1. – С. 97.

⁴ Онищенко Н. Юридична відповідальність: теоретично-правовий аналіз природи та сутності. – С. 32.

⁵ Мухаев Р.Т. Теория государства и права: учебник. - 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 489.

выполняет ряд функций, основу которых составляет ее социальное назначение, а содержание последнего состоит, прежде всего, в принуждении к выполнению или же стимулированию к выполнению предписаний норм права.

П. М. Рабинович целиком справедливо обратил внимание на необходимость более широкого разграничения негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека и других видов государственно-правовых мер. Социальной сущностью юридической ответственности человека, — подчеркивает он, — является осуществляемая «руками государства» естественная негативная реакция общества, по крайней мере, той его части, волю которой выражает государство, на нарушение определенных социальных или личных интересов, на «повреждение» определенных социальных или личных благ. От негативной (ретроспективной) юридической ответственности он отличает другие виды мер государственного принуждения, к числу которых относит такие меры: 1) **предупредительные, превентивные** (например, описание имущества лица, признанного обвиняемым в уголовном деле, объявление карантина в местности, где возникла или может возникнуть эпидемия); 2) **правореализационные** (например, принудительное, по судебному решению, взыскание с человека средств (алиментов) на содержание его ребенка); 3) **пресекательные** (например, задержание лица, совершающего хулиганство); 4) **возобновительные** (скажем, исполнение судебного решения, которым руководителю предприятия вменяется в обязанность обязано возобновить на работе безосновательно уволенного им работника); 5) **компенсационные** (например, возмещение материального вреда, причиненного правонарушением)¹.

Следует заметить, что осуждение, как отмечалось выше, является самостоятельной формой юридической ответственности человека и не обязательно должно сочетаться с мерами государственного принуждения.

С.С. Алексеев также заметил необходимость отмежевания юридической ответственности человека от других государственно-принудительных мер: а) профилактических и превентивных мер, установленных законом (например, реквизиция имущества в военное время или в условиях чрезвычайного положения); б) мер защиты, то есть правовых возобновительных мер, используемых в гражданском праве, некоторых других отраслях права, таких, как возвращение имущества владельцу с неправомерного владения других лиц (нередко эти меры называются «ответственностью»)².

О. А. Красавчиков предложил различать **меры юридической ответственности человека и меры защиты его прав**, выделив три

¹ Рабинович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник. — Вид. 10-е доповнене. — Львів: Край, 2008. — С. 190–191.

² Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. — С. 74.

вида этих мер: 1) меры защиты субъективных гражданских прав (например, принудительное исполнение обязательств); 2) меры защиты правопорядка (признание недействительным договора); 3) локализация или распределение ущерба (например, при его причинении вследствие столкновения двух самолетов без вины)¹.

Меры юридической ответственности человека, как подчеркнул Р. Х. Макуев, нужно отличать от других форм (видов) государственного принуждения: **1) мер предупреждения, 2) мер пресечения правонарушений, 3) правовосстанавливающих мер**. К числу первых он относит меры, применяемые с целью предупреждения возможных правонарушений, а также обеспечение общественного порядка в условиях стихийного бедствия, аварий, несчастных случаев. Такими, в частности, являются: проверка документов; прекращение или ограничение транспортного пешеходного движения; административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Ко второй группе он относит: а) привод и официальное предупреждение; б) изъятие имущества (печатей, штампов, оружия) и отстранение от управления транспортными средствами; в) административное задержание, применение оружия, спецсредств; отстранение от должности; помещение в психиатрическое заведение. Правовосстанавливающими мерами, по его мнению, являются: восстановление на работе незаконно уволенного лица; изъятие вещей с незаконного владения и пользования; возвращение (изъятие) денежной суммы, взятой взаймы; признание договора недействительным².

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека – правовая обязанность человека, возникшая из факта совершения им правонарушения (С. С. Алексеев, Я. М. Брайнин, С. Н. Братусь, Т. Д. Зражевская, С. Н. Кожевников, В. В. Оксамытный, А. И. Петелин, П. М. Рабинович, С. И. Сенякин, А. В. Сурилов, В. А. Тархов, М. Д. Шаргородский и др.). Условно в доктрине можно выделить **четыре** концептуальных подхода к разумению содержания этой правовой обязанности. **Первый** из них – это **обязанность виновного дать отчет** о своем деянии перед соответствующим органом государства, что, в свою очередь, предусматривает оценку этим органом совершенного и соответствующую правовую реакцию им на деяние, которое совершено и оценено. Так, Я. М. Брайнин определил юридическую ответственность как обязанность, основанную на правовых нормах в целях охраны правопорядка, обязанность юридического или физического лица подлежать действию соответствующих правовых норм за свои противоправные дея-

¹ Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском уголовном праве // Сборник учен. трудов. Вып 27. – Свердловск: СЮИ, 1973. – С. 11.

² Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность. – Орел: Юрид. институт МВД России, 1998. – С. 41–42, 56.

ния при наличии условий, указанных в законе, предусматривающем эти деяния как противоправные¹.

Суть **второго** подхода сводится к **правовой обязанности** виновного в совершении правонарушения **претерпеть** определенные лишения государственно-властного характера, предусмотренные действующим законодательством. Так, П. М. Рабинович определил юридическую ответственность как закрепленную в законодательстве и обеспечиваемую государством **дополнительную юридическую обязанность** правонарушителя претерпеть лишение надлежащих ему определенных ценностей².

С. С. Алексеев подчеркнул, что юридическая ответственность – это обязанность лица претерпеть меры государственно-принудительного воздействия (санкции) за совершенное правонарушение³.

М. Д. Шаргородский указывал, что юридическая ответственность человека является правовой обязанностью правонарушителя претерпеть меры государственного принуждения, осуществляющие его осуждение за совершенное виновное противоправное деяние и состоящие в лишениях личного или имущественного характера⁴. В. В. Оксамытный рассматривает юридическую ответственность человека как предусмотренную нормами права обязанность правонарушителя испытать определенные неблагоприятные для него последствия⁵.

Третий подход характерен тем, что юридическая ответственность человека рассматривается как его **регулируемая правом обязанность** дать отчет о своих действиях. Требование отчета – основной признак и сущность юридической ответственности человека. Она не обязательно связывается с осуждением и наказанием, хотя возможность принуждения обязательно стоит за ответственностью человека. При этом принуждение может быть без ответственности, а ответственность может реализоваться без принуждения. Такую позицию высказал В. А. Тархов⁶.

Четвертый подход отстаивают, как правило, представители цивилистической науки, утверждая, что юридическая ответственность человека является его **принудительно исполняемой правовой обязанностью**, если субъект права добровольно ее не исполняет. Здесь обязанность исполняется с помощью принудительной силы извне, что при позитивной

¹ Брагин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 24–25.

² Рабинович П.М. Основы загальної теорії права та держави: навч. посібник. – Вид. 10-е доповнене. – С. 190.

³ Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. – Т. 1. – С. 371.

⁴ Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Известия ВУЗ Правоведения. – 1968. – № 1. – С. 46.

⁵ Оксамытный В.В. Теория государства и права: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. – С. 480.

⁶ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – С. 11–13.

юридической ответственности человека не присутствует. В частности, по мнению С. Н. Братуся, юридическая ответственность – это та же обязанность, но принудительно исполняемая, если лицо (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не исполняет ее добровольно¹. Такое же видение юридической ответственности человека высказал О. Э. Лейст².

Важным является обстоятельство, на которое обратили внимание В. Г. Лазарев и В. Г. Федорова. Юридическая ответственность – полагают они – **как особый вид обязанности** человека, осуществляет в системе правового регулирования общественных отношений более объемную функцию по сравнению с наказанием, а именно, функцию связующего звена между штрафными санкциями и их претерпеванием виновным в совершении наказуемого деяния. Эта функция, по их мнению, и есть проявление одной из глубинных черт юридической ответственности человека, которая, хотя и находится пока еще в неразвитом состоянии, но ее наличие уже свидетельствует о способности юридической ответственности осуществлять более широкое регулятивное воздействие на поведение людей³.

Правильной, как видится, позиция авторов, утверждающих, что государственное принуждение всегда присутствует, начиная уже с момента вступления в силу нормы права. Норма права по своей сущности является эталоном, моделью общественно полезного, общественно приемлемого, общественно вредного или общественно опасного поведения человека. Каждая норма права служит инструментом реализации соответствующего метода (методов) правового регулирования. Нормы действующего права являются правовым полем социальной свободы человека. В норме права воплощена воля государства, государственное веление. Данное государственное веление адресовано индивидуальной воле каждого человека через его сознание. Государственная воля, государственное веление реализуется, собственно, через индивидуальное сознание людей, через их волю, через потенциальную угрозу применения принуждения со стороны компетентных органов государства. Сначала потенциальная угроза применения государством принуждает, побуждает человека к добровольному исполнению обязанности, а в случае совершения правонарушения исполнение обязанности может быть как добровольным, так и последствием применения мер принуждения, предусмотренных действующим законодательством. Таким образом, в юридической ответственности человека прослеживаются **два проявления обязанности**: а) ответственность человека за надлежащее исполнение правовой обязанности, реализую-

¹ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерки теории). – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 102–103.

² Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 27.

³ Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография. – С. 46.

щуюся через активное или пассивное его поведение; б) ответственность человека за ненадлежащее исполнение своей правовой обязанности, за свое безответственное поведение. Кроме того, как думается, в случаях причинения правонарушителем материального или нравственного вреда или двух его видов одновременно, этой обязанностью правонарушителя охватывается возмещение, компенсация такого вреда.

Интересной, но отнюдь не бесспорной, в связи с концепцией «юридическая ответственность – обязанность» является иное, современное мнение О. Э. Лейста. Он в частности, отмечает, что разумение юридической ответственности через обязанность является несовместимым с процессуальным законодательством, поскольку содержание ответственности человека в таком случае раскрывается через средневековые правовые институты, возлагавшие на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность, отчитываться о совершенном, содержит порицание права на защиту и предложение заменить его «обязанностью отвечать». Все это, подчеркивает он, является «предложением заменить наше законодательство в духе инквизиционного процесса»¹. Недосток надлежащих аргументов в этом случае для такого радикального вывода очевиден.

А. И. Марцев также пишет, что сводить правовую ответственность лишь к юридической обязанности человека не следует. Во-первых, это не оправдано с методологической точки зрения. В таком случае вся проблема изучения ответственности человека сводится к изучению самой этой деятельности, то есть характера конкретных мер воздействия на правонарушителя. Во-вторых, юридическая обязанность правонарушителя (претерпеть ограничения или давать отчет) является элементом структуры правоотношения. При отождествлении ответственности и обязанности нарушается диалектика целостности и системности правоотношения. Именно поэтому анализ обязанности в отрыве от других элементов структуры правоотношения представляется ему неполноценным и недостаточным. В-третьих, ответственность не может сводиться лишь к чистой обязанности правонарушителя. Каждый человек, привлеченный к ответственности, имеет определенные права. Правонарушитель не является лишь объектом возможного принудительного воздействия со стороны соответствующих органов, а является субъектом конкретных прав. Ответственность для граждан представляет собой не столько обязанность претерпеть ограничение и лишение, как возможность государства возложить на правонарушителей эти обязанности².

Синтезированные (интегрированные) концепции разумения юридической ответственности человека в ее негативном (ретроспективном) значении (С. С. Алексеев, Л. В. Багрий-Шахматов, В. Г. Баранов, К. С. Бельский, Н. В. Витрук, О. С. Йоффе, М. С. Кельман, Т. С. Кивалова,

¹ Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. – С. 633.

² Марцев А. И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: Сборник трудов Омской высшей школы МВД СССР. – Омск, 1976. – С. 5.

Д. С. Комарницкий, С.А. Комаров, Р.З. Лившиц, Д. А. Липинский, Р. Х. Макуев, Н. С. Малейн, А. И. Марцев, М. Н. Марченко, Л. А. Морозова, А. В. Поляков, Р. Л. Хачатуров, Р. Г. Ягутян, М. Д. Шаргородский, Я. М. Шевченко, и др.).

Юридическая ответственность человека рассматривается в данном случае, в частности, как негативная реакция государства на совершенное правонарушение, нравственно-правовое осуждение, порицание государством деяния правонарушителя, специфическое, особое воздействие государства на правонарушителя, состоящее в **справедливом воздаянии**. «Оно включает в себя, – как заметил Н. В. Витрук, – возмещение или компенсацию причиненного правонарушением ущерба и наказание правонарушителя»¹. Ученый выделил несколько признаков юридической ответственности человека. Главным содержанием осуждения при этом является упрек нарушителю правовой нормы о его бессовестном, нечестном, злом поступке.

Осуждение как признак юридической ответственности человека нередко выделяется некоторыми авторами **в сочетании с другими ее признаками**. В определенной мере такой выглядит концепция юридической ответственности человека, предложенная Р. Л. Хачатуровым и Р. Г. Ягутяном. По их мнению, юридической ответственности человека присущи следующие признаки: юридическая обязанность, обязанность претерпеть меры государственного принуждения; **осуждение** правонарушителя; неблагоприятные для правонарушителя ограничения прав материального и нематериального характера².

Через призму **обязанности** рассматривает юридическую ответственность А. В. Поляков, пришедший к заключению, что государственно-правовую ответственность можно определить как принудительно исполняемую обязанность, возникшую в связи с правонарушением, которая реализуется в конкретном коммуникативно-охранительном правоотношении и представляет собой претерпение виновным предусмотренных санкцией правовой нормы лишений личностного или имущественного характера, налагаемые правоприменительными органами государства³.

С. А. Комаров представил разумение юридической ответственности как исполнение правонарушителем обязанностей под влиянием государственного принуждения, в правовом отношении, возникающим между государством и лицом, на которое возлагаются обязанности претерпеть неблагоприятные последствия и лишения за совершенное правонарушение⁴.

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 33.

² Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. – С. 67.

³ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. – С. 834.

⁴ Комаров С.А. Общая теория государства и права. Курс лекций. – М.: Манускрипт, 1996. – С. 286.

О. С. Йоффе и М. Д. Шаргородский в определении юридической ответственности человека выделили три признака, которые лишь в объединении характеризуют ее понятие: 1) юридическая ответственность человека – мера государственного принуждения; 2) юридическая ответственность человека – **осуждение** поведения правонарушителя; 3) юридическая ответственность человека проявляется в определенных законом негативных последствиях для правонарушителя в виде его ограничений личного или имущественного порядка¹.

Н. С. Малеин наделяет понятие ответственности человека такими признаками: 1) государственное принуждение; 2) **осуждение** правонарушения и его субъекта; 3) наступление негативных последствий для правонарушителя².

Юридическую ответственность человека С. С. Алексеев связал с **общественным осуждением** правонарушителя, социальным и **нравственным осуждением** его поведения³.

В подобных к приведенным выше концепциям негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека выделяются те ее признаки, которые, по мнению авторов, в своем сочетании наиболее полно характеризуют ее сущность как феномена правовой реальности, и в том числе через признак **«осуждение поведения, деяния правонарушителя»**. Такую попытку сделали также М. Н. Марченко, Л. А. Морозова, Р. Х. Макуев. Так, М. Н. Марченко заметил, что, в отличие от других видов социальной ответственности, юридическая ответственность человека (в ретроспективном (негативном) ее разуме – **В. К.**) характеризуется тем, что она: а) всегда связана с государственным принуждением, с практическим применением к правонарушителю установленных законом санкций; б) влечет за собой не только общественное, но и **государственно-правовое осуждение** поведения правонарушителя; в) сопровождается наступлением негативных последствий для правонарушителя в виде ограничений личного или имущественного порядка; г) всегда выступает в форме общественных отношений, возникающих между государством в лице компетентных органов и правонарушителем или правонарушителями; д) возникает вследствие совершения лицом правонарушения⁴.

Примерно такая же позиция Л. А. Морозовой. Разделяя концепцию одноаспектности юридической ответственности человека и имея в виду ее ретроспективную (негативную) юридическую ответственность, она

¹ Йоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: Юридическая литература, 1961. – С. 314–318.

² Малеин Н.С. Правонарушения: понятие, причины, ответственность. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 134.

³ Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – С. 74.

⁴ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. – М.: ТК Велби, Проспект, 2005. – С. 709.

пришла к выводу, что юридическая ответственность человека характерна тем, что она: а) всегда связана с государственным принуждением, то есть является мерой государственного принуждения в рамках закона; б) выступает в качестве неблагоприятных для правонарушителя последствий имущественного или личного плана; в) имеет особое основание, которым является деяние правонарушителя, содержащее признаки состава правонарушения; г) является специфическим правоотношением, правоохранительного характера, субъектами которых выступают, с одной стороны, конкретные органы государства, а с другой – физическое или юридическое лицо, являющееся субъектом правонарушения; д) всегда осуществляется в особой, предусмотренной законом, процессуальной форме; е) является особой формой **юридического и общественного осуждения** правонарушителя; ж) всегда имеет публичный, а не частный характер¹.

Р. Х. Макуев также поддерживает тезис, что сущность юридической ответственности человека наиболее полно раскрывается через такие ее признаки: 1) непосредственная связь юридической ответственности человека с государственным принуждением; 2) наступление неблагоприятных для правонарушителя последствий; 3) привлечение к юридической ответственности человека от имени государства; 4) привлечение к юридической ответственности человека лишь за совершение правонарушения; 5) **государственное и общественное осуждение** человека, привлекаемого к юридической ответственности².

В научной литературе имеются и другие взгляды ученых относительно сущностных признаков юридической ответственности в ее негативном значении, где, в частности, осуждение выделяется как один из признаков негативной (ретроспективной) юридической ответственности. Так, утверждается, что юридическая ответственность человека выступает как такая, что: 1) имеет четко определенные в нормативных актах пределы и условия своего возникновения и прекращения; 2) имеет строгую формальную определенность; 3) связана с **государственным осуждением** правонарушителя; 4) связана с применением к правонарушителю мер государственного принуждения; 5) связана с неблагоприятными для правонарушителя правовыми последствиями материального, личностного или иного характера³.

Наиболее полно отвечает понятию правовой ответственности человека, по утверждению Я. М. Шевченко, следующее ее определение: пра-

¹ Морозова Л.А. Теория государства и права. – С. 334–335.

² Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность. – С. 40.

³ См., например: Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985; Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерки теории). – М.: Юридическая литература, 1976; Головин Л.В. Вопросы теории юридической ответственности. Труды ВЮЗИ. – Т. 39; Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юридическая литература, 1971.

вовая ответственность – это ущемление (потеря блага), содержащееся в правовой норме и реализующееся в правоотношениях ответственности, воплощенное в мере ответственности, несущее в себе **осуждение обществом и государством**, совершенного лицом правонарушения. Осуждение и наказание органично связаны между собой. Само осуждение без наказания содержит лишь добрые пожелания соответствующего поведения. Наказание без осуждения представляет собой неоправданную, по мнению общества и данного конкретного субъекта, ущемление, потерю блага¹.

Т. С. Кивалова называет такие характерные и определяющие черты юридической ответственности человека как категории общей теории права: а) юридическая ответственность человека является охранительным правоотношением, возникающим вследствие реализации санкции правовой нормы на основании правонарушения; б) по своей сущности юридическая ответственность человека является средством государственного принуждения; в) юридическая ответственность человека сопровождается **осуждением виновного лица со стороны государства и общества**; г) юридическая ответственность человека состоит в наложении на виновного в совершении правонарушения субъекта невыгодных для него последствий нравственного, материального или иного характера. С учетом названных признаков юридической ответственности человека автор понимает ее как правоотношение, возникающее вследствие реализации санкции правовой нормы в результате правонарушения, сопровождаемое государственным и общественным осуждением поведения нарушителя, является по своему характеру **средством государственного осуждения** и принуждения, и выражается в наложении на виновного субъекта невыгодных для него последствий материального, нравственного или иного характера².

По мнению Д. А. Липинского, юридическая ответственность человека обладает рядом специфических признаков, заключающихся в том, что она: 1) основывается на правовых нормах, формально определена и обладает четкостью, детализированностью и общеобязательностью; 2) гарантируется государством; 3) обеспечивается государственным принуждением или государственным убеждением; 4) своими последствиями влечет государственное одобрение, поощрение или же **осуждение** и наказание; 5) осуществляется в процессуальной форме; 6) является единой, но имеет две формы реализации³.

Относительно осуждения выше уже отмечалось, что компетентный орган государства осуществляет осуждение не только поведения право-

¹ Шевченко Я.М. Що таке юридична відповідальність? – С. 4.

² Кивалова Т. Цивільно-правова недовірлива відповідальність як вид юридичної відповідальності. – С. 213–214.

³ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – С. 14–15.

нарушителя. Осуществляется осуждение совершенного противоправного деяния и лица правонарушителя.

В юридической литературе высказаны также и *другие специфические разумения феномена, сущности юридической ответственности*. Так, по мнению В. Г. Баранова, юридическая ответственность является предусмотренным юридической нормой политико-правовым *состоянием лица*, возникшим вследствие лично совершенного им правонарушения, когда компетентный орган государства, должностное лицо или гражданин на основании закона и в специальной процессуальной форме требует от правонарушителя отчета о совершенном деянии, возлагает на него определенную меру лишений, а правонарушитель страдает от неблагоприятных последствий за нарушение юридической нормы¹.

Подобный подход применил к формулированию понятия административной ответственности К. С. Бельский, определив ее как *специфическое состояние правонарушителя*, которое наряду с административно-принудительными мерами воздействия реализует процессуальные права на предоставление объяснений по существу правонарушения, имея право на справедливую и объективную оценку компетентным органом совершенного деяния и на корректное с точки зрения законодательства и морали применения к нему административного взыскания².

М. С. Кельман отмечает, что ретроспективная юридическая ответственность человека – это определенные правом *неблагоприятные последствия*, наступающие для конкретного лица в связи с совершением им правонарушения³.

Р. З. Лившиц рассматривает юридическую ответственность человека как *«реакцию общества на правонарушение»*⁴.

Более полной в сравнении с предыдущими определениями сущностных признаков негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека является ее характеристика, предложенная Л. В. Багрием-Шахматовым. Он обратил внимание на следующие ее признаки: 1) по характеру она представляет собой вид государственного принуждения, которому отвечает закрепленная в нормах права и основанная на них обязанность юридического или физического лица отвечать за свои противоправные деяния перед государством или уполномоченными им органами; 2) по своей сущности – является комплексом правовых отношений, возникших под воздействием норм разных отраслей права и выраженных поэтому в гражданских, уголовных, административных

¹ Баранов В.М. Теория юридической ответственности: лекция. – Нижний Новгород: Нижегородский юрид. ин-т МВД РФ, 1998. – С. 9–10.

² Бельский К.С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. – 1999. -№ 12. – С. 77-85.

³ Кельман М.С. Загальна теорія держави і права (схеми, таблиці, поняття). – Тернопіль: Терно-граф, 2008. – С. 161.

⁴ Лившиц Р.З. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – С. 147.

мерах принуждения; 3) своим содержанием она имеет взаимные права и обязанности субъектов этих правовых отношений, обеспечиваемых в их исполнении и соблюдении государством (общественностью) через систему разных, в том числе и правовых гарантий; 4) по форме она выражается в судебном, административном, а иногда в организационно-общественном порядке ее реализации; 5) своей целью юридическая ответственность имеет охрану от разных посягательств правопорядка, общественного или государственного строя, собственности, лица, трудовых, имущественных и иных прав граждан¹.

Подытоживая изложенное выше, заметим, что в современный период демократизации форм общественной жизни в юридической литературе преобладает **синтезированное (интегрированное)** понимание понятия юридической ответственности – через несколько признаков, которые, по мнению каждого ученого, в частности, ей присущи как феномену правовой реальности.

Соглашаясь в целом с изложенными подходами к пониманию главных сущностных признаков юридической ответственности человека в ее негативном значении, необходимо заметить, что не все они в одинаковой мере являются универсальными для выражения разумения каждого из видов юридической ответственности человека по отраслевому признаку законодательства. В частности, негативная (ретроспективная) уголовная ответственность человека, как увидим далее, не всегда связана с **государственным принуждением**, хотя и сопровождается государственным осуждением поведения виновного. Не всегда при реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности применяется наказание как разновидность негативных последствий для правонарушителя. Не всегда негативная (ретроспективная) уголовная ответственность имеет публичный характер, поскольку имеются категории дел, рассматриваемые судом в закрытом режиме. Также не все меры воздействия по уголовному праву имеют принудительный характер. Например, освобождение от уголовной ответственности. Кроме того, как уже отмечалось выше, в случаях причинения правонарушителем материального или морального вреда или обоих его видов одновременно, этой обязанностью правонарушителя охватывается и возмещение, компенсация такого вреда.

Юридическая ответственность человека, – как верно утверждает Н. В. Витрук, – может объективно возникнуть как обязанность правонарушителя, но **не реализоваться**. Несовпадение ответственности и наказания может быть следствием правоприменительных ошибок (например, при привлечении к юридической ответственности и наказанию лица, не совершившего правонарушение). Следовательно, можно оказать-

¹ Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. – Минск: Высшая школа, 1976. – С. 17.

ся наказанным, не будучи юридически ответственным¹. Соглашаясь с Н. В. Витруком, необходимо заметить, что в таких случаях, если исходить из разумения юридической ответственности человека как обязанности правонарушителя, обязанность отвечать возникла не у наказанного лица, а у неустановленного правонарушителя. Кроме того, приведенный ученым вариант нереализованности юридической ответственности не является единственно возможным. **Нереализация** юридической ответственности как возникшей обязанности, может быть и в других случаях, **в частности**: правонарушение совершено, но не выявлено, не раскрыто (латентное); правонарушение выявлено, раскрыто, но виновный скрывается от правосудия; правонарушение выявлено, раскрыто, но правонарушитель не привлекается к ответственности, учитывая его состояние здоровья; правонарушение выявлено, раскрыто, но правонарушитель умер до привлечения или в процессе его привлечения к ответственности.

Подытоживая, можно предложить для научной дискуссии следующее определение негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека. **Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека** – это вид ее юридической ответственности, представляющий собой **необходимость вынужденного претерпения** нарушителем правовых предписаний, применяемых к нему компетентным органом государства и предусмотренных действующим законодательством **мер принуждения**, правового воздействия в установленных законом пределах, процессуальной и исполнительной формах.

2.3.1. Основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека

Вопрос об основаниях юридической ответственности человека, – акцентировал В. Н. Кудрявцев, – является не только нравственным и юридическим, но и принципиальным политическим вопросом, так как он тесно связан с положением личности в данной общественной системе, с состоянием законности².

В течение многих лет в общей теории права отсутствует общепринятое разумение оснований юридической ответственности. Так, Н. М. Онищенко, пишет, что «...фактическим основанием негативной юридической ответственности выступает правонарушение, характеризующее совокупность признаков, образующих его состав, ... юридическим основанием – норма права и соответствующий правоприменительный акт, в котором компетентный орган устанавливает конкретный объем и форму мер принуждения к конкретному правонарушителю. Таким

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 34–35.

² Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – С. 299.

правоприменительным актом может быть приказ администрации, приговор, решение суда и т.п.»¹. А. В. Поляков утверждает, что именно «... совершение правонарушения является основанием для возникновения правовой (юридической) ответственности»².

Самым оптимальным в данное время, как думается, является выделение трех оснований юридической ответственности человека: а) социально-этического (нравственного, морального) основания – почему и при каких условиях человек подлежит юридической ответственности, а государство в лице компетентных органов имеет нравственное (моральное) право применять к нему юридическую ответственность; б) нормативно-правового основания юридической ответственности – норм (нормы) действующего законодательства, решение суда, или иного компетентного органа, служащие правовым основанием для применения к человеку юридической ответственности; и в) фактического основания юридической ответственности – деяния человека, за совершение которого к нему может применяться юридическая ответственность.

1. Анализ социально-этического (нравственного, морального) основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека обязательно связывают в юридической литературе с понятиями *«разум», «совесть», «свобода воли», являющиеся антропологическими составляющими социально-этического (нравственного, морального) основания юридической (позитивной и негативной) ответственности человека.*

Социально-этическое (нравственное, моральное) основание юридической ответственности, как и социальной ответственности, в целом основывается, главным образом, на выяснении двух факторов: почему и при каких условиях человек должен подлежать негативной (ретроспективной) юридической (правовой) ответственности, а компетентный орган государства имеет право привлечь человека к соответствующему виду этой ответственности. Человек в таких случаях должен быть наделен обычного уровня *сознанием и разумной свободой воли* к деянию (действию или бездействию). Он должен быть *способным* соотносить свое поведение с предписаниями правовых норм через призму его *совести* на основе *разумной* индивидуальной и социальной *необходимости. Государство*, в лице его компетентного органа, в случае нарушения таким человеком предписаний правовых норм, должно выполнить одну из своих функций: привлечь его к соответствующему виду юридической ответственности. В государстве демократической ориентации применение видов юридической ответственности должно быть сбалансированным относительно каждого случая нарушения человеком юридических норм: каждому та-

¹ Оніщенко Н.М., Тарахонич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах. – С. 40.

² Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. – С. 833.

кому случаю должны корреспондировать **разумный (необходимый), достаточный** вид и мера юридической ответственности. Злоупотребление наиболее суровыми видами и мерами юридической ответственности в государстве демократической ориентации **недопустимо**.

Социально-этическое (нравственное) основание юридической ответственности, как видим, **определяется, главным образом, правом естественным**, независимо от имеющих научных воззрений на его разумение.

В целом современные подходы доктрин философии права и общей теории права относительно выяснения связи свободы воли и ответственности человека сводится к следующему. Государство как субъект общественных отношений осуществляет воздействие на человека с целью модификации его поведения, направление его в общественно желательное правопослушное русло и с этой целью устанавливает правовые пределы общественной свободы субъектов общественных отношений. Именно правовое поле в этих пределах – **желательная, волимая государством почва для реализации разумной свободы** воли субъектов общественных отношений. Вне этих пределов свобода воли будет порождать произвол. Важное значение в этой связи имеет исследование проявления **автономной свободы воли человека**. И. Кант писал, что свобода независима от принуждающего произвола другого, поскольку она сама совместима со свободой каждого индивида, сообразной со всеобщим законом, и это – единственное первоначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду¹. Трактую волю человека как разумную волю, которая детерминирована разумом, он обращал внимание на ее двойственную природу. Одну и ту же волю в ее проявлении, заключил он, можно мыслить, с одной стороны, как необходимо приспособленную к закону природы и потому не свободную, с другой стороны, как надлежащую вещь в себе, такую, которая не подчиняется закону природы и поэтому свободную. Всеобщим нравственным законом по И. Канту есть безусловное веление: совершай так, чтобы максима, то есть побудительный мотив, правило твоей воли могло бы стать принципом всеобщего законодательства. Нравственное поведение человека, таким образом, должно определяться не частными, а общими интересами. Нравственный закон выражает автономию чистого практического разума, то есть свободы, причем закон чистой свободной воли допускает, что она полностью независима от эмпирической сферы². Он определил свободу человека как члена общества в следующей формуле: **никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет себе благосостояние других людей); каждый**

¹ Кант И. Метафизика нравов // Антология мировой правовой мысли. – Т. 3. Европа. Америка. XVII-XX вв. – С. 311.

² Кант И. Критика чистого разума. Соч.: в 6 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 94, 259, 351.

вправе искать свое счастье на том пути, который ему самому представляется добрым, если только он этим не нанесет ущерб свободе других людей – стремиться к подобной цели – свободе, совместимой с общим законом, со свободой каждого другого (то есть, таким же правом другого)¹.

И. Бентам критикуя позицию И. Канта, подразумевал иное понимание свободы. **«Каждый закон** – писал он – **есть нарушение свободы:** эта истина, столь очевидна сама по себе, не только не пользуется общим признанием, но, напротив, приверженцы свободы, обыкновенно более ревностные, чем просвещенные, считают своим долгом отвергать ее. И каким же образом они это делают? Они для этого извращают значение слов, придают слову **свобода** не тот смысл, какой общепринят, выдумывают свой особый язык. Они говорят: свобода состоит в возможности делать все, что не вредно другому. Но разве таков общепринятый смысл этого слова? Разве свобода делать зло не есть свобода? И в таком случае, что же это такое? Как же это назвать? Желая сказать, что **глупых и злых надо лишить возможности делать зло**, разве мы не говорим: надо лишить их свободы?... **Гражданин не может приобрести право, не пожертвовав частью своей свободы ... личная свобода** есть безопасность от известного рода обид, касающихся личности; что же касается и **политической свободы**, то она составляет другую сторону безопасности – она является безопасностью от несправедливости со стороны правительственных лиц»².

В советской юридической литературе, при исследовании свободы воли, по обыкновению ссылались на классическое выражение К. Маркса, что юридически признанная свобода имеется в государстве в форме закона. Законы не являются репрессивными мерами против свободы. Наоборот, законы – это позитивные, четкие, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличностное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. **Свод законов является Библией свободы народа**³.

Однако полное подчинение человека государству недопустимо и фактически невозможно, поскольку основой всего человеческого поведения является **свободная воля**. Отсутствие свободной воли человека означало бы отсутствие его осмысленно-волевой деятельности вообще и противоправного поведения в частности. Только **при свободной воле имеется вина** как признак субъективной стороны правонарушения. Свободная воля влияет **на выбор того или иного варианта поведения** – как позитивного, так и негативного. Вне сознания, **вне свободы выбора** ва-

¹ Кант И. Критика чистого разума. – С. 285.

² Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства // Антология мировой правовой мысли. – Т. 3. Европа. Америка. XVII-XX вв. – С. 390–392.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 1. – С. 62–63.

риантов поведения, как верно подчеркивает Д. А. Липинский, не может быть психического отношения к совершаемым действиям, а, следовательно, и юридической ответственности¹.

Очевидно, что относительно нормы права речь идет, как правило, о простом и **смысловом выборе**, альтернатива которых очерчена законом: следование норме влечет обеспечение собственного интереса, легитимность получения результата и в некоторых случаях получение дополнительных благ; деяние, противоречащее норме, также может привести к достижению собственного интереса, однако это связано с риском возникновения негативных последствий. Таким образом, **выбор человека** ограничивается: следовать или не следовать норме права, осуществляемый либо по привычке действовать определенным образом (простой выбор), либо после предварительного осмысления последствий каждого из вариантов действовать (смысловой выбор). Выбор имеет место независимо от того, каким характером наделено правовое веление: предоставляет право, возлагает обязанность или запрещает. **Внешняя свобода**, будучи ограниченной правами и обязанностями человека, обуславливает и возможности его **внутренней свободы – свободного выбора** и свободного волеизъявления, в том числе **выбор** использовать право или нет, исполнить долг или не соблюдать его. Здесь присутствует **возможность выбора**, а следовательно, присутствует такая же свобода, как при выборе каждого иного деяния человека².

Таким образом, формирование и реализация **свободной воли**, в контексте юридической ответственности человека, обязательно предполагает познание им окружающего мира, в котором он живет, а также **способность сознательно выбрать** вариант поведения. Для этого он должен знать, к каким результатам или последствиям может привести его поступок, какие средства наиболее пригодны для достижения желаемых результатов. Свобода воли дает возможность свободно самоопределись воле человека, отвлечься от одних потребностей, интересов, целей в пользу других (борьба мотивов), планировать свои действия до их совершения, принимать решения исполнять их. Все это важные, наиболее ответственные этапы в развитии волевого процесса (акта)³.

Следует согласиться с мнением И. Бремера, что свободная воля является одним из неотъемлемых атрибутов человека. Благодаря ей мы имеем способность самостоятельно и добровольно принимать решения, осуществлять нравственные выборы: от скорых и простых к ддящимся и сложным. При разговоре о свободной воле не идет речь о чем-то маргинальном, только о сущности нашего человеческого понимания себя и

¹ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – С. 16.

² Разгильдиева М.Б. Правовые убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография. – С. 93–94.

³ См.: Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). – С. 50–51.

других. Свободная воля является основанием нашего бытия в обществе, наших общественных, политических и нравственных систем¹.

По мнению Н. Г. Диденко и В. Н. Селиванова, **свобода деяния человека** как форма существования его свободы воли по сути своей является практической возможностью ее проявления как с точки зрения внутренней моральной характеристики человека, так и с точки зрения существующих внешних ограничений (в частности, имеется в виду определенная юридическая норма). Свободная личность должна **обуславливать свое поведение** в определенном направлении, учитывая реальную комбинацию объективных условий и субъективных факторов, сопровождающих это поведение. Однако состояние выбора вариантов поведения свидетельствует лишь о существовании возможности свободы воли, но не является ее источником. Любой поступок, деяние человека являются не только актом утверждения значимости человека как такового, но и добровольным признанием определенных существующих социальных ценностей, в частности моральных и юридических принципов и норм, являющихся приоритетными в данном обществе, которыми руководствуются люди в процессе совершения ими того или иного деяния. **Свободной** и истинной воля человека становится лишь тогда, когда она не только действительна, но и **необходима**².

Следует учитывать в плане необходимости и еще одну важную особенность человека как субъекта общественных отношений, метко замеченную М. М. Цымбалюком. Он пишет, – «... в своем общественном бытии человек выступает одновременно и как продукт условий своего существования, и как их творец. Соответственно, измерения подлежащего его бытия определяются одновременно как **его внутренним стремлением свободы**, так и внешней необходимостью разумного ограничения последней»³.

Всестороннее и адекватное понимание свободы воли человека, – отмечает Н. В. Витрук, – дает ключ к объяснению социально-психологических основ сущности и механизма правового регулирования, роли правовых средств, участвующих в действии этого механизма, в числе которых находится юридическая ответственность⁴. Соответственно свободная воля человека не реализуется в «чистом виде», – отмечает далее он, – а через соответствующий эквивалент в праве, которым является **правосубъектность**. Под правосубъектностью автор понимает понятие, представляющее собой **единство трех** структурных элементов – **правоспособности, дееспособности и деликтоспособности**. При этом

¹ Bremer Jozef. Czy wolna wola jest wolna? Kompatybilizm na tle badan interdyscyplinarnych. – S. 9.

² Диденко Н.Г., Селиванов В.Н. Право и свобода // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 10.

³ Цимбалюк М.М. Онтологія правосвідомості: теорія та реальність: монографія. – К.: Атіка, 2008. – С.53.

⁴ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 12.

под правоспособностью понимается признанная государством способность лица иметь юридические права и обязанности, а **под дееспособностью** – признанная государством способность лица самостоятельно (своими правомерными действиями) приобретать, осуществлять, изменять и прекращать юридические права и обязанности для себя и других лиц. **Деликтоспособность** – это признанная государством способность личности самостоятельно избирать вариант противоправного поведения и отвечать за неправомерную реализацию прав или неисполнение обязанностей¹.

В предыдущем разделе данной работы акцентировалось внимание на детерминационном значении категории **«совесть»** относительно формирования **«свободной воли»** человека в механизме его социальной ответственности. Это значение в полной мере проявляется и при реализации юридической ответственности человека. С. Л. Франк по этому поводу отмечает, что **право и нравственность** – сущность законодательства, принципиально охватывающего всю жизнь человека и вытекающего в конечном счете **из совести человека**, из осознания надлежащего. Право, прежде всего, в качестве «надлежащего» вообще, касается также и не внешнего поведения. Равно как и **нравственность**, имеет своим носителем совесть².

Между «свободой воли» и **разумной**, нравственной **«необходимостью»**, таким образом, есть **«свобода совести»** как детерминанта выбора человеком варианта поведения в конкретной жизненной ситуации. В тех случаях, когда **совесть** человека, если она присутствует у него на достаточно развитом уровне, **властвует над его волей**, выбор человеком правопослушного поведения через **позитивную силу воли** является наиболее вероятным. Когда же такое господство совести человека над его волей отсутствует, – наиболее вероятным является выбор человеком противоправного вида поведения через **негативную силу воли**. Следовательно, **совесть** является антропологической основой ответственности человека.

Генетическую связь морали и закона отмечали мыслители прошлого. В частности, Фредерик Бастиат в своей книге «Закон», опубликованной в 1850 году во Франции, утверждал, что: **«Когда закон и нравственность противоречат друг другу, гражданам остается жестокая альтернатива: или потерять свое нравственное лицо, или уважение к закону»**³. Обе эти крайности нередко присутствуют в современном обществе.

В. Виндельбанд выделяет **самоответственность совести** как отдельную форму ответственности человека, позволяющую ему познать себя как личность. Он трактует ее как ответственность человека перед

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 15–16.

² Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С. 82.

³ Бастиат Фредерик. Закон. – С. 9.

собственным нравственным и религиозным сознанием и называет «самой возвышенной формой возложения ответственности». Самосознание или **самоответственность совести** – это внутренний процесс наказания или награды, и хотя эти чувства, с одной стороны, можно считать противоположными, с иной они имеют некоторые общие черты, например, направленность в будущее. Если речь идет о внутренней нравственной награде, то она является стимулом для дальнейшего самосовершенствования, а нравственное наказание нуждается в преобразовании внутренней сущности человека. Важным есть то, что в обоих случаях эти процессы – **позитивная и негативная формы** возложения ответственности – стимулируют развитие нравственных качеств, делающих человека нравственно зрелым и развитым¹.

Совесть, – подчеркивает А. А. Козловский, – считают этической категорией, тогда как она **является центральной категорией** механизма функционирования **аутентичного права**. Когда ведут речь о естественном праве, зафиксированном в позитивном, это означает, что найдены определенные социальные формы регламентации **совести как показателя бытия человека**, являющегося основой естественного права. **Полная регламентация совести невозможна, как невозможна полная регламентация бытия, которое бесконечно**. Совесть является формой конечного в бесконечном, конкретной формой бытия в конкретном человеке. Критерием **подавления совести** является преуменьшение, постоянное и перманентное **убийство Бытия в себе**. Совесть является онтологической формой связи сущего с Бытием как Ответственностью. Совесть – онтический голос онтологического Смысла. Его, голос, можно удушить, и бессознательное наказывает за онтологический разрыв с Бытием. Совесть человека онтологическая потому, что рождена социальной онтологией как специфической нормативностью самовыживания. Однако существовать и функционировать она может только в форме интравертно-субъективированных (**нравственная совесть**) или в форме экстравертно-объективируемых (**социально-поведенческая совесть – этикет, правопослушность деяний**) социально-нормативных структур. **Бессовестность** означает отрыв от онтологии, потерю Бытия и закрывание глаз перед Ничто. Только слияние с Бытием дает ощущение покоя, **нечистая совесть порождает беспокойство** через несознательный отрыв от Бытия. Ответственность и является механизмом упрочения в Бытии. Однако ответственность никогда не гарантирована, **совесть не всегда дает радость**. Кроме механизма ответственности как формы поведения, есть еще и другие обязательные ее элементы, прежде всего онтологическая константа духовности, без которой ответственность человека никогда не будет гарантировать полноценного результата. Совесть может быть и **бездуховной**,

¹ Виндельбанд В. О свободе воли. – С. 186.

когда приобретает вид внешнего процедурно-церемониального характера¹.

Важное значение, для теории юридической ответственности человека, имеет выяснение *соотношения* между категориями **«свобода воли» и «необходимость»**. В свое время Б.А. Кистяковский пришел к выводу, что категория необходимости является тем центральным принципом, который проникает и объединяет все современное естественнонаучное миропонимание².

Необходимость не подавляет личность, она ставит ее в такое положение, когда она должна выбирать, решать самостоятельно. Тем самым *необходимость выступает объективной предпосылкой ответственности человека, субъективной же предпосылкой его юридической ответственности служит свобода воли*. Свобода человека, рассматриваемая вне рамок необходимости, порождает произвол, вседозволенность, волюнтаризм. Необходимость же, взятая вне свободы, порождает полную неспособность индивида к самостоятельным решениям, действиям, т. е. фатализм³.

Весьма метко высказал по этому поводу свое мнение Ф. В. Шеллинг: для самой свободы необходимая предпосылка, что человек, будучи в своей деятельности свободным, в конечном результате своих действий зависит от необходимости, которая стоит над ним, и сама направляет игру его свободы⁴.

Необходимость нередко связана с двумя другими алетичными модальностями – *случайностью и невозможностью*. Именно в таком их органическом объединении обеспечена возможность наиболее полной характеристики понятия и форм реализации юридической ответственности человека. При этом *необходимость коррелирует с неотвратимостью, случайность – с произвольностью, а невозможность – с полным исключением юридической ответственности человека*. **Необходимость**, как правило, детерминирует, модифицирует поведение человека. В этом сложном психическом процессе детерминации Д. В. Чухвичев четко и верно различает объективную и субъективную стороны. В современной детерминистской философии, – пишет он, – под свободой принято понимать детерминистское ее понимание, то есть возможность человека осознать внешнюю, объективную необходимость определенного варианта поведения и действовать в соответствии с ней. Однако это только, если можно так выразиться, внутренняя или **объективная сторона свободы**. Человек, выбирая тот или иной вариант поведения, подчиняет свою волю обстоятельствам. Упрощая эту ситу-

¹ Козловский А. Філософія відповідальності. – С. 98.

² Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 26.

³ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 16.

⁴ Шеллинг Ф.В. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1987. – С. 458.

ацию, можно сказать, что **объективная свобода** – та же свобода выбора, когда человек, имея информацию о значении и последствиях того или иного поступка, выбирает вариант поведения, отвечающий условиям внешнего, окружающего его мира. **Делая выбор**, действуя в соответствии с познанной необходимостью, человек может поступать и против собственной воли, против собственных интересов. Смирившись с внешней объективной необходимостью, личность остается внутренне несвободной. Таким образом, объективно человек остается свободен лишь внешне, его внутренняя свобода ограничена необходимостью ставить свои действия в зависимость от внешних условий, детерминировать свое поведение не своими внутренними интересами и убеждениями, а объективными обстоятельствами. Например, основываясь на познанных экономических и других объективных закономерностях, общество (или государство) приступает к определенным общественно-экономическим преобразованиям. При этом участниками таких преобразований являются массы людей, вне зависимости от их желания вообще и отношения к таким социальным преобразованиям в частности. Отвечают ли эти изменения общественной жизни интересам человека, вынужденного подчиняться общему движению социума? Можно ли признать индивида свободным, если он участвует в таких преобразованиях помимо собственной воли, создавая то, что противоречит его представлениям, интересам, желаниям, вообще мировоззрению? Вряд ли. Ведь **внутренняя свобода** предполагает свободу мысли, убеждений, веры, одним словом, полную субъективную автономию личности. Эта **внутренняя, субъективная свобода** и есть вторая составная часть философского понятия свободы. Для ее достижения необходимо не просто понимание человеком объективной необходимости того или иного варианта поведения, а осознание, что эти действия отвечают его собственным побуждениям, желаниям и интересам. **Субъективная свобода** личности выражается в предвидении как непосредственных, так и отдаленных результатов деятельности и желании их наступления. Внутренне свободная личность не просто действует в соответствии с познанной необходимостью (в этом случае можно было бы говорить только о сознательном подчинении личностью своего активного и пассивного поведения объективным обстоятельствам). Такая личность предвидит последствия своего поведения, осознает созвучность требований объективной социальной необходимости собственным интересам, а потому – активно стремится к достижению таких результатов. Основания этих двух аспектов свободы человека находятся в состоянии противоречия, они диалектически противоположны друг другу по своей сути. Субъективные побуждения личности, стремление к полной независимости и безусловному удовлетворению своих интересов неизменно противоречит самому факту наличия объективной необходимости. Из этого противоречия рождается диалектически единое состояние свободы как характеристики активного состояния личности. Если свобода личности представляет собой возможность (или

способность) осознавать и внутренне принимать объективную необходимость и действовать в соответствии с ней, то ответственность представляет собой тот фактор, побуждающий к принятию таких решений, которые бы в наибольшей степени отвечали такой объективной необходимости. **Объективно существующая свобода** выбора еще не означает свободу человека. **Свобода выбора** – не полная свобода, но лишь свобода **потенциальная, возможность свободы**. Имея свободу выбора, человек может остаться **несвободным**, действуя **против необходимости**, против интересов и развития общества, а в конечном счете и против своих собственных интересов. Возможность выбора перерастает в свободу личности только при условии осознания и понимания ею своего комплекса собственных интересов и интересов общества в их неразрывной связи и взаимодействии¹.

Правонарушение как основание привлечения к юридической ответственности, таким образом, можно рассматривать как результат **несвободного поведения** лица, выбора им неправильного варианта поведения, **не отвечающего требованиям объективной необходимости**, или как результат ошибки при реализации свободы выбора. Отрицая правовые предписания, человек превращает имеющуюся у него свободу выбора как потенциальную свободу в «могильщика» своей свободы. Руководствуясь неправильно понятой необходимостью, человек окажется **несвободным**, даже если он самостоятельно выбирает вариант поведения, руководствуясь собственным разумом, разумением действительности и представлением об объективной необходимости.

В. Ладиченко также пишет о двух сторонах свободы человека – объективной и субъективной. **Объективная** сторона свободы проявляется главным образом в том, что человек, избирая тот или иной вариант поведения, подчиняет свою волю обстоятельствам. Обстоятельства, объективные условия жизни, законы естественного развития общества **доминируют** над ним. **Объективная свобода** – та же самая **свобода выбора**, когда человек, имея информацию о значении и последствиях того или иного поступка, выбирает вариант поведения, отвечающий условиям внешнего окружающего его мира. Делая выбор, действуя согласно познанной необходимости, человек **может поступать и против собственной воли**, против собственных интересов. Смирившись с внешней объективной необходимостью, человек **остается внутренне несвободным**, не прийдя к выводу о соответствии объективной необходимости его внутренним убеждениям, потребностям и интересам. **Внутренняя субъективная свобода** предполагает свободу мысли, убеждений, веры, полную субъективную автономию человека. Она является второй составляющей философского понятия свободы человека. Для ее достиже-

¹ Чухвичев Д.В. Свобода личности и юридическая ответственность: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // [http://library.bu\(c\)](http://library.bu(c))

ния необходимо не только осознание человеком объективной необходимости того или иного варианта поведения, а **осознание соответствия** этой необходимости его внутреннему субъективному миру. Человек должен не просто понять законы объективного мира и действовать согласно ним, а и осознавать, что эти деяния отвечают собственным потребностям, желаниям и интересам. **Субъективная свобода** человека – это реализованная им свобода воли, когда субъективная воля становится одним из детерминантов поведения человека. Она выражается в предвидении как непосредственных, так и отдаленных результатов человеческой деятельности и желание их наступления. Субъективно свободная личность не просто действует согласно познанной необходимости, она предусматривает последствия такой ответственности, осознает созвучность требований объективной социальной необходимости собственным интересам, а потому активно стремится к достижению таких результатов. Основы этих двух сторон свободы человека находятся в состоянии разногласия, они диалектически противоположны друг другу по своей сущности. Из этого разногласия, – подытоживает В. Ладиченко, – рождается **диалектически единое состояние свободы** как характеристики активного состояния личности. Поэтому было бы неверным связывать право только с объективным началом свободы человека. **Право связано со свободой как комплексом двух начал в диалектическом единстве – объективного и субъективного**¹.

Как справедливо отмечает С.С. Алексеев, определение **пределов свободы** человека не является конечной целью унормирования свободы, кроме этого должно быть **надлежащее правовое устройство общества**, и это правовое устройство (позитивное право), определяющее и обеспечивающее свободу, должно существовать как **«вторая природа»**, то есть как **твердая объективная реальность**, и в таком качестве рядом со всем иным направлять игру свободы человека².

Как уже отмечалось, гармоничное сочетание общественных интересов требует цивилизованного **унормирования** реализации автономной **свободы воли** людей. В юридическом значении это предусматривает правовое регулирование **пределов** свободы участников общественных отношений на основе общечеловеческих гуманистических ценностей прав и свобод человека. По этому поводу, поддержав категорический императив Канта, четко акцентировал Роско Паунд: «Задача закона заключается в том, чтобы **не дать** сознательным, наделенным свободой воли существам **мешать друг другу**. Он должен установить такой порядок, чтобы каждый мог направлять свою свободу таким образом, чтобы это было совместимым со свободой других, поэтому все другие в одинаковой мере

¹ Ладиченко В.В. Взаємозв'язок права і свободи // Юридична Україна. – 2011. – № 10. – С. 5.

² Алексеев С.С. Право:Азбука.Теория.Философия. Опыт комплексного исследования. – С. 452.

должны рассматриваться как цель в себе»¹. Д. Локк в этой связи отмечал: «Свобода людей, находящихся во власти правительства, заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью; это – свобода **следовать** моему собственному желанию во всех случаях, **когда этого не запрещает закон**»².

Категоричному императиву И. Канта созвучна так же позиция Джона Стюарта Милла, утверждавшего, что свобода заслуживает своего имени только тогда, когда **достижение нашего блага** осуществляется нашими собственными способами – **пока мы не стремимся лишить других людей их благ, либо препятствовать их усилиям достичь этих благ**. Каждый способен сам хорошо охранять свое здоровье, то ли телесное, то ли психическое, либо духовное. Человечеству больше идет на пользу, когда каждый позволяет другим жить так, как представляется хорошо им самим, нежели, когда каждого **принуждают жить так, как представляется хорошо другим**³.

Своеобразной, в этой связи, была позиция Г. В. Ф. Гегеля. Личность, полагал он, содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому **формального права**. Отсюда веление права гласит: **будь лицом и уважай других в качестве лиц**⁴.

Ш.-Л. Монтескье подчеркивал, что **свобода – это право делать все, что разрешено законами**. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и другие граждане⁵.

Это положение Ш.-Л. Монтескье нашло свое закрепление в французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., где записано: «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает **лишь те границы**, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. **Границы эти** могут быть определены только законом. Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. **Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом**»⁶.

¹ Roscoe Pound. Law and Morals. Chapel Hill, N.C. 1926. p. 97.

² Локк Дж. Избрание философские произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960. – С. 16.

³ Філософія права / За редакцією Джоела Фейнберга, Джулса Коулмена; Пер. з англійської П. Тарашук. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2007. – С. 377.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 98.

⁵ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – С. 437.

⁶ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. Пособие / сост. В.Н. Садиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 292.

Следует заметить, что свобода отнесена к числу неотъемлемых естественных, фундаментальных прав человека и в «Декларации независимости» США 1776 г.: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье... Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится **правом и обязанностью** народа»¹.

Между свободой и законом, как пришел к обоснованному выводу Л. Т. Гобгауз, **нет принципиального противоречия. Наоборот, закон необходим для свободы.** Закон безусловно ограничивает индивида и следовательно противоречит его свободе в данном месте и в данном аспекте. Но закон так же ограничивает и иных людей, не давая им делать с этим индивидом все, что им захочется. **Закон освобождает индивида от страха перед своевольной агрессией и принуждением, и это на самом деле единственный возможный способ добиться свободы для всего общества и только в таком случае эта свобода будет иметь смысл**².

Е. Н. Трубецкой писал, что свобода человека составляет содержание права. Понятная вещь, что где нет внешней свободы, там нет и самого права. В каждом праве свобода человека, в смысле не ограниченной другими людьми возможности осуществлять ту или иную цель, составляет настолько существенный признак, с уничтожением которого уничтожается и само право³.

Факт провозглашения законодателем определенной границы свободы волеизъявления лица, как пишут Н. Г. Диденко и В. Н. Селиванов, требует и от государства соответствующих **реальных гарантий** относительно обеспечения и осуществления этой свободы. Гарантии же свободы человека в любом сообществе зависят от целого **комплекса** материальных и духовных факторов и, главное, от **их комбинации**, в частности от уров-

¹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. Пособие / сост. В.Н. Садилов. – 2-е изд., перераб. и доп. – С. 348-349.

² Гобгауз Л.Т. Антологія свободи // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулза. – С. 472.

³ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб.: Юридический институт, 1998. – С. 14.

ня правовой культуры как проявления, прежде всего общей культуры; существующего уровня благосостояния конкретного сообщества, как проявления степени взаимодействия материальных и духовных факторов развития общества... **Фактически** сам человек и **только он** (именно в этом заключается социальная природа его свободы) способен ограничивать свою волю¹.

Юридический закон, – подчеркнул Б. Н. Чичерин, – обращается к человеку как к свободному существу, могущему исполнять закон, так и нарушать его. На признании свободы **основаны понятия вины и ответственности, и в силу этого за нарушение закона полагается наказание**. Точно также и нравственный закон обращается к человеку в виде требования, а требование может быть предъявлено лишь свободному существу, которое может уклоняться от закона и в действительности, вследствие человеческого несовершенства всегда более или менее от него уклоняется. На свободном исполнении закона **основано все нравственное достоинство человека**².

Признанные мировым сообществом принципы гуманности, демократичности, равенства, справедливости, добродетели являются ориентирами для каждого государства в правовом регулировании пределов свободы автономной воли человека. Именно право, – подчеркнул С. С. Алексеев, – по своей сущности представляет собой образование из жизни людей, логически и исторически назначенное быть институтом, призванным **реализовывать** свободу каждого человека, предоставлять ему определенность и обеспеченность, а отсюда – истинно человеческую ценность. Праву отведена роль верховного, наивысшего регулятора в обществе, находящемся на известной стадии развития цивилизации в таком состоянии, когда должен беспрекословно воцариться принцип верховенства права, его безусловно доминирующая роль в сфере внешних практических отношений людей, его монополия при рассмотрении ситуаций, требующих решения «по праву»³. **Ключевыми ценностями права**, – справедливо отмечает И. И. Кальной, – выступают жизнь, воля, свобода, формальное равенство и справедливость⁴.

По образному выражению Гегеля, о чем уже упоминалось выше, «... **система права есть царство осуществляемой свободы**, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа... Внутренний голос может либо вступить с ними в коллизию, или согласиться с ними... Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное **бытие свободной воли**. Тем самым право есть вообще свобода как идея... **Право есть нечто святое вообще** уже потому, что оно есть наличное бытие абсо-

¹ Диденко Н.Г., Селиванов В.Н. Право и свобода. – С. 11.

² Чичерин Б.Н. Философия права. Изд. 2-е испр. – С. 30–31.

³ Алексеев С.С. Право:Азбука.Теория.Философия. Опыт комплексного исследования. – С. 450–451.

⁴ Кальной И.И. Философия права: учебник. – С. 21.

лутного понятия, самосознательной свободы... . Свобода воли есть тот принцип, из которого мы исходим, ибо право – не что иное, как осуществление воли, поскольку она свободна. Право покоится на свободе... Свобода обретает в праве свое осуществление, она не ограничена в нем, определения права не негативны, не ограничивающи по отношению к свободе, напротив, право носит по отношению к свободе утверждающий характер, свобода выступает в праве как утверждающая, присутствующая»¹.

Гегель Г. В. Ф. не был расположен к пониманию всех норм права как таковых, что служат эффективным, справедливым и гуманным *мерилом свободы*. Он, в частности, будучи приверженцем правового рационализма, подчеркивал, что «... законы имеют две стороны – *они должны быть разумны или понятны* и тем самым соответствовать собственному смыслу понятия, чтобы индивидиум мог им повиноваться, считая их благом, – но они имеют и другую сторону, которая состоит в том, что они *имеют силу*... Люди следуют законам *из страха* – а *осознанный страх есть проявление ума* при сопротивлении внутреннего убеждения; им следуют *из веры, доверия* – затем также при всей разумности и понимании – большей части постановлений закона из *здорового смысла*, позволяющего понять, что существует бесконечная сфера, внутри которой могут быть приняты те или иные решения; но главное состоит в том, что они должны быть приняты... Право *называется позитивным*, поскольку оно *имеет силу*, потому, что оно есть, а не потому, что оно разумно»².

Право является продуктом разума человека. Оно обращено к *сознанию, совести и воле, разуму* людей. В этой связи актуальной является выведенная более двух с половиной тысяч лет назад формула Сократа: «*Мудрому не нужен закон, у него есть разум*».

Вместе с тем, воля не пассивна относительно разума и права. Верно пишет Е.В. Скурко, что право во все времена служило наиболее ярким живым воплощениям *воздействия разума на волю* – с одной стороны, и воли на разум – с другой. И если признать, что цель эволюции человечества – развитие разума, интеллектуальный рост каждого и всех вместе, то право и его эволюция – отражение прогрессивного движения в этом направлении, выраженное фиксируемым в истории волевым усилием во благо и против вреда как каждому конкретному человеку, так и обществу в целом³.

Люди становятся упорными и добродетельными, – говорил Аристотель, – благодаря трем факторам: природе, обычаям и разуму, «... *разум* по принятому нами делению, бывает двояким: *деятельным и созерцательным*...». Он рассматривал в душе две части: часть, которая не имеет разума, и часть, одаренную разумом; и эти части, в свою очередь,

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 67, 57, 89, 90, 387.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 386.

³ Скурко Е.В. Философия права и правовая жизнь. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С.14.

имеют два свойства, одно из которых – **желание**, а второе – **сознание**. И подобно тому, как возникновению тела предшествует возникновение души, так и часть души, которая не имеет разума, образовывается прежде одаренной разумом части. И это понятно на примерах: состояние возбуждения, волевые стремления, а также проявления страстей присущие даже новорожденным детям, временно, как благоразумие и мыслительные способности, естественно, в них появляются только с возрастом. Вот поэтому и **забота о теле должна предшествовать заботе о душе**, а потом, **после тела, нужно побеспокоиться о воспитании склонностей**, с тем, чтобы воспитание их служило воспитанию разума, а воспитание тела – воспитанию души»¹.

Цицерон, исходя из того, что природу права нужно искать в природе человека, утверждал, что возникновение права нужно выводить из понятия закона. Ибо закон является силой природы. Он – **разум и сознание мудрого человека**. Он – мерило права и несправедливости. Когда этот разум достигнет зрелости, – замечал он, – и совершенства, то его справедливо называют **мудростью**. И поскольку лучше разума нет ничего... то первая связь между человеком и божеством – **в разуме**. Ведь тем, кого природа одарила разумом, она даровала и **здоровый рассудок**. Отсюда вытекает, что она им даровала и закон, который является здоровым смыслом – как в велениях, так и в запретах. Поэтому если она даровала им закон, то даровала и право. Разум же был дан всем. Значит, право было дано всем. Из этого он сделал вывод, что **выше всего**, – имея в виду **разум** (ratio), во многих словах – **смысл** (mens), **рассудительность** (consilium), **мышление** (cogitatio), **благоразумие** (prudentia). Если нет ничего лучшего, чем разум и мудрость, то необходимо, чтоб эти качества были свойственны тому, кого мы признали наилучшим»².

Закон определяется Фомой Аквинским как «любое **повеление разума**, которое провозглашается ради общего блага тем, кто печется об общественности». Вечный закон, посредством которого божественное провидение управляет миром, не делает излишними другие виды закона, проистекающие из него: естественный закон, принципом которого является основной постулат, закон томистской этики – «надлежит стремиться к благу и совершать благое, зла же надлежит избегать». **Человеческий закон, конкретизирует постулаты естественного закона** (определяя, например, конкретную форму наказания за совершенное зло) и **сила его ограничивается совестью**, противящейся несправедливому закону. Исторически сложившееся позитивное законодательство – про-

¹ Аристотель. Політика // Антологія лібералізму: політико-правничі вчення та верховенство права/ відпов. ред. С. Головатий.. – К.: Книга для бізнесу, 2008. – С. 121, 123, 127, 128.

² Цицерон. Про закони// Антологія лібералізму: політико-правничі вчення та верховенство права / відпов. ред. С. Головатий. – К.: Книга для бізнесу, 2008. . – С. 170, 171, 177, 204.

дукт человеческих установок – может быть изменено. Благо отдельного человека, общества и универсума определяется божественным замыслом, и нарушение человеком божественных законов является действием, направленным против его собственного блага¹.

Правовые законы, – подчеркивал Гегель Г. В. Ф., – это законы, идущие от людей. **Внутренний голос человека** может либо вступить с ним в коллизию, либо согласиться с ним. В праве человек должен найти свой **разум**, должен, следовательно, рассматривать **разумность права**².

В учении И. Канта **практический разум** выступает источником, откуда познание черпает свою истину относительно естественного права; **разум** – внешний, суверенный законодатель и закон одновременно, и ни в коем случае не интерпретатор, не толкователь, не исполнитель, и тем более, средство толкования или выяснения. При таком образе абсолютизации разум как понятие окончательно теряет всякий субъективный оттенок, связанный со способностью человеческого интеллекта понимать, мыслить, обобщать и т.п., превращаясь в самоценную и самодостаточную инстанцию, в объективную категорию, которая имеет свою действительность вне человека и к человеку³.

Именно И. Кант впервые полноценно рассмотрел феномен свободы с собственно личностно-антропологических позиций. Свобода, согласно И. Канту, **не феномен, а ноумен** (понятие, фиксирующее, что за пределами познания есть чувственность). Вектор свободы направлен не вовне, а внутрь. Свобода в метафизическом понимании есть обратная сторона ответственности. **Разум и сознание** человека вторичны по отношению к изначальной свободе, они даны как **инструмент** познания **мер, глубины** и содержания этой **ответственности**, степени укорененности человека в мир, в сеть казуальных связей и зависимостей. Ноуменальность свободы выражает сугубо личностное измерение бытия. В силу этого **с помощью разума и понимания** все более глубоких связей человек метафизически свободен⁴.

Свободная воля должна, прежде всего, дать себе наличное бытие, и первым чувственным материалом этого наличного бытия суть вещи, другими словами, внешние предметы. Этот первый вид свободы есть тот, который мы узнаем как собственность, – сфера формального и абстрактного права; в эту сферу с таким же основанием должна входить и соб-

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. IV. – С. 260.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 57.

³ Рабінович С.П. Розумність у праві. Філософсько-правовий та емпірико-юридичний виміри // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників Іного всеукраїнського «круглого столу». – Львів: Край, 2007. – С. 217.

⁴ Коломак А.И. Свобода и ответственность в современном мире: автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук. – Ставрополь: Северо-Кавказ. госуд. техн. ун-т, 2006. – С. 15.

ственность в ее опосредствованной форме в виде договора, и право в его нарушении, как преступление и наказание¹.

Воля, по Гегелю, неразрывно связана с умыслом. В действии человека может определить ее поступок и нести вину лишь за то, что ей известно о предпосылках ее цели, что содержалось в ее умысле. Деяние может быть вменено лишь как вина воли².

Антиподом права, по Г. В. Ф. Гегелю, есть **неправо**, имеющее три вида: **а) видимость права; б) обман; в) преступление**. Посредством преступления нечто изменяется, и предмет существует в этом изменении, но это существование есть противоположность себя самого и тем самым в себе ничтожно. Ничтожность состоит в том, что право снято как право³.

Право и «неправо», таким образом, являются парными категориями, подобно категориям **«добро» и «зло»**. В социально-правовом плане наиболее деструктивной формой «неправа» **есть правовой нигилизм** как на уровне политической организации общества в целом, так и на уровне обычных граждан. Он, подобно коррозии, разъедающей металл, **уничтожает системные связи унормированности** общества как целостного, жизнеспособного организма. Это **«инфекция»**, которая способна парализовать общественный организм, уничтожая его правовое поле, делая его уязвимым как с внутренней, так и с внешней стороны, это **путь к аномии** – потере обществом способности к самоуправлению, утверждению хаоса, кризисно-катастрофического состояния социально-правовой системы, зарождение и развитие многоуровневых социальных конфликтов, неконтролируемость преступности, падение нравственности.

Господство **«неправа»** порождает ряд негативных социально-правовых явлений. По мнению И. И. Кальной, наиболее **типичными проявлениями «неправа»** в современных условиях являются: 1) **абсолютная власть** государства, олицетворением которой выступает бюрократизм; 2) **жесткая нормативизация** всех сфер социальной жизни в форме тотального контроля не только за финансовыми потоками, но и за личной жизнью граждан; 3) **особая ментальность** с ориентиром на противостояние «своих» и «чужих»; 4) **криминализация** социума, находящая свое проявление в росте теневой экономики; 5) **коррумпированность** чиновников в условиях инверсии бюрократии в бюрократизм; 6) **авантюризм** политики и ее ориентированность на принцип «цель оправдывает средства, победителя не судят»; 7) **распад** правового сознания и культ правового невежества; 8) **правовой нигилизм** в различных проявлениях⁴.

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 94.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 161.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 145.

⁴ Кальной И.И. Философия права: учебник. – С. 219–220.

Заслуживает внимания понимание права и неправа, высказанное В. К. Самигуллиным. Он различает, кроме права и неправа, категории *передправо*, *псевдоправо*, *антиправо*, *паранправо*. Под *передправом* он понимает конкретные нормы поведения в догосударственном обществе, которые не могут быть отнесены ни к категории нравственных, ни к категории правовых норм, но уже содержат начала тех и других. *Псевдоправом* он называет неправое, то есть искусственно замаскированное под право. В некоторых случаях, — пишет он, — псевдоправо имеет безвредные формы, как, например, *детское* право, *фольклорное* право. Вместе с тем, псевдоправо может приобретать агрессивное направление, например, *теневое* право. Под *антиправом* он понимает абсолютное неправое, то есть то, что ни при каких обстоятельствах никем не может оцениваться как право или как что-то близкое к нему. *Антиправо* — это сфера своевольных решений, действий, поступков. Крайними формами неправового произвола являются преступления. Право и неправое часто разделены настолько, что могут существовать и развиваться относительно самостоятельно как два мира: мир и антимир. Однако на самом деле право и неправое полностью «не расходятся»; они образуют известное единство. В праве всегда присутствует и неправое, но в скрытом виде. Однако и неправое абсолютно не чуждое право: в скрытом виде неправое дано право. Имеются определенные основания, — считает автор, — позволяющие утверждать: при известных условиях неправое, как ни удивительно, может стать источником права. Размышления через призму «право — неправое» вывели В. К. Самигуллина на категорию *паранправа*. Рядом с наукой, — пишет он, — существует паранаука, рядом с культурой — паракультура, а рядом с психологией — парапсихология. Поэтому логика вещей говорит в пользу существования *паранправа*¹.

Поступок является выражением воли как субъективной, или моральной, утверждал Г. В. Ф. Гегель. Поэтому *государственные законы не могут распространяться на убеждения*, ибо в области морального я есть для себя самого и насилие здесь не имеет смысла². *Право моральной воли* содержит в себе три стороны: а) абстрактное, или формальное, право поступка на то, чтобы его содержание, так, как он осуществлен в непосредственном наличном бытии, было вообще моим, чтобы он был, таким образом, умыслом субъективной воли; б) особенное в поступке есть его внутреннее содержание, а именно: 1) как оно по своему всеобщему характеру определено для меня, что составляет ценность поступка и то, что он для меня значит, что составляет намерение; 2) его содержание в качестве моей особенной цели моего частного субъективного наличного бытия есть благо; в) это содержание как внутреннее, одновременно возведенное в свою всеобщность как во в себе и для себя сущую объективность,

¹ Самигуллин В.К. Право и неправое // Государство и право. — 2002. — № 3. — С. 6–8.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. — С.159, 143.

есть абсолютная цель воли, добро, выступающее в сфере рефлексии вместе с противоположностью субъективной всеобщности, **частью вместе со злом, частью вместе с совестью**¹.

По Гегелю, философия права является философией свободы, в структуре которой он усматривал автономию человека как личность. **Право и свобода являются выражением диалектики свободной воли человека**. Право есть внешним, формализованным выражением свободы, с ее реализованным царством имеющегося бытия. **Свобода как познанная человеком необходимость** является фундаментальным началом духа и может реализоваться исключительно в рамках государства, где человек как независимый субъект приобретает собственное достоинство. Воля же по Гегелю «...есть особый способ мышления: мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие»².

С таким подходом к пониманию права солидарен А. Кауфман, утверждающий, что право дано одновременно с бытием, является старейшей мыслью Европы, которой мы обладаем. **Кто мыслит бытие, мыслит так же и право**³.

По обоснованному мнению Б.С. Шалютина, право лежит в основании социального мира как особого, высшего типа бытия и современных людей как того типа индивидов, через которых социальный мир реализует себя. Право, таким образом, оказывается важнейшим фактором антропологического становления человека⁴.

Всякое организованное принуждение и всякая власть чтобы быть легитимными, как утверждал Г. Гурвич, могут опираться только на предшествующее в социальной среде право – право, которое их организует. **Социальное право, или право интеграции**, рождается через каждое проникновение в «Мь», которое и есть нормальная база жизни всякой группы⁵.

В чисто правовом смысле, свобода человека реализуется, главным образом, через субъективное право – те возможности, **пределы поведения, пределы разумной свободы**, которые определены объективным правом. Разумная свобода предусматривает господство разума над ощущениями и эмоциями.

А. Г. Мучник понимает образно **субъективное право** – как **«отдельный бронированный щит**, прикрывающий весьма уязвимое

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 159, 160.

² Гегель Г.В.Ф. Там же. – С. 68-69.

³ Kaufmann A. Ontologische Struktur des Rechts // Rechtsphilosophie im Wandel. – Frankfurt am Maine: Stationes eines Weges, 1972. – S. 131.

⁴ Шалютина Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. – 2011. - № 11. – С. 21.

⁵ Гурвич Г. Декларация социальных прав // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. – Т. 3. – Европа. Америка. XVII-XX вв. – М.: Мысль, 1999- С. 658-659.

тело **свободы** каждого индивида. Все ж права человека, взятые в своем разнообразии и совокупности – могущественная, в сущности, круговая бронированная защита для свободы всего народа». Человеческая свобода, как определила Верховный комиссар ООН по правам человека Мери Робинсон, – это драгоценное пространство, предохраняющееся стандартами, законами и процедурами, призванными защитить, предохранить и расширить права человека¹.

Интересным и полезным в научном плане является обобщение относительно соотношения закона и свободы человека, сделанное В. Вольновым. Если отбросить крайний случай, – пишет он, – когда закон и свобода человека провозглашаются абсолютно несовместимыми, то, чтобы мы ни понимали под законом, теоретически мыслимы лишь **три соотношения закона к свободе**: закон **ограничивает** свободу человека; закон **обуславливает** свободу человека; закон **тождествен** свободе человека. Во всех трех случаях свобода совместима с законом, но совместима по-разному: в первом – закон уменьшает свободу, во втором – увеличивает, в третьем – оставляет неизменной. Названные соотношения по-разному проявляют себя в зависимости от того, какая из существующих теорий свободы в политической мысли берется за основу: **абсолютистская, либеральная или тоталитарная. Первое понимание** определяет свободу человека как **возможность по собственному усмотрению делать то, что не запрещено законом, и не делать того, к чему закон не обязывает**. Поскольку законы не могут охватить все действия и поступки граждан, при любой форме правления всегда будет существовать почти бесконечное множество того, чего закон не запрещает и к чему не обязывает, и поэтому в любом государстве – будь-то монархия или демократия – подданные свободны. Причем свободны даже в том случае, если власть суверена – монарха или народа – неограниченная. Ибо воля суверена – это и есть закон, а закон не уничтожает свободу, а лишь ограничивает. Иными словами свобода совместима с абсолютизмом, и поэтому такое понимание свободы можно назвать **абсолютистским**. Абсолютистское понимание свободы сталкивается с серьезным затруднением в случае, когда суверен повелевает убить подданного или посадить его в тюрьму. Суверен всегда вправе это сделать, но в таком случае закон (воля суверена) уже не ограничивает свободу, а полностью или частично ее уничтожает. Она есть, но в любой момент **по праву** может быть отнята, причем возможно вместе с жизнью.

Либеральное понимание свободы, по его мнению, добавляет к вышеприведенному определению требование, на которое абсолютистское понимание вынужденно закрывает глаза: **независимость от чьей-либо воли**. Это добавление решительно переворачивает соотношение свободы и закона: закон не противоположность, а необходимое условие

¹ Мучник А.Г. Философия достоинства, свободы и прав человека. – С. 399, 401.

свободы, он не уничтожает и не ограничивает свободу, а сохраняет ее и расширяет. Ибо для свободы недостаточно одной только возможности делать все, что не запрещено законом; необходимо также быть независимым от чьей-либо воли; и так последнее неосуществимо там, где нет закона, сдерживающего произвол чужой индивидуальной воли, закон – необходимое условие свободы. В отличие от абсолютистского, либерального понимание основано на четком противопоставлении **закона и воли**. Воля – это нечто индивидуальное, неопределенное, неизвестное и непостоянное. Закон – нечто всеобщее, определенное, провозглашенное и постоянное. Зависимость от чужой воли делает человека несвободным, зависимость от закона (и только от него) делает человека свободным. Ибо хотя закон и ограничивает волю каждого, он одновременно избавляет каждого от зависимости от чужой воли. Таким образом, в отличии от абсолютистского, в либеральном понимании **не закон ограничивает свободу, а свобода – закон**, не закон определяет меру свободы, а свобода – меру закона. Волеизъявление верховной власти нарушающее эту меру, уже не является законом (в содержательном смысле), и именно поэтому там, где верховная власть абсолютна, подданные лишены свободы.

Третье разумение свободы человека автор условно называет тоталитарным. Оно определяет свободу как **подчинение своей и только своей воле**. Это определение, считает он, лишь вводит в заблуждение, будто тоталитарное и либеральное понимания говорят на разных языках, но об одном и том же. Возникает впечатление, будто тоталитарное понимание отличается от либерального по смыслу, но совпадает по значению, подобно тому, как совпадают по значению различные по смыслу понятия «утренняя звезда» и «вечерняя звезда». Однако, подчеркнул ученый, это впечатление обманчиво. Во-первых, **отсутствие** зависимости или подчинения чужой воле еще не значит **наличие** какого-либо иного подчинения, пусть даже своей собственной воле. Признание такого рода внутреннего подчинения содержит скрытое раздвоение человеческого **Я** на **Я** подчиняющее и **Я** подчиняющееся, чего нет и не может быть в простом отрицании внешнего подчинения. Во-вторых, – и это главное – воля, о которой говорит тоталитарное понимание, это **не только** индивидуальная, субъективная или **частная** воля в том смысле, что сколько людей – столько и воль. Речь идет **в том числе** и об объективной или **общей** воле, которая одна на всех и которой каждый человек обладает как гражданин. Человек свободен, когда подчиняется своей и только своей воле, но не только в смысле своей частной, но и в смысле **своей общей воле**.

В основе тоталитарного понимания лежат два допущения. Первое – само существование воли, которая заслуживала бы название общей. Существование такой воли не предполагает ни либеральное, ни абсолютистское понимание, хотя и нельзя сказать, что они с ним принципиально несовместимы. В конце концов, если признать существование общих

интересов или общего блага, то почему бы не признать и существование общей воли, которая **по определению** стремится к этим интересам или этому благу.

Второе допущение – отождествление общей воли с волей **каждого в отдельности**. Это уже куда более сильное допущение, которое возможно только в рамках тоталитарного понимания, так как только оно предполагает раздвоение единой человеческой воли. Это допущение не следует понимать так, будто каждый гражданин всегда **осознанно** желает и стремится к тому, чего желает и к чему стремится общая воля – скажем, к общему благу. Речь идет о том, что к чему бы ни стремилась сознательная воля гражданина, в его душе всегда присутствует **бессознательная** воля, стремящаяся к общему благу. Говоря образно, в глубине души человек всегда **желает** общего блага, даже если этого и не осознает. Это желание может становиться, а может и не становиться осознанным, но в любом случае оно есть желание самого этого человека и именно поэтому, подчиняясь общей воле, он подчиняется своей и только своей воле и, значит, свободен¹.

Свобода без права является **анархией**, а значит – уничтожением свободы².

Таким образом, **свобода воли** в рамках правового пространства жизнедеятельности человека характеризуется следующими проявлениями:

- право защищает свободу при формировании воли **в выборе** правомерных деяний человека от воздействия чужой индивидуальной воли, действующей противоправно;

- при формировании воли правомерного поведения свобода человека **ограничена лишь законом**, точнее установленными им правами и обязанностями;

- свобода воли проявляется также и в том, что человек волен выбирать не только **правомерный**, но и **противоправный** вариант деяний. Последнее по общему правилу рассматривается как превышение допустимой в обществе свободы человека и вызывает к деянию иной правовой механизм – принуждение к соблюдению установленных правил³.

Осуществляя свободу, пишет С. И. Шлёкин, человек осуществляет свое право как универсального, развертывающегося в многообразии культурно-исторических форм, общественного существа. И не свобода здесь является основой права, а наоборот, **право становится основой свободы** – право, задающееся культурно-нравственной средой. Право выбора определяет свободу человека в той мере, в какой человек, со-

¹ Вольнов В. Три понятия свободы: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://v-volnov.narod.ru/SmallWorks/ThreeConceptsOfFreedom.htm>

² Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. – М.: Библейско-богосл. ин-т. св. ап. Андрея, 2007. – С. 32.

³ Разгильдиева М.Б. Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография. – С. 98.

храняя культурную среду, преумножая ее, создавая многообразие форм, создает все возможности накопления и передачи опыта. Свобода воли, возведенная в закон, есть реализованное право, реально осуществляемая действительность, то есть действительность тех правоотношений, которые складываются в обществе. Свободное волеизъявление иначе и не возникает как в нормах, требующих столь же реальных механизмов исполнения законов¹.

Не все ученые настроены так оптимистически в вопросе соотношения свободы человека и закона, свободы человека и права. Например, Г. Сартори пишет: «В течение двух с половиной тысячелетий западный человек искал в законе свободу... распространенное **сомнение** в надежности правовой защиты свободы **нельзя признать неоправданным**. Причина в том, что изменилось наше понимание закона, а в итоге закон перестал быть для нас той защитой, которой он был раньше»². Жан Сальвер высказался в этом же плане, что «законченное воплощение свободы – это, в сущности, не что иное, как полнейшее уничтожение закона... **Закон и свобода взаимно исключают друг друга**»³. Еще более категоричным был И. Бентам: **каждый закон является нарушением свободы**⁴. Мало слов, – расширил он свою мысль, – от которых, со всеми их производными, было бы больше вреда, чем от слова свобода. Когда оно обозначает что-либо, вопреки простому капризу и догматизму, оно означает хорошее правление; и если бы хорошему правлению повезло занимать в разуме публики такое же место, которое принадлежит свободе, то едва ли осуществились бы все те преступления и безрассудства, позорящие и тормозящие ход совершенствования правления. Принятое определение свободы – что это право делать все, что не запрещено законом, – свидетельствует о том, как недобросовестно используют эти слова в обычном разговоре или произведении; поэтому если **законы плохие, что произойдет со свободой?** А если законы хорошие, то в чем ее ценность? Хорошие законы имеют четкое и понятное значение: они преследуют весьма полезные цели с помощью весьма пригодных средств⁵.

В последние десятилетия в постсоветской и зарубежной философско-правовой и правовой литературе распространяется мнение **о кризисе права или правовых ценностей вообще**. К примеру, Г. Дж. Берман высказал мнение о том, что «... мы находимся в середине беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права – не только так называемые

¹ Шлёкин С.И. Проблема права: Философско-методологический аспект. – М.: Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2013. – С. 106.

² G. Sartori. *Democratic Theory*. Detroit. 1962. p. 306.

³ Jean Salver. *Autorite et liberte*. Montpellier. 1932. p. 65.

⁴ Бентам И. Избранные сочинения. – Т. 1. – СПб: Типография листография Н. Тиблена и Ко (Н. Неклюдова), 1867. – С. 320.

⁵ Bentham. *Deontology*. London and Edinburgh. 1834. vol. 2. p. 59.

либеральные концепции последних нескольких столетий, но сама структура западного правового порядка, корни которого находятся в XI и XII вв.»¹.

Абсолютное большинство современных ученых лишено приведенного выше скептического отношения к праву как к средству, мере определения свободы человека. Разумение права как меры свободы человека в обществе, – подчеркивает Л. И. Лазебный, – носит социально-философский характер, поскольку право устанавливается путем обращения к категории свободы; это – одна из ипостасей свободы, один из конкретно-историчных путей ее развития. Право как особая сфера социальной деятельности возникает в виде особого механизма социальной регуляции свободы².

«Цель закона, – подчеркивал Леонард Трилони Гобгауз, – отнюдь не нравственное просвещение непокорных индивидов. Его цель – создать определенные условия, которые, по мнению общества, необходимы для благосостояния всех его членов и которые можно создать только с помощью внедрения единообразия»³.

Таким образом, если исходить с позиций юридического рационализма, есть все основания утверждать о **«разумной юридической, правовой свободе»** как определенной юридическими нормами возможности разрешенного, обязанного, поощряемого поведения лица и недопустимости его неразумного, запрещенного поведения в обществе.

В философской и юридической литературе категорию свободы связывают не только с правом как формальным способом выражения пределов свободы человека, но и с разумом человека как одним из антропологических оснований свободы человека.

В контексте понимания данной проблемы высказался Р. В. Соутерн: «Свобода – это порождение закона, а **закон – это разум в действии**; собственно разум делает людей самоценными»⁴. Там, где властвует закон, утверждает О. Гьофе, властвует также и разум. Благодаря своей форме самоорганизации в форме права общество подчиняется определенным требованиям разума и наоборот, право является неотъемлемой принадлежностью разума. Разум принадлежит к определению права. Понятие разума может применяться и в нормативном смысле. В этом случае разум присущ тому или иному закону, что дает возможность говорить о существовании **разумного (правового) и неразумного (неправового) закона**. В этом смысле он пишет об антропологической необходимости,

¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования // Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА – М – НОРМА, 1998. – С. 48.

² Лазебный Л.И. Политическое сознание: социально-философский анализ. – М.: Ин-т философии РАН, 1999. – С. 26.

³ Гобгауз Л.Т. Держава та індивід // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулза. Антологія. – вид. друге, переробл. / упорядник Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Смолоскип, 2009 – С. 695.

⁴ R.W. Southern. The Making of the Middle Ages. New Haven. 1953. p. 107.

охватывающей два момента: право как необходимость для выживания человека (**правоопределяющий разум**) и как необходимость для гуманной (хорошей, справедливой) жизни (**правонормирующий разум**)¹.

Заслуживает поддержки, как надлежащим образом обоснованный вывод С. П. Рабиновича о том, что **разумность** может рассматриваться как **базовый общий принцип**, значение которого разворачивается через конкретно-ситуативную материальную соразмерность индивидуального правового решения, основывающегося на осуществляемой в свете целей правового регулирования адекватной оценке значимости особых обстоятельств и последствий самого решения².

В философско-правовой литературе, как правило, рассматривается **взаимосвязь разума и воли** человека, базирующейся на концепции Гегеля о том, что они являются двумя сторонами, генетическими началами социального явления – права. Так, В. В. Шкода вывел такую формулу права: **«Право = воля + разум»**. Воле автор отводит приоритетную роль относительно разума³. Думается, что для такого вывода явно недостаточно надлежащих аргументов. Психологический механизм здесь, как представляется, таков: разум, как наивысшая духовная, антропологическая способность человека, является детерминантом его воли. Тогда воля будет **разумной, доброй**. Собственно целью закона, как справедливо подчеркивает В. С. Соловьев, есть недопущение проявления **злой воли** в ее крайних проявлениях⁴.

Разумность права, – пишет В. В. Шкода, – возникает во многих связанных между собой, измерениях: 1) в правильности и упорядоченности; 2) в выражении общего, которое можно воссоздать, повторить, передать; 3) в том, что необходимое, и всеобщее в нем (законе) приоткрывается благодаря индивидуальному разуму; 4) что право обращено к разумным существам; 5) в формальности права; 6) в несовместимости с обманом; 7) пронизанностью логикой и мышлением; 8) в упорядочении и дисциплинировании жизни людей⁵.

Разумное правовое регулирование общественных отношений проявляется, в частности, в признании автономии человека. О наличии в обществе права, – заметил Э. Ю. Соловьев, – можно говорить лишь в том случае, если каждый его **член признан государством как разумное существо**, способное самостоятельно решать, что для него хорошо⁶.

¹ Гьофе О. Розум і право. Складові інтеркультурного правового дискурсу; переклад з нім. мови Л.А. Сотниченко, М.Д. Култаєвої. – К.: Альтерпрес, 2003. – С. 29, 33, 35.

² Рабінович С.П. Розумність у праві: філософсько-правовий та емпірико-юридичний виміри. – С. 227.

³ Шкода В.В. Вступ до правової філософії. – Харків: Фоліо, 1997. – С. 175.

⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра. Соч.: в 2 т. – Том. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 451–452.

⁵ Шкода В.В. Вступ до правової філософії. – С. 139.

⁶ Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. – М.: Наука, 1992. – С. 8.

Свобода индивида может быть значительной, – подчеркивает В. А. Бачинин, – если она проявляется в пределах, установленных цивилизованными нормами, гуманными правовыми принципами. Но если эти рамки утверждены авторитарным или деспотическим режимом, то индивидуальная мера социальной свободы внутри них оказывается незначительной. Дефиниции права чаще всего выстраивались или посредством его сопряжения со свободой, либо через намеренное игнорирование последней. **Для права свобода** человека – ценность и цель, пребывающая вне его, – является **внешней целью или целевой причиной**. Задача права состоит в том, чтобы обеспечить необходимые цивилизационные условия для прямого воздействия этой целевой причины на человеческий дух. Человек должен не просто знать, что он свободен, но и отчетливо представлять ту меру свободы, которая является оптимальной в правовом пространстве цивилизованного общества. Чтобы поиски этой меры не были для индивида слишком продолжительными и не порождали нежелательных отклонений и эксцессов деструктивного характера, государство вынуждено предпринимать усилия по собственному превентивному страхованию при помощи норм и законов права, которые обозначают те пределы, за которые внешняя свобода социальных субъектов не должна распространяться. В результате обнаруживается парадоксальное свойство права, которое предстает как сила, не только принуждающая, но и освобождающая. Принуждая к законопослушанию, она освобождает человека от диктата многих грозящих ему опасностей, в том числе от угрозы, исходящей от несовершенств собственной природы, от опасности быть раздавленным гигантской машиной государства и многих других превратностей социальной жизни. В цивилизованном государстве нормы права адресуются личности как свободному субъекту. Предполагается, что она **обладает возможностью выбора** и может либо подчиниться норме, либо нет. Государство оставляет за собой определенные возможности и, в первую очередь, право вмешиваться в сферу последствий свободного выбора личности. Если человек нарушил норму права, возникает качественно новая ситуация его юридической ответственности за нарушение¹.

Итак, **юридическими пределами** индивидуальной свободы воли человека являются его **субъективные права и обязанности**, закрепленные в нормах объективного (позитивного) права. Однако, воля человека проявляет себя как правовое явление, если только она не противоречит проявлению воли других отдельных индивидов или общей воле любой социальной целостности².

Думается, что юридические пределы индивидуальной свободы человека определяются не только субъективными правами человека, но

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – С. 770, 772, 774.

² Диденко Н.Г., Селиванов В.Н. Право и свобода. – С. 12.

и его правовыми свободами и обязанностями. *Пределы социальной свободы человека*, таким образом, в значительной мере определяются государством при помощи норм права, которые позволяют, поощряют, запрещают определенное его поведение или обязуют его к определенному поведению. Каждая норма права содержит в себе соответствующее *предписание, веление* субъекту общественных отношений, указывая на *желательный* государством *стандарт* его поведения в определенных условиях социального бытия. Такое предписание, веление обеспечивается принудительной силой государства, призванного контролировать социально значимое поведение субъектов общественных отношений, обеспечивать соблюдение ими пределов социальной свободы через применение юридической ответственности. При этих условиях *свободная воля* человека формируется *через его разум и свободу совести* не только в пределах его социальной свободы, но и в органической связи *с социальной необходимостью* и юридической ответственностью, которая, как известно, также имеет четко определенные в законе пределы и меру. Совесть человека является весьма важным антропологическим основанием свободы человека.

Как явствует из изложенных выше позиций ученых, одной из ключевых категорий употребляемых ими при анализе данной проблематики является категория «право». Вместе с тем в современной доктрине права нет единого разумения этой категории. Предпринимаются попытки систематизировать взгляды ученых относительно разумения категории «право». Например, С. И. Максимов пишет о праве через призму четырех основных, по его мнению, способов осмысления правовой реальности, каждый из которых делает акцент на одном из ее аспектов: 1) *правовой позитивизм* – на внешней стороне правовой реальности, совокупности норм, обеспеченных принудительной силой государства; 2) *правовой объективизм* – на социальной обусловленности права, его укорененности в жизни; 3) *правовой субъективизм*, или классические концепции естественного права, – на идеально-моральной стороне права, на раскрывающейся в сознании субъекта идее права; 4) *правовую интtersубъективность*, или неклассические концепции естественного права, – на той смысловой стороне права, которая проявляется в процессе взаимодействия субъектов, их коммуникации и интерпретации позиции другого¹.

Кроме названных выше аспектов в юридической литературе высказаны также иные подходы к разумению понятия права. Весьма привлекательной представляется юснатуралистическая концепция разумения права, представленная А. Н. Костенко и Е. А. Костенко. По их мнению, идеологией, позволяющей преодолеть правовой позитивизм,

¹ Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – С. 34.

есть правовая идеология, основанная на идее социального натурализма (социально-натуралистическая идеология), проявлением которой является, в частности, идеология **природного (естественного) права**. В соответствии с данной идеологией права, – это законы социальной природы, воплощенные законодателем в действующем законодательстве. Исходя из этого, **законы социальной природы** (то есть, другими словами, законы природного права) – это, образно говоря, **«дух» законодательства**, а текст законодательства, воплощающий в себе его «дух», – можно определить как «букву» закона. Существует следующая закономерность: чем адекватнее «дух» законодательства воплощен в его «букве», тем более развитым есть право в стране¹.

С. И. Максимов подчеркивает, что правовой позитивизм, считая позитивность решающим признаком права, по сути, сводит сущность права к его существованию и во имя безопасности стремится освободиться от духовного содержания права, связанного со свободой, что приводит к опасному тезису будто для природы права безразлично, какое содержание позитивируется. Думается, что в этом случае такой вывод чрезмерно категоричен, ибо позитивисты, как правило, связывают право государства применять наказание, как мы увидим далее, с категорией «свобода воли». **Естественно-правовое мышление**, пишет далее он, не является однородным. По его мнению, можно выделить различные **типы концепций естественного права**: 1) на основании того, на каком из ключевых понятий делается акцент («природа», «разум», «природа человека»), выделяются космологические (натуралистические и теологические), рационалистические и антропологические концепции естественного права; 2) в зависимости от понимания смысла права следует различать «старое» и «новое» естественное право. Первое характерно для традиционных обществ, где предполагалось природное неравенство людей, а второе – для модернистских обществ, основанных на идее равенства и свободы, а потому представляет собой теорию прав человека; 3) по способу обоснования идеи права концепции естественного права могут быть разделены на натуралистические, деонтологические и логоцентрические, различающиеся трактовкой онтологического статуса естественного права: оно понималось в качестве существующего до позитивного права, как закон природы (Дж. Локк), над позитивным правом, как моральный идеал (И. Кант), и в самом позитивном праве, как его разумное ядро (Г. В. Ф. Гегель); 4) в зависимости от различных эпох в развитии философии и всей культуры в целом (классика и современность) концепции естественного права могут быть разделены на классические и современные (неклассические). Классические концепции естественного права, как утверждает

¹ Современные проблемы уголовно-правового воздействия: межгост. сб. науч. ст. / редкол.: Е.А. Письменский (отв. ред.) [и др.]; МВД Украины, Луган. гос. ун-т. внутр. дел им. Э.А. Дидоренко, Волгогр. гос. ун-т. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2013. – С. 55.

С. И. Максимов, переносят акцент с существования права на его сущность, но трактуют его как трансцендентальную реальность, содержание которой правильно и легитимно для всех людей. Он приходит, как представляется, к логическому выводу о **необходимости признания дуальной природы права**, что не является признанием дуализма права – существования **двух самостоятельных реальностей: естественного и позитивного права**. Природа права представляет собой признание этих двух измерений единого феномена. Эти измерения воспроизводятся при решении всех правовых вопросов и являются онтологической основой любых правовых концепций, которые стремятся к адекватному отображению природы права, включая и интегральные концепции. При этом степень адекватности концепции права непосредственно зависит от того, насколько полно удастся отобразить такую дуальность¹.

По обоснованному убеждению Ю. Н. Оборотова, современная юриспруденция как система знаний выработала свои аксиоматические начала, которые могут быть представлены как **постулаты права**. Высокий уровень формализации правовой сферы призвел к тому, что определяющим постулатом есть правопонимание. Среди важнейших постулатов права он выделяет **постулат правового дуализма**, отражающийся в делении права на естественное и позитивное, объективное и субъективное, частное и публичное, материальное и процессуальное. Получил также признание постулат, который часто называют **правовым плюрализмом**, который выражается в наличии разнообразных источников права. Кроме этого, он обращает внимание на постулаты правовой целостности и правовой принадлежности. Признание названных постулатов позволит определить такое понятие права, которое позволит приблизиться к существующим правовым реалиям. По его убеждению, правопонимание – это отражение в юриспруденции основоположных (аксиоматических) характеристик правовой реальности. Понимание права – это процесс формирования образа права на основании предразумения и использования знаний, умений, навыков и т.п. Понимание у правовой сфере выступает как познание либо переосмысление всего того, что связано с правом. Ю. Н. Оборотов обращает внимание на парадигму **интегративного правопонимания**, которое сочетает достижения позитивизма, социологизма, психологию историзма, то есть всего того, что выработано при помощи классической методологии. Интегративные правопонимания, будучи порождением неклассической методологии в трактовании его адептов, тяготеет к тому, чтобы претендовать на едино правильный, ранние сказали бы научный, вариант развития юриспруденции, именуемой интегративной юриспруденцией. Рассматривая процесс развития права в разных культурах и цивилизациях, он предложил **три парадигмы правопонимания**: 1) **парадигмы донаучного правопонимания** (ми-

¹ Максимов С.И. Коцепция правовой реальности. – С. 51, 35, 37, 39.

фологическая, теологическая), существовавшие в период, когда юриспруденция находилась еще на стадии становления и не существовала как самостоятельная сфера гуманитарного знания; 2) **парадигмы научного правопонимания**, когда состоялось деление сфер религиозного и светского, и когда развитие светской сферы стало определяться рационализмом и рациональностью, привязанных к человеческому разуму. Иначе, парадигмы этого периода (нормативная, социологическая, психологическая и т.п.) могут быть названы парадигмами юридического рационализма; 3) **парадигмы постнаучного правопонимания**, существовавшие в эпоху постмодерна, когда имеет место кризис рациональности и сочетаются знания и вера, закономерность и случайность, истина и ценность. Парадигмы этого периода (антропологическая, коммуникативная, интегративная, ценностно-нормативная) могут быть названы парадигмами правопонимания постмодерна. На основании предложенных подходов к правовой реальности, а также с учетом принципиальных изменений в праве и государстве в эпоху постмодерна Ю. Н. Оборотов предложил **ценностно-нормативную парадигму правопонимания**. Право – это исторически обусловленная, морально обоснованная и религиозно выверенная, легализованная ценностно-нормативная система, рассчитанная на всеобщее признание (легитимизацию) и соответствующее поведение людей, организаций, социальных общностей, в которой используются процедуры, формализованные решения и государственное принуждение для предупреждения и разрешения конфликтов, сохранения социальной целостности¹.

Анализируя плюралистические подходы к правопониманию, П. М. Рабинович обосновал новый подход к разумению категории «право», который условно назван **инструментально-потребностным**. Квинтэссенция инструментально-потребностного правопонимания представлена им следующей дефиницией: **право** – это совокупность средств удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей, обеспечиваемых органами публичной власти. При этом он не сводит упомянутые органы лишь к государственным или официальным. Исходя из того, что названные средства удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей находятся вне субъекта, ему изначально не принадлежат, пребывают вне его, то дефинированный феномен (по отношению к такому субъекту) представляет собой право объективное. А сопряженное с последним право субъективное он определяет, исходя из обоснованного им правопонимания, как определенные возможности субъекта общественной жизни, которые необходимы для удовлетворения его биологически и социально обоснованных в конкретно-исторических условиях потребностей существования и развития, объективно предопределяемых достигнутым уров-

¹ Оборотов Ю.М. Праворозуміння як аксіоматичне начало (постулат) права // Право України. – 2010. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.info-prensa.com/article-322.html>

нем развития общества, и обеспечены соответствующими обязанностями других субъектов. В этом случае имеет место правопонимание, относимое к *социолого-позитивистскому* его типу, а *точнее – к социально-антропологической разновидности последнего*, в его историко-материалистической интерпретации¹. По мнению П. М. Рабиновича, можно констатировать, как минимум, три эвристически-плодотворные *особенности этого правопонимания*: 1) оно позволяет объяснить неустрашимость содержательной плюралистичности правопонимания (даже в пределах одного общества); 2) оно, ориентируя на выявление носителей тех потребностей, удовлетворение которых опосредуется феноменом, отображаемым термином «право», способствует обнаружению социальной сущности последнего, а не ее сокрытию, замаскированию, искажению; оно направлено, таким образом, на профилактику манипулирования интерпретациями предельно-абстрактных оценочных категорий, объективно допускающих их многообразные, даже взаимоисключающие смыслонаполнения; 3) наконец, учитывая неизбежное естественно-историческое изменение человеческих потребностей, оно позволяет объяснить содержательный динамизм многих концепций права. Это свойство последних издавна, можно сказать, изначально констатировалось едва ли не всеми разновидностями социолого-позитивистского правопонимания². Таким образом, исходным пунктом этого подхода есть человек со своими естественными, многообразными и постоянно развивающимися интересами и потребностями. Это дает основание рассматривать его как *естественно-правовой*.

Памятуя о том, что сущность и форма пребывают в неразрывной связи, что сущность сформирована, а форма – сущностная, научный концепт по дуальной природе феномена права следует признать продуктивным. В этом случае, как представляется, имеет место соотношение философских категорий «форма» и «содержание». В позитивистском понимании феномена права первичной является форма как внешнее выражение феномена права, сущность которого – властная воля, возведенная в закон. Концепции естественного права акцентируют внимание, в первую очередь, на содержательной характеристике феномена права, делая акцент на нравственно-этические характеристики феномена права.

Инструментально-потребностный подход П. М. Рабиновича направлен, главным образом, на определение сущностной характеристики феномена права через категорию «потребность». В этом случае сущность права – защищенная правом потребность, а совокупность средств удовлетворения потребностей – форма выражения права.

¹ Некласическая философия права: вопросы и ответы. – С. 17.

² Рабинович П. М. Некоторые современные концепции права в России и в Украине (в свете потребностного правопонимания) // Ежегодник украинского права. – 2014. – № 6. – С. 37–38.

В связи с изложенными выше парадигмами разумения феномена права, известный интерес представляет нормативная позиция Конституционного суда Украины, определяющая, как представляется, вариант логического сочетания права естественного и права позитивного. В решении Конституционного суда Украины от 02.11.2004 года, в частности, указано: «Верховенство права – это господство права в обществе. Верховенство права требует от государства его воплощения в правотворческую и правоприменительную деятельность, в частности в законы, которые по своему содержанию должны быть пронзены прежде всего идеями социальной справедливости, свободы, равенства. Одним из проявлений верховенства права есть то, что **право не ограничивается лишь законодательством как одной из его форм, а включает и другие социальные регуляторы, в частности нормы морали, традиции, обычаи, принципы права, легитимизуемые обществом и предопределены исторически достигнутым культурным уровнем общества**. Все эти элементы права объединяются качеством, которое отвечает идеологии справедливости, идеи права, которая в значительной степени нашла отражение в Конституции Украины»¹.

На формирование свободы воли человека влияют другие личностные и социальные факторы объективного и субъективного характера. Человек, как уже отмечалось, **может быть наделен достаточно высоким уровнем разума и совести, иметь силу и волю, но не иметь силы воли. Лишь при наличии у человека силы воли**, его воля, опосредствована разумом и совестью, может быть источником его социальной свободы, фактором, детерминирующим **выбор** формы его поведения – просоциального (правопослушного) или антисоциального (противоправного). Еще Г. В. Ф. Гегель писал: «Воля, которая ничего не решает, не есть действительная воля; бесхарактерный человек никогда не приходит к решению. Причина колебания может заключаться и в нежности души, которая знает, что в определении она вступает в область конечного, ставит себе границу и отказывается от бесконечности: она же не хочет отказаться от тотальности, к которой стремится. Такая душа мертва, хотя она и хочет быть прекрасной»².

С точки зрения права каждый волевой акт поведения человека можно рассматривать как взаимодействие трех составляющих: **а) желания** как определенного проявления сознания, в частности, правосознания, конкретного человека; **б) стимула** (положительного или отрицательного) как проявления правосознания общества, что отражается в действующем законодательстве и ориентирует определенным образом систему ценностей конкретного человека на объективно обусловленную и обще-

¹ Решение Конституционного суда Украины от 2 ноября 2004 года № 15-рп/2004 по делу о назначении судом более мягкого наказания // Офіційний вісник України. – 2004. – № 45. – Ст. 2975.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 79.

признанную систему социальных ценностей этого общества; **в) акта волеизъявления** человека в конкретном деянии, степень свободы проявления которого зависит, в частности, от реально существующего политического режима и юридического порядка, обусловленных принципиальной структурой существующих экономической, политической и юридической систем **с соответствующим признанием** в обществе **роли свободы** человека как субъекта права¹.

В юридической литературе, в связи с мерой свободы и мерой ответственности человека, рассматривается категория **«несвобода»** как парная категория относительно категории **«свобода»**. Так, В. П. Малахов пишет, что понятие несвободы человека ассоциируется с внешними, нормативными началами социальной деятельности. С одной стороны, несвобода человека свидетельствует о связанности правового существа условиями и обстоятельствами, существующими социальными структурами и зависимостями. Сознание несвободы является следствием признания чужой воли, чужих притязаний и власти. С другой стороны, она осуществляется ценой отказа от определенных целей ради преимуществ признанного за человеком положения, статуса в обществе. **Социальная несвобода** человека всегда есть несвобода правовая. В несвободе человека как существующем порядке и мере связанности социально направленной воли необходимостью, обязанностью, обстоятельствами и пр. заложена тенденция к переходу в свою крайность – в **свободу**, а точнее – в освобожденность от права, в своеволие. Правовой феномен несвободы человека нельзя воспринимать как отрицательное состояние, деструктивное начало в социальной реальности. Несвобода человека позитивна, так как является формой воспроизводства социальных структур, общественных отношений, выступает одним из важнейших индикаторов полноты социального порядка. Понятие **свободы и несвободы** человека коррелятивны по причине их противоположности. В несвободе заложена возможность права, в свободе – возможность бесправия. **Несвобода** есть граница свободы, свобода – преодоление несвободы. Эта диалектика имеет для правового существа полноценный смысл и отражает фундаментальное свойство социальной реальности, в которой правовая несвобода человека выступает мерой политической свободы, а политическая свобода оказывается условием преодоления правовой несвободы (связанности)².

Как отмечает Ю. В. Сорокина, грань перехода от свободы к несвободе и обратно весьма тонкая. По ее мнению, можно условно различать три степени несвободы: 1) несвобода, в основе которой физиологические причины; 2) несвобода, в основе которой нравственно-религиозные ограничения; 3) несвобода, в основе которой прямое принуждение – физическое и государственное³.

¹ Диденко Н.Г., Селиванов В.Н. Право и свобода. – С. 12.

² Малахов В.П. Философия права. – С. 135-136.

³ Сорокина Ю.В. Введение в философию права: курс лекций. – С.103.

Свободным человек ощущает себя лишь тогда, когда он хочет того, что считает правильным в качестве результата своего размышления. Как **несвободу** мы ощущаем только *извне навязанное принуждение*, которое заставляет нас действовать иначе, нежели мы хотели бы по собственному усмотрению. Отсюда вытекает концепт **обусловленной свободы человека**, в равной степени учитывающей оба момента – **свободу и ее обусловленность**. Свободная воля человека обусловлена **мотивационной силой** размышлений, которые рефлектируют как над собственными желаниями и представлениями, так и над условиями, возможностями, средствами и вероятными последствиями. Эти формирующие волю человека мысли возникают у него из его субъективной природы; однако, с его точки зрения, они не могут одновременно проецироваться на научно опредмеченную природу¹.

В этой связи Г. В. Ф. Гегель писал, что «... наша свобода является **смесью свободы и несвободы**, последняя должна быть ограничена. Ограничивается несвобода, напротив, определение стороны свободы состоит в том, что свобода полностью осуществляется. Свобода должна стать действительной посредством права...»².

Правовая мысль, – отмечает В. А. Бачинин, – не пытается исследовать проблему свободы человека во всем ее объеме, поскольку для нее это слишком обширный предмет, выходящий далеко за пределы ее компетенции. Она ограничивается несколькими существенными аспектами нормативно-ценностного характера, в числе которых представление о том, что одна из целей права – внешняя свобода человека. Уже в «Дигестах» Юстиниан толкует свободу как естественную способность каждого человека делать то, что не запрещено законом³. В современных условиях свобода воли человека, как представляется, должна реализовываться не только в пределах закона, но и в пределах иных социальных норм. То есть свобода воли человека должна реализовываться в пределах унормированной социальной свободы.

Свобода, как закреплено в ст. 4 «Декларации прав человека и гражданина», состоит в возможности делать все, что не причиняет вреда другому; таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. **Пределы эти** могут быть определены лишь законом».

Свобода воли человека рассматривается как субъективная составляющая социально-этичного основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности. С. А. Велиев предлагает **под свободой** воли человека как субъективным основанием его юридической ответственнос-

¹ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. – М.: Весь мир, 2011. – С. 148, 182.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 387.

³ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – С. 771.

ти **понимать** возникающее в процессе индивидуального развития биологически подготовленное и социально обусловленное свойство человеческой психики производить на основе познания внешней ситуации и самого себя оценку, выбор, принятие и осуществление решений о требуемой и ожидаемой социальной активности¹.

Изложенное выше дает основания заключить, что **свободу человека в праве** нужно представлять как **разумную, морально правильную, правовую необходимость**, согласованную с его собственными убеждениями, установками, идеалами, интересами и потребностями, опосредствованную **его совестью** и обеспечиваемую **силой воли**. Право как **воплощение продукта человеческого разума** должно быть наделено качествами общечеловеческих ценностей. При таких условиях разум, совесть человека, его разумная **свобода воли** к деянию (действию или бездействию), служат антропологическими составляющими социально-этического (нравственного) основания юридической ответственности человека.

2. Нормативно-правовое основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности можно понимать в **трех уровнях** – а) микроуровень; б) макроуровень; в) мегауровень.

На **микроуровне** нормативным основанием для применения к человеку негативной (ретроспективной) юридической ответственности является норма (нормы) материального законодательства, закрепляющая состав совершенного человеком правонарушения.

Нормативно-правовым основанием негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека на **макроуровне** понимания понятия этого феномена является **норма (нормы) материального законодательства**, закрепляющая состав совершенного человеком правонарушения, а также **нормы процессуального** законодательства, определяющие процедуру привлечения его к соответствующему виду юридической ответственности и назначения ему правового взыскания или наказания решением суда, а также нормы **исполнительного** законодательства, определяющие порядок и условия исполнения назначенного ему правового взыскания или наказания. Кроме этого, в случае привлечения человека к уголовной ответственности – нормы уголовного и уголовно-процессуального права, определяющие реализацию института судимости.

Нормативно-правовое основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности на **мегауровне** разумения этого понятия представляют: нормы международного права и внутригосударственного законодательства, определяющие противоправность совершенного человеком деяния, нормы внутригосударственного законодательства, определяющие состав соответствующего правонарушения и процедуру приме-

¹ Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – С. 19.

нения к человеку юридической ответственности (нормы процессуального и исполнительного законодательства).

Важное значение в процессе познания человеком окружающей действительности имеет *понимание гносеологической природы права*. По этому поводу А. А. Козловский пишет, что нормативность познания приобретает свое концентрированное правовое выражение в норме права. Норма права и есть наиболее интенсивным и целостным проявлением гносеологической природы права, предметом самой большой познавательной напряженности субъектов правоотношений и общественной саморегуляции в целом. Норма права – это не статическая структура, а способ познания реальности. Она является ответом и вопросом о реальности одновременно. Познавательные процессы, происходящие в обществе, постепенно трансформируются в процессы правового познания. Динамика нормы права – это ни что иное, как динамика познавательных процессов. Чтобы норма права реализовалась, она должна раскрыть перед субъектом все свои познавательные возможности, а это достигается только благодаря активности самого субъекта. Познание является источником, движущей силой, структурой и последствием деяния нормы. Без познавательной интенсивности нет и нормы права. Это вытекает из того, что она сама не только является порождением познания, но и в своей структуре, в строении и взаимодействии элементов уже закладывает условия, формы и необходимость познавательных процессов. Норма права является не только гносеологическим результатом практического социального опыта. Своей логической структурой, составом и динамикой элементов она объективно предусматривает необходимость познавательной активности субъектов правоотношений¹.

Важными правовыми основаниями для реализации негативной (ретроспективной) правовой ответственности являются решения Европейского Суда по правам человека и решения соответствующих внутригосударственных судов.

3. Фактическим (субъективным) основанием негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека является совершение им деяния, содержащего состав правонарушения, то есть поступка, запрещенного нормой права под угрозой привлечения виновного в его совершении к соответствующему виду юридической ответственности.

С философско-правовых позиций правонарушением является индивидуалистический, анархистский произвол отдельных индивидов, ответственных за свои деяния, выражающийся в форме виновного деяния, опасного (вредного) для данного общества, нарушающего правопорядок и являющегося, вместе с тем, элементарной формой массовидного

¹ Козловський А.А. Гносеологічні принципи права // Проблеми філософії права. – 2005. – Т. 5. – № 1–2. – С. 36.

социального явления – деликтности, обусловленной социальными причинами¹.

Как отмечает С. С. Алексеев, – правонарушение как основание юридической ответственности, характеризуется **четырьмя элементами**, образующими его состав. Это **объект** – нарушенное материальное или нематериальное благо, охраняемое правом; **субъект** – дееспособное лицо, совершившее правонарушение; **объективная сторона** – само противоправное деяние, наступивший вредный результат и причинная связь между деянием и результатом; **субъективная сторона** – вина, то есть отношение правонарушителя к деянию и его результатам в форме умысла или неосторожности. Юридическая ответственность может быть возложена на человека лишь при наличии, а практически в режиме законности – установлении всех элементов состава правонарушения. Это требование является обязательным, безусловным для привлечения лица к уголовной и административной ответственности. Относительно же гражданских правонарушений (в том числе при ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности) закон может сделать исключение из этого правила: лицо может подлежать ответственности при определенных обстоятельствах **и без вины**².

В основе гражданско-правовой **ответственности человека без вины** лежит «концепция причинения», сущность которой заключается в том, что сам факт причинения вреда признается достаточным для наступления гражданско-правовой ответственности. Однако постепенно, в результате продолжительных дискуссий, приобрело распространение понимание ответственности человека как средства наказания за совершение правонарушения, а в теории цивилистики господствующие позиции заняла концепция применения гражданско-правовой (имущественной) ответственности за его виновные деяния. На ход научных дискуссий оказала заметное влияние позиция судебной практики, которая в полной мере не восприняла доказательства в пользу применения «принципа причинения» как определяющего принципа гражданско-правовой ответственности человека за причиненный вред. Таким образом, в цивилистической науке сформировалось и приобрело распространение определение гражданско-правовой ответственности человека как определенного средства государственного принуждения, применяемого к виновному в совершении правонарушения лицу, и выступает как обязанность лица, причинившего вред, испытать предусмотренные нормами права негативные последствия совершения правонарушения, имеющие принудительный характер независимо от того, выполняются они добровольно или в судебном порядке. Несмотря на то, что принцип ответственности человека за

¹ См.: Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственность. – С. 275.

² Алексеев С.С. Право: Азбука.Теория.Философия. Опыт комплексного исследования. – С. 74–75; Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 1968. – № 1. – С. 50.

виновное причинение вреда утвердился как важный принцип определения правовых последствий гражданского правонарушения, дискуссии в этом направлении продолжаются и до сих пор¹.

Возложение на определенного человека обязанности возместить причиненный без вины вред пострадавшему (объективная ответственность), – отмечает С. Н. Братусь – рассматривается в порядке исключения из общего правила, как **аномалия**, вынужденная уступка, дань обстоятельствам, историческая традиция, подкрепленная действующими законами и практикой. Проанализировав мнения ученых относительно данной проблемы, он выделил **четыре их позиции**. **Одни** из них рассматривают эту ситуацию как вид страхования. **Другие** – безвинную (объективную) ответственность человека ставят в один ряд с ответственностью за вину. **Третьи** склонны к тому, что безвинная (объективная) ответственность человека и есть по своей сущности ответственностью за вину. **Четвертые** обоснование безвинной (объективной) ответственности человека усматривают в принятии должником на себя риска за последствия своих деяний, при этом понимание ими риска не единодушное².

П. Рикер выводит идею ответственности из вменяемости. Субъект права должен быть вменяемым (подлинным автором) или ответственным (считать себя ответственным за свои действия). Идея ответственности без вины (вина сегодня заменяется риском, безопасностью) возникла через механизм страхования, когда индивидуальное управление виной заменилось социализированным управлением риском. В моральном плане произошел сдвиг объекта ответственности. Рикер пишет, что «... сочетания *отвечать за...* и *отвечать на...* находятся за пределами семантического поля глагола *отвечать*, и основополагающее понятие здесь надо искать в семантическом поле глагола *вменять*. Во вменении располагается изначальное соотношение с обязательством, и обязательство возместить ущерб или подвергнуться наказанию образует всего лишь королларий или дополнение к нему, которое можно обозначить родовым термином *воздаяние* (или в словаре теории речевых актов поместить в категорию «вердиктивов»). Термин *вменение* был хорошо известен в эпоху, когда термин «ответственность» не имел общепризнанного применения за пределами политической теории, где он фигурирует в связи с ответственностью суверена перед британским парламентом. Правда, соотносительность с этим экстраюридическим употреблением термина небезынтересна в той мере, в какой здесь проявляется идея *сведения счетов*, идея, нашедшая себе место в понятийной структуре вменения. Это смежное употребление термина «ответственность» сыграло известную роль в эволюции, приведшей к тому, что понятие «ответственность», взятое в юридическом смысле, отождествилось с моральным смыслом вменения. Но нас инте-

¹ См.: Ківалова Т. Цивільно-правова недоговірна відповідальність як вид юридичної відповідальності. – С. 209.

² Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – С. 154, 156.

решает не это. Для начала понятие *вменения* следует очертить в свойственной ему структуре, а уж затем - интерпретировать челночные движения между вменением и воздаянием... Вменять некоторое действие кому-либо означает приписывать это действие ему, как его подлинному виновнику, выставляя его, так сказать, на его счет, и делать его за него ответственным. Эта дефиниция примечательна в той мере, в какой в ней отчетливо предстает процесс деривации, приведший от приписывания к воздаянию. Подчеркнем: приписывать действие кому-либо, как его подлинному виновнику»¹.

«Вся современная история того, что называют **правом ответственности** в техническом смысле термина, склонна к тому, чтобы уступить место **идеи ответственности без вины** – под давлением таких понятий, как солидарность, безопасность и риск, склонных занять место идеи вины. Все происходит так, будто депенализация гражданской ответственности имеет в виду и ее полную декультуализацию»².

Исходя из теории риска, О. А. Красавчиков, пришел к логическому выводу, что если нет вины, то нет и ответственности человека. Если же, например, источником повышенной опасности вред причинен преднамеренно, то налицо гражданско-правовая ответственность, как и в других случаях виновного причинения вреда. Другое дело – обязанность источника повышенной опасности возместить причиненный без вины вред. В действительности эта обязанность не является мерой гражданско-правовой ответственности, а правовой обязанностью причинителя вреда, особой правовой формой восстановления имущественного положения потерпевшего³.

Более обоснованной выглядит позиция В. А. Ойгензихта, классифицировавшего риск на два вида: 1) **риск**, являющийся основанием ответственности человека при случайных и противоправных обстоятельствах, связанных с деяниями причинителя убытков, относительно которого презюмируется допущение им возможности таких последствий; 2) **риск** как основание наложения (принятия, распределения) убытков в том случае, когда нет противоправности деяния при объективно случайных или объективно невозможных обстоятельствах или когда убытки причинены правопослушными деяниями субъектов. Относительно второго случая его позиция является категоричной: ответственность человека не может быть средством распределения убытков при отсутствии противоправности; ответственность – это всегда наказание за противоправное деяние, осуждаемое государством⁴.

¹ Рикёр П. Справедливое. Пер с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие – Э. Шлоссер. Москва: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2005. – С. 43-44.

² Рикёр П. Справедливое. – С. 55.

³ Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 131-137.

⁴ Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе: Ирфон, 1972. – С. 216, 219.

Обе позиции названных выше авторов в части то ли обязанности восстановления имущественного состояния потерпевшего как последствия риска, – (О. А. Красавчиков), то ли риск как основание наложения убытков на лицо, причинившее их без вины – (В. А. Ойгензихт), не являются убедительными и приемлемыми. Ни одно из приведенных ими теоретических соображений не дает ответа на простой вопрос: почему **невиновный человек** своим имуществом **должен возмещать** причиненный вред?

Следует согласиться с выводом С. Н. Братуся о поверхностности, неприемлемости концепции двух равноправных оснований юридической ответственности человека: принципа вины и принципа причинения вреда. Теория двух оснований **не объясняет причины**, то есть социальной обусловленности **(В. К.)** установления законодателем юридической ответственности человека без вины, **а лишь констатирует**, что такой принцип установлен законом. Что принудило законодателя таким образом установить, правильно ли он совершил, а главное, отвечает ли это положение закона действительному содержанию категории ответственность¹.

Неприемлемой является также позиция Г. К. Матвеева, предложившего не называть случаи невиновной (объективной) ответственности человека **термином ответственность, а назвать это обязанностью человека возместить причиненный вред, или заплатить штраф**². Думается, что изменение терминологии в данном случае ничего не меняет, ибо платить, возмещать все равно должен **невиновный** человек, что не является нормальным, справедливым решением проблемы. Очевидно, что позиция законодателя в данном случае уже полностью не отвечает современным требованиям правового регулирования. Это скорее историческая традиция. Потерпевший также имеет на себе риск невиновного причинения вреда. В этом случае обе стороны: **и невиновный, и потерпевший рискуют**. Как выход с данной ситуации, справедливым и гуманным для обеих сторон является страхование рисков, используя имеющиеся нормативные возможности института страхования, развивая эти возможности и исходя из современных реалий общественной жизни. Ответственности человека без вины не может быть, поскольку это противоречит принципам права и прежде всего принципам юридической ответственности: справедливости, гуманности, обоснованности ответственности, а также здравому смыслу. Возможно объективную ответственность следует частично применять относительно юридических лиц в случаях причинения ими вреда. Однако и при этом не обойтись без научного обоснования социальной обусловленности такого законодательного, правового средства регулирования общественных отношений.

¹ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – С. 164.

² Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 7.

Согласно П. М. Рабиновичу, правонарушение – это юридическое противоправное, виновное деяние деликтоспособного субъекта, являющегося личностно или общественно вредным или опасным. Его социальная сущность состоит в причинении вреда тем личным, групповым или общесоциальным интересам, юридически защищенным государством. Элементами состава правонарушения является:

а) субъект правонарушения – деликтоспособное физическое *лицо (человек)* или деликтоспособное объединение, совершившие правонарушение. Деликтоспособность является закрепленная в законодательстве и обеспеченная государством способность субъекта нести юридическую ответственность за совершенное им правонарушение;

б) объект правонарушения – *определенные блага*, на повреждение, уничтожение или лишение которых направлено виновное противоправное деяние. Объектами правонарушения могут стать все явления, признающиеся объектами правоотношения – различные материальные и нематериальные ценности, блага как личные или групповые или социальные;

в) объективная сторона – как *противоправное физическое деяние*, его вредный или опасный результат, а также необходимая причинная связь между ними. Противоправность деяния состоит в его несоответствии юридическим предписаниям или же общим или отраслевым принципам права (в частности международного). Такое деяние человека проявляется как в его действии, так и в бездействии;

г) субъективная сторона – определенное *психическое отношение субъекта* к его противоправному поведению и его последствиям. Такое отношение выражается понятием вины в форме умысла или неосторожности. *Нарушение предписания юридической нормы, совершенное без вины*, отражается автором в понятии *правовой аномалии*¹.

Приведенное С. С. Алексеевым и П. М. Рабиновичем понимание правонарушения и его состава является практически почти общепризнанным. Правда, Р. З. Лившиц полатает, что правонарушение имеет место, если присутствуют иные четыре его элемента: противоправность, вина, вред и причинная связь². В этом случае, как думается, имеет место отождествление признаков правонарушения и признаков состава правонарушения с элементами состава правонарушения, что является нерациональным.

Несколько с иных позиций подошел к решению анализируемого вопроса М. С. Кельман. По его мнению, есть три основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности: 1) противоправное деяние (действие или бездействие), в котором присутствуют все элементы состава правонарушения; 2) нормативные предписания, четко фикси-

¹ Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник. – Вид. 9-е доповнене. – Львів: Край, 2007. – С. 157–158.

² Лившиц Р.З. Теория права. – С. 147.

рующие элементы состава правонарушения; 3) правоприменительный акт, в котором дается всесторонняя оценка обстоятельств и лица, совершившего правонарушение¹. В этом случае имеет место расширительное определение оснований негативной (ретроспективной) юридической ответственности не только как материально-правового, но и, вероятно, частично как процессуально-правового понятия. Если говорить о процессуальном понятии оснований этого вида юридической ответственности, то в нем должен бы найти отражение не только указанный М. С. Кельманом правоприменительный акт, но и основания процессуальной деятельности компетентных правоохранительных и судебных органов государства. Вместе с тем, логической является постановка вопроса об исполнительно-правовом аспекте основания юридической ответственности, ведь юридическая ответственность лишь тогда реализуется в определенной мере, когда, как правило, назначенное взыскание или наказание исполнено. Исключение представляет негативная (ретроспективная) уголовная ответственность в тех случаях, когда после исполнения наказания человек имеет судимость. Снятие или погашение судимости в этих случаях является конечным этапом реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека.

Относительно правонарушения в контексте оснований юридической ответственности человека заслуживает внимания мнение О. Харитоновой и Е. Харитонova, полагающих, что его нужно рассматривать «не как основание возникновения правоотношения, а как основание трансформации общих регулятивных правовых отношений в конкретное охранительное правоотношение. Такой подход обусловлен диалектическим единством правопослушного поведения человека и правонарушения. Последнее не может существовать, если нормой права не было предусмотрено определенное правопослушное поведение человека. Если же такое правопослушное поведение человека было предусмотрено нормами права, это обусловило возникновение общих регулятивных правовых отношений, нарушение содержания которых и имеет место при совершении правонарушения. Охранительные правоотношения, подытоживают они, возникают «не на равном месте», а отражают трансформацию дефектных (искаженных) регулятивных правовых отношений в правоотношения охранительные, где происходит замена нарушенной обязанности определенного правопослушного поведения обязанностью возобновить нарушенное состояние и претерпеть негативные последствия несоблюдения требований нормы права, то есть подвергнуться действию средств государственного принуждения (ответственности, защиты и т.п.). При этом последствия правонарушения не исчерпываются лишь возможностью применения мер ответственности, но и могут выражаться в иных мерах принуждения, направленных на прекращение правонарушения, восстановление состо-

¹ Кельман М.С. Загальна теорія держави і права (схеми, таблиці, поняття). – С. 162.

яния, существовавшего до правонарушения и т.п. Впрочем все эти средства принуждения применяются в пределах охранительных правоотношений, возникших вследствие нарушения предписаний правовых норм, субъективных прав уполномоченных участников правовых регулятивных отношений и неисполнении или ненадлежащем исполнении субъектами своих обязанностей¹.

Виды правонарушений. П. М. Рабинович, в зависимости от социальной или личной значимости правонарушений, классифицирует их на два вида: а) проступки – вредные правонарушения; б) преступления – опасные правонарушения. К числу проступков он относит: 1) конституционное правонарушение; 2) гражданское правонарушение; 3) административное правонарушение; 4) дисциплинарное правонарушение. Вместе с этим он обращает внимание на то, что в юридической науке обсуждается вопрос о возможности выделения в самостоятельные разновидности экологических, семейных, процессуальных и некоторых иных правонарушений. При этом утверждается, что преступление – совершенное деликтоспособным субъектом виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное уголовным законом под угрозой наказания².

М. С. Кельман выделяет три группы правонарушений: 1) преступления; 2) проступки; 3) международные правонарушения³. При этом вызывает возражение применение им критерия общественной опасности при классификации правонарушений на преступления и проступки. Общепринято в теории права, что преступления являются общественно опасными, а проступки – общественно вредными деяниями. Именно с учетом такого подхода Л. А. Морозова предложила классификацию правонарушений на преступления и проступки (административные, гражданские, дисциплинарные, процессуальные). Кроме этого как отдельный вид ею также выделены международные правонарушения⁴.

Р. Х. Макуев применил более широкий подход к классификации правонарушений по следующим критериям: по сфере общественной жизни, в пределах которой осуществляются правонарушения: 1) правонарушения в сфере экономики; 2) правонарушения в сфере управления; 3) правонарушения в семейно-бытовой сфере; 4) правонарушения в сфере охраны природы; 5) правонарушения на транспорте и т.п. и в зависимости от характера цели правонарушителя: 1) правонарушения, направленные на достижение единой определенной цели; 2) правонарушения, направленные на достижение нескольких целей; 3) правонарушения, направленные на достижение неопределенной цели. По крите-

¹ Харитонов О., Харитонов Е. Юридична відповідальність: пошук парадигми. – С. 29.

² Рабинович П.М. Основы загальної теорії права та держави: навч. посібник. – Вид. 10-е доповнене. – С. 188-189.

³ Кельман М.С. Загальна теорія держави і права (схеми, таблиці, поняття). – С. 160.

⁴ Морозова Л.А. Теория государства и права. – С. 330–332.

рию общественной опасности он выделяет: 1) преступления; 2) проступки (гражданско-правовые, административно-правовые, дисциплинарные)¹. Однако критерий общественной опасности применен при этом неудачно, поскольку общественная опасность является признаком лишь преступлений, и он может быть применен только к их классификации. Проступки, как известно, являются общественно вредными деяниями.

М. Н. Марченко, подобно М. С. Кельману, в основу классификации правонарушений взял критерий их общественной опасности и соответственно выделил: 1) преступления; 2) проступки (административные, дисциплинарные и гражданско-правовые)².

Авторы коллективного учебника «Теория государства и права» считают, что все правонарушения делятся на преступления и проступки. К числу проступков они отнесли административные, дисциплинарные и гражданско-правовые³.

Т. И. Тарахонич также классифицирует правонарушения на два вида: преступления и проступки (конституционные, административные, гражданско-правовые, дисциплинарные и процессуальные проступки)⁴.

Обобщение приведенных выше и иных взглядов ученых относительно классификации правонарушений позволяет прийти к выводу, что самой оптимальной, практически значимой является классификация правонарушений **по видам нарушенных норм** права: конституционные, административные, гражданские, экологические, уголовные (преступления), земельные, семейные, международные и т.п. Однако при этом не исключается, что деянием человека одновременно могут быть нарушены несколько видов юридических норм, и тогда правонарушение, а, значит и юридическая ответственность человека, будут носить **комплексный характер**.

2.3.2. Виды (формы, способы), стадии реализации негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека

Что касается видов негативной (ретроспективной) юридической ответственности, то в доктрине права наблюдаются разные подходы к их классификации. Так, П. М. Рабинович отметил следующие виды негатив-

¹ Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность. – С. 34–36.

² Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. – С. 704, 705.

³ Теорія держави і права: навч. посібник / за ред. С.Л. Лисенкова. – К.: Юрінком Інтер, 2003. – С. 240–241.

⁴ Загальна теорія держави і права. Основні поняття, категорії, правові конструкції та наукові концепції: навч. посібник / відпов. ред. О.В. Зайчук; наук. ред. Н.М. Онищенко. – К.: Юрінком Інтер, 2008. – С. 288.

ной (ретроспективной) юридической ответственности человека по отраслевому признаку: 1) конституционная; 2) административная; 3) гражданская; 4) дисциплинарная; 5) материальная; 6) уголовная¹.

Достаточно полной представляется также классификация негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека, осуществленная С. В. Бобровник по следующим критериям: 1) по смыслу санкций, применяемых к правонарушителю: а) штрафная (карательная) – за совершение преступлений, административных и дисциплинарных проступков; б) правовосстановительная – наступает согласно норм гражданского права; 2) по форме осуществления: а) судебная; б) административная; 3) по отраслевому признаку: а) конституционная; б) уголовная; в) гражданско-правовая; г) административная; д) ответственность в трудовом праве².

Классификация негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека проведена Л. А. Морозовой по трем критериям: 1) по смыслу санкций; 2) по форме осуществления; 3) по отраслевому признаку. По смыслу санкции она выделила два вида юридической ответственности человека: штрафную (карательную) и правовосстановительную; по форме осуществления – судебную, административную, иные виды; по отраслевому признаку – конституционную, уголовную, административную, гражданскую, дисциплинарную, материальную и т.п.³

В юридической литературе дискутируются также вопросы о выделении иных видов негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека. В частности, административно-процессуальной, уголовно-процессуальной, ответственности в трудовом праве, семейном, экологическом праве, финансово-правовой, налоговой ответственности и т.п. Не вызывает возражения выделение ответственности за международные правонарушения⁴.

Т. И. Тарахонич, используя для анализа видов негативной (ретроспективной) юридической ответственности такой важный прием логики как классификация их познавательного и информационного проявления, предприняла попытку обобщить имеющиеся воззрения ученых по этому вопросу. В юридической науке наиболее распространенными, по ее мнению есть такие классификации видов юридической ответственности: а) по содержательному критерию – негативная (ретроспективная) и позитивная (перспективная); б) по отраслевому признаку – конституционная, административно-правовая, гражданско-правовая, семейная, трудовая (дисциплинарная, материальная), уголовная, международная, процессуальная и т.п.; в) по субъекту привлечения к ответственности – публич-

¹ Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник. – Вид. 10-е доп. – С. 192.

² Бобровник С.В. Юридична відповідальність. – С. 301–308.

³ Морозова Л.А. Теория государства и права. – С. 336–338.

⁴ См., например: Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность. – С. 58–64.

ная (уголовная и административная), частная (гражданско-правовая), служебная (дисциплинарная и материальная); г) по правовосстановительной санкции – отмена актов, противоречащих действующему законодательству, реализующаяся в таких формах юридической ответственности: 1) отмена акта, противоречащего действующему законодательству; 2) признание недействительным акта, противоречащего действующему законодательству; 3) изменение акта в той части, которая не отвечает действующему законодательству; 4) дача указаний компетентным органам или должностным лицам об обязательной отмене или изменении акта, противоречащего действующему законодательству, субъектом, который его принял. Не считается формой указанного вида юридической ответственности прекращения действия акта. Изложенное дало возможность автору классифицировать юридическую ответственность по характеру правонарушения и содержанию санкций за его совершение на: а) штрафную (карательную) ответственность, применяющуюся за преступления, административные или дисциплинарные проступки, особенностью данного вида ответственности является ее процессуальная форма и применение ее властными органами и должностными лицами путем принятия индивидуальных актов; б) правовосстановительную ответственность, состоящую в возобновлении незаконно нарушенных прав или в принудительном исполнении обязанности.¹

Каждый из видов юридической ответственности человека имеет свои специфические виды (формы, способы) реализации, являющиеся предметом исследования соответствующих отраслей юридической науки.

О. Э. Лейст осуществил попытку выделить *качества, являющиеся общими* для всех видов негативной юридической ответственности человека. К их числу он отнес следующие. *Первое*, что основанием всех видов юридической ответственности человека является действительное или предполагаемое правонарушение. Ответственность всегда конкретна: это ответственность определенного человека за доказуемое правонарушение, точно обозначенное нормой права при обстоятельствах, заранее предусмотренных законом или иными нормативными актами. *Второе*, все виды юридической ответственности человека осуществляются на основе нормативных конструкций, представляющих собой единство норм материального и процессуального права. Признаки правонарушения и санкции за его совершение предусмотрены нормами материального права. Порядок доказывания, определение того, было или не было правонарушение и кто его совершил, а также назначение конкретной меры государственного принуждения в пределах санкции нарушенной нормы – строго регламентированы нормами процессуального права². В целом, с таким

¹ Оніщенко Н.М., Тараконич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах. – С.55-67.

² Общая теория государства и права. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 3 – М.: Зерцало-М, 2002. – С. 468–469.

пониманием автором общих качеств видов юридической ответственности можно согласиться, добавив, что нормативную конструкцию всех видов юридической ответственности составляют, кроме норм материального и процессуального права, также и нормы исполнительного права.

Несколько иначе к выяснению общих свойств видов юридической ответственности человека подошли М. С. Кельман и А. Г. Мурашин. Все виды юридической ответственности человека, — утверждают они, — **имеют предметную и юридическую общность**, и поэтому составляют качественно однородную правовую ткань. **Во-первых**, все нормы ответственности имеют одинаковую структуру, состоящую, как правило, из гипотезы, указывающей на условия действия правовой нормы, диспозиции, описывающей правонарушение и санкции, определяющей вид и размер наказания. **Во-вторых**, все нормы, предусматривающие юридическую ответственность человека, регулируют один и тот же тип отношений, возникающий на основании правонарушения. **В-третьих**, указанные отношения регулируются единственным методом — методом наказания правонарушителя. **В-четвертых**, применение норм юридической ответственности человека основывается на общих принципах. **В-пятых**, единство цели института юридической ответственности человека. **В-шестых**, применение юридических санкций (мер ответственности) обеспечивается преимущественно государственным принуждением (в сочетании с убеждением). Таким образом, все виды юридической ответственности человека решают одни и те же задачи, выполняют одни и те же функции, имеют единую конечную цель, а именно: ликвидацию правонарушений в обществе. Решая свои непосредственные задачи, все виды юридической ответственности человека функционируют в тесном взаимодействии между собой. Имеются все необходимые фактические и теоретические основания, приходят они к логическому выводу, рассматривать институт юридической ответственности человека как **особый правоохранительный институт всей системы права**¹.

Утверждения названных выше авторов вызвали отдельные возражения. Во-первых, не все ученые признают концепт тричленности юридической нормы: гипотеза, диспозиция, санкция. Во-вторых, отношения, возникающие впоследствии правонарушения, регулируются не только методом наказания виновных. В некоторых случаях реакция государства на правонарушение, как увидим далее, завершается лишь его осуждением и осуждением совершенного им деяния. В-третьих, нет полного единства в понимании принципов применения юридической ответственности. Принцип вины, например, не всегда присущ гражданско-правовой юридической ответственности человека.

Стадии негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека — явление в системе реализации норм

¹ Кельман М.С., Мурашин О.Г. Загальна теорія держави і права: підручник. — С. 326, 327.

объективного права. По мнению Н. В. Витрука, – это этапы (периоды) в динамике бытия юридической ответственности от ее возникновения на основе правонарушения к ее прекращению вследствие реализации правонарушителем назначенной ему меры юридической ответственности. **Первая стадия** юридической ответственности начинается с момента ее возникновения, то есть совершения правонарушения, и является «вещью в себе» к выявлению правонарушения компетентными органами государства и должностными лицами. **Вторая стадия** включает «распредмечивание» юридической ответственности в процессе властной деятельности компетентных органов и должностных лиц с целью достоверного установления правонарушителя и состава совершенного им правонарушения, объективное и справедливое определение вида и меры юридической ответственности. **Третья стадия** юридической ответственности в сущности охватывает реализацию назначенной правонарушителю меры юридической ответственности в контексте направленной на такую реализацию деятельности компетентных органов и должностных лиц. Переход от одной стадии юридической ответственности к иной сопровождается изменением, конкретизацией правового статуса правонарушителя (так же, как и прав потерпевшего, компетентных юрисдикционных органов и должностных лиц). Так, назначение на основе закона меры юридической ответственности означает установление специального правового статуса субъекта, подлежащего юридической ответственности. Статус состоит из обязанностей и прав, в определенной мере конкретизирующих и дополняющих общие права и обязанности, по сути ограничивая их. Стадия реализации меры юридической ответственности характеризуется реализацией специального правового статуса правонарушителя, определенного на основании вида и меры юридической ответственности. Соблюдение ограничений прав и свобод, законных интересов правонарушителя является его юридической обязанностью¹.

Относительно стадий юридической ответственности человека высказаны и иные мнения ученых. Так, Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский выделяют **две ее стадии**: первая стадия – стадия возникновения; вторая стадия – ее динамика, которая начинается в момент осуждения и длится вплоть до прекращения отношений юридической ответственности²; Б. Т. Базылев – **три стадии**: а) возникновение б) конкретизация; в) осуществление³; Б. Л. Назаров – **четыре стадии**: 1) возникновение; 2) выявление; 3) официальная оценка; 4) реализация⁴.

При широкой постановке вопроса о стадиях негативной (ретроспективной) юридической ответственности возникает потребность в разграни-

¹ Вітрук М.В. До питання про стадії юридичної відповідальності // Про українське право. Число V. – С. 38.

² Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. – С. 543–544.

³ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – С. 90.

⁴ Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. – М., 1976. – С. 296.

чении понятий: «привлечение к юридической ответственности», «юридическое преследование» и «юридическая ответственность».

Конституционный Суд Украины в деле № 1-15/99 по конституционному представлению Министерства внутренних дел Украины относительно официального толкования положений части третьей статьи 80 Конституции Украины (дело о депутатской неприкосновенности),¹ имея в виду негативную (ретроспективную) юридическую ответственность человека, указал, что понятие «привлечение к юридической ответственности» не идентично понятию «юридическая ответственность». Они разграничиваются на уровне Конституции Украины (ч. 2 ст. 60; ст. 61; ст. 63; ст. 68; ст. 105; ст. 129). Привлечение к юридической ответственности человека предшествует юридической ответственности. Исходя из названного решения Конституционного Суда, привлечение к юридической ответственности человека, как стадия юридического преследования, начинается с момента предъявления ему обвинения в совершении правонарушения. Именно предъявление человеку обвинения в совершении правонарушения и является привлечением его к юридической ответственности. Относительно реализации уголовной ответственности, следует заметить, что, согласно ст. 214 КПК Украины, она начинается с момента внесения следователем, прокурором соответствующих сведений в Единый реестр досудебных расследований.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека возникает с момента нарушения им предписаний норм права и, как известно, не заканчивается предъявлением ему обвинения в совершении правонарушения

Понятие «юридическое преследование» можно рассматривать в узком и широком понимании. В узком понимании оно охватывает: выявление правонарушения; выявление и изобличение человека, совершившего правонарушение; формирование и предъявление ему обвинения в совершении правонарушения; назначение правонарушителю предусмотренной законом меры взыскания или наказания.

Юридическое преследование в широком понимании, как представляется, охватывает все стадии реализации негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека в материально-правовом, процессуально-правовом и исполнительно-правовом аспектах.

Следует согласиться с тем, что каждому виду негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека присущи *следующие стадии*: а) возникновение юридической ответственности (с момента совершения правонарушения, порождающего соответствующие правоотношения); б) установление компетентными органами государства состава правонарушения; в) определение вида и «дозы» (меры) ответствен-

¹ Питання кримінального права у рішеннях Конституцій Суду України / Упоряд.: Л.П. Брич, В.Є. Ясеницький. – Львів: ПАІС, 2004. – С. 8-11.

ности (в акте применения санкции юридической нормы); г) реализация конкретных мер юридической ответственности, определенных соответствующим правоприменительным актом¹. К этим стадиям, как представляется, можно добавить **стадию прекращения** юридической ответственности.

2.4. Понимание феномена юридической ответственности человека в ее позитивно-негативном значении как единого правового понятия

Взгляд на юридическую ответственность человека как двухаспектное юридическое явление был поддержан в юридической науке многими учеными. Среди них: З. А. Астемиров, Б. Т. Базылев, В. Г. Беляев, С. Н. Братусь, И. А. Безклубый, В. А. Василенко, В. С. Венедиктов, Н. В. Витрук, Б. С. Ебзеев, В. А. Елеонский, А. Ф. Закомлистов, И. Э. Звечаровский, М. А. Краснов, Н. М. Кропачев, В. Н. Кудрявцев, В. Г. Лазарев, О. Э. Лейст, Д. А. Липинский, Е. А. Лукашова, Н. И. Матузов, А. Д. Машков, М. Б. Мироненко, П. Е. Недбайло, В. В. Похмелкин, В. С. Прохоров, Ю. В. Рудовер, И. С. Самощенко, М. С. Строгович, В. А. Тархов, А. Н. Тарбагаев, М. Х. Фарукшин, П. А. Фефелов, В. Г. Федорова, Р. Л. Хачатуров, А. П. Чирков, А. А. Чистяков, Д. В. Чухвичев, Л. С. Явич, Р. Г. Ягутян, В. А. Якушин и другие известные ученые-юристы.

Юридическая ответственность человека, – отмечают Р. Л. Хачатуров и Р. Г. Ягутян, – как и все другие виды социальной ответственности, является двуединым явлением. «Позитивная» и «негативная» ответственность являются **добровольной и принудительной** формами реализации юридической ответственности².

Концепцию двухаспектности юридической ответственности человека поддержал А. Д. Машков, подчеркнув, что такой подход дает возможность сконструировать общую теорию юридической ответственности и целостно представить юридическую ответственность как правоотношение. При этом оно в своей структуре может иметь несколько правоотношений, при необходимости дополняющих друг друга. Это комплексное правоотношение, выступающее в юридической действительности как что-то единое, целое, хотя и состоящее из нескольких частей. Только в пределах двухаспектного подхода к юридической ответственности человека, – пишет он далее, – возможно решить имеющиеся теоретические противоречия. Это обусловлено тем, что двухаспектный подход является комплексным,

¹ Рабінович П. М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник. – Вид. 10-е, доп. – С. 193.

² Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. – С. 270.

достаточно органически кооптирующий в себе как ретроспективную, так и проспективную (перспективную, позитивную – **В. К.**) точку зрения на юридическую ответственность. В пределах двухаспектного подхода к юридической ответственности человека как правоотношения, последнее может приобрести (но не обязательно приобретает) вид комплекса правоотношений, в пределах которого одно правоотношение, (связанное с проспективной стороной юридической ответственности человека, которое можно определить, как регулятивное), сменяется другим, (которое связано с ретроспективной стороной юридической ответственности, и которое можно определить как правоохранительное) при наличии определенных юридических фактов. Эти факты связаны с наличием правонарушения со стороны соответствующего субъекта. Если субъект находится в пределах проспективной ответственности, то есть соблюдает юридической нормы, в таком случае правоотношение не носит составного характера. Очевидно, что именно такую ситуацию, по мнению А. Д. Машкова, мы и имеем в реальной правовой сфере, когда речь идет о реализации юридической нормы в поведении субъектов права (позитивное правовое поведение). При этом – акцентирует далее автор – взгляд на юридическую ответственность человека как на правоотношение через призму двухаспектного подхода может быть согласованным как со школами узкого понимания права, так и с большинством направлений его широкого правопонимания, что дает возможность вести плодотворную научную дискуссию. Кроме того, понимание юридической ответственности человека как правоотношения, – подчеркивает автор, – дает реальную возможность:

1) построить единую целостную общеправовую теорию ответственности, которая «работала бы» в любой отрасли юридической науки;

2) органически вписать и согласовать теорию юридической ответственности и практику ее реализации со всей системой юридического знания в контексте проблемы построения целостной, комплексной и единой юридической теории;

3) получить теоретические конструкции, которые обеспечили бы адекватное понимание механизма юридической ответственности и облегчили бы поиск путей его усовершенствования;

4) поставить юридическую практику, связанную с юридической ответственностью, на реальную научно-теоретическую основу;

5) согласовать правореализационную практику, связанную с юридической ответственностью, с теми значительными изменениями, которые состоялись в понимании принципов регулирования и реализации норм конкретных отраслей права (отдельные из которых явным образом или латентно переходят на позиции некоторых направлений широкого правопонимания, в первую очередь, социологической школы);

6) перенести центр юридической деятельности (в том числе в сфере правового регулирования) из принудительных и запретных форм на формы, которые основываются на ответственном, сознательном и ини-

циативном поведении субъектов в правоотношении и т.п. Вместе с этим, использование двухаспектного подхода для формирования современной теории юридической ответственности, а, соответственно, и воплощение ее в жизнь, не вызовет каких-либо негативных последствий для существующей юридической практики¹.

Вопреки восприятию общетеоретических конструкций логики мышления преимуществ двухаспектного понимания понятия юридической ответственности человека А. Д. Машковым, остается открытым вопрос о средствах, правовых и социальных механизмах достижения этих возможностей, предоставление им статуса объективной правовой реальности.

Заслуживает внимания видение понятия юридической ответственности человека, предложенное Ю. В. Рудовером. Юридическая ответственность, – пишет он, – гарантированная и обеспечиваемая государственным принуждением, убеждением или поощрением – юридическая обязанность субъектов общественных отношений относительно соблюдения предписаний правовых норм, реализующаяся в правомерном поведении, что влечет за собой одобрение или поощрение, а в случае совершения правонарушения – обязанность правонарушителя претерпеть неблагоприятные последствия личностного, имущественного и специального характера, которые налагаются государством в установленной процессуальной форме на нарушителя права².

По мнению И. А. Безклубого, в контексте этой теории, слова «правовая», «позитивная», «негативная» должны употребляться относительно ответственности человека, а не «проспективная» и «ретроспективная» ответственность. Иногда считают, что проспективная ответственность темпорально охвачена лишь временем до совершения правонарушения, а ретроспективная ответственность – временем после совершения правонарушения. Однако, позитивная ответственность должна существовать всегда. Исключительным явлением является существование позитивной ответственности неотделимо от правонарушения, то есть во время правонарушения (отказ от совершения правонарушения на любой его стадии, за исключением стадии покушения (незаконченного или законченного покушения) и стадии законченного преступления) или после правонарушения (например, деятельное раскаяние). Негативная ответственность может наступать во время совершения правонарушения (негативная ответственность за приготовление к преступлению, покушение на преступление) и после совершения правонарушения (негативная ответственность за законченное преступление). Дискуссионным является вопрос

¹ Машков А.Д. Обґрунтування доцільності двохаспектного погляду на юридичну відповідальність для сучасної правової науки // Про українське право. Число V.– С. 81, 82.

² Рудовер Ю.В. Финансово-правовая ответственность в системе видов юридической ответственности // Государство и право. – 2011. – № 3. – С. 111.

относительно возможности существования негативной ответственности до или вместо совершения правонарушения¹.

Категория юридической ответственности, как заметил И. Э. Звечаровский, находит свое выражение в правовой связи между государством и лицом по поводу правовых требований в зависимости от субъекта отношений соответствующей зависимости (государство или лицо), об ответственности можно говорить *на двух уровнях*, а соответственно и *в двух значениях*: на уровне того, кто предъявляет требования, и на уровне того, кому эти требования адресованы. *В первом* случае ответственность (на уровне государства) – это правовое последствие, сопровождающее правовое требование. *В другом* – ответственность (на уровне лица) – это ответ на предъявленное требование, то есть правопослушное или противоправное поведение. Характер соответствующей реакции лица на предъявленные правовые требования обуславливает и характер ответа государства и общества на поведение индивида².

По мнению А. Ф. Закомлистова, юридическая ответственность человека как таковая содержит два компонента характеристики – внешний и внутренний. С точки зрения внешнего проявления она есть не что иное, как ответный импульс на указанные типы правонарушений, обладающий признаками элементарной биологической реакции. Внутренний компонент юридической ответственности человека располагается в области индивидуального вменения и связан с интеллектуальным отношением лица к содеянному³.

Подобный подход к анализу понятия юридической ответственности человека применил М. А. Краснов, который рассматривает юридическую ответственность как целостное правовое явление, имеющее два аспекта своего бытия: во-первых, это обязанность действовать правомерно и соответствующее этой обязанности поведение субъекта права (позитивный аспект); во-вторых, это наступление неблагоприятных последствий в случаях правонарушения (негативный аспект). На фазе правоотношения для осуществления правомерных целей возникает недифференцированная юридическая ответственность, а в случае наступления фазы выхода лица (органа, организации) за рамки правового предписания, возникает уже реальная ответственность в виде реакции на правонарушение⁴.

М. Б. Мироненко, по результатам диссертационного исследования, также пришел к выводу, что более приемлемым является подход, согласно которому юридическая ответственность человека едина, но имеет две

¹ Безклубий І. Запрошення до наукової дискусії про правову відповідальність // Про українське право. Число V. – С. 20.

² Звечаровский И.Э. Уголовная ответственность: понятие, виды, формы, способы реализации. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1992. – С. 14.

³ Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. – С. 268–269.

⁴ Краснов М.А. Юридическая ответственность – целостное правовое явление // Сов. госуд. и право. – 1984. – № 3. – С. 77.

формы реализации: государственно-принудительную (негативную) и добровольную (позитивную)¹.

По В. А. Тархову, юридическая ответственность является обязанностью, необходимостью человека дать отчет о своих деяниях как при позитивной ответственности, не связанной с правонарушением, так и при негативной ответственности, связанной с правонарушением. Обязанность, повинность является юридическим регулятором поведения людей и когда речь идет об ответственности за прошлое, и когда речь идет об ответственности за настоящее и будущее².

А. В. Машков, яростно отстаивая двухаспектный подход к разумению понятия юридической ответственности человека, различил два подхода к ее пониманию: а) узкий и б) широкий. В *пределах узкого* понимания юридическая ответственность – это сложное правоотношение, возникающее между субъектами права в процессе реализации ими норм права, и которое, с одной стороны, связано с адекватной реализацией этими субъектами правовых предписаний, содержащихся в юридической норме *проспективная* (перспективная, позитивная – **В. К.**) ответственность), а с другого – с теми последствиями, которые возникают у этих субъектов в связи с нарушением ими упомянутых правовых предписаний *ретроспективная* (точнее – негативная ответственность).

В *контексте широкого* понимания юридическая ответственность – это правоотношение, возникающее между субъектами права в процессе их самостоятельной деятельности в правовой сфере, и обеспечивающее добровольное согласование интересов (прав, целей и т.п.) отдельно взятого субъекта права с интересами (правами, целями и т.п.) других отдельно взятых субъектов права, их сообществ и/или общества в целом *проспективная* (перспективная, позитивная – **В. К.**) ответственность), а также связь, возникающая между социальными субъектами в случаях игнорирования некоторыми из них в своей деятельности интересов (прав, целей и т.п.) других субъектов права, их сообществ, общества в целом, то есть требований *проспективной* (перспективной, позитивной – **В. К.**) ответственности, что связано с применением к такому субъекту мер воздействия, являющихся формами претерпения этим субъектом определенных негативных последствий своих неправовых деяний (негативная юридическая ответственность)³.

А. Т. Панов и В. А. Шабалин заметили, что юридическую ответственность в личностном плане можно представить как определенное отношение личности к правовым требованиям, выраженное ею в конкретных

¹ МIRONENKO М.Б. Принципы юридической ответственности: автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. юрид. наук.: 12.00.01 – С. 8.

² ТАРХОВ В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – С. 8–10.

³ МАШКОВ А.Д. Обґрунтування доцільності двохаспектного погляду на юридичну відповідальність для сучасної правової науки. – С. 81–82.

деяниях и соответствующим образом оцениваемое государством и самой личностью¹.

Идеи двухаспектности юридической ответственности как единого целого явления поддержали также В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев, которые видят юридическую ответственность человека как такую, что имеет две диалектически противоположные стороны: 1) выполнение нормативных требований, диктующих должное, соответствующее потребностям общества поведение (позитивная ответственность); 2) выполнение должного, также диктуемого правовой нормой, но уже в результате государственного принуждения как реакции на правонарушение (ретроспективная ответственность)².

Отстаивая двухаспектное понимание юридической ответственности человека, В. М. Лазарев и В. Г. Федорова интерпретируют ее как осуществляемое в рамках правоотношений исполнение физическими и юридическими лицами правовых велений, вытекающих из правовых запретов (юридических обязанностей) и правовых возможностей, корреспондируемых со штрафными и поощрительными санкциями³.

В. В. Похмелкин соотносит позитивную юридическую ответственность с добровольной формой, а негативную (ретроспективную) – с принудительной формой реализации единой юридической ответственности человека⁴.

Отметив единство юридической ответственности человека, Д. А. Липинский также считает, что она будучи единой, имеет различные формы реализации – добровольную и государственно-принудительную. Поэтому юридическая ответственность, – полагает он, – это юридическая обязанность человека относительно соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав материального, правового или личного характера и их реализация⁵.

В другой своей работе Д. А. Липинский, совместно с Р. Ф. Хачатуровым также однозначно высказали склонность к пониманию юридической ответственности человека как единого социально-правового явления, включающего в себя как **ответственность за будущее**

¹ Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. – С. 83.

² Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1989. – С. 147.

³ Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи). – С. 57.

⁴ Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1990. – С. 34.

⁵ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – С. 15, 22.

поведение (позитивную ответственность), так и **ответственность за прошлое противоправное поведение** (негативную, государственно-принудительную ответственность). По их мнению, утверждать об отсутствии в юридической ответственности добровольной формы реализации – равнозначно признанию юридической ответственности не разновидностью социальной ответственности, а неким особым «несоциальным видом» и исключению ее из системы регулирования общественных отношений. Исходя из этого, названные ученые дают следующее определение юридической ответственности человека: это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, принуждением или поощрением **юридическая обязанность** по соблюдению и исполнению требований норм права, регулирующая в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация¹.

Р. Л. Хачатуров и Р. Г. Ягутян обращают внимание на наличие между негативной (ретроспективной) и позитивной (перспективной) юридической ответственностью человека диалектического единства: чем выше уровень позитивной (ретроспективной) юридической ответственности, тем ниже уровень негативной (ретроспективной) юридической ответственности².

Отстаивая концепцию двухаспектности юридической ответственности человека как единого правового явления, названные выше и другие ученые не дали ответа на вопрос: в чем же состоит родовое единство позитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной) юридической ответственности. На это обстоятельство обратил внимание Н. В. Витрук³.

Негативный и позитивный аспекты юридической ответственности человека тесно взаимосвязаны, они *выступают как два элемента единой системы* юридической ответственности. Они не противоречат, но составляют диалектическое единство правовой ответственности – субъективного состояния личности и объективного вида правоотношений. *Правовая ответственность* человека как диалектическое единство позитивного и негативного аспектов может считаться состоянием личности, объективную сторону которого составляет урегулированность поведения личности комплексом правовых норм, имеющих в своей структуре санкцию, *субъективной стороной* которого является внутреннее чувство обязанности осознанного соблюдения правовых предписаний. С одной стороны, правовая ответственность имеет в своем составе *принудительное* начало, а с другой стороны – *добровольную* обязанность соблюдения

¹ Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. – Т. 2. / отв. ред. М.Н. Марченко. – С. 385, 391.

² Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. – С. 56.

³ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 28.

правовых предписаний как способности такой ответственности. Можно сделать вывод, что *позитивный* аспект юридической ответственности является *первичным и определяющим* для всего института правовой ответственности. Позитивная юридическая ответственность, таким образом, определяет сознательную реализацию личностью правовых предписаний, ее действие предполагает правомерное поведение личности, а *негативная* юридическая ответственность – *ее логическое продолжение*¹.

О. Э. Лейст привел аргументы против рассмотрения позитивной юридической ответственности как обратной стороны правовой (юридической – **В. К.**) ретроспективной ответственности, как второго аспекта этого понятия. По его мнению, позитивная юридическая ответственность связана с ретроспективной в том отношении, что последняя служит одним из средств пресечения и предупреждения правонарушений. Но эти понятия ответственности существенно разнятся по содержанию и по целям. Правонарушитель привлекается к ответственности за общественно вредное деяние, совершенное в прошлом. В то же время как при позитивной юридической ответственности человек отвечает за достижение общественно полезных результатов в настоящем и в будущем. Если через ретроспективную ответственность осуществляются охранительные функции государства, то в позитивной ответственности выражается его демократический характер и творческая созидательная роль. Привлечение к юридической ответственности правонарушителя связано с ограничением его прав, а при позитивной ответственности ему предоставляются соответствующие правомочия. Поведение лица, привлеченного к ответственности за правонарушение, характеризуется претерпеванием правоограничений и мер принуждения; позитивная ответственность требует активной деятельности, направленной на достижение определенного результата. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, давать объяснения, отчитываться в содеянном; позитивная ответственность включает подотчетность. Ретроспективная ответственность направлена против пережитков прошлого; позитивная ответственность организует и воспитывает строителей будущего².

А. П. Чирков, в отличие от О. Э. Лейста, *рассматривает негативную* (ретроспективную) юридическую ответственность как *разновидность позитивной (перспективной) ответственности человека*. Он, в частности, пишет, что сущностью ретроспективной юридической ответственности является привлечение лица методами государственного принуждения к соблюдению нормативных требований, то есть правомерному и ответственному поведению, а ретроспективная ответственность –

¹ Чухвичев Д. В. Свобода личности и юридическая ответственность: [Электронный ресурс] – Режим доступа: // [http://library.bu\(c\)](http://library.bu(c))

² Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому уголовному праву. – С. 237–238.

это та же позитивная ответственность, но только *под принуждением*, это то же исполнение обязанности, но в состоянии принуждения¹.

В. А. Номоконов пишет об *ответственности в праве*, определяя ее как правовое положение субъекта, характеризующее его связанность требованиями правовых норм, стимулирующих надлежащее или разрешенное поведение, а также необходимость претерпеть определенные меры государственного принуждения в случае совершения запрещенного деяния или неисполнение надлежащего².

Как уже определялось выше, *юридическая ответственность человека*, в понимании ее как двухаспектного общественного феномена, по своему сущностному содержанию, представляет собой реализованную им *необходимость* сознательного и добровольного *использования* своих прав, *исполнение* обязанностей, *соблюдение* запретов, содержащихся в правовых нормах, а в случае их нарушения – *необходимость претерпения им принудительных мер* воздействия, предусмотренных правовыми нормами и *применяемых* компетентными органами государства в установленных пределах, процессуальных и исполнительных формах.

2.5. Принципы юридической ответственности

Каждый вид общественно значимого поведения человека как субъекта общественных отношений, преследуя конечную цель такого поведения, подчинен определенным принципам. Касается это в известной мере как его действий, так и бездействий. Беспринципное поведение человека свидетельствует об отсутствии у него стабильных просоциальных установок, о том, что его свободная воля не согласована с унормированной, разумной, необходимой, социальной свободой. Последствием беспринципного противоправного поведения человека является его юридическая безответственность, парной категорией которой, как уже отмечалось выше, есть юридическая ответственность.

Таким образом, максимально объективный, охватывающий и содержательный анализ правовой реальности возможен через призмe принципов права, их роли в механизме правового регулирования общественных отношений.

Принципы юридической ответственности человека, по Н. В. Витруку, – это «...наиболее общие для данного института директивные, императивные нормы-требования, которые определяют содержание как правового регулирования отношений юридической ответственности, так

¹ Чирков А.П. Ответственность в системе права. – С. 17.

² Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание. – С. 514–515.

и деятельности по применению мер юридической ответственности. Познавание принципов юридической ответственности важно как для законодателя, формирующего соответствующие нормы права, так и для судей и иных правоприменителей, осуществляющих деятельность»¹.

Принципы юридической ответственности человека являются разновидностью межотраслевых принципов права (правового регулирования, а поэтому, как и другие принципы такого вида, они субординированные, «подчиненные» его общим типологическим конкретно-историческим принципам².

О.В. Рагузина несколько в другой плоскости видит понятие принципов юридической ответственности человека: «... это ключевые идеи, установки, руководящие принципы ответственности, закрепленные в законе, определяющие и выражающие ее сущность, содержание и социальное назначение и стимулируют или ограничивают поведение субъектов правовых отношений»³.

С. В. Бобровник понимает принципы юридической ответственности человека как основополагающие, законодательно закрепленные идеи, определяющие самостоятельный и реальный характер ответственности как средства трактования и охраны объективного и субъективного права и общественного порядка⁴.

По определению Б. Т. Базылева, принципы юридической ответственности человека как основополагающие идеи, выражающие сущность, природу и назначение института ответственности, содержатся в законодательстве в виде норм. Нормы же определяют характер правового регулирования деликтных отношений. Это внутренние закономерности существования данного правового института, выражающие его природу и назначение. Нарушение этих принципов, отступление от них неизбежно деформирует институт юридической ответственности человека, размывает его приделы, ведет к искусственному смешиванию с другими правоохранительными интересами, имеющими свои закономерности бытия. Принципами юридической ответственности человека, по его мнению, являются: 1) законность оснований; 2) неотвратимость наступления; 3) недопустимость удвоения (применение нескольких видов юридической ответственности за одно и то же противоправное деяние); 4) персонифицированность наложения; 5) регламентированность осуществления⁵.

В. М. Лазарев и В. Г. Федорова полагают, что правильным будет понимать под принципами юридической ответственности че-

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 185.

² Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави. – С. 162.

³ Рагузина О.В. Гуманизм и справедливость юридической ответственности в публичном и частном праве: автореф. дисс. на соиск. науч. степени канд. юрид. наук: 12.00.01 – Волгоград, 2002. – С. 17.

⁴ Бобровник С.В. Юридична відповідальність. – С. 295.

⁵ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – С. 56–57.

ловека вытекающие из социально-экономической природы права, общепризнанные и закрепленные в законе идеалы регулятивно-охранительного воздействия юридической ответственности на поведение дееспособных субъектов, а также предопределяющие объем и порядок применения ее мер¹.

В юридической литературе нет единства мнений ученых относительно системы принципов юридической ответственности человека и их содержательной части. В частности, выделяют принципы, непосредственно закрепленные в законе (легальные принципы) и принципы, вытекающие из правовой природы юридической ответственности человека. По форме юридического определения среди легальных принципов юридической ответственности человека различают конституционные принципы, то есть такие, что закреплены в Конституции, и отраслевые принципы, закрепленные в отраслевом законодательстве. Обращается внимание, что на юридическую ответственность человека распространяются все общеправовые принципы. Эти принципы обуславливают содержание и направленность принципов юридической ответственности, которые являются специальными принципами относительно общеправовых принципов. К общеправовым принципам относят принципы: законности; справедливости; гуманизма; верховенства права; юридического равенства; гарантированность государством прав и свобод человека и гражданина; возмещение государством вреда, причиненного лицу незаконными действиями должностных государственных органов и должностных лиц.

Общеправовые принципы в равной мере определяют содержание и действие юридической ответственности человека. Они тесно связаны между собой по содержанию, а тем более в своем действии, равно как находят свое воплощение в специальных принципах юридической ответственности человека².

Н. В. Витрук к специальным принципам относит такие принципы юридической ответственности человека: 1) конституционность и законность, определенность и обоснованность основания юридической ответственности; 2) неотвратимость наступления юридической ответственности; 3) равные основания юридической ответственности; 4) персонификация и индивидуализация юридической ответственности; 5) недопустимость двойного наказания за одно и то же правонарушение; 6) оптимальность процессуально-процедурной формы юридической ответственности; 7) эффективность реализации юридической ответственности³.

П. М. Рабинович высказал мнение, что юридическая ответственность человека применяется на таких началах: а) законности (относительно оснований, процедуры привлечения к ответственности, ее вида и разме-

¹ Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография. – С. 84.

² Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 186.

³ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 187.

ра); б) обоснованности (относительно выводов о факте и о субъекте правонарушения, а также о других юридически значимых фактах, связанных с этими обстоятельствами); в) целесообразности (относительно осуществления целей юридической ответственности); г) неотвратимости (никакое правонарушение не должно оставаться без соответствующего реагирования компетентных органов); д) справедливости или индивидуализации (относительно соответствия избранной в пределах закона меры ответственности негативной социальной характеристики конкретного правонарушителя). В праве государства социально-демократической ориентации – согласно его типологическим принципам – юридическая ответственность предвидится в законодательстве только за: 1) физическое деяние (а не за мысли, мировоззрение, социальное или личностное свойства человека); 2) юридически запрещенное деяние; 3) виновное деяние (однако возможны отдельные исключения); 4) личное деяние правонарушителя (однако возможны отдельные исключения)¹.

Самыми важными принципами юридической ответственности, как считает Н.М. Онищенко, есть принципы:

- законности – означает, что вся процедура назначения наказания и его отбывание нарушителем должна осуществляться в строгом соответствии с законом;

- вины – предусматривает, что нет ответственности без вины, ответственность возлагается только за осуществление лицом виновного противоправного деяния;

- неотвратимости наказания – требует, чтобы никакое правонарушение не оставалось без наказания;

- гуманности – наказание не может иметь своей целью причинение физических страданий, унижение человеческого достоинства;

- справедливости – применяемые меры ответственности должны отвечать степени общественной опасности, а также недопустимость двойной ответственности за одно и то же правонарушение;

- презумпция невиновности – каждый гражданин считается невиновным, пока иное не будет доказано в установленном законом порядке².

Л.А. Морозова, указывая, что разные авторы определяют различные принципы юридической ответственности человека, назвала пять из них, которые чаще всего отмечаются учеными-теоретиками: 1) законность; 2) обоснованность; 3) справедливость; 4) целесообразность; 5) неотвратимость³.

Н. Г. Пархоменко рассматривает юридическую ответственность человека как материально-правовой институт, принципами которого есть:

¹ Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник. – Вид. 10-е доп. – С. 162.

² Онищенко Н.М., Тараконич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності в демократичних правових системах. – С.40–41.

³ Морозова Л.А. Теория государства и права. – С. 346.

а) справедливость; б) законность; в) неотвратимость; г) индивидуализация; д) гуманизм и е) виновность деяния. Она определяет принципы юридической ответственности как положения и идеи, имеющие законодательное закрепление и определяющие самостоятельный и реальный характер ответственности как средства гарантирования и охраны объективного и субъективного права и общественного порядка. Принципы юридической ответственности формируются на основании принципов права¹.

Более широкий и содержательный подход к определению принципов юридической ответственности человека применила С. В. Бобровник, которая назвала и проанализировала следующие принципы: 1) принцип законности; 2) принцип соответствия правонарушения и наказания; 3) принцип справедливости; 4) принцип обоснованности; 5) принцип состязательности; 6) принцип права на защиту; 7) принцип неотвратимости ответственности; 8) принцип своевременности ответственности; 9) принцип гуманизма; 10) принцип целесообразности; 11) принцип индивидуализации наказания; 12) принцип ответственности за виновные деяния; 13) принцип правовой регламентированности².

Юридическая ответственность человека, по Р. Х. Макуеву, реализуется на почве семи принципов: 1) ответственность только за виновное деяние; 2) законность; 3) соразмерность юридической ответственности тяжести совершенного правонарушения; 4) неотвратимость юридической ответственности; 5) оперативность привлечения правонарушителя к юридической ответственности; 6) целесообразность юридической ответственности; 7) презумпция невиновности³.

И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин к основным принципам юридической ответственности человека отнесли: а) ответственность лишь за поведение, а не мысли; б) ответственность только за вину людей и организаций; в) законность; г) справедливость; д) целесообразность; э) неотвратимость и быстрота наступления; е) индивидуализация ответственности⁴.

По мнению М.Б. Мироненко, таких принципов пять: 1) принцип справедливости; 2) принцип законности; 3) принцип неотвратимости ответственности; 4) принцип индивидуализации ответственности; 5) принцип вины. При этом, — считает автор, — принцип справедливости юридической ответственности человека **является системообразующим принципом**⁵.

¹ Пархоменко Н. Юридична відповідальність і законність: основні аспекти співвідношення // Про українське право. Число V. — С. 54, 56.

² Бобровник С.В. Юридична відповідальність. — С. 296–299.

³ Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность. — С. 44–45.

⁴ Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. — С. 125.

⁵ Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе права: автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук.: 12.00.01 — Саратов, 2001 — С. 5.

Поскольку государственно-правовая ответственность связана с применением наиболее «травмирующих» мер воздействия на правонарушителя, пишет А. В. Поляков, ее реализация должна осуществляться при суровом соблюдении основных принципов – законности, обоснованности, справедливости, неотвратимости:

- **принцип законности** предполагает, что ответственность может иметь место лишь за деяния, предусмотренные законом, и лишь в пределах закона;

- **принцип обоснованности** означает, что ответственность может наступать только при реальном совершении конкретным лицом правонарушения, т.е. при обнаружении в его деянии всех элементов состава правонарушения;

- **принцип справедливости** – означает соответствие применяемых мер ответственности тяжести совершенного правонарушения;

- **принцип неотвратимости** – предполагает неизбежность наступления предусмотренных правовой нормой санкций в отношении лица, совершившего правонарушение¹.

Проанализировав взгляды ученых в плане классификации принципов юридической ответственности и обобщив их, О. М. Болсунова предложила для научной дискуссии двенадцать принципов юридической ответственности: 1) законность; 2) соразмерность тяжести правонарушения и меры ответственности; 3) справедливости; 4) обоснованности ответственности; 5) состязательности; 6) обеспечение права на защиту; 7) неотвратимости ответственности; 8) своевременности ответственности; 9) гуманизма; 10) целесообразности; 11) индивидуализации наказания; 12) ответственность за виновные деяния².

Среди других научных концептов принципов юридической ответственности человека отличается оригинальностью их видение как охранительных принципов права А. М. Колодием. Он обращает внимание на **охранительные принципы права** как обусловленные социальным назначением наиболее общие и главные нормативно-регулятивные направления правового воздействия на деятельность по охране общезначимых, социально важных политических, экономических, культурных, национальных, личных и других отношений, обеспечение их неприкосновенности и, соответственно, направленности на борьбу с явлениями, которые вредят этим общественным отношениям». Специфика охранительных принципов права, – пишет далее, – заключается в том, что они: а) характеризуют право как особый способ правового воздействия на поведение людей, реализующееся под угрозой санкций, путем установления запретов и практической реализации юридической ответственности;

¹ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. – С. 835.

² Болсунова О.М. Интегративні засади принципів юридичної відповідальності // Часопис Київського університету права, 2011. - № 1. – С. 37-38.

б) служат наиболее понятным и доступным информатором для субъектов общественных отношений относительно того, какие социальные ценности находятся под охраной го-сударства, осуществляемой при помощи права; в) является наиболее наглядным показателем политического, социального и духовного уровня развития общества, нравственно-гуманистических истоков права; г) являются общими, руководящими центрами порядка и процедуры наложения и реализации наказания. Сущность охранительного права и его принципов более четко проявляется в правоохранительной деятельности общества. Наиболее четко выраженными принципами охранительного права, по его мнению, есть: общая запретность, принудительность, рассчитанность на правонарушение, возможность практического применения юридической ответственности, регламентированность наказания, его дальнейшая гуманизация и т.п.¹

Д. Г. Лукьянец сделал попытку выявить концептуальные источники юридической ответственности человека, показать обусловленность ее существования фундаментальными философскими законами. На этой основе он сформулировал основные **принципы**, которые, по его мнению, образуют **концептуальную модель** юридической ответственности человека, а именно принципы: 1) диалектического противоречия и причинности; 2) ответственности; 3) нормативного описания отклонений от нормы. **Принцип диалектического противоречия и причинности** предусматривает то, чтобы в процессе социального унормирования общественных отношений, разновидностью которого является правовое регулирование, обязательно были учтены принципы диалектики, а также фундаментальные положения детерминизма, философского учения об объективных закономерностях взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. **Принцип ответственности** раскрывается автором через его составные: а) нормативную модель отклонения от нормы и б) нормативную модель реакции на отклонение. Нормативная модель реакции на отклонение от нормы базируется на принципах: 1) реализованности реакции; 2) адекватности реакции; 3) объективности оценки; 4) объективности истины; 5) достоверности источников; 6) надлежащего субъекта оценивания реакции; 7) необходимых оснований инициирования реакции; 8) достаточности оснований объективной оценки; 9) профессионализма субъекта оценки; 10) преодоление неочевидности; 11) страхование объективности. **Нормативная модель отклонения от нормы** обеспечивается принципами нормативного описания отклонений, вызывающих соответствующую реакцию: 1) формализации отклонения; 2) пропорциональности уровня нормативной детализации отклонения и точности определения пределов возможной реакции; 3) соответствия объекта реакции адресату норм; 4) надлежащей направленности реакции; 5) действенности реакции; 6) конкрет-

¹ Колодій А.М. Принципи права України. – К.: Юрінком Інтер, 1998. – С. 78.

ности признаков объективной стороны; 7) объективной обусловленности деяния волей соответствующего субъекта и адекватного отражения этого деяния в его сознании; 8) конкретизации реакции¹.

Как представляется, к числу принципов юридической ответственности человека целесообразно отнести следующие принципы: 1) принцип демократичности ответственности; 2) принцип гуманности ответственности; 3) принцип правомерности ответственности; 4) принцип справедливости ответственности; 5) принцип равенства ответственности.

Принцип демократичности юридической ответственности человека. Юридическая ответственность человека устанавливается демократическим способом – через легитимные органы демократического государства в пределах их компетенции, а также в соответствии с установленной законодательством процедуры разработки, принятия и вступления в силу нормативных актов.

Демократичность юридической ответственности человека проявляется в особой процессуально-правовой форме ее реализации. В ряде случаев в этот процесс могут включаться трудовые коллективы, народные заседатели, присяжные.

Проявлением демократичности юридической ответственности человека являются предусмотренные действующим законодательством возможности его освобождения от юридической ответственности и в том числе по актам амнистии и помилования.

Демократическую сущность реализации юридической ответственности человека также обеспечивают демократически сформированные органы государства – согласно закону и в пределах своей компетенции. Главная роль здесь отведена судам, органам прокуратуры, другим правоохранительным органам. Важное значение при этом имеет предоставление возможности обжалования согласно закону решений и действий этих органов при реализации юридической ответственности.

Принцип гуманности юридической ответственности человека проявляется, прежде всего, через провозглашение в ст. 3 Конституции Украины, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью. Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства и, в первую очередь, с помощью права, юридической ответственности.

Высокогуманной является и стратегическая цель украинских реформационных процессов – развивать и укреплять демократическое, социальное и правовое государство, формировать гражданское общество.

Юридическая ответственность человека основывается на действующем законодательстве, которое должно постоянно приводиться в со-

¹ Лук'янець Д. Філософські основи і концептуальна модель юридичної відповідальності // Юридична Україна. – 2006. – № 4. – С. 4–11.

ответствие с выработанными мировым сообществом гуманистическими стандартами. Это в полной мере касается как средств регулирования взысканий и наказаний, применяемых к нарушителям правовых предписаний, так и процедуры реализации юридической ответственности. Особая роль в этом отведена судам.

Проявлением принципа гуманности юридической ответственности человека являются широкие возможности для дифференциации ответственности, индивидуализации средств регулирования, взысканий и наказаний, освобождения от ответственности.

Гуманность юридической ответственности человека неразрывно связана с ее целесообразностью. Это, главным образом, означает, что правовые взыскания и наказания должны применяться согласно цели юридической ответственности. Если цель юридической ответственности, по мнению правоприменителя, может быть достигнута без применения правового взыскания или наказания, то человек может не привлекаться к юридической ответственности или может быть освобожден от нее.

Принцип правомерности юридической ответственности человека. Если мы стремимся к правовому государству, то в нем общественные отношения также функционируют на основании презумпции законности (правомерности), которая не только обеспечивает исполнение действующего законодательства, но и закладывает четкие ориентиры определенности прав и обязанностей, свободы и ответственности их участников¹. Он состоит, прежде всего, в том, что предусмотренный в норме закона состав правонарушения, как основание юридической ответственности, должен быть установлен объективно, с достоверностью. Речь идет о выявлении факта совершения правонарушения – посягательства на объект, охраняемый правом, его объективной стороны, установление субъекта правонарушения, выявление субъективной стороны правонарушения. Кроме этого, необходимо установить все фактические обстоятельства дела, смягчающие или отягчающие данную ответственность, или вообще ее исключающие.

Содержание принципа правомерности юридической ответственности человека прямо вытекает из Конституции Украины, а именно с таких ее положений:

1) наделение Конституции Украины наивысшей юридической силой. Все законы и иные нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции Украины и должны отвечать ей. При этом нормы Конституции Украины являются нормами прямого действия (ст. 8 Конституции Украины);

2) запрет заключения международных договоров, противоречащих Конституции Украины. Действующие же международные договора ста-

¹ Петришин О.В. Праворозуміння у вітчизняній теорії права: загальносоціальний контекст. // Філософія права і загальна теорія права, 2012. – № 1. – С. 47.

новятся частью национального законодательства лишь после предоставления Верховной Радой Украины согласия на их обязательность (ст. 9 Конституции Украины);

3) обоснование правового порядка в Украине на началах, согласно которым никто не может быть принужден делать то, что не предусмотрено законодательством. Все органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать лишь на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией Украины и законами Украины (ст. 19 Конституции Украины);

4) провозглашение недействующими законов и иных нормативных актов, определяющих права и обязанности граждан, которые не доведены до сведения населения в порядке, установленном законом (ст. 57 Конституции Украины);

5) провозглашение законности одним из принципов судопроизводства, независимости и подчинения судей при осуществлении правосудия только закону (ст. 129 Конституции Украины);

6) непредоставление обратного действия во времени законам и иным нормативно-правовым актам, кроме случаев, когда они смягчают или отменяют ответственность лица. Запрет привлекать человека к ответственности за деяния, которые во время их совершения не признавались законом как правонарушения (ст. 58 Конституции Украины);

7) возложение обязанности на каждого неуклонно соблюдать Конституцию Украины и законы Украины, не посягать на права свободы, честь и достоинство других людей (ст. 68 Конституции Украины).

Как видим, названные положения полностью касаются правомерности как законодательной, так и правоприменительной деятельности в сфере правового регулирования.

Содержание этого принципа главным образом сводится к тому, что: человек может быть привлечен к юридической ответственности лишь при наличии в его деянии состава определенного правонарушения; привлечение его к юридической ответственности возможно в пределах сроков давности, установленных действующим законодательством; правовые взыскания или наказания могут назначаться только такие и в пределах, предусмотренных действующим законодательством во время совершения правонарушения; правовые взыскания или наказания должны назначаться компетентным органом государства, чаще всего судом; правовые взыскания должны назначаться в соответствующей правовой процессуальной деятельности компетентного органа государства; правовые взыскания и наказания должны исполняться согласно действующих норм права.

Принцип справедливости юридической ответственности человека. Этимологическое содержание понятия «справедливость», как подчеркнул Н. И. Козюбра, даже ближе к правовому, чем к нравственно-

му сознанию, а поэтому целиком оправдано может рассматриваться и как правовая категория¹. По определению С. И. Максимова, справедливость, подобно свободе, имеет выходящее за рамки нашей повседневности метафизическое измерение, в котором справедливость открывается в своем абсолютном аспекте. Она является ферментной ценностью для всех социальных, правовых и политических ценностей².

В ст. 10 Общей декларации прав человека подчеркнуто, в частности, что каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено публично и с **соблюдением всех требований справедливости** независимым и непредубежденным судом. Правосудие в Украине, согласно ст. 124 Конституции Украины, осуществляется исключительно судами.

Понимание справедливости зависит от уровня развития общественного сознания, его общей и правовой культуры. Прежде всего, должна быть обеспечена неотвратимость юридической ответственности человека как одна из самых важных ее характерных особенностей. «Правонарушение» и «юридическая ответственность» являются парными категориями. В идеале нет юридической ответственности человека без совершения им правонарушения, а правонарушение должно влечь юридическую ответственность человека, его совершившего. На компетентных органах государства лежит обязанность **своевременного** выявления каждого правонарушения и **своевременного** привлечения каждого виновного в совершении правонарушения к соответствующему виду юридической ответственности и согласно норм действующего права. Нужно согласиться с С. Н. Братусем, что **неотвратимость** юридической ответственности за нарушения норм права – необходимое условие законности, воспитания граждан, должностных лиц в духе истинного уважения к закону³.

О. Д. Максимюк называет четыре основные требования неотвратимости юридической ответственности человека: 1) каждое правонарушение должно влечь ответственность виновного лица; 2) никто невиновный не может быть привлечен к ответственности; 3) должна отсутствовать правовая возможность освобождения от юридической ответственности; 4) не должно иметь место торможение юридической ответственности в случаях, предусмотренных законом⁴. Среди приведенных требований, как представляется, второе требование является лишним, поскольку оно

¹ Козюбра М.І. Правовий закон: проблема критеріїв // Вісник Акад. правов. наук України. – 2003. – № 2–3 (33–34). – С. 85–86.

² Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – С. 317.

³ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – С. 5.

⁴ Максимюк О.Д. Принцип невідворотності юридичної відповідальності: гносеологічний підхід: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук. – Львів: ЛьвДУВС, 2011. – С. 13.

вытекает из содержания первого требования. Весьма дискуссионным является третье требование. Автор фактически предлагает ликвидировать самостоятельный, комплексный институт права – освобождение от юридической ответственности, что не может быть признано допустимым. Названный институт прошел многолетнюю апробацию как в Украине, так и во многих зарубежных государствах. Его полезность для регулирования общественных отношений испытана временем. Кроме того, как представляется, освобождение от юридической ответственности является важным элементом в механизме реализации юридической ответственности.

Неотвратимость юридической ответственности человека не обязательно связана с применением санкций юридических норм. Реакция государства на совершенное правонарушение, таким образом, в зависимости от обстоятельств дела, может проявиться через осуждение правонарушителя и освобождение его от юридической ответственности.

Когда правонарушение совершено, но не выявлено компетентными органами государства, или когда правонарушение выявлено, но виновный в его совершении не привлечен к ответственности, то в таких случаях наносится ущерб правопорядку, подрывается доверие к власти, вера в законность и справедливость, усиливается правовой нигилизм и, как следствие, возрастает количество правонарушений.

Обеспечение неотвратимости юридической ответственности человека в значительной мере зависит от четкости формальной определенности состава правонарушения. Требование неотвратимости юридической ответственности человека не может быть обеспечен в полной мере, когда состав правонарушения сформулирован с использованием оценочных понятий. Его применение в таком случае зависит в значительной степени от дискреционного воображения правоприменителя. Такая ситуация создает условия для конкуренции неотвратимости с принципами справедливости и гуманности юридической ответственности.

Справедливой является юридическая ответственность человека, реализующаяся в правовом поле, почвой которого являются общечеловеческие ценности демократии, гуманности, добродетельности. Справедливость юридической ответственности человека в значительной мере зависит от правоприменителя. Правовое взыскание или наказание может формально отвечать требованиям действующих норм права, но по своему виду и размеру может быть несправедливым. Поэтому правоприменитель при назначении правового взыскания или наказания обязан их индивидуализировать – учитывать не только формальные причины нарушения норм права, но и степень общественной вредности или опасности правонарушения, его тяжести, личность правонарушителя, форму его вины, обстоятельства дела, смягчающие или отягчающие его юридическую ответственность. По общему правилу, правонарушитель *не может* быть дважды привлечен к юридической ответственности одного вида за одно и то же правонарушение. Вместе с тем, правонарушитель *может*

привлекаться согласно действующему законодательству к нескольким видам юридической ответственности. Так, в случае умышленного уничтожения или повреждения имущества правонарушитель привлекается к уголовной ответственности и, кроме того, к гражданской ответственности в части возмещения, компенсации причиненного вреда. Сотрудник правоохранительного органа, например, может при этом привлекаться еще и к дисциплинарной ответственности.

Справедливыми должны быть не только привлечение к юридической ответственности человека, назначение соответствующего правового взыскания или наказания, но и исполнение назначенного правового взыскания или наказания.

Таким образом, юридическая норма, определяемое на ее основе взыскание или наказание, процедура его назначения и реализации, исполнения должны отвечать общечеловеческим представлениям о справедливости.

Принцип равенства юридической ответственности человека. В оксфордском политическом словаре указано четыре основных аспекта принципа равенства: 1) равное уважение в пределах определенной схемы процесса принятия постановлений – требование выявлять равное уважение к мнению каждого; 2) объективное отношение – требование одинакового рассмотрения одинаковых случаев; 3) равенство распределения – требование получения каждым равной части определенного блага; 4) равенство результата – требование, согласно которому индивиды после процедуры распределения должны оказаться в одинаковых условиях¹.

Содержание принципа равенства юридической ответственности человека раскрывают, прежде всего, апеллируя к международно-правовым актам о правах человека. В ст. 1 Общей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, провозглашено, что **все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах**, а в ст. 7 указано, что **все люди равны перед законом** и имеют право, без какого-либо различия, на равную их защиту законом.

Данное положение воспроизведено также в ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года.

Принцип равенства всех людей перед законом красной нитью проходит и в действующей Конституции Украины. В ст. 21 Конституции Украины провозглашено, что все люди свободны и равны в своем достоинстве и правах, а в ст. 24, что все граждане имеют равные конституционные права и свободы и являются равными перед законом. Одним из принципов правосудия в Украине, закрепленных в ст. 129 Конституции Украины,

¹ Короткий оксфордський політичний словник / за ред. І. Макліна і А. Макмілана; перекл. з англ. – К.: Основи, 2006. – С. 596.

является равенство всех участников судебного процесса перед законом и судом.

Правовое равенство не является равенством абсолютным, математическим. Можно сказать, что это относительное (формальное) равенство свободных и независимых людей (субъектов права) на основании единых норм и в одинаковой мере¹. Оно является одним из критериев характеристики права как демократического, гуманного, справедливого социального института. Признание различных индивидов формально равными, – констатирует И. И. Кальной, – равносильно признанию их равной правоспособности как возможности, которую один индивид может реализовать, а второй и не попытается этого сделать. Другими словами, право есть равный для различных людей формальный путь к приобретению благ, а не раздача этих благ поровну каждому².

Равенство и неравенство, как категории, неотъемлемы одна от другой, они существуют в каждой социальной системе как противоположные уравновешенные тенденции. В этом случае социальная система находится в состоянии стойкого и вместе с тем динамического равновесия. Равенство как один из принципов существования общественной системы позволяет утверждать ее стабильность. В свою очередь, неравенство является фактором, обуславливающим место человека в иерархической структуре общества, и может быть нескольких видов³.

В. А. Бачинин выделил следующие виды человеческого неравенства: 1) естественное неравенство, обусловленное физиологическими, соматическими, психофизическими особенностями людей, их отличиями друг от друга возрастом, полом, силой, красотой и т. д., всегда существовало между людьми и никогда не исчезнет; 2) социальное неравенство, возникшее вместе с развитием цивилизации, имеет различные формы и проявляется во множестве сфер общественной жизни. Наиболее очевидные из его проявлений обнаруживаются: при разделении труда на физический и умственный; в укладах жизни – городском и сельском; в различных социальных ролях (профессиях, должностях); в уровнях благосостояния, размерах собственности; в принадлежности к различным социально-политическим кругам, партиям, клубам (от демократических до элитных); характере социальных привилегий; 3) культурное неравенство предусматривает различие в уровнях образованности, воспитанности, культуры, духовности, в степени одаренности творческими способностями и талантами. Люди различаются между собой характером потребностей, типами мировоззрений, идеологическими убеждениями, религиозными верованиями⁴.

¹ См. об этом: Грищук О.В. Людська гідність у праві: філософські проблеми. – С. 122-127.

² Кальной И.И. Философия права: учебник. – С. 31.

³ Грищук О.В. Людська гідність у праві: філософські проблеми. – С. 123.

⁴ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – С. 686.

Формальное, юридическое равенство людей перед объективным правом проявляется в том, что нормы права выступают одинаковым, равным для всех субъектов общественных отношений, масштабом, мерилом деяний людей, одинаковым мерилом правомерности реализации ими своих прав и обязанностей. Рациональное равенство всегда являлось признаком справедливости.

Противоправное поведение человека генетически связано с его негативной (ретроспективной) юридической ответственностью, а правопослушное поведение – с его позитивной (перспективной) юридической ответственностью. Однако, если последствием противоправного поведения человека есть привлечение его компетентными органами государства к соответствующему виду юридической ответственности в установленном законом процессуальном порядке, то правопослушное поведение не имеет такого последствия. Позитивная (перспективная) юридическая ответственность связана лишь с человеком как субъектом общественных отношений. Правда, компетентные органы государства могут быть причастны к оценке поведения человека как правопослушного. Например, при оценке правомерности необходимой обороны, задержания преступника, крайней необходимости. Поэтому, когда речь идет о принципах юридической ответственности, то главным образом имеются в виду принципы деятельности компетентных органов государства относительно привлечения человека к ответственности, назначения ему правового взыскания или наказания, обеспечение его выполнения. В случае позитивной (перспективной) юридической ответственности, которая также своеобразно подчинена изложенным выше принципам, имеются в виду принципы активного или пассивного правопослушного поведения человека. Именно этим и обуславливаются некоторые отличия принципов позитивной (перспективной) юридической ответственности от принципов негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека.

Специфика принципов позитивной (перспективной) юридической ответственности человека проявляется, главным образом через следующие принципы: 1) принцип правомерности ответственности; 2) принцип обоснованности оснований юридической ответственности; 3) принцип справедливости юридической ответственности.

Принцип правомерности позитивной (перспективной) юридической ответственности человека. Правопослушным является поведение человека, отвечающее предписаниям правовых норм, содержанием которых является государственное веление (воля) относительно характера поведения человека в конкретных условиях общественной реальности: разрешение; обязанность; поощрение; запрет. Разрешение и поощрения предоставляют соответственно право человека на определенное поведение в правовом поле. Возложенная нормой права на человека обязанность и запрет подлежат безапелляционному исполнению и также в правовом поле.

Принцип обоснованности оснований позитивной (перспективной) юридической ответственности человека означает, что правовое разрешение, обязанность, поощрение, запрет должны иметь достаточную социальную обусловленность соответствующими факторами. В тех случаях, когда отсутствует социальная обусловленность правовой нормы, должны применяться другие социальные средства регулирования: экономические, организационные, идеологические и т.п. Поэтому принятию норм права должно предшествовать обоснование их социальной обусловленности, необходимости. То есть правовое основание позитивной (перспективной) юридической ответственности должно быть социально обусловлено, и это должно быть доказано на научном уровне до принятия соответствующего нормативного акта. К тому же, человек должен четко осознавать, что его деяние соответствует правовым предписаниям.

Принцип справедливости позитивной (перспективной) юридической ответственности человека заключается в том, что его поведение должно быть не только просоциальным, правопослушным, но и справедливым в пределах использования разрешения, исполнения обязанности, запрета или использование поощрения. Важное значение при этом имеет просоциальная направленность установок человека, свойственность ему таких качеств как, в частности, совесть, гуманность, добродетельность, чуткость, порядочность, патриотизм.

Н. М. Онищенко рассмотрела вопрос принципов позитивной юридической ответственности более широко, выделив такие из них: а) принцип законности – применение государством и другими уполномоченными субъектами мер правового поощрения, осуществляемого в строгих процессуальных рамках закона; б) принцип справедливости – поощрение должно отвечать степени социальной полезности деяний лица, а также недопустимости поощрения за одну и ту же заслугу дважды; в) принцип добровольного поступка – предусматривает, что применение мер позитивной ответственности возможно лишь за осуществления деяний по доброй воле, не в силу принуждения, а в силу внутреннего убеждения индивида в целесообразности и полезности именно такого варианта поведения; г) принцип экономичности – означает установление мер поощрения лишь за действительно ценные для государства и общества деяния, нецелесообразность поощрения за обычное, повседневное исполнение обязанностей с целью экономии материальных ресурсов и невозможность отождествления поощрения и других подобных правовых инструментов; д) принцип гарантированности поощрения – требует установления соответствующих гарантий своевременного награждения в определенном объеме за осуществления личностью тех или других полезных деяний¹.

¹ Онищенко Н.М., Тараконич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах. – С.38.

ВЫВОДЫ К РАЗДЕЛУ 2

1. Юридическая ответственность человека является видом социальной ответственности, неотъемлемой составляющей демократической общественной правовой реальности. В государстве демократической ориентации, в условиях социально неоднородного общества, главной задачей юридической ответственности как важнейшей социальной гарантии является обеспечение унормированного поведения людей как субъектов общественных отношений в разумном просоциальном, правопослушном русле с целью обеспечения справедливой, гуманной гармонии общественных отношений. Именно такого качества общественные отношения могут служить плодотворной почвой для цивилизованной коммуникации людей и удовлетворения их интересов и потребностей, нередко противоречивых и конфликтных, обеспечение прогрессивного, демократического развития общества и государства, выполняя, таким образом, функцию специфической социальной гарантии.

Юридическая ответственность человека, таким образом, является единым бинарным общественным феноменом, представляющим собой реализованную им **необходимость** сознательного и добровольного **использования** своих прав, **исполнения** обязанностей, **соблюдения** запретов, содержащихся в правовых нормах, а в случае их нарушения – **необходимость вынужденного претерпения им принудительных мер** воздействия, предусмотренных правовыми нормами и **применяемых** компетентными органами государства в установленных пределах, процессуальных и исполнительных формах.

2. В человеке генетически заложены два противоположных, антагонистических начала. Первое начало – созидательное, реализующееся, главным образом, в поле позитивной юридической ответственности. Второе начало – разрушительное, реализующееся, главным образом, в поле негативной (ретроспективной) юридической ответственности. И первому, и второму может быть присущ, как показывает общественная практика, весьма оригинальный, творческий характер. Но на субъективном уровне преобладает, доминирует созидательное начало, ибо в противном случае мир, в широком понимании этого слова, давно был бы разрушен. Вместе с тем, продолжает вызывать обоснованную тревогу на глобальном уровне постепенное разрушительное влияние человека на две основополагающие сферы его личной и общественной безопасности: окружающая среда и нравственность.

Естественно вызывает научный интерес проблема закономерностей «механизма запуска» означенных выше двух начал в человеке. Речь идет о его закономерностях на уровне сознания и подсознания. К сожалению, научное исследование этого процесса находится еще на своей на-

чальной стадии. Унормированность общественных отношений, как свидетельствует многовековая общественная практика, позволяет устранить или, во всяком случае, свести к минимуму произвол человека.

Природу юридической ответственности, таким образом, нужно искать в человеке и в неразрывной связи с окружающей его общественной средой. Юридическая ответственность в государстве демократической ориентации имеет социально-коммукативную (интерсубъективную) природу. В таком контексте юридическая ответственность связана с эмоционально-волевой сферой человека, законодательной и правоприменительной деятельностью компетентных органов государства. Она является испытанным юридическо-психологическим средством демократически настроенного государства для воздействия на поведение человека с целью модификации его в просоциальное, правопослушное русло, унормирование, гармонизацию общественных интересов, программирование развития регулируемого правом пространства общественных отношений, обеспечение их демократического прогрессивного, поступательного и стабильного развития.

Юридическая ответственность человека возможна лишь в обществе с достаточно развитой общей и правовой культурой и правовой системой. Она является их неотъемлемой составляющей. Вне общества, как известно, юридическая ответственность человека невозможна. Юридическая ответственность является выражением объективной зависимости человека от общества, государства, иных участников общественных отношений. Особая роль в этом процессе принадлежит государству в лице его компетентных органов. От его сущностного устройства – демократического или тоталитарного, – зависит и сущность юридической ответственности.

В государстве социально-демократической ориентации юридическая ответственность – *это не «дорога с односторонним движением»*, когда речь идет лишь о юридической ответственности человека. В государстве демократической ориентации ей присущ социально-коммукативный (интерсубъективный), полисистемный характер. Юридически ответственными, таким образом, должны быть все субъекты политической организации общества и особенно государство. Человек, например, должен быть ответственным перед государством, но и государство должно быть ответственным перед человеком.

3. Важной задачей юридической науки, правоприменительной практики и законодателя является *установление социальной обусловленности*, необходимости и целесообразности применения юридической ответственности человека за общественно вредные и общественно опасные деяния, совершенные им. Эффективное выявление факторов, предопределяющих необходимость и целесообразность применения юридической ответственности человека возможно лишь на почве исследования закономерностей поведения человека. Традиционно предметом исследования ученых в этом контексте является *противоправное по-*

ведение человека, его закономерности. Наряду с этим, важное значение имеет исследование закономерностей **правопослушного поведения** человека как доминирующей его формы поведения. Обе эти формы, виды поведения человека являются проявлением одного социально-правового феномена – **правового поведения человека**. Образно говоря, их можно назвать сторонами «одной медали». Максимально возможное выявление на доктринальном уровне закономерностей противоправного и правопослушного поведения человека, как представляется, позволит выйти на качественно новый, более полный уровень понимания механизма правового регулирования пространства общественных отношений, что в конечном счете обеспечит укрепление просоциальных, правопослушных установок человека.

Очевидно, что **правовое поведение человека, как правопослушное, так и противоправное**, имеет свои причины объективного и субъективного характера. Лишь через непредубежденный, объективный анализ этих групп причин, можно выйти на общие закономерности правового поведения человека как в частности каждой его разновидности, так и в целом. Во всяком случае, такой подход позволит существенно приблизиться к разгадке этого социального феномена. Доминирующим фактором в условиях социально неоднородного общества является противоречивость, конфликтность общественных интересов. В этой связи чрезмерно важным является научная выработка демократического механизма **разумного**, компромиссного согласования общественных интересов на уровне действующего законодательства. **Метод принуждения** в государстве демократической ориентации должен быть **крайним средством** согласования этих интересов. Игнорирование такого подхода в современных условиях, как свидетельствует общественная практика – путь к обострению и бурному проявлению социальных конфликтов, что, в свою очередь, может навредить демократическому реформированию всех сфер общественных отношений, или еще хуже – создать почву для демонтажа, развала имеющихся демократических институтов общества и установление тоталитарного режима.

4. Юридическая ответственность человека – явление нормативное. Она представляет собой общеправовой, комплексный институт объективного права, базирующийся на действующей системе законодательства и его общеправовых и отраслевых принципах. Право, в государстве демократической ориентации, является цивилизованным полем пределов свободы и ответственности. Оно, с одной стороны является результатом познания человеком внешнего мира, а с другой стороны, будучи фактором, элементом социальной действительности, выступает в качестве познания человеком этого внешнего мира и самого себя.

В современной юридической литературе четко просматривается плюрализм мнений ученых относительно понимания категории «право». Особое внимание уделено проблеме естественного права, хотя общепризнан-

ного его разумения не выработано. Отдельные авторы делают ударение на непригодность концепции позитивного права, не наводя при этом достаточно убедительных аргументов. Думается, что для противопоставления позитивного и естественного права нет оснований. Следует согласиться с логическим выводом **о необходимости признания дуальной природы права**: естественного и позитивного права как двух измерений единого социального феномена. В таком его разумении, как представляется, имеет место соотношение философских категорий «форма» и «содержание». В позитивистском понимании феномена права первичной является форма как внешнее выражение феномена права, сущность которого – властная воля, возведенная в закон. Концепции естественного права акцентируют внимание, в первую очередь, на содержательной характеристике феномена права, делая акцент на нравственно-этические характеристики феномена права.

Весьма продуктивным в научном плане представляется инструментально-потребностный подход, обоснованный П. М. Рабиновичем. Он направлен, главным образом, на определение сущностной характеристики феномена права через категорию «потребность». При таком понимании, как видится, сущность права – защищенная правом потребность, а совокупность средств удовлетворения потребностей – форма выражения права. В этом случае имеет место правопонимание, относимое к социолого-позитивистскому его типу, а точнее – к социально-антропологической разновидности последнего, в его историко-материалистической интерпретации¹. Исходным пунктом этого подхода есть человек со своими естественными, многообразными и постоянно развивающимися интересами и потребностями. Это дает основание рассматривать его как **естественно-правовой**.

5. В доктрине общей теории права нет единства мнений ученых относительно понимания юридической ответственности человека. В общем, если исходить из логики аргументации, научные знания относительно этого предмета можно рассматривать как систему убеждений ученых, имеющих некую степень истинности, воспринимающую исследователями в среде познания. Условно можно выделить два концептуальных подхода ученых к исследованию данной научной проблемы: 1) трактование юридической ответственности человека в ее негативном (ретроспективном) значении; 2) трактование юридической ответственности человека как двухаспектного юридического явления в его негативном и позитивном значениях. Итак, по своему сущностному содержанию юридическая ответственность может быть классифицирована на два вида, проявления, аспекты: **позитивный (перспективный)** – ответственность за настоя-

¹ Некласическая философия права: вопросы и ответы. – С. 17; Рабинович П.М. Правопонимание: сущность. Причины и неизбежность плюрализма, современное европейское измерение // Право Украины. – 2011. – № 1. – С. 15-21.

щее и будущее; и **негативный (ретроспективный)** – ответственность за прошлое.

6. К числу наиболее дискуссионных научных проблем в доктрине права принадлежит проблема **позитивной (перспективной, про-спективной, активной)** юридической ответственности человека. Вообще позиции ученых можно условно сгруппировать на три научных подхода: 1) отрицание целесообразности и возможности выделения позитивной (перспективной) юридической ответственности как юридического понятия; 2) признание понятия позитивной (перспективной) юридической ответственности наряду с понятием негативной (ретроспективной) юридической ответственности как относительно самостоятельных юридических понятий; 3) признание понятий позитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной) юридических ответственностей как самостоятельных, но таких, что характеризуют разные стороны одного правового явления – юридической ответственности.

Усиление внимания ученых-юристов к анализируемой научной проблеме еще не привело к выработке в доктрине права единого понимания феномена позитивной (перспективной) юридической ответственности человека. Условно можно выделить следующие концепции: 1) позитивная юридическая ответственность – осознание человеком понятия обязанности, чувство ответственности; 2) позитивная юридическая ответственность – обязанность человека дать отчет о своих деяниях; 3) позитивная юридическая ответственность – обязанность человека соблюдать предписания, требования правовых норм (обязанность действовать правопослушно, требование относительно соблюдения правовых норм); 4) позитивная юридическая ответственность – статусная ответственность человека; 5) позитивная юридическая ответственность – правопослушное поведение человека; 6) позитивная юридическая ответственность – поощрительная ответственность человека; 7) позитивная юридическая ответственность – добровольная форма юридической ответственности человека; 8) синтезированные (интегрированные) концепции позитивной юридической ответственности.

Кроме приведенных, в юридической литературе высказаны и другие мнения, иные разумения позитивной (перспективной) юридической ответственности: 1) позитивная юридическая ответственность – сознательное исполнение человеком разных обязанностей, понимание своей обязанности перед окружающими; 2) позитивная юридическая ответственность человека – правоотношение, состоящее из нескольких элементов, по крайней мере нескольких субъектов, права и обязанности которых корреспондируют друг другу; 3) позитивная юридическая ответственность – определенное внутреннее состояние человека, его отношение к порученному делу, обществу, государству и своему поведению, чувство самодисциплины, сознания; 4) позитивная юридическая ответственность – добросовестное отношение человека к своим обязанностям и их

качественное исполнение; 5) позитивная юридическая ответственность – самостоятельное, добровольное, активное исполнение человеком своих обязанностей, добровольное подчинение требованиям норм права и т.п.

Ни один из приведенных выше отдельно взятых концептов разумения позитивной юридической ответственности человека не дает полного представления о ее сущности. Каждая научная конструкция (концепция, концепт), как известно, представляет собой системную сумму убеждений, взглядов, гипотез и идей, имеющих субъективную авторскую логику аргументации и определенную степень истинности. Только синтезированный (интегрированный) методологический подход к анализу сущностных признаков позитивной юридической ответственности – субъективных и объективных характеристик, способен обеспечить выработку максимально всеобъемлющего ее понятия. Вместе с этим, позитивную юридическую ответственность человека нужно рассматривать *не только через призму его юридических обязанностей, но и через призму его прав на правопослушное поведение.*

Реализация позитивной юридической ответственности человека имеет две характеристики: *статическую*, содержанием которой является право субъекта или его правовую обязанность и *динамическую* – реализация этого права или обязанности в его правопослушном поведении.

В юридической литературе для определения сущности позитивной (перспективной) юридической ответственности человека применены, в частности, такие слова: «чувство ответственности»; «осознание повинности»; «обязанность действовать правомерно»; «обязанность соблюдать предписания правовых норм»; «необходимость правопослушного поведения»; «активная правопослушная деятельность»; «определенное внутреннее состояние лица»; «чувство самодисциплины, сознания»; «добровольная форма юридической ответственности»; «позитивная форма юридической ответственности»; «надлежащее исполнение юридических обязанностей»; «правовая повинность»; «правопослушное поведение»; «ответственность за правильное исполнение возложенных законами обязанностей»; «ответственное отношение человека к своим юридическим обязанностям»; «законопослушное поведение»; «добросовестное отношение к исполнению своих обязанностей и качественное их исполнение»; «добросовестное (ответственное) исполнение субъектом правовых предписаний»; «сознательное исполнение лицом различных обязанностей (юридических, нравственных и иных), понимание своей повинности перед окружающими».

Обобщение различных взглядов ученых-юристов, исследовавших, данную научную проблематику, позволило прийти к выводу, что *позитивная (перспективная) юридическая ответственность человека* – это реализованная им *необходимость* сознательного и добровольного *использования* своих прав, *исполнения* обязанностей, *соблюдения* запретов, содержащихся в правовых нормах. *Объективная сторона* позитивной (перспективной) юридической ответственности че-

ловека – правопослушное, общественно полезное или общественно приемлемое его деяние. **Субъективная сторона** позитивной (перспективной) юридической ответственности человека – осознание им необходимости, целесообразности, полезности предоставленного ему права, установленной обязанности запрета, поощрения и значимости его добровольного правопослушного поведения. При этом право и поощрение выступают в форме государственного веления-разрешения человеку на совершение определенного деяния (деяний), на определенное поведение. Собственно через поведение человека можно условно выделить такие уровни реализации позитивной юридической ответственности: а) социально-активный; б) обычный; в) конформистский; г) маргинальный.

Стержнем субъективной стороны позитивной (перспективной) юридической ответственности человека является его стабильная психологическая просоциально-правовая установка – психологическая готовность, склонность человека как субъекта общественных отношений к поведению согласно предписаниям правовых норм. То есть к правопослушному поведению, находящемуся под контролем сознания человека.

Если рассматривать юридическую ответственность человека через призму отношений, то его позитивная (перспективная) юридическая ответственность является первичным правовым отношением, а негативная (ретроспективная) юридическая ответственность – вторичное правовое отношение как следствие отсутствия первичного правового отношения.

Позитивная юридическая ответственность должна иметь три основания: 1) социально-этическое (нравственное, моральное); 2) нормативно-правовое; 3) фактическое.

Социально-этическое (нравственное, моральное) основание позитивной (перспективной) юридической ответственности сводится, главным образом, к ответу на вопрос почему человек должен быть правопослушным?

Человек, как член общества, член соответствующего социума, будучи наделен разумом, совестью, свободой и силой воли, в интересах собственной безопасности, безопасности соответствующего социума или общества в целом, должен уважать свои права и свободы, а также других членов соответствующего социума или общества в целом, ответственно относиться к общественным и государственным интересам.

Нормативно-правовым основанием позитивной (перспективной) юридической ответственности человека является норма (нормы) законодательства, содержащая в себе четко выраженное предписание, государственное веление (волю) относительно характера поведения человека в конкретных условиях общественной реальности: право, обязанность, запрет, поощрение относительно определенного социально значимого его деяния при определенных условиях окружающей социально-правовой действительности. Нормы права являются важным средством образования, укрепления и развития общественного нормативно-коммутативного

поля. Надежными основаниями при этом являются решения Европейского Суда по правам человека и решения внутригосударственных судов.

Фактическим основанием позитивной (перспективной) юридической ответственности человека является его деяние, содержащее в себе **состав его правопослушного поступка**: объект; объективная сторона; субъект; субъективная сторона.

Можно условно выделить три стадии позитивной (перспективной) юридической ответственности человека: 1) возникновение ответственности; 2) продолжение ответственности; 3) прекращение ответственности. Возникновение этой ответственности – с момента подчинения поведения человека предписаниям правовых норм, содержанием которых является государственное веление (воля) относительно характера его соответствующего поведения: право, обязанность, запрет, поощрение. Продолжение ответственности – время, на протяжении которого поведение человека подчинено предписаниям правовых норм. Прекращение ответственности – совершение человеком правонарушения, отмена нормы (норм) права как правового основания этой юридической ответственности, смерть человека.

7. В общей теории права, как и в общей философии и философии права, также не выработано единого понимания феномена негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека. В современной юридической литературе учеными определены такие признаки этого вида юридической ответственности: 1) юридическая ответственность – следствие совершения человеком правонарушения, форма реагирования государства на поведение человека; 2) юридическая ответственность является следствием совершения человеком деяния, содержащего признаки правонарушения, предусмотренного нормами права; 3) юридическая ответственность человека реализуется в пределах правового поля; 4) юридическая ответственность человека реализуется компетентными органами государства; 5) юридическая ответственность человека реализуется в определенных законом формах; 6) юридическая ответственность человека имеет свои стадии реализации; 7) юридическая ответственность человека реализуется в течении определенного времени и на определенном пространстве – территории государства; 8) юридическая ответственность человека подчинена соответствующим принципам.

Наиболее распространенными в общей теории права являются такие концепции понимания феномена юридической ответственности человека в ее негативном значении: 1) юридическая ответственность – правоотношение; 2) юридическая ответственность – наказание; 3) юридическая ответственность – реализация санкции; 4) юридическая ответственность – определенная государством способность человека давать себе отчет о своем противоправном поведении и претерпеть меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения надлежащих ему благ; 5) юридическая ответственность – мера, средство принуждения за совер-

шенное им правонарушение; 6) юридическая ответственность – правовая обязанность человека, возникающая из факта совершенного им правонарушения; 7) синтезированные (интегрированные) концепции понимания сущности и понятия юридической ответственности человека.

Необходимо заметить, что приверженцы каждой из названных концепций часто также неединодушны в понимании подходов к определению их содержательной части. Нередко ученые в разное время, были приверженцами нескольких названных выше концепций юридической ответственности.

Наиболее распространенным в современной юридической литературе является **синтезированное (интегрированное)** понимание феномена юридической ответственности через выделение нескольких ее признаков.

8. Юридическая ответственность человека связана с потенциальным или реальным государственным принуждением. Однако нельзя сводить негативную (ретроспективную) юридическую ответственность лишь как к взысканию или наказанию, так и только к применению санкции, поскольку эти понятия не отражают в полной мере содержания и формы реализации этой юридической ответственности. Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность шире по своему смыслу, нежели понятия «наказание» и «применение санкции». Следует помнить, что негативная (ретроспективная) юридическая ответственность может реализовываться и без применения санкции вообще и наказания в частности.

Негативную (ретроспективную) юридическую ответственность человека нужно отличать от мер (средств) государственного принуждения. Меры (средства) государственного принуждения как понятие **шире по объему** от понятия негативной (ретроспективной) юридической ответственности, поскольку оно, кроме правового взыскания или наказания, включает и другие правовые средства.

9. Нормы права по своей выраженности являются эталонами, моделями общественно полезного, общественно приемлемого правопослушного поведения человека, желательного со стороны законодателя. Они являются выражением правового сознания общества в целом или доминирующей его части, образующая позитивное нормативное поле юридической ответственности человека и регулируя волевое поведение людей. В нормах права воплощена воля государства, **государственное веление**, адресованное к индивидуальному **сознанию и воле** каждого человека как субъекта общественных отношений, субъекта права через его **разум и совесть**.

Совесть – самый важный Закон после Закона Божьего. Она, в частности, является одним из ярких показателей достоинства человека, его доминирующая добродетель. Она является антропологической основой ответственности человека – как позитивной (перспективной) так и негативной (ретроспективной). Государственная воля, государственное веление реализуется именно через **разум** человека, его индивидуальное

сознание и совесть, через его **волю**, через потенциальную угрозу применения принуждения со стороны компетентных органов государства.

Правильной следует признать позицию тех авторов, которые утверждают, что государственное принуждение всегда присутствует, начиная уже с момента вступления в силу обнародованной нормы права. Сначала **потенциальная угроза** применения государством принуждения побуждает человека к добровольному исполнению обязанности, а в случае совершения им правонарушения исполнение обязанности может быть **как добровольным**, так и следствием **применения мер принуждения**, предусмотренных действующим законодательством. Кроме того, как видится, в случаях причинения правонарушителем материального или морального вреда или обеих его видов одновременно, этой обязанностью правонарушителя охватывается возмещение, компенсации причиненного вреда.

К числу иных государственно-правовых мер воздействия правомерно относят: а) **предупредительные меры** (например, описание имущества лица, признанного обвиняемым в уголовном деле; объявление карантина в местности, где возникла или может возникнуть эпидемия); б) **меры пресечения** (например, задержание лица, совершающего хулиганские деяния); в) **возобновительные меры** (скажем, принятие судебного решения, которым руководитель предприятия обязывается возобновить на работе бесосновательно уволенного им работника); г) **компенсационные меры** (в частности, возмещение материального вреда, причиненного правонарушением).

10. **Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека** — это вид ее юридической ответственности, представляющий собой **необходимость вынужденного претерпения** нарушителем правовых предписаний применения к нему компетентными органами государства предусмотренных правовыми нормами **принудительных мер** правового воздействия в установленных законом пределах, процессуальной и исполнительной формах. Каждая из этих форм является неотъемлемой составляющей, важным элементом всего процесса, процедуры реализации юридической ответственности. В этой связи весьма метким является предостережение, сделанное Ю. В. Феофановым относительно того, что закон без ритуала, без процедуры его действия, приводит: власть — к произволу, а гражданина — к незащитности¹.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность **является, главным образом, следствием юридической безответственности** человека, а именно — безответственного, противоправного поведения человека как субъекта общественных отношений, **результатом потери им силы (способности) ощущения** юридической ответственности.

¹ Феофанов Ю.В. Власть и право // Известия. 20 июня 1988 г.

К видам негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека, как правило, относят: а) конституционную ответственность; б) административную ответственность; в) гражданско-правовую ответственность; г) дисциплинарную ответственность; д) материальную ответственность; е) уголовную ответственность; э) ответственность по международному праву.

11. Наиболее оптимальным в данное время является выделение **трех оснований** негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека: а) социально-этического (нравственного, морального); б) нормативно-правового; в) фактического.

12. **Социально-этическое (нравственное, моральное)** основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека должно дать ответ на вопрос: почему и при каких условиях человек подлежит юридической ответственности, а государство в лице компетентных органов власти имеет нравственное (моральное) право применить к нему меры юридической ответственности.

Научный анализ социально-этического (нравственного) основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека в доктринах философии права и общей теории права обязательно **связывают с понятиями «разум», «совесть», «свобода воли», являющихся антропологическими составляющими этого основания** юридической ответственности. В целом, теоретические подходы к выяснению этой связи сводятся к следующему. Государство демократической ориентации, как субъект общественных отношений осуществляет правовое воздействие на человека с целью модификации его поведения, направления его в общественно полезное или общественно приемлемое правопослушное русло и с этой целью устанавливает правовые пределы общественной свободы человека как субъекта общественных отношений. Именно правовое поле в этих пределах – желательная демократическим государством почва для реализации автономной свободы воли и ответственности человека как субъекта общественных отношений. Вне этих пределов свобода воли человека будет порождать произвол и хаос и, как результат, его юридическую ответственность.

Человек в таких случаях должен быть наделен обычного уровня **сознанием, разумной свободой и силой воли** к деянию (действию или бездействию). Он должен быть **способным** соотносить свое поведение с предписаниями правовых норм через призму его **совести** на почве **разумной** индивидуальной и социальной **необходимости**. **Государство**, в лице его компетентного органа, в случае нарушения таким человеком предписаний правовых норм, должно выполнить одну из своих функций – выявить факт правонарушения и привлечь его к соответствующему виду юридической ответственности. В государстве демократической ориентации применение видов юридической ответственности должно быть сбалансированным относительно каждого случая нарушения человеком

юридических норм: каждому такому случаю должны корреспондировать **разумные (необходимые) и достаточные** вид и мера юридической ответственности. Злоупотребление наиболее суровыми видами и мерами юридической ответственности в государстве демократической ориентации **недопустимо**, ибо это будет противоречить, прежде всего, естественному праву и праву международному.

Между **правовой (юридической) свободой человека** и его юридической ответственностью имеется относительная корреляционная зависимость. Юридическая ответственность является, образно выражаясь, обратной стороной правовой (юридической) свободы. Рост объема правовой (юридической) свободы человека обуславливает рост объема его юридической ответственности. Увеличение же объема юридической ответственности человека может вести к сужению объема его правовой (юридической) свободы.

Большое значение для теории юридической ответственности человека имеет выяснение **соотношения** между категориями **«свобода воли» и «необходимость»**. Следует согласиться, с тем, что необходимость не подавляет человека, она ставит его в такое положение, когда человек должен выбирать, решать самостоятельно. Тем самым **необходимость** выступает **объективной предпосылкой** ответственности человека, **субъективной же ее предпосылкой** является его **свобода воли**. Рассмотрение свободы воли человека вне рамок необходимости порождает произвол, вседозволенность, волюнтаризм, хаос, аномию. Необходимость вне пределов свободы воли порождает полную неспособность человека к осознанным самостоятельным решениям, поступкам. Поэтому, как уже отмечалось в первом разделе этой работы, нет оснований для абсолютизации, фетишизации свободы человека. В обществе она всегда должна быть унормирована, разумно дозирована. Должна соблюдаться разумная, научно обоснованная диалектика ограничений и свобод.

Между **«свободой воли» и «необходимостью»** существует **«свобода совести»** как **детерминанта разумного, морально правильного выбора** человеком варианта поведения в конкретной жизненной ситуации. В тех случаях, когда **совесть, если она, конечно, есть у человека на достаточно развитом уровне**, властвует над волей, выбор человеком варианта правопослушного поведения через его **позитивную силу воли** является наиболее вероятным. Когда такое господство совести над свободой воли отсутствует – наиболее вероятным является выбор человеком противоправного вида поведения **через негативную силу его воли**.

Правовой (юридический) рационализм – одно из важных направлений современной философии, философии права, общей теории права. **Разум** является наивысшей, имманентной составляющей способностей человека, направленной к утверждению общечеловеческих гуманистических ценностей права. Право как воплощение разума направлено к

разумным существам — людям. Оно способно стимулировать свободную и разумную волю человека, если конечно оно имеет достаточно крепкие демократические, нравственные основания.

Объективное право должно быть всегда воплощением разума, *продуктом разума* человека, его *совести и воли*. Через право *разум, как его основа, влияет* на волю людей, склоняя их к социально позитивному поведению. *Разум* конкретного человека, как правило, способен оценить *уровень воплощенного в норме права волевого разума*, соотносить его с собственным разумом, необходимостью и совестью. От этой индивидуальной оценки в значительной мере зависит развитие мотивационного процесса человека на выбор соответствующего варианта поведения: правопослушного или противоправного. Поэтому *норма права должна быть «разумной», «добросовестной», морально-правильной со стороны государства*, социально обусловленной вообще и, в первую очередь, через призму естественных интересов и потребностей обычного человека, к разуму, воле и совести которого она адресована. *«Неразумная», «недобросовестная»* в моральном понимании норма права не воспринимается широким кругом людей, игнорируется ими, как правило, в форме пассивного или активного сопротивления через неисполнение ее предписаний, поиск путей, направленных на то, чтобы обойти эти предписания. В частности, с помощью коррупционных действий и коррупционных схем. Она обречена лишь на малоэффективное принудительное применение и реализацию с минимальным успехом. Вместе с тем, *«разумная», «добросовестная», «морально правильная»* норма права является наиболее подходящей для восприятия ее разумом, совестью и волей максимально широкого круга людей, что является весомой составляющей надежной основы реализации такой нормы с наиболее высоким уровнем эффективности. Кроме этого, «разумная», «добросовестная», «морально правильная» норма права является тем весомым фактором, максимально содействующим утверждению уважения к праву, формированию позитивной юридической ответственности человека. Ожидание такого социально-правового результата с наибольшей вероятностью может быть обеспечено тогда, когда *разум законодателя* базируется на выявленных юридической наукой закономерностях и потребностях правового регулирования, представляющих собой часть интеллектуального потенциала общества. Поэтому уважение к праву объективно требует гармонизации — оно должно иметь *двустороннее, диалогическое проявление*. Со стороны государства, в лице законодателя, компетентных правоприменительных органов государства, которые должны *безоговорочно признавать моральную и утилитарную личную и публичную, гражданскую автономию человека, чтить его как разумное правовое существо, уважать его достоинство, права и свободы*, содействовать их утверждению и развитию. Именно в этом, главным образом, проявляется *позитивная ответственность государства*. Со

стороны граждан – это уважение к государству, к его разумным, морально правильным, справедливым, гуманным законам. Лишь при таких условиях возможна **надежная обратная связь между человеком и государством**, а так же, как его следствие, высокий уровень эффективности государственного управления. Взаимодействие (коммуникация), **диалог** этих двух субъектов, а на более высоком уровне **полилог** всех субъектов общественных отношений (человека и Бога; человека и человека; человека и государства; человека и партии, общественной организации; человека и субъекта хозяйственной деятельности, субъектов хозяйственной деятельности и государства и т.п.) – важнейшая парадигма, доминирующая предпосылка цивилизованного развития общества. Исходя из научных положений, юридическая ответственность, как позитивная (перспективная), так и негативная (ретроспективная), должна иметь **социально-коммутативную** (интерсубъективную) природу.

Свобода воли человека, как потенциальная возможность, содержит в себе опосредствованные его разумом такие интеллектуально-волевые характеристики: **свобода желания, свобода выбора, свобода деяния**. Она является одной из фундаментальных ценностей цивилизованной ментальности человека, его неотъемлемой чертой. Свобода воли, как качество, способность человека, предполагает за ним **право** свободного выбора варианта поведения из нескольких возможных и **обязанность** отвечать за осуществленный выбор социально значимого поведения. Ответственность **является весомой гарантией унормированной свободы человека**.

Право как социальная реальность, нормативный регулятор является мерой как **внутренней**, так и **внешней** свободы человека как субъекта общественных отношений, нормативной формой его выражения. Право как мера внутренней свободы человека содействует унормированию его **внутренней свободы – свободы воли**, свободы выбора варианта его поведения, содействуя, через закрепленные в нем ценностные ориентиры, поступательной социализации человека, **укреплению его внутренних ценностно-правовых установок** просоциального, правопослушного характера, росту уровня его общественной благонадежности. В конечном счете, это должно обеспечить надежный уровень позитивной юридической ответственности человека, когда он убежден в необходимости соотносить свое поведение с требованиями правовых норм, действовать в правовом поле. Формирование **свободы воли** человека в таком случае беспрекословно согласовывается с предписаниями норм права. В этой ситуации **законодатель выходит из презумпции наличия у человека достаточно высокого уровня разума, социализации, совести, силы воли, уважения к праву, социальной благонадежности**. Право обращено **к сознанию, разуму и воле** такого человека как субъекта общественных отношений. И в этом случае является достоверным прагматический расчет на **позитивную обратную связь** между государ-

ством как правовым регулятором общественных отношений и адресатом правовых предписаний в лице человека или иного субъекта общественных отношений. Расчет на такую связь не всегда оправдан в силу личностных и социальных факторов субъективного и объективного характера. В частности, когда добросовестный человек, наделенный силой и волей, но **не имеющий силы воли, ведет себя безответственно** и совершает правонарушение, закономерным последствием которого является его негативная (ретроспективная) юридическая ответственность.

Исполняя роль меры **свободы** человека как субъекта общественных отношений, право сориентировано на достаточный уровень его добродетелей, на добрые начала его человеческой природы. В ином случае действует обратная презумпция: отсутствие у человека достаточного уровня социализации, социальной благонадежности, совести, разумной силы воли, уважения к праву объективно требует применения к нему нормативно определенного принуждения с целью укрепления его индивидуальных нормативно-правовых установок, модификации поведения такого человека в общественно-позитивном русле. Интенсивность этого принуждения в значительной мере зависит от общественной вредности или общественной опасности совершенного человеком деяния, а также личности виновного.

Объединение ощущения свободы и осознания **разумной, морально-правильной правовой и индивидуальной необходимости** человеком порождают его специфическую волевую зависимость, онтологическим содержанием которой являются самоподчинение, самопринуждение к унормированному поведению в правовом поле, в просоциальном русле.

Необходимость нередко связана с двумя иными аллетичными модальностями – **случайностью и невозможностью**. Следует согласиться, что именно в таком их органическом соединении обеспечена возможность наиболее полной характеристики понятия и форм реализации юридической ответственности человека. При этом **необходимость коррелирует с неотвратимостью, случайность – с произвольностью, а невозможность – с полным исключением юридической ответственности человека**.

Важным является еще один малоисследованный аспект данной проблематики – **корреляция рационального и иррационального**, сознательного и подсознательного в поведении человека.

Представляется обоснованным вывод о том, что свобода человека, как внешняя, так и внутренняя, реализуется через правовой эквивалент, которым является **правосубъектность**, характеризующаяся единством **трех правовых институтов**: правоспособность; дееспособность; деликтоспособность. При этом под **правоспособностью** в юридической литературе понимается признанная государством способность человека иметь юридические права и обязанности, а под **дееспособностью** – признанная государством способность человека своими самостоятельными поступками приобретать, осуществлять, изменять или прекращать юри-

дические права и обязанности. **Деликтоспособность** – признанная государством способность человека самостоятельно избирать вариант поведения и отвечать за противоправную реализацию прав или исполнение обязанностей.

Юридическая свобода человека является неотъемлемым элементом механизма общественной правовой реальности, **доминирующей антропосоциальной ценностью**, одной из надежных основ формирования, функционирования и развития гражданского общества. **Право как мерило свободы и ответственности** человека создает **поле юридически значимой его свободы**, является безопаснейшим местом для формирования и внешнего выражения индивидуальной **совести и свободы воли** человека. **Унормированная правовая свобода** человека – это те социально-правовые возможности его поведения, которые определены нормами действующего законодательства, в широком понимании этого слова, через **разрешение, поощрение, обязанность, запрет**. Выход за нормативные рамки, пределы юридической свободы неразрывно связан с юридической ответственностью человека. В этом случае человек совершает противоправный поступок, разрывает тем самым нормативную систему социальной коммуникации.

Унормированная правом свобода воли человека реализуется через общественно полезные, общественно приемлемые, общественно вредные, общественно опасные или общественно нейтральные модели поведения человека. Свобода воли человека обеспечивает ему **свободу выбора** между правопослушным и противоправным поведением, и тем самым соотносится с волей государства (государственным велением). Последствием позитивного соотношения свободы воли человека и воли государства (государственного веления) является его позитивная (перспективная) юридическая ответственность. Последствием негативного соотношения воли человека и воли государства (государственного веления) является выход человека за пределы юридической свободы и как следствие – наступление его негативной (ретроспективной) юридической ответственности. В этом случае человек предстает **как неправовое существо**. Поэтому, когда соотношение свободы воли человека и воли государства (государственного веления) возникает на рациональном уровне, а не на чисто эмоциональном, шансов на результат в виде позитивной юридической ответственности человека значительно больше.

Свобода воли, таким образом, не является причиной противоправного поведения человека, она лишь диапазон возможного его поведения в правовом поле.

Различают юридическую свободу человека **формальную** и **реальную**. **Формальная** юридическая свобода – это предусмотренные нормами права возможные и целесообразные модели поведения человека в обществе. **Реальная** юридическая свобода – это реализация человеком своими индивидуальными способностями и усилиями предусмотренных

нормами права юридических возможностей, юридической свободы на почве реальных общественных условий ее реализации.

Таким образом, право является одновременно и регулятором общественных отношений и регулятором волевого поведения людей в условиях общества.

Праву как мерилу свободы человека присущ динамический характер – оно постоянно развивается наряду с развитием общественных отношений. Поэтому одной из главных задач законодателя является обеспечение развития права, гармонизация этого развития с развитием общественных отношений. Лишь при таком условии право будет максимально наделено инструментальными свойствами мерила свободы. Гармоничное развитие права в соотношении с общественными отношениями, общественными интересами и потребностями – залог прогрессивного развития общества на пути к новому уровню цивилизации.

Внешняя свобода человека легализируется в праве прежде всего закреплением ее в **форме субъективных прав, свобод и обязанностей** как в международном праве, так и во внутригосударственном – главным образом, на уровне Конституции как основного закона государства. Легализация внешней свободы человека в форме субъективных прав, свобод и обязанностей – это лишь одна из форм определения ее пределов. Детальная же регламентация пределов внешней свободы человека осуществлена в действующих нормативных актах государства как материального, так и процессуального и исполнительного характера. В действующем законодательстве **правам и свободам человека корреспондируют соответственно субъективные обязанности**. Субъективные права, свободы и обязанности представляют правовой статус человека в обществе. Они являются легальным ориентиром пределов социальной свободы каждого человека в цивилизованном обществе. Общественной практикой доказано, что нет прав и свобод без обязанностей, как и нет обязанностей без прав и свобод. Оптимальным вариантом является их гармоничное сочетание, согласование с помощью норм права, в правовом поле, на правовой почве. **Органическое единство прав, свобод и обязанностей** является принципом цивилизованного определения пределов внешней свободы человека в правовом поле государства.

Внутренняя свобода человека – **свобода воли**, в значительной мере формируется под воздействием его нравственно-психических, добрых и (или) злых начал человеческой натуры, личностных правовых установок и предписаний, содержащихся в уполномочивающих (позволяющих), обязывающих, поощряющих и запрещающих правовых нормах. Важное значение в этом процессе имеет уровень обеспечения доступности этих норм людям как субъектам общественных отношений. Традиционными формами обеспечения доступности правовых установок, предписаний являются **правовая пропаганда, правовое воспитание, правовое образование**.

Очевидной является назревшая необходимость **критически оценить** конституционный принцип «Незнание законов не освобождает от юридической ответственности» (ч. 2 ст. 68 Конституции Украины). В этом плане заслуживает поддержки позиция М. В. Костицкого, который обращает внимание на то, что этому принципу более двух с половиной тысяч лет и в доктрине права он не получил глубокого и всестороннего обоснования. Ученые обходят этот принцип «целомудренным» молчанием, констатируя лишь его наличие. Далее он справедливо указывает на то обстоятельство, что в конституциях «старых» и «молодых» европейской демократии такой формулы нет. В правовой практике постсоветских государств положение «незнание закона не освобождает от ответственности» является больше чем принципом – оно есть правовой презумпцией. Выражая сомнение относительно ее продуктивности, утверждая об отсутствии в человека психической возможности знать все законы и тем более подзаконные акты, автор правомерно ставит два вопроса: могут ли безапелляционно применяться в юриспруденции принципы категории и презумпции, которым более двух тысяч лет? Не изменилось ли настолько общество, что основой юриспруденции могут оставаться начала, характерные для древнего мира? По его справедливому мнению, в мире и в обществе произошли такие кардинальные изменения, которые подрывают основы этого принципа, этой презумпции. Достижения современной психологической науки позволяет по-новому, критически его проанализировать¹.

Как представляется, упомянутый выше принцип должен быть уравновешен не только конституционной обязанностью государства доводить свои правовые предписания к сведению людей, но и в **создании эффективного механизма** этой деятельности через правовую пропаганду, правовое воспитание, правовое образование. Современные возможности государства в этом направлении далеко не исчерпаны. Использование этих возможностей позволит укрепить обратную связь между государством и человеком, интеллектуально-правовые наставления человека, а следовательно и его позитивную юридическую ответственность.

По словам Гегеля, человек по существу имеет обязанности лишь постольку, поскольку у него есть права, у раба нет обязанностей, так как у него нет прав. Применительно к нравственной субстанциальности обязанности и права тождественны, но между ними есть и отличие; у меня есть различные права и различные обязанности, граждане государства имеют другие права и другие обязанности. По своему содержанию право отлично от обязанности, однако по ценности они остаются тождественными, так же как в договоре². В этом контексте превалирующее значение имеет

¹ Костицкий М.В. Психологічні питання юридичної відповідальності (критика презумпції «незнання закону не звільняє від відповідальності»): [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://estetiquement.ru/portal//soc_gum/juptp/2011_2/kostutsk.htm

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. – С. 423.

своевременное, систематическое и тщательное выполнение государством названных выше обязанностей.

Пределы социальной свободы человека, таким образом, в значительной степени определяются государством с помощью норм права. Каждая норма права содержит в себе соответствующее предписание, веление государства субъекту общественных отношений, указывающее на желаемый государством стандарт, модель его поведения в определенных условиях социального бытия. Такое **предписание, веление** обеспечивается потенциальной или реальной принудительной силой государства, призванного контролировать социально значимое поведение человека как субъекта общественных отношений, субъекта права, обеспечивать соблюдение им пределов социальной свободы через применение юридической ответственности. При этих условиях **свободная воля** человека формируется не только в пределах социально-правовой (юридической) свободы, но и в органическом сочетании с **разумной социальной и индивидуальной необходимостью и юридической ответственностью**, которая, как известно, также имеет четко определенные в законе пределы и меру. Государство, в лице законодателя и своих компетентных органов, должно, прежде всего, выяснять, имеет ли оно **нравственное право** ограничивать свободу человека в конкретной жизненной ситуации, или возможно решить определенную социальную проблему иными имеющимися методами и средствами.

Таким образом, **свободу человека в праве** нужно видеть как **разумную, морально правильную правовую необходимость**, согласованную с его собственными убеждениями, установками, идеалами, интересами и потребностями, опосредствованную его **совестью** и обеспечиваемую его **силой воли**. Так схематично выглядит логическая модель генезиса и развития поведения человека на рациональном уровне. Однако окружающему нас миру **присущи как черты рациональные, так и черты иррациональные**, которые в научном плане, как уже отмечалось, являются малоисследованными. На это обстоятельство обратил внимание Э. Фромм. «Многим исследователям человека и современной жизни общества, писал он, становится все яснее, что решающая трудность, стоящая перед нами, — это значительное отставание развития человеческих эмоций от умственного развития человека. Человеческий мозг живет **в двадцатом веке**; сердце большинства людей — все еще **в каменном**. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы. Человек подавляет в себе **иррациональные страсти** — влечение к разрушению, ненависть, зависть и месть, — он преклоняется перед властью, деньгами, суверенным государством, нацией; и хотя на словах он отдает должное учениям великих духовных

вождей человечества – Будды, пророков, Сократа, Иисуса, Магомета, – он превратил эти учения в клубок суеверий и идолопоклонства. Как же человечество может спастись от самоуничтожения в этом конфликте между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью? Настолько я могу судить, есть только один ответ: необходимо все большее понимание важнейших фактов нашего социального бытия; необходимо осознание, которое сможет предотвратить нас от непоправимых безумств, несколько повысив нашу способность к объективности и разумному суждению. Мы не можем рассчитывать, что преодолеем все заблуждения нашего сердца – с их пагубным влиянием на наше воображение и мышление – за время жизни одного поколения; быть может, пройдет тысяча лет, прежде чем человек перерастет свою до-человеческую историю, длившуюся сотни тысяч лет»¹.

Заслуживает внимания в этой связи утверждение о том, что основной проблемой человека является противоречивость его естественно-телесной и духовной сущности. Противоречия между телом и душой, чувствами и разумом, бесконечностью исторического развития и ограниченностью индивидуального бытия, унаследованными и приобретенными качествами создают постоянное напряжение в жизни как отдельного человека, так и общества вообще².

Закономерное и случайное, рациональное и иррациональное, сознательное и подсознательное в поведении человека являются категориями парными. Соотношение между ними индивидуальное относительно конкретного человека. Вместе с тем, наиболее типичным поведением человека, исходя из официальных статистических данных, является **право-послушное поведение**, свидетельствующее о явном преимуществе рационального над иррациональным, закономерного над случайным.

Право как **овеществление, продукт человеческого разума** должно быть наделено чертами общечеловеческих ценностей. При таких условиях разум и воля человека, его **разумная свобода воли и разумная, морально правильная правовая необходимость** служат онтологическими составляющими оснований юридической ответственности.

Разумная, морально правильная правовая необходимость в идеале имеет двойственный характер: социальный и индивидуальный. Мудрость законодателя проявляется лишь тогда, когда он, **на почве диалога, полилога, а не монолога**, сумеет выявить, уяснить для себя, понять в каждой конкретной ситуации решение вопроса правового урегулирования соответствующего общественного отношения, объективно-субъективное содержание социальной и индивидуальной разумной необходимости и **гармонично, морально правильно сочетать их** в своем волевом пред-

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Глава 1. Предисловие к 25 изданию: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/read/fromm_erih/begstvo_ot_svobodni.html#0

² Гарасимів Т.З. Філософема девіантної поведінки: монографія. – Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2014. - С. 279

писании, воплощенном в модели правовой нормы или норм. Это волевое предписание, как известно, устанавливает права и обязанности субъектов общественных отношений, пределы их осуществления. Поэтому на передний план всегда должна выходить потребность **выяснения социальной обусловленности** той или иной нормы права на научно-практическом уровне. С другой стороны, субъект общественных отношений, будучи просоциально настроенным, **должен быть способным уяснить, воспринять моральную правильность, разумность социальной необходимости**, оценить разумность, моральную правильность своей индивидуальной необходимости и гармонично сочетать ее с морально правильной, разумной социальной необходимостью. Этот результат проявляется через сложный мотивационно-волевой процесс. Как уже отмечалось, в тех случаях, когда норма права содержит в себе **явным образом откровенное неразумное, морально неправильное волевое предписание**, не вызванное социальной необходимостью, человек как субъект общественных отношений, субъект права или игнорирует такое предписание, или ищет пути его обхода. В таких ситуациях **доминирует морально правильная, разумная субъективная, индивидуальная необходимость**. Наряду с этим, анти-социально настроенный человек, как правило, преимущественно не воспринимает морально правильной, разумной социальной необходимости, воплощенной в норме права, предоставляя преимущество субъективной разумности своей индивидуальной необходимости. В этом случае является глубоко нравственным, оправданным применение к нему со стороны компетентных органов государства правового принуждения с целью модификации его поведения в правопослушное русло. Это в идеале. **В практическом же повседневном бытии все значительно сложнее**, поскольку постоянно является актуальной проблема эффективности контроля за социально-значимым поведением людей как субъектов общественных отношений, не всегда стремящихся к диалогу с государством, а также проблема эффективности правоприменения, решение которых зависит от многих факторов объективного и субъективного характера.

К числу актуальных проблем современных доктрин философии права и общей теории права относится проблема диалога государства и гражданина. Следует согласиться с тем, что любая государственность предполагает выработку принципов и основополагающих идей построения взаимоотношений между человеком и государством в различных областях правового регулирования. Основные права человека и гражданина, на защите которых зиждется правовое государство, требуют определения границ и пределов, за которые не может выходить ни человек, ни власть. Обоснование такого баланса свободных действий государства, с одной стороны, и человека – с другой, требует прежде всего правовая политика государства¹.

¹ Человек и государство в правовой политике Нового и Новейшего времени. – С. 12.

В юридической литературе, в связи с мерой свободы и мерой ответственности человека, рассматривается понятия **«несвобода»** как парная категория относительно категории **«свобода»**. Понятие **«несвобода»** при этом правомерно рассматривается в связи с внешними нормативными принципами социальной действительности. **«Несвобода»** является результатом признания человеком воли иных субъектов общественных отношений, в частности, воли государства, когда речь идет о правовой действительности. **Социальная «несвобода»** рассматривается, прежде всего, **как правовая несвобода человека**.

Юридическая ответственность правонарушителя **не безгранична**. Она имеет свои пределы, четко определенные в действующем законодательстве. Установление, определение рационально оптимальных пределов юридической ответственности — задача законодателя. Правоприменительные органы государства имеют предусмотренные законодательством возможности для индивидуализации ответственности нарушителей норм права.

Сложность доминирующего положения законодателя состоит прежде всего в том, что он должен, с одной стороны, понять, уяснить социальную обусловленность правового регулирования с тем, чтобы **предотвратить как чрезмерность, так и недостаточность правового регулирования** общественных отношений, а с другой стороны — обеспечить необходимо высокое качество правового регулирования общественных отношений.

Таким образом, **свободу человека в праве** нужно представлять как **разумную, морально правильную правовую необходимость**, согласованную с его собственными убеждениями, установками, идеалами, интересами и потребностями, опосредствованную **его совестью** и обеспечиваемую **силой воли человека**. Право как **овеществление, продукт человеческого разума**, должно быть наделено качествами общечеловеческих ценностей. При таких условиях разум, совесть человека, **его разумная, морально правильная свобода воли к деянию** (действию или бездействию), служат антропологическими составляющими социально-этического (нравственного) основания юридической ответственности человека.

13. **Нормативно-правовое основание** негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека можно понимать на трех уровнях: а) микроуровень; б) макроуровень; в) мегауровень.

На **микроуровне** нормативно-правовым основанием для применения к человеку негативной (ретроспективной) юридической ответственности является норма (нормы) материального законодательства, закрепляющая состав соответствующего правонарушения.

Нормативно-правовым основанием негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека, **на макроуровне** понимания этого феномена, является норма (нормы) материального законодатель-

ства, закрепляющая состав соответствующего правонарушения, а также нормы процессуального законодательства, определяющие процедуру привлечения его к соответствующему виду юридической ответственности и назначение правового взыскания или наказания, и нормы исполнительного законодательства, определяющие порядок и условия исполнения назначенного ему правового взыскания или наказания. Кроме этого, в случае привлечения человека к уголовной ответственности – нормы уголовного и уголовно-процессуального права, определяющие реализацию института судимости.

Нормативно-правовое основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека, *на мегауровне* понимания этого феномена, составляют нормы международного права и внутригосударственного законодательства, определяющие противоправность совершенного человеком деяния, нормы внутригосударственного законодательства, определяющие состав этого правонарушения и процедуру применения к человеку юридической ответственности (нормы процессуального и исполнительного законодательства).

Как уже отмечалось, нормы права являются важным средством создания, укрепления и развития социального нормативно-коммутативного поля.

На любом уровне понимания нормативно-правового основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности важными ее основаниями являются решения Европейского Суда по правам человека и решения внутригосударственных судов.

14. **Фактическим основанием** негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека **является юридический факт** – совершение им как субъектом общественных отношений **нормативно-правового деяния**, содержащего состав соответствующего правонарушения. То есть поступка, запрещенного законом под угрозой привлечения виновного в его совершении к соответствующему виду юридической ответственности. Состав правонарушения характеризуется четырьмя элементами: объект; объективная сторона; субъект; субъективная сторона. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов, или хотя бы одного из их необходимых признаков, означает отсутствие состава правонарушения, а значит и фактического основания для привлечения человека к негативной (ретроспективной) юридической ответственности.

Правонарушение в общей теории права, как правило, классифицируют на **два вида**: а) проступки (конституционные, административные, гражданские, дисциплинарные, международные); б) преступления (по национальному законодательству и по международному праву).

Юридическая ответственность человека возможна лишь за деяния, **являющиеся общественно значимыми**, то есть такими, которые затрагивают интересы иных членов общества, государства, всего общества. Она является последствием безответственного, противоправного поведения.

ния человека, совершения им деяния, причиняющего вред или создающего реальную угрозу причинения вреда интересам иного человека (людей), другим субъектам общественных отношений. То есть эти деяния человека являются объективно общественно вредными или общественно опасными. Такие деяния есть и должны быть юридически значимыми для законодателя и правоприменителей. При этом очень важным качественным свойством законодателя является его способность определить общественную вредность или опасность конкретного человеческого деяния.

15. Привлечение к негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека, как стадии юридического преследования, начинается с момента предъявления ему компетентным органом обвинения в совершении правонарушения. Предъявление человеку обвинения в совершении правонарушения и является привлечением его к негативной (ретроспективной) юридической ответственности. Относительно реализации уголовной ответственности следует заметить, что, согласно ст. 214 УПК Украины, она начинается с момента внесения следователем, прокурором соответствующих сведений в Единый реестр досудебных расследований.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека **возникает с момента** нарушения им предписаний норм права и, как известно, не завершается предъявлением ему обвинения в совершении правонарушения.

Понятие «*юридическое преследование*» можно рассматривать в широком и узком разуме. В узком понимании оно схематично охватывает: выявление и раскрытие правонарушения; выявление человека, совершившего правонарушение; формулирование и предъявление обвинения человеку в совершении правонарушения; назначение правонарушителю предусмотренной законом меры взыскания или наказания. Юридическое преследование в широком понимании, как представляется, охватывает все стадии реализации негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека в материально-правовом, процессуально-правовом и исполнительно-правовом аспектах.

Нужно согласиться с тем, что негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека имеет *следующие стадии*: 1) возникновение юридической ответственности; 2) установление компетентными органами государства состава правонарушения в деянии человека; 3) определение вида и размера правового взыскания или наказания человеку, виновному в совершении правонарушения; 4) исполнение назначенных виновному правового взыскания или наказания; 5) прекращение юридической ответственности человека. Юридическая ответственность возникает на почве общественно значимых отношений субъектов общественных отношений и реализуется на этой же почве.

16. Принципы юридической ответственности человека — это выработанные юридической наукой и материализованные в праве научные идеи, концепты, идеологемы, начала применения юридической

ответственности. К числу специальных принципов негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека относят: 1) принцип демократичности ответственности; 2) принцип гуманности ответственности; 3) принцип правомерности ответственности; 4) принцип справедливости ответственности; 5) принцип равенства ответственности.

Позитивная (перспективная) юридическая ответственность человека также, но своеобразным образом, подчинена упомянутым выше принципам, которые имеют свою специфику, поскольку эта ответственность анализируется через активную и пассивную формы правопослушного его поведения.

17. Юридическая ответственность человека как правовой феномен представляет собой двухединую социально-правовую субстанцию, **имеющую две стороны, две характеристики**: негативную (ретроспективную) и позитивную (перспективную), находящиеся между собой в сложной генетически-диалектической, корреляционной взаимосвязи. Расширение сферы позитивной (перспективной) юридической ответственности человека обуславливает сужение сферы его негативной (ретроспективной) юридической ответственности и наоборот – расширение сферы негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека ведет к сужению сферы его позитивной (перспективной) юридической ответственности.

Нужно при этом согласиться с тезисом о том, что негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека является довольно эффективной гарантией его позитивной юридической ответственности. В то же время, укрепление позитивной юридической ответственности человека является, без сомнения, важной гарантией нераспространения негативной (ретроспективной) юридической ответственности, что в определенной мере содействует укреплению законности и правопорядка в обществе.

Позитивная (перспективная) и негативная (ретроспективная) ответственности человека являются соответственно добровольной и принудительной формами, способами реализации единой юридической ответственности как вида социальной ответственности.

Юридическая ответственность человека, как и ее юридическая безответственность, являются элементами системы правовой реальности – мира социального взаимодействия в государстве. Юридическая ответственность человека в совокупности с иными позитивными элементами правовой реальности государства, общества, призвана обеспечивать стабильность их нормативной основы, содействовать распространению и укреплению исходных ценностно-правовых, просоциальных установок, парадигм мышления людей как субъектов общественных отношений, расширению сферы их позитивной юридической ответственности, что без сомнения будет содействовать дальнейшему формированию демократического, правового, социального государства, гражданского общества.

РАЗДЕЛ 3

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

3.1. Общие подходы к пониманию феномена уголовно-правовой ответственности человека

Во многих случаях названия тем диссертационных исследований на соискание научных степеней, монографические исследования, учебные пособия и отдельные научные статьи или тезисы докладов начинаются словами: «Уголовная ответственность за ...». Закономерно возникает вопрос, что следует понимать под понятием «уголовная ответственность человека».

Терминологическое словосочетание «уголовная ответственность» было известно законодательной практике еще в досоветское время. Так, в §15 ст. 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года указано, что каждый несет *уголовную ответственность* сам за себя за исключением случаев, четко определенных в законе. Уголовная ответственность, замечает А. П. Козлов, как понятие традиционно присутствует в уголовном праве России не одно столетие, являясь привычным термином. Например, в ст. 10 Уголовного Уложения 1903 г. речь шла о том, что не подлежит ответственности «по сему уложению» определенное лицо при определенных условиях; об ответственности говорит Уголовное Уложение в ст. 43 и других статьях. Об уголовной ответственности пишет законодатель в ст. 10 Основных начал 1924 г., в ст. 3-5, 14 УК РФ 1926 г. Термин «уголовная ответственность» широко применялся в уголовных законах 30-40-х гг. прошлого века. Применялся он и в теории уголовного права. Так, Н. С. Таганцев в своих комментариях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Уголовного Уложения широко использует термины «ответственность» и «уголовная ответственность»¹. Однако само понятие «уголовная ответственность» не было специальным предметом научного исследования.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что действующий УК Украины не содержит нормативного определения понятия феномена «*уголовная ответственность*», хотя в нем неоднократно употребляется это словосочетание. Так, раздел II Общей части УК Украины имеет название «Закон об уголовной ответственности», раздел четвертый – «Лицо, подлежащее уголовной ответственности (субъект преступления)», раздел девятый – «Освобождение от уголовной ответственности», а раздел

¹ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 28-29.

пятнадцатый – «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В ряде статей УК Украины, в частности в статьях: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 97, 106, 111, 114, 175, 212, 2121, 255, 2583, 260, 263, 289, 307, 309, 311, 321, 369, 401 также применено словосочетание **«уголовная ответственность»**.

Такое широкое применение упомянутого словосочетания в УК Украины обязывало законодателя определить его как нормативное понятие. Однако, как уже отмечалось, это не произошло. В этой связи обращает на себя внимание, закрепленное в ст. 44 УК Республики Беларусь его определение: «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применение на основании осуждения наказания или иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом».

Изначальным моментом в становлении учения об ответственности человека в доктрине советского уголовного права можно считать введение термина «ответственность» в «Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1958 года. До этого момента в юридической литературе понятие «уголовная ответственность» упоминалось постольку, поскольку оно затрагивало наказание, принципы уголовной наказуемости, вины. При этом сама категория уголовной ответственности рассматривалась большей частью как пережиток буржуазной науки уголовного права. При необходимости, когда требовалось провести разграничение между уголовным наказанием и явлениями более общего порядка, связанными с реализацией норм уголовного права, обращались к употреблению таких словосочетаний как «уголовная репрессия», «уголовное принуждение» и т.д.¹

В науке уголовного права наблюдается достаточно широкий диапазон взглядов по этому вопросу, и единого доктринального разумения феномена **«уголовная ответственность»**, к сожалению, не выработано. Это понятие продолжает оставаться источником оживленной дискуссии ученых. Неоднозначное разумение понятия **«уголовная ответственность»**, ее оснований, форм и стадий реализации, как представляется, не содействует как дальнейшим научным исследованиям соответствующей уголовно-правовой проблематики, так и в определенной мере неблагоприятно влияет на правоприменительную и законодательную практику. Одним из ярких доказательств наличия этой негативной ситуации может послужить конституционное представление Министерства внутренних дел Украины относительно официального толкования положений части третьей статьи 80 Конституции Украины и Решения Конституционного Суда Украины по тому же делу от 27 октября 1999 года №9-рп / 99, дело № 1-15 / 99 (**дело о депутатской неприкосновенности**). Этим реше-

¹ Шишов О.Ф. Проблемы уголовной ответственности в истории советского уголовного права. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – С. 21.

нием также не выяснена проблема понятия уголовной ответственности. В нем лишь констатировано, что уголовная ответственность является разновидностью юридической ответственности, особым элементом в механизме уголовно-правового реагирования государства относительно лица, совершившего преступление, что понятие «уголовная ответственность» законодательно не определено, и в теории уголовного и уголовно-процессуального права оно трактуется по-разному.

Известно, что приобретенные обществом знания выражаются в форме устных или письменных знаковых систем. Каждое научное понятие является *сплавом мысли, языка и письма*, что предоставляет ему качество неизменной формы мышления. Дж. Локк, например, исходил из того, *что цель языка троюка*: во-первых, сообщение мыслей и идей человека другому человеку; во-вторых, достижение этого со всей возможной легкостью и скоростью; в-третьих, передача знания вещей¹.

Мысли, идеи, теоретические концепции субъекта, переведенные в материю системы языковых знаков и понятий, является инструментом познания человеком конкретных объектов окружающей действительности, управления обществом.

Понятие в науке выступают не только результатом познания определенных сторон объективной действительности, но и ее методом. Они служат также средством, фундаментальной формой обобщения накопления научного материала о предмете исследования, уплотняют наши научные знания, объединяют их в определенную систему. Будучи, таким образом, методом познания человеком окружающей действительности.

Итак, эффективным средством выяснения содержательной, сущностной характеристики каждого явления уголовно-правовой действительности является его *номинальное определение* в форме понятия. Такое номинальное определение осуществляется путем установления соответствующих существенных признаков, которые собственно и раскрывают содержательную, сущностную наполненность понятия, обеспечивают возможность его вербального, писанного выражения. К числу существенных нужно относить те признаки, которые присущи определенному уголовно-правовому явлению и выражают его специфическую природу, отличая его от других уголовно-правовых явлений.

Доктрина уголовного права, как и каждая иная доктрина права, *должна быть свободна от слепого поклонения догматическим² стереотипам, от «давления»* как законодательных, так и

¹ См. Покровский П.А. Бентам и его время // Записки юрид. ф-та императорского Петроградского ун-та. Вып. 3. – Петроград: Тип. А.Э. Коллинс, 1916. – С. 168.

² Весьма метко сущность догмата подметил Людвиг Фейербах. «Сущность догмата, писал он, входит то, что он противоречит разуму: он должен ему противоречить, в этом состоит заслуга веры; догмат – ничто без веры, вера – ничто без противоречия разуму и опыту». (См. Фейербах Людвиг. К критике позитивной философии // Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1995. – С. 9).

«авторитетных» понятий, что характеризует каждое демократическое общество, государство. «Для того, чтобы наука о человеческом поведении могла развиваться, метко заключил Т. Селлина, ученый в этой области должен освободиться от уз, создаваемых уголовным законом. Безоговорочное принятие юридических определений как основных единиц или элементов криминологического исследования нарушает основной критерий науки»¹. Консервативность и формализм, как справедливо отметил М. И. Ковалев, равносильны регрессу, они недопустимы в принципе². Однако, это совсем не означает, что законодательные и научные понятия не должны быть предметом доктрины уголовного права. Каждое правовое понятие, как элемент знаковой системы правовой реальности, может служить надежным инструментом научных исследований, законодательной и правоприменительной практики. Главным же для научных исследований является не констатация этих понятий, а их объективный, непредубежденный, всесторонний, глубокий анализ и выделение на этой почве их наиболее существенных характеристик как социально-правовых явлений и возможно выработка их концептуальных моделей для науки, законодателя и правоприменительной практики, что в определенной мере должно содействовать обеспечению надлежащего качества, стабильности и динамичности уголовного законодательства.

На последнее обстоятельство, как важную цель перспективной деятельности украинской уголовно-правовой науки, указал В. Я. Тацій: «... стержневыми проблемами на сегодня остается не только качество, но и стабильность уголовного закона, неизменность его основных принципиальных положений и предписаний. Только на основании относительной стабильности законодательства может строиться и довольно стойкая, целенаправленная и прогнозируемая политика государства в борьбе с преступностью. В то же время, оставаясь стабильным в своих принципиальных положениях, уголовное законодательство должно эффективнее реагировать на те изменения, которые происходят в политических, социально-экономических условиях жизни общества и государства, адекватно отвечать на любые новые общественно опасные вызовы со стороны преступной среды. Только взвешенное и разумное сочетание стабильности и динамичности норм закона об уголовной ответственности способно обеспечить высокую эффективность его предписаний»³.

¹ См. Социология преступности // Сборник научных статей. Под. ред. Б.С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1966. – С. 31–32.

² Ковалев М.И. О роли научных понятий в уголовном праве и криминологии // Известия вузов. Сер. Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 57.

³ 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., (Харків, 13-14 жовт. 2011 р.) / редкол.: В.Я. Тацій (голов. ред.), В.И. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Х.: Право, 2011. – С. 33.

В этой связи В. И. Борисов справедливо подчеркнул, что «переход к новому качеству, которому должно отвечать законодательство, в том числе уголовное, нужно связывать не только с повышением ответственного отношения народных депутатов Украины к процессу законотворчества, более взвешенным обоснованием необходимости изменений, дополнений или принятия новых законов, работой профессиональных рабочих групп над текстами законов, но и с весомыми социальными, правовыми, культурными процессами, под воздействием которых возможно существенное изменение законотворчества, в частности: переход Украины к двухпалатному парламенту; значительное повышение влияния на законотворчество местного самоуправления и институтов гражданского общества; нормативное упрочение научного ответственного сопровождения разработки и принятия законов и других нормативно-правовых актов; обязательность специализированных экспертных выводов: относительно защиты прав и свобод человека и гражданина, на предмет конституционного соответствия, с экономических, криминологических, антикоррупционных, экологических вопросов и т.п.; введение моратория на определенный промежуток времени относительно изменений и дополнений к наиболее важным законам, в том числе и уголовным; образование постоянно действующих парламентских комиссий по контролю за эффективностью применения законодательства в первые годы (один-три) после принятия соответствующего закона и т.п.»¹.

К этому можно добавить, что ныне назрели **четыре** проблемы, которые в значительной мере влияют на качество принятых Верховной Радой Украины законов, а именно: 1) **громоздкость** Верховной Рады по численности и внутренней структуре, что делает ее «неповоротливой», неоперативной в принятии законов. Она неоправданно велика по чисельности, что не отвечает реальным финансовым возможностям государства; 2) **отсутствие** цензов при выборах народных депутатов и, как следствие, – непрофессиональность народных депутатов (отсутствие юридического образования, опыта работы в сфере применения законодательства, не всегда безупречная личная характеристика, заангажированность в сфере предпринимательской деятельности и т.п.); 3) **отсутствие** специального закона, например, «Закона о правотворчестве в Украине» или «Закона о нормативных актах», который бы в деталях регулировал отношения законодательного процесса; 4) **отсутствие** специального государственного органа, например, Государственной кодификационной комиссии, которая бы разрабатывала проекты законодательных актов на научных началах, обеспечивала бы своевременную разработку изменений в действующее законодательство, его системность, стабильность и ди-

¹ 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., (Харків, 13-14 жовт. 2011 р.). – С. 282.

намічність і т.п. Історический опыт убедительно свидетельствует не в пользу отсутствия такого законопроектного органа.

Как уже отмечалось выше, в украинской науке уголовного права, а также в зарубежной науке уголовного права, нет общепризнанного разумения понятия «уголовная ответственность», равно как и нет единства мнений ученых относительно понятия «социальная ответственность» и «юридическая ответственность», о чем шла речь в предыдущих разделах данной работы.

Необходимо заметить, что в украинской науке уголовного права за годы независимости почти не было выявлено специального усиленного внимания ученых-криминалистов к комплексному анализу на монографическом уровне проблем понятия, оснований, форм и стадий уголовной ответственности человека, как и не было специальных диссертационных исследований по данной проблематике на соискание научной степени кандидата или доктора юридических наук. Вместе с тем, был опубликован ряд научных работ, где данные вопросы на монографическом уровне или на уровне учебников рассматривались частично или в совокупности с другими злободневными вопросами уголовной ответственности человека¹. Ближе всего к непосредственному анализу упомянутой проблематики подошли Л. В. Багрий-Шахматов, Ю. В. Баулин, А. А. Дудоров, В. А. Меркулова, И. И. Митрофанов, И. В. Красницкий, Е. О. Письменский, Я. И. Соловий, О. Н. Овчаренко².

¹ Например: Вереша Р. В. Суб'єктивні елементи підстави кримінальної відповідальності. – К.: Атіка, 2006; Мандриченко Ж.В. Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з примиренням винного з потерпілим. – О.: Фенікс, 2009; Наден О.В. Спеціальні види звільнення від кримінальної відповідальності за злочини у сфері обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів. – Х.: Право, 2003; Маслак Н.В. Кримінальна відповідальність за готування до злочину. – Х.: Право, 2010.

² Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: монографія. – К.: Атіка, 2004; Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации. – О.: А.О Бахва, 2000; Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации: курс лекцій. – О.: Одесский госуд. морской ун-т., 2001; Дудоров О. О. Кримінальна відповідальність: аналіз основних наукових концепцій / О. О. Дудоров // Вибрані наукові праці з кримінального права. – Луганськ: РВВ ЛьвДУВС ім. Е. О. Дідоренка, 2010. – С. 81–93. Красницкий І.В. Кримінальна відповідальність як інститут кримінального права Франції і України: порівняльний аналіз. – Львів: ЛьвДУВС, 2008; Меркулова В.О. Кримінальна відповідальність: окремі теоретичні та соціально-правові аспекти: монографія. – О.: ОЮІ ХНУВС, 2007; Митрофанов І.І. Теоретичні проблеми механізму реалізації кримінальної відповідальності. – Кременчук: Вид-во ПП Щербатих О.В., 2010; Соловий Я.І. Межі кримінальної відповідальності. – Івано-Франківськ: ЗАТ «Надвірнянська друкарня», 2009; Письменський Є.О. Звільнення від покарання та його відбування: проблеми кримінального законодавства та практики його застосування: монографія; передм. д-ра юрид. наук, доц. Хавронюка М.І.; наук. ред. д-р юрид. наук, проф. А.А. Дудоров. – Луганськ: ТОВ «Віртуальна реальність», 2011; Овчаренко О. М. Юридична відповідальність судді: теоретико-прикладне дослідження: монографія. – Х.: Право, 2014.

Более плодотворны в этом плане современные зарубежные ученые-криминалисты, в частности, Российской Федерации и Республики Беларусь, которые подготовили и опубликовали за последние более как 20 лет ряд специальных монографических работ по данной проблематике¹. Особо, при этом, следует отметить современную, фундаментальную монографию А. П. Козлова (Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. аграрного ун-та, 2013. – 620 с.). В Российской Федерации, кроме отмеченного, защищено по этой проблематике несколько диссертаций. В частности, диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: Лумповой И. А. «Виды ответственности в советском уголовном законодательстве» (1991 г.), Лошенковой Е. В. «Ответственность в уголовном праве» (2007 г.), а также защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук Тарбагаевым А. Н. «Ответственность в уголовном праве» (1994 г.)

Нередко ученые отмечают, что понятие «уголовная ответственность» является сложным, объемным уголовно-правовым явлением. С такой оценкой нет оснований не соглашаться, поскольку она является обоснованной. Вместе с тем нельзя не заметить разного видения ими «сложности» и «объемности» данного уголовно-правового явления, феномена.

Исходя из нормативно-теоретической основы исследования можно целостно выделить три уровня научного анализа данной проблематики: а) **микроруровень** – выяснение содержания понятие феномена уголовно-правовой ответственности человека лишь на базе действующего уголовного законодательства, практики его применения и соответственно

¹ Например: Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. – Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1982; Козаченко И.Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения. – Свердловск: Свердловский государственный университет, 1987; Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990; Звечаровский И.Э. Уголовная ответственность: понятие, виды, формы реализации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та., 1992; Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве. – Красноярск: КГУ, 1994; Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. – М.: Изд-во Красноярск. ун-та, 1986; Астемиров З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. – Махачкала: ДГУ, 2000; Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность: вопросы материального права. – Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т, 2002; Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002; Павлухин А.Н., Чистяков А.А. Уголовная ответственность как научная категория российской правовой доктрины. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003; Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права. – Т. 8. – М.: СПб. ГКА, СПб., 2007. – С. 3–71; Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание // Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – Т. 1. Преступление и наказание. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 510–528; Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. – М.: ЮрИнфоР-МГУ, 2008; Хомич В.М. Формы реализации уголовной ответственности. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та., 1998.

доктрины уголовного права; б) **макроуровень** – на базе трех отраслей законодательства: уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и практики его применение, а также, разумеется, соответствующих им научных доктрин; в) **мегауровень** – на почве международного права, конституционного законодательства, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и законодательства сопредельных отраслей, институты которых имеют прямое отношение к реализации уголовной ответственности человека, а также практики применения указанного законодательства и соответствующих доктрин права.

Предложенная **триада уровней** позволяет, как представляется, более системно, значительно шире и глубже исследовать феномен уголовно-правовой ответственности.

Первый из этих уровней – микроуровень применяется всеми учеными. Иногда на этом уровне речь идет также об уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, в частности при исследовании форм и стадий негативной (ретроспективной) уголовной ответственности.

Признание в научных источниках понимания феномена уголовно-правовой ответственности человека **лишь** как негативной (ретроспективной) и отрицание или замалчивание при этом наличия феномена его позитивной уголовной ответственности можно условно определить как **узкий подход** к исследованию проблем уголовной ответственности человека. Он является довольно распространенным в науке уголовного права¹.

В контексте микроуровневого анализа обращает на себя внимание предложение различать понятия феноменов **«уголовная ответственность»** и **«ответственность в уголовном праве»**. **Первое** из них, по мнению В. А. Номоконова, является понятие, традиционно определяемое как негативная (ретроспективная), а **вторая** – более широкое понятие,

¹ Данный подход применен, в частности, в таких научных трудах: Баулін Ю.В. Кримінальна відповідальність та її підстави // Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – 4-е вид. перероб. і допов. – Х.: Право, 2010. – С. 27; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание. – М.: Юрид. лит., 1965; Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. – 1963. – № 3. – С. 26; Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. – Вып. 1. – Свердловск: Изд-во Сверд. юрид. ин-та, 1971. – С. 121; Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. – М.: Юрид. лит., 1965. – С. 22; Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С. 131; Курс советского уголовного права / ред. коллегия: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. – Т. 3. – М.: Наука, 1970. – С. 6–18; Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1967. – С. 41; Тарханов И.А. Поощрения позитивного поведения в уголовном праве. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2001. – С. 170; Шаргородский М.Д. Основание уголовной ответственности // Курс советского уголовного права. – Т. 1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С. 222–223.

охватывающее как негативную (ретроспективную) так и позитивную (перспективную) уголовную ответственность.¹ Как представляется, такой подход к отмежеванию понятий феноменов **«уголовная ответственность»** и **«ответственность в уголовном праве»** не может служить «универсальным ключом» к наиболее полному решению комплекса проблем теоретико-прикладного плана, связанных с уголовной ответственностью человека. Думается, что в этом случае имеет место умозрительный переход от одного уровня неопределенности к другому.

Оригинальное, но не бесспорное разумение понятия феномена **«ответственность в уголовном праве»** представил А. Н. Тарбагаев, полагая, что ответственность человека в уголовном праве представляет собой своеобразный межотраслевой институт, корректирующий существенным образом механизм правового регулирования. В содержание этого понятия он включил: а) собственно уголовную ответственность; б) административную ответственность; в) дисциплинарную ответственность; г) общественную ответственность. Автор акцентирует, что межотраслевой характер института ответственности в уголовном праве объективно выражается также и во введении в текст закона большого числа оценочных признаков, в конструировании бланкетных норм, что серьезно снижает качество правового воздействия, поскольку в конкретных случаях приводит к смешиванию предмета и метода правового регулирования различных отраслей права. В разных плоскостях по поводу разумения феномена «ответственность в уголовном праве» высказали свое мнение и другие авторы. В частности, Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский, И. А. Лумпова, Л. Р. Сафин, И. А. Тарханов, Ф. Р. Сундуров².

Относительно административной ответственности человека в уголовном праве, то автор сослался на имеющийся тогда в действующем УК Российской Федерации институт освобождения от уголовной ответственности человека с привлечением к административной ответственности. Кроме этого, к данной ответственности он отнес административную преюдицию и меры воспитательного характера относительно несовершеннолетних, привлечение к административной ответственности во время испытательного срока при освобождении от наказания с испытанием.

Необходимо заметить, что Л. В. Багрий-Шахматов также включал в содержания понятия феномена уголовной ответственности человека как

¹ Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание. – С. 519.

² Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Известия ВУЗ «Правоведение». – 1994. – № 3. – С. 102–104; См., например, также: Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 16–22; Игнатов А.Н., Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф., Шишов О.Ф., Пашин С.А., Палеев М.С. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. – 1992. – № 3. – С. 2.

формы уголовного принуждения административные взыскания, считая, что они имеют схожую правовую природу¹.

Возможность применения дисциплинарной ответственности человека предусмотрена в случаях освобождения лица от уголовной ответственности за отдельные преступления против установленного порядка несения военной службы.

Гражданско-правовая ответственность человека в уголовном праве, согласно данной концепции, реализуется через институт конфискации имущества, незаконно приобретенного вследствие совершения преступления, а также предметов, запрещенных или изъятых из оборота.

Подтверждением общественной ответственности человека в уголовном праве служил имеющийся тогда институт освобождения от уголовной ответственности лиц, которые совершили преступления небольшой общественной опасности с применением к ним мер общественного воздействия, предусмотренных в Положении о товарищеских судах.

На наш взгляд, приведенные утверждения А. Н. Тарбагаева и других авторов являются несколько некорректными. Во всех рассмотренных выше случаях речь идет о специфических институтах уголовного права, а административная, дисциплинарная ответственность человека реализуются *вне пределов уголовного права* самостоятельно, наряду с ним, *но в пределах соответствующей отрасли права*. Освобождение же несовершеннолетнего от наказания с применением мер принуждения воспитательного характера, а также конфискация имущества являются уголовно-правовыми институтами. То, что уголовная ответственность человека *гармонично сочетается* с другими видами ее социальной и правовой ответственности в комплексном социально-правовом поле *является нормальным явлением*, но каждый из этих видов ответственности, как думается, *является самостоятельным и функционирует вне пределов уголовного права*.

Следует также в этой связи принять во внимание утверждение Е. В. Лошенковой о том, что УК РФ 1996 года отказался от подобной конструкции ответственности за преступление. Меры ответственности, относящиеся к другим отраслям законодательства, а также меры общественной ответственности были исключены из уголовного закона. В связи с этим, некоторые авторы (Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский, Т. А. Лесневски-Костарева) считают проблему ответственности в уголовном праве достоянием истории².

Вызывает возражение утверждение З. А. Астемирова о том, что понятие *«уголовная ответственность»* и *«уголовно-правовая ответственность»* неоднозначные и разные по содержательному объему. Первое из них является более узким, чем второе, представляет его часть,

¹ Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. – С. 104–108.

² Лошенкова Е. В. Ответственность в уголовном праве: дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. – М.: Московская юрид. академия, 2007. – С. 51.

а второе – более широким, поскольку охватывает еще и другие формы реагирования государства на преступление, другие формы ответственности в уголовном праве¹.

Термины «уголовная», «уголовное», «уголовный» в юридической литературе используются как в позитивном, так и в негативном значениях. Например, «уголовная среда», «уголовная субкультура», «уголовный бизнес» и т.п. Понятие «уголовная ответственность человека» также можно трактовать как в позитивном, так и в негативном значениях. В негативном значении – как **ответственность «по понятиям»** или **«теневая уголовная ответственность»**, которая применяется в организованных преступных структурах и осуществляемая ими. Поэтому более удачным, оправданным в логически-научном плане является применение в научных исследованиях **понятия «уголовно-правовая ответственность человека»**, за исключением цитирования работ ученых и ссылок на них, где применяется понятие «уголовная ответственность». Анализ юридической литературы показал, что и другие ученые, употребляя в своих работах понятие «уголовная ответственность», подразумевают именно такое его содержание. Если так, то понятия «уголовная ответственность человека» и «уголовно-правовая ответственность человека» в названных случаях одинаковы по содержанию. Им присущ синонимический характер, хотя второе из них, как видится, более точно выражает юридическую и правовую природу этого вида ответственности как феномена социальной правовой реальности, действительности. Именно так они понимаются и в дальнейшем в этой монографии.

Для подтверждения высказанного выше сомнения относительно целесообразности употребления терминов «уголовная», «уголовный», «уголовное» и т.п. можно сослаться на мнение А. И. Загорюлька, который справедливо пишет, что в самом сочетании слов «уголовные» и «правоотношения» заложено противоречие. Если это правоотношения, то они должны защищаться и охраняться. Если же это **уголовное** отношение то, понятие, что оно подлежит прекращению².

В доктрине уголовного права встречаются понятия: «средства реализации уголовной ответственности», «средства уголовно-правового регулирования», «меры уголовно-правового характера», «меры уголовного принуждения», «уголовно-правовые меры воздействия», «инструменты уголовного права» и др. Так, И. Е. Звечаровский, учитывая динамику развития уголовных правоотношений, возникающих в связи с фактом совершения преступления, пишет о **системе мер уголовно-правового характера**, включая в себя следующие подсистемы: а) подсистему видов

¹ Астемиров З.А. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – СПб. ГКА: Изд-во проф. Малинина, 2007. – С. 59.

² Загорюлько А.И. Обязательства по возмещению вреда, причиненного субъектами гражданского права. – Харьков: Консум, 1996. – С. 23.

освобождения от уголовной ответственности; б) подсистему видов наказания; в) подсистему видов освобождения от наказания; г) подсистему видов освобождения от отбывания наказания; д) подсистему видов замены неотбытой части наказания; е) погашение или снятие судимости. Под мерами уголовно-правового характера он понимает меры, предусмотренные уголовным законом, применяемые безотносительно юридической природы поведения лица, совершившего преступление, с изменением его уголовно-правового статуса¹.

В. С. Егоров, применяя понятие феномена **«меры уголовно-го принуждения»**, подразумевает под ним «средства воздействия, предусмотренные уголовным законом за совершение запрещенного общественно опасного деяния, связанные с ограничениями или лишениями наиболее значимых прав и свобод индивида и направленные на достижение социально полезных целей». К числу этих мер он относит: а) меры уголовной ответственности; б) превентивно-ресоциализующие средства уголовно-правового воздействия; в) меры обеспечения. Главной из них является уголовная ответственность. Превентивно-ресоциализующие средства воздействия не входят в содержание уголовной ответственности. Они охватывают собой: ограничения, применяемые в случаях условного осуждения и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, за исключением возложения обязанности оказывать материальную поддержку семье; принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, кроме наложения обязанности загладить причиненный вред; принудительные меры медицинского характера. Мерами обеспечения включают: обязанность осуществлять материальную поддержку семьи; поручение осуществлять воспитание ребенка при предоставлении отсрочки исполнения приговора, а равно меру воспитательного воздействия в виде возложения на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный вред².

Соотношение между мерами уголовно-правового характера и мерами уголовной ответственности своеобразно определяют В. А. Якушин и О. В. Тюшнякова, которые выделяют две группы мер уголовно-правового характера (воздействия): а) связанные с уголовной ответственностью и б) не связанные с уголовной ответственностью. В состав первой группы они включают: меры принуждения (меры, которые применяются к лицу, совершившему преступление, на стадии возбуждения уголовного дела и предыдущего расследования; виды наказаний; меры принуждения медицинского характера, соединенные с наказанием; меры принужде-

¹ Российское уголовное право: курс лекций. – Т. 2. Наказание / под ред. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – С. 87.; Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – С. 64–65.

² Егоров В.С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЕК», 2006. – С. 134–136.

ния воспитательного характера; меры уголовно-правового воздействия, связанные с судимостью) и стимулирующие меры (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей; освобождение от уголовной ответственности и наказания; досрочное снятие судимости). Ко второй группе включены меры принуждения медицинского характера, которые применяются к лицам, признанным невменяемыми на момент совершения общественно опасного деяния и признанных невменяемыми после совершения преступления¹.

Высказано также предложение применять понятие **«иные уголовно-правовые меры воздействия»**. Впервые в специальной литературе уголовно-правовые меры воздействия как родовую категорию, объединяющую все формы реакции государства на совершенное преступление предложил ввести С. И. Зельдов. Поддерживая этот научный концепт, А. П. Козлов предложил выделить на видовом уровне в отдельный класс уголовную ответственность в ее различных формах реализации, меры безопасности в их различных формах реализации и осуждение без ограничения прав и свобод человека². К числу уголовно-правовых мер воздействия Т. Г. Калинина и В. В. Палий относят две группы мер уголовно-правового характера. К первой группе они отнесли меры, которые назначаются вместе с наказанием (конфискация имущества и меры принуждения медицинского характера, применяемые к лицам, которые страдают психическими расстройствами, не исключающие вменяемости). Ко второй группе – меры, которые назначаются вместо наказания (меры принуждения воспитательного характера и меры принуждения медицинского характера, применяемые к лицам, совершившим деяние в состоянии невменяемости или к тем, которые заболели психическим заболеванием после совершения преступления)³. Как считает А. Г. Радаев, иные уголовно-правовые меры воздействия и наказания образуют общее понятие «меры уголовно-правового характера»⁴.

Заслуживает также внимания предложенная А. В. Козаченко трехуровневая **система** мер уголовно-правового воздействия, в которую он включил: 1) наказание; 2) судимость; 3) иные уголовно-правовые меры: а) меры принуждения медицинского характера; б) меры принуждения воспитательного характера; в) принудительное лечение; г) специальные уголовно-правовые меры (специальная конфискация; временное

¹ Якушин В.А., Тюшнякова О.В. Наказание и его применение. – Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2006. – С. 38–40.

² Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 11, 33.

³ Калинина Т.М., Палий В.В. Иные меры уголовно-правового характера. – М.: Проспект, 2011. – С. 13.

⁴ Радаев А.Г. Понятие и общая характеристика иных мер уголовно-правового характера // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой международной научн.-практ. конфер. (Москва, 29–30 января 2009 г.) – М.: Проспект, 2009. – С. 292.

ограничение использования специального права); д) реституционно-компенсационные меры (устранение причиненного материального, физического или морального вреда; возмещение причиненных убытков); е) превентивный и профилактический надзор; э) реабилитационно-поощрительные уголовно-правовые меры, которые реализуются в процессе осуждения: 1) освобождение от отбывания наказания с испытанием; 2) освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора; 3) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; 4) замена неотбытой части наказания более мягким наказанием; 5) освобождение от отбывания наказания беременных женщин и женщин, которые имеют детей в возрасте до трех лет; 6) освобождение от отбывания наказания из-за болезни; 7) освобождение от наказания на основании закона Украины об амнистии или акта помилования; 8) в процессе снятия судимости или ее погашения¹.

Система уголовно-правовых средств воздействия, по мнению И. И. Митрофанова, должна включать как свои подсистемы четыре группы мер. Первая из них – разные виды поощрения в уголовном праве (добровольный отказ при неоконченном преступлении (ч. 2 ст. 17); добровольный отказ соучастников (ч. 2 ст. 31); обстоятельства, исключаящие преступность деяния (ч. 1 ст. 36, ч. 1 ст. 39, ч. 1 и 2 ст. 43); освобождение от уголовной ответственности в связи с действенным раскаянием (ст. 45); освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением виновного с потерпевшим (ст. 46); освобождение от уголовной ответственности в связи с передачей лица на поруки (ст. 47); освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 48); освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 49); обстоятельства, которые смягчают наказание (явка с повинной, искреннее раскаяние или активное совершение раскрытию преступления; добровольное возмещение причиненного убытка или устранения причиненного вреда; совершение преступления с превышением пределов крайней необходимости; исполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации, соединенное с совершением преступления в случаях, предусмотренных УК (п. 1, 2, 8, 9 ч. 1 ст. 66), назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом в случае совокупности вышеупомянутых смягчающих обстоятельств (ст. 69), назначение наказания при наличии обстоятельств, которые смягчают наказание (ст. 69-1); освобождение от наказания и его отбывания (ч. 4 ст. 74), освобождение от отбывания наказания с испытанием (ч. 1 ст. 75); правовые последствия освобождения от отбывания наказания с испытанием (ч. 2 ст. 78); освобождение от отбывания наказания с испытанием беременных

¹ Козаченко О.В. Кримінально-правові заходи: культурно-антропологічний вимір. – Миколаїв: Іліон, 2011. – С. 209–358.

женщин и женщин, которые имеют детей в возрасте до семи лет (ч. 4 и 5 ст. 79); условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 81), замена неотбытой части наказания более мягким (ст. 82), освобождение от отбывания наказания беременных женщин и женщин, которые имеют детей возрастом до трех лет (ч. 4 и 5 ст. 83), освобождение от наказания на основании закона Украины об амнистии или акта о помиловании (ст. 85–87), снятие судимости (ст. 91), освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера (ч. 1 ст. 97), освобождение несовершеннолетних от отбывания наказания с испытанием (ст. 104), освобождение несовершеннолетних от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 105), условно-досрочное освобождение несовершеннолетних от отбывания наказания (ст. 107). К поощрительным нормам позитивного постуголовного поведения принадлежат специальные виды освобождения от уголовной ответственности лица после совершения преступлений, предусмотренных: ч. 2 ст. 111 «Государственная измена», ч. 2 ст. 114 «Шпионаж», ч. 3 ст. 175 «Невыплата заработной платы, стипендии, пенсии либо иных, установленных законами выплат», ч. 4 ст. 212 «Уклонение от уплаты налогов, сборов иных обязательных платежей», ч. 4 ст. 212-1 «Уклонение от уплаты страховых взносов на общеобязательное государственное пенсионное страхование»; ч. 2 ст. 255 «Создание преступной организации», ч. 2 ст. 258-3 «Создание террористической группы или террористической организации», ч. 6 ст. 260 «Создание не предусмотренных законом военизированных или вооруженных формирований», ч. 3 ст. 263 «Незаконное обращение с оружием, боевыми припасами или взрывчатыми веществами», ч. 4 ст. 289 «Незаконное завладение транспортным средством», ч. 4 ст. 307 «Незаконные производство, выработка, приобретение, хранение, перевозка, пересылка или сбыт наркотических средств или психотропных веществ», ч. 4 ст. 309 «Незаконные производство, выработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта», ч. 4 ст. 311 «Незаконные производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозка либо пересылка прекурсоров», ч. 5 ст. 321 «Незаконное производство, выработка, приобретение, перевозка, пересылка, хранение с целью сбыта или сбыт отравляющих или сильнодействующих веществ или отравляющих или сильнодействующих лечебных средств», ч. 3 ст. 369 «Дача взятки»).

Вторая, выделенная И. И. Митрофановым группа средств уголовно-правового воздействия, содержит подсистему наказаний как карательную реакцию государства на совершение преступления с целью исправления осужденного и предотвращения ним новых преступлений.

Третью группу мер, по мнению И. И. Митрофанова, составляет подсистема средств безопасности в уголовном праве – меры принудительного лечения, которые имеют некарательную сущность и применяются не за

совершение преступления, а в связи с совершением запрещенного законом об уголовной ответственности общественно опасного деяния к лицам, которые его совершили, с целью обеспечения их безопасности для себя и для общества в целом, их лечения, ресоциализации и т.п.

К четвертой группе таких средств он относит судимость как уголовно-правовое средство воздействия на лиц, совершивших преступления и отбывших назначенное судом наказание¹. При этом следует обратить внимание на то, что в предложенной И. И. Митрофановым классификации названы составы преступлений, которые были в действующем КК Украины во время опубликования его монографии.

Н. И. Хавронюк представил новую классификацию мер уголовно-правового воздействия. Он классифицирует все существующие меры уголовно-правового воздействия по критерию характера их воздействия на лицо, совершившее уголовное правонарушение, на такие их виды: 1) поощрительные меры, которые побуждают лицо к поведению, позволяющему разрешить уголовно-правовой конфликт без государственного принуждения, «с наименьшими потерями» для него и других субъектов соответствующего правоотношения. Это своеобразный «пряник», если «кнутом» считать принудительные меры; 2) принудительные меры; 3) квази-меры².

К числу поощрительных мер он относит: 1) освобождение от уголовной ответственности; 2) закрытие уголовного производства из-за отсутствия требования потерпевшего (ст. 477 УПК Украины) и другие виды компромисса, побуждающие лицо «своевременно остановиться» (например, ч. 2 ст. 14, ст. 17, ч. 6, 7 ст. 27, ч. 2, 3 ст. 31, ч. 3 ст. 41 УК Украины); 3) иные виды поощрительных мер (ст. 69, 69-1, ч. 4 ст. 74, ст. 81, 82 УК Украины).

Принудительные меры уголовно-правового воздействия представлены такими их видами: 1) наказание и пробация; 2) принудительные меры воспитательного и медицинского характера; 3) судимость; 4) другие (специальная конфискация, принудительная уголовно-правовая реституция, надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и т.п. – чаще всего их именуют «меры безопасности»).

Третья группа мер уголовно-правового воздействия – квази-меры: 1) освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 48 УК), давность совершения преступления (ст. 49 УК); 2) освобождение от наказания в связи с устранением наказуемости деяния (ч. 2 ст. 74 УК), болезнью (ст. 84 УК), давностью совершения преступления или

¹ Митрофанов І.І. Теоретичні проблеми механізму реалізації кримінальної відповідальності. – С. 62–64.

² Хавронюк Н.І. Новая классификация мер уголовно-правового воздействия // // Современные проблемы уголовно-правового воздействия: межгос. сб. науч. ст. / редкол.: Е. А. Письменский (отв. ред.) [и др.]; МВД Украины, Луган. гос. ун-т внутр. дел им. Э.А. Дидоренко, Волгогр. гос. ун-т. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2013. – С. 100-105.

исполнения обвинительного приговора (ч. 5 ст. 74, ст. 80 УК), амнистией или помилованием (ч. 2 ст. 85, ч. 2 ст. 87 УК); 3) замена наказания более мягким (ч. 4 ст. 49, ч. 2 ст. 86, ч. 2 ст. 87 УК); 3) замена наказания более мягким: из-за невозможности применить давность (замена пожизненного лишения свободы лишением свободы на определенный срок – ч. 4 ст. 49); в порядке амнистии или помилования (ч. 2 ст. 86, ч. 2 ст. 87 УК).¹

Как представляется, более широким по смыслу является понятие **«средства уголовно-правового воздействия»**. Исходя из действующего УК Украины к их числу, в частности, можно отнести: 1) освобождение от уголовной ответственности (ст.ст. 44–49, 97, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 114, ч. 3 ст. 175, ч. 4 ст. 212, ч. 4 ст. 212-1, ч. 2 ст. 255, ч. 5 ст. 258, ч. 2 ст. 258-3, ч. 4 ст. 258-5, ч. 6 ст. 260, ч. 3 ст. 263, ч. 4 ст. 289, ч. 4 ст. 307, ч. 4 ст. 309, ч. 4 ст. 311 ч. 5 ст. 321, ч. 4 ст. 321-1, ч. 3 ст. 369, ч. 4 ст. 401 УК); 2) наказание (ст. ст. 50-73, 98-103 УК); 3) освобождение от наказания (ст.ст. 74, 83-87 УК); 4) освобождение от наказания и его отбывания (ч. 5 ст. 72, ст.ст. 75, 79-81, 83, ч. 2 ст. 84, ст.ст. 86, 87, 104, 106, 107); 5) смягчение наказания: а) замена назначенного лицу судом наказания более мягким наказанием (ч. 4 ст. 83, ч. 3 ст. 86, ч. 2 ст. 87 УК); б) замена лицу неотбытой части назначенного ему судом наказания более мягким наказанием (ч. 3 ст. 74, ст. 82 УК, ст. 2 «Положения о порядке осуществления помилования»); 6) судимость (ст.ст. 88-91, 108 УК); 7) принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение (ст.ст. 92-96 УК); 8) принудительные меры воспитательного характера (ст.ст. 97, 105 УК); 9) выдача иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности и придания суду иностранцев и лиц без гражданства, совершивших преступления за пределами Украины и находящихся на территории Украины (ч. 2 ст. 10 УК).

Следует заметить, что в приведенном выше понятии воплощены также формы реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности в их детализированном виде. Сама же эта уголовная ответственность человека рассматривается как средство уголовно-правового принуждения, специфическая правовая гарантия.

Наряду с приведенными выше используется также понятие феномена **«меры уголовно-процессуального принуждения»** (в данном случае на основе действовавшего тогда КПК Украины), под которыми понимают: задержание; предупредительные меры; предупредительное ограничение к лицу, относительно которого возбуждено уголовное дело; помещение в приемник-распределитель для несовершеннолетних; помещение в медицинское заведение; отстранение обвиняемого от должности; привод; наложение ареста на имущество².

Интересным представляется видение правовых последствий совершения преступления М. И. Хавронюком, по мнению которого таковыми

¹ Современные проблемы уголовно-правового воздействия: межгост. сб. науч. ст. / редкол.: Е.А. Письменский (отв. ред.) [и др.]. – С. 100-105.

² Хитра А.Я. Заходи кримінально-процесуального примусу. – Львів: ЛьвДУВС, 2009. – С. 6.

являются **наказания и меры безопасности**. Мера безопасности, по его мнению, отличается от наказания прежде всего тем что характер наказания явным образом репрессивный, имеющий целью преимущественно кару, возмездие и запугивание, а **мера безопасности** непосредственно направлена на устранение имеющегося или возможного «опасного состояния» лица, совершившего общественно-опасное деяние или от которого можно ожидать его совершения, то есть на **специальную превенцию**, а также на решение задач по восстановлению положения, существовавшего до совершения преступления. При этом М. И. Хавронюк выделяет такие три группы мер, а именно те, которые должны назначаться: 1) вместо наказания (к лицам, относительно которых не может быть применено наказание): принудительные меры медицинского характера; принудительная опека или принудительное лечение; принудительные меры воспитательного характера; 2) **вместе с наказанием**, – ограничение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 3) как вместо наказания, так и вместе с ним: принудительное лечение; специальная конфискация; изъятие выгоды, полученной вследствие совершения преступного деяния; взнос в фонд лиц, которые пострадали от преступлений или денежная компенсация на общественные цели; закрытие какого-либо заведения, принадлежащего осужденному; запрет содержания определенных домашних животных и т.п.¹

Несколько иное понимание мер безопасности высказал Ю. А. Пономаренко, который считает, что этим понятием охватывается следующее: а) принудительные меры медицинского характера, если они применяются на основании ч. 3 ст. 19, ч. 2 ст. 20 или ч. 1 ст. 84 УК; б) принудительные меры воспитательного характера, если они применяются на основании ч. 1 ст. 97 или ст. 105 УК; в) специальная конфискация имущества, если она касается надлежащих субъекту преступления на правах собственности орудий совершения преступления (как, например, по ч. 1 и ч. 2 ст. 248 УК)².

В юридической литературе имеется также понятие феномена **«уголовное преследование»**. Так, Н. В. Сибилева рассматривает это понятие как родовое, имеющее две составляющие: уголовное преследование преступления и уголовное преследование лица, совершившего преступление. Реализация уголовного преследования охватывает большое количество процессуальных действий, которые, по ее мнению, можно объединить на системные блоки, направленные на: 1) выявление признаков преступления; 2) выявление лица, совершившего преступление; 3) изобличение лица, совершившего преступление; 4) формулирование и выдвижение обвинения; 5) ознакомление лица с выдвинутым обвинением; 6) формулирование обвинительного акта и направления дела в суд; 7) поддержание

¹ Хавронюк М.І. Право споживачів на безпечність продукції: кримінально-правове забезпечення: монографія. – К.: Атіка, 2011. – С. 152.

² Пономаренко Ю.А. Заходи безпеки за кримінальним правом України // Вісник Прокуратури. – 2011. – № 9 (123). – С. 64.

государственного обвинения в суде первой инстанции; 8) поддержание государственного обвинения в суде апелляционной инстанции. Таким образом, она рассматривает понятие уголовного преследования как одно из основных направлений уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой органом дознания, следователям, прокурором в пределах своей компетенции и направлено на выявление преступлений, установление лиц, виновных в совершении преступлений, и доведение перед судом их виновности с целью реализации уголовно-правовой ответственности¹.

В контексте проанализированных выше уголовно-правовых понятий необходимо обратить внимание на предложение о необходимости четкого разграничения понятий *«ответственность за преступление»*, *«ответственность в уголовном праве»* и *«уголовная ответственность»*. По мнению авторов, ответственность за преступления может быть либо правовой, либо моральной. Правовая ответственность за преступление в национальном праве может быть представлена ответственностью, предусмотренной в уголовном праве (уголовной или ювинальной), или иной отраслевой ответственностью (административной, дисциплинарной, имущественной). Ответственность за преступления в международном праве может быть либо уголовно-правовой, либо политической².

На отдельное внимание заслуживает вопрос классификации видов (разновидностей) уголовно-правовой ответственности человека. Научно-продуктивной в этой связи представляется классификация уголовно-правовой ответственности человека, предложенная Ю. В. Баулиным. Он выделил такие три ее разновидности³. Первая разновидность – *законодательно установленная уголовная ответственность* заключается в том, что парламент устанавливает виды и размеры ограничения прав и свобод будущих правонарушителей при совершении ими определенного вида преступлений, предусмотренных в действующем УК Украины. При этом под санкцией он понимает не только санкцию уголовно-правовой нормы, а и положения Общей части УК, которые предусматривают отдельные виды наказаний, их ограничение по кругу лиц, порядок назначения и т.п. Вторая разновидность – *судебная уголовная ответственность* или определяемая судом в приговоре мера уголовной ответственности относительно каждого преступника в индиви-

¹ Проблеми забезпечення ефективності діяльності органів кримінального переслідування в Україні: монографія / кол. авт.; за заг. ред. В.І. Борисова, В.С. Зеленецького. – Х.: Право. 2010. – С. 45, 47.

² Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. – С. 30.

³ Баулин Ю.В. Уголовная ответственность: понятие, виды, пределы // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы научной конференции, посвященные памяти М.Д. Шаргородского. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. госуд. ун-та. Изд-во юрид. ф-та, 2005. – С. 104-105.

дуализации судом вида и меры ограничения его прав и свобод в рамках, определенных законодательной властью. Третья разновидность – **уголовная ответственность, которая реализуется специальными органами исполнительной власти государства**, и состоит в реальном ограничении прав и свобод преступника – лица, осужденного судом за конкретное преступление.

Критерием рассмотренной классификации видов уголовно-правовой ответственности, как представляется, является субъект уголовно-правового регулирования в лице конкретного органа государства.

В. Д. Филимонов, обобщив мнение ученых по этому вопросу, осуществил классификацию видов уголовно-правовой ответственности человека по следующим критериям: 1) **по характеру общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны**: уголовная ответственность за преступления против личности, уголовная ответственность за преступления против собственности, уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности и т.п. В этом случае критерием классификации видов уголовной ответственности выступает родовой объект. Однако, критерием такой классификации может выступать и непосредственный объект преступления: уголовная ответственность за убийство, уголовная ответственность за изнасилование, уголовная ответственность за кражу, грабеж, разбой и т.п.; 2) **по способу посягательства на общественное отношение**: уголовная ответственность за насильственные преступления, уголовная ответственность за ненасильственные преступления и т.п.; 3) **по субъектам уголовной ответственности**: уголовная ответственность несовершеннолетних, уголовная ответственность должностных лиц (**В. К.**), уголовная ответственность военнослужащих (**В. К.**) и т.п.; 4) **по субъективным признакам**: уголовная ответственность за умышленные преступления, уголовная ответственность за неосторожные преступления, уголовная ответственность за корыстные преступления и т.п.; 5) **по основаниям индивидуализации**: уголовная ответственность по совокупности преступлений, уголовная ответственность за преступления, совершенные в соучастии и т.п. Исходя из того, что с юридической точки зрения негативная (ретроспективная) уголовная ответственность представляет собой правовые ограничения, предусмотренные видом и размером назначенной судом меры уголовно-правового характера, которому обязано подвергнуться лицо, виновно совершившее преступление, В. Д. Филимонов выделяет **два вида** уголовной ответственности человека: 1) уголовная ответственность, связанная с назначением наказания; 2) уголовная ответственность, связанная с назначением иной меры уголовно-правового характера¹.

В теории уголовного права используется также понятие **потенциальная уголовная ответственность** человека – угроза его наказания, которая содержится в действующем уголовном законе². Ю. В. Баулин вер-

¹ Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому уголовному праву. – С. 146–147.

² Курс уголовного права. Т. 2. Общая часть. – М.: Зерцало, 1999. – С. 11.

но пишет о **реально существующей** уголовной ответственности человека в узком специально-правомерном значении – негативную (ретроспективную) и потенциальную уголовную ответственность. **Потенциальная уголовная ответственность** человека, по его определению, – угроза, которая существует в санкции уголовно-правовой нормы и которая может быть реализована в будущем к конкретному лицу, совершившему преступление. Потенциальная ответственность обращена к неопределенному кругу лиц и угрожает каждому, кто совершит деяние, признающееся преступлением. Эту ответственность он называет **будущей, потенциальной**, понимая под этим понятием предусмотренные уголовным законом ограничения прав и свобод, которым может подлежать лицо **за совершения преступления в будущем**¹. В этой связи вызывает возражение предложение Т. Б. Николаенко называть данную ответственность **позитивной**. Как увидим далее, содержание понятия «позитивная уголовная ответственность» в доктрине уголовного права раскрывается иначе. Правда, на следующей странице своей статьи Т. Б. Николаенко верно замечает, что потенциальная уголовная ответственность – это угроза, которая существует в санкции уголовно-правовой нормы и которая может быть реализована в будущем к конкретному лицу, совершившему преступление. Потенциальная уголовная ответственность **обращена к неопределенному кругу лиц** и угрожает каждому, кто совершит деяние, признающееся преступлением².

Идею о целесообразности выделения понятия феномена «**потенциальная уголовная ответственность**» также поддержали О. В. Наден и А. А. Дудоров. Так, О. В. Наден по этому поводу пишет, что уголовная ответственность человека, как и любой иной непостоянный факт реальной действительности, способна и к **потенциальному** существованию. В аспекте такого подхода уголовная ответственность может рассматриваться как предусмотренные уголовным законом лишения и ограничения, которым может подлежать лицо за совершение преступления³. А. А. Дудоров заметил, что обращение к действующему УК Украины позволило ему утверждать, что кроме **реальной** уголовной ответственности, то есть воплощенной в обвинительном приговоре суда ответственности человека за совершенное им преступление, существует **потенциальная** уголовная ответственность как угроза наказанием, содержащаяся в уголовном законе, которая может быть реализована в будущем относительно каждого, кто совершит преступление⁴.

¹ Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: монографія. – С. 33–35.

² Ніколаєнко Т.Б. Поняття кримінальної відповідальності // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2010. – № 10. – С. 113–114.

³ Наден О.В. Спеціальні види звільнення особи від кримінальної відповідальності за злочини у сфері обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів. – С. 28.

⁴ Дудоров О.О. Вибрані праці з кримінального права. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2010. – С. 83; Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – К.: Істина, 2011. – С. 704.

Г. И. Иконникова и В. П. Ляшенко обращают внимание в этой связи на наличие единства **актуальности и потенциальности**, поскольку социальный субъект в своей деятельности имеет дело с обеими сторонами реальности, он постоянно «держит ответ» перед собой, другими социальными субъектами, обществом за «переход» возможности в действительность. При этом **актуальная** сторона деятельности связана с **реальной ответственностью**, а **потенциальная** – с **потенциальной**, то есть с готовностью субъекта отвечать за любые последствия своей деятельности. Поэтому ответственность можно рассматривать как **единство** сущего – **реальная** ответственность и должного – **потенциальная** ответственность¹.

П. П. Андрушко также обратил внимание на необходимость различать **реальную, фактическую** уголовную ответственность человека и его **потенциальную, абстрактную** уголовную ответственность. **Потенциальная** (абстрактная, возможная в будущем) уголовная ответственность, – отмечает он, – это предусмотренные уголовным законом меры реагирования государства на основе созданных им органов, в пределах их компетенции, которые будут применены в случае нарушения любым лицом требований уголовно-правовых норм и признание такого лица виновным в совершении преступления. **Реальная** уголовная ответственность – это те фактические ограничения прав и свобод человека, виновность которого подтверждена обвинительным приговором суда².

С широких философско-правовых позиций, как представляется, **потенциальная уголовно-правовая ответственность** человека является уголовно-правовой эмпирической возможностью, подтвержденной всем содержанием уголовно-правовой реальности, действительности. Понятие «уголовно-правовая реальность» и «уголовная реальность» не идентичны, они соотносятся как общее и частное. Этимологическое значение понятия «уголовная реальность» является по смыслу негативным, поскольку касается тех негативных явлений, которые противоречат действующему уголовному законодательству – преступление, преступность. Поэтому понятие «уголовная реальность» является частью более широкого понятия «уголовно-правовая реальность», в котором в частности органически объединяются как формы ее проявления и уголовно-правопослушное поведение, и уголовно-противоправное поведение человека как два антипода, два, наряду с другими, самостоятельных элемента системного представления о понятии **«поведение человека»**. Уголовно-правопослушному поведению человека корреспондирует его позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность, а уголовно-проти-

¹ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права: учебник, 2-е изд., перераб. и доп. – С. 255.

² Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України: у 2 т. – Т. 1 / за ред. П.П. Андрушка, В.Г. Гончаренка, Є.В. Фесенка. – 3-є вид. перероб. та доп. – К.: Алерта; КНТ; Центр учбов. літ-ри. – 2009. – С. 11.

воправному его поведению – негативная (ретроспективная) уголовная ответственность. «Уголовно-правовая реальность» – понятие системное, состоящее с множества элементов. При максимально широком подходе к их числу в демократическом обществе можно отнести: 1) государство в лице компетентных органов; 2) уголовно-правовую идеологию; 3) уголовное законодательство; 4) уголовно-правовую ответственность; 5) уголовно-правовой порядок – позитивные и негативные его элементы, отражающие состояние общественных отношений, его соответствие и несоответствие уголовно-правовым предписаниям (велениям) государства как регулятора этих отношений.

Государство демократической ориентации как организованный аппарат, механизм управления обществом, имеет отношение ко всему, что происходит на его территории. Оно является (должно быть) доминирующим элементом уголовно-правовой реальности. Прежде всего, государство в лице его законодательного органа – Верховной Рады Украины, создает уголовное законодательство, заботится о приведении его к назревшим интересам и потребностям современного развития общества. Органы уголовной юстиции, создаваемые государством, главной своей задачей имеют применение уголовного законодательства с целью обеспечения необходимого правопорядка в обществе. Государство, в лице компетентных органов, принимает участие в международном сотрудничестве по противодействию преступности. Таким образом, корни уголовно-правовой реальности ведут свое начало прежде всего от государства, в основе своего генезиса, связанного с человеком как центральным, основополагающим, детерминирующим фактором всех элементов уголовно-правовой реальности.

Правовая реальность всегда имеет определенные идеологические основания. Идеология, как элемент общественного сознания, ориентирована на человеческие практические интересы. На доктринальном уровне не выработано единого понимания идеологии. Наиболее распространенным есть разумение идеологии в широком и узком смысле. В широком смысле идеология представляет собой совокупность политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических и др. идей, концепций, программ и взглядов, определяющих облик жизни общества. В узком смысле под идеологией понимается система политических взглядов и идей, связанных с вопросом захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики¹.

Уголовно-правовая идеология как элемент уголовно-правовой реальности является элементом правосознания демократического общества, представляя собой систему научных концепций, взглядов, принципов, идей, социальных установок. Она должна быть фундаментом, сердцевин-

¹ Вепрева И.Т., Шадрин Т.А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов. // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 3. — С. 121-122.

ной социальной системы противодействия преступности и обеспечения правопорядка. Главным источником уголовно-правовой идеологии должна быть наука. Наиболее продуктивный результат при этом достигается, когда применяется интердисциплинарный подход и объединяются усилия ученых всех отраслей знаний, которые имеют к этому отношение: философии, психологии, социологии, философии права, общей теории государства и права, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной наук, криминологии и т.п. Самый существенный результат в выработке уголовно-правовой идеологии возможен лишь *при условии* комплексного системного изучения *закономерностей уголовно-правопослушного и уголовно-противоправного поведения человека в их неразрывной связи*.

Уголовно-правовая идеология в демократическом государстве, как правило, воплощается в действующее законодательство, разные государственные программы, концепции, планы противодействия преступности.

Уголовное законодательство в его широком понимании: материальное, процессуальное, исполнительное, должно быть воплощением, инструментом реализации уголовно-правовой идеологии, главные принципы которой, прежде всего, определены в международном праве и Конституции Украины. Если уголовно-правовая идеология определяет стратегические и тактические задачи обеспечения правопорядка и противодействия преступности, то уголовное законодательство должно быть эффективным инструментом реализации этих задач. Именно в этом в значительной мере проявляется его социальная ценность как элемента уголовно-правовой реальности.

Наряду с этим, демократическое государство, в лице законодателя, должно заботиться и об усовершенствовании норм сопредельных отраслей законодательства, которые «сопровождают» обеспечение эффективного функционирования уголовно-правовой реальности. Законодатель, рассчитывающий на максимальную реализацию своей воли, должен «разговаривать» с тем, кому она адресуется, понятным, четким языком. Этот методологический принцип является неперенным для установления обратной связи между адресатами этой воли (граждане, должностные лица) и законодателем, а также формирование позитивной и обеспечение негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека.

Уголовно-правовая ответственность человека, как элемент демократической уголовно-правовой реальности, является логическим и органическим продолжением, результатом поведения человека и деятельности компетентных органов государства относительно создания и надлежащего функционирования социальной системы, механизма обеспечения правопорядка. Понимание уголовно-правовой ответственности человека в научной литературе, как отмечалось выше, сводится к ее двухаспектности: *позитивная (перспективная) и негативная (ретроспективная)*, между

которыми имеется органическая корреляционная связь. Наличие обеих ее видов в значительной мере содействует укреплению правопорядка. При этом расширению сферы позитивной уголовно-правовой ответственности человека корреспондирует сужение ее негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности и наоборот, расширение сферы негативной уголовно-правовой ответственности человека свидетельствует о сужении сферы ее позитивной уголовно-правовой ответственности.

Изложенное выше представляет собой наиболее общие подходы к научной антропологизации **уголовного закона** вообще и уголовной ответственности в частности.

Уголовно-правовой порядок как элемент демократической уголовно-правовой реальности следует понимать в двух значениях. Первое — как установленный уголовным законодательством режим регулирования и охраны общественных отношений. Само же уголовное законодательство, определяя виды общественно-опасного, преступного поведения, указывает, определяет, отграничивает от него общественно-полезные и общественно-допустимые модели поведения человека. Оно же и определяет реакцию органов уголовной юстиции на факты нарушения уголовно-правовых предписаний. Второе разумение правопорядка — как имеющегося в обществе результата соблюдения или несоблюдения предписаний уголовного законодательства в широком понимании этого слова, характеризующегося, главным образом, категориями: а) правопослушное поведение субъектов права; б) преступность (уровень, структура и динамика).

Изложенное выше, убедительно свидетельствует о том достаточно высоком демократическом государственно-правомерном ресурсе, механизме, способном превратить **потенциальную уголовно-правовую ответственность человека в его реальную, действительную уголовно-правовую ответственность**. Этот фактор, как думается, является доминирующим в формировании позитивной уголовно-правовой ответственности человека.

Угроза реальной, действительной уголовно-правовой ответственности обращена к разуму, сознанию, совести и воле человека. Потенциальная возможность наступления этой ответственности для человека, в случае нарушения им уголовно-правовых предписаний, способна модифицировать его поведение в просоциальном русле лишь при условии, что они будут своевременно доведены государством к нему и восприняты им, его разумом, сознанием, найдут отражение на скрижалях его совести в виде стабильных морально-правовых установок, и тогда смогут играть роль эффективного фактора в механизме формирования его воли.

Закономерно возникает вопрос относительно того, будет ли господство правового принципа: **«незнание законов не освобождает от уголовно-правовой ответственности»** содействовать такому позитивному развитию данного поведенческого процесса? Очевидно, что нет. Без сомнения, есть необходимость усовершенствования общественного механизма доведе-

ния к людям правовых предписаний. С другой стороны, можно возразить, сказав, что специфика преступлений такова, что значительная часть их хорошо известна обычному человеку. В частности, убийство, телесные повреждения, преступления против половой свободы, кража, грабеж, разбой, вымогательство, хулиганство, незаконные деяния с наркотиками и т.п. Однако как быть с теми преступлениями, которые не известны не только широкой массе людей, но и значительной части юристов? К этому следует добавить еще и случаи неясности уголовного закона, вызывающие дискуссии среди правоприменителей относительно классификации отдельных преступлений. Таким образом, мы выходим на еще более сложную теоретико-прикладную проблему – осознание субъектом противоправности совершенного им деяния. *Теория субъективного вменения*, господствующая в доктрине уголовного права Украины, основывается на догмате, что **осознание уголовной противоправности субъектом не является обязательным**. Достаточно, чтобы он осознавал лишь общественную опасность своего деяния. Однако же и это не всегда возможно, исходя из конкретных обстоятельств правового регулирования. Возникает вопрос о том, является ли универсальным такой теоретический принцип на фоне зарубежного европейского опыта? А. В. Серебренникова заметила, что в законодательстве и доктрине уголовного права ФРГ противоправность понимается в более широком понимании слова как противоречие деяния правопорядку в целом, то есть деяния, содержащего состав преступления, лишь тогда **не является противоправным**, когда у лица отсутствует понимание того, что оно действует противоправно, если оно не могло избежать этой ошибки (§17 УК). Поэтому **ошибка** в запрете (то есть ошибка лица относительно того, что оно действует противоправно), как правило, влечет за собой признание его невиновности. Если же лицо ошибалось в фактических обстоятельствах дела (то есть его ошибка относительно определенных признаков конкретного состава, предусмотренного в законе), то считается, что такая ошибка исключает совершение умышленного деяния, и лицо может быть наказано лишь за совершение деяния по неосторожности (§16, абз. 1 УК)¹.

Аналогичное понимание значения осознания лицом противоправности совершенного деяния находим и у немецких ученых-криминалистов. «Вина, утверждает Петер-Алексис Альбрехт, является, следовательно, категорией ограничения, которая делает, в частности, государственное вторжение измеряемым... Вина...исключается только на основе строгих биологических и психологических конкретных критериев... тот действует «без вины», **кто не понимает неправомерности действий** или вследствие этого не может действовать (с осознанием их противоправности)»².

¹ Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.Д. Козочкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 428.

² Альбрехт Петер-Алексис. Забытая свобода. Принципы уголовного права в европейской дискуссии о безопасности; пер. с немецкого Г.Г. Мошака. – О.: Астропринт, 2006. – С. 59–60.

М. В. Костицкий предлагает следующий выход из сложившейся патовой, по его мнению, ситуации в правовом регулировании. На уровне теории следует признать, что знать все законы и подзаконные акты невозможно. Если человек, зная предписания нормативных актов, нарушает их, то это должно быть обстоятельством отягчающим его вину. Когда же он этого не знает – то это должно быть обстоятельством смягчающим его вину. В зависимости от этого, должна дифференцироваться ответственность. И тогда доминирующим в правоприменении будет не постулат – незнание закона не освобождает от ответственности, а постулат – незнание не может ставиться в вину¹.

Р. А. Сабитов, исходя из наличия *двух видов связей* – между преступлением и формой реализации уголовно-правовой ответственности человека и между постуголовным уголовно-противоправным поведением и наказанием, пишет, что первая связь является выражением его *ответственности за преступление*, а вторая – *посткриминальной ответственностью*. Такой вывод следует из понимания автором уголовного права как системы с двумя подсистемными образованиями. Первая подсистема (основная, первичная) – нормы уголовного права, которые регулируют общественные отношения между государством и преступником по поводу совершения последним преступления. Вторая подсистема (подчиненная, вторичная) – нормы уголовного права, регулирующие общественные отношения, которые возникли в связи с положительным или отрицательным поведением человека после совершения ним преступления². Предложенная Р. А. Сабитовым логическая конструкция представляется несколько искусственной. Думается, что в первом случае речь должна идти о возникновении регулятивных, а во втором случае, если речь идет о негативном поведении человека, – охранительных уголовно-правовых отношений негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности.

В зависимости от характера поведения человека после совершения преступления, Р. А. Сабитов обосновывает наличие двух видов *посткриминальной* уголовной ответственности: *позитивной* и *негативной*. По его убеждению, обращение к действующему УК РФ, позволяет выделить такие Виды *положительного* поведения человека: добровольный отказ от преступлений (ст. 31 УК); явка с повинной (п. «и» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ч. 3 ст. 78, ч. 2 ст. 83 УК); способствование раскрытию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75 УК); способствование изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и»

¹ Костицкий М.В. Психологічні питання юридичної відповідальності (критика презумпції «незнання закону не звільняє від відповідальності»): [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://estetivamente.ru/portal//soc_gum/juptp/2011_2/kostutsk.htm

² Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1985. – С. 59, 60, 144; Сабитов Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения преступления и вынесения ему приговора. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 360.

ч. 1 ст. 61 УК); оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК); добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК); возмещение причиненного ущерба (ч. 1 ст. 75 УК); иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75 УК); возмещение в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе РФ в результате совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 198–199-1 УК (ч. 1 ст. 76-1 УК); возмещение ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления, и денежного возмещения в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления в сфере экономической деятельности (ч. 2 ст. 76-1 УК); активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления (ч. 1 ст. 64 УК); поведение условно осужденного, которым он доказал свое исправление (ч. 1 ст. 74 УК); примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного ему вреда (ст. 76 УК); безупречное поведение осужденного после отбытия наказания (ч. 5 ст. 86 УК); общественно полезные действия лица, предусмотренные примечаниями к ст.ст. 126, 127-1, 178, 184, 198, 199, 204, 205, 205-1, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 228-3, 275, 282-1, 282-2, 291, 291-1, 307 УК.

Некоторые виды посткриминального поведения не указаны в законе, но учитываются на практике в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, например, признание вины, обещание исправиться и др.

Положительное посткриминальное поведение стимулируется (поощряется) тем, что лицо, совершившее преступление и затем указанные в уголовном законе положительные действия, в одних случаях освобождается от уголовной ответственности (ст.ст. 75, 76, примечания к ст.ст. 126, 127-1, 204, 205, 205-1, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 282-1, 282-2, 291, 307 УК и др.), в других – ему смягчается наказание (п.п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст.ст. 62, 64 УК), в третьих – применяются иные меры поощрительного характера (ч. 1 ст. 74, ч. 5 ст. 86 УК и др.)¹.

Исходя из такого понимания видов положительного поведения, он приходит к выводу, что **позитивная посткриминальная ответственность** – это обусловленное уголовно-правовыми нормами, выраженное в конкретном посткриминальном поведении и положительно оцениваемое государством позитивное отношение субъекта к правовым требованиям, социальным ценностям, господствующим общественным отношениям².

¹ Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации. Научно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 485–486.

² Сабитов Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения преступления и вынесения ему приговора. – С. 180.

К числу *отрицательных видов посткриминального поведения* человека Р. А. Сабитов отнес: злостное уклонение от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания (ч. 5 ст. 46 УК); злостное уклонение осужденного от отбывания обязательных работ (ч. 3 ст. 49 УК); злостное уклонение осужденного от отбывания исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК); злостное уклонение осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания (ч. 5 ст. 53 УК); уклонение осужденного от отбывания принудительных работ (ч. 6 ст. 53-1 УК); предоставление лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, ложных сведений или сокрытие от следователя либо прокурора каких-либо иных существенных обстоятельств совершения преступления (ст. 63-1 УК); уклонение условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей или нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности (ч. 2 ст. 74 УК); систематическое нарушение условно осужденным общественного порядка, за что он привлекался к административной ответственности, систематическое неисполнение возложенных на него судом обязанностей либо уклонение от контроля (ч. 3 ст. 74 УК); уклонение от следствия или суда лица, совершившего преступление (ч. 3 ст. 78 УК); нарушение общественного порядка, за которое на лицо, условно-досрочно освобожденное от отбывания наказания, было наложено административное взыскание, или злостное уклонение от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК); отказ от ребенка или уклонение от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено (ч. 2 ст. 82 УК); отказ осужденного, признанного больным наркоманией, отбывание наказания которому отсрочено, от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации или уклонение от лечения после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за его поведением (ч. 2 ст. 82-1 УК); уклонение осужденного от отбывания наказания (ч. 2 ст. 83 УК); систематическое неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 4 ст. 90 УК).

Последствиями такого поведения являются: замена назначенного приговором суда наказания другим, более строгим в случае злостного уклонения от его отбывания (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53-1 УК); отмена условного осуждения (ч. 3 ст. 74 УК), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК), принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 90 УК) при несоблюдении условий отбывания перечисленных мер уголовно-правового воздействия¹.

¹ Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации. – С. 490–491.

Подытожив рассмотрение отрицательного поведения человека, Р. А. Сабитов пришел к выводу, что негативную **посткриминальную ответственность** следует определить как такое неблагоприятное для субъекта последствие отрицательного посткриминального поведения, которое выражается в том, что он держит ответ перед государством за свое общественно вредное деяние, а также претерпевает государственное порицание и меры посткриминального воздействия, указанные в санкции статьи уголовного закона. Посткриминальная ответственность – это дополнительная ответственность правонарушителя. Она производна от основной уголовной ответственности и направлена, главным образом, на ее обеспечение¹.

Изложенная выше идея о том, что ответственность в уголовном праве не исчерпывается ответственностью за преступление, была воспринята и другими учеными, в частности, И. А. Тархановым, Ф. Р. Сундуровым, Л. Р. Сафиным, Е. В. Лошенковой².

В уголовно-правовой литературе, равно как в философской литературе и литературе по общей теории права и философии права, четко прослеживается подход к выделению и анализу **двух видов** (аспектов) уголовно-правовой ответственности человека: **негативной** (ретроспективной) и **позитивной** (перспективной).

Следует обратить внимание на то, что **подход** к анализу понятия уголовно-правовой ответственности человека в **негативном** (ретроспективном) и **позитивном** (перспективном) значениях, в их единении, можно условно назвать **широким**. **Широкое разумение** уголовно-правовой ответственности человека, как справедливо подчеркивает З. А. Астемиров, имеет весьма большое практическое значение и прямое отношение к деятельности правоохранительных органов. Оно предусматривает усиление противодействия преступности не только с помощью применения уголовно-правовых норм, обеспечивая превращение в жизнь принципа неотвратимости уголовной ответственности за совершенные преступления, но и через более полное использование регулятивно-охранительных ресурсов уголовного права для проведения предупреждающе-профилактической и исправительно-воспитательной работы, для формирования позитивной ответственности у правосубъектных лиц, воспитание всех граждан в духе социальной активности и противодействия злу, антиобщественным проявлениям и преступлениям³.

Отдельные ученые выделяют **два вида** уголовно-правовой ответственности человека: а) без назначения наказания и судимости; б) с назначением наказания и судимостью. В частности, А. В. Кладков считает,

¹ Сабитов Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора. – С. 189.

² Лошенкова Е. В. Ответственность в уголовном праве. – С. 52.

³ Астемиров З.А. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – С. 17–18.

что **уголовная ответственность без наказания и судимости является одномоментной**. Ее начало и истечение совпадают. Началом и одновременно окончанием является вступление в законную силу обвинительного приговора суда. **Уголовная ответственность с назначением наказания и судимостью** также начинается с момента вступления в силу обвинительного приговора суда. Однако она уже длится во времени и оканчивается после погашения или снятия судимости¹.

Второй возможный уровень исследования понятия феномена уголовно-правовой ответственности человека – макроуровень, предусматривающий максимально возможное, гармоничное использование триединой нормативно-теоретической основы: уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства и соответствующих им доктрин права.

На большую перспективность макроуровневого подхода неоднократно обращалось внимание в уголовно-правовой литературе. Так, отдельные представители концепции «уголовная ответственность – обязанность» Н. С. Лейкина, М. П. Карпушин и В. И. Курляндский – включили в процесс реализации уголовной ответственности человека наряду с наказанием и меры уголовно-процессуального принуждения, а Н. А. Стручков, А. Е. Наташев и Л. В. Багрий-Шахматов еще и меры исправительно-трудового и административного воздействия. Правда, С. А. Велиев высказался против объединения в понятии уголовной ответственности человека материальных и процессуальных элементов, поскольку, по его мнению, это «превращает следственные органы в субъекты, осуществляющие правосудия по уголовным делам, что не согласуется с действующим законодательством»². Думается, что опасение С. А. Велиева не имеют под собой реальной почвы. Следственные органы, исходя из действующего законодательства, не являются субъектами правосудия. Согласно ст. 5 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей» от 7 июля 2010 года правосудие в Украине осуществляется исключительно судами.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юрист, 1996. – С. 72–73.

² См.: Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – С. 26; Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – С. 31–33; Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. – С. 18; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 21, 24; Стручков Н.А. О комплексной разработке проблем уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права // Правоведение. – 1965. – № 11. – С. 130; Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории советского исправительно-трудового права – М.: Юрист, 1967. – С. 3–10; Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. – Минск: Высшая школа, 1976. – С. 27–28; Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации. – О.: Юридическая литература АО БАХВА, 2000. – С. 33.

Нужно согласиться с тем, что процессуальный элемент в уголовно-правовой ответственности человека имеет значение, без него она не может реализовываться. В этой связи ученые приводят весомые аргументы. В частности, В. П. Божьев обращает внимание на то, что исследование уголовного процесса и уголовно-процессуального права может быть обращено к середине уголовного судопроизводства с присущими ему внешними и внутренними формой и содержанием. При таком подходе к нормам уголовно-процессуального права на передний план выступают их регулятивный характер, поскольку они направлены на регламентацию общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства через предоставление их участникам прав и возложение на них юридических обязанностей. Только при выполнении негативных (правоустанавливающих) функций уголовным судопроизводством могут быть установлены уголовно-правовые отношения вместе с юридическими фактами (преступными деяниями), которые вызвали их возникновение. Установление же уголовно-правовых отношений, — подчеркивает автор, — определяет решение вопроса о возможности и необходимость применения материально-правовых санкций, то есть приведение в действие механизма уголовно-правовой ответственности. Отсюда вывод: хотя создание регулятивных норм в уголовно-процессуальном праве в конечном счете обусловлено обеспечением выполнения правоохранительных функций уголовного права, действие регулятивных норм определяет исполнение правоохранительных задач уголовно-процессуальным правом¹.

Классифицировав уголовную ответственность человека на три разновидности: законодательно установленную, судебную и такую, что реализуется специальными органами исполнительной власти, и определив их содержательное наполнение, Ю. В. Баулин фактически высказал новое видение реализации уголовной ответственности, а именно: в конституционном, уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве², которое, как думается, заслуживает поддержки и является достаточно обоснованным и перспективным для дальнейшего развития.

В приведенном выше контексте заслуживают внимания, вопреки их дискуссионности, понятие феноменов **«уголовная ответственность в уголовном праве»** и **«уголовная ответственность в уголовном процессе»**, предложенные М. П. Карпушиным и В. И. Курляндским³.

Исходя из триединой законодательной базы — материально-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной есть смысл, как видится, обсудить вопрос о целесообразности выделения **трех составляющих разновидностей** единой негативной уголовно-правовой ответственности человека: **1) материально-правовой; 2) процессуально-правовой; 3) ис-**

¹ Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. — 2-е издание, испр. и доп. — М., 2000. — С. 106–107.

² Баулин Ю.В. Уголовная ответственность: понятие, виды пределы. — С. 104-106.

³ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. — С. 21.

полнительно-правовой. Возможность такого развития мысли вытекает из отмеченного в юридической литературе концепта о том, что уголовная ответственность реализуется через комплекс отношений: уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных. В частности, она была замечена Н. А. Стручковым и А. Е. Наташевым, которые пишут, что содержание уголовной ответственности человека заключается в том, что общественные отношения, которые ее образуют, регулируются нормами не одной, а нескольких отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового¹. Их позицию поддерживали, в частности, Н. И. Загородников и А. А. Дудоров². Думается, что эти общественные отношения составляют в своем единстве целостную, неразрывную материю общественных отношений. Реализация уголовно-правовой ответственности на макроуровне **в ее максимально логически полном объеме**, вне этого органического единства общественных отношений, которые регулируются единым комплексом правовых норм: материальных, процессуальных и исполнительных, не является возможной.

Макроуровневый подход к анализу понятия уголовно-правовой ответственности человека поддержал А. С. Сенцов, полагающий, что уголовная ответственность, имея материально-правовую основу, то есть совершение преступления, и выступая правовым последствием нарушения уголовно-правового запрета, по своему содержанию является сложным межотраслевым правовым явлением³.

Ю. М. Ткачевский, частично соглашаясь с такой постановкой вопроса, делает вывод о том, что реализация уголовной ответственности человека, ее содержание определяются уголовным и уголовно-исполнительным правом но, что касается уголовно-процессуального права, то оно уголовную ответственность не определяет⁴. Представляется, что такое видение роли уголовно-процессуального права надлежащим образом не обосновано. Уголовно-процессуальное право является единой законной формой реализации уголовно-материального права, когда речь идет о негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека. Сущность негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека «формирована» и в ее уголовно-процессуальной процедуре. Философская парадигма диалектической взаимозависимости «сущности» и «формы» здесь имеет свое классическое проявление. В этом случае «сущность» также

¹ Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. – С. 9-10.

² Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М, МВШМ МВД СССР, 1979 – С. 6–14; Дудоров О. О. Кримінальна відповідальність: аналіз основних наукових концепцій. – С. 86.

³ Сенцов А.С. Проблемы реализации уголовной ответственности и правового статуса ее субъектов на предварительном следствии // Права человека и правоохранительная деятельность. – Волгоград, 1995. – С. 131–132.

⁴ Ткачевский Ю.М. Понятие условной ответственности, ее суть и цели // Вестник МГУ. Серия 11, Право. – 2000. – № 6. – С. 7.

«формирована», а «форма» – «сущая». Здесь чрезвычайно важно, чтобы форма реализации уголовной ответственности человека не исказила ее сущности. Поэтому заслуживает также поддержки позиция О. Э. Лейста о генетической взаимосвязи норм материального уголовного права и уголовно-процессуального права и о необходимости учета этого фактора при определении понятия уголовной ответственности человека. Выведение процессуальных норм и отношений за пределы ответственности, – пишет он, – вызывает ряд возражений. **Во-первых**, сведение ответственности человека к реализации лишь материально-правовых норм оставляет вне поля зрения обширные правовые институты, содержащие гарантии достижения объективной истины по делу, права лица, обвиняемого в правонарушении, обоснованность применения мер пресечения (обеспечения), правовые способы устранения возможных ошибок при применении государственного принуждения. **Во-вторых**, взгляд на процесс как что-то внешнее относительно ответственности человека оставляет вне поля зрения исследователей механизм осуществления ответственности, нормы, устанавливающие «технология принуждения», от которых зависит реализация и неотвратимость ответственности человека¹.

Третий возможный уровень исследования понятия феномена уголовно-правовой ответственности человека – мегауровень. Именно он мог бы охватить всю «палитру» общественных отношений, в которых, или с помощью которых, прямо или реализуется уголовная ответственность человека.

В уголовно-правовой литературе, как при узком, так и при широком подходах понимания феномена уголовно-правовой ответственности человека, подчеркивается, что она реализуется соответственно в правоотношениях. В связи с этим необходимо напомнить, что вопрос о целесообразности исследования уголовной ответственности человека на почве правоотношений в числе первых поставили Я. М. Брайнин и А. А. Пионтковский. Я. М. Брайнин, основательно исследовав проблемы уголовно-правовой ответственности человека на монографическом уровне, пришел к выводу, что «институт юридической ответственности вообще и уголовно-правовой, в частности, берет свое начало в правоотношении»². А. А. Пионтковский объяснял недостаточную разработку понятия уголовной ответственности человека, в частности тем, что «теория уголовного права долгое время не уделяла необходимого внимания проблеме правоотношения. А это, в свою очередь, вызвано еще далеко не преодоленным отрывом теории уголовного права от общей теории права»³.

¹ Лейст О.Э. Юридическая ответственность // Общая теория государства и права. Академическое издание / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. – С. 486–487.

² Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. – С. 25.

³ Курс советского уголовного права: в 6 т. / ред. коллегия: А.А. Пионтковский; П.С. Ромашкин; В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1970. – Т. 3. – С. 8.

Приведенное выше дает основания заключить, что круг общественных отношений, в которых реализуется уголовно-правовая ответственность человека, значительно шире, и это не только правовые отношения. Прежде всего, уголовно-правовая ответственность человека реализуется также через общественные отношения, нормативной основой которых являются иные социальные нормы: нормы морали, канонические нормы, нормы политических партий или общественных организаций, корпоративные нормы и т.п. Именно через эти общественные отношения уголовно-правовая ответственность человека зиждется на надежном нормативно-моральном фундаменте. Осуждение преступления как негативного общественного явления, а также человека, его совершившего, осуществляется, как правило, значительно раньше чем его официальное осуждение компетентными государственными органами. В частности, на бытовом уровне по месту проживания, работы, в церковном приходе после завершения службы в церкви, на уровне партийных органов и органов общественных организаций, корпораций – еще задолго до рассмотрения дела в суде. Известно, что это осуждение определенной мерой содействует расширению сферы и укреплению позитивной уголовной ответственности человека. Подобную роль играет одобрительная оценка правомерного поведения человека в соответствующем социуме.

Развитие демократического, гражданского общества объективно требует исследования общественного механизма, как противоправного, так и правопослушного поведения человека, на всех его уровнях, что позволит более эффективно противодействовать преступности, а также послужить укреплению морально-этических принципов организации и деятельности государства и общества, каждого человека.

Уголовно-правовая ответственность человека, как уже отмечалось, реализуется главным образом через регулятивные и охранительные уголовно-правовые отношения, возникшие как на маргине норм международного, так и отечественного (внутригосударственного) права. Вместе с тем, уголовная ответственность человека ***реализуется одновременно и через другие правовые отношения, на их маргине***. Прежде всего, всегда через конституционно-правовые отношения, поскольку приоритетные ценности и основные принципы уголовно-правового регулирования закреплены именно в Конституции Украины. К числу приоритетных ценностей, которые подлежат уголовно-правовой охране, в частности, принадлежат: 1) государственное устройство Украины; 2) государственное правление; 3) государственный режим; 4) права, свободы и долга человека и гражданина; 5) основные принципы принятия и деяния законов об уголовной ответственности; 6) основные принципы уголовной ответственности человека.

Уголовный кодекс Украины в этом плане является логическим продолжением Конституции Украины, а уголовно-правовое поле является своеобразной частью конституционно-правового поля в детализированном

виде. Скажем, обеспечение, охрана незыблемости форм государственного устройства, государственного правления и государственного режима осуществляется, в частности, статьями 109, 110, 111, 112, 113, 114, 157, 158, 159, 160, 199, 201, 212, 236, 257, 258, 260, 261, 294, 328, 329, 334, 335, 338, 339, 341, 342, 343, 344, 346, 348, 349, 376, 377, 379, 382, 391, 392, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 411, 422, 426 УК Украины.

Охрана провозглашенных в Конституции Украины прав, свобод и обязанностей человека и гражданина обеспечивается, в частности, статьями: 36-39, 115-156, 157-184, 185-198, 236-251, 255-261, 271-275, 276, 277, 296, 305-327, 335-337, 355, 356, 364-370, 371-375 УК Украины. Уместно напомнить, что в соответствии со ст. 68 Конституции Украины, каждый обязан неуклонно соблюдать Конституцию Украины и законы Украины, не посягать на права и свободы, честь и достоинство других людей. В случае совершения любого преступления, таким образом, виновный не исполняет этот долг, эту повинность и действует вопреки Конституции Украины.

Основные принципы принятия и действия законов, которые закреплены в Конституции Украины (ст.ст. 8, 9, 19, 22, 57, 58, 90-1, 92, 94), детализированы в действующем УК Украины, в частности, в его статьях: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Провозглашенные в действующей Конституции Украины основные принципы юридической ответственности (ст.ст. 3, 8, 9, 13, 18, 19, 24, 25, 29, 32, 38, 55, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 68, 124-126, 129) нашли свое упрочение и конкретизацию, в частности, в статьях: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 40, 41, 50-64, 65-73, 88-96 действующего УК Украины.

В других случаях уголовно-правовая ответственность человека реализуется как через конституционно-правовые и уголовно-правовые отношения, так и через другие правовые отношения. То есть правовое поле, на котором реализуется уголовная ответственность человека, в таких случаях, является межотраслевым, комплексным. В качестве примера может послужить ответственность за самовольное занятие земельного участка и самовольное строительство (ст. 197-1 УК Украины). Отношения в этой сфере регулируются Конституцией Украины (например, ст.ст. 8, 9, 13, 14, 41, 57, 58, 60-64, 68), а также административным и земельным законодательством¹.

При нарушении установленного законом порядка трансплантации органов или тканей человека (ст. 143 УК Украины), виновный в совер-

¹ См., например: Земельний кодекс України (ст.ст. 78, 81-95, 100, 112-116, 119-120, 124-133, 150); Закон України «Про основи містобудування» від 16.11.1992 р.; Закон України «Про оренду землі» від 06.10.1998 р.; Закон України «Про планування і забудову територій» від 20.04.2000 р.; Закон України «Про державний контроль за використанням та охороною земель» від 19.06.2003 р.; Методика визначення розміру шкоди, заподіяної внаслідок самовільного зайняття земельних ділянок, використання земельних ділянок не за цільовим призначенням, зняття ґрунтового покриву (родючого шару ґрунту) без спеціального дозволу, затверджена постановою КМ України № 963 від 25 липня 2007 р.

пении данного преступления, прежде всего, не выполняет своего конституционной долга – соблюдать Конституцию Украины и законы Украины, не посягать на права, свободы, честь и достоинство других людей, что предусмотрено ст. 68 Конституции Украины. Кроме этого, могут быть нарушены нормы международного, гражданского, административного и медицинского права¹, что вызывает возникновение соответствующих правовых отношений комплексного характера. Все названные нормы права выполняют функции юридической меры свободы и ответственности человека как субъекта общественных отношений, субъекта преступления.

Особым объектом (предметом) правовой охраны является жизнь человека. Она, прежде всего, охраняется нормами международного права, а также нормами ряда отраслей украинского права: конституционного, гражданского, уголовного, административного, медицинского². И в этом случае, как видим, уголовно-правовые отношения также реализуются на маргинеесе комплексного правового поля.

Таким образом, наиболее основательное, всесторонне полное и глубокое исследование проблем уголовно-правовой ответственности, без сомнения, возможно лишь на его мегауровне. Однако, как думается, такая работа по силам лишь коллективу ученых, представителей разных отраслей законодательства и соответствующих им доктрин права.

¹ См., например: Про заборону торгівлі і продаж органів людини. Резолюція ВООЗ WHA 42.5 від 10 травня 1989 р.; Конвенція ООН проти транснаціональної організованої злочинності від 15 листопада 2000 р.; Додатковий протокол до Конвенції РЄ про права людини і біомедицину щодо трансплантації органів і тканин людини від 24 січня 2002 р.; Резолюція Комітету Міністрів РЄ про проведення у відповідність законодавства держав-учасників з питань вилучення, пересадження і трансплантації матеріалів організму людини № (78) 29 від 11 травня 1978 р.; Цивільний кодекс України (ст.ст. 281, 283, 284, 289, 290); Основи законодавства України про охорону здоров'я від 19 листопада 1992 р.; Закон України «Про трансплантацію органів та інших анатомічних матеріалів людини» від 16 липня 1999 р.; Постанова КМУ України «Про деякі питання реалізації Закону України «Про трансплантацію органів та інших анатомічних матеріалів людини» № 695 від 24 квітня 2000 р.; Перелік державних та комунальних закладів охорони здоров'я і державних наукових установ, які мають право проводити діяльність, пов'язану з трансплантацією органів та інших анатомічних матеріалів людини, затверджений постановою КМУ в редакції від 18 лютого 2006 р. № 164; Порядок узяття, зберігання і використання кісткового мозку, затверджений наказом МОЗ № 96 від 4 травня 2000 р.

² Загальна декларація прав людини (ст. 3); Міжнародний Пакт про громадянські і політичні права (ст. 6); Цивільний кодекс України (ст.ст. 281, 282, 290, 293); Основи законодавства України про охорону здоров'я від 19.11.1992 р. (ст. 52); Закон України «Про трансплантацію органів та інших анатомічних матеріалів людини» від 16.07.1999 р. (ст. 15); Клятва лікаря, затверджена Указом Президента України № 349 від 15.06.1992 р.; Інструкція щодо констатації смерті людини на підставі смерті мозку, затверджена наказом МОЗ № 226 від 25.09.2000 р.; Інструкція з визначення критеріїв перинатального періоду, живонародженості та мертвнонародженості, затверджена наказом МОЗ № 179 від 20.03.2006 р.

Если изучать философско-уголовно-правовой аспект понятия «уголовная ответственность», то нельзя не заметить, что так же, как и относительно категории «юридическая ответственность», парной категорией которой является «юридическая безответственность», так же и относительно категории **«уголовно-правовая ответственность человека»**, парной категорией которой является **«уголовно-правовая безответственность человека»**. Еще А. И. Санталов высказался относительно нецелесообразности разделения понятия «наличие уголовной ответственности» и «реализация уголовной ответственности», обоснованно подчеркнув, что нереализованная уголовная ответственность человека не является имеющейся ответственностью, это – **безответственность** человека, совершившего преступление, **безответственность при наличии оснований ответственности**¹.

Об общественной опасности безответственности человека в современных условиях верно отмечает Я. И. Соловий. Главным образом она проявляется в том, что безответственность человека «морально развращает субъектов общественных отношений, вносит дезорганизацию у их систему, деформирует духовные ценности, ведет к материальным потерям. Общественная опасность безответственности состоит и в том, что она имеет прогрессирующую тенденцию в росте, ее распространение идет как по вертикали, так и по горизонтали». Содержание безответственности автор раскрывает через единство объективной и субъективной сторон. Объективная сторона состоит в невыполнении социальной долга, положенной на субъекта обществом. Субъективная сторона – в игнорировании субъектом своей объективной взаимосвязи с социальной ответственностью, с другими социальными субъектами, обществом. Поэтому социально-политическая сущность безответственности состоит в отсутствии (искажении) социальных связей и взаимоотношений между обществом и лицом, лицом и коллективом, между свободой субъекта и общественной необходимостью, в нарушении соответствия между правами и обязанностями².

Уголовно-правовую безответственность человека можно определить как **неисполнение или ненадлежащее исполнение** им уголовно-правового запрета, уголовно-правовой обязанности или **ненадлежащее использование** своего уголовно-правового субъективного права. То есть речь идет об уголовно-безответственном поведении человека в пределах правового поля через призму его правовых обязанностей и предоставленных законодательством субъективных прав.

В современной российской уголовно-правовой литературе высказано мнение, идущее в разрез с принятыми, устойчивыми в доктрине уголов-

¹ Санталов А.И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении // Вестник Ленинград. ун-та, 1972. – Вып. 4. – С. 127.

² Соловий Я.І. Безвідповідальність як морально-етична та правова проблема сучасності // Моральні основи права: матеріали міжнар. наук. конф. – Івано-Франківськ: ЗАТ «Наддвірнянська друкарня», 2010. – С. 101.

ного права положениями, касающимися понятия феномена уголовной ответственности. Так, Н. В. Щедрин и О. М. Кылина пришли к выводу, что правильное восприятие мер уголовно-правового характера затрудняет вечная дискуссия о понятии уголовной ответственности и формах ее реализации. Категория «уголовная ответственность», – подчеркивают они, – создает ненужные коллизии на практике, а также порождает бесконечные споры в теории. Исходя из этого, ими предложено **отказаться от этого «советского изобретения»** и вместо него использовать термин «уголовно-правовое воздействие»¹. В другой своей работе Н. В. Щедрин призывает покончить с уголовной ответственностью как непонятной уголовно-правовой категорией, прекратив, таким образом, «бородатую» дискуссию о понятии уголовной ответственности и формах ее реализации².

Такой подход к трактованию уголовно-правовой ответственности человека является некорректным. Во-первых, как уже отмечалось выше, понятие «уголовная ответственность» не является «советским изобретением». Оно употреблялось и в досоветское время. В частности, в § 15 ст.1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Понятие «ответственность» находим также и в Уголовном Уложении 1903 года (ст. ст. 10, 43 и др.). Во-вторых, замена одного понятия другим не прекратит научных дискуссий и не снимет коллизий на практике. Непродуктивным в научном плане представляется вывод А. В. Андреева о том, что УК не нуждается в легальном определении понятия уголовной ответственности, поскольку при условии отсутствия единодушного его понимания учеными существует вероятность возникновения дефиниции, которая вызовет теоретические споры, получит неоднозначное толкование, либо будет лишена прикладной ценности³. В доктрине уголовного права достаточно много примеров дискуссионности понятийного аппарата в контексте конкретной научной проблематики. Однако это вовсе не является аргументом в пользу прекращения научных изысканий в этом направлении. Не нужно бояться и избегать обострения научных дискуссий, ибо, как известно, именно в споре рождается истина, имеющая прикладное значение. Перспективным выходом из сложившейся ситуации является продолжение исследования понятия уголовно-правовой ответственности человека на фоне имеющихся достижений общей философии, философии

¹ Щедрин Н.В., Кылина О.М. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций. // Криминологический журнал. – 2008. – № 3(5). – С. 46–48.

² Щедрин Н.В. Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. – С. 59.

³ Андреев А. В. Форми реалізації кримінальної відповідальності. Автореферат дисерт. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук. – К.: Київ. нац. ун-т. імені Тарса Шевченка, 2014. – С. 7.

права, общей теории государства и права и теории уголовного права, других наук. То есть на интердисциплинарном уровне.

Относительно видов уголовно-правовой ответственности человека обращает на себя внимание выделения *международной* уголовно-правовой ответственности или уголовной ответственности по международному праву¹. Очевидно, что неотъемлемой категорией относительно нее является *внутригосударственная* уголовно-правовая ответственность человека. Это классификация по сфере распространения юрисдикции негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности.

Анализ ряда предложенных учеными концепций понимания феномена уголовно-правовой ответственности человека позволил сделать вывод, что по содержательно-структурному подходу ученых-криминалистов к определению этого феномена их *можно условно свести к двум концепциям*: 1) трактование уголовно-правовой ответственности человека *как единого, бинарного, двухаспектного уголовно-правового* феномена в его негативном (ретроспективном) и позитивном (перспективном) значениях; 2) трактование уголовно-правовой ответственности человека лишь в ее *негативном (ретроспективном)* значении.

Рассматривая уголовно-правовую ответственность человека как двойственный, бинарный феномен, двухаспектное, единое явление (позитивно-негативное) можно предложить следующее его разумение. *Уголовно-правовая ответственность человека* – это вид его юридической ответственности, представляющий собой реализованную *необходимость* сознательного и добровольного *использования* человеком своего права, *исполнения* обязанности, *соблюдение* запрета, содержащихся в уголовно-правовых нормах, а в случае их нарушения – *необходимость вынужденного претерпения* нарушителем предписаний этих норм, – *мер принуждения*, правового воздействия, предусмотренных ими и *применяемых* компетентными органами государства в установленных процессуальным и исполнительным законодательством формах и пределах.

Прежде, чем перейти к их более детальному анализу, заметим, что есть все основания согласиться с выводом относительно того, что формирование концепции феномена ответственности человека в уголовном праве повторило путь исследования юридической ответственности в общей теории права².

¹ См., например: Общая теория прав человека / под ред. Е.А. Лукашовой. – М.: НОРМА, 1996. – С. 501; Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – С. 11; Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 50–73.

² Кропачев Н.М., Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность: учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2000. – С. 21.

3.2. Уголовно-правовая ответственность человека как двухаспектный уголовно-правовой, позитивно-негативный феномен

Подобно как и в общей теории права, философии права и в других отраслях правовой доктрины, где данная проблема активно обсуждается, в уголовно-правовой науке вопрос о позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека принадлежит к наиболее дискуссионным. Пылкие споры, которые начались по этому поводу в начале второй половины XX-го века, продолжаются ныне.

На методологически-утилитарное значение выработки точных юридических понятий справедливо обращает внимание Р. О. Стефанчук, ссылаясь при этом на истинность фразы, которая была в свое время высказана Ж.-Ж. Руссо относительно того, что *половину ошибок человечеству удалось бы избежать, если бы люди договорились о понятиях*¹.

Напомним, что одним из инициаторов упомянутой перманентной научной дискуссии стал представитель уголовно-правовой науки В. Г. Смирнов, писавший, в частности, что о понятии правовой ответственности человека в общесоциальном плане можно говорить в двух аспектах: а) об ответственности как обязанности, установленной в законе, не совершать деяний, противоречащих природе общественного порядка; и б) об ответственности как обязанности, которая возникла вследствие правонарушения. Сейчас имеется достаточно широкий круг как приверженцев, так и противников понимания уголовно-правовой ответственности человека как двухаспектного явления – ее позитивного (перспективного) и негативного (ретроспективного) проявлений². В этом аспекте круг «позитивистов» не менее круга «негативистов». При этом они обвиняют друг друга в недостатке весомых аргументов для подтверждения научности занятых и отстаиваемых концептуальных доктринальных позиций.

Категорически против понимания уголовно-правовой ответственности человека в позитивном аспекте высказались, в частности, такие известные ученые, как Ю. В. Баулин, А. В. Василевский, Р. В. Вереша, А. Н. Игнатов, И. Я. Козаченко, Л. Л. Кругликов, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Мальцев, Г. В. Назаренко, А. И. Рарог, Ю. Г. Ткачевский, В. Д. Филимонов, М. Д. Шаргородский и другие. Так, Ю. В. Баулин подчеркнул, что «... нельзя согласиться с идеей существования наряду с негативной (ретроспективной), еще и позитивной (перспективной, проспективной и т.п.) уголовной ответственности. В литературе есть приверженцы такой ответственности, но, на мой взгляд, им до сих пор не удалось привести

¹ Стефанчук Р.О. Сім невіршених справ сучасного законотворення (з нагоди 20-ї річниці Незалежності України) // Бюлетень міністерства юстиції України. – 2011. – № 8–9. – С. 17.

² Смирнов В.Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание. – С. 79; Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. – С. 78.

убедительных аргументов относительно научной и практической значимости позитивной уголовной ответственности»¹. Уголовно-правовая наука не должна оперировать понятиями морали, поскольку мораль и право, хотя и имеют тенденцию к перекрещиванию по объему, все же остаются явлениями разноплановыми².

Р. В. Вереша обращает внимание на то, что «... уголовная ответственность четко индивидуализируется в зависимости от ряда предписаний уголовного закона. Вне персональной индивидуализации уголовная ответственность противоречит, например, принципам вины, справедливости и гуманности. Вместе с тем, уголовный закон не устанавливает (и не может устанавливать) механизм индивидуализации позитивной уголовной ответственности, поскольку такова этим законом не предусмотрена. При этом не подлежит сомнению положение о том, что уголовный закон оказывает позитивно-воспитательное воздействие, но она не может отождествляться с позитивной ответственностью»³.

Ю. М. Ткачевский также не согласен с теми учеными, которые считают, что уголовное право устанавливает и позитивную уголовную ответственность. Позитивные действия, – заметил он, – в принципе не могут вызвать ответственности, за них поощряют. Основная часть людей не совершают преступления не потому, что это может повлечь уголовную ответственность, а в силу абсолютного неприятия такого рода деятельности, которая противоречит их взглядам и убеждениям. Невозможно себе представить человека, который одновременно «несет позитивную ответственность» чуть ли не за все преступления, перечисленные в УК⁴.

Н. Ф. Кузнецова назвала спорными позиции тех ученых, по мнению которых уголовное право устанавливает позитивную уголовно-правовую ответственность человека, состоящую в его воздержании от совершения преступления, в его позитивном поведении, определенном нормами Особенной части УК. Она отмечает в этой связи, что УК, например, устанавливает уголовную ответственность человека за умышленное убийство, но это не означает, что те, кто его не совершают, согласно указанным взглядам ученых, несут позитивную уголовную ответственность. Позитивные деяния, – подчеркнула автор, – в принципе не могут вызвать ответственность, за них поощряют⁵.

¹ Баулін Ю.В. Кримінальна відповідальність: методологічний підхід до визначення. // Про українське право. Число V.– С. 232.

² Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: монографія. – С. 32–33.

³ Вереша Р.В. Суб'єктивні елементи підстави кримінальної відповідальності: підручник. – С. 35.

⁴ Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Избранные труды. – СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2010. – С. 431–432.

⁵ Курс уголовного права. Общая часть. – Т. 1. Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И.М. Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало – М», 2002. – С. 202.

Значительное внимание проблеме позитивной уголовной ответственности человека уделил А. А. Дудоров. Он, в частности, считает, что концепция позитивной (перспективной) уголовной ответственности человека подвергнута жесткой и, по его мнению, справедливой критике многими учеными. В развитие приведенных этими учеными критических замечаний А. А. Дудоров отмечает, что «... обязанность не совершать преступлений своим первоисточником имеет не УК, а Конституцию Украины, согласно ст. 68 которой каждый обязан неуклонно соблюдать законы Украины, не посягать на права и свободы, честь и достоинство других людей»¹.

А. Н. Игнатов полагает, что взгляды на уголовно-правовую ответственность человека в ее позитивном аспекте «...основываются на смешивании вопроса об уголовной ответственности с вопросом о позитивном, воспитательном воздействии уголовного закона на правосознание общества и отдельных граждан... Концепция «позитивной» уголовной ответственности человека не вносит ничего полезного в разработку проблемы уголовной ответственности и борьбы с преступностью. Она способна только запутать, поскольку размывается правовое содержание уголовной ответственности человека, и само это понятие становится крайне неопределенным»². «Никто и никогда не отрицал, – пишет он, – воспитательного воздействия уголовного закона на граждан и *позитивной роли уголовного права*. Однако признавать, что правопослушный гражданин, свято соблюдающий законы своей страны, несет юридическую, в том числе и уголовную ответственность, нет никаких оснований. Уголовный закон в таком случае бездействующий, не применяется»³.

По мнению И. Я. Козаченко, уголовно-правовая ответственность человека может быть лишь негативной (ретроспективной) как по смыслу, целям, которые стоят перед ней, так и по образу их достижения. Стремление втиснуть практически безобъемную форму проявления социальной ответственности человека через модную идею ее позитивной ответственности в узкие рамки уголовного права по своей исходной ссылке малоперспективно, поскольку уголовно-правовая действительность негативная с самого начала. Известно, что относительно правопослушных граждан уголовный закон не применяется и не может применяться⁴.

Дискуссионность наличия позитивного аспекта ответственности человека в праве, – пишут Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский, – объясняется, в частности, смешением специальных юридических катего-

¹ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.Д. Дудорова, Б.Г. Розовського. – К.: Істина, 2011. – С. 702–704.

² Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. – Т. 1. Общая часть / отв. ред. и рук. авт. кол. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 77, 79.

³ Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. – Т. 1. Общая. – С. 77–78.

⁴ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Изд-во ПРИОР, 1999. – С. 92–93.

рий с одноименными, но иными по сущности общественно-политическими, философскими, этическими, социально-психологическими категориями. Для применения в правовой науке содержание этих категорий **должно трансформироваться в соответствии со спецификой права**. Юридической ответственности человека, и особенно уголовной, свойственен принудительный, штрафной аспект, который отражает объективную необходимость реального претерпения негативных последствий правонарушителем за содеянное во избежание таких нарушений в будущем. То, что понимается под позитивной юридической ответственностью, имеет **неправовую** природу. Для целенаправленного позитивного поведения, – полагают они, – необходимо знать нормы, которые соблюдаешь. Но обилие норм не позволяет знать их все даже правоведам. Такое знание возможно в определенных пределах, на уровне общих принципов и положений. В то же время, незнание норм не освобождает от ответственности за ее нарушение. Поэтому нельзя связывать ответственность с целенаправленным исполнением норм¹.

В этом же ключе определили свое отношение и другие ученые, выразив сожаления, что, как правило, те ученые, которые толкуют юридическую ответственность перспективной либо в двухаспектной плоскости, в своих характеристиках отдельных сторон формирования и действия механизма юридической ответственности, ее принципов и т.д. постоянно теряют связь с юридической материей и входят в сферу морально-этических размышлений и суждений. Иногда они начинают анализировать не столько ее юридические аспекты и стороны, сколько психологическую сторону поведения лица, т.е. проводят свой научный поиск вне пределов юридической науки².

В. Д. Филимонов также отказался от признания наличия позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека, обусловив такое свое понимание, главным образом, тем, что она выражает не юридический, а философский аспект проблемы³.

Позитивная (перспективная) ответственность человека, по убеждению Г. В. Назаренко, представляет собой его ответственное поведение, соотносящееся с социальными нормами, в том числе с уголовно-правовыми. Однако, – подчеркивает он, – позитивная ответственность человека не может считаться юридической, в том числе и уголовно-правовой, поскольку не имеет ретроспективного характера. Позитивная ответственность

¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 20–21.

² Машков А., Машков А. Погляд на юридичну відповідальність, як різновид правовідносин, та його значення для формування сучасної юридичної теорії відповідальності // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Юридичні науки, 2010. – № 84. – С. 99.

³ Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. – С. 57.

человека по своей сути является моральной категорией, а не уголовно-правовым институтом¹.

А. И. Рарог назвал распространение концепции «позитивной» уголовной ответственности человека «... попыткой некритического распространения философского учения о позитивной социальной ответственности (как социально полезного поведения, основанного на чувстве повинности перед обществом) на сферу права, в том числе и уголовного, где ответственность является официальной реакцией государства на правонарушение. Абсолютное большинство отечественных криминалистов отклонило концепцию «позитивной уголовной ответственности» как безосновательную в теоретическом отношении и бесполезную – в практическом»².

Негативное отношение к позитивному аспекту уголовно-правовой ответственности человека выразил и О. Э. Лейст, по мнению которого предложение об уголовной ответственности граждан, которые не нарушают закон, радикально противоречит тому определению уголовного законодательства, согласно которому уголовной ответственности подлежит лишь лицо, виновное в совершении преступления. Попытки определить правовое положение лица через санкции («позитивная ответственность – иной аспект ответственности за правонарушения»), связаны с явным преувеличением воображения некоторых авторов о роли принуждения и наказания в регулировании общественных отношений³.

В числе первых, кто подвергнул критике идею двухаспектного понимания уголовно-правовой ответственности человека, выдвинутую В. Г. Смирновым, был М. Д. Шаргородский, назвавший ее оригинальной, но абсолютно неприемлемой для правовой науки, указав, что перенесение понятия ответственности человека в сферу надлежащего, толкуемого не как объективная юридическая реальность, а как определенный психический процесс, лишает ее правового содержания⁴.

Подобным образом высказались относительно концепции «позитивной» уголовно-правовой ответственности человека и другие ученые. В частности, В. В. Мальцев, рассматривая появление данной концепции как средства идеологизации уголовного права, пришел к выводу, что в современных условиях, «... когда изменилось общество, уголовное законодательство, а ученые-криминалисты стали приверженцами объективного, неполитического, неидеологического подхода к правовым явлениям, возможно есть смысл **отказаться** от понятия «позитивной уголовной ответственности» и назвать вещи своими именами в соответствии с их значением в русском языке»⁵.

¹ Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М.: Ось-89, 2000. – С. 50.

² Российское уголовное право: в 2 т. – Т. 1. – С. 93.

³ Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Изд. 2-е перераб. и доп. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 3. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – С. 481.

⁴ Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность. – С. 47.

⁵ Мальцев В.В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность. – С. 160.

П. П. Сердюк считает, что концепция позитивной уголовно-правовой ответственности человека является рудиментальным порождением лексически-смыслового термина «ответственность», что в общественных отношениях связывалось с надлежащим поведением, но не подчеркивало взаимности прав и обязанностей государства и лица, в которой государство имело свою ответственность, а лицо свою, что могло противоречить друг другу, поскольку лицо забывало о своем долге не совершать преступления, а государство – свою обязанность не называть преступным то, что естественно не является таковым, и не применять репрессии к лицам, которые действуют нравственно, и не противоправно. Концепция позитивной уголовной ответственности является дублированием теории «абсолютных», общих уголовно-правовых отношений, а отсюда, как в известном произведении, «остаться должен лишь один»¹.

Попробуем проанализировать все аргументы *pro et contra* относительно концепции позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

Анализ высказанных учеными-криминалистами критических возражений относительно концепции позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека позволяет выделить такие из них, которые представляются наиболее существенными и распространенными: 1) нельзя связывать разумение сути ответственности человека с категорией «обязанность», ибо это некорректно, поскольку категории «ответственность» и «обязанность» не совпадают по содержательному наполнению; 2) концепция позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека является результатом механического перенесения в доктрину уголовного права философской концепции позитивной ответственности без учета специфики уголовно-правового регулирования; 3) нет оснований для признания правомерного поведения человека ответственностью, поскольку правомерное поведение реализуется вне пределов уголовной ответственности; 4) концепция позитивной (перспективной) уголовной ответственности человека является надуманной, искусственно созданной, которая ничего нового не дает как для доктрины уголовного права, так и для правоприменения; 5) перенесение понятия ответственности человека в сферу надлежащего, толкуемого не как объективная юридическая реальность, а как определенный психический процесс, лишает ее правового содержания; 6) невозможно представить себе, что лицо одновременно несет ответственность за все правонарушения: почти все преступления, административные, дисциплинарные правонарушения и т.п.; 7) обоснование наличия позитивной (перспективной) уголовной ответственности человека противоречит действующему уголовному законодательству; 8) вынужденное поведение лица под воздействием угрозы привлечения к уголовной ответственности

¹ Сердюк П.П. Концепція позитивної кримінальної відповідальності як нормативний паронім загальних кримінально-правових відносин у доктрині кримінального права – С. 162.

и назначению наказания не должно рассматриваться как позитивное поведение; 9) предложения относительно «позитивной» уголовной ответственности лица, которые не нарушили уголовный закон, противоречит принципу виновной ответственности; 10) то, что предлагается понимать под понятием «позитивная уголовная ответственность» человека имеет неправовую природу; 11) концепция позитивной уголовной ответственности человека – попытка некритического распространения философского учения о позитивной социальной ответственности как социально полезного поведения, основанного на чувстве повинности перед обществом, в сферу права, в том числе и уголовного, где ответственность является официальной реакцией государства на правонарушение; 12) называть законопослушных лиц «позитивными преступниками» – означает не что иное, как насилловать язык; 13) нельзя связывать ответственность человека с целенаправленным исполнением предписаний уголовного закона; 14) признаком любой юридической ответственности человека является осуждение, не присущее позитивной ответственности; 15) уголовно-правовая действительность негативная с самого начала, а относительно законопослушных граждан уголовный закон не применяется и не может применяться; 16) ответственность человека происходит от словосочетания «дать ответ», а поэтому может касаться лишь прошлого; 17) концепция «позитивной» уголовной ответственности человека ведет к размыванию правового содержания уголовной ответственности, и это понятие становится крайне неопределенным; 18) уголовная ответственность человека регулируется правовыми нормами, а позитивная (перспективная) ответственность – в основном нормами морали; 19) обязанность не совершать преступления имеет своим первоисточником не действующий УК Украины, а Конституцию Украины; 20) уголовный закон не устанавливает и не может устанавливать механизма индивидуализации позитивной уголовной ответственности человека; 21) уголовно-правовая наука не должна оперировать понятиями морали, поскольку мораль и право являются явлениями разноплановыми; 22) лишь отдельные поступки человека способны стать показателем позитивной ответственности, которые являются связанными с уголовной ответственностью фактом совершения преступления (явка с повинной, добровольное возмещение причиненного вреда, добровольный отказ при незаконченном преступлении и т.п.) и урегулированы нормами права, однако эти единичные случаи не могут сформировать новый вид юридической ответственности; 23) теория позитивной уголовной ответственности человека связана с явным преувеличением роли принуждения в регулировании общественных отношений; 24) предупредительное значение позитивной уголовной ответственности человека фактически сводится к общепреventивному воздействию уголовного закона; 25) потеря специфики понятия «уголовная ответственность», безграничное расширение его понятия в конечном счете влияют на соблюдение принципа законности в уголовном праве.

Подытоживая, заметим, что в определенной мере приведенные возражения имеют под собой почву, однако не все они и сами являются безукоризненными.

Категории «обязанность» и «ответственность» человека очевидно не совпадают по содержательному наполнению. Определение позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека через категорию «обязанность» как главный, доминирующий ее сущностный признак имеет дискуссионный характер. Думается, что «обязанность» может быть лишь одной из сущностных признаков ее понятия, если применять синтезированный (интегрированный) подход, о чем шла речь выше. С иной стороны, каждой обязанности, как известно, корреспондирует соответствующее право или права. Закономерно возникает вопрос, как это отразить в качестве признака понятия позитивной уголовной ответственности человека?

Концепция позитивной (перспективной) ответственности человека, как показано в предыдущих разделах, монографии, активно разрабатывается учеными в общесоциальном, психологическом, этическом, социологическом и правовом аспектах. Каждый из них действительно имеет свою специфику, как и имеет свою специфику сфера уголовно-правового регулирования. Нужно согласиться с тезисом о недопустимости механического перенесения их достижений в доктрину уголовного права, хотя это не является достаточным, абсолютно убедительным аргументом против целесообразности исследования позитивного аспекта уголовной ответственности человека. Дело здесь в ином. Если же соглашаться с концепцией позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека, то справедливости ради нельзя не заметить, что ей очевидно не хватает глубины и ширины обоснования. Она **«неудобная»** для исследователей-криминалистов, поскольку нуждается в глубоких специальных знаниях, что является достижением других наук: философии, психологии, этики, социологии, философии права, общей теории права, других отраслей правовых наук. Логическим выходом из данной ситуации может стать комплексное, специальное исследование данной проблематики уголовной ответственности человека с привлечением ученых из названных отраслей знаний.

Нужно ли связывать позитивную (перспективную) уголовно-правовую ответственность с правомерным поведением лица в обществе? Вопреки некорректности ответа на этот вопрос все же таки спросим: а корректно ли связывать негативную (ретроспективную) уголовно-правовую ответственность с противоправным поведением? Думается, что в основе теоретических раздумий, соображений должно быть поведение человека – правослущное в первом случае и противоправное во втором случае. К сожалению, в доктрине уголовного права сложилась ситуация, при которой практически лишь уголовно-противоправное поведение человека является главным объектом исследования, хотя определенное внимание отво-

дится и уголовно-правослушному поведению, но лишь в связи с уголовно-противоправным. Имеется в виду, в частности, постуголовное поведение и обстоятельства, которые исключают преступность деяния. Наряду с этим, определенный практический интерес имеет и **доуголовное правопослушное поведение** человека, без сомнения, имеющее свои закономерности, свою специфику. Безусловно, что абсолютное большинство граждан не совершают никакого преступления за всю жизнь, но почему они этого не делают, нуждается в глубоком и всеобъемлющем исследовании представителями названных выше наук в комплексе. **Выяснение закономерностей уголовно-правопослушного поведения человека** позволит по новому посмотреть на концепцию позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности, будет содействовать выработке новых общественных механизмов противодействия преступности. Вместе с этим, **выяснение закономерностей уголовно-правопослушного поведения человека в сочетании с закономерностями уголовно-противоправного поведения**, без сомнения, может изменить взгляды ученых-криминалистов на феномен уголовно-правовой ответственности человека вообще.

Есть основания, таким образом, полагать, что возражение без достаточных аргументов концепции позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека или противопоставление ее негативной (ретроспективной) ответственности – это путь в никуда. В этой связи заслуживает поддержки мнение С. С. Алексеева относительно того, что между «... позитивной и негативной ответственностью имеются неразрывные линии взаимодействия, хотя в позитивном понимании имеется активный аспект – суровое осуществление социальных обязанностей – и потому в своем юридическом значении принадлежит к правосознанию, правопорядку, законности; ее роднит с негативной ответственностью то, что оба указанных явления тесно связаны с **нравственно-психической характеристикой поведения** людей»¹. Учитывая это, позитивную (перспективную) и негативную (ретроспективную) уголовно-правовые ответственности человека целесообразно рассматривать как нераздельные парные формы проявления единого феномена уголовно-правовой действительности, которая являются способами просоциального унормирования поведения человека в общественной среде.

Исследованию с современных методологических позиций нуждаются и закономерности уголовно-противоправного поведения человека и уголовно-правового регулирования вообще. Нельзя, например, рассматривать наказание как единственную, универсальную и доминирующую форму реализации уголовной ответственности человека, хотя нужно согласиться с тезисом, что негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность в значительной мере выполняет функцию специ-

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – С. 277.

фического метода обеспечения позитивной (перспективной) уголовной ответственности. Вместе с этим, позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность человека по сфере ее распространения является доминирующей. Она в определенной мере влияет на сужение сферы негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности.

В юридической литературе справедливо речь идет о назревшем **кризисе наказания**. Система наказаний, – пишет Ю.В. Голик, – сформировалась главным образом в глубокой древности и мало изменилась за прошлые столетия при наличии кодифицированного уголовного права. Однако сегодня изменилась среда обитания человека, условия его жизни и работы, изменилась роль государства, транспорта и коммуникаций. Изменения происходят так стремительно, что они являются существенными даже в течение жизни одного поколения. Изменения носят качественный характер и затрагивают все стороны жизни человека. Итак, меняется отношение к наказанию и должно измениться и самое наказание. Оно исчерпало свой возобновительный потенциал. За ним осталось только наказание, которое всегда было малоэффективным средством противодействия преступности. При таких условиях в ближайшие десятилетия будет возрастать роль уголовно-правового поощрения¹. Дело лишь в том, насколько это эффективно будет содействовать формированию позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Конечно, в этом случае можно было бы образно сказать: **карающий меч уголовного правосудия является хорошим средством, но «трубка мира» с некоторыми категориями нарушителей уголовно-правовых предписаний – лучше.**

Итак, если выразить сущность этого явления уголовно-правовой действительности, то речь идет об уголовно-правовом компромиссе между нарушителем уголовно-правовых предписаний, велений и государством в лице компетентных органов уголовной юстиции, являющимся довольно актуальным в современных условиях.

Социальная компромиссность, как правило, справедливо утверждает С. В. Бобровник, формируется с помощью ценностей, которые создаются человеком с целью достижения стабильности и порядка в обществе. Основными сущностными признаками компромисса является то, что он: а) предусматривает наличие согласия участников общественных отношений относительно установления компромиссного соглашения; б) служит окончательным средством решения конфликта с помощью применения взаимных уступок и имеет направленность на достижение взаимовыгодных результатов, общественного согласия, общей цели и т.п.; в) базируется на ценностно-ориентационной сфере бытия субъектов, имеет форму общественного согласия, договора, реализующегося с помощью

¹ Голик Ю.В. Уголовное право как система, стимулирующая позитивное поведение // Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека / под общей ред. проф. В. С. Комиссарова. – М.: Первая образцовая типография, 2006. – С. 29–30.

совокупности средств, опираясь на принципы морали и нравственности; г) выступает одним из определяющих принципов функционирования демократического режима; д) является неотъемлемым условием любого двустороннего соглашения в государствах с демократическим режимом.

С учетом приведенных признаков можно заметить, подытоживает С. В. Бобровник, что компромисс – это установленный в форме общественного согласия и основанный на взаимопоступках способ окончательного решения конфликта, имеющий ценностно-ориентационный характер и являющийся принципом формирования демократического режима в обществе¹.

С широких философско-правовых позиций в наказании воплощена сущность двух категорий – **добра и зла**. Добро *гипотетически* для общества, потерпевшего и виновного, а зло – для виновного в первую очередь, а также для его близких и общества вообще. Прежде всего, это касается наказания в виде лишения свободы, переводящее человека в иное неблагоприятное для него социальное измерение, качественно существенным образом отличающееся от привычного, нормального для конкретного социума измерения.

Следует между прочим заметить, что движение примирения, получившее название **аболиционизма**, распространилось в европейских государствах уже в 60-е годы прошлого века. Его приверженцы исходят из того, что наказание, прежде всего лишение свободы, дает скорее деструктивные, чем позитивные результаты.

Еще Цицерон утверждал, что «если и человека удерживать от беззакония, должно было бы наказание, а не природа, то какая тревога могла бы подвергать пытке нечестивцев, которые перестали бояться смертной казни? Ведь ни один из них не был так дерзок, чтобы не стремиться отрицать совершенное им преступление или не придумать какого-то объяснения своего гнева и не искать оправдания своего преступления в том или ином естественном праве. И если от беззакония и преступной жизни людей отвращивает лишь наказание, страх перед карой, а не сама отвратительность такой жизни, то беззаконников нет, и бесчестных людей надо считать скорее неосторожными»². В унисон этому И. И. Карпец высказал суждение о том, что «... само по себе устрашение отнюдь не на всех действует, не всех удерживает от преступлений... Есть люди, которые совершают преступления, не боясь наказания»³.

Истории известны многочисленные примеры жестоких наказаний за определенные общественно-опасные деяния, которые продолжают совершаться людьми и ныне. Жестокость наказания не устраняет причин

¹ Бобровник С.В. Компроміс і конфлікти у праві: антрополого-комунікативний підхід до аналізу: монографія. – К.: Юридична думка, 2011. – С. 29, 73.

² Цицерон. Про закони С. 179–180.

³ Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы – М. Юридическая литература, 1973. – С. 142.

преступных деяний. Так, в XVI веке в государствах, где победил протестантизм, были приняты суровые законы против обедневших граждан: нищих, бродяг. В этих государствах (Англия, Швеция, Дания и др.) было достаточно лишь одного факта бедности для того, чтобы оказаться на виселице. Бродяг вешали в таком количестве, что не хватало пряжи для веревок и леса для виселиц¹.

Не дали ожидаемых результатов, как известно, и такие средства уголовной евгеники, как кастрация и стерилизация, которые практиковались, в частности, в США – с 1899 года, в Дании – с 1929 года, в Канаде – с 1928 года, в нацистской Германии – с 1933 года, в Швеции и Норвегии – с 1934 года, в Финляндии и Исландии – в 1935 году, в Литве и Эстонии – с 1936 года.

По состоянию на 1945 год в западных государствах, если исходить из более или менее официальных данных, стерилизация и кастрация применялась к 462 тысячам лиц. Из них около 400 тысяч в Германии, 45 тысяч – в США, около 15 тысяч – в скандинавских государствах. Большинство среди стерилизованных представляли женщины: в скандинавских государствах – свыше 78 %, в США – около 68 %². В статистических данных речь идет о стерилизации «малоценных лиц» – преимущественно психически больных, неполноценных, с непоправимыми признаками человека (уроды, калеки). Какую же часть в общем числе стерилизованных и кастрированных представляли лица, совершившие преступления, установить не удалось.

По данным И. Т. Фролова, в США в течение 20-30-х годов было проведено свыше 60 000 кастраций и стерилизаций «генетически неполноценных индивидов»³.

Наказание, как утверждают приверженцы аболиционизма, не исчерпывает социального конфликта, связанного с совершением преступления, а в некоторых случаях приводит к его углублению. Поэтому наказание должно быть заменено в ряде случаев другими средствами поддержания общественного порядка. В рамках этого движения, объединяющего разнородные течения, широкое практическое применения приобрели, в частности, концепции примирения преступника с потерпевшим, которые рассматриваются как наиболее приемлемыми **альтернативами наказанию**. Одним из основателей данной научной концепции является норвежский криминолог Нильсон Кристи⁴. Главная цель таких концепций – гуманизировать, освободить от тотального государственно-правового контроля общественные отношения, касающиеся решения социальных

¹ Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – С. 18.

² Musielak Michal. Sterylizacja ludzi ze wzgledow eugenicznych w Stanach Ziednoczonych, Niemczech i w Polsce (1849-1945). Wybrane problemy. – Poznan: Wydawnictwo Poznanskie, 2008. – s. 270.

³ Фролов И.Т. Современная наука и гуманизм. – М.: Знание, 1974. – С. 38–39.

⁴ Кристи Н. Пределы наказания. – М.: Прогресс, 1985.

конфликтов уголовно-правового характера между преступником и потерпевшим путем посредничества между ними на гражданско-правовой основе, которая дает возможность не рассматривать эти конфликты органами уголовной юстиции и не назначать наказание. Центр тяжести социальной регуляции здесь переносится в сферу межиндивидуальных отношений преступника и потерпевшего, а государственный репрессивный механизм несколько «разгружается» и получает дополнительные возможности для деятельности в других ситуациях. **«Приватизация межиндивидуальных отношений»** в связи с совершением преступления касается лишь тех случаев, когда совершаются преступления небольшой общественной опасности. Функции посредников в процессе примирения выполняют органы, которые не имеют отношения к уголовной юстиции. Как правило, это представители муниципалитетов, руководители общин, религиозных конфессий, частных бюро, филантропных обществ и т.п. Примирение и компенсация осуществляются в Австрии, ФРГ, США, Швейцарии, других государствах. УК Украины (ст. 46) также предусматривает возможность примирения виновного с потерпевшим. Когда виновный совершил преступление небольшой тяжести или неосторожное преступление средней тяжести, примирился с потерпевшим, возместил причиненные убытки или устранил причиненный вред, он освобождается от уголовной ответственности.

Дает ли концепция позитивной уголовно-правовой ответственности человека что-то новое для доктрины уголовного права и правоприменительной практики? Безусловно, она дает новую научную информацию, новое видение понимания феномена уголовной ответственности как двуединого уголовно-правового явления социальной действительности. Иное дело, насколько достаточно грамотно в научном плане она представлена научно-практической аудитории. Снова же, возникает вопрос: это концепция, или это, образно выражаясь, гениальная научная гипотеза, которая нуждается в тщательной научной разработке? Известно, что начальным этапом на пути познания уголовно-правовой действительности является выдвижения научной гипотезы, которая основывается на определенных социальных фактах. Дальше такая гипотеза или должна быть опровергнута достаточными, убедительными аргументами, или же подтверждена такими аргументами. Относительно «позитивной» уголовной ответственности очевидно не хватает таких аргументов в обеих плоскостях дискуссии – как «за», так и «против». Научная разработка данной проблематики, как думается, интенсивно начата, но еще далека к завершению. Части приведенных с обеих сторон аргументов присущ чисто эмоциональный характер. В любом случае, если не соглашаться с наличием позитивной уголовной ответственности, нужно сказать, какое явление в таких случаях имеет место. То есть, как назвать абсолютно массовое явление уголовно-правовой действительности, обозначаемое учеными словосочетанием «позитивная уголовная ответственность человека»?

Позитивная уголовная ответственность не размывает правового содержания традиционного понимания уголовно-правовой ответственности человека. Она сама имеет правовое содержание, правовую основу, которая определяется нормами международного права. В частности, в «Общей декларации прав человека» указано, что Генеральная Ассамблея, провозглашает как задачу, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства, чтобы каждый человек и каждый орган общества должны были содействовать уважению этих прав и свобод путем национальных и международных прогрессивных мер, общего и эффективного их признания и осуществления. Каждая статья этой Декларации своим содержанием призывает к позитивному поведению всех субъектов общественных отношений – не нарушать права и свободы человека¹. Правовыми средствами обеспечения правомерного поведения граждан является, как известно, Конституция Украины и действующее законодательство и в том числе уголовное. Так, уже в ст. 1 УК Украины задекларированы его задачи – правовое обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Украины от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Статьи Особенной части УК являются своеобразными моделями запрещенного общественно опасного, негативного (например, ст.ст. 114, 115, 121, 122, 268, 365, 393, 400, 436) или поощряемого общественно полезного или общественно приемлемого, позитивного поведения человека (например, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 114, ч. 3 ст. 175, ч. 4 ст. 212, ч. 6 ст. 260, ч. 4 ст. 307). В его Общей части есть нормы, которые также поощряют позитивное поведение человека (например, ст.ст. 36, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 75, 81, 82, 91 УК). Тем самым можно сказать, что стимулируется и позитивная (перспективная) уголовная ответственность человека, если исходить из такого ее понимания в доктрине уголовного права. Поэтому позитивная (перспективная) уголовная ответственность человека регулируется не только нормами морали. Вместе с этим, негативная (ретроспективная) уголовная ответственность человека **должна иметь** крепкую нравственную основу. Все уголовно-правовые предписания должны быть обеспечены высоким уровнем общечеловеческой нравственности.

Нельзя согласиться с А. Н. Игнатовым, что при соблюдении гражданами требований уголовного закона он **не применяется**. Уголовный закон, в таких случаях, **реализуется**, что также чрезвычайно важно для обеспечения правопорядка в государстве. Различают **четыре основные формы реализации** уголовного закона: 1) исполнение; 2) использование (осуществление); 3) соблюдение; 4) применение. Следует заметить,

¹ Міжнародна хартія прав людини: збірник документів / відп. ред. А.М. Шлепаков. – К.: Наук. думка, 1991.

что первые три из них являются наиболее распространенными по сфере (объему) реализации. Отсюда вывод, что не следует преувеличивать значение применения уголовного закона. Также не следует и преуменьшать его значение. Вступая в научную дискуссию по любой научной проблеме, важно не потерять чувство реальности и объективности, беспристрастности, взвешенности в оценках фактов уголовно-правовой реальности.

Как отмечается в литературе, уголовно-правовая ответственность человека имеет две стороны: объективную и субъективную. Объективная сторона, как негативной (ретроспективной), так и позитивной (перспективной) уголовной ответственности человека, проявляется, главным образом, через деяния человека и его последствия, а субъективная – через психическое отношение человека к совершенному деянию и его последствиям. Из этого явствует, что нельзя анализировать понятие обоих видов (аспектов) уголовно-правовой ответственности однобоко – лишь исключительно исходя из объективной или субъективной сторон. Установление содержания психической деятельности человека, как уголовно-правопослушной, так и уголовно-противоправной, позволяет выяснить антропологическо-правовую сущность уголовно-правовой ответственности через призму вины, мотивов, цели и эмоционального состояния. Вина при позитивной (перспективной) уголовной ответственности имеет иное содержательно-качественное наполнение – **позитивное психическое отношение** человека к уголовно-правовым предписаниям: запрету, разрешению, поощрению, обязанности. Иное дело, что такая постановка вопроса **непривычна** для традиционного разумения понятия вины.

Как представляется, категории «сознание», «чувство долга», «долг», «моральная обязанность», «чувство ответственности» и т.п. не безразличны для доктрины уголовного права. Они в определенной мере характеризуют субъективную сторону и субъекта уголовно-правовой ответственности.

Исходя из начала неотвратимости ответственности, которая является существенной содержательной составляющей принципа справедливости уголовно-правовой ответственности человека, нельзя не заметить, что он, по общему правилу, подлежит ответственности за все совершенные им правонарушения: дисциплинарные, административные, гражданские, финансовые, экономические, преступления и т.п. Даже если они совершены одновременно. Это в полной мере касается и позитивной (перспективной) уголовной ответственности человека в случае несовершения им ни одного из правонарушений. Он в этом случае является **абсолютно ответственным**, его поведение свидетельствует о **абсолютной позитивной** правовой ответственности.

Законопослушных людей нельзя называть **«позитивными преступниками»**. Это противоречит этимологическому содержанию категории «преступник» – **тот, кто совершает зло**. Люди, которые в уголовно-правовом понимании законопослушны, **совершают добро**, а поэтому их можно назвать **«добродетельными»**. В этом случае номинальное обо-

значение отвечает сути категории «правопослушные лица» как элементу уголовно-правовой реальности. Нельзя не заметить, что для абсолютного большинства граждан предписания уголовно-правовых норм являются и приемлемыми в силу их генетической правопослушности, основанной на восприятии полезности велений уголовного закона. Определенная часть граждан воспринимают модели поведения, определенные уголовным законом, как авторитетные предписания государства, другие же – в силу угрозы применения уголовной ответственности. Первые две категории граждан, как правило, совершают преступления лишь по неосторожности или по незнанию уголовного закона.

Основу позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека представляет осознание и восприятие им в полном объеме имеющихся общественных ценностей. Ценностей не как эгоистически обособленного существа, а как органически неотъемлемой составляющей цивилизованного сообщества людей. Воспринимая предписания (веление) **разумного**, демократического уголовного закона как осознанную необходимость, личное благо, человек укрепляет свои связи с этим сообществом, служащим основой, гарантией его безопасности и благосостояния, что, в свою очередь, объединяется с укреплением в индивидуальном коллективном и общественном сознании и бытии извечных добродетелей: благородства, любви к ближнему, любви к своей стране, доброжелательности, чувства долга, признательности, справедливости, честных отношений и т.п. При условии, как подчеркнул Цицерон, что закон заложен в природе **наивысшим разумом**, который велит нам совершать то, что нужно совершать, и запрещает противоположное. **Этот же разум**, когда он окреп в мыслях человека и усовершенствовался, и является законом, смысл которого в том, что он велит совершать правильно, а совершать преступления запрещает¹.

Недопустимым, конечно, является механическое распространение категорий, которые характеризуют негативную (ретроспективную) уголовную ответственность на позитивную (перспективную) уголовную ответственность человека. Речь идет об осуждении как форме реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности. Осуждению подлежит лишь уголовно-противоправное поведение и лицо, являющееся его носителем. Позитивное поведение не может подвергаться осуждению, поскольку это противоречит как принципам уголовного права, так и принципам уголовной политики, уголовно-правового регулирования, кодификации уголовного законодательства, уголовно-правовой ответственности. Оно наоборот – **одобряется, поощряется**. Тем самым осуждение не может быть формой реализации позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

Уже с конца XIX века западноевропейские специалисты по философии права, уголовной социологии начали обращать внимание на то, что

¹ Цицерон. Про законы. – С. 170.

правонарушение *легче предупредить, чем наказывать* за его совершение. Поэтому ими был выдвинут тезис о том, что человек, осознающий уголовно-правовые запреты, их сущность и назначение, не будет их нарушать, будет вести себя относительно них ответственно. В случае безответственного отношения человека к уголовно-правовым предписаниям (велениям) государство уже не будет рассчитывать на его добровольную ответственность, а будет привлекать такого человека к ответственности средствами принуждения. Однако идея позитивной уголовно-правовой ответственности человека не получила широкой поддержки среди юристов того времени¹.

Уголовно-правовая действительность многогранна. Она характеризуется как позитивными, так и негативными элементами, о чем шла речь выше. Поэтому нет оснований отрицать, что позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность человека является позитивным элементом уголовно-правовой действительности.

Выяснение сущности категории «уголовная ответственность» лишь тогда приведет к желательному результату, когда это уголовно-правовое явление будет рассматриваться всесторонне, беспристрастно и *не на почве традиционных догматически-консервативных стереотипов и установок*. Резонным в этом случае является общеизвестное выражение, о том, что нельзя иметь полного представления о Луне, изучая лишь ее видимую сторону, не изучая ее обратной, скрытой от нас стороны. Необходимо изучать все стороны уголовно-правовой ответственности, в любом случае – наиболее явные и существенные из них. Нельзя рассматривать уголовно-правовую реальность лишь исключительно в черно-белых цветах. При приближенном, более внимательном, придирчивом рассмотрении, как известно, выясняется, *что белое не такое уже и белое, а черное не такое уже и черное на самом деле* и что между ними окажется переходная полоса – с уменьшением черного при переходе к белому и с уменьшением белого при переходе к черному, что образует разной насыщенности серое по цвету. В этой связи, например, нельзя не согласиться с тем, что технический прогресс побуждает уголовно-правовую науку к поиску и выработке соответствующих духу времени средств воздействия на поведение человека с целью модификации его в позитивное просоциальное русло. Технический прогресс за последние десятилетия «идет семимильными шагами». В полной мере и возможно одно из видных мест занимает в этом плане и наука генной инженерии, весомым достижением которой является, например, клонирование человека. В теоретико-прикладном плане закономерно возникает вопрос: а может ли наука достичь таких высот, когда станет возможной **коррекция** медицинскими средствами интеллектуально-волевых уста-

¹ Маркунцов С.А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних / под общей ред. А.Э. Жалинского. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – С. 17.

новок человека, начиная с его зачатия? При утвердительном ответе на данный вопрос медицинские средства приобретут превентивную способность противодействия противоправному поведению. Можно ли тогда будет говорить об уголовной ответственности и наказании, а если можно, то в какой мере? Может выясниться, что теория Ломброзо, Ферри, Гарофало и их последователей не такая уже и «ненаучная» в смысле биологической, генетической обусловленности поведения человека, а уголовный закон в таких ситуациях не является таким уже ценным средством модификации поведения человека в позитивное, просоциальное русло. Жизнеспособность триады: уголовный закон – преступление – уголовная ответственность может оказаться опровергнутой. Такой может оказаться «правда жизни» в ближайшей или более отдаленной исторической перспективе. На правду надо реагировать. Правду необходимо отстаивать, развивать в общественном и индивидуальном сознании. Здесь не подходит позиция, согласно которой, если не хочется говорить правду, то нужно высказывать свои мысли в таких словесных упаковках, с помощью которых были бы выдержаны правила хорошего тона и обеспечена возможность сохранить пристойность лица.

Очевидным является тот факт, что обеспечение надлежащей теоретической основы разумения категории «уголовная ответственность» **как единого, бинарного, двухаспектного явления**, позволит выработать эффективные, созвучные времени, основанные на закономерностях правомерного и противоправного поведения человека, правовые средства обеспечения надлежащего правопорядка в общественной жизни. Дело лишь за тем, чтобы углубить эту концепцию усилиями ученых, работающих в данной области. В этой части понимания уголовно-правовой ответственности нужно вспомнить слова Гегеля о недопустимости «... возведения одной выхваченной стороны явления в ранг всеобщности и предоставление ей господство над другими»¹. Поэтому следует согласиться с И. А. Тархановым, что уголовно-правовая ответственность человека представляет собой такую фундаментальную уголовно-правовую категорию, которая может быть исследована **с разных сторон** и предусматривает многомерные социальные и юридические характеристики: а) из видения социального воздействия уголовно-правовых норм на поведение человека; б) с учетом правовых отношений зависимости, которые возникают у субъектов еще к совершению преступления в силу наличия уголовно-правовых норм; в) с позиции обязанности лица, совершившего преступление, отвечать за совершенное; г) в плане реального ее содержания и возможных форм реализации; д) в качестве разновидности реакции государства на поведение субъектов в сфере уголовно-правового регулирования и т.п. При этом ученый делает вывод, что идея позитивной уголовно-

¹ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 200.

правовой ответственности очевидно обогащает наши знания о механизме уголовно-правового воздействия¹.

К числу ученых-криминалистов, которые отстаивали или отстаивают концепцию позитивной (перспективной) уголовной ответственности человека, или просто констатируют ее наличие, пишут о ней, расходясь нередко в понимании понятия, содержания, стадий и форм реализации обеих видов этой уголовно-правовой ответственности, можно, в частности, отнести: А. В. Андреева, З. А. Астемирова, Л. В. Багрия-Шахматова, Н. А. Беляева, С. А. Валиева, В. С. Волкова, П. С. Дагеля, С. И. Дементьева, А. А. Дудорова, В. А. Елеонского, Н. И. Загородникова, И. Е. Звечеровского, В. В. Ключкова, А. П. Козлова, Г. Г. Криволапова, Н. М. Кропачева, В. Н. Кудрявцева, Ж. В. Мандриченко, К. В. Михайлова, А. С. Михлина, Г. В. Назаренко, В. А. Номоконова, В. И. Осадчего, А. Н. Павлухина, М. И. Панова, И. Л. Петрухина, В. С. Прохорова, Б. Т. Разгильдиева, И. С. Ретюнских, А. И. Санталовая, В. В. Сверчкова, Б. В. Сидорова, В. Г. Смирнова, А. Н. Тарбагаева, И. А. Тарханова, В. Д. Филимонова, П. А. Фелелова, В. М. Хомича, А. А. Чистякова, В. А. Якушина.

К видам уголовной ответственности, наиболее устоявшимся в науке уголовного права, пишет А. В. Андреев, следует отнести негативную (ретроспективную) уголовную ответственность и позитивную (перспективную) уголовную ответственность. По его мнению, первую из них считают доминирующей среди ученых-криминалистов². Б. В. Сидоров напротив категорически настаивает, что руководящим направлением в юридической ответственности человека является ее позитивный аспект, которому в реализации правовых норм *принадлежит ведущая роль* не негативной (ретроспективной), а позитивной ответственности, направленной в будущее³.

А. Н. Павлухин и А. А. Чистяков сделали вывод, что уголовно-правовая ответственность человека *изначально* возникает как позитивная в рамках общих уголовно-правовых отношений. Негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека есть следствие нарушения субъектом уголовно-правовых запретов. Формой реализации позитивной уголовно-правовой ответственности человека является добровольное соблюдение субъектам требований, предъявляемых уголовным законом, а формой реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека – государственные меры уголовно-правового характера, сущность которых – правовое принуждение⁴.

¹ Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. – С. 165.

² Андреев А. В. Форми реалізації кримінальної відповідальності. – С. 7.

³ Сидоров Б.В. Уголовно-правовые гарантии правомерного, социально-полезного поведения. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1992. – С. 99, 116, 130.

⁴ Павлухин А.Н., Чистяков А.А. Уголовная ответственность как научная категория российской правовой доктрины. Генезис, состояние, перспективы: монография. – С. 74.

А. И. Санталов пришел к выводу, что под ответственностью человека следует понимать: а) сознание и выполнение лицом своего долга (обязанности) перед другими людьми, обществом, государством; б) отрицательная оценка и ответные меры взыскания к нарушителю долга (обязанности) со стороны других людей, общества, государства. Ответственность, — констатирует он, — это сложные общественные отношения, **первый (позитивный) аспект** которых неразрывно связан со **вторым (ретроспективным)**. Ответственность человека в позитивном смысле исключает ответственность в ретроспективном и наоборот — позитивная безответственность дает основание для ретроспективной ответственности¹.

Давая определение понятия уголовной ответственности через призму юридической обязанности человека, Н. И. Панов подчеркнул, что именно такой подход «... предоставляет возможность акцентировать внимание на двух ее аспектах, которые находятся в диалектическом единстве: **«ретроспективном» («негативном»)**, то есть применение к лицу, совершившему преступление, средств государственного принуждения (наказания, предусмотренного законом), и **«проспективном» («ультраактивным»)** — юридической обязанности лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона. Определение, которое предлагается, дает возможность более глубоко и полнее выяснить сущность и содержание категории «уголовная ответственность»².

В зависимости от субъекта отношений ответственности, — подчеркивает И. Э. Звечаровский, — об ответственности человека можно говорить **на двух уровнях**, а соответственно, и **в двух значениях**: на уровне того, **кто** предъявляет правовые требования, и на уровне того, **кому** эти требования адресованы. В первом случае речь идет об ответственности человека на уровне государства — это **правовое последствие**, сопровождающее правовые требования. Во втором случае — об ответственности на уровне личности. Это ответ на предъявляемые правовые требования, то есть правомерное или неправомерное поведение. Таким образом, по его мнению, уголовная ответственность человека в самом общем виде — это правовое последствие его уголовно-правового поведения — правомерного или неправомерного. В зависимости от характера уголовно-правового поведения человека и соответствующих ему уголовно-правовых последствий, уголовная ответственность подразделяется на два вида: ответственность за правомерное уголовно-правовое поведение — **позитивную** ответственность, и ответственность за неправомерное уголовно-правовое поведение — **негативную** ответственность. Далее он делает вывод, что уголовная

¹ Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. — С. 8–9.

² Панов М.І. Кримінальна відповідальність і проблеми правового забезпечення прав і свобод людини і громадянина. — Вибрані праці з проблем правознавства. — К.: «Ін Юре», 2010. — С. 201.

ответственность человека представляет собой диалектическое единство двух противоположностей: позитивной и негативной ответственности¹.

В. В. Ключков, констатируя наличие двух видов уголовно-правовой ответственности: позитивной и негативной, подчеркивает, что противники такой характеристики структуры уголовно-правовой ответственности человека не привели сколь-нибудь убедительных доказательств на подтверждение ее особой специфичности, в связи с чем ей будто не присуще, как другим видам ответственности, деление на позитивную и негативную. Между тем, – отмечает далее он, – отличие уголовно-правовой ответственности человека от других видов ответственности – не в отсутствии позитивной ответственности, а в особом характере негативной ответственности (применения уголовного наказания)².

По мнению А. П. Козлова, содержание, с позиций философии, представляет единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций. Поскольку ответственность, по сути, является взаимоотношением, постольку указанное единство внутренних ее составляющих находится в прямой зависимости от характера взаимоотношений. Эти взаимоотношения различны в связи с тем, что ответственность выступает **в двух ипостасях – как позитивная и как негативная**; у каждой из этих разновидностей ответственности свои взаимоотношения. Особенность уголовной ответственности, подчеркнул он, заключается в том, что она носит негативно-позитивный характер. Отсюда возникает необходимость в обособлении той и другой и рассмотрении их во взаимосвязи. Соответственно, уголовной ответственностью с позиций ее содержания следует признать внутренние составляющие позитивно-негативного уголовного правоотношения, выраженные в определенном единстве. Иными словами, в содержание уголовной ответственности входят: а) деление правоотношений на позитивные и негативные в их специфическом уголовно-правовом выражении; б) установление взаимосвязи между ними в целях, необходимых для уголовного права; в) влияние взаимосвязи на правовые последствия невыполнения социальных предписаний; г) выделение элементов в каждой из двух основных составляющих уголовной ответственности³. Как видим, автор рассматривает единую уголовную ответственность в двух неразрывно связанных видах ее проявления, которые составляют органичное целое в постоянном взаимодействии и взаимообусловленности.

Категория ответственности человека, как свидетельствует П. А. Феллов, рассматривается в двух аспектах – активном (позитивном) и ретроспективном (негативном). В первом аспекте ответственность является осознанием человеком своей повинности и обязанностей перед обществом,

¹ Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. – С. 24–26, 41.

² Ключков В.В. Социальная ответственность и уголовный закон // Правоведение. – 1987. – № 2. – С. 7.

³ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 85.

разумение в этом значении важности своих поступков. Ответственность в ретроспективном (негативном) значении является ответственностью за его поведение в прошлом, но не за каждое, а лишь за поступки, которые противоречат определенным социальным нормам. Рассмотрение негативной ответственности человека вне связи с активной ведет к уменьшению ее роли как инструмента регулирования и охраны общественных отношений, как средства воспитания ответственного отношения граждан к своим обязанностям, унижению творческой роли негативной ответственности и поощрительных санкций¹.

А. Н. Тарбагаев полагает, что уголовная ответственность выражается в волевом и осознанном поведении субъектов – участников как регулятивных, так и охранительных уголовно-правовых отношений, которая осуществляется в соответствии с требованиями закона (соблюдение запрета, исполнение обязанностей, использование предоставленных полномочий). Это правомерное поведение человека может быть как добровольным, так и формироваться под воздействием государственного принуждения. Данный подход к проблеме, по его мнению, позволяет рассматривать уголовную ответственность как проявление социальной и правовой ответственности и дает возможность выделить **два ее аспекта**: позитивный и негативно-ретроспективный. В случае совершения преступления позитивная ответственность человека относительно конкретного деяния прекращается и реализации подлежит негативный аспект уголовной **ответственности**, имеющий ретроспективный характер².

Уголовная ответственность, по мнению А. П. Козлова, являясь поведением социальной и видом юридической ответственности, несет в себе признаки первой (позитивный и негативный ее аспекты) и дополнительно признаки второй (специфическое правовое регулирование). При этом признаки первой находят в ней двойственное отражение: 1) позитивный аспект имеет самостоятельное значение в качестве уголовной ответственности в определенных уголовно-правовых поощрительных нормах (например, при необходимой обороне), и здесь следует говорить о позитивной уголовной ответственности в чистом виде; 2) при совершении преступления ярче проявляется негативный аспект, поскольку требуется на основе публичности уголовного права обязательное вмешательство государства в лице его соответствующих органов в возникший социальный конфликт и соответствующее воздаяние преступнику, равное его нарушению (причиненному общественным отношениям вреду). Поскольку принцип талиона в чистом виде давно не работает в уголовном праве, и равное нарушению воздаяние невозможно, то ответственность следует за нарушение, но в отношении конкретного лица, у которого в определенной степени сохра-

¹ Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). – М.: Наука, 1992. – С. 46–47.

² Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 102–106; Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. – С. 32.

нился внутренний долг, чувство справедливости и равенства, самоуважения, достоинства и самосохранения, готовность к просоциальному поведению. Поэтому негативный аспект с необходимостью накладывается на позитивный, создавая единую уголовную ответственность как сплав требуемой законом обязанности ответить за содеянное, но в рамках позитивной ответственности. На взгляд А. П. Козлова, это является бесспорным, поскольку истребовано самим законом. При этом, обращает внимание он, позитивная и негативная ответственности при решении вопроса о воздаянии за содеянное долгое время остаются в самостоятельном «плавании». Обязанность лица ответить за содеянное и его позитивный внутренний мир существуют сами по себе вплоть до установления к реализации уголовной ответственности, например, назначение наказания. Таким образом, при совершении преступления и вынесенном наказании уголовная ответственность приобретает позитивно-негативный характер. Это говорит о самостоятельном существовании двух сторон единой уголовной ответственности: позитивной и негативной¹.

В. А. Номоконов также пишет, что в целом ответственность субъекта в уголовном праве, с учетом всей системы уголовно-правовых отношений (и как единое понятие), можно определить следующим образом. Это комплекс обязанностей, возложенных на субъекта уголовного права: а) воздержаться от совершения преступления (под угрозой применения наказания), а если оно совершено, то б) подвергнуться новому наказанию и осуждению, а также в) исполнить иные обязанности при совершении других деяний, прямо предусмотренных уголовным законом. Поэтому, «ответственность в сфере уголовного права выражается в двух формах: уголовной (негативной) ответственности за преступление и позитивной ответственности как специальной обязанности выполнить деяния, которые требуются уголовным законом или судебным приговором»². При этом он обращает внимание на то, что негативную ответственность философы нередко считают *«ненастоящей»*. Это связано с тем, что она возникает вследствие деяний, *выходящих за рамки «истинной» свободы*.

Несколько с иной стороны к анализу сути уголовно-правовой ответственности подошел В. В. Похмелкин. По его мнению, то, что традиционно обозначают или стараются обозначить термином «позитивная» (перспективная) и «негативная» (ретроспективная) ответственность есть не что иное, как *добровольная и принудительная* формы реализации единой юридической ответственности человека, которая выступает как закрепленная в праве мера *должного социально-ролевого* поведения³. Он сформулировал понятие уголовно-правовой ответственности в синтезе ее обоих аспектов: позитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной). Уголовная ответственность, — определяет автор, — это установ-

¹ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. — С. 53-54.

² Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание. — С. 520, 523.

³ Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. — С. 34.

ленная уголовным законом мера должного поведения, проявляющаяся в совокупности обязанностей не совершать преступления и реализуется в форме добровольного соблюдения этих обязанностей, а в случае их виновного нарушения – через принудительное воздействие со стороны государства¹.

Уголовная ответственность человека, – акцентирует внимание Г. Г. Криволапов, – имеет две формы реализации: добровольную (позитивный аспект) и государственно-принудительную (негативный аспект)².

Схожий подход относительно определения сущности ответственности человека как единого понятия применили Р. Л. Хачатуров и Р. Г. Ягютян, по мнению которых она является одним из основных средств уголовно-правового регулирования, проявляющимся в системе качественно однородных обязанностей не совершать преступления и реализуется в поведении людей в форме добровольного исполнения данных обязанностей ответственными субъектами права или через принудительное воздействие на них со стороны государства³.

Как категорию целого определяют уголовную ответственность человека В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев в коллективной монографии, различают две ее диалектически противоположные стороны: 1) выполнение человеком нормативных требований, диктующих должное, соответствующее потребностям общества поведение (позитивная ответственность – **В. К.**); и 2) выполнение должного, даже диктуемого уголовно-правовой нормой, но уже в результате государственного принуждения как реакции на правонарушение (ретроспективная ответственность – **В. К.**)⁴.

Уголовная ответственность человека, по Е. А. Елеонскому, представляет собой диалектическое объединение двух аспектов: ретроспективного (негативного) и позитивного (перспективного). Оба этих аспекта не являются тождественными. Они органически связаны между собой, работают друг на друга, выполняют общую социальную функцию – выступают одним из средств предупреждения правонарушений и противодействия преступности⁵.

По мнению З. А. Астемирова, отправным положением для выяснения сути уголовной ответственности человека является признание сложной

¹ Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – С. 71.

² Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый юрист КиоРус, 1997. – С. 297.

³ Хачатуров Р.Л., Ягютян Р.Г. Юридическая ответственность. – С. 150.

⁴ Прохоров В.С. Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – С. 147.

⁵ Елеонский Е.А. Уголовное наказание: единство ретроспективной и позитивной ответственности // Вопросы ответственности и наказания в свете решений XXVI съезда: сб. научн. трудов. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1982. – С. 73.

структуры этого явления, наличия в нем ряда таких сторон, которые диалектически переплетаются: позитивного и негативного аспектов; объективного и субъективного содержания, социального и личностного моментов¹. **Объективное начало**, с одной стороны означает, что сущность уголовной ответственности человека определяется законодателем в уголовном законе. Она состоит в императивном требовании к субъектам не совершать деяний, представляющих общественную опасность, и бережливо относиться к охраняемым законом интересам. С другой стороны, оно предусматривает подотчетность человека, совершившего преступление перед органами правосудия, вменение ему совершенного и реализацию санкции, то есть справедливое наказание виновного. **Субъективное начало** уголовной ответственности предусматривает осознание правосубъектными лицами этой объективной реальности. Исходя из этого, — пишет далее он, — по форме проявления уголовной ответственности человека **имеет два аспекта**: позитивно-перспективный и негативно-ретроспективный. Первый аспект является приоритетным и основным, поскольку предусматривает, что правосубъектные лица с уважением относятся к требованиям уголовного закона, согласовывая свое поведение с ним. Наиболее ярко позитивная ответственность человека, с точки зрения уголовного закона, проявляется тогда, когда субъекты не просто сами не совершают преступлений, но и активно противодействуют посягательствам на охраняемые уголовным правом объекты со стороны других лиц. Негативно-ретроспективный аспект уголовной ответственности для субъекта означает необходимость и принужденность претерпения уголовного преследования, отвечать перед органом правосудия за совершение преступления и понести наказание².

М. Ф. Шульгин, поддерживая двухаспектный характер уголовно-правовой ответственности человека, предложил для обозначения ее позитивной ответственности в уголовном праве применять термин **«обще-превентивная уголовно-правовая ответственность»**³.

В теории уголовного права нет единства взглядов ученых относительно разумения сущности позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

Группа авторов высказала оригинальное понимание сущности позитивной (перспективной) ответственности человека, утверждая, что позитивная ответственность существует в рамках каждого из видов социальной ответственности, в том числе и в рамках правовой, однако **она**

¹ Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. — М.: Юрид. лит., 1970. — С. 9.

² Энциклопедия уголовного права: в 35 т. — Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. — С. 16–17.

³ Шульгин Н.Ф. Теоретические вопросы позитивного и негативного аспектов уголовной ответственности // Актуальна проблеми політики: збірн. наук. праць. Вип. 8. — О.: Юрид. л-ра, 2000. — С. 336.

не может иметь разновидности в зависимости от *отраслевой* принадлежности исполняемых субъектом норм¹. Отсюда явствует, по мнению этих авторов, что нет и позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

В. Г. Смирнов, в частности, высказал мнение, что позитивная уголовно-правовая ответственность человека является установленной уголовным законом его *обязанность* совершать деяния, которые отвечают природе общественного порядка².

В. Н. Кудрявцев и О. Э. Лейст, в противоположность В. Г. Смирнову, заметили, что «Понятие позитивной юридической ответственности человека *является более широким*, чем одна лишь *обязанность*, это *правоотношение*, состоящее из нескольких элементов, а всякое правоотношение имеет по меньшей мере двух субъектов, права, обязанности которых обычно корреспондируют друг другу»³.

Р. Л. Хачатуров и Р. Г. Ягутян доказывают, что содержанием позитивной ответственности в уголовном праве является *реальное поведение* лица в соответствии с требованиями норм уголовного права, то есть фактическое соблюдение уголовно-правовых запретов⁴.

Н. А. Беляев заметил, что позитивная (перспективная) ответственность — это осознание гражданином *чувства повинности* перед обществом, убежденность в необходимости строгого соблюдения законов и недопустимость общественно опасных преступных деяний и основанная на этом осознании практическая деятельность⁵.

И. Э. Звечаровский предложил определять позитивную ответственность в уголовном праве как «... *точное добросовестное исполнение* субъектом своих *юридических обязанностей*, опосредованное его высокой сознательностью и чувством долга перед обществом. В рамках этого подхода к определению понятия позитивной юридической ответственности сформирована концепция, в которой внимание акцентируется не столько на мотивационной основе выполнения соответствующих правовых обязанностей, сколько на самом результате — выполнении должного; применительно к уголовной ответственности — *фактическом соблюдении требований* уголовного закона, уголовно-правовых предписаний». По его мнению, такое определение понятия позитивной юридической ответственности человека представляется наиболее правильным, поскольку он, во-первых, «уравнивает» позитивную юри-

¹ Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. — С. 14.

² Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. — С. 78.

³ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. — М.: Наука, 1986. — С. 286.

⁴ Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. — С. 87.

⁵ Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. — С. 54.

дическую ответственность с негативной ответственностью в плане их объективного выражения (правомерное, неправомерное поведение), а, во-вторых, мотивы воздержания субъекта от совершения уголовно наказуемых деяний сами по себе не отрицают добровольного характера ответа на предъявляемые уголовным законом требования¹.

В. В. Похмелкин определил позитивную уголовную ответственность человека «... как установленную уголовным законом *меру поведения*, которая отвечает охраняемой стороне социальных ролей участников общественных отношений, что проявляется в совокупности обязанностей не совершать преступление, и реализуется в форме добровольного соблюдения данных обязанностей»².

Позитивная уголовно-правовая ответственность человека предусматривает его правопослушное поведение, проявляющееся через осознание им своей ответственности перед обществом и государством. Исходя из этого, позитивная уголовно-правовая ответственность человека определяется В. А. Елеонским как *отношение лица* к общественным ценностям, в том числе и к нормам права и уголовно-правовым запретам³. Он полагает, что позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность человека имеет свою структуру: объективную и субъективную стороны, а также субъект ответственности. Объективная сторона позитивной ответственности выражается в тех уголовно-правовых запретах, которые содержат требования к человеку не причинять вреда охраняемым законом социальным благам. Субъективная сторона находит свое выражение в том, что человек осознает уголовно-правовые запреты и руководствуется требованиями, которые содержатся в них. Человек поступает ответственно с точки зрения уголовного права в тех случаях, когда его поведение безупречно. Объективная сторона позитивной уголовной ответственности характеризует *должное*, а субъективная – *оценку поведения* человека обществом⁴.

В юридической литературе сформировался концепт, согласно которому понятие позитивной уголовно-правовой ответственности человека трактуется как исполнение им долга: как *фактическое соблюдение требований уголовного закона*, уголовно-правовых предписаний. По мнению А. Н. Тарбагаева, эта ответственность человека преследует *следующие цели*: 1) предотвращение преступлений; 2) прекращение преступлений; 3) предотвращение причинения вреда вследствие деяний и событий, которые не являются преступлениями, или ограничение его размеров. Он рассматривает позитивную уголовно-правовую ответствен-

¹ Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. – С. 30.

² Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – С. 39.

³ Елеонский В.А. Уголовное наказание: единство ретроспективной и позитивной ответственности. В кн.: Вопросы ответственности и наказания в свете решений 26 съезда КПСС. – Рязань, 1982. – С. 72–75.

⁴ Елеонский В.А. Уголовное наказание: единство ретроспективной и позитивной ответственности. – С. 7.

ность человека как **совокупность уголовных правоотношений** относительно реализации права человека на необходимую оборону, задержание преступника т.п.¹.

Определение позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека через ее **позитивное** содержание, – заметил Б. С. Волков, – полностью соответствует аксиологической природе права. При этом, по его мнению, данная уголовная ответственность человека представляет собой выраженную в законе **меру требований**, которая предъявлена ему как члену коллектива, общества, государства, несоблюдение которых влечет за собой определенные правовые последствия, предусмотренные в санкции этого закона².

Г. Г. Криволапов отмечает, что добровольная (позитивная) форма реализации уголовно-правовой ответственности человека заключается в том, что **лицо сознательно и по своей воле соблюдает** уголовно-правовые запреты и предписания, то есть не совершает преступлений. Исходя из этого, он различает две разновидности добровольной формы реализации уголовной ответственности человека: 1) **сознательное** соблюдение требований уголовно-правовой нормы; 2) **вынужденное** (под угрозой применения санкции) исполнение предписаний уголовно-правовой нормы³. Думается, что при таком понимании двуединости позитивной уголовно-правовой ответственности имеется определенная некорректность. В обеих формах, которые выделены Г. Г. Криволаповым, имеет место **сознательное поведение лица**. Другое дело, что в первом случае оно действительно добровольное, а во втором – вынужденное.

В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев и А. Н. Тарбагаев сделали вывод, что конкретное содержание позитивной уголовной ответственности человека, в ее поведенческом аспекте, включает в себя: а) **поведение, которое отвечает требованиям** уголовно-правовых норм (соблюдение запрета) и б) **поведение, которое выражается в использовании прав**, предусмотренных в уголовном законе – прямо или опосредованно⁴.

П. С. Дагель и В. А. Номоконов определили позитивную уголовно-правовую ответственность человека как его обязанность выполняя деяния, предусмотренные и поощряемые уголовным законом⁵.

¹ Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. – С. 22, 88-90, 97.

² Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. – С. 69.

³ Криволапов Г.Г. Уголовная ответственность и ее основание // Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый юрист КиоРус, 1997. – С. 297.

⁴ Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. – С. 147-162.

⁵ Дагель П.С., Номоконов В.А. Уголовная политика и проблемы позитивной ответственности // Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток: Изд-во Дальнев. гос. ун-та, 1985. – С. 72.

Своеобразно рассматривает позитивную уголовно-правовую ответственность человека Б. Т. Разгильдиев, по мнению которого она может быть основана на уголовном праве, если она **прямо предусмотрена** уголовно-правовой нормой, **предоставляющей гражданам право на совершение строго определенных действий**, направленных на обеспечение задач по охране общественных отношений от преступных посягательств на них. В таких случаях она связана с реализацией гражданами права на необходимую оборону, крайнюю необходимость, задержание преступника и т.п., а также с поощрением позитивного постуголовного поведения. Такого рода ответственность, считает ученый, правильнее именовать **поощрительной уголовно-правовой** ответственностью¹.

Позитивная уголовно-правовая ответственность человека по В. В. Клочкову, представляет собой «... **органическое единство** ее объективной и субъективной сторон (аспектов), которые не могут функционировать отдельно друг от друга. **Объективный аспект** позитивной уголовно-правовой ответственности включает **обязанности**, возлагаемые на субъекта нормам уголовного права, а также их **реализацию в правомерном поведении** субъекта. Требования, предъявляемые к поведению людей уголовным законом, не могут быть реализованы, если они не отражены соответствующим образом в их сознании и не «включены» в механизм саморегуляции поведения. **Субъективный аспект** уголовно-правовой ответственности охватывает **знание субъектом требований**, предъявляемых к нему нормой уголовного права, **убеждение** в необходимости их выполнения, обуславливающее воздействие этих требований на мотивацию поведения и его оценку субъектом. При наличии всех этих элементов можно говорить об усвоении субъектом уголовно-правовой нормы (норм), о включении ее требований в сферу его ценностно-нормативных ориентаций. Степень усвоения нормы, обуславливающий уровень позитивной ответственности, различная: от такого ее усвоения, когда индивиду в криминогенной ситуации приходится прилагать волевые усилия, чтобы не избрать запрещенный вариант поведения, до такого, когда в любой ситуации противоправные варианты вообще не участвуют в мотивации поведения (идеальный уровень позитивной ответственности)»².

Обобщив научные позиции ученых относительно позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека, которую Н. А. Орловская именуется проспективной, автор сделала вывод, что она возможна минимум **в двух форматах**: 1) как **чувства ответственности** человека, обусловленного наличием нереализованных правовых норм; 2) как **угроза, имеющаяся в санкции** уголовно-правовой нормы, которая может быть реализована в будущем относительно конкретного че-

¹ Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 152.

² Клочков В.В. Социальная ответственность и уголовный закон. – С. 8–9.

ловека, совершившего преступление. Основой первого формата может выступать философское восприятие ответственности одновременно как и чувства, и сознания, и общественной связи, и стимула, и санкции. В этом понимании, — считает она, — под ответственностью можно понимать категорию, которая отражает **особое социальное и моральное отношение** человека к обществу, или человечеству в целом, характеризующееся исполнением своего нравственного долга и правовых норм¹.

В. В. Сверчков сформулировал понятие позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека таким образом: **это социально-психологическое явление**, действительная, имеющаяся, осознанная, реализованная, вытекающая из правопослушного (надлежащего, иногда переходящего в обязанное) поведения его **способность** воспринимать объективное и (или) субъективное воздействие одобрением².

В. А. Номоконов рассматривает позитивную уголовно-правовую ответственность человека как **специальную обязанность** выполнять деяния, которые требуются уголовным законом или судебным приговором. Она реализуется, по его мнению, не только в деяниях граждан, которые выполняют предписания уголовного закона, но и **в соответствующей реакции государства**: отказ от наказуемости деяний, совершенных при обстоятельствах, исключающих их преступность (необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника, обоснованный риск), а также в освобождении от уголовной ответственности или наказания (от его дальнейшего отбывания) или замене наказания более мягким³.

Позитивная (**активная**) юридическая ответственность человека, по Л. В. Багрию-Шахматову, предполагает усвоение правосубъектными лицами норм права, правил поведения, адекватное к ним отношение в соответствии с запросами общества и государства, осознание необходимости соотносить с ними свое поведение, а также осознанную обязанность и вынужденность отвечать за их нарушение. Позитивная ответственность человека, по его мнению, **предполагает правомерное поведение**, предопределяемое осознанием индивидом своей ответственности перед обществом и государством. Такое понимание касается и уголовно-правовой позитивной ответственности, которая является в ее субъективно-психологическом смысле структурным элементом правосознания личности. Признавая это положение, — подчеркнул автор, — нужно все же иметь в виду, что при этом она не является правовой ответственностью в собственном смысле слова. Иначе можно прийти к абсурдному выводу,

¹ Орловская Н.А. Уголовно-правовые санкции: проблемы определения, классификации и функционального анализа: монография. — О.: «Юридическая литература». 2010. — С. 118.

² Сверчков В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (система, законодательная регламентация, эффективность применения): дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право». — Нижний Новгород, 1997. — С. 24.

³ Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве. — С. 523, 525.

что, например, лицо, не совершившее преступления, уже несет правовую (уголовную) ответственность¹.

А. А. Чистяков также понимает под позитивной уголовно-правовой ответственностью человека **обязанность** уголовно ответственного, то есть обладающего определенными в уголовном законе признаками субъекта, **соотносить свое поведение** с требованиями уголовно-правовых запретов². Именно их наличие в реальной действительности является обстоятельством, неизбежно влекущим появление позитивной уголовной ответственности.

Анализ имеющихся и доступных к ознакомлению пониманий различными учеными сущности феномена **позитивной (перспективной)** уголовно-правовой ответственности человека позволил выделить **наиболее очевидные, сущностные ее признаки**: 1) осознание человеком долга (обязанности), повинности соблюдения уголовно-правового запрета; 2) единство объективной и субъективной сторон, при котором имеет место правомерное поведение правосубъектной личности; 3) обязанность человека выполнять деяния, предусмотренные и поощряемые уголовным законом; 4) общественно необходимое, желательное или допустимое, с точки зрения интересов общества, поведение граждан и коллективов, состоящее в соблюдении (исполнении, осуществлении) норм права, гарантированное и охраняемое государством; 5) исполнение человеком нормативных требований, которые диктуют надлежащее, отвечающее интересам общества поведение; 6) правомерное поведение человека согласно требованиям уголовного закона; 7) осознание человеком правовых свойств своих деяний, соотношение их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за них перед государством и обществом; 8) право граждан на совершение строго определенных деяний в интересах обеспечения правопорядка; 9) вид уголовно-правовой ответственности, реализующийся в пределах уголовного правоотношения; 10) форма реализации предписаний уголовного закона; 11) пассивное, осознанное, волевое поведение человека – соблюдение им уголовно-правовых запретов, несовершение им преступлений, предусмотренных действующим УК Украины; 12) активное, осознанное, волевое поведение человека – исполнение им своей уголовно-правовой обязанности, предусмотренного действующим законом об уголовной ответственности; 13) активное, осознанное, волевое поведение человека – использование им своего права, предусмотренного нормой Общей части действующего закона об уголовной ответственности; 14) позитивное, постуголовное поведение человека – осознанное, волевое использование им своего права, предусмотренного поощрительной нормой Особенной части действующего за-

¹ Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и формы ее реализации: курс лекций. Общая часть. – С. 46, 49, 52.

² Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – С. 129.

кона об уголовной ответственности; 15) активное поведение человека как субъекта уголовного правоотношения (должностного лица) относительно обязанности или права применить норму уголовного закона.

Учитывая высказанные учеными взгляды и критически оценив их, можно утверждать, что **позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность человека** – это **реализованная необходимость** сознательного и добровольного **использования** человеком **права, исполнение** обязанности, **соблюдение** запрета, содержащихся в уголовно-правовых нормах.

Позитивную (перспективную) уголовно-правовую ответственность человека нужно отличать от объективного уголовно-правопослушного поведения человека и конформизма.

Уголовно-правопослушное поведение человека – это **осознанное** (волевое) или **неосознанное** (подсознательное) соблюдение, исполнение, использование человеком норм уголовного закона.

Конформизм (от лат conformism – подобный, соответствующий) – это **пассивное, приспособленческое** восприятие человеком готовых стандартов поведения, безапелляционное признание имеющихся порядков, норм и правил, безусловное преклонение перед их авторитетом.

Основаниями позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека являются **факторы социальной действительности**, детерминирующие осознанную реализацию субъектом уголовно-правовых предписаний. К их числу следует также отнести, являющиеся общими для всех видов позитивной юридической ответственности, такие основания: а) социально-этическое (нравственное, моральное); б) нормативное; в) фактическое.

Социально-этическое (нравственное, моральное) основание сводится, главным образом, к ответу на вопрос: почему человек должен быть уголовно-правопослушным? Очевидно, что человек как член общества, член соответствующего социума, будучи наделенным разумом, совестью, свободой и силой воли, в интересах собственной безопасности, безопасности соответствующего социума или общества в целом, должен уважать свои права и свободы, а также других членов соответствующего социума или общества в целом, ответственно относиться к общественным и государственным интересам. То есть его поведение должно быть в позитивном уголовно-правовом поле.

Нормативно-правовым основанием позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности является норма (нормы) действующего уголовного законодательства, которая содержит в себе предписание (веление) относительно соответствующего поведения человека: право, обязанность, запрет.

Нормы права, как уже подчеркивалось, служат важным средством образования, укрепления и развития общественного нормативно-коммуникационного поля.

Основаниями позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности являются также решения Европейского Суда по правам человека и решения украинских судов.

Фактическим основанием этой ответственности являются деяния человека, содержащие состав соответствующего правопослушного поступка (поступков).

Субъектом позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности является любой человек, могущий быть субъектом преступления и осознающий наличие определенного уголовно-правового запрета, уголовно-правовой обязанности или предоставленного ему уголовным законом определенного субъективного права и соблюдает этот запрет, исполняет эту обязанность или использует предоставленное ему уголовным законом субъективное право.

Содержание позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека характеризуется ее объективной и субъективной сторонами. **Объективную сторону** составляют запрет, обязанность, право, которые закреплены в нормах уголовного закона. **Субъективная сторона** проявляется в отношении человека к правовым предписаниям через добровольное соблюдение, исполнение, использование.

Таким образом, условно можно выделить **три формы реализации позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека**: а) **добровольное соблюдение** человеком уголовно-правового запрета; б) **добровольное исполнение** человеком возложенной на него уголовно-правовой обязанности; в) **добровольное использование** человеком своего субъективного права, предусмотренного нормой закона об уголовной ответственности (УК Украины). Мотивы такого поведения человека могут быть разными.

Добровольное соблюдение человеком уголовно-правового запрета проявляется **в несовершении им по собственной воле преступлений**, предусмотренных в Особенной части действующего УК Украины, то есть в осознанном, добровольном, пассивном поведении.

Добровольное исполнение человеком возложенной на него уголовно-правовой обязанности может, в частности, проявляться **в совершении по собственной воле таких деяний**: 1) надлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинским, фармацевтическим либо иным работником (ненадлежащее их исполнение может образовывать составы преступлений, предусмотренные ст.131 действующего УК Украины); 2) предоставление помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению в силу малолетства, старости, болезни или впоследствии иного беспомощного состояния, лицом, которое было обязано проявлять заботу об этом лице (заведомое оставление без помощи такого лица может образовывать составы преступлений, предусмотренные ст.135 действующего УК Украины); 3) предоставление помощи лицу, находящемуся в опасном для

жизни состоянии или сообщение о таком положении лица надлежащим учреждениям или лицам (неоказание такой помощи или несообщение о таком состоянии лица надлежащим учреждениям или лицам может образовывать составы преступлений, предусмотренные ст. 136 действующего УК Украины); 4) надлежащего исполнения профессиональных или служебных обязанностей по охране жизни и здоровья несовершеннолетних (неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязанностей может образовывать составы преступлений, предусмотренные ст. 137 действующего УК Украины); 5) неоказание помощи больному медицинским работником, обязанным предоставить ему такую помощь (неоказание без уважительных причин такой помощи может образовывать составы преступлений, предусмотренные ст. 139 действующего УК Украины). При этом человек обязан совершить обозначенные деяния. Его пассивное поведение запрещено под угрозой наказания.

Добровольное использование человеком своего права, предусмотренного нормой закона об уголовной ответственности (УК Украины), может проявляться: а) **в совершении** им по собственной воле деяния, право на которое установлено нормой Общей части УК Украины; б) **в совершении** им по собственной воле деяния, право на которое предусмотрено нормой Особенной части УК Украины. В приведенных случаях поведение человека должно быть активным.

Совершение человеком деяния, право на которое установлено нормой Общей части УК Украины, может, в частности, проявляться в виде: 1) добровольного отказа при неоконченном преступлении (ст. 17, 31 УК Украины); 2) применение необходимой обороны, мнимой обороны (ст. 36, 37 действующего УК Украины); 3) задержание лица, совершившего преступление (ст. 38 действующего УК Украины); 4) совершение деяния в состоянии крайней необходимости (ст. 39 действующего УК Украины); 5) исполнение законного приказа или распоряжения (ст. 41 действующего УК Украины); 6) совершение деяния в условиях оправданного риска для достижения значительной общественно полезной цели (ст. 42 действующего УК Украины); 7) осуществление субъектом своего права на чистосердечное раскаяние (ст. 45, п. 1, 2 ст. 66 действующего УК Украины); 8) осуществление субъектом своего права на примирение с потерпевшим (ст. 46 действующего УК Украины).

Совершение человеком деяния, право на которое предусмотрено нормой Особенной части УК Украины, может, в частности, проявляться в виде: 1) неисполнение субъектом преступного задания иностранного государства, иностранной организации или их представителей, добровольное заявление органам государственной власти о своей связи с ними и о полученном задании (ч. 2 ст. 111 действующего УК Украины); 2) прекращение шпионской деятельности и добровольное сообщение органам государственной власти о содеянном (ч. 2 ст. 114 действующего УК Украины); 3) осуществление к привлечению к уголовной ответственности выплаты

заработной платы, стипендии, пенсии либо иной установленной законом выплаты гражданам (ч. 3 ст. 175 действующего УК Украины); 4) уплата лицом до привлечения его к уголовной ответственности налога, сбора (обязательного платежа), а также возмещение ущерба, причиненного государству их несвоевременной уплатой (ч. 4 ст. 212 действующего УК Украины); 5) добровольное заявление о создании преступной организации или участии в ней и активное способствование ее раскрытию (ч. 2 ст. 255 действующего УК Украины); 6) добровольное сообщение правоохранительному органу о соответствующей террористической деятельности, содействие ее прекращению или раскрытию преступления лицом, кроме организатора и руководителя террористической группы либо террористической организации (ч. 2 ст. 258-1 действующего УК Украины); 7) иных видов позитивного постуголовного поведения субъекта, предусмотренного поощрительной нормой действующего УК Украины (ч. 4 ст. 258-5, ч. 6 ст. 260, ч. 3 ст. 263, ч. 4 ст. 289, ч. 4 ст. 307, ч. 4 ст. 311, ч. 3 ст. 369, ч. 4 ст. 401 действующего УК Украины).

Условно можно выделить *три стадии реализации* позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) возникновение; 2) осуществление; 3) прекращение.

Позитивная (перспективная) уголовная ответственность человека **возникает** вследствие: а) **вступления в силу** уголовного закона, устанавливающего уголовно-правовой запрет или возлагающего на человека определенную обязанность или предоставляющего ему соответствующее субъективное право, и б) **начала осознанного волевого** соблюдения человеком уголовно-правового запрета или исполнения возложенной на него уголовно-правовой обязанности или использование им предоставленного уголовным законом субъективного права.

В юридической, уголовно-правовой литературе было высказано, в частности, З. А. Астемировым и В. И. Осадчим, иное мнение – позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность возникает с момента принятия уголовного закона¹. Думается, что такая постановка вопроса некорректна, поскольку при этом не учтено поведение человека в соотношении с предписаниями (велениями) уголовного закона.

По утверждению А. А. Чистякова, возникновение позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека есть следствие действия уголовно-правовых норм-запретов². Как показано выше, этот вид

¹ Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. – С. 10; Кримінальне право в питаннях і відповідях: посібник для підготовки до іспитів / відп. ред. Кондратьєв Я.Ю. – К.: Правові джерела, 1999. – С. 75–80; Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / відп. ред. Кондратьєв Я.Ю.; наук. ред. Клименко В.А. та Мельник М.І. – К.: Правові джерела, 2002. – С. 74–75.

² Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – С. 129.

ответственности может быть также и последствием деяния обязывающих и правоуполномачивающих норм уголовного закона.

Осуществление позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности – период осознанного соблюдения человеком уголовно-правового запрета или исполнения возложенной на него уголовным законом обязанности или использование им предоставленного нормой уголовного закона субъективного права.

Прекращение позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека происходит вследствие: а) утраты силы уголовным законом, установившим уголовно-правовой запрет или возложившим на человека определенную обязанность или предоставившим ему соответствующее субъективное право; б) несоблюдение человеком установленного уголовно-правового запрета совершения им преступного деяния; в) неисполнение человеком положенной на него нормой уголовного закона соответствующей обязанности; г) неиспользование человеком предоставленного ему нормой уголовного закона субъективного права; д) смерти человека.

3.3. Феномен уголовно-правовой ответственности человека в его негативном (ретроспективном) значении

В доктрине уголовного права, как отмечалось выше, отсутствует единое толкование сущности и понятия феномена **«уголовная ответственность человека»**. Каждый из авторов, обратившийся к анализу данного понятия, определяет его характерные признаки, которые, по его мнению, наиболее полно отражают сущность этого уголовно-правового явления. В полной мере это касается и понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

Для обозначения доминирующих, по мнению ученых, признаков негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека чаще всего применяют такие словосочетания: «основное средство уголовно-правового регулирования»; «фундаментальный институт уголовного права»; «специфический метод обеспечения социальной ответственности личности»; «разновидность ретроспективной социальной ответственности перед обществом в лице государства»; «вид юридической ответственности»; «наиболее суровый вид юридической ответственности»; «основной вид юридической ответственности»; «правовая реакция государства на совершенное преступление»; «вид юридической ответственности, наделенный наивысшей остротой репрессии»; «особый элемент в механизме уголовно-

правового регулирования»; «уголовная ответственность всегда конкретная»; «уголовная ответственность не подлежит замене другими видами юридической ответственности»; «сложное социально-правовое явление»; «средство принуждения граждан к исполнению требований норм уголовного права»; «основное средство уголовно-правового принуждения»; «право уполномоченных государством органов реализовать от имени государства принуждение»; «важное средство защиты интересов личности, государства и общества»; «средство решения конфликтов в обществе»; «последствия противоречия между личностью, государством и обществом»; «санкция за преступление»; «отрицание преступления»; «результат нарушения нормы уголовного права»; «последствие совершенного преступления»; «последствие осуждения совершенного деяния и личности преступника»; «негативное последствие совершенного преступления для виновного»; «необходимые негативные последствия совершенного преступления»; «правовое последствие совершенного преступления»; «акт осуждения личности за совершенное ею преступление»; «правовое состояние»; «правовое положение»; «имеет нормативный характер»; «возможна лишь при наличии вины»; «самый совершенный с процессуальной стороны вид юридической ответственности»; «орудие справедливости» и т.п.

В юридической литературе, как правило, отмечается, что негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека существенным образом отличается от других видов ее юридической ответственности. Эти отличия, главным образом сводятся к выделению учеными таких ее сущностных признаков: 1) уголовно-правовая ответственность является наиболее суровым, особым видом юридической ответственности; 2) уголовно-правовая ответственность связана с нарушением уголовного закона, содержащего государственные веления относительно конкретного характера поведения лица. Основанием уголовно-правовой ответственности является совершение лицом деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный в УК Украины. Она является последствием совершения лицом преступления; 3) уголовно-правовая ответственность – реакция государства на уголовно-противоправное поведение человека; 4) уголовно-правовая ответственность – важное средство государственного принуждения. Во многих случаях она связана с особой формой государственного принуждения – наказанием; 5) уголовно-правовая ответственность, в контексте правовых отношений, отличается по характеру взаимных прав и обязанностей между человеком и государством; 6) уголовно-правовая ответственность возможна лишь в случаях виновного совершения деяний, предусмотренных действующим УК Украины в то же время, когда, например, гражданско-правовая или конституционно-правовая ответственность возможна в определенных законом случаях и без вины; 7) уголовно-правовая ответственность имеет особый процессуальный порядок применения; 8) уголовно-правовая ответственность отличается по кругу субъектов, к которым она применяется – лишь

относительно лиц, являющимися субъектами преступления; 9) уголовно-правовая ответственность применяется лишь судом; 10) уголовно-правовая ответственность порождает особое правовое состояние осужденного лица – судимость, и, как следствие, ухудшение его правового положения, чего не порождают другие виды юридической ответственности; 11) уголовно-правовая ответственность имеет особые основания и условия освобождения от ответственности, освобождения от наказания и его отбывания, погашения и снятия судимости, чего нет при реализации других видов юридической ответственности.

Наряду с приведенным выше методологическим подходом к определению понятия уголовно-правовой ответственности человека через выявление, выяснение ее признаков, Р. А. Бузуновым высказано предложение противоположного характера – «идти иным путем, согласно которому понятие уголовной ответственности **не должно формироваться только на основе определенных ее признаков, но и должно отражать реальную сущность** такого явления». Сущность понятия «уголовная ответственность», – полагает он, – зависит от нескольких факторов, собственно критериев (показателей), которые в полном объеме должны характеризовать ее институты: основания уголовной ответственности, момент возникновения уголовной ответственности, цель уголовной ответственности, пределы уголовной ответственности, этапы реализации уголовной ответственности, формы реализации уголовной ответственности, осуждение государства и общества, уголовно-правовые отношения (охранительные), меры уголовно-правового характера и т.п.¹ На наш взгляд, такой методологический подход малопродуктивный. Он не приведет к адекватному пониманию сути уголовно-правовой ответственности человека, формированию признаков его всеохватывающего или максимально охватывающего понятия как социально-правового явления, феномена. Все названные Р. А. Бузуновым факторы, критерии анализируются в науке уголовного права не иначе как через выяснение их сущностных признаков. К тому же возникает ряд вопросов: все ли названные им критерии, факторы являются необходимыми в контексте данной проблематики? Снова же, а все ли возможные факторы автором названы? Очевидно, что нет, когда речь идет даже только о уголовно-правовых критериях, факторах. Например, момент истечения уголовно-правовой ответственности человека, освобождение его от наказания и его отбывания. Вместе с этим, забыто об уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных критериях, факторах.

Научно продуктивным, целесообразным и таким, что может достичь поставленной цели, является методологический подход, предложенный Ю. В. Баулиным. Он справедливо отмечает, что понимание уголовно-пра-

¹ Бузунов Р.А. Поняття кримінальної відповідальності: проблеми визначення // Наука і правоохорона. – 2010. – № 4 (10). – С. 129–130.

овой ответственности человека, заложенное в действующем УК Украины, можно достичь, идя двумя путями: а) проанализировать взгляды ученых-криминалистов по этому вопросу и выработать собственную позицию, собственную оценку; или б) проанализировать действующий УК в тех частях, где употребляется термин «уголовная ответственность» и сопредельные понятия, и на этой основе сделать вывод о том, какое же понимание уголовной ответственности заложено в нем¹. Наряду с этим, как думается, более широкое разумение понятия уголовно-правовой ответственности человека возможно на базе трех отраслей законодательства: уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного.

В уголовно-правовой литературе наблюдаются также и разные подходы к классификации научных взглядов относительно сущности и понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Так, авторы коллективной монографии «Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации» классифицировали шесть основных, по их мнению, взглядов ученых-криминалистов по этому вопросу: 1) уголовная ответственность – это обязанность виновного лица дать отчет о совершенном преступлении; подвергнуться мерам государственного воздействия, быть осужденным от имени государства, претерпеть наказание; 2) уголовная ответственность – это правовое следствие совершенного преступления, заключающееся в ограничении правового статуса виновного, в возложении определенных принудительно-воспитательных мер; 3) уголовная ответственность – это способ регулирования уголовно-правовых отношений, средство предупреждения и разрешения конфликтов в обществе; 4) уголовная ответственность – меры государственного принуждения, основанные на юридическом и общественном осуждении правонарушителя и выражающиеся в форме ограничений личного или имущественного характера; 5) уголовная ответственность – это основанная на требовании уголовного закона, осуществляемая судом от имени государства оценка общественно опасного деяния и порицание лица, его совершившего, или только порицание лица; 6) уголовная ответственность – есть все меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление².

Таковыми, что отражают основные черты уголовно-правовой ответственности человека по Ю. В. Баулину, являются такие основные группы взглядов, концепций: 1) уголовная ответственность – санкция; 2) уголовная ответственность – обязанность; 3) уголовная ответственность – правоотношение; 4) уголовная ответственность – осуждение³.

¹ Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: монографія. – С. 17.

² Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. – С. 32.

³ Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: монографія. – С. 17–22.

Четыре группы основных концепций понимания и сущности понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека названы также А. В. Васильевским, а именно: 1) уголовная ответственность – наказание; 2) уголовная ответственность – осуждение и порицание виновного судом в обвинительном приговоре от имени государства; 3) уголовная ответственность – обязанность виновного отвечать за совершенное преступление; 4) уголовная ответственность – правоотношение¹.

В. А. Номоконов также обращает внимание, что за последнее время предложены как минимум четыре разных концепции разумения сущности и понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) уголовная ответственность – санкция (вариант – наказание); 2) уголовная ответственность – уголовно-правовые отношения (вариант – уголовная ответственность – совокупность уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений); 3) уголовная ответственность – негативная оценка, осуждение и порицание виновного лица за совершенное преступление; 4) уголовная ответственность – важный элемент уголовно-правовых отношений, представляющий собой обязанность виновного лица подвергнуться наказанию за совершенное преступление².

В. М. Хомич с определенной условностью классифицировал все расхождения ученых относительно толкования сущности и понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека и свел их к следующим концепциям: 1) уголовная ответственность – реальное применение уголовно-правовой санкции, которое, как правило, выражается в назначении и исполнении наказания; 2) уголовная ответственность – основанная на нормах уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться неблагоприятным уголовно-правовым последствиям; 3) уголовная ответственность – правоотношение между государством и лицом, совершившим преступление; 4) уголовная ответственность – осуждение лица, совершившего преступление³.

Ж. В. Мандриченко сгруппировала определение учеными понятия феномена уголовно-правовой ответственности человека в шесть условных групп: 1) уголовная ответственность – наказание; 2) уголовная ответственность – осуждение, порицание лица за совершенное преступление; 3) уголовная ответственность – обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться неблагоприятным для него последствиям; 4) уголовная ответственность – фактическое понесение виновным примененных к нему мер принуждения; 5) уголовная ответственность – правоотношения; 6) уголовная ответственность – сопровождаемые государственным осуж-

¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – С. 28–34.

² Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание. – С. 510–511.

³ Хомич В.М. Формы реализации уголовной ответственности. – С. 6–18.

дением ограничения правового состояния гражданина, которым он подлежит по закону в связи с совершенным преступлением¹.

Как видим, взгляды ученых-криминалистов относительно классификации концепций разумения сущности и понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, в общем, совпадают, хотя, как увидим дальше, нередко при этом они выявляют склонность к нескольким ее концепциям и даже в пределах одной научной работы. Вместе с тем в определенной мере отличаются подходы ученых и в пределах одной концепции. При этом нельзя не обратить внимания на то, что названные выше концепции в значительной мере «перекликаются» с рассмотренными нами в предыдущих разделах концепциями негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека, имеющимися в общей теории права и философии права и с общими подходами к определению понятия социальной ответственности в философии и других науках.

Без сомнения, заслуживают внимания при определении сущности и понятия феномена уголовно-правовой ответственности человека и те характерные ее черты, которые названы Конституционным Судом Украины, а именно, что уголовная ответственность – это: 1) особый элемент в механизме уголовно-правового регулирования государства относительно лица, совершивших преступление; 2) особый правовой институт, в пределах которого осуществляется реагирования государства на совершенное преступление; 3) официальная оценка соответствующим государственным органом поведения лица как преступного; 4) форма реализации государством правоохранительных норм, которая в конечном итоге, как правило, состоит в применении к лицу, совершившему преступление, конкретных уголовно-правовых мер принудительного характера в обвинительном приговоре суда; 5) она может иметь не только форму наказания, а и выражаться в осуждении лица условно или с отсрочкой исполнения приговора или сводится только к осуждению лица, совершившего преступление; 6) уголовная ответственность наступает с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда².

Обобщение изложенных выше взглядов ученых по данной проблематике позволило, с соответствующей условностью, учитывая доминирующий признак в понимании этой уголовно-правовой ответственности человека, выделить следующие концепции: 1) уголовно-правовая ответственность – принуждение, государственно-принудительное воздействие, наказание,

¹ Мандриченко Ж.В. Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з примиренням винного з потерпілим. – С. 15-17.

² См.: Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням Міністерства внутрішніх справ України щодо офіційного тлумачення положень частини третьої статті 80 Конституції України (справа про депутатську недоторканність) від 27 жовтня 1999 р. № 9-рз/1999 // Вісник Конституційного Суду України. – 1999. – № 5. – С. 7–13.

правовое состояние наказуемости, санкция, негативные последствия; 2) уголовно-правовая ответственность – правоотношения; 3) уголовно-правовая ответственность – обязанность лица, совершившего преступление; 4) уголовно-правовая ответственность – осуждение, порицание лица, совершившего преступление; 5) уголовно-правовая ответственность – вынужденное претерпение лицом негативных последствий совершенного преступления; 6) уголовно-правовая ответственность – вина; 7) уголовно-правовая ответственность – судимость; 8) синтезированные (интегрированные) концепции.

Обратим внимание при этом на то, что нередко, о чем будет сказано далее, отдельные ученые в разное время, или одновременно и в одной научной работе, выказали свою приверженность к нескольким концепциям, или в своих определениях феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека выделили главный, доминирующий, на их взгляд, ее признак, а вместе с ним еще один или несколько производных от главного признака, принадлежащим к другим концепциям. Вместе с тем сквозь разнообразие взглядов ученых-криминалистов просматривается некое сходство или преимущественность позиций в части методологических подходов к анализу сущности и понятия феномена уголовно-правовой ответственности человека. *Первым* является то, что уголовно-правовая ответственность человека рассматривается как вид ее юридической ответственности. *Второе* – что разумение уголовно-правовой ответственности человека связывают с ее уголовно-противоправным поведением как следствием совершения им преступления. *Третьим* – что оценка этого поведения как правопослушного или уголовно-противоправного осуществляется компетентными органами государства. *Четвертым* – что следствием оценки поведения человека как уголовно-противоправного является применение компетентными органами государства мер воздействия, предусмотренных действующим законодательством. *Пятым* – что сущностью примененных мер воздействия к виновному человеку являются определенные негативные последствия в виде лишений или ограничений личного имущественного или иного характера. *Шестым* – что уголовно-правовую ответственность человека, так или иначе, нужно рассматривать в связи с уголовными правоотношениями.

Безусловно, нельзя возразить убедительными аргументами против того, что негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека является явлением уголовно-правовым – следствием его безответственного противоправного поведения, и что правовой основой оценки его деяния как уголовно-противоправного является действующий УК, а реализация ее на макроуровне происходит в соответствии с действующим уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством.

Проанализируем в общих чертах названные выше восемь концепций разумения понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

Уголовно-правовая ответственность человека – принуждение, государственно-принудительное воздействие, наказание, правовое состояние наказуемости, санкция, негативные последствия (П. П. Андрушко, Ю. В. Баулин, Р. В. Вереша, С. Е. Вицын, Т. М. Головки, В. С. Егоров, В. А. Елеонский, А. Н. Игнатов, М. Н. Каплин, О. А. Кваша, А. В. Кладкова, Т. А. Костарева, А. Н. Костенко, В. Н. Кудрявцев, О. Е. Лейст, И. Л. Марогулова, В. А. Меркулова, Е. Я. Мотовиловкер, С. Ф. Милюков, А. В. Наумов, А. А. Пионтковский, Б. Т. Разгильдиев, А. Б. Сахаров, А. С. Сенцов, Ю. В. Солопанов, Б. А. Тархов, В. Д. Филимонов, В. М. Хомич, А. Ф. Черданцев и др.).

Представители этой концепции разумения понятия сущности и негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека важнейшей характерной особенностью, которая полностью или главным образом отражает именно это понятие, считают принуждение, наказание, санкцию. В частности, В. Н. Кудрявцев подчеркнул, что при любом понимании уголовной ответственности человека ее сущностью, главным элементом является применения наказания¹.

Уголовно-правовой ответственности, как писал А. А. Пионтковский, присуще наказание, являющееся материальным выражением ответственности человека за совершенное преступление².

Е. Я. Мотовиловкер предложил рассматривать уголовно-правовую ответственность человека как его **правовое состояние наказуемости**, которое возникает в момент совершения преступления³.

В. М. Хомич заметил, что «из общих позиций права уголовную ответственность можно определить как основанное на государственном принуждении применение предусмотренной уголовным законом осуждающей штрафной санкции в отношении преступника за совершенное им преступление». Несколько ранее В. М. Хомич писал, что любая юридическая ответственность как ответственность ретроспективная (ответственность за допущенную субъектом безответственность поступка) представляет собой основанное на **правопринуждении** институциональное воздействие на нарушителя средствами, которые **причиняют ему страдание и лишение свободы**⁴.

¹ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – С. 297–298.

² Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. – 1967. – № 12. – С. 42.

³ Мотовиловкер Е.Я. Норма, отношение и ответственность в уголовном праве // Уголовная ответственность: проблемы, содержание, установления, реализации. – Воронеж: ВГУ, 1989. – С. 45.

⁴ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002. – С. 271; Хомич В.М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (концепция и правовая модель института уголовной ответственности: автореф. дисс. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. – Минск: БГУ, 1997. – С. 4.

Относя уголовно-правовую ответственность человека к штрафному типу юридической ответственности, В. М. Хомич подчеркнул, что она не ставит непосредственную цель восстановления социальной справедливости, тем более восстановление нарушенного преступлением правопорядка, поскольку это непомерные для нее задача. Она не может основываться на чувстве *мести* преступнику за причиненное им зло со стороны потерпевшего или его близких, потому что в этом не может быть проявления социальной справедливости, как нет его и в преступлении, совершенном вследствие стечения тяжких жизненных обстоятельств¹.

С. Ф. Милюков рассмотрел уголовно-правовую ответственность человека как системное уголовно-правовое явление, определив ее как *совокупность* урегулированных законом *мер государственного принуждения*, направленных на пресечение совершаемых и предупреждение новых преступлений, прежде всего со стороны лица, совершившего преступление².

Содержанием уголовно-правовой ответственности человека, — как заметил П. П. Андрушко, — которая реализуется или может быть реализована в назначенном или потенциально возможном наказании, *является ограничение прав и свобод лица*, привлеченного к уголовной ответственности³.

Ю. В. Солопанов высказался более прямо: уголовно-правовая ответственность человека — это *особый вид государственного принуждения*, осуществляемого на основании закона и в соответствующих, определенных законом формах. Это принуждение выражается *в причинении виновному определенных лишений личного или имущественного характера, в наказании, в каре* за совершенное преступление, соответствующей тяжести преступления и личности виновного⁴.

По О. Э. Лейсту уголовно-правовая ответственность человека — это применение и реализация санкции как меры принуждения, применяемой органами государства к лицу, виновному в совершении правонарушения⁵.

А. Ф. Черданцев и С. М. Кожевников отождествляют уголовно-правовую ответственность человека с наказанием, утверждая, что они являются синонимами, обозначающими одно и то же явление⁶.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общей ред. А.В. Баркова. — Минск: Тесей, 2003. — С. 139.

² Милюков С.Ф. Система наказаний в механизме реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. — Воронеж: Воронеж. гос. у-тет, 1989. — С. 120.

³ Андрушко П.П. Кримінальна відповідальність: поняття види та диференціація // Про українське право. Число V. — С. 241.

⁴ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. М.П. Журавлева, А.И. Рарога. — М.: Ин-т международного права и экономики, 1996. — С. 24.

⁵ Лейст О.Э. Санкции в советском праве. — С. 38, 94.

⁶ Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». — 1976. — № 5. — С. 43-44.

Проведенное М. Н. Каплиным систематическое толкование норм действующего УК Российской Федерации, позволило ему прийти к заключению, что: «...1) употребляемые в УК термины «уголовная ответственность» и «наказание» являются синонимами; 2) никакие другие уголовно-правовые меры, кроме наказания, не могут составлять содержание уголовной ответственности... Уголовная ответственность есть предусмотренное уголовным законом последствие совершения преступления в виде наказания»¹.

Среди мер принуждения уголовно-правового характера, – утверждает А. В. Наумов, – **главное место**, конечно же, занимает **наказание**, которое и составляет основное содержание уголовно-правовой ответственности человека. Однако уголовная ответственность и наказание являются понятиями, которые не совпадают. Уголовная ответственность возможна как с применением наказания, так и без его применения². Позднее он шире определил это понятие, заметив, что под уголовной ответственностью человека следует понимать **все меры** уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление³.

По мнению А. В. Кладкова, под уголовно-правовой ответственностью человека следует понимать **государственно-принудительное воздействие**, предусмотренное уголовно-правовой нормой и примененное к лицу, совершившему преступление, меры государственно-принудительного воздействия на основании обвинительного приговора суда⁴. Подобно трактует уголовную ответственность И. Л. Марогулова: «под уголовной ответственностью следует понимать **применение** к лицу, совершившему преступление, меры государственно-принудительного воздействия на основании обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу»⁵.

С. Е. Вицын пишет о уголовно-правовой ответственности человека как **право** уполномоченных на то органов, **от имени государства** реализовывать **государственное принуждение** к лицу, совершившему преступление, и соответствующая этому праву **обязанность виновного** в совершении преступления нести по приговору суда наказание⁶.

А. Н. Игнатов и Т. А. Костарева понимают под уголовной ответственностью человека только ответственность лица за совершенное преступ-

¹ Каплин М.Н. Уголовная ответственность // Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – С. 221.

² Российское уголовное право. Общая часть: учебник. – М.: Спарк, 1997. – С. 165–166.

³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 2 т. – Т. 1. Общая часть. – 3-е изд. дополн. и перераб. – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 237.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – С. 68.

⁵ Уголовное право Российской Федерации: учебник. – М.: Былина, 1999. – С. 108.

⁶ Вицын С.Е. О понятии уголовной ответственности // Сборник статей адъюнктов и соискателей. – М.: Изд-во ВШ МООН СССР, 1968. – С. 88.

пление, выражающуюся **в принудительном воздействии** на него со стороны государства **в соответствии** с уголовным законом¹.

Рассматривая уголовно-правовую ответственность человека как сложное межотраслевое явление, С. А. Сенцов пишет, что она характеризуется **единством межотраслевого принудительного воздействия**, приводящего к изменению правового положения лица, совершившего преступление².

Как отмечает В. С. Егоров, «реализация уголовно-правовой ответственности прямо связана с **государственно-правовым принуждением** лица, совершившего преступление, которое проявляется в **частичном или полном лишении** виновного определенных прав и свобод, а также в **существенных ограничениях его правового статуса**»³. Важным элементом уголовно-правовой ответственности, – подчеркнул он, – является применение к осужденному **наказания**, являющегося ее главной составляющей. Именно в нем заложены основные меры государственного принуждения, назначаемые лицу по приговору суда. В содержание каждого наказания входят два обязательных элемента – кара и воспитательное воздействие⁴.

Как и **любое принуждение**, осуществляемое государством, – подчеркнула В. А. Меркулова, – уголовная ответственность (реальная, материальная) выражается в определенных конкретных правах и обязанностях ее субъектов. Эти права и обязанности должны быть реализованы в процессе реализации уголовной ответственности человека, содержанием и сущностью которой является уголовная репрессия⁵.

Нередко ученые-криминалисты в качестве **негативных** последствий отмечают **ограничение прав и свобод** человека, совершившего преступление. Так, Ю. В. Баулин рассматривает уголовную ответственность как «предусмотренное законодателем в Уголовном кодексе **ограничения прав и свобод лица**, совершившего преступление, которое индивидуализируется в обвинительном приговоре суда и осуществляется специальными органами исполнительной власти государства»⁶.

Б. Т. Разгильдиев пишет о принудительной **уголовной ответственности** человека, рассматривая ее как **состояние, основанное**

¹ Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления // Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. Лекция 4. – М.: ИНФРА М-НОРМА, 1996. – С. 10.

² Сенцов А.С. Проблемы реализации уголовной ответственности и правового статуса ее субъектов на предварительном следствии. – С. 136.

³ Егоров В.С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. – С. 183.

⁴ Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Моск. психолого-социальный институт, 2002. – С. 36–38.

⁵ Меркулова В.О. Кримінальна відповідальність: окремі теоретичні та соціально-правові аспекти. – С. 36.

⁶ Баулин Ю.В. Уголовная ответственность: понятие, виды, пределы. – С. 106.

на признании лица, виновно совершившего преступление, предусмотренное уголовным законом, связанное **с ограничением его прав и свобод**¹. Несколько шире, но также с позиции ограничения прав и свободы виновного в совершении преступления, определяет понятие уголовной ответственности В. Д. Филимонов. По его мнению, «...уголовная ответственность человека – это содержащийся в судебном приговоре акт ограничения лиц, совершивших преступления, в таких его правах и свободах, которые вытекают из содержания и размера наказаний или иных мер уголовно-правового характера, назначенных судом за совершение ими преступления»².

Уголовная ответственность человека, по мнению А. Н. Костенко, – это предусмотренные в Уголовном кодексе **последствия**, которые **должны наступать в ответ на совершение преступления**.

Р. В. Вереша также трактует негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека как предусмотренные уголовным законом **негативные последствия**, возлагаемые судом на человека, совершившего преступление, выраженные в самом факте осуждения и большей частью исполнение наказания или осуждение, связанного с назначением наказания. О. А. Кваша понимает под уголовной ответственностью **негативные последствия** в виде **ограничения прав и свобод лица**, совершившего преступление. Эти последствия определяются в судебном приговоре, начинают применяться к лицу только с момента вступления его в законную силу³. В. В. Щербаков пришел к выводу, что уголовная ответственность – это основанный на обвинительном приговоре суда **статус преступника**, выделяющий его из числа законопослушных граждан путем **ограничения его прав, свобод и законных интересов**⁴.

Понимание уголовно-правовой ответственности человека через такой ее признак как **негативные последствия** через призму прав и свобод лица, совершившего преступление, в целом можно признать предметом, заслуживающим специального исследования. Однако, есть возражение относительно употребления при этом термина «**ограничение**». Точнее – только термина «**ограничение**». Думается, что в таких случаях, когда ученые употребляют только этот термин при определении негативных последствий как признаки уголовно-правовой ответственности человека, имеет место явное логическое несогласование как с действующим УК Украины, так и с Конституцией Украины. В действующем УК Украины, относительно наказаний как формы реализации уголовной ответвен-

¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – С. 316.

² Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. – С. 5.

³ Вереша Р.В. Кримінальне право України. Загальна частина: навч. посібник. – К.: Центр учбової літератури, 2008. – С. 145.

⁴ Щербаков В.В. Уголовная ответственность и ее основание: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Саратов: СГУ, 1998. – С. 7.

ности человека, наряду с термином «ограничение» – например, ст.ст. 51, 58, 61, употребляется термин «лишение» – например, ст.ст. 51, 54, 55, 63, 64. Кроме этого, если абстрагироваться от действующего УК Украины, смертная казнь – это ограничение жизни человека или его лишение?

Вместе с тем, среди наказаний, предусмотренных в ст. 55 КК Украины, есть «ограничение свободы», «лишение свободы» и «пожизненное лишение свободы».

Аналогично и в Конституции Украины. Например, в ст. 41 Конституции Украины задекларировано, что никто не может быть **«противоправно лишен права собственности»**, а в ст. 47 – никто не может быть принудительно **«лишен»** жилья иначе как на основании закона и решения суда.

М. Д. Шаргородский относительно наказания в свое время писал, что «наказание по своему смыслу, всегда включает в себя **«лишение»** преступника какого-нибудь блага (жизни, прав, имущества, свободы и т.п.) и, таким образом, наказание, как каждое **«лишение»**, связано со страданием преступника. Именно в этом понимании наказание является карой»¹. В современных условиях наказание, по мнению В. С. Егорова, предусматривает претерпение лицом определенных **«лишений и ограничений»**, применяемых к нему в предусмотренных законом рамках².

С таких же позиций рассматривают наказание и зарубежные ученые, специалисты по уголовному праву. Так, профессор университета в Осло Н. Кристи откровенно и однозначно пишет: «Наказание является причинением зла и, соответственно, это есть **лишение** благ», когда «... речь идет о наказании. Это умышленное причинение страданий. **Система наказаний существует для того, чтобы делать людям неприятности, а не помогать им или лечить их.** И боль причиняется не в интересах того, кто страдает, а в интересах других людей. Если те, кто страдает, становятся лучше, это хорошо»³.

Еще раньше по этому поводу Ф. Лист писал, что **наказание есть зло**, присуждаемое судьей преступнику за преступление, оно **является нарушением юридических благ**. Наказание является нарушением юридического блага, носителем которого является преступник и собствен- но с целью повредить ему в его интересе⁴.

Нужно в связи с этим рассмотреть еще один важный вопрос: речь идет о лишении, или ограничении лишь прав и свобод или также **обязанностей виновного** в совершении преступления? В этой связи следу-

¹ Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. Часть вторая. – М., 1958. – С. 18.

² Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Изд-во Моск. психолог. социолог. ин-т, 2002. – С. 38.

³ Кристи Н. Пределы наказания. – М.: Прогресс, 1985. – С. 45, 127.

⁴ Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. – М.: Типография А.И. Мамонтова, 1903. – С. 274, 277.

ет согласиться с В. С. Егоровым, когда в приведенном выше определении уголовной ответственности он употребляет в этом контексте словосочетание **«правовой статус»**. Например, может ли осужденный к лишению свободы или пожизненному лишению свободы исполнять свои обязанности согласно заключенному им договору, соглашению или контракту? Может ли исполнять свой долг относительно защиты «Отчизны, независимости и территориальной целостности Украины», предусмотренный ст. 55 Конституции Украины.

Не все ученые-криминалисты прошлого и в настоящее время поддерживали приведенное выше крайне пессимистически-негативное отношение к наказанию. В частности, В. Д. Спасович придерживался взгляда, что преступник не всегда может исправиться. На душу человека нельзя действовать механически. Государство заблуждалось бы если бы полагало, что столько-то месяцев заключения в келье, столько-то наставлений и уроков произведут этот результат. Скорее наказание есть испытание преступника в том, может ли он и хочет ли он встать после падения, искупить свою вину и явить себя опять достойным вступления в общежитие. **Наказание не есть и не должно никогда рассматриваться как возмездие (талион) за причиненное преступником зло; наказание не должно быть употребляемо как средство устрашения; наказание не есть средство исправления преступника, поскольку преступник не всегда может быть исправлен; наказание не есть вознаграждение за зло, причиненное преступлением. Наказание есть охранение закона положительного**¹.

Учитывая изложенное выше, есть основания при определении содержания, сущностного признака уголовно-правовой ответственности человека употреблять термины **«лишение»** и **«ограничение»**. Исходя из этого, нуждается в соответствующей коррекции и ч. 1 ст. 50 УК Украины. В этой связи заслуживает внимания ч. 1 ст. 43 УК Российской Федерации, согласно которой «Наказание является мерой государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом **лишении или ограничении** прав и свобод этого лица».

Между прочим, возникает еще один вопрос: лишение **воли**, или лишение **свободы, личной свободы**. Дело в том, что УК Украины ст.ст. 51, 61, 63, 64, изданном на украинском языке, употреблено словосочетание «позбавлення волі» (рос. – «лишение воли»), хотя в издании этого кодекса на русском языке уже имеется словосочетание «лишение свободы». Воля, как известно, категория психическая. Она свойственна **живому человеку. Воли нет только у мертвого человека**. Можно говорить,

¹ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. – Т. 1. – Вып. 1. – Спб.: Типограф. И. Огризко, 1863. – С. 64–66.

что термин «воля» в украинском языке имеет несколько значений, но это не меняет ситуации, поскольку, правоприменителю принадлежит право дискреции – на собственный взгляд определить содержание этого термина. Когда имеет место дискреция правоприменителя, во-первых, пределы уголовно-правового регулирования теряют свою самую важную черту – объективность, четкость, а во-вторых, не исключается наличие угрозы для прав и свобод человека, как на почве возможных ошибок, так и возможных злоупотреблений правом при его применении.

Опять же, относительно прав и свобод человека, совершившего преступление. О чем именно идет речь: о естественных правах и свободах человека, или о конституционных правах и свободах, которые согласно ст. 22 Конституции не являются исчерпывающими, или о **субъективных правах и свободах**, закрепленных в действующем законодательстве. Видимо есть смысл подумать над конкретизацией содержания этого понятия, дабы иметь четкое представление о пределах, объеме возможного лишения и ограничения. Скажем, касается ли это права на необходимую оборону (ст. 27 Конституции Украины, ст. 36 УК Украины), права на свободное развитие своей личности (ст. 23 Конституции Украины), права свободно собирать, сохранять, использовать и распространять информацию (ст. 34 Конституции Украины) и т.п.

В целом следует согласиться с Н. И. Пановим, что трактование уголовно-правовой ответственности только как государственного принуждения – ограничение прав и свобод лица, совершившего преступление (довольно распространенное в литературе), без необходимых оснований суживает это понятие, фактически сводит его только к содержанию санкций и наказанию и не может быть положено в обоснование ряда институтов уголовного права, связанных с институтом уголовной ответственности человека¹.

Уголовно-правовая ответственность человека – правоотношения (С. С. Алексеев, Л. В. Багрий-Шахматов, М. Н. Белов, М. П. Журавлев, Н. И. Загородников, С. Г. Келина, И. Я. Козаченко, А. П. Козлов, В. А. Лукьянов, А. И. Марцев, В. А. Меркулова, П. П. Михайленко, А. С. Молодцов, Е. Ф. Мотовиловкер, Г. В. Назаренко, В. А. Назаренко, П. О. Недбайло, Н. А. Огурцов, В. Г. Смирнов, Н. А. Стручков, Ю. М. Ткачевский, А. А. Чистяков, И. И. Чугуников и др.).

В этом случае также наблюдаются разные подходы ученых к определению содержания правоотношений, составляющих, по их мнению, уголовно-правовую ответственность человека. Так, Ю. М. Ткачевский высказал общее, не детализированное разумение уголовной ответственности человека как правоотношение, возникающее между правонарушителем и государством².

¹ Панов М.І. Кримінальна відповідальність та її підстава // Вісник академії прокуратури України. – 2010. – № 4(20). – С. 47.

² См.: Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 31.

Н. А. Стручков также определил уголовно-правовую ответственность человека как двустороннее отношение: с одной стороны, лица, совершившего преступление, а с другой – государства в лице органов, призванных вести борьбу с преступностью¹. Вместе с этим, по его мнению, с точки зрения содержания, уголовная ответственность человека – это реализация определенных общественных отношений, которые регулируются правовыми нормами трех отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального и исполнительно-трудового. Таким образом, приходит к выводу он, уголовную ответственность человека образует реализация уголовных, уголовно-процессуальных и исполнительно-трудовых правоотношений. При этом определяющую роль играют уголовные правоотношения².

М. И. Бажанов высказался по этому поводу довольно категорически, указав, что уголовная ответственность человека реализуется только через правоотношения – уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и исправительно-трудовые (исполнительные – **В. К.**)³.

Подобное мнение высказал А. П. Козлов, утверждая, что по своей сущности уголовная ответственность может быть определена как совокупность правоотношений, закрепленных в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законах, связанных с общественно опасным поведением личности, ее степенью исправимости, необходимостью восстановить социальную справедливость и социальным осуждением содеянного⁴.

Склонность к изложенному подходу дала возможность Н. А. Огурцову рассматривать уголовно-правовую ответственность человека как межотраслевой институт⁵.

Схожую позицию занимает З. А. Астемиров, связывая реализацию уголовно-правовых отношений с реализацией санкции и с применением наказания через уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные отношения⁶.

Поддерживая высказанные выше взгляды, А. Н. Павлухин и А. А. Чистяков обращают внимание, что характер неблагоприятных последствий для лица, совершившего преступление, определяется

¹ Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – С. 44.

² Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – С. 50; Стручков Н.А. О комплексной разработке проблем уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. – С. 130.

³ Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть. Общая часть. – Днепропетровск: Пороги, 1992. – С. 25.

⁴ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 73.

⁵ Огурцов Н.А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1976. – С. 176.

⁶ Астемиров З.А. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – С. 48.

уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством¹.

В пользу такого понимания негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека высказалась В. А. Меркулова. По ее выводу, сделанному в результате глубокого анализа имеющихся подходов к выяснению сущности и содержания данного понятия, уголовная ответственность – это форма реализации уголовно-правовых отношений на определенном этапе их развития, как правовое последствие совершенного человеком преступления. Отношения уголовной ответственности между государством и лицом, признанным виновным по приговору суда в совершении преступления как «часть (элемент)» более объемных по смыслу уголовно-правовых отношений, – соглашается она с П. В. Коробовым, А. Н. Санталовым и И. С. Ретюнских, – также могут быть реализованы в уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношениях².

Л. В. Багрий-Шахматов высказал еще более широкое толкование этой научной проблемы, подчеркнув, что во всех формах реализации уголовной ответственности человека проявляется именно сущность данного вида правовой ответственности как совокупности разных правоотношений – уголовных, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, а порою **даже и административных**³.

Очевидным является тот факт, что не каждая форма реализации уголовно-правовой ответственности человека опосредствуется уголовно-исполнительными отношениями. Скажем, в тех случаях, когда уголовная ответственность реализуется лишь в форме осуждения без назначения наказания или когда лицо освобождено от наказания или от его отбывания. Хотя потенциальная возможность исполнения наказания производит известное психологическое воздействие на осужденного. Например, при освобождении от наказания и его отбывания.

В пользу широкого разумения уголовно-правовой ответственности человека как совокупности уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений высказались также и иные авторы⁴. В частности, А. И. Марцев определил, что «уголовная ответственность есть **совокупность** уголовных, уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых правоотношений, в которых одна сторона – государство в лице представительных органов, – осуществляет свое право,

¹ Павлухин А.Н., Чистяков А.А. Уголовная ответственность как научная категория российской правовой доктрины. – С. 73.

² Меркулова О.В. Кримінальна відповідальність: окремі теоретичні та соціально правові аспекти. – С. 37.

³ Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации. – С. 33.

⁴ Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. – Омск: Изд-во ОГУ, 1973. – С. 23; Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – С. 48.

возлагает на лицо, совершившее преступление, **тяготы и лишения**, содержащиеся в уголовном наказании, а другая сторона – правонарушитель, – **выполняя тяготы, несет эти отягощения и лишения»**¹.

А. А. Дудоров и В. И. Осадчий придерживаются мнения, что уголовно-правовая ответственность человека определяется через специфические уголовно-правовые отношения (возникают с момента совершения преступления между государством и лицом, совершившего преступление) или **через совокупность** уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений².

М. П. Журавлев отрицая, этот научный подход, считает, что в содержание уголовно-правовой ответственности человека не следует включать уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные отношения. Уголовно-процессуальные отношения являются формой установления уголовных правоотношений, а уголовно-исполнительные правоотношения являются формой реализации уголовных правоотношений³.

Н. И. Загородников полагает, что уголовная ответственность человека является сущностью, содержанием уголовно-правовых отношений, процессом реализации норм уголовного закона, прав и обязанностей, которые возникают впоследствии возникновения уголовного правоотношения⁴.

И. И. Чугуников рассматривает негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека как **вид охранительных уголовных** правоотношений, реализация которых возможна в формах, предусмотренных УК Украины⁵.

В целом, – как отмечает Г. В. Назаренко, – уголовная ответственность человека представляет собой правовое отношение, в котором государство применяет принуждение, а лицо, совершившее преступление, несет обязанность отвечать за совершенное. Содержание уголовной ответственности, таким образом, составляют права и обязанности сторон: **государство имеет право** применять к субъекту преступления меры принудительного воздействия и **обязано** сделать это в пределах, предусмотренных уголовным законом; лицо, совершившее преступление, обязано подвер-

¹ Марцев А.И. Уголовная ответственность и предупреждение преступлений. Избранные труды. – Омск: Омская академия МВД России, 2005. – С. 19.

² Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник / За ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. 5-е вид. перероб. і допов. – К.: Атіка, 2009. – С. 66.

³ Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. – М.: Юриспруденция, 1999. – С. 56.

⁴ Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений // Сов. госуд. и право. – 1963. – № 11. – С. 85–86.

⁵ Чугуников І.І. Правовідносини та форми їх реалізації у кримінальному праві України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец.: 12.00.08 «Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право» / Одеська національна юридична академія. – О., 2001. – С. 8.

гнуться принудительному воздействию со стороны государства, и имеет право понести ответственность только в пределах, предусмотренных законом¹. Думается, что в правовом отношении, в представленном Г. В. Назаренко, не указаны все субъекты охранительного уголовного правоотношения. В частности, потерпевший, адвокат и т.п. Поэтому есть все основания говорить не о правоотношениях, а о правоотношении и соответственно, о правах и обязанностях их субъектов. Кроме того, нельзя забывать, что в реализации уголовно-правовой ответственности принимает участие не только уголовный закон, но и уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный.

В. А. Лукьянов прямо пишет, что уголовная ответственность человека – это **правоотношение**, субъектами которого является государство в лице уполномоченных органов и потерпевший, а объектом – лицо, совершившее преступление, в рамках которого пострадавший реализует свои права на восстановление нарушенных законных прав; уполномоченные государственные органы осуществляют осуждение преступного деяния и лица их совершившего, а при необходимости ограничивают его правовой статус; виновный вынужденно перетерпевает возложенные на него лишения и ограничения, а также принимает необходимые меры к восстановлению нарушенных прав потерпевшего².

В юридической литературе существует распространенное мнение, что уголовно-правовой ответственностью человека, как вида социальной ответственности, является система взаимных прав и обязанностей между уголовно-ответственными субъектами и государством. Связь субъектов, урегулированная нормами уголовного права, уголовно-правовая доктрина называется уголовно-правовыми отношениями³.

Материальное содержание уголовно-правовых отношений составляют поведение, деятельность субъектов правовых отношений, а юридическую форму образуют права и обязанности субъектов⁴.

Уголовная ответственность человека, по определению С. Г. Келиной, **является частью** уголовно-правовых отношений. Она возникает вместе с правоотношениями, **является элементом их содержания** и воплощается в том, что лицо, совершившее преступление, фактически **подвергается определенным ограничениям, лишениям**, которые

¹ Назаренко Г.В. Русское уголовное право: курс лекций. – М.: Изд-во «Ось-89», 2000. – С. 49.

² Лукьянов В.А. Ответственность: философские и уголовно-правовые аспекты: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1999. – С. 22.

³ См., например: Сперанский В.И. Социальная ответственность личности, сущность и особенности формирования. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 27; Ореховский А.И. Ответственность и ее социальная природа. Методологический аспект. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 32.

⁴ Огурцов Н.А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. – С. 18.

применяются органами государства, от имени государства, в рамках уголовно-правовых отношений¹.

А. А. Чистяков также отмечает, что уголовная ответственность человека возникает и существует только в рамках уголовно-правового отношения, *является его частью*. Вне рамок уголовно-правового отношения уголовная ответственность не возникает, и существовать не может².

М. Н. Белов утверждает, что уголовная ответственность человека является *основным содержанием* уголовных правоотношений, суть которой состоит в применении правоохранительными органами государственного воздействия, предусмотренного уголовной и уголовно-процессуальной нормой к лицу, совершившему преступление, и *претерпение им лишений* государственно-властного характера за совершенное преступление³. По всей видимости, из поля зрения автора выпал уголовно-исполнительный аспект как составляющая уголовных правоотношений.

Через призму прав и обязанностей субъектов уголовного правоотношения рассматривает уголовную ответственность человека М. П. Журавлев. Он пишет, что уголовно-правовую ответственность можно определить как реализацию прав и обязанностей субъектов уголовных правоотношений, то есть государства в лице ее органов, с одной стороны, и лица, совершившего преступление, – с иной стороны⁴.

И. Я. Козаченко рассматривает негативную (ретроспективную) уголовно-правовую ответственность человека как *специфическое правоотношение*, возникающее с момента совершения преступления, в рамках которого, на основании закона, уполномоченный на это государственный орган порицает (*осуждает*) преступное деяние, а равно и человека, его совершившего, *ограничивает его правовой статус и возлагает* на него *обязанность вынужденно претерпеть лишения личного или имущественного характера* исключительно *с целью* восстановления нарушенных законных прав потерпевшего и позитивной ресоциализации сознания и поведения виновного⁵. Как видим, сквозь громоздкость приведенного определения уголовно-правовой ответственности просматривается старание автора объединить «под шапкой» специфического правоотношения и другие концептуальные черты уголовной ответственности человека.

Такой же подход прослеживается и у И. В. Красницкого, констатирующего, что уголовно-правовая ответственность человека – это ре-

¹ Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Наука, 1974. – С. 25–26.

² Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – С. 82.

³ Белов М.Н. Правоотношения в уголовном праве: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002. – С. 10.

⁴ Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Масимова. – М.: Юриспруденция, 1999. – С. 56.

⁵ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. – С. 98.

гламентированная уголовным законом *одна из форм* реализации охранительных *уголовно-правовых отношений*, которая состоит, с одной стороны, *в осуждении* судом от имени государства совершенного деяния и лица, совершившего, соединенному, как правило, *с назначением ему наказания*, а в определенных случаях также и в исполнении назначенного наказания и (или) обеспечении иных установленных приговором суда лишений и ограничений, которые не являются наказанием, и *судимости*, а с другой – *в вынужденном их претерпении* осужденным. Таким образом, структурно уголовно-правовая ответственность человека, исходя из его мнения, по действующему УК Украины содержит лишь один обязательный элемент: *осуждение* судом от имени государства совершенного деяния и лица, его совершившего, и пять факультативных – назначение наказания, угрозу исполнения (отбывания) наказания; исполнение (отбывание) наказания; лишения и ограничения, конкретизированные приговором суда, которые не являются наказанием; судимость. Вместе с этим он соглашается, что это понятие можно определить в более общем виде, а именно: понятие уголовно-правовой ответственности человека можно определить как одну из форм реализации охранительных уголовно-правовых отношений, которая состоит в применении от имени государства к лицу, виновному в совершении преступления, предусмотренных уголовным законом ограничений, и в вынужденном их претерпении осужденным¹.

Анализируя приведенный подход, нельзя не обратить внимание на определенную громоздкость первого, предложенного И. В. Красницким определения уголовно-правовой ответственности человека. Во втором, более суженном определении уголовно-правовой ответственности человека, речь идет лишь об ограничениях, предусмотренных уголовным законом, тогда как в более широком определении просматриваются ограничения, предусмотренные и уголовно-процессуальным, и уголовно-исполнительным законодательством. Снова же, ничего не сказано о лишении виновного определенных благ.

С таких же позиций рассматривал негативную (ретроспективную) уголовно-правовую ответственность человека и П. П. Михайленко, считая, что она представляет собой правоотношение, возникающее в каждом случае совершения преступления, одной из сторон которого является установленная законом обязанность правоохранительных органов быстро выявить, изоблачить преступника и подвергнуть его по приговору суда справедливому наказанию, а второй стороной – обязанность лица, изобличенного в совершении преступления, выполнять все законные требования правоохранительных органов в процессе расследования дела и судебного разбирательства и подчиниться тем *лишениям и ограниче-*

¹ Красницкий І.В. Кримінальна відповідальність та її підстави // Кримінальне право України. Загальна частина / за ред. О.М. Бандурки. – Х.: Вид-во ХНУВС, 2011. – С. 53.

ниям, которые связаны с исполнением назначенного ему судом уголовного наказания¹.

Есть все основания согласиться с А. Н. Павлухиным и А. А. Чистяковым (за исключением трактования уголовной ответственности человека как обязанности) в том, что уголовная ответственность человека является разновидностью специфического уголовно-правового отношения (отношений)², и в то же время нет оснований для отождествления этих понятий по следующим соображениям. **Первое**, по своему объему уголовно-правовое отношение (отношения) шире, чем уголовно-правовая ответственность человека. Уголовно-правовая ответственность человека осуществляется в рамках уголовно-правовых отношений, но не наоборот. В определенных случаях между государством и лицом могут возникать отношения, урегулированные нормами уголовного права, и не признавать их уголовно-правовыми не представляется возможным (например, отношения, которые возникают между государством и лицом, совершившим преступление в состоянии невменяемости или лицом, которое стало невменяемым после его совершения или отношения между государством и таким лицом, которое до совершения преступления не достигло установленного законом возраста уголовно-правовой ответственности). Однако уголовно-правовая ответственность человека в рамках этих уголовных отношений отсутствует. **Второе**, если в содержание уголовно-правовых отношений входит деятельность субъектов (права и обязанности субъектов – статика, деятельность – динамика правовых отношений), то в содержание уголовно-правовой ответственности человека эта деятельность не входит. **Третье**, уголовно-правовыми отношениями охватывается все органическое единство прав и обязанностей субъектов, которые возникают между ними по поводу определенного предмета отношений. Еще Г. В. Ф. Гегель подчеркивал это органическое единство, утверждая, что если бы у одной стороны были все права, а у другой – все обязанности, то целое распалось бы, так как только тождество есть та основа, которую здесь следует иметь в виду.³

Предметом уголовно-правовых отношений, исходя из обстоятельств дела, выступают: 1) человек (люди); 2) материальные блага; 3) нематериальные блага, которым преступным посягательством виновного причинен существенный вред, или которым создана угроза причинения такого вреда. Относительно физического лица, то это непосредственно проявляется в нарушении его прав и свобод. Объем прав и обязанностей субъектов уголовно-правовых отношений зависит от их количества. Преимущественно субъектами уголовно-правовых отноше-

¹ Михайленко П.П. Уголовное право Украины. Общая часть. – К.: МВД Украины, 1995. – С. 15–16.

² Павлухин А.Н., Чистяков А.А. Уголовная ответственность как научная категория российской правовой доктрины. – С. 75.

³ Антология мировой правовой мысли. – Т. 3. Европа. Америка. XVII–XX вв. – С. 340.

ний являются: потерпевший, государство в лице компетентных органов и виновный в совершении преступления. В иных случаях – государство в лице компетентных органов и виновный в совершении преступления. Наиболее существенные права потерпевшего: право требовать от государства уголовно-правового реагирования на совершенное преступление; право требовать от виновного в совершении преступления возместить или компенсировать причиненный вред; право иметь защитника или законного представителя; право принимать, согласно закону, участие в расследовании и рассмотрении в суде уголовного дела относительно совершенного против него преступления; право обжаловать решение, постановление или приговор, которые касаются расследования или рассмотрения уголовного дела в суде о совершенном относительно него преступлении; право не выполнять явно незаконные требования представителя компетентного органа государства. Вместе с тем, он должен выполнять, в частности, такие **обязанности**: не совершать никаких незаконных действий относительно виновного в совершении против него преступления; содействовать компетентным органам государства в расследовании и рассмотрении в суде уголовного дела относительно совершенного против него преступления; не разглашать сведений, которые касаются уголовного дела и которые согласно закону не запрещено разглашать. Компетентный орган демократического государства имеет, в частности, такие права: осуществить в соответствии с законом уголовно-правовое преследование лица, совершившего преступление – возбудить уголовное дело против него; право совершать, исходя из обстоятельств дела, необходимые процессуальные деяния по расследованию уголовного дела и его рассмотрения в суде; применить относительно виновного соответствующую форму реализации уголовно-правовой ответственности; исполнить наказание, назначенное судом; применить предусмотренные законодательством меры, связанные с наличием судимости. Компетентный орган демократического государства, в частности, обязан: принять предусмотренные законом меры по привлечению виновного в совершении преступления к уголовной ответственности; обеспечить соблюдение предусмотренных законом прав потерпевшего и виновного в совершении преступления; информировать общественность о состоянии расследования уголовного дела: относительно совершенного против потерпевшего преступления; обеспечить общественный порядок при рассмотрении дела в суде; исполнить приговор суда относительно виновного в совершении преступления согласно действующему законодательству.

Виновный в совершении преступления имеет, в частности, такие права: требовать чтобы его привлечение к уголовной ответственности и рассмотрение дела в суде происходили согласно действующему законодательству; иметь защитника или представителя; присутствовать при рассмотрении его дела в суде; возместить или компенсировать потерпевшему причиненный ему вред; требовать исполнения приговора суда относи-

тельно него согласно закону; не исполнять явно незаконные требования компетентного органа государства; подавать жалобу на незаконные деяния компетентных органов государства относительно него; обжаловать приговор суда, другие деяния компетентных органов государства; обратиться в установленном законом порядке с ходатайством о помиловании. Виновный в совершении преступления, в частности, обязан: выполнять законные требования компетентных органов государства в связи с совершением им преступления; выполнять постановления, решение, приговор суда относительно него в связи с совершением преступления; в случае назначения наказания в виде лишения свободы – отбывать назначенное ему наказание.

Необходимо заметить, что в юридической литературе нет единства взглядов о соотношении уголовной ответственности и уголовных правоотношений. На это обстоятельство обратил внимание А. П. Козлов, указав, что одна группа авторов (Н. И. Загородников, В. К. Дуюнов и др.) считает, что уголовная ответственность охватывает собой все уголовные правоотношения, а другая группа ученых (А. Н. Игнатов, И. А. Лесниченко, Ю. Е. Пудовочкин, В. А. Номоконов и др.) признают уголовную ответственность и уголовные правоотношения несовпадающими понятиями. Сам же А. П. Козлов полностью согласен с тем, что уголовное правоотношение – понятие более широкого объема, которое распространяется на все содержание уголовной ответственности, на все формы реализации уголовной ответственности, на все меры уголовно-правового характера¹.

Уголовно-правовая ответственность человека – обязанность лица, совершившего преступление (Л. В. Багрий-Шахматов, М. И. Бажанов, Я. М. Брайнин, Т. А. Гончар, А. Н. Игнатов, М. П. Карпушин, М. Й. Коржанский, П. В. Коробов, В. И. Курляндский, М. И. Ковалев, Н. С. Лейкина, П. С. Матишевский, И. И. Митрофанов, В. А. Номоконов, О. Н. Омельчук, В. И. Осадчий, А. Н. Павлухин, А. А. Пинаев, А. А. Пионтковский, Б. С. Утевский, П. Л. Фрис, А. А. Чистяков, М. Д. Шаргородский, М. А. Шнайдер, и др.).

Концепция обязанности преступника понести наказание, которое является персонализированным и таким, что отвечает тяжести преступления, как утверждает Т. Вуде, опирается на доктрину искупления Ангельма Кентерберийского².

Б. С. Утевский, не определяя самого понятия уголовно-правовой ответственности человека, констатировал, что она основана **на обязанностях** не нарушать под угрозой наказания правил поведения, установленных государством и направленных на охрану наиболее важных интересов государства и граждан³.

¹ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 73-74.

² Вовк Д.О. Співвідношення права і релігії у християнській правовій традиції: стан постсекуляризації // Вісник Академії правових наук України. – 2010. – № 4 (63). – С. 58.

³ Утевский Б.С. Уголовное право. – М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1950. – С. 44.

М. А. Шнейдер также писал об уголовной ответственности человека как о его обязанности, вытекающей из уголовного закона, дать отчет перед судом о своих общественно опасных деяниях и понести заслуженное **осуждение и наказание** в случае виновного причинения вреда¹.

Несколько иначе подошел к определению негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека И. И. Митрофанов, пришедший к выводу, что уголовная ответственность – это вид юридической ответственности, состоящий в **обязанности** лица, совершившего преступление, дать отчет о совершенном, реализующейся специальными органами государства с помощью уголовно-правовых средств воздействия, вид и объем которых четко определены обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу»².

А. А. Пионтковский заметил, что уголовная ответственность, как и каждая правовая ответственность, является, прежде всего **обязанность** отвечать за совершенное преступление, то есть обязанность нести за совершенное преступление определенный личный или имущественный ущерб, указанный в санкции соответствующей статьи уголовного закона. Каждая конкретная правовая обязанность лица **может существовать лишь в правоотношении**, а это означает, что ему всегда отвечает право других лиц или учреждений требовать ее исполнения³.

Н. С. Лейкина утверждала, что уголовная ответственность человека – обязанность правонарушителя подвергнуться соответствующим мерам, которые применяются к нему государством в связи с неисполнением им своей социальной роли относительно соблюдения общественного правопорядка⁴.

М. Д. Шаргородский понимал уголовную ответственность человека как **обязанность лица**, совершившего преступление, претерпеть наказание, заключающееся в **лишении личного или имущественного характера**, порицающее его за совершенное преступление и имеющее своей целью его исправление и перевоспитание, а также предупреждение совершения новых преступлений как им, так и иными лицами⁵.

В. А. Номоконов, как уже отмечалось, различая понятие «ответственность в уголовном праве» и «уголовная ответственность», пишет, что уголовная ответственность человека представляет собой **обязанность** лица, виновного в совершении преступления, **подвергнуться** за это **наказанию** или **иным мерам** уголовно-правового воздействия⁶.

¹ Шнейдер М.А. Учебно-методическое письмо по советскому уголовному праву для студентов ВЮЗИ. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1950. – С. 37.

² Митрофанов І.І. Теоретичні проблеми механізму реалізації кримінальної відповідальності. – С. 52–53.

³ Пионтковский А.А. Уголовная ответственность и наказание // Курс советского уголовного права: в 6 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1970. – С. 7–8.

⁴ Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – С. 24–25.

⁵ Шаргородский М.Д. Избранные труды. / сост. и предис. докт. юрид. наук, проф. Волженкин Б. В. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2004. – С.191-192.

⁶ Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание. – С. 519.

Уголовно-правовую ответственность человека как **обязанность** виновного претерпеть меры государственно-принудительного воздействия, то есть подвергнуться наказанию за совершенное преступление, рассматривает М. И. Ковалев¹.

А. А. Чистяков под уголовно-правовой ответственностью человека понимает **обязанность** лица, совершившего деяние, содержащее все признаки состава преступления, претерпеть неблагоприятные для него последствия в виде мер уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного характера, предусмотренных законом, **применяемых специально на то уполномоченными органами**². Определенное А. А. Чистяковым в этом случае понятие уголовной ответственности человека перекликается со сделанным значительно раньше выводом Я. М. Брайнина о том, что уголовной ответственностью человека является основанная на нормах уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона при наличии в действиях виновного предусмотренного этим законом состава преступления³.

А. А. Чистяковым, совместно с А. Н. Павлухиным, годом позднее было обнародовано в несколько иное понимание понятия уголовной ответственности человека: «...обязанность лица, совершившего деяние, содержащее все признаки состава преступления, претерпеть неблагоприятные для него последствия в виде мер уголовно-правового характера, предусмотренных законом, применяемых специально на это уполномоченными органами»⁴.

По мнению В. И. Курляндского, уголовная ответственность человека является обязанность лица, совершившего преступление, ответить за него перед государством в установленном процессуальном порядке и понести по приговору суда уголовное наказание⁵.

Как считает П. В. Коробов, «...уголовная ответственность представляет собой закрепленную в источниках уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться осуждению, наказанию и судимости. Она является частью содержания уголовного правоотношения»⁶.

¹ Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. – С. 121.

² Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – С. 52, 82.

³ Брайнин П.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. – С. 25.

⁴ Павлухин А.Н., Чистяков А.А. Уголовная ответственность как научная категория российской правовой доктрины. – С. 43.

⁵ Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. – С. 33–34.

⁶ Коробов П.В. Момент прекращения уголовной ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 2001. – № 3.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/korobov%282-06-05%29.htm

Другие авторы, рассматривая уголовную ответственность человека как **обязанность**, расширяют его содержательную часть, утверждая при этом, что виновный обязан подвергнуться **не только наказанию**, но и мерам уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного воздействия. Понятно, что такая обязанность при названном подходе реализуется в пределах уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений через деятельность компетентных государственных органов¹.

М. И. Бажанов пришел к выводу, что уголовная ответственность человека как обязанность **имеет две стороны**: а) обязанность нести ответ за свои деяния и б) обязанность **претерпеть определенные лишения**, ограничения претерпеть принудительное воздействие уголовного закона. При этом, отмечал он, первая обязанность характеризует субъективную сторону уголовной ответственности человека, а вторая обязанность – ее объективную сторону. Уголовная ответственность человека реализуется через уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные отношения².

Ряд авторов утверждают, что уголовная ответственность человека как **правовое состояние** – это **обязанность** лица дать ответ перед государством в лице его правомочных органов за совершенное преступление³.

Более детализированным по смыслу является определение уголовной ответственности человека П. Л. Фриса, констатирующего, что она – возложенная на лицо государством или обществом или же принятая лицом на себя самостоятельно **обязанность** при нарушении уголовно-правовых норм дать ответ за свое поведение компетентным органам и принять меры принуждения (наказания), адекватные степени общественной опасности совершенного преступления⁴.

В. И. Осадчий также высказался в поддержку концепции «уголовная ответственность – обязанность», утверждая, что она представляет собой **обязанность** лица, возложенная на него уголовным законом, не совершать преступлений.⁵

П. С. Матышевский рассматривал уголовную ответственность человека как **правовую обязанность** лица, совершившего преступление, под-

¹ См., например: Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. – Минск: Высшая школа, 1976. – С. 27–28; Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание. – С. 521.

² Бажанов М.И. Уголовное право Украины.– С. 24–25.

³ Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Лунев В.В., Никулин С.И. Уголовное право – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – С. 22.

⁴ Фріс П.Л. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для студентів вищих навчальних закладів. – 2-ге видання, доп. і переробл. – К.: Атіка, 2009. – С. 111.

⁵ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / відп. ред. Кондратьєв Я.Ю. – С. 72.

чиниться мерам государственного воздействия и быть наказанным¹. А. Н. Игнатов также рассматривает уголовную ответственность как **юридическую обязанность** лица, совершившего преступление, держать ответ за совершенное перед государством и **претерпевать определенные лишения и ограничения** прав, предусмотренных законом².

М. И. Коржанский полагал, что ответственным может быть лишь **юридически обязанное** лицо. Поэтому уголовную ответственность человека он определял как установленную уголовным законом **юридическую обязанность** лица дать отчет перед судом о своем общественно опасном деянии и понести за него предусмотренные законом осуждение и наказание³ или же как обязанность каждого лица, совершившего предусмотренное Уголовным законом преступление, дать публичный отчет о своем преступном поведении и претерпеть назначенное судом наказание⁴.

По мнению А. А. Пинаева, уголовная ответственность человека – это **обязанность** лица, совершившего преступление, отвечать перед государством и претерпевать определенные лишения личностного или имущественного характера, связанные с назначенным ему наказанием⁵. Подобным образом высказался О. Н. Омельчук, заметив, что уголовная ответственность человека состоит в **правовой обязанности** лица, совершившего преступление, подвергнуться государственному осуждению в виде **лишений и ограничений личностного, имущественного или иного характера (наказания)**, которые возлагаются на виновного специально уполномоченными органами государства⁶.

Необходимо обратить внимание, что в уголовно-правовой литературе данная концепция была подвергнута критике. Указывалось, что категория «обязанность» является субъективной, и потому не охватывает объективного аспекта, независимо от психического отношения к нему субъекта, на которого она возложена. Кроме этого, А. С. Молодцов заметил, что при определении понятия негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека через обязанность допускается смешивание юридического аспекта уголовной ответственности человека с этическим, а

¹ Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник. – К.: Юрінком Інтер, 2000. – С. 57.

² Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. – Т. 1. Общая часть / отв. ред. и рук. авт. кол. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – С. 76.

³ Коржанський М.Й. Презумпція невинуватості і презумпція вини: монографія. – К.: Атіка, 2004. – С. 122.

⁴ Коржанський М.Й. Уголовний закон України (наукова модель): монографія. – Дніпропетровськ: Юридична академія МВС, 2004. – С. 23.

⁵ Пинаев А.А. Курс лекций по Общей части уголовного права. Книга первая «О преступлении». – Харьков: Юридический Харьков, 2001. – С. 49.

⁶ Кримінальне право України: навч. посібник / за ред. О.М. Омельчука. – К.: Наукова думка, 2004. – С. 10.

сама обязанность человека как субъекта ответственности – еще не является ответственностью¹.

Негативное отношение к концепции «уголовная ответственность – обязанность» высказал и О. Э. Лейст: «Поскольку юридической обязанностью называется предписанная правом необходимость определенного поведения, обеспеченная соответствующими санкциями, – подчеркнул он, – об уголовно-правовом отношении можно было бы говорить, если существовал бы закон, обязывающий лицо, совершившее преступление, в определенный срок **обратиться в правоохранительные органы** для назначения ему наказания. Но даже и такой закон не создал бы уголовно-правового отношения в том виде, как оно обычно конструируется, поскольку **«подвергнуться (подвергнуть себя?) наказанию» преступник** неспособен, а содержанием обязанности не могут быть действия невозможные, от воли и сознания обязанного лица не зависящие»².

Подвергнув критике рассматриваемую концепцию, И. С. Ретюнских подчеркнул, что уголовная ответственность человека не может отождествляться с элементом уголовного правоотношения, каковым является обязанность лица понести лишения за совершенное преступление. Нельзя отождествлять уголовную ответственность человека с уголовным правоотношением, поскольку уголовное правоотношение значительно шире по объему правоотношения, составляющего уголовную ответственность³.

К приведенному выше можно добавить, что «обязанность отвечать» и «ответственность» не являются тождественными. Кроме того, содержанием уголовно-правовой ответственности человека является не только обязанность (обязанности), но и право (права), поскольку уголовная ответственность человека является сложным уголовно-правовым явлением, охранительными уголовно-правовыми отношениями – с иной стороны. В частности, право компетентного органа государства задержать лицо, совершившее преступление, привлечь к уголовно-правовой ответственности. Право потерпевшего или иных лиц на необходимую оборону, на задержание преступника, право работников правоохранительных органов применять согласно закону специальные средства, право лица, совершившего преступление, на привлечение его к уголовно-правовой ответственности согласно закону и т.п.

По большому счету, исходя из либеральных демократических, а не тоталитарных установок, человек **субъективно никому и ничего не**

¹ Молодцов А.С. Уголовная ответственность: понятие, дифференциация// Реализация уголовной ответственности: материально-правовые и процессуальные аспекты. – Самара, 1992. – С. 48.

² Проблемы теории государства и права: учебное пособие / под ред. М.Н. Марченко. – С. 645.

³ Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация по советскому законодательству // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. – Воронеж: ВГУ, 1989. – С. 113.

обязан – такой антропологический принцип разумения человека как наивысшей социальной ценности. Другие субъекты общественных отношений (государство, политические структуры, социальные объединения граждан, отдельные граждане) *могут считать*, что он что-то кому-то обязан (объективно, извне). Лишь тогда, когда человек, через механизм разума, совести, свободы воли и необходимости, силы воли придет *к заключению*, что он **обязан**, то можно так говорить. **Объективное** обязательство – это дорога с односторонним движением – *к принуждению, к насилию, к расправе над людьми*. Это дорога в никуда, из которого нет выхода. Ныне, как известно, эти средства, методы не признаются демократическими государствами приоритетными в регулировании общественных отношений. Они являются (должны быть) *средствами крайней необходимости (ultima ratio)* и применяются только в тех случаях, когда другие общественные средства не дали, не дают или не могут дать позитивного, просоциального результата в регулировании общественных отношений. Является очевидным тот факт, что применение уголовно-правовых средств, в регулировании общественных отношений, необходимо ограничить и постепенно сузить, имея в виду те ситуации, когда они применяются без крайней необходимости. Важным шагом на этом пути может стать реализация обоснованного предложения Н. И. Хавронюка относительно процедуры принятия УК и изменений в него *квалифицированным* большинством голосов народных депутатов Верховной Рады Украины. Понятно, что это требует внесения соответствующих изменений в действующую Конституцию Украины¹.

Очевидно, если быть не предубежденным, то нужно учитывать, что совершенное человеком преступление имеет сложную социальную детерминацию. Оно, как правило, является двояким продуктом: человека и общества. Человека – в силу его несовершенства как биологического вида, его вины, недостаточных усилий в плане определения своего достойного места в системе общественных отношений, небрежности относительно собственной безопасности в социально-правомерном поле и т.п. Общество также частично причастно к совершенному лицом преступлению – отсутствие четкого механизма обеспечения «включения» каждого человека в систему позитивных общественных отношений с целью создания надлежащих условий для реализации его прав и свобод в правомерном поле, недостатки морально-правового и патриотического воспитания, образования, культурно-воспитательного работы, слабость социального механизма контроля за общественно значимым поведением лица и обеспечение ответственности за нарушения социальных норм и т.п. Каковы же пропорции вины человека и общества относительно совершения конкретного

¹ Хавронюк М.І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора юрид. наук. – К.: КНУВС, 2007. – С. 21.

преступления? Именно так ставится вопрос в специальной юридической литературе¹.

Мир права чрезвычайно многогранен в своих бытийных проявлениях. Деонтологический мир права, – заметил М. М. Цымбалюк, – хотя и формируется под воздействием многочисленных субъективно-ценностных факторов, однако эффективность реализации правовых идей является пропорциональной мере их адекватности действительному характеру общественного правоотношения и целесообразности в плане нивелирования зазора между реальным и надлежащим². Исходя из этого на государстве демократического направления лежит обязанность оптимально и рационально определять пределы надлежащего поведения человека, соотнося свои государственно-волевые предписания с имеющейся субъективно-объективной общественной ситуацией.

Более сложным, можно сказать ювелирным подходом, является формирование у человека внутреннего механизма ответственности, основанного на добродетелях. Ретроспективный анализ философской мысли от античности до современности позволил представить в обобщенном виде, в частности, следующие добродетели человека: бережливость, воздержание, гуманность, доброжелательность, душевная сила (сила воли), искренность, любовь, милосердие, моральная твердость, мудрость, мужество, порядочность, разум, решительность, скромность, следование человека добру, спокойствие, справедливость, стремление к всеобщему счастью, трудолюбие, чистота, целомудрие, ответственное поведение, видение его в просоциальном русле.

Деятельность демократических государственных и негосударственных структур в этом направлении нуждается в своем глубоком и всеобъемлющем научном обеспечении. Краеугольным камнем ее организации, обеспечения осуществления должны стать закономерности как антисоциального, противоправного, так и просоциального, правопослушного поведения человека. При достижении режима гармонического объединения внутреннего и внешнего обязательства, сузится сфера принуждения, насилия, расправы над людьми, а так, и сфера применения негативной (ретроспективной) уголовной ответственности. Формируется качественно новая модель уголовно-правового регулирования общественных отношений. Ученые, особенно зарубежные, отмечают пути, которые ведут, или могут привести к этой модели. Так, профессор университета в Осло Н. Кристи выделил пять обстоятельств, которые по его мнению, могли бы привести к ограничению применения такого вида наказания как лишения свободы: «1. В обществе, где население пользуется благами расширяющейся сферы

¹ Астемиров З.А. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – С. 18, 35, 38; Закалюк А.П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика: у 3 кн. – Кн.1. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре». 2007. – С. 198, 212, 219, 220.

² Цимбалюк М.М. Онтологія правосвідомості: теорія та реальність: монографія. – С. 85.

досуга, тюремное заключение будет представляться все большим злом, его карательное воздействие, его цена будут резко увеличиваться и, следовательно, к нему будут реже прибегать как к средству искупления преступления. 2. Все будут обеспечены минимумом материальных благ и этот минимум будет постоянно увеличиваться. Лишение этих благ – посредством штрафа или конфискации – станет более приемлемым видом наказания, чем теперь, когда у многих единая есть вещь, которую можно отнять, – это время. 3. В век электроники появится возможность осуществлять эффективный контроль за осужденными преступниками, находящимися вне тюрем. Более дешевыми, более простыми и, по мнению многих, более гуманными, заменителями тюремных стен – станут радиопередатчики, прикрепленные к осужденным, радиолокаторы, телефонные аппараты, снабженные устройствами для распознавания голоса и т.п. Контроль за тем, чтобы преступник находился после осуждения в строго определенном районе, будет настолько действенным, что можно будет обойтись без тюремного заключения. 4. Государство всеобщего благоденствия сможет в будущем, не прибегая к использованию тюрем, оказывать более эффективную помощь тем, кто создает трудности и причиняет беспокойство общине. 5. Изучение результатов пребывания в заключении покажет, как мало оснований надеяться на то, что день пребывания в тюрьме может иметь еще какой-либо эффект, кроме чисто карательного»¹. Прошло не так много времени и часть из названных обстоятельств Н. Кристи реализуется. В частности, во многих государствах имеет место внедрение электронных браслетов для контроля за осужденными отдельных категорий.

Уголовно-правовая ответственность человека – осуждение, порицание лица, совершившего преступление (С. А. Велиев, Т. Г. Даурова, Ю. А. Демидов, А. И. Экимов, Г. Г. Криволапов, Н. М. Кропачев, Н. И. Мацнев, И. С. Ной, П. П. Осипов, В. С. Прохоров, Б. Т. Разгильдиев, И. С. Ретюнских, О. Ю. Сергеева, А. Н. Тарбагаев, К. Ф. Тихонов, Ю. М. Ткачевский, А. В. Усс и др.).

Еще Бар (Bar. Grundlagen des Strafrechts. 1869) заметил весьма важную особенность, присущую каждому наказанию, – **порицание**: «Это порицание есть единственный, устойчивый элемент во всех столь разнообразных наказаниях. **Порицание является сущность каждого наказания**; все прочее, сколь бы оно не выступало на первый план, есть несущественная, изменяющаяся прибавка»². Этот научный концепт горячо поддержали Н. Д. Сергеевский и Н. С. Таганцев. Так, Н. Д. Сергеевский писал, что если мы не будем знать, какие именно деяния запрещаются в данное время в нашем обществе, если мы откажемся от **их осуждения и порицания**, то мы тем самым потеряем любое представле-

¹ Кристи Н. Пределы наказания. – С. 140.

² Сергеевский Н.Д. О праве наказания // Избранные труды / отв. ред. А.И. Чучаев. – М.: ООО «Издательский дом «Буквовед», 2008. – С. 468.

ние о порядке. Осуждение и порицание таких деяний от имени государства являются собственно тем актом, в котором выражено положение о несовместимости их с порядком. Рассматривая преступление как нарушение норм известного порядка, а наказание как осуждение и порицание, мы думаем прийти к заключению, что правопорядок может существовать только тогда, когда он имеет перечень преступлений и когда осуществляется правосудие¹.

Осуждение и порицание деяний, которые являются преступлениями от имени общества, — отмечает Н. С. Таганцев, — есть собственно тем актом, в котором фактически, а не только формально на бумаге выражается положение о несовместимости их с порядком. Запрещая и требуя, указывая на необходимость известной деятельности или бездействия — пишет далее он, — нормы правового порядка являются защитой правовых благ. Но для осуществления своей цели право нуждается в силе, *которая бы подчиняла ему непокорную отдельную волю*, и эту силу дает ему государственная власть. Таким образом, выступает новый момент права — принуждение, проявляющееся **в трех формах**: 1) принуждение к выполнению; 2) восстановление нарушенного порядка; 3) наказание непослушного².

Содержание (объем) осуждения ученые определяют неодинаково. Одни авторы пишут об осуждении виновного в совершении преступления, а другие — об осуждении совершенного деяния и лица, его совершившего. Кроме этого, нет единодушия ученых относительно субъекта осуждения — одни авторы пишут вообще об осуждении, не указывая конкретно, кто его осуществляет, другие указывают, что такое осуждение осуществляется судом в обвинительном приговоре, некоторые — что такое осуждение осуществляется компетентным органом государства — государственное осуждение, еще другие — что государством и обществом. Так, И. С. Ной впервые определял негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека как последствие совершения преступления, связанное, прежде всего, с государственным **осуждением**³. Такое же мнение высказал несколько позднее К. Ф. Тихонов: уголовная ответственность человека — это государственное **осуждение виновного** в совершении преступления, **осуществляемое судом в обвинительном приговоре**⁴. А. В. Усс несколько шире, чем К. Ф. Тихонов, подошел к определению уголовной ответственности человека, очертив ее как публичную, от имени государства, негативную морально-политическую **оценку (осуждение)**

¹ Сергеевский Н.Д. Там же. — С. 468–469.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. — Т. 2. — М.: Наука, 1994. — С. 34–35.

³ Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. — Саратов: Изд-во СГУ, 1962. — С. 119–120.

⁴ Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления. — Саратов: Изд-во СГУ, 1967. — С. 44.

преступного деяния и лица, его совершившего, в обвинительном приговоре суда¹.

Ю. А. Демидов заметил, что «...**государство и общество осуждают, порицают** виновного за его отрицательное отношение к общественным ценностям, воплощенное в общественно-опасном посягательстве на эти ценности. Негативное отношение лица к ценностям общества, выражено в совершенном преступлении, вызывает ответное со стороны общества и государства отрицательное отношение к виновному, выраженное в уголовно-правовой ответственности человека. Государственно-принудительные меры, применяемые на основе уголовного закона к лицам, совершившим преступления, в качестве главного, определяющего признака – **порицание** виновного со стороны государства. **Суд, признавая лицо виновным в совершении преступления, осуждает, порицает его за совершение преступления**»². Уголовно-правовая ответственность человека, таким образом, реализуется уже в самом факте осуждения лица судом от имени государства. В этом случае уголовная ответственность человека приобретает реальную форму существования независимо от того, назначается наказание или нет.

А. И. Экимов, применивший узкий по смыслу подход, пришел к выводу, что уголовная ответственность человека является осуждением преступника от имени государства³.

Акцент на **осуждение** лица за совершенное преступление, – считает Г. Г. Криволапов, – наиболее правильно и точно выражает материальное содержание и сущность уголовной ответственности человека как социально-правового явления⁴.

Б. Т. Разгильдиев также считает осуждение наиболее важным сущностным признаком понятия уголовно-правовой ответственности человека. Он определяет ее как **осуждение**, основанное на признании лица от имени государства в форме обвинительного приговора виновным в совершении преступления, предусмотренного уголовным законом, связанный с ограничением его прав и свобод⁵.

По мнению Т. Г. Дауровой, уголовная ответственность человека – это **осуждение** лица, признанного виновным в совершении преступления, от имени государства в форме обвинительного приговора⁶.

¹ Усс А.В. К дискуссии о понятии уголовной ответственности в связи с проблемой нравственности осуждения преступника. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1986. – С. 77.

² Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 166–167.

³ Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1980. – С. 102.

⁴ Криволапов Г.Г. Уголовная ответственность и ее основание. – С. 290–291.

⁵ Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – С. 171.

⁶ Даурова Т.Г., Цыбулевская О.И., Шудра О.В. Введение в публичное право: учеб. пособие. Часть II. – Саратов: СГУ, 1998. – С. 51.

Уголовная ответственность человека – результат основанного на уголовном законе **порицания** (отрицательной оценки), **совершенного общественно опасного деяния и лица, его совершившего, со стороны государства** выраженного в **обвинительном приговоре суда**. Такую позицию, имея в виду негативный аспект уголовной ответственности человека, высказали В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев¹.

Н. И. Мацнев также отмечает, что уголовная ответственность – это основанное на уголовном законе и выраженное в обвинительном приговоре суда осуждение (**порицание**) совершившего преступление лица от имени государства, в котором проявляется отрицательная нравственно-политическая оценка общественно опасного деяния и личности виновного со стороны общества².

Еще более лаконичное определение понятия негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека в рассматриваемом плане предложили И. А. Вартилецкая и В. С. Плутатыр: «уголовная ответственность – **способ государственного-правового воздействия** на лицо, совершившее преступление, что проявляется в **государственном осуждении** противоправного поведения, а также в наложении на лицо **определенных лишений и ограничений**, предусмотренных законом»³.

Уголовная ответственность человека, – как пишет Ю. М. Ткачевский, – является **правовым последствием**, результатом применения норм уголовного закона. Она **состоит в осуждении** от имени государства виновного лица за совершение им преступления⁴.

Главным недостатком концепции осуждения является то, что она не отражает в полном объеме сущностную и содержательную характеристики уголовно-правовой ответственности человека. Осуждение, как форма реализации уголовно-правовой ответственности человека, является скорее категорией морального характера, хотя и в ряде случаев, как увидим дальше, уголовная ответственность человека может реализоваться лишь через осуждение. Кроме этого, в этой концепции не присутствуют другие формы реализации уголовно-правовой ответственности человека – наказание и судимость.

Уголовная ответственность человека, – подчеркнул И. С. Ретюнских, – реализуется уже в самом факте **осуждения** лица судом от имени госу-

¹ Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – С. 167.

² Мацнев Н.И. О понятии уголовной ответственности / Н.И. Мацнев // Правоведение. – 1980. – № 4. – С. 55.

³ Вартилецка І.А., Плутатир В.С. Кримінальне право України. Альбом схем: навч. посібник / за ред. В.Я. Горбачевського. – К.: Атіка, 2003. – С. 208.

⁴ Ткачевський Ю.М. Избранные труды. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2010. – С. 430.

дарства. В этом случае она обретает форму своего реального существования независимо от того, назначается после этого наказания или нет¹.

Против разумения уголовно-правовой ответственности как **осуждения или порицания** лица, совершившего преступление, высказался В. Д. Филимонов, утверждающий, что закон, хотя он и говорит об уголовной ответственности человека только в тех случаях, когда имеется уже вынесенный приговор суда, но в нем нет никаких указаний **об осуждении и порицании** лица как о правовом последствии совершенного им преступления. Признание приговором суда конкретного человека виновным в совершении преступления – это постановление, устанавливающее наличие юридического факта, являющегося необходимой предпосылкой уголовной ответственности человека. Суд в этом случае устанавливает такой юридический факт, с которым закон связывает наступление уголовной ответственности, но который в само содержание уголовной ответственности не входит. Итак, он делает вывод, что признание лица виновным в совершении преступления не может рассматриваться в качестве уголовной ответственности, а вытекающая из установления этого юридического факта отрицательная оценка лица и совершенного им преступления, – как вынесенное ему судом порицание².

Спорность такого толкования очевидная. Автор мыслит лишь в пределах концепции «уголовно-правовая ответственность – принуждение, государственно-принудительное воздействие, наказание, санкция, негативные последствия», забывая, что суд нередко, исходя из действующего уголовного законодательства, **не прибегает** к мерам принуждения.

Уголовно-правовая ответственность человека – вынужденное претерпение им негативных последствий совершенного преступления (М. И. Бажанов, А. В. Васильевский, С. Г. Келина, Л. Л. Кругликов, М. А. Огурцов, А. И. Санталов, В. Б. Харченко и др.). Так, А. И. Санталов подчеркивал, что уголовную ответственность **(в ее нормативном аспекте – В. К.)** следует понимать как **вынужденное претерпевание** виновным лицом отрицательных последствий совершенного преступления **в форме осуждения** (государственного порицания) **и принуждение преступника** к этому уполномоченными государственными органами³.

Наиболее максимально обозримым, в контексте данной концепции, представляется предложенное Ю. В. Баулиным определение понятия негативной (ретроспективной) уголовной ответственности: «уголовная ответственность – это **вынужденное претерпение** лицом, совершившим преступление, государственного осуждения, а также **лишений лично-**

¹ Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация по советскому законодательству // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. – С. 116.

² Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. – С. 5–6.

³ Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. – С. 18.

го, имущественного или иного характера, которые предусмотрены уголовным законом и налагаются на виновного специальными органами государства»¹.

Из таких же позиций определяет понятие негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека В. Б. Харченко, утверждая, что она является **вынужденным претерпеванием** лицом, совершившим преступление, государственного осуждения, лишения личного, имущественного или иного характера, предусмотренных уголовным законом, и возлагаемых на виновного специальными органами государства².

С точки зрения С. Г. Келиной, уголовная ответственность человека – это **фактическое несение определенных лишений** лицом, совершившим преступление, притом, что эти лишения применяются органами государства и от имени государства в рамках уголовных правоотношений³.

Негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека – вина. Данная концепция уголовной ответственности возникла в советской науке уголовного права в 20-х годах прошлого века. Так, М. П. Разумовский писал, что виной является ничто иное, как ответственность в юридической форме⁴. А. Я. Эстрин считал также, что вина в советском уголовном праве есть ничто иное, как ответственность в уголовном праве⁵. Подобные взгляды поддерживали Е. С. Злобин, Г. В. Назаренко, Б. С. Никифоров, Б. С. Утевский и другие ученые-криминалисты⁶.

Уголовно-правовая ответственность человека – судимость. Авторами этого концепта уголовной ответственности являются А. Н. Тарбагаев, Н. М. Кропачев и А. И. Бойцов. На их взгляд, будет справедливым утверждение о том, что **судимость человека и его уголовная ответственность – это синонимы**. Уголовная ответственность и судимость человека возникают одновременно. Прекращение судимости человека является прекращением его уголовной ответственности⁷. Так можно размышлять также исходя из решения Конституционного Суда Украины

¹ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для юридичних вузів / за ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – Х.: Право, 1997. – С. 58.

² Харченко В.Б. Уголовное право Украины. Пособие по подготовке к государственному (выпускному) экзамену. – К.: Атика, 2000. – С. 27.

³ Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – С. 27.

⁴ Разумовский М.П. Детерминизм и ответственность в уголовном праве // Революция права. – 1929. – № 6. – С. 89.

⁵ Эстрин А.Я. О вине уголовной ответственности // Советское государство и право. – 1935. – № 1–2. – С. 111.

⁶ См., например: Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1950. – С. 103; Никифоров Б.С. Об Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. – С. 32; Назаренко Г.В. Русское уголовное право: курс лекций. – С. 52.

⁷ Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 102–106; Тарбагаев А.Н., Кропачев Н.М., Бойцов А.И. Судимость и ее уголовно-правовое значение // Вестник Ленингр. ун-та. – 1990. – № 13. – С. 85–89.

№ 9-рп/99 от 27.10.1999 г. Вместе с тем, есть все основания не соглашаться с отождествлением уголовно-правовой ответственности и судимости человека. Судимость и уголовно-правовая ответственность человека являются отличающимися по объему уголовно-правовыми явлениями. Судимость человека – это форма реализации его уголовной ответственности, о чем будет идти речь в разделе «Формы реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека».

Синтезированные (интегрированные) концепции разумения сущности и понятия негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека (А. В. Андреев, Ю. В. Баулин, В. П. Божьев, А. И. Бойцов, С. А. Велиев, С. Е. Вицын, Б. В. Волженкин, Б. С. Волков, П. А. Воробей, Т. О. Гончар, И. Н. Даньшин, А. А. Дудоров, Н. И. Загородников, И. Е. Звечаровский, М. П. Карпушин, Г. Г. Криволапов, В. И. Курляндский, В. В. Мальцев, Ж. В. Мандриченко, Т. Б. Николаенко, О. В. Наден, В. И. Осадчий, Н. И. Панов, А. И. Рарог, И. С. Ретюнских, А. Ю. Соболев, Я. И. Соловий, В. Д. Филимонов, Е. А. Фролов, Н. И. Хавронюк, С. Д. Шапченко, А. Г. Яковлев и др.).

Необходимо еще раз обратить внимание на то, что названные выше и другие авторы дают свое синтезированное (интегрированное) толкование сущности и понятия уголовно-правовой ответственности человека, не ограничиваясь лишь исключительно одной характерной чертой, признаком этого феномена и, как думается, не разделяют полностью ни одной из отдельно взятых концепций понятия «уголовная ответственность». Так, А. И. Рарог справедливо делает замечание, что ни одно из имеющихся пониманий понятия уголовной ответственности человека не может быть объявлено неправильным, однако и ни одно из них не дает полной характеристики разумения уголовной ответственности человека. Поэтому в последнее время все более распространенным является взгляд на уголовную ответственность как на ***сложное структурное образование***, характеризующееся несколькими признаками, несколькими компонентами. Именно такой подход к пониманию уголовной ответственности человека является наиболее правильным¹.

В. В. Мальцев подчеркнул, что уголовная ответственность человека – это основанное на уголовном законе ***ухудшение правового статуса лица, состоящее в лишении или ограничении его прав и свобод, или иное порицание*** виновного, выраженное в ***обвинительном приговоре суда***².

Утверждая, что уголовная ответственность реализуется именно в пределах уголовно-правовых отношений, и, экстраполируя их содержательные признаки на уголовную ответственность как институт

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. 7-е издание. – М.: Проспект, 2010. – С. 47.

² Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. – Волгоград: ВА МВД России, 2003. – С. 32.

уголовного права, Н. И. Панов отметил, что «... уголовная ответственность — это **юридическая обязанность** лица, совершившего преступление, **подлежать действию** уголовного закона, то есть **испытать** со стороны государства **негативную оценку** в обвинительном приговоре суда за совершенное общественно-опасное деяние, а также **меры** государственно-правового **принуждения** в виде **ограничений** прав и свобод личного, имущественного или иного характера»¹.

Рассматривая уголовную ответственность человека через призму права, А. И. Бойцов пришел к выводу, что она представляет собой **совокупность закрепленных в уголовном законе** общественно необходимых предписаний, велений, которые выражают интересы общества, соблюдение которых обеспечивается **государственно-правовым осуждением** безответственного поведения, а **также возможностью** применения в пределах и на основании закона **наказания**².

Г. Г. Криволапов в содержание понятия уголовной ответственности человека включает: а) **публичное осуждение** виновного за совершенное преступление; б) **наказание**, то есть причинение виновному в совершении преступления лишений (ограничений) имущественного или морального характера, предусмотренных уголовным законом; в) **правоограничение**, связанные с наличием судимости³.

Как считают С. Г. Келина и Б. В. Волженкин, уголовная ответственность человека является **одним из элементов уголовного правоотношения** и представляет собой **обязанность** виновного подвергнуться (претерпеть, подчиниться и т.д.) наказанию⁴.

Уголовная ответственность человека, — утверждает В. А. Лукьянов, — представляет собой **правоотношение**, субъектами которого **является государство**, в лице уполномоченных органов и **потерпевший**, а объектом — лицо, совершившее преступление, в рамках которого пострадавший **реализует свои права** на восстановление нарушенных законных прав; уполномоченные государственные органы осуществляют **осуждение (порицание)** преступного деяния и человека, его совершившего, а **при необходимости ограничивают его правовой статус**; виновный принудительно **претерпевает** возложенные на него **лишения и ограничения**, а также принимает необходимые **меры к восста-**

¹ Панов М.И. Кримінальна відповідальність і проблеми правового забезпечення прав і свобод людини і громадянина. Вибрані праці з проблем правознавства. — С. 2001.

² Бойцов А.И. Содержание уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: межвуз. сборник. — Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1986. — С. 73.

³ Криволапов Г.Г. Уголовная ответственность и ее основание. — С. 292.

⁴ Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. — С. 25; Волженкин Б.В. Общественная опасность преступления и основание уголовной ответственности. — С. 28.

новлению нарушенных прав потерпевшего¹. Первое, что обращает на себя внимание, – это неоправданная громоздкость приведенного выше понятия уголовной ответственности человека. Второе, – это то, что в этом понятии фигурирует пострадавший, который, как известно, не всегда имеется при совершении преступления.

А. Ю. Соболев отстаивает концепцию, согласно которой уголовная ответственность человека – это осуждающе-карающее или осуждающе-профилактическое воздействие на преступника на основе правоприменительного акта – обвинительного приговора суда, реализующего как право государства привлечь виновного в совершении преступления к уголовной ответственности, так и обязанность преступника претерпеть ее. При этом основой уголовной ответственности человека является состояние судимости преступника, обеспечивающее решение двух задач: во-первых, состояние судимости преступника выражает длительный процесс его порицания, правовое значение того, что данное лицо нуждается во «внимании» со стороны органов государства в связи с возможностью повторения преступления, во-вторых, состояние судимости позволяет реализовать специфические режимные требования уголовной ответственности человека, которые обеспечивают необходимый уровень контроля и профилактики осужденного в течение всего срока реализации уголовной ответственности².

Под уголовной ответственностью человека, – пишет Н. И. Хавронюк, – принято понимать **один из видов** юридической ответственности человека, содержанием которой является **реакция государства** и общества на такой юридический факт как **совершения преступления** или **правовое последствие** совершения преступления, состоящее в осуждении **лица** от имени государства, **как правило**, совмещенном **с применением** к нему по приговору суда специфического **государственного принуждения** в форме наказания, которое **лицо обязано** претерпеть (отбыть)³.

А. В. Андреев рассматривает также негативную (ретроспективную) уголовную ответственность как форму реагирования государства в лице компетентных органов на совершение преступления, что проявляется в осуждении виновного, которое, в случаях предусмотренных законом, может сочетаться с применением иных элементов уголовно-правового воздействия, в частности, с исполнением либо отбыванием наказания и судимостью⁴.

¹ Лукьянов В.А. Ответственность: философские и уголовно-правовые аспекты: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – С. 22.

² Соболев А.Ю. Сроки судимости в уголовном праве: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук: 12.00.08 – М.: ВНИИ МВД Рос. Федерации, 2000. – С. 9.

³ Хавронюк М.І. Диференціація кримінальної відповідальності чи кримінальна безвідповідальність? // Підприємництво, господарство і право. – 2009. – № 8. – С. 3.

⁴ Андреев А. В. Формы реализации криминальной ответственности. – С. 11.

Т. Б. Николаенко понимает негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека как **«вынужденное** претерпевание лицом, совершившим преступление, государственного **осуждения**, а также предусмотренных законом **ограничений** личного, имущественного и иного характера, которые определяются **приговором суда** и налагаются на виновного **специальными органами государства**»¹.

Исследуя негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека через призму вида государственного принуждения, Ю.В.Баулин расценивает ее как предусмотренное уголовным кодексом ограничение прав и свобод лица, совершившего преступление, индивидуализирующееся в обвинительном приговоре суда и осуществляется специальными органами исполнительной власти государства. Вместе с тем, его видение определяющих признаков понятия уголовной ответственности человека в этом случае значительно шире: 1) уголовная ответственность – это **вид государственного принуждения**, состоящий, прежде всего, **в осуждении** преступника и совершенного им деяния обвинительным приговором суда, а также в возложении на виновного **дополнительных** лишений и ограничений; 2) вид и мера **ограничений личностного**(например, лишение свободы), **имущественного** (например, штраф) или **иного** (например, лишение права занимать определенные должности) характера, **определенные** только в уголовном законе и, прежде всего, **в санкции** уголовно-правовой нормы, которая предусматривает ответственность за совершенное преступление; 3) уголовная ответственность представляет собой **реальное взаимодействие** суда и специальных органов исполнительной власти, государства и лица, признанного виновным в совершении преступления, в результате чего **это лицо подвергнется** определенным ограничениям; 4) претерпевание этих ограничений всегда имеет **вынужденный, а не добровольный** характер, поскольку их применение **является обязанностью суда** и специально уполномоченных органов государства; 5) уголовная ответственность возможна лишь за совершение преступления, что является основанием такой ответственности. Изложенную выше научную позицию Ю. В. Баулина поддержал П. П. Андрушко².

Б. С. Волков рассматривает уголовную ответственность человека как **выраженную в законе меру требований**, предъявляемые к индивиду как члену коллектива, общества, государства, невыполнение которых влечет за собой **определенные правовые последствия**, предусмотренные в его **санкции**³.

¹ Николаенко Т.Б. Поняття кримінальної відповідальності. – С. 113.

² Кримінальне право України. Загальна частина: підручник. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – С. 29; Андрушко П.П. Кримінальна відповідальність: поняття види та диференціація // Про українське право. Число V. – С. 241.

³ Волков Б.С. Детерминическая природа преступного поведения. – С. 69.

С. А. Велиев, разделяя концепцию «**уголовная ответственность** – осуждение», пошел дальше, раскрыв содержание понятия «**осуждение**». Он определил негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека «как **публичное государственное осуждение** (порицание, отрицательная оценка) определенного **общественно опасного деяния и лица**, его совершившего, которое заключается в ущемлении (ограничении) социально-правового статуса виновного путем применения предусмотренных уголовным законом мер принуждения и является результатом реализации его юридической обязанности отвечать за содеянное в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений»¹. Изложенная позиция С. А. Велиева вызвала отдельные замечания. Первое заключается в том, что автор старается объединить в понятии «осуждение» все три формы негативной (ретроспективной) уголовно-правовой человека: 1) осуждение преступного деяния и лица, его совершившего; 2) наказание лица, совершившего преступное деяние; 3) судимость лица, совершившего преступное деяние. Второе, как думается, что указание на социально-правовой статус лица здесь неуместно. Он происходит из сферы доктрины конституционного права. В уголовном праве принято говорить о лишении и ограничении личных благ материального или нематериального характера. Третье, несколько сужено изложена цель наказания, поскольку не охвачено предупреждение совершения новых преступлений лицами. Обращает на себя внимание и то, что **автор в этом случае разделяет три характеристики, три концепции** уголовно-правовой ответственности: 1) «уголовная ответственность – осуждение»; 2) «уголовная ответственность – меры государственного принуждения»; 3) «уголовная ответственность – обязанность».

Подобным образом к определению уголовно-правовой ответственности человека подошел И. А. Тарханов. По его мнению, под этим понятием следует понимать выраженное в обвинительном приговоре суда **государственное осуждение** (порицание) лица и совершенного ним преступления, проявляющееся в ущемлении (ограничении) социально-правового статуса виновного **путем применения** предусмотренных уголовным законом мер принуждения и является **результатом** реализации его юридической **обязанности отвечать** за совершенное **с целью** восстановления социальной справедливости, а также **исправления** осужденного и предупреждения совершения новых преступлений².

Через достаточно широкий круг признаков раскрывает содержание понятия негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека и О. М. Николенко, считая, что этим понятием охватывается, во-первых, основанная на нормах уголовного закона и обусловленная

¹ Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – С. 29–30.

² Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. – С. 181.

фактом совершения преступления **обязанность** лица **претерпеть** определенные лишения личного и имущественного характера, а именно: – **понести** наказание или иную меру уголовно-правового характера; во-вторых, обязанность лица **дать отчет** относительно совершенного перед государством деяния в лице уполномоченных органов; в-третьих, воспроизведенная в обвинительном приговоре **негативная оценка** совершенного деяния (признание его как преступления) и **осуждение** лица, его совершившего; в-четвертых, судимость как правовое последствие осуждения¹. Обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое, что автор употребил союз «и» между лишениями личного и имущественного характера. Известно, что они не всегда объединены между собой, то есть ограничение имущественного характера не всегда применяются. Второе, подобно как в приведенных выше определениях этого понятия, четко просматриваются три формы реализации уголовной ответственности человека: а) осуждение; б) наказание; в) судимость.

В юридической литературе возникла дискуссия относительно того порочит ли уголовно-правовая ответственность преступника и следует ли в ее дифиниции выделять такой признак. В.В. Мальцев высказался против, указав, что законный и справедливый приговор суда не может кого-то опорочить. Признать убийцу убийцей, вора – вором, хулигана – хулиганом, а взяточника – взяточником обозначает лишь назвать вещи своими именами. **Преступники сами порочат себя своими поступками**². А. А. Дудоров, наоборот, считает, что обвинительный приговор суда **порочит, компрометирует преступника**, в случае если нравственная и законодательная оценки деяния человека совпадают³.

Очевидно, что в определенной мере следует согласиться с В. В. Мальцевым, ведь действительно законный и справедливый приговор суда не порочит виновного. Он лишь выявляет его истинное достоинство в глазах семьи, коллектива, общества. Вместе с тем весьма существенным является предостережения А. А. Дудорова о совпадении нравственной и законодательной оценки деяния человека. Не все уголовно-правовые запреты воспринимаются общественной нравственностью как целесообразные и справедливые. В подобных случаях отсутствует достаточная научная обоснованность социальной обусловленности уголовно-правового запрета. Такой запрет может расцениваться общественным мнением как несовместимый с общечеловеческими нравственными абсолютами, несправедливый, недобросовестный со стороны государства, как злоупотребление им своим доминирующим в обществе положением, а поэтому вместо компрометации нарушителя дан-

¹ Уголовный кодекс Украины: Научно-практический комментарий / отв. ред. Е.Л. Стрельцов. – Харьков: ООО «Одиссей», 2005. – С. 9.

² Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 392.

³ Дудоров О.О. Вибрані праці з кримінального права. – С. 84.

ного запрета, он будет подтверждать или даже содействовать повышению его имиджа в соответствующем социуме. Однако, с другой стороны, если виновным совершено преступление, однозначно противоречащее нравственным и законодательным оценкам, то виновному не избежать общественного осуждения и презрения. В таком случае факт совершения преступления, без сомнения, порочит лицо, виновное в его совершении.

По мнению Н. И. Загородникова, уголовная ответственность человека представляет собой **реальное применение** уголовно-правовой нормы, выраженное в отрицательной оценке специальным органом государства – **судом поведения лица**, совершившего общественно опасное деяние, и **применение к нему мер государственного принуждения**¹.

В. П. Божьев и Е. А. Фролов трактуют уголовную ответственность человека, с одной стороны, – как деятельность государства, сопровождаемую **государственным осуждением, ограничением правового статуса** гражданина, совершившего преступление, а с иной стороны – **состояние лица**, привлекаемого к уголовной ответственности².

С реализацией полномочий государства связал определение негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека Я. И. Соловий: «... уголовная ответственность – это определенная уголовно-правовыми нормами **форма реализации полномочий государства** в уголовно-правовых отношениях, которая отражает **юридическую обязанность** виновного **дать отчет** о своих общественно опасные деяниях, а **в случае осуждения принудительно подвергнуться государственному осуждению**, а также предусмотренным УК Украины **ограничениям** личного, имущественного или иного характера и **правовые последствия** совершенного им преступления, которые определяются обвинительным приговором суда и **налагаются** на виновного **специальными** органами государства»³.

Довольно удачно синтезировал признаки понятия негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека А. И. Рарог, утверждая, что уголовная ответственность – это **сложное социально-правовое последствие совершения преступления**, которое включает четыре элемента: во-первых, основанную на нормах уголовного закона и вытекающую из факта совершения преступления **обязанность** лица **дать отчет** о совершенном перед государством в лице его уполномоченных органов; во-вторых, выраженную в судебном приговоре **отрицательную оценку** (осуждение, признание преступным) совершенного деяния и порицание (выражение упрека) лица, совершившего это деяние; в-третьих, **назначенное** виновному **наказание** или **иная**

¹ Загородников Н.И. О пределах уголовной ответственности // Советское госуд. и право. – 1967. – № 7. – С. 39.

² Божьев В.П., Фролов Е.А. Уголовно-правовые и процессуальные отношения // Советское государство и право. – 1974. – № 1. – С. 87.

³ Соловій Я.І. Межі кримінальної відповідальності. – С. 48.

мера уголовно-правового характера; в-четвертых, **судимость** как специфическое правовое последствие осуждения с отбыванием назначенного наказания¹. Данный концептуальный подход к определению негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека поддержал С. М. Кочои².

Близким к изложенному А. И. Рарогом понятию уголовной ответственности человека является толкование этого понятия М. П. Карпушиным, В. И. Курляндским. По их мнению, уголовная ответственность человека является **обязанностью** виновного лица **дать** в установленном порядке **отчет** о совершенном им преступлении **подвергнуться определенным ограничениям** (мерам предупреждения и т.п.), вытекающим из порядка решения вопроса об ответственности, **быть осужденным** от имени государства и понести заслуженное наказание»³.

Как отмечает И. С. Ретюнских, уголовная ответственность человека проявляется **по своему характеру** как мера государственного принуждения, а **по своему смыслу** как уголовное правоотношение⁴.

Т. О. Гончар пишет об уголовной ответственности человека как об **обязанности** лица, совершившего преступление, **претерпеть** определенные **лишения** личного или имущественного характера за совершение преступления»⁵.

По мнению Ю. М. Ткачевского, уголовную ответственность человека нужно определять как предусмотренные законом негативные (неблагоприятные) для лица, совершившего преступление, последствия, **вытекающие из решения суда** и проявляющиеся в самом **факте осуждения** и **судимости** или **осуждения, сопряженного с исполнением наказания и судимостью**⁶.

Н. И. Панов, проанализировав основные черты данного социально-правового явления через уголовно-правовые отношения, акцентирует, что уголовная ответственность человека – это **юридическая обязанность** лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона, то есть **испытать со стороны государства отрицательной оценки** в обвинительном приговоре суда за совершенное общественно

¹ Уголовное право России. Части Общая и особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012. – С. 47.

² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2004. – С. 70.

³ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – С. 21.

⁴ Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация по советскому законодательству. – С. 113.

⁵ Уголовное право Украины. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. проф. Стрельцов Е.Л. – Х.: Одиссей, 2002. – С. 42.

⁶ Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2000. – № 6. – С. 6.

опасное деяние, а также *мер государственного принуждения* в виде *ограничений* прав и свобод личного, имущественного или иного характера¹.

Широкого подхода к пониманию негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека придерживался и Н. И. Загородников. По его мнению, «уголовная ответственность – это *реальное применение* уголовно-правовой нормы, *выраженное в отрицательной оценке* специальным органом государства – судом – поведения лица, совершившего общественно опасное деяние, и в *применении к нему* мер государственного принуждения. В содержание уголовной ответственности он включал назначенное судом *наказания... и его исполнение...* В течение срока судимости лицо продолжает нести уголовную ответственность»².

Прежде чем определить негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека, В. Д. Филимонов сделал, в общем, безуспешную попытку выяснить ее социальную направленность, социальную сущность, социальное содержание и социальную форму. Исходя из этого, он предложил следующее определение понятия уголовной ответственности человека: «С юридической точки зрения уголовная ответственность – это *акт суда*, принятый *с целью восстановления нарушенной преступлением* социальной справедливости, *исправления* лица, совершившего преступление, а также *предупреждения* новых преступлений, и *возлагающий на лицо*, признанное виновным в совершении преступления, *правовые ограничения*, вытекающие из вида и размера наказания или иной меры уголовно-правового характера, *назначенных этому лицу судом* за совершенное им преступление»³.

П. А. Воробей акцентирует, что уголовная ответственность человека является установленная уголовным законом *юридическая обязанность* лица *дать отчет* перед судом о своем общественно опасном деянии и *понести* за него предусмотренное законом *осуждение и наказание*. Эта обязанность не личностная, не персонифицированная, а объективная, то является всеобщая и равная для всех субъектов ответственности⁴.

А. А. Дудоров определил негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека как *особый уголовно-правовой институт*, в пределах которого осуществляется *реагирование государства* на совершенное преступление, состоящее в осуществляемом судом в обвинительном приговоре *осуждении нарушителя* уголовно-правового запрета и, как правило, в *применении к нему* мер уголовно-правово-

¹ Панов М.И. Кримінальна відповідальність та її підстава. – С. 47.

² Загородников Н.И. О пределах уголовной ответственности. – С. 39–40.

³ Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. – С. 103–104.

⁴ Воробей П.А. Теорія і практика кримінально-правового ставлення у вину. – К.: НАВСУ, 2000. – С. 136.

го воздействия». Иначе говоря, уголовной ответственностью признается **форма реализации охранительных уголовно-правовых отношений**, которая всегда включает в себя **осуждение** преступления и лица, его совершившего, что по общему правилу, **соединено с осуществлением** относительно такого лица **государственного принуждения** в виде применения мер уголовно-правового воздействия¹.

Уголовная ответственность человека, — отмечает С. В. Полубинская, — является **реакция государства** на совершенное преступление, которая выражается **в осуждении** преступного поведения лица государством и в **принудительном ограничении** или **лишении** прав виновного лица, осуществляемые в рамках уголовного правоотношения².

Выше уже приводилось мнение В. С. Егорова также связывающего реализацию уголовной ответственности человека с государственно-принудительным, **частичным или полным лишением или существенным ограничением правового статуса** лица, виновного в совершении преступления³.

Как **соответствующую реакцию государства** на совершенное в прошлом преступление, и **подверженность лицом**, совершившим преступление, предусмотренным УК **ограничениям** личного, имущественного и иного характера, которые **определяются обвинительным приговором суда** и **налагаются** на виновное лицо **специальными** государственными органами, определяет уголовную ответственность человека Ж. В. Мандрыченко⁴.

И. Е. Звечаровский, рассматривая негативную (ретроспективную) уголовную ответственность человека как **последствие** нарушения уголовного закона его адресатами, выражает ее сущность через **отрицательную**, основанную на уголовном законе **оценку (осуждение)** со стороны государства, выраженную в обвинительном приговоре суда, связанную с **применением наказания и судимости** либо **не связанную** с ними⁵.

Исходя из таких же широких позиций подошел к выяснению понятия негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека И. Н. Даньшин, определив ее как «обусловленный объективными потребностями общества **правовой институт**, преследующий **цель** исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, предупреждения новых преступлений, как с их стороны, так и со стороны иных граждан, а

¹ Дудоров О.О. Кримінальна відповідальність: аналіз основних наукових концепцій // Наука і правоохорона. — 2009. — № 1–2 (3–4). — С. 83–84.

² Курс российского уголовного права. Общая часть. — М.: Спарк, 2001. — С. 479.

³ Егоров В.С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. — С. 183.

⁴ Мандрыченко Ж.В. Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з примиренням винного з потерпілим. — С. 26.

⁵ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. — СПб.: Питер, 2005. — С. 122–123.

равно способствующий в конечном итоге искоренению преступности в целом; **институт**, основным содержанием которого являются **возложение принудительной обязанности** на винного **претерпеть** с соблюдением соответствующей процедуры **государственное осуждение**, им совершенного, и **публичное порицание** его личности, а также **понести** в случае назначения предусмотренное уголовным законом **наказание**, состоящее **в лишениях** личного или имущественного характера»¹.

С учетом изложенного выше, разделяя синтезированный (интегрированный) подход к разумению понятия уголовно-правовой ответственности, можно сделать вывод, что **негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека** – это разновидность ее уголовно-правовой ответственности, которая представляет собой реализованную **необходимость вынужденного претерпения** нарушителем предписаний уголовно-правовых норм **мер принуждения** правового характера, предусмотренных ими и применяемых **компетентными** органами государства в **установленных** процессуальным и исполнительным законодательством **формах и пределах**.

Только синтезированный (интегрированный) подход к разумению сущности и понятия негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека позволяет с наибольшей достоверностью (вероятностью), максимально приближенной к истине, выявить наиболее существенные признаки этого понятия как сложного, многогранного феномена, существенного элемента демократической уголовно-правовой действительности.

3.3.1. Основания негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека

В Большом толковом словаре современного украинского языка этимологическое значение слова «основание» объясняется так: «То главное, на чем базируется, основывается что-нибудь. *Научное основание* «То, чем объясняются, оправдываются поступки, поведение и пр. кого-нибудь; *на основании чего* – исходя из чего-нибудь, опираясь на что-то»².

В уголовно-правовой литературе существуют различные мнения авторов относительно понятия **«основание уголовной ответственности»**. Так, И. Н. Даньшин под этим понятием понимал один из существенных признаков уголовной ответственности человека, исходную

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая. / Отв. ред. Ф.Г. Бурчак. – К.: Наукова думка, 1985. – С. 47.

² Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – С. 966.

предпосылку ее фактического существования, тот опорный правовой фундамент, на котором эта ответственность базируется¹.

А. Н. Трайнин, А. Е. Наташев, Н. А. Стручков полагают, что об основании уголовной ответственности человека нужно говорить как об обстоятельстве, при наличии которого он привлекается к уголовной ответственности².

В. Б. Харченко пишет об **основаниях** уголовной ответственности человека так: «**Основания уголовной ответственности** – это предусмотренные уголовным законом обстоятельства, при наличии которых лицо привлекается к уголовной ответственности, признается виновным в совершении преступления и подвергается мерам уголовно-правового воздействия»³.

П. С. Матышевский также выразил суждение об «**основаниях уголовной ответственности**» человека, к числу которых относил: 1) наличие юридического факта – совершение деяния, запрещенного уголовным законом; 2) такое деяние по своему социальному содержанию нанесло или угрожало нанести вред определенным благам или иным ценностям; 3) вышеупомянутое деяние было совершено физическим вменяемым лицом, достигшим установленного в законе возраста уголовной ответственности; 4) во время совершения деяния лицо не находилось под воздействием какой-либо силы или принуждения, которому оно не могло противостоять; 5) отсутствуют другие обстоятельства, которые согласно закону устраняют его противоправность. Эти критерии определяют сущность и специфику преступления определенного вида и связанные с такой категорией уголовного права как состав преступления⁴.

Любопытным в научном плане является суждение М. П. Карпушина и В. И. Курляндского о двух основаниях уголовной ответственности человека: 1) основание возникновения уголовной ответственности в материальном понимании – совершение преступления; 2) основание привлечения к уголовной ответственности – наличие достаточных доказательств для предъявления обвинения⁵. Итак, речь идет о материальном и процессуальных основаниях уголовно-правовой ответственности. Такое понимание оснований уголовно-правовой ответственности человека поддерживается и другими современными учеными-криминалистами⁶.

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть общая./ Отв. ред. Ф.Г. Бурчак. – С. 48.

² Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 331; Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. – С. 13.

³ Харченко В.Б. Уголовное право Украины. – С. 27.

⁴ Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина. – С. 58.

⁵ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – С. 21.

⁶ Кузнецов В.В., Савченко А.В., Шталько О.Ф. Сучасне кримінальне право. – К.: Вид. А.В. Паливода, 2005. – С. 43; Чернишова А.В. Кримінальне право України (Загальна частина): навч. посібник. – К.: Атіка, 2003. – С. 36.

Исходя из теоретического концепта О. Ф. Скакун, можно различать два понятия: **«основания привлечения к уголовной ответственности»** человека и **«основания наступления уголовной ответственности»** человека. Под первым понятием в этом случае понимается совокупность обстоятельств, наличие которых делает ответственность **возможной**, в случае уголовной ответственности – состав преступления, а во втором случае – совокупность обстоятельств, наличие которых делает ответственность **должной**. К ним она относит такие обстоятельства: а) факт совершения правонарушения (в нашем случае – преступления) – фактическое основание; б) наличие нормы права, которая запрещает такое поведение – нормативное основание; в) отсутствие оснований для освобождения от ответственности, а также обстоятельств, которые исключают ответственность; г) наличие правоприменимого акта – процессуального основания¹.

П. П. Михайленко писал об **основании**, а также о трех обязательных **условиях** наступления уголовной ответственности человека: 1) деяние, инкриминируемое лицу (которое ставится в вину – **В. К.**), должно быть общественно опасным; 2) это деяние лица (деяние или бездействие) должно быть предусмотрено уголовным законом как преступление; 3) лицо, совершившее общественно опасное деяние, должно быть признано судом виновным, то есть совершившим это деяние умышленно или по неосторожности².

Н. И. Панов, говоря об **основании** уголовной ответственности человека, отмечает, что оно по своему смыслу «имеет осложненный – бинарный характер (от лат. binarius < bini – «по два» – составленный из двух частей), то есть содержит две составляющих: 1) совершение лицом общественно опасного деяния; 2) наличие в совершенном деянии состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Украины. Причем эти составляющие представляют собой не отдельные самостоятельные единицы, а означают двуединую характеристику одного и того же (единого) явления – основания уголовной ответственности». В ее пределах, – указывает Н. И. Панов, – эти составляющие могут быть определены как **условия уголовной ответственности**, от наличия и взаимодействия которых зависит и наличие собственно этого основания как единого целого. Учитывая это, он предлагает называть совершение лицом общественно опасного деяния термином **«фактическое условие»**, а соответствие этого деяния составу преступления, предусмотренного действующим УК Украины, – термином **«юридическое условие»**. Обязательное наличие этих двух условий – фактического и юридического, в их единстве и взаимодействии (в комплек-

¹ Скакун О.Ф. Теорія держави і права: підручник. – Х.: Консум, 2001. – С. 439–440.

² Михайленко П.П. Уголовное право Украины. Общая часть. – С. 13, 17.

се) трансформирует эти условия в единое целое – основание уголовной ответственности¹.

Позицию Н. И. Панова поддержал А. В. Андреев, утверждая, что юридическое понятие основания реализации уголовной ответственности имеет сложный характер ибо состоит из двух взаимосвязанных условий: фактического и юридического. Основание реализации уголовной ответственности имеет место в том случае, когда: 1) вступил в силу закон об уголовной ответственности, который установил признаки определенного состава преступления и предусмотрел наказание за его совершение; 2) лицо совершило деяние; 3) это деяние имеет все признаки состава преступления; 4) должен иметь место состав преступления, а не иного вида правонарушения; 5) вступил в законную силу обвинительный приговор суда, которым лицо признано виновным в совершении преступления².

А. А. Чистяков пишет, что в науке уголовного права **основание** уголовной ответственности человека рассматривают **как обстоятельство, на основании которого** «лицо несет уголовную ответственность» или как **то, за что** «лицо несет уголовную ответственность». В первом случае имеют в виду норму уголовного закона, запрещающего совершение деяния под страхом наказания, а во втором – совершение деяния, которое посягает на уголовно-правовой запрет³. Указав на то, что в юридической литературе по-разному определяют основание уголовной ответственности: как «конкретное фактическое условие, с наступлением которого ставится вопрос об ответственности», либо как «причины, вследствие которых государство устанавливает ответственность», либо как «условия, обстоятельства, наличие которых делает уголовную ответственность возможной, необходимой, а отсутствие их ее исключает», А. А. Чистяков пришел к выводу, что обстоятельства, связанные с возникновением уголовной ответственности человека, в одних случаях именуют **условиями** ее возникновения, во вторых – **предпосылками**, а в третьих – **основаниями** ее возникновения. **Предпосылки**, – пишет он далее, – это наиболее общие социальные и правовые условия возникновения уголовной ответственности человека. **Условия** – это обстоятельства, наличие которых создает возможность появления уголовной ответственности, наконец, **основание** уголовной ответственности человека – это обстоятельство, детерминирующее действительность появления и существования уголов-

¹ Панов М.І. Кримінальна відповідальність та її підстава. – С. 48; Панов М.І. Підстава кримінальної відповідальності: поняття та значення в удосконаленні КК України // 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., (Харків, 13-14 жовтня 2011 р.) / ред. кол.: В.Я. Тацій (головн. ред.), В.І. Борисов (заст. гол. ред.) та ін. – Х.: Право, 2011. – С. 68–69.

² Андреев А. В. Формы реализации криминальной ответственности. – С. 7, 11.

³ Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – С. 110, 111.

ной ответственности. *Предпосылками* возникновения уголовной ответственности можно назвать наличие человека как такового, государства и права. Необходимым условием возникновения и существования уголовной ответственности являются свобода воли, свобода выбора. Таким образом, делает он вывод, *под основанием* уголовной ответственности человека следует понимать обстоятельство, указанное в законе, наличие которого в реальной действительности влечет возникновение у лица, обладающего свободой волей, обязанности претерпеть предусмотренные уголовным законом неблагоприятные для него последствия¹.

А. И. Санталов по этому поводу высказал такое суждение: «При решении вопроса об *основаниях* уголовной ответственности надо, видимо, установить, что мы конкретно подразумеваем под этим. Ведь можно по-разному решать вопрос, видя в нем каждый раз иной смысл: 1) почему человек несет ответственность? 2) за что человек отвечает? 3) на каком правовом основании?»².

Сложность проблемы оснований уголовной ответственности человека отметила Н. Ф. Кузнецова, подчеркнув, что эта проблема имеет *три стороны*. *Одна сторона* – это вопрос об основаниях уголовной ответственности человека с точки зрения общей проблемы применения репрессий в обществе. *С другой стороны*, вопрос об основаниях уголовной ответственности человека ставится в плане законотворчества. *Третья сторона проблемы* – основания привлечения к уголовной ответственности данного лица органами суда и прокуратуры³.

Вызывает возражение употребление А. А. Чистяковым и А. И. Санталовым, а равным образом и другими авторами, словосочетание «*несет уголовную ответственность*». Буквальное этимологическое значение термина «несет» – перемещает что-то, какой-либо предмет, живое существо, груз и т.п. в окружающем пространстве. Очевидно, его применение относительно понятия «уголовная ответственность» представляется некорректным. В этом контексте более оправданным является употребление термина «*подвергается*». Лицо «*подвергается уголовно-правовой ответственности*».

С. М. Кочои обращает внимание на то, что прежде чем определить основание уголовной ответственности человека, необходимо выяснить вопрос о том, за что, за какое поведение он может привлекаться к уголовной ответственности⁴.

¹ Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – С. 111, 112, 113.

² Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. – С. 30–31.

³ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 156.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – С. 75–76.

По мнению Н. И. Загородникова, основание уголовной ответственности человека – это **юридический факт**, проявляющийся в его осознанном поведении, осуждаемом моралью и уголовным правом, что порождает право специального органа государства – суда – применить к лицу, нарушившему уголовный закон, наказание и наложить на субъекта преступления юридическую обязанность отбыть это наказание¹.

Подытоживая, заметим, что как представляется, **основания** негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека – это объективные и субъективные факторы, которые служат причинами, условиями правомерности возникновения и реализации уголовной ответственности человека.

В доктрине уголовного права отсутствует единое общепризнанное определение оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Неоднократно делались попытки обобщить и систематизировать взгляды ученых относительно этого вопроса. В частности, многообразие высказанных точек зрения в ретроспективном плане позволило авторам коллективной монографии «Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации» свести их к следующим основным группам: **1)** основанием уголовной ответственности **является вина**, как совокупность обстоятельств, заслуживающих, по убеждению суда, отрицательной общественной (морально-политической) оценки от имени государства и требующих уголовной ответственности подсудимого. При этом вина как общее основание уголовной ответственности гораздо шире, чем понятие вины как признака субъективной стороны преступления; **2)** основанием уголовной ответственности является состав преступления как совокупность установленных законом признаков, относящихся к объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне преступления; **3)** основанием уголовной ответственности является преступление как реально совершенное общественно опасное деяние, содержащее признаки состава преступления; **4)** существуют два основания уголовной ответственности: фактическое (признаки реально совершенного преступления) и юридическое (признаки состава преступления указанные в законе)².

А. Н. Игнатов и Т. А. Костарева также классифицируют наиболее распространенные суждения об основаниях негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека на четыре концепции:

1) по прямому толкованию уголовного закона существует два основания – совершение общественно опасного деяния и вина лица (Ю. М. Ткачевский и др.);

¹ Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. – Т. 1. Общая часть / отв. ред. и рук. авт. кол. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – С. 80.

² Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. – С. 60–61.

2) наличие в содеянном состава преступления (А. А. Пионтковский, А. А. Герцензон, В. Н. Кудрявцев и др.);

3) совершение человеком преступления, то есть деяния, содержащего все признаки состава преступления (Н. В. Лясс, Я. М. Браинин);

4) вина, виновность человека (Б. С. Утевский, Г. В. Назаренко, Б. С. Никифоров, А. Б. Сахаров, А. Н. Трайнин и др.)¹. К тем, кто поддержал четвертую концепцию, можно добавить еще и Т. Л. Сергееву, К. Ф. Тихонова, В. П. Малькова².

Приведенные выше классификации концепций оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека безусловно полностью не отражают всего многообразия мнений ученых по этому вопросу. Однако, они являются полезными для дальнейших углубленных исследований данной проблематики.

Анализ высказанных учеными видений оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека позволяет условно выделить несколько методологических подходов к решению данного вопроса: 1) **широкий** подход, когда выделяют несколько оснований этой ответственности; 2) **узкий** подход, когда выделяется одно основание этой ответственности.

Широкий подход ученых к определению оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека характерен тем, что ученые рассматривают основания такой ответственности в двух плоскостях: а) как явление **социально-правовое**; б) как явление **сугубо юридическое, правовое**.

Наиболее яркими примерами рассмотрения оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности **как явления социально-правового** могут послужить научные концепты Ю. В. Баулина и А. А. Дудорова.

Как верно подчеркнул Ю. В. Баулин, при определении оснований уголовной ответственности человека, нужно ответить на **три вопроса**: как обосновать уголовную ответственность лица, совершившего преступление? За что лицо подлежит уголовной ответственности? На каких правовых основаниях оно подлежит такой ответственности? При ответе на первый вопрос речь должна идти о философско-этическом обосновании уголовной ответственности, то есть о том, почему общество, государство имеют право осуждать человека, преступившего уголовно-правовой запрет, и на чем основывается такой укор. Общество и государство исхо-

¹ Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления. – С. 18.

² Сергеева Т.Л. Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 1. – М., 1964. – С. 11–15; Мальков В.П. Вина – основание юридической ответственности // Законность. – 1993. – № 11. – С. 29–31; Тихонов К.Ф. К вопросу об основаниях уголовной ответственности // Ученые записки Саратовского юридического ун-та. Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. – 1964. – Вып. XI. – С. 4–12.

дят из того, что преступник, как лицо, наделенное сознанием и волей, должен быть способным соотносить свое поведение с уголовно-правовыми запретами, и только поэтому может подлежать уголовной ответственности. Однако, чтобы обосновать этический укор такому лицу, необходимо убедиться, что оно имело реальную возможность не нарушать уголовно-правовой запрет. Здесь же Ю.В. Баулин обращает внимание на разные подходы к обоснованию оснований уголовной ответственности со стороны представителей: а) механического детерминизма, фатализма; б) индетерминизма; в) диалектического детерминизма. *Первые из них* считают, что человек подобен машине, которая лишь адекватно реагирует на внешние и внутренние раздражители. Поэтому каждый поступок человека, в том числе и *преступление, неминуемое* потому, что он уже *заведомо определен* всеми предыдущими событиями, которые имели место в жизни этого человека. В таком случае *человек – раб обстоятельств*, он лишен свободного волеизъявления, а потому возможности свободного выбора своего поведения, заведомо фатально определенного. Выявление преступной воли в совершенном преступлении есть лишь подобием свободы, так называемой воображаемой свободой, а если это так, то моральная оценка содеянного невозможна. Поэтому обоснование уголовной ответственности фаталисты усматривают не столько в осуждении преступной воли, сколько в объективной вредности преступления для общества. *Другие из них* отстаивают противоположные взгляды, сущность которых, главным образом, сводится к тому, что единой причиной совершения лицом преступления является его абсолютная, ничем не ограниченная свободная воля. Преступное поведение человека *определяется злой волей*, которая существует независимо от любых обстоятельств, в том числе от его разума, совести. Только свободная воля избирает как вести себя человеку при данных обстоятельствах. Поэтому обоснование осуждения лица за совершенное преступление содержится в уколе этой злой свободе воли преступника. Преимущество перед приведенными двумя концепциями имеет *диалектический детерминизм*, согласно которому человек, перед которым возникает выбор совершить преступление или отказаться от него, зависит как от внешних обстоятельств, так и от собственного разума, совести, убеждений, вкусов, потребностей, интересов и т.п. При этом едва ли будет верным утверждение, согласно которому только внешние обстоятельства или только внутреннее состояние лица соответствующим образом определяют его поведение. Преступление, совершенное человеком, оказывается причинно связанным как с его сознанием, так и с объективной действительностью, которая ее окружает. Внешние обстоятельства действительно влияют на поведение лица, но лишь преломляясь через его внутренние психические установки, сознание. Именно *разум, совесть*, убеждения и т.п. подсказывают человеку как вести себя при данных конкретных обстоятельствах. Однако, основание для морального и правового осуждения преступления и лица его со-

вершившего, будет лишь в том случае, когда это лицо имело объективную возможность выбирать из вариантов поведения (хотя бы из двух), имеющих, не преступный образ достижения своей цели. Таким образом, наличие относительной свободы выбора поведения (мера свободы) и является моральным обоснованием уголовной ответственности данного лица за избранный им преступный вариант поведения. В таком случае уголовная ответственность способна выступать средством воздействия на сознание и волю людей и фактором, детерминирующим в будущем их поведение. К числу **юридических** оснований Ю. В. Баулин отнес: а) материальное основание, которым служит состав преступления, и б) процессуальное основание, которым является обвинительный приговор суда¹.

Несколько позднее, в другом издании этого учебника, Ю. В. Баулин пишет о фактической и юридической сторонах единого основания негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека – состава преступления. Фактическая сторона – это совершение в реальной действительности общественно опасного деяния, а юридическая – это предсказуемость такого деяния в действующем УК Украины².

А. А. Дудоров, подобно Ю. В. Баулину, пишет об **основаниях** уголовной ответственности человека, исходя из широких социальных позиций, а также в сугубо правомерном значении этого понятия. С широких социальных позиций основания уголовной ответственности человека имеют **два аспекта**: философский и юридический. Философский аспект оснований уголовной ответственности А. А. Дудоров раскрывает обращаясь к философским концепциям социальной обусловленности поведения человека и свободы его воли – индетерминизма и детерминизма. Методологическая позиция индетерминизма как философского учения сводится главным образом к отрицанию причинности явлений в природе и обществе, отбрасывает универсальный характер причинной связи толкуя волю человека как автономную (абсолютную) силу, независимую от внешних обстоятельств, в том числе и социальной среды. Уголовная ответственность человека при этом толкуется как **отплата (возмездие)** за совершенное, а ее основанием признается исключительно **«злая воля»** преступника. В отличие от индетерминизма, детерминизм исходит из концепта наличия взаимосвязи и взаимообусловленности процессов и явлений реального мира. При этом механический детерминизм отрицает любую свободу воли, обосновывая, что поведение человека полностью обусловлено факторами окружающей среды, игнорируя внутреннюю природу, общественную специфику человека как сознательного существа. Основанием уголовной ответственности признается не воля человека, а общественно опасные последствия человеческого поведения, вредность преступления для общества. Диалектический материалистический де-

¹ Кримінальне право України. Загальна частина. – Х.: Право, 1987. – С. 62–64.

² Кримінальне право України. Загальна частина / за ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – С. 35.

терминизм, служивший продолжительное время методологическим основанием уголовной ответственности человека, признает как детерминанту уголовной ответственности окружающую действительность и эффективную роль человеческого сознания. Человек, имея свободу воли, способен избрать вариант поведения, отвечающий требованиям уголовного права, но пренебрегает этим и потому должен отвечать за свой поступок перед государством и обществом. Относительно **юридического аспекта** оснований уголовной ответственности человека, то А. А. Дудоров пишет о ее **фактическом основании** и **правовом основании**. Фактическим основанием, по его мнению, нужно считать акт поведения человека – совершение им в реальной действительности умышленно или по неосторожности общественно опасного деяния, признанного действующим уголовным законом преступлением. К **правовым основаниям** он относит: 1) Закон Украины об уголовной ответственности (УК Украины – **В. К.**); 2) наличие в деянии лица состава преступления, предусмотренного действующим УК Украины; 3) наличие обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу, которым лицо признано виновным в совершении преступления и индивидуализирована уголовная ответственность – процессуальное основание уголовной ответственности¹.

В другом случае А. А. Дудоров и В. И. Осадчий различают фактическую и юридическую **стороны** единого основания негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека. **Фактической стороной** (фактическим основанием) именуют акт поведения человека – совершение им в реальной действительности, умышленно или по неосторожности, общественно опасного деяния, которое признается действующим уголовным законом преступлением. **Юридической стороной** (юридическим основанием) основания негативной (ретроспективной) уголовной ответственности – предсказуемость совершенного лицом общественно опасного деяния в действующем уголовном законе, которым, в частности, закреплены признаки конкретного состава преступления и предусмотрены наказания за его совершение².

Особого внимания заслуживает вопрос о философской стороне основания уголовно-правовой ответственности человека, на что уместно обратили внимание Ю. В. Баулин и А. А. Дудоров. Главным образом здесь речь идет о том, почему государство имеет моральное право наказывать человека и при каких условиях (почему человек должен подлежать уголовно-правовой ответственности за свои поступки). Ответ на этот вопрос связан со **свободой воли** человека, а в более широком плане – с социальной обусловленностью уголовно-правовой ответственности человека.

¹ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – К.: Істина, 2011. – С. 722–778.

² Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. – С. 72–73.

Типология свободы воли человека в изучении причин преступлений и преступности как общественных явлений, начиная с времен Ч. Беккариа, была предметом дискуссии и в различных научных школах уголовного права и криминологии.

Классическая школа (Ч. Беккариа, А. Фейербах, Д. Говард, Н. С. Таганцев и др.) основывалась на сформулированной ее представителями рационалистической, свободолобивой модели человека вообще и преступника в частности. Идеология этой школы была направлена против господствующей тогда средневековой юридической системы. Краеугольным камнем идеологии этой школы стали положения христианского мировоззрения о свободе воли человека как богоподобного лица. Согласно этому положению, свобода воли преступника в основном зависит от рациональных мотивов: мести, тщеславия, зависти, злобы, жадности и т.п.

Позитивистская школа (Л. Кетле, Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.). Одним из базовых постулатов этой школы стало отрицание свободы воли человека. Л. Кетле в числе первых выдвинул положение о том, что преступность является не только социальным явлением, но и продуктом биолого-демографических характеристик лица. Он ввел в научное обращение понятие **«склонность к преступлениям»** как характерную особенность несовершенства человека, которое позднее усилиями Э. Ферри и Р. Гарофало было трансформировано в концепции **«опасного состояния преступника»** и **«преступной способности»**. Так, Э. Ферри, ссылаясь на антропологические факты, пришел к выводу, что преступник не является нормальным человеком, что, наоборот, вследствие своих органических и психологических ненормальностей, наследственных и приобретенных, он составляет специальный класс, особую разновидность человеческого рода. Э. Ферри как и Ч. Ломброзо, отрицал свободу воли человека, утверждая, что мнимая свобода воли есть чистейшая субъективная иллюзия, и преступление не является продуктом его «злой воли». Преступник является не только явлением человеческим, но и общебиологическим – отклонением в развитии человечества и природы. Преступник есть особым, врожденным биологическим видом в облики человека и склонность к преступлению – его **патологическая черта**. Такой подход он распространял на весь органический мир – растений, животных и т.п. Э. Ферри среди основных положений позитивистской школы уголовного права выделил следующее положение: «Человек одарен свободой воли или нравственной свободой и вследствие этого нравственно виновен и должен отвечать перед законом за свои преступления»¹.

В современной философско-правовой и уголовно-правовой литературе свободу воли рассматривают с широких философских позиций, связывая ее результат – качественное поведение человека (позитивное или негативное)

¹ Ферри Энрико. Уголовная социология // Антология мировой правовой мысли. – Т. 3. Европа. Америка. XVII-XX вв. – С. 522.

с детерминантами объективного и субъективного характера в их множественном проявлении. Доминирующими субъективными детерминантами свободы воли человека, в условиях конкретной объективной необходимости и возможности выбора, как правило, называют **совесть, разум и силу воли** человека. Так, В. П. Тихий заметил, что кроме правового основания, уголовно-правовая ответственность, как и другие виды юридической ответственности физический лиц, имеет и **общетеоретическое основание**, далеко выходящее за пределы уголовного права вообще и связанное с решением сугубо философских проблем причинности, детерминизма, **свободы воли** и т.п. Существование ответственности, и в частности уголовной, выяснение почему и за что лицо несет ответственность, на чем базируется право государства требовать определенного поведения и привлекать за преступления и другие правонарушения и т.п., обосновывается тем, что **человек имеет, хотя и относительную, но реальную объективную свободу выбора** своего поведения и, таким образом, возможность не нарушать правовые запреты, воздержаться от этого, действовать (совершать) иначе. Это и является общетеоретическим основанием ответственности человека за совершенные им деяния. Именно поэтому юридическая ответственность человека, и прежде всего уголовная, способна принуждать избирать правовые, непротивоправные варианты, формы поведения¹.

На **относительный характер** свободы воли также обращает внимание В. Н. Бурдин утверждая, что «свобода воли дает человеку возможность определить свое поведение на принципах познания объективной действительности, предусматривать последствия своих поступков и оценивать их с точки зрения требований морали и права, ставить цели и достигать их, подчинять целенаправленному регулированию рефлексивную и инстинктивную деятельность. Однако воля человека не безгранична. Она детерминирована, с одной стороны, внешними условиями, а с иной, – самим человеком, сформировавшимся под воздействием этих внешних условий. Именно поэтому **«воля сравнительно свободная»**. Итак, когда говорят, что преступник наделен свободой воли, то есть имеет возможность сознательно принимать решение, достигать поставленной цели, то это отнюдь **не означает**, что совершение преступления **является осознанной необходимостью**. Это означает лишь, что во время совершения преступления, имея возможность выбора, человек сознательно использовал объективно имеющиеся связи между явлениями внешнего мира для достижения своих целей, осознавая характер, фактическое и социальное последствия своего деяния, а также требования уголовного закона². Очевидно В. Н. Бурдин имеет здесь в виду осознанную **объективную необходимость**, потому что из субъективной позиции

¹ Тихий В.П. Підстава кримінальної відповідальності за новим Кримінальним кодексом України // Вісник Конституційного Суду України. – 2002. – № 3. – С. 51–52.

² Бурдін В.М. Осудність та неосудність (кримінально-правове дослідження): монографія. – Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2010. – С. 174.

лица, совершившего преступление, собственно совершение преступления является его **осознанной субъективной необходимостью**.

Относительный характер свободы воли человека П. В. Симонов предложил понимать при помощи принципа дополнительности, согласно которому человек не свободен (детерминирован) с точки зрения внешнего наблюдателя, рассматривающего детерминацию поведения генетическими дополнениями и условиями воспитания. Вместе с тем и в то же время человек свободен в своем выборе с точки зрения его рефлектирующего сознания¹.

Со свободой воли, свободой выбора связывает уголовную ответственность человека и З. А. Астемиров. «В гносеологическом плане, – пишет он, – здесь складывается логически построенная цепочка: **«необходимость – свобода – ответственность»**, каждое звено которой последовательно друг с другом связано и друг друга обуславливает. При этом в цепочке вычлениются два относительно самостоятельных блока: **«необходимость – свобода»**, **«свобода – ответственность»**. В первом блоке определяется сущность взаимоотношений между деятельностью людей и объективными законами природы и общества. Если **необходимость выражает** объективную реальность, закономерности и законы функционирования природы и общества, включая и официальный регламент жизнедеятельности людей в обществе, то **свобода** – категория субъективно-личностная, означающая познание, достижение указанной объективной реальности... Применительно к уголовной ответственности рассматриваемую цепочку можно продолжить таким образом: **«необходимость»** (то, что установлено уголовным законом, выраженное в нем требование к поведению правосубъектного лица) – **«свобода»** (постижение лицом социального содержания уголовно-правовых норм, выраженных в них требований и способность руководствоваться ими в своем поведении, поступках) – **«ответственность»** (соображение правосубъектным лицом реального поведения с указанными требованиями – **позитивный** аспект; осознанная необходимость отвечать за совершенное когда совершено преступление, понести наказание – **негативный** аспект)»².

Д. А. Керимов возразил против тезиса, что свобода воли является **необходимой предпосылкой** виновности лица, совершившего преступление. Во-первых, преступление, даже совершенное в соответствии с действительностью, «со знанием дела», отнюдь еще не означает, что оно совершено на основе познанной необходимости развития этой действительности. Осознав действительность, индивид волен выбирать направления своих деяний, но свобода выбора того или иного поведения еще не означает достижения свободы этим индивидом, поскольку избранный им путь поведения может **противоречить необходимости**. В том-то

¹ Симонов П.В. Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1982. – С. 192–193.

² Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – С. 23–24.

и дело, что индивид, совершая преступление, при всем осознании окружающей действительности, поступает в противоречии с ходом ее закономерного развития, опирается не на необходимость, а на «благоприятно» сложившиеся случайные обстоятельства, которые не только не являются выражением внутреннего развития действительности, но и находятся с ней в противоречии. Во-вторых, господство индивида над действительностью возможно, как известно, лишь в условиях господства всего общества над действительностью, предполагающего такую деятельность членов этого общества, которая основана **на познании необходимости** и направлена на достижение не только извращенно понятных интересов индивида, но и на достижение общественно значимых целей. Совершенно естественно поэтому, что общественно опасные деяния есть не только противоправными, но и **несвободными**. Следовательно, несмотря на то, что преступление совершено «со знанием дела», оно не может характеризоваться как подлинно свободный акт, поскольку находится в противоречии с интересами самого преступника, как члена этого общества. В-третьих, **свобода индивида** представляет собой **способность** принимать решение не на основе произвола, нарушения общепризнанных и научно обоснованных норм поведения, а исходя из познанной необходимости и в соответствии **с правилами (нравственными и правовыми)**. Свобода индивида именно и состоит в подчинении своей воли, своих побуждений, своих поступков, осознанным общественно значимым целям, что обеспечивает **господство разума над чувствами**, самообладание, организованность и самодисциплину, направление своей деятельности не во вред, а в пользу общества¹. При этом автор ссылается на научную позицию Адольфа Грюнбаума, полагающего, что детерминист не утверждает на манер фаталиста, что будущее состояние общества не зависит от решений, которые принимаются людьми в ответ на: а) факты (как физические, так и социальные); б) собственную интерпретацию этих фактов (которая, конечно, часто бывает ошибочной); в) их ценностные стремления. И именно поэтому, согласно детерминистической теории, решения, принимаемые людьми, **казуально зависят** от тех факторов, которые при выборе оптимального направления деяний и социальных мер, восприятий, как **разумно ожидать**, приведут к успешным результатам, а не от тех, которые не имеют значения в силу случайности².

Всякое деяние индивида, – пишет далее Д. А. Керимов, – причинно обусловлено, но не всякое причинно обусловленное деяние является необходимым. Если же признать, всякое причинно обусловленное деяние необходимым, то пришлось бы оправдать все без исключения поступки людей, в том числе и преступные. **Несвобода** преступника выражается

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М.: Аванта+, 2000. – С. 473–474.

² Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения // Вопросы философии. – 1970. – № 6. – С. 66.

не в том, что его деяния фатально неизбежны, а в том, что он, несмотря на осознание общественной опасности своих деяний, не воздержался от их совершения, сознательно посягнул на интересы общества и его членов. В том же случае, когда человек избирает поведение, в **противоречии с необходимостью** закономерного развития действительности, речь должна идти не о его свободе, в том числе и не о свободе его воли, а лишь о том, что имея все возможности для действительно свободного действия, он избрал противоположный путь поведения. Человек сознательно действовал вопреки объективной необходимости, тенденции развития которой он знал, или в любом случае, мог и должен был знать. Детерминизм вовсе не исключает в каждом конкретном случае множества вариантов поведения, в том числе и противоречащего объективной необходимости, а именно поэтому предполагает и ответственность, и наказание, и исправление нарушителей норм общежития. Если же предположить, что человек действует во всех случаях свободно, проявляет свою свободную волю, то именно тогда и получается парадоксальная картина, исключающая его ответственность, поскольку **за свободу не судят**. Что ж касается поведения значительного большинства граждан цивилизованного общества, то их свобода состоит не в том, что они «свободно» нарушают законы, а в том, что они сознательно, добровольно соблюдают и активно исполняют предписания этих законов¹.

В. А. Номоконов подчеркивает, что способность лица, совершившего преступление, **выбирать** между общественно опасным и правомерным вариантами поведения в литературе принято называть **свободой воли**. По его мнению, говорить о свободе воли в буквальном (философском) значении этого понятия не совсем корректно. Речь может идти лишь об **«свободе злой воли»**, то есть о зависимости преступного деяния от личности преступника, от «авторства» самого лица, а не привходящих внешних обстоятельствах совершенного. Очень часто, — утверждает он, — лица, привлекаемые к уголовной ответственности, в свое оправдание ссылаются на то, что у них не было иного выхода, что они не могли воздержаться, что они сами не могут объяснить случившегося в силу состояния опьянения, страха, беспамятства и т.п.²

Еще М. Д. Шаргородский писал, что ответственность «...может иметь место только в том случае, **когда есть возможность выбора**, то есть когда объективно существует более чем один вариант возможного поведения, и из них субъект выбирает. Нет выбора и выбор детерминирован — это совсем не одно и то же. Нет выбора — это значит, что воля и разум человека не принимают участия в детерминации конкретного события... Свобода заключается в **возможности выбора**, без выбора нет свободы,

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). — С. 475, 478, 479, 480.

² Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. — Т. 1: Преступление и наказание. — С. 527.

а без свободы нет ответственности, свобода выбирать – это значит иметь в данной ситуации возможность поступать различно»¹.

И. М. Тяжкова также подчеркнула, что в доктрине уголовного права теория вины базируется на философском **учении о свободе и необходимости**, согласно которому «...все поступки людей детерминированы условиями окружающей действительности, но в пределах этой детерминации у субъекта остаются широкие возможности сознательного и целенаправленного определения своей воли относительно природы, общества, сограждан, предпосылкой **нравственного и правового вменения** признается возможность человека, совершившего общественно опасное деяние, **действовать иначе**, чем он действует в данном конкретном случае»².

По мнению А. И. Рарога, философский аспект проблемы состоит в решении вопроса: почему человек должен нести ответственность за свои поступки? Юридическая наука исходит из того, что социальным основанием для возложения на человека ответственности за общественно значимое поведение **служит свобода воли**, которая понимается, как наличие у лица возможности по своему усмотрению **выбирать способ поведения**. Лицо ответственно перед обществом, государством и другими людьми за свои поступки именно потому, что у него была возможность избирать линию поведения с учетом требований закона, интересов других лиц, общества, государства, однако оно ею пренебрегло и выбрало образ поведения, противоречащей правам и законным интересам других субъектов общественных отношений, и потому запрещенных законом. Если человек не располагал свободой выбора поведения в силу психического заболевания, лишаящего его способности осознавать фактическое содержание или социальное значение своих действий (бездействия), или его поведение было обусловлено, например, воздействием непреодолимой силы или непреодолимого физического принуждения, то такие деяния не имеют уголовно-правового значения и не могут влечь за собой уголовно-правовой ответственности³.

С более широких философско-правовых позиций рассматривает свободу воли А. Н. Костенко, положив в основу своего концепта обоснованный им принцип социального натурализма. **Свобода воли**, согласно принципу социального натурализма, – подчеркнул он, – это **способность человека** проявлять свою волю как в поступках, которые не нарушают законы природы, так и в поступках, нарушающих **законы природы**. Каким будет проявление свободы воли зависит от того состояния, в котором он находит-

¹ Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность. // Избранные труды. – Спб.: «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 511, 512.

² Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. – Спб.: «Юридический центр Пресс», 2002. – С. 12.

³ Российское уголовное право: в 2 т. – Т. 1. Общая часть: учебник под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2006. – С. 97–98.

ся? А находится он может или в состоянии согласованности с законами природы (волю в этом состоянии можно назвать **«правильной»** волей), или в состоянии несогласованности с законами природы (волю в этом состоянии можно назвать **«неправильной»** волей, что по-иному еще называют **произволом**). Если воля «правильная», то она проявится в совершении человеком хорошего поступка, а если неправильная, то есть является произволом, то ее проявлением будет **преступление**. Но в обоих случаях имеет место свобода воли. Отсюда можно сделать вывод, что свобода человека в обществе – это независимость его от чьего-либо произвола, благодаря чему он имеет возможность жить по законам природы. Воля и сознание образуются у людей не для того, чтобы жить вне законов природы, а наоборот, для того, чтобы жить в согласовании с ними. Вместе с тем, справедливо отмечает А. Н. Костенко, свобода человека органически связана с его культурой. Когда граждане получают свободу, не имея надлежащей социальной (политической, экономической, правовой и т.п.) культуры, то свобода, в таком случае, превращается в свободу произвола и иллюзий. Она проявляется в виде волюнтаризма, утопизма, мистицизма, экстремизма, аморальности, преступности и в иных видах социальной патологии¹.

Еще И. Кант, как указано в предыдущих разделах работы, придавал большое значение проблеме реализации свободы воли человека, рассматривая волю человека в органической связи с объективной целью, независимой от любого произвола, которой есть, в крайнем случае, цель сохранения самого субъекта всех целей – человека в его всеобщем, или родовом бытии, как человечества в человеке. Эта разумная природа человечества и всякого вообще разумного живого является целью сама по себе. Поэтому, формальное качество всякой **нравственной воли** должно быть таково, чтобы в этой воле всегда и необходимо полагалась **ценность разумной человечности** как цель самой этой воли и условие принятия всех прочих целей, которые в отличие от этой цели, приходится признать лишь субъективными. В определении **нравственной воли** признается **компетенция** субъекта повиноваться лишь тому, что он сам **свободно признал** за чистую **ценность** – не иметь иных законов личной воли, кроме удостоверяемых **судом совести**. Тот, кто не имеет этой очевидности, просто не принадлежит к числу нравственных существ. Вера в реальность **персональной свободы** представляет собой общую для всех нравственных людей **логическую необходимость**. И. Кант последовательно проводил идею **необходимой корреляции** свободного волеизъявления и нравственной самодисциплины. Подлинно нравственным поступком может считаться только такой, который не просто легален (сообразен долгу), но морален, то есть совершается из одного лишь **уважения** к закону долга².

¹ Костенко О.М. Кримінальний кодекс і доктрина // Право України. – 2004. – №7. – С. 47.

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. – С. 234, 324, 325.

«**Разум и совесть**, – по обобщающему выводу М. Д. Шаргородского, – входят в совокупность взаимодействующих обстоятельств, определяющих конкретное поведение человека».¹

Человек может нести ответственность, – отмечает В. Н. Кудрявцев, – только за то, **что подвластно его воле**, от него зависит, а не за то, что хотя и связано с его поступками и даже детерминируют их, но само не в полной мере регулируется его **волей и сознанием** (например, сфера потребностей)².

В любом акте поведения человека, – подчеркивал П. А. Сорокин, – необходимо различать, с одной стороны, – психическую его сторону и во-вторых – внешнюю сторону, объективирующую первую сторону. Характер психических переживаний определяет собой характер поступков. Анализируя социальное явление, и, в частности, поведение людей, которые живут в сообществе, и, стараясь расчленив на те или иные категории бесконечно разнородные поступки, – следует всегда исходить из анализа тех психических переживаний, которыми сопровождается тот или иной акт поведения человека. Этот анализ дает ключ и к объяснению тех внешних актов, которые носят название поступков человека, из совокупности которых объясняется его поведение. По характеру психических переживаний автор называет следующие три вида актов поведения человека: 1. Акты «дозволенно-должные», которыми являются поступки, отвечающие воображениям «надлежащего» поведения, атрибутивно-императивным переживаниям. Это суть или акты осуществления прав или акты осуществления обязанностей. 2. Акты «рекомендуемые». Таковыми актами для каждого человека будут акты, не противоречащие его дозволенно-должному поведению, но представляющее собой сверхнормальную роскошь, избыток над необходимым минимумом «доброго» поведения. Эти акты добровольны и потому не имеют в себе никакого элемента долга. 3. Акты «запрещенные» или «недозволенные». Таковыми актами для каждого будут те акты, которые противоречат его представлениям «должного» поведения и нарушают его «должную» норму поведения³.

А. В. Кладков утверждает, что философский аспект уголовной ответственности заключается в том, что ее нужно возлагать только тогда, когда у субъекта была **свобода выбора** поведения, то есть он мог поступить в соответствии с требованиями закона, но проигнорировал эту возможность и совершил иначе, нарушив правовой запрет. Человек не может быть независим от окружающих его обстоятельств, то есть от явлений природы и общества. Но эта зависимость не уничтожает его возможности выбирать тот или иной вариант поведения в определенной конкретной ситуации. Имея сознание и волю, человек познает обстоятельства окружающего

¹ Шаргородский М.Д. Избранные труды. – С. 520.

² Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – С. 300.

³ Сорокин П. Преступление и наказание, подвиг и награда. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. – С. 83, 89.

мира и использует их в своей деятельности. Это и есть свобода воли, которая означает ничто иное, как способность принимать решение со знанием дела и, следовательно, нести за них ответственность. Если у человека не было свободы выбора, например, он действовал с отключенным сознанием или волей в результате невменяемого или вследствие непреодолимого физического принуждения, в результате чего был лишен возможности руководить своими деяниями, то в таких случаях *нет вины*¹.

Возвращаясь к *нравственным и правовым правилам*, на которых акцентировал внимание Д. А. Керимов, необходимо привести мнение А. Н. Костенко, имеющее, как представляется, методологическое значение. Он подчеркнул необходимость учета законов естественного права: «...по законам естественного права человек, *борясь против любого произвола*, должен опираться на *силу + нравственность*. Итак, чтобы быть правым, надо быть и сильным, и нравственным. Такое «золотое правило» естественного права»². Учитывая это, Р. В. Вереша определил *свободу воли* как *способность* лица определять свое поведение на основе познания объективной действительности, *способность* предусмотреть последствия своих деяний и оценивать их согласно *требованиям нравственности и права*³.

Весьма метко относительно разума воли человека высказался в свое время М. Д. Шаргородский: «Воля – это функция нормально работающего человеческого мозга, это одна из сторон психической жизни человека; волевые деяния характеризуются осознанностью и целеустремленностью... Воля – это одна из сторон психической жизни человека, она неразрывно связана с мыслительной деятельностью и чувствами... Волевые деяния человека в отличие от рефлекторных и инстинктивных являются результатом индивидуального опыта конкретного человека. Все, за что человек берется, на что направлена его воля, *связано с его интересом*».⁴

Рассматривая проблему интереса в уголовном праве, В. Я. Тацкий подчеркнул, что интерес – это самостоятельно существующий наряду с общественными отношениями и в конечном счете порождаемый ими социальный феномен. Интерес и общественные отношения не разрывны. Интерес внедряется во все глубинные связи, которые образует общественное отношение, на всех уровнях их функционирования. В силу этого интерес несет на себе отражение соответствующих общественных отноше-

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – С. 74–75.

² Костенко О.М. Концепція природного права і законодавство // Правова держава. Щорічник наукових праць. – К., 1996. – Вип. 7. – С. 79.

³ Вереша Р. Поняття та підстава кримінальної відповідальності // Право України. – 2006. – № 12. – С. 102.

⁴ Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность. – С. 508–509.

ний. Кроме этого, интерес, как правило, не скрытый, а лежит на поверхности, доступен для непосредственного восприятия и исследования¹.

Наличие свободы воли, – подчеркнул С. А. Велиев, – образует субъективное основание ответственности человека. *Под свободой воли*, утверждает он, «...следует понимать возникающее в процессе индивидуального развития биологически подготовленное и социально обусловленное **свойство человеческой психики** производить на основе познания внешней ситуации и самого себя **оценку, выбор**, принятие и осуществление решений о требуемой и ожидаемой социальной активности. **Свобода воли** интересует уголовное право на том этапе ее развития, когда человек приобрел способность сознавать социальное значение своих действий, предвидеть их социальные последствия и сосредоточить свою энергию на реализации решений, принятых с учетом необходимости, выраженной в уголовных законах... В основе внутренней регуляции поведения человека, – акцентирует он, – могут лежать три основных вида психологических состояний: **опасение подвергнуться** общественному осуждению или связанным с ним социальным санкциям; **осознание** своего общественного **долга; влечение** собственной **совести**»².

Необходимо заметить, что в доктрине уголовного права, в противоположность указанным выше концептам ученых, высказано иное видение анализируемой проблемы, а именно: – **отрицание самого понятия «свобода воли»**. Так, Н. Г. Иванов, однозначно заметив, что «...юридического понятия воли, как и юридического понятия мотива быть не может, то есть они не имеют специфического правового содержания, так как базируются на интерпретации психофизиологов...», что «...воля – это психический механизм, служащий дополнительным импульсом, а также регулятором активности человека, предполагающий преодоление возникших преград на основе выбора одного из предпочтений», пришел к выводу: «свобода воли означает, по сути дела, свободу хотения: я могу делать то, что я хочу, и если так, то я свободен». Вместе с тем, далее он делает иной категорический вывод, что «...воля есть определенное ограничение, благодаря которому блокируются все степени свободы, за исключением одной, воплощающейся в конкретном поведении. Следовательно, воля не может быть свободна, ибо сама **стремится к сужению свободы ... свобода и воля не могут быть соединены**, поскольку это противоречит естеству»³. Тем самым Н. Г. Иванов поддержал концепт, высказанный в науке значительно раньше. Еще С. И. Тихенко писал о том, что термин «свобода воли» является неуместным и предлагал вместо него применить

¹ Тацій В.Я. Вибрані статті, виступи, інтерв'ю / упор. О.В. Петришин, Ю.Г. Барабаш, В.І. Борісов; відпов за випуск О.В. Петришин. – С. 187.

² Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – С. 19.

³ Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности: учебн. пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – С. 80, 82, 83, 92, 93.

термин **«свобода выбора»**¹. Позднее иные авторы высказались в его поддержку. Так, А. Т. Москаленко и В. Ф. Сержантов пришли к заключению, что «...свобода воли есть нечто противоречивое в себе, потому что эти два объединенных в одном термине слова выражают противоположные тенденции»².

В предыдущем разделе данной работы приведено мнение Н. В. Витрука, с которым следует согласиться, в том, что свободная воля человека не реализуется в «чистом виде», а через соответствующий эквивалент в праве, которым является **правосубъектность** – понятие, характеризующееся единством трех структурных элементов: 1) правоспособность; 2) дееспособность и 3) деликтоспособность³. Подобный подход относительно анализа уголовно-правовых проблем применил И. И. Митрофанов, который пишет об **уголовной правосубъектности**, составными которой являются: уголовная правоспособность; уголовная дееспособность; уголовная деликтоспособность человека⁴.

Еще раз заметим, что научная полезность данного концепта является очевидной. Наряду с этим, как представляется, нужно говорить об **уголовно-правовой правосубъектности** и соответственно о: 1) уголовно-правовой правоспособности – как способности лица иметь предусмотренные уголовным законом права и обязанности; 2) уголовно-правовой дееспособности – как способности лица своими деяниями приобретать права и обязанности, предусмотренные уголовным законом; 3) уголовно-правовой деликтоспособности – как способности лица самостоятельно избирать вариант поведения и отвечать за уголовно-неправомерную реализацию своих прав или исполнение обязанностей.

Многие учение рассматривают основание негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека **как явление сугубо юридическое, правовое**. Так, В. Я. Тацкий, ссылаясь на ч. 1 ст. 2 УК Украины, обосновано пишет, что «...единственным таким основанием является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренного УК. Как видим, основание уголовной ответственности включает в себя двуединую составляющую часть – **основание фактическое** (совершение лицом общественно опасного деяния) и **юридическое** (наличие в совершенном деянии состава преступления). В свою очередь, процессуальным основанием уголовной ответственности по ч. 2 ст. 2 УК признается обвинительный приговор суда»⁵.

¹ Тихенко С.И. Невменяемость и вменяемость. – К.: [б.и.], 1927. – С. 67–68.

² Москаленко А.Т., Сержантов В. Ф. Личность как предмет философского познания. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 276.

³ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – С. 12, 15–16.

⁴ Митрофанов І.І. Суб'єкти відновлювальних кримінально-правових відносин // Юридична Україна. – 2010. – № 12. – С. 112–113.

⁵ Тацій В.Я. Вибрані статті, виступи, інтерв'ю. – С. 321–322.

В. Б. Харченко поддерживая позицию относительно того, что единственным основанием негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека является наличие в совершенном им деянии состава преступления, которое называет **юридическим (материальным)** основанием, кроме этого выделяет и **фактическое (процессуальное)** основание негативной (ретроспективной) уголовной ответственности – обвинительный приговор суда¹. Подобную позицию занимает и Н. В. Чернышева, утверждая, что основания уголовной ответственности разделяются на материальные и процессуальные. Материальным основанием является наличие в деянии лица состава преступления, процессуальным – обвинительный приговор суда относительно этого лица, вступивший в законную силу².

По мнению И. В. Красницкого, понятие оснований уголовной ответственности человека можно рассматривать в трех уровнях: а) философском – за что и почему лицо должно подлежать уголовной ответственности; б) нормативном – согласно действующему УК Украины; в) науки уголовного права³.

Б. С. Маньковский в одно время считал, что основанием уголовной ответственности человека является вина, потом изменил свою позицию, признав основанием уголовной ответственности человека состав преступления, который, в свою очередь, объединяет объективное (общественно опасное деяние) и субъективное (вина) основания⁴.

В. И. Осадчий, А. Н. Игнатов, Т. А. Костарева, Б. А. Куринов основаниями негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека называют:

а) **фактическое основание** – это совершение преступного деяния, предусмотренного в действующем уголовном кодексе;

б) **юридическое основание** – наличие в совершенном лицом общественно опасном деянии состава преступления в действующем уголовном кодексе⁵.

По Б. А. Куринову, состав преступления является единственным **правовым** основанием уголовной ответственности человека, а совершение им преступления – **фактическим** основанием его уголовной ответственности⁶.

¹ Харченко В.Б. Уголовное право Украины. – С. 27.

² Чернишова Н.В. Кримінальне право України (загальна частина): навч. посібник. – К.: Атіка, 2003. – С. 36.

³ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред О.М. Бандурки. – Х.: Вид. Харків. ун-ту внутр. справ, 2011. – С. 54.

⁴ Маньковский Б.С. Проблема ответственности в уголовном праве. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – С. 105.

⁵ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. – С. 77; Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления. – С. 19.

⁶ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 40.

«В пределах конкретного общественно опасного деяния обычно принято, – пишет Б. С. Волков, – различать **объективные** и **субъективные** основания уголовной ответственности человека. Иногда эти основания именуются **условиями** уголовной ответственности. Объективные и субъективные основания уголовной ответственности человека нельзя сводить исключительно к признакам, характеризующим объективную и субъективную сторону преступления». Среди объективных оснований (условий) он называет: совершенное деяние, его общественная опасность, последствия преступления, причинная связь между ними, обстоятельства совершения преступления, способ совершения преступления, предмет посягательства. К субъективным основаниям он относит «все то, что обуславливает выбор в данных обстоятельствах именно того варианта поведения, который для него является наиболее желательным». Это: не только признаки субъективной стороны преступления, а и обстоятельства, характеризующие действующее лицо, как субъекта преступления, в частности, особенности развития сознания и воли¹.

Ю. М. Ткачевский утверждает о наличии двух оснований уголовной ответственности человека: а) **объективного** – совершение им общественно опасного деяния и б) **субъективного** – вины².

Т. В. Корнякова выделила **две самостоятельные стороны единого основания** уголовной ответственности человека, закрепленной в ч. 1 ст. 2 УК Украины, а именно: а) **фактическую** – совершение им общественно опасного деяния, отвечающего требованиям ч. 1 ст. 11 УК Украины; б) **нормативную** – совершение им деяния, содержащего признаки состава конкретного преступления, предусмотренного действующим УК Украины. Установление совокупности фактической и юридической сторон совершения деяния является свидетельством наличия **единого основания** привлечения человека к уголовной ответственности³.

П. П. Андрушко считает, что «...можно вести речь об **«совокупном»** основании уголовной ответственности – совершение общественно опасного деяния (**фактическое основание**) и наличие уголовного закона, в котором совершенное лицом деяние определено как преступление определенного вида (**правовое основание**)... Поскольку до постановления обвинительного приговора лицо является не виновным в совершении преступления, а уголовная ответственность имеет индивидуальный характер, необходимым **формальным (процессуальным)** основанием этой ответственности является обвинительный приговор суда, которым лицо признается виновным в совершении преступления и в котором его ответственность приобретает индивидуальный характер»⁴.

¹ Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – С. 80–85.

² Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели. Избрание труды. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2010. – С. 421.

³ Корнякова Т. Об'єкт посягання і система злочинів у сфері навколишнього природного середовища // Право України. – 2009. – № 2. – С. 124.

⁴ Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України: у 2 т. – Т. 1. – С. 13–14.

Я. И. Соловий высказал мнение, что для привлечения к уголовной ответственности человека необходимо три основания: 1) **правовое (юридическое)** – состав преступления, предусмотренный в Особенной части УК; 2) **фактическое (материальное)** – совершение им преступления; 3) **формальное (процессуальное)** – обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу¹.

В. Д. Филимонов анализирует три основания уголовной ответственности: 1) **философское**; 2) **социальное**; 3) **правовое**. **Под философским** основанием уголовной ответственности человека он понимает главным образом социальную потребность в таких мерах государственного принуждения, которые способны решить противоречие в системе общественных отношений, возникших вследствие совершения преступлений и выявления лиц, представляющих опасность для других людей, общества, государства.

Социальным основанием уголовной ответственности человека, отмечает он, следует признать крайнюю необходимость удовлетворения социальной потребности в применении к лицам, совершившим общественно опасные деяния, таких мер государственного принуждения, которые способны осуществить восстановление нарушенной преступлением социальной справедливости, а также исправление лиц, совершивших преступления и предупреждения совершения ими и иными лицами новых преступлений.

Правовое основание уголовной ответственности человека, – считает он, – составляет совершенное им преступление. **В узком смысле** разумения преступления – это такое основание уголовной ответственности, которое включает в себя лишь те признаки общественно опасного деяния, которые соответствуют только элементам конкретного состава преступления. **В широком смысле** разумение слова преступление – это такое основание уголовной ответственности человека, имеющее в своем содержании наряду с признаками состава преступления, еще и такие, которые к этой категории не относятся, – отягчающее и смягчающее обстоятельства и личность виновного. При такой постановке вопроса признаки деяния, соответствующие элементам конкретного состава преступления, будут рассматриваться в качестве **правового основания возникновения** уголовной ответственности человека. Те же признаки в сочетании с признаками преступления, а также с признаками, характеризующими обстоятельства его совершения и личность виновного, должны будут рассматриваться в качестве **правового основания вида и размера** уголовной ответственности человека. Преступление как **определяющее**, а совокупность смягчающих и отягчающих обстоятельств как **дополнительное** основание уголовной ответственности имеют **социальное** и **право-**

¹ Соловій Я.І. Межі кримінальної відповідальності. – С. 49.

вое содержание. *Социальное содержание* выражается в характере и степени общественной опасности, а *правовое* – в противоправности общественно опасного деяния. Социальное содержание смягчающих и отягчающих обстоятельств состоит в таких свойствах преступления, условиях его совершения и личности виновного, которые влияют на характер и степень общественной опасности преступления и личности преступника¹.

По мнению В. П. Тихого, есть *четыре основания* негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека: 1) *фактическое основание* – совершение им общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный уголовным законом; 2) *нормативно-правовое (законное) основание* – состав преступления; 3) *процессуально-правовое основание* – обвинительный приговор суда; 4) *общетеоретическое основание* – проблемы причинности, свободы воли, права государства наказывать².

В современной доктрине уголовного права имеются и иные концепты оснований (условий) негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека. Так, В. А. Андриенко, И. С. Лесниченко, Ю. Е. Пудовочкин, П. В. Разумов предложили *общими условиями* негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека признавать: *а)* совершение им деяния, содержащего признаки состава преступления, в пределах уголовной юрисдикции Р.Ф.; *б)* совершение им деяния, содержащего признаки состава преступления, в период действия УК РФ; *в)* отсутствие обстоятельств, исключающих преступность его деяния; *г)* отсутствие у него иммунитета от уголовной ответственности³.

Узкий подход к обоснованию оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека сводится к выделению одного, единственного основания. Среди них наиболее распространенными являются: *а)* состав преступления⁴; *б)* *совершение* лицом *деяния*, содержащего состав преступления, предусмотренный в

¹ Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому уголовному праву. – С. 26, 38, 45–49.

² Тихий В.П. Підстава кримінальної відповідальності за новим Кримінальним кодексом України. – С. 50.

³ Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. – С. 67.

⁴ См., например: Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. – С. 79; Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – С. 53.

действующем Уголовном кодексе¹; в) **совершение** лицом преступления²; г) состав уголовной ответственности³. Были также высказаны суждения, что основанием негативной (ретроспективной) уголовной ответственности является, наряду с составом преступления, в частности, вина, виновность⁴. В других случаях – цель⁵, норма права⁶, осуждение (порицание)⁷,

¹ См., например: Вартилицька І.А., Плугатир В.С. Кримінальне право України. Загальна частина. – С. 30; Кримінальне право України / за ред. О.М. Омельчука. – С. 10; Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть. – С. 26; Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть общая. / Отв. ред. Ф.Г. Бурчак. – С. 49; Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина. – С. 58; Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. – Т. 1. Общая часть. – С. 267; Пинаев А.А. Курс лекций по Общей части уголовного права. Книга 1. О преступлении. – С. 51; Российское уголовное право. Общая часть: в 2 т. – Т. 1. / под ред. Л.А. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – С. 99; Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – С. 126; Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – С. 44; Карпушин М.П., Курлядский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 185; Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. – Т. 1. Общая часть / отв. ред. и рук. авт. кол. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – С. 82; Харченко В.Б. Уголовное право Украины. – С. 27.

² Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 46–47; Кисенишский М.М. К вопросу о понятии состава преступления в советском уголовном праве // Труды Томского государственного университета. – Т. 137. – Серия юрид. – 1957. – С. 95; Марцев А.И. Уголовная ответственность как средство предупреждения преступлений. – Омск: Омская высшая школа милиции, 1980. – С. 26–27; Лясс Н.В. К вопросу об основаниях уголовной ответственности // Вестник ЛГУ. – 1960. – № 17. – С. 132; Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. – С. 34–35; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. – С. 59; Марцев А.И. Избранные труды. – Омск: Изд-во Омской академии МВД РФ, 2005. – С. 24; Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. – С. 128; Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. М.П. Журавлева, А.И. Рарога. – С. 24–26; Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 115.

³ См.: Благов Е.В. Основы применения уголовного права. – Ярославль: Ярослав. госуд. ун-т, 1992. – С. 16, 23; Стручков В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (система, законодательная регламентация, эффективность применения): дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1997. – С. 58–59.

⁴ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – С. 8–9; Никифоров Б.С. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Соц. законность. – 1960. – № 1. – С. 12–19; Сергеева Т.Л. Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву. – С. 11–15; Тихонов К.Ф. К вопросу об основаниях уголовной ответственности; Ной И.С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Сов. госуд. и право. – 1982. – № 7. – С. 92–96.

⁵ Можейко В.Н. Хозяйственный договор в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 175–176.

⁶ Прохоров В.С. Развитие учения об уголовной ответственности // Курс советского уголовного права. – Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. – Т. 5. – С. 512; Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 105.

⁷ Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. – СПб.: СПб ун-т, 1995. – С. 26.

но они не нашли широкой поддержки в научной среде¹. А. Б. Сахаров, например, пришел к выводу, что «... при всей важности состава преступления, его установление недостаточно для решения вопроса об уголовной ответственности ... для этого кроме состава преступления, наряду с ним имеет значение личность преступника»².

Необходимо при этом обратить внимание на уточнение редакции ч. 1 ст. 2 УК Украины, предложенное И. В. Красницким и поддержанное А. А. Дудоровым. Суть уточнения сводится к тому, что основанием негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека следует признать **совершение им одного или нескольких** общественно опасных деяний, содержащих признаки **одного или нескольких** предусмотренных УК составов законченных преступлений или приготовления к преступлению или покушения на преступление, а также организации преступления, подстрекательства к преступлению или пособничества в преступлении. Это основание И. В. Красницкий называет **позитивным**, а отсутствие оснований для обязательного и безусловного освобождения человека от уголовной ответственности – **негативным** основанием³. Подобное воззрение несколько ранее изложил И. П. Малахов, рассматривающий в этом контексте основание негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека так: совершение преступления, соучастие в преступлении, утаивание преступления и недонесение о преступлении⁴. Такая концепта нашла свое частичное закрепление в ст. 10 УК Республики Беларусь, где закреплено, что основанием негативной (ретроспективной) уголовной ответственности является «совершение виновно запрещенного настоящим Кодексом деяния в виде: 1) оконченного преступления; 2) приготовления к совершению преступления; 3) покушения на совершение преступления; 4) соучастия в совершении преступления».

В связи с этим, с учетом того, что уголовный закон выделяет четыре вида соучастников преступления и три этапа совершения преступления, И. В. Красницкий, из оснований, предусмотренных в Общей части УК, выделяет 12 видов составов преступлений: 1) состав оконченного преступления (относительно исполнителя); 2) состав организации оконченного преступления; 3) состав подстрекательства к оконченному преступлению; 4) состав пособничества в оконченном преступлении; 5) состав покуше-

¹ Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности. – С. 90–98.

² Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 23.

³ Красницкий І.В. Кримінальна відповідальність як інститут кримінального права Франції та України: порівняльний аналіз. – С. 127–139; Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – С. 72.

⁴ Малахов И.П. Основания уголовной ответственности // Советское государство и право. – 1991. – № 6. – С. 76–81.

ния на совершение преступления (относительно исполнителя); 6) состав организации покушения на преступление; 7) состав подстрекательства к покушению на преступление; 8) состав пособничества в покушении на преступление; 9) состав приготовления к совершению преступления (относительно исполнителя); 10) состав организации приготовления к совершению преступления; 11) состав подстрекательства к приготовлению в совершении преступления; 12) состав пособничества в приготовлении к совершению преступления. Эти виды составов преступлений находятся в пределах таких их типов: 1) состав оконченного преступления; 2) состав покушения на преступление; 3) состав приготовления к преступлению; 4) состав организации преступления; 5) состав подстрекательства к совершению преступления; 6) состав пособничества в преступлении¹.

Ключевыми понятиями в рассмотренных выше определениях оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека являются понятия: **«состав преступления»** и **«деяние, содержащее признаки состава преступления»**.

Что касается понятия «состав преступления» (*corpus delicti* – лат.), то впервые оно было введено в научный оборот Проспером Фаринацием еще в XVI-м веке. Изначально оно имело процессуальное значение – под ним понимали те следы, которые оставляет преступное деяние во внешнем мире: труп, орудие убийства и т.п. Установление состава преступления позволяло удостовериться в наличии события преступления и было первой стадией уголовного процесса. Второй стадией был так называемый специальный розыск преступника. В английском уголовном праве и сейчас термин **«corpus delicti»** по-прежнему носит процессуальный, доказательственный оттенок и служит объективным свидетельством совершения преступления. В XVII веке немецкий исследователь Клейн положил начало теоретической разработке состава преступления (*tatbestand*) в немецком праве. К концу XVII века понятие «состав преступления» прочно завоевало позиции в материальном уголовном праве Германии. В результате фундаментальных разработок немецких ученых-юристов, представителей классической школы уголовного права Штубеля, Фейербаха, Геффтера, Биндинга, Шютце, Кестлинга к середине XIX века сложилось относительно цельное учение о составе преступления. Однако оно не оставалось неизменным. Со временем, первоначальное объективное понимание состава преступления в XIX веке сменилось вычленением объективного и субъективного составов преступления, иначе говоря, в состав преступления включили субъективные признаки. В XIX веке получила распространение широкая трактовка состава преступления под термином **«состав преступления в широком смысле слова»**. Последний включает все предпосылки наказа-

¹ Красницький І. В. Кримінальна відповідальність як інститут кримінального права Франції та України: порівняльний аналіз. – С. 134–135.

емости: состав преступления в узком смысле слова, противоправность, виновность. Белинг ввел в научный оборот понятие состава преступления в узком смысле слова, под которым понимаются описанные в законе индивидуальные признаки преступления. Впервые на законодательном уровне стараниями А. Фейербаха в Баварском уголовном уложении 1813 года было закреплено положение о соответствии составу преступления как о необходимом признаке преступного деяния¹.

В доктрине украинского уголовного права общепризнанным является концепт, что «состав преступления» – это совокупность объективных и субъективных элементов, которые характеризуют общественно опасное деяние как преступление.

В. Н. Кудрявцев назвал состав преступления «...**информационной моделью** преступления определенного вида, закреплённой в уголовном законе. Эта модель образуется в результате обобщения признаков всех преступлений данной разновидности. В результате мы получаем экономное, краткое и достаточно четкое описание их основных свойств»².

Элементами состава преступления является: объект состава преступления; объективная сторона состава преступления; субъект состава преступления; субъективная сторона состава преступления. Каждый элемент состава преступления характеризуется присущими лишь ему признаками. Правда, в советской и, в частности, российской юридической литературе высказывались и другие мнения относительно элементов состава преступления. В частности, в науке были высказаны взгляды о том, что состав преступления не включает в себя признаков объекта преступления (Н. Ф. Кузнецова), объекта и субъекта преступления (П. А. Фефелов), что состав преступления имеет трехчленную структуру – «объект, деяние, субъект» (В. П. Мальков) или двухчленную структуру – «объективная сторона – субъективная сторона» (А. А. Герцензон)³. Г. В. Назаренко также обращает внимание на это обстоятельство, отмечая, что «одни авторы выводят за рамки состава преступления объект преступления (Я. М. Брайнин), а другие исключают вину (И. С. Ной), третьи – признаки субъекта преступления (А. Н. Трайнин, К. Ф. Тихонов)⁴. Названные позиции ученых относи-

¹ Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть. – С. 26; Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления. – С. 23–24.

² Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – С. 300.

³ См.: Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. – С. 65; Избранные труды / Н.Ф. Кузнецова. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 487–489; Фефелов П.А. Основания уголовной ответственности в советском праве // Сов. госуд. и право. – 1983. – № 12. – С. 87; Мальков В.П. Состав преступления в теории и в законе // Госуд. и право. – 1996. – № 7. – С. 111; Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. – М.: Изд-во РИО ВЮА, 1948. – С. 285.

⁴ Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть. – С. 52.

тельно структуры состава преступления не были широко поддержаны другими учеными-криминалистами.

Обобщив взгляды ученых-криминалистов относительно разумения понятия «состав преступления», С. Д. Шапченко пришел к обоснованному выводу, что термин «состав преступления» употребляется учеными в таких трех значениях: а) как законодательная модель преступления определенного вида – специфическая юридическая конструкция в виде **юридического состава преступления**; б) как объединение юридических фактов – деяния лица с другими фактическими обстоятельствами, имеющими системный характер, что является своеобразной **«фактической конструкцией»**; в) как категория наук уголовного права – сугубо теоретическая конструкция, **научная абстракция**¹.

Рассматривая совершенное общественно опасное деяние, содержащее состав преступления, предусмотренный УК, как юридическое условие единого основания уголовно-правовой ответственности человека, Н. И. Панов, как представляется наиболее полно определил понятие состава преступления и его значение для реализации уголовно-правовой ответственности: **«Состав преступления** – это юридическая конструкция, представляющая собой систему объективных и субъективных признаков, указанных УК Украины, которые в совокупности определяют общественно опасное деяние как преступление. Под **признаком состава преступления**, пишет он, следует понимать черту (свойство, качество) преступления, которая отвечает следующим требованиям: а) вместе с иными признаками данного состава (и в их единстве) определяет общественную опасность, противоправность и виновность деяния; б) отражает индивидуальные черты и особенности, присущие каждому конкретному преступлению (его «вида»), которыми он отличается от других преступлений, а также от деяний, которые не являются преступными; в) непосредственно указанная в законе или однозначно вытекает из его содержания при толковании; г) свойственна всем преступлениям данного вида (типа) и не является выведенной (образованной) из других признаков. Состав преступления представляет собой такую систему объективных и субъективных признаков, которые должны быть **исчерпывающими, необходимыми и достаточными**. **Исчерпанность** признаков состава преступления следует понимать как всестороннее и полное, во всех необходимых деталях (исчерпывающее) и вместе с тем в обобщенном виде текстуальное определение в законе общественно опасного деяния как преступления. **Необходимость** означает обязательность этих признаков в их совокупности для констатации наличия в совершенном деянии состава преступления; отсутствие хотя бы одного из этих обязательных признаков всегда исключает возможность констатации наличия состава

¹ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для студ. юрид. вузів і факультетів. За ред. проф. Матишевського П.С., доц. Андрушка П.П., доц. Шапченка С.Д. – К.: Юрінком Інтер, 1997. – С. 86–90.

преступления. *Достаточность* свидетельствует о том, что установление всех обязательных указанных в законе признаков не нуждается в установлении иных (дополнительных) и не указанных в законе признаков для вывода относительно наличия в совершенном общественно опасном деянии состава преступления как юридического условия основания уголовной ответственности.

Состав преступления, подытоживает Н. И. Панов, представляет собой стройную систему признаков, которая характеризуется логической согласованностью и упорядоченностью. Они тесно связаны между собой и образуют единое целое – состав преступления. Вместе с тем эти признаки могут быть сгруппированы в единицы более высокого (по степени обобщения) уровня, которые образуют структуру состава преступления. Эти единицы в теории уголовного права получили название «элементы состава преступления»¹.

М. И. Бажанов, изучив вопрос о значении и функциях состава преступления, указал на такие его функции: а) фундаментальная; б) процессуальная; в) разграничительная; г) гарантийная. *Состав преступления* является законным, единственным, необходимым и достаточным основанием уголовной ответственности, иначе говоря, – подчеркнул он, – *фундаментом* уголовной ответственности человека. *Законным* он есть потому, что его признаки описаны лишь в уголовном законе; принцип законности в уголовном праве находит свое выражение в том, что состав преступления и является законным основанием. *Единственное основание* – это означает, что любое иное поведение человека, не образующее состава преступления, не может служить основанием его ответственности. *Необходимое основание* – означает, что уголовная ответственность человека может иметь место лишь при наличии состава преступления, являющегося необходимым условием его уголовной ответственности, без его установления в деянии лица она невозможна. *Достаточное основание* – установление состава преступления – это все, что требуется, этого вполне достаточно для уголовной ответственности человека. *Процессуальная функция* состава преступления заключается в том, что он устанавливает пределы расследования. Самая важная задача любого расследования – это установление в деянии человека состава преступления. *Разграничительная функция* состава преступления – он отграничивает преступное деяние человека от не преступного деяния. С его помощью отделяется также одно преступление от иного. *Гарантийная функция* состава преступления – точное установление признаков состава преступления является гарантией лица, его прав и свобод, гарантией законности, единообразного применения уголовного закона. Состав

¹ Панов М.І. Підстава кримінальної відповідальності: поняття та значення в удосконаленні КК України // 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 13-14 жовт. 2011 р.). – С. 70–71.

преступления является законодательной моделью квалификации преступления¹.

Своеобразное видение функций состава преступления высказал И. Б. Агеев, заметив при этом, что **состав преступления** является произведенным наукой уголовного права и воспринятый уголовным законом инструментом, позволяющим определить юридическую конструкцию общественно опасного деяния и сделать вывод о том, что оно является преступлением, описаны в той или иной статье Уголовного кодекса. **Состав преступления** как понятие включает в себя типичные признаки, необходимые и достаточные для признания общественно опасного деяния человека **преступлением**. Опять же таки, – продолжает автор, – преступление и состав преступления являются понятиями взаимосвязанными, но не тождественными. Если понятие «преступление» содержит в себе признаки, которые характеризуют деяние субъекта как общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое, то понятие «состав преступления» характеризует системные элементы преступления: объект, объективную сторону, субъекта, субъективную сторону. Если понятие «преступление» в материальном признаке выражает социальную сущность преступления – общественную опасность, а в нормативном признаке – правовую значимость преступления как запрещенного законом и наказуемого деяния, то состав преступления закрепляет правовую структуру преступления, в частности, в конкретных составах преступлений признаки преступления (общественную опасность, противоправность, виновность) конкретизируются путем указания в диспозициях норм Особенной части УК признаков совершенных деяний, их последствий, форм вины, мотивов и цели преступлений².

В Рекомендации международной научно-практической конференции «10 лет деяния Уголовного кодекса Украины: проблемы применения, усовершенствования и дальнейшей гармонизации с законодательством европейских стран» также обращено внимание и констатируется, что «...состав преступления как специфическая правовая конструкция выполняет чрезвычайно важные уголовно-правовые функции в системе уголовной ответственности – фундаментальную, квалификационную, разграничительную, гарантийную и процессуальную»³.

Таким образом, **состав преступления** – это законодательная (юридическая) модель преступления, которая представляет собой систему предусмотренных законом Украины об уголовной ответственности (УК Украины) объективных и субъективных элементов, каждый из которых имеет свои признаки. Состав преступления, как представляется,

¹ Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть. – С. 27–28.

² Агеев И.Б. Состав преступления: понятие, элементы, значение: учеб. пособие. – М.: Юрист, 2008. – С. 6–10.

³ Питання боротьби зі злочинністю: зб. наук. пр. / ред.: В.І. Борисов та ін. – Х.: Право, 2011. – Вип. 22. – С. 286.

выполняет следующие функции: 1) статическую; 2) динамическую; 3) разграничительную; 4) информационную; 5) гарантийную.

Статическая функция проявляется, в частности, в следующем: а) состав преступления является средством криминализации (декриминализации) общественно опасных деяний человека; б) при помощи состава преступления устанавливаются пределы уголовной ответственности человека за конкретные общественно опасные деяния; в) состав преступления выступает одним из средств определения пределов уголовно-правового регулирования; г) состав преступления является одним из средств фиксации уровня развития правовой культуры.

Динамическая функция проявляется, в частности, в том, что: а) состав преступления является одним из средств совершенствования действующего УК; б) состав преступления имеет значение для применения уголовного закона, поскольку он выступает составляющей объективного и субъективного оснований уголовной ответственности, определяет пределы расследования преступления, является основой правильной квалификации преступления.

Разграничительная функция проявляется, в частности, в следующем: а) состав преступления позволяет разграничить преступления между собой, друг от друга; б) состав преступления позволяет разграничить преступление от иных правонарушений.

Информационная функция заключается в том, что состав преступления содержит в себе информацию о содержании и пределах уголовно-правового регулирования (право, обязанность, запрет), что имеет большое значение для: а) правоприменительных органов; б) физических и юридических лиц; в) ученых.

Гарантийная функция проявляется в том, что состав преступления, определяя пределы уголовно-правового регулирования (право, обязанность, запрет), служит средством гарантии прав и свобод человека.

Как верно заметил Н. И. Панов, деяние человека «...характеризуется определенной совокупностью признаков: деяние должно быть конкретным, осознанным, волевым и общественно опасным актом поведения лица. Общественная опасность деяния определяется всей совокупностью объективных и субъективных признаков, ему присущих: характером деяния; способом и средствами, с помощью которых совершается посягательство, местом, временем и обстановкой совершения деяния, формой вины, направленностью умысла лица, мотивами и целью его поведения. Особое значение для признания деяния общественно опасным имеют характер и ценность общественных отношений, на которые оно посягает, а также характер и тяжесть (размер) вреда, вызванного деянием этим отношениям, или угроза его причинения. В конце концов, деяние как акт сознательного, волевого и общественно опасного поведения (фактическое условие основания уголовной ответственности) должно быть совершено лицом физически вменяемым, достигшим возраста уголовной ответвен-

ности, то есть субъектом преступления, что вытекает непосредственно из содержания ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 11 и ч. 1 ст. 18 УК»¹.

Теперь относительно понятия **«общественно опасное деяние, содержащее состав преступления»**. Следует согласиться с мнением тех ученых (В. А. Андриенко, И. П. Лесниченко, П. С. Матишевский, Ю. Е. Пудовочкин, П. В. Разумов и др.), которые обратили внимание на то, что совершение общественно опасного деяния, содержащего признаки состава преступления, не всегда является основанием для привлечения человека к уголовной ответственности. В частности, в ч. 2 ст. 11 УК Украины закреплено следующее положение: «Не является преступлением действие или бездействие, которое хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, то есть не причинило и не могло причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству».

Отдельные лица пользуются дипломатическим иммунитетом и не подлежат уголовной юрисдикции Украины без четко выраженного согласия аккредитирующей стороны согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года. Вопрос об их ответственности решается дипломатическим путем. Другие лица, в частности, судьи, народные депутаты Верховной Рады Украины, Президент Украины пользуются неприкосновенностью. Решение вопроса об их уголовно-правовой ответственности имеет свою специфику.

Нужно также иметь в виду и те случаи, когда действующий УК Украины предусматривает обстоятельства, исключающие преступность деяния или такие, которые служат основанием для освобождения лица от уголовной ответственности как в Общей части УК (например, ст.ст. 44, 45, 46, 47, 48, 49), так и в Особенной части УК (ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 114, ч. 3 ст. 175, ч. 4 ст. 212, ч. 2 ст. 255, ч. 5 ст. 258, ч. 6 ст. 260, ч. 3 ст. 263, ч. 4 ст. 289, ч. 4 ст. 307, ч. 4 ст. 309, ч. 4 ст. 311, ч. 3 ст. 369, ч. 4 ст. 401). Заслуживает поддержки предложение об уточнении редакции ч. 1 ст. 2 УК Украины относительно основания уголовной ответственности. Думается, что ч. 1 ст. 2 УК Украины целесообразно дополнить словами: **«если совершенное деяние не является малозначущим, отсутствуют обстоятельства, исключающие преступность деяния, лицо не подлежит уголовной юрисдикции Украины, а также не подлежит освобождению от уголовной ответственности»**.

Обращает на себя внимание позиция А. А. Чистякова о **материальном и юридическом** содержании **единого основания** негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека, которым является деяние, содержащее все признаки состава преступления, указанные в уголовном за-

¹ Панов М.І. Підстава кримінальної відповідальності: поняття та значення в удосконаленні КК України. – С. 69–70.

коне. **Материальным** ее содержанием является совершение лицом деяния, а признаки состава преступления, которыми наделено это деяние, составляют его юридическую форму, **юридическое основание**¹. В данном случае А. А. Чистяков разделяет разумение основания негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека, высказанное ранее Г. А. Кригером².

В том случае, когда речь идет о том, что **основанием негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека является совершения им преступления**, некоторые ученые не ограничиваются лишь констатацией того, **что ее основанием является преступление**, а дают детальное определение его понятия. Так, И. Я. Козаченко пришел к выводу, что единственным основанием негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека является общественно опасное, виновное и противоправное деяние, то есть преступление, признаки которого выражены в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса. Состав преступления, определяя оптимально допустимое дозирование соотношения объективных и субъективных признаков общественно опасного, виновного и противоправного деяния, выступает для правоохранительных органов единственно возможной моделью (эталоном) уголовно-правовой оценки (квалификации) преступления и лица, его совершившего³.

И. Э. Звечаровский, критически высказался относительно законодательного решения (ст. 8 УК РФ) считать основанием уголовной ответственности человека «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным кодексом». За пределами этой формулировки, — утверждает он, — остаются признаки, хотя и не входящие в состав преступления, тем не менее, влияющие на характер и объем уголовной ответственности за совершенное преступление. Если не отождествлять понятия преступления и состава преступления, то основанием уголовной ответственности человека, считает он, выступает сам факт совершения преступления⁴.

А. П. Козлов также приходит к выводу, что гораздо продуктивнее признавать основанием уголовной ответственности совершение преступления, а не **искусственную, фиктивную конструкцию состава преступления**. При этом он благосклонно отнесся к предложению М. Ю. Дворецкого и В. Ю. Стромова признавать основанием уголовной ответственности совершенное деяние, содержащее все признаки преступления, предусмотренные нормами Общей и Особенной частей уголовного кодекса⁵.

¹ Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. — С. 126.

² Кригер Г.А. Состав преступления и его значение // Сов. юстиция. — 1982. — № 6. — С. 8.

³ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. — С. 103.

⁴ Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. — С. 46.

⁵ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. — С. 115.

Е. В. Благов и В. В. Стручков, как уже отмечалось, отстаивают концепт, согласно которому основанием уголовной ответственности человека является **состав уголовной ответственности (наказания)**, характеризующийся четырьмя признаками: 1) **субъект** – государство в лице компетентных органов; 2) **субъективная сторона** – активность субъекта состава относительно объекта: а) решение о возбуждении уголовного дела, решение об отказе в нарушении уголовного дела – для фактического состава уголовной ответственности; б) привлечение к уголовному проведению лица, совершившего предусмотренное уголовным законом деяние, как обвиняемого или в другом качестве – свидетеля, потерпевшего – для юридического состава уголовной ответственности; 3) **объект** – способность лица (полная или ограниченная), совершившего предусмотренное уголовным законом деяния, воспринимать воздействие; 4) **объективная сторона** (активность субъекта состава относительно факта деяния): а) выявление факта совершенного деяния, предусмотренного уголовным законом, субъектом состава – для фактического состава уголовной ответственности; б) совокупность отнесенных, допустимых, достоверных, достаточных доказательств, собранных субъектом состава, которые устанавливают вину или причастность к ней лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, – для юридического состава уголовной ответственности¹.

Вызывает сомнение рациональность и логичность развития данного концепта оснований уголовной ответственности человека. Вообще она представляется смесью признаков, поводов, условий, которые имеют несомненно уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значения. Думается, что такое разумение основания уголовной ответственности человека может в значительной мере усложнить деятельность правоохранительных органов и суда относительно квалификации совершенного виновным общественно опасного деяния.

Проведенный обзор позиций ученых относительно оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека позволяет утверждать, что на современном этапе развития цивилизации определение этих оснований целесообразно проводить из широких социально-правовых позиций по примеру Ю. В. Баулина, А. А. Дудорова, А. И. Рарога, В. Д. Филимонова и других ученых. Прежде всего нужно говорить о философско-этическом обосновании этих оснований, что дает возможность значительно глубже понять социальную обусловленность уголовной ответственности, а уже после этого о сугубо юридических основаниях негативной (ретроспективной) уголовной ответственности. При таком подходе становится понятным, почему государство имеет право привлекать лицо, нарушившее уголовно-правовое предписание,

¹ Благов Е.В. Основы применения уголовного права. – С. 16, 23; Стручков В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (система, законодательная регламентация, эффективность применения). – С. 58–59.

к уголовно-правовой ответственности и применять относительно него предусмотренные законом меры принуждения. С другой стороны, такое разумение идеологии оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности более эффективно содействует формированию у людей позитивной уголовно-правовой ответственности.

Основания негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека – это система факторов, которые предопределяют возможность и целесообразность применения уголовной ответственности к человеку, совершившему деяние, запрещенное действующим УК Украины под угрозой наказания.

Представляется возможным выделить *три основания* негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: **а) социально-этическое (нравственное, моральное); б) нормативно-правовое; в) фактическое.**

Социально-этическое (нравственное, моральное) основание сводится, главным образом, к наличию объективно-субъективных факторов, характеристик человека, которые предопределяют возможность и целесообразность применения компетентными органами государства к нему уголовной ответственности за совершения общественно опасного деяния. **Первое**, человек должна быть наделенным обычного уровня **разумом, совестью и разумной свободой воли**, о чем речь идет в предыдущих разделах данной работы. **Второе**, он должен быть способным соотносить свое поведение с уголовно-правовыми предписаниями, **велениями государства**. То есть человек, будучи наделенным здоровой психикой, обычного уровня **разумом, совестью, разумной свободой воли**, должен иметь **силу воли с тем**, чтобы осознать, воспринять **разумную необходимость**, опосредствованную его **совестью**, и направить свое поведение в пределах позитивного уголовно-правового поля, исходя из конкретных внешних обстоятельств и имея возможность действовать правомерно, а именно: избирать правопослушный вариант поведения в противоположность противоправному. Доктрины философии, этики и уголовного права исходят из презумпции, что обычный человек, как правило, наделен такими характеристиками, что может служить социально-этическим основанием привлечения его компетентными органами демократического государства к уголовно-правовой ответственности в случае, разумеется, совершения общественно опасного деяния и наличия **правового** основания. Уголовно-правовая ответственность человека в таком случае в демократическом государстве является средством, инструментом воздействия на сознание человека с целью модификации его установок и восприятия им моделей поведения в социально-полезном или социально-приемлемом русле, определенном уголовным законом.

Как уже отмечалось выше, разумная правовая, а теперь уголовно-правовая необходимость в идеале имеет двойственный характер, как социальная, так и индивидуальная. Таким образом, свободу воли человека

в уголовном праве нужно представлять как основанную на его потребностях и интересах **разумную, нравственно (морально) правильную уголовно-правовую необходимость**, опосредствованную **совестью** и обеспечиваемую **силой воли** человека. И мудрость законодателя проявляется прежде всего в том случае, когда он сумеет познать **разумную социальную и индивидуальную уголовно-правовую необходимость**, гармонично сочетать ее в своем волевом уголовно-правовом предписании, воплощенном в соответствующей норме или нормах уголовного закона.

Таким образом, не только гражданин должен уважать свое государство, но и государство, в лице компетентных органов, должно уважать человека как социального индивида, как правовую личность. Весьма точно в этой связи заметил Г. В. Гребеньков, что, в конечном итоге, правовая личность – это такая ипостась человека социального, которая обладает определенным правовым сознанием как знанием и пониманием не только своего правового положения в обществе, умением им пользоваться с целью удовлетворения своих потребностей и потребностей других средствами права, но и пониманием социума как культуры, принципиально организованной и развивающейся в конечном счете с помощью всего арсенала социальных ресурсов, которые содержательно обозначаются категорией «право». При этом следует учесть, что правовая личность вбирает в себя объективно не только положительный уровень лояльности к праву, но и объективно отрицательный (ценностно отрицательный). Здесь же, на этом этапе наших размышлений о правовой личности, следует еще раз отметить, что, во-первых, правовая личность означает присутствие права в качестве составного компонента аксиологических функций личности, во-вторых, признание права в качестве способа решения индивидом своих экзистенциальных проблем и, в-третьих, обретение призвания к праву как принятие его в качестве смыслообразующего и смысложизненного фактора организации человеком своего бытия¹.

Совесть, как указывалось выше, рассматривается в философии, философии права, общей теории права как **антропологическая основа ответственности человека**, как внутренний ориентир, стабилизатор поведения, как интеллектуально-волевая способность человека принимать решение и действовать через призму категорий добродетели, уважения к достоинству других людей, учет их интересов, а также интересов государства и общества. Свобода человека в праве рассматривается как **разумная правовая необходимость, опосредствованная разумом и совестью и обеспечиваемая силой его воли**.

Совесть, как считает В. В. Сорокин, можно определить как **специфическую способность** нравственного суждения, с помощью которого человек в каждом случае определяет, что делать и как совершить. Со-

¹ Гребеньков Г.В. Человек в правовом бытии: Введение в правовую персонологию: монография. – Донецк: Донецкий юридический институт МВД Украины, 2013. – С. 374-375.

весть является внутренним духовно-нравственным законом человека, позволяющим ему уважать право без внешнего полицейского принуждения. Как внутреннее божественное состояние совесть неподкупна, **с ней нельзя договориться**. После совершения дурного поступка совесть немедленно **мучит и наказывает человека**, нарушившего правовой запрет. Совесть – это внутренний **свидетель и судья** «первой инстанции» для наших поступков. Законы государства и общества могут быть противоречивыми, такими, что имеют пробелы, являются недоступными к пониманию, и во всех этих случаях человека **выручает совесть** – прямая связь с Богом¹.

Подобный подход к пониманию роли совести в детерминационном комплексе поведения человека наблюдается и в доктрине уголовного права. Еще В. Д. Спасович писал, что совесть «...награждает мучеников за правду восторгами неопisanного блаженства; она дает им силу сделаться героями долга, жертвовать собою за братьев, за народ, за человечество. Та же совесть преследует злодеев своими терзаниями, тем внутренним беспокойством и томлением, которые отравляют каждую их минуту. Злодей не может устранить из своего сознания того идеала, который он должен был осуществить. Расстояние между его идеалом и его деянием, разорванность между двумя сторонами его бытия – индивидуальной и общественной причиняют ему ту боль, которой всегда сопровождается неудовлетворенная потребность природы человеческой и которую мифология древних греков олицетворяла в грозном образе божественных Эвменид, преследующих преступника с горящими факелами и бичами из змей в руках. От этого нравственного ада человек может избавиться не иначе, как восстановив нарушенное равновесие, а он его восстанавливает, поднимая действием своей воли свою упавшую личность до высоты своего идеала. Сознание вины, соединенное с решимостью сделаться лучшим, совершнейшим, называется раскаиванием и имеет результатом примирение человека со своей совестью, успокоение его внутренне... Человек, как существо одаренное совестью, сам себе законодатель, то есть сам себе ставит известный идеал справедливости, как высшее требование своей общежительной природы. Он же исполнитель или нарушитель этого закона. Он же судья о нарушении или исполнении. Он же собственный свой палач, или вознаградитель. Он же и примиритель... Если он зол бессознательно, то есть если у него не достает совести как способности ставить себе идеалы справедливости и осуществлять их, то он не способен страдать от угрызений совести, но не способен также и радоваться, наслаждаться. Такой человек ниже других на лестнице созданий, мы можем только его презирать, но не гневаться на него, как не гневаемся на волка или тигра за то, что они кровожадны; мы будем относиться к нему только

¹ Сорокин В.В. Совесть как элемент русского православного правосознания // Государство и право. – 2011. – № 6. – С. 22–23.

как к вредному животному, у которого надобно отнять средства вредить... Часто лицо злодея носит на себе маску невозмутительного спокойствия, а между тем в душе его совершается страшная драма, которую мы и не подозреваем и которая навела бы ужас на зрителей, если бы они могли ее наблюдать. Все явления жизни сводятся к простейшему элементу – совести. Человека наказывают терзания совести, поскольку **преступление – это удар по его совести**. Однако наказание применяется вопреки тому, что человека наказывает его совесть»¹.

Уголовный закон в демократическом, правомерном, социальном государстве, в гражданском обществе должен быть **ultima ratio** – последним средством, крайним средством, которое применяется государством для унормирования общественно значимого поведения человека. Решающая, доминирующая роль в этом деле должна принадлежать, смотря по обстоятельствам, иным общественным средствам: идеологическим, организационным, экономическим, правовым. Вместе с этим, уголовный закон является важным и эффективным инструментом регулирования свободы человека в обществе при условии, конечно, что его разработка, принятие и применение осуществляются на научных началах. В частности, речь идет о необходимости в каждом конкретном случае решения вопроса об изменениях и дополнениях к действующему УК Украины выяснять их социальную обусловленность, крайнюю потребность. Важно при этом избежать как переоценки, фетишизации уголовно-правовых средств, так и их недооценки. Отсутствие социальной обусловленности норм уголовного закона, переоценка их значения в регулировании общественных отношений – путь к **злоупотреблению уголовным законодательством** со стороны государства, что не может быть допустимым в демократическом государстве, в демократическом обществе. Такое **злоупотребление уголовным законодательством возможно не только на уровне законодательного органа, но и на уровне органов правоприменения**.

Кризисные явления уголовной юстиции постсоветских стран, как акцентируют А. Н. Костенко и Е. А. Костенко, сегодня очевидны. Они – проявление различных злоупотреблений, в том числе злоупотреблений Уголовным кодексом. В частности, Уголовный кодекс используется как инструмент для коррупционных проявлений. С его помощью лица, имеющие полномочия в сфере уголовной юстиции, могут незаконно приобретать или перераспределять значительные блага и выгоды (например, принимая незаконные решения о привлечении или непривлечении к уголовной ответственности, об освобождении или неосвобождении от наказания, об изменении квалификации преступных деяний, об определении меры наказания и т.п.). Более того, в настоящее время даже законные

¹ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 59–62.

решения в сфере уголовной юстиции все чаще становятся предметом коррупции: за их принятие требуется «вознаграждение»¹.

Злоупотребление уголовным законодательством, как свидетельствует исторический опыт, ведет к разрушению демократических оснований социального механизма, пренебрежению фундаментальными гуманистическими ценностями, идеями правового, социального государства, гражданского общества, подрыва доверия со стороны граждан к государству и их постепенного отчуждения от него и развитие нигилистического отношения к уголовному законодательству, а нередко и к пренебрежению к тем велениям, предписаниям, которые в них содержатся. В этой связи весьма важным, имеющим методологическое значение и для современного законотворчества, представляются положения, высказанные в отношении закона еще Аврелием Августином и Фомой Аквинским. Их главная сущность состоит в том, что законом не является то, что несправедливо; что сила закона зависит от степени его справедливости; что в человеческих делах что-либо считается справедливым, если оно согласно с правилами разума, первейшим правилом которого есть закон природы. Каждый закон, установленный людьми, постольку является законом, поскольку выведен из закона природы. Если же он в чем-то не согласуется с естественным законом, то это больше не закон, но порча закона². Исходя из этого, а также учитывая современное разумение соотношения естественного и позитивного права в доктрине философии права, можно сделать вывод, что каждый юридический закон, в том числе, и закон уголовный, имеет свои **объективные инструментальные возможности**. Поэтому нельзя требовать от уголовного закона больше того, что от него можно ожидать. Он не является «всесильным Джином», способным разрешать все человеческие конфликты, обеспечивать регулирование всех без исключения общественных отношений.

В приведенном выше контексте надлежит поддерживать концепт Петера-Алексиса Альбрехта: «...общественность и политика должны уяснить себе то, что уголовное право не является никакой общественно-политической панацеей для ремонта государства, общества и пострадавших отдельных судеб. Только в его ограниченном, строго государственно-правовом влиянии уголовное право правового государства развивает его силу, защищающую свободу...необходимо дистанцироваться от продолжительных требований, что уголовное право в состоянии предложить **тотальную общественную безопасность**. Наблюдается скорее противоположное. Стремление к тотальной безопасности средствами уголовного права ведет только к одному: **уничтожению последних остатков свободы**»³.

¹ Современные проблемы уголовно-правового воздействия: межгост. сб. науч. ст. / редкол.: Е.А. Письменский (отв. ред.) [и др.]. – С. 54.

² Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 2. Европа: V-XVII вв. – С. 593

³ Альбрехт Петер-Алексис. Забытая свобода. Принципы уголовного права в европейской дискуссии о безопасности пер. с нем. и предисл. Г.Г. Мошака. – С. 139.

Недооценка уголовно-правовых средств в нормативном комплексе регулирования общественных отношений может быть одним из факторов, которые определяют постепенное скатывание демократически настроенного государственно-общественного механизма к **аномии**, беззаконию. **Аномия**, о чем говорилось выше, представляет собой хаотичное, кризисно-катастрофическое состояние социально-правовой системы, при котором властвует падение нравственных регуляторов, рост преступности, масштабные социальные конфликты вплоть до вооруженного противостояния и как следствие – грубое, циничное, массовое нарушение прав и свобод человека. То есть, общество может впасть в состояние отсутствия управляемости и распада как целостности, демонтажа его демократических институтов.

Нормативно-правовым основанием негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека является **совокупность правовых норм**, которые обеспечивают правомерность привлечения лица, виновного в совершении общественно опасного деяния, к уголовно-правовой ответственности, его осуждение, назначение наказания, его отбывание, а также состояние его судимости.

Нормы международного и внутригосударственного права, в широком понимании этих понятий, являются важным средством образования, укрепления и развития общественного нормативно-коммуникационного поля.

На **микроуровневом** понимании негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности ее основанием является норма уголовного законодательства, которая закрепила (содержит) соответствующий состав преступления.

Если исходить из **макроуровневого** разумения уголовно-правовой ответственности, то представляется возможным говорить о **трех нормативно-правовых основаниях** уголовно-правовой ответственности человека: а) **материально-правовом** – норме уголовного законодательства, которая закрепила соответствующий состав преступления; б) **уголовно-процессуальном** – нормах уголовно-процессуального законодательства, которые регулируют процедуру (порядок) применения нормы (норм) материального права; в) **уголовно-исполнительном** – нормах уголовно-исполнительного законодательства, приговоре суда, вступившего в законную силу, а в соответствующих случаях – акте органа уголовно-исполнительной службы, например, в случае исполнения наказания в виде лишения свободы – решении Региональной комиссии по вопросам распределения, направления и перевода отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы или наряде Государственной пенитенциарной службы Украины.

На **мегауровневом** разумении уголовно-правовой ответственности человека можно говорить, в зависимости от состава преступления, **по крайней мере о десяти** таких нормативных основаниях ответственности

ти: 1) международно-правовом; 2) конституционно-правовом; 3) уголовно-правовом; 4) уголовно-процессуальном; 5) уголовно-исполнительном; 6) административно-правовом; 7) гражданско-правовом; 8) семейно-правовом; 9) трудо-правовом; 10) экологическо-правовом и т.п. В последних пяти случаях речь идет об органическом сочетании нормативного основания материальной уголовно-правовой ответственности с иными нормативными материально-правовыми основаниями, когда речь идет о квалификации составов преступлений, предусмотренных действующими уголовно-правовыми нормами с бланкетными диспозициями.

Независимо от уровня разумения негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, соответствующие нормы права являются мерой свободы и ответственности человека.

Когда речь идет о материальном уголовном законодательстве, то имеется в виду УК Украины, его Общая и Особенная части. В этой связи нельзя не согласиться с В. Н. Кудрявцевым, что из положений Общей части вытекают признаки составов преступлений, отсутствующие в диспозициях статей Особенной части. В частности, которые характеризуют субъекта: возраст, вменяемость, признаки специального субъекта; признаки, характеризующие объективную сторону: признаки незаконченного преступления, совершение преступления в соучастии; признаки, определяющие субъективную сторону – умысел, неосторожность¹.

При любом уровне разумения негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности, важными ее основаниями являются решения Европейского Суда по правам человека, а также нормативные позиции украинских судов.

Фактическое основание – это совокупность юридических фактов, которые вызывают возникновение и реализацию уголовно-правовой ответственности человека. Таковыми являются: 1) совершение человеком деяния, которое содержит состав преступления, предусмотренный действующим УК, то есть совершение им преступления. Совершая деяние, содержащее состав преступления, виновный разрывает тем самым нормативную систему социальной коммуникации; 2) отсутствие обстоятельств, которые: а) исключают преступность деяния; б) служат основанием для освобождения его от уголовной ответственности; в) исключают возможность его привлечения к уголовной ответственности в силу того, что он пользуется дипломатическим иммунитетом согласно международно-правовым актам и не подлежит уголовной юрисдикции Украины без четко выраженного согласия аккредитирующей стороны или же он пользуется неприкосновенностью согласно действующему законодательству Украины.

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 76.

Так, например, согласно ст. 48 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей» от 07 июля 2010 года, судья является неприкосновенным. Он не может быть без согласия Верховной Рады Украины задержан или арестован до вынесения судом обвинительного приговора. Уголовное дело относительно судьи может быть возбуждено лишь Генеральным прокурором Украины или его заместителем. Неприкосновенность распространяется и на судей Конституционного Суда Украины (ст. 149 Конституции Украины). Согласно ст. 80 Конституции Украины народным депутатам Украины гарантируется депутатская неприкосновенность. Они не могут быть без согласия Верховной Рады Украины привлечены к уголовной ответственности. Статья 105 Конституции Украины наделила правом неприкосновенности Президента Украины на время выполнения им своих полномочий. Однако он может быть устранен с поста Верховной Радой Украины в порядке импичмента в случае совершения им государственной измены или иного преступления (ст. 111 Конституции Украины).

Названные **три основания негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности**: 1) социально-этическое (нравственное, моральное); 2) нормативное; 3) фактическое органично связаны между собой, существенно и функционально дополняют друг друга. В этом качестве они служат достаточными и необходимыми основаниями реализации надлежащим образом высокого регулятивно-репрессивного потенциала института негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности. При отсутствии в реальной действительности каждой из них нельзя утверждать в демократическом государстве о наличии оснований для привлечения того или иного лица к уголовно-правовой ответственности. Вместе с тем не исключается возможность привлечения лица, при таких обстоятельствах, к иным видам юридической ответственности: дисциплинарной, административной, гражданской и т.п.

3.3.2. *Формы реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека*

Каждое уголовно-правовое явление, исходя из широких философских позиций, имеет свою форму и содержание, которые находятся в органичном единстве. В ходе развития уголовно-правовых явлений между ними возникают противоречия и конфликты, завершающиеся появлением новой формы явления, которая отвечает ее новому содержанию.

Содержание – это совокупность элементов, процессов, связей, существующих определенному предмету или явлению. Это определение почти идентично понятию **«сущность»**, поскольку категория «содержание» тесно связана с ним. Однако «сущность» абстрактнее категории «содержа-

ние». Им определяют главную, решающую, внутреннюю связь предметов, которые служат его основой. Понятие «содержание» несколько уже. Оно также отражает внутреннюю и решающую связь, но не в его наиболее общем виде, а в таком, который реализуется в каждом отдельном предмете (группе предметов) на определенном этапе развития, при определенных условиях.

Как и относительно понятия уголовной ответственности человека, так и относительно форм ее реализации, действующий УК Украины не содержит законодательного определения. Наряду с этим, например, в ст. 46 действующего УК Республики Беларусь, которая имеет название «Реализация уголовной ответственности», закреплено, что «Уголовная ответственность реализуется в осуждении: 1) с применением назначенного наказания; 2) с отсрочкой исполнения назначенного наказания; 3) с условным неприменением назначенного наказания; 4) без назначения наказания; 5) с применением относительно несовершеннолетних мер принуждения воспитательного характера».

Форма является выражением содержания, его обусловливанием. Это внутренняя и внешняя организация содержания, образ его существования, имеющий свою определенность, стабильность и самостоятельность. Форма, как уже отмечалось, неразрывно связана с содержанием, а через него – с сущностью. Согласно диалектике, «содержание» и «форма», находясь в органичном единстве, являются соотносящимися понятиями, отражающими две взаимозависимые, противоречивые стороны бытия предмета, явления, процесса.

Таким образом, содержание входит в форму как его объективная основа, а форма выражает содержание как его внешнее проявление. Нет бесформенного содержания, как и нет бесформенной вещи. Форма не существует сама по себе. Она лишена любой ценности, если не является формой содержания. Основой взаимосвязи содержания и формы является положение об определяющей роли содержания. Именно оно является руководящим, решающим фактором в единстве формы и содержания. Изменение и развитие предмета или процесса затрагивает и содержание. С изменением содержания меняется, как правило, и форма.

Сущность негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, таким образом, проявляется в формах ее реализации, которые определены действующим уголовным законодательством или вытекают из его содержания, а также выделены в доктрине уголовного права. Формы реализации уголовно-правовой ответственности человека раскрывают, причем каждая своеобразно, ее содержание. Выделение этих форм связано с разумением учеными понятия уголовно-правовой ответственности человека, уровня их подхода к научному его анализу, а именно: **макроуровень, микроуровень, мегауровень**, о чем речь идет в начале данного раздела научного исследования. В настоящее время отсутствуют научные работы, в которых бы комплексно были

проанализированы формы реализации уголовно-правовой ответственности человека на всех этих уровнях, или же на макроуровне и мегауровне вместе, либо в отдельности. Этот научный участок, этот предмет уголовно-правовой действительности ждет своих исследователей. Усилия ученых сегодня, как и в обозримом прошлом, сосредоточены лишь на исследовании форм реализации уголовно-правовой ответственности человека через призму уголовного законодательства, то есть на **микроуровне**.

В этой связи важное значение имеет разумение понятия формы реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. И. В. Красницкий, на основании обоснованной им структуры уголовно-правовой ответственности человека, перечня элементов, которые ее образуют, их распределения на основные и факультативные, определил понятие ее **форм** как предусмотренных уголовным законом возможных вариантов объединения элементов этой ответственности, применение которых объединено единой целью. По его мнению, **наиболее типичную структуру** этой уголовно-правовой ответственности человека можно выразить формулой «уголовная ответственность – осуждение судом от имени государства совершенного деяния и лица, совершившего + назначение наказания + исполнение (отбывание) наказания + судимость». При реализации данной уголовной ответственности человека в других формах ее структура будет несколько иной, однако, в любом случае она будет включать лишь вышеназванные элементы, все или некоторые из них. Структурно уголовная ответственность человека по действующему УК Украины, – считает автор, – включает один обязательный элемент: осуждение судом от имени государства совершенного деяния и лица, его совершившего; и пять факультативных – назначение наказания, угрозу исполнения (отбывания) наказания; исполнение (отбывание) наказания; лишения и ограничения, конкретизированные приговором суда, которые не являются наказанием; судимость. Предложенный перечень структурных элементов уголовной ответственности человека, по его мнению, является исчерпывающим, хотя может быть и детализирован¹.

Весьма развернутое, детализированное разумение понятия формы реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности представил В. И. Горбцов, полагая, что **формой реализации уголовной ответственности является мера уголовно-правового принуждения**, которая: а) применяется за совершение общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом; б) имеет принудительный характер; в) назначается от имени государства; г) сопряжена с лишениями и ограничениями; д) является правовым последствием нарушения уголовно-правового запрета; е) относится к мерам, перечень которых

¹ Красницкий І.В. Кримінальна відповідальність як інститут кримінального права Франції та України: порівняльний аналіз. – С. 67, 68, 152.

предусмотрен уголовным законодательством; ж) применяется в соответствии с нормами уголовного закона¹.

А. И. Чучаев и А. П. Фирсова пишут о **форме уголовно-правового воздействия**, под которой понимают способ организации государственного принуждения, выступающий реакцией на совершенное лицом общественно опасное деяние².

Схожую позицию заняла Е. В. Лошенкова утверждая, что форма реализации уголовной ответственности – это государственная реакция на преступление, которая выражается в негативном воздействии на преступника³.

Под формой реализации уголовной ответственности, как полагает А. П. Козлов, следует понимать **способы существования и выражения** позитивно-негативных уголовных правоотношений, отраженных в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном законодательстве в их теснейшей связанности материальным правом. Иными словами, такими способами выражения, пишет далее он, следует признавать систему воздействия применительно к позитивной ответственности (неприменение ответственности при добровольном отказе, условное осуждение при определенных характеристиках виновного, освобождение от уголовной ответственности при деятельном раскаянии и т.д.) и систему мер воздаяния за нарушение социальных предписаний («мер пресечения», осуждения без наказания, наказания, мер безопасности) в их определенном единстве. Таким образом, по его мнению, формами реализации уголовной ответственности можно признать: предварительную уголовную ответственность, условное осуждение, наказание, условное освобождение от уголовной ответственности, в том числе – от наказания, частично судимость. К формам реализации уголовной ответственности при этом не следует относить: 1) уголовно-правовые меры воздействия, которые своей сущностью не связаны с уголовно-правовым принуждением; 2) меры безопасности; 3) принудительные меры воспитательного характера; 4) принудительные меры медицинского характера. Все формы реализации уголовной ответственности он условно разделяет на три группы: а) формы реализации до или вместо наказания (содержание под стражей как **предварительная уголовная ответственность**); б) наказание; в) формы реализации после наказания в зависимости от стадии наказания (две подгруппы уголовно-правовых явлений: а) связанных с условным освобождением от уголовной ответственности и б) судимость)⁴.

¹ Горобцов В. И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного – Орел: Высш. школа МВД России, 1995. – С. 29.

² Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. – М.: Проспект, 2010. – С. 36.

³ Лошенкова Е. В. Ответственность в уголовном праве. – С. 82.

⁴ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 120, 127.

Думается, что определение понятия формы негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека нужно связывать с реализацией, применением уголовного закона. Поэтому *под формой* негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека следует понимать предусмотренный действующим УК способ применения нормы (норм) уголовного законодательства к лицу, которое совершило преступление.

В вопросе определения форм реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности среди ученых-криминалистов нет единодушия. Многие авторы высказали суждения о наличии двух основных форм реализации уголовно-правовой ответственности. Правда, совпадая по количественному признаку, их качественная характеристика зачастую существенно отличается. Так, Е. В. Лошенкова, на основании проведенного научного обобщения точек зрения ученых, заключила, что эта ответственность воплощается в двух формах: наказании и принудительных мерах воспитательного воздействия¹.

«Уголовная ответственность лица, совершившего преступление, — пишет А. И. Рарог, — по общему правилу, находит свое объективное воплощение в тех или иных мерах государственного принуждения, назначаемых судом». При этом он рассматривает *две формы* реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека. Наиболее естественной и распространенной ее формой, по его мнению, является наказание. Оно заключается в том, что лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, суд выносит обвинительный приговор, в котором совершенное деяние получает от имени государства *отрицательную правовую оценку* (признается преступлением), а подсудимому, признанному виновным в его совершении, *выражается порицание* и назначается наказание как наиболее репрессивная форма уголовно-правового воздействия. Отбывание назначенного наказания (как полное, так и частичное) влечет за собой специфическое правовое последствие в виде судимости. В этой и только в этой форме, считает он, реализация уголовной ответственности проявляется во всех своих *четыре элемента*: 1) обязанность отчитаться о совершенном и подвергнуться осуждению и принуждению; 2) судебное осуждение, порицание; 3) мера государственного принуждения в форме наказания; 4) судимость. *Второй формой* реализации этой уголовной ответственности человека является *осуждение без назначения наказания*. Согласно ст. 92 действующему УК Российской Федерации, осуждение без назначения наказания возможно лишь относительно несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, и с обязательным применением мер воспитательного воздействия, либо помещение в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение. При этой форме уголов-

¹ Лошенкова Е. В. Ответственность в уголовном праве. — С. 118.

вная ответственность реализуется в *трех ее элементах*: 1) обязанность отчитаться о совершенном, подвергнуться осуждению и принуждению; 2) порицание, осуждение, выраженное в обвинительном приговоре суда; 3) государственное принуждение в виде принудительных мер воспитательного характера или помещения в специальное учебно-воспитательное заведение закрытого типа, органа управления образованием. Последний элемент уголовной ответственности человека – судимость – в этом случае отсутствует.

Принудительные меры воспитательного воздействия, – подчеркивает далее А. И. Парог, – являются формой реализации уголовной ответственности только в том случае, когда они применяются вместо наказания на основании обвинительного приговора суда. Если же они применяются судом при освобождении от уголовной ответственности, то формой реализации уголовной ответственности они не являются. Принудительные меры медицинского характера, применяемые наряду с наказанием лицам, нуждающимся в лечении от алкоголизма, наркомании или психических расстройств, не исключающих вменяемости, могут рассматриваться как форма реализации уголовной ответственности, самостоятельного значения она не имеет и может лишь дополнять наказание. Однако, меры медицинского характера, применяемые к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, а также к лицам, которые после совершения преступления утратили способность осознавать характер своих деяний или руководить ими, к формам реализации уголовной ответственности относить нельзя¹.

А. А. Дудоров, относительно принудительных мер медицинского и воспитательного характера, делает замечание: «...они могут упоминаться в контексте раскрытия содержания уголовной ответственности лишь в случае их применения (вместо наказания или наряду с ним) на основании обвинительного приговора суда. Например, суд освобождает несовершеннолетнего от наказания с применением меры принуждения воспитательного характера (ст. 105 УК) или применяет соответствующую меру принуждения медицинского характера относительно лица, признанного ограниченно вменяемым (ст.ст. 20, 93, 94 УК)»².

С. М. Кочои также считает, что существуют *две формы* реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека: а) осуждение без назначения наказания; б) осуждение с назначением предусмотренного санкцией нормы УК наказания или иных мер уголовно-правового характера. А. В. Кладков также выделяет *две формы* этой ответственности: а) уголовная ответственность без наказания и судимости

¹ Российское уголовное право: в 2 т. – Т. 1. Общая часть: учебник под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Парога. – С. 95–97.

² Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – С. 713.

и б) уголовная ответственность с назначением наказания и судимостью¹. **Две формы** реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: с назначением наказания и с освобождением от наказания признает С. И. Зельдов, а Р. Р. Галиакбаров – с назначением и без назначения наказания².

Г. Г. Криволапов также усматривает **две формы** реализации уголовно-правовой ответственности человека: а) добровольную (позитивный аспект) и б) государственно-принудительную (негативный аспект). Относительно государственно-принудительной формы реализации уголовной ответственности человека, то он выделяет **три ее разновидности**: 1) осуждение виновного без назначения наказания; 2) осуждение виновного с назначением наказания, но без его реального исполнения; 3) осуждение виновного с назначением наказания и с реальным его исполнением³.

И. И. Митрофанов, взяв за основание классификации критерий назначения наказания, также предложил **две**, а фактически **три** формы реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека: 1) уголовная ответственность, которая не связана с назначением виновному наказание, без судимости; 2) уголовная ответственность, которая связана с назначением виновному наказания и судимостью, которая, в свою очередь, делится на два подвида: а) уголовная ответственность, связанная с назначением наказания, но без его реального отбывания; б) уголовная ответственность, которая связана с реальным отбыванием назначенного наказания⁴.

И. С. Ретюнских считает, что имеются **две формы** реализации уголовно-правовой ответственности человека: а) материальная и б) процессуальная. Материальной формой реализации уголовной ответственности человека являются применение судом к виновному уголовно-правовой нормы или норм. Процессуальной формой реализации уголовной ответственности человека, по его мнению, являются обвинительный приговор суда⁵. Такое понимание форм реализации уголовно-правовой ответственности является неполным, поскольку выпал из поля зрения исполнительно-правовой аспект реализации уголовно-правовой ответственности чело-

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – С. 72; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – С. 72–73.

² Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. – С. 76.

³ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист. Кно Рус, 1997. – С. 297.

⁴ Митрофанов І.І. Теоретичні проблеми механізму реалізації кримінальної відповідальності. – С. 88–89.

⁵ Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация. – Воронеж: ВГУ, 1983. – С. 23–24.

века, нормативной основой которого является уголовно-исполнительное законодательство. С учетом этого, *на макроуровне исследования, логический ряд форм реализации уголовно-правовой ответственности человека должен выглядеть таким образом*: а) материально-правовая; б) процессуально-правовая; в) исполнительно-правовая. Все три названные формы реализации уголовно-правовой ответственности генетически взаимосвязаны между собой. Они, образно выражаясь, образуют «цепь» единой ответственности. Материально-правовая уголовная ответственность без уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной является *потенциальной*, то есть «мертвой», которая присутствует лишь теоретически.

В контексте собственного понимания освобождения от наказания и его отбывания, Е. А. Письменский пишет о *двух формах* реализации уголовной ответственности: 1) либеральной или привилегированной (осуждение + наказание + условное или безусловное освобождение от него) и 2) репрессивной (осуждение + наказание + отбывание наказания + судимость). *Либеральная* форма может дополнительно дифференцироваться в зависимости от условности или безусловности освобождения лица от наказания, поскольку при условном освобождении может возникать судимость. *Репрессивная* форма, в свою очередь, также может быть представлена *двумя* направлениями в ее реализации: *первая* предусматривает применение к лицу освобождения от части назначенного ему судом наказания или замены наказания более мягким, а *вторая* – полное отбывание наказания без применения каких-либо уголовно-правовых привилегий¹.

Весьма часто ученые пишут о *трех* формах реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, выказывая одинаковое или схожее содержательное их понимание: 1) уголовная ответственность, не связанная с назначением наказания; 2) уголовная ответственность, связанная с назначением наказания, но без его реального отбывания; 3) уголовная ответственность, связанная с отбыванием назначенного наказания. Например, Ю. В. Баулин сделал вывод, что *уголовная ответственность человека может быть реализована в таких трех типичных формах. Первая* из них – осуждение виновного, выраженное в обвинительном приговоре суда, не связанное однако с назначением ему наказания. Например, согласно ч. 4 ст. 74 УК Украины лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть по приговору суда освобождено от наказания, если будет признано, что с учетом безупречного поведения и добро-совестного отношения к труду это лицо ко времени рассмотрения дела в суде нельзя считать общественно опасным. *Второй формой* реали-

¹ Письменський Є.О. Звільнення від покарання та його відбuvання: проблеми кримінального законодавства та практики його застосування. – С. 45.

зации уголовной ответственности человека является его осуждение, соединенное с назначением ему конкретной меры наказания, от реального отбывания которого он, однако, освобождается. Например, согласно ст. 75 УК Украины, если суд при назначении наказания в виде исправительных работ, служебных ограничений для военнослужащих, ограничения свободы, а также лишение свободы на срок не более пяти лет, учитывая тяжесть преступления, личность виновного и иные обстоятельства дела, придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания, он может принять решение об освобождении от отбывания наказания с испытанием». **Третьей**, самой типичной формой реализации уголовной ответственности человека, является отбывание виновным назначенного ему судом наказания (например, отбывание наказания в виде лишения свободы на определенный срок). Последние две формы реализации уголовной ответственности человека создают для лица судимость как правовое последствие его осуждения к определенной мере наказания. В то же время судимость имеет свои пределы, указанные в статьях 89-90 УК Украины, устанавливающие пределы уголовно-правовых отношений. Поэтому момент погашения или снятия судимости свидетельствует о прекращении уголовно-правовых отношений. Схоже трактуют формы уголовно-правовой ответственности человека и другие авторы¹.

Другие ученые также пишут о наличии **трех форм** реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, но каждый из них имеет свое понимание о их содержательной части и предлагает свое словесное выражение. Так, А. А. Дудоров и В. И. Осадчий выделили следующие **три формы** реализации уголовной ответственности человека. **Первая форма** (по их мнению, наиболее либеральная) означает вынесение обвинительного приговора суда, то есть осуществление государственного осуждения преступника, которое, однако не сочетается с назначением преступнику какой-либо меры наказания. УК Украины предусматривает случаи, когда суд вообще не назначает виновному наказания. В частности, в связи с истечением сроков давности (ч. 5 ст. 74 УК), потере лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести, общественной опасности вследствие безупречного поведения и добросовестного отношения к труду (ч. 4 ст. 74 УК), а также в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 84, ст. 105 УК. **Вторая форма** реализации уголовной ответственности человека характеризуется вынесением обвинительного приговора суда, которым преступнику назначается конкрет-

¹ Кримінальне право України: Загальна частина: підручник / за заг. ред. проф. Бажанова М.І., Сташиса В.В., Тація В.Я. – 2-е вид., перероб. і доп. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – С. 32–33; Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: монографія. – С. 28–29; Кузнецов В.В., Савченко А.В., Штанько О.Ф. Сучасне кримінальне право України: курс лекцій. – К.: Вид-во «Паливода А.В.», 2006. – С. 43–44; Вереша Р.В. Суб'єктивні елементи підстави кримінальної відповідальності: підручник. – С. 35, 58; Чернишова Н.В. Кримінальне право України (загальна частина): навч. посібник. – С. 34–35.

ная мера наказания и в котором вместе с тем содержится решения суда об (условном или безусловном) освобождении его от отбывания назначенного ему наказания. Речь идет, например, о зачислении предварительного заключения в срок наказания в виде лишения свободы (ч. 5 ст. 72 УК), освобождение от отбывания наказания с испытанием, в том числе несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, которые имеют детей в возрасте до семи лет (статьи 75-79, 104 УК), амнистию и т.п. **Третья** (основная, по их мнению, типичная, наиболее репрессивная) форма реализации уголовной ответственности человека заключается в том, что суд в обвинительном приговоре назначает преступнику наказание и принимает решение о его реальном отбывании, а осужденный отбывает (полностью или частично) назначенное ему наказание и находится в особом правомерном положении, которое влечет общеправовые и уголовно-правовые последствия – состояние судимости. Только погашением или снятием судимости уголовная ответственность человека в рассматриваемой форме завершается в полном объеме, исчерпывает себя¹.

П. Л. Фрис отмечает, что **основной** формой реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека является вынесение судом обвинительного приговора с назначением осужденному соответствующего вида и срока (размера) наказания, которое отбывается лицом реально; **второй** по распространенности формой реализации уголовной ответственности человека является вынесение судом обвинительного приговора с назначением соответствующего вида и срока наказания с одновременным применением освобождения от реального его отбывания; **третья** форма – осуждение виновного без назначения наказания с одновременным освобождением его от наказания на основании ч. 4 ст. 74 УК Украины².

В. П. Коняхин убежден, что реакция суда на совершение лицом преступления может проявляться в трех вариантах его поведения: а) основной – применение к лицу, совершившему преступление, наказания, предусмотренного уголовным законом; б) два факультативных – 1) освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности с заменой или без замены ее иными мерами уголовно-правового характера; 2) освобождение такого лица от наказания с заменой его иными мерами уголовно-правового характера³.

В. Б. Харченко утверждает, что негативная (ретроспективная) уголовная ответственность человека может быть реализована в **трех формах**: а) вынужденное претерпение виновным государственного осуждения, выраженное в обвинительном приговоре суда, не связанного с назначением ему

¹ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. – С. 70.

² Фріс П.Л. Кримінальне право України. Загальна частина. – С. 56.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 236.

наказания; б) вынужденное претерпение виновным государственного осуждения, выраженного в обвинительном приговоре суда, от реального отбывания которого виновный освобождается; в) вынужденное претерпение виновным государственного осуждения и лишений личностного, имущественного или иного характера, что составляют содержание назначенного ему наказания. При второй и третьей форме последствием является судимость виновного¹.

Как полагает Н. И. Хавронюк, негативная (ретроспективная) уголовная ответственность человека существует и реализуется, в частности, в таких основных формах: 1) осуждение с назначением наказания и с последующим его реальным отбыванием; 2) осуждение без назначения наказания, разновидностью которого является осуждение без назначения наказания с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера; 3) осуждение с освобождением от наказания или его отбывания. Дополнительными формами реализации уголовной ответственности человека он считает, в частности, меры уголовно-процессуального воздействия, действие судимости².

По мнению В. П. Божева, Т. М. Головки, В. С. Егорова, П. В. Коробова, Г. В. Назаренко можно выделить **три формы воздействия**, реализации уголовной ответственности, которые применяются к лицу, совершившему преступление, в рамках реализации его уголовной ответственности: 1) факт осуждения лица от имени государства в обвинительном приговоре суда; 2) применение к виновному наказания; 3) судимость³.

В. О. Меркулова пишет о **трех уровнях** мер уголовно-правового **воздействия**. **Первый** уровень предусматривает определение мер уголовно-правового воздействия, которые охватываются (все формы уголовной ответственности) или не охватываются (принудительные меры медицинского и воспитательного характера) уголовной ответственностью. **Второй** уровень предусматривает классификацию средств уголовно-правового воздействия, которые охватываются понятием уголовной ответственности человека. **Третий** уровень классификации мер уголовно-правового воздействия касается именно тех форм уголовной ответственности человека, которые не связаны с реальным исполнением наказаний⁴.

¹ Харченко В.Б. Уголовное право Украины. – С. 27–28.

² Хавронюк М.І. Диференціація кримінальної відповідальності: чи кримінальна безвідповідальність. – С. 3.

³ Божьев В.П., Фролов Е.А. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения. – С. 89; Головка Т.М. Покарання як форма реалізації кримінальної відповідальності // Юриспруденція. Теорія і практика. – 2008. – № 1 (39). – С. 19; Коробов П.В. Момент прекращения уголовной ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 2001. – № 3.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/korobov%282-06-05%29.htm; Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – С. 51; Егоров В.С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. – С. 189-204.

⁴ Меркулова В.О. Кримінальна відповідальність: окремі теоретичні та соціально-правові аспекти. – С. 110-118.

Нередко ученые пишут о **четырёх** формах реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека, хотя содержательно их позиции не совпадают. Так, В. С. Егоров несколько ранее, писал о наличии четырех форм реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека: 1) меры уголовно-процессуального принуждения; 2) факт осуждения лица от имени государства в обвинительном приговоре суда; 3) применение к виновному наказания; 4) судимость¹. В этом случае, как видим, автор несколько вышел за пределы микроуровневого анализа форм реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

Как представляется И. В. Красницкому, по действующему УК Украины негативная (ретроспективная) уголовная ответственность человека может реализоваться в таких формах: 1) осуждение с назначением и исполнением (отбыванием) наказания; 2) осуждение с условным неисполнением (освобождением от отбывания) назначенного наказания; 3) осуждение с безусловным неисполнением (освобождением от отбывания) назначенного наказания; 4) осуждение без назначения наказания².

Схожее понимание форм реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека высказали Ю. А. Пономаренко и А. А. Вознюк. Первый из них назвал такие формы реализации этой ответственности человека: 1) наказание; 2) государственное осуждение; 3) судимость; 4) испытательные сроки, а второй – 1) осуждение (порицание); 2) наказание; 3) судимость; 4) испытательные сроки³. Правда, следует отметить, что Ю. А. Пономаренко, в отличие от приведенной выше классификации, которая изложена в его диссертации на соискание научной степени кандидата юридических наук, на которую ссылается А. А. Вознюк, в дальнейшем изменил свою научную позицию, считая, что уголовная ответственность человека реализуется в трех формах: 1) наказание; 2) испытательные сроки; 3) судимость⁴.

А. С. Сенцов предложил выделить следующие **четыре формы** реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека: 1) применение мер принуждения с последующим освобождением от уголовной ответственности; 2) применение принудительных мер с осуждением и вынесением обвинительного приговора без назначения наказания; 3) применение принудительных мер, вынесение обвинительного приговора с назначением наказания, но без его реального отбывания;

¹ Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Моск. психолог. соц. ин-т. 2002. – С.33.

² Красницкий І.В. Кримінальна відповідальність як інститут кримінального права Франції та України: порівняльний аналіз. – С. 154.

³ Вознюк А. Кримінально-правовий нарис проблемних питань частини 3 ст. 2 Кримінального кодексу України // Кримінальне право. – 2010. – № 8. – С. 144.

⁴ Пономаренко Ю.А. Чинність і дія кримінального закону в часі: монографія. – К.: Атіка, 2005. – С. 160.

4) применение принудительных мер, вынесение приговора, назначение наказания и отбывание наказания¹.

По мнению И. Э. Звечаровского, согласно действующему уголовно-му законодательству, ответственность человека за преступление может реализовываться в следующих **четырёх формах**: 1) без назначения наказания; 2) освобождение от наказания или его отбывания; 3) назначение наказания, но его условное неприменение; 4) назначение наказания и его реальное исполнение².

А. Н. Игнатов называет такие **четыре формы** негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: а) привлечение его к уголовной ответственности; б) рассмотрение дела в суде и вынесение обвинительного приговора с назначением наказания или без него; в) отбывание наказания; г) судимость³.

Оригинальным представляется подход к определению форм реализации уголовно-правовой ответственности человека, примененный И. Я. Козаченко, который положил в основу классификации стадии реализации уголовной ответственности человека. **На первой** определенной им стадии – привлечение человека к уголовной ответственности – выделяют **две формы**: а) ограничение уголовно-процессуального характера, применяемые к лицу, совершившему преступление; б) безусловное освобождение его от уголовной ответственности. **На второй** стадии – назначение человеку наказания – **три формы**: а) безусловное освобождение от наказания; б) условное освобождение от наказания; в) реальное назначение наказания. **На третьей** стадии – исполнение наказания – **две формы**: а) ограничения, обусловленные спецификой уголовно-исполнительных отношений; б) замена одного вида наказания другим. **Четвертая** стадия – судимость – реализуется в форме разнообразных ограничений, предусмотренных разными отраслями права⁴.

Полагая, что началом реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека является вступление в силу обвинительного приговора суда, А. А. Пинаев пришел к выводу, что он может быть постановлен: 1) без назначения наказания; 2) с назначением наказания; 3) с назначением наказания, от отбывания которого лицо освобождается при определенных условиях; 4) с назначением виновному наказания и его отбыванием (полным или частичным)⁵.

¹ Сенцов А.С. Уголовная ответственность и ее роль в реализации советской уголовной политики: автореф. дисс на соиск. учен степени канд. юрид. наук. – М., 1985. – С. 20.

² Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. – С. 123.

³ Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. – Т. 1. Общая часть/ отв. ред. и рук. авт. кол. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – С. 76.

⁴ Уголовное право. Общая часть: учебник. – С. 97.

⁵ Пинаев А.А. Курс лекций по Общей части уголовного права. Книга первая. О преступлении. – С. 49–50.

Четыре формы реализации данной уголовно-правовой ответственности человека называет А. И. Бойцов, а именно: 1) осуждение одномоментного характера – частные случаи освобождения от наказания; 2) осуждение с условным неисполнением наказания; 3) осуждение, отбывание наказания и погашение судимости; 4) судимость¹.

Отдельные ученые-криминалисты выделяют **пять форм** реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Так, В. М. Хомич, на основе УК Республики Беларусь, считает, что критерием выделения форм негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека нужно признавать комбинирование в режиме осуждения разных по характеру и содержанию мер воздействия на преступника, как обусловленных его осуждением, так и специально назначенных судом. Исходя из этого критерия, он предлагает выделять следующие **пять форм** реализации этой ответственности человека: а) осуждение с применением (исполнением) назначенного судом наказания; б) осуждение с отсрочкой применения назначенного наказания (в течение срока отсрочки вплоть до принятия судом решения об освобождении от наказания осужденное лицо, находящиеся в режиме осуждения, обязано выполнять установленные для него обязанности и запреты, а равно иные условия испытания, гарантирующие ему освобождение от назначенного наказания по истечении отсрочки); в) осуждение с условным неприменением назначенного наказания (в течение испытательного срока осужденное лицо находящиеся в режиме осуждения, должно выполнять обязанности, установленные для осужденных, а равно иные условия испытания, обеспечивающие неприменение назначенного наказания; по истечении испытательного срока судимость погашается и данное лицо автоматически освобождается от назначенного наказания); г) осуждение без назначения наказания (в течение срока судимости осужденный находится в режиме профилактического наблюдения и должен выполнять обязанности, установленные для осужденных); д) осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера (в отношении несовершеннолетних)².

М. Т. Тащилин и Н. Н. Годилов выделяют следующие **пять форм** реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека: 1) применение мер уголовно-процессуального принуждения; 2) применение мер уголовно-правового характера, связанных с освобождением от уголовной ответственности; 3) назначение наказания; 4) исполнение наказания; 5) действия судимости³.

¹ Бойцов А.И. Содержание уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвузовский сборник. – С. 74.

² Хомич В.М. Формы реализации уголовной ответственности. – С. 37.

³ Тащилин М.Т., Годилов Н.Н. Уголовная ответственность и формы ее реализации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudkmw.ru>

Ю. М. Ткачевский определил, что негативная (ретроспективная) уголовная ответственность прежде всего выражается в **трех ее основных формах**: 1) осуждения в обвинительном приговоре виновного лица и им содеянного; 2) назначения в приговоре наказания; 3) судимости. Наряду с этим, он называет еще **две формы**: 1) условное осуждение обвинительным приговором; 2) освобождение от наказания несовершеннолетних¹.

А. В. Андреев предложил два подхода к пониманию форм реализации уголовной ответственности. Согласно **широкого подхода**: 1) осуждение – назначение наказания – полное отбывание этого наказания – судимость; 2) осуждение – назначение наказания – досрочное освобождение от отбывания наказания – судимость; 3) осуждение – назначение наказания – условное освобождение от отбывания этого наказания – судимость; 4) осуждение – назначение наказания – безусловное освобождение от отбывания наказания. **Узкий подход**, по его убеждению, позволяет определить наиболее общие формы реализации уголовной ответственности, исходя из невозможности реализации уголовной ответственности без назначения виновному уголовного наказания: 1) условное либо безусловное освобождение от наказания и его отбывания (осуждение – назначение наказания – освобождение от его отбывания); 2) применение наказания с последующим отбыванием (осуждение – назначение наказания – отбывание наказания (досрочное освобождение от отбывания наказания) – судимость².

А. И. Чучаев и А. П. Фирсова пришли к выводу, что существует **пять форм** реализации уголовно-правового воздействия на человека – однако фактически назвали их **шесть**: 1) наказание; 2) судимость; 3) без назначения наказания; 4) условное осуждение; 5) освобождение от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного характера; 6) меры принуждения медицинского характера³.

Рассматривая уголовную ответственность как отдельный класс мер уголовно-правового воздействия, А. П. Козлов предложил на подвидовом уровне следующие формы ее реализации: а) предварительная уголовная ответственность (связана с ограничениями прав и свобод при содержании под стражей); б) условное осуждение; в) наказание; г) судимость; д) условное освобождение от уголовной ответственности (полное – освобождение от уголовной ответственности вообще или частичное – освобождение от наказания)⁴.

А. Ю. Соболев, исходя из действующего УК Российской Федерации, выделил **семь форм** негативной (ретроспективной) уголовной ответствен-

¹ Ткачевский Ю.М. Избранные труды. – СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2010. – С. 420.

² Андреев А. В. Форми реалізації кримінальної відповідальності. – С. 14–15.

³ Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. – С. 36–50.

⁴ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 33–34.

ности: 1) одномоментная уголовная ответственность; 2) уголовная ответственность в форме осуждения без применения наказания, но с сохранением судимости в течение определенного времени; 3) осуждение с применением вместо наказания принудительных мер воспитательного характера; 4) осуждение с применением принудительных мер медицинского характера; 5) уголовная ответственность с условным неприменением наказания; 6) уголовная ответственность с отсрочкой отбывания наказания; 7) уголовная ответственность с применением назначенного наказания¹.

Однако не все ученые согласны с тем, что судимость является формой реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека. Так, В. Д. Филимонов категорически заявил, что судимость «не является составной частью уголовной ответственности»².

Привлекает к себе внимание, вопреки дискуссионности данного концепта, попытка И. И. Чугуникова классифицировать формы реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека по следующими критериями: 1) по правовому аспекту – на связанные с применением наказания и те, которые не связаны с применением такового; 2) по юридическому содержанию: связанные с исправительно-трудовым воздействием на осужденных и не связанные с таковым; 3) по направленности устанавливаемых правоограничений: на меры, объем правоограничений которых преследует цель исправления лица, но которые при этом не направлены на стимулирование его личной позитивной активности в этом процессе, и меры, направленные главным образом на стимулирование личной позитивной активности осужденного в процессе его исправления. К этой группе он относит: осуждение без назначения наказания в связи с тем, что на время рассмотрения дела в суде лицо нельзя считать общественно опасным, освобождение от наказания с привлечением к общественно полезным работам, условное освобождение от отбывания наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, досрочное снятие судимости, замена наказания более мягким.³

К данной классификации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека можно предложить еще одну: по критерию наличия судимости: а) которые порождают судимость виновного и б) которые судимости виновного не порождают.

Структурно негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека по действующему УК Украины включает один

¹ Соболев А.Ю. Сроки судимости в уголовном праве: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук: 12.00.08 – С. 21–22.

² Филимонов В.Д. Понятие освобождения от уголовной ответственности // Труды Томского ун-та. – 1963. – С. 135.

³ Чугуников І.І. Правовідносини та форми їх реалізації у кримінальному праві України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец.: 12.00.08 «Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право» / Одеська національна юридична академія. – С. 9.

обязательный элемент: претерпение виновным осуждения судом от имени государства совершенного им деяния и его самого; и **пять факультативных**, реализуемых смотря по обстоятельствам дела, не во всех случаях, которые характеризуют претерпение виновным: 1) назначения наказания; 2) угрозы отбывания (исполнение) наказания; 3) исполнение (отбывание) наказания; 4) лишений и ограничений, конкретизированных приговором суда, не являющихся наказанием; 5) лишений и ограничений, связанных с наличием судимости.

В юридической литературе также активно дискутируется научная позиция относительно того, является ли освобождение от уголовной ответственности формой реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека¹. Так, П. В. Коробов полагает, что отсутствие наказания и судимости будет свидетельствовать о том, что лицо освобождается от обязанности претерпеть их. Поэтому за пределами его осуждения уголовной ответственности уже нет, она прекращает свое существование. Приведенная модель не раз реализовывалась законодателем именно при конструировании института освобождения от уголовной ответственности и наказания². Изложенное выше позволяет заключить, что освобождение от уголовной ответственности и наказания рассматриваются им в качестве отдельной формы реализации уголовной ответственности.

С такой постановкой вопроса согласны далеко не все ученые. Так, А. А. Дудоров и Е. О. Письменский высказали возражение относительно наличия оснований для признания освобождения от уголовной ответственности формой реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека, поскольку при этом не выносится обвинительный приговор суда, которым лицо официально признается виновным в совершении преступления и который выражает негативную оценку совершенного и лица, его совершившего, со стороны государства³.

¹ См., например: Келина С.Г. Замена уголовной ответственности иными мерами воздействия // Современные тенденции развития социалистического уголовного права. – М.: Наука, 1983. – С. 137; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – С. 149–150; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности и законодательная практика. – М.: НОРМА, 1998. – С. 127–129; Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. – С. 59–60; Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 14; Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: монографія. – К.: Атіка, 2004. – С. 44–46; Мандриченко Ж.В. Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з примиренням винного з потерпілим. – С. 26–28; Письменський Є.О. Звільнення від покарання та його відбування: проблеми кримінального законодавства та практики його застосування. – С. 56–58.

² Коробов П.В. Момент прекращения уголовной ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 2001. – № 3.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/korobov%282-06-05%29.htm

³ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – С. 722.

Освобождение человека от уголовной ответственности, как показало изучение данной категории дел, осуществляется **постановлением суда**, в котором констатируется юридический факт, что лицо совершило соответствующее преступление и **признало свою вину** в его совершении. Здесь устанавливать, признавать вину такого лица нет необходимости. Постановление является также **юридическим документом, дающим негативную оценку, осуждение** совершенного преступления и виновного лица, констатируя факт совершения им преступления.

Безусловно, следует согласиться с тем, что освобождение от уголовной ответственности является самостоятельным институтом уголовного законодательства, имеющим свое специфическое назначение¹. Он не является формой реализации уголовно-правовой ответственности человека, а формой реализации уголовно-правовых норм. Однако, как думается, одним из содержательных, сущностных его элементов **есть осуждение совершенного деяния и лица, которое его совершило**. Именно **это осуждение** и является формой реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

Нужно обратить внимание на то, что понятие **«осудить» и «засудить»** не являются равнозначными по своему этимологическому содержанию. Под термином «осудить», как правило, понимают проявление негативного, неодобрительного отношения к кому-то, чему-нибудь, а под термином «засудить» – признание человека виновным в совершении преступления и вынесение ему обвинительного приговора. **Осуждение**, таким образом, можно рассматривать в широком понимании этого слова: а) как негативная, неодобрительная оценка совершенного человеком неправомерного деяния (правонарушение); б) признание человека виновным в совершении преступления приговором суда.

Таким образом, **содержательными элементами освобождения человека от уголовной ответственности являются**: а) установление судом основания уголовной ответственности лица – наличия состава соответствующего преступления в его деянии; б) признание этим лицом вины в совершении преступления, содержащее в себе личную неодобрительную оценку совершенного деяния (личное осуждение); в) оценка судом наличия оснований и условий освобождения виновного лица от уголовной ответственности; г) неодобрительная оценка судом совершенного лицом деяния и его самого (осуждение от имени государства) и прощение ему совершенного деяния в виде освобождения от уголовной ответственности, рассчитывая на правопослушное поведение данного лица в будущем. Здесь объединяются идеи как общего, так и специального предупреждения совершения преступлений. Реально в суде этот процесс освобождения так и происходит. В ином случае терялся бы смысл самого

¹ Дудоров О.О., Письменський Е.О. Звільнення від кримінальної відповідальності, звільнення від покарання та його відбування: порівняльно-правова характеристика // Вісник Національної академії прокуратури України. – 2010. – № 3. – С. 46–52.

института освобождения от уголовной ответственности. Другое дело, что процедуру освобождения лица от уголовной ответственности нужно более детально выписать в Уголовном процессуальном кодексе Украины.

Проведенный анализ мнений ученых относительно форм реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека позволил сделать вывод об имеющихся трех ее классических формах реализации: **1) осуждение; 2) наказание; 3) судимость**. Из них лишь осуждение может реализовываться самостоятельно. Наказание реализуется не иначе как в сочетании с осуждением и судимостью, а судимость – в сочетании с наказанием и в сочетании с осуждением, если оно сочетается с наказанием.

Осуждение, как форма реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности, согласно действующему УК Украины, имеет два вида: 1) осуждение без назначения наказания; и 2) осуждение с назначением наказания.

Наказание в сочетании с осуждением и судимостью может иметь такие виды: 1) назначение судом наказания и его реальное отбывание; 2) назначение судом наказания и освобождение от его отбывания с испытанием; 3) освобождение от отбывания назначенного судом наказания; 4) условно-досрочное освобождение от отбывания назначенного судом наказания; 5) замена неотбытой части назначенного судом наказания более мягким наказанием; 6) освобождение от назначенного судом наказания.

Судимость – это институт уголовного права, представляющий собой особое правовое состояние человека, признанного виновным в совершении преступления обвинительным приговором суда, которым ему назначено наказание и который вступил в законную силу, что влечет для него наступление определенных законом неблагоприятных (негативных) последствий, длящихся до погашения или снятия судимости.

Не все ученые признают судимость формой реализации негативной уголовно-правовой ответственности человека. Так, Е. В. Лошенкова прямо пишет, что судимость как уголовно-правовое и общеправовое состояние лица, осужденного и приговоренного к наказанию, не является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности¹. Представляется, что в этом случае прав А. П. Козлов, утверждая, что судимость – вполне реальное и нормальное уголовно-правовое явление, которое позволяет учесть степень опасности личности виновного и соответственно отреагировать на это в мерах безопасности и наказания и которое не должно подвергаться ревизии².

Утверждая, что судимость является институтом со сложным правовым статусом, А. И. Чучаев и А. П. Фирсова указывают на выполнение ею ряда функций:

¹ Лошенкова Е. В. Ответственность в уголовном праве. – С. 103.

² Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 605.

а) она выступает правовым средством (юридическим фактом) конкретизации содержания иных мер воздействия (наказания), что традиционно рассматривается в контексте уголовно-правового и уголовно-исполнительного значений;

б) является средством обеспечения безопасности, выполняя общеправовое значение;

в) есть мера уголовно-правового воздействия, выражающая исключительно определенное содержание реагирования на совершение общественно опасного деяния. Ее составляют особые правоограничения лица в свободе передвижения, основанные на факте совершения общественно опасного деяния. Судимости вполне свойственна относительная самостоятельность, поскольку она может иметь место и без фактического отбывания наказания. Несмотря на «зависимое» положение и недостаточную четкость правового определения сущности и содержания, судимость может быть названа одной из мер уголовно-правового воздействия¹.

Судимость, таким образом, порождает для осужденного человека значительно более широкие по объему правовые последствия, чем его уголовная ответственность, которая является фактором, влияющим на уголовную ответственность человека. В частности, судимость: **1)** имеет значение для установления повторности и рецидива преступлений, что является обстоятельством, отягчающим наказание (п. 1 ч. 1 ст. 67 УК Украины), то есть влияет на выбор судом вида наказания, его срока (размера); **2)** в случаях, предусмотренных действующим УК Украины, влияет на квалификацию совершенного преступления. В частности, повторность преступлений, их рецидив имеет место только при наличии судимости за ранее совершенное преступление и лишь при этом условии совершенное лицом новое деяние, образует квалифицированный состав соответствующего преступления (например, ч. 3 ст. 109; ч. 2 ст. 110; п. 13 ч. 2 ст. 115; ч. 2 ст. 127; ч. 2 ст. 133; ч. 2 ст. 164; ч. 2 ст. 185; ч. 3 ст. 296 УК Украины); **3)** является негативным условием, исключающим возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 45 УК Украины), в связи с примирением виновного с потерпевшим (ст. 46 УК Украины), в связи с передачей лица на поруки (ст. 47 УК Украины), в связи с изменением обстановки (ст. 48 УК Украины); **4)** исполнение обвинительного приговора (ч. 6 ст. 80 УК Украины) за преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка (ст. 437-439; ч. 1 ст. 442 УК Украины) является основанием к неприменению сроков давности; **5)** учитывается при назначении наказания в виде содержания в дисциплинарном батальоне военнослужащих. Применение этого наказания вместо лишения свободы невозможно к лицам, которые ранее отбывали наказание в виде лишения свободы

¹ Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. – С. 39.

(ч. 2 ст. 62 УК Украины); **6)** учитывается как обстоятельство, отрицательно характеризующее лицо виновного при решении судом вопроса о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 69 УК Украины), об освобождении от отбывания наказания с испытанием (ч. 1 ст. 75, ст. 104 УК Украины); **7)** учитывается при определении фактически неотбытой осужденным части наказания при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (п. 2 ч. 3 ст. 81, п. 2 ч. 3 ст. 107 УК Украины) и при замене неотбытой части наказания более мягким наказанием (п. 2 ч. 4 ст. 82 УК Украины); **8)** влияет на определение вида пенитенциарного учреждения для исполнения наказания; **9)** может быть учтена судом при избрании меры пресечения (п. 8 ст. 178 УПК Украины).

Судимость человека предопределяет целый ряд **негативных для него правовых последствий**, которые **не являются уголовно-правовой ответственностью**.

Негативные последствия конституционно-правового характера. В частности: 1) с вступлением в законную силу обвинительного приговора досрочно прекращаются в частности полномочия: судьи Конституционного Суда Украины, судьи суда общей юрисдикции: члена Центральной избирательной Комиссии; народного депутата Украины, депутата местного совета; государственного служащего; члена Национального совета; Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека; сельского, поселкового, городского головы, головы районного в городе, районного областного совета и т.п.; 2) в гражданство Украины не принимается лицо: а) совершившее преступление против человечества или осуществило геноцид; б) осужденное в Украине к лишению свободы за совершение тяжкого преступления (до погашения или снятия судимости); в) совершившее на территории другого государства деяние, являющееся по законодательству Украины тяжким преступлением; 3) судимость является основанием для отказа в предоставлении разрешения на иммиграцию и отмену разрешения на иммиграцию, а также основанием для отказа в предоставлении статуса беженца; 4) не может быть включен в избирательный список и избран депутатом гражданин, имеющий судимость за совершение умышленного преступления; 5) лицо, имеющее судимость, не может быть членом окружной, участковой избирательной комиссии.

Негативные последствия административно-правового характера. В частности: 1) совершение административно-правового правонарушения лицом, которое ранее совершило преступление, является обстоятельством отягчающим административную ответственность; 2) относительно отдельных категорий лиц, имеющих судимость, может устанавливаться, согласно Закону Украины «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 1 декабря 1994 г. (с последующими изменениями), административный надзор; 3) лицам, которые имеют судимость, не предоставляется допуск к государственной

тайне; 4) гражданину Украины может быть временно отказано в выдаче паспорта – до отбывания наказания или освобождение от наказания; 5) иностранцу или лицу без гражданства не разрешается выезд из Украины, если он осужден за совершение преступления, – до отбывания наказания или освобождения от наказания; 6) студент (курсант), осужденный приговором суда, вступившим в законную силу, может быть отчислен из высшего учебного заведения; 7) разрешение для приобретения, хранения (ношения) газовых пистолетов (револьверов), устройств для отстрела патронов, снаряженных резиновыми пулями, и охотничьего оружия не выдаются, а выданные разрешения аннулируются при наличии у лица судимости; 8) лица, которые были осуждены к лишению свободы, не подлежат призыву в мирное время на срочную военную службу.

Относительно административного надзора за лицами, уволенными из мест лишения свободы, есть определенное замечание организационно-правового характера. Вопрос о том, должен ли быть этот надзор институтом административного законодательства или институтом уголовного законодательства. Думается, что в этом случае речь идет о **профилактическом надзоре** за лицами, которые освобождены из мест лишения свободы. Наверное есть смысл связать этот надзор с имеющимся в УК Украины институтом судимости, дополнив раздел XIII «Судимость» УК Украины отдельной статьей **«Профилактический надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»**.

Негативные последствия трудо-правового характера. В частности: 1) расторжение трудового договора по инициативе владельца или уполномоченного им органа (п. 7 ст. 36, п. 8 ст. 40, ст. 43-1 КЗоТ Украины); 2) ограничение права на труд (лицо, имеющее судимость, не может, например, быть: работником милиции, службы безопасности, прокуратуры, таможенных органов, судьей, адвокатом, следователем, нотариусом, судебным экспертом и т.п.). Лица, которые имеют судимость за кражи, взяточничество и другие корыстные преступления, не могут занимать должности, связанные с материальной ответственностью в предпринимательских обществах, союзах; 3) таким лицам не выплачивается выходное пособие в случае освобождения их на основании п. 7 ст. 36 и п. 8 ст. 40 КЗоТ Украины; 4) таким лицам прекращается выплата помощи по безработице и материальной помощи по безработице с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда о лишении свободы.

Негативные последствия гражданско-правового характера. В частности: 1) договор аренды земельного участка прекращается в случае осуждения арендатора к лишению свободы; 2) физическому лицу или должностному лицу может быть отказано в участии в закупке товаров, работ, услуг за государственные средства; 3) ветераны военной службы и ветераны органов внутренних дел и члены их семей лишаются права на льготы на период отбывания ими назначенного судом наказанный в виде лишения свободы; 4) лица, которым суд запретил заниматься опред-

еленной деятельностью, не могут быть зарегистрированы как предприниматели с правом осуществления соответствующего вида деятельности до истечения срока, определенного приговором суда; 5) конфискация имущества может быть осуществлена лишь по обвинительному приговору суда, вступившему в законную силу, то есть у лица, имеющего судимость; 6) арбитражным управляющим (распорядителем имущества, управляющим санацией, ликвидатором), распорядителем имущества должника, оценщиком не могут быть лица, которые имеют судимость.

В российской юридической литературе продолжается дискуссия относительно сущности судимости как института уголовного права, формы реализации уголовного права. Одни авторы категорически ратуют за ликвидацию этого уголовно-правового института, считая его рудиментом тоталитарной системы, а другие – наоборот – настаивают на необходимости его сохранения и развития. Так, А. П. Козлов весьма обоснованно утверждает, что судимость выступает в двух амплуа: в качестве меры безопасности и в качестве формы реализации уголовной ответственности. Сущность ее заключается в том, что она возникает как осуждение лица, виновного в совершении преступления, к тому или иному наказанию; существует определенное время, на протяжении которого она влечет за собой предусмотренные законодательством ограничения прав и свобод данного лица с их увеличением при совершении виновным нового преступления; завершается судимость при установленных законом условиях. Исходя из этого, он предлагает понимать под судимостью в уголовном праве особое правовое положение лица, связанное с установленными законом ограничениями прав и свобод, свойственными мерам безопасности и уголовной ответственности¹.

Судимость, согласно действующему уголовному законодательству Украины, может иметь два вида: 1) одномоментная и 2) продолжительная. Одномоментная судимость имеет место в случаях осуждения лица за совершенное преступление обвинительным приговором без назначения наказания, которое может, в частности, иметь место в случаях, предусмотренных ч. 4, 5 ст. 74, ч. 2 ст. 84, ч. 1 ст. 105 УК Украины, а также в случаях освобождения от наказания в связи с невозможностью его применения к, лицу учитывая его возраст или состояние. Относительно последнего из приведенных случаев. Согласно ч. 7 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 7 от 24 октября 2003 г. с изменениями от 10 декабря 2004 г., 12 июня 2009 г., 6 ноября 2009 г. «О практике назначения судами уголовного наказания», суд не вправе перейти к более мягкому виду наказания в случаях, когда санкцией закона, по которому осуждается лицо, предусмотрены лишь такие наказания, которые учитывая его возраст или состояние не могут быть к нему применены. В таких случаях суд, при наличии к тому оснований, должен был, согласно

¹ Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – С. 599-611.

ст. 7 УПК України 1961 года, закрыть дело и освободить лицо от уголовной ответственности или вынести **обвинительный приговор** и освободить осужденного от наказания.

Изложенная выше позиция Пленума Верховного Суда Украины нашла свое подтверждение также в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 5 от 16 апреля 2004 г. «О практике применения судами Украины законодательства в делах о преступлениях несовершеннолетних»¹.

Если же рассматривать ситуацию через призму действующего уголовного процессуального кодекса Украины 2012 года (п. 2 ч. 2 ст. 283 и п. 1 ч. 2 ст. 284), то, как представляется, прокурор обязан в кратчайший срок после сообщения лицу о подозрении в совершении преступления, обратиться в суд с ходатайством об освобождении лица от уголовной ответственности, а суд – закрыть уголовное производство в связи с освобождением лица от уголовной ответственности.

Согласно ч. 3 ст. 88 УК Украины, лица, осужденные по приговору суда без назначения наказания, признаются не имеющими судимости. Заслуживает в этой связи поддержки обеспокоенность С. С. Яценко, что это положения ч. 3 ст. 88 УК Украины не находит отражения в других нормах УК Украины и УПК Украины².

В абсолютном большинстве случаев судимость длится во времени. Основания и условия ее **прекращения** или **снятия** четко определены ст.ст. 89, 90, 91 УК Украины.

С учетом приведенного выше, можно условно выделить содержательные обязательные и факультативные элементы негативной (ретроспективной) уголовной ответственности. Обязательным элементом при любом из названных выше вариантов реализации негативной (ретроспективной) уголовной ответственности является **претерпение** субъектом **осуждения** судом от имени государства его и совершенного им деяния. К числу факультативных можно отнести такие элементы негативной (ретроспективной) уголовной ответственности: 1) претерпение субъектом назначения наказания; 2) претерпение субъектом угрозы отбывания наказания; 3) претерпение субъектом иных лишений и ограничений, конкретизированных приговором суда, которые не являются наказаниями; 4) претерпение субъектом исполнения (отбывания) наказания; 5) претерпение субъектом лишений и ограничений, связанных с наличием судимости.

¹ Збірник постанов Пленуму Верховного Суду України у кримінальних справах: навчально-практичний посібник / укл. Б.О. Кириш. – Львів: Ліґа-прес, 2010. – С. 68, 104.

² Яценко С.С. Інститут кримінальної відповідальності в новому Кримінальному кодексі України та інших нормативно-правових актах // Новий Кримінальний кодекс України: питання застосування і вивчення: матеріали міжнар. наук.-практ. конференції (Харків, 25-26 жовтня 2001 р.). – К. – Х.: Юрінком Інтер, 2002. – С. 43.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что классическими формами реализации уголовной ответственности являются: **1) осуждение; 2) наказание; 3) судимость**. Поэтому нельзя согласиться с приведенными выше пониманиями некоторыми авторами форм реализации уголовной ответственности посредством выделения многочисленных модификаций процессуального осуществления осуждения и наказания. Все, что эти авторы называют формами уголовной ответственности, следует рассматривать в качестве процессуальных видов реализации уголовной ответственности. Кроме этого, многие из них, при осуществлении классификации форм реализации уголовной ответственности, забывают о наличии судимости как неотъемлемой формы реализации уголовной ответственности. Именно со снятием или погашением судимости правомерно связывают окончание уголовной ответственности. Исходя из этого, утверждение Е. А. Письменского о том, что наказание является только отдельным элементом определенной формы реализации уголовной ответственности, требует дополнительной аргументации¹.

3.3.3. Стадии реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека

Этимологическое значение термина «**стадия**» раскрывается следующим образом: 1) определенный момент, период, состояние в жизни, развития кого-, чего-нибудь, которые имеют свои качественные особенности; 2) истор. В Древней Греции – единица расстояния во время спортивных соревнований². Иное толкование: 1) период, фаза или степень развития чего-нибудь; 2) у древних греков – стадион, место для спортивных соревнований; 3) стадий – древнегреческая мера длины, которая равняется приблизительно 150-190 метров³. Правда, в «Современном словаре иностранных слов», наряду с этим, указывается, что стадии являются единицей измерения расстояний у древних народов: стадий вавилонский равнялся 195 метрам, египетский – 230,4 метра, римский – 185 метрам⁴.

Итак, относительно уголовно-правовых реалий, о **стадиях** можно говорить как о периодах, этапах зарождения, возникновения, развития

¹ Письменський Є.О. Теоретико-прикладні проблеми звільнення від покарання та його відбування за кримінальним правом України: монографія / наук. ред. д-р юрид. наук, проф. О. О. Дудоров; МВС України, Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2014. – С. 70.

² Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – С. 1382.

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Б.М. Волина и Д.Н. Ушакова. – Т. IV. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. – С. 475.

⁴ Семотюк О.П. Сучасний словник іншомовних слів. – Х.: Веста: «Ранок», 2007. – С. 394.

и прекращения уголовной ответственности человека. Стадии уголовной ответственности человека связаны как с целенаправленным, так и с нецеленаправленным поведением человека, являющимся первопричиной перерастания его *потенциальной* уголовно-правовой ответственности в уголовно-правовую ответственность *реальную, действительную*. Здесь имеет место, раскрытая еще Аристотелем, *связь возможности и действительности* с движением и развитием. Возможность и действительность – соотносительные философские категории, характеризующие две основных степени в становлении и развитии предмета и явления¹.

В доктрине уголовного права отсутствует общепризнанное понимание стадий негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Как правило, ученые-криминалисты связывают стадии уголовно-правовой ответственности человека с собственным пониманием ими сущности понятия «уголовная ответственность».

Л. В. Багрий-Шахматов пришел к выводу относительно наличия *пяти* стадий реализации уголовной ответственности человека и *восьми стадий* уголовного процесса. К стадиям реализации уголовной ответственности человека он отнес: 1) реальную угрозу уголовным преследованием и установление преступника; 2) привлечение к уголовной ответственности; 3) судебное разбирательство уголовного дела и вынесение вида и меры уголовной ответственности; 4) исполнение (отбывание) наказания или другой уголовно-правовой меры; 5) течение сроков судимости (правовые последствия назначения и отбывания уголовного наказания). Стадиями уголовного процесса, по его мнению, являются: 1) возбуждение уголовного дела; 2) предварительное расследование; 3) предание суду; 4) судебное разбирательство и вынесение приговора; 5) производство в кассационной инстанции; 6) исполнение приговора; 7) производство в порядке надзора; 8) возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам². Вопреки дискуссионности концепта Л. В. Багрия-Шахматова, его идея о генетической взаимосвязи материально-правового, процессуально-правового и исполнительно-правового аспектов реализации негативной уголовно-правовой ответственности является продуктивной как в научном, так и в правоприменительном плане.

П. Л. Фрис заметил, что уголовная ответственность человека наступает в связи с юридическим фактом, которым является совершение преступления. С этого момента возникают специфические уголовные правоотношения, которые получают свою реализацию в уголовном процессе. Уголовная ответственность человека осуществляется в такой последовательности: 1) возбуждение уголовного дела; 2) привлечение лица в каче-

1 Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичова, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 87.

2 Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации. – С. 87–89.

стве обвиняемого; 3) составление обвинительного приговора с назначением наказания и вступление его в законную силу; 4) исполнение наказания; 5) последствия отбывания наказания – судимость; 6) погашение или снятие судимости¹.

Относительно стадий негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека в юридической литературе имеются и другие взгляды ученых. Так, М. И. Коржанский писал о схеме, которая охватывает также **шесть стадий**: 1) возникновение уголовной ответственности; 2) возбуждение уголовного дела и привлечение лица к ответственности в качестве обвиненного; 3) постановление обвинительного приговора; 4) назначение и исполнение наказания; 5) судимость; 6) погашение или снятие судимости².

По мнению Н. И. Панова, нужно признать **пять стадий** уголовной ответственности: **1)** возникновение обязанности подлежать действию уголовного закона – с момента совершения преступления – независимо от того, выявлено это преступление, или нет. Именно с этого момента действует и реализуется институт давности привлечения лица к уголовной ответственности (ст.49 УК); **2)** возбуждение уголовного дела; **3)** привлечение лица к уголовной ответственности; **4)** вступление обвинительного приговора в законную силу. Именно на этой стадии преступник подвергнется государственному осуждению за совершенное. При этом к нему применяется назначенное приговором суда наказание как мера государственного принуждения (ст. 65 УК) и он подвергнется реальным ограничениям личных прав и свобод или же может быть освобожден от наказания при наличии оснований и условий, предусмотренных ч. 4 ст. 74 УК; **5)** уголовная ответственность завершается после отбывания осужденным наказания моментом погашения или снятия судимости»³.

В. А. Лукьянов, анализируя сущность и содержание негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, констатирует наличие **пяти стадий** в ее реализации. **Первая стадия** – возникает с момента совершения лицом преступного деяния. У потерпевшего, там, где он находится, возникает право требовать устранения причиненного ему вреда и восстановления возможности пользоваться нарушенными правами. Объективно это право может быть реализовано путем обращения к компетентным органам государства, у которых возникает обязанность принять меры к восстановлению нарушенного права и установление лица, виновного в совершении преступления. У преступника возникает обязанность дать отчет перед компетентными органами

1 Фріс П.Л. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для студентів вищ. навч. закл. – 2-ге видання, доп. і переробл. – С. 113.

2 Коржанський М.Й. Уголовне право України. Частина Загальна: курс лекцій. – К.: Наукова думка та Українська видавнича група, 1996. – С. 61.

3 Панов М.І. Кримінальна відповідальність і проблеми правового забезпечення прав і свобод людини і громадянина. – С. 201–202.

государства о своем противоправном поведении, претерпеть те меры, которые будут употреблены относительно него и принять меры к ликвидации преступных последствий своего деяния. **Вторая стадия** возникает в момент установления правоохранительными органами лица, совершившего преступное деяние. Она включает в себя весь период, в течение которого правоохранительные органы устанавливают вину лица и наличие в его деянии состава конкретного преступления. На этом этапе уголовная ответственность человека может реализовываться в форме ограничений уголовно-процессуального характера. Виновный при этом реализует свою обязанность дать отчет о своем уголовно-противоправном поведении компетентным органам государства. **Третья стадия** реализации уголовной ответственности человека – назначение наказания. **На четвертой стадии** реализации уголовной ответственности проходит непосредственное исполнение наказания. Заключительной **пятой стадией** реализации уголовной ответственности человека является судимость. С момента снятия или погашения судимости уголовная ответственность человека прекращается¹.

М. И. Бажанов значительно раньше писал о **пяти этапах** реализации уголовной ответственности человека: 1) возникновение уголовной ответственности – с момента совершения преступления; 2) состояние предварительного расследования совершенного преступления, в ходе которого лицу предъявляется обвинение в совершении конкретного преступления; 3) вынесение обвинительного приговора; 4) исполнение наказания; 5) завершение уголовной ответственности в связи с погашением или снятием судимости².

По убеждению О. Э. Лейста, уголовная ответственность человека проходит следующие стадии: а) привлечение к ответственности; б) исследование обстоятельств дела; в) вынесение приговора в деле и вступление его в законную силу; г) исполнение назначенного наказания; д) судимость³.

В иных случаях пишут о **четырёх стадиях** негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Так, А. А. Вознюк обосновал наличие таких стадий уголовно-правовой ответственности человека: 1) возникновение уголовной ответственности; 2) привлечение к уголовной ответственности; 3) наступление уголовной ответственности; 4) прекращение уголовной ответственности⁴.

В. И. Осадчий пишет о **четырёх этапах** реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) этап

¹ Лукьянов В.А. Ответственность: философские и уголовно-правовые аспекты: дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – С. 99–100.

² Бажанов М.И. Уголовное право Украины. – С. 24.

³ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. – С. 130–136.

⁴ Вознюк А. Кримінально-правовий нарис проблемних питань частини 3 статті 2 Кримінального кодексу України. – С. 146.

совершения преступления; 2) этап процессуальных действий субъекта преступления; 3) этап отбывания наказания; 4) этап судимости¹.

Как уже отмечалось выше, И. Я. Козаченко акцентировал на **четырёх стадиях** реализации уголовно-правовой ответственности человека: 1) привлечение к уголовной ответственности; 2) назначение наказания; 3) исполнение назначенного наказания; 4) судимость².

И. И. Чугуников полагает, что уголовно-правовая ответственность человека имеет **четыре стадии**: 1) становление (совершение преступления); 2) конкретизация (вынесение обвинительного приговора); 3) реализация (вступление приговора в законную силу); 4) прекращение (погашение, снятие судимости)³.

Ряд ученых различают три стадии реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Так, Н. С. Лейкина определила такие **три стадии** реализации этой ответственности: 1) привлечение лица к уголовной ответственности; 2) назначение наказания; 3) исполнение наказания. Данную научную позицию поддержал А. И. Марцев⁴.

И. И. Митрофанов, назвав уголовно-правовые отношения, возникающие вследствие совершения преступления, **возобновляющими**, пишет, что они в своем развитии проходят **три этапа**: 1) наложение уголовной ответственности (конкретизация уголовно-правового средства воздействия); 2) непосредственную реализацию уголовной ответственности; 3) прекращение (истечение) реализации уголовной ответственности⁵.

Н. А. Стручков, разделяя концепцию «уголовная ответственность – правоотношение», проанализировал **три этапа (стадии)** реализации уголовной ответственности человека: а) предварительное расследование уголовного дела; б) осуществление правосудия; в) обращение приговора к исполнению и постепенитенциарное воздействие⁶.

Большое значение имеет дальнейшее исследование остродискуссионной проблемы определения **темпоральных (временных) предельов** негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности

¹ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / відп. ред. Я.Ю. Кондратьєв; наук. ред. Клименко В.А. та Мельник М.І. – К.: Правові джерела, 2002. – С. 76.

² Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. – С. 97.

³ Чугуников И.И. Правоотношение и формы их реализации в уголовном праве Украины: дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Одесса, 2000. – С. 22–23.

⁴ Лейкина Н.С. Стадии реализации уголовной ответственности и личность преступника // Проблемы советского уголовного права. – Л., 1963. – С. 24; Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений Избранные труды. - 2005. – С. 22.

⁵ Митрофанов І. Загальна характеристика відновлювальних кримінально-правових відносин // Юридична Україна. – 2010. – № 10. – С. 111.

⁶ Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – С. 49–50.

человека, в частности, ее начала и окончания. Расхождение взглядов ученых относительно данной научной проблематики достаточно широко. Как правило, авторы при определении начала и окончания этой уголовно-правовой ответственности выходят из собственного разумения ее понятия и содержания. Так, есть значительная часть приверженцев уголовной ответственности как наказания, санкции, принудительного воздействия, негативных последствий. Часть тех авторов, которые понимают ее как обязанность, а также некоторые другие ученые высказали синтезированное (интегрированное) разумение ее понятия и отстаивают позицию, что начальным этапом (стадией) данной ответственности является или вынесение обвинительного приговора суда, или вступление в законную силу обвинительного приговора суда (Ю. В. Баулин, А. А. Дудоров, Н. И. Загородников, С. Г. Келина, Л. М. Корнеева, О. А. Кваша, Н. М. Кропачев, О. Э. Лейст, И. Л. Марогулова, В. А. Меркулова, О. В. Наден, П. Е. Недбайло, Б. Т. Разгильдиев, А. И. Санталов, В. Г. Смирнов, А. Н. Тарбагаев, Ю. М. Ткачевский, В. М. Хомич и др.). В частности, А. А. Дудоров подчеркивает, что «...из разумения уголовной ответственности как особого элемента в механизме уголовно-правового регулирования государства относительно виновного в преступлении (фактического применения к нему предусмотренных уголовным законом государственных осуждения и принуждения) вытекает, что уголовная ответственность возникает лишь после того, как обвинительный приговор суда вступил в законную силу»¹.

Приверженцы разумения уголовно-правовой ответственности как правоотношения, часть тех, кто понимает ответственность как обязанность, а также приверженцев синтезированного (интегрированного) определения ее понятия – связывают первую ее стадию (этап) с совершением конкретным лицом преступления или с совершением деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный действующим УК Украины (С. С. Алексеев, Л. В. Багрий-Шахматов, Я. М. Брайнин, И. А. Вертылецкая, Т. Т. Дубинин, С. В. Дьяков, А. В. Ендольцева, В. С. Егоров, А. А. Игнатов, М. И. Ковалев, И. Я. Козаченко, М. Й. Коржанский, В. П. Коробов, Н. С. Лейкина, В. В. Лунеев, П. С. Матышевский, Н. И. Мацнев, И. И. Митрофанов, А. С. Молодцов, С. И. Никулин, В. И. Осадчий, Н. И. Панов, А. А. Пионтковский, В. С. Плугатирь, А. И. Рарог, Я. И. Соловий, П. Л. Фрис и др.).

Рассматривая уголовную ответственность человека через призму принуждения, Н. А. Огурцов писал, что она начинается там, где начинается государственное принуждение, а именно: «с момента применения процессуальных мер принуждения»².

¹ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – С. 717.

² Огурцов Н.А. Правоотношение и ответственность в уголовном праве. – С. 161–162.

Поскольку уголовная ответственность человека всегда конкретная, – считает А. Н. Игнатов, – и уголовной ответственности подлежит конкретное лицо, совершившее преступление, то возникает она **с момента официального выявления лица**, которое совершило преступление. Установление достаточных оснований для привлечения к уголовной ответственности и есть ее началом¹. С. Е. Вицын и В. В. Сверчков обосновывали вывод, что уголовная ответственность человека возникает с фактом **обнаружения** компетентными органами государства **совершенного деяния**, предусмотренного уголовным законодательством, поскольку именно с этих пор компетентные органы государства обязаны применять закон, действовавший в момент совершения преступления².

Я. М. Брайнин, М. П. Карпушин, В. И. Курляндский, А. И. Марцев, Н. А. Стручков поддерживают позицию, согласно которой уголовно-правовая ответственность человека возникает с **момента предъявления ему обвинения** в совершении преступления.

Ряд ученых (В. А. Елеонский, А. А. Чистяков, З. С. Шадия и др.) считают, что временем возникновения уголовно-правовой ответственности является **вступление в силу уголовного закона**.

Отдельные ученые выказали **двойственное разумение** времени возникновения негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, различая время ее возникновения и время реализации и считая, что она **возникает в момент совершения преступления**, а началом **ее реализации есть привлечения лица в качестве обвиняемого**³, а по мнению других, – **вступление в законную силу обвинительного приговора суда**⁴. Я. О. Мотовиловкер пишет, что «...в результате преступления возникает уголовная ответственность в материальном смысле. Уголовная же ответственность в процессуальном смысле возникает именно вследствие процессуального акта следователя, прокурора и притом весьма определенно: выносятся мотивированное постановление (определение) о привлечении лица в качестве обвиняемого»⁵.

¹ Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. – Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова и Ю. А. Красикова. – С. 77.

² Вицын С. Е. Ответственность по уголовному праву /// Известие ВУЗ «Правоведение». – 1968. – № 2. – С. 154; Сверчков В. В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (система, законодательная регламентация, эффективность применения): дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Нижний Новгород: Нижегородский юрид. и-н, 1997. – С. 45.

³ Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Лунев В. В., Никулин С. И. Уголовное право. – С. 22.

⁴ Пинаев А. А. Курс лекций по Общей части уголовного права. – Книга первая. О преступлении. – С. 49.

⁵ Мотовиловкер Я. О. Об уголовной ответственности обвиняемого в процессуальном смысле // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – С. 85.

В уголовном праве, как считают Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский, процесс реального претерпения негативных последствий совершенного преступления не связывается с решением суда, поскольку такие последствия начинаются значительно раньше, а собственно с момента привлечения лица к уголовной ответственности. Вина лица в совершении преступления устанавливается судом не на момент вынесения приговора и вступления его в законную силу, а на момент совершения преступления, то есть деяния, содержащего все признаки состава преступления. Итак, реализация ответственности человека начинается раньше, до судебного решения. При вынесении обвинительного приговора или при вступлении его в законную силу, **уголовная ответственность человека не возникает, а конкретизируется ее объем и вид**. Иной подход исключает из уголовной ответственности субъективный аспект, не отвечающий принципам и задачам Уголовного кодекса¹.

Значительное воздействие на разумение украинскими учеными начала уголовно-правовой ответственности оказало упомянутое выше решение Конституционного Суда Украины № 9рп/99 от 27 октября 1999 года (дело о депутатской неприкосновенности), согласно которому уголовная ответственность человека наступает с **момента вступления законную силу обвинительного приговора суда**. Большинство из них просто присоединились к позиции Конституционного Суда, несмотря на собственное разумение понятия уголовной ответственности человека, или в связи с тем, что оно отвечает их пониманию этого понятия (Ю. В. Баулин, Р. В. Вереша, А. А. Дудоров, О. А. Кваша, И. В. Красницкий, В. О. Меркулова, О. В. Наден, Н. В. Чернышева и др.).

Как вытекает из названного решения Конституционного Суда, его авторы, на фоне действующего тогда УК Украины, выдвинули оригинальную синтезированную (интегрированную) концепцию разумения понятия негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: **«уголовно-правовая ответственность – осуждение и освобождение от наказания или осуждение и наказание»**. Вместе с тем, они обошли вопрос самого понятия уголовно-правовой ответственности человека, указав лишь на то, что она является разновидностью юридической ответственности, особым элементом в механизме уголовно-правового реагирования государства относительно лица, совершившего преступление, что является основанием рассматривать ее как особый правовой институт. Таким образом, нарушен логический ряд мышления: с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда возникает то, что не нашло своего содержательно-логического определения как категория, как понятие, в этом решении. Ничего не сказано в

¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – С. 23.

решении Конституционного Суда Украины и о прекращении уголовно-правовой ответственности.

Анализируя упомянутое решение Конституционного Суда, П. С. Матышевский верно заметил, что решение вопроса о моменте наступления уголовной ответственности человека возможно лишь после определения самого понятия «уголовная ответственность». Поэтому, несколько некорректным является определение момента наступления уголовной ответственности человека без сочетания с самим ее понятием. При этом бесспорным положением является то, – писал он, – что уголовная ответственность человека связана с событием, которое имеет название «преступление». Ссылка в решении Суда на положение ч. 1 ст. 62 Конституции Украины, согласно которому лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда, не является достаточным аргументом. Это положение Конституции Украины вовсе не означает, что к моменту вынесения обвинительного приговора суда событие преступления не может считаться юридическим фактом, порождающим охранительные уголовно-правовые отношения, а человек, совершивший преступление, не должен отвечать за совершенное. Если с этим не считаться, то тогда уголовное преследование и привлечение его к уголовной ответственности и вынесение обвинительного приговора лишается своего материального (уголовно-правового) обоснования и фактически становится незаконным. Между тем, – подчеркнул далее автор, – уголовное преследование лица связано с уголовно-правовыми нормами, поскольку понятие преступления и наказуемость опасного деяния определены уголовным законом. С этой точки зрения именно с момента совершения преступного деяния возникает (начинается) уголовная ответственность человека, то есть возникают субъекты уголовно-правовых отношений, а также их субъективные права и юридические долги¹.

К приведенным аргументам П. С. Матышевского можно добавить еще один – в части 1 ст. 62 Конституции Украины не употреблено словосочетание «**уголовная ответственность**», а речь идет лишь о **наказании** как одной из форм ее реализации. Только в контексте **наказания** положения о **вине и обвинительном приговоре суда** имеют сугубо правовой смысл.

В. И. Осадчий прямо пишет, что «начальный момент возникновения негативной уголовной ответственности не связан со вступлением в силу обвинительного приговора суда... негативная уголовная ответственность не возникает вследствие констатации ее в приговоре суда или в другом процессуальном документе. Она является результатом неправомерности поведения лица, совершившего предусмотренное действующим УК дея-

¹ Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина. – С. 56–57.

ние, содержащее состав преступления». Поэтому, – считает он, – Решение Конституционного суда Украины, упомянутое выше, касается не столько момента возникновения уголовной ответственности, сколько официальной ее констатации в обвинительном приговоре суда и началом ее реализации¹.

Необходимо различать, как думается, два понятия: **«возникновение уголовно-правовой ответственности»** и **«реализация уголовно-правовой ответственности»**, что не учтено в названном решении Конституционного Суда Украины. Как бы мы не рассматривали негативную (ретроспективную) уголовно-правовую ответственность человека – то ли через призму обязанности, или правоотношения, или наказания, санкции, принудительного воздействия, ограничения прав и свобод и т.п., **начало ее возникновения**, генезис необходимо связывать с юридическим фактом – **совершением преступления**. Именно с этого момента возникает **обязанность** лица, которое совершило преступление, дать отчет за совершенное и **претерпеть согласно закону** наказание, или иные меры уголовно-правового воздействия, а также **право и обязанность** государства в лице компетентных органов выявить совершенное человеком преступление и применить к нему уголовную ответственность, действующее уголовное законодательство в широком его понимании. То же самое можно сказать и относительно разумения уголовно-правовой ответственности человека как правоотношения, а также относительно концепции наказания, санкции, принудительного воздействия, ограничения прав и свобод и т.п. **Реализация негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека** – это, прежде всего, уголовно-процессуальное понятие, а позднее, с начала исполнения обвинительного приговора, – также и уголовно-исполнительное понятие. К началу уголовно-процессуальных, а позднее исполнительно-процессуальных действий уголовно-правовая ответственность находится в статусе «потенциальной», теоретически возможной.

Для начала уголовно-правовой ответственности человека в процессуально-правомерном поле, как представляется, необходимым есть **юридический факт** – внесение следователем, прокурором соответствующих сведений в Единый реестр досудебных расследований (ст. 214 КПК Украины), а в уголовно-исполнительном поле – **обвинительный приговор** суда, вступивший в законную силу. Но это все в классическом варианте, когда уголовно-правовая ответственность человека реализуется во всех трех формах: осуждение, наказание, судимость, что чаще всего и бывает. Вместе с тем, как известно, уголовно-правовая ответственность человека может завершаться **лишь осуждением** лица и совершенного им деяния. Имеется в виду также, что элемент осуждения возникает в

¹ Уголовное право Украины. Общая часть / под ред. В.А. Клименко, Н.И. Мельника. – К.: Атика, 2002. – С. 76.

случае освобождения лица от уголовной ответственности на основании ст.ст. 44, 45, 46, 47, 48, 49, ч. 1 ст. 97 УК Украины, которое осуществляется постановлением суда, хотя, как уже отмечалось, освобождение от уголовной ответственности не является в целом формой реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Такую роль выполняет лишь один из ее элементов – осуждение. Обвинительный приговор в таких случаях не выносится. В других случаях, как указано выше, осуждение происходит обвинительным приговором суда, но без назначения наказания.

О. А. Кваша пришла к логическому выводу, что **временными пределами** уголовной ответственности являются: **возникновение** уголовной ответственности – с момента совершения лицом общественно опасного деяния, содержащего все признаки определенного состава преступления; **реализация** уголовной ответственности начинается с момента вступления законную силу обвинительного приговора суда; уголовная ответственность **является реализованной** с момента, когда исчерпались все последствия, предусмотренные законом и приговором суда относительно данного лица – снятие или погашение судимости¹.

Прекращение негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека другие современные ученые, как правило, связывают с прекращением (погашением или снятием) судимости, с чем в целом нельзя не согласиться. Вместе с тем, в соответствии ч. 1 ст. 88 УК Украины, судимость возникает со дня вступления в законную силу обвинительного приговора суда. А как быть в тех случаях, когда, как уже отмечалось, обвинительного приговора суда нет? Опять-таки, имеется в виду осуждение при освобождении лица от уголовной ответственности, которое осуществляется постановлением суда и судимости в таких случаях, согласно ч. 1 ст. 88 УК Украины, не возникает. Кроме этого, нужно принимать во внимание, что по ч. 3 ст. 88 УК Украины, лица, осужденные по приговору суда без назначения наказания, или с освобождением от наказания, либо отбывшие наказание за деяние, преступность и наказуемость которого устранена законом, признаются не имеющими судимости. Такими, что не имеют судимости, признаются также реабилитированные лица (ч. 4 ст. 88 УК Украины).

В доктрине уголовного права отдельными учеными поддерживается научная позиция, согласно которой понятие «уголовное правоотношение» несколько шире по объему от отношений уголовной ответственности человека. Заслуживает внимания в этой связи научная концепта В. А. Меркуловой о том, что «...**уголовно-правовые отношения** лица, совершившего общественно опасное деяние, с государством возникают с момента совершения преступления и прекращаются с погашением или снятием судимости, а **отношения ответственности** имеют место лишь во время

¹ Кваша О.О. Проблеми визначення меж кримінальної відповідальності. – С. 242.

реализации ответственности – с момента вступления в силу приговором суда (в котором суд от имени государства осуществляет негативную оценку преступления и лица, его совершившего, доказывает вину этого лица) до завершения отбывания наказания»¹.

Другие ученые связывают прекращение уголовно-правовой ответственности человека не только с погашением или снятием судимости. В частности, П. В. Коробов пишет о четырнадцати возможных вариантах ее прекращения: 1) смерть лица, совершившего преступление; 2) «гибель человечества»; 3) «смерть» государства; 4) психическое расстройство у лица, совершившего преступление, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими; 5) утрата преступлением требуемого уровня общественной опасности; 6) отмена уголовной ответственности; 7) освобождение от уголовной ответственности; 8) отмена осуждения; 9) освобождение от наказания; 10) отмена наказания; 11) отбытие наказания; 12) отмена судимости; 13) погашение судимости; 14) снятие судимости².

А. А. Дудоров правомерно определяет прекращение уголовной ответственности человека, связывая его с формами реализации этой ответственности. Он пишет, что уголовная ответственность человека прекращается «...в зависимости от формы ее реализации, в частности, в случае: погашения или снятия судимости (частным случаем погашения судимости согласно ст. 89 УК есть успешное испытание – истечение испытательного срока, установленного судом для осужденного лица, освобождение от назначенного ему наказания); смерти осужденного лица; декриминализации совершенного им деяния; вступление в законную силу обвинительного приговора суда, которым осужденному не назначается наказание (в этом случае уголовная ответственность есть «одномоментной» – ее начало и окончание совпадают)»³.

Поскольку уголовно-правовая ответственность человека имеет индивидуальный, персонифицированный характер, то с учетом конкретных форм ее реализации возможны, как видится, следующие наиболее типичные варианты прекращения негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) с момента погашения судимости; 2) с момента снятия судимости судом; 3) с момента отмены судимости за совершенное преступление (преступления) законодателем; 4) с момента освобождения лица от уголовной ответственности; 5) с момента вступления в силу приговора суда, которым лицо осуждено без

¹ Меркулова В.О. Кримінальна відповідальність: окремі теоретичні та соціально-правові аспекти. – С. 35–36.

² Коробов П.В. Момент прекращения уголовной ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 2001. – № 3.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/korobov%282-06-05%29.htm

³ Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – С. 717.

назначения наказания; 6) с момента освобождения лица от наказания; 7) с момента потери лицом вменяемости; 8) с момента вступления в силу уголовным законом, которым устранены преступность и наказуемость совершенного лицом деяния; 9) с момента реабилитации лица; 10) с момента наступления смерти лица, совершившего преступление. В связи с последним вариантом возможного прекращения уголовной ответственности вызывает возражение вывод А. А. Дудорова, что «...конечный предел уголовной ответственности **отсутствует** в случае назначения пожизненного лишения свободы...»¹. На наш взгляд, этим конечным пределом, при отсутствии акта помилования, является лишь смерть осужденного. Нужно при этом согласиться, что соответствии с ч. 2 ст. 87 УК Украины, актом о помиловании может быть осуществлена замена осужденному назначенного судом наказания в виде пожизненного лишения свободы на лишение свободы на срок не менее двадцати пяти лет, что существенно меняет понимание конечного предела уголовно-правовой ответственности в таком случае.

Еще одно обстоятельство, которое заслуживает внимания в данном контексте. П. В. Коробов пишет, что «... посредником в отношениях между лицом, совершившим преступление, и иными людьми выступает государство. Оно призвано защищать интересы и той, и иной стороны. Сторона, которая противостоит правонарушителю, делегирует государству свои права и обязанности субъекта уголовного правонарушения. Поэтому юридически государство выступает в качестве второго субъекта этого правоотношения. Без его участия уголовное правоотношение не состоятельно. Отсюда вытекает, что, по аналогии с предыдущими моментами, **«смерть» государства тоже ведет к прекращению** уголовной ответственности»². По этому поводу есть два замечания. **Первое** – сторона, противостоящая правонарушителю, не передает государству всего объема прав и обязанностей участника уголовного правонарушения, в частности, ряд прав и обязанностей, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. **Второе** – «смерть» государства не всегда ведет к прекращению негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Как правило, есть правопреемник в лице иного государства. Оно может прекратить уголовную ответственность отдельных лиц по акту амнистии или помилования. По обыкновению, такое прекращение осуществляется по идеологически-политическим мотивам.

Уголовно-правовая ответственность человека, возникшая вследствие совершения преступления, может существовать и в **нереализованном виде**. Например: преступление совершено, но не выявлено, оно остается **латентным**; лицо, совершившее преступление, не выявлено; лицо,

¹ Там же.

² Коробов П.В. Момент прекращения уголовной ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 2001. – № 3.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/korobov%282-06-05%29.htm

совершившее преступление, выявлено, но оно умерло, совершило самоубийство или убито; лицо, совершившее преступление, выявлено, но оно пользуется дипломатическим иммунитетом; лицо, совершившее преступление, выявлено, но данный состав преступления декриминализован; лицо, совершившее преступление, выявлено, но оно уклоняется от следствия и суда. Не реализованная уголовная ответственность человека, как справедливо отмечает А. И. Санталов, не является существующей ответственностью, это – **безответственность** лица, совершившего преступление, **безответственность при наличии оснований ответственности**¹.

Большое значение имеет не только **момент наступления юридического факта**, в связи с которым возникает или прекращается негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека, но и конкретное время, с которого она начинается и прекращается: сутки, день, час, что важно для отбывания наказания. Ю. В. Баулин, например, предложил начальным моментом уголовно-правовой ответственности человека, что осуществляется специально уполномоченными органами исполнительной власти, считать **день** обращения обвинительного приговора суда к исполнению, а конечным – по общему правилу, **последний день отбывания лицом** назначенного наказания. В тех случаях, когда после отбывания наказания лицо определенное время находится в статусе такового, что имеет судимость, – **день погашения или снятие судимости**².

Думается, что **темпоральные пределы наступления юридического факта**, с появлением которого возникает или прекращается уголовная ответственность человека, с учетом зарубежного опыта, нужно исчислять в таких временных единицах: **час, день, месяц и год** наступления соответствующего юридического факта. При этом следует иметь в виду, что ч. 5 ст. 72 УК Украины установлены правила зачисления **предварительного заключения** в срок наказания. Поэтому есть смысл подумать над тем, каким образом это обстоятельство, имеющее существенное значение для обеспечения прав человека, отразить в приговоре суда. Такая постановка проблемы не противоречит ст. 73 УК Украины, которая установила, что сроки наказания исчисляются соответственно в годах, месяцах, днях и часах. Учитывая это, есть необходимость внесения соответствующих изменений в Уголовный процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Украины.

¹ Санталов А.И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении. – С. 127.

² Баулін Ю.В. Кримінальна відповідальність: методологічний підхід до визначення. – С. 238–239.

3.4. Принципы уголовной ответственности человека

Правовая категория «принципы» происходит от латинского слова *principium* – первоначало, основание, принцип, то, что лежит в основе определенной теории, науки.

Способность человека к принципиальному поведению в повседневной жизни, основанная на общечеловеческих гуманистических ценностях, является одной из важнейших его цивилизованных качеств, обеспечивающих ему относительную стабильность как во взглядах, так и в повседневном поведении.

В современной доктрине уголовного права относительно категории «принцип» высказано ряд воззрений ученых через призму непосредственного предмета их научного исследования. Если обобщить, то можно назвать наиболее распространенные среди них: «принципы уголовно-правовой политики»; «принципы уголовно-правового регулирования»; «принципы противодействия преступности»; «принципы уголовного права»; «принципы уголовного кодекса»; «принципы уголовного законодательства»; «принципы уголовного правотворчества»; «принципы криминализации»; «принципы уголовной ответственности»; «принципы карательной деятельности государства»; «принципы назначения наказания»¹. При этом авторы вкладывают в эти понятия часто разное содержание. Мнения их расходятся, и часто весьма существенно, как в определении содержательной части самих понятий, так и в классификации этих принципов на виды, а также частично в понимании проявления сущностного содержания этих принципов. Очевидно, что данная объемная проблематика заслуживает специального анализа на монографическом уровне, однако это не является первоочередным предметом данного исследования, учитывая ограниченность его рамок. Вместе с тем имеются осно-

¹ См., например: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987; Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права – М.: Наука, 1988; Велиев С.А. Принципы назначения наказания – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004; Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004; Митрофанов А.А. Основні напрямки кримінально-правової політики в Україні: формування та реалізація. – Одеса: Одеський юрид. ін-т, 2004; Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 1. Понятие уголовного права. – СПб.: Изд-во проф. Малинина, 2005. – С. 236–246; Пимонов В.А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права – М.: Юрлитинформ, 2007; Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству – М.: Юр ИнфоР-МГУ, 2008; Филимонов В.Д. Принципы уголовного права – М.: АО «Центр Юр ИнфоР», 2002; Сабитов Т.Р. Принципы уголовного права: проблемы теории и законодательства: учеб. Пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 2009; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009.

вания сделать несколько замечаний общего характера. Первое, не все ученые учитывают тот факт, что в доктрине уголовного права есть еще и другие понятия: «принципы кодификации уголовно-правовых норм»¹, «принципы международного уголовного права»².

Для подтверждения высказанного выше обобщения и вывода обратимся к научным работам известных ученых. Так, Н. А. Беляев констатировал, что никакого различия между принципами уголовно-правовой политики и одноименными принципами уголовного права не существует³.

Относительно соотношения принципов уголовного кодекса и принципов уголовной ответственности В. Ф. Щепельков утверждает, что достоверной является тождественность данных понятий в контексте законодательных предписаний⁴.

В определенной мере принципы уголовной политики и принципы уголовного права, и принципы уголовного законодательства, — пишет Н. А. Лопашенко, — пересекаются; хотя, разумеется, нужно помнить, что право и политика, в сущности, разные явления: одно представляет собой систему уголовно-правовых норм, а иное — деятельность⁵.

Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов пришли к выводу, что принципы уголовной политики совпадают в целом по смыслу с принципами уголовного права⁶. Т. А. Лесниевски-Костарева указывает на то, что «принципы уголовного права очень близки к принципам уголовно-правовой политики, но не тождественны им»⁷.

Между принципами уголовного права и принципами уголовного законодательства, утверждает В. В. Мальцев, в большей части наблюдается соотношение типа «содержание» и «форма». Содержание первых как через нормы обычного законодательства, так и нормы, которые специально для них посвящены, входят в ткань уголовного законодательства, становясь тем самым отражением его принципов. Принципы уголовного законодательства, закрепленные в его нормах, предоставляют принципам уголовного права официальную форму, которая обеспечивается государством⁸.

¹ Лопашенко Н.А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.

² Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: монография — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2010.

³ Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. — С. 31.

⁴ Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. — М.: Юрлитинформ, 2003. — С. 91.

⁵ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — С. 46.

⁶ Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В.В. Лунеева. — М.: Юрайт, 2010. — С. 57.

⁷ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. — С. 67.

⁸ Энциклопедия уголовного права: в 35 т. — Т. 1. Понятие уголовного права. — СПб.: Издание проф. Малинина, 2005. — С. 252.

Принципы в праве, заметил А. И. Коробеев, отражают воплощенные в нем юридические идеи, которые являются отправными в законодательстве и в правоприменении. Принципы же уголовной политики имеют отличительную особенность от принципов уголовного права, поскольку они не всегда оформлены в виде правовых норм. Принципы уголовно-правовой политики отражают в общих чертах принципы уголовной политики, представляя собой конкретизацию последних относительно данного направления¹.

Как полагает В. Д. Филимонов, понятие «принципы уголовного права» является родовым понятием по отношению к понятиям: «принципы, определяющие содержание и систему правовых норм, устанавливающих ответственность за совершения конкретных преступлений» и «принципы уголовной ответственности»².

В. В. Мальцев высказал оригинальное понимание названных принципов: «...применительно к уголовной ответственности, как к уголовному законодательству, скорее всего можно говорить о многоаспектном **воздействии на него** принципов уголовного права на уровнях обусловливания, формулирования и реализации уголовно-правовых норм»³.

Подобный тезис высказал Ю. А. Демидов: «...принципы уголовного права характеризуют, прежде всего, связь преступления с уголовной ответственностью»⁴.

Закрепление в действующем УК Российской Федерации принципов уголовного кодекса, а также упоминание в ч. 2 ст. 2 этого кодекса о «принципах уголовной ответственности» вызвало оживленную научную дискуссию. Н. А. Лопашенко заметила, что принципы, перечисленные в ст.ст. 3-7 УК Российской Федерации, в науке уголовного права называют по-разному. Так, Б. В. Здравомыслов, А. Ф. Истомин, А. И. Коробов, В. Н. Кудрявцев, Ю. И. Ляпунов, Г. М. Миньковский, С. С. Пирвагидов, Ю. Е. Пудовочкин, В. П. Ревин, О. Ф. Шишов, А. И. Чучаев и другие именуют их принципами уголовного права; В. Д. Иванов, Н. Г. Иванов, Н. Ф. Кузнецова, С. И. Никулин и другие – принципами уголовного законодательства, И. Я. Козаченко – принципами уголовно-правового регулирования; В. П. Малков, В. Т. Томин, В. Д. Филимонов, В. Ф. Щепельков – принципами уголовной ответственности. Своеобразная позиция у В. А. Якушина – он применяет два термина: «принципы уголовного права» и «принципы уголовной ответственности»⁵.

¹ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. – С. 31.

² Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – С. 36.

³ Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – С. 349.

⁴ Демидов Ю.А. Основные принципы советского уголовного права // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1969, Вып. 9. – С. 21.

⁵ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – С. 147–148.

Для того, чтобы выяснить, совпадают ли принципы уголовного права, принципы уголовного законодательства, принципы уголовной ответственности и принципы уголовно-правового регулирования, – утверждает Н. А. Лопашенко, – необходимо хотя бы в общих чертах решить иной вопрос – насколько сопоставимы между собой уголовное право, уголовное законодательство, уголовная ответственность и уголовно-правовое регулирование¹. Можно до этого было бы добавить и уголовную политику. Однако, на этом пути еще больше **«вечно спорных»** научных проблем и похоже, что в ближайшей научной перспективе шансов на однозначное их решение мало.

Относительно принципов назначения наказания, то С. А. Велиев утверждает, что принципы назначения наказания – это не что иное, как принципы уголовного права².

Что касается принципов кодификации уголовно-правовых норм и их соотношения с принципами уголовного права, то Н. А. Лопашенко написала следующее: «...принципы кодификации уголовно-правовых норм и принципы уголовного права имеют некоторые общие признаки. Вместе с тем, они существенно отличаются друг от друга... кодификация определяется принципами уголовного права и собственными принципами... Принципы уголовного права и принципы его кодификации соотносятся как общее и особенное»³. Правда, в этом случае не понятно, какие принципы выполняют роль «общего», а какие «особенного». Если исходить из широкого разумения понятия «кодификация», то кодификация норм уголовного права основывается на общеправовых принципах, принципах уголовного права и принципах (правилах) законодательной (кодификационной) техники. Роль «общего», как представляется, здесь исполняют общие принципы права, «особенного» – принципы уголовного права, «единичного» – принципы (правила) законодательной (кодификационной) техники.

Весьма научно-продуктивной, заслуживающей на поддержку и такой, что может послужить углублению исследования разумения принципов уголовного права и принципов уголовно-правовой ответственности являются обоснованные Н. И. Хавронюком предложение закрепить в УК Украины «... такие принципы уголовного права, дополнив его новыми статьями следующего содержания:

«Статья 21. Принцип законности

Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только этим Кодексом; предписания закона об уголовной ответственности должны определять уголовно наказуемое деяние в четких и ясных выражениях и не подлежат расшири-

¹ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – С. 148.

² Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – С. 113.

³ Лопашенко Н.А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. – С. 29–30.

тельному толкованию; применение закона об уголовной ответственности по аналогии запрещено.

Статья 22. Принцип равенства граждан перед законом

Лица, совершившие преступления, являются равными перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, места рождения, этнического и социального происхождения, имущественного состояния, служебного положения, местожительства, языковых или иных признаков.

Не считаются нарушением равенства положения этого Кодекса, которые определяют особенности уголовной ответственности и наказания женщин в связи с беременностью, родами и грудным выкармливанием ребенка, а также: несовершеннолетних; лиц в связи с воинским учетом, мобилизацией, прохождением военной и альтернативной службы; должностных и иных лиц, если эти особенности вытекают из особых полномочий или специальных обязанностей этих лиц, возложенных на них законом; лиц, которые имеют судимость; инвалидов, нетрудоспособных лиц и лиц, имеющих болезнь, которая представляет опасность для других людей; иностранцев и лиц без гражданства, которые не проживают постоянно в Украине.

Статья 23. Принцип вины

Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния и общественно опасные последствия, которые настали, относительно которых установлена его вина; никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию, пока его вину не будет доказано в законном порядке и установлено обвинительным приговором суда.

Статья 24. Принцип справедливости

Наказание и иные уголовно-правовые меры, применяемые к лицу, совершившему деяние, предусмотренное этим Кодексом, должны отвечать характеру и степени общественной опасности преступления и обстоятельствам его совершения; никто не может дважды подлежать уголовной ответственности за одно и то же преступление.

Статья 25. Принцип индивидуализации наказания

Суд должен учитывать характер и степень тяжести совершенного преступления, мотивы и цели совершенного, личность виновного, характер и размер причиненного вреда, обстоятельства, которые смягчают и отягчают наказание, мнение потерпевшего в делах частного обвинения, и мотивировать избранную меру наказания в приговоре.

Статья 26. Принцип личного характера уголовной ответственности

Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, которое умышленно или по неосторожности совершило деяние, предусмотренное законом об уголовной ответственности.

Статья 27. Принцип гуманизма

Закон об уголовной ответственности обеспечивает охрану человека, его жизни и здоровья, чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности как наивысшей социальной ценности; лицу, совершившему преступление, суд назначает наказание, необходимое и достаточное для его исправления и предупреждения новых преступлений; в случаях, предусмотренных этим Кодексом, допускается освобождение от уголовной ответственности и от наказания или его отбывания, а также замена наказания более мягким; наказание и иные уголовно-правовые меры, применяемые к лицу согласно этому Кодексу, не могут иметь своим содержанием причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Статья 28. Принцип неотвратимости уголовной ответственности

Каждое лицо, совершило деяние, предусмотренное этим Кодексом, подлежит наказанию и/или иным уголовно-правовым мерам; освобождение от уголовной ответственности, от наказания или его отбывания, а также замена наказания более мягким допускаются лишь в случаях, предусмотренных этим Кодексом.

Для устранения дублирования, – пишет далее Н. И. Хавронюк – вместе с тем необходимо исключить из ст. 3 УК Украины части 3 и 4, из ст. 50 – часть 3, а из ст. 65 – часть 2.

Закрепляя принципы уголовного права, – подчеркивает он, – нужно не забывать и об упомянутых в ч. 1 ст. 3 УК Украины «общепризнанных принципах и нормах международного права». Под последними следует понимать как общие принципы, касающиеся верховенства прав человека, суверенитета государств, дипломатического иммунитета, права международных договоров, мирного решения споров, международного гуманитарного права, правовой помощи и выдачи преступников и т.п., так и принципы конституционно-правового статуса человека и гражданина: неотчуждаемости и нерушимости прав и свобод человека; гарантирование прав и свобод человека и гражданина и невозможности их отмены; недопустимость сужения содержания и объема существующих прав и свобод¹. Автор при этом сделал уместное замечание, что принцип «личного характера уголовной ответственности» определен им в контексте действующего УК Украины, которым предусмотрена уголовная ответственность человека (физического лица), но не предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц.

¹ Хавронюк М.І. 10 років чинності КК України: час закріпити принципи: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: www.zakonoproekt.org.ua/10_rokiv_chas_zakripiti_principi.aspx; 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 13-14 жовт. 2011 р.). – С. 54–56.

Учитывая изложенное выше, есть необходимость обратить внимание на то обстоятельство, что в Римском статуте Международного уголовного суда, который вступил в силу 1 июля 2002 года, определены общие принципы международного уголовного права. К их числу, используя метод синтеза, можно отнести такие принципы: 1) *nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*; 2) действия международного уголовного права; 3) индивидуальной уголовной ответственности; 4) недопустимости ссылки на официальный статус и приказ; 5) виновной уголовной ответственности¹.

Нужно заметить, что актуальность реализации проблемы уголовной ответственности юридических лиц нарастала в меру приближения Украины к Европейскому Союзу. Украина, согласно подписанным международным соглашениям, взяла на себя обязательство ввести такую ответственность. В частности, в сферах противодействия организованной преступности, наркобизнеса, торговли людьми, киберпреступности, коррупции, терроризма². Важным шагом на пути к реализации этого обязательства стало принятие Закона Украины от 23.05.2013 года «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по выполнению Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины относительно ответственности юридических лиц», которым предусмотрено применение к ним мер уголовно-правового характера.

Юридическое лицо представляет собой не что иное, как юридическую форму самоорганизации человека или людей. Поэтому в названиях статей и в их содержании, в необходимых случаях, учитывая современное состояние регулирования данного института в УК Украины, нужно добавить слово «человек». В современной ситуации, когда уже установлена уголовная ответственность юридических лиц, можно в ряде случаев применять, вместо термина «человек», или, наряду с ним, термин «субъект преступления».

В связи с приведенным выше возникло еще несколько замечаний. Первое, в редакции предложенной Н. И. Хавронюком ст. 21 «Принцип законности» содержится такое положение: «Преступность деяния, а также наказуемость деяния и иные уголовно-правовые последствия определяются только этим Кодексом». Относительно наказуемости – да, но относительно преступности деяния, то это не всегда так. В ряде случаев преступность деяния УК определяет лишь в конечном счете. Имеются в виду нормы уголовного закона с бланкетными диспозициями, когда преступность деяния не может быть определена без соответствующих норм административного, медицинского, хозяйственного, финансового, воен-

¹ Римский статут Международного уголовного суда от 1 июля 2002 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)

² См. об этом: Гришук В.К., Пасека О.Ф. Встановлення кримінальної відповідальності колективних суб'єктів у зарубіжних державах: до історії проблеми // Право України. – 2011. – № 9. – С. 50–61.

ного законодательства и т.п. Например, ст.ст. 114, 121, 122, 125, 142, 143, 160, 172, 210, 227, 242, 247, 251, 271, 307, 330, 406, 414, 416 УК Украины и др. «Иные уголовно-правовые последствия» также не всегда определяются уголовным законом. Например, последствия судимости, о чем шла речь выше. Поэтому этот принцип целесообразно было бы назвать так: «Принцип правомерности ответственности». Второе, предложенную статью 22 целесообразно назвать так: «Принцип равенства лиц, совершивших преступление, перед законом», потому что именно об этом идет речь в ее диспозиции. Кроме того, термин «гражданин» исключает распространение этого принципа на лиц без гражданства – апатридов. Третье, предлагая вообще закрепить «принципы уголовного права», Н. И. Хавронюк отдельные из них, – ст.ст. 26 и 28, называет принципами «уголовной ответственности». Это свидетельствует о том, что автор вероятно придерживается научной позиции о тождественности понятий «принципы уголовного права» и «принципы уголовной ответственности», или рассматривает их как автономные понятия. Таким образом, остается открытым вопрос: что необходимо закреплять в действующем УК Украины?

В иерархии «принципов», как думается, имеется своя логическая последовательность. Наиболее объемными являются «принципы уголовной политики», поскольку «арсенал» их средств достаточно широкий, и это не только уголовно-правовые средства, но и общеправовые, экономические, воспитательные, организационные и т.п. Поэтому принципы уголовного права являются органической составляющей принципов уголовной политики. Так же, как и принципы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, принципы кодификации норм уголовного права. Принципы уголовной политики исполняют здесь роль *«общего»* относительно иных названных принципов, которые выполняют роль *«особого»*. Каждый из названных принципов, которые входят в принципы уголовной политики, имеют свои *«единичные»* принципы – принципы отдельных правовых институтов. Относительно уголовного права, то это институт уголовной ответственности человека. То есть принципы уголовной ответственности человека являются составляющей принципов уголовного права. Принципы уголовно-правового регулирования нужно рассматривать как составное понятие, в которое входят принципы уголовного права, принципы уголовно-процессуального права, принципы уголовно-исполнительного права. Оно выполняет роль «особого», а его составные – роль «единичного» относительно принципов уголовной политики, которые выполняют роль «общего».

Обращает на себя внимание тот факт, что понятие «уголовное право» имеет, по крайней мере, триединую характеристику: 1) уголовное право как отрасль права (законодательства); 2) уголовное право как наука; 3) уголовное право как учебная дисциплина. Поэтому закономерно возникает вопрос: а о принципах какого уголовного права идет речь?

В действующем УК Украины понятие «уголовная ответственность» употребляется как в отдельных статьях, так и в названиях его разделов.

Так, в ч. 1 ст. 3 УК Украины содержится положения о том, что «Законодательство Украины **об уголовной ответственности** составляет Уголовный кодекс Украины». В этой связи, как думается, в действующем УК нужно закрепить **принципы уголовной ответственности** человека.

Исходя из этого, когда анализируются принципы уголовно-правовой ответственности человека, то имеется в виду реализация принципов уголовного права через призму действующего уголовного законодательства. То есть эти принципы следует нужно рассматривать как имеющиеся принципы уголовного права в их специфическом проявлении в действующем уголовном законодательстве через институт уголовной ответственности человека. Все, что происходит до вступления в силу уголовного закона, необходимо анализировать через принципы уголовной политики, принципы уголовного права (в частности, принципы криминализации, принципы кодификации и принципы законодательной техники). Таким образом, принципы уголовно-правовой ответственности конкретизируют принципы уголовной политики и принципы уголовного права. Они определяют сущностное качество реализации всех форм уголовно-правовой ответственности человека: осуждения, наказания и судимости. В этой связи вызывает возражение позиция В. Д. Филимонова, рассматривающего принцип справедливости уголовной ответственности человека несколько уже – лишь как меру соотношения деятельности по наказанию лиц, совершивших преступления, со средствами, которые при этом применяются, и в конечном итоге, с теми результатами, которые в процессе этой деятельности достигаются или должны быть достигнуты¹.

Принципы уголовно-правовой ответственности человека – это система выработанных наукой уголовного права и воплощенных в нормах уголовного законодательства руководящих начал, идеологических постулатов, отражающих содержательную сущность уголовной политики государства демократического направления, задачи и закономерности уголовно-правового регулирования, обеспечивающих реализацию уголовно-правовой ответственности человека на научных основаниях.

Принципы уголовно-правовой ответственности человека в их гармоничном объединении представляют, образно выражаясь, скелет материи уголовно-правовой ответственности человека. Гармонично дополняя друг друга, они являются структурными, системообразующими стречнями, надежной основой единого уголовно-правового поля, правоприменительной практики, науки уголовного права и уголовного права как учебной дисциплины.

Действующий УК Украины не содержит в себе специального раздела или подраздела, в котором бы присутствовал исчерпывающий перечень принципов уголовного права или принципов уголовно-правовой ответ-

1 Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – С. 113.

ственности человека и их содержательное определение. В УК некоторых зарубежных государств такие разделы имеются. В частности, в УК Российской Федерации есть глава «Задача и принципы УК Российской Федерации»; в УК Азербайджанской Республики имеется глава «Задача и принципы Уголовного Закона Азербайджанской Республики»; в УК Киргизской Республики есть глава «Задача и принципы уголовного кодекса Киргизской Республики»; в УК Республики Молдовы такие принципы содержатся в главе «Уголовный кодекс и принципы его применения»; в УК КНР они определены в главе «Задача, основные принципы и сфера деяния уголовного кодекса»; в УК Республики Польша – в главе I «Принципы уголовной ответственности». Отдельно также определены принципы Уголовного Закона, или принципы уголовного законодательства, или принципы Уголовного кодекса, или принципы уголовной ответственности в УК Республики Беларусь, в УК Республики Армения, в УК Республики Таджикистан, в УК Республики Туркменистан, в УК Республики Узбекистан.

Разными являются подходы относительно определения в названных выше кодексах как самого названия принципов, так и их перечня. Так, в ст. 3 УК Республики Таджикистан закреплены **«принципы Уголовного Закона и уголовной ответственности»**, к числу которых отнесены такие: законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, личной ответственности, виновности, справедливости, гуманизма, демократизма, а в ст. 3 УК Республики Беларусь следующие: **«принципы уголовного закона и уголовной ответственности»**: законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма. В ст. 4 проекта Модельного Уголовного кодекса для государств-участниц СНГ имеются такие **«принципы Уголовного кодекса и уголовной ответственности»**: законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости, гуманизма, а в ст. 4 УК Азербайджанской Республики – принципы законности, равенства перед законом, ответственности за вину, справедливости и гуманизма. В ст. 4 УК Республики Армения закреплены такие **«принципы уголовного законодательства»**: законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, личной ответственности, виновной ответственности, справедливости, индивидуализации ответственности, гуманизма, а в ст. 3 УК Республики Туркменистан следующие **«принципы уголовного законодательства»**: законности, равенства граждан перед законом, виновной ответственности, справедливости, гуманизма. В УК Российской Федерации задекларированы **«принципы Уголовного кодекса»**: законности (ст. 3), равенства граждан перед законом (ст. 4), вины (ст. 5), справедливости (ст. 6), гуманизма (ст. 7); в ст. 3 УК Киргизской Республики содержатся следующие **«принципы Уголовного кодекса»**: законности, личной виновной ответственности, справедливости, демокра-

тизма, гуманизма, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, а в разделе I УК Республики Молдова **«Уголовный кодекс и принципы его применения»** такие **принципы применения Уголовного кодекса**: законности (ст. 3), гуманизма (ст. 4), демократизма (ст. 5), личного характера уголовной ответственности (ст. 6), индивидуализации уголовной ответственности и уголовного наказания (ст. 7).

Отсутствие в УК Украины специального раздела, где были бы текстуально закреплены принципы уголовно-правовой ответственности, вовсе не означает, что в нормах его разных разделов они не содержатся, так сказать, «в распыленном виде» как нормы-принципы или положения, которые характеризуют эти принципы. Поэтому, как думается, одной из важнейших задач доктрины уголовного права является выделение, вычленение из норм уголовного законодательства и формирование системы принципов уголовно-правовой ответственности человека, а также определение их содержания.

Принципы уголовно-правовой ответственности человека можно рассматривать как правовые аксиомы. Аксиоматически их значимость не зависит от того, какие виды этих принципов рассматривает тот или иной ученый. Каждая классификация принципов уголовного права, уголовно-правовой ответственности обеспечена авторским теоретическим основанием и, разумеется, как научный продукт, без сомнения, имеет соответствующую ценность.

«Уголовно-правовая ответственность, – констатировал Н. И. Панов, – как самостоятельный и фундаментальный институт уголовного права, основывается на определенных принципах, то есть базовых и отправных правоположениях, которые определяют сущность и основные черты этого института. К ним принадлежат, прежде всего, так называемые **общеправовые принципы**: гуманизм, справедливость, равенство, верховенство права, законность, которые вбирают в себя общечеловеческие ценности и идеалы. Вместе с тем указанные принципы обуславливают и **специальные (специфические) принципы** уголовной ответственности, присущие именно данному институту: ответственность лишь за совершение общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный УК, личная и виновная ответственность, дифференциация и индивидуализация ответственности, ограничение пределов уголовной ответственности. Эти принципы (аккумулируя в себе общеправовые принципы) должны выступать основами как законотворческой деятельности при решении вопросов относительно криминализации (декриминализации) соответствующих деяний и их пенализации (депенализации), так и в правоприменении. При этом понятно, что конкретные институты и нормы уголовного права не могут противоречить принципам уголовной ответственности, наоборот, они должны на них базироваться и отвечать им. При этом реализация данных принципов может осуществляться под углом зрения *идеи необходимости обес-*

печения прав и свобод человека и гражданина, как гуманистической и демократической идеи»¹.

Как представляется, такой научный подход Н. И. Панова заслуживает поддержки. Конечно, уголовная ответственность основывается как на общеправовых принципах, так и на уголовно-правовых принципах, разновидностью которых являются принципы уголовно-правовой ответственности.

З. А. Астемиров, рассматривая уголовно-правовую ответственность человека как средство государственной оценки общественно опасных поступков людей, метод активного воздействия на преступников и предупредительного воздействия на иных членов общества, пришел к логичному выводу, что эффективное исполнение этих функций должно отвечать определенным принципам. По его мнению, такими принципами являются: законность, справедливость, дифференциация, индивидуализация и неотвратимость ответственности².

В контексте уголовной ответственности обращает на себя внимание обоснование А. Н. Костенком принципа **социального натурализма**, как принципа универсального, принципиального, относительно иных ее принципов. Принцип социального натурализма, – подчеркнул он, – это «ключ», дающий возможность по новому решать и другие проблемы, возникающие в юридической науке. В частности, это проявляется в следующих тезисах: **1)** согласно принципу социального натурализма, право можно определить как институт обеспечения социального порядка, основанный на законах природы, которые предоставлены в форме законодательства или иных нормативно-правовых актов; **2)** наиболее совершенным является то законодательство и те нормативно-правовые акты, которые наиболее полно отражают законы природы и, в частности, законы естественного права; **3)** исходя из этого, любое правонарушение, в том числе и преступление, – это нарушение законов природы, которые представлены в форме законодательства или иных нормативно-правовых актов; **4)** любое нарушение законов природы является проявлением произвола, а это значит, что любое правонарушение, в том числе и преступление, следует рассматривать как проявление человеческого произвола; **5)** преступник – это лицо, у которого воля находится в состоянии произвола, а сознание в состоянии иллюзий, образуя так называемый **комплекс произвола и иллюзий**, проявляющийся в виде совершения преступления. Это определение касается любого правонарушителя, то есть лица, совершившего конституционное, административное, гражданское или иное правонарушение; **6)** учитывая то, что меру согласованности воли человека с законами природы можно определить как **культуру человека**, нужно сделать следующий вывод:

¹ Панов М.І. Кримінальна відповідальність і проблеми правового забезпечення прав і свобод людини і громадянина. – С. 2002.

² Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – С. 53–54.

наиболее эффективным средством противодействия человеческому произволу, проявляющемуся в виде правонарушений и, в частности, преступлений является культура людей, в том числе социальная культура граждан, включающая в себя и их правовую культуру. Это дает основания к созданию **культурно-правовой концепции обеспечения социального порядка**; **7)** основой правового государства и правопорядка нужно признать правовую культуру граждан; **8)** справедливость, – исходя из принципа социального натурализма, – можно определить как соответствие проявлений воли людей законам природы и, в частности, законам естественного права; **9)** правовое поведение людей определяется их правовой культурой, а не законодательством или иными нормативно-правовыми актами. Законодательство и иные нормативно-правовые акты являются лишь средствами для: а) определения, какое поведение является правомерным, а какое неправомерным; б) социального реагирования на правовое и неправомерное поведение людей; **10)** так называемый принцип «верховенства права» как норму общественной жизни можно обеспечить лишь при надлежащей правовой культуре граждан; **11)** законы в любом обществе «работают» так, как к этому их направляет социальная культура граждан; **12)** свобода человека в обществе – это его независимость от каково бы ни было произвола, благодаря чему он имеет возможность жить по законам природы; **13)** безопасность человека в обществе – это защищенность его свободы от любых проявлений человеческого произвола; **14)** гуманизм в уголовном праве проявляется, принимая во внимание природу человека при решении тех или иных правовых проблем, а не в безграничном смягчении наказания; **15)** критерием истины в юридической науке и криминологии должны признаваться не правовая практика, а естественные законы социальной жизни людей; **16)** прогресс права как средства обеспечения социального порядка невозможен без познания законов естественного права. Поэтому ученым следовало бы в первую очередь разработать своеобразный **Кодекс законов естественного права**, основу которого заложили своими работами еще творцы римского права¹.

Анализ взглядов ученых относительно действующего уголовного законодательства Украины позволил выделить следующие **принципы уголовно-правовой ответственности** человека: 1) принцип демократичности уголовно-правовой ответственности; 2) принцип гуманности уголовно-правовой ответственности; 3) принцип правомерности уголовно-правовой ответственности; 4) принцип справедливости уголовно-правовой ответственности; 5) принцип равенства уголовно-правовой ответственности; 6) принцип виновной уголовно-правовой ответственности;

Независимо от местоположения каждого из названных принципов, все они имеют одинаково важное значение для реализации уголовно-пра-

¹ Костенко О.М. Принцип соціального натуралізму та його значення для юриспруденції і кримінології: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: www.univer.kim.ua/visnyk/463.pdf

вовой ответственности человека. Поэтому крайне важно при этом обеспечить их гармоничное сочетание.

И еще одно – отдельные качественно-содержательные признаки, как мы увидим далее, характеризуют не только один принцип. Это подтверждает, в определенной мере, изложенный выше тезис о том, что принципы уголовно-правовой ответственности, образно выражаясь «сотрудничают» между собой, дополняя друг друга. В таком качестве они, в известной мере, гармонично сочетаются, создают надежный скелет поля уголовно-правовой ответственности.

Принцип демократичности уголовно-правовой ответственности человека реализуется в украинском уголовном законодательстве *двумя путями*: а) через правотворчество; б) через правоприменение. Относительно правотворчества, то в ч. 1 ст. 3 УК Украины прямо указано, что законодательство Украины об уголовной ответственности основывается на Конституции Украины и общепризнанных принципах и нормах международного права. Кроме этого, законодательство об уголовной ответственности человека должно соответствовать положениям, содержащимся в действующих международных договорах, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины (ч. 5 ст. 3 УК Украины). Данными положениями определена демократическая правовая основа норм уголовного законодательства.

Демократическая процедура принятия норм уголовного законодательства и вступление их в силу прежде всего определяется Конституцией Украины. В частности: 1) согласно п. 3 ст. 85 Конституции Украины, принятие законов об уголовной ответственности, как и иных законов Украины, принадлежит к полномочиям Верховной Рады Украины. Верховная Рада Украины принимает законы большинством от ее конституционного состава (ст. 91 Конституции Украины); 2) согласно ст.ст. 5, 38, 69, 72 Конституции Украины и Закона Украины от 6 ноября 2012 года «О всеукраинском референдуме», законы могут приниматься и всеукраинским референдумом. В этом случае они имеют наивысшую юридическую силу; 3) международные договора, затрагивающие вопросы уголовно-правового регулирования, как и иные международные договора, становятся частью национального законодательства лишь после предоставления согласия на них обязательность Верховной Радой Украины (ст. 9, п. 32 ст. 85 Конституции Украины); 4) деяния, являющиеся преступлениями, и ответственность за них определяются исключительно законами Украины (п. 22 ст. 92 Конституции Украины); 5) демократической есть и процедура вступления в силу закона об уголовной ответственности, которая определена ч. 5 ст. 94 Конституции Украины, – он вступает в силу через десять дней со дня его официального обнародования, если иное не предусмотрено самим законом, но не ранее дня его опубликования; 6) решения таких демократических юридических учреждений, как Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд Украины,

Пленум Верховного Суда Украины, являются источниками украинского уголовного права.

Положениями, которые наиболее ярко характеризуют принцип демократичности в применении негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, являются следующие:

1) согласно ст. 124 Конституции Украины, применение норм уголовного законодательства может осуществляться исключительно судами;

2) закон об уголовной ответственности человека не доведенный до сведения населения в порядке, предусмотренном законом, является недействующим и, разумеется, не подлежит применению (ч. 2 ст. 57 Конституции Украины);

3) народ, согласно ч. 4 ст. 124 Конституции Украины, непосредственно принимает участие в осуществимые правосудия, то есть в применении норм уголовного права, через народных заседателей и присяжных;

4) каждому предоставляется право в пределах закона противодействовать преступлениям и тем самым содействовать укреплению законности и правопорядка. Так, каждый имеет право защищать свою жизнь и здоровье, жизнь и здоровье других людей от противоправных посягательств (ч. 2 ст. 27 Конституции Украины); каждый имеет право любыми не запрещенными законом средствами защищать свои права и свободы от нарушений и противоправных посягательств (ч. 4 ст. 55 Конституции Украины). Эти демократические конституционные положения нашли свои правовые механизмы реализации, в частности, через ст. 36 «Необходимая оборона», ст. 37 «Мнимая оборона», ст. 38 «Задержание лица, совершившего преступление», ст. 39 «Крайняя необходимость», ст. 43 «Выполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы либо преступной организации» УК Украины;

5) демократическими по своей сущности являются основные принципы правосудия: 1) законность; 2) равенство всех участников судебного процесса перед законом и судом; 3) обеспечение доказанности вины; 4) состязательность сторон и свобода в предоставлении ими суду своих доказательств и в доведении перед судом их убедительности; 5) поддержание государственного обвинения в суде прокурором; 6) обеспечение обвиняемому права на защиту; 7) гласность судебного процесса и его полное фиксирование техническими средствами; 8) обеспечение апелляционного и кассационного обжалования решения суда, кроме случаев, установленных законом (ст. 129 Конституции Украины);

6) основание правового порядка в Украине на началах, согласно которым никто не может быть принужден делать то, что не предусмотрено законодательством. Все органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать лишь на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией Украины и законами Украины (ст. 19 Конституции Украины).

В действующем УК Украины воплощены и **другие положения о демократичности применения уголовно-правовой ответственности человека, в частности:**

1) законы Украины об уголовной ответственности человека должны соответствовать положениям, содержащимся в действующих международных договорах, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины (ч. 5 ст. 3 УК Украины);

2) преступность деяния человека, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК Украины (ч. 3 ст. 3 УК Украины);

3) лицо подлежит уголовно-правовой ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления (ч. 2 ст. 17, ст. 31 УК Украины);

4) лицо, совершившее в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, предусмотренное действующим УК Украины, не подлежит уголовно-правовой ответственности (ч. 2 ст. 19 УК Украины);

5) основанием уголовно-правовой ответственности человека является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный уголовным законом (ч. 1 ст. 2 УК Украины);

6) применение закона об уголовной ответственности человека по аналогии запрещено (ч. 4 ст. 3 УК Украины);

7) преступность и наказуемость, а также иные уголовно-правовые последствия деяния человека определяются законом об уголовной ответственности, действовавшим во время совершения этого деяния (ч. 2 ст. 4 УК Украины);

8) обратную силу во времени имеет лишь уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий уголовно-правовую ответственность либо иным образом улучшающий уголовно-правовое положение человека. Такой закон распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость (ст. 5 УК Украины);

9) лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда (ч. 2 ст. 2 УК Украины);

10) никто не может быть привлечен к уголовно-правовой ответственности за одно и то же преступление более одного раза (ч. 3 ст. 2 УК Украины);

11) лицу, совершившему преступление, должно быть назначено наказание, необходимое и достаточное для его исправления и предупреждения новых преступлений. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается лишь в слу-

чае, если менее суровый вид наказания будет недостаточным для исправления лица и предупреждения совершения им новых преступлений (ч. 2 ст. 65 УК Украины);

12) наличие достаточно широких возможностей для освобождения человека от уголовно-правовой ответственности (в частности, ст.ст. 44-49, 97, 106 УК Украины), а также индивидуализации его наказания (в частности, ст.ст. 50-71, 98-103 УК Украины), освобождения его от наказания и его отбывания (ст.ст. 74-87, 104-107 УК Украины);

13) уголовно-правовая ответственность и наказания несовершеннолетних имеют свои особенности (ст.ст. 97–108 УК Украины);

14) уголовно-правовая ответственность имеет личностный характер, то есть распространяется лишь на человека, совершившего общественно опасное деяние, и не может распространяться на иных лиц, в частности, родителей, детей, родственников и близких лиц. Уголовно-правовая ответственность отдельных социумов (жителей дома, села, улицы, города, трудового коллектива) не предусмотрена действующим УК Украины; Как уже отмечалось Законом Украины от 23.05.2013 года «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по выполнению Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины относительно ответственности юридических лиц» предусмотрено применение к юридическим лицам мер уголовно-правового характера.

15) наличие специальных видов освобождения человека от уголовно-правовой ответственности, предусмотренных в Особенной части УК Украины (в частности, ч. 2 ст. 111; ч. 2 ст. 114; ч. 3 ст. 175; ч. 4 ст. 212; ч. 2 ст. 255; ч. 5 ст. 258; ч. 6 ст. 260; ч. 3 ст. 263; ч. 4 ст. 289; ч. 4 ст. 307; ч. 4 ст. 309; ч. 4 ст. 311; ч. 3 ст. 369; ч. 4 ст. 401 УК Украины);

16) иностранцы и лица без гражданства, совершившие преступления за пределами Украины и находящиеся на территории Украины, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности и предания суду. (ч. 2 ст. 10 УК Украины);

17) не является преступлением действие или бездействие человека, которое хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного действующим УК Украины, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, то есть не причинило и не могло причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству (ч. 2 ст. 11 УК Украины);

18) наличие в нормах Особенной части УК Украины альтернативных санкций, которые предусматривают несколько основных наказаний, их пределы и сроки или (и) размеры, что позволяют суду избрать виновному наиболее гуманное наказание;

19) трудовые коллективы предприятий, учреждений или организаций имеют право обращаться в суд с ходатайством о передаче на поруки человека, впервые совершившего преступление небольшой или средней

тяжести и чистосердечно раскаявшегося, что может послужить основанием для его освобождения от уголовно-правовой ответственности (ст. 47 УК Украины).

Принцип демократичности уголовно-правовой ответственности человека, как свидетельствуют приведенные выше присущие ему характерные особенности, гармонично сочетается с другими ее принципами: нормативности, гуманности, справедливости, виновной ответственности, равенства ответственности. **И в этом случае содержательные грани их проявления частично совпадают**, они гармонично сочетаются.

Принцип гуманности уголовно-правовой ответственности человека. Гуманность в демократической человеческой среде всегда была особо чтимой человеческой чертой и общественной ценностью. Она основывается на общечеловеческих цивилизованных и высоконравственных представлениях о добре и зле, в основе которых есть человек, как наивысшая социальная ценность для человека. Этимологическое содержание слов «гуманизм», «гуманный» и т.п. походят от латинского слова *humanitas*, что в переводе означает «человечный», «человеческий». Следовательно, речь идет о человеколюбии, об отношении к человеку с любовью.

Заслуживает внимания размежевание понятий «гуманизм» и «гуманность». В целом **под «гуманизмом»** понимают мировоззренческий принцип, в основе которого лежит убеждение о безграничности возможностей человека и его способности к самосовершенствованию, требование свободы и защиты достоинства человека, идея о праве человека на счастье и о том, что удовлетворение его потребностей и интересов должно быть конечной целью общества. **«Гуманность»** – представляется как основной составной элемент гуманизма и означает доброе, милосердное отношение к человеку. Иными словами, гуманизм предполагает гуманность, то есть названный этический подход к оценке человека¹

На особую ценность личности человека указано в преамбуле к Общей декларации прав человека, все статьи которой пронизаны идеей гуманности.

В Конституции Украины (ст. 3), как уже подчеркивалось, провозглашено, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью.

В современной уголовно-правовой литературе, как правило, отмечают о **двояком проявлении** принципа гуманности уголовно-правовой ответственности человека: 1) относительно лица, совершившего преступление и 2) относительно потерпевшего лица – в тех составах преступлений, где он присутствует. Так, В. Д. Филимонов пишет, что в этом принципе выражается

¹ См.: Сабитов Т.Р. Принципы уголовного права: проблемы теории права и законодательства. – С. 120–121.

гуманное отношение к потерпевшему и к лицу, совершившему преступление¹. Н. Ф. Кузнецова подчеркнула, что гуманность имеет **две стороны**. Одна из них обращена к потерпевшему, а другая – к субъекту преступления. При этом она предостерегает, что гуманность никоим образом не означает необоснованного либерализма. Неоправданный либерализм оборачивается негуманностью в отношении потерпевшего от преступления².

Т. Р. Сабитов также обращает внимание на **два аспекта** принципа гуманности: в отношении человека, как наиболее ценного объекта уголовно-правовой охраны в отношении лица, совершившего преступление³.

Более широким и удачным является определение сущности принципа гуманности И. Я. Козаченко. По его мнению, она состоит в признании ценности человека – не только преступника, но и прежде всего, потерпевшего от преступления. В частности, этот принцип заключается в том, что уголовно-правовая мера, которая влечет за собой ограничение правового статуса осужденного, преследует единую цель – защитить интересы других правопослушных граждан от преступных посягательств. С целью позитивного воздействия на виновного, к нему должна применяться минимально необходимая мера наказания⁴.

Особое внимание относительно гуманного отношения к потерпевшему акцентируется и в зарубежной уголовно-правовой литературе. Упомянутый выше профессор университета в Осло Н. Кристи, например, утверждает, что «...жертва преступления **теряет дважды**. Один раз во время взаимодействия с преступником, а второй раз во взаимодействии с государством. Жертва лишена возможности принимать участие в решении своего конфликта. **Ее конфликт похищен государством, причем кража совершена профессионалами**». Далее он размышляет о модели компенсирующей юстиции, способной обеспечить компенсацию вреда потерпевшему⁵.

Гуманность уголовно-правовой ответственности человека, как представляется, должна гармонично и последовательно проявляться в таких **четыре аспектах**: 1) относительно потерпевшего (если он есть); 2) относительно лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания; 3) относительно общества, отдельного социума; 4) относительно должностных лиц, государственных органов, к компетенции которых принадлежит противодействие преступности. В этом

¹ Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – С. 119.

² Кузнецова Н.Ф. Принципы уголовного законодательства. // Курс уголовного права. Общая часть. – Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. – С. 77–79.

³ Сабитов Т.Р. Принципы уголовного права: проблемы теории и законодательства. – С. 121.

⁴ Козаченко И.Я. Уголовное право как основной инструмент уголовно-правового регулирования // Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой. – М.: ИНФРА, М – Норма, 1997. – С. 21.

⁵ Кристи Н. Пределы наказания. – С. 99.

контексте принцип гуманности также гармонично сочетается с принципами: правомерности, справедливости, демократичности ответственности, равенства ответственности.

Ярчайшими проявлениями принципа гуманности уголовно-правовой ответственности человека в действующем УК Украины являются, в частности, следующие положения:

1) гуманными являются задачи УК Украины в частности и уголовного права вообще – правовое обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Украины от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 1 УК Украины);

2) лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда (ч. 2 ст. 2 УК Украины);

3) применение к человеку закона об уголовной ответственности по аналогии запрещено (ч. 4 ст. 3 УК Украины);

4) законы Украины об уголовной ответственности человека должны соответствовать положениям, содержащимся в действующих международных договорах, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины (ч. 5 ст. 3 УК Украины);

5) закон об уголовной ответственности, устанавливающий преступность деяния, усиливающий уголовную ответственность, либо иным образом ухудшающий положение человека, не имеет обратного действия во времени (ч. 2 ст. 5 УК Украины);

6) иностранцы и лица без гражданства, совершившие преступления за пределами Украины и находящиеся на территории Украины, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности и предания суду (ч. 2 ст. 10 УК Украины);

7) не является преступлением действие или бездействие человека, которое хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного действующим УК Украины, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, то есть не причинило и не могло причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству (ч. 2 ст. 11 УК Украины);

8) приготовление человека к преступлению небольшой тяжести не влечет уголовной ответственности (ч. 2 ст. 14 УК Украины);

9) лицо, которое добровольно отказалось от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления (ч. 2 ст. 17, ст. 31 УК Украины);

10) невменяемые лица не подлежат уголовной ответственности и наказанию (ч. 2 ст. 19, ч. 3 ст. 19 УК Украины);

11) установление более высокого, в сравнении с УК других государств, возраста человека, с достижением которого может наступать его уголовная ответственность (ст. 22 УК Украины);

12) наличие в действующем УК Украины обстоятельств, исключаящих преступность деяния человека (ст.ст. 36-43 УК Украины);

13) определение гуманной цели наказания – наказание имеет целью не только кару, но и исправление осужденных, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинить физические страдания или унижить человеческое достоинство (ч. 2, ч. 3 ст. 50 УК Украины);

14) установление достаточно широких возможностей для освобождения человека от уголовно-правовой ответственности (в частности, ст.ст. 44–49, 97, 106 УК Украины);

15) обеспечение индивидуализации наказания (ст.ст. 65–71, 98–103 УК Украины);

16) лицу, совершившему преступление, должно быть назначено наказание, необходимое и достаточное для его исправления и предупреждения новых преступлений. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается лишь в случае, если менее строгий вид наказания будет недостаточным для исправления лица и предупреждения совершения им новых преступлений (ч. 2 ст. 65 УК Украины);

17) возможности освобождения человека от наказания и его отбывания (ст.ст. 74-87, 104-107 УК Украины);

18) наличие в нормах Особенной части УК Украины альтернативных санкций, которые предусматривают несколько основных наказаний, их пределы и сроки или (и) размеры, что позволяет суду избрать виновному наиболее гуманное наказание;

19) отсутствие в действующем УК Украины такого вида наказания, как смертная казнь.

Изложенные выше наиболее характерные черты принципа гуманности уголовно-правовой ответственности человека свидетельствуют в частности о его тесной гармоничной взаимосвязи с иными ее принципами: гуманности, нормативности, демократичности, справедливости, виновной ответственности, равенства ответственности. ***В ряде случаев грани проявления их содержания совпадают***, они гармонично сочетаются.

Гуманистическая миссия уголовно-правовой ответственности человека, таким образом, заключается в том, что при ее помощи осуществляется борьба с жестокостью, насилием, вседозволенностью, утверждается социальная справедливость, формируются правовая культура, глубокие позитивные моральные чувства и установки человека на основе сознательного усвоения им жизненной потребности гармоничного сочетания своих личных интересов с интересами других членов общества, трудового

коллектива, государства, необходимость коллективности, взаимного уважения и доброжелательности, терпимости к противоположным взглядам, чуткого взаимного отношения и заботы, другие нравственные ценности. Вместе с тем это не означает, что гуманизация института негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека достигла вершины своего совершенства.

Принцип нормативности уголовно-правовой ответственности человека. Формулирование этого принципа вытекает из глубины истории – от времен Римской империи. Особенно горячо этот принцип отстаивался в период борьбы против феодального абсолютизма, бесправности и произвола. В этой связи нужно вспомнить известные и гениальные работы Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ч. Беккариа, Ф. М. Аруе (Вольтера), Ж. П. Марата, Г. В. Ф. Гегеля, И. Бентама и др.

Из норм действующего УК Украины можно вычленить следующие наиболее характерные свойства принципа нормативности уголовно-правовой ответственности человека:

1) преступлением является предусмотренное УК Украины общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие) человека, совершенное субъектом преступления (ч. 1 ст. 11 УК Украины);

2) только уголовный кодекс (УК Украины) определяет, какие общественно опасные деяния человека являются преступлениями и какие наказания применяются к лицам, их совершившим (ч. 2 ст. 1 УК Украины);

3) основанием уголовно-правовой ответственности человека является совершение им общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный уголовным кодексом (ч. 1 ст. 2 УК Украины);

4) преступность деяния человека, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК Украины (ч. 3 ст. 3 УК Украины);

5) закон об уголовной ответственности человека вступает в силу через десять дней со дня его официального обнародования, если иное не предусмотрено самим законом, но не ранее дня его опубликования (ч. 1 ст. 4 УК Украины);

6) применение закона об уголовной ответственности человека по аналогии запрещено (ч. 4 ст. 3 УК Украины);

7) законы Украины об уголовной ответственности человека должны соответствовать положениям международных договоров, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины (ч. 5 ст. 3 УК Украины);

8) преступность и наказуемость, а также иные уголовно-правовые последствия деяния человека, определяются законом об уголовной ответственности, действовавшим во время совершения этого деяния (ч. 2 ст. 4 УК Украины);

9) обратное действие во времени имеет только уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий уголовную ответствен-

ность либо иным образом улучшающий уголовно-правовое положение человека. Такой закон распространяется и на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе и на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость (ст. 5 УК Украины);

10) обстоятельства, исключаящие преступность деяния человека, исчерпывающе определены в уголовном кодексе (ст.ст. 36-43 УК Украины);

11) правовые основания освобождения от уголовной ответственности человека определены в уголовном кодексе (ст.ст. 44-49 УК Украины);

12) общие принципы назначения судом наказаний виновным в совершении преступления определены в уголовном кодексе (ст.ст. 51-73 УК Украины);

13) правовые основания освобождения человека от наказания и его отбывания определены уголовным кодексом (ст.ст. 74-87 УК Украины);

14) условия снятия и погашение судимости определяются лишь уголовным кодексом (ст.ст. 89-91 УК Украины).

Принцип правомерности уголовно-правовой ответственности человека, таким образом, проявляется в таких плоскостях: а) соответствие уголовной ответственности человека международным уголовно-правовым стандартам, отображенным в международных договорах, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины; б) уголовная ответственность человека должна отвечать общеправовым принципам ответственности, закрепленным в Конституции Украины; в) соответствие уголовной ответственности человека действующему УК, УПК и УИН Украины; г) соответствие уголовной ответственности человека нормативным предписаниям, содержащимся в других отраслях законодательства Украины – в случаях применения бланкетных норм действующего УК Украины.

Принцип нормативности уголовной ответственности **человека гармонично сочетается**, как увидим далее, **с другими принципами уголовной ответственности**.

Принцип справедливости уголовно-правовой ответственности человека сформировался в процессе развития общества, начиная с его первоначальных этапов. Он, в сущности, в значительной мере является аксиологическим обоснованием уголовно-правовой ответственности человека. Относительно уголовного правосудия римские юристы определяли его, в частности, так: *«Justitia in suo cuique tribuendo centur»* – **справедливость проявляется в возмездии каждому в соответствии с его заслугами**.

Стремление к справедливости в осуществлении правосудия известно с глубокой древности. Оно в определенной мере отражено и в памятках права, которые дошли до нашего времени. Так, Вавилонский царь Хаммурапи, провозгласивший себя **царем справедливости**, в своем итоговом слове в кодексе законов утверждал: «Вот справедливые законы, которые

установил Хаммурапи... Чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове, чтобы в Вавилоне ... выносить решения страны и притесненному оказать справедливость, я начертил свои драгоценные слова на своем памятнике и установил перед своим, царя справедливости, изображением»¹.

В приведенном примере ярко прослеживается зарождение тенденции оценки уголовного права как важного инструмента обеспечения справедливости в общественных отношениях. По этому поводу весьма точно высказался Петер-Алексис Альбрехт: «Законное уголовное право делает несправедливость ясно определяемой... Предметом уголовного права является обозначать несправедливость межличностного правонарушения... или другими словами: заданием уголовного права является охрана государства предшествующих ему сфер свободы и автономии граждан»².

В доктрине уголовного права распространенным является концепт, согласно которому справедливость имеет два аспекта, две формы проявления: *уравнивающая* и *распределительная*. Уравнивающая справедливость наиболее ярко проявляется как равенство лиц перед уголовным законом. Распределительная справедливость наиболее проявляется при назначении наказания или освобождении от него. Думается, что здесь можно было бы добавить и при освобождении человека от уголовной ответственности. В реальной действительности наблюдается гармоничное сочетание этих двух форм справедливости: у уравнивающей справедливости присутствует распределительная справедливость, а в распределительной справедливости – уравнивающая справедливость. Равный закон придает неравное юридическое значение таким обстоятельствам как возраст, служебное положение, наличие судимости и т.п. Таким образом, уравнивающая справедливость имеет ограниченный характер в уголовной ответственности, поскольку она базируется на распределительной справедливости как на собственном фундаменте. Подобной является и ситуация с распределительной справедливостью. Первое – уголовно-правовое регулирование с учетом особенностей деяния, лица и других обстоятельств, которые имеют без сомнения распределительный характер, осуществляется лишь относительно лиц, то есть в уравнивающих пределах. Второе – уголовно-правовое регулирование, с учетом особенностей деяния, лица и других обстоятельств, осуществляется через выбор четко зафиксированных в законе мер, то есть снова же в уравнивающих пределах³.

¹ Антология мировой правовой мысли. – Т. 1. Античность. Восточные цивилизации. – С. 51–52.

² Альбрехт Петер-Алексис. Забытая свобода. Принципы уголовного права в европейской дискуссии о безопасности.; пер. с немецкого и предисл. Г.Г. Мошака.– С. 138.

³ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983. – С. 49–51.

В. В. Мальцев привел положения, которые в определенной мере развивают приведенный выше концепт В. М. Когана. По его мнению, равенство граждан перед уголовным законом предполагает не только единую юридическую квалификацию поведения лиц при совершении ими деяний одного вида, поскольку это лишь внешние приделы равенства, но и точную, с учетом внутривидовых свойства, деяния, меру ответственности – это внутренние параметры равенства, ее глубина. Хотя и равный закон (уравнивающая справедливость) действительно обращен к неравным людям, он отнюдь не базируется на фундаменте распределяющей стороны, у него есть свое основание – общественно опасное поведение людей. Распределяющая же справедливость определяется только теми обстоятельствами, которые учитываются при назначении наказания, которые характеризуют личность преступника в аспекте необходимости более гуманного к нему отношения. Это неравенство, связанное с их семейным и материальным положением, возрастом, полом, состоянием здоровья и т.п. То есть неравенство, которое определяется согласно гуманистическим воззрениям общества, составляет содержание распределяющей справедливости в уголовном праве¹.

Следует остановиться на еще одном аспекте принципа справедливости, на что обратил внимание В. В. Мальцев, указав два не совсем одинаковых подхода к принципу справедливости. Первый связан с определением его содержания посредством иных принципов (С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев, А. В. Наумов, С. Н. Сабанин), когда «справедливость воплощается не в каком-то одном, а во всей системе уголовно-правовых принципов» (В. В. Похмелкин). Второй связан с выяснением его содержания при помощи определения «специфических форм проявления» и «тесного взаимодействия» с иными принципами уголовного права (Ю. И. Ляпунов)².

В пользу первого подхода, несколько в специфической форме высказались и другие ученые. Так, Ю. И. Ляпунов предложил закрепить в уголовном законодательстве принцип справедливости как наиболее общий принцип³. А. В. Наумов заметил, что справедливость как принцип аккумулирует в себе другие самые важные принципы, и, в первую очередь, принципы законности, равенства и гуманизма⁴. В. В. Мальцев, подобно Ю. И. Ляпунову, также предложил закрепить в уголовном законодательстве положение, что «принцип справедливости обеспечивается

¹ Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоохранительной деятельности. – С. 69–72.

² Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоохранительной деятельности. – С. 66–67.

³ Ляпунов Ю.И. Социалистическая законность и уголовный закон // Советское госуд. и право. – 1989. – № 2. – С. 62.

⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. - М.: Изд-во «БЕК», 1996. – С. 52.

полной реализацией его составляющих – принципов равенства перед законом и судом и гуманизма»¹.

В. А. Навроцкий по этому поводу подчеркивает, что правовые принципы могут выполнять консолидирующую роль лишь при условии, когда существует какой-либо принцип-принципов, вокруг которого фокусируются и от которого происходят все иные принципы. Именно этот основной принцип является истоком, позволяющим снимать воображаемые противоречия между отдельными принципами. Среди всех принципов каждого явления есть один главный, центральный, из которого выводятся все иные принципы, являющейся стержнем всей системы принципов:

- уголовного права (уголовно-правовой регламентации общественных отношений) – принцип справедливости;
- уголовного правотворчества – принцип обеспечения соответствия новосоздаваемых или изменяемых правовых норм интересам общества;
- уголовного законодательства – принцип системности;
- применение уголовно-правовых норм, в том числе и уголовно-правовой квалификации – принцип законности².

Продуктивность в научном плане концепта, поддержанного и творчески развитого В. А. Навроцким, очевидна. Можно разве что дискутировать по поводу того, один или два и какой или какие принципы признавать главными. Квинтэссенция этого научного подхода, как представляется, главным образом направлена на логическое согласование, гармонизацию принципов между собой, чего на практике нередко не хватает. Поэтому, нельзя согласиться с утверждением Т. Р. Сабитова, что вывод, сделанный В. А. Навроцким, «... представляет собой логическое заблуждение. Если принцип представить как всеобщее, а правовые нормы как совокупность единичных элементов, то соответственно система принципов (та же совокупность единичных элементов) не может возводить единичный элемент – какой-нибудь из принципов – в ранг всеобщего»³. Первое, в данном случае, что является очевидным, Т. Р. Сабитов почему-то ставит вопрос о сравнении принципа и нормы права. Безусловно, проявление определенного принципа в нормах уголовного закона целесообразно и нужно выяснять, но В. А. Навроцкий говорит лишь о соотношении между принципами. Второе, утверждение, что система принципов не может выводить единичный принцип в ранг всеобщего, не подкреплено никакими аргументами. В каждой системе есть конститутивное, организующее, координирующее звено, центр. Создается впечатление, что Т. Р. Сабитов не совсем понял, о чем идет речь.

¹ Мальцев В.В. Принципы уголовного права и уголовного законодательства: система, содержание и нормативное выражение // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 124.

² Навроцкий В.О. Теоретичні поняття кримінально-правової кваліфікації. - К.: Атіка, 1999. – С. 297–298.

³ Сабитов Т.Р. Принципы уголовного права: проблемы теории и законодательства. – С. 68.

Н. И. Хавронюк целиком справедливо заострил внимание на необходимости гармоничного сочетания принципов уголовной ответственности человека, акцентируя на том, что дифференциация этой ответственности приводит к нарушению принципа ее неотвратимости и принципа равенства граждан перед законом, постепенно стирая грань между принципом справедливости (адекватности) и принципом гуманизма, и абсолютируя принцип индивидуализации наказания. А в условиях тотальной коррупции в Украине предусмотренные Уголовным законом средства дифференциации уголовной ответственности человека, которые делают возможной широчайшую судебную дискрецию, является дополнительным и чрезвычайно **мощным коррупционным риском**¹.

На наш взгляд, дифференциация уголовно-правовой ответственности человека в определенной мере содействует (должна содействовать) реализации принципа справедливости уголовной ответственности. Дифференциация уголовной ответственности человека имеет достаточно широкий диапазон реализации в действующем уголовном законодательстве. Значительное внимание исследованию этого вопроса уделил П. П. Андрушко. Он определил, что дифференциация уголовно-правовой ответственности человека **осуществляется путем**:

1) определения в санкциях статей (частей статей) Особенной части УК видов наказаний (основных и дополнительных) и их сроков или размеров, которые могут быть назначены судом за совершения деяний, содержащих предусмотренные этими статьями составы преступлений;

2) определение в статьях Общей части УК особенностей назначения отдельных видов наказаний, их сроков или размеров, предусмотренных санкциями статей (их частей) Особенной части УК, при наличии оснований, предусмотренных этими статьями, к отдельным категориям лиц:

а) лицо, выполняющее в соответствии с законом специальное задание, принимая участие в организованной группе или преступной организации с целью предупреждения или раскрытия преступной деятельности, подлежит ответственности лишь за совершение в составе организованной группы или преступной организации особо тяжкого преступления, совершенного умышленно и связанного с причинением тяжкого телесного повреждения потерпевшему или наступление иных, либо особо тяжких последствий. Такое лицо не может быть осуждено за совершение указанных преступлений к пожизненному лишению свободы, а наказание в виде лишения свободы такому лицу не может быть назначено на срок, больший половины максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом за это преступление (ст. 43 УК);

¹ Хавронюк М.І. Диференціація кримінальної відповідальності або чи не очікує Україну соціальна катастрофа? // «Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення. Диференціація кримінальної відповідальності»: міжнар. симпозіум (Львів, 11-12 вересня 2009 року). – Львів: ЛьвДУВС, 2009. – С. 247.

б) за приготовления к преступлению срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера, а за совершение покушения на преступление – двух третей максимального срока или размера наиболее сурового вида наказания, предусмотренного санкцией статьи (части статьи) Особенной части УК, (части 2, 3 ст. 68 УК);

в) суд может назначить основное наказание ниже низшего предела, установленного в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК, или перейти к другому, более мягкому виду основного наказания, не указанному в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК за это преступление, при наличии оснований и в порядке, предусмотренном ст. 69 УК;

г) срок или размер наказания при наличии обстоятельств, которые смягчают наказание, предусмотренные пунктами 1 и 2 части первой статьи 66 УК, при отсутствии обстоятельств, которые отягчают наказание, а также при признании подсудным своей вины, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее сурового вида наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи (санкцией части статьи) Особенной части УК;

д) суд может освободить осужденного к наказанию в виде исправительных работ, служебного ограничения для военнослужащих, ограничения свободы, а также лишение свободы на срок не более пяти лет от отбывания наказания с испытанием (ст. 75, 76, 77, 78 УК);

е) в случае назначения наказания в виде ограничения свободы или лишения свободы беременным женщинам или женщинам, которые имеют детей в возрасте до семи лет, кроме осужденных к лишению свободы на срок более пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления, суд может освободить таких осужденных от отбывания как основного, так и дополнительного наказания с установлением испытательного срока при наличии оснований и в порядке, предусмотренном ст. 79 УК;

е) суд может применить к лицам, которые отбывают наказание в виде исправительных работ, служебных ограничений для военнослужащих, ограничения свободы, содержания в дисциплинарном батальоне военнослужащих или лишения свободы, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, а также освободить полностью или частично от отбывания дополнительного наказания при наличии оснований и в порядке, предусмотренном ст. 81 УК¹.

Таким образом, **чрезвычайно актуальными являются вопросы гармоничного сочетания, уравнивания принципов уголовно-правовой ответственности человека** в действующем уголовном законодательстве. Очевидно, что от уровня этого гармоничного сочетания, уравнивания в значительной мере зависит эффективность деятельности органов уголовной юстиции относительно применения уголовно-

¹ Андрушко П.П. Кримінальна відповідальність: поняття види та диференціація // Про українське право. – Число V. – С. 244–245.

го законодательства, а, в конечном счете, – достижение цели уголовно-правовой ответственности. Отсутствие такого гармоничного сочетания, уравнивания будет отрицательно влиять на правоприменительную практику, содействовать снижению качества уголовно-правового регулирования общественных отношений, что не позволит максимально достичь цели уголовно-правового регулирования.

Любопытными в научном плане являются взгляды ученых относительно проявления содержания принципа справедливости. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, принцип справедливости имеет два аспекта: 1) справедливость уголовного закона и 2) справедливость наказания, назначенного судом за совершенное преступление¹.

В. Д. Филимонов присоединяется к мнению В. Е. Давидовича о том, что целиком правомерной является дифференциация общей схемы справедливости по трем параметрам: 1) справедливость как оценка и мера целей; 2) как оценка и мера средств; 3) как оценка и мера результатов². Исходя из этого, справедливость как принцип уголовно-правовой ответственности должна включать в себя оценку и меру: 1) целей уголовно-правовой ответственности и наказания; 2) средств их достижения – наказание и иных мер уголовно-правового характера; 3) результатов применения наказания и иных мер уголовно-правового характера³. В связи с этим имеются два замечания. Не заслуживает поддержки размежевание понятий «ответственность» и «наказание». Наказание, наряду с осуждением и судимостью, рассматривается как форма реализации уголовно-правовой ответственности. Сомнительным видится выделение результатов применения наказания и иных средств уголовно-правового характера как проявление принципа справедливости уголовно-правовой ответственности.

Более привлекательной, но не безупречной является позиция по этому вопросу С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева, которые выделили **три уровня проявления** справедливости как принципа в уголовном праве. **Первый** – при назначении наказания, его вида и размера, которые должны строго соответствовать тяжести совершенного преступления, личности осужденного, всем объективным и субъективным обстоятельствам данного конкретного случая. **Второй** – справедливость санкций норм уголовного закона, которые не только должны соответствовать тяжести описанного в законе преступного деяния, но и быть согласованными также с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений. **Третий** – формирования круга преступных деяний. При криминализации (и декриминализации) того или иного деяния законодатель должен учитывать нравственные, этические представления граждан о справед-

¹ Кузнецова Н.Ф. Принципы уголовного законодательства. – С. 75.

² Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. – М.: Изд-во полит. лит., 1989. – С. 31.

³ Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – С. 107.

ливости и несправедливости определенных поступков¹. Опять-таки, как и в предыдущем случае, речь идет лишь о наказании, а о других формах – осуждение и судимость ничего не говорится. Поэтому позиция Н. Ф. Кузнецовой, В. Д. Филимонова, С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева является односторонней, то есть такой, что не отражает полностью проявления принципа справедливости уголовно-правовой ответственности человека во всех ее формах. Как представляется, следует отдельно анализировать проявление принципа справедливости через призму форм реализации уголовно-правовой ответственности человека, а именно: а) справедливость осуждения; б) справедливость наказания; в) справедливость судимости.

Наиболее важными чертами, характеризующими принцип справедливости уголовно-правовой ответственности человека, исходя из действующего УК Украины, являются следующие:

1) единственным основанием уголовно-правовой ответственности человека является совершение им общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный действующим УК Украины (ч. 1 ст. 2 УК Украины);

2) применение закона об уголовной ответственности человека по аналогии запрещено (ч. 4 ст. 3 УК Украины);

3) преступность деяния человека, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК Украины (ч. 3 ст. 3 УК Украины);

4) лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда (ч. 2 ст. 2 УК Украины);

5) никто не может быть привлечен к уголовно-правовой ответственности за одно и то же преступление более одного раза (ч. 3 ст. 2 УК Украины);

6) преступность и наказуемость, а также иные уголовно-правовые последствия деяний человека определяются законом об уголовной ответственности, действовавшим во время совершения этого деяния (ч. 2 ст. 4 УК Украины);

7) закон об уголовной ответственности, устанавливающий преступность деяния человека, усиливающий уголовную ответственность либо иным образом ухудшающий его положение, не имеет обратной силы во времени (ч. 2 ст. 5 УК Украины);

8) лицу, совершившему преступление, должно быть назначено наказание, необходимое и достаточное для его исправления и предупреждения новых преступлений. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается лишь в случае, если менее строгий вид наказания будет недостаточным для исправления лица и предупреждения совершения им новых преступлений (ч. 2

¹ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – С. 134–135.

ст. 65 УК Украины). Несправедливым, смотря по обстоятельствам дела, может быть не только чрезмерно суровое наказание, но и чрезмерно мягкое наказание;

9) наличие достаточно широких возможностей для освобождения человека от уголовной ответственности (в частности, ст.ст. 44-49, 97, 106 УК Украины), а также индивидуализации наказания (в частности, ст.ст. 50-71, 98-103 УК Украины), освобождения от наказания и его отбывания (ст. ст. 74-87, 104-107 УК Украины);

10) неотвратимость и своевременность уголовно-правовой ответственности человека за совершенное им общественно опасное деяние, запрещенное действующим УК Украины под угрозой наказания (ч. 1 ст. 6 УК Украины). На компетентных органах государства лежит обязанность своевременного выявления каждого преступления и своевременного привлечения каждого виновного в совершении преступления к уголовно-правовой ответственности, применению ее к нему;

11) граждане Украины не могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовно-правовой ответственности и предания суду (ч. 1 ст. 10 УК Украины);

12) не является преступлением действие или бездействие человека, которое хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного действующим УК Украины, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, то есть не причинило и не могло причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству (ч. 2 ст. 11 УК Украины);

13) приготовление человека к преступлению небольшой тяжести не влечет уголовной ответственности (ч. 2 ст. 14 УК Украины);

14) лицо, которое добровольно отказалось от доведения преступления до конца, подлежит уголовно-правовой ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления (ч. 2 ст. 17, 31 УК Украины);

15) лицо, совершившее в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, предусмотренное действующим УК Украины, не подлежит уголовно-правовой ответственности (ч. 2 ст. 19 УК Украины);

16) лицо, совершившее преступление в состоянии вменяемости, но до постановления приговора заболело психической болезнью, лишаящей его возможности осознавать свои действия (бездействие) или руководить ими, не подлежит наказанию. К такому лицу по решению суда могут применяться принудительные меры медицинского характера, а по выздоровлению такое лицо может подлежать наказанию (ч. 3 ст. 19 УК Украины);

17) наличие в действующем УК Украины обстоятельств, исключающих преступность деяния человека (ст.ст. 36-43 УК Украины);

18) уголовно-правовая ответственность и наказание несовершеннолетних имеют свои особенности (ст.ст. 97-108 УК Украины);

19) уголовно-правовая ответственность человека имеет личностный характер, то есть распространяется лишь на лицо, которое совершило общественно опасное деяние. К уголовной ответственности не могут привлекаться иные лица, в частности, родители, дети, родственники и близкие лица, которые не совершали и не были соучастниками совершенного виновным общественно опасного деяния. Уголовно-правовая ответственность отдельных социумов (жителей дома, села, улицы, города, трудового коллектива) не предусмотрена действующим УК Украины;

20) наличие специальных видов освобождения человека от уголовно-правовой ответственности, предусмотренных в Особенной части УК Украины (например, ч. 2 ст. 111; ч. 2 ст. 114; ч. 3 ст. 175; ч. 4 ст. 212; ч. 2 ст. 255; ч. 5 ст. 258; ч. 6 ст. 260; ч. 3 ст. 263; ч. 4 ст. 289; ч. 4 ст. 307; ч. 4 ст. 309; ч. 4 ст. 311; ч. 3 ст. 369; ч. 4 ст. 401 УК Украины).

Соблюдение принципа справедливости уголовно-правовой ответственности человека предусматривает в частности учет при привлечении его к уголовной ответственности, при назначении ему наказания, решении вопросов освобождения от наказания и его отбывания, погашения и снятия судимости: лица правонарушителя, субъективных и объективных признаков совершенного деяния, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Как видим, **принцип справедливости** уголовно-правовой ответственности человека **содержательно и гармонично сочетается с иными принципами**: гуманности, нормативности, демократичности, виновной ответственности, равенства ответственности.

Принцип равенства уголовно-правовой ответственности человека. Принцип равенства уголовно-правовой ответственности человека, прежде всего, означает, что при установлении и реализации этой ответственности не может быть привилегий или ограничений по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного состояния, местожительства, по языковым или иным признакам.

Следует поддержать научную позицию А. И. Чучаева относительно того, что принцип равенства проявляется в установлении одинаковых оснований и пределов уголовной ответственности, одинаковых оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, одинаковых условий погашения или снятия судимости¹. Вместе с тем, как представляется, этот научный концепт является жизнеспособным при соответствующем понимании равенства. А именно: **равная уголовно-правовая ответственность, через ее дифференциацию законодателем, корреспондирует (должна корреспондировать) равным субъектам по своим социально-правовым признакам (возраст, пол, состояние здоровья, служебное положение лица, профессиональная деятельность и т.п.), совершенным деянием, имею-**

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. проф. А.И. Рарога. – М.: ИМП, 1997. – С. 11.

щимся смягчающим илиотягчающим обстоятельствам. Снова же, во время индивидуализации наказания судом, а также при определении осужденному согласно закону вида исправительного учреждения для отбывания лишения свободы, учитывается личность виновного. Отсюда – **уголовный закон является одинаковым мерилон уголовной ответственности для юридически и фактически равных субъектов преступления.** То есть это равенство не «*всех и каждого вообще*», не «*всех и вся*», а равенство субъектов, которые равны по своим уголовно-правовым и социальным признакам перед равными условиями их уголовной ответственности, определенными в уголовном законодательстве в широком его понимании. Оно запрограммировано в действующем законодательстве как равное для равных, хотя и это равенство является относительным, а не абсолютным, поскольку **абсолютное, математическое равенство субъектов уголовной ответственности невозможно и даже вредно.** Примером внедрения такого равенства может послужить равенство большевистского типа. Когда речь идет об уголовной ответственности, то разной является, например, уголовная ответственность несовершеннолетних и взрослых, здоровых и нетрудоспособных, больных женщин, обычных и женщин беременных, обычных граждан и должностных лиц, обычных граждан и военнослужащих и т.п. Но при равенстве смягчающих и отягчающих обстоятельств личности виновного, состояния его здоровья, например, несовершеннолетние или беременные женщины и т.п. и другие субъекты, заслуживают одинакового масштаба уголовной ответственности, как равные среди равных.

Гендерный анализ действующего УК Украины позволил А. Н. Костенко прийти к обоснованному заключению о необходимости соблюдения **принципа гендерного равенства** относительно ответственности за преступление. Такими, что не отвечают принципа «**гендерного равенства через гендерную адекватность**», – считает автор, – должны быть признаны, в частности, ст. 36, ч. 3 ст. 57, ч. 3 ст. 60, ч. 3 ст. 61, ч. 1 ст. 79, ст. 83, ч. 2 ст. 135, ч. 1 ст. 136, ст. 139, ст. 149, ч. 1 ст. 152, ч. 2 ст. 172, ч. 1 ст. 303 и некоторые другие статьи действующего УК Украины¹.

Единственным, равным для всех основанием уголовной ответственности человека является совершение лицом – субъектом преступления, общественно опасного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный действующим УК Украины. Равными для всех, в изложенном выше понимании, являются и принципы уголовно-правовой ответственности и наказания. Все люди наделены уголовным законодательством одинаковыми субъективными правами (например, право на равную уголовно-правовую защищенность, право на необходимую обо-

¹ Костенко О.М. Кримінальний кодекс України: гендерні аспекти: [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://kostenko-an.narod.ru/pub2.html>

рону, право на задержание преступника, право на добровольный отказ от доведения преступления до конца, право на освобождение от уголовной ответственности и т.п.) и одинаковыми обязанностями (например, не оставлять в опасности лицо, находящееся в опасном для жизни состоянии (ст. 135 УК Украины), оказать помощь лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии (ст. 136 УК Украины), не совершать преступлений, предусмотренных УК Украины, подлежать уголовной ответственности за совершенное преступление или преступления и т.п.).

Равными перед уголовным законодательством является как совершившие преступления, так и законопослушные люди, потерпевшие, а также субъекты, применяющие нормы уголовного права и в том числе, и прежде всего, судьи.

Принцип равенства уголовно-правовой ответственности человека однако не отрицает дифференциации и индивидуализации уголовно-правовой ответственности человека и его наказания. В этих случаях принимается во внимание в частности личностные характерные особенности виновного, его поведение до совершения преступления, посткриминальное поведение. Такой подход *позволяет гармонично сочетать принцип равенства уголовно-правовой ответственности человека с иными ее принципами*: демократичности, нормативности, гуманности, виновной уголовной ответственности человека.

Принцип виновной уголовно-правовой ответственности человека. Его сущность, в общих чертах, отражена в презумпции невиновности, закрепленной в ст. 62 Конституции Украины, согласно которой: 1) лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда; 2) никто не обязан доказывать свою невиновность в совершении преступления; 3) обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем, а также на предположениях; 4) все сомнения относительно доказанности вины лица толкуются в его пользу; 5) в случае отмены приговора суда как неправоудного государство возмещает материальный и моральный вред, причиненный безосновательным осуждением.

Приведенные положения вытекают из международно-правовых актов. Так, согласно ст. 11 Общей декларации прав человека, каждый человек, обвиненный в совершении преступления, имеет право полагаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в законном порядке путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты. Схожее положение закреплено в п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, где провозглашено, что каждый обвиняемый в преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону.

Виной является психическое отношение человека к совершенному действию или бездействию, предусмотренному УК Украины, и его по-

следствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности (ст.ст. 23, 24, 25 УК Украины).

Вина является обязательным признаком субъективной стороны каждого состава преступления. При ее отсутствии также отсутствует и состав преступления, а, следовательно, и основания уголовной ответственности (ч. 1 ст. 2 УК Украины). Здесь реализован принцип римского уголовного права *«nullum crimen sine culpa»* – нет преступления без вины. *Субъективное вменение в вину* является, образно выражаясь, краеугольным камнем демократического уголовного права вообще и уголовно-правовой ответственности в частности.

Принцип виновной уголовно-правовой ответственности человека основывается на органической связи объективных и субъективных признаков при квалификации совершенного лицом деяния. Лицо может привлекаться к уголовно-правовой ответственности лишь за такое деяние, которое является результатом не только его физических усилий, но и продуктом его сознания и воли. Вместе с тем, лицо не может подлежать уголовно-правовой ответственности за взгляды, мысли, настроения, намерения и желания, которые не выразились в определенном деянии, запрещенном действующим уголовным законом под угрозой наказания. Еще древние римляне говорили: *«Cogitationis poenam nemo partitur»* – мысли не являются наказуемыми. По этому поводу высказал свое категорическое утверждение Г. В. Ф. Гегель: «...государственные законы не могут распространяться на убеждения, ибо в области морального «я» есть для себя самого, и насилие здесь не имеет смысла... Мне может быть вменено то, что содержалось в моем умысле, и при рассмотрении преступления это имеет преимущественное значение...»¹

Нужно согласиться с В. В. Мальцевым, что обвинение, предъявленное лицу, не совершившему преступление, и, следовательно, не находящемуся в отношениях ответственности, с государством ***все равно не обладает собственным содержанием***, остается пустым, а следовательно, ***и ничтожным*** по своему уголовно-правовому и уголовно-процессуальным значениям².

В случаях, когда по обстоятельствам дела человек не должен был предусмотреть и не мог предусмотреть возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, имеет место ***случай (казус)***. В таких ситуациях он действовал без вины и поэтому не подлежит уголовно-правовой ответственности.

В последнее время в уголовно-правовой литературе высказывается мнение, что действующему уголовному законодательству свойственно частично и объективное вменение в вину³. В этой связи снова активизируется вопрос о

¹ Антология мировой правовой мысли. – Т. 3. Европа. Америка. XVII-XX вв. – С. 337–339.

² Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – С. 388.

³ См., например: Шаталова Л.И. Правовые, психологические и этические аспекты субъективного вменения в уголовное право Российской Федерации. – Тольятти: Изд-во Волжского ун-та, 2002. – С. 24–26; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – С. 225–232.

том, должен ли субъект осознавать уголовную противоправность своего деяния. Так, И. Э. Звечаровский полагает, что осознание противоправности не входит в содержание вины. Вина исчерпывается только общественной опасностью деяния. Исключением из этого правила являются две типичных ситуации: когда речь идет об уголовной ответственности человека за нарушения разного рода правил и за совершения заведомо незаконных деяний¹.

Л. Л. Кругликов и Ю. Г. Зуев предложили дополнить действующий УК РФ специальной **статьей о презумпции знания уголовного закона**, указав в ней, что если лицо в соответствии с обстоятельствами дела не знало, не должно было или не могло знать, что совершаемое им деяние как общественно опасное запрещено действующим уголовным законом, то такое деяние признается совершенным невиновно, и в силу этого лицо не подлежит уголовной ответственности².

Заслуживает поддержки вывод Н. А. Лопашенко, что «...дальнейшее игнорирование проблемы противоправности **оборачивается на практике объективным вменением**, а следовательно, нарушением принципа вины. Настала пора предусмотреть для составов преступлений, в основе которых лежит нарушение установлений других правовых отраслей, в формуле вины, наряду с осознанием общественной опасности своего деяния, также осознание его противоправности»³.

Определенный интерес вызвала научная позиция В. Д. Филимонова, рассматривающего преступление, как и каждое другое явление объективной действительности, как представляющее собой единство и борьбу противоположностей. Противоречия, заключенные в нем, имеют две стороны. Одна из них – процесс причинения лицом вреда другим лицам, обществу, или государству, другая – стремление этого лица удовлетворить за счет последних свои субъективные потребности и интересы. Первая из них находит свое выражение в объективных признаках преступления, а вторая – в субъективных признаках преступления. Вместе эти обе стороны составляют то органичное единство, без которого преступление существовать не может. Разрушение этого единства неизбежно приведет к тому, что деяние лица потеряет способность быть основанием его уголовно-правовой ответственности. Чтобы не допустить необоснованного привлечения лиц к уголовно-правовой ответственности, нужны достаточные правовые гарантии. При этом они должны быть подчеркнуты обязательными как для законодателя, так и для правоприменительных органов. Этому требованию удовлетворяют лишь принципы уголовного права. При этом он ведет речь о двух принципах, которые в органичном сочетании способны обеспечить реализацию данного требования:

¹ Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 62–63.

² Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве. – Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-та, 2000. – С. 128.

³ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – С. 232.

а) ответственность за совершенные общественно опасные деяния и его последствия и б) лишь при условии наличия вины. Для уголовного права, — пишет он далее, — эти два принципа являются обязательными. Принципом вины ограничиваться нельзя. В своем единстве эти два принципа образуют принцип уголовной ответственности за совершенное преступление. Применение лишь одного из названных принципов, или недооценка одного из них, **может привести или к объективному, или к субъективному вменению**. Для наиболее полного выражения целевой направленности этих принципов весьма важно указать в уголовном законе, что **объективное и субъективное вменение не допускается**¹.

Очевидно, что примененное В. Д. Филимоновым обоснование такого своего вывода носит расплывчатый, фрагментарно-бессистемный, неубедительный характер. При этом не понятно, что автор понимает под объективным и субъективным вменением.

Субъективное вменение, как уже отмечалось, имеет конституционное обеспечение, основой которого является презумпция невиновности (ст. 62 Конституции Украины). Исходя из этого, следовательно, лицо, проводящее дознание, прокурор и суд должны исходить из психического отношения субъекта преступления к совершенному им деянию и его последствиям. Это предусматривает установление ими конкретной формы и вида вины субъекта, а также мотивов, цели и эмоций, когда они являются признаками данного состава преступления. Бремя доказывания вины субъекта в совершении определенного преступления лежит на органах, осуществляющих квалификацию совершенного деяния. Если так понимать субъективное вменение, то предложение В. Д. Филимонова является некорректным.

Принцип виновной уголовно-правовой ответственности человека содержательно **частично гармонично сочетается с иными принципами уголовно-правовой ответственности**: нормативности, гуманности, демократичности, справедливости, равенства ответственности.

Таким образом, принципы уголовно-правовой ответственности человека образуют органично объединенную систему основных принципов деятельности компетентных органов государства по применению уголовного закона через институт уголовно-правовой ответственности человека. **Ни один из названных принципов не может абсолютизироваться, гипертрофироваться в действующем уголовном законодательстве**. Так, абсолютизация принципа демократичности и гуманности может привести к подрыву существующей системы уголовной юстиции, послаблению противодействия преступности, выборочного не обеспечения неотвратимости уголовно-правовой ответственности человека и т.п. **Это, как свидетельствует исторический опыт, путь к оклократии, хаосу и аномии общества и государства**.

¹ Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. — С. 104–105.

Абсолютизация принципов нормативности, справедливости и равенства уголовно-правовой ответственности человека – путь к чрезмерности в применении уголовно-правовой ответственности вплоть до злоупотребления ею, путь к талиону, а принципа виновной ответственности – к невозможности доказывания вины в ряде случаев и избежание нарушения норм уголовного закона, ответственности.

В этом случае, в большей степени подтверждается правильность научного концепта профессора В. Г. Сокуренька о том, что ***абсолютная*** демократия, справедливость, гуманность, равенство ***не возможны и даже вредны***.

Остается проблемным вопрос восприятия законодателями принципов уголовно-правовой ответственности человека. Это проблема значительного уровня, поскольку нынешние украинские законодатели, как правило, не имеют юридического профессионального правосознания вообще и уголовно-правового сознания в частности в виду недостатка надлежащего юридического образования и правоприменительной практики. Поскольку есть проблема восприятия законодателями принципов уголовно-правовой ответственности человека, то логически является проблемным воспроизведение этих принципов в «материю» уголовного законодательства. ***Круг замыкается и становится порочным, ошибочным.*** Ситуация усложняется отсутствием обязательной научной экспертизы законопроектов. Все это вместе, как думается, не позволяет надлежащим образом обеспечить реализацию в уголовном законодательстве каждого из принципов негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, обеспечив при этом непременно их гармоничное сочетание.

Очевидно, настало время легализировать принципы уголовно-правовой ответственности человека на уровне УК Украины в отдельном разделе. В таком виде они служили бы ориентирами как для законодателей, так и для правоприменителей, а впоследствии и для ученых.

Когда речь идет о принципах негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности, то, главным образом, имеются в виду принципы деятельности компетентных органов государства относительно привлечения человека к уголовной ответственности, назначения ему наказания, обеспечение его исполнения.

В случае позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности, которая также своеобразно подчинена изложенным выше принципам, имеются в виду принципы активного или пассивного уголовно-правопослушного поведения человека. Именно этим и обуславливаются некоторые отличия принципов позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности от принципов негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека.

Проблема принципов позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности весьма объемная, а поэтому заслуживает отдельного специального углубленного научного исследования.

ВЫВОДЫ К РАЗДЕЛУ 3

1. В уголовно-правовой, иной юридической и неюридической литературе весьма часто всего употребляется понятие «уголовная ответственность». Авторы, разумеется, применяя данное понятие, имеют в виду ответственность человека на основании действующего уголовного законодательства, которое олицетворяет действующий УК. Вместе с тем, акцентируя внимание на правовой природе ответственности, более точным представляется применение для обозначения данного вида юридической ответственности человека, как феномена (явления) уголовно-правовой действительности, понятия **«уголовно-правовая ответственность человека»**.

Понятие «уголовно-правовая ответственность» следует отличать от сопредельных понятий, которые характеризуют другие явления уголовно-правовой действительности. К их числу нужно, в частности, отнести понятия: «средства реализации уголовной ответственности», «средства уголовно-правового регулирования», «меры уголовно-правового характера», «меры уголовного принуждения», «уголовно-правовые меры воздействия», «инструменты уголовного права», «иные уголовно-правовые меры воздействия»; «средства уголовно-правового воздействия»; «меры уголовно-процессуального воздействия»; «меры безопасности» и т.п.

Уголовно-правовая ответственность человека **является видом юридической ответственности, которая, в свою очередь, является видом социальной ответственности**. В данном случае имеет место **диалектическая триада** – генетическое **единство, сочетание общего, особенного и единичного** через категории «социальная ответственность», «юридическая ответственность», «уголовно-правовая ответственность» как феноменов социально-правовой реальности, действительности. Уголовно-правовая ответственность является важнейшей правовой гарантией укрепления и развития цивилизованных общественных отношений.

Действующий УК Украины не содержит нормативного определения понятия феномена «уголовная ответственность», а в доктрине уголовного права нет единодушия, единства мнений ученых относительно понимания его сущностных признаков, равно как и нет такого единства мнений относительно разумения понятий «социальная ответственность» и «юридическая ответственность».

Исходя из нормативно-теоретического основания исследования, целесообразно выделить три уровня возможного научного анализа разумения данной проблематики: а) **микроуровень** – выяснение сущности и понятия уголовно-правовых ответственности человека лишь на почве действующего уголовного законодательства, практики его применения и

соответственно доктрины уголовного права; б) **макроуровень** – на почве трех родственных отраслей законодательства: уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и практики их применения, а также, разумеется, соответствующих их научных доктрин; в) **мегауровень** – на основе международного права, конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, законодательства сопредельных отраслей законодательства, институты которых имеют непосредственное отношение к реализации уголовной ответственности человека, а также практики применения названного законодательства и соответствующих доктрин права.

Предложенная **триада диалектики уровней** позволяет, как уже отмечалось, более системно, значительно шире и глубже исследовать феномен уголовно-правовой ответственности.

При каждом из этих уровней исследования данной проблематики, весьма важное значение имеет использование знаний сопредельных наук, в частности, философии, социологии, общей теории права, философии права, что позволяет подняться на качественно новый уровень теоретического анализа и синтеза знаний об уголовно-правовой действительности, и в том числе об уголовно-правовой ответственности, создает возможности для получения знаний более высокого философского порядка.

Уголовно-правовая ответственность человека является последствием его поведения. Поэтому безусловным методологическим подходом к исследованию проблематики уголовно-правовой ответственности человека на каждом из обозначенных выше уровней является ее анализ на основе максимально возможного установления закономерностей **как уголовно-противоправного, так и уголовно-правопослушного поведения человека** в их неразрывной связи. Лишь такой способ, подход к научному анализу при объединении усилий ученых всех отраслей знаний, имеющих к этому отношение: философии, психологии, социологии, философии права, общей теории права, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной наук, криминологии, других правовых наук, позволит получить наиболее достоверные знания об эффективном механизме уголовно-правового регулирования. Именно **интердисциплинарный подход**, как уже подчеркивалось, позволяет получить научные знания наивысшей пробы, наивысшего качества, наиболее достоверные. Именно эти знания могут послужить фундаментом, маргинесом ускорения процесса **антропологизации** уголовного закона и уголовной ответственности.

Приведенное выше позволяет определить общее понятие феномена уголовно-правовой ответственности как бинарного, двухаспектного, диалектически единого позитивно-негативного социального явления.

Уголовно-правовая ответственность человека – это вид ее юридической ответственности, представляющий собой **реализованную добровольно необходимость** сознательного и добровольного **исполь-**

зования человеком своего права, **исполнения** обязанности, **соблюдение** запрета, содержащихся в уголовно-правовых нормах, а в случае их нарушения – **необходимость вынужденного претерпения** нарушителем предписаний этих норм **мер принуждения**, правового воздействия, предусмотренных ими и **применяемых** компетентными органами государства в установленных процессуальным и исполнительным законодательством формах и пределах.

В доктрине уголовного права не выработано единого понимания классификации уголовно-правовой ответственности человека на виды, хотя возможности здесь достаточно широкие. Представляется целесообразным предложить, на грунте анализа уголовно-правовой литературы и собственных воззрений, следующую их классификацию. Так, **по критерию субъекта, реализующего уголовно-правовую ответственность** человека в законодательной или правоприменительной деятельности можно различать: а) законодательно установленную уголовно-правовую ответственность; б) судебную уголовно-правовую ответственность; в) уголовно-правовую ответственность, реализующуюся специальными органами исполнительной власти государства.

По родовому объекту можно выделить уголовно-правовую ответственность человека: 1) за преступления против основ национальной безопасности; б) за преступления против жизни и здоровья личности; 3) за преступления против собственности и т.п.

По непосредственному объекту – уголовно-правовая ответственность человека за: 1) шпионаж; 2) умышленное убийство; 3) кражу; 4) грабеж; 5) разбой и т.п.

По способу совершения преступлений есть основания выделить, в частности, уголовно-правовую ответственность человека: а) за насильственные преступления; б) за ненасильственные преступления; в) за преступления, совершенные вследствие обмана и т.п.

По субъекту преступления можно выделить, в частности, такие виды уголовно-правовой ответственности человека: 1) ответственность за преступления, которые совершаются общим субъектом; 2) ответственность за преступления, которые совершаются специальным субъектом (женщинами, несовершеннолетними, должностными лицами, военнослужащими и т.п.); 3) ответственность за преступления, совершенные юридическими лицами.

По форме вины отличают уголовно-правовую ответственность человека за умышленные преступления и за преступления, совершенные по неосторожности.

По мотиву преступлений – может быть, например, уголовно-правовая ответственность человека за корыстные преступления и некорыстные преступления и т.п.

По времени наступления – говорят о реально имеющейся, действительной и потенциальной уголовно-правовых ответственности чело-

века – угрозе реальной, действительной уголовно-правовой ответственности, обращенной к разуму, сознанию, совести и воле человека.

Потенциальным является то, что со временем при определенных условиях, может стать действительным, реальным. Поэтому **потенциальное** всегда выступает как эмпирически **возможное**. **Потенциальная** возможность наступления **ответственности** человека, в случае нарушения им уголовно-правовых предписаний (велений), способна модифицировать его поведение в просоциальном русле лишь при условии, что эти предписания (веления) будут своевременно доведены государством к его сведению и восприняты им, его разумом, сознанием, найдут отражение на скрижалях его совести в виде просоциальных нравственно-правовых установок, детерминирующих его волю. Изучение зарубежного законодательного опыта дает основание **сомневаться** относительно соответствия современным требованиям уголовно-правового регулирования принципа: **незнание закона не освобождает человека от уголовной ответственности**. Речь идет о сомнении относительно его универсальности на все случаи жизненных ситуаций.

По нормативной основе уголовно-правовой ответственности человека можно выделить следующие ее виды: 1) материально-правовая; 2) процессуально-правовая; 3) исполнительно-правовая; 4) международно-правовая.

Наиболее острые дискуссии вызвала классификация уголовно-правовой ответственности **по характеру поведения человека**: а) позитивная (перспективная) и б) негативная (ретроспективная). Есть все основания полагать, что наличие этих двух видов единой уголовно-правовой ответственности человека в определенной мере содействует укреплению правопорядка. Между ними имеется определенная корреляционная диалектическая взаимосвязь: расширению сферы позитивной ответственности человека корреспондирует сужение негативной (ретроспективной) ответственности, а расширение сферы негативной (ретроспективной) ответственности человека приводит к сужению сферы позитивной ответственности.

По сфере распространения: а) внутригосударственная; б) региональная (например, в пределах Европейского Союза); в) международная.

Важнейшее значение для создания эффективного механизма уголовно-правовой ответственности человека имеет уголовно-правовая идеология как элемент уголовно-правовой реальности.

Уголовно-правовая идеология как элемент уголовно-правовой реальности – правосознания демократического общества, представляет собой систему научных концепций, взглядов, принципов, идей, социальных установок. Уголовно-правовая идеология является (должна быть) содержательно-смысловым, нормативно-ценностным элементом основой, сердцевинной **антропологизации уголовно-правовой политики** госу-

дарства, социальной системы противодействия преступности и обеспечения правопорядка.

При этом понятие «уголовно-правовая политика» – это не чисто уголовно-правовое, а системное понятие, охватывающее комплекс средств экономического, политического, идеологического, правового (в широком понимании слова), культурного и т.п. характера. Главным источником уголовно-правовой идеологии является (должна быть) наука. Наиболее продуктивный результат при этом достигается, как уже отмечалось, при использовании ***интердисциплинарного подхода***, когда объединяются усилия ученых всех отраслей знаний, которые имеют к этому непосредственное отношение: философии, философии права, общей теории государства и права, международного, конституционного права, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной наук, криминологии, социологии и т.д. К тому же наиболее продуктивный результат в выработке антропоцентрической уголовно-правовой идеологии возможен, как уже отмечалось, лишь ***при условии*** изучения ***закономерностей уголовно-правопослушного и уголовно-противоправного поведения в их неразрывной связи***.

Уголовно-правовая реальность – понятие системное, состоящее из множества социальных элементов, которые образуют ее феномен. При максимально широком подходе, к их числу в демократическом обществе можно, в частности, отнести: 1) государство в лице компетентных органов; 2) уголовно-правовую идеологию; 3) уголовное законодательство (в широком разуме этого понятия); 4) уголовно-правовую ответственность; 5) уголовно-правовой порядок; 6) уголовно-правовое сознание; 7) уголовно-правовую культуру. Есть основания утверждать, что все они как демократические институты, способны обеспечить поступательное и стабильное прогрессивное развитие общества. По своему характеру уголовно-правовая реальность имеет объективно-субъективное наполнение, позитивное и негативное проявления.

Уголовно-правовая ответственность человека, как элемент демократической уголовно-правовой реальности, является логическим и органическим продолжением, результатом поведения человека и деятельности компетентных органов государства относительно создания и надлежащего функционирования социальной системы, механизма обеспечения правопорядка. Уголовно-правовая ответственность человека в научной литературе анализируется часто как единый бинарный, двухаспектный феномен: ***позитивный (перспективный) и негативный (ретроспективный)***, между которыми существует органическая корреляционная взаимосвязь. Наличие обеих ее видов в значительной степени содействует укреплению правопорядка. При этом, как уже отмечалось, существует диалектическая взаимосвязь: расширению сферы позитивной уголовно-правовой ответственности человека корреспондирует сужение ее негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности и

наоборот, расширение сферы негативной уголовно-правовой ответственности человека свидетельствует о сужении сферы ее позитивной уголовно-правовой ответственности.

Уголовно-правовой порядок, как идеологему, элемент демократической уголовно-правовой реальности, следует понимать в двух значениях. Первое – как установленный уголовным законодательством режим регулирования и охраны общественных отношений. Само же уголовное законодательство, определяя виды общественно-опасного, преступного поведения, указывает, определяет, отмежевывает от нее общественно-полезные и общественно-допустимые модели поведения человека. Оно же и определяет реакцию органов уголовной юстиции на факты нарушения уголовно-правовых предписаний. Второе разумение правопорядка – как имеющийся в обществе результат соблюдения или несоблюдения предписаний уголовного законодательства в широком понимании этого слова, характеризующийся, главным образом, категориями: состояние, структура и динамика преступности.

Уголовно-правовая ответственность человека, в зависимости от уровня разумения сущности и понятия ее феномена, **реализуется через правовые отношения**: а) **на микроуровне** – на почве уголовно-правовых (материальных) отношений; б) **на макроуровне** – на почве материально-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений; в) **на мегауровне** – через международно-правовые; конституционно-правовые; уголовно-правовые отношения – материальные, процессуальные, исполнительные; административно-правовые; гражданско-правовые; трудо-правовые; экологически-правовые отношения и т.п.

При любом уровне научного анализа, поведение человека составляет основное материальное содержание правовых отношений, возникающих на почве уголовно-правовых предписаний (велений) государства.

Парной категорией «уголовно-правовая ответственность человека» является категория «уголовно-правовая безответственность человека». Уголовно-правовую безответственность можно образно определить как нереализованную негативную (ретроспективную) уголовно-правовую ответственность.

Уголовно-правовую безответственность человека можно реифицировать как **неисполнение** или **ненадлежащее исполнение** им уголовно-правового запрета, уголовно-правовой обязанности или **ненадлежащее использование** своего уголовно-правового субъективного права. То есть речь идет о **уголовно-безответственном поведении человека** в пределах правового поля через призму его правовых обязанностей и предоставленных законодательством субъективных прав (правомочностей). **Безответственное** уголовно-правовое поведение человека **создает фактическое основание** его негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности.

2. Подходы ученых в доктрине уголовного права к разумению сущности и понятия **феномена** уголовно-правовой ответственности человека, как уже отмечалось, **можно условно свести к двум концепциям**: 1) трактование уголовно-правовой ответственности человека **как бинарного, двухаспектного, диалектически единого уголовно-правового феномена** в его негативном (ретроспективном) и позитивном (перспективном) значениях; 2) трактование уголовно-правовой ответственности человека лишь в ее **негативном (ретроспективном)** значении.

Относительно **позитивной (перспективной)** уголовно-правовой ответственности человека мнения ученых разделились. Многочисленными являются как ее противники, так и ее приверженцы, однако, как показал анализ их научных взглядов, **ни тем, ни другим не удалось привести исчерпывающих, убедительных аргументов в пользу своей научной позиции**. Таким образом, эта проблема продолжает оставаться дискуссионной и нуждается в дальнейшей научной разработке.

Концепция позитивной (перспективной) ответственности человека активно исследуется учеными в общесоциальном, психологическом, этическом, социологическом и правовом аспектах. Каждый из них действительно имеет свою специфику, как и имеет свою специфику сфера уголовно-правового регулирования. Нужно согласиться с тезисом о недопустимости механического перенесения их достижений в доктрину уголовного права, хотя это и не является достаточным, абсолютно убедительным аргументом против целесообразности исследования позитивного аспекта уголовной ответственности человека. Если же соглашаться с концепцией позитивной уголовной ответственности человека, то ради справедливости нельзя не заметить, что ей со всей очевидностью не хватает достаточной глубины и ширины обоснования. Она **«неудобная»** для исследователей-криминалистов, поскольку нуждается в глубоких специальных, междисциплинарных (интердисциплинарных) знаниях, являющихся достижением смежных наук: философии, психологии, этики, социологии, философии права, общей теории права, иных отраслевых правовых наук. Логическим выходом из такой ситуации может стать **комплексное, междисциплинарное специальное исследование данной проблематики** уголовной ответственности человека с привлечением ученых названных отраслей знаний.

Исследование закономерностей уголовно-правовой ответственности человека необходимо осуществлять через призму природы человека, его бытия и поведения. В доктрине уголовного права сложилась ситуация, при которой практически лишь уголовно-противоправное поведение человека является главным объектом исследования, хотя определенное внимание отводится и уголовно-правопослушному поведению, но лишь в связи с уголовно-противоправным. Имеется в виду, в частности, постуголовное поведение и обстоятельства, исключаяющие преступность деяния. Наряду с этим, известный практический интерес имеет и **доуголовное правопос-**

лушное поведение человека, которое несомненно имеет свои закономерности, собственную специфику. Безусловно, что абсолютное большинство граждан за свою жизнь не совершают никакого преступления, но **почему они этого не делают**, нуждается в глубоком и всеобъемлющем комплексном исследовании. Как уже отмечалось, **выяснение закономерностей уголовно-правопослушного поведения человека** позволит по-новому посмотреть на концепцию позитивной уголовной ответственности, будет содействовать созданию новых демократических общественных механизмов противодействия преступности. Вместе с тем **выяснение закономерностей уголовно-правопослушного поведения человека в сочетании с закономерностями уголовно-противоправного поведения**, без сомнения, может изменить взгляды ученых-криминалистов на понятие феномена уголовно-правовой ответственности человека вообще. В таком случае вероятность истинности, достоверности знаний об этих закономерностях будет наиболее достоверной. Такой подход весьма важен на пути антропологизации уголовного закона и уголовной ответственности.

3. В теории уголовного права **нет единства взглядов ученых** относительно разумения феномена позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности. В частности, позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность определяется ими как: **1)** осознание человеком необходимости, обязанности, повинности соблюдения уголовно-правового запрета; **2)** единство объективной и субъективной сторон, при которой имеет место правопослушное поведение правосубъектного лица; **3)** обязанность выполнения деяний, предусмотренных и поощряемых уголовным законом; **4)** общественно необходимое, желательное или допустимое, относительно интересов общества, поведение граждан и коллективов, которое состоит в соблюдении (выполнении, осуществлении) норм права, гарантированных и охраняемых государством; **5)** выполнение человеком нормативных требований, которые диктуют надлежащее, отвечающее интересам общества поведение; **6)** правопослушное поведение человека согласно требованиям уголовного закона; **7)** осознание человеком правовых свойств своих деяний, соотношение их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за них перед государством и обществом; **8)** право человека на совершение строго определенных деяний в интересах обеспечения правопорядка и т.п.

Анализ имеющихся и доступных к ознакомлению пониманий различными учеными сущности феномена **позитивной (перспективной)** уголовно-правовой ответственности человека позволил выделить **наиболее очевидные, сущностные ее признаки**: **1)** вид уголовно-правовой ответственности, реализующийся в пределах уголовного правоотношения; **2)** форма реализации предписаний уголовного закона; **3)** пассивное, осознанное, волевое поведение человека – соблюдение им уголовно-правовых запретов, несовершение им преступлений, предусмотренных

действующим УК Украины; **4)** активное, осознанное, волевое поведение человека – исполнение им своей уголовно-правовой обязанности, предусмотренного действующим законом об уголовной ответственности; **5)** активное, осознанное, волевое поведение человека – использование им своего права, предусмотренного нормой Общей части действующего закона об уголовной ответственности; **6)** позитивное, постуголовное поведение человека – осознанное, волевое использование им своего права, предусмотренного поощрительной нормой Особенной части действующего закона об уголовной ответственности; **7)** активное поведение человека как субъекта уголовного правоотношения (должностного лица) относительно долга или права применить норму уголовного закона.

Позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность человека – это **реализованная добровольно необходимость** сознательного и добровольного **использования** им своего субъективного права, **исполнения** обязанности, **соблюдения** запретов, содержащихся в уголовно-правовых нормах.

Основаниями позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека являются **факторы социальной действительности**, детерминирующие осознанную реализацию субъектом уголовно-правовых предписаний. К их числу следует также отнести, являющиеся общими для всех видов позитивной юридической ответственности, такие основания: а) социально-этическое (нравственное, моральное); б) нормативное; в) фактическое.

Субъектом позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности есть любой человек, могущий быть субъектом преступления, осознающий наличие определенного уголовно-правового запрета, уголовно-правовой обязанности или предоставленного ему уголовным законом субъективного права, добровольно соблюдающий запрет, исполняющий свою уголовно-правовую обязанность или использующий предоставленное ему уголовным законом субъективное право.

Целесообразно выделить **три стадии реализации** позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) возникновение; 2) осуществление; 3) прекращение.

Позитивная (перспективная) уголовная ответственность человека **возникает** вследствие: а) **вступления в силу** опубликованного уголовного закона, устанавливающего уголовно-правовой запрет или возлагающего на человека определенную обязанность или предоставляющего ему соответствующее субъективное право; б) **начала осознанного добровольного волевого** соблюдения человеком уголовно-правового запрета или исполнения возложенной на него уголовно-правовой обязанности, или использование им предоставленного уголовным законом субъективного права.

Осуществление позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека – период осознанного, добровольного соблю-

дения человеком уголовно-правового запрета или исполнения им возложенной на него уголовным законом обязанности или использования им предоставленного нормой уголовного закона субъективного права.

Прекращение позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека происходит вследствие: а) утраты силы уголовным законом, который установил уголовно-правовой запрет или возложил на человека определенную обязанность, или предоставил ему соответствующее субъективное право; б) несоблюдения человеком установленного уголовно-правового запрета и совершения им преступного деяния; в) неисполнения человеком возложенной на него нормой уголовного закона соответствующей обязанности; г) неиспользования человеком предоставленного ему нормой уголовного закона субъективного права; д) смерти человека.

Можно выделить *три формы реализации позитивной* уголовно-правовой ответственности человека: а) **добровольное соблюдение** человеком уголовно-правового запрета; б) **добровольное исполнение** человеком возложенной на него уголовно-правовой обязанности; в) **добровольное использование** человеком своего субъективного права, установленного нормой уголовного закона.

Позитивная уголовно-правовая ответственность человека, таким образом, реализуется не только в **добровольном, осознанном соблюдении** уголовно-правовых **запретов**, но и в **добровольном, осознанном исполнении** своей уголовно-правовой **обязанности**, а также в **добровольном, осознанном** использовании своего субъективного **права**, установленного нормой уголовного закона. То есть **она проявляется как в пассивном, так и в активном поведении субъекта**.

Преимущественно составы преступлений, предусмотренный действующим УК, содержат в себе **запрет** лицу **осуществлять (совершать) определенное деяние (деяния)**. В некоторых случаях уголовный закон **запрещает бездействие** субъекта и одновременно **возлагает на него обязанность** совершить определенные деяния, например, оставление в опасности (ст. 135 УК Украины), неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении (ст. 136 УК Украины), неоказание помощи больному медицинским работником (ст. 139 УК Украины). Понятно, что в таких случаях ни запрет, ни наложение обязанности, прямо в диспозиции уголовного закона не прописаны. Они логически вытекают из соответствующей диспозиции его нормы. В других случаях уголовный закон **предоставляет определенное субъективное право, поощряя к определенному поведению**: на добровольный отказ от совершения преступления (ст.ст. 17, 31 УК Украины); на необходимую оборону (ст. 36 УК Украины); на задержание лица, совершившего преступление (ст. 38 УК Украины); на деятельное раскаяние (ст. 45 УК Украины); на примирение виновного в совершении преступления с потерпевшим (ст. 46 УК Украины) и т.п.

Позитивная уголовно-правовая ответственность даже одного или нескольких человек, не говоря уже многих людей, стимулирует правопослушное поведение как отдельных лиц, так и целых социумов. Она, как пример демократического, цивилизованного, ответственного поведения, создает цивилизованную гармонию социальных интересов, одобряемый абсолютным большинством людей правовой порядок в обществе, ориентируя их на разумные, необходимые, нравственно-обоснованные общечеловеческие ценности. У человека, как субъекта общественных отношений, формируется понимание комфорта, выгоды правопослушного поведения и, как следствие, утверждаются его правовые идеалы и установки, человек приобретает соответствующие черты **правовой личности**.

Одним из важных условий, способствующих антропологизации уголовного закона и уголовной ответственности, что, в конечном счете, должно обеспечить формирование правовой личности, является верховенство права, гармонично сочетающего всю гамму социальных интересов (общественных, государственных, личных, корпоративных и т.д.) **на почве общечеловеческих ценностей**.

4. Негативную (ретроспективную) уголовно-правовую ответственность человека можно рассматривать как реакцию компетентных органов государства на уголовно-противоправное поведение человека, а его позитивную (перспективную) уголовно-правовую ответственность – как реакцию человека на уголовно-правовые предписания, веление государства.

В доктрине уголовного права нет также единого разумения **феномена** негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. В течение десятилетий делятся острые дискуссии ученых по данному вопросу. Обобщение их воззрений относительно феномена этого понятия позволило с определенной условностью выделить следующие концепции сущности и понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) уголовно-правовая ответственность – принуждение, государственно-принудительное воздействие, наказание, правовое состояние наказуемости, санкция, негативные последствия; 2) уголовно-правовая ответственность – правоотношения; 3) уголовно-правовая ответственность – обязанность лица, совершившего преступление; 4) уголовно-правовая ответственность – осуждение лица, совершившего преступление; 5) уголовно-правовая ответственность – вынужденное претерпение лицом негативных последствий совершенного преступления; 6) уголовно-правовая ответственность – вина; 7) уголовно-правовая ответственность – судимость; 8) синтезированные (интегрированные) концепции разумения сущности и понятия уголовно-правовой ответственности человека.

Сквозь разнообразие взглядов ученых-криминалистов просматривается некое преимущественное сходство позиций в части методологических подходов к анализу сущностных признаков понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека.

Прежде всего, это то, что уголовно-правовая ответственность человека рассматривается ими как вид юридической ответственности. **Второе** – понимание понятия негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека связывают с его уголовно-противоправным, общественно-опасным, сознательным, волевым поведением, рассматривая ее как закономерное последствие совершения им преступления. **Третье** – оценка этого поведения человека как правопослушного или уголовно-противоправного осуществляется компетентными органами государства. **Четвертое** – последствием оценки поведения человека как уголовно-противоправного является применение к виновному компетентными органами государства мер воздействия, предусмотренных действующим законодательством. **Пятое** – сущностью примененных мер воздействия к виновному лицу являются определенные негативные последствия в виде лишений или ограничений, или лишений и ограничений личного имущества или иного характера. **Шестое** – негативную (ретроспективную) уголовно-правовую ответственность человека, так или иначе, нужно рассматривать в связи с уголовными правоотношениями.

В доктрине уголовного права отмечается, что негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека **имеет существенные отличия** от других видов юридической ответственности. Обобщение взглядов ученых позволило выявить наиболее существенные из них, а именно, что эта ответственность: **1)** является наиболее строгим, особым видом юридической ответственности человека; **2)** связана с нарушением уголовного закона, содержащего государственные веления относительно конкретного характера поведения человека. Основанием уголовно-правовой ответственности человека является совершение им деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный УК Украины. Она является последствием совершения человеком преступления; **3)** уголовно-правовая ответственность – реакция государства на уголовно-противоправное поведение человека; **4)** эта ответственность является важным средством государственного принуждения. Во многих случаях она связана с особой формой государственного принуждения – наказанием; **5)** в контексте правовых отношений она отличается по характеру взаимных прав и обязанностей между человеком и государством; **6)** возможна лишь в случаях виновного совершения человеком деяний, предусмотренных действующим УК Украины, в то время, когда, например, конституционно-правовая и гражданско-правовая ответственность возможна в определенных законом случаях и без вины; **7)** имеет особый процессуальный порядок применения; **8)** отличается по кругу субъектов, относительно которых она применяется, – лишь относительно определенных физических лиц (теперь – и юридических лиц), которые являются субъектами преступления; **9)** применяется лишь судом; **10)** порождает особое правовое состояние осужденного лица – судимость, и, как следствие, ухудшение его правового положения, чего не порождают

иные виды юридической ответственности; **11)** имеет особые основания и условия освобождения человека от ответственности, освобождения от наказания и его отбывания, погашения и снятия судимости, чего нет при реализации иных видов юридической ответственности.

Как уже отмечалось выше, каждая научная конструкция (концепция, концепт), как известно, представляет собой системную сумму убеждений, взглядов, гипотез и идей, имеющих субъективную авторскую логику аргументации и определенную степень истинности. Учитывая это, более оправданным с позиций логики аргументации, представляется синтезированный (интегрированный) подход к пониманию феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности.

Разделяя изложенный выше подход, можно сделать вывод, что **негативная (ретроспективная) ответственность** является разновидностью уголовно-правовой ответственности **как вида** юридической ответственности человека, представляющей собой **реализованную необходимость** вынужденного претерпения нарушителем предписаний уголовно-правовых норм **мер принуждения** правового характера, предусмотренных ими и применяемых компетентными органами государства в **установленных** процессуальным и исполнительным законодательством **формах и пределах**.

5. Основания негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека – это объективные и субъективные факторы, которые служат причинами, условиями правомерности ее возникновения и реализации. Вопрос об **основаниях** негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека является также дискуссионным в доктрине уголовного права.

Анализ высказанных учеными видений оснований негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека позволяет условно выделить два методологических подхода к изучению данного вопроса: 1) **узкий** подход, когда выделяется одно основание этой ответственности; 2) **широкий** подход, когда выделяют несколько оснований этой ответственности.

Узкий подход к изучению оснований негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека сводится к выделению одного, единого ее основания. Таковым, в контексте рассматриваемого подхода, служат: а) состав преступления; либо б) **совершение** лицом **деяния**, содержащего состав преступления, предусмотренный в действующем Уголовном кодексе.

Широкий подход ученых к изучению оснований негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека характерен тем, что ученые рассматривают основания негативной (ретроспективной) уголовной ответственности человека в двух плоскостях: а) как явление **социально-правовое**; б) как явление **сугубо юридическое, правовое**.

Представляется возможным выделить *три основания* негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: *а) социально-этическое (нравственное, моральное); б) нормативно-правовое; в) фактическое.*

6. Социально-этическое (нравственное, моральное) основание, как и социально-этическое (нравственное, моральное) основание социальной и юридической ответственности, сводится, главным образом, к наличию объективно-субъективных факторов, характеристик человека, которые обуславливают *возможность* и *целесообразность* применения к нему компетентными органами государства уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние.

Первый фактор — человек должен быть наделен обычным (привычным) уровнем *сознания и разумной свободой воли* к деянию (действию или бездействию), о чем идет речь как в первом, так и во втором и в третьем разделах данной работы. Уголовно-правовая ответственность человека и его свобода — две стороны одного процесса — обеспечения правопослушного поведения человека в обществе.

В современной философско-правовой и уголовно-правовой литературе свободу воли человека рассматривают с широких философских позиций, связывая ее результат — качественное поведение человека (позитивное или негативное) с детерминантами объективного и субъективного характера в их множественном проявлении. Доминирующими субъективными детерминантами называют, как правило, *совесть, разум и силу воли человека.*

Второй фактор — человек должен быть способным соотносить свое поведение с уголовно-правовыми предписаниями, *велениями государства*, одной из функций которого является обеспечение правопорядка в государстве, правопослушного поведения субъектов общественных отношений. То есть человек, будучи наделен здоровой психикой, обычного уровня *сознанием, разумом, разумной свободой воли* к деянию (действию или бездействию), должен иметь позитивную *силу воли с тем*, чтобы осознать через призму своих потребностей, интересов и воспринять *разумную индивидуальную и социальную уголовно-правовую необходимость*, опосредствованную его *совестью*, и направить свое поведение в пределах уголовно-правового поля, исходя из конкретных внешних обстоятельств и имея возможность действовать правопослушно, то есть избирать уголовно-правопослушное поведение в противовес уголовно-противоправному.

Вместе с тем, человек как составляющая биологического мира является существом несовершенным в контексте общественных отношений. В человеке объединено два начала: 1) несовершенная телесная форма, которая является смертной, и 2) бессмертная душа как абсолют идеального мира, материализованный в конкретной телесной форме. Поэтому выше приведенная логическая модель генезиса и развития поведения челове-

ка выглядит так на рациональном уровне. Однако, окружающему нас миру присущи как черты рациональные, так и черты иррациональные – еще не постигнутые человеческим разумом в условиях современности. Необходимость и случайность, рациональность и иррациональность в поведении человека **являются категориями парными**. Соотношение между ними индивидуально в каждом конкретном человеке. Вместе с тем, наиболее типичным поведением человека в уголовно-правовом поле, как свидетельствуют официальные статистические данные, есть право-попослушное поведение, которое указывает на явное преимущество рационального над иррациональным, необходимого над случайным. Но необходимость и случайность имеют между собой тесную, диалектическую, **корреляционную** связь. Случайными являются те деяния человека, которые не вытекают главным образом из его внутренних, сущностных, субъективных характеристик, а из внешних взаимосвязей и отношений. Поэтому случайность также имеет объективное происхождение из одной или нескольких необходимостей, не познанных и осознанных человеком, либо познанных, но не в полном объеме и глубине осознанных им.

Закон совести имеет наиболее высокий уровень нормативности после Закона Божьего. **Совесть** рассматривается в философии, философии права, общей теории права как весомый показатель, критерий способности человека, **антропологическая основа ответственности** человека, как внутренний ориентир, шкала ценностей, стабилизатор поведения, как интеллектуально-волевая способность человека принимать решения и действовать через призму категорий справедливости, добродетели, доброжелательности, скромности, милосердия, сочувствия, уважения к достоинству других людей, учете их интересов, а также интересов государства и общества.

Доктрины философии, этики, психологии, общей теории права и уголовного права выходят из презумпции, что обычный человек, как правило, обладает такими характеристиками, **что может послужить социально-этическим (нравственным, моральным) основанием привлечения** его компетентными органами государства в уголовно-правовой ответственности в случае, разумеется, совершения им общественно опасного деяния и наличия **нормативного** основания. Уголовно-правовая ответственность человека в таком случае является средством воздействия на сознание человека с целью модификации его установок и обеспечения восприятия им моделей поведения в социально-полезном или социально-приемлемом русле, которое определено уголовным законом. **Свобода воли**, таким образом, находит свою материализацию через **установки человека** – его своеобразные внутренние принципы, шкалу оценки окружающей действительности и принятие решений относительно варианта поведения в соответствующих условиях этой действительности. Поэтому акт поведения человека является воплощением, выражением связи внутреннего и внешнего мира человека. Таким образом, **свобода и**

ответственность – две парные философские категории, которые должны реализовываться на почве рационального мышления в личном бытии человека через призму его цивилизованных, законных интересов и потребностей. Разумная, правопослушная уголовно-правовая необходимость в идеале **имеет двойственный характер**: социальный и индивидуальный. Следует еще раз заметить, что нет оснований для абсолютизации, фетишизации свободы человека. В демократическом обществе она всегда должна быть унормирована, разумно дозирована. Должна соблюдаться разумная, научно обоснованная диалектика ограничений и свобод.

Свободу воли человека в уголовном праве следует рассматривать как основанную на его потребностях и интересах, интересах государства и общества **разумную, нравственно, морально правильную уголовно-правовую необходимость** к деянию (действию или бездействию), опосредствованную его **совестью** и обеспечиваемую позитивной **силой его воли**.

Необходимость, как осознанная человеком доминирующая потребность в конкретном деянии, формируется на почве внешних и внутренних ограничений. **Внешние** социальные, физические и юридические ограничения, по отношению к человеку, **определяются как объективные**, поскольку наличие их не зависит от его сознания и воли. Юридические ограничения в виде правовых предписаний государства воплощены, главным образом, в нормах международного права и в действующем национальном законодательстве. **Внутренние** ограничения – субъективного характера, поскольку зависят, происходят от самого человека. Здесь можно говорить об унаследованных им генетически, а также приобретенных в процессе общественной практики нравственных (моральных) установках и личностных способностях, которые через его разум и совесть влияют на формирование **свободы воли и силы воли**.

В контексте внешних ограничений свободы человека весьма важное значение имеет качественно высокая, основанная на научных предпосылках, деятельность законодателя. Его демократическая мудрость проявляется прежде всего в том случае, когда он формируя **«дух уголовного закона»**, сумеет выявить **разумную** социальную и индивидуальную уголовно-правовую **необходимость** к деянию (действию или бездействию), гармонично, **нравственно (морально) правильно сочетать их** в своем волевом уголовно-правовом предписании (велении), воплощенном в соответствующей норме или нормах уголовного закона, обеспечив тем самым высокий уровень их эффективности. Закон является продуктом человеческого разума, одной из форм его выражения. Еще римские юристы говорили: **Ratio est anima legis** – разум является душой закона. При соблюдении такого подхода, человеку, как в ипостаси физического лица, должностного лица, правоприменителя, будет легче понять и воспринять такой **«дух уголовного закона»** – то, что скрыто в

нем за лингвистическими носителями, его глубокий и обширный юридический велительный смысл.

Третий фактор – человек с индивидуальными чертами психологического характера, наделенный сознанием, разумом, разумной свободой воли, имеющий достаточную силу воли с тем, чтобы осознать, воспринять разумную, нравственно (морально) правильную уголовно-правовую необходимость *через фильтры своей совести*, должен *иметь объективную возможность осуществить выбор деяния из нескольких, хотя бы двух, вариантов и совершить это деяние, детерминированное его свободной волей*.

Деяние человека – категория индивидуальная. Ее сущностное разделение связано с психическим отношением человека, которое в концентрированном виде находит свое воплощение в его воле. Воля человека к деянию трансформируется посредством двух форм вины: умысел и неосторожность. Деяние человека супротив его воли не является волевым, виновным деянием. В подобной ситуации отсутствует субъективный элемент основания уголовной ответственности. Таким образом, свобода как качество, способность человека предполагает возможность выбора. Если такой объективной возможности нет (воля лица находится под непреодолимым принуждением, под воздействием непреодолимой силы, психического заболевания и т.п.), то у человека *нет выбора варианта поведения* согласно своей воле, *воля не является свободной*, а следовательно, отсутствует и социально-этическое (нравственное, моральное) основание для его уголовно-правовой ответственности.

Таким образом, антропосоциальная ценность *категории «свобода воли»*, в контексте уголовно-правовой реальности, характеризуется через свойственную человеку совокупность неотъемлемых личностных черт, которая *проявляется в его психофизических способностях*: а) оценить объективно ситуацию, в которой он находится; б) выявить среди множества потребностей доминирующую потребность определенного варианта деяния в такой ситуации, выяснить его общественную значимость; в) имея возможность выбора соответствующего поведения, принять решение о необходимости реализации этой доминирующей потребности; г) осуществить избранный им вариант деяния для достижения поставленной цели; д) отвечать за совершенное преступное деяние согласно действующему законодательству; е) корректировать личное свое последующее поведение в случае совершения преступления.

На государстве демократической ориентации, ставшему на путь антропологизации уголовной ответственности, лежит обязанность обеспечить, в каждом случае нарушения человеком уголовно-правовых предписаний, *разумные (необходимые), достаточные и нравственно (морально) правильные* вид и меру уголовно-правового воздействия. Уголовный закон, как интеллектуальное достижение общества, в демократическом, правовом, социальном государстве, в гражданском обще-

стве должен быть *ultima ratio* – крайним средством, которое применяется государством для унормирования и контроля общественно значимого поведения человека.

Фетишизация охранительных и регулятивных возможностей уголовного закона, святая вера в его неограниченное могущество, как свидетельствует общественная практика, заводит ситуацию в глухой угол, из которого трудно найти разумный выход. Пока этот выход ищут, то общественные процессы постепенно приобретают деструктивные разрушительные формы, тормозится прогрессивное общественное развитие, нарастают иные негативные тенденции, в частности, коррупция. Такая ситуация, без сомнения, создает почву для другой крайности – **уголовно-правового нигилизма** который в значительной мере, является результатом неоправданных надежд на всемогущество уголовного закона, разочарованием от его бессилия в соответствующих жизненных ситуациях. Уголовно-правовой нигилизм служит ярким свидетельством того, что охранительный и регулятивный потенциал уголовного закона существенно слабеет либо он вовсе теряется в конкретных ситуациях общественных отношений.

Следует заметить, что охранительный и регулятивный потенциал норм уголовного закона нередко теряется под воздействием различных социальных факторов. В частности: отсутствие политической воли; выборочность его применения; низкая профессиональная способность правоохранительных органов; коррупция; безнаказанность должностных лиц, которые умышленно применяют нормы уголовного закона вопреки их предписаниям, а также предписаниям процессуальных норм, либо умышленно не применяют их; неприятие общественной нравственной (моральной) настроенностью определенного уголовно-правового предписания, веления и т.п.

Обращает на себя внимание то, что нередко эти факторы, детерминанты конкурируют между собой, но также и нередко дополняют друг друга. Вместе с тем, они конкурируют с позитивными факторами, детерминантами, которые содействуют утверждению потенциального авторитета норм уголовного закона. К их числу можно в частности отнести: активную жизненную позицию определенных политических лидеров; ответственную правотворческую деятельность ряда депутатов парламента; высокий профессионализм многих сотрудников правоприменительных органов, их патриотизм, принципиальность, ответственное отношение к исполнению своих служебных обязанностей; четкая, профессиональная и критическая позиция средств массовой информации к фактам нарушения норм уголовного закона; активная жизненная позиция, нетерпимость многих граждан к фактам нарушения норм уголовного закона и т.п. В этом случае имеет место, как представляется, свойственное проявление закона единства и борьбы противоположностей.

Абсолютно доминирующая часть граждан страны, как уже отмечалось, действуют уголовно-правопослушно, будучи нередко не знакомы

с детальным содержанием уголовно-правовых предписаний, велений. Они действуют в силу своих внутренних, генетических, нравственных (моральных) установок, содержанием которых являются воспринятые ими ценности, общественно-полезные, общественно-принятые потребности, интересы, цели. Собственно, внутренняя «диктатура шкалы ценностей» личности, ее общечеловеческие потребности, интересы и цели легализируются на уровне норм уголовного закона, которые содействуют их утверждению. В таких случаях нормы уголовного закона **закрепляют «надлежащее», «естественное»**, что присутствует в нравственно-этическом комплексе установок людей. Они опосредствуют этот комплекс. Именно в этом проявляется **надежное нравственно (морально) правильное** основание норм уголовного закона государства социально-демократической ориентации.

В условиях демократических жизненных обстоятельств, решающая роль в регулировании пространства общественных отношений должна принадлежать иным общественным средствам: идеологическим, организационным, экономическим, правовым. Вместе с этим, уголовный закон также является важным и эффективным средством регулирования свободы человека в демократическом обществе при условии, конечно, что его разработка, принятие и применение осуществляются на научных началах. В частности, речь идет о необходимости в каждом конкретном случае криминализации – решения вопроса изменений и дополнений к действующему УК, **выяснять их социальную обусловленность, нравственную (моральную) правильность и крайнюю потребность**.

В связи с изложенным выше, есть необходимость определения разумения **понятия «криминализация»**. В доктрине уголовного права весьма распространенным есть взгляд, согласно которого понятие «криминализация» рассматривается и как процесс выяснения целей, оснований установления уголовной ответственности за общественно опасное деяние, принятие соответствующих норм уголовного закона, а также и как результат этого процесса отраженный в предписаниях, велениях уголовного закона содержащих конкретный перечень преступлений и предусмотренных за их совершение наказаний. Такое разумение понятия «криминализация» представляется узким, смоделированным исключительно через призму, запрещающих норм уголовного закона. С широких научных позиций это понятие целесообразно рассматривать через призму всех видов норм уголовного закона, которые реализуют соответствующие способы уголовно-правового регулирования: а) разрешение (предоставление права); б) обязанность (возложение обязанности); в) поощрение (предоставление права); г) запрет (установление запрета). В таком контексте **криминализацию следует определять** как способ (метод) реализации уголовно-правовой политики государства, сложный процесс оценки общественно значимых поступков человека как желательных, полезных, так и нежелательных, опасных для общества, что завершается принятием норм уголовного зако-

на, которые соответственно разрешает, поощряет, обязывает или запрещает конкретные деяния человека под угрозой наказания. Речь здесь идет о легализации названных деяний человека на уровне уголовного закона, то есть предоставление им уголовно-правового значения, статуса.

Изложенное разумение понятия «криминализация» обязывает шире взглянуть на **социальную обусловленность норм уголовного закона**. Традиционно в доктрине уголовного права внимание ученых-криминалистов сосредоточено на исследовании оснований уголовно-правового запрета. При широком понимании криминализации, логика исследования должна быть направлена на установление оснований предоставления субъекту уголовно-правовых отношений определенного права, возложения определенной обязанности, установления определенного поощрения или запрета.

Исходя из одного из фундаментальных принципов онтологического восприятия окружающей нас действительности, все природные и общественные явления, процессы имеют право на бытие и развитие только при наличии неперемennого условия – их детерминированности закономерностями природы и общества. Все, что не отвечает этому принципу, является случайным явлением или процессом, отклонением от нормы, то есть деструктивным по характеру своего воздействия, тормозом общественного развития.

Человек – неотъемлемый составной элемент микромира, макромира и мегамира – Космоса. Предположение, что человек не зависит от этой глобальной системы, является ошибочным. Этот целостный, как известно, безграничный и системный конгломерат миров воздействует на человека и человек безусловно зависит от него, будучи в значительной степени ответственным за него через свое поведение. Другое дело, что механизм этой взаимозависимости наукой достаточно не познан. Очевидным является тот факт, что человек с древнейших времен стремится осознать эту взаимозависимость, пытаясь познать **принципы естественного права** и на их основе унормировать отношения людей между собой и отношения с природой посредством установления общеобязательных запретов, велений и разрешений. **Наиболее близкими и доступными для понимания в этом контексте являются нормы канонического права, нравственно-этические нормы, обычаи.**

Вместе с тем, нельзя противопоставлять естественное право и право объективное. Последнее является результатом познания человеком принципов естественного права на определенном этапе развития общества. Полной мерой это касается и уголовного законодательства, в котором также в определенной мере воплощены познанные человеком **принципы естественного права**. То есть, это воплощение – частичное, неадекватное по объему и содержательной части. В противном случае возникла бы ситуация идентичности права естественного и права объективного, что нереально, ибо это означало бы конец познания человеком принципов естественного права.

Известная роль в регулировании человеческого поведения, как уже отмечалось, принадлежит нормам права и в том числе нормам уголовного закона. Важно при этом избежать *как переоценки*, фетишизации уголовно-правовых средств, *так и их недооценки*. Отсутствие социальной обусловленности норм уголовного закона, *переоценка их значения* в регулировании общественных отношений – путь к *злоупотреблению уголовным законодательством* со стороны государства, что не может быть допустимым в демократическом государстве, в демократическом обществе. Такое *злоупотребление уголовным законодательством возможно не только на уровне законодательного органа, но и на уровне органов правоприменения*. В частности, пишут А. Н. Костенко и Е. А. Костенко, Уголовный кодекс используется как инструмент для коррупционных проявлений. С его помощью лица, имеющие полномочия в сфере уголовной юстиции, могут незаконно приобретать или перераспределять значительные блага и выгоды (например, принимая незаконные решения о превлечении или непревлечении к уголовной ответственности, об освобождении или неосвобождении от наказания, об изменении квалификации преступных деяний, об определении меры наказания и т.п.). Более того, в настоящее время даже законные решения в сфере уголовной юстиции все чаще становятся предметом коррупции, поскольку за их принятие требуется «вознаграждение». По их мнению, идеологической предпосылкой для различных злоупотреблений уголовным законодательством служит «позитивистская» правовая идеология. Борьба идей «позитивизма» и «социального натурализма» в юриспруденции (то есть, образно говоря, идеологическая борьба в юридической науке), как утверждают они, имеет непосредственное практическое значение для противодействия злоупотреблениям уголовным законодательством в сфере уголовной юстиции, в том числе для противодействия коррупции в этой сфере¹.

Злоупотребление уголовным законодательством, как свидетельствует исторический опыт, ведет к разрушению демократических оснований социального механизма, пренебрежению фундаментальными гуманистическими ценностями, идеями правового, социального государства и гражданского общества, подрыву доверия со стороны граждан к государству и их постепенного отчуждения от него, к пренебрежению государством и развитию нигилистического отношения к уголовному законодательству, а нередко и игнорированию тех велений и предписаний, которые в них содержатся. В такой ситуации разрывается обратная связь между государством и иными субъектами всеобъемлющего пространства общественных отношений, ослабляется существенно система общественной нормативной коммуникации.

¹ Костенко А. Н., Костенко Е. А. Злоупотребление уголовной юстицией // Современные проблемы уголовно-правового воздействия: межгос. сб. науч. ст. / редкол.: Е. А. Писменский (отв. ред.) [и др.]; МВД Украины, Луган. гос. ун-т внутр. дел им. Э.А. Дидоренко, Волгogr. гос. ун-т. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2013. – С. 54, 59.

Исходя из приведенного выше, есть потребность еще раз подчеркнуть весьма важное значение механизма формирования **«духа уголовного закона»** – рациональной содержательно-смысловой наполненности его волевых предписаний. **Антропосориентированная норма уголовного закона, как и любая иная правовая норма, должна быть «разумной», «добросовестной», нравственно (морально) правильной со стороны государства**, социально обусловленной вообще и, в первую очередь, через призму естественных интересов и потребностей обычного человека, к разуму, воле и совести которого она адресована. «Недобросовестная», «неразумная» на обычном обиходно-нравственном (моральном) уровне норма уголовного закона не воспринимается в обществе как справедливая, гуманная, демократическая и, как правило, игнорируется в форме пассивного или активного сопротивления через неисполнение ее предписаний, велений, поиска путей для того, чтобы обойти их. В частности, с помощью коррупционных деяний и коррупционных схем. Она обречена лишь на малоэффективное принудительное применение и реализацию предписаний, велений, содержащихся в ней. Напротив, антропосориентированная – «добросовестная», «разумная», нравственно (морально) правильная норма уголовного закона является удобной для восприятия ее разумом, совестью и волей максимально широким кругом людей, что является важной составляющей надежной основы реализации такой нормы с наиболее высоким уровнем эффективности. Кроме этого, антропосориентированная – «добросовестная», «разумная», нравственно (морально) правильная уголовно-правовая норма является важным фактором, максимально содействующим утверждению уважения к уголовному закону, формированию позитивной уголовно-правовой ответственности человека. Таковы в общих чертах требования тенденции **антропологизации уголовного закона и практики его применения**.

В идеале, если уголовный закон социально обусловлен, то есть установлена научными средствами его необходимость, неизбежность криминализации соответствующего деяния человека, он может рассматриваться разумно-культурным человеком как его личное благо, в том числе и как благо общественное. В подавляющем большинстве случаев это так и есть.

А. Н. Костенко, рассматривая проявления принципа социального натурализма, справедливо вывел следующее правило для законодателя и судьи: **то или иное деяние человека может признаваться преступлением лишь тогда, когда оно нарушает естественные законы общественной жизни**. Только за такие деяния может применяться уголовная ответственность¹.

¹ Костенко О.М. Соціальний натуралізм як методологічний принцип філософії права// Проблеми філософії права. – 2006-2007. – Том. IV-V. – С. 101; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum./Pfp/2006_2007_4_5/98%20Kostenko.pdf

Недооценка уголовно-правовых средств в нормативном комплексе регулирования общественных отношений, как уже отмечалось, может быть одним из факторов, детерминирующих постепенное скатывание демократически сориентированного государственно-общественного механизма к **аномии**, хаосу, беззаконию. **Аномия** представляется как хаотичное, кризисно-катастрофическое состояние социально-правовой системы, при котором доминирует падение социальных регуляторов, возрастает преступность, возникают масштабные социальные конфликты вплоть до вооруженного противостояния, и как следствие – грубое, циничное, массовое нарушение прав и свобод человека. В конечном итоге, демократическое общество может прийти к состоянию отсутствия управляемости и распада как целостности. Упорядоченность на уровне социальных и правовых норм, в том числе и уголовного закона, отрицает аномию социально-правовой системы, демонтаж ее демократических институтов.

Итак, государство демократической ориентации также имеет (должно иметь) **научно обоснованные пределы свободы уголовно-правового вмешательства** в регулирование пространства общественных отношений. В этой связи, одной из задач юридической науки является выявление этих пределов.

Таким образом, есть основания утверждать, что разум человека, его совесть, разумная и свободная воля, сила воли к деянию (действию или бездействию) **являются антропологическими составляющими социально-этического (нравственного, морального)** основания его уголовно-правовой ответственности, как позитивной (перспективной), так и негативной (ретроспективной). Именно на этом маргинесе возможна эффективная деятельность государства и содействие всех субъектов общественной жизни на пути **антропологизации уголовного закона и практики его применения**.

7. Нормативно-правовым основанием негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека является совокупность правовых норм, обеспечивающих правомерность, законность привлечения лица, виновного в совершении общественно опасного деяния, к уголовно-правовой ответственности, его осуждение, назначение наказания, его отбывание, а также состояние его судимости.

На **микроуровневом** разумении сущности и понятия уголовно-правовой ответственности человека обычно говорят о единственном нормативном ее основании – норме уголовного закона, содержащей соответствующий состав преступления. Уголовный закон **является важным мерилом уголовно-правовой свободы человека и его уголовно-правовой ответственности** в случае нарушения им уголовно-правовых предписаний.

Если исходить из **макроуровневого** разумения сущности и понятия уголовно-правовой ответственности человека, то, как думается, можно вести речь о **трех нормативно-правовых основаниях** уголовно-

правовой ответственности: а) материально-правовом – норме уголовного закона, которая закрепила соответствующий состав преступления; б) уголовно-процессуальном – нормах уголовно-процессуального законодательства, которые регулируют процедуру (порядок) применение нормы (норм) материального права; в) уголовно-исполнительном – нормах уголовно-исполнительного законодательства, приговоре суда, вступившего в законную силу, а в соответствующих случаях – акте органа уголовно-исполнительной службы: например, в случае исполнения наказания в виде лишения свободы – решении Региональной комиссии по вопросам распределения, направления и перевода для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы или наряде Государственной пенитенциарной службы Украины.

На *мегауровневом* разумеении сущности и понятия уголовно-правовой ответственности человека в зависимости от состава совершенного преступления, можно говорить, по крайней мере, **о десяти** таких нормативных **основаниях**: 1) международно-правовом; 2) конституционно-правовом; 3) уголовно-правовом; 4) уголовно-процессуальном; 5) уголовно-исполнительном; 6) административно-правовом; 7) гражданско-правовом; 8) семейно-правовом; 9) трудо-правовом; 10) экологично-правовом и т.п. В последних пяти случаях возможно органическое сочетание материально-правового нормативного основания с названными и другими нормативными материально-правовыми основаниями, когда речь идет о квалификации составов преступлений, предусмотренных действующими уголовно-правовыми **нормами с бланкетными диспозициями**.

Независимо от уровня разумеения негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, соответствующие нормы права **являются важной мерой его свободы и ответственности**. Уголовное право в государстве демократической ориентации – позитивное поле реализации свободы и ответственности человека. Оно является надежным средством создания, укрепления, целостности и развития общественного нормативно-коммуникационного поля.

8. Фактическое основание негативной (ретроспективной) уголовной ответственности – это совокупность юридических фактов, которые вызывают возникновение и реализацию уголовно-правовой ответственности человека. Такими являются: 1) совершение субъектом деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный действующим, то есть, совершение им преступления; 2) отсутствие обстоятельств, которые: а) исключают преступность деяния; б) служат основанием для его освобождения от уголовной ответственности; в) исключают возможность привлечения его к уголовной ответственности в силу того, что он пользуется дипломатическим иммунитетом согласно международно-правовым актам и не подлежит уголовной юрисдикции Украины без согласия представляющей стороны, или же он пользуется неприкосновенностью согласно действующему законодательству.

Все три основания негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) социально-этическое (нравственное, моральное); 2) нормативно-правовое; и 3) фактическое органически связаны между собой, существенно и функционально дополняют друг друга. В этом качестве они служат достаточными и необходимыми основаниями реализации возможно высокого регулятивно-репрессивного потенциала института негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. При отсутствии в реальной действительности каждой из них нельзя утверждать о наличии оснований для привлечения человека к уголовно-правовой ответственности. Вместе с тем, не исключается возможность привлечения человека при таких обстоятельствах к иным видам юридической ответственности: дисциплинарной, административной, гражданско-правовой и т.п.

При любом уровне разумения сущности и понятия негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности, важными правовыми основаниями ее реализации являются решения Европейского Суда по правам человека и нормативные позиции украинских судов.

9. **Сущность** негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека проявляется в ее формах реализации, которые определены действующим уголовным законодательством или вытекают из его содержания, а также выделены в доктрине уголовного права.

Под **формой** негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека следует понимать предусмотренный действующим УК способ применения нормы (норм) уголовного законодательства к лицу, совершившему преступление.

Формы реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека определяются в доктрине уголовного права различными учеными в зависимости от разумения ими сущности и понятия этого вида ответственности. Однако ни один из них до сих пор не анализировал формы реализации этой разновидности ответственности на **макроуровне** или **мегауровне**. Усилия ученых сегодня, как и в обозримом прошлом, сосредоточены, главным образом, на исследовании форм реализации негативной (ретроспективной) ответственности человека через призму лишь материального уголовного законодательства, то есть **на микроуровне**. Макроуровень исследования этого феномена должен иметь своим предметом не только материально-правовые, но и уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные аспекты этой проблематики. В то же время мегауровневый подход должен охватить все возможные правовые аспекты форм реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности.

Проведенный анализ суждений ученых-криминалистов относительно форм реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека позволил сделать вывод, что существуют три ее классические формы реализации: **1) осуждение; 2) наказание; 3) суди-**

мость. Из них лишь осуждение может реализовываться самостоятельно. Наказание реализуется не иначе, как в сочетании с осуждением и судимостью, а судимость – в сочетании с наказанием и в сочетании с осуждением, если оно сочетается с наказанием.

Осуждение, как форма реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, согласно действующему УК Украины, имеет два вида: 1) осуждение без назначения наказания и 2) осуждение с назначением наказания.

Наказание в сочетании с осуждением и судимостью может иметь следующие виды: 1) назначение наказания и его реальное отбывание; 2) назначение наказания и освобождение от его отбывания с испытанием; 3) освобождение от отбывания наказания; 4) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; 5) замена неотбытой части наказания более мягким; 6) освобождение от наказания.

Судимость может иметь два вида: 1) одномоментная и 2) продолжительная. Одномоментная судимость имеет место в случаях осуждения лица за совершенное преступление обвинительным приговором без назначения наказания, которое может, в частности, иметь место, например, в случаях, предусмотренных ч. 4, 5 ст. 74, ч. 2 ст. 84, ч. 1 ст. 105 УК Украины, а также в случаях освобождения от наказания в связи с невозможностью его применения к лицу, учитывая его возраст или состояние. В абсолютном большинстве случаев судимость длится во времени. Основания и условия ее **прекращения** или **снятия** четко определены ст.ст. 89, 90, 91 УК Украины.

В наиболее полном виде реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности (**на макроуровне**) через **осуждение – наказание – судимость** нарушитель уголовно-правовых предписаний (велений) **претерпевает** негативные для него последствия уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного характера. В связи с этим, есть основания выделять уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные формы реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности.

Следствием применения уголовно-правовой ответственности человека, в определенной мере и в каждом случае в отдельности, в зависимости от сочетания ее форм относительно конкретного события преступления, является также **диффамация** – опорочивание, посрамление лица, совершившего преступление, то есть распространение информации, которая приводит к ухудшению его репутации в соответствующем социуме, позорит его.

10. **Стадии** реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека – это периоды, этапы ее зарождения (возникновения), развития и прекращения. Стадии данной ответственности связаны с целенаправленным, умышленным поведением человека, что является первопричиной перерастания его потенциальной уголовно-

правовой ответственности в уголовно-правовую ответственность реальную, действительную.

В доктрине уголовного права отсутствует общепризнанное понимание стадий негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности. Как правило, ученые-криминалисты связывают их с собственным пониманием сущности и понятия «уголовная ответственность». Разнообразие суждений ученых чрезвычайно широкое – они выделяют в разных интерпретациях от трех до шести стадий негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности.

Необходимо различать, как думается, два понятия: **«возникновение уголовно-правовой ответственности»** и **«реализация уголовно-правовой ответственности»** человека, что не учтено в названном выше решении Конституционного Суда Украины относительно вопроса уголовной ответственности. Как бы мы не рассматривали негативную (ретроспективную) уголовно-правовую ответственность – то ли через призму обязанности или правоотношений, или наказания, санкции, принудительного воздействия, ограничение прав и свобод и т.п., – **начало ее возникновения**, генезис необходимо связывать с юридическим фактом – **совершением преступления**. Именно с этого момента возникает **обязанность** человека, совершившего преступление, дать отчет о совершенном и **претерпеть согласно закону** наказание, или иные меры уголовно-правового воздействия, а также **право и обязанность** государства в лице компетентных органов выявить, раскрыть совершенное человеком преступление и применить к нему уголовную ответственность, действующее уголовное законодательство в широком его понимании.

Реализация уголовно-правовой ответственности человека – это прежде всего уголовно-процессуальное понятие, а позднее, со времени обращения обвинительного приговора к исполнению, – также и уголовно-исполнительное понятие. Для начала уголовно-правовой ответственности в процессуально-правомерном поле необходимым является **юридический факт** – внесение следователем, прокурором соответствующих сведений в Единый реестр досудебных расследований (ст. 214 КПК Украины), а в уголовно-исполнительном поле – **обвинительный приговор суда**, вступивший в законную силу.

К началу этих действий уголовно-правовая ответственность человека находится в состоянии **«потенциально возможной»**. Все это в классическом варианте, когда уголовно-правовая ответственность человека реализуется во всех трех ее формах: осуждение, наказание, судимость, что чаще всего и происходит. Вместе с тем, уголовно-правовая ответственность может завершаться, как уже отмечалось, **лишь осуждением** человека и совершенного им деяния.

Итак, есть все основания говорить о **трех стадиях негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности** человека: а) возникновение; б) реализация; в) прекращение.

Важное научно-практическое значение имеет выявление **темпоральных (временных) пределов** уголовно-правовой ответственности человека, то есть ее начала и прекращения. Расхождение воззрений ученых относительно данной научной проблематики достаточно широкое. Как правило, авторы при определении начала и прекращения этой уголовно-правовой ответственности исходят из собственного разумения ее сущности и понятия. Так, значительная часть приверженцев разумения уголовно-правовой ответственности человека как наказания, санкции, принудительного воздействия, негативных последствий, часть тех авторов, которые понимают ее как обязанность, а также те отдельные ученые, высказавшие синтезированное (интегрированное) разумение ее понятия, отстаивают позицию, что начальным этапом (стадией) ответственности являются или вынесение обвинительного приговора суда, или же вступление обвинительного приговора суда в законную силу. Приверженцы разумения негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека как правоотношения, часть тех, кто понимает ответственность человека как обязанность, а также некоторые приверженцы синтезированного (интегрированного) разумения ее понятия – связывают первую ее стадию (этап) с совершением человеком преступления или с совершением деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный действующим УК Украины. Другие ученые считают, что негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека возникает: 1) с момента применения процессуальных мер принуждения; или 2) с момента официального выявления лица, совершившего преступление; или 3) с момента выявления компетентными органами государства совершенного преступного деяния; или 4) с момента предъявления лицу обвинения в совершении преступления; или 5) с момента вступления в силу уголовного закона.

Отдельные ученые, на почве действующего тогда законодательства, выявили **двойственное разумение** времени возникновения негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, различая время ее возникновения и время реализации, и считая, что она **возникает с момента совершения преступления, а началом ее реализации** является привлечения человека в качестве обвиняемого.

Согласно указанному выше Решению Конституционного Суда Украины негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека **наступает** с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда.

Прекращение негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека современные ученые-криминалисты, как правило, **связывают с прекращением (погашением или снятием) судимости**, с чем в целом нельзя не согласиться. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 88 УК Украины, судимость возникает со дня вступления в законную силу обвинительного приговора суда. А как быть в тех случаях, ког-

да, как уже отмечалось, обвинительного приговора суда нет? Опять же, речь идет об осуждении человека и совершенного им деяния при освобождении его от уголовной ответственности, которое осуществляется постановлением суда, и судимость в таких случаях, согласно ч. 1 ст. 88 УК Украины, не возникает. Кроме этого, нужно принимать во внимание, согласно ч. 3 ст. 88 УК Украины, лица, осужденные приговором суда без назначения наказания, или с освобождением от наказания либо отбывшие наказание за деяние, преступность и наказуемость которого устранена законом, признаются не имеющими судимости. Не имеющими судимости, также признаются лица, которые были реабилитированы (ч. 4 ст. 88 УК Украины).

Поскольку негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека имеет индивидуальный, персонифицированный характер, то с учетом конкретных форм ее реализации возможны следующие **наиболее типичные варианты ее прекращения**: 1) с момента погашения судимости; 2) с момента снятия судимости судом; 3) с момента отмены судимости за совершенное преступление (преступления) законодателем; 4) с момента освобождения человека от уголовной ответственности; 5) с момента вступления в силу приговора суда, которым человек осужден без назначения наказания; 6) с момента освобождения человека от наказания; 7) с момента утраты человеком вменяемости; 8) с момента вступления в силу уголовного закона, которым устранена преступность и наказуемость совершенного человеком деяния; 9) с момента реабилитации человека; 10) с момента наступления смерти человека, совершившего преступление.

Негативная (ретроспективная) уголовно-правовая ответственность человека, возникшая вследствие совершения им преступления, может существовать и в **нереализованном виде**. Например: преступление совершено, но не выявлено, не раскрыто, оно остается **латентным**; человек, совершивший преступление, не выявлен; человек, совершивший преступление, выявлен, но он умер, совершил самоубийство или убит; человек, совершивший преступление, выявлен, но он пользуется дипломатическим иммунитетом; человек, совершивший преступление, выявлен, но данный состав преступления декриминализован; человек, совершивший преступление выявлен, но он укрывается от следствия и суда. В этих случаях имеет место и **уголовно-правовая безответственность**. Человек, совершив преступление, разрывает тем самым позитивную нормативную систему социальной коммуникации, переходит в иное негативно-нормативное измерение.

11. **Принципы уголовно-правовой ответственности** человека – это система выработанных наукой уголовного права и воплощенных в нормах уголовного законодательства руководящих начал, идеологических постулатов, идеологием, которые отражают содержание, сущность уголовной политики государства демократической ориентации, задачи и за-

кономерности уголовно-правового регулирования, обеспечивают реализацию уголовно-правовой ответственности человека на научных началах.

Нуждается в дальнейшем глубоком и всестороннем исследовании **принцип социального натурализма**, выдвинутый на научно-практической конференции «Правовая система Украины: теория и практика», состоявшейся 7-8 октября 1993 года в г. Киеве. Этот принцип следует рассматривать как универсальный, базовый, методологический принцип как юридической науки, так и законодательной деятельности и правоприменительной практики. При условии его надлежащей научной разработки и применения могут возникнуть новые возможности для разумения института уголовной ответственности человека в его согласовании с естественными законами общественной жизни.

Принципы уголовно-правовой ответственности человека в их гармоничном сочетании представляют, образно выражаясь, **скелет материи** этой уголовно-правовой ответственности. Гармонично дополняя друг друга, они являются структурными, системообразующими стержнями, надежной основой единого уголовно-правового поля, науки уголовного права и уголовного права как учебной дисциплины.

Принципы уголовно-правовой ответственности человека можно рассматривать и как **правовые аксиомы**. Аксиоматически их значимость не зависит от того, какие виды этих принципов рассматривает тот или иной ученый. Каждая классификация принципов уголовного права, уголовно-правовой ответственности человека, обеспеченная авторским теоретическим основанием и, разумеется, как научный продукт, имеет соответствующую ценность.

Анализ и обобщение взглядов ученых-криминалистов, действующего уголовного законодательства Украины позволил выделить следующие **принципы уголовно-правовой ответственности человека**: 1) принцип демократичности уголовно-правовой ответственности; 2) принцип гуманности уголовно-правовой ответственности; 3) принцип нормативности уголовно-правовой ответственности; 4) принцип справедливости уголовно-правовой ответственности; 5) принцип равенства уголовно-правовой ответственности; 6) принцип виновной уголовно-правовой ответственности.

Независимо от местоположения каждого из названных принципов, все они имеют одинаково важное значение для реализации уголовно-правовой ответственности человека. Неизмеримо важно при этом обеспечить их гармоничное сочетание, синхронизацию на научных началах, как на правотворческом, так и на правоприменительном уровнях.

Позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность, также своеобразно подчинена изложенным выше принципам. Имеются в виду принципы активного или пассивного уголовно-правопослушного поведения человека. Именно этим и обуславливаются некоторые сущностные отличия принципов позитивной (перспективной) уголовно-

правовой ответственности от принципов негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека.

Весьма проблемным продолжает оставаться вопрос восприятия законодателями принципов уголовно-правовой ответственности человека, поскольку нынешние законодатели, как правило, не имеют юридического профессионального правосознания вообще и уголовно-правового сознания в частности ввиду недостатка надлежащего юридического образования и правоприменительной практики. Поскольку есть проблема восприятия законодателями этих принципов, то логически проблемным является и их воплощение в «материю» уголовного законодательства. Особенно это видно в тех случаях, когда принятый уголовный закон не четко сформулирован, неясный, содержит неоднозначные понятия и, как результат, не достигается цель правового регулирования – не реализуются соответствующие общественные интересы. Речь идет о качестве уголовного закона. ***Круг замыкается и становится порочным, ошибочным.*** Общество и государство оказываются заложниками непрофессионалов, имеющих огромное «пламенное» желание законодательствовать. Страдают они сами, страдает народ. Ситуация усложняется ***отсутствием обязательной научной экспертизы законопроектов.*** Все это вместе, как видится, не позволяет надлежащим образом обеспечить реализацию в уголовном законодательстве каждого из принципов уголовно-правовой ответственности на научном уровне, непременно обеспечивая при этом их гармоничное сочетание.

Уголовный закон является своеобразным посредником в диалоге между демократическим законодателем, правоприменительными органами и человеком. ***Эффект прямой индукции воли*** как продукта деятельности сознания законодателя ***в сознание и волю человека, которому она адресуется, невозможен.*** Воля должна иметь для своей реализации, прежде всего, четкое словесное (вербальное) выражение, а когда речь идет об использовании для этого норм закона – словесное (вербальное) письменное выражение.

Человеческие мысли, как справедливо отмечает Л. В. Озадовская, можно высказать с помощью языка и представить в форме текста, на уровне которого она конституируется в своей всеобщности в специально разработанных формах научного языка. Текст здесь выступает как особая система, которой присущи завершенность и целостность, а также внутренняя связан и последовательность. Именно в текстовой деятельности может актуализировать себя сознание субъекта, поскольку обмен знаниями и опытом, эмоциями, ценностями, идеалами и нормами невозможен вне пределов порождения и интерпретации текстов. То есть текст становится источником сведений и знаний о той или иной предметной реальности, ведь реальной единицей языка речи есть не изолированное монологическое высказывание, а взаимодействие, по крайней мере, двух высказываний, то есть диалог. За каждым текстом стоит система языка

как общепонятная система знаков. Но вместе с тем, каждый текст является единичным, индивидуальным и неповторимым, и в этом состоят его смысл и значимость. Все общеприемлемые и воспроизводимые элементы языка служат материалом и средствами для создания оригинальных текстов. Значимость и неповторимость текста раскрываются только в цепи текстов, которые связаны между собой особыми диалогическими отношениями¹.

Законодатель, на пути антропологизации уголовного закона, исповедуя принцип нравственной (моральной) правильности, рассчитывая на максимально возможную реализацию своей воли, **должен «разговаривать», «общаться» с теми, кому она адресуется, понятным, максимально однозначным языком**. Этот методологический принцип является неременным для **установления обратной, диалогической связи** между адресатами (граждане, должностные лица правоохранительных органов) и законодателем, создания действенной нормативной системы общественной коммуникации, а также и для обеспечения эффективности ответственности человека. В принципе, несоблюдение этих правил законодательной техники не влияет на юридическую силу уголовного закона, однако влияет на уровень понятности воли законодателя в материи нормы уголовного закона. Несомненно, что от этого зависит эффективность достижения целей общей и специальной превенции в уголовно-правовом регулировании.

В этой связи **не следует поощрять применение без крайней необходимости в научных исследованиях малопонятных для широкой массы людей словесных терминов иностранного происхождения**. Такое их использование, как представляется, является своеобразным **признаком псевдонаучности**. Национальный язык каждой страны достаточно богат для определения аналога соответствующего уголовно-правового понятия.

Формальная определенность, как свойственная черта уголовного закона, была познана человечеством давно. Так, Ф. Бекон писал, что **хорошим законом следует считать лишь такой закон, который отличается**: 1) точностью своих предписаний; 2) справедливостью требований; 3) легкостью приведения в исполнение; 4) согласованностью с политическими учреждениями; 5) постоянным стремлением пробуждать в людях благодетель². Уголовно-правовое предписание, веление должно находить свое выражение в законе в конкретно определенном виде. Уровень этой определенности тогда достаточный, когда содержание уголовно-правового предписания, веления может быть без труда воспринято и осознано каждым человеком обычного интеллектуального уровня развития.

¹ Озадовська Л.В. Парадигма діалогічності в сучасному мисленні. – К.: ПАРАПАН, 2007. – С. 69.

² Бекон Ф.О достоинстве и об усовершенствовании наук: Собр. соч. – Ч. 1. – СПб, 1874. – С. 587–588.

Уголовно-правовые понятия, в общих чертах, являются плодами целенаправленной абстрагирующей и обобщающей деятельности человека, в которых содержится в концентрированном виде его познание уголовно-правовой действительности, которая сформировалась в течении продолжительного времени. Выработанные наукой и законодательной практикой правила законодательной техники призваны обеспечить «овеществление», реификацию этих понятий в нормы уголовного закона.

Однако, можно ли посредством понятий полностью адекватно отразить окружающую действительность? Не впадая в идеализм, следует ответить однозначно, что нет, поскольку объекты, явления общественной действительности чрезвычайно разнообразны, многогранны и находятся в постоянном движении, развитии. Адекватное переведение окружающей действительности в абсолютно определенные понятийные структуры означало бы завершение процесса познания, что при условии несовершенства самого языка и безграничности материального мира невозможно. Такое желание всегда отражает статус перспективной цели. Заметим, что человеческий язык развивается вместе с окружающей действительностью, но язык как орудие, метод познания этой действительности отстает от ее развития. Итак, оценочные понятия являются, образно говоря, «необходимым социальным злом» и потому нет достаточных оснований соглашаться с мнением некоторых авторов о возможности их полной замены формально определенными понятиями.

Вместе с тем, многозначность оценочных понятий уголовно-правовых предписаний позволяет во многих случаях одновременно оценивать конкретное деяние, в зависимости от субъекта оценки, как законное или незаконное, **что размывает пределы законности и справедливости.** Без сомнения, в случае, когда человек не осознает вследствие нечеткости изложения текста уголовного закона, что он совершает преступление, а суд квалифицирует такое деяние как преступление, то в **этом случае имеет место использование принципа объективного вменения.** При этом снова-таки сохраняется возможность разной (субъективной) оценки однотипных деяний разными судами, а следовательно, и возможность как ошибок, так и злоупотреблений. При таких условиях говорить о равенстве перед уголовным законом невозможно, это равенство перед судебским произволом. Не случайно М. А. Унковский подчеркивал, что **неясность законодательства является одним из самых больших социальных бедствий,** и потому закон должен быть написан так, чтобы не было потребности его толковать. В большинстве случаев вследствие нечеткости закон бывает вредным для населения страны. Неясность закона может вызвать неправдивое воображение о правах и обязанностях лица, что содержит в себе опасность толкования закона каждой стороной в своих интересах, порождает спорные моменты, массовые обращения граждан к правоохранительным органам. Неясность закона выгодна государственному бюрократическому аппарату и адвокатам, поскольку

дает им необходимые средства к существованию. Учитывая это, система языковых знаков имеет важное значения для уголовного закона как мерила свободы человека. Поэтому, как полагал М. А. Унковский, *слово законодателя является делом, которое в совершенстве удаётся лишь человеку, одаренному Богом, который может создавать интуитивно священный правопорядок, находящийся в живом соответствии с душой народа и реальными силами*¹.

Неясность уголовного закона, его неоднозначность содействует расширению *пределов судебной дискреции*, что издавна оценивается как опасный фактор для правопорядка и демократии. Отстаивая взгляд о необходимости ограничения судебной дискреции (усмотрения), Р. Иеринг утверждал, что чем более обще и абстрактно определены замысел и вывод законодателя в правомерном положении, тем сложнее является его конкретное применение, тем более возрастает опасность ошибок, а если они определены более конкретно и наглядно, их легче применять и тем вернее можно рассчитывать, что каждая вещь будет верно классифицирована. Отступление от чистоты правовых понятий может открыть нескончаемый источник споров. При этом законодатель может дать свободное пространство для произвола судей, породить жалобы о предубежденности при рассмотрении споров даже при условии безупречного применения законов. Выполнимость права он ставил в зависимость от принципа его формальной определенности, которая, по его мнению, принуждает переносить сущность понятий на внешнюю сторону, для внутренних отличий и понятий выискивать внешние, по возможности точные признаки, таким образом, речь идет об создании юридической симптоматики. *Высказывая свое отношение к пониманию современниками «поэзии в праве» как проявления свободного и остроумного разума в сфере права, Р. Иеринг утверждал, что истинная поэзия права лежит в его возвеличивании и в его движении*. Восприятие субъектом окружающей действительности зависит от многих факторов и прежде всего от его психологических способностей, уровня владения необходимыми специальными знаниями, верно определенной цели познания и применяемых научных методов исследования. Во-вторых, важное значение имеют свойства объекта познания. По этому поводу Р. Иеринг отмечал, что для того, чтобы правильно отобразить предмет, нужна двойная способность – верно воспринять и верно воссоздать его, – то есть, *необходим дар наблюдения и талант воспроизведения*². К сожалению, «дар наблюдения и талант воспроизведения», в плане правотворчества, присущ далеко не всем депутатам Верховный Рады Украины.

¹ Унковский М.А. О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях ее устранения. – СПб: Тип. Флейтмана, 1913. – С. 3, 5, 12.

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – Ч. 1. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1975. – С. 24, 45–56.

В государстве демократической ориентации, когда волевое предписание нормы **любого нормативного акта** не четко сформулировано или порождает двусмысленность, должен действовать принцип: **«Любое сомнение, неясность относительно содержания волевого предписания нормы действующего законодательства должно толковаться правоприменительным органом в пользу человека, относительно которого эта норма применяется»**. Таким образом, этот принцип должен применяться не только судом, а и всеми правоприменителями. Второе, он должен действовать не только при применении законов, но и всех других подзаконных нормативных актов, которые определяют механизмы реализации прав и свобод человека. Третье, не менее важное, – этот принцип следует закрепить на конституционном уровне. При таком подходе у государственных чиновников будет меньше возможностей для злоупотребления неясностью норм действующих нормативных актов.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что уважение к уголовному праву должно иметь двухстороннее проявление. Со стороны государства, в лице законодателя, компетентных правоприменительных органов, которые должны **безоговорочно уважать человека как разумное, правовое существо**, чтить его достоинство, права и свободы, содействовать их утверждению и развитию. Именно в этом главным образом и проявляется **позитивная ответственность государства**. Со стороны граждан – это уважение к государству в лице его органов, к его разумным, справедливым законам. Лишь при таких условиях возможна **надежная обратная связь** между человеком и государством, между государством и иными субъектами общественных отношений, а следовательно и эффективность государственного управления. Поэтому методологической основой уголовно-правовой ответственности на всеобщем уровне социума является (должна быть) ее интерсубъективность. Интерсубъективный подход предусматривает, что все субъекты общественных отношений **должны быть взаимоответственными** в своем общественно значимом поведении. Их взаимодействие (коммуникация) является одной из важнейших предпосылок цивилизованного развития общества.

12. Отдельного внимания заслуживает сформировавшаяся и стимулируемая в последнее время тенденция дальнейшей гуманизации уголовно-правовой ответственности человека.

Научный подход к гуманизации уголовно-правовой ответственности человека в государстве демократической ориентации предусматривает **необходимость деятельности в двух направлениях: 1)** устранение или смягчение всеми имеющимися средствами социальных причин и условий преступности; **2)** усиление воздействия на преступность правовыми и в том числе уголовно-правовыми и иными средствами. Бесспорным методологическим подходом в выработке уголовной политики должно быть **широкое сочетание социологических и криминологических методов**, что дает возможность **определить: а)** какие общественные сред-

ства нужно применять для нейтрализации общественно опасного деяния; **б)** применение каких именно конкретно-правовых (или неправовых) средств в данном случае является нравственно (морально) правильным и наиболее рациональным; **в)** существуют ли варианты комплексного применения правовых и неправовых средств; **г)** в случае признания целесообразности применения уголовно-правовых средств, установить их оптимальный режим.

Гуманистический потенциал является органичным свойством цивилизованного демократического общества, а поэтому, **не может быть «дарован»** обществу по чьей-то доброй воле **«сверху» или «из-за рубежа», а должен быть выстрадан самим обществом**, его трудами. Такое формирование гуманистического потенциала происходит во всех сферах общественной жизни в течение многих лет под воздействием различных объективных и субъективных факторов. Следовательно, развитие гуманистических основ демократического общества проходит **не произвольно, а на почве зрелости** экономических, социально-политических и иных отношений. Собственно базисные изменения в сфере общественных отношений оказывают непосредственное воздействие на уровень и структуру преступности, на развитие гуманистических тенденций в развитии института уголовно-правовой ответственности. Несоблюдение такого подхода означает **переход на позиции волюнтаризма, злоупотреблений в уголовно-правовой политике**, что непременно влечет за собой социальные диспропорции, подрывает фундаментальные основы демократии. Поэтому **никакие благие, но не взвешенные, односторонние, нравственно (морально) неправильные намерения гуманизации уголовно-правовой ответственности человека, которые не основываются на реальных экономических, политических и социальных предпосылках, единстве социального и нравственного (морального) прогресса общества, не могут принести обществу пользу** и быть стимулом его развития, обеспечить нормальное функционирование правоохранительной системы. При несоблюдении этого подхода гуманизация уголовно-правовой ответственности человека будет иметь **чисто пропагандистский, волюнтаристский, вредный характер**.

Решение вопросов гуманизации уголовно-правового регулирования нуждается в дифференцированном подходе. **Гуманизация, как представляется, не может рассматриваться** как огульное снижение санкций уголовно-правовых норм, огульная декриминализация общественно опасных деяний и, тем самым, послабление уголовно-правовой ответственности преступников.

Преследуя благие цели относительного отдельного индивида или отдельных индивидов, удовлетворяя их интересы и потребности, следует принимать нравственно (морально) правильные, взвешенные, непредвзятые решения, памятуя о том, что он или они не существуют

отдельно в каком-то изолированном пространстве. Среда их наиболее безопасного обитания – общество, государство с которыми они состоят в субсистемных взаимозависимостях. Нарушение этих взаимозависимостей – путь к ослаблению функционирующей социальной субсистемы, ее качественных характеристик, а это непременно повлияет на снижение уровня безопасности всех субъектов, образующих конкретный социум. Это прямо вытекает из логики системных зависимостей. Гуманизация в демократическом государстве представляет собой **взвешенный научно обоснованный процесс**, в котором присутствуют два аспекта. **Первый состоит** в установлении такой негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека, которая не носила бы символического характера, а была бы **необходимой и достаточной** для выполнения задач общей и специальной превенции преступлений. Санкции уголовно-правовых норм должны быть такими, чтобы они оказывали надлежащее профилактическое воздействие как на преступников, так и на всех иных членов общества. **Второй же аспект заключается** в том, что относительно преступника должны выдерживаться все общечеловеческие, выработанные мировой практикой, гуманистические эталоны обеспечения его прав и интересов.

Особого внимания всегда требует проблема обеспечения прав потерпевшего от преступления на уровне современных демократических правовых стандартов.

13. Выяснение понятия феномена «уголовно-правовая ответственность человека» лишь тогда приведет к желательному результату, когда это уголовно-правовое явление будет рассматриваться всесторонне, беспристрастно, **вне традиционных догматически-консервативных стереотипов и установок**. Очевидным является тот факт, что лишь при таком методологическом подходе обеспечивается надлежащая теоретическая основа понимания категории «уголовная ответственность» **как двухаспектного явления**. Это позволит выработать нравственно (морально) правильные, созвучные времени, основанные на закономерностях правопослушного и противоправного поведения человека, эффективные уголовно-правовые средства обеспечения надлежащего правопорядка в демократическом обществе.

14. Уголовно-правовая ответственность человека является важнейшей правовой гарантией восстановления и поддержания гармонии, унормированности демократических общественных отношений. С одной стороны, она обеспечивает восстановление внешнего порядка вещей через содействие упорядочению общественных отношений, а с другой стороны – содействует усовершенствованию внутреннего мира человека, формированию и укреплению его просоциальных установок, включению его в структуру позитивных социальных связей, что в конечном итоге способствует созданию демократического, правового, социального государства, гражданского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., (Харків, 13-14 жовт. 2011 р.) / редкол.: В.Я. Тацій (голов. ред.), В.І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Х.: Право, 2011.
2. Bentham. Deontology. London and Edinburgh. 1834. vol. 2.
3. Berteau S. The Normative Claim of Law. – Oxford: Hart Publishing, 2009.
4. Bremer Jozef. Czy wolna wola jest wolna? Kompatybilizm na tle badan interdyscyplinarnych. – Krakow: Wydawnictwo WAM, 2013.
5. G. Sartori. Democratic Theory. Detroit. 1962.
6. Ivon Münch. Godnosc czlowieka w niemieckim prawie konstytucyjnym // Godnosc czlowieka jaka kategoria prawa. Reg. K. Complak. – Wroclaw. 2001.
7. Jan Pawel II // Przemówienie na Jubileusz Parlamentarzystów i Polityków, 4, 4 XI 2000.
8. Jan Pawel II // Messaggio del Santo Padre Giovanni Paolo II al Rettore Magnifico delle Pontificia Universita Lateranense, S.E. Mons. Salvatore Fisichella, 7, 21 III 2002.
9. Jan Pawel II // Messaggio del Santo Padre Giovanni Paolo II al Rettore Magnifico delle Pontificia Universita Lateranense, S.E. Mons. Salvatore Fisichella, 2, 4, 21 III 2002.
10. Jean Salvaire. Autorite et liberte. Montpellier. 1932.
11. Kaufmann A. Ontologische Struktur des Rechts // Rechtsphilosophie im Wandel. – Frankfurt am Maine: Stationes eines Weges, 1972. – S. 131.
12. Ladd J. The Ethics of Participation // Participation in Politics. – New York, 1975.
13. Musielak Michal. Sterylizacja ludzi ze wzgledow eugenicznych w Stanach Ziednoczonych, Niemzech i w Polsce (1849-1945). Wybrane problemy. – Poznan: Wydawnictwo Poznanskie, 2008.
14. Orzeszyna Krzysztof. Godność ludzka podstawa praw człowieka // Człowiek – jego prawa I odpowiedzialność. – Lublin. Wydawnictwo KUL. 2013.
15. R.W. Southern. The Making of the Middle Ages. New Haven. 1953.
16. Rober P. Dictionnaire alphabetique francase. – Paris, 1980. – T. 4.
17. Roscoe Pound. Law and Morals. Chapel Hill, N.C. 1926.

18. Sylwestrzak Andrzej. Historia doktryn politycznych i prawnych. – Warszawa: Lexis Nexis, 2009.
19. Августин Аврелий Блаженный. О граде Божием: книги XIV – XXII. Творения: в 4 т. Т. 4; [сост. и подг. текста к печати С.И. Еремеев]. – СПб.: Алтея; К.: УЦИММ-Пресс, 1998.
20. Августин. О благодати и свободном произволении / Гусейнов А.А., Иррилитц. Краткая история этики. – М.: Мысль. 1987.
21. Аврелий Августин. Исповедь. Кн. 11, X (12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/avgustin_avreliy/ispoved.html
22. Аврелий Августин. О свободе воли // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001.
23. Агеев И.Б. Состав преступления: понятие, элементы, значение: учеб. пособие. – М.: Юрист, 2008.
24. Азаркин Н.М. Монтескье. – М.: Юрид. лит., 1988.
25. Аземша І.Б. Особливості формування інституту юридичної відповідальності в романо-германській правовій системі // Часопис Київського університету права, 2010. - № 4.
26. Аквинский Фома. Сумма теологии / Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа: V-XVII вв. – М.: Мысль, 1999.
27. Аквінський Ф. Коментарі до Арістотелевої «Політики». – К.: Основи, 2000.
28. Александров Н.Г. Законность и право-отношения в советском обществе. – М.: Госюриздат, 1955.
29. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1.
30. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999.
31. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекцій: в 2 т. – Свердловск: Изд-во СЮИ, 1972. – Т. 1.
32. Алексеев С.С. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2004.
33. Алексеев С.С. Частное право. – М.: Статут, 1999.
34. Альбрехт Петер-Алексис. Забытая свобода. Принципы уголовного права в европейской дискуссии о безопасности; пер. с немецкого Г.Г. Мошака. – О.: Астропринт, 2006.
35. Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. – М.: Юрлитинформ, 2006.

36. Андрушко П.П. Кримінальна відповідальність: поняття види та диференціація // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
37. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. I. Античность. Восточные цивилизации. – М.: Мысль, 1999.
38. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. Европа. Америка. V-XVII вв. – М.: Мысль, 1999.
39. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка. XVII-XX вв. – М.: Мысль, 1999.
40. Антология мировой философии: Античность. – Минск: Харвест, 2000.
41. Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность: вопросы материального права. – Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т, 2002.
42. Аристотель. Никомахова етика. Пер. Н.В. Брагинская // Этика. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006.
43. Аристотель. Політика // Антологія лібералізму: політико-правничі вчення та верховенство права / відпов. ред. С. Головатий. – К.: Книга для бізнесу, 2008.
44. Аристотель. Політика. Пер. з давньогрец. О. Кислюк. – К.: Основи, 2003.
45. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т.4. – М.: Мысль, 1983.
46. Артемьев А.И. Социология личности. – М.: ООО «Арба Т-XXI», 2001.
47. Астемиров З.А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. – Махачкала: ДГУ, 2000.
48. Астемиров З.А. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – СПб. ГКА: Изд-во проф. Малинина, 2007.
49. Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. – М.: Юрид. лит., 1970.
50. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. – М.: Статут, 1997.
51. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу (опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в святы с мифическими сказаниями других родственных народов): в 3 т. – М., 1865.
52. Спиноза Б. Избранные произведения. – М.: Госюриздат, 1957.
53. Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации. – О.: Юридическая литература АО БАХВА, 2000.

54. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. – Минск: Высшая школа, 1976.
55. Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации: курс лекций. – О.: Одесский госуд. морской ун-т., 2001.
56. Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть. – Днепропетровск: Пороги, 1992.
57. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.
58. Баранов В.М. Теория юридической ответственности: лекция. – Нижний Новгород: Нижегородский юрид. ин-т МВД РФ, 1998.
59. Баранов В.М. Юридическая ответственность // Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 1999.
60. Басін К.В. Механізм реалізації юридичної відповідальності та права людини // Часопис Київського університету права. – 2003. – № 4. – С. 9.
61. Баулин Ю.В. Уголовная ответственность: понятие, виды, пределы // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: материалы научной конференции, посвященные памяти М.Д. Шаргородского. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. госуд. ун-та. Изд-во юрид. ф-та, 2005.
62. Баулін Ю.В. Звільнення від кримінальної відповідальності: монографія. – К.: Атіка, 2004.
63. Баулін Ю.В. Кримінальна відповідальність: методологічний підхід до визначення // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
64. Баулін Ю.В. Кримінальна відповідальність та її підстави // Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – 4-е вид. Перероб. і допов. – Х.: Право, 2010.
65. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Искусство и ответственность. – К.: Next, 1994.
66. Бачинин В.А. Морально-правовая философия. – Харьков: Консум, 2000.
67. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – М.: Юридический центр Пресс, 2006.
68. Безклубий І. Запрошення до наукової дискусії про правову відповідальність // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії

- держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
69. Безрукова О.А. Ответственность // Безответственность как инструмент социального действия (взаимодействия). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Staptp/2009_43/files/ST43_04.pdf
70. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Пер. с итал. М.М. Исаева. – М.: ИНФРА-М, 2004.
71. Бекон Ф.О достоинстве и об усовершенствовании наук: Собр. соч. – Ч. 1. – СПб, 1874.
72. Белов А.В. Понятие социальной ответственности в современной социальной философии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 3 (Том 47).
73. Белов М.Н. Правоотношения в уголовном праве: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002.
74. Белова О.М. Социальная ответственность как один из аспектов формирования личности // Вестник Оренбург. ун-та. – 2005. – № 7.
75. Бельский К.С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. – 1999. -№ 12.
76. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Ленинград: Изд-во Ленингр. госуд. ун-та, 1986.
77. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка. XVII-XX вв. – М.: Мысль, 1999.
78. Бентам И. Избранные сочинения. – Т. 1. – СПб: Типография литографии Н. Тиблена и Ко (Н. Неклюдова), 1867.
79. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: избранные труды. – М.: Флинта, 1999.
80. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995.
81. Берк Е. Що таке справжня громадянська свобода // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. Антологія. друге вид. / упорядники: Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Вид. дім «Простір». «Смолоסקип», 2008.
82. Берк Э. Размышления о революции во Франции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php
83. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования // Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА – М – НОРМА, 1998.

84. Бернштейн Д.И. Правовая ответственность как вид социальной ответственности и пути ее обеспечения. – Ташкент: «ФАН», 1989.
85. Благоев Е.В. Основы применения уголовного права. – Ярославль: Ярослав. госуд. ун-т, 1992.
86. Блищенко И.П., Фисенко И.П. Международный уголовный суд. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998.
87. Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантии конституционных норм (государственно-правовые аспекты). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
88. Бобровник С.В. Компроміс і конфлікти у праві: антрополого-комунікативний підхід до аналізу: монографія. – К.: Юридична думка, 2011.
89. Бобровник С.В. Юридична відповідальність // Загальна теорія держави і права (основні поняття, категорії, правові конструкції та наукові концепції): навч. посібник / за ред. О.В. Зайчука, Н.М. Оніщенко. – К.: Юрінком Інтер, 2008.
90. Божьев В.П., Фролов Е.А. Уголовно-правовые и процессуальные отношения // Советское государство и право. – 1974. – № 1.
91. Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. – СПб.: СПб ун-т, 1995.
92. Бойцов А.И. Содержание уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвуз. сборник. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1986.
93. Болсунова О.М. Інтегративні засади принципів юридичної відповідальності // Часопис Київського університету права, 2011.
94. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. – М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2006. – Т. 5.
95. Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е издание. – М.: Советская энциклопедия, 1971.
96. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1963.
97. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание. – М.: Юрид. лит., 1965.
98. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – М.: Городец-изд., 2001.
99. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерки теории). – М.: Юрид. лит., 1981.
100. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Юрид. лит., 1976.

101. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и сознание долга // Вопросы теории государства и права. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983.
102. Бузунов Р.А. Поняття кримінальної відповідальності: проблеми визначення // Наука і правоохорона. – 2010. – № 4 (10).
103. Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. – М.: Юрайт, 1998.
104. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Белгород, 2002.
105. Бурдін В.М. Осудність та неосудність (кримінально-правове дослідження): монографія. – Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2010..
106. Варій М.Й. Загальна психологія: навч. посібник. – Київ: Вид-во «Центр учбової літератури», 2007.
107. Вартилецька І.А., Плугатир В.С. Кримінальне право України. Альбом схем: навч. Посібник / за ред. В.Я. Горбачевського. – К.: Атіка, 2003.
108. Велиев С.А. Принципы назначения наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004.
109. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун». 2009.
110. Вепрева И.Т., Шадрина Т.А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов. // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 3.
111. Вереша Р. Поняття та підстава кримінальної відповідальності // Право України. – 2006. – № 12.
112. Вереша Р.В. Кримінальне право України. Загальна частина: навч. посібник. – К.: Центр учбової літератури, 2008.
113. Вереша Р.В. Суб'єктивні елементи підстави кримінальної відповідальності: підручник. – К.: Атіка, 2006.
114. Виндельбанд В. О свободе воли. – М.: АСТ, 2000.
115. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: РАМ, 2008.
116. Вицын С.Е. О понятии уголовной ответственности // Сборник статей адъюнктов и соискателей. – М.: Изд-во ВШ МООП СССР, 1968.
117. Вицын С.Е. Ответственность по уголовному праву // Известие ВУЗ «Правоведение». – 1968. – № 2.
118. Вільгельм фон Гумбольдт. Позитивна і негативна держава // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Лок-

ка до Джона Роулза. Антологія. – вид. друге, переробл. / упорядник Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Смолоскип, 2009.

119. Вітрук М.В. До питання про стадії юридичної відповідальності // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
120. Вовк Д.О. Співвідношення права і релігії у християнській правовій традиції: стан пост-секуляризації // Вісник Академії правових наук України. – 2010. – № 4 (63).
121. Вознюк А. Кримінально-правовий нарис проблемних питань частини 3 ст. 2 Кримінального кодексу України // Кримінальне право. – 2010. – № 8.
122. Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 1963. – № 3.
123. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975.
124. Вольнов В. Три понятия свободы: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://v-volnov.narod.ru/SmallWorks/ThreeConceptsOfFreedom.htm>
125. Воробей П.А. Теорія і практика кримінально-правового ставлення у вину. – К.: НАВСУ, 2000.
126. Галаган А.И. Право, свобода и социальная ответственность личности // Право и борьба идей в современном мире. – М., 1980.
127. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1970.
128. Гарасимів Т.З. Природні та соціальні детермінанти формування девіантної поведінки людини: філософсько-правовий вимір: монографія. – Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2012.
129. Гарасимів Т.З. Філософема девіантної поведінки: монографія. – Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2014.
130. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // История философии права. – СПб: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – С. 257–258.
131. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978.
132. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
133. Гельвеций Клод Адриан. Об уме. – М.: Мысль, 1973. – (Сочинения: в 2 т.; т. 2).

134. Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1955.
135. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. – М.: Изд-во РИО ВЮА, 1948.
136. Гесиод. Работы и дни // Эллинистические поэты в переводах В.В. Вересаева; под общ. ред. С. Апта, М. Грабарь-Пассек, Ф. Петровского, А. Тахо-Годи, С. Шервинского. – М.: Гос. изд-во худ. ли-ры, 1963.
137. Гізель І. Вибрані твори в 3 томах. Том 1. Книга 1. – Київ-Львів: Видавництво «Свічадо», 2012.
138. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1964.
139. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Избр. сочиния: в 2 т.; т. 2– М.: Мысль, 1964.
140. Гоббс Т. О свободе и необходимости // Томас Гоббс: соч. 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989.
141. Гоббс Т. О свободе и необходимости. – М.: Мысль, 1964.
142. Гобгауз Л.Т. Антологія свободи // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулдза. Антологія. – вид. друге, переробл. / упорядник Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Смолоскип, 2009.
143. Гобгауз Л.Т. Антологія свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
144. Гобгауз Л.Т. Держава та індивід // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулза. Антологія. – вид. друге, переробл. / упорядник Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Смолоскип, 2009.
145. Голик Ю.В. Уголовное право как система, стимулирующая позитивное поведение // Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека / под общей ред. проф. Комиссарова. – М.: Первая образцовая типография, 2006.
146. Головка Т.М. Покарання як форма реалізації кримінальної відповідальності // Юриспруденція. Теорія і практика. – 2008. – № 1 (39).
147. Горчаков Д.П. Вивчення поняття політичної відповідальності у вітчизняній науці // Наукові записки. – Т. 45. Політичні науки. – 2005.
148. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит., 1972.
149. Гражданское и торговое право капиталистических государств / Отв. ред. Е.А. Васильев. – М.: Международ. Отношения, 1993.

150. Гребеньков Г.В. Человек в правовом бытии: Введение в правовую персонологию: монография. – Донецьк: Донецький юридический институт МВД України, 2013.
151. Григорий Неокесарийский: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.orthlib.ru/Gregory_Neokes/christm.html
152. Грищук В.К., Пасека О.Ф. Кримінальна відповідальність юридичних осіб: порівняльно-правове дослідження. – Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2013.
153. Грищук В.К., Пасека О.Ф. Встановлення кримінальної відповідальності колективних суб'єктів у зарубіжних державах: до історії проблеми // Право України. – 2011. – № 9.
154. Грищук О.В. Людська гідність у праві: філософські проблеми. – К.: Атіка, 2007.
155. Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения // Вопросы философии. – 1970. – № 6.
156. Грядунова Л.И. Социальная ответственность личности в условиях развитого социализма. – К.: Вища школа, 1979.
157. Гурвич Г. Декларация социальных прав // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. – Т. 3. – Европа. Америка. XVII-XX вв. – М.: Мысль, 1999.
158. Гусейнов А.А. Основания позитивной юридической ответственности: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://static.bsu.az/w8/Heberler%20Jurnali/Sosial%202009%202/37-45.pdf>
159. Гусейнов А.А. Этика Аристотеля. – М.: Знание, 1984.
160. Гьофе О. Розум і право. Складові інтеркультурного правового дискурсу; переклад з нім. мови Л.А. Сотниченко, М.Д. Култаєвої. – К.: Альтерпрес, 2003.
161. Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. – Львов: Изд-во Львов. гос. ун-та, 1967.
162. Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. – М.: Изд-во полит. лит., 1989.
163. Дагель П.С., Номоконов В.А. Уголовная политика и проблемы позитивной ответственности // Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток: Изд-во Дальнев. гос. ун-та, 1985.
164. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Мысль, 1985.
165. Даурова Т.Г., Цыбулевская О.И., Шудра О.В. Введение в публичное право: учеб. пособие. Часть II. – Саратов: СГУ, 1998.
166. Декарт Р. Метафизические размышления // Избранные произведения. - Москва - Ленинград: Госполитиздат, 1950.

167. Демидов Ю.А. Основные принципы советского уголовного права // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1969, Вып. 9.
168. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1975.
169. Демосфен. Против Аристократа // Демосфен. Речи: в 3 т.; отв. ред.: Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – Т. I.
170. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственность. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983.
171. Диденко Н.Г., Селиванов В.Н. Право и свобода // Правоведение. – 2001. – № 3.
172. Дудоров О.О. Вибрані праці з кримінального права. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2010.
173. Дудоров О.О. Кримінальна відпові-дальність: аналіз основних наукових концепцій // Наука і правоохорона. – 2009. – № 1–2 (3–4).
174. Дудоров О.О., Письменський Є.О. Звільнення від кримінальної відпові-дальності, звільнення від покарання та його відбування: порівняльно-правова характеристика // Вісник Національної академії прокуратури України. – 2010. – № 3.
175. Духно Н.А., Ивакин В.И. Понятие и виды юридической ответственности // Государство и право. – 2000. – № 6.
176. Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Лунев В.В., Никулин С.И. Уголовное право. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.
177. Егоров В.С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЕК», 2006.
178. Егоров В.С. Теоретическая вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Моск. психолого-социальный институт, 2002.
179. Елеонский В.А. Уголовное наказание: единство ретроспективной и позитивной ответственности // Вопросы ответственности и наказания в свете решений XXVI съезда: сб. научн. трудов. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1982.
180. Енциклопедія сучасної України. – К.: НАН України, 2006.
181. Етика / за ред. В.О. Лозового. – К.: Юрінком інтер, 2007.
182. Етика та естетика / за ред. проф. М.П. Гетьманчука. – Львів: ЛьвДУВС, 2010.
183. Ждановский А.П. Свобода воли: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophi-terms.ru/word/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B8>

184. Загальна теорія держави і права. Основні поняття, категорії, правові конструкції та наукові концепції: навч. посібник / відпов. ред. О.В. Зайчук; наук. ред. Н.М. Онищенко. – К.: Юрінком Інтер, 2008.
185. Загородников Н.И. О пределах уголовной ответственности // Советское госуд. и право. – 1967. – № 7.
186. Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений // Сов. госуд. и право. – 1963. – № 11.
187. Загорулько А.И. Обязательства по возмещению вреда, причиненного субъектами гражданского права. – Харьков: Консум, 1996.
188. Закалюк А.П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика: у 3 кн. – Кн.1.– К.: Видавничий Дім «Ін Юре». 2007.
189. Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
190. Збірник постанов Пленуму Верховного Суду України у кримінальних справах: навчально-практичний посібник / укл. Б.О. Кириш. – Львів: Ліга-прес, 2010.
191. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.
192. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2001.
193. Звечаровский И.Э. Уголовная ответственность: понятие, виды, формы, способы реализации. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1992.
194. Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности: учебн. пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998.
195. Иванов Р.Л. Некоторые вопросы юридической ответственности // Вестник Омского ун-та. – 1998. – Вып. 1.
196. Иванова О.М. Философский и юридический аспекты свободы и ответственности // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева: Юриспруденция. – Вып. 18. – Тольятти: ВУиТ, 2001.
197. Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления // Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. Лекция 4. – М.: ИНФРА М-НОРМА, 1996.
198. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф., Шишов О.Ф., Пашин С.А., Палеев М.С. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. – 1992. – № 3.
199. Иеринг Р. Борьба за право // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. – Т. 3. Европа. Америка. XVII-XX вв. – М.: Мысль, 1999.
200. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – Ч. 1. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1975.

201. Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права: учебник, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010.
202. Ильин И.А. О чувстве ответственности: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Plin/chuv_otv.php
203. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. – М.: Хранитель, 2006.
204. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993.
205. Ингарден Р. Об ответственности и ее онтических основах. – М.: МГУ, 2010.
206. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
207. Іларіон. Дохристиянські вірування українського народу. – К.: АТ «Обереги», 1991.
208. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації. – К.: Лібра, 2001.
209. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрис-Пресс, 2004.
210. Йоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: Юридическая литература, 1961.
211. Калинина Т.М., Палий В.В. Иные меры уголовно-правового характера. – М.: Проспект, 2011.
212. Кальной И.И. Философия права: учебник. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
213. Канке В.А. Философия для юристов. – М.: Омега, 2009.
214. Кант И. Критика чистого разума. Соч.: в 6 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1964.
215. Кант И. Метафизика нравов // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. Европа, Америка XVII-XX вв. – М.: Мысль, 1999.
216. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. Европа, Америка XVII-XX вв. – М.: Мысль, 1999.
217. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб.: Петрополис, 1995.
218. Кант И. Сочинения: в 6 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1965.
219. Кант И. Сочинения: в 8 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 6.
220. Капицын В.М. Права человека и механизмы их защиты. – М.: ИКФ «ЭК МОС», 2003.
221. Каплин М.Н. Уголовная ответственность // Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011.

222. Карамишева Неллі. Знання і розум // Вісник Львівського університету. Серія філософські науки, 2007. – Вип. 10.
223. Карась А. Філософія громадянського суспільства в класичних і не-класичних інтер-претаціях: монографія. – Київ; Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2003.
224. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы – М. Юридическая литература, 1973.
225. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: Юрид. лит., 1974.
226. Кваша О.О. Проблеми визначення меж кримінальної відповідальності // Часопис Київського університету права. – 2009. – № 1.
227. Кейне Джон. Кінець Caisser-faire // Лібералізм: онтологія / упорядники О. Проценко, В. Лісовий. – К.: Смолоскип, 2001.
228. Келина С.Г. Замена уголовной ответственности иными мерами воздействия // Современные тенденции развития социалистического уголовного права. – М.: Наука, 1983.
229. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Наука, 1974.
230. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М.: Наука, 1988.
231. Кельман М.С. Загальна теорія держави і права (схеми, таблиці, поняття). – Тернопіль: Терно-граф, 2008.
232. Кельман М.С., Мурашин О.Г. Загальна теорія держави і права: підручник. – К.: Кондор, 2008.
233. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М.: Аванта+, 2000.
234. Кибальник А.Г. Современное междуна-родное уголовное право: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010.
235. Кисенишский М.М. К вопросу о понятии состава преступления в советском уголовном праве // Труды Томского государственного университета. – Т. 137. – Серия юрид. – 1957.
236. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением Начал Русского Уголовного Законодательства: Часть общая. Ч. 1. – изд. второе, испр. и дополн. – К.: Тип. И. и. А. Давиденко, 1882.
237. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1999.
238. Ківалова Т. Цивільно-правова недоговірна відповідальність як вид юридичної відповідальності // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса

- Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
239. Клочков В.В. Социальная ответственность и уголовный закон // Правоведение. – 1987. – № 2.
240. Ковалев М.И. О роли научных понятий в уголовном праве и криминологии // Известия вузов. Сер. Правоведение. – 1980. – № 5.
241. Ковалев М.И. Советское уголовное право: курс лекций. – Вып. 1. – Свердловск: Изд-во СЮИ, 1971.
242. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983.
243. Козаченко И.Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения. – Свердловск: Свердловский государственный университет, 1987.
244. Козаченко И.Я. Уголовное право как основной инструмент уголовно-правового регулирования // Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой. – М.: ИНФРА, М – Норма, 1997.
245. Козаченко О.В. Кримінально-правові заходи: культурно-антропологічний вимір. – Миколаїв: Ілпін, 2011.
246. Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. Красноярск.: Краснояр. гос. аграр. Ун-т. 2013 г.
247. Козловський А. Філософія відповідальності // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010 – Число V.
248. Козловський А.А. Гносеологічні принципи права // Проблеми філософії права. – 2005. – Т. 5. – № 1–2.
249. Козюбра М.І. Правовий закон: проблема критеріїв // Вісник Акад. правов. наук України. – 2003. – № 2–3 (33–34).
250. Колдаева Н.П. Об ответственности в законотворчестве // Концепция стабильности закона / под ред. В.П. Казимирчука. – М.: Проспект, 2000.
251. Колодій А.М. Принципи права України. – К.: Юрінком Інтер, 1998.
252. Коломак А.И. Свобода и ответственность в современном мире: автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук. – Ставрополь: Северо-Кавказ. госуд. техн. ун-т, 2006.
253. Комарницький Д.С. Удосконалення інституту юридичної відповідальності держави перед особою як дієва гарантія забезпечення прав і свобод людини // Часопис Київського університету права. – 2009. – № 3.

254. Комаров С.А. Общая теория государства и права. Курс лекций. – М.: Манускрипт, 1996.
255. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общей ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003.
256. Кондаков С.В. О взаимосвязи правовой и нравственной ответственности // Вопросы ответственности и наказания в свете решений XXVI съезда КПСС. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1982.
257. Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрোকриминалогия). – М.: Норма, 2001.
258. Кониський Г. Загальна філософія. Моральна філософія або етика // Філософські твори: у 2 т. / [редкол.: М.М. Верников та ін.]. – К.: Наукова думка, 1990. – Т. 1.
259. Кониський Г. Філософія надприродна, або метафізика // Філософські твори: у 2 т. / [редкол.: І.С. Захара та ін.]. – К.: Наукова думка, 1990. – Т. 2.
260. Конох М.С. Особа: право, свобода, відповідальність. – К.: Редакційно-видавничий відділ Дніпродзержинськ. держ. техн. ун-ту, 1996.
261. Конституционный статус личности в СССР / под ред. Н.В. Витрука, В.А. Масленникова, Б.Н. Топорнина. – М.: Юрид. лит., 1980.
262. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
263. Копець Л.В. Психологія особистості: навч. посібник. – К.: Вид. дім Києво-Могилянська акад., 2008.
264. Копнин П.В. Рассудок и разум: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philo.edu-ua.net/texts/philosophy/rassudok_i_razum
265. Коржанський М.Й. Презумпція невинуватості і презумпція вини: монографія. – К.: Атіка, 2004.
266. Коржанський М.Й. Уголовне право України. Частина Загальна: курс лекцій. – К.: Наукова думка та Українська видавнича група, 1996.
267. Коржанський М.Й. Уголовний закон України (наукова модель): монографія. – Дніпропетровськ: Юридична академія МВС, 2004.
268. Корнякова Т. Об'єкт посягання і система злочинів у сфері навколишнього природного середовища // Право України. – 2009. – № 2.
269. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987.
270. Коробов П.В. Момент прекращения уголовной ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 2001. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/korobov%282-06-05%29.htm

271. Короткий оксфордський політичний словник / за ред. І. Макліна і А. Макмілана; перекл. з англ. – К.: Основи, 2006.
272. Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. – М.: Политиздат, 1969.
273. Костенко А. Н., Костенко Е. А. Злоупотребление уголовной юстицией // Современные проблемы уголовно-правового воздействия: меж-гос. сб. науч. ст. / редкол.: Е. А. Писменский (отв. ред.) [и др.]; МВД Украины, Луган. гос. ун-т внутр. дел им. Э.А. Дидоренко, Волгогр. гос. ун-т. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2013.
274. Костенко О.М. Концепція природного права і законодавство // Правова держава. Щорічник наукових праць. – К., 1996. – Вип. 7.
275. Костенко О.М. Кримінальний кодекс і доктрина // Право України. – 2004. – № 7.
276. Костенко О.М. Кримінальний кодекс України: гендерні аспекти: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://kostenko-an.narod.ru/pub2.html>
277. Костенко О.М. Принцип соціального натуралізму та його значення для юриспруденції і кримінології: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: www.univer.km.ua/visnyk/463.pdf
278. Костенко О.М. Соціальний натуралізм як методологічний принцип філософії права // Проблеми філософії права. – 2006-2007. – Том. IV-V. – С. 101; [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum./Pfp/2006_2007_4_5/98%20Kostenko.pdf
279. Костицький М.В. Психологічні питання юридичної відповідальності (критика презумпції «незнання закону не звільняє від відповідальності»): [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://esteticamente.ru/portal//soc_gum/juftp/2011_2/kostutsk.htm
280. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М.: Юрид. лит., 1966.
281. Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском уголовном праве // Сборник учен. трудов. Вып 27. – Свердловск: СЮИ, 1973.
282. Красницький І.В. Кримінальна відповідальність та її підстави // Кримінальне право України. Загальна частина / за ред. О.М. Бандурки. – Х.: Вид-во ХНУВС, 2011.
283. Красницький І.В. Кримінальна відповідальність як інститут кримінального права Франції та України: порівняльний аналіз: монографія. – Львів: Львів. держ. ун-т. внутр. справ, 2008.
284. Краснов М.А. Ответственность в системе народного представительства: методологические подходы. – М.: Наука, 1995.

285. Краснов М.А. Юридическая ответственность – целостное правовое явление // Сов. госуд. и право. – 1984. – № 3.
286. Криволапов Г.Г. Уголовная ответственность и ее основание // Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый юрист КиоРус, 1997.
287. Кригер Г.А. Состав преступления и его значение // Сов. юстиция. – 1982. – № 6.
288. Кримінальне право в питаннях і відповідях: посібник для підготовки до іспитів / відп. ред. Кондратьєв Я.Ю. – К.: Правові джерела, 1999.
289. Кримінальне право України. Загальна частина / за ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – К.: Юрінком Інтер, 2004.
290. Кримінальне право України. Загальна частина. – Х.: Право, 1987.
291. Кримінальне право України. Загальна частина. Підручник для юрид. вузів і фак. / М. І. Бажанов, Ю.В. Баулін, В.І. Борисов та ін. За ред професорів М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – Х.: Право, 1997.
292. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / відп. ред. Я.Ю. Кондратьєв; наук. ред. Клименко В.А. та Мельник М.І. – К.: Правові джерела, 2002.
293. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред О.М. Бандурки. – Х.: Вид. Харків. ун-ту внутр. справ, 2011.
294. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / за ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – К.: Істина, 2011.
295. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник / За ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. 5-е вид. перероб. і допов. – К.: Атіка, 2009.
296. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для студ. юрид. вузів і факульт. / За ред. проф. Матишевського П.С., доц. Андрушка П.П., доц. Шапченка С.Д. – К.: Юрінком Інтер, 1997.
297. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для юридичних вузів / за ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – Х.: Право, 1997.
298. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник. – К.: Юрінком Інтер, 2004.
299. Кримінальне право України: Загальна частина: підручник / за заг. ред. проф. Бажанова М.І., Сташиса В.В., Тація В.Я. – 2-е вид., перероб. і доп. – К.: Юрінком Інтер, 2004.
300. Кримінальне право України: навч. посібник / за ред. О.М. Омельчука. – К.: Наукова думка, 2004.

301. Кристи Н. Пределы наказания. – М.: Прогресс, 1985.
302. Кропачев Н.М., Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность: учеб. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2000.
303. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
304. Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве. – Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-та, 2000.
305. Кувшинова А.В., Литвинова Д.С. Формування відповідальності як основа морального виховання [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oaji.net/articles/690-1396510687.pdf>
306. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. – М.: Наука, 1986.
307. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрид. лит., 1972.
308. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978.
309. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. – М.: Госюриздат, 1958.
310. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003.
311. Кузнецова Н.Ф. Принципы уголовного законодательства // Курс уголовного права. Общая часть. – Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999.
312. Кузнецов В.В., Савченко А.В., Штанько О.Ф. Сучасне кримінальне право України: курс лекцій. – К.: Вид-во «Паливода А.В.», 2006.
313. Кузнецов В.В., Савченко А.В., Шталько О.Ф. Сучасне кримінальне право. – К.: Вид. А.В. Паливода, 2005.
314. Куницын А.П. Изображение взаимной связи государственных сведений. 1817 / под ред. И.Я. Щипанова. – М.: Мысль, 1966. – (Собр. произв.: в 2 т.; т. 2).
315. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
316. Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. – М.: Юрид. лит., 1965.
317. Курс российского уголовного права. Общая часть. – М.: Спарк, 2001.
318. Курс советского уголовного права / под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. – Т. 5. – Ленинград: Изд-во ЛГ, 1981.
319. Курс советского уголовного права: в 6 т. / ред. коллегия: А.А. Пионтковский; П.С. Ромашкин; В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1970. – Т. 3.

320. Курс уголовного права. Общая часть. – Т. 1. Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И.М. Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало – М», 2002.
321. Курс уголовного права. Т. 2. Общая часть. / Под ред. доктора юрид. наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой и канд. юр. наук И.М. Тяжковой – М.: Зерцало, 1999.
322. Ладиченко В.В. Взаємозв'язок права і свободи // Юридична Україна. – 2011. – № 10.
323. Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография. – Волгоград: Изд-во Вол. ГУ, 2005.
324. Лазебный Л.И. Политическое сознание: социально-философский анализ. – М.: Ин-т философии РАН, 1999.
325. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологическое исследование. – 1996. – № 5.
326. Левицкий С. А. Трагедия свободы. – М.: Канон, 1992.
327. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – М.: Изд-во ЛГУ, 1968.
328. Лейкина Н.С. Стадии реализации уголовной ответственности и личность преступника // Проблемы советского уголовного права. – Л., 1963.
329. Лейст О.Э. Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юрист, 2001.
330. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.: Госюриздат, 1962.
331. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому уголовному праву. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
332. Лейст О.Э. Юридическая ответственность // Общая теория государства и права. Академическое издание / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. – М.: ИКД «Зеркало-М», 2002.
333. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: НОРМА, 1998.
334. Лившиц Р.З. Теория права. – М.: БЕК, 1994.
335. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
336. Липинский Д.А. Формы реализации юридической ответственности. – Тольятти: Изд-во Волжского ун-та им. Татищева. – 1999.

337. Липинский Д.А.; Хачатуров Р.Ф. Юридическая ответственность (социально-философский аспект) // Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. – Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011.
338. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. – М.: Типография А.И. Мамонтова, 1903.
339. Локк Дж. Два трактата про врядування. – К.: Основи, 2001.
340. Локк Дж. Избрание философские произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960.
341. Локк Дж. Сочинения в 4 т. – Т.1. – М.: Мысль, 1985.
342. Локк Дж. Цілі політичного суспільства та врядування // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулза. Антологія. – вид. друге, переробл. / упорядник Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Смолоскип, 2009.
343. Лопаткин В.В., Лопаткина А.Е. Малый толковый словарь русского языка. – М.: Русские словари, 1993.
344. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
345. Лопашенко Н.А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.
346. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
347. Лорд Актон. Свобода як головна політична цінність // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. Антологія. Упорядники: Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Вид. дім «Простір». «Смолоскип», 2008.
348. Лошенкова Е. В. Позитивная юридическая ответственность: есть ли достаточные основания для ее признания? // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 437–444.
349. Лук'янець Д. Філософські основи і концептуальна модель юридичної відповідальності // Юридична Україна. – 2006. – № 4.
350. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М.: Юрид. лит, 1986.
351. Лукьянов В.А. Ответственность: философские и уголовно-правовые аспекты: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1999.
352. Лукьянов В.А. Ответственность: философские и уголовно-правовые аспекты: дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1999.
353. Ляпунов Ю.И. Социалистическая законность и уголовный закон // Советское госуд. и право. – 1989. – № 2.

354. Лясс Н.В. К вопросу об основаниях уголовной ответственности // Вестник ЛГУ. – 1960. – № 17.
355. Мадіссон В. Основи філософії приватного права. – К.: Школа, 2004.
356. Маковельский А.О. Досократики. Часть первая. – Казань: Изд-во книжного магазина М.А. Голубева, 1914.
357. Максимов С.И. Коцепция правовой реальности // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков: Библиотека международного журнала «Проблемы философии права», – 2013.
358. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002.
359. Максимов С.І. До проблеми правової людини // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників Другого всеукраїнського «круглого столу». – Львів: Край, 2007.
360. Максимюк О.Д. Принцип невідворотності юридичної відповідальності: гносеологічний підхід: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук. – Львів: ЛьвДУВС, 2011.
361. Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность. – Орел: Юрид. институт МВД России, 1998.
362. Малахов В.П. Философия права. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
363. Малахов И.П. Основания уголовной ответственности // Советское государство и право. – 1991. – № 6.
364. Малеин Н.С. Правонарушения: понятие, причины, ответственность. – М.: Юрид. лит., 1985.
365. Маліновська В.М. Юридична відповідальність як різновид соціальної відповідальності: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vru.gov.ua/Docs/a150710.pdf>
366. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994.
367. Мальков В.П. Вина – основание юридической ответственности // Законность. – 1993. – № 11.
368. Мальков В.П. Состав преступления в теории и в законе // Госуд. и право. – 1996. – № 7.
369. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
370. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и уголовного законодательства: система, содержание и нормативное выражение // Правоведение. – 2003. – № 1.

371. Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. – Волгоград: ВА МВД России, 2003.
372. Мальцев В.В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Известия ВУЗ «Правоведение». – 2000. – № 6 (233).
373. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). – М.: Юрид лит., 1968.
374. Мандриченко Ж.В. Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з примиренням винного з потерпілим. – О.: Фенікс, 2009.
375. Маньковский Б.С. Проблема ответственности в уголовном праве. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
376. Маркунцов С.А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних / под общей ред. А.Э. Жалинского. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007.
377. Марцев А.И. Избранные труды. – Омск: Изд-во Омской академии МВД РФ, 2005.
378. Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: Сборник трудов Омской высшей школы МВД ССР. – Омск, 1976.
379. Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. – Омск: Изд-во ОГУ, 1973.
380. Марцев А.И. Уголовная ответственность как средство предупреждения преступлений. – Омск: Омская высшая школа милиции, 1980.
381. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. – М.: ТК Велби, Проспект, 2005.
382. Маслак Н.В. Кримінальна відповідальність за готування до злочину. – Х.: Право, 2010.
383. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М.: Юрид. лит., 1970.
384. Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник. – К.: Юрінком Інтер, 2000.
385. Матласевич О.В. Психолого-історичне дослідження відповідальності у християнській психології Інокентія Гізеля // Наукові записки Національного університету «Острозька академія» Серія «Психологія і педагогіка». – 2012.
386. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.
387. Мацнев Н.И. О понятии уголовной ответственности// Правоведение. – 1980. – № 4.

388. Машков А., Машков А. Погляд на юридичну відповідальність, як різновид право-відносин, та його значення для формування сучасної юридичної теорії відповідальності // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Юридичні науки, 2010. – № 84.
389. Машков А.Д. Обґрунтування доцільності двохаспектного погляду на юридичну відповідальність для сучасної правової науки // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
390. Меркулова В.О. Кримінальна відповідальність: окремі теоретичні та соціально-правові аспекти: монографія. – О.: ОЮІ ХНУВС, 2007.
391. Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков: Автореф. дис. ... докт. ист. Наук. Томск, 2007.
392. Милюков С.Ф. Система наказаний в механизме реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. – Воронеж: Воронеж. гос. у-тет, 1989.
393. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе права: автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук.: 12.00.01 – Саратов, 2001.
394. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности. – Тольятти: ВУиТ, 2001.
395. Митрофанов А.А. Основні напрямки кримінально-правової політики в Україні: формування та реалізація. – Одеса: Одеський юрид. ін-т, 2004.
396. Митрофанов І. Загальна характеристика відновлювальних кримінально-правових відносин // Юридична Україна. – 2010. – № 10.
397. Митрофанов І.І. Суб'єкти відновлювальних кримінально-правових відносин // Юридична Україна. – 2010. – № 12.
398. Митрофанов І.І. Теоретичні проблеми механізму реалізації кримінальної відповідальності. – Кременчук: Вид.-во ПП Щербатих О.В., 2010.
399. Митчем К. Что такое философия техники. – М.: Аспект-Пресс, 1995.
400. Михайленко П.П. Уголовное право Украины. Общая часть. – К.: МВД Украины, 1995.
401. Михеев Р.И. Социальная безответственность // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. – Красноярск: Изд.-во Красноярского ун-та, 1989.

402. Міжнародна хартія прав людини: збірник документів / відп. ред. А.М. Шлепаков. – К.: Наук. думка, 1991.
403. Можейко В.Н. Хозяйственный договор в СССР. – М.: Госюриздат, 1962.
404. Молодцов А.С. Уголовная ответственность: понятие, дифференциация // Реализация уголовной ответственности: материально-правовые и процессуальные аспекты. – Самара, 1992.
405. Монтескье Ш.-Л. О духе законов // Избранные произведения. – М.: Из-во политической литературы, 1955.
406. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1996.
407. Морозова Л.А. Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2002.
408. Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Личность как предмет философского познания. – Новосибирск: Наука, 1984.
409. Москалець В.П. Психологія особистості. Навчальний посібник. – К.: «Центр учбової літератури», 2013.
410. Мотовиловкер Е.Я. Норма, отношение и ответственность в уголовном праве // Уголовная ответственность: проблемы, содержание, установления, реализации. – Воронеж: ВГУ, 1989.
411. Мотовиловкер Я.О. Об уголовной ответственности обвиняемого в процессуальном смысле // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
412. Муздыбаев К. Психология ответственности / под ред. В.Е. Семенова. – Л.: Наука, 1983.
413. Мухаев Р.Т. Теория государства и права: учебник. - 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
414. Мучник А.Г. Философия достоинства, свободы и прав человека. – К.: Парламентське видавництво, 2009.
415. Мясникова Н.А. Свобода и ответственность при конструировании жизненной стратегии индивида // Філософські перипетії: Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2006. – № 750.
416. Навроцький В.О. Теоретичні поняття кримінально-правової кваліфікації. – К.: Атіка, 1999.
417. Наден О.В. Спеціальні види звільнення особи від кримінальної відповідальності за злочини у сфері обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів. – Х.: Право, 2003.
418. Назаренко Г.В. Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М.: Ось-89, 2000.

419. Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. – М., 1976.
420. Наталія Мельничук. Світоглядні чинники духовно-правничих колізій в контексті звичаєвого права // Науковий вісник Львівського юридичного інституту. – 2004. – № 2 (1).
421. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории советского исправительно-трудового права. – М.: Юрист, 1967.
422. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України: у 2 т. – Т. 1 / за ред. П.П. Андрушка, В.Г. Гончаренка, Є.В. Фесенка. – 3-е вид. перероб. та доп. – К.: Алерта; КНТ; Центр учбов. літ-ри. – 2009.
423. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 2 т. – Т. 1. Общая часть. – 3-е изд. дополн. и перераб. – М.: Юрид. лит., 2004.
424. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М.: Изд-во «БЕК», 1996.
425. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Известия ВУЗ «Правоведение». – 1971. – № 3.
426. Нерсисянц В.С. Юриспруденция. Введения в курс общей теории права и государства. – М.: Норма, 2000.
427. Нечуй-Левицький І.С. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології. – К.: АТ «Обереги», 1992.
428. Никифоров Б.С. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Соц. законность. – 1960. – № 1.
429. Ніколаєнко Т.Б. Поняття кримінальної відповідальності // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2010. – № 10.
430. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль. – 2010. – Т. IV.
431. Новгородцев П. И. Демократия на распутье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/39.php
432. Новікова О. Соціальна відповідальність в контексті якості державного та регіонального управління // Публічне управління: теорія та практика. – № 3–4.
433. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во СГУ, 1962.
434. Ной И.С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Сов. госуд. и право. – 1982. – № 7.
435. Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание // Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – Т.

1. Преступление и наказание. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
436. Носкова Е.Н. Позитивная юридическая ответственность / под общей ред. Р.Л. Хачатурова. – Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2003.
437. Нравственные проблемы развития личности. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
438. Ньюмен Джон Генрі. Захист і Свобода: кого звинувачувати? // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. Антологія. друге вид. / упорядники: Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Вид. дім «Простір», «Смолоскип», 2008.
439. Оборотов Ю.М. Праворозуміння як аксіоматичне начало (постулат) права // Право України. – 2010. – № 4 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.info-prensa.com/article-322.html>
440. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Изд. 2-е перераб. и доп. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 3. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
441. Общая теория прав человека / под ред. Е.А. Лукашовой. – М.: НОРМА, 1996.
442. Огурцов Н.А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1976.
443. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Изд-во «Язь», 1992.
444. Озадовська Л.В. Парадигма діалогічності в сучасному мисленні. – К.: ПАРАПАН, 2007.
445. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе: Ирфон, 1972.
446. Оксамытный В.В. Теория государства и права: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004.
447. Олесницкий М.А. Нравственное богословие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/nravstvennost_i_duhovnost/olesnicky_bogoslovie_1g01_all.shtml
448. Ольков С.Г. Точная теория юридической ответственности // Право і політика. – 2006. – № 10.
449. Оніщенко Н. Юридична відповідальність: теоретично-правовий аналіз природи та сутності // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.

450. Оніщенко Н.М. Юридична відповідальність держави перед особою: монографія. – К.: Юридична думка. 2007.
451. Оніщенко Н.М., Тарахонич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах / за заг. ред. Н.М. Оніщенко. – К.: Юридична думка, 2009.
452. Ореховский А.И. Ответственность и ее социальная природа. Методологический аспект. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978.
453. Ориген. О началах: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/acts/03/1/origen_18.htm
454. Орловская Н.А. Уголовно-правовые санкции: проблемы определения, классификации и функционального анализа: монография. – О.: «Юридическая литература», 2010.
455. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Издательство Наука, 1991.
456. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
457. Павлухин А.Н., Чистяков А.А. Уголовная ответственность как научная категория российской правовой доктрины. Генезис, состояние, перспективы: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
458. Панов А.Т., Шабалин В.А. Социальная ответственность личности в развитии социалистического общества. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976.
459. Панов М.І. Кримінальна відповідальність і проблеми правового забезпечення прав і свобод людини і громадянина. Вибрані праці з проблем правознавства. – К.: «Ін Юре», 2010.
460. Панов М.І. Кримінальна відповідальність та її підстава // Вісник національної академії прокуратури України. – 2010. – № 4 (20).
461. Панов М.І. Підстава кримінальної відповідальності: поняття та значення в удосконаленні КК України // 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., (Харків, 13-14 жовтня 2011 р.) / ред. кол.: В.Я. Тацій (головн. ред.), В.І. Борисов (заст. гол. ред.) та ін. – Х.: Право, 2011.
462. Партико Т. Б. Внутрішня свобода як умова розвитку его-ідентичності // Людина в сучасному світі. В трьох книгах. Книга 2. Психолого-антропологічний контекст: колективна монографія / А. О. Вовк, О. В. Волошок, І. І. Галецька та ін.; за заг. ред. д-ра філос. наук, проф. В. П. Мельника. – Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2012. – С. 52–77.

463. Пархоменко Н. Юридична відповідальність і законність: основні аспекти співвідношення // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
464. Пашук А.І. Нариси з історії філософії середніх віків. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007.
465. Петришин О.В. Праворозуміння у вітчизняній теорії права: загальносоціальний контекст. // Філософія права і загальна теорія права, 2012. – № 1.
466. Петрович З.З. Соціальні аспекти цінності у справі // Науковий вісник Львівського державного університету. серія юридична. – 2011. – № 1.
467. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. – М.: Наука, 1985.
468. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). – М.: Юристъ, 1999.
469. Пимонов В.А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2007.
470. Пинаев А.А. Курс лекций по Общей части уголовного права. Книга первая «О преступлении». – Харьков: Юридический Харьков, 2001.
471. Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. – 1967. – № 12.
472. Пионтковский А.А. Уголовная ответственность и наказание // Курс советского уголовного права: в 6 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1970.
473. Письменський Є.О. Звільнення від покарання та його відбування: проблеми кримінального законодавства та практики його застосування: монографія; передм. д-ра юрид. наук, доц. Хавронюка М.І.; наук. ред. д-р юрид. наук, проф. О.О. Дудоров. – Луганськ: ТОВ «Віртуальна реальність», 2011.
474. Письменський Є.О. Теоретико-прикладні проблеми звільнення від покарання та його відбування за кримінальним правом України: монографія / наук. ред. д-р юрид. наук, проф. О. О. Дудоров; МВС України, Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка, 2014.
475. Питання боротьби зі злочинністю: зб. наук. пр. / ред.: В.І. Борисов та ін. – Х.: Право, 2011. – Вип. 22.
476. Питання кримінального права у рішеннях Конституцій Суду України / Упоряд.: Л.П. Брич, В.Є. Ясеницький. – Львів: ПАІС, 2004.

477. Платон. Апология Сократа [пер. с древнегреч. В.С. Соловьев] // Платон: Сочинения в 3-х Т. – М.: Мысль. 1968. – Т. 1.
478. Платон. Георгий. Пер. с древнегреч. С. Маркиш // Платон: Сочинения в 3-х Т. – М.: Мысль. 1968. – Т. 1.
479. Платон. Государство. Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова // Платон: Сочинения в 3-х Т. – М.: Мысль. 1971. – Т. 3.
480. Платон. Диалоги. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001.
481. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986.
482. Платон. Законы. Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова // Платон. Государство. Законы. Политика. – М.: Мысль. 1998.
483. Платон. Красил. Пер. с древнегреч. Т.В. Васильев // Платон: Сочинения в 3-х Т. – М.: Мысль. 1968. – Т. 1.
484. Платон. Политика. Пер. с древнегреч. С.Я. Шейман-Топштейн // Платон. Государство. Законы. Политика. – М.: Мысль. 1998.
485. Платон. Протагор. Пер. с древнегреч. В.С. Соловьев // Платон: Сочинения в 3-х Т. – М.: Мысль. 1968. – Т. 1.
486. Платон. Тимей. Пер. с древнегреч. С.С. Аверинцев // Платон: Сочинения в 3-х Т. – М.: Мысль. 1971. – Т. 3. – Ч. 1.
487. Платонов К.К., Шингаров Г.Х., Шмаков А.В. Эмоции, чувства и воля как формы отражения действительности // Ленинская теория отражения и современная наука. Теория отражения и естествознание. – София: Наука и искусство, 1973.
488. Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность (социологический аспект). – Х.: Издательство Харьков. ун-та, 1972.
489. Плутарх. Тесей и Ромул; сост. Н.И. Ефименко // Плутарх. Сравнительные жизне-описания. – Владивосток: Изд.-во Дальневост. ун-та, 1989.
490. Покровский П.А. Бентам и его время // Записки юрид. ф-та императорского Петроградского ун-та. Вып. 3. – Петроград: Тип. А.Э. Коллинс, 1916.
491. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – Т. 1. Преступление и наказание. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
492. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуника-тивного подхода: курс лекций. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.
493. Пономаренко Ю.А. Заходи безпеки за кримінальним правом України // Вісник Прокуратури. – 2011. – № 9 (123).
494. Пономаренко Ю.А. Чинність і дія кримінального закону в часі: монографія. – К.: Атіка, 2005.

495. Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1990.
496. Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка / за ред. проф. І.А. Безклубого. – К.: Вид-во Київ. нац. ун-та ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
497. Проблеми забезпечення ефективності діяльності органів кримінального переслідування в Україні: монографія / кол. авт.; за заг. ред. В.І. Борисова, В.С. Зеленецького. – Х.: Право. 2010.
498. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юрист, 2001.
499. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1987.
500. Прохоров В.С. Развитие учения об уголовной ответственности // Курс советского уголовного права. – Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. – Т. 5.
501. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1989.
502. Пухта Г. Ф. Энциклопедия права // История философии права. – СПб: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998.
503. Пухта Г. Ф. Энциклопедия права. – Ярославль: Типография Г. Фальк, 1872.
504. Рабинович П. М. Некоторые современные концепции права в России и в Украине (в свете потребностного правопонимания) // Ежегодник украинского права. – 2014. – № 6. – С. 37–38.
505. Рабинович П.М. Правопонимание: сущность. Причины и неизбежность плюрализма, современное европейское измерение // Право Украины. – 2011. – № 1.
506. Рабінович П., Сушинський О. Юридична відповідальність: загальнотеоретичні проблеми: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: www.nbuvportal/soc-gum/vtd/2009_2.pdf
507. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник. – Вид. 10-е доповнене. – Львів: Край, 2008.
508. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник. – Вид. 9-е доповнене. – Львів: Край, 2007.
509. Рабінович С.П. Розумність у праві. Філософсько-правовий та емпірико-юридичний виміри // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників Другого всеукраїнського «круглого столу». – Львів: Край, 2007.

510. Рагузина О.В. Гуманизм и справедливость юридической ответственности в публичном и частном праве: автореф. дисс. на соиск. науч. степени канд. юрид. наук: 12.00.01 – Волгоград, 2002.
511. Радаев А.Г. Понятие и общая характеристика иных мер уголовно-правового характера // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой международной научн.-практ. конфер. (Москва, 29–30 января 2009 г.) – М.: Проспект, 2009.
512. Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993.
513. Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995.
514. Разгильдиева М.Б. Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография. – М.: Юрлитинформ, 2011.
515. Разумовский М.П. Детерминизм и ответственность в уголовном праве // Революция права. – 1929. – № 6.
516. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. – М.: Библийско-богосл. ин-т. св. ап. Андрея, 2007.
517. Релігієзнавчий словник / за ред. проф. А. Колодного і Б. Лобовика. – К.: Наукова думка, 1996.
518. Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация по советскому законодательству // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. – Воронеж: ВГУ, 1989.
519. Ретюнских И.С. Уголовная ответственность и ее реализация. – Воронеж: ВГУ, 1983.
520. Рикёр П. Справедливое; пер с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого; послесловие – Э. Шлоссер. – Москва: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2005.
521. Римский статут Международного уголовного суда от 1 июля 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)
522. Ролло Мей. Новый взгляд на свободу и ответственность // Экзистенциальная традиция. – 2005. – № 2.
523. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. – СПб.: Питер, 2005.
524. Российское уголовное право. Общая часть: учебник. – М.: Спарк, 1997.
525. Российское уголовное право: в 2 т. – Т. 1. Общая часть: учебник под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2006.

526. Российское уголовное право: курс лекций. – Т. 2. Наказание / под ред. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.
527. Рудовер Ю.В. Финансово-правовая ответственность в системе видов юридической ответственности // Государство и право. – 2011. – № 3.
528. Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М.: Ось-89, 2000.
529. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
530. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 3. Европа, Америка: XVII-XX в.в. – М.: Мысль, 1999.
531. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
532. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969.
533. Сабитов Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения преступления и вынесения ему приговора. – М.: Юрлитинформ, 2013.
534. Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1985.
535. Сабитов Т.Р. Принципы уголовного права: проблемы теории и законодательства: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 2009.
536. Савченко І.Г. Соціальна відповідальність в контексті розбудови соціальної держави в Україні // Актуальні проблеми державного управління: Зб. наук. пр. – № 2 (24): У 2 ч. – Ч. 1. – Х.: Вид-во ХарPI НАДУ «Магістр», 2005.
537. Савченко І.Г. Соціальна відповідальність органів державної влади в умовах розбудови соціальної держави: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. наук з держ. упр.: спец. 25.00.01 «Теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень». – Харків, 2007.
538. Сагатовский В.Н. Уровни свободы и ответственности: системный синтез: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/sagat_urvn_svobod.htm
539. Самигуллин В.К. Право и неправо // Государство и право. – 2002. – № 3.

540. Самощенко И.С. Вопросы общей теории советского права. – М.: Госюриздат, 1960.
541. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юридическая литература, 1971.
542. Санталов А.И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении // Вестник Ленинград. ун-та, 1972. – Вып. 4.
543. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1982.
544. Сартр Ж.-П. Стена: Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1992.
545. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М.: Госюриздат, 1961.
546. Сверчков В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (система, законодательная регламентация, эффективность применения): дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук: 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право». – Нижний Новгород, 1997.
547. Святе Письмо Старого та Нового Завіту / перекл. о. Івана Хоменка. – Львів: Місіонер, 2005.
548. Семотюк О.П. Сучасний словник іншомовних слів. – Х.: Веста: «Ранок», 2007.
549. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Переиздание / перевод, послесловие и примечание С. А. Ошеровича / Кемеровское кн. Изд-во, 1986
550. Сенцов А.С. Проблемы реализации уголовной ответственности и правового статуса ее субъектов на предварительном следствии // Права человека и правоохранительная деятельность. – Волгоград, 1995.
551. Сенцов А.С. Уголовная ответственность и ее роль в реализации советской уголовной политики: автореф. дисс на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – М., 1985.
552. Сергеева Т.Л. Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву // Ученые записки ВНИИСЗ. – Вып. 1. – М., 1964.
553. Сергеевский Н.Д. О праве наказания // Избранные труды / отв. ред. А.И. Чучаев. – М.: ООО «Издательский дом «Буквовед», 2008.
554. Сердюк П.П. Концепція позитивної кримінальної відповідальності як нормативний паронім загальних кримінально-правових відносин у доктрині кримінального права // Право України. – 2010. – № 11.

555. Сидоров Б.В. Уголовно-правовые гарантии правомерного, социально-полезного поведения. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1992.
556. Симонов П.В. Мотивированный мозг – М.: Наука, 1982.
557. Сичивица О.М. Либерал-рестрикционизм и архитектоника гармонического мира: Историческо-политологический трактат. – Львов: Каменяр, 2013.
558. Скакун О.Ф. Теория государства и права. Энциклопедический курс: учебник. – Харьков: Эспада, 2005.
559. Скакун О.Ф. Теорія держави і права: підручник. – Х.: Консум, 2001.
560. Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. – К.: Наукова думка, 1987.
561. Скобелева Т.М. Социальная ответственность. – интегральное качество гражданина-патриота // Вопросы воспитания. – № 10. – 2009.
562. Сковорода Г. Разговор пяти путников о истинном щастии в жизни [Разговор дружеский о душевном мире] // Григорій Сковорода: твори: в 2 т. / упор. И. А. Табачников. – К.: Вид-во АН УРСР, 1961. – Т. 1.
563. Скурко Є.В. Философия права и правовая жизнь. – М.: Юрлитинформ, 2011.
564. Сливка С.С. Позитивістські концепти: філософсько-правовий аналіз: монографія. – Львів: ЛьвДУВС, 2006.
565. Сливка С.С. Природне та надприродне право. – К.: Атіка, 2005.
566. Словарь русского языка. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1953.
567. Словник української мови / за ред. Б.Д. Грінченка. – К.: АН УРСР, 1958.
568. Смирнов В.Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Известия Высш. Учебн. Завед. «Правоведение». – 1963. – № 4.
569. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.
570. Смирнов Л.Б. Юридическая ответственность осужденных в пенитенциарных учреждениях (теоретико-правовой аспект): автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук: 12.00.01 – СПб., 1995.
571. Соболев А.Ю. Сроки судимости в уголовном праве: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук: 12.00.08 – М.: ВНИИ МВД Рос. Федерации, 2000.
572. Соболев Леонід. Анатомія розуму. Б. м. (США): Xlibris Corporation, 2011.

573. Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 1968. – № 1.
574. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. – М.: Изд-во МГУ, 1981.
575. Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
576. Современные проблемы уголовно-правового воздействия: межгост. сб. науч. ст. / редкол.: Е.А. Письменский (отв. ред.) [и др.]; МВД Украины, Луган. гос. ун-т. внутр. дел им. Э.А. Дидоренко, Волгогр. гос. ун-т. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2013.
577. Современный философский словарь / под ред. проф. В.Е. Кемерова. – М. – Бишкек-Екатеренбург: Одиссей, 1996.
578. Соколов В.В. Историческое введение в философию: история философии по эпохам и проблемам. – М.: Академический Проект, 2004.
579. Сокуренок В.Г., Савицка А.Н. Право. Свобода. Равенство. – Львов: Выща школа. – 1981.
580. Соловій Я.І. Безвідповідальність як морально-етична та правова проблема сучасності // Моральні основи права: матеріали міжнар. наук. конф. – Івано-Франківськ: ЗАТ «Наддвірнянська друкарня», 2010.
581. Соловій Я.І. Межі кримінальної відповідальності. – Івано-Франківськ: ЗАТ «Наддвірнянська друкарня», 2009.
582. Соловьев В.С. Оправдание добра. Соч.: в 2 т. – Том. 1. – М.: Мысль, 1988.
583. Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. – М.: Наука, 1992.
584. Солодкая М.С. К единству социального и технического: проблемы и тенденции развития научных подходов к управлению. – Оренбург: Димур, 1997.
585. Сорокин В.В. Совесть как элемент русского православного правосознания // Государство и право. – 2011. – № 6.
586. Сорокин П. Преступление и наказание, подвиг и награда. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1999.
587. Сорокина Ю.В. Введение в философию права. – М.: Норма, 2009.
588. Софокл. Царь Эдип. // Софокл. Трагедии [пер. с древнегреч. С. Шервинского]; под общ. ред. С. Аверинцева, С. Апта, М. Гаспарова, А. Тахо-Годи, С. Шервинского, В. Ярхо. – М.: Худож. лит-ра, 1988.
589. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 1995.
590. Социология преступности // Сборник научных статей. Под. ред. Б.С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1966.

591. Соціальна філософія: Короткий енциклопедичний словник / за ред. В.П. Андрущенко, М.І. Горлага. – Київ–Харків: Рубікон, 1997.
592. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. – Т. 1. – Вып. 1. – Спб.: Типограф. И. Огризко, 1863.
593. Сперанский В.И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования. – М.: Изд-во МГУ, 1987.
594. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избр. произв.: в 2 т.; [пер. с лат.]. – М. – Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1951.
595. Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума // Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.
596. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М.: Наука, 1972.
597. Спиркин А.Г. Философия: учебник. Второе изд. – М. Гардарики, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-394990.html?page=61>
598. Стефанчук Р.О. Сім невіршених справ сучасного законотворення (з нагоди 20-ї річниці Незалежності України) // Бюлетень міністерства юстиції України. – 2011. – № 8–9.
599. Стівен Д.Ф. Свобода в межах моралі та права // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. Антологія. друге вид. / упорядники: Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Вид. дім «Простір». «Смолоскип», 2008.
600. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Сов. госуд. и право. – 1979. – № 5.
601. Стручков В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (система, законодательная регламентация, эффективность применения): дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1997.
602. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977.
603. Стручков Н.А. О комплексной разработке проблем уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права // Правоведение. – 1965. – № 11.
604. Ступени человеческого познания по Николаю Кузанскому: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vikent.ru/enc/1393/>
605. Сурилов А.В. Теория государства и права. – К. – Одесса: ВШ, 1989.
606. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. – Т. 2. – М.: Наука, 1994.

607. Таманага Б. Верховенство права: історія, політика, теорія / пер. з англ. А. Іщенко. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2007.
608. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Правоведение. – 1994. – № 3.
609. Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. – М.: Изд-во Красноярск. ун-та, 1986.
610. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве. – Красноярск: КГУ, 1994.
611. Тарбагаев А.Н., Кропачев Н.М., Бойцов А.И. Судимость и ее уголовно-правовое значение // Вестник Ленингр. ун-та. – 1990. – № 13.
612. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001.
613. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973.
614. Тацій В.Я. Вибрані статті, виступи, інтерв'ю / упор. О.В. Петришин, Ю.Г. Барабаш, В.І. Борисов; відпов за випуск О.В. Петришин. – Х.: Право, 2010.
615. Тащилин М.Т., Годилю Н.Н. Уголовная ответственность и формы ее реализации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudkmw.ru>
616. Теорія держави і права: навч. посібник / за ред. С.Л. Лисенкова. – К.: Юрінком Інтер, 2003.
617. Тернопільська В.І. Відповідальність особистості: гуманітарний аспект // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – № 14. – 2004.
618. Тертуллиан. Апологія. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб: «Северо-Запад Пресс», 2004.
619. Тетчер Маргарет. Я вірю // Консерватизм. Консервативна традиція політичного мислення від Едмунда Берка до Маргарет Тетчер. Антологія. друге вид. / упорядники: Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Вид. дім «Простір». «Смолоскип», 2008.
620. Тимошенко В. И. Теория государства и политико-правовой мысли Украины и России (конец XIX – начало XX вв.); под. ред. В. И. Тимошенко: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Чернигов: Издатель Лозовой В. М., 2014.
621. Тихенко С.И. Невменяемость и вменяемость. – К.: [б.и.], 1927.
622. Тихий В.П. Підстава кримінальної відповідальності за новим Кримінальним кодексом України // Вісник Конституційного Суду України. – 2002. – № 3.

623. Тихоненко И.Н. Основания освобождения от юридической ответственности: автореф. дисс. на соискание научной степени канд. юрид. наук. – М., 1995.
624. Тихонов К.Ф. К вопросу об основаниях уголовной ответственности // Ученые записки Саратовского юридического ун-та. Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. – 1964. – Вып. XI.
625. Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления. – Саратов: Изд-во СГУ, 1967.
626. Ткачевский Ю.М. Избранные труды. – СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2010.
627. Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Избранные труды. – СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2010.
628. Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2000. – № 6.
629. Толковый словарь русского языка / под ред. Б.М. Волина и Д.Н. Ушакова. – Т. IV. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1940.
630. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 2.
631. Томашев В.В. Сущность социальной ответственности и ее место в системе исторического материализма // Проблемы систематизации категорий исторического материализма. – Челябинск, 1980.
632. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. – Т. II. Первые философы; [пер. с англ.; общ. ред. А.Ф. Лосева]. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959.
633. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1951.
634. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб.: Юридический институт, 1998.
635. Тугаринов В.П. Личность и общество. – М.: Политиздат, 1985.
636. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2002.
637. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права. – Т. 8. – М.: СПб. ГКА, СПб., 2007.
638. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.Д. Козочкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010.

639. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. – М.: Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 1998.
640. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. 7-е издание. – М.: Проспект, 2010.
641. Уголовное право России. Части Общая и особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012.
642. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. – Т. 1. Общая часть / отв. ред. и рук. авт. кол. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998.
643. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юрист, 1996.
644. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2004.
645. Уголовное право Российской Федерации: учебник. /Отв. ред. проф. Кашенов В.П. – М.: Былина, 1999.
646. Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть общая. / Отв. ред. Ф.Г. Бурчак. – К.: Наукова думка, 1985.
647. Уголовное право Украины. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. проф. Стрельцов Е.Л. – Х.: Одиссей, 2002.
648. Уголовное право Украины. Общая часть / под ред. В.А. Клименко, Н.И. Мельника. – К.: Атика, 2002.
649. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В.В. Лунеева. – М.: Юрайт, 2010.
650. Уголовное право. Общая часть / под ред. проф. А.И. Рарога. – М.: ИМП, 1997.
651. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.М. Хомича. – Минск: Тесей, 2002.
652. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Петрашева. – М.: ПРИОР, 1999.
653. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. М.П. Журавлева, А.И. Рарога. – М.: Ин-т международного права и экономики, 1996.
654. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист. Кно Рус, 1997.
655. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. – М.: Юриспруденция, 1999.
656. Уголовный кодекс Украины: Научно-практический комментарий / отв. ред. Е.Л. Стрельцов. – Харьков: ООО «Одиссей», 2005.

657. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. – 2-е издание, испр. и доп. – М., 2000.
658. Український енциклопедичний словник: у 3 т. – 2-ге видання. – К.: Гол. ред. УРЕ, 1986. – Т. 1.
659. Український радянський енциклопедичний словник: в 3 т. – К.: Українська енциклопедія, 1968. – Т. 3.
660. Унковский М.А. О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях ее устранения. – СПб: Тип. Флейтмана, 1913.
661. Урсул А.Д. Некоторые философские вопросы освоения космоса. – М.: Знание, 1964.
662. Усс А.В. К дискуссии о понятии уголовной ответственности в связи с проблемой нравственности осуждения преступника. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1986.
663. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1950.
664. Утевский Б.С. Уголовное право. – М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1950.
665. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987.
666. Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли // Сочинения: В 2 т. Пер. с нем. / Ин-т философии. – М.: Наука, 1995. Т. 1.
667. Фейербах Л. Сущность христианства // Сочинения: в 3 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1995.
668. Фейербах Людвиг. К критике позитивной философии // Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1995.
669. Фейербах Людвиг. К критике философии Гегеля // Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1995.
670. Фейербах Людвиг. Необходимость реформы философии // Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1995.
671. Фейербах Людвиг. Предварительные тезисы к реформе философии // Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1995.
672. Феофанов Ю.В. Власть и право // Известия. – 20 июня 1988 г.
673. Ферри Энрико. Уголовная социология // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка. XVII-XX вв.
674. Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). – М.: Наука, 1992.

675. Феллов П.А. Основания уголовной ответственности в советском праве // Сов. госуд. и право. – 1983. – № 12.
676. Филимонов В.Д. Понятие освобождения от уголовной ответственности // Труды Томского ун-та. – 1963.
677. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. – М.: Юр ИнфоР-МГУ, 2008.
678. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – М.: АО «Центр Юр ИнфоР», 2002.
679. Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. – Т. 2. / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011.
680. Философия права. Хрестоматия / под ред. Н.И. Панова; сост. Панов Н.И., Бачинин В.А., Святоцкий А.Д. – К.: Ин Юре, 2002.
681. Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – Т. 4.
682. Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1981.
683. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичова, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
684. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
685. Філософія права / за ред. О.Г. Данільяна. – К.: Юрінком Інтер, 2002.
686. Філософія права / За редакцією Джоела Фейнберга, Джулса Коулмена; Пер. з англійської П. Таращук. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2007.
687. Філософія: навч. посібник / за ред. М.П. Гетьманчука. – Львів: ЛьвДУВС, 2010.
688. Флейшниц Е.А. Общие начала ответственности по основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское госуд. и право. – 1962. – № 3.
689. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
690. Франкл В. Духовность, свобода и ответственность. – М.: Прогресс, 1990.
691. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
692. Фріс П.Л. Кримінальне право України. Загальна частина: підручник для студентів вищих навчальних закладів– 2-ге видання, доп. і переробл. – К.: Атіка, 2009.
693. Фролов И.Т. Современная наука и гуманизм. – М.: Знание, 1974.
694. Фромм Э. Душа человека. – М.: АСТ, 1998.
695. Фромм Эрих. Бегство от свободы: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://royallib.ru.doc.zip>

696. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. – М.: Весь мир, 2011.
697. Хавронюк М.І. 10 років чинності КК України: час закріпити принципи: [Електронний ресурс]. – Режим доступа: www.zakonoproekt.org.ua/10_rokiv_chas_zakripiti_principi.aspx
698. Хавронюк М.І. 10 років чинності Кримінального кодексу України: проблеми застосування, удосконалення та подальшої гармонізації із законодавством європейських країн: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 13-14 жовт. 2011 р.).
699. Хавронюк М.І. Диференціація кримінальної відповідальності або чи не очікує Україну соціальна катастрофа? // «Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення. Диференціація кримінальної відповідальності»: міжнар. симпозіум (Львів, 11-12 вересня 2009 року). – Львів: ЛьвДУВС, 2009.
700. Хавронюк М.І. Диференціація кримінальної відповідальності чи кримінальна безвідповідальність? // Підприємництво, господарство і право. – 2009. – № 8.
701. Хавронюк М.І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора юрид. наук. – К.: КНУВС, 2007.
702. Хавронюк М.І. Право споживачів на безпечність продукції: кримінально-правове забезпечення: монографія. – К.: Атіка, 2011.
703. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.
704. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974.
705. Харитонов О., Харитонов Є. Юридична відповідальність: пошук парадигми // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
706. Харт Г. Понятие права. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, – 2007.
707. Харченко В.Б. Уголовное право Украины. Пособие по подготовке к государственному (выпускному) экзамену. – К.: Атика, 2000.
708. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. – М.: Юридический центр Пресс, 2007.
709. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. – Тольятти: ВГУ им. В.Н. Татищева, 1995.
710. Хитра А.Я. Заходи кримінально-процесуального примусу. – Львів: ЛьвДУВС, 2009.

711. Хомич В.М. Социальная ответственность и право // Право и демократия. – 1989. – № 2.
712. Хомич В.М. Теоретические проблемы уголовной ответственности (концепция и правовая модель института уголовной ответственности: автореф. дисс. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. – Минск: БГУ, 1997.
713. Хомич В.М. Формы реализации уголовной ответственности. – Минск: Изд-во Белорусского госуд. ун-та, 1998.
714. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999.
715. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. Пособие / сост. В.Н. Садилов. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
716. Цвік М. Про сучасне праворозуміння // Вісник Академії правових наук України. – № 4 (27). – 2007.
717. Цимбалюк М.М. Онтологія правосвідомості: теорія та реальність: монографія. – К.: Атіка, 2008.
718. Цицерон. Про закони // Антологія лібералізму: політико-правничі вчення та верховенство права / відпов. ред. С. Головатий. – К.: Книга для бізнесу, 2008.
719. Человек и государство в правовой политике Нового и Новейшего времени / Под. ред. докт. юрид. наук, докт. филос. наук, проф. О.Ю. Рыбакова. – М.: Статут, 2013.
720. Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / редкол. И.Т. Фролов и др. – М. Политиздат, 1991.
721. Чепульченко Т.О. Соціальна відповідальність: поняття та сучасність // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право: Зб. наук. праць. – Київ: ІВЦ «Політехніка», 2010. – № 1 (5) [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vkpi/Soc/2010_1/Chepylchenko.pdf
722. Червонюк В. И. Теория государства и права: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 565–566.
723. Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Известия ВУЗ «Правоведение». – 1976. – № 5.
724. Чернишова Н.В. Кримінальне право України (Загальна частина): навч. посібник. – К.: Атіка, 2003.

725. Черных Е.В. О нормативном характере юридической ответственности // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы современного государства и права: межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 1 (10). – Саратов: СГАП, 1998.
726. Черных Е.В. Юридическая ответственность и государственное принуждение // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997.
727. Чирков А.П. Ответственность в системе права. – Калининград: Изд-во Калининград ун-та, 1996.
728. Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
729. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. – СПб.: Изд-во Русской Христианской Академии, 2005.
730. Чичерин Б.Н. Философия права. Изд.2-е испр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
731. Чугуников И.И. Правоотношение и формы их реализации в уголовном праве Украины: дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Одесса, 2000.
732. Чугуников І.І. Правовідносини та форми їх реалізації у кримінальному праві України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец.: 12.00.08 «Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право» / Одеська національна юридична академія. – О., 2001.
733. Чухвичев Д.В. Свобода личности и юридическая ответственность: [Электронный ресурс] – Режим доступа: // [http://library.bu\(c\)](http://library.bu(c))
734. Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. – М.: Проспект, 2010.
735. Чучаев О.І., Лошенкова О.В. Відповідальність у кримінальному праві // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – Число V.
736. Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дисс. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1992.
737. Шабуров А.С. Юридическая ответственность // Теория госуд. и права: учебник / под ред. В.Д. Перевалова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
738. Шалютинa Б.С. Правогенез как фактор становлення общества и человека // Вопросы философии. – 2011. - № 11.

739. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Избранные труды. – Спб.: «Юридический центр Пресс», 2004.
740. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Известия ВУЗ Правоведения. – 1968. – № 1.
741. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. Часть вторая. – М., 1958.
742. Шаргородский М.Д. Избранные труды / сост. и предис. докт. юрид. наук, проф. Волженкин Б. В. – Спб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2004.
743. Шаргородский М.Д. Основание уголовной ответственности // Курс советского уголовного права. – Т. 1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
744. Шаталова Л.И. Правовые, психологические и этические аспекты субъективного вменения в уголовном праве Российской Федерации. – Тольятти: Изд-во Волжского ун-та, 2002.
745. Шахов Б.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. – М.: Наука, 1985.
746. Швець О.В. Відповідальність як соціальне явище: теоретико-правові засади // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. – 2012. – Вип. 1.
747. Шевченко Я.М. Що таке юридична відповідальність? // Юриспруденція. Теорія і практика. – 2011. – № 1 (75).
748. Шелер М. Человек и история. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1992.
749. Шеллинг Ф.В. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1987.
750. Шишов О.Ф. Проблемы уголовной ответственности в истории советского уголовного права. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982.
751. Шкода В.В. Вступ до правової філософії. – Харків: Фоліо, 1997.
752. Шлёкин С.И. Проблема права: Философско-методологический аспект. – М.: Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2013.
753. Шнейдер М.А. Учебно-методическое письмо по советскому уголовному праву для студентов ВЮЗИ. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1950.
754. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992.
755. Штайнер Рудольф. Истина и наука. Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bdn-steiner.ru/cat/Ga_Rus/003-004.pdf
756. Шульгин Н.Ф. Теоретические вопросы позитивного и негативного аспектов уголовной ответственности // Актуальна проблеми політики: збірн. наук. праць. Вип. 8. – О.: Юрид. л-ра, 2000.
757. Щедрин Н.В. Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4.

758. Щедрин Н.В., Кылина О.М. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций // Криминологический журнал. – 2008. – № 3(5).
759. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. – М.: Юрлитинформ, 2003.
760. Щербаков В.В. Уголовная ответственность и ее основание: автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. – Саратов: СГУ, 1998.
761. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1980.
762. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове) / Худож. Ю. Д. Федичкин. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – С. 525–526.
763. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 1. Понятие уголовного права. – СПб.: Изд-во проф. Малинина, 2005.
764. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. – Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – СПб. ГКА: Изд-во проф. Малинина, 2007.
765. Эриугена. Книга о божественном предопределении // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / сост. П.С. Гуревич. – М.: Политиздат, 1991.
766. Эскандер: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.azlib.ru/e/escander/1_01.html
767. Эстрин А.Я. О вине уголовной ответственности // Советское государство и право. – 1935. – № 1–2.
768. Эсхил. Орестея: трилогия // Эсхил. Трагедии / [пер. Вяч. Иванова]. – М.: Наука, 1989.
769. Юнг К. Психологические типы. – Минск: ООО «Попурри», 1998.
770. Юридична відповідальність: цивілістичні аспекти / за ред. Н.І. Титової. – Львів: Вища школа, 1975.
771. Юридична енциклопедія: в 6 т. – К.: Українська енциклопедія, 1998. – Т. 5.
772. Явич Л.С. Право и социализм. – М.: Юрид. лит., 1982.
773. Яковенко Т. Принцип відповідальності як еко-етичний імператив сталого розвитку // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 4.
774. Якушин В.А., Тюшнякова О.В. Наказание и его применение. – Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2006.
775. Яценко С.С. Інститут кримінальної відповідальності в новому Кримінальному кодексі України та інших нормативно-правових актах // Новий Кримінальний кодекс України: питання застосування і вивчення: матеріали міжнар. наук.-практ. конференції (Харків, 25-26 жовтня 2001 р.). – К. – Х.: Юрінком Інтер, 2002.

PRAWNO-KARNA OCHRONA I REALIZACJA PRAW DZIECKA NA UKRAINIE

Streszczenie. Autor na podstawie obowiązującego prawa ukraińskiego konsekwentnie rozważa cztery następujące zagadnienia: 1) znaczenie ochrony prawnej i prawno-karnej, a także zabezpieczenie praw dziecka; 2) akty międzynarodowe i akty prawne Ukrainy w sprawie zabezpieczenia prawnego i ochrony praw dziecka; 3) obecny Kodeks Karny Ukrainy w sprawie ochrony i zapewnienia praw dziecka; 4) kierunki i środki zwalczania przestępstw przeciwko dziecku.

Słowa kluczowe: prawo, prawa człowieka, prawa dziecka, ochrona prawno-karna i realizacja praw dziecka, ochrona prawno-karna i realizacja prawa dziecka na Ukrainie.

1. Wprowadzenie

Dzieciństwo jest najważniejszym okresem w życiu człowieka. W dzieciństwie, bowiem, zakładane są podstawy osobowości człowieka, kształtuje się system wartości moralnych i cechy charakteru. Będąc państwem socjalnym i demokratycznym, które zmierza ku integracji europejskiej, Ukraina dba o prawa i interesy dzieci, stwarzając warunki do normalnego rozwoju dzieci, oraz określając sposoby, w tym także karno-prawne, na zwalczanie istniejących problemów w zabezpieczeniu normalnego rozwoju dziecka.

Od czasu zdobycia niepodległości, państwo ukraińskie stale podejmuje środki w celu kształtowania, realizacji i wzmocnienia polityki w zakresie ochrony praw i wolności dziecka, w oparciu o system międzynarodowych przepisów prawnych, dotyczących ochrony praw dziecka. We współczesnej Ukrainie ochrona praw dziecka, które pojmowane jest jako pełnowartościowy obywatel, rozpatruje się jak element bezpieczeństwa wewnętrznego. A ono, z kolei, jest priorytetem ochrony karno-prawnej i składową częścią polityki karno-prawnej, przeciwieństwo zjawisko bezpieczeństwa wewnętrznego dla Ukrainy polega na stabilności społeczeństwa, które bazuje się na demokratycznym rozwoju państwa. Bezpieczeństwo narodowe obejmuje trzy obiekty: człowieka, społeczeństwo i państwo. Bezpieczeństwo dziecka – to wizytówka państwa, od niego zależy jego przyszłość. Zatem, więc, ochrona karno-prawna dziecka powinna stać się głównym zadaniem kraju, tym bardziej, jeśli dąży on do członkostwa w Unii Europejskiej.

2. Międzynarodowe i krajowe akty prawne w zakresie ochrony prawnej i realizacji praw dziecka

Status prawny dziecka regulowany jest następującymi aktami normatywnymi: Powszechna Deklaracja Praw Człowieka (1948 r.), Deklaracja Praw Dziecka (1959 r.), Międzynarodowy Pakt Praw Obywatelskich i Politycznych (1966 r.), Międzynarodowy Pakt Praw Gospodarczych, Socjalnych i Kulturalnych (1966 r.), Konwencja o Prawach Dziecka (1989 r.), Europejska Konwencja o Statusie Prawnym Dziecka Pozamałżeńskiego (1975 r.).

Deklaracja Praw Dziecka (1959 r.) zważa, że „dziecko, z powodu niedojrzałości fizycznej i umysłowej wymaga szczególnej opieki i troski, a także odpowiedniej opieki prawnej, zarówno przed urodzeniem, jak i po urodzeniu”. Z względu na to, że ten dokument międzynarodowy został ratyfikowany, państwo ukraińskie powinno przestrzegać jego przepisów.

Konstytucja Ukrainy stwierdza, że „człowiek, jego życie i zdrowie, nietykalność i bezpieczeństwo są na Ukrainie najwyższymi wartościami społecznymi” (art. 3). Ochrona praw dziecka jest priorytetem rozwiniętego państwa prawnego i to przewiduje Konstytucja Ukrainy, w której (art. 51) zaznacza się, że „rodzina, dziecko, macierzyństwo i ojcostwo znajdują się pod ochroną państwa”. A artykuł 52 stanowi, że „Wszelka przemoc wobec dziecka lub jego wyzysk są ścigane prawem”. Artykuł 28 Konstytucji Ukrainy stwierdza, że „Nikt nie może zostać poddany torturom, okrutnemu, nieludzkiemu albo poniżającemu jego godność traktowaniu lub karaniu”.

Na podstawie postanowień Konstytucji Ukrainy i Konwencji ONZ o Prawach Dziecka na Ukrainie została przyjęta Ustawa „O ochronie dzieciństwa”, która określa ochronę dzieciństwa strategicznym priorytetem ogólnonarodowym, i w celu zapewnienia realizacji praw dziecka na życie, opiekę zdrowotną, edukację, opiekę socjalną i wszechstronny rozwój określa również główne zasady polityki państwowej w tym zakresie.

W artykule 10 Ustawy Ukrainy „O ochronie dzieciństwa” mówi się, że każde dziecko ma zagwarantowane prawo do wolności, nietykalności osobistej i ochrony godności. Państwo realizuje ochronę dziecka od: a) wszelkich form przemocy fizycznej i psychicznej, obrażenia, niedbałego i okrutnego zachowania, wykorzystywania, w tym także seksualnego, zwłaszcza, od strony rodziców albo osób, które ich zastępują; b) wciągnięcie w działalność przestępczą, wciągnięcie do zażywania alkoholu, środków narkotycznych i substancji psychotropowych; c) zaangażowania dzieci w religijne organizacje ekstremistyczne, grupy kultowe wpływu psychologicznego, jej wykorzystywania do stworzenia i rozpowszechnienia materiałów pornograficznych, zmuszania do prostytucji, żebrów, łazęgowania, wciągnięcie do gier hazardowych i tym podobnie.

Artykuł 12 tej Ustawy stanowi, że rodzice lub osoby, które ich zastępują, ponoszą odpowiedzialność za naruszenie i ograniczenie interesów prawnych dziecka, opiekę zdrowotną, rozwój fizyczny i duchowny, edukację, a niewykonanie lub uchylenie od wykonania obowiązków rodzicielskich jest zabezpieczone prawem.

3. Obowiązujący Kodeks Karny na temat ochrony praw dziecka

Ukraina przeżywa wzrost aktywności kryminalnej, terroryzmu, ekstremizmu, konfliktów politycznych, istniejących negatywnych zjawisk społecznych – jak bezrobocie, inflacja, ubożenie ludności, nasilenie przestępczości. W związku z tym szczególnej aktualności nabywa kwestia obrony praw i wolności dzieci, a także wzmocnienie procedur ochrony dzieciństwa.

System przeciwdziałania przestępstwom przeciwko dzieciństwu składa się z kompleksu różnych przedsięwzięć o charakterze socjalnym, gospodarczym, ideologicznym, psychologicznym, pedagogicznym, prawnym i karnoprawnym. Przedsięwzięcia o charakterze karno-prawnym prowadzone są w kilku kierunkach. Po pierwsze, jest to ochrona dziecka od kryminalnego wpływu osób trzecich i środowiska społecznego (bliskich krewnych i innych pełnoletnich osób), po drugie, dyferencjacja i indywidualizacja odpowiedzialności karnej osób nieletnich, w tym, osób małoletnich, po trzecie, stosowanie przewidzianych prawem kar do osób, które popełniły przestępstwa, w których ofiarą było dziecko.

Obrona praw dziecka na Ukrainie jest kwestią międzydyscyplinarną i międzybranżową, która obejmuje ochronę karno-prawną dzieciństwa, tytułem państwowej ochrony w tych wypadkach, gdy inne formy ochrony – cywilnoprawna, administracyjno-prawna, dyscyplinarna, społeczno-moralna nie zabezpieczają realnej ochrony praw dziecka.

Stanem na dzień dzisiejszy, oprócz wyżej zaznaczonych norm w zakresie prawnej ochrony dzieciństwa, na Ukrainie obowiązują ponad półsetka aktów normatywno-prawnych. Są wśród nich: Kodeks Rodzinny Ukrainy, Ustawa Ukrainy z 23.05.1991 r. „O szkolnictwie”, Ustawa Ukrainy z 28.02.1991 r. „O statusie i opiece socjalnej obywateli, którzy zostali poszkodowani na skutek katastrofy Czarnobylskiej”, Ustawa Ukrainy z 21.11.1992 r. „O pomocy państwowej rodzinom z dziećmi”, Ustawa Ukrainy z 16.11.2000 r. „O państwowych zasiłkach socjalnych inwalidom dzieciństwa i dzieciom-inwalidom”, Ustawa Ukrainy z 02.06.2005 r. „O podstawach ochrony społecznej obywateli i dzieci bezdomnych”, Ustawa Ukrainy z 13.01.2005 r. „O zapewnieniu warunków organizacyjno-prawnych ochrony społecznej dzieci-sierot i dzieci, pozbawionych opieki rodzicielskiej” i in.

Ochrona karno-prawna dzieciństwa na Ukrainie ma na celu zapewnienie należytych warunków dla rozwoju dziecka. Bezpieczeństwo dziecka to taki jego stan, gdy wpływ jakichkolwiek czynników zewnętrznych lub wewnętrznych nie może wyrządzić jemu szkody fizycznej, materialnej czy moralnej.

Zgodnie z artykułem 1 Konwencji ONZ o Prawach Dziecka z 20 listopada 1959 r., „dziecko” oznacza każdą istotę ludzką w wieku poniżej osiemnastu lat, chyba, że zgodnie z prawem uzyskało pełnoletniość wcześniej. Europejska Konwencja o Realizację Praw Dziecka z 1996 roku także jest stosowana do osób, które nie ukończyły 18 lat.

Przeciwdziałanie przestępczości przeciwko dzieciństwu jest realizowane na podstawie prawa karnego z uwzględnieniem przepisów Ustawy Ukrainy „O zapobieganiu przemocy w rodzinie” i Ustawy Ukrainy „O ochronie dzieciństwa”. Ustawa Ukrainy „O zapobieganiu przemocy w rodzinie” określa podstawy prawne i organizacyjne zapobiegania przemocy w rodzinie, organy i urzędy, które powinny zapobiegać przemocy w rodzinie.

Obowiązujące prawo karne przewiduje 53 zestawy przestępstw bezpośrednio przeciwko prawom i interesom prawnym dziecka, które zostały

przedstawione w następujących przepisach KK Ukrainy: umyślne morderstwo małoletniego dziecka (rozdz.2, ust.2 art.115); umyślne morderstwo matką swojego nowonarodzonego dziecka (art.117); doprowadzenie do samobójstwa małoletnich (ust.3, art.120); zakażenie wirusem niedoboru odporności małoletniego czy inną nieuleczalną chorobą zakaźną (art.130); zakażenia małoletniego chorobą weneryczną (ust. 2, art. 133); pozostawienie małoletniego w niebezpieczeństwie (ust.2, ust.3, art.135); nieudzielenie pomocy małoletniemu (ust.2, art.136); nienależyte wykonanie obowiązków w zakresie ochrony życia i zdrowia dzieci (art.137); nieprawne przeprowadzenie doświadczeń nad małoletnim (ust.2, art.142); przymusowe pobranie narządów od małoletniego (ust.2, art.144); nieprawne pozbawienie wolności albo porwanie małoletniego (ust.2, art.146); zatrzymanie małoletniego w charakterze zakładnika (ust.2, art.147); zamienienie dziecka (art.148); sprzedaż lub przekazanie dziecka w inny odpłatny sposób (ust.2, art.149); eksploatacja dzieci (art.150); zgwałcenie osoby nieletniej (ust. 3, art. 152); zgwałcenie osoby małoletniej (ust.4, art.152); stosunek seksualny z osobą, która nie osiągnęła dojrzałości płciowej (art.155); molestowanie nieletnich (art.156); unikanie płacenia alimentów na własne dzieci (art.164); złośliwe niewykonywanie zobowiązań w zakresie opieki nad dzieckiem lub osobą, dla której ustanowiono opiekę lub powiernictwo (art.166); nadużycie władzy opiekuńczej (art.167); ujawnienie tajemnicy adopcji (art.168); nieprawne działania w zakresie adopcji (art.169); złośliwe naruszenie przepisów prawnych w zakresie pracy osoby nieletniej (ust. 2, art. 172); narażenie na niebezpieczeństwo zdrowia osób nieletnich (ust.2, art.181); naruszenie prawa do edukacji (art.183); okropne traktowanie zwierząt w obecności nieletniego (ust. 2, art. 299); zmuszanie nieletnich do udziału w tworzeniu dzieł, propagujących kult przemocy (ust.3, art.300); sprzedaż nieletnim i zmuszanie nieletnich do udziału w tworzeniu dzieł pornograficznych (ust.2, ust.3, art.300); zaangażowanie nieletniego do stworzenia lub utrzymywania miejsc rozpusty i sutenerstwa (ust. 3, art. 302); prostytutka lub zmuszanie czy zaangażowanie nieletniego do prostytutki (ust.3, art.303); wciągnięcie nieletnich w działalność przestępczą (art.304); wciągnięcie nieletniego do nielegalnego obrotu środkami narkotycznymi (ust. 3, art. 307); nielegalna produkcja, zakup, przechowywanie środków narkotycznych bez celu sprzedaży z udziałem nieletniego (ust.3, art.309); nielegalne wprowadzanie do organizmu nieletniego środków narkotycznych, substancji psychotropowych lub ich analogów (ust.3, art.314); skłonienie nieletniego do zażywania środków odurzających, substancji psychotropowych lub ich analogów (ust.2, art.315); nielegalne publiczne używanie środków odurzających w miejscach przeznaczonych do przeprowadzenia imprez edukacyjnych, sportowych i kulturalnych (art.316); zaangażowanie nieletniego w organizację lub prowadzenie miejsc do nielegalnego używania, produkcji i przygotowania środków odurzających (ust.2, art.317); zachęcanie nieletnich do używania dopingu (art.323); nakłanianie

nieletnich do używania substancji odurzających (art. 324); ludobójstwo (genocyd) (ust. 1, art. 442).

Rozważmy niektóre przestępstwa przeciwko dzieciom, przewidziane przez obowiązujący Kodeks Karny Ukrainy. Artykuł 137 KK Ukrainy przewiduje odpowiedzialność za niewypełnienie obowiązków w zakresie ochrony życia i zdrowia dzieci. Przestępstwo to polega na niewykonaniu lub nienależytym wykonaniu przez osobę jej obowiązków zawodowych lub funkcyjnych w zakresie ochrony życia i zdrowia osób nieletnich na skutek zaniedbania lub nierzetelnej postawy, które spowodowało znaczną szkodę zdrowiu poszkodowanych. Niewykonanie lub nienależyte wykonanie przez osobę jej obowiązków zawodowych lub funkcyjnych w zakresie ochrony życia i zdrowia osób nieletnich może obejmować nieudzielenie bezpłatnej pomocy medycznej lub psychologicznej, nie przeprowadzenie bezpłatnego protezowania dzieci-inwalidów, nieudzielenie niezbędnej pomocy dzieciom, chorym na HIV lub inne ciężkie schorzenia nieuleczalne, zatrudnienie dzieci bez uprzedniego badania medycznego i opinii lekarskiej o braku przeciwwskazań do wykonywania określonej pracy etc.

Odpowiedzialność za zamienienie dziecka została przewidziana w artykule 148 KK Ukrainy. Dzieckiem w tym artykule uważane jest niemowlę, czyli osoba, którą nie potrafią zidentyfikować na podstawie zewnętrznych cech indywidualnych rodzice lub inni przedstawiciele prawne (na przykład, zamienienie może wystąpić od razu po porodzie, zanim jeszcze matka zdążyła zapamiętać urodzone dziecko, lub przed przekazaniem dziecka ojcowi w przypadku śmierci matki). Zgodnie z określeniem ustawy, cudzym uważane jest dziecko, które nie jest krewne dla winnej osoby. Osobą taką nie mogą występować ani ojciec, ani matka dziecka, nawet, jeżeli któryś z nich mieszka oddzielnie od dziecka. Zamienienie dziecka to zazwyczaj zamienienie jednego dziecka nowonarodzonego w szpitalu na inne lub zamienienie jednego niemowlęcia na inne w domu dziecka etc. Przestępstwo takie obejmuje nie tylko zamienienie jednego dziecka na inne, lecz także zamienienie cudzego dziecka na własne (z powodu, na przykład stanu zdrowotnego). Zgoda rodziców (przedstawicieli ustawowych) jednego dziecka na jego zamienienie nie zmienia istoty czynu, ponieważ przy tym nieuwzględniana jest wola innych rodziców (przedstawicieli ustawowych). Zamienienie się dziećmi za wzajemną zgodą rodziców i odpowiedniego uzasadnienia może być kwalifikowane na podstawie ust. 2 art. 149 jako realizacja nieprawnej umowy w odniesieniu do osoby nieletniej.

Artykuł 150 KK Ukrainy przewiduje przestępstwa związane z eksploatacją dzieci. Zgodnie z Konwencją o Prawach Dziecka, dziecko potrzebuje szczególnej ochrony, troski i pomocy, w tym także należytej ochrony prawnej w celu wszechstronnego i harmonijnego rozwoju jego osobowości, dziecko powinno dorastać w środowisku rodzinnym, w atmosferze szczęścia, miłości i przyjaźni.

Wykorzystywanie dziecka znajduje się w wyraźnym przeciwieństwie do przywołanych wymagań. Na tym właśnie polega niebezpieczeństwo społeczne przestępstwa, przewidziane w artykule 150 KK Ukrainy. Generalnie, bowiem eksploatacja oznacza przywłaszczenie wyników materialnych pracy innego człowieka (zwłaszcza dochodu) przez właściciela środków produkcji. To znaczy, że człowiek może pracować całkiem bez wynagrodzenia lub za wynagrodzenie, które wyraźnie nie odpowiada charakteru i intensywności pracy. W ujęciu artykułu 150 KK Ukrainy pod eksploatacją dziecka rozumie się przywłaszczenie nie określonych wyników materialnych (produktów) jego pracy (dochód w postaci dóbr materialnych), a wyłącznie dochód w postaci różnicy między dochodami i kosztem produkcji. Niemniej, jeżeli osoba nie ponosi kosztów produkcji w związku z wykorzystywaniem pracy dziecięcej, to wtedy dochody przez nią uzyskane są zyskiem rzeczywistym. Należy również pamiętać, że ponieważ działalność, związana z eksploatacją dziecka, które jeszcze nie osiągnęło określonego wieku, jest w każdym przypadku nielegalna, a zatem, do kwalifikowania przestępstwa z art. 150 nie ma znaczenia czy winny zaksięgował otrzymany zysk. Powyższy przepis ustawy karnej odzwierciedla międzynarodowe zasady w tym zakresie. Dnia 5 października 2000 roku Ukraina ratyfikowała Konwencję Nr 182 dotyczącą zakazu i natychmiastowych działań na rzecz eliminacji najgorszych form pracy dzieci. Ten dokument międzynarodowy stanowi, że każde państwo, które ratyfikuje Konwencję podejmuje natychmiastowych i skutecznych środków w celu pilnego zapewnienia zakazu i eliminowania najgorszych form pracy dzieci. Każde państwo sygnatariusz po przeprowadzeniu konsultacji z organizacjami pracodawców i robotników, stwarza lub określa odpowiednie mechanizmy kontroli z wprowadzenia postanowień, które urzeczywistniają tą Konwencję.

Wracając do ustawodawstwa krajowego, chce zaznaczyć, że artykuł 155 KK Ukrainy przewiduje przestępstwo, polegające na uprawianiu stosunku płciowego z osobą, która nie osiągnęła dojrzałości płciowej. Poszkodowanym w wyniku takiego przestępstwa jest osoba płci żeńskiej lub męskiej, która nie osiągnęła dojrzałości płciowej. Osoby płci żeńskiej lub męskiej, które nie osiągnęły jeszcze 14 lat uważają się za takie, które nie osiągnęły dojrzałości płciowej. Dojrzałość płciowa jest wyłącznie pojęciem biologicznym, którego nie dotyczą czynniki społeczne, w tym zdolności do wychowywania dziecka i materialnych możliwości jego utrzymania. Niemniej jednak przestępstwem nie są stosunki płciowe z osobą, która osiągnęła wieku małżeńskiego (dla kobiet – to 17 lat, dla mężczyzn – to 18 lat). Wiek małżeński określany jest ustawą z uwzględnieniem zarówno dojrzałości płciowej jak i rozwoju psychicznego, intelektualnego i socjalnego człowieka. Kwestia osiągnięcia przez osobę w wieku od 14 lat dojrzałości płciowej jest rozstrzygana w każdym konkretnym przypadku na podstawie medycznej opinii biegłego sądowego, która w każdym przypadku jest konieczna.

KK Ukrainy przewiduje takie przestępstwa jak: uchylenie od zapłacenia alimentów na utrzymanie dzieci (art. 164) oraz złośliwe niewykonanie obowiązków w zakresie opieki nad dzieckiem lub osobą, której należy się opieka lub kuratoria (art. 166), a także czyny nieprawne, dotyczące adopcji (art. 169). Sprawcami takich wykroczeń mogą występować wyłącznie rodzice, osoby przysposabiające, opiekunowie i powiernicy. Osobą przysposabiającą dziecko może być osoba dorosła o pełnej zdolności do czynności prawnych. Opiekunem i powiernikiem dziecka może występować wyłącznie osobaposiadająca pełną zdolność do czynności prawnych. Jeżeli chodzi o przestępstwo z artykułu 169 KK Ukrainy, to podmiotem takiego przestępstwa mogą występować zarówno osoby prywatne, w tym także osoby, które chcą przysposobić dziecko, przyjmując dziecko w rodzinę w celu wychowania lub stać się opiekunem (powiernikiem) dziecka, jak i pracownicy, w tym osoby funkcyjne organów, zarządów i organizacji, w których kompetencji jest podjęcie decyzji w zakresie adopcji dzieci, przekazywania ich pod opiekę (kuratelę) lub oddanie na wychowanie w rodziny obywateli.

W rozdziale XIII KK Ukrainy przewidziana jest odpowiedzialność za przestępstwa w zakresie obrotu środków odurzających i innych przestępstw przeciwko zdrowiu ludności. Zaznaczone środki są kwalifikowane jako przedmioty przestępstw, przewidziane w odpowiednich artykułach obowiązującego KK Ukrainy, zwłaszcza: a) środki odurzające (art. 305–309, 313–320); b) substancje psychotropowe (art. 305–309, 313, 314, 315, 317–320); c) prekursory narkotyków (art. 305, 306, 311, 312, 318, 320); d) analogi środków odurzających i substancji psychotropowych (art. 305–309, 313–315, 317, 320); e) mak i marihuana (art. 310).

Przestępstwa, związane z nielegalnym obrotem środków odurzających, celując w zdrowie nieletnich, i według prawa ukraińskiego są karane bardziej surowo, w tym nielegalna produkcja, przygotowanie, nabycie, przechowywanie, transport lub przesyłanie środków odurzających bez celu sprzedaży (ust. 3 art. 309), popełnione z wciągnięciem osoby nieletniej, są karane pozbawieniem wolności na okres od pięciu do ośmiu lat. Nieprawne wprowadzenie do organizmu środków odurzających, substancji psychotropowych lub podobnych (ust. 3 art. 314), popełnione wobec osoby nieletniej, jest karane pozbawieniem wolności na okres od pięciu do dwunastu lat. Nakłanianie osób nieletnich do używania środków odurzających substancji psychotropowych lub podobnych (ust. 2 art. 315), jest karane pozbawieniem wolności na czas od pięciu do dwunastu lat. Wreszcie organizacja lub prowadzenie miejsc do nieprawego używania, produkcji lub przygotowania środków odurzających, substancji psychotropowych lub podobnych z wciąganiem w to osoby nieletniej (ust. 2 art. 317), jest karane pozbawieniem wolności na czas od czterech do ośmiu lat z konfiskatą mienia. Zachęcenie nieletnich do używania dopingu (art. 323) karane jest mandatem do pięćdziesięciu minimalnych stawek dochodu obywateli niepodlegających opodatkowaniu, lub pozbawieniem

prawa obejmować określone stanowiska, lub prowadzić określoną działalność na czas do lat trzech, ten sam czyn, dokonany przez ojca, matkę, ojczyma czy macochę, opiekuna czy powiernika, lub przez osobę, która została zobowiązana do wychowania lub sprawowania opieki nad poszkodowanym, jego trenerem, lub osobę, która wcześniej popełniła jedno z przestępstw, przewidzianych artykułami 314, 315, 317, 324 KK Ukrainy – karane jest ograniczeniem wolności do dwóch lat lub pozbawieniem wolności na taki sam okres, jeśli nakłanianie nieletnich do używania wyrządziło poważną szkodę na zdrowiu osoby poszkodowanej lub inne ciężkie następstwa, wtedy takie czyny są karane pozbawieniem wolności na okres od trzech do ośmiu lat.

Nakłanianie osób nieletnich do używania środków odurzających (art. 324), które nie są środkami narkotycznymi, psychotropowymi lub prekursorami, karane jest ograniczeniem wolności do lat trzech lub pozbawieniem wolności na taki samokres.

Przestępstwami, w których poszkodowanym może być jakakolwiek osoba, lecz których popełnienie przeciwko osoby nieletniej lub małoletniej zwiększa odpowiedzialność karną są: umyślne zabójstwo (ust. 2 art. 115); zakażenie ludzkim wirusem niedoboru odporności lub inną nieuleczalną chorobą zakaźną (ust. 3 art. 130); zakażenie chorobą weneryczną (ust. 2 art. 133); pozostawienie w niebezpieczeństwie (ust. 2 art. 135); nieudzielenie pomocy osobie, która przebywa w położeniu zagrażającym życiu (ust. 2 art. 136); przymusowe pobieranie narządów (ust. 2 art. 144); branie zakładników (ust. 2 art. 147); handel ludźmi lub inna nieprawna umowa wobec człowieka (ust. 2 i 3 art. 149); zgwałcenie (ust. 3 i 4 art. 152); zaspokojenie pożądania seksualnego przemocą w sposób nienaturalny (ust. 2 i 3 art. 153); sutenerstwo lub wciągnięcie osoby do zajmowania się prostytutką (ust. 3 i 4 art. 303); nieprawne wprowadzenie w organizm środków odurzających substancji psychotropowych lub podobnych (ust. 3 art. 314); nakłanianie osób nieletnich do używania środków odurzających, substancji psychotropowych lub podobnych (ust. 2 art. 315); organizacja lub prowadzenie miejsc do nielegalnego używania, produkcji i przygotowania środków odurzających, substancji psychotropowych lub podobnych (ust. 2, art. 317) [26].

Ponadto, w pkt. 6 art. 67 KK Ukrainy popełnienie przestępstwa przeciwko osoby nieletniej kwalifikuje się jako okoliczność obciążająca odpowiedzialność. Taka sama okoliczność jest traktowana jako znamię przestępstwa „Umyślne morderstwo” z pkt. 2 ust. 2 art. 115. Jednak określenie nie obejmuje osób nieletnich w wieku od 14 do 18 lat (Konwencja ONZ o Prawach Dziecka stwierdza, że „dziecko” oznacza każdą istotę ludzką w wieku poniżej osiemnastu lat, pod czas gdy w prawie karnym dzieckiem uznawana jest osoba w wieku do 14 lat), co nie odpowiada postanowieniom Konwencji o konieczności wzmocnionej ochrony dzieci. Każde wykroczenie przeciwko osobie nieletniej związane jest ze zwiększonym ryzykiem, ponieważ szkodzi fizycznemu i umysłowemu rozwojowi jednostki.

Zatem więc, ukraiński kodeks karny przewiduje odpowiedzialność za dość dużą grupę przestępstw, naruszających prawa i wolności dziecka. Zatwierdzenie tych przepisów jest istotne ze względu na skuteczną realizację polityki państwa w zakresie ochrony praw dziecka. Ochrona karno-prawna praw dziecka odbywa się w celu zabezpieczenia dziecka przed przemocą fizyczną, psychiczną, ekonomiczną itp.

Przemoc fizyczną wobec dziecka należy rozumieć jako umyślne, niezgodne z prawem i społecznie niebezpieczne oddziaływanie na dziecko, z wykorzystywaniem fizycznych, umysłowych i psychologicznych cech dziecka, poprzez czyny fizyczne lub bezczynność, wbrew jego woli, które powodują (lub mogą spowodować) szkody fizyczne i (lub) psychiczne dziecku, lub stwarzają możliwości do wyrządzenia takich szkód. Przemoc psychiczną wobec dziecka należy rozumieć jako społecznie szkodliwy, bezprawny wpływ na psychikę dziecka, który jest albo ostatecznym celem sprawcy, na przykład w przypadku groźby morderstwa, lub środkiem przymusu, lub polega na stłumieniu woli ofiary i zmuszenia go do określonego biernego lub aktywnego zachowania.

Więc, rozważając o przestępstwach przeciwko dziecku i ich kwalifikacjach, należy pamiętać, że przestępstwa przeciwko dziecku są zawsze nacechowane przemocą. Zgodnie ze Specjalną Częścią ukraińskiego kodeksu karnego, przemoc można podzielić na: a) przemoc w przestępstwach przeciwko życiu i zdrowiu dzieci; b) przemoc w przestępstwach przeciwko wolności, czci i godności dzieci; c) przemoc w przestępstwach przeciwko wolności seksualnej i nietykalności seksualnej dzieci; d) przemoc w przestępstwach przeciwko własnym dzieciom.

4. Kierunki i środki zwalczania przestępstw przeciwko dzieciom

Zwalczanie przestępczości przeciwko dzieciom powinno być prowadzone w trzech kierunkach: a) wywieranie wpływu na osobę skłoną do popełnienia przestępstwa przeciwko dziecku; b) Ochrona dziecka przed wiktylizacją, przestępczym wkroczeniem; ukształtowanie osobowości dziecka w taki sposób, który eliminuje negatywny wpływ i jest w stanie uniknąć, rozpoznać niebezpieczną sytuację, która może się jej zdarzyć; c) zapobieganie antyspołecznemu zachowywaniu się dzieci.

Bezpośrednie środki zwalczania przestępstw przeciwko dzieciom można usystematyzować w następujący sposób: 1) środki, mające na celu określenie przyczyn i warunków występowania przestępczości przeciwko osobom nieletnim; 2) środki zwalczania przestępczości przeciwko osobom nieletnim; 3) środki zwalczania przestępczości przeciwko określonym grupom osób nieletnich; 4) środki zwalczania przestępczości osób nieletnich.

Główne kierunki działań społecznych i państwowych na rzecz ochrony dzieci są następujące: a) tworzenie warunków eliminujących „bezprizorność” dzieci; b) stworzenie sieci instytucji prowadzących prace profilaktyczne i resocjalizacyjne z dziećmi i nastolatkami; c) wyposażenie takich instytucji niezbędnymi środkami transportu, zakładami medycznymi i bytowymi, a

także sprzętem; d) przeprowadzenie kompleksowych badań naukowych nad doskonaleniem metod pracy profilaktycznej z przestępcami młodocianymi; e) opracowanie sposobów aprobacji odpowiednich metod; f) organizowanie przekształcenia i podwyższenia kwalifikacji specjalistów ds. rodzin problemowych, dzieci ulicy i dzieci o zachowaniu aspołecznym; g) przestrzeganie przepisów dotyczących zatrudnienia dzieci; h) Rozwój gospodarki, tworzenie miejsc pracy, stworzenie socjalnych i prawnych warunków dla realizacji praw człowieka, w szczególności prawa rodziców do godne wynagrodzenie w celu zapewnienia odpowiednich warunków dla rozwoju dzieci.

5. Zakończenie

Zabezpieczenie i ochrona praw dziecka na Ukrainie – to system działań państwowych i społecznych, mających na celu zapewnienia życia pełnowartościowego, wszechstronnej edukacji i rozwoju dziecka oraz ochrony jego praw. System środków społecznych i prawnych, zwalczających przestępstwa przeciwko dzieciom uwzględnia to, że w sferze dzieciństwa istnieją różne kategorie dzieci, które mają zapewnione przez państwo ochronę praw i wolności, niezależnie od ich statusu społecznego, wykształcenia, zdrowia i innych okoliczności. Karno-prawna ochrona dzieciństwa jest integralną częścią systemu ochrony praw dzieci na Ukrainie, którego realizacja w praktyce wciąż wymaga doskonalenia, mimo tego, że wszystkie normy społeczno-moralne i prawne, dotyczące małoletnich mają na celu priorytetową ochronę praw i wolności dzieci. Najważniejsze prawo dziecka polega na życiu i wychowywaniu się w rodzinie, która sama jest naturalną podstawą społeczeństwa, – to zostało zapisane w ustawodawstwie krajowym oraz w międzynarodowych aktach prawnych, dotyczących ochrony dzieciństwa. Deklarowana troska państwa o dzieci jest ściśle powiązana z niezaprzeczalnym faktem osłabienia autorytetu rodziny i podważenia wartości rodzinnych. Poniekąd tradycyjne ochronne funkcje rodziny zostają zniszczone lub zamienione w przeciwieństwa, tworząc poważne zagrożenie dla niedojrzałej osobowości dziecka. Organy państwowe nie mogą pełnić funkcji rodzicielskich lepiej, niż to mogą robić sami rodzice.

Prawo ukraińskie ustanawia system zabezpieczenia i ochrony praw dziecka: ochrona rodziny i dzieci, stworzenie niezbędnych warunków do wychowania i normalnego rozwoju dziecka, zagwarantowanie praw i obowiązków rodziców i urzędników, obowiązek sprawowania opieki nad dziećmi, odpowiedzialność prawna za naruszenie praw i wolność dziecka, odpowiedzialność nieletnich za popełnianie przestępstw karnych. W systemie środków prawnych, które zapewniają realne istnienie powyższemu systemowi, szczególną rolę pełnią środki karno-prawne.

Legal and criminal protection of the children and implementation of children's rights in Ukraine

Abstract. The author on the basis of the applicable Ukrainian law consistently considers the following four issues: 1) the importance of legal and criminal-law protection, as well as defending the rights of the children;

2) international acts and legal acts of Ukraine regarding legal protection and protection of children's rights; 3) the current Criminal Code of Ukraine on the protection and ensuring the rights of the child; 4) directions and measures to prevent crimes against children.

* * *

Polska. Lublin. 2019. Teka komisji prawniczej. Tom xii .№2. С.127-138

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ

Последние десятилетия прошлого века и начало третьего тысячелетия характеризуется обострением внимания ученых-философов, ученых-правоведов к проблеме правовой реальности. Известный интерес в этой связи представляет осмысление подходов к определению понятия уголовно-правовой реальности.

Этимологическое значение понятия «реальный» в толковом русском словаре разъясняется как такой, который «существует в действительности, на самом деле».

В философии права различают три концепции понятия **«правовая реальность»**: 1) широкая; 2) узкая; 3) интегральная.

Представители **«широкой»** концепции понимают под правовой реальностью всю совокупность правовых феноменов: правовых норм, институтов, наличных правоотношений, правовых концепций, явлений правового менталитета и т.п., а представители **«узкой»** концепции – только базисные правовые реалии, понимая под ними либо правовые нормы (нормативная школа), либо правовые отношения (социологическая школа), либо правовые эмоции (психологическая школа). Все другие правовые феномены считаются производными от базисных. **«Интегральное»** понимание правовой реальности сводится, в общих чертах, к ее пониманию как мира права, сконструированного из множества правовых феноменов, соответственно упорядоченных в зависимости от отношения к базовому правовому феномену как своеобразной «перво-реальности» права.

Для анализа правовых явлений используется в качестве научного инструмента понятие **«правовая действительность»**. Думается, что слова «реальный» и «действительный» являются синонимами и поэтому употребление каждого из них в процессе научного анализа и синтеза оправдано.

Представляется, что исследование уголовно-правовой реальности необходимо проводить исходя из максимально возможных широких научных позиций, используя методологические приемы гносеологии, онтологии, деонтологии и аксиологии. Наверное именно такой подход позволит достичь наиболее высокого научного результата.

Прежде всего, необходимо определиться относительно понятий «уголовно-правовая реальность» и «уголовная реальность». Названные понятия, как думается, соотносятся как общее и частичное. Этимологическое содержание понятия «уголовная реальность» можно условно назвать отрицательным, ибо речь идет о тех социальных явлениях, которые противоречат действующему уголовному законодательству – преступление, преступность. Эти явления неразрывно связаны с оценкой их через призму уголовно-правовых предписаний. Поэтому, понятие «уголовная реальность» есть частью более общего понятия «уголовно-правовая реальность», в котором, в частности, органически сочетается и уголовно-правомерное поведение и уголовно-противоправное поведение как два антипода, два самостоятельных элемента. Уголовно-правомерному поведению корреспондирует позитивная (перспективная) уголовная ответственность – сознательное и добровольное подчинение деятельности субъектов уголовно-правовым предписаниям, а уголовно-противоправному поведению – негативная (ретроспективная) уголовная ответственность как принудительно исполняемая обязанность субъектов дать отчет компетентному органу государства о своем уголовно-противоправном поведении, перетерпеть его порицание и меры наказания, назначенные судом в соответствии с действующим УК, а также период наличия судимости.

«Уголовно-правовая реальность» – понятие системное, состоящее из множества элементов. При максимально возможном широком подходе к их числу можно отнести: 1) государство в лице компетентных органов; 2) уголовно-правовую идеологию; 3) уголовное законодательство; 4) уголовно-правовую ответственность; 5) уголовно-правовой порядок.

Государство как организованный аппарат, механизм управления социумом в его многообразном проявлении: общества в целом, социальных слоев, прошарков и групп, имеет отношение ко всему, что происходит на его территории, являясь доминирующим элементом уголовно-правовой реальности. Прежде всего, государство в лице его законодательного органа создает уголовное законодательство и, кроме этого, должно беспокоиться о приведении его к требованиям современного развития общества. Далее, органы уголовной юстиции, создаваемые государством, главной своей задачей имеют применение уголовного законодательства в целях обеспечения требуемого правопорядка. В третьих, государство, в лице компетентных органов, принимает участие в международном сотрудничестве в целях противодействия преступности и, в том числе, через участие в международных договорах, конвенциях, соглашениях. Корни уголовно-правовой реальности, таким образом, берут свое начало от государства.

Уголовно-правовая идеология, как элемент уголовно-правовой реальности, часть правосознания общества, представляющая собой систему научных концепций, взглядов, принципов, идей, социальных

установок, является (должна быть) основой, сердцевиной социальной системы противодействия преступности. Главным источником уголовно-правовой идеологии, при научном подходе к ее формированию, есть уголовно-правовая наука: материально-правовая, процессуально-правовая, исполнительно-правовая, криминологическая. Методологическую функцию по отношению к ним, как известно, исполняют философия, общая теория права, философия права. Осмысление на их уровне прикладных проблем противодействия преступности в значительной мере способствует выработке оптимальной модели уголовно-правовой идеологии. В этой связи необходимо заметить, что наиболее продуктивный результат научной выработки уголовно-правовой идеологии возможен при условии изучения закономерностей противоправного и правомерного поведения человека в их неразрывной связи. Как известно, уголовно-правовая идеология нередко воплощается в различные государственные программы, концепции, планы противодействия преступности.

Уголовное законодательство, в широком его понимании: материальное, процессуальное, исполнительное, должно быть воплощением, инструментом реализации уголовно-правовой идеологии, главные принципы которой определены, в первую очередь, в международном праве и Конституции. Если уголовно-правовая идеология определяет стратегические и тактические задачи противодействия преступности, то уголовное законодательство есть (должно быть) эффективным инструментом достижения этих задач. В этом, в первую очередь, проявляется его социальная ценность, как элемента уголовно-правовой реальности.

Уголовно-правовая ответственность, как элемент уголовно-правовой реальности, является логическим и органическим продолжением, результатом деятельности компетентных органов государства по созданию социальной системы, механизма противодействия преступности и обеспечения правопорядка.

В первую очередь, через выработку уголовно-правовой идеологии, уголовного законодательства, создания органов криминальной юстиции, координацию правоприменительной практики. Понимание уголовной ответственности в научной литературе сводится к ее двоаспектности: позитивная (перспективная) и негативная (ретроспективная), между которыми прослеживается определенная коррелятивная взаимосвязь. Наличие той и другой способствует укреплению правопорядка в обществе. Расширению сферы позитивной ответственности корреспондирует сужение сферы негативной ответственности, и наоборот, расширение сферы негативной ответственности свидетельствует о сужении сферы позитивной ответственности. Через призму этого определяется, главным образом, и качество уголовно-правовой реальности.

Уголовно-правовой порядок, как элемент уголовно-правовой реальности, следует понимать в двух значениях. Первое – как установленный

уголовным законодательством режим регулирования и охраны общественных отношений. Именно уголовное законодательство устанавливает общественно-полезные, общественно-допустимые модели поведения человека в обществе. Оно же и определяет реакцию компетентных органов криминальной юстиции в случае нарушения лицом уголовно-правовых предписаний.

Второе понимание – как наличный в обществе результат соблюдения или несоблюдения уголовно-правовых предписаний, характеризующийся, главным образом, категориями: состояние, структура и динамика преступности.

Комплексный подход к изучению системы элементов уголовно-правовой реальности, с использованием научных инструментов, выработанных философией, общей теорией права, философией права, уголовно-правовыми науками, позволит более глубоко познать закономерности и принципы уголовно-правового регулирования в современном обществе, что несомненно позитивно скажется на правовом обеспечении прав и свобод человека.

* * *

Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2011 года). – Москва: Проспект, 2011. – С. 426-429.

SPOŁECZNO-PRAWNA OCENA EUTANAZJI W UKRAINIE

Rozwój naukowego-technicznego postępu stawia przed nauką nowe problemy społeczne, które wymagają swego pojmowania i opracowania właściwych mechanizmów ich rozwiązania. Do grupy tych problemów, zwłaszcza, należą problemy: transplantacji, inseminacji, zmiany (korekcja) płci, eutanazji.

W literaturze umyślne pozbawienie życia nieuleczalnie chorego człowieka w celu uwolnienia od cierpień wykorzystywano różnych terminów: „ewtanazja”, „ejtanazja”, „eutanazja”. Termin „eutanazja” użyto w ust. 3 art. 52 „Podstaw ustawodawstwa Ukrainy w sprawie ochrony zdrowia” od 19 listopada 1992 r. Więc, jego użytek w naukowych badaniach zyskał legalnego statusu, co bazuje się na etymologicznym znaczeniu tego słowa. To znaczenie ujawniają w literaturze, wychodząc z dwóch greckich słów: „eu” – dobrze i „tha’natos” – śmierć

Po raz pierwszy analizowane pojęcie było wprowadzono do obiegu naukowego angielskim filozofem Francisem Bekonem (1561-1625) do określenia „dobrej, spokojnej i lekkiej śmierci bez męk i cierpień”. Czasami taką śmierć w źródłach naukowych nazywają „dobrą”, „słodką”, „lekką”.

Eutanazja jako sposób wyrządzania śmierci znana z siwej dawności. Ona była stosowana, jak świadczą historyczne i literackie źródła, w praktyce szeregu plemion i dawnych państw. Zwłaszcza to dotyczy indyjskich plemion i Sparty. Spartanie, na przykład, zabijali te dzieci, które rodziły się wątłe albo chore, a Indianie zabijali albo zostawiali na śmierć od chłodu czy głodu ludzi w starszym wieku.

Rozróżniają eutanazje aktywną i pasywną. Przy eutanazji aktywnej śmierć nieuleczalnie chorej osobie wyrządza się w celu uwolnienia od cierpień lekarzem, krewnym, inną osobą przez wprowadzenie tej osobie leczniczych środków w nadmiernej dawce albo innych środków, lub dokonywania innych działań, co doprowadza do nadejścia śmierci takiej osoby. Temu ten rodzaj eutanazji nazywają czasami „metodą napełnionej strzykawki”.

Pasywna eutanazja sprowadza się do wstrzymania lekarzem, krewnym, inną osobą nadania pomocy medyczej nieuleczalnie choremu w celu uwolnienia od cierpień, co doprowadza do nadejścia śmierci takiej osoby, a temu ten rodzaj eutanazji czasami nazywają „metodą odłożonej strzykawki”.

Eutanazję można również klasyfikować na przymusową, kiedy ona spełnia się co do osoby wbrew jej woli i nie przymusową, kiedy istnieje prośba albo zgoda osoby na przedwczesne wstrzymanie jej życia.

Dziś pytanie eutanazji, a w prawnym określeniu o prawo człowieka na śmierć, należy do liczby kontrowersyjnych. Zaznaczymy, że przy tym nikt nie zaprzecza prawa człowieka do naturalnej śmierci, kiedy proces umierania człowieka trwa bez zewnętrznego jego przyśpieszenia.

Eutanazja nie uzgadnia się z prawem kanonicznym, zgodnie którego tylko Bóg rozwiązuje zagadnienie o życiu czy śmierci człowieka. Nie przypadkowo Papież Jan Paweł II przyzywał zobaczyć w eutanazji nie tylko praktykę, którą trzeba odrzucić, a i „dramatyczne wezwanie, rzucone wszystkim ludziom dobrej woli, do natychmiastowej mobilizacji”. W swojej dziesiątej encyklice „*Veritas splendor*” (1993r.), Papież stawia eutanazję do jednego szeregu z ludobójstwem, fizycznymi i moralnymi drwinami. Jednym z przykazań Boskich jest przykazanie „Nie zabijaj”. Więc, sztuczna ingerencja człowieka w rozwiązanie pytania o śmierci człowieka jest grzechem. Idea eutanazji nie została przyjęta społecznym morałem absolutnej większości cywilizowanych państw świata.

Wśród uczonych-medyków, lekarzy, uczonych prawników nie ma jednomyślności co do oceny eutanazji. Zwłaszcza znany uczony, doktor medycyny, profesor G.A. Iwaszkewycz uważa, że w świecie znajdują się wiele przeciwników eutanazji nie tylko przez lęk przed prawem, a dlatego, że u każdego normalnego człowieka, tym więcej lekarza, istnieje bardziej wysokie wewnętrzne prawo, które stale twierdzi „nie zabijaj” [1, s.93]. Swoją pozycję G.A. Iwaszkewycz uzasadnia nie tylko amoralnością eutanazji, ale i tym, że problem eutanazji wiąże się z transplantacją, co stwarza podgruncie dla możliwych nadużyć nawet przy dosyć doskonałym prawnym uregulowaniu procedury jej dokonania.

Odmennej pozycji dotrzymują się profesor S.J. Dolecki – dziecięcy chirurg i profesor W.I. Akopow – kierownik katedry medycyny sądowej instytutu medycznego miasta Rostów (Rosja). Tak, na myśl, S.J. Doleckiego walka za życie pacjenta jest usprawiedliwiona tylko do tego czasu, jak długo istnieje nadzieja, że poratunek jest możliwy. Jeżeli tę nadzieję utracono, to z tego momentu powstaje prawo do miłosierdzia, które zostaje zrealizowane za pomocą eutanazji. Dlatego, uważa on, eutanazja jest sprawiedliwym, jedynie wiernym środkiem co do nieuleczalnie chorych, sparalizowanych, debili, pacjentów, istnienie których trwa tylko za pomocą życiopodtrzymujących medycznych aparatów, noworodków z zanikiem mózgu, płodów ciężarnych kobiet, jeżeli została ustalona ich deformacja czy niezgodne z życiem patologiczne naruszenia, ponieważ człowiek różni się od zwierząt rozsądkiem i moralą [2]. J. Dmitrijew i E. Szleniowa stwierdzają, że biologiczno-medyczny aspekt eutanazji polega na tym, żeby wyraźnie wyznaczyć koło pacjentów co do których docelowo ją zastosować [3, s. 42]. Dana pozycja nawołuje się z wizją problemu znanym szwajcarskim profesorem Bertrendem Baertszi, który energicznie broniąc ideę eutanazji, klasyfikuje ludzi na osobistości i nieosobistości, zaliczając do ostatnich ludzkie embriony, śmiertelnie chorych dzieci, dorosłych, które cierpią od nieuleczalnych chorób i uświadamiają to, a również tych, kto jest podłączony do aparatury medycznej, która podtrzymuje ich zdolność do życia. Takich osób, uważa B. Baertszi, należy umartwiać nawet wbrew ich woli dlatego, że oni „genetycznie nie mają woli do życia” [4, s. 22]. Takie podejście przypomina początek dwudziestego stulecia, kiedy znacznego rozpowszechnienia zyskały znane eugeniczne teorie. Do ich podstawy były położone domniemania o biologicznym zwyrodnieniu człowieka. Genetyczny wpływ na dziedziczność człowieka rozpatrywany był jako środek uniwersalny przeciwstawiania się zwyrodnieniu człowieka. W związku z tym praktykowane w USA z 1899 roku, w Danii z 1929 roku, w Niemczech z 1933 roku środki kryminalnej eugeniki pod postacią kastracji i sterylizacji. W USA w ciągu lat 20-30 było przeprowadzono więcej 60 000 kastracji i sterylizacji „genetycznie niepełnowartościowych indywiduumów” [5, s. 124; 6, s. 38–39]. Jeszcze bardziej radykalną, w istocie potworną, była na początku stulecia dwudziestego idea Bindinga i Gochea o eutanazji jako środka do likwidacji „niepełnowartościowych” ludzi, którą w pełni wykorzystali faszystowscy ideolodzy w Niemczech dla stworzenia nazistowskiego programu „Eutanazja”, zatwierdzonego Dekretem od 1 września 1939 roku. Odpowiednio do tego programu, jak w Niemczech tak i na okupowanych terytoriach, podporządkowywały się likwidacji noworodki z „nieprawidłowym rozwojem”, psychicznie chore, chore na gruźlicę albo złośliwe nowotwory, inwalidy, nieuleczalnie chore, a także przedstawiciele „niepełnowartościowych” narodów – żydzi, cygani, polacy, ukraińcy i rosjanie. Z tym celem był stworzony specjalny „przemysł” uśmiercenia pod postacią gazowych cel, krematoriów, obozów koncentracyjnych [7, s. 28]. Tylko w Niemczech, w

granicach programu „Eutanazja”, jak twierdzi S. Tasakow, było odprawiono do gazowych cel 275 tysięcy upośledzonych umysłowo i umysłowo chorych ludzi [3, s. 42]. Prawda, Wiktor Kirchmajer zaznacza, że nazistowski program likwidacji nieuleczalnie chorych i przedstawicieli „rasowo niepełnowartościowych” narodów była po raz pierwszy wspomniana w 1933 roku w Dekrecie „O obronie zdrowia narodu” [8]. Międzynarodowy trybunał w Norymberdze kwalifikował taką działalność jako przestępstwa przeciw ludzkości. Ta lekcja historii sprawiedliwie oburza ludzką świadomość i dziś, kiedy problem eutanazji w teoretycznym i praktycznym planie stał się jednym z aktualnych, „modnych”. On również zastrzega ludzkość od pośpiesznego postrzegania „modnych” idei i koncepcji dla jakiejś częściowej, hipotetycznej korzyści, nie potwierdzonej naukowo uzasadnioną socjalną prognozą. Oprócz tego, jest on jaskrawym przykładem tego, kiedy takiego rodzaju idei czy koncepcji mogą być doprowadzone do niehumanitarnego, absurdałnego wariantu.

W prawnej literaturze problem eutanazji rozpatrywany przeważnie przez pryzmat praw człowieka i tu przeważa myśl, że aktywna eutanazja jest przestępcza. Jeżeli prawo człowieka do życia uznane na międzyradowo-prawniczym poziomie, to prawo człowieka do przedterminowej, przedwcześniejszej śmierci, konieczność uznania którego broni szereg naukowców i praktyków nie znajduje wsparcia jak na międzynarodowo-prawniczym poziomie tak i na poziomie absolutnej większości cywilizowanych państw. Zwłaszcza, w Deklaracji o eutanazji, przyjętej 39-ą Światową medyczną assembleją w 1987 roku w m. Madrycie zaznaczono, że eutanazja, czyli „akt umyślnego pozbawienia życia pacjenta, nawet gdy zrobione na podstawie osobistej prośby ofiary czy na podstawie prośby jego bliskich krewnych, jest nieetyczny. To jednak nie zwalnia lekarza od przyjęcia pod uwagę pragnienia pacjenta, żeby naturalne procesy umierania szły swoim przebiegiem w końcowej fazie choroby” [9, s. 391]. W Przepisie o samobójstwie za pomocą lekarza, przyjętemu na 44-j Światowej medycznej assembleji w m. Marbella (Hiszpania) we wrześniu 1992 roku, rozjaśnia się, że „jeżeli pomoc lekarza świadomie skierowana na nadanie indywiduumowi możliwości popełnić samobójstwo, to lekarz działa nieetycznie. Jednak prawo zrezygnować z leczenia jest głównym prawem pacjenta, i lekarz nie czyni nieetycznie nawet wtedy, kiedy wykonanie takiego pragnienia doprowadzi do śmierci pacjenta” [10]. Podane przepisy można zrozumieć i tak, że światowe medyczne społeczeństwo wypowiedziało się przeciw aktywnej eutanazji dopuszczając możliwość pasywnej eutanazji, co przeczy „Przysiędze Hipokratesa”, gdzie główną zasadą lekarskiej działalności określono zasadę „*primum non nocere*” – przede wszystkim nie zaszkodzić choremu.

Sprzeczne poglądy na eutanazję z moralno-etycznych i medycznych pozycji wywoływały i sprzeczną prawną ocenę tego zjawiska, co nie mogło nie znaleźć swój odcisk w ustawodawstwie różnych państw świata. Tak w 50-ciu US stanach uchwalone ustawy, które pozwalają pasywną eutanazję.

Pierwszą w świecie ustawę „O prawie człowieka na śmierć” było uchwalono, po długich omawianiach na referendach, w 1977 roku w Californii. Odpowiednio do tego prawa nieuleczalnie chora osoba ma prawo do odłączenia reanimacyjnej aparatury, załatwiwszy formalnie odpowiedni dokument, co zaświadcza takie jej pragnienie. W Oregon czynna ustawa „O prawie do godnej śmierci”. Artykuł 2 tej ustawy przewiduje, że pełnoletnia, zdolna do działania osoba, mieszka w Oregon i uznana przez leczącego lekarza i konsultujących lekarzy taką, co cierpi na nieuleczalną chorobę i która dobrowolnie wyraża swoje pragnienie umrzeć, może podać pisemną prośbę o nadaniu leków, żeby humanitarnie i godnie umrzeć. Prośba o nadanie leków powinna być podana w formie pisemnej i załatwiona formalnie odpowiednio wymóg tej ustawy, podpisana pacjentem i zaświadczona co najmniej 2 świadkami, które w obecności pacjenta zaświadczenia, że, na ile oni są zorientowane i przekonane, pacjent jest zdolny do działania, działa dobrowolnie i jego nie zmuszają podpisywać prośby.

Prawo ustala znaczące koło ograniczeń co do tego, kto nie może być uznany za świadka. Tak, chociażby jednym ze świadków musi być osoba, która nie jest :

- a) krewnym pacjenta po krwi, ślubie albo adopcji;
- b) osoba, która na moment podpisania prośby będzie mieć prawo do części majątku pacjenta po jego śmierci według testamentu lub według prawa;
- c) właścicielem albo pracownikiem instytucji ochrony zdrowia, gdzie pacjent otrzymuje medyczne leczenie albo stale tam przebywa.

Oprócz tego, nie ma prawa występować w jakości świadka leczący lekarz pacjenta.

Jeżeli bowiem pacjent długi czas przebywa w zakładzie medycznym, to podczas złożenia prośby jednym ze świadków musi być osoba, która jest przeznaczona tą instytucją i ma kwalifikację, która jest określona Departamentem [11].

Pasywna eutanazja nie jest uważana za przestępstwo w Szwecji i Finlandii, w 50-ju US stanach, jak już było zaznaczono, w Belgii i Niderlandach ona jest dozwolona prawem. Tak tylko w 2000 roku w Niderlandach oficjalnie zarejestrowano 2216 wypadków eutanazji.

W większości państw świata eutanazja albo nie przewidziana prawem lub zabroniona nim, jak to, na przykład, zrobiono w Anglii, Włoszech, Rosji i Ukrainie.

Na przykład, w Anglii po długich omawianiach uchwalono ustawę o bezwzględnym zakazie wszystkich rodzajów eutanazji w medycznej praktyce. Jednak 1999 roku w Medycznym czasopiśmie wielkiej Brytanii podaje się porada medycznym pracownikom wstrzymania leczenia beznadziejnych pacjentów przy obecności zgody ich bliskich krewnych. Medycznemu personelowi dozwolono podejmować takie decyzje z motywów współczucia do chorego [12, s. 50-51].

Od września 1996 r. po marzec 1997 r. na Północnym terytorium Australii działało prawo, pozwalające stosowanie eutanazji na tym terytorium. W Szwecji i Finlandii pasywna eutanazja przez wstrzymanie bezcelowego wsparcia życia nie uważana za sprzeczną z prawem. Jednak podstawą dla podjęcia lekarzem decyzji o wstrzymaniu leczenia jest wolne i świadome wyrażenie woli pacjenta. Analogiczne prośby od bliskich krewnych pacjenta, który znajduje się w nieświadomym stanie, jest prawniczo nieważne. Jednak w Szwecji, chociaż lekarz i nie może umyślnie sprzyjać śmierci pacjenta, on nie musi podejmować żadnych wysiłków co do sztucznego wsparcia życia. W skrajnym wypadku on ma prawo nawet podjąć decyzję co do odłączenia aparatu oddychania zastępczego. W Szwajcarii dozwolono nadawanie pomocy przy samobójstwie przez stosowanie eutanazji, jeżeli pełnoletni pacjenci silnie cierpią i to jest ich stanowcze, dobrowolne i świadomie wypowiedziane pragnienie.

W Ukrainie kodeks karny Ukraińskiej RSR 1922 roku w adnotacji do art. 143 zawierał normę, która ustalała, że morderstwo, dokonane pod wpływem nalegań zabitego z uczucia żalu, nie podlega karze. Jednak ta norma była czynna tylko do 3 stycznia 1923 roku, kiedy była skasowana [13, art. 553; 14, s. 15].

Zgodnie do ust. 3 art. 52 „Podstaw ustawodawstwa Ukrainy w sprawie ochrony zdrowia” (dalej – Podstaw) **medycznym pracownikom** „zabrania się dokonania eutanazji – umyślnego przyspieszenia śmierci albo uśmiercenia nieuleczalnie chorego w celu uwolnienia od cierpień”.

We współczesnej teorii prawa karnego Ukrainy i w prawostosowanej praktyce uznano, że zgoda innego człowieka na pozbawienie jego życia, albo obecność jego prośby o pozbawienie życia, nie usuwa sprzeczności z prawem działania, skierowanego na pozbawienie życia takiego człowieka i nie zwalnia podmiota, który to dokona, od odpowiedzialności karnej. Jednak powstaje kwestia o kwalifikacji eutanazji za odpowiednim artykułem Szczególnej części KK Ukrainy.

Przy **aktywnej eutanazji** pod postacią „morderstwa z miłosierdzia” działania winnego jest umyślne, a temu za obecnością wszystkich innych oznak składowej przestępstwa, dokonane należy kwalifikować, zależnie od okoliczności sprawy, według ust. 1 albo 2 art. 115 KK Ukrainy. Co do „samobójstwa”, z uczestnictwem medycznego pracownika (innego podmiota)” i samobójstwa bez uczestnictwa medycznego pracownika (innego podmiota), kiedy on tylko nadaje choremu konieczne środki dla samobójstwa, to podstaw dla odpowiedzialności karnej medycznego pracownika (innych podmiotów), jak wydaje się, nie ma. W takich sytuacjach medyczny pracownik (inna osoba) jest współsprawcą samobójstwa, które nie jest przestępstwem zgodnie obowiązującego KK Ukrainy. Właściwie przypomnieć, że art. 462 Kryminalnego ułożenia Rosyjskiego imperium 1903 roku, przewidywało uwięzienie w zakładzie poprawczym w terminie do 3 lat albo uwięzienia w twierdzy w terminie

do 1 roku za nadanie środków do samobójstwa, jeżeli w wyniku tego, ono było dokonane. We współczesnych państwach zestaw przestępstwa skłaniania do samobójstwa, wspomaganie samobójstwa, przewidziane, szczególnie, czynnymi kryminalnymi kodeksami: Austrii (§ 78); Bułgarii (art.127); Holandii (art.294); Hiszpanii (ust.3 art.143); Szwajcarii (art.115); Danii (§240), Polsce (art.151). Artykuł 146 KK Białorusi przewidują zestaw przestępstwa «Skłaniania do samobójstwa». Kodeks karny Federalnej Republiki Niemiec (§216) przewiduje karę pozbawieniem wolności terminem od sześciu miesięcy do pięciu lat za umyślne morderstwo wskutek katerycznej uporczywej próby poszkodowanego o pozbawienie jego życia.

Spoleczne niebezpieczeństwo skłaniania do samobójstwa i pomocy samobójstwu jest oczywista i temu docelowo, biorąc pod uwagę doświadczenie zagranicznych państw, ustalić odpowiedzialność karną za ich dokonywanie, uzupełniwszy kodeks karny, na przykład art.120 KK Ukrainy, normą w takiej redakcji: „Organizacja samobójstwa, kierowanie jego przygotowaniem czy dokonywaniem, namowy do samobójstwa, a również wspomaganie samobójstwu, – karany...”. Co dotyczy **namawiania** do samobójstwa osoby, która nie uświadamia znaczenia swoich działań, to trzeba pogodzić się z myślą uczonych, które proponują kwalifikować takie działania jak umyślne morderstwo.

Odnosnie do „pasywnej eutanazji” w prawnej literaturze wyrażone zdanie o możliwość kwalifikacji beczynności winnego w takich wypadkach jak nienadanie pomocy choremu (w Ukrainie art. 136 i 139 KK). Co do kwalifikacji beczynności winnego przy „pasywnej eutanazji” za art.art.136 albo 139 KK powstają pewne trudności. Oni są określone, w szczególności, stosowaniem ustawodawcą pojęć „wiadomo” (art.136) i „zawczasie wiadomo”(art. 139). Pierwszym, co zwraca na siebie uwagę, jest niezgodnienie danych pojęć z przepisami artykułów rozdziału piątego Ogólnej części KK Ukrainy „Wina i jej formy”, gdzie nie przewidziano takiej formy czy rodzaju winy. Wydaje się, że nie ma podstaw kwestionować metodologiczne znaczenie artykułów danego rozdziału dla Szczególnej części KK Ukrainy, które ustawodawcą w tym wypadku zignorowane. Drugim, w wynniku pierwszego niezgodnienia, jest różne rozumienie tych pojęć w doktrynie prawa karnego. Tak O.O.Dudorow, odnośnie do art.139 KK Ukrainy, uważa, że pod pojęciem „ zawczasie wiadomo” trzeba rozumieć umyślne dokonywanie beczynności; M.I. Chawryniuk, odnośnie ust. 3 art. 136 KK Ukrainy, – umyślne dokonywanie beczynności, a stosunek co do skutków przejawia się tylko w nieumyślnej formie winy; P. P. Andruszko odpowiednio – umyślne dokonywanie beczynności, a stosunek do skutków przejawia się w nieostrożności (co do art.136 KK) i umyślne dokonywanie beczynności (art.139 KK); autorzy „Naukowo-praktycznego komentarza do Kodeksu karnego Ukrainy”, przygotowanego instytutem generalnej prokuratury Ukrainy, odpowiednio – umyślne dokonywanie beczynności, a co do skutków – wina przejawia się w formie nieostrożności (art.136 KK) i umyślne dokonywania beczynności (art.139 KK).

S.W.Borodin pod pojęciem „wiadomo” upatruje dwa rodzaje winy: zamiar ewentualny i przestępcza lekkomyślność, a O.M.Krasikow – trzy rodzaje winy: przestępcza lekkomyślność, zamiar ewentualny, a co do niektórych wypadków i zamiar bezpośredni. Na myśl M.I.Bażanowa, pojęciem „wiadomo” ogarnia się umyślne dokonywanie beczynności, a co do skutków możliwa jak umyślna tak i nieostrożna forma winy (art.136 KK), a co do art.139 KK – umyślne dokonywanie beczynności albo przy obecności przestępczej lekkomyślności. Taka niejednorodność poglądów uczonych daje podstawy twierdzić, że w tym wypadku granicy prawomocności rozmyte, a prawa człowieka są nie zabezpieczone we właściwy sposób. Oczywiście, że nie przypadkowo ustawodawca Federacji Rosyjskiej, ze względu na trudność przeanalizowanego powyżej problemu, a także trudności w odgraniczaniu nienadania pomocy od umyślnego morderstwa i morderstwa przez nieostrożność przy beczynności, wskazał w dyspozycji ust. 2 art. 124 KK FR „Nienadanie pomocy choremu” na nieostrożną formę winy co do skutków pod postacią nadejścia śmierci poszkodowanego. Jak już zaznaczało się powyżej, utanazja, zgodnie ust.3 art. 52 Podstaw i Deklaracji o eutanazji, jest **działaniem umyślnym**. Przy dokonywaniu eutanazji osoba uświadamia społecznie niebezpieczny charakter swego działania, przewiduje nadejście śmierci poszkodowanego i pragnie lub świadomie przypuszcza jej nadejście. Nieostrożny stosunek podmiota co do nadejścia śmierci poszkodowanego w tym wypadku wyłącza się. Więc, umyślne nienadanie (przestępcza beczynność) medycznym pracownikiem (innym podmiotem) pomocy choremu (pasywna eutanazja) **w celu wyrządzenia jemu śmierci**, jak na prośbę poszkodowanego, tak i za jego zgodą, lub bez zgody, co doprowadziło do takiego skutku, należy kwalifikować jak umyślne morderstwo za ust.1 art.115 KK. Nie wyłącza się kwalifikacja dokonanego, zależnie od okoliczności sprawy, za p.p. 2, 4, 6, 8, 9, 11, 12 ust.2 art.115 KK. Podana kwalifikacja działań medycznych pracowników nie dotyczy tych wypadków, kiedy pacjent w ustalonym trybie nie daje zgody na medyczną ingerencję. Zgodnie art.43 „Podstaw ustawodawstwa Ukrainy w sprawie ochrony zdrowia” taka zgoda jest obowiązkowa dla diagnostyki, profilaktyki i leczenia. Co do pacjenta, co nie dosięgł wieku 15 lat, a także przyznanego w ustalonym prawem trybie ubezwłasnowolnym, medyczna ingerencja następuje za zgodą ich prawnych przedstawicieli. W tych wypadkach, jeśli pacjent umiera, nadejście jego śmierci odbywa się mimo woli lekarza, czyli jego wina jest nieobecna, a więc i nieobecny zestaw przestępstwa, jak podstawa pociągania lekarza do odpowiedzialności karnej. Ze względu na specyfikę służbowych funkcji medycznego pracownika, a także i farmaceutycznego pracownika, na których został położony szczególny obowiązek – troska o życie i zdrowie człowieka, które odpowiednio do art.3 Konstytucji Ukrainy są w liczbie najwyższych socjalnych wartości w Ukrainie, wydaje się za celowe przewidzieć w ust.2 art.115 KK odpowiedzialność za dokonywanie umyślnego morderstwa medycznym albo farmaceutycznym pracownikiem przy wykonaniu

nimi swoich służbowych obowiązków. Oprócz tego, w art. 119 KK koniecznie jest przewidzieć zwłaszcza wykwalifikowany rodzaj morderstwa przez nieostrożność – morderstwo przez nieostrożność, dokonane medycznym albo farmaceutycznym pracownikiem przy wykonaniu nimi swoich służbowych obowiązków. Jest nadzieja, że wniesienie zaznaczonych powyżej dopełnień do czynnego KK Ukrainy będzie sprzyjało wzmacnianiu obrony prawa człowieka na życie w Ukrainie.

1. Ивашкевич А.Г. Преступление без наказания. – Львов: Край, 1995.
2. Долецкий С. Комсомольская правда. 27 марта 1992 г.
3. Тасаков С. Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Российская юстиция. – 2003. – № 2.
4. Ярослав Ясен. Кінець Доктора Смерті // Політика і культура. – 1999. – № 9.
5. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М.: ИНФРА-М. – НОРМА, 1997. – С. 124.
6. Фролов И.Т. Современная наука и гуманизм. – М.: Знание, 1974. – С. 38-39.
7. Астахова В. Эвтаназия: за и против // Здоровоохранение. – 2001. – № 1.
8. Виктор Кирхмайер. Почему в Германии отвергают эвтаназию? Обзор «Немецкой волны». 11.04.2001.
9. Медичне право України: Збірник нормативно-правових актів / упорядник Н.Б. Болотіна. – К.: Видавничий дім «ІН Юре», 2001.
10. World Medical Association Statement on Physician-Assisted Suicide. Adopted by the 44th World Medical Assembly, Madrid, Spain, September 1992 // www.wma.net/e/policy17-p_e.html.
11. Закон штату Орегон «Про право на гідну смерть» 1994 року. Введено в дію 27 жовтня 1997 року // www.fnalexit.org/legal.html.
12. Соломин В., Пахомов А., Калмыков М., Бернаскони Е., Джалагония В., Шишкин Г. Быть или не быть? Вот в чём вопрос... // Эхо планеты. – 2000. – № 50–51.
13. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства Украины. – 1922. – № 36. – Ст. 553.
14. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства Украины. – 1923. – № 1. – С. 15.

* * *

Abiit, non obiit // Księga Poświęcona Pamięci. – Lublin, 2013. – P. 743-752.

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Понятия, как известно, исполняют роль триединого инструмента: а) научного познания; б) законодательной деятельности; в) правоприменительной практики. Закономерно возникает вопрос, что следует понимать под понятием «уголовная ответственность человека».

В науке уголовного права наблюдается достаточно широкий диапазон мнений, единого понимания феномена «уголовная ответственность», к сожалению, не выработано. Это понятие продолжает оставаться источником оживленной дискуссии. Неоднозначная трактовка уголовной ответственности, ее оснований, принципов, форм и стадий реализации не только не способствует дальнейшим научным исследованиям соответствующей уголовно-правовой проблематики, но и в определенной степени неблагоприятно влияет на правоприменительную и законодательную практику.

Нередко ученые-криминалисты отмечают, что уголовная ответственность является сложным, объемным уголовно-правовым явлением. С такой оценкой нет оснований не соглашаться, она является верной и обоснованной. Вместе с тем нельзя не заметить разного видения его «сложности» и «объемности».

Исходя из нормативно-теоретической основы исследования, как представляется, можно выделить три уровня научного анализа означенной проблематики: а) *микроуровень* – выяснение содержания понятия феномена уголовно-правовой ответственности лишь на базе действующего уголовного законодательства, практики его применения и соответственно доктрины уголовного права; б) *макроуровень* – на основе трех отраслей законодательства: уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и практики его применения, а также, разумеется, соответствующих их научных доктрин и правоприменительной практики; в) *мегауровень* – на основе международного права, конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и законодательства смежных отраслей, институты которых имеют прямое отношение к реализации уголовной ответственности, а также практики применения соответствующего законодательства и соответствующих доктрин права.

Первый из этих уровней – *микроуровень* – применяется всеми учеными. Иногда на этом уровне речь идет также об уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, в частности при исследовании форм и стадий негативной (ретроспективной) уголовной ответственности.

Признание феномена уголовно-правовой ответственности лишь как негативной (ретроспективной) и отрицание или замалчивание при этом

наличия феномена позитивной уголовной ответственности можно определить как узкий подход к исследованию рассматриваемой проблемы. Такой подход является достаточно распространенным в науке уголовного права.

В контексте микроуровневого анализа обращает на себя внимание предложение различать уголовную ответственность и ответственность в уголовном праве. Первая из них традиционно определяется как негативная (ретроспективная), а вторая – охватывает как негативную (ретроспективную) так и позитивную (перспективную) уголовную ответственность. Как представляется, такой подход к разграничению понятий феноменов «уголовная ответственность» и «ответственность в уголовном праве» не может служить универсальным к наиболее полному решению комплекса проблем теоретико-прикладного плана, связанных с уголовной ответственностью. Думается, в этом случае имеет место умозрительный переход от одного уровня неопределенности к другому.

Термины «уголовная», «уголовное», «уголовный» в юридической литературе используются как в положительном, так и в отрицательном смысле (например, «уголовная среда», «уголовная субкультура», «уголовный бизнес» и т.д.). Понятие «уголовная ответственность человека» можно трактовать как в положительном, так и в отрицательном смысле. В отрицательном смысле – как ответственность «по понятиям», имеющая место в организованных преступных структурах и осуществляемая ими. Поэтому более удачным, оправданным в научном плане представляется понятие «уголовно-правовая ответственность человека».

В уголовно-правовой литературе, так же как в философской литературе и литературе по общей теории права и философии права, четко прослеживается подход к выделению и анализу двух видов (аспектов) уголовно-правовой ответственности человека: негативной (ретроспективной) и позитивной (перспективной).

Второй возможный уровень исследования понятия феномена уголовно-правовой ответственности человека – *макроуровень*, который предусматривает максимально возможное, гармоничное использование триединой нормативной основы: уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства и соответствующих им правоприменительной практики и доктрины права.

Исходя из триединой законодательной базы – материально-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной – есть смысл, как представляется, обсудить вопрос о целесообразности выделения трех составляющих единой ретроспективной (негативной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) материально-правовой; 2) процессуально-правовой; 3) исполнительно-правовой.

Третий возможный уровень исследования понятия феномена уголовно-правовой ответственности человека – *мегауровень*. В этом случае нормативная основа исследования уголовно-правовой ответственности

может быть наиболее полной: международное право, конституционное, административное, финансовое, трудовое, гражданское, процессуальное законодательство и другие отрасли законодательства. Естественно, основу в этом случае составили бы также соответствующая доктрина права и практика применения законодательства. Именно этот уровень мог бы охватить исследованием всю палитру общественных отношений, в которых или с помощью которых прямо или косвенно реализуется уголовно-правовая ответственность человека.

Развитие демократического, правового и социально сориентированного государства, гражданского общества объективно требует исследования общественного механизма как противоправной, так и правопослушной формы поведения человека на всех их уровнях. Это позволит более эффективно противодействовать преступности.

При анализе философско-правового аспекта уголовной ответственности, то нельзя не заметить, что категории «юридическая ответственность» парной категорией является «юридическая безответственность», по отношению же к категории «уголовно-правовая ответственность» парной категорией является «уголовно-правовая безответственность».

Уголовно-правовую безответственность можно определить как неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом уголовно-правового запрета, уголовно-правовой обязанности или ненадлежащее использование своего уголовно-правового субъективного права. Иными словами, речь идет об уголовно-безответственном поведении человека в рамках правового поля через призму его правовых обязанностей и определенных законодательством субъективных прав.

* * *

Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (24-25 января 2013г.). – Москва: Проспект, 2013. – 424 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

В науке уголовного права наблюдается достаточно широкий диапазон мнений по этому вопросу, и единого доктринального понимания понятия феномена «уголовная ответственность», к сожалению, не выработано. Это понятие продолжает оставаться источником оживленной дискуссии ученых. Неоднозначное понимание понятия «уголовная ответственность», ее оснований, форм и стадий реализации не способствует как дальнейшим научным исследованиям уголовно-правовой проблематики, так, в определенной степени, неблагоприятно влияет на правоприменительную и законодательную практику.

Уголовно-правовая ответственность человека является следствием его поведения. Поэтому безусловным методологическим подходом к исследованию уголовно-правовой ответственности человека является анализ данной проблематики с учетом максимально возможного установления закономерностей как уголовно-противоправного, так и уголовно-правопослушного поведения человека в их неразрывной связи.

Изложенное выше позволяет определить общее понятие феномена «уголовно-правовая ответственность» как двухаспектного социального явления — позитивно-негативного. Уголовно-правовая ответственность человека — это вид ее юридической ответственности, представляет собой реализованную необходимость сознательного и добровольного использования человеком своего права, исполнение обязанности, соблюдение запрета, содержащихся в уголовно-правовых нормах, а в случае их нарушения — необходимость претерпевания нарушителем предписаний этих норм принудительных мер правового воздействия, предусмотренных ими и применяемых компетентными органами государства в установленных процессуальным и исполнительным законодательством формах и пределах.

Относительно позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека мнения ученых разделились. Многочисленными являются как ее противники, так и ее сторонники, однако, как показал анализ их научных взглядов, ни тем, ни другим не удавалось привести убедительных аргументов в пользу своей научной позиции. Эта проблема уголовно-правовой науки «неудобная», поскольку требует глубоких специальных знаний, которые являются предметом изучения других наук: философии, психологии, этики, социологии, философии права, общей теории права, других отраслевых правовых наук. Логическим выходом из такой ситуации может стать специальное, комплексное, межатраслевое (синергетическое) исследование проблематики уголовной ответственности человека с привлечением ученых из названных областей знаний.

Исследование закономерностей уголовно-правовой ответственности человека необходимо осуществлять через призму природы человека, его бытия и поведения. В доктрине уголовного права сложилась* ситуация, при которой практически только уголовно-противоправное поведение человека является главным объектом исследования, хотя определенное внимание уделяется и уголовно-правопослушному поведению. Вместе с этим только, выяснение закономерностей уголовно-правопослушного поведения человека в сочетании с закономерностями уголовно-противоправного поведения, без сомнения, может изменить взгляды ученых на понятие феномена «уголовная ответственность» человека в целом. В таком случае вероятность истинности, достоверности знаний об этих закономерностях будет наиболее вероятной.

В теории уголовного права нет единства взглядов ученых относительно понятия феномена позитивной (перспективной) уголовно-правовой

ответственности. В частности, позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность определяется ими как: 1) осознание человеком необходимости (обязанности), повинности соблюдения уголовно-правового запрета; 2) единство объективной и субъективной сторон, при котором имеет место правопослушное поведение правосубъектного лица; 3) это обязанность совершать действия, предусмотренные и поощряемые уголовным законом; 4) это общественно необходимое, желательное или допустимое, по отношению к интересам общества, поведение граждан и коллективов, которое заключается в соблюдении (выполнении, осуществлении) норм права, гарантированное и охраняемое государством; 5) это выполнение человеком нормативных требований, которые диктуют должное, отвечающее интересам общества поведение; 6) это правопослушное поведение человека в соответствии с требованиями уголовного закона; 7) это осознание человеком правовых свойств своих действий (бездействия), соотношение их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за них перед государством и обществом; 8) право человека на совершение строго определенных действий в интересах обеспечения правопорядка и т.п.

Анализ имеющихся и доступных для ознакомления мнений ученых относительно феномена позитивной (перспективной) уголовно-правовой ответственности человека позволил прийти к выводу, что позитивная (перспективная) уголовно-правовая ответственность человека – это реализованная необходимость сознательного и добровольного использования человеком своего субъективного права, исполнения обязанностей, соблюдения запретов, содержащихся в уголовно-правовых нормах.

В доктрине уголовного права обоснованы следующие понятия феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека: 1) уголовно-правовая ответственность – принуждение, государственно-принудительное воздействие, наказание, правовое положение наказуемости, санкция, негативные последствия; 2) уголовно-правовая ответственность – правоотношения; 3) уголовно-правовая ответственность – обязанность лица, совершившего преступление; 4) уголовно-правовая ответственность – осуждение лица, совершившего преступление; 5) уголовно-правовая ответственность – вынужденное претерпение лицом негативных последствий совершенного им преступления; 6) уголовно-правовая ответственность – вина; 7) уголовно-правовая ответственность – судимость; 8) синтезированные концепции понимания феномена уголовно-правовой ответственности человека. Вместе с тем, через разнообразие взглядов ученых просматриваются определенное единообразие, сходство их позиций в части методологических подходов к анализу сущностных признаков феномена негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека. Первым является то, что уголовно-правовая ответственность человека рассматривается как вид юридической

ответственности. Вторым – понимание уголовно-правовой ответственности человека связывают с ее уголовно-противоправным, общественно опасным, сознательным, волевым поведением как закономерное следствие совершения им преступления. Третьим – оценка этого поведения человека как правопослушного или уголовно-противоправного осуществляется компетентными органами государства. Четвертым – следствием оценки поведения человека как уголовно-противоправного является применение компетентными органами государства мер воздействия, предусмотренных действующим законодательством. Пятым – суть примененных мер воздействия к виновному лицу есть определенные негативные последствия в виде лишений или ограничений или лишений и ограничений личного имущественного или иного характера. Шестым – уголовно-правовую ответственность человека, так или иначе, следует рассматривать в связи с уголовными правоотношениями.

Разделяя синтезированный подход, можно сделать вывод, что негативная (ретроспективная) уголовная ответственность является разновидностью уголовно-правовой ответственности как вида юридической ответственности человека, который представляет собой реализованную необходимость перетерпения нарушителем предписаний уголовно-правовых норм принудительных мер правового воздействия, предусмотренных ими и применяемых компетентными органами государства в установленных процессуальным и исполнительным законодательством формах и пределах.

Парной категорией для понятия «уголовно-правовая ответственность человека» является категория «уголовно-правовая безответственность человека».

Еще А. И. Санталов высказался о нецелесообразности разделения понятий «наличие уголовной ответственности» и «реализация уголовной ответственности», обоснованно подчеркнув, что нереализованная уголовная ответственность человека – это безответственность человека, совершившего преступление, безответственность при наличии оснований ответственности¹.

Общественная опасность безответственности в современных условиях, как верно отмечает Я. И. Соловей, главным образом проявляется в том, что безответственность человека морально развращает субъектов общественных отношений, вносит дезорганизацию в их систему, деформирует духовные ценности, ведет к материальным потерям. Общественная опасность безответственности заключается и в том, что она имеет прогрессирующую тенденцию в росте, ее распространение идет как по вертикали, так и по горизонтали. Содержание безответственности он раскрывает через единство объективной и субъективной сторон. Объективная сторона

¹ Санталов А. И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении // Вестник Ленинградского ун-та. 1972. Вып. 4. С. 127

заключается в невыполнении социального долга, возложенного на субъекта обществом. Субъективная сторона – в игнорировании субъектом своей объективной взаимосвязи с социальной ответственностью, с другими социальными субъектами, обществом. Поэтому социально-политическая сущность безответственности заключается в отсутствии (искривлении) социальных связей и взаимоотношений между обществом и лицом, лицом и коллективом, между свободой субъекта и общественной необходимостью, в нарушении соответствия между правами и обязанностями¹.

Таким образом, уголовно-правовую безответственность человека можно определить как неисполнение или ненадлежащее исполнение им уголовно-правового запрета, уголовно-правовой обязанности или ненадлежащее использование своего уголовно-правового субъективного права. То есть речь идет об уголовно-безответственном поведении человека в рамках правового поля через призму его правовых обязанностей и предоставленных законодательством субъективных прав.

* * *

Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / ответ. ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 535-538.

DEFINICJA PRZESTĘPSTWA I PODZIAŁY PRZESTĘPSTW W PRAWIE KARNYM UKRAINY

Badanie kwestii istoty i klasyfikacji przestępstw w prawie karnym Ukrainy należy rozpocząć od przeglądu opracowań i badań, będących podstawą współczesnego pojmowania pojęcia przestępstwa w rodzimej nauce prawa karnego oraz jego ujęcia normatywnego w obowiązującym kodeksie karnym Ukrainy.

Pierwsze rozumienie i normatywne określenie pojęcia przestępstwa można znaleźć już w najstarszym ukraińskim ustawodawstwie oraz źródłach prawa. Jednak uwagę swoją skupimy na rozwoju myśli naukowej o pojęciu przestępstwa na terenach obecnej Ukrainy od początku okresu radzieckiego do dnia dzisiejszego. Po pierwsze, należałoby podkreślić, że nie można oddzielnie badać rozwoju nauki ukraińskiej jako autonomicznej nauki prawnokarnej w okresie radzieckim. W tym kontekście należałoby mówić tylko o ogólnej radzieckiej nauce prawnokarnej, której część stanowi dorobek uczonych

¹ Соловій Я.І. Безвідповідальність як морально-етична та правова проблема сучасності // Моральні основи права: матеріали міжнар. наук. конф. Івано-Франківськ: ЗАТ «Наддвірнянська друкарня», 2010. С. 101.

ukraińskich. Jednocześnie badania rosyjskich i innych autorów na terenach Ukrainy są odbierane jako badania uczonych krajowych i mają istotny wpływ na kształtowanie rozumienia prawa i praktyki jego stosowania. Po drugie, należy odpowiedzieć na pytanie, dlaczego badano rozwój nauki o przestępstwach od początku okresu radzieckiego. Dlatego, że w tym samym czasie zostały faktycznie odrzucone tak zwane przedrewolucyjne badania naukowe w dziedzinie doktryny prawa karnego. Właśnie od tego czasu nauka prawa karnego, rozwijając się w ramach kontynentalnego systemu prawnego, zaczęła przystosowywać się do nowych relacji socjalistycznych, do nowej polityki państwowej oraz nowych standardów w sferze kształtowania norm prawnych i stosunków prawnych, dla których charakterystyczne było, w odróżnieniu od burżuazyjnej teorii prawa, stanowisko klasowe przy badaniu natury przestępstwa, co bezpośrednio wynikało z myśli marksistowsko-leninowskiej o charakterze klasowym państwa i prawa. Kwestię natury klasowej prawa radzieckiego rozpatrywano w artykułach, podręcznikach, monografiach, poświęconych zarówno kwestii ogólnej teorii państwa i prawa, jak też kwestiom prawa karnego¹.

Nowe radzieckie prawo karne znacznie różniło się od „starego” prawa przedrewolucyjnego. W latach 20. XX wieku pojawił się postulat stworzenia socjalistycznego prawa karnego, którego wyznacznikami były kategorie przestępstwa i kary. I właśnie przez to sporo publikacji z tego okresu poświęcono krytyce istoty klasowej przestępstwa w społeczeństwie burżuazyjnym. Na przykład M.M. Isayev, po zbadaniu obszernego materiału historycznego, pisał, że prawdziwy charakter każdego prawa karnego można rozważać, wychodząc nie tylko od tego, co uważa się za przestępstwo, ale też ustalając, co w danej epoce jest postrzegane jako przestępstwo².

Właściwie od tego czasu rozpoczęło się teoretyczne opracowanie „socjalistycznego” pojęcia przestępstwa. Przy czym, o ile do tego czasu nauka oczywiście wyprzedzała rozwój ustawodawstwa, po 1917 roku to ustawodawca zdeterminował rozwój nauki, ponieważ „młoda” nauka radziecka jeszcze nie mogła zaproponować ustawodawcy niczego istotnego. Jednocześnie rozwój historyczny prawa karnego nie był w zasadzie przedmiotem zainteresowania uczonych radzieckich. Przeciwnie, negowano wówczas osiągnięcia nauki prawa karnego zarówno przedrewolucyjnej, jak i zagranicznej. Mimo to nie doszło do zupełnego odrzucenia dotychczasowego dorobku. Ze szkoły klasycznej zostały zapożyczone następujące pojęcia: wina, współdziałanie, kara i inne, ze szkoły socjologicznej – teoria stanu niebezpiecznego osoby, działań w zakresie ochrony społecznej etc.

¹ Piontkowsky A. A. Ugolovnoye pravo RSFSR. Obshchaya chast. - M., 1924; Isayev M. M. Obshchaya chast ugolovnogo prava RSFSR. - M., 1925; Traynin A. N. Ugolovnoye pravo. Obszczaya chast. - M., 1929.

² Isayev M. M. Ponyatiye pryestupnovo i nepriestupnogo s toczki zrieniya marksizma // sowetskoje pravo. - 1924. - № 5 (11). S. 3-28.

Przyjęcie w 1922 roku kodeksu karnego RFSRR, a później USRR, sprzyjało rozwojowi myśli teoretycznej. Założenia teoretyczne, przyjmowane przez nowe władze, miały odbicie w wynikach badań naukowych. Wszystkie prace z tego okresu przejawiały antyburżuazyjny charakter. Zwracano uwagę na to, że dla radzieckiego prawa karnego właściwe jest materialne określenie przestępstwa. M. A. Cheltsov-Bebutov pisał, że w odróżnieniu od prawa burżuazyjnego, które określa przestępstwo formalnie jako czyn zabroniony pod groźbą kary przez prawo obowiązujące w czasie jego popełnienia, ustawodawca radziecki określa przestępstwo materialnie, merytorycznie, biorąc pod uwagę jego szkodliwość, niebezpieczeństwo dla porządku prawnego¹. Podręczniki radzieckiego prawa karnego z lat 20. XX wieku zawierały dokładną analizę określenia przestępstwa.

Taka sytuacja miała miejsce praktycznie aż do lat 40. XX wieku. Właśnie wtedy można zauważyć nowy wątek w sferze naukowych badań istoty przestępstwa. W tym okresie obserwujemy powrót do badania kwestii określenia definicji przestępstwa, rozgraniczenia zachowania przestępnego i nieprzestępnego, poszukiwania kryteriów ich rozgraniczenia etc. Dokładną analizę tych kwestii obejmują m.in. badania N. D. Durmanova. Autor ten, poddając krytyce teorie burżuazyjne pojęciu przestępstwa (szkoły antropologicznej, szkoły socjologicznej, teorii indeterministycznej etc.), analizując teoretyczne opracowania prawników przedrewolucyjnych i zagranicznych (A. Ferryego, A. Wulfa, M.-S. Tagantseva, N. D. Serhuyevskiego, S. P. Mokynskyego, M. P. Chubynskyego, I. Foynytskyego i innych), występując z pozycji marksistowskiego materializmu filozoficznego, po raz pierwszy wyodrębnił następujące cechy materialno-formalnego pojęcia przestępstwa: szkodliwość społeczną, bezprawność, winę, karalność, amoralność². Wyniki badań M. D. Durmanova znalazły zastosowanie w praktyce, sprzyjały dalszemu rozwojowi nauki prawa karnego i miały ogromny wpływ na określanie przez radzieckich uczonych jego głównych cech.

M. D. Durmanov jako jeden z pierwszych wyodrębnił przestępstwo spośród naruszeń prawa na podstawie cechy szkodliwości społecznej i zaproponował rozwiązanie, zgodnie z którym jedynie przestępstwo rodzi niebezpieczeństwo społeczne, a pozostałe naruszenia prawa są społecznie szkodliwe, ale nie są niebezpieczne. Następnie w nauce ukształtowały się dwa stanowiska naukowe: jedni uczeni popierali stanowisko M. D. Durmanova, inni zaś uważali, że u podstaw rozgraniczenia przestępstw i innych naruszeń prawnych leży stopień szkodliwości społecznej³.

¹ Cheltsov Bebutov M. A. Prestupleniye i nakazaniye v istorii i v sovyetskom pravye. - Kharkov, 1925. S. 84-85.

² Durmanov N. D. Ponyatie prestupleniyaoHflTne – M., 1948.

³ Piontkowskij A. A. Ucheniye o prestuplenii. – M., 1961; Kuznyetsova N. F. Prestuplenie prestupnost – M., 1969; Shishov O. F. Pestupleniye i admonistrativnyy prostupok . – M., 1967 i inni.

Wśród znanych ówczesnych badaczy istoty pojęcia przestępstwa należy wymienić też: A.A. Gertsenzona¹, N.F. Kuzniecowa². Wielki wkład w badanie istoty pojęcia przestępstwa w tym okresie wniósł też V.N. Kudryavtsev³. Autor ten zauważył między innymi, że przestępstwem jest zachowanie osoby, polegające na dokonaniu określonych działań lub na niewykonaniu tego, co należy czynić zgodnie z prawem, czyli na zaniechaniu. Twierdził też, że chęci, zamiaru lub innej myśli, która nie przekształciła się w popełnienie czynu zabronionego, nie uważa się za przestępstwo⁴.

Nowy etap aktywizacji badań naukowych w zakresie pojęcia przestępstwa przypada na lata 60. i 70. XX wieku. Z chwilą przyjęcia podstaw prawa karnego ZSRR i republik związkowych w 1958 roku oraz nowego kodeksu karnego w 1960 roku większość uczonych w swoich pracach skłaniała się ku wyodrębnieniu czterech cech przestępstwa: szkodliwości społecznej, bezprawności, winy, kary.

Dokonując analizy prac wydanych w tym okresie, w których badano pojęcie przestępstwa, należy zaznaczyć, że w celu opracowania doskonałego pojęcia przestępstwa prowadzono aktywne działania, jednak nie wszyscy uczeni traktowali je jednakowo. Na przykład O.F. Shyshov w pracy *Przestępstwo a wykroczenie administracyjne* określił pojęcie przestępstwa w następujący sposób: „przez przestępstwo należy rozumieć czyn społecznie szkodliwy, bezprawny, zawiniony i karalny, wymierzony przeciwko socjalistycznym stosunkom społecznym, wyrządzający im w większości przypadków szkodę zasadniczą lub stwarzający zagrożenie wyrządzenia takiej szkody”⁵. N.F. Kuznetsova w monografii *Przestępstwo i przestępczość* zaproponowała wyodrębnienie pojęcia przestępstwa na podstawie dwóch cech ustawowych: szkodliwości społecznej i bezprawności⁶. Niektórzy autorzy przeciwstawiali się konieczności wyodrębnienia winy jako samodzielnej cechy przestępstwa. A.M.P. Karpushin i V.I. Kurlandskiy w monografii *Odpowiedzialność karna i znamiona ustawowe czynu przestępnego* zaproponowali rozumienie pojęcia przestępstwa jako określonego prawem niebezpiecznego zamachu na socjalistyczne stosunki społeczne, dokonanego przez osobę poczytalną, która osiągnęła wiek odpowiedzialności karnej⁷. Do określenia przestępstwa proponowano więc włączenie cech charakteryzujących jego podmiot. W ten sposób, pomimo przyjęcia nowego kodeksu karnego, w nauce prawa karnego w dalszym ciągu trwał proces opracowania podstawowych kwestii pojęcia materialno-formalnego przestępstwa i klasyfikacji przestępstw etc.

¹ Gertsenzon A.A. Ponatiye prestupleniya - M., 1954.

² Kuznetsova N.F. Znachenije prestupnykh posledstviy dlya ugovnoy otvetsvennosti. - M., 1958.

³ Kudryavtsev V.N. Chto takoye prestupleniye. - M., 1959.

⁴ Kudryavtsev V.N. Chto takoye prestupleniye. - M., 1959. - M., 1959. S. 6.

⁵ Shishov O.F. Prestupleniye i admonistrativnyy prostupok. - M., 1965. S. 16.

⁶ Kuznetsova N.F. Prestupleniye i prestupnost. - M., 1969.

⁷ Karpushin M.P., Kurlandskiy V.I. Ugolovnaya otvestvennost i sostav prestupleniya. - M, 1974. S. 89.

Okres lat 80. charakteryzuje upowszechnienie nowego stanowiska przy badaniu pojęcia przestępstwa – był to okres aktywnych badań prawnopównawczych. Na przykład w 1985 roku pod redakcją B.S. Volkova ukazała się monografia *Kwestie przestępstwa i kary zgodnie z ustawodawstwem ZSRR i innych krajów socjalistycznych*, w której przeanalizowano pojęcie przestępstwa w prawie radzieckim i zagranicznym na różnych etapach rozwoju państwowości. Autor ten wskazywał na istnienie trzech rodzajów określeń pojęcia przestępstwa: materialnego (właściwego dla prawa radzieckiego, dlatego temu pojęciu poświęcono znaczną część pracy), formalnego (które nie odzwierciedla klasowej istoty społecznej przestępstwa i nie wskazuje na kryteria uznawania czynów za przestępne), pseudomaterialnego (jako bardziej zachowawczego niż pojęcie formalne, polegające na rozważaniach ogólnej amoralności zachowania przestępnego, jego pozaklasowości)¹.

W 1987 roku ukazała się monografia M.I. Kovalova, w której stwierdził, że nauka o przestępstwie rozwijała się i doskonaliła wraz z rozwojem ludzkości. Autor nie postawił przed sobą zadania wykreowania nowego określenia pojęcia przestępstwa, ale uznał, że dla takiego przekształcenia nie ma odpowiednich przesłanek ani w prawie, ani w praktyce².

W latach 80. XX wieku w wielu publikacjach nie poruszano kwestii doskonalenia przepisów prawa karnego, w tym też w zakresie pojęcia przestępstwa. Zagadnienie pojęcia przestępstwa omawiano w literaturze na początku lat 90. XX wieku. Na przykład A. Leps twierdził, że na nowo pojawiło się pytanie o materialny charakter pojęcia przestępstwa z tego powodu, że nie ma jednoznacznego pojmowania tej jego cechy, jaką jest „szkodliwość społeczna”³.

Od 1991 roku rozpoczął się nowy etap w rozwoju krajowej nauki prawa karnego. Stała się ona samodzielna, chociaż należałoby zaznaczyć, że w dalszym ciągu opierała się na opracowaniach radzieckiej szkoły prawa karnego.

Już w pierwszych latach okresu niepodległości ustawodawca ukraiński przedstawiciele nauki uświadamiali sobie konieczność opracowania i przyjęcia nowego prawa karnego oraz podejmowali aktywne działania w tym kierunku. Pomimo tego badania nad istotą pojęcia przestępstwa nie znalazły się w centrum zainteresowania doktryny. Tej kwestii poświęcono jedynie kilka publikacji naukowych⁴, jednak nie została opublikowana żadna monografia. Podobne kwestie nie były też przedmiotem badania na poziomie dysertacji.

¹ Voprosy prestupleniya i nakazaniya po zakonodatelstvu SSSR i sotsialisticheskikh stran: ucheb. Posobiye / pod red. B.S. Volkova - M.; 1985.

² Kovalev M.I. Ponatiye prestupleniya v sovetskom ugovnom prave. Sverdlovsk, 1987.

³ Leps A. ponatiye prestupleniya v ugovnom zakonodestvye // Yurist Estonii - 1990. № 5. S. 370.

⁴ Andrushko P.P. Sotsialna sutnist, zmist, struktura i znachennya suspilnoy nebezpechnoyi nebezpechnosti diyannya // Visnyk Kyivskoho universytetu: suspilno-politychni nauky. - K., 1991. - Vyp. 2; Hutsalo O. Protypravnist zlochyynu ta analogiya kryminalnoho zakonu // Visnyk akademii pravovykh nauk Ukrainy - Kh.: Pravo. - 1999. - Vyp. 4(19). S. 155-164; Matusovskyk H. Zurydychna khyrakterystyka zlochyniv /// Visnyk Akademii pravovykh nauk ukraiyiny. - Kh.: Pravo - 1998. Vyp2 (13). S. 120-125; panov M.I. Prestupleniye: metodologicheskiye aspekty issledovaniya

Aktywniejsze działania w badaniach dotyczących pojmowania pojęcia przestępstwa i jego cech uczeni podjęli po przyjęciu w 2001 roku kodeksu karnego Ukrainy, który obowiązuje do dnia dzisiejszego¹. Badano również kwestie klasyfikacji przestępstw² oraz czynu nieistotnego, czyli drobnego przestępstwa³. Jednocześnie, wymienione prace mają generalnie charakter komentatorski. Pomimo tego kwestie definicji przestępstwa, określenie jego cech i klasyfikacja znalazły swoje odzwierciedlenie w komentarzach naukowo-praktycznych kodeksu karnego Ukrainy⁴ (które niejednokrotnie były wydawane ponownie i uzupełniane), w tym też w wydaniach edukacyjnych⁵.

v ugovnom zakonnye // problemy zakonnosti / Natsionalna zurydychna akademiya Ukrainy imeni Yaroslava Mudroho. - Kh.: „Osnova”, 1995. - Vyp. 30. S. 121-127 i inne.

¹ Benkivskyy VO. Do pytannya pro zlochyn ta joho strukturu // derzhava i pravo / instytut derzhavy i prava imeni VM. Koretskoho Nan Ukrainy. - 2002. - Vyp. 15. S. 447-451; Borysov V, Pashchenko O. Do pytannya pro sutnist kryminalno-pravovoyi kharakterystyki zlochyniv // Visnyk Akademii pravovykh nauk Ukrainy. - 2005. Vyp. 3(42). S. 181-190; Zaruba P Zlochyn yak sotsial- ne yavyshe // Pidpryyemnystvo, godpodarstvo i pravo. - 2005. - № 10. S. 137-140; Malyarenko V.T. Pro sotsialnu zumovlenist zlochynu i spravedlyvist pokarannya // Visnyk Verkhovnoho Sudu Ukrainy. - 2002. - №3. S. 32-45; Melnyk M.I. Zakonodavchi aspekty vidmezhuвання zlochynnoho diyannya vid nezlochynnoho // problemy petentsiarnoyi teorii i praktyky. - 2004 - № 9. S. 83-90; Mykolenko O.M. Ugolovno-pavovaya kharakteristika obshchestvennoy opasnosti // Pravov aderzhava. - 2002. - № 4. S. 75-78; Panov M., Tykhyy V Ponyattya zlochynu (komentar do Kryminalnoho kodeksu Ukrainy) // Visnyk Konstytutsijnoho Sudu Ukrainy. - 2004 - № 1. S. 88-95; Smirnov VI. K voprosu ob obshchestvennoy opasnosti prestupnovo deyaniya. Kharkov: Konstanta, 2002. S. 136; Tykhyy V.P. Komentar do stattei 11, 12 Kryminalnoho kodeksu Ukrainy // Naukovo-praktychni komentari. - 2004 - № 3. S. 21-29; Fris P.L. Ponyattya ta oznaky zlochynu. Leksiya. - Ivano - Frankivsk: Simyk, 2002. S. 36.

² Horbata O.I. Problemy komentuvannya st. 12 k.k. Ukrainy „klasyfikatsiya zlochyniv” // Naukovyy visnyk lvivskoho zurydychnoho instytutu MVS Ukrainy. Materialy mizhnarodnoyi konferentsiyi „Problemy komnetuvannya kryminalnoho zakonu”. - 2004. - № 2 (2). Dodatok 2. S. 182-190; Denysov S.F., Kytsenko D.M. Shchodo Bvyznachennya ponyttya zlochynu, zyky ne stanovyty velykoyi suspilnoyi nebezpeky // Visnyk zaporizkoho zurdychnoho instytutu MVS Ukrainy. - 1999. - Vyp. 2. S. 79-85; Klymenko V Klasyfikatsiya zlochyniv u kryminalnomu zakonodavstvi // Yurydychnyy visnyk - № 23(311). - 9-15 chervnya 2001 r. S. 5; Korolenko M.P problemy kwalifikatsiyi zlochyniv za stupenem yich tyazhkosti. - k.: Nauk. svit, 2000. S. 11; Kryvchenko L.N. Klassifikatsiya prestupleniy i nekotoryye voprosy matematicheskovo modelirovaniya // problemy zakonnosti / Natsionalna yurydychna akademiya Ukrainy imeni Yaroslava Mudroho. - 1992. Vyp. 26. - S. 17-22; Kheylyk V V, Bystrushkin O.S. Shchodo klasyfikatsiyi zlochyniv u Kryminalnomu kodeksi Ukrayiny // derzhava i pravo. - 2003. - Spetsvypusk. S. 236-238 ta in.

³ Sevastyanova T.Ye. Maloznachnist diyannya za kryminalnym zakonodavstvom ukrayiny: Autoref. Dys. k.yu.n. / Natsionalna akademiya vnutrishnikhy sprav Ukrainy MVS Ukrainy. - K., 2003. S. 19.

⁴ Naukovo-praktychnyy komentar do Kryminalnoho kodeksu Ukrainy. / [Awt. kolektyv: Andrushko P.P., Arsenyuk T.M., Atamanyuk O.H. ta in]: Pid zah. red. M.O. Potebenka, V.H. Honcharenka.u dvokh chastynakh.. - K.: Forum, 2001; Naukovo-praktychnyy komentar Kryminalnoho kodeksu Ukrainy vid 5 kvitya 2001 roku / [Avt kolektyv: Boyko A.M., Brych L.P., Hryshchuk V.K., ta in]; za red. M.I. Melnyka, M.I. Khavronyuka. - K.: MP „Kannon”, 2001; Naukovo-praktychnyy komentar do Kryminalnoho kodeksu Ukrainy / [Avt kolektyv: Aleksandrov Yu.V, Andrushko PP Antypov VI. ta in]; Vid. Red. S.S. Yatsenko. - K.: A.S.K. - 2002; Ugolovnyy kodeks Ukrayiny Kommentariy. Pod redaktsiyey Yu.A. Karamzina i E.L. Streltsova - Kh.: OOO „Odissey”, 2001 i inne.

⁵ Kryminalne pravo Ukrayiny Zahalna chastyna: pidruchnyk dla studentiv vyshch. navch. za- kladiv /

Dokonując podsumowania tej części artykułu można stwierdzić, iż pomimo tego, że nauka radziecka rozpoczęła swój rozwój od całkowitego zanegowania osiągnięć nauki prawa karnego zarówno krajowego, jak i zagranicznego, udało się jej opracować własne uzasadnione naukowo stanowisko dotyczące rozumienia istoty przestępstwa, odróżnienia go od czynów nieprzestępnych, klasyfikacji przestępstw, które stanowiły przesłankę współczesnego karnoprawnego rozumienia tych kwestii na Ukrainie.

WSPÓŁCZESNE UJMOWANIE POJĘCIA PRZESTĘPSTWA W PRAWIEKARNYM UKRAINY

Zgodnie z ust.1 art.11 k.k. Ukrainy „przestępstwem jest określony w tym kodeksie czyn społecznie szkodliwy, zawiniony (polegający na działaniu lub zaniechaniu), dokonany przez podmiot przestępstwa”. Powyższa definicja przestępstwa ma charakter materialno-formalny. Wynika z niej, że przestępstwem jest czyn (działanie lub zaniechanie) charakteryzujący się następującymi cechami: 1) jest to czyn społecznie szkodliwy; 2) czyn określony w obowiązującym kodeksie karnym Ukrainy (dalej – k.k. Ukrainy); 3) czyn zawiniony; 4) czyn popełniony przez podmiot przestępstwa; 5) czyn podlegający karze. Niewystąpienie chociażby jednej z tych cech skutkuje brakiem przestępstwa.

Czynem, w rozumieniu prawnokarnym, według art.11 k.k., jest świadome zachowanie osoby, zależne od jej woli. Wobec tego dla jakiegokolwiek czynu niezbędne jest zaistnienie zarówno cech przedmiotowych, jak i podmiotowych. Pierwsze odnoszą się do płaszczyzny fizycznej (wykonywanie ruchów przez różne części ciała ludzkiego lub powstrzymanie się od takich ruchów). Do podmiotowych należą procesy intelektualne i wolicjonalne.

Wobec tego, że przestępstwem jest tylko czyn, nie można za nie uznać:

- przekonań ideologicznych, politycznych, wyznaniowych albo innych refleksji i przekonań osoby, w tym ujawnionych (na przykład w dzienniku osobistym). Już w *Digestach* Justyniana została ustalona zasada *cogitationis poenam nemo patitur* – nikt nie podlega karze za wyrażanie swojej opinii;

- uczuć lub chęci, wypowiedzianych, napisanych lub wyrażonych na zewnątrz w inny sposób, w tym też wezwania, jeśli przy tym nie dokonywano zamachu na bezpieczeństwo narodowe, integralność terytorialną, porządek

[M.I. Bazhanov, Yu.V BulinH, V.I. Borysova i in.]; / za red. M.I. Bazhanova, V Vstashysa, V Yatatsiya. - K.: Yurinkom Inter; X.: pravo, 2001; Kryminalne pravo Ukrainy. Zahalna chastyna: Pidruchnyk [dla studentiv yurydychnykh fak. navchalnykh zakladiv / [Avt. kolektyv: Aleksandrov Yu.V, Antypov VI., Volodko M.V i inni] Vid. Red. Kondratyev Ya. Yu. - K.: Pravovi dzherela. - 2002; Hryshchuk V.K. Kryminalne pravo Ukrainy: Zahalna chastyna: Pidruchnyk dla studentiv yurydychnykh fak. navchalnykh zakladiv - K.: Vydyvnychyyy Dim „In Yure”, 2006.; Fris P.L. Kryminalne pravo Ukrainy: Zahalna chastyna: Pidruchnyk dla studentiv vyshchykh navchalnykh zakladiv. 2-he vydannya, dopovnene i pereroblene. - K.: Atika, 2009 i inne.

społeczny, zdrowie ludności, reputację lub uprawnienia innych ludzi, tajemnicę informacji poufnych, autorytet i bezstronność wymiaru sprawiedliwości (patrz art. 34 Konstytucji Ukrainy);

- przynależności osoby do tej samej bądź innej grupy wyznaniowej, politycznej, majątkowej etc.;

- fizycznego lub psychicznego stanu osoby, jej pozostałych właściwości osobistych (tj. agresywność, nieuczciwość, inne negatywne cechy charakteru lub nałogi);

- wcześniejszego skazania osoby, istnienia stosunków rodzinnych z osobą, która popełniła przestępstwo etc. To wszystko ma ważne i praktyczne znaczenie. Na przykład w okresie ZSRR osoba mogła być skazana tylko za to, że była żoną „wroga narodu”. W czasach obecnych na Hawajach (jeden ze stanów USA) uprawianie przez dziewczynę seksu przed 18. rokiem życia pociąga za sobą wymierzenie kary jej rodzicom w postaci prac naprawczych przez okres trzech lat podobno za to, że źle wychowali swoją córkę.

Przez działanie w k.k. Ukrainy rozumie się czynne, świadome i uświadomione zachowanie człowieka. Zaniechanie to zachowanie bierne. Zarówno działanie, jak i zaniechanie mogą powodować negatywne skutki.

Za przestępstwo uznaje się czyn, dokonany przez podmiot przestępstwa, czyli przez osobę fizyczną, poczytalną, która w chwili jego popełnienia osiągnęła wiek, od którego rozpoczyna się odpowiedzialność karna (art. 18 k.k. Ukrainy). W prawie karnym Ukrainy nie będzie przestępstwem podjęcie (lub brak podjęcia) pewnej decyzji przez osobę prawną, czyn dokonany przez zwierzęta, przez osobę niepoczytalną i przez osobę, która w chwili jego popełnienia nie osiągnęła wieku ustalonego prawem.

Wina oznacza, że czyn został popełniony umyślnie lub nieumyślnie, gdy prawo przewiduje karę za nieumyślne przestępstwo.

Przestępstwa nie stanowią: a) czyny dokonane w stanie bezradności lub podczas snu, odruchowe, impulsywne, konwulsyjne lub instynktowne ruchy ciała (na przykład jedna osoba, żeby nie spaść, uchwyciła się innej osoby, wskutek czego ostatnia doznała uszkodzeń ciała); b) ruchy ciała lub brak takich ruchów, co jest wynikiem obcej woli lub oddziaływania siły wyższej (zwłaszcza klęski żywiołowej); c) czyny popełnione pod wpływem hipnozy lub w wyniku sugestii hipnozy; d) czyny, których możliwości zaistnienia społecznie szkodliwych skutków osoba nie przewidziała i nie mogła przewidzieć (nieszczęśliwy wypadek). We wszystkich tych sytuacjach nie można mówić o swobodnej woli osoby: nie ma ona możliwości wyboru wariantu zachowania intencjonalnie-przestępnego lub nieprzestępnego. Podobnie nie jest przestępstwem czyn dokonany nieumyślnie, który zgodnie z prawem uznaje się za przestępstwo jedynie w przypadku jego umyślnego popełnienia (na przykład: nieumyślne umieszczenie w zakładzie psychiatrycznym osoby zdrowej psychicznie).

Szkodliwość społeczna jako cecha przestępstwa oznacza jego szczególną szkodliwość przedmiotową, określoną w ust. 2 art. 11 k.k. Ukrainy przez:

1) uogólnione sformułowanie przedmiotów podlegających ochronie karnoprawnej, za które są uznawane: osoba (fizyczna lub prawna), społeczeństwo, państwo, a z uwzględnieniem treści art.1 k.k. – także ludzkość; 2) dwie odmiany skutków zamachu: realne wyrządzenie szkody zasadniczej oraz wywołanie rzeczywistego zagrożenia wyrządzenia szkody zasadniczej.

Przestępstwem nie jest czyn, który: a) stanowi zamach na przedmioty nieobjęte ochroną k.k. (stosunki osobiste między małżonkami, działalność charytatywna etc.); b) nie wyrządza szkody zasadniczej przedmiotom ochrony prawnokarnej albo przynajmniej nie tworzy rzeczywistego zagrożenia jej wyrządzenia; c) wyrządza szkodę przedmiotom ochrony prawnokarnej albo tworzy rzeczywiste zagrożenie wyrządzenia im szkody, ale ta szkoda nie jest zasadnicza.

Za zasadniczą szkodę materialną (majątkową lub fizyczną) uznaje się wyrządzoną lub usiłowaną przez te lub inne czyny, określoną przez przepisy prawa na podstawie z góry ustalonych kryteriów (liczba nieopodatkowanego minimum dochodów obywateli, ciężkość uszkodzeń ciała etc.), a za niematerialną (polityczną, organizacyjną, moralną etc.) z reguły - w ramach dochodzenia sądowego bez uwzględnienia przytoczonych kryteriów.

Szkodliwość społeczną przestępstwa należy odróżniać od szkodliwości społecznej osoby, która je popełniła. Dla społeczeństwa jednakowo szkodliwymi są czyny popełnione przez osobę uprzednio karaną i przez osobę, która zawsze przestrzegała prawa albo popełnione przez osobę nieletnią lub w wieku emerytalnym. Dlatego też charakterystyka osobowości sprawcy może mieć wpływ na wymierzenie kary lub inne karnoprawne skutki przestępstwa, ale w żaden sposób nie zmienia jego szkodliwości społecznej (z wyjątkiem przypadków recydywy szczególnej).

Przepisy art.11 k.k. Ukrainy stanowiące o tym, że czyn powinien być określony w obowiązującym k.k., odzwierciedlają karną bezprawność przestępstwa. Przepisy tworzące zasadę *nullum crimen, nulla poena sine lege* („nie ma przestępstwa, nie ma kary, o ile nie ma odpowiedniego prawa”), realizują wprost postanowienia pkt.22 ust.1 art.92 Konstytucji Ukrainy, który stanowi, że czyny będące przestępstwami i odpowiedzialność za nie mogą być określone wyłącznie na mocy prawa Ukrainy, uściślającego te postanowienia.

Nie jest przestępstwem czyn zawiniony, popełniony przez podmiot przestępstwa, który jest szkodliwy społecznie, wskazany w innej niż kodeks karny ustawie Ukrainy. Ponieważ k.k. Ukrainy określa wyczerpująco katalog przestępstw, nie jest możliwe stosowanie przepisów kodeksu karnego Ukrainy na podstawie analogii. Na przykład osoba nie może odpowiadać za uchylenie się od płacenia alimentów na utrzymanie innych osób, oprócz własnych dzieci i rodziców (art. 164 i 165 k.k. Ukrainy).

Z chwilą zniesienia odpowiedzialności karnej za ten lub inny czyn, przestaje on być przestępstwem. I tak od 2001 roku na Ukrainie nie jest przestępstwem spekulacja, kupowanie towarów i ich ponowna sprzedaż w

celu osiągnięcia zysku, od 2004 roku nielegalne jest przekroczenie granicy państwowej.

Kara kryminalna jest komponentem bezprawności karnej i obowiązkowym znamieniem przestępstwa, ponieważ wszystkim dyspozycjom przepisów części szczególnej k.k. Ukrainy towarzyszą sankcje. Karę jako cechę przestępstwa należy rozumieć nie tylko jako realne jej zastosowanie, ale jako samą możliwość jej zastosowania w razie popełnienia czynu zabronionego na podstawie k.k. Ukrainy.

Nie można uznać za obligatoryjną cechę przestępstwa amoralności czynu. Wiele przestępstw jest neutralnych z punktu widzenia moralności (na przykład nie ma podstaw, by uznać za niemoralny taki czyn, jak np. utrata dokumentów zawierających tajemnicę państwową), a niektóre z nich nawet cieszą się uznaniem wśród przeważającej większości ludności (powiedzmy – umyślne wyrządzenie ciężkich uszkodzeń ciała z przekroczeniem granic obrony koniecznej lub zabój – stwo chorego jako akt miłosierdzia [eutanazja]). Z innej zaś strony społeczeństwo może uznawać za amoralne usiłowanie popełnienia samobójstwa, dokonanie przerwania ciąży, wyprodukowanie przedmiotów pornograficznych bez celu osiągnięcia zysku etc., ale te czyny nie są uznawane za przestępstwa, ponieważ odpowiedzialność za nie nie jest określona przez obowiązujący k.k. Ukrainy. Sankcjami za złamanie norm moralnych mogą być jedynie pewne formy oddziaływania moralnego, na przykład osąd społeczny.

CECHY ODRÓŻNIAJĄCE PRZESTĘPSTWA OD POZOSTAŁYCH NARUSZEŃ PRAWA

Przestępstwo jako rodzaj naruszenia prawa różni się od innych jego naruszeń, a jako przejaw społecznie szkodliwego zachowania osoby – od innych rodzajów zachowania ludzkiego. W ukraińskiej teorii prawa powszechnie przyjęto, że istnieją następujące trzy podstawowe rodzaje zachowania prawnego: 1) zgodne z prawem – zachowanie użyteczne społecznie, odpowiadające normom albo zachowanie społecznie niepożądane, ale dopuszczalne (rozwód, udział w strajku etc.); 2) nadużycie prawa – zachowanie społecznie szkodliwe, które jednak nie narusza norm prawa. Nadużycie prawa zazwyczaj nie jest powiązane z naruszeniem konkretnych zakazów lub niespełnieniem obowiązków i oznacza, w dosłownym rozumieniu, „złe” użycie prawa, gdy upoważniony podmiot ma określone prawo podmiotowe, działa w jego ramach, ale narusza prawa innych osób lub wyrządza jakąś szkodę całemu społeczeństwu. Nadużycie prawa w określonych okolicznościach może przekształcić się w karalne naruszenie prawa, na przykład: nadużycie prawa opiekuńczego – jeżeli sprawca, działając w celu osiągnięcia korzyści, wyrządza szkodę podopiecznemu (art. 167 k.k. Ukrainy); nadużycie prawa służbowego w celu osiągnięcia korzyści lub dla realizacji innych własnych interesów lub interesów osób trzecich, a także szkody zasadniczej (artykuły 191, 364, 364-1, 365-2

k.k. Ukrainy); 3) naruszenie prawa – zachowanie społecznie szkodliwe, naruszające normy prawa.

Pomimo wyodrębnienia nadużycia prawa, z naruszeniem prawa łączy się taki rodzaj zachowania prawnego, jak przedmiotowe zachowanie bezprawne. Jest to bezprawny czyn osoby ubezwłasnowolnionej oraz zachowanie podjęte w warunkach braku winy. Na przykład przedmiotowy czyn o cechach przestępstwa, popełniony przez osobę niepoczytalną, może pociągnąć za sobą zastosowanie środków przymusowych o charakterze medycznym (art. 94 k.k. Ukrainy), podobnie czyn, o znamionach przestępstwa, popełniony przez osoby nieletnie przed osiągnięciem wieku, od którego rozpoczyna się odpowiedzialność karna (14 lub 16 lat), zastosowanie środków określonych przez ustawę O organach i służbach ds. nieletnich oraz specjalistycznych zakładach dla nieletnich (na przykład skierowanie do specjalistycznego zakładu edukacyjno-wychowawczego).

Pojęcie „przestępstwo” jest węższe od pojęcia czynu bezprawnego karne, ponieważ ten ostatni obejmuje też zachowanie przedmiotowo-bezprawne (tabela 1).

Tabela 1. Rodzaje zachowania prawnego

Zachowanie prawne (z punktu widzenia prawa karnego)			
Zachowanie zgodne z prawem	Nadużycie prawa	Czyn karnoprawny	
		Przestępstwo	Zachowanie przedmiotowo-bezprawne

Przez naruszenie prawa rozumie się co do zasady działanie lub zaniechanie antyspołeczne, bezprawne i z reguły zawinione, podjęte przez osobę zdolną do czynności prawnych, powodujące odpowiedzialność karną. Obecnie w ustawodawstwie i prawie Ukrainy zazwyczaj wyodrębniano następujące rodzaje naruszeń prawa:

- wykroczenia administracyjne. Są to wykroczenia popełniane przez osoby fizyczne, osoby prawne i obywateli – podmioty działalności gospodarczej, takie jak: naruszenia norm sanitarnych przy produkowaniu artykułów żywnościowych albo podjęcie działań, uznawanych na mocy prawa jako nieuczciwa konkurencja;

- wykroczenia dyscyplinarne. Stanowią zamach na stosunki w sferze pracy, władzy i podporządkowania etc. To naruszenia prawa określone przez kodeks ustaw o pracy Ukrainy, statuty dyscyplinarne (na przykład niestawienie się do pracy pracownika, jego stawienie się do pracy w stanie nietrzeźwości, naruszenie przez ucznia obowiązku uczęszczania na zajęcia, spór wojskowego z przełożonym);

- naruszenia prawa podczas wykonania pracy. Ich społecznie szkodliwe skutki zawsze polegają na wyrządzeniu szkody w mieniu (na przykład psucie przez pracownika narzędzi wydanych mu do wykorzystania);

– cywilne naruszenia prawa, określone m.in. w kodeksie cywilnym Ukrainy (k.c.) (na przykład niespełnienie obowiązków zgodnie z umową, rozpowszechnianie informacji zniesławiających honor, godność lub reputację zawodową osoby, samowola budowlana etc.);

– przestępstwa – najbardziej niebezpieczny rodzaj łamania prawa. W aspekcie psychologicznym przestępstwo stanowi największe odchylenie od normy społecznej (zachowania zgodnego z prawem). W aspekcie społecznym jest to największe zło, które jedna osoba może wyrządzić drugiej, społeczeństwu czy państwu. W prawnym natomiast przestępstwo to najbardziej niebezpieczny rodzaj naruszenia prawa.

W czasie, gdy państwo i prawo jako instytucje społeczne dopiero zaczynały się rozwijać, rodzaje przestępstw nie były wyodrębnione. Czyny, które obecnie można określić jako wykroczenia dyscyplinarne, często były surowo karane (np. *decymacja*, czyli karanie śmiercią co dziesiątego żołnierza za ujawnione podczas boju tchórzostwo lub bicie niewolnika kijami za nieposłuszeństwo). Nie są one podobne do współczesnych kar dyscyplinarnych (nagana lub obniżenie stopnia wojskowego). Zgodnie z prawem rzymskim – Ustawą XII Tablic, kradzież lub spowodowanie uszkodzeń ciała uważano za delikt cywilny i karano grzywną, zniesławienie zaś – śmiercią. Dopiero w średniowieczu, gdy państwa uzyskiwały już wszystkie cechy państwowości (obszar, ludność, władze publiczne, mające wsparcie wojska i policji, ustawodawstwo), a szczególnie w okresie Odrodzenia, gdy w Europie Zachodniej rozpoczęła się recepcja prawa rzymskiego, doszło do wyodrębnienia pewnych rodzajów prawa i jego prawnych regulacji.

Przestępstwo należy odróżnić od innych naruszeń prawa według następujących kryteriów: 1) szkody społecznej; 2) podmiotu naruszenia prawa; 3) winy; 4) bezprawności karnej.

Szkodliwość społeczna, jako jedno z wymienionych kryteriów, jest charakterystyczna tylko dla przestępstw. Taki wniosek wynika m.in. z ust. 2 art. 1 k.k. Ukrainy, który mówi, że „Kodeks karny Ukrainy określa, jakie czyny społecznie szkodliwe stanowią przestępstwa”. Rozróżnia się charakter i stopień szkodliwości społecznej. Charakter to cecha jakościowa szkodliwości społecznej. Zależy ona od znaczenia przedmiotu ochrony prawnokarnej. Zarówno życie i zdrowie osoby, jej wola, wolność seksualna i nietykalność seksualna, jak też podstawy bezpieczeństwa narodowego, pokój, bezpieczeństwo ludzkości, międzynarodowy porządek prawny, są najważniejszymi wartościami chronionymi przez prawo karne. Dlatego zamach na te dobra nie pociąga za sobą konieczności rozgraniczenia przestępstwa i wykroczenia administracyjnego.

Odpowiedzialność za zamach na prawa osobiste osoby i obywatela, mienie, sposób prowadzenia działalności gospodarczej, środowisko, bezpieczeństwo publiczne, bezpieczeństwo produkcji, bezpieczeństwo ruchu i użytkowania komunikacji miejskiej, porządek społeczny i moralność etc. określono nie tylko w prawie karnym, ale też w innych dziedzinach prawa. Dla

odróżnienia przestępstwa od pozostałych naruszeń prawa w takich przypadkach nie wystarcza tylko uwzględnienie charakteru szkodliwości społecznej popełnionego czynu. Należy określić jej cechę ilościową – stopień szkodliwości społecznej czynu. Przestępstwo zawsze jest bardziej niebezpieczne niż jakiegokolwiek inne naruszenie prawa. Na stopień szkodliwości społecznej wpływają, oprócz przedmiotu zamachu, przede wszystkim waga wyrządzonej szkody i forma winy, a także sposób dokonania czynu, motyw i cel, powtórność oraz inne znamiona.

Według cechy podmiotu, przestępstwo można odróżnić od deliktu cywilnoprawnego, a także od niektórych administracyjnych wykroczeń prawnych, których podmiotem może też być osoba prawna. Osoba fizyczna w prawie cywilnym w określonych przypadkach może wystąpić jako podmiot naruszenia prawa, niezależnie od wieku i poczytalności (art. 1178, 1184, 1186 kodeksu cywilnego Ukrainy).

W odróżnieniu od przestępstwa, za wykroczenia cywilnoprawne w pojedynczych przypadkach mogą być uznane też czyny, popełnione przy braku winy. Odpowiedzialność bez winy określona została w art. 614, 1167, 1173-1176 kodeksu cywilnego Ukrainy.

Takie kryterium, jak bezprawność karna, zezwala na odróżnienie przestępstw od jakiegokolwiek naruszeń prawa, za które odpowiedzialność określa obowiązujący k.k. Ukrainy.

Niekiedy jeden czyn prowadzi do popełnienia kilku naruszeń prawa, za które odpowiedzialność określona jest w k.k. Ukrainy i w innym (innym niż karny) akcie normatywnym. Zachodzi wtedy zbieg przestępstw i innych naruszeń prawa. Na przykład art. 176 k.k. Ukrainy uznaje za przestępstwo nielegalne rozpowszechnienie dzieł, o ile te czyny wyrządziły szkodę w wielkim wymiarze. Zgodnie z art. 50 ustawy Ukrainy „O prawie autorskim i prawach pokrewnych” takie same czyny stanowią wykroczenie cywilnoprawne i równolegle z karą powstaje też odpowiedzialność cywilno-prawna na podstawie art. 52 wymienionej ustawy. Teoretycznie ważny jest także zbieg przestępstw z konstytucyjnym naruszeniem prawa: popełnienie przez prezydenta Ukrainy zdrady stanu lub innego przestępstwa rozpatrywane jest jak konstytucyjne naruszenie prawa, którego skutkiem jest odpowiedzialność w postaci usunięcia prezydenta Ukrainy z urzędu w trybie impeachmentu, po czym podlega on odpowiedzialności karnej. Niemożliwy jest jednak zbieg przestępstw i wykroczeń administracyjnych, które stanowią zamach na ten sam przedmiot ochrony prawnej – w takim wypadku przestępstwo jako bardziej szkodliwe naruszenie prawa pochłania to ostatnie.

CZYN NIEISTOTNY/DROBNE PRZESTĘPSTWO

Zgodnie z ust. 2 art. 11 k.k. Ukrainy nie jest przestępstwem czyn popełniony przez podmiot przestępstwa, zawiniony, o znikomej szkodliwości społecznej. Dlaczego takie przepisy mają swoje miejsce w prawie? Dlatego, żeby podkreślić, że element formalny – bezprawność karna typu czynu – nie może dominować nad materialnym, przez brak szkodliwości społecznej konkretnego czynu.

Uznanie tego lub innego czynu za nieistotny nie zależy od zaistnienia okoliczności, które zgodnie z prawem stanowią przesłanki prawne dla złagodzenia kary lub zwolnienia od odpowiedzialności karnej, od zachowania sprawcy po popełnieniu czynu itp. Z drugiej strony popełnienie przestępstwa wskutek zbiegu ciężkich okoliczności osobistych lub rodzinnych albo innych, dobrowolne odszkodowanie lub naprawienie wyrządzonej szkody, pogodzenie się sprawcy z pokrzywdzonym, utrata przez osobę szkodliwości społecznej w czasie trwania postępowania nie przekształcają przestępstwa w czyn nieistotny.

Za nieistotne nie można uznać następujących czynów:

- skierowanych na wyrządzenie szkody najbardziej znaczącym przedmiotom ochrony karnoprawnej (na przykład usiłowanie zabójstwa lub przygotowanie do przewrotu stanu), a także takich, które powodują złożone skutki. Czyny nieistotne różnią się przecież od przestępstw brakiem szkodliwości społecznej;

- stanowiących zamach na przedmiot nieobjęty ochroną k.k. Ukrainy (na przykład postępowanie w sprawie o zoofilię nie może być wszczęte z powodu braku takiego typu przestępstwa) albo stanowiących wprowadzenie zamach na przedmiot ochrony karnoprawnej, które nie wyrządziły i nie mogły wyrządzić mu szkody nie tylko zasadniczej, ale jakiegokolwiek innej (na przykład pogróżki zdewastowania domu poprzez urządzenie sztucznego trzęsienia ziemi);

- niezawierających w ogóle znamion przestępstwa określonych w art. 11 k.k. Ukrainy, które nie są bezprawne pod względem karnym, popełnione przez osobę, niebędącą podmiotem przestępstwa;

- nierealizujących niektórych znamion ustawowych. W przypadku, gdy fakt wyrządzenia zasadniczej szkody fizycznej określony został bezpośrednio w prawie przez wskazanie konkretnego stopnia uszkodzeń ciała, to nieosiągnięcie takiego stopnia świadczy o niewyczerpaniu znamion ustawowych tego czynu (na przykład nie ma znamion ustawowych czynu przestępnego, jeśli nieumyślnie spowodowano lekkie uszkodzenie ciała);

- dokonanych w stanie obrony koniecznej, wyższej konieczności lub w ramach innych okoliczności wykluczających przestępczość czynu (art. 37-43 k.k. Ukrainy);

- polegających na przygotowaniu do przestępstwa o niewielkiej wadze (ust. 2 art. 14 k.k. Ukrainy).

KLASYFIKACJA PRZESTĘPSTW

Klasyfikacja przestępstw de lege lata przewiduje ich podział na określone kategorie w zależności od przyjętego kryterium. Art. 12 k.k. Ukrainy za takie kryterium klasyfikacji przestępstw uznaje stopień ich ciężkości. Rolę klasyfikatora formalnego zgodnie z tym kryterium pełnią sankcje przepisów części szczególnej k.k., a mianowicie ustawowe zagrożenie karą w postaci pozbawienia wolności i grzywny (jeśli sankcja jednocześnie przewiduje pozbawienie wolności i wymierzenie grzywny to wymierza się wówczas karę pozbawienia wolności).

W zależności od stopnia ciężkości prawo dzieli przestępstwa na cztery kategorie: 1) przestępstwa o niewielkiej ciężkości; 2) przestępstwa o średniej ciężkości; 3) ciężkie przestępstwa; 4) szczególnie ciężkie przestępstwa.

Stopień ciężkości przestępstw wyznacza w pierwszej kolejności przedmiot zamachu, ciężkość wyrządzenia szkody i forma winy. Dlatego szczególnie ciężkie przestępstwa to z reguły czyny umyślne, stanowiące zamach na szczególnie ważne wartości (tj. życie ludzkie, bezpieczeństwo ludzkości, bezpieczeństwo państwa i społeczeństwa w całości) i wyrządzające im najpoważniejsze szkody. Na przykład umyślne zabójstwo to szczególnie ciężkie przestępstwo (art. 115 k.k.), nieumyślne zabójstwo jest przestępstwem średniej ciężkości (ust. 1 art. 119 k.k.), a pobicie przestępstwem niewielkiej ciężkości (ust. 1 art. 126 k.k.).

Stopień ciężkości czynów stanowiących zamach na wartości nienależące do szczególnie znaczących (mienie, bezpieczeństwo społeczne, bezpieczeństwo produkcji, porządek społeczny etc.) może wzrastać w zależności od sposobu, miejsca, czasu, środków i narzędzi ich popełnienia, motywu i celu, specyfiki pokrzywdzonego lub przedmiotu oraz innych okoliczności określonych prawem. Na przykład oszustwo jest przestępstwem niewielkiej ciężkości, ale popełnione przez grupę osób działającą za uprzednim porozumieniem jest uznawane za przestępstwo średniej ciężkości, a popełnione drogą transakcji nielegalnych z użyciem sprzętu elektroniczno-obliczeniowego uważa się za przestępstwo ciężkie.

W praktyce stosowania k.k. klasyfikacja przestępstw w zależności od stopnia ciężkości ma znaczenie m.in. dla:

- określenia pojęcia organizacji przestępczej (art. 28);
- określenia przesłanek udzielenia zwolnienia od odpowiedzialności karnej (art. 45-49);
- wymiaru kary (art. 69, 69-1, 70 i 71);
- określenia przesłanek i warunków zwolnienia od kary i jej odbycia (artykuły 74, 79 i inne);
- ustalenia terminu zatarcia skazania (art. 89) etc.

W praktyce stosowania prawa wymieniona klasyfikacja przestępstw ma także znaczenie dla rozwiązywania kwestii:

- określenia rodzaju instytucji karno-wykonawczej, w której osoba ma odbywać karę;

- tryb utrzymywania osób tymczasowo aresztowanych;
- zastosowania amnestii;
- dokonania działań operacyjno-poszukiwawczych;
- możliwości udzielenia licencji na prowadzenie określonych rodzajów działalności etc.

Najbardziej szczegółowe podejście do klasyfikacji przestępstw w ukraińskiej nauce prawa karnego przedstawił V. K. Hryshchuk w pracy *Prawo karne Ukrainy. Część ogólna*. Autor przedstawił m.in. klasyfikację przestępstw według różnych kryteriów i zaproponował za takie kryteria uznać: przedmiot przestępstwa; formę i charakter czynu społecznie szkodliwego; podmiot przestępstwa; formę winy, motyw, cel, emocje; rodzaje skazania, wskazane przez ustawę Ukrainy o odpowiedzialności karnej (k.k. Ukrainy); stopień ciężkości popełnionego przestępstwa¹.

KLASYFIKACJA PRZESTĘPSTW WEDŁUG PRZEDMIOTU RODZAJOWEGO

Według tego kryterium wyróżnia się: przestępstwa przeciwko podstawom bezpieczeństwa narodowego, przestępstwa przeciwko zdrowiu osoby, przestępstwa przeciwko wolności, honorowi i godności osoby, przestępstwa przeciwko swobodzie seksualnej i nietykalności seksualnej osoby, przestępstwa przeciwko prawom i wolnościom wyborczym, pracy i innym osobistym prawom osoby i obywateli, przestępstwa przeciwko mieniu, przestępstwa w sferze działalności gospodarczej, przestępstwa przeciwko środowisku naturalnemu, przestępstwa przeciwko bezpieczeństwu społecznemu, przestępstwa przeciwko bezpieczeństwu produkcji, przestępstwa przeciwko ruchowi i użytkowaniu komunikacji transportowej, przestępstwa przeciwko porządkowi społecznemu i moralności, przestępstwa w sferze obiegu środków odurzających, substancji psychotropowych, ich analogów lub prekursorów i inne przestępstwa przeciwko zdrowiu ludzkiemu, przestępstwa w sferze ochrony tajemnicy państwowej, nietykalności granic państwowych, zapewnieniu poboru do wojska i mobilizacji, przestępstwa przeciwko autorytetowi organów władz państwowych, organów samorządów lokalnych i zjednoczeń obywateli, przestępstwa w sferze wykorzystania urządzeń elektroniczno-obliczeniowych (komputerów), systemów i sieci komputerowych, przestępstwa w sferze działalności służbowej, przestępstwa przeciwko wymiarowi sprawiedliwości, przestępstwa przeciwko ustalonym zasadom pełnienia służby wojskowej (przestępstwa wojskowe), przestępstwa przeciwko pokojowi: bezpieczeństwu ludzkości i międzynarodowemu porządkowi prawnemu.

Zgodnie z przedmiotem bezpośrednim, na przykład, przestępstwa przeciwko życiu i zdrowiu osoby mogą być klasyfikowane jako: przestępstwa

¹ Hryshchuk V.K. Kryminalne pravo Ukrainy: Zahalna chastyna: Navch. Posib, dla studentiv yurydych. Fak. Vyshch. Navch. Zakl. Vydavnychyy Dim „In Yure”. 2006.

przeciwko życiu osoby, przestępstwa przeciwko zdrowiu osoby, przestępstwa stwarzające zagrożenie dla życia lub zdrowia osoby i inne.

Klasyfikacja przestępstw według formy i charakteru czynu społecznie szkodliwego wygląda następująco. Zgodnie z formą czynu społecznie szkodliwego, przestępstwa dzieli się na: 1) przestępstwa popełniane: a) przez działanie; b) przez zaniechanie; c) przez działanie i zaniechanie; 2) a) proste; b) złożone (trwale, ciągle, złożone). Według charakteru czynu społecznie szkodliwego (przygotowanie do przestępstwa, usiłowanie przestępstwa, przestępstwo dokonane). Według podmiotu przestępstwa mogą być klasyfikowane jako: przestępstwa popełniane przez ogólny podmiot przestępstwa, przestępstwa popełniane przez podmiot specjalny.

Zgodnie z formą winy, motywami, celem, emocjami, przestępstwa są klasyfikowane następująco. Zgodnie z formą winy (umyślne, nieumyślne, z podwójną [złożoną] formą winy); zgodnie z motywami (w celu osiągnięcia korzyści i bezinteresowne itp.); zgodnie z celem (ukrycie przestępstwa, bezpodstawne wzbogacenie się, siłowa zmiana lub obalenie ładu konstytucyjnego itp.); według emocji (stanu emocjonalnego, np. przestępstwa popełniane w stanie wzburzenia).

Zgodnie z rodzajem kar określonych na mocy ustawy Ukrainy o odpowiedzialności karnej (k.k. Ukrainy) można wyodrębnić następujące rodzaje przestępstw: przestępstwa, za których popełnienie wymierza się karę niepowiązaną z pozbawieniem wolności; przestępstwa, za których popełnienie przewidziano karę powiązaną z pozbawieniem wolności; przestępstwa, za których popełnienie wymierza się karę zarówno niepowiązaną z pozbawieniem wolności, jak i karę powiązaną z pozbawieniem wolności.

Zgodnie ze stopniem ciężkości przestępstwa można klasyfikować według:

a) kryteriów materialnych – stopnia szkodliwości społecznej, który można też określać jako zbieg czynników przedmiotowych i podmiotowych, a mianowicie: znaczenia podmiotu przestępstwa; charakteru czynu społecznie szkodliwego; charakteru skutków społecznie szkodliwych; ciężkości skutków społecznie szkodliwych; sposobu popełnienia czynu społecznie szkodliwego, formy i rodzaju winy; specyficznych cech podmiotu przestępstwa, motywów przestępstwa; celu przestępstwa;

b) kryterium formalnego – rodzaj i zagrożenie karą:

– za przestępstwo niewielkiej ciężkości uznawane jest przestępstwo, za które przewidziano karę w postaci pozbawienia wolności na okres do dwóch lat lub inną, łagodniejszą karę, z wyjątkiem kary w postaci grzywny w wysokości powyżej trzech tysięcy minimalnych nieopodatkowanych dochodów obywateli (ust. 2 art. 12 k.k. Ukrainy);

– za przestępstwo średniej ciężkości uznawane jest przestępstwo, za które przewidziano karę w postaci grzywny w wysokości nie większej niż dziesięć tysięcy minimalnych nieopodatkowanych dochodów obywateli albo pozbawienia wolności na okres do pięciu lat (ust. 3 art. 12 k.k. Ukrainy);

– za przestępstwo ciężkie uznawane jest przestępstwo, za które przewidziano karę w postaci grzywny w wysokości nie większej niż dwadzieścia pięć tysięcy minimalnych nieopodatkowanych dochodów obywateli albo pozbawienia wolności na okres do dziesięciu lat (ust. 4 art. 12 k.k. Ukrainy);

– za przestępstwo szczególnie ciężkie uznawane jest przestępstwo, za które przewidziano karę w postaci grzywny w wysokości powyżej dwudziestu pięciu tysięcy minimalnych nieopodatkowanych dochodów obywateli albo pozbawienia wolności na okres powyżej dziesięciu lat lub karę dożywotniego pozbawienia wolności (ust. 5 art. 12 k.k. Ukrainy).

W nowym kodeksie postępowania karnego Ukrainy, który został przyjęty i wszedł w życie w 2012 roku, po raz pierwszy pojawiło się pojęcie „karne naruszenie prawa” i podział karnych naruszeń prawnych na przestępstwa i wykroczenia. Na razie ukraińskie prawo karne jest w stanie „gotowości do reformy”. Jednak z przyczyn politycznych ta reforma przesuwana jest w czasie: są obawy, że wraz z przekształceniem w wykroczenia karne niektórych kategorii, obecnie tzw. wykroczeń administracyjnych, organy dochodzenia przed sądowego nie poradzą sobie z dochodzeniem w tych sprawach. Jest to kwestia prac organizacyjnych, pewnych przekształceń instytucjonalnych, finansowania etc., czyli jest pytaniem taktycznym, którego rozstrzygnięcie uzależnione jest od woli politycznej.

Natomiast strategia reform polega na tym, że do kategorii wykroczeń karnych *de lege ferenda* powinny zostać zaliczone:

– poszczególne czyny, które według obowiązującego k.k. Ukrainy uznawano za przestępstwa niewielkiej ciężkości, które zgodnie z polityką humanizacji prawa karnego będą uznane przez ustawodawcę za niemające znacznego stopnia szkodliwości społecznej;

– czyny, określone zgodnie z obowiązującym kodeksem Ukrainy o wykroczeniach administracyjnych, podlegające jurysdykcji sądowej, niemające ze swej istoty administracyjnego charakteru (drobne chuligaństwo, kradzież cudzego mienia etc.). Za te czyny wymierza się karę w postaci krótkoterminowego pozbawienia wolności, grzywny, pozbawienia konkretnych praw, zaangażowania do prac obowiązkowych, a także konfiskatę specjalną. Popelnienie wykroczeń kryminalnych nie powoduje karalności.

Główne zadanie rozgraniczenia przestępstw i wykroczeń karnych polega na zapewnieniu:

1) dalszej humanizacji prawa karnego – kosztem dekryminalizacji wielu czynów, które obecnie jeszcze są uznawane za przestępstwa;

2) uproszczonego trybu pociągania do odpowiedzialności prawnej osób, które popełniły wykroczenia karne. Otóż w sprawach dotyczących wykroczeń karnych proponowano: prowadzenie jedynie krótkiego dochodzenia, a w przypadku udowodnienia winy i przyznania się do winy osoby, której zapewniono obronę przez adwokata, i niesprzeciwienia się skazaniu, dopuszczalne jest wymierzenie kary, ustalonej przez sędziego bez rozprawy sądowej;

3) przestrzeganie prawa do obrony i innych uprawnień, wyznaczających sens pojęcia „wymiar sprawiedliwości” w stosunku do wszystkich osób obecnie pociąganych do odpowiedzialności administracyjnej za tzw. wykroczenia administracyjne, które w gruncie rzeczy ze swej istoty są karnymi naruszeniami prawa. Osoby oskarżone o popełnienie wykroczeń kryminalnych uzyskują wszelkie prawa procesowe i prawo do procesu karnego, których obecnie są pozbawione.

W związku z powyższym przypominamy, iż zgodnie z decyzją Trybunału Europejskiego Praw Człowieka (na przykład decyzja z dnia 21 lutego 1984 roku w sprawie p. Otstyuka przeciwko Niemcom) takie administracyjne naruszenia prawa są częścią prawa karnego bez względu na to, że państwo terminologicznie określiło je inaczej. Dlatego też państwo jest zobowiązane zapewnić w postępowaniu w takich przypadkach pełny wachlarz gwarancji, określonych dla „spraw karnych” (domniemanie niewinności, prawo do obrony, prawo do zaskarżenia wyroku etc.);

4) zmniejszenie liczby przypadków nielegalnego wykorzystania wyników postępowań administracyjnych w trakcie dochodzenia spraw karnych (decyzja Trybunału Europejskiego Praw Człowieka z dnia 19 lutego 2009 roku w sprawie Doronin przeciwko Ukrainie), takich jak zatrzymanie osoby, kontrola osobista i kontrola rzeczy, zatrzymanie rzeczy i dokumentów bez należytej kontroli sądowej. W trakcie tych postępowań nie tylko stosuje się tortury, ale ujawnia się dowody ważne dla dochodzenia karnego.

Obecność sprzecznych z prawami człowieka norm o wykroczeniach administracyjnych stwarza organom ochrony prawa dodatkowe możliwości w zakresie naruszenia praw człowieka w postępowaniu karnym. Chodzi na przykład o zatrzymanie administracyjne w związku z naruszeniem zasad obiegu środków odurzających do trzech, a nawet do dziesięciu dni celem ustalenia tożsamości, ustalenia okoliczności nabycia przechwyconych przez organa narkotyków - bezpośrednio na podstawie zezwolenia prokuratora. (art. 263 kodeksu Ukrainy o wykroczeniach administracyjnych). Czasu trwania takiego zatrzymania sąd nie kontroluje i faktycznie jest on wykorzystywany na prowadzenie postępowania karnego;

5) zapewnienia ochrony sądowej praw człowieka, odpowiedniego wymiaru kar powiązanych z ograniczeniem praw konstytucyjnych (chodzi o konfiskatę mienia, prace naprawcze, prace społeczne, areszt krótkoterminowy etc.) zgodnie z przepisami art. 6 konwencji o ochronie praw człowieka i podstawowych wolności. Żaden inny organ państwowy, oprócz sądu, nie ma prawa podejmować decyzji o zastosowaniu wymienionych kar;

6) przestrzeganie zobowiązań międzynarodowych. Niektóre umowy międzynarodowe przewidują konieczność ustalenia odpowiedzialności karnej za pewne czyny, na przykład dotyczące transportu samochodowego. Pomimo tego te ostatnie według stopnia swej szkodliwości stanowią wykroczenia karne i nie mogą być zaliczone do kategorii przestępstw. Istnienie w dniu

dzisiejszym tylko jednego rodzaju czynów karnych (przestępstw) zmusza ustawodawcę postradzieckiego do uznania takich bezprawnych działań tylko za przestępstwa z wszelkimi konsekwencjami prawnymi z tego wynikającymi;

7) optymalizacja działania organów wymiaru sprawiedliwości w zakresie wykrywania, śledztwa i postępowania sądowego w sprawach karnych, skupienie ich wysiłków na rzeczywiście niebezpiecznych kryminalnych naruszeniach prawa.

W nawiązaniu do ostatniej tezy należałoby zwrócić uwagę na fakt, że na Ukrainie stałemu zwiększaniu liczby faktycznie popełnianych i odnotowanych przestępstw towarzyszy każdego roku zmniejszanie się liczby zarówno osób stających przed sądem, jak i osób skazanych, a przy wymienieniu pojęć „przestępstwo” – „odpowiedzialność karna” – „skazanie” coraz częściej niepotrzebne staje się drugie i trzecie ogniwo: odpowiedzialność karna w żadnej formie nie jest realizowana w co siódmym przypadku, a przy popełnieniu przestępstw niewielkiej ciężkości - prawie co trzecim.

Na 100 osób postawionych przed sądem skazano jedynie 85. Z każdych 85 skazanych – 45 zwolniono z kary, a większość z 40 skazanych zwolniono z dalszego odbycia kary na podstawie amnestii, ułaskawienia, zwolnienia przedterminowego lub warunkowego albo na podstawie innych przesłanek. Spośród 100 osób realnie odbywa karę 20-25.

Jednak interesy pokrzywdzonych osób, ochrona praw i interesów ustawowych, co na mocy prawa jest pierwszoplanowym zadaniem wymiaru sprawiedliwości, nie są w pełni uwzględniane. Znaczna część przestępstw pozostaje niewykryta i nie prowadzi się dochodzenia, latencja (ciemna liczba) przestępstw jest wciąż wysoka. Na przykład logika podpowiada, że nie wszystkie bez wyjątku przypadki samobójstw (15 000 rocznie) lub prób samobójczych (powyżej 50 000 rocznie) nastąpiły bez nielegalnej ingerencji ze strony innych osób. Tymczasem skazań za to z art. 120 k.k. (doprowadzenie do samobójstwa) każdego roku było tylko kilka, a w niektórych latach nie było żadnego.

Przez ostatnie 15 lat zakażenie wirusem HIV rozpoznano u prawie 200 000 osób, a AIDS u powyżej 35 000, z tego powodu zmarło powyżej 20 000 osób. Przecież ktoś je zaraził? Za zakażenie wirusem HIV (art. 130 k.k.) na razie skazano tylko 40 osób.

Każdego roku powstaje prawie 50 000 pożarów, przez które ginie kilka tysięcy osób. Bezpośrednie straty materialne wynoszą setki milionów hrywien. Pomimo tego, za naruszenie zasad bezpieczeństwa przeciwpożarowego określonego na mocy prawa (art. 270 k.k.), przykładowo w 2011 roku skazano jedynie pięć osób.

Liczba tzw. archeologów na czarno znacznie przekroczyła liczbę archeologów legalnych. W wyszukiwarce internetowej po wpisaniu hasła „zdeństwowano cerkiew” można znaleźć setki linków. Każdego roku na Ukrainie płonie od 20 do 30 drewnianych świątyń, ale za samowolne prowadzenie prac

poszukiwawczych na terenie zabytku archeologicznego (art. 298 k.k.) skazano jedynie kilka osób, a za zdewastowanie budowli sakralnych (art. 178 k.k.) nie skazano nikogo.

Komisja ONZ, przeciwdziałająca torturom, w swoich uwagach ciągle wspomina o stosowaniu na Ukrainie tortur i okrutnego traktowania podczas przetrzymywania pod strażą, zatrzymania osób bez orzeczenia sądu, braku rejestracji faktycznego czasu aresztu, ograniczeniu dostępu do adwokatów. W 2011 roku z aresztu śledczego zwolniono ponad 10 000 osób, w tym 100 zostało zwolnionych w związku z umorzeniem spraw w sądzie i na podstawie wyroków uniewinniających. Ale nie ma żadnego skazania ani na podstawie art. 372 (świadome pociągnięcie niewinnej osoby do odpowiedzialności karnej), ani zgodnie z art. 374 (naruszenie prawa do obrony), a za świadome zatrzymanie nielegalne lub areszt (art. 371 k.k.) skazano tylko jedną osobę.

Pomimo tego prawo karne Ukrainy dosyć skutecznie pełni swoje funkcje: regulacyjną, ochronną, prewencyjną. Pozytywną rolę w tym procesie bez wątpienia odgrywa instytucja przestępstwa, która utrwaliła się w obowiązującym k.k. Ukrainy.

SUMMARY

This paper discusses the problems of the development of offence studies in the theory of Ukrainian criminal law. The first understanding and normative description of the concept of offence can be found most clearly in the oldest Ukrainian legal sources and in scientific sources. Nonetheless, the authors focus their attention on the development of studies on the concept of offence on the territory of contemporary Ukraine from the beginning of the Soviet period till present times.

The authors reach the conclusion that although the Soviet jurisprudence began its development from a total denial of the achievements of its national and foreign criminal jurisprudence, as a consequence of evolutionary development it managed to elaborate a scholarly justified positions referring to the understanding of the essence of offence, distinguishing it from non-criminal acts, the classification of offences, which formed the basis of contemporary criminal law approach to these problems in Ukraine.

Contemporary criminal law defines offence as a socially dangerous and culpable act (action or omission), committed by the subject of the offence. The criminal jurisprudence recognises the following obligatory features: 1) the act is socially dangerous; 2) the act is defined by the Criminal Code of Ukraine; 3) the act is culpable; 4) the act was committed by the subject of the offence; 5) the socially harmful act is punishable. The lack of any of these features means an act constitutes no offence.

Besides the authors analyse the difference between an offence and other socially harmful acts: petty offences, torts etc. and they also make the classification of offences.

ZASADY NEGATYWNEJ (RETROSPEKTYWNEJ) PRAWNEJ ODPOWIEDZIALNOŚĆ W DOKTRYNIE PRAW CZŁOWIEKA W UKRAINIE

Jak najbardziej obiektywny, ambientu i wnikliwa analiza możliwych rzeczywistości prawnej w świetle zasad prawa i ich roli w mechanizmie regulacji stosunków społecznych.

Zasady negatywne (retrospektywa) prawnie odpowiedzialna osoba przez N. Vitruk - jest najczęściej do instytucji prawnych, dyrektywa, wymaganie obowiązkowe zasady, które określają, w jaki sposób treść regulacji prawnej stosunków obowiązków prawnych i działań podejmowanie działań (wagi), zprawnego odpowiedzialność. Znajomość zasad odpowiedzialności prawnej za ważne do ustawodawcy, który generuje odpowiedni praworządności i dla sędziów i innych pravozastosuvachiv [4, 185].

Zasady negatywne (retrospektywa) prawnie odpowiedzialna osoba jest rodzaj zasad międzysektorowych prawa (rozporządzenia, a zatem, podobnie jak inne tego typu zasad, są podporządkowane, «podległych» jego ogólne zasady szczególne typologiczne historycznych [11, 162].

S. Bobrovnyk określa zasady negatywne (z mocą wsteczną) odpowiedzialności prawnej w ludzkich warunkach i pomysłów z wzmocnienia legislacyjnego i definiowania siebie i prawdziwą naturę odpowiedzialności jako sposób leczenia i celu ochrony i praw podmiotowych i porządku publicznego [3, 295].

Z definicji B. Bazylyeva zasad odpowiedzialności prawnej jako podstawowych ludzkich idei, które wyrażają istotę, naturę i cel instytutu odpowiedzialności zawarte w ustawodawstwie w postaci reguł. Przepisy określają także charakter czynu stosunków prawa regulującego [1, 56-57].

V. Lazarev i V. Fodorova uważają, że prawo należy rozumieć przez zasady odpowiedzialności prawnej takiej osoby wynikające z natury społeczno – ekonomicznej praw uznanych i zapisane w prawie regulacyjnym ideałów – ochronne wpływu odpowiedzialności prawnej na zachowanie mobilności gospodarczej i wielkość i kolejność stosowania środków [8, 84].

W literaturze prawniczej, nie ma konsensusu naukowego na zasadach negatywnych (retrospektywnych) praw i obowiązków treści. W szczególności wyróżnić zasad, które są ustalone przez prawo bezpośrednio (zasad prawnych) i zasad, które wynikają z charakteru prawnego odpowiedzialności prawnej osoby. Kształt definicji prawnej zasad prawnych wśród wyróżnionych przez człowieka zasad konstytucyjnych odpowiedzialności prawnej, które są zapisane w konstytucji i zasad branży zawartych w prawodawstwie sektorowym. Zwraca się uwagę na fakt, że zgodnie z prawem osoba odpowiedzialna

podlega zahalnopravovi zasad. Zasady te określają treść i kierunek zasad odpowiedzialności prawnej, które są szczególne zasady dotyczące ogólnych zasad prawnych. Wspólną doktrynę prawa m.in. zasady: legalności, sprawiedliwości, ludzkości, praworządności, równości prawnej, bezpieczeństwa państwa, praw człowieka i praw obywatelskich, rekompensaty państwa za szkody wyrządzone przez niezgodne z prawem działanie reprezentowanych przez agencje rządowe i urzędników. Zasady Zahalnopravovi pełni określić znaczenie i wpływ na odpowiedzialność prawną osoby. Są one ściśle powiązane ze sobą pod względem treści i ich wpływu, znajdują się z wprowadzeniem ich w specjalnych zasadach prawnych odpowiedzialności. N. Vitruk odnosi się do szczególnych zasad są zasady odpowiedzialności prawnej osoby: 1) konstytucyjności i legalności, pewności i ważności z tytułu odpowiedzialności prawnej, oraz 2) nieuchronności wystąpienia odpowiedzialności prawnej, 3) poziomu podstawy odpowiedzialności prawnej, 4) Personifikacja i indywidualizacji odpowiedzialności prawnej, 5) niedopuszczalność podwójną karę za jeden i ten sam czyn, i 6) optymalne formy proceduralne i proceduralne odpowiedzialności prawnej, 7) sprawność odpowiedzialności prawnej [4, 185-187].

P. Rabinowicz dobra okazja, wyraził pogląd, że prawa negatywne (retrospektywa) odpowiedzialności prawnej stosowania następujących zasad: a) legalności (tereny, procedury ścigania jej rodzaju i wielkości), oraz b) ważności w zakresie ustaleń faktycznych i subiektywnych obiekt przestępstw, a także inne istotne fakty związane z prawem do tych okolicznościach), c) wykonalności (w odniesieniu do celów prawnych odpowiedzialnością), d) nieodwracalność (bez obrazy nie powinny być bez odpowiadać właściwym organom) e) kapitał własny lub personalizacja (za zgodność zgodnie z prawem wybrany środek społecznej odpowiedzialności negatywnej charakterystyki konkretnego sprawcy). Prawo państwa, w orientacji socjaldemokratycznej – zgodnie z jego typologicznych zasad – odpowiedzialność prawna zakłada zgodnie z prawem tylko do: 1) działania fizyczne (a nie myśli, filozofii, prawa własności społecznej lub indywidualnej), oraz 2) prawnie czynu zabronionego, i 3) jest winny akt (ale być może pewne wyjątki) i 4) aktem osobistym sprawcy (ale być może pewne wyjątki) [11, 162].

Najważniejszą zasadą negatywnej odpowiedzialności prawnej pisze N. Onischenko – to zasady: legalności, winy, kary, pewność ludzkości, sprawiedliwości, domniemania niewinności [10, 40-41].

Szersze podejście do definiowania zasad negatywne (retrospektywa) prawnie odpowiedzialna osoba wniosła S. Bobrovnyk kto nazwie i rozważyć następujące zasady: 1) zasadą legitymizacji, i 2) zasadę, zgodnie przestępstw i kar, 3) zasady sprawiedliwości, 4) zasady racjonalności, 5) zasada konkurencji, i 6) zasada prawa do obrony, 7) zasada nieuchronności odpowiedzialności; 8) Zasada terminowego sprawiedliwości; 9) Zasada humanitaryzmu, 10) zasada celowości, 11) zasada indywidualizacji kary, 12) zasada odpowiedzialności za zawinione ustawy, 13) zasada rehlamentovanosti prawnych [3, 296-299].

Według M. Mironenko następujące zasady są pięć : 1) zasada sprawiedliwości, 2) zasada legalności, i 3) zasada obowiązkowego odpowiedzialności, 4) zasada indywidualizacji odpowiedzialności, 5) zasady winy. W tym samym czasie – powiedziała – zasada sprawiedliwości osoby prawnej odpowiedzialności systemu – jest podstawą [9, 5].

Wśród szczególnych zasad negatywne (retrospektywne) Prawa odpowiedzialności prawnej zaleca się m.in. następujące zasady: 1) zasada demokratycznej, oraz 2) zasady człowieczeństwa, odpowiedzialności, oraz 3) zasady odpowiedzialności normatywnego, 4) zasady sprawiedliwego odpowiedzialności, 5) zasada równego sprawiedliwości.

Zasada demokratycznych praw odpowiedzialnością prawną. Prawa odpowiedzialnością prawną z siedzibą demokratyczny sposób – za pośrednictwem legalnych demokratycznych organów państwa w zakresie ich kompetencji i zgodnie z procedurami ustanowionymi przez prawo rozwoju, przyjęcia i egzekwowania przepisów.

Demokracja odpowiedzialność prawną człowieka przejawia się w szczególnej formie proceduralnej i prawnej jego realizacji. W niektórych przypadkach proces ten może obejmować grupy pracy, ludzi, oceniających jurorów.

Manifestacja praw demokratycznych jest odpowiedzialność prawną w ramach istniejącego prawa możliwość zwolnienia z odpowiedzialności prawnej, w tym aktów amnestii i ułaskawienia.

Demokratyczna podmiot osoba prawnie odpowiedzialna zapewniając demokratycznie utworzone organy państwa – zgodnie z prawem oraz w granicach ich kompetencji . Głównym zadaniem jest przypisany do sądów, prokuratorów i innych organów ścigania. Równie ważne w tym przypadku jest, aby odwołanie zgodnie z prawem decyzji i działań tych organów w realizacji działań prawnych.

Zasada humanitaryzmu odpowiedzialności prawnej człowieka przejawia tę zasadę przede wszystkim przez głoszenie sztuki. 3 Konstytucji Ukrainy , że czyjeś życie i zdrowie, honor i godność, nietykalność i bezpieczeństwo są uznawane na Ukrainie jako najwyższej wartości społecznej. Prawa i wolności i ich gwarancji określić istotę i orientację państwa, a zwłaszcza przez prawo, odpowiedzialności prawnej.

Vysokohumannoyu jest strategicznym celem i ukraińskie procesy reform – do opracowania i wzmocnienia demokratycznego państwa, społeczną i prawną.

Odpowiedzialność prawną opiera się na obowiązującym ustawodawstwem Ukrainy osoby stale dostosowana do społeczności międzynarodowej wykonane humanistycznych standardów. Ten w pełni stosuje się do środków regulacji, kary, kary, które stosuje się do naruszające prawa i procedur w celu wykonania zobowiązania prawnego . Szczególną rolę przypisuje się w sądach.

Przejawem zasady ludzkości prawnie odpowiedzialna osoba ma możliwości pomocy różnicowanie odpowiedzialności Indywidualizacja rozporządzenia, sankcje i kary, zwolnienia z odpowiedzialności.

Ludzkość odpowiedzialność prawną człowieka jest nierozdzielnie związane z jego celowości. Oznacza to przede wszystkim, że sankcje prawne i kary, które będą stosowane do celów odpowiedzialności prawnej. Jeśli celem odpowiedzialności prawnej, zgodnie pravoastostuvacha można osiągnąć bez kary prawnej albo karaniu, że człowiek nie może być ścigana je lub mogą być zwolnione z tego.

Zawartość tej zasadzie głównie sprowadza się do następujących czynności: osoba może ponosić prawną odpowiedzialność tylko wtedy, gdy korpus istotne wykroczenie; przeprowadzenie tej ewentualnej odpowiedzialności prawnej w obrębie terminów przedawnienia przewidzianych przez obowiązujące przepisy prawa, prawne lub kara kara może być podawany tylko i są w granicach określonych przez obecnego ustawodawstwa w chwili przestępstwa, kara prawna lub kara jest powoływany przez właściwy organ państwa, często sąd, kary prawne są podawane w odpowiednich prawnych działań proceduralnych właściwych władz państwa, sankcje prawne i kary powinny być wykonywane zgodnie z obowiązującymi Prawo.

Zasada sprawiedliwości praw odpowiedzialnością prawną.

W art. 10 Powszechnej Deklaracji Praw Człowieka podkreślił w szczególności, że każda osoba w celu określenia jego praw i obowiązków oraz do ustalenia zasadności oskarżenia w wytoczonej przeciwko niemu, każdy jest uprawniony na warunkach całkowitej równości, z faktu, że jej przypadek został zweryfikowany przez publiczne ***i zgodności ze wszystkimi wymaganiami sprawiedliwości*** przez niezawisły i bezstronny sąd. Sprawiedliwości na Ukrainie, zgodnie z art. 124 Konstytucji Ukrainy jest podawany wyłącznie przez sądy.

Zrozumienie sprawiedliwości zależy od poziomu świadomości społecznej, kultury prawnej i ogólnego. Przede wszystkim należy zapewnić pewność prawną odpowiedzialność jako jeden z jej najważniejszych cech. Na właściwe władze obowiązku każdego przestępstwa ***wczesnego*** wykrywania i ***terminowego*** zaangażowania każdego winnego popełnienia przestępstwa odpowiedniego do rodzaju odpowiedzialności prawnej i zgodnie z obowiązującym prawem.

Nieuchronność odpowiedzialności prawnej człowieka niekoniecznie jest związane ze stosowaniem sankcji norm prawnych. Reakcja państwa popełnienia przestępstwa może być, w zależności od okoliczności sprawy, poprzez potępienie sprawcy i zwolnieniu z odpowiedzialności prawnej.

Gdy przestępstwo zostało popełnione, ale nie wykryte przez właściwe organy państwa, lub gdy przestępstwo zostało odkryte, ale winny komisji nie są pociągani do odpowiedzialności w takich przypadkach, powoduje zakłócenia porządku publicznego, podważając zaufanie w moc wiary w rządy prawa i sprawiedliwości, zwiększonej nihilizm prawny i w konsekwencji, liczba wykroczeń.

Uzasadniona jest odpowiedzialność prawna osoby, która sprzedała się w dziedzinie prawa, oparte na uniwersalnych wartościach demokracji,

człowieczeństwa, miłości. Sprawiedliwość odpowiedzialność prawną człowieka w dużej mierze zależy pravozasosuvacha. Kara kara może prawnej lub formalnie zgodne z obowiązującym prawem, ale przez jego rodzaju i wielkości za nieuczciwe. Więc pravozasosuvach powołanie kary prawnej lub karania jest potrzebne do ich indywidualizować – brać pod uwagę nie tylko formalne przyczyny naruszeń prawa, ale także stopień szkodliwości publicznego lub zagrożenia przestępstwa ich ciężkości przestępcę, kształt jego winy, okoliczności, w łagodzeniu lub zaostrzenia odpowiedzialności prawnej. Zgodnie z ogólną zasadą, sprawca zostanie wniesiona dwa razy do odpowiedzialności prawnej tego samego rodzaju dla tego samego przestępstwa. Jednakże, sprawca może być ścigane zgodnie z obowiązującym prawem do kilku rodzajów odpowiedzialności prawnej. Tak więc, w przypadku umyślnego zniszczenia lub uszkodzenia mienia sprawcy przyniósł do odpowiedzialności karnej i oprócz odpowiedzialności cywilnej w zakresie kompensacji, odszkodowanie. Policja, na przykład, może w ten sposób przyciąga więcej i zdyscyplinowany.

To byłoby sprawiedliwe, by być nie tylko doprowadzenie do odpowiedzialności ludzi, powołania kary prawnej lub kary, ale także wykonać przypisaną karę prawną lub karę.

Zasada równości praw z tytułu odpowiedzialności prawnej.

Słownik Oxford z politycznego wskazano cztery główne aspekty zasady równości: 1) równy szacunek w schemacie uchwał decyzyjnych – wymóg wykonywania równego poszanowania poglądów każda, oraz 2) Celem Attitude – wymóg równego rozważenia podobnych sprawach, i 3) równości dystrybucji – wymaganie odbierania każdym poziomie konkretnych korzyści i 4) wyniki równości – wymóg, zgodnie z którą osoby, po alokacji leczenia powinny być w tych samych warunkach [7, 596].

Treść zasady równości praw z tytułu odpowiedzialności prawnej ujawniono odnosząc się przede wszystkim do instrumentów międzynarodowych dotyczących praw człowieka. W wieku.1 Powszechnej Deklaracji Praw Człowieka, przyjętej przez Zgromadzenie Ogólne ONZ w dniu 10 grudnia 1948 r., stanowi, **że wszystkie istoty ludzkie rodzą się wolne i równe w godności i praw**, oraz w art. 7 wskazuje, że **wszyscy ludzie są równi wobec prawa** i mają prawo, bez jakiegokolwiek różnicy, do jednakowej ochrony prawnej.

Zasadę równości wszystkich ludzi wobec prawa przenika do bieżącego Konstytucji Ukrainy. W wieku.21 Konstytucji Ukrainy twierdzi, że wszyscy ludzie są wolni i równi w swej godności i swych praw, oraz w art. 24, że wszyscy obywatele mają równe prawa i wolności oraz są równi wobec prawa. Jedną z zasad sprawiedliwości na Ukrainie określonych w art. 129 Konstytucji Ukrainy, jestrówność wszystkich obywateli wobec prawa isądu, sąd.

Równość prawna nie jest absolutna. Można powiedzieć, że to jestwzględne (formalne) równość ludzi wolnych i niezależnych (podmiotami prawa) na podstawie wspólnych norm i równie [5, 122-127]. Jest to jedno z kryteriów

właściwości prawa w demokratycznym, humanitarnego, sprawiedliwego instytucji społecznej. Rozpoznawanie różnych ludzi formalnie równych – mówi Ivan Kalnoy – jest « ... równoznaczne z uznaniem ich równego sytuacji jak możliwość, że jedna osoba może zrealizować inne i nie próbuje tego robić. Innymi słowy, prawo jest równe dla różnych ludzi, formalny sposób zdobywania bogactwa, a niepodział tych świadczeń wszystkich jednakowo» [6, 31].

Równość i nierówność oddzielić od siebie, które istnieją w każdym systemie społecznym, w przeciwieństwie wzajemowrównowagi trendów. W tym przypadku, system społeczny jest w stanie stabilnym podczas równowagi dynamicznej. Równość jako jedna z zasad systemu społecznego pozwala twierdzić, jego stabilność. Z kolei, nierówność jest czynnikiem, który decyduje miejsce jednostki w hierarchii społecznej, a może być z kilku rodzajów [5, 123].

B. Bachinin zidentyfikowano następujące rodzaje nierówności ludzi: 1) Nierówności naturalnego spowodowane fizjologicznym, somatyczne, psychiczne i fizyczne cechy ludzi, ich różnic w wieku, płci, moc, piękno, i innych, które zawsze istniały pomiędzy ludźmi i nigdy nie zniknie, i 2) nierówności społeczne pojawiły się wraz z rozwojem cywilizacji, ma wiele form i przejawia się w różnych dziedzinach życia publicznego. Najwyraźniej tego rodzaju nierówności przejawia się w podziale pracy w spraw fizycznego i psychicznego, w sposób życia na wsi i w mieście, w różnych rolach społecznych (zawód, stanowisko) w poziomie zamożności, wielkości nieruchomości, w związku z różnymi organizacjami i grupami; charakter świadczeń socjalnych, oraz 3) nierówności kulturowe obejmuje różnice w poziomie edukacji, wychowania, kultury, stopnia uzdolnień kreatywności i talentu. Ludzie różnią się charakterem potrzeb, rodzaje ideologii, przekonań światopoglądowych, przekonań religijnych [2, 686].

Formalna równość prawna osób przed obiektywnym prawem karnym przejawia się w tym, że zasady prawa są takie same, równe dla wszystkich podmiotów publicznych relacji, skala pomiaru akty ludzi, tej samej miary zasadności wykonywania swoich praw i obowiązków. Racjonalne równości zawsze byłą znakiem sprawiedliwości.

Mając głębokie zrozumienie zasad naukowych negatywne (retrospektywa) odpowiedzialności prawnej jest czynnikiem, który może przyczynić się do dalszych badań teoretycznych i stosowanych problemów prawa, opracowywania i wdrażania działań legislacyjnych, stosowanie norm prawnych, zbieżnych z nowoczesnymi trendami socjaldemokratycznych w społeczeństwie.

Список використаних джерел

1. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.
2. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – М.: Юридический центр Пресс, 2006.

3. Бобровник С. В. Юридична відповідальність // Загальна теорія держави і права (основні поняття, категорії, правові конструкції та наукові концепції): навч. посібник / за ред. О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенко. – К.: Юрінком Інтер, 2011.

4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. – М.: РАМ, 2008.

5. Гришук О. В. Людська гідність у праві: філософські проблеми. – К.: Атіка, 2007.

6. Кальной И. И. Философия права: учебник. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

7. Короткий оксфордський політичний словник / За редакцією І. Макліна і А. Макмілана; переклад з англ.. – К.: Основи, 2006.

8. Лазарев В. М., Федорова В. Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография. – Волгоград: Изд-во Вол. ГУ, 2005.

9. Мироненко М. Б. Принципы юридической ответственности в системе права: автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.

10. Оніщенко Н. М., Тарахонич Т. І., Пархоменко Н. М., Макаренко Л. О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах / за заг. ред. Н. М. Оніщенко. – К.: Юридична думка, 2009.

11. Рабінович П. М. Основи загальної теорії права та держави: навч. Посібник. – Вид. 10-е доповнене. – Львів: Край, 2008.

* * *

Polska. Lublin. Człowiek-Rodzina-Prawo. Nr. 8 (29). – 2014. – S. 18-25.

BEZPIECZEŃSTWO PRAWNE SYSTEMU POLITYCZNEGO W UKRAINIE: RZECZYWISTOŚĆ I PERSPEKTYWY

Jedną z funkcji prawa jest zapewnienie bezpieczeństwa systemu politycznemu Ukrainy, który obejmuje państwowe i niepaństwowe instytucje społeczne oraz zasady, mające na celu zapewnienie niezależności, integralności terytorialnej i samorządności narodu, będących podstawą dalszego rozwoju wszystkich dziedzin życia narodowego. W doktrynie prawa ukraińskiego możemy wyróżnić następujące elementy: 1) instytucjonalny; 2) regulacyjny; 3) funkcjonalny; 4) komunikacyjny; 5) duchowy. Element **instytucjonalny** tworzą poszczególne instytucje polityczne: władza państwowa w jej naturalnym podziale na ustawodawczą, wykonawczą i sądowniczą; partie polityczne oraz organizacje społeczno-polityczne; kościół; organy samorządu lokalnego. Element **regulacyjny** zawiera normy społeczne w ujęciu systemowym.

Element **funkcjonalny** wyraźnie przejawia się w procesie politycznym i ustroju politycznym. Element **komunikacyjny** polega na złożonym systemowym urzeczywistnieniu relacji społeczno-politycznych. Do niego należą podsystem informacyjno-komunikacyjny: środki masowego przekazu; środki komunikacji; infrastruktura naukowo-informacyjna, obejmująca instytucje, które zajmują się gromadzeniem, przetwarzaniem i rozpowszechnianiem informacji wśród odbiorców. Element duchowy obejmuje: kulturę religijną, świadomość polityczną, kulturę polityczną. Funkcjonowanie każdego z tych elementów na Ukrainie zabezpieczone, przede wszystkim, prawem jako dominującym środkiem, regulującym stosunki społeczne. Dlatego temat zaproponowany do dyskusji jest niezwykle szeroki i różnorodny.

W ukraińskiej doktrynie prawnej dużo uwagi poświęca się pozytywnym zmianom w systemie politycznym, przeprowadzanym od czasu uzyskania niepodległości, a szczególnie po Rewolucji Godności, której wyrazicielem stał się Majdan. Wspomina się często o tych przedsięwzięciach, nacełowanych na poparcie reform, których dokonuje Unia Europejska, zwłaszcza także Rzeczpospolita Polska, za co Ukraińcy są szczególnie wdzięczni. Jednocześnie, dostrzega się kwestii kontrowersyjnych i problemów, jakie pojawiają się na drodze stworzenia na Ukrainie demokratycznego, prawnego państwa socjalnego. Występowanie kwestii spornych istotnie wpływa na jakość prawa i przeszkadza kompleksowym i terminowym reakcjom na wyzwania życia społecznego, w celu zapewnienia bezpieczeństwa systemu politycznego jako całości z pomocą środków prawnych. Ze względu na ograniczone możliwości niniejszego wystąpienia, postaram się skupić na najbardziej znaczących kwestiach, które związane z działaniami na rzecz doskonalenia elementów instytucjonalnych i regulacyjnych systemu politycznego Ukrainy.

I. Problem opracowania mechanizmu do zrównoważenia pośredniej i bezpośredniej form ludowładztwa na drodze do społeczeństwa obywatelskiego.

Głównym celem jest zwiększenie udziału obywateli w procesach politycznych, gospodarczych i kulturalnych. W nowoczesnych państwach Europy północnej coraz częściej stosuje się **referendum jako narzędzie bezpośredniej formy ludowładztwa**. Doświadczenie wykazuje, że referendum jest w stanie istotnie zharmonizować ogół interesów społecznych, poprawiając, wyrównując, równoważąc pozycje wszystkich podmiotów stosunków społecznych. Konieczność użycia takiego narzędzia zostało spowodowane racjami praktycznymi. Sprawa polega na tym, że w ciągu transformacji demokratycznych okazały się znaczące niedociągnięcia istniejącego systemu władzy. **Dzisiejszy system władzy nadal opiera się na zasadach ludowładztwa pośredniego**, w którym funkcje władzy w imieniu narodu wykonują wybrani przedstawiciele narodu, którzy jednak są poza kontrolą i odpowiedzialnością wobec ludzi.

Jest dość rozpowszechniona sugestia na temat wprowadzenia instytutu demokracji bezpośredniej mianowanego Referendum Ogólnokrajowe, który na mocy art. 5 i art. 38 Konstytucji Ukrainy może mieć uprawnienia ustawodawcze. W ustawie Ukrainy o referendum przewidziany **szereg pytań, których rozstrzygnięcie może należeć wyłącznie narodu**. Jest to element stabilizujący mechanizm systemu politycznego.

Wydaje się, że z sensu propozycja o przyjęciu Przepisów Konstytucyjnych, obdarzonych najwyższą mocą prawną w hierarchii ustawodawstwa ukraińskiego, w drodze Referendum Ogólnokrajowego. W przypadku, gdy Konstytucja Ukrainy zostanie przyjęta w drodze ogólnokrajowego referendum, zmiany (poprawki) do niej mogą być dokonane tylko poprzez Przepisy konstytucyjne. Jeżeli jednak Konstytucja będzie przyjęta przez Radę Najwyższą, wtedy będzie ona drugą po Przepisach konstytucyjnych względem mocy prawnej. Ponadto Konstytucja powinna będzie odpowiadać Przepisom konstytucyjnym, ponieważ oni dysponują większą mocą prawną, bowiem zostały przyjęte przez ogół ludzi. Odpowiedniość taką będzie zabezpieczał Trybunał Konstytucyjny Ukrainy.

II. Problem struktury administracyjno-terytorialnej Ukrainy.

Pod względem logicznym, konceptualne podejścia naukowe do rozwiązania tego problemu, w ogólnych zarysach, sprowadzają się do: a) zdecydowanego **odrzucenia idei federalizacji Ukrainy**; b) **powiększenia**, przyjmując pod uwagę historyczną przeszłość państwowości ukraińskiej, podział na jednostki administracyjne i terytorialne z proporcjonalną i rozsądną liczbą urzędników, która ustalana w każdym przypadku z osobna: **1) likwidacja obwodów**, zjednoczenie kilku obwodów w, na przykład, kraj: Wołyński kraj, Galicki kraj, Podolski kraj, Bukowiński kraj, Rusiński kraj, Tawryjski kraj, Stepowy kraj etc.; **2) likwidacja rejonów** poprzez powiększenie i **założenie powiatów** na terytorium każdego kraju – w przybliżeniu, jeden powiat z trzech-czterech rejonów; **3) likwidacja rad wiejskich i miasteczkowych oraz założenie**, na przykład, **okręgów** – w przybliżeniu, jeden okręg ma obejmować terytorium pięciu rad wiejskich; z rozsądną liczbą urzędników. Okręg powinien jednoczyć poszczególne społeczności wiejskie; **4) wprowadzenie** w każdej wsi wyborowego stanowiska prezesa lub starosty, którego **wybiera społeczność wsi, i który działa na zasadzie bezpłatnej**.

III. Reforma systemu zarządzania państwem.

Rozwiązanie problemu układu administracyjnego i terytorialnego Ukrainy może stać się „wprowadzeniem” do rozstrzygnięcia innego problemu, a mianowicie – **zniesienia i złomowania starej „machiny państwowej”** – systemu zarządzania państwem, działającą jak na skalę ogólnokrajową, tak i na szczeblach lokalnych. Stary system, stworzony na zasadach „nakazów i administracji”, stał się znaczącą przeszkodą do przeprowadzenia procesów

reformacyjnych od samego początku niepodległości Ukrainy. Teraz system ten okazał się również niezdolny do rozwiązania nowych zadań, które powstały w drodze reformowania społeczeństwa. Wiodąca rola w "machinie państwowej", bez wątpienia należy centralnym organom władzy państwowej. Chodzi o konieczność zmniejszenia liczby ministerstw i różnorodnych komitetów państwowych, których skuteczność, delikatnie mówiąc, jest wątpliwa, a ich pozytywny wpływ na postęp procesów społecznych jest znikomy, natomiast, wydatki z budżetu państwowego na ich utrzymanie są dość wysokie.

Doświadczenie innych krajów, jak również elementarna logika podpowiada, że w obecnych trudnych warunkach finansowych Ukraina może sobie pozwolić na następujące ministerstwa: ministerstwo gospodarki, ministerstwo obrony, ministerstwo spraw wewnętrznych, ministerstwo spraw zagranicznych, ministerstwo ochrony zdrowia. Wszystkie pozostałe ministerstwa należałoby zlikwidować, przekazując ich uprawnienia do samorządu lokalnego.

W dzisiejszych warunkach, po przeprowadzeniu prywatyzacji oraz zmianie priorytetów polityki na rzecz ludzi, **nastał czas zlikwidować wyżej przywołane rudymenty totalnej kontroli obywateli i terytoriów, które pozostały po systemie „nakazów i administracji”**. Aczkolwiek czasy się zmienili, to zmienił się sens i funkcje władzy, a stąd nie są już potrzebne. Natomiast należałoby aktywnie rozwijać samorząd lokalny, przenieść „centrum ważności” uprawnień władzy na poziom lokalny – do miast i innych miejscowości, – co, z kolei, będzie mieć doniosłe znaczenie dla rozbudowy społeczeństwa obywatelskiego.

Jakościowe wskaźniki państwowego aparatu zarządzającego są związane z wskaźnikami ilościowymi. Chodzi o należyłą obsadę organów władz państwowych przez uczciwą, wysokokwalifikowaną, patriotyczną kadrę fachowców. Urzędnicy powinni nie kontrolować, wydawać zezwolenia, zakazy lub decyzje, lecz obsługiwać interesy i potrzeby obywateli. Ten obiecujący pomysł wciąż nie jest do końca zrealizowany.

IV. Problem harmonizacji i równowagi pomiędzy gałęziami władzy: ustawodawczej, wykonawczej i sądowej. Nowe realia wymagają korekcji mechanizmu podziału kompetencji pomiędzy gałęziami władzy.

Aktualnie, władza ustawodawcza uprawnia wykonawczą, sądowniczą i, **co paradoksalnie, samą siebie** odpowiednimi kompetencjami. Oczywiście, przy tym Rada Najwyższa, przede wszystkim, dba o własne kompetencje, o własną pozycję w społeczeństwie, o pozycję deputowanych. Przy tym wyraźnie widać **dążenie tego organu do przejęcia pod swoją kontrolę władze wykonawczą i sądową**. Tak, więc, mówiąc obrazowo, „berło władzy”, po większej części, znajduje się w rękach władzy ustawodawczej. Jej dominująca pozycja jest sprzeczna z doktryną podziału władzy, to znaczy mechanizm zrównoważenia trzech gałęzi władzy nie działa skutecznie.

Niezbędna **restrukturyzacja (demonopolizacja) władzy ustawodawczej** oraz przejście do **pluralizmu ustawodawczego**, przewidującego istnienie **mechanizmu równowagi ustawodawczej**. W tym kontekście, wydaje się, mogą występować trzy podmioty działalności ustawodawczej: a) Referendum ogólnokrajowe, o którym wspomniano wyżej; b) Rada Najwyższa; c) Prezydent Ukrainy. Oczywiście, jest to nietypowe, ponieważ zmienia obraz władzy ustawodawczej i niejako daje Prezydentowi dodatkowe funkcje. Zgodnie z Konstytucją Ukrainy, Prezydent jest głową państwa, a nie szefem władzy wykonawczej. Organy władzy ustawodawczej, wykonawczej i sądowniczej są częściami mechanizmu państwowego. Na podstawie art. 102 Konstytucji, Prezydent jest gwarantem suwerenności państwowej i integralności terytorialnej Ukrainy, wykonania przepisów Konstytucji Ukrainy, przestrzegania praw i wolności człowieka i obywatela. Z tego powodu naturalnie, że on posiada funkcje podmiotu stanowienia prawa, a nie tylko prawa na weto i podpisanie ustaw.

Każdy z wymienionych podmiotów (Prezydent, Rada Najwyższa, Referendum Ogólnokrajowe) będzie zrównoważać innych; gdy każdy z nich będzie wykonywał swoje funkcje, zostanie zredukowana możliwość, że społeczeństwo stanie się zakładnikiem systematycznego i długotrwałego kryzysu parlamentarnego.

Przejście do pluralizmu ustawodawczego wart przeprowadzić poczynawszy od Ustawy konstytucyjnej „O władze na Ukrainie”, lub w samej treści Konstytucji Ukrainy w razie jej przyjęcia na Referendum Ogólnokrajowym.

Naród jako jedyny podmiot i źródło władzy państwowej (art. 5 Konstytucji Ukrainy), uprawniony jest do bezpośredniego ustalenia, za pomocą specjalnej Ustawy konstytucyjnej, lub Konstytucji Ukrainy, wszystkich zasad organizacji systemu władzy, w tym także Rady Najwyższej, oraz uprawnienia poszczególnych władz. Wszystko to, jak już wspomniano wyżej, pozwoli wzmocnić stabilność systemu politycznego i całego procesu legislacyjnego, opracować jasne granice uprawnień legislacyjnych trzech wyżej przywołanych podmiotów działań legislacyjnych, a zatem znormalizować życie publiczne w ogóle; mianowicie, zapobiec upadkowi władzy w razie ewentualnego kryzysu politycznego, a oprócz tego, szeroko otworzyć przestrzeń dla procesów reformacyjnych. Aczkolwiek naród wymaga przeprowadzenia istotnych zmian politycznych i gospodarczych na Ukrainie.

Krótko, co do Rady Najwyższej Ukrainy. W mediach oraz rozprawach naukowych nagromadzono szereg dość uzasadnionych roszczeń, dotyczących organizacji i działalności tego organu. W szczególności one polegają na tym, że Rada Najwyższa: **a)** jest zbyt rozbudowana względem ilości, natomiast możliwości finansowe państwa są ograniczone. Do przykładu, w USA na 314 milionów mieszkańców przypada 435 osób w Izbie Reprezentantów oraz 100 osób w Senacie. W Federacji Rosyjskiej na ponad 143 mln mieszkańców przypada 450 osób w Dumie Państwowej i 166 osób w Radzie Federacji.

W Republice Federacyjnej Niemiec na 83 mln obywateli przypada 622 osoby w Bundestagu i 69 osób w Bundesracie. Nadmiar ilości posłów na Ukrainie – 450 deputowanych na 42-44 mln obywateli, – jest oczywisty, nie wspominając nawet o możliwościach finansowych państwa ukraińskiego; **b)** działa powoli z powodu nadmiernej biurokratyzowanej procesu uchwalania ustaw, a z tego powodu ustawodawstwo często nie nadąża za potrzebami i postępem społeczeństwa; **c)** nie jest profesjonalna ze względu na przygotowanie zawodowe posłów – zwykle brakuje im wykształcenia prawniczego; **d)** wykorzystywana przez niektórych parlamentarzystów jako "schowek" przed ewentualnym ściganiem za czyny nieprawne; **e)** wykorzystywana przez niektórych parlamentarzystów jako tarcza do zabezpieczenia i pomnożenia majątku, często nabytego w sposób nieuczciwy lub niezgodny z prawem; **f)** moralne i etyczne zachowanie poszczególnych posłów, zarówno w trakcie posiedzeń parlamentu, tak i na zewnątrz jest nie do przyjęcia; **g)** niski poziom uczestnictwa szeregu Deputowanych w pracy tego organu; **h)** zamieniła się na klub polityczno-gospodarczy, w którym **dominuje demagogia polityczna**; **i)** pojawił się rodzaj posłów „etatowych”, którzy zostali wybrani do Rady wielu razy, a efektów ich pracy nie widać; **j)** w rzeczywistości **istnieje oddzielnie od ogółu ludzi**, wskutek uchwalonych przez ten organ ustaw. I to jeszcze najbardziej „delikatne” roszczenia do Rady Najwyższej.

W związku z tym, nie ma wątpliwości, że Rada Najwyższa Ukrainy, w istniejącej postaci ilościowej i organizacyjnej, jest do pewnego stopnia korumpowany, niekompetentny, rozbudowany, nadmiernie polityzowany, nieprofesjonalny, ślimaczy, niejednomyślny i sprzeczny w swoich działaniach, niepotrzebnie kosztowny i nieefektywny organ państwowy; który to **kompromituje samą ideę parlamentaryzmu** względem racji ilościowo-jakościowych, a także w obecnym statusie prawnym z istniejącymi formami i metodami działalności; natomiast sam **organ okazał się nieprzydatny do sprawowania funkcji legislacyjnych**.

Dziś znaczenie legislacyjne Rady Najwyższej, jest **przesadzone**, wyolbrzymione przez nią samą. Natomiast status prawny tego organu powinien zostać zoptymalizowany do rozsądnych poziomów.

Gałęzie władzy muszą być równe w źródle legitymizacji swoich kompetencji, które one powinni uzyskać w drodze Referendum Ogólnokrajowego bezpośrednio od podmiotu suwerenności i jedyne źródła swej władzy – narodu.

Rada Najwyższa Ukrainy nie powinna **przyznawać kompetencje rządzące samej sobie, a szczególnie, innym gałęziom władzy**, ani określać swój lub czyjś status prawny. Dzisiaj w rzeczywistości, inne gałęzi władzy w **pewnym stopniu zależne od Rady Najwyższej Ukrainy**.

Uważam, że w drodze Referendum Ogólnokrajowego, **należy rozwiązać następujące kwestie organizacyjno-prawne**, dotyczące polepszenia jakości pracy Rady Najwyższej Ukrainy:

1) rezygnacja z nieodpowiedniego systemu wyborów posłów według list partyjnych – jawnych, bądź ukrytych. Proponowany system wyborów partyjnych **został skompromitowany** w wyniku korupcji, nepotyzmu, kupowania głosów i innych aktów nikczemnych. Jak widać z praktyki, partie wpisywały do swoich list nie zawsze tych osób, którzy są potencjałem intelektualnym Ukrainy i mogą zapewnić wysoką jakość prawodawstwa. Okazało się, że mimo zapewnień demagogicznych o odpowiedzialności partii politycznych, w rzeczywistości, one **nie ponoszą żadnej odpowiedzialności**. Oprócz tego partie, które wszystkie razem obejmują jedynie około 4-5% ogółu ludności ukraińskiej, **faktycznie przywłaszczyły sobie władzę**, co jest rażącym naruszeniem zasad demokracji. Często ilość członków partii jest przesadzona lub partia jest „kieszonkową” partią któregoś z klanów oligarchicznych, który sprytnie wykorzystuje ją do poparcia „swoich” ludzi w Radzie Najwyższej celem wywołania wpływu na jej działalność legislacyjną.

Wyjście z sytuacji może tkwić we wprowadzeniu reguły, żeby partie wyznaczały swoich kandydatów w okręgach bądź nowych jednostkach administracyjno-terytorialnych, na równi z innymi podmiotami procesu wyborczego, i dopiero tam udowadniały przewagi swojego kandydata. Z tego poziomu kandydaci powinni „dorosnąć” do poziomu parlamentarnego, nabyć profesjonalizmu, „stopić się” ze swoimi wyborcami i zostać ich integralną częścią, ubolewając o ich korzyści i potrzeby. Z tego powodu, wybory na podstawie list partyjnych są jeszcze przedwcześnie;

2) o wprowadzeniu wyborczych ograniczeń dla kandydatów na posłów: wykształcenie, wiek, doświadczenie zawodowe, cechy społeczne i moralne, niekaralność za przestępstwa umyślne, ilość razy wybierania na posła do Rady Najwyższej Ukrainy. Podobne kryteria są szeroko stosowane w wielu stanach USA oraz w innych państwach.

Opcjonalnie można wprowadzić następujące rozwiązanie: w dwuizbowej strukturze organu ustawodawczego możliwe jest **rozszerzenie ograniczeń wyborczych (izba górna) – celem zabezpieczenia profesjonalizmu w działalności legislacyjnej, oraz redukcja ograniczeń wyborczych (izba dolna) – celem zabezpieczenia reprezentacji;**

3) dotycząc składu ilościowego Rady Najwyższej Ukrainy można usłyszeć różne propozycje: 450, 300, 100 lub 150 deputowanych. Jednak bez wątplenia można powiedzieć, że obywatele ukraińskie oddadzą głos za rozsądnym minimum jej składu;

4) O zasadach działalności posłów, czyli czy to ma być praca stała, za wynagrodzeniem, czy raczej działalność ochotcza, na zasadzie bezpłatności. Wyniki Referendum Ogólnokrajowego w tej sprawie również nie są trudne do przewidzenia;

5) Czy powinno posłom Rady Najwyższej Ukrainy przysługiwać prawo nietykalności? Jest to pytanie kontrowersyjne, jednak odpowiedź większość ludzi w wyniku Referendum Ogólnokrajowego wydaje się być raczej negatywna;

6) ile razy jedna i ta sama osoba może być wybierana do Rady Najwyższej Ukrainy? Wydaje się, że podobnie do stanowiska Prezydenta Ukrainy, nie więcej niż dwa razy.

Prezydentowi Ukrainy powinno przysługiwać prawo wnoszenia projektów ustaw do głosowania na Referendum Ogólnokrajowym, jak i do Rady Najwyższej, która rozpatrzyć je w trybie priorytetowym **w ciągu jednego miesiąca**.

Pod względem ewentualnego kryzysu parlamentarnego lub zajścia innych wyjątkowych okoliczności, Prezydent powinien mieć prawo do wyniesienia **Dekretów**, nacełowanych na rozwiązanie każdego problemu w określonej dziedzinie stosunków społecznych, z wyjątkiem kwestii, których rozwiązanie należy do kompetencji Referendum Ogólnokrajowego. Omawiane dekrety prezydenckie będą posiadać moc prawną, dopóki Rada Najwyższa Ukrainy podejmie uchwałę w tej sprawie, a uchwała ta wejdzie w życie. Procesy społeczne w sytuacji ewentualnego kryzysu politycznego powinni rozwijać się w zakresie objętym prawem, szybko się zmieniać, zapewniając bezpieczeństwo prawne układu politycznego oraz ciągłego postępu państwa i społeczeństwa.

V. Brak właściwego organu ustawodawczego państwa, który zapewnia opracowanie projektów ustaw na zasadach naukowych. Dzisiaj mamy do czynienia z paradoksalną sytuacją, kiedy państwo nie ma jedyne go organu, który systematycznie, na zasadach naukowych przygotowuje projekty ustaw i ponosi odpowiedzialność za ich jakość. Projekty takie w państwie ukraińskim są opracowywane przeważnie przez ludzi, którzy nie mają głębokiej wiedzy o zasadach organizacji i funkcjonowania państwa, o prawie w ogóle, a w szczególności, o zasadach regulacji prawnych. Zwykle „ciężar” ten spada na Gabinet Ministrów i podległe jemu Ministerstwa, a właśnie nie jest ich zadaniem funkcyjnym. Oprócz tego, brak tam ekspertów od prawa o najwyższym poziomie naukowym. Konsekwencją tej sytuacji często staje się tzw. podejście „jednego urzędu”, kiedy jeden oddział stara się narzucić całemu kraju, narodowi, swoją wizję regulacji prawnej stosunków społecznych, które często jest spontaniczną, subiektywną, kontrowersyjną i zazwyczaj nie z korzyścią dla obywateli.

Często funkcję tę pełnią posłowie, którzy generalnie też brakuje kwalifikacji prawnych albo w ogóle wykształcenia wyższego, a jeśli niektórzy z nich posiadają wykształcenie prawne, to jednak nie jest ono na najwyższym poziomie naukowym.

Główne doktrynalne podejścia do pojmowania idei stworzenia roli funkcyjnej Państwowej Komisji Kodyfikacyjnej Ukrainy.

1) Państwowa Komisja Kodyfikacyjna Ukrainy – to ma być **jedyny organ państwowy**, uprawniony do **opracowania projektów ustaw** oraz do następnego ich przedstawienia do głosowania w Radzie Najwyższej lub na Referendum Ogólnokrajowym.

2) Państwowa Komisja Kodyfikacyjna Ukrainy **tworzy się przez** Prezydenta na wniosek Narodowej Akademii Nauk Prawniczych.

3) Państwowa Komisja Kodyfikacyjna Ukrainy nalicza **40-50 kodyfikatorów państwowych**. **Kodyfikatorem państwowym** może być osoba w wieku od 40 lat, która: jest obywatelem Ukrainy od, co najmniej 20 lat, biegle posługuje się językiem państwowym, niekarana za umyślne przestępstwo, ma pozytywną postawę moralną, uzyskała tytuł naukowy doktora nauk prawnych i stopień naukowy profesora.

4) Państwowa Komisja Kodyfikacyjna Ukrainy **działa na podstawie ustawy** „O Państwowej Komisji Kodyfikacyjnej Ukrainy”, który uchwała się w drodze Referendum Ogólnokrajowego. To niezawodnie może ochronić ją przed ewentualnym destrukcyjnym wpływem Rady Najwyższej Ukrainy, umożliwi opracowywanie projektów ustaw niezbędnych dla kraju, a nie dla skorumpowanych klanów polityczno-gospodarczych lub innych podmiotów „zainteresowanych”.

5) Państwowa Komisja Kodyfikacyjna Ukrainy powinna wykonywać swoje zadania zgodnie z „Planem kodyfikacji prawa Ukrainy”, który składa się na 5-10 lat i zatwierdza się przez Prezydenta na wniosek Narodowej Akademii Nauk Prawniczych.

6) Prawo na inicjowanie przed Państwową Komisją Kodyfikacyjną Ukrainy pytania o opracowanie odpowiednich zmian w obowiązującym prawodawstwie powinni mieć: Prezydent Ukrainy, Rada Najwyższa Ukrainy, Gabinet Ministrów Ukrainy, Upoważniony Rady Najwyższej Ukrainy ds. Praw Człowieka, Trybunał Konstytucyjny Ukrainy, Sąd Najwyższy Ukrainy, Biuro Antykorupcyjne Ukrainy, Narodowa Akademia Nauk Ukrainy.

7) Opracowany przez Państwową Komisją Kodyfikacyjną Ukrainy projekt ustawy, **razem z opinią** Narodowej Akademii Nauk Prawniczych Ukrainy, składa się do Prezydenta Ukrainy, który **decyduje o jego wyniesieniu** na Referendum Ogólnokrajowy lub na rozpatrzenie przez Radę Najwyższą Ukrainy albo o **zwróceniu projektu** ze swoimi uwagami celem dopracowania.

8) Posłowie Rady Najwyższej Ukrainy rozpatrując przedłożony przez Prezydenta projekt ustawy, **proponują** swoje zmiany do niego. Prezes Rady Najwyższej przekazuje propozycje posłów w postaci streszczenia do Państwowej Komisji Kodyfikacyjnej Ukrainy celem ich rozpatrzenia względem istoty sprawy.

W **przypadku odmowy** od strony Komisji Kodyfikacyjnej Ukrainy przyjąć pod uwagę odpowiednią propozycję któregoś z posłów, propozycja taka **nie może być ponownie** wprowadzona do rozpatrzenia.

9) Decyzje Państwowej Komisji Kodyfikacyjnej Ukrainy **nie mogą** być odwołane w sądzie.

Powyższe opinie podlegają kwestionowaniu i dyskusjom, jak zresztą każde sugestie, dotyczące skomplikowanej ukraińskiej rzeczywistości polityczno-prawnej, a także te, które odwołują się do bezpieczeństwa prawnego systemu politycznego Ukrainy.

KULTURA PRAWNA PAŃSTWA ZORIENTOWANEGO NA DEMOKRACJĘ

Termin „kultura” w nauce ukraińskiej ujmowany jest na kilku płaszczyznach: 1) całokształt wartości materialnych i duchowych, wytworzonych przez człowieka w ogólnym rozwoju człowieczeństwa lub w jego określonej epoce; kultura to wszystko to, co zostało stworzone człowiekiem celem zadowolenia potrzeb duchownych człowieka; 2) poziom wykształcenia, wychowania; 3) stopień doskonałości w opanowaniu jakiegokolwiek z branż gospodarki lub działalności intelektualnej; 4) sztuczna hodowla roślin lub zwierząt; kultywowanie – to roślina uprawiana; 5) hodowla drobnoustrojów na przygotowanych do tego celu pożywkach.

W odniesieniu do rozważanej problematyki bezpośredni stosunek ma pierwsza z przywołanych definicji.

Możemy przyjąć założenie, że kultura to społeczny kompleks, zawierający aktualny stan świadomości społecznej, który został urzeczywistniony w wiedzy, wierze, sztuce, zasadach moralnych, zwyczajach, regulacjach prawnych, cechach osobistych ludzi, właściwościach postępu technicznego, działalności gospodarczej etc.

W odniesieniu do człowieka, czyli do jego działalności duchowej oraz intelektualnej, termin „kultura” użył po raz pierwszy Ciceron (100-43 r. B.C.), który zwrócił uwagę na konieczność zmiany („obróbki”) nie tylko natury, lecz także człowieka – doskonalenia jego predyspozycji duchownych, zdolności intelektualnych. W owym czasie doskonalenie takie zapewniało uprawianie filozofii, i z tego powodu Ciceron określił filozofię jako kulturę duszy (*Cultura animi philosophia est*).

W epoce Średniowiecza kultura utożsamiała się z miejskim układem życia, a w czasach Renesansu – z doskonałością człowieka. W XVII wieku termin „kultura” zaczęto używać wobec człowieka społecznego, który zaliczył proces socjalizacji i przybrał na siebie osiągnięcia tego społeczeństwa.

W XVIII wieku termin „kultura” nabył treści naukowej. W kontekście studiów historii powszechnej pojawiła się teza o różnorodności ludzkich kultur, a samo pojęcie stało się określeniem niezależnego oraz istotnego zjawiska w ludzkim istnieniu.

Naukowe pojęcie „kultura” pojawiło się w dobie Nowego czasu. Wówczas jego treść znaczyła przeciwieństwo i opozycję do wyrazu „natura”, odzwierciedlając głębokie transformacje w ujęciu natury, ustalając nienaturalny stan społeczeństwa i człowieka. Kultura stała się synonimem wiedzy, wykształcenia, doskonalenia Rozumu, zjawisko natury duchowej,

skutek oraz przejaw twórczej działalności w dziedzinie nauki, sztuki, religii, prawa etc. (strefa stosunków materialnych i produkcyjnych w pojęciu „kultura” się nie zmieściła).

Działacze Oświecenia mieli wielkie nadziei na możliwości ludzkiego umysłu, uważając, że „kulturalność”, „cywilizacja” polega na „rozumności” układu społecznego i instytucji politycznych, a mierzone są osiągnięciami w dziedzinie nauki i sztuki. Oprócz tego, wtedy bardzo wielką popularnością cieszyło się przekonanie o nadejściu „złotego wieku” człowieczeństwa, opartego o zasady naturalnej równości, w odróżnieniu od czasów panowania „rozumnych egoistów”.

Tak, więc, przez długi okres czasowy (aż do końca XVIII – początku XIX wieku) dominującą tendencją było utożsamianie kultury z oświeceniem, racjonalnością, humanitarnością w przeciwieństwie do nieoświeconego „barbarzyństwa”. Później, gdy pojęcie kultury przybrało znaczenie określonego poziomu w rozwoju społecznym oraz indywidualnym, pojawiła się potrzeba innych zasad do określenia kultury. Albowiem kryterium „rozumności” okazał się niedostateczny.

W nauce ukraińskiej rozpowszechnione określenie człowieka, które przewiduje istnienie „świata człowieka”. W tym kontekście kultura jest „światem ludzkiego istnienia”, czyli zespołem warunków i pojęć, w których człowiek w pełni realizuje swoje zdolności, okazuje rzeczywisty wymiar swojego istnienia. Kultura nie jest tylko jednym z wymiarów życia społeczeństwa; kultura – to rzeczywistość, systemowy modus ludzkiego istnienia, decydujący o całym spektrum praktycznej i duchowej działalności ludzi, ich nastawieniu wobec świata oraz samych siebie.

Istotnym wskaźnikiem poziomu rozwoju społeczeństwa oraz częścią integralną jego kultury są normy społeczne. Jednolity dynamiczny system norm społecznych – to konieczny warunek życia społecznego i funkcjonowania państwa, grup społecznych oraz poszczególnych jednostek. Taki system odwzorowuje poziom rozwoju gospodarczego, społecznego, politycznego, duchownego określonej społeczności, wyraża osobliwości historyczne i narodowe państwa.

Obecnie używano dwa określenia pojęcia „norma”. Pierwsze sugeruje, że norma to naturalny stan podmiotów, relacji i procesów; drugie wyznacza normę jako regułę zachowania się, związaną z wolą i świadomością człowieka, ukształtowaną w ciągu rozwoju kultury oraz organizacji społeczeństwa.

Normy społeczne zapewniają nie tylko ład w społeczeństwie, lecz także odpowiedni poziom wolności jego członków.

Pod względem strefy regulowania relacje społeczne są następujące: 1) tradycje, czyli normy, które były utrwalone w społeczeństwie w ciągu historii; 2) zwyczaje, czyli normy utrwalone na skutek ich częstego stosowania w społeczeństwie; 3) normy etyczne, według których określa się czy zachowanie poszczególnych członków społeczeństwa odpowiada istniejącym wzorcom i

zasadom; 4) zasady estetyczne, według których ocenia się, czy wiedza człowieka odpowiada poziomowi kulturalnemu oraz osiągnięciom społeczeństwa; 5) normy moralne, świadczące o obecnym pojmowaniu przez społeczeństwo granic dobra i zła, sprawiedliwości lub niesprawiedliwości; 6) normy kulturowe, charakteryzujące poziom duchowego rozwoju społeczeństwa; 7) normy organizacyjne, regulujące powstanie i działanie podmiotów niepaństwowych; 8) normy polityczne, które decydują o współdziałaniu podmiotów systemu politycznego w ciągu pojawienia i sprawowania stosunków władzy; 9) normy religijne (kanoniczne), które są oparte na wierze w Boga i regulują prawa człowieka do wolności wyznania; 10) normy korporacyjne, regulujące działalność organizacji społecznych; 11) normy prawne, będące sposobem wpływu władzy państwowej na społeczeństwo.

Na podstawie wyżej przywołanych założeń dochodzimy do logicznego wniosku, że w państwie, ukierunkowanym na demokrację, prawo jest systemowym elementem mechanizmu normatywnego, a również istotnym integralnym składnikiem kultury społeczeństwa w ogóle. Czyli prawo – to specyficzny fenomen kultury.

Wiadomo, że już starożytni Rzymianie uważali prawo za sztukę dobra i sprawiedliwości, chociaż w perspektywie historycznej przekonujemy się, że w maksymalnym stopniu zasada ta została realizowana wyłącznie w państwach o orientacji demokratycznej.

Kultura prawna społeczeństwa w ukraińskiej doktrynie prawnej nie ma jednoznacznego określenia naukowego. Niemniej jednak, większość badaczy są zwolennikami szerokiego traktowania tego pojęcia. Uważam, że w ciągu kolejnych rozważań naukowych możemy posługiwać się następującym określeniem kultury prawnej: kultura prawna społeczeństwa – to zespół zjawisk, charakteryzujących to społeczeństwo pod względem prawa. Do takich fenomenów możemy zaliczyć: a) naukę prawa; b) historyczne doświadczenie prawa; c) mechanizm państwowy oraz praktykę ustawodawstwa; d) obowiązujące ustawodawstwo (prawo); e) polityczną organizację społeczeństwa; f) mechanizm państwowy egzekwowania prawa; g) społeczną oraz indywidualną świadomość prawną; i) czynny w społeczeństwie ład prawny jako przejaw adekwatności prawa.

Ukraina zadeklarowała kurs integracji z Unią Europejską, który przewiduje, w szczególności, doskonalenie dziedziny prawnej społeczeństwa w całości oraz dostosowanie norm prawnych do standardów europejskich. W tym kierunku w Ukrainie dużo już było zrobiono, chociaż wiadomo, że doskonałość nie zna granic, a lista problemów wciąż pozostaje dość obszerna. W ramach tej wykładni chciałbym zastanowić się nad najbardziej istotnymi z nich.

Co dotyczy rozumienia natury prawa, to w historii ciągle toczy się spór pomiędzy zwolennikami kierunku pozytywistycznego i naturalistycznego (przyrodniczo-prawnego). Jednak do dziś nie mamy jedyne podejścia do prawa.

W związku z tym zainteresowanie naukowe wywołuje stanowisko Trybunału Konstytucyjnego Ukrainy. W postanowieniu Nr 15-pp/2004 z 2 listopada 2004 roku, Trybunał wyjaśnił następujące: „Zwierzchnictwo prawa – znaczy panowanie prawa w społeczeństwie. Zwierzchnictwo prawa wymaga od państwa jego implementacji w działalność ustawodawczą i wykonawczą, zwłaszcza w regulacje prawne, które w swojej treści powinny opierać się na ideach równości społecznej, swobody, sprawiedliwości społecznej i t.p. Jednym z przejawów zwierzchnictwa prawa jest to, że ono nie ogranicza się wyłącznie do działalności ustawodawczej, lecz zawiera także inne czynniki społeczne w postaci norm moralnych, tradycji, zwyczajów etc., którzy są uprawnieni przez społeczeństwo oraz uwarunkowane poziomem kulturalnym społeczeństwa. Wszystkie te składniki jednoczy ze sobą właściwość, która odpowiada ideologii sprawiedliwości, idei prawa, która to w znacznym stopniu została odzwierciedlona w Konstytucji Ukrainy”.

Przy tym jest zaznaczono, że tak rozumiane prawo nie daje podstaw do jego utożsamiania z aktami prawnymi, które poniekąd mogą być niesprawiedliwe, czyli ograniczać zasady wolności i równości osoby. Sprawiedliwość – to jedna z podstawowych zasad prawa. Zasada ta pełni decydującą rolę w regulowaniu stosunków społecznych, i jest jednym z uniwersalnych wytycznych prawa. Generalnie, sprawiedliwość jest rozpatrywana jako właściwość prawa, która wyraża się w ocenie zachowania według skali prawniczej oraz proporcjonalnej odpowiedzialności prawnej za dokonane wykroczenie. W wymiarze stosowania prawa sprawiedliwość ujawnia się, między innymi, w założeniu o równości wszystkich wobec prawa, proporcjonalności między przestępstwem a karą, celach ustawodawcy oraz środkach do ich osiągnięcia.

Z przywołanego wyżej wynika, że Trybunał Konstytucyjny daje jasne wskazówki ustawodawcom, obywatelom oraz innym podmiotom stosunków społecznych, dotyczące rozumienia prawa.

Razem z tym, takie traktowanie prawa należy oceniać jak zbyt szerokie, „niedookreślone”. Wydaje się, że jest bardziej zbliżone do naturalistycznego pojmowania prawa. Jednakże mechanizm realizacji tak pojmowanego prawa nie jest do końca zrozumiały. Oczywiście, że to określenie Trybunału Konstytucyjnego nie położyło kres dyskusjom naukowym, aczkolwiek rozjaśnienia tego Trybunału mają obowiązujący charakter. Jednocześnie, pozostaje bez odpowiedzi kwestia o źródłach prawa (formy wyrażenia) oraz skalę według należącej im mocy prawnej. Ze względu na to trafnym wydaje się być zwątpienie, czy w ogóle ta kwestia należy do kompetencji Trybunału Konstytucyjnego Ukrainy?

Dotycząc mechanizmu tworzenia prawa w drodze doskonalenia Konstytucji Ukrainy, pojawia się szereg pytań. Mianowicie, dotyczą one skuteczności modelu prawnego Rady Najwyższej Ukrainy, restrukturyzacji władzy ustawodawczej, zniesienia monopolu ustawodawczego.

Szczegółnej uwagi wymaga kwestia kultury prawnej. Nie jest tajemnicą, że kultura prawna oraz jakość prawa w dużej mierze zależą od kultury

ijakości organu ustawodawczego, jego składu i działalności. Wobec tego w ukraińskiej nauce prawa zostało przedstawiono szereg krytycznych uwag, dotyczących organu ustawodawczego – Rady Najwyższej. Od niego właśnie w dużej mierze zależy jakość i kultura prawa.

Aktualnie Komisja Konstytucyjna rozpatruje kwestię o zmniejszeniu składu Rady Najwyższej. Są różne propozycje. Niektórzy autorzy proponują zmniejszyć skład tego organu z 450 do 150 deputowanych.

Duży rozgłos miało pytanie o demonopolizacji władzy ustawodawczej drogą zwiększenia uprawnień Referendum Ogólnoukraińskiego oraz Prezydenta Ukrainy. Oczywiście jest ten fakt, że Rada Najwyższa nie powinna sama określać zakresu swoich kompetencji oraz kompetencji innych gałęzi władzy: sądowej i wykonawczej. Rozsądnym było by przekazanie tych kwestii do kompetencji Referendum Ogólnoukraińskiego.

Oprócz tego, w środowiskach naukowych pojawiają się następujące pytania, dotyczące podwyższenia kultury procesu ustawodawczego:

1) rezygnacja z systemu wyborów według list partyjnych. Przekonaliśmy się, że pierwsze pozycje na listach partyjnych posiadają nie najwybitniejsze przedstawiciele narodu; a mimo demagogicznych wypowiedzi o odpowiedzialności politycznej, w rzeczywistości partie nie ponoszą żadnej odpowiedzialności;

2) o wprowadzeniu ograniczeń wobec kandydatów do parlamentu ze względu na: wykształcenie, wiek, doświadczenie zawodowe, opinię publiczną, brak przypadków łamania prawa, ilość kadencji etc.;

3) o bezpłatnej pracy deputowanych;

4) o immunitecie parlamentarnym;

5) o stworzeniu specjalizowanego organu państwowego, t.zw. Komisji Kodyfikacyjnej Ukrainy celem opracowania jakościowych i systemowych projektów ustaw.

Wyżej wymienione kwestie są tylko częścią tych problemów w Ukrainie, których rozstrzygnięcie pozwoli istotnie podnieść poziom kultury prawnej władz ukraińskich i społeczeństwa ukraińskiego.

* * *

Kulturowy wymiar integracji europejskiej. Kазus Ukrainy. Polska. Lublin. KUL. 2018. – C.31-42.

PRAWNOKARNA OCHRONA ŻYCIA CZŁOWIEKA PRZED UMYŚLNYM ZAMACHEM W DRODZE KU INTEGRACJI EUROPEJSKIEJ

Streszczenie: W artykule poruszono podstawowe prawnokarne problemy ochrony prawa człowieka do życia w Ukrainie. Omówiono pojęcie morderstwa człowieka zgodnie z obowiązującym Kodeksem karnym Ukrainy i doktryną prawa karnego. Scharakteryzowano cechy podstawowego zestawu morderstwa człowieka, kwalifikowanych zestawów morderstwa człowieka, zestawów morderstw człowieka w okolicznościach łagodzących. Zwrócono uwagę na karanie zabójstw człowieka w ramach obowiązującego Kodeksu karnego Ukrainy. Przedstawiono propozycje naukowców doktryny ukraińskiego prawa karnego o poprawę ochrony prawa człowieka do życia na Ukrainie.

Słowa kluczowe: prawo człowieka do życia, zabójstwa, odpowiedzialność karna za zabójstwa, Kodeks karny Ukrainy

WPROWADZENIE

Uznanie prawa człowieka do życia w międzynarodowych aktach prawnych odbyło się stosunkowo niedawno. Albowiem dopiero Powszechna deklaracja praw człowieka z 10 grudnia 1948 r. stanowi, że „każdy człowiek ma prawo do życia, wolności i bezpieczeństwa swej osoby”. Z kolei Europejska Konwencja o ochronie praw człowieka i podstawowych wolności, która została zawarta dnia 4 września 1950 r. w Rzymie stwierdziła, że „prawo każdego człowieka do życia jest chronione przez ustawę”. Powyższe przepisy zostały wielokrotnie potwierdzone przez społeczność międzynarodową. Mianowicie, Międzynarodowy Pakt Praw Obywatelskich i Politycznych z 16 grudnia 1966 r. stanowi: „Każda istota ludzka ma przyrodzone prawo do życia. Prawo to powinno być chronione przez ustawę”. Dnia 28 kwietnia 1983 r. w Strasburgu został sporządzony Protokół Nr 6 do Konwencji o ochronie praw człowieka i podstawowych wolności, dotyczący zniesienia kary śmierci, który zawiera następujący przepis: „Znosi się karę śmierci. Nikt nie może być skazany na taką karę ani nie może nastąpić jej wykonanie”. Sygnatariusze tego protokołu, w tym także Ukraina, mogą przewidzieć karę śmierci w swoim ustawodawstwie tylko za czyny popełnione w czasie wojny lub nieuchronnego zagrożenia wojną. Podobnie artykuł 27 Konstytucji Ukrainy zatwierdza prawo do życia, jako podstawowe prawo naturalne każdego człowieka: „Każdy człowiek ma niezbywalne prawo do życia. Nikogo nie można samowolnie pozbawić życia. Obowiązkiem państwa jest bronić życia ludzkiego. Każdy ma prawo do obrony własnego życia i zdrowia, życia i zdrowia innych ludzi – w wypadku bezprawnych zamachów na ich życie”.

I

Życie uważane jest najcenniejszym dobrem nie tylko dla jednostki, ale także dla społeczeństwa ukraińskiego jako całości, dlatego ochrona życia ludzkiego jest gwarantowana przez Konstytucję Ukrainy, a za zamach na życie przewidziana jest najbardziej surowa odpowiedzialność, tzn. odpowiedzialność karna.

Odpowiedzialność karna z tytułu strony podmiotowej zabójstwa umyślnego (zabójstwo powszechne) przewidziana jest w ustępie 1 art. 115 k.k. Kwalifikowane gatunki zabójstwa w okolicznościach obciążających są przewidziane w ust. 2 art. 115 k.k.

Badanie wszelkiego zbioru zjawisk jest bardziej skuteczne i łatwiejsze, jeśli zjawiska te uda się poddać klasyfikacji. Klasyfikować znaczy podzielić na grupy, klasy, rodzaje według określonych kryteriów. Najbardziej rozpowszechnionym kryterium do klasyfikacji zabójstw w prawie karnym Ukrainy jest stopień ciężkości zabójstwa, na podstawie którego możemy określić następujące rodzaje zabójstw: 1) zabójstwo bez okoliczności obciążających lub łagodzących karę – podstawowy skład strony podmiotowej zabójstwa umyślnego, lub zabójstwo powszechne; 2) zabójstwo w okolicznościach obciążających – zabójstwo kwalifikowane; 3) zabójstwo w okolicznościach łagodzących.

II

Artykuł 115 ust. 1 k.k. stanowi, że zabójstwo to przestępstwo umyślne, czyn bezprawny, polegający na pozbawieniu innego człowieka życia. Może być spowodowane w drodze działania lub zaniechania działania. Zazwyczaj zabójstwo jest popełniane przez działanie. Badaczy dzielią je na działania fizyczne i działania informacyjne. Działania fizyczne przejawiają się w użyciu siły fizycznej, która nakierowana jest na dokonanie bezprawnego zamachu oraz zmianę przez to sfery zewnętrznej, fizycznej przedmiotów świata materialnego. Działania informacyjne polegają na zachowaniu społecznie niebezpiecznym, które ma na celu przekazywanie odpowiednich treści innym osobom, i przejawia się w formie werbalnej, a także w różnych czynnościach przekazujących informacje: w gestach semantycznych i ruchach ekspresyjnych. U niektórych przestępców łączą się działania fizyczne i działania informacyjne. W przypadku popełnienia zabójstwa umyślnego, działania winnej osoby mają przede wszystkim charakter fizyczny, a ich celem jest naruszenie toku procesów biologicznych zachodzących w organizmie ludzkim lub funkcji ważnych narządów innej osoby (zadanie ciosów, ran postrzałowych, trzymanie pod wodą, itp.). Przewidują zatem przemoc w połączeniu ze społecznie niebezpiecznym bezprawnym oddziaływaniem na ciało innej osoby. Niemniej, zabójstwo także może być popełnione poprzez psychiczne oddziaływanie na ofiarę. Na przykład, gdy osobie cierpiącej na ciężką postać choroby serca, zostanie wysłany fałszywy telegram o śmierci jej najbliższych, spodziewając się, że umrze z powodu zawału serca. Wpływ psychiczny wystąpi również w przypadku

skłonienia osoby, która nie rozumie znaczenia i konsekwencji swoich czynów, do spowodowania sobie śmierci, lub w przypadku sugestii hipnotycznej, itp.

Umysłne zabójstwo może zostać popełnione także w wyniku bezczynności. Bezczynność jest bierną formą zachowania się osoby, polegającą na niewykonaniu przez nią konkretnych działań (czynności), które ona powinna była i mogła wykonać w określonych warunkach. Bezczynność różni się od działania fizycznego, zwłaszcza brakiem ruchów ciała i związanego z tym wykorzystania przedmiotów świata zewnętrznego, sił i praw natury lub działań innych osób.

Společnie niebezpiecznym skutkiem zabójstwa jest śmierć ofiary. Najbardziej przekonujące jest określenie, że końcowym momentem życia człowieka jest nastąpienie śmierci o charakterze nieodwracalnym. Zgodnie z art. 15 ustawy Ukrainy o transplantacji narządów i innych materiałów anatomicznych człowieka z 16 lipca 1999 r., człowiek uważany jest za zmarłego od czasu śmierci jego mózgu. Śmierć mózgu oznacza nieodwracalne ustanie wszystkich jego funkcji.

Zgodnie z ust. 1 cz. 1 instrukcji dotyczącej ustalenia śmierci osoby na podstawie śmierci mózgu, zatwierdzonej przez rozporządzenie Nr 226 Ministerstwa Ochrony Zdrowia z dnia 25 września 2000 r., śmierć mózgu jest całkowitym i nieodwracalnym zaprzestaniem wszystkich jego funkcji, zarejestrowanych w stanie, gdy serce działa w warunkach wymuszonej wentylacji płuc. Śmierć mózgu jest równoznaczna ze śmiercią człowieka. Od śmierci nieodwracalnej należy odróżniać śmierć kliniczną, gdy mimo zaprzestania oddechu i bicia serca w bardzo krótkim okresie, życie w ciele nie ustaje, a jego funkcje żywotne mogą zostać przywrócone.

W celu określenia strony podmiotowej zabójstwa, należy ustalić, że społecznie niebezpieczne skutki w postaci śmierci ofiary znajdują się w związku przyczynowo-skutkowym ze społecznie niebezpiecznym czynem sprawcy. Śmierć innej osoby zatem musi być koniecznym i uzasadnionym skutkiem czynu popełnionego przez winnego, oskarżonego o popełnienie przestępstwa. Jeśli czyn ten jest tylko jednym z warunków nastąpienia śmierci, to znaczy, gdy śmierć jest okazjonalnym, a nie logicznym wynikiem tego czynu, możliwe jest stwierdzenie braku znamion przestępstwa lub występowania innej formy przestępstwa lub usiłowanie zabójstwa.

Związek przyczynowy w zabójstwie umyślnym może mieć charakter pośredni, ujawniony przez:

- 1) działanie przyrządów automatycznych (mechanizm zegarowy, różnego rodzaju opóźniacze wybuchu);

- 2) przewidziane czynności ofiary, które mogą być tak prawne (np. rozpakowanie paczki zawierającej urządzenie wybuchowe lub uruchomienie silnika zaminowanego samochodu), jak i nieprawne (np. w razie celowego instalowania w kabinie samochodu urządzenia mechanicznego, pozbawiającego życia tego, kto nielegalnie przywłaszcza samochód);

3) działanie osoby nieletniej lub chorej psychicznie, która nie jest świadoma swoich czynów;

4) działanie sił natury (np. pozostawienie na mrozie człowieka pobitego do utraty przytomności);

5) działanie osób trzecich (np. opóźnione lub nieprofesjonalne udzielenie pomocy medycznej).

Podmiot podstawowego składu zabójstwa umyślnego, zgodnie z prawem karnym Ukrainy, jest powszechny. Definicja prawna powszechnego podmiotu przestępstwa w ukraińskim prawie karnym została określona w art. 18 k.k. Jest nim osoba fizyczną podlegająca odpowiedzialności karnej, która popełniła przestępstwo w wieku ponad 14 lat.

Zgodnie z art. 23 k.k., o winie decyduje nastawienie psychiczne osoby wobec popełnionego czynu lub beczynności, przewidziane w niniejszym Kodeksie i ich konsekwencje, wyrażone w formie zamiaru lub zaniechania. Ujmując winę jako cechę składu podstawowego przestępstwa zabójstwa umyślnego, należy zauważyć, że prawo karne Ukrainy ustanowiło w tym przypadku umyślną formę winy. Definiując zamiar (jak również winę w ogóle), ustawodawca odwołuje się do intelektualnych i wolicjonalnych cech psychiki. Cecha intelektualna zamiaru (bezpośredniego i ewentualnego) polega na: 1) uświadomieniu przez osobę społecznie niebezpiecznego charakteru jej działania (czynu lub beczynności); 2) przewidywaniu jego społecznie niebezpiecznych konsekwencji w postaci śmierci człowieka. Wolicjonalna cecha zamiaru przejawia się w pragnieniu osoby nastania społecznie niebezpiecznych konsekwencji jej czynów (zamiar bezpośredni) lub świadome założenie ich nastania, bez chęci tego (zamiar ewentualny).

W przypadku popełnienia zabójstwa umyślnego, osoba zakłada zarówno nieodwracalność, jak i ewentualną możliwość śmierci innej osoby. O przewidywaniu nieodwracalności nastąpienia zaznaczonych konsekwencji świadczyć może intensywność działań sprawcy (siła uderzeń, ich liczba), użycie takiego narzędzia przestępstwa, które obiektywnie może spowodować śmierć, ukierunkowanie czynów sprawcy na naruszenie organów życiowych, które może doprowadzić do śmierci lub ciężkiego obrażenia ciała.

Motyw zabójstwa umyślnego może być znamieniem kwalifikującym. W szczególności, znaczenie kwalifikujące, zgodnie z pkt 6 i 7 ust. 2 art. 115 k.k., mają motyw korzyści majątkowej i motyw chuligański. Motyw przestępstwa należy odróżniać od jego celu. Celem przestępstwa jest określony wyimaginowany i pożądany wynik końcowy, którego sprawca chce osiągnąć, dopuszczając się czynu społecznie niebezpiecznego. Cel przestępstwa, podobnie jak motyw, na Ukrainie może również mieć wartość kwalifikującą: w szczególności, znaczenie ma czy przestępca chciał ukryć inne przestępstwo, czy ułatwić jego popełnienie.

Zabójstwo, o którym mowa w ust. 1 art. 115 k.k. (zabójstwo powszechne) karane jest pozbawieniem wolności na okres od siedmiu do piętnastu lat.

III

W razie występowania okoliczności obciążających (zabójstwo kwalifikowane), Kodeks karny Ukrainy zawiera obszerny wykaz przestępstw tego typu w ust. 2 art. 115. Są to następujące zabójstwa umyślne: 1) dwóch lub więcej osób; 2) nieletniego dziecka lub kobiety, która, jak wiedział sprawca, była w ciąży; 3) zakładnika lub porwanej osoby; 4) dokonane ze szczególnym okrucieństwem; 5) dokonane w sposób, zagrażający życiu wielu ludzi; 6) z chęci korzyści majątkowych; 7) z pobudek chuligańskich; 8) osoby lub jej bliskiego krewnego w związku z wykonywaniem przez nią obowiązków służbowych lub publicznych; 9) w celu ukrycia innego przestępstwa lub ułatwienia jego popełnienia; 10) w związku ze zgwałceniem lub przemocą seksualną; 11) popełnione na zamówienie; 12) popełnione przez uprzednią konspirację grupy osób; 13) popełnione przez osobę, która wcześniej dokonała zabójstwa umyślnego, z wyjątkiem zabójstw przewidzianych w artykułach 116-118 k.k.; 14) oparte na nienawiści rasowej, etnicznej lub religijnej. Karę za wymienione zabójstwa dokonane w okolicznościach obciążających wymierza się w postaci pozbawienia wolności na okres od dziesięciu do piętnastu lat lub dożywociem, a ponadto konfiskatą mienia, jeśli zabójstwo umyślne zostało popełnione z motywów korzyści majątkowych.

W doktrynie prawa karnego pojawiło się kilka sugestii dotyczących dopełnienia ust. 2 art. 115 k.k. nowymi rodzajami zabójstw w okolicznościach obciążających. Mianowicie, chodzi o typ zabójstwa w związku z porwaniem człowieka; w celu zdobycia narządów i tkanek ofiary; dokonane przez organizację przestępczą; popełnione przy rabunku; wymuszeniu; bandytyzmie; zabójstwo rodziców, osób najbliższych z chęci zysku i/lub braku szacunku wobec nich; zabójstwo przez osobę, która unika dochodzenia w celu uniknięcia odpowiedzialności; zabójstwo z udziałem kobiety, osoby nieletniej lub osoby, która nie podlega odpowiedzialności karnej; zabójstwo osoby, która jest w stanie bezbronnym; zabójstwo popełnione przez podmiot specjalny – osobę, która wykorzystuje swoje stanowisko służbowe do zaangażowania zależnych od niej osób funkcyjnych do popełnienia zabójstwa; z użyciem broni palnej; ze względu na pochodzenie etniczne lub z przekonania ideologicznego.

Uzasadniono niektóre sugestie dotyczące doskonalenia standardów regulacji, zabójstwa umyślnego w okolicznościach obciążających: osoby lub jej bliskiego krewnego w związku z wykonywaniem przez tę osobę funkcji urzędniczych lub publicznych; w celu ukrycia innego przestępstwa lub ułatwienia jego popełnienia; z chęci uzyskania korzyści majątkowych.

IV

Zabójstwem w okolicznościach łagodzących w prawie karnym Ukrainy uznaje się: 1) zabójstwo w stanie intensywnego podniecenia emocjonalnego (art. 116); 2) zabójstwo matki jej nowonarodzonego dziecka (art. 117); 3) zabójstwo w wyniku przekroczenia granic obrony koniecznej (art. 118); 4) zabójstwo

w wyniku nadużycia środków zatrzymania przestępcy (art. 118). W prawie karnym Ukrainy zabójstwo umyślne popełnione w stanie intensywnego podniecenia emocjonalnego przewidziane jest w art. 116 k.k. Prawdopodobnie, złagodzenie odpowiedzialności karnej za ten rodzaj zabójstwa umyślnego wynika z trzech okoliczności: 1) społecznie niebezpieczny czyn podmiotu, został wywołany zabronioną przemocą, systematycznym znęcaniem się lub poważną obrazą od strony ofiary; 2) subiektywna część składu przestępstwa charakteryzuje się szczególnym stanem emocjonalnym podmiotu – nagle pojawiającym się silnym podnieceniem emocjonalnym; 3) zamiar pozbawienia życia ofiary także pojawił się nagle, na skutek intensywnego podniecenia emocjonalnego i został natychmiast zrealizowany.

Przemoc psychiczna to zabronione i karane wyrządzenie szkody moralnej drugiej osobie. W szczególności przemoc psychiczna może być dokonana poprzez groźby wyrządzenia szkody fizycznej, majątkowej lub moralnej, demonstracyjne i cyniczne wyrządzenie szkody moralnej, obrazy, szyderstwa, itp. Zabroniona przemoc, wywołująca stan intensywnego podniecenia emocjonalnego, może być nakierowana zarówno przeciwko przedmiotowi zabójstwa, jak i przeciwko jego krewnym lub bliskim osobom, których los nie jest obojętny dla sprowokowanego. Dość często bezprawną przemoc, systematyczne znęcanie się i dotkliwie obrazy mają charakter kombinowany, np. groźby, zastraszania i obrazy są wyrządzane wraz z zadawaniem obrażeń ciała.

Pojawienie się stanu intensywnego podniecenia emocjonalnego w wyniku prawnego użycia siły wobec podmiotu (np. przy jego zatrzymaniu przez funkcjonariuszy policji, w razie popełnienia przez niego przestępstwa lub innego wykroczenia) lub nie w wyniku systematycznego znęcania się lub poważnej obrazy, wyklucza odpowiedzialność takiego podmiotu zabójstwa na podstawie artykułu 116 k.k.

Regularne znęcanie się może przejawiać się w szyderstwie, przemocy psychicznej lub fizycznej o charakterze cynicznym, prześladowaniu, zastraszaniu, niezasłużonym potępieniu, nieodpowiedniej krytyce, ironii, celowych kpinach i podobnych działaniach popełnionych, co najmniej trzy razy.

Ciężka obraza – treść etymologiczna pojęcia „obrazy” jest następująca: pogardliwe wypowiedzenie się, zły czyn, itp., nakierowane przeciwko komukolwiek i wywołujące u niego poczucie goryczy, bólu emocjonalnego; uraza, niesprawiedliwość, krzywda. Natomiast „znieważać” oznacza zadawać komuś ból duchowy, krzywdy moralne; urażać, drażnić, upośledzać.

Cechą konieczną obiektywnej strony przestępstwa zabójstwa umyślnego, która jest przewidziana w artykule 116 k.k., jest czas popełnienia zabójstwa. Przestępstwo z tego artykułu może być popełnione tylko wtedy, gdy podmiot przebywa w stanie intensywnego podniecenia emocjonalnego, który zwykle jest krótkotrwały i trwa przez kilka minut, chociaż w niektórych przypadkach może trwać dłużej. Strona podmiotowa zabójstwa umyślnego w stanie intensywnego podniecenia emocjonalnego ma dwie niezbywalne cechy:

1) wina w postaci zamiaru; 2) szczególny stan emocjonalny sprawcy. Stan intensywnego podniecenia emocjonalnego to jest nagły, krótkotrwały proces emocjonalny, spowodowany takimi działaniami ofiary, jak bezprawna przemoc, systematyczne zastraszanie i dotkliwa obraza; stan uzewnętrzniany jest szybko i gwałtownie, oraz istotnie ogranicza świadomość podmiotu, jego zdolność do rozumienia swoich czynów i panowania nad nimi. Zatem, w wyniku intensywnego podniecenia emocjonalnego, zdolność podmiotu do zrozumienia sytuacji i jej oceny znacznie się pogarsza, jak również jakość kontroli nad sobą i przewidywanie możliwych konsekwencji. Podmiot zabójstwa umyślnego, popełnionego w stanie intensywnego podniecenia emocjonalnego, jest specjalny – osoba fizyczna, która w chwili popełnienia zbrodni ukończyła 14 lat, i w czasie popełnienia przestępstwa przebywała w stanie intensywnego podniecenia emocjonalnego, wywołanego gwałtownie na skutek przemocy, regularnego znęcania się lub ciężkiej obrazy od strony ofiary. Takie zabójstwo jest karane karą ograniczenia wolności na okres do pięciu lat lub pozbawieniem wolności na taki sam okres.

Odpowiedzialność za umyślne zabójstwo przez matkę jej nowonarodzonego dziecka określa art. 117 k.k. Cechy analizowanego przestępstwa są następujące: 1) ofiarą takiego przestępstwa może być tylko własne nowonarodzone dziecko sprawcy; 2) konieczną cechą jest czas popełnienia przestępstwa – podczas porodu lub bezpośrednio po porodzie; 3) podmiotem przestępstwa jest matka, która rodzi lub urodziła dziecko.

Odpowiedzialność karna za pozbawienie życia cudzego nowonarodzonego dziecka następuje na ogólnych zasadach. Społecznie niebezpieczny czyn kobiety, która zabija swoje nowo narodzone dziecko, wynika z jej szczególnego stanu fizycznego i psychicznego podczas porodu. Przestępstwo może być popełnione w formie dowolnego działania (uduszenie, utopienie, zakopywanie w ziemi, itp.) lub także w formie zaniechania. Zaniechanie może przejawiać się zwłaszcza w umyślnym nieokazaniu pomocy medycznej od razu po porodzie, odmowie podawania jedzenia, odmowie opieki, pozostawieniu na ulicy lub w chłodnym pomieszczeniu w celu spowodowania śmierci dziecka.

Odnosząc się do strony podmiotowej przestępstwa należy stwierdzić, że struktura tego przestępstwa obejmuje umyślną formę winy w obu jej postaciach: zamiar bezpośredni lub zamiar ewentualny. W drodze popełnienia czynu, który ma na celu pozbawienie życia dziecka w czasie porodu lub dziecka nowonarodzonego, matka jest świadoma społecznej szkodliwości swojego czynu, przewiduje wystąpienie konsekwencji społecznie niebezpiecznych i chce lub świadomie pozwala na ich wystąpienie. Zamiar pozbawienia życia nowonarodzonego dziecka może mieć miejsce przed porodem, w momencie porodu lub po zakończeniu porodu. Motyw i cel nie mają wpływu na zakwalifikowanie umyślnego zabójstwa matki swojego nowonarodzonego dziecka. Art. 118 k.k. zawiera specjalną listę znamion zabójstwa umyślnego – zabójstwo w wyniku przekroczenia granic niezbędnej obrony lub w wyniku nadużycia

środków zatrzymania przestępcy. Ofiarami tego przestępstwa mogą być: 1) osoba, która popełnia społecznie niebezpieczny czyn zamachu i w odniesieniu do której osoba, która broni się, stosuje niezbędne środki obrony (art. 36 k.k.); 2) osoba, której działania zostały potraktowane przez zawinionego w nieprawidłowy sposób (art. 37 k.k.); 3) osoba, która popełniła przestępstwo i do której sprawca używa środków w celu zatrzymania (art. 38 k.k.).

Strona podmiotowa przestępstwa obejmuje: 1) działania, mające na celu pozbawienie życia osoby, dokonującej zamachu lub osoby podlegającej zatrzymaniu; 2) skutki w postaci śmierci tego, kto dokonuje zamachu lub osoby, podlegającej zatrzymaniu; 3) związek przyczynowy między zaznaczonymi działaniami a konsekwencjami w postaci śmierci; 4) określone warunki. Zabójstwo umyślne podlega kwalifikacji na podstawie tego artykułu w trzech przypadkach, a mianowicie, w razie:

1) przekroczenia granic koniecznej obrony. W tym przypadku dokonywane jest zabójstwo sprawcy zamachu, w obronie przed czynem społecznie niebezpiecznym, ale z przekroczeniem granic koniecznej obrony, tzn. z powodu widocznej rozbieżności pomiędzy wspomnianą szkodą a niebezpieczeństwem zamachu lub warunków obrony. Obrona konieczna, zgodnie z ust. 1 art. 35 k.k., obejmuje działania, podjęte w celu obrony zapewnionych praw oraz interesów osoby, która się broni lub innej osoby, a także interesów publicznych i interesów państwowych przed społecznie niebezpiecznym zamachem, poprzez wyrządzenie temu, kto napada szkody, niezbędnej i wystarczającej w danej sytuacji w celu natychmiastowego zaprzestania lub ustąpienia zamachu. Prawomocną obroną jest obrona konieczna, która odpowiada warunkom (kryteriom), opracowanym przez naukę prawa karnego. Warunki te można podzielić na dwie grupy: 1) warunki charakteryzujące zamach społecznie niebezpieczny; 2) warunki charakteryzujące akt obronny. Do pierwszej grupy należą następujące: 1) zamach ma charakter czynu społecznie niebezpiecznego; 2) zamach jest czynny; 3) zamach jest rzeczywisty. Do drugiej grupy należą: 1) osoba broni prawa i interesy własne, innej osoby lub interesy publiczne lub państwowe; 2) szkoda jest wyrządzana sprawcy zamachu, a nie innej osobie (osobom); 3) obrona nie przekracza granic obrony koniecznej. W myśl ust. 3 art. 36 k.k., przekroczeniem granicy obrony koniecznej (nadmiar obrony) jest umyślne wyrządzenie nadmiernej szkody, nieporównywalnej do niebezpieczeństwa zamachu lub warunków obrony przeciwko temu, kto dokonuje zamachu. Przekroczenie granic obrony koniecznej jest karane jedynie w przypadku umyślnego zadania napastnikowi śmierci (art. 118) lub ciężkich obrażeń ciała (art. 124);

2) przekroczenia granic obrony w wyimaginowanych warunkach obrony. Zabójstwo popełniane jest w okolicznościach, gdy rzeczywistego zamachu społecznie niebezpiecznego ze strony ofiary nie było, a osoba zawiniona, błędnie oceniając działania ofiary, przez pomyłkę założyła obecność takiego zamachu. Kwestia, czy dana osoba miała podstawy do błędnego wniosku o

występowaniu społecznie niebezpiecznego zamachu, rozstrzygana jest w świetle szczegółowych okoliczności sprawy;

3) nadużycia środków, niezbędnych do zatrzymania przestępcy. W tym przypadku dochodzi do zabójstwa osoby, która popełniła przestępstwo, nadużywając środków koniecznych do zatrzymania przestępcy, to znaczy do ewidentnej rozbieżności pomiędzy wspomnianą szkodą a niebezpieczeństwem zamachu lub warunków zatrzymania przestępcy. Prawomocne zatrzymanie sprawcy przez ofiarę lub inne osoby jest aktem przemocy popełnionym bezpośrednio po popełnieniu przestępstwa i mającym na celu krótkotrwale pozbawienie wolności takiej osoby w celu przekazania jej władzom, jeżeli działania te są spowodowane koniecznością zatrzymania i odpowiadają niebezpieczeństwu popełnionego zamachu oraz warunkom zatrzymania. Powodem do zatrzymania osoby jest popełnienie przestępstwa. Wyrządzenie przestępcy w razie nadużycia środków niezbędnych do zatrzymania, nieciężkiej szkody: pozbawienie wolności, uderzanie, pobicie, zadawanie obrażeń ciała o stopniu lekkim lub średnim, uszkodzenie mienia, nie jest wykroczeniem karnym. Pod ciężką szkodą, jak wynika z ust. 2 art. 38 k.k., należy rozumieć umyślne spowodowanie śmierci lub obrażeń ciała o stopniu ciężkim zatrzymywanej osobie.

Podmiotowa strona zabójstwa umyślnego podczas przekroczenia granic obrony koniecznej lub w wyniku nadużycia środków, niezbędnych do zatrzymania przestępcy, charakteryzuje się winą w postaci zamiaru bezpośredniego lub ewentualnego. Podmiot takiego przestępstwa jest specjalny – osoba fizyczna, w tym także funkcyjna, podlegająca odpowiedzialności karnej, która w chwili popełnienia przestępstwa ukończyła 16 lat, i która znajduje się w stanie obrony koniecznej, obrony wyimaginowanej lub prawnego zatrzymania osoby, która popełniła przestępstwo. Zabójstwo umyślne w wyniku przekroczenia granic obrony koniecznej lub w wyniku nadużycia środków, niezbędnych do zatrzymania sprawcy przestępstwa, karane jest pracami poprawczymi na okres od dwóch lat lub ograniczeniem wolności do trzech lat lub pozbawieniem wolności na okres do dwóch lat.

PODSUMOWANIE

Powyższe rozważania pozwalają stwierdzić, że poziom ochrony karnoprawnej życia ludzkiego na Ukrainie w ogólnym zakresie odpowiada tradycji europejskiej. Razem z tym, wciąż istnieją możliwości jej doskonalenia.

CRIMINAL LAW PROTECTION OF HUMAN LIFE AGAINST DELIBERATE ASSASSINATION ON THE WAY TO EUROPEAN INTEGRATION

Summary. The article discusses the basic criminal law problems of protecting human right to life in Ukraine. The notion of the murder of a person in accordance with the current Criminal Code of Ukraine and the doctrine

of criminal law was discussed. Characteristics of the basic composition of murder of a human, qualified components of the murder of a person, components of human murders in mitigating circumstances were characterized. Attention was paid to punishing human killings under the current Criminal Code of Ukraine. The paper presents the doctrine of Ukrainian criminal law based on the proposals of scientists to improve the criminal law protection of human right to life in Ukraine.

Key words: human right to life, murder, criminal responsibility for the murders, Criminal Code of Ukraine

Polska. Lublin. Teka Kom. Praw. OL.PAN, t. XI, 2018. nr. 2, s. 141 – 151.

ZASADY ORGANIZACYJNO-PRAWNE INTEGRACJI EUROPEJSKIEJ UKRAINY

Retrospektywna praktyka społeczna, między innymi, zaświadcza o istnieniu na poziomie społecznym dwóch wzajemnie sprzecznych znaczeń prawa termodynamiki:

Każda złożona struktura społeczna, w tym również międzynarodowa, dąży ku samozachowaniu, przede wszystkim, poprzez uporządkowanie relacji społecznych z pomocą regul społecznych oraz mechanizmy politycznej organizacji społeczeństwa;

Każda złożona struktura społeczna, w tym również międzynarodowa, dąży ku rozpadowi i dezintegracji, zwłaszcza wskutek braku cywilizowanych, demokratycznych, sprawiedliwych i humanistycznych powiązań społecznych.

Można tu przywołać przykład Imperium Rzymskiego, Rusi Kijowskiej, Jugosławii, Związku Radzieckiego. Z kolei, jako proces odwrotny możemy również przywołać takie organizacje jak USA, RFN, Unia Europejska, Unia Niepodległych Państw, dążenie ku stworzeniu Unii Euro-Azyjskiej.

Początkowo, idea integracji krajów europejskich pojawiła się pod hasłem stworzenia „Zjednoczonych Stanów Europy”. Nie znamy dokładnie, kto był autorem tego hasła, jednak istnieją dostateczne powody, żeby powiązywać go z założeniem państwa Zjednoczonych Stanów Ameryki i Wielką Francuzką Rewolucją.

Na temat idei zjednoczonej Europy wypowiadali się Napoleon Bonaparte, J. Manzini, Victor Hugo, Winston Churchill, Michaił Bakunin, Leo Trocki, Władimir Lenin i inni. Co prawda trzech ostatnich myślicieli upatrywali realizację tej idei poprzez wdrażanie własnych preferencji politycznych. Zwłaszcza, Lenin wypowiadał się o stworzeniu „Zjednoczonych Stanów Świata”. W latach 1830-ch hasło o stworzeniu wspólnoty państw europejskich było bardzo popularnym w Niemczech.

Wiadomo, że do rzeczowej realizacji hasła „Zjednoczone Stany Europy” nie doszło. Razem z tym długotrwała dyskusja na ten temat promowała jej poszerzenie i wzmocnienie w świadomości urzędników państwowych, działaczy politycznych jak również przeciętnych mieszkańców krajów europejskich. W końcu idea ta realizowała się w postaci gospodarczej oraz politycznej integracji oraz podpisaniem Traktatu z Maastricht w lutym 1992 roku o ustanowieniu Unii Europejskiej.

Z wyżej przytoczonego krótkiego szkica historycznego można wywnioskować, że integracja europejska jest tendencją, racją o charakterze światowym, a to z kolei korzystnie świadczy dla Ukrainy i jej aspiracji eurointegracyjnych.

Realizacja integracji europejskiej Ukrainy ma podstawowy organizacyjno-prawny charakter. Możliwość przystąpienia któregoś z krajów do Unii Europejskiej jest przewidziana w artykule 49 Umowy o Unii Europejskiej. Warunkiem nabycia członkostwa jest uznanie, przyjęcie, wykonanie i stosowanie prawne *acquis communautaire*, „wspólnego dorobku” Unii Europejskiej, czyli zbioru opracowanych dokumentów prawnych (umowy, postanowienia, dyrektywy i inne akty).

Do przyjęcia nowych krajów do Unii Europejskiej została wypracowana specjalna procedura prawna, która składa się z czterech etapów: 1) etap konsultacyjny; 2) etap negocjacyjny; 3) rozpatrzenie sprawy oraz wnioski; 4) przejściowe periody.

Będąc na pierwszym etapie przystąpienia do Unii, Ukraina wykonała i wykonuje szereg kryteriów, określonych pod czas zebrania Rady Europy w 1993 roku w Kopenhadze: a) politycznych; b) gospodarczych; c) członkowskich.

Polityczne kryteria (wymagania) są następujące:

1) zabezpieczenie swobody wyborów prezydenckich, parlamentarnych oraz wyborów do władz lokalnych;

2) stworzenie i rozszerzenie działalności instytucji demokratycznych, organizacji pozarządowych, niezależnych środków masowego przekazu;

3) przyjęcie przepisów prawnych, które w stanie bronić prawa mniejszości oraz stworzenie odpowiednich instytucji;

4) zaostrzenie walki z przestępczością zorganizowaną i korupcją;

5) rozstrzygnięcie kwestii wsparcia prawnego oraz zaostrzenie walki z praniem brudnych pieniędzy;

6) stworzenie poufnych instytucji w dziedzinie wymiaru sprawiedliwości oraz spraw wewnętrznych;

7) przeprowadzenie działań przeciwko dyskryminacji we wszystkich sferach życia społecznego;

8) zabezpieczenie niezawisłości sądownictwa, polepszenie działalności sądów;

9) ochrona wolności jednostki.

10) Do gospodarczych kryteriów (wymagań) zostały zaliczone:

11) stabilność makroekonomiczna;

- 12) przeprowadzenie reform administracyjnych oraz strukturalnych;
- 13) obecność instytucji rynkowych;
- 14) liberalizacja reżimu handlowego;
- 15) odpowiednie zabezpieczenie zmian rynkowych;
- 16) polepszenie warunków konkurencji;
- 17) stworzenie środowiska przyjaznego do działalności przedsiębiorczej;
- 18) stworzenie przyjaznego klimatu inwestycyjnego;
- 19) podwyższenie poziomu kwalifikacji zawodowych pracowników;
- 20) polepszenie struktury oraz dywersyfikacja eksportu;
- 21) wdrażanie polityki przemysłowej, ukierunkowanej na obniżenie materiałochłonności oraz energochłonności procesów wytwarzania produkcji.

Wykonanie kryteriów „członkowskich” – jest kluczowym aspektem przygotowania do przystąpienia do Unii Europejskiej. Przewiduje się przy tym nie tylko włączenie *acquis communautaire* „wspólnego dorobku” prawodawstwa narodowego, lecz również zabezpieczenie jego skutecznego stosowania poprzez odpowiednio przystosowane struktury administracyjne oraz sądowe.

Znacząca część kryteriów (wymagań) politycznych, gospodarczych oraz „członkowskich” zostały już przez Ukrainę wykonane, inne zaś znajdują się w różnych stadiach wykonania, w drodze wykonania. Wśród aktualnych wymagań politycznych znajdują się między innymi: stabilność polityczna; zwalczanie przestępczości zorganizowanej i korupcji; aktywneprzeciwdziałania praniu brudnych pieniędzy; stworzenie poufnych instytucji w sferze wymiaru sprawiedliwości oraz spraw wewnętrznych; gwarancji niezawisłego sądownictwa, poprawa funkcjonowania sądownictwa.

Wśród aktualnych wymagań (kryteriów) gospodarczych są następujące: stabilność makroekonomiczna, przeprowadzenie reform administracyjnej i strukturalnej; stworzenie środowiska przyjaznego działalności przedsiębiorczej; wdrażanie polityki przemysłowej, ukierunkowanej na obniżenie materiałochłonności oraz energochłonności produkcji.

Trwa implementacja europejskich standardów sądownictwa w czynne prawodawstwo Ukrainy. Standardy o charakterze konstytucyjno-prawnym zostały wprowadzone do Konstytucji Ukrainy 1996 roku, która została pozytywnie oceniona przez Komisję Wenecką. Istotne zmiany zostały wprowadzone do Kodeksu Karnego Ukrainy. Mianowicie, została zniesiona kara śmierci, którą Sąd Konstytucyjny Ukrainy uznał sprzeczną z Konstytucją Ukrainy. Także został przyjęty nowy Kodeks Postępowania Karnego, który również dostał pozytywną ocenę Komisji Weneckiej. Istotne zmiany wniesiono do innych czynnych aktów prawnych.

Musimy zaakcentować ten fakt, że integracja europejska Ukrainy ma charakter konstytucyjno-prawny. Zasadniczą zasadą prawną przy tym jest teza artykułu 18 Konstytucji Ukrainy, w której deklaruje się, że: „Działalność polityki zagranicznej państwa ukraińskiego jest ukierunkowana

na zabezpieczenie interesów narodowych oraz bezpieczeństwa kraju drogą utrzymywania pokojowej i korzystnej wzajemnie współpracy z członkami społeczności międzynarodowej według ogólnie uznawanych zasad i norm prawa międzynarodowego”.

W omawianym kontekście równie ważne znaczenie odgrywa zasada artykułu 9 Konstytucji Ukrainy, która brzmi następująco: „Czynne umowy międzynarodowe, których obligatoryjny charakter potwierdziła Rada Najwyższa Ukrainy, są częścią prawodawstwa narodowego Ukrainy”.

Niezmierznie ważnymi konstytucyjnymi zasadami integracji europejskiej Ukrainy jest zasada „nadrzędności prawa”, znajdująca się w artykule 8 Konstytucji Ukrainy, zasada podziału władzy na ustawodawczą, wykonawczą oraz sądowniczą (art. 6 Konstytucji Ukrainy), zasada prawnego zabezpieczenia praw, wolności i obowiązków człowieka i obywatela na Ukrainie (rozdział 2 Konstytucji Ukrainy), zasada urzeczywistniania sprawiedliwości (rozdziały 8 i 12 Konstytucji Ukrainy).

Integracja europejska Ukrainy – to skomplikowany i wielostopniowy proces historyczny, odbywający się zgodnie z zasadą przejrzystości relacji.

Warunkowo możemy wyszczególnić pięć etapów relacji pomiędzy Unią Europejską i Ukrainą. Przeprowadzenie każdego z nich powinno opierać się na zasady organizacyjno-prawne UE.

Pierwszy etap – wielokierunkowa polityka zagraniczna Ukrainy, przewidująca partnerstwo i współpracę ze Wspólnotą Europejską. Relacje Ukrainy i Unii Europejskiej budowały się na zasadzie dobrosąsiedztwa. Ten etap został zapoczątkowany 2 grudnia 1991 roku podpisaniem Deklaracji Wspólnoty Europejskiej o Ukrainie, w której uznawało się demokratyczny charakter Wszechukraińskiego Referendum oraz proponowano Ukrainie podtrzymywać ze Wspólnotą Europejską otwarty i konstruktywny dialog, tematem którego było wykonanie wszystkich zobowiązań byłego ZSRR. Ten etap został zakończony wraz z końcem kadencji prezydenta Leonida Krawczuka. Na ogół, jest oceniany jako pozytywny, ponieważ w ciągu tego etapu przeprowadzono szereg działań organizacyjno-prawnych. Zwłaszcza 14 września 1991 r. odbyło się pierwsze spotkanie Ukraina – Unia Europejska na najwyższym szczeblu: Prezydent Ukrainy Leonid Krawczuk spotkał się z Prezydentem Komisji Europejskiej Jacques'em Delors'em; 5 maja 1993 roku podpisano doniosłą Umowę pomiędzy Ukrainą i UE o handlu wyrobami tekstylnymi; 25-26 grudnia 1993 roku odbyły się negocjacje na najwyższym szczeblu na temat partnerstwa i współpracy między Ukrainą i UE, po których w roku 1994 została podpisana odpowiednia Umowa o partnerstwie i współpracy Ukrainy i UE, ratyfikowana Radą Najwyższą Ukrainy 10 listopada 1994 roku.

Drugi etap – to deklaratywna eurointegracja Ukrainy w latach prezydentury Leonida Kuczmy (1994–2004). W tym okresie Ukraina na poziomie politycznym zadeklarowała swoje dążenie pogłębiać stosunki z UE i w przewidywalnej perspektywie przystąpić do Unii. Ogólnie, nadal prowadziła

się wielosektorowa polityka zagraniczna. Jednocześnie rozszerzała się współpraca pomiędzy Ukrainą i Unią Europejską w dziedzinach polityki i gospodarki. Regularnie dwa razy w roku odbywały się posiedzenia Ukraina – Trójka UE na szczeblu Ministrów Spraw Zewnętrznych, 24 marca 1995 roku zostały zapoczątkowane regularne spotkania Wspólnego Komitetu Ukraina – UE, który rozpatrywał możliwości współpracy międzysektorowej. 1 czerwca 1995 r. Prezydent Ukrainy Leonid Kuczma spotkał się z Prezydentem Komisji Europejskiej Jacques'em Santer'em. Skutkiem tego spotkania stało się podpisanie Tymczasowej umowy o handlu między Ukrainą i UE. W roku 1996 UE uznała za Ukrainą status państwa z *gospodarką przejściową*. Wskutek wizyty na Ukrainę członka Komisji Europejskiej Hansa Van den Broek'a 12-13 września 1996 roku został przyjęty indykatywny program TISIS dla Ukrainy na 1996-1999 r. oraz podpisany Protokół Finansowy planu wspólnych działań UE/Wielkiej Siódemki stosownie restrukturyzacji sektora energetycznego ukraińskiej gospodarki. 6 grudnia 1996 r. Rada Ministrów UE uchwaliła Plan działań dotyczący Ukrainy oraz wyraziła swoje zdecydowanie rozwijać i pogłębiać stosunki polityczne i gospodarcze z Ukrainą. W roku 1997 odbyły się dwa najważniejsze wydarzenia: 15 lipca Ukraina i UE podpisali Umowę o węglu i stali oraz handlu wyrobami ze stali; 5 września został przeprowadzony Pierwszy Szczyt Ukraina – UE, w czasie którego kolejny raz został zaanonsowany europejski wybór Ukrainy.

1 marca 1998 roku weszła w życie Umowa o Partnerstwie i Współprace Ukrainy i UE. 8-9 czerwca tegoż roku odbyło się pierwsze posiedzenie Rady Europy na temat współpracy pomiędzy Ukrainą i UE. Na tym spotkaniu strona ukraińska oficjalnie zadeklarowała o swoim dążeniu zdobyć status państwa stowarzyszonego z UE, uchwalono Reguły proceduralne Rady Współpracy, podpisano wspólny program roboczy na lata 1998–1999. Co więcej, rozporządzenie Prezydenta Ukrainy Nr 615 od 11 czerwca 1998 roku uchwaliło Strategię integracji Ukrainy z UE, a 12 czerwca zostało wydane postanowienie Kabinetu Ministrów Ukrainy Nr 582 o wdrożeniu mechanizmów adaptacji ustawodawstwa Ukrainy zgodnie z wymaganiami europejskimi.

W ciągu lat 1999–2004 najbardziej istotnymi wydarzeniami w zakresie eurointegracji Ukrainy były takie: 23 lipca 1999 roku pod czas Trzeciego Szczytu Ukraina – UE posunięcia Ukrainy w kierunku integracji zostały uznane jak skuteczne; potwierdzono zamiary UE wesprzeć Ukrainę pod czas dołączenia się do WTO; 16 sierpnia 1999 roku postanowienie Kabinetu Ministrów Ukrainy uchwaliło Koncepcję adaptacji ustawodawstwa Ukrainy do wymagań UE; 10 grudnia 1999 roku pod czas Szczytu UE w Helsinki uchwalono strategię UE w stosunku do Ukrainy; 11 września 2001 roku na Czwartym Szczycie Ukraina – UE władze UE i Prezydent Ukrainy Leonid Kuczma podpisali wzajemne zobowiązania o pogłębieniu strategicznego partnerstwa; 25 listopada 2004 roku UE oświadczyła, że wybory prezydenckie na Ukrainie nie spełniali międzynarodowych standardów wyborów demokratycznych.

Trzeci etap – to etap wielkich oczekiwań szybkiej integracji do UE. Zaczął się z zakończeniem Rewolucji Pomarańczowej na Ukrainie i trwał w ciągu prezydentury Wiktora Juszczenki (2005–2009). W tym okresie zostało przeprowadzono szereg przedsięwzięć organizacyjno-prawnych pomiędzy UE i Ukrainą. Mianowicie: 21 lutego 2005 roku Rada UE wydała wniosek dotyczący Ukrainy, zawierający „10 punktów” skierowanych na zapewnienie maksymalnych korzyści Planu działań Ukraina – UE; 23 grudnia 2005 roku Rada UE przyswoiła Ukrainie status *państwa z gospodarką rynkową*; 1 stycznia 2008 roku weszła w życie Umowa o złagodzeniu reżimu wizowego pomiędzy Ukrainą i UE; 7 maja 2009 roku zaczęła działać inicjatywa Partnerstwo Wschodnie; 25 lutego 2010 roku Parlament Europejski uchwalił rezolucję o sytuacji na Ukrainie, uznając prawo państwa ukraińskiego do przystąpienia do UE. Niestety, liczne przedsięwzięcia organizacyjno-prawne, nie spowodowały rychłego przyjęcia Ukrainy do Unii Europejskiej.

Czwarty etap – deklaratywnie-pragmatyczny. Miał on miejsce w latach Prezydentury Wiktora Janukowicza. Najbardziej istotne wydarzenia z tego periodu są następujące: 24 września 2010 roku Ukraina weszła do Europejskiej Wspólnoty Energetycznej; 11 listopada odbyła się plenarna tura negocjacji na temat podpisania Umowy o Asocjacji Ukrainy z UE; 30 marca 2012 roku negocjatorzy od stron UE i Ukrainy emitowali tekst Umowy o asocjację Ukrainy z UE; 19 lipca 2012 roku została wydana rozszerzona i wyszczególniona wersja Umowy o strefie swobodnego handlu między UE i Ukrainą; 1 lipca 2013 roku weszła w życie nowelizacja Umowy o złagodzeniu wymagań, dotyczących wydania obywatelom Ukrainy wiz w kraje UE.

Proces integracji Ukrainy z UE został przerwany wskutek tajnego spotkania dwóch prezydentów: Wiktora Janukowicza i Władimira Putina. Konsekwencją tego spotkania stało Postanowienie Kabinetu Ministrów Ukrainy od 21 listopada 2013 roku o zawieszeniu działań przygotowawczych do podpisania Umowy o Asocjacji Ukrainy z UE. Uchwała ta wywołała masowe protesty obywateli ukraińskich, które uwieńczały się Majdanem oraz haniebną ucieczką Wiktora Janukowicza z Ukrainy.

Piąty etap – realistyczno-pragmatyczny – zaczął się po wydarzeniach rewolucyjnych na Majdanie. Pod względem integracji europejskiej Ukrainy etap ten jest najbardziej skuteczny: 21 marca 2014 roku w Brukseli została podpisana Polityczna część Umowy o Asocjacji Ukrainy z UE; 17 kwietnia 2014 roku Parlament Europejski uchwalił rezolucję o Ukrainie, według której Ukraina może złożyć wniosek o przystąpienie do UE; 23 kwietnia nabrała mocy decyzja o jednostronnym anulowaniu opłat celnych dla ukraińskich towarów na rynku europejskim;

Bezwizowy reżim z krajami UE planuje się wprowadzić do końca 2014 roku.

Przewiduje się, że Gospodarcza część Umowy stowarzyszeniowej będzie podpisana po wyborach prezydenckich 25 maja 2014 roku. Strefa wolnego

handlu Ukrainy i Unii Europejskiej (w formie dwustronnej) może wejść w życie już od 1 listopada bieżącego roku.

Wracając do Politycznej części Umowy stowarzyszeniowej z UE, warto odnotować, że jest ona bardzo szczegółowa i rozbudowana. Jej główne części, między innymi, obejmują:

1) W części „Preambuła, ogólne cele i zasady” znajdują się wyrazy uznania ze strony UE wyboru europejskiego oraz dążenia do Europy Ukrainy jako państwa europejskiego. Również zostały określone *cele Umowy*, wśród których – stworzenie asocjacji, stopniowe zbliżenie Ukrainy i UE, pogłębienie stosunków gospodarczych oraz handlowych (zwłaszcza poprzez strefę wolnego handlu), aktywizacja współpracy w dziedzinach prawa, wolności i bezpieczeństwa.

2) Zostały ustalone podstawowe zasady, znajdujące się u podstaw asocjacji. Przede wszystkim, to zabezpieczenie praw i fundamentalnych wolności człowieka, dotrzymanie zasady nadrzędności praw, wykonanie zasad suwerenności oraz integralności terytorialnej, nienaruszalności granic oraz niepodległości państwa.

3) Część „Dialog polityczny i reformy, asocjacja polityczna, współpraca i konwergencja w dziedzinie spraw zewnętrznych oraz polityki bezpieczeństwa” zawiera tezy, których implementacja miałaby wesprzeć rozwój i prowadzenie dialogu politycznego w różnych strefach, a szczególnie w strefie bezpieczeństwa i obrony, konsolidacji pokoju oraz międzynarodowego wymiaru sprawiedliwości, zapobieganie konfliktom, nierozpowszechniania, rozbrojenia oraz kontrola nad bronią, zwalczanie terroryzmu etc. Także w tej części zostały określone poziomy i formy dialogu politycznego, mianowicie, przewidziano przeprowadzenie szczytów, spotkań na szczebli ministerskim i innych.

4) Zgodnie z częścią pod tytułem „Postanowienia instytucyjne, ogólne oraz końcowe” przewidywane są nowe formy i poziomy współpracy między Ukrainą i UE po wchodzeniu w życie Umowy o Asocjacji. Chodzi zwłaszcza o stworzeniu Rady i Komitetu w sprawach asocjacji oraz Komitetu parlamentarnego w sprawach asocjacji. W celu dołączenia się szerszego koła społeczeństwa, zaplanowano stworzenie Platformy obywatelskiej.

Podpisanie i realizacja Politycznej części Umowy stanie się istotnym czynnikiem utrzymania niepodległości oraz integralności terytorialnej Ukrainy. Albowiem ta część Umowy przewiduje wyraźne interakcje w celu zachowania bezpieczeństwa i stabilności w regionie.

Terminy podpisania innych rozdziałów (prawo, wolność i bezpieczeństwo; współpraca międzysektorowa oraz finansowa, rozszerzenie strefy wolnego handlu) zostaną rozpatrzone na późniejszych etapach. Odpowiednie dokumenty, dotyczące obowiązków stron będą opisane w Akcie końcowym, na podstawie wyników Szczytu.

Integracja europejska Ukrainy – to długi i skomplikowany proces, który obecnie znajduje się w najbardziej aktywnej stadium. Kończy się 23 rok dążenia Ukrainy do integracji z Europą. Pod tym względem niezmiernie ważną jest ta pomoc, którą udzielali i nadal udzielają władze polityczne oraz naród polski. Bez tej pomocy zaledwie czy moglibyśmy osiągnąć dzisiejszy poziom relacji między Ukrainą i UE. I to właśnie Rzeczpospolita Polska, jako najbliższy nasz sąsiad pod względem historycznym i kulturalnym, pierwsza uznała niepodległość Ukrainy i wciąż pozostaje solidnym gwarantem i obrońcą interesów Ukrainy na arenie międzynarodowej. Ze względu na to autorytet Polski wśród ukraińców niebywale wzrósł, jak również wzrosły zaufanie i wdzięczność do państwa i narodu polskiego.

* * *

Relacje polityczne między Polską a Ukrainą. Doświadczenia I perspektywy. Polska. Lublin. Wydawnictwo KUL. 2015. – S. 153-160.

НЕГАТИВНАЯ (РЕТРОСПЕКТИВНАЯ) ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ОСНОВАНИЯ

В общей теории права, как и в общей философии и философии права, не выработано также единого понимания понятия феномена негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека. В современной юридической литературе наблюдается признание таких признаков этого вида социальной ответственности:

1) юридическая ответственность – следствие совершения человеком правонарушения, форма реагирования государства на противоправное поведение человека;

2) юридическая ответственность является следствием совершения человеком деяния, содержащего признаки правонарушения, предусмотренного нормами права;

3) юридическая ответственность человека реализуется в рамках правового поля;

4) юридическая ответственность человека реализуется компетентными органами государства;

5) юридическая ответственность человека реализуется в определенных законом формах, способах;

6) юридическая ответственность человека имеет свои стадии реализации;

7) юридическая ответственность человека реализуется в течение определенного времени и на определенном пространстве – территории государства;

8) юридическая ответственность человека подчиненна соответствующим принципам.

Наиболее распространенными в общей теории права являются такие концепции понятия феномена юридической ответственности человека в ее негативном ретроспективном значении:

- 1) юридическая ответственность – правоотношение;
- 2) юридическая ответственность – наказание;
- 3) юридическая ответственность – реализация санкции;
- 4) юридическая ответственность – способность человека давать себе отчет о своем противоправном поведении и перетерпеть меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения принадлежащих ему благ;
- 5) юридическая ответственность – мера принуждения за содеянное правонарушение;
- 6) юридическая ответственность – правовая обязанность человека, возникшая из факта содеянного правонарушения;
- 7) юридическая ответственность – осуждение поведения, деяния правонарушителя, возмездие правонарушителю за содеянное правонарушение.

Отметим, что сторонники каждой из названных концепций также нередко расходятся во мнениях в понимании подходов к определению их содержательной части, иногда отдельные ученые проявляют приверженность к нескольким перечисленным выше концепциям юридической ответственности.

Юридическая ответственность человека связана с потенциальным или реальным государственным принуждением. Однако нельзя сводить негативную (ретроспективную) юридическую ответственность только к взысканию или наказанию либо только к применению санкции, поскольку эти понятия не отражают в полной мере содержание и формы реализации данной ответственности. Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность шире по своему содержанию, чем понятия "наказание" и "применение санкции". Следует помнить, что негативная (ретроспективная) юридическая ответственность может реализовываться и без применения санкции вообще и наказания в частности.

Отрицательную (ретроспективную) юридическую ответственность человека необходимо отличать от мер государственного принуждения. Меры государственного принуждения как понятие шире по объему понятия негативной (ретроспективной) юридической ответственности, поскольку оно, кроме правового взыскания или наказания, включает и другие правовые средства. Правильной является позиция тех авторов, которые утверждают, что государственное принуждение всегда присутствует начиная уже с момента вступления в действие нормы права.

Нормы права по своей выраженности являются эталонами, моделями общественно полезного, общественно приемлемого поведения человека, желаемого со стороны законодателя. Нормы права – выражением

правового сознания общества в целом или его доминирующей части. Они образуют нормативное поле юридической ответственности человека, регулируют волевое поведение людей. В нормах права воплощена воля государства, *государственное веление*. Это государственное веление адресовано к индивидуальной *совести и свободе* каждого человека как субъекта общественных отношений через его ум и сознание. *Совесть*, в частности, является одним из важных показателей достоинства человека, его доминирующего достоинства. Государственная воля, государственное веление реализуется именно через *разум* человека, его *индивидуальное сознание и совесть*, его волю, потенциальную угрозу принуждения со стороны компетентных органов государства. Сначала *потенциальная угроза* применения государством принуждения побуждает человека к добровольному выполнению правовой обязанности, а в случае совершения правонарушения исполнения этой обязанности может быть как *добровольным*, так и следствием *применения принудительных мер*, предусмотренных действующим законодательством. Кроме того, по нашему убеждению, в случаях причинения правонарушителем материального или морального вреда или обеих ее видов одновременно этой обязанностью правонарушителя охватывается возмещение, компенсации такого вреда.

К числу других государственно-правовых мер правомерно относят:

а) *предупредительные меры* (например, опись имущества лица, признанного обвиняемым по уголовному делу; объявления карантина в местности, где возникла или может возникнуть эпидемия);

б) *меры пресечения* (например, задержание лица, совершающего хулиганские действия);

в) *восстановительные меры* (например, принятие судебного решения, которым руководитель предприятия обязывается восстановить на работе безосновательно уволенного им работника);

г) *компенсационные меры* (в частности, возмещение материального ущерба, причиненного правонарушением).

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека – это вид его социальной ответственности, который выражается в необходимости перетерпеть нарушителем правовых предписаний, применяемых к нему компетентными органами государства, предусмотренные действующим законодательством *принудительные меры* правового воздействия в установленных процессуальной и исполнительной формах. Каждая из этих форм является неотъемлемой составляющей, важным элементом всего процесса, процедуры реализации юридической ответственности. В связи с этим уместным является предостережение Ю. В. Феофанова о том, что закон без ритуала, без процедуры его действия приводит власть к произволу, а граждан - к незащищенности.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность – следствие юридической безответственности человека, а именно: его

безответственного, противоправного поведения как субъекта общественных отношений, результат утраты им *силы ощущения* юридической ответственности.

Наиболее оптимальным сегодня, как представляется, выступает выделение *трех оснований* негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека:

- а) социально-этическое (моральное);
- б) нормативно-правовое;
- в) фактическое.

Социально-этическое (моральное) основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека должно дать ответ на вопрос: почему и при каких условиях человек подлежит юридической ответственности, а государство в лице компетентных органов имеет моральное право применить к нему юридическую ответственность?

Человек в таких случаях должен быть наделен обычным (привычным) уровнем *сознания и разумной свободой воли* к деянию (действию или бездействию). Он должен быть способен соотносить свое поведение с предписаниями правовых норм сквозь призму его *совести* на почве *разумной* индивидуальной и социальной *необходимости*. Государство в случае нарушения таким человеком предписаний правовых норм должно выполнить одну из своих функций – привлечь его к соответствующему виду юридической ответственности. В государстве демократического направления применения видов юридической ответственности должно быть сбалансированным по каждому случаю нарушения человеком юридических норм: каждому такому случаю должны корреспондировать *разумный(необходимый) и достаточный вид* и мера юридической ответственности. Злоупотребление наиболее строгими видами и мерами юридической ответственности в государстве демократической ориентации *недопустимо*.

Научный анализ социально-этического (морального) основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека в доктринах философии права и общей теории права обязательно связывают с понятиями "разум", "совесть", "свобода воли", которые являются антропологическими основами этого основания юридической ответственности.

В общем, теоретические подходы к выяснению этой связи сводятся к следующему. Государство демократической ориентации, как субъект общественных отношений, осуществляет правовое воздействие на человека с целью модификации его поведения, направление его в общественно полезное или общественно приемлемое правомерное русло и с этой целью устанавливает правовые рамки общественной свободы человека как субъекта общественных отношений. Именно правовое поле в этих пределах – желанная демократическим государством почва для реализации автономной свободы воли и ответственности человека как

субъекта общественных отношений. За этими пределами свобода воли человека порождает произвол, безответственность и, как результат, его юридическую ответственность.

Между *правовой (юридической) свободой человека* и его юридической ответственностью имеет место относительная корреляционная зависимость. Юридическая ответственность является, образно говоря, обратной стороной *правовой (юридической) свободы*. Увеличение объема *правовой (юридической) свободы* обуславливает увеличение объема юридической ответственности человека. Увеличение же объема юридической ответственности человека может вести к сужению объема *правовой (юридической) свободы*.

Важное значение для теории юридической ответственности человека имеет выяснение *соотношения* между категориями «*свобода воли*» и «*необходимость*». Необходимость не подавляет человека, она ставит его в такое положение, когда он должен выбирать, решать самостоятельно, исходя из обстоятельств конкретной жизненной ситуации. Тем самым *необходимость* выступает объективной предпосылкой ответственности человека, субъективной же предпосылкой его юридической ответственности является индивидуальная *свобода воли*. Рассмотрение свободы воли человека вне рамок необходимости порождает произвол, вседозволенность, волюнтаризм, безответственность. Необходимость вне свободы воли порождает полную неспособность человека к самостоятельным решениям, поступкам, порождает его частичную или полную инфантильность, а также беспредельную веру в судьбу, то есть фатализм.

Между «*свободой воли*» и «*необходимостью*» есть «*свобода совести*» как *детерминанта разумного выбора* человеком варианта поведения в конкретной жизненной ситуации. В тех случаях, когда *совесть, если она есть у человека на достаточно развитом уровне*, господствует над волей, выбор человеком варианта *правомерного поведения через его позитивную силу* воли наиболее вероятен. Когда такое господство совести над свободой воли у него отсутствует, наиболее вероятным является выбор человеком *противоправного варианта поведения через негативную силу его воли*.

Правовой рационализм является одной из главных основ современной философии, философии права, общей теории права. *Разум* – имманентная составляющая способностей человека, он направляет его к утверждению общечеловеческих гуманистических ценностей права. Право как *воплощение разума* обращено к разумным существам – людям. Оно способно стимулировать неограниченную и разумную волю человека, имея достаточно прочные демократические основания.

Объективное право является воплощением *разума, продуктом разума* человека, *его совести и воли*. Через право *разум как его основа* влияет на волю людей, склоняя их к социально положительному

поведению. *Разум* конкретного нормально развитого человека, как правило, способно ценить уровень воплощенного в норме права разума, соотнести его с собственными разумом и совестью. От этой индивидуальной оценки в значительной мере зависит тразвитие мотивационного процесса человека на выбор соответствующего варианта поведения: правомерного или противоправного.

Поэтому *норма права должна быть «разумной», «добросовестной»*, социально обусловленной в целом и сквозь призму естественно правомерных интересов и потребностей обычного человека, к разуму, воли и совести которого она адресована. *«Неразумная», «бессовестная»* в бытовом понимании норма права *не воспринимается социумом людей, игнорируется* ими в форме пассивного или активного сопротивления выполнению ее предписаний, отыскиванию путей обхода этих предписаний, в частности с помощью коррупционных действий и схем. Она обречена только на малоэффективное принудительное применение и реализацию с минимальным успехом. Напротив, *«разумная», «добросовестная»* норма права является наиболее пригодной для восприятия ее разумом, совестью и волей максимально широкого круга людей, что выступает важной составляющей надежной основы реализации такой нормы с наиболее высоким уровнем эффективности. Кроме этого, *«разумная», «добросовестная» норма права* является тем важным фактором, который максимально способствует утверждению уважения к праву, формированию позитивной юридической ответственности человека. Ожидание такого социально-правового результата с наибольшей вероятностью может быть обеспечено тогда, когда *разум законодателя* базируется на выявленных юридической наукой закономерностях и потребностях правового регулирования, является частью интеллектуального потенциала общества. Поэтому *уважение к праву должно иметь двустороннее проявление*. Со стороны государства – в лице законодателя, компетентных органов государства, которые должны безоговорочно уважать человека как разумное, правовое существо, уважать его достоинство, права и свободы, способствовать их утверждению и развитию. Именно в этом главным образом проявляется *позитивная ответственность государства*. Со стороны граждан – это уважение к государству, его разумным, справедливым, гуманным законам. Только при таких условиях возможна *надежная обратная связь между человеком и государством*, а следовательно, и эффективность государственного управления.

Свобода воли человека как потенциальная возможность включает опосредствованные его умом такие интеллектуально-волевые качества, как свобода желания, свобода выбора, свобода действий. Она является одной из фундаментальных ценностей цивилизованной ментальности человека, его неотъемлемой чертой. Свобода воли признает за человеком *право* свободного выбора и *обязанность* отвечать за осуществленный

выбор социально значимого поведения. Ответственность – весомая гарантия нормативной свободы человека.

Право как социальная реальность, нормативный регулятор выступает мерой *внутренней* и *внешней* свободы человека как субъекта общественных отношений, *нормативной формой ее выражения*. Право как мера внутренней свободы человека способствует нормированию его *внутренней свободы – свободы воли*, свободы выбора варианта его поведения, способствуя через закрепленные в нем ценностные ориентиры поступательной социализации человека, укреплению его внутренних установок просоциального, правомерного характера, повышению его уровня общественной благонадежности, законопослушания. В конечном результате это должно обеспечить надежный уровень позитивной юридической ответственности человека, когда он убежден в необходимости соотносить свое поведение с требованиями правовых норм, действовать в правовом поле. Формирование *свободы воли* человека в таком случае бесспорно согласуется с предписаниями норм права. В этой ситуации право исходит из презумпции наличия у человека достаточно высокого уровня разума, социализации, совести, силы воли, уважения к праву, социальной благонадежности. Оно обращено к *сознанию и воле* такого человека как субъекта общественных отношений и в этом случае вероятен прагматичный расчет на положительную обратную связь между государством как правовым регулятором общественных отношений и адресатом правовых предписаний в лице человека как субъекта общественных отношений. Расчет на такую связь не всегда оправдан в силу личностных и социальных факторов субъективного и объективного характера, в частности, когда добросовестный человек имеет силу и волю, но *не имеет силы воли*, ведет себя безответственно и совершает правонарушение, закономерным следствием которого является его негативная (ретроспективная) юридическая ответственность.

Выполняя роль меры *внешней свободы* человека как субъекта общественных отношений, право сориентировано на достаточный уровень его добродетельных достоинств. В противном случае действует обратная презумпция: отсутствие у человека достаточного уровня социализации, социальной благонадежности, совести, разумной силы воли, уважения к праву объективно требует применения к нему предписанного законом принуждения с целью укрепления его индивидуальных нормативно-правовых установок, модификации поведения такого человека в общественно-позитивном русле. Интенсивность этого принуждения в значительной мере зависит от общественной вредности или общественной опасности совершенного человеком деяния, а также от личности виновного.

Сочетание ощущения свободы и осознания *разумной социальной и индивидуальной необходимости* человеком порождают специфическую

зависимость, онтологическим содержанием которой является самоподчинение, самопринуждение к унормированному поведению в правовом поле, в просоциальном русле.

Необходимость нередко связана с двумя другими алетичными модульностями: *случайностью* и *невозможностью*. Именно в таком их органическом сочетании обеспечивается возможность наиболее полной характеристики понятия и форм реализации юридической ответственности человека. При этом *необходимость коррелирует с неотвратимостью, случайность – с произвольностью, а невозможность – с полным исключением юридической ответственности человека.*

Свобода человека, как внешняя, так и внутренняя (свобода воли), реализуется через правовой эквивалент, каковым является *правосубъектность*, которая характеризуется единством *трех правовых институтов*: правоспособность; дееспособность; деликтоспособность. При этом под *правоспособностью* в юридической литературе понимается признанная государством способность человека иметь юридические права и обязанности, а под *дееспособностью* – признанная государством способность человека своими самостоятельными, волевыми актами поведения приобретать, осуществлять, изменять или прекращать юридические права и обязанности. *Деликтоспособность* – признанная государством способность человека самостоятельно выбирать вариант поведения и отвечать за неправомерную реализацию своих прав или неправомерное исполнение своих обязанностей.

Юридическая свобода человека является неотъемлемым элементом механизма общественной правовой реальности, доминирующей социальной ценностью, одной из надежных основ гражданского общества. Право как мерило свободы и ответственности человека создает поле его юридически значимой свободы, которое является наиболее безопасным местом для формирования и внешнего выражения индивидуальной совести и свободы воли человека. Унормированная правовая свобода человека – это те социально-правовые возможности его поведения, которые определены нормами действующего законодательства в широком смысле этого слова через разрешения, поощрения, обязанности, запреты. Выход за нормативные рамки, границы юридической свободы неразрывно связан с соответствующего вида юридической ответственности человека. Унормированная правом свобода воли человека реализуется через общественно полезные, общественно приемлемые, общественно вредные, общественно опасные или общественно нейтральные модели поведения человека. Свобода воли человека обеспечивает ему свободу выбора между правомерным и противоправным поведением.

Свобода воли человека тем самым соотносится с волей государства (государственным велением). Следствием положительного соотношения свободы воли человека и воли государства (государственного веления)

является его позитивная (перспективная) юридическая ответственность. Следствием негативного соотношения свободы человека и воли государства (государственного веления) – выход человека за пределы юридической свободы и как следствие наступление его негативной (ретроспективной) юридической ответственности. Здесь человек выступает как *неправовое существо*. Поэтому когда такое соотношение возникает на рациональном уровне, а не на чисто эмоциональном, шансов на результат в виде положительной юридической ответственности человека гораздо больше.

Свобода воли, таким образом, не является причиной противоправного поведения человека, она – лишь диапазон возможного его поведения в правовом поле.

Различают юридическую свободу человека (*формальную*) и юридическую свободу человека (*реальную*). *Формальная* юридическая свобода – это предусмотренные нормами права возможные и целесообразные модели поведения человека в обществе. *Реальная* юридическая свобода – это реализация человеком своими индивидуальными способностями и усилиями предусмотренных нормами права юридических возможностей юридической свободы на почве реальных общественных условий ее реализации.

Таким образом, право является одновременно и регулятором общественных отношений и регулятором волевого поведения людей в условиях общества.

Праву как мерилу свободы человека свойственный динамический характер: оно постоянно развивается с развитием общественных отношений. Поэтому одной из главных задач законодателя – обеспечение развития права, гармонизация этого развития с развитием общественных отношений. Только при таком условии право будет максимально наделено инструментальными свойствами мерила свободы, справедливости, гуманности и демократии. Гармоничное развитие права в соотношении с общественными отношениями, общественными интересами и потребностями – залог прогрессивного развития общества на пути к новым уровням цивилизации.

Внешняя свобода человека легализуется в праве, в первую очередь путем ее закрепления в форме субъективных прав, свобод и обязанностей как в международном праве, так и во внутригосударственном – главным образом на уровне Конституции как Основного Закона государства. Легализация внешней свободы человека в форме субъективных прав, свобод и обязанностей – это лишь одна из форм определения ее границ. Детальная же регламентация границ внешней свободы человека осуществлена в действующих нормативных актах государства, как материальных, так и процессуальных и исполнительных. В действующем законодательстве правам и свободам человека корреспондируют соответственно субъективные обязанности. *Субъективные права, свободы*

и обязанности составляют правовой статус человека в обществе. Они исполняют роль легального ориентира границ социальной свободы каждого человека в цивилизованном обществе. Общественной практикой доказано, что нет прав и свобод без обязанностей, как нет обязанностей без прав и свобод. Оптимальным вариантом являются их гармоничное сочетание, согласование с помощью норм права в правовом поле, на правовой почве. Органическое единство прав, свобод и обязанностей – основа цивилизованного определения границ внешней свободы в правовом поле государства.

Внутренняя свобода человека – свобода воли в значительной мере, как уже отмечалось, формируется под влиянием его морально-психических, правовых установок и предписаний, содержащихся в уполномочивающих, обязывающих, поощрительных и запретительных правовых нормах. Важное значение в этом процессе имеет уровень обеспечения доступности людям как субъектам общественных отношений этих установок, предписаний. Традиционными формами обеспечения доступности правовых установок, предписаний являются *правовая пропаганда, правовое воспитание, правовое образование*.

Очевидно, назрела необходимость критически оценить конституционный принцип «*Незнание законов не освобождает от юридической ответственности*». Он должен быть уравновешен не только конституционной обязанностью государства доводить свои правовые предписания, веления к человеку, но и *выработкой эффективного механизма* этой деятельности через правовую пропаганду, правовое воспитание, правовое образование. Современные возможности государства в этом направлении далеко не исчерпаны. Использование этих возможностей позволит укрепить интеллектуально-правовые установки человека, а следовательно, и его позитивную (перспективную) юридическую ответственность.

Границы социальной свободы человека, как уже отмечалось, в значительной мере определяются государством с помощью норм права. Каждая норма права включает соответствующее *предписание, веление государства* субъекту общественных отношений, указывая на желаемый для государства стандарт, модель его поведения в определенных условиях социального бытия. Такое *предписание, веление* обеспечивается потенциальной или реальной принудительной силой государства, которая призвана контролировать социально значимое поведение человека как субъекта общественных отношений, обеспечивать соблюдение им границ социальной свободы через применение юридической ответственности. В этих условиях *неограниченная воля* человека унормируется не только в рамках социальной правовой (юридической) свободы, но и в органической связи с *разумной социальной и индивидуальной необходимостью и юридической ответственностью*, которая, как известно, также имеет четко определенные в законе границы и меру. Государство в лице законодателя

и своих компетентных органов должно в первую очередь выяснить, имеет ли оно *моральное право* ограничивать свободу человека в конкретной жизненной ситуации или можно решить социальную проблему другими имеющимися методами и средствами.

Таким образом, *свободу человека в праве* следует определять как *разумную правовую необходимость*, согласованную с его собственными убеждениями, установками, идеалами, интересами и потребностями, опосредованную *его совестью* и обеспечиваемую *силой воли* человека.

Право как *воплощение, продукт человеческого разума* должно быть наделено чертами общечеловеческих ценностей. При таких условиях разум и воля человека, его *разумная свобода воли и разумная правовая необходимость* служат онтологическими основаниями юридической ответственности.

Разумная правовая необходимость в идеале имеет *дихотомический характер*: социальная и индивидуальная. Мудрость законодателя проявляется лишь тогда, когда он сумеет выявить, уяснить для себя, понять в каждой конкретной ситуации решение вопроса правового регулирования соответствующих общественных отношений, объективно-субъективный смысл социальной и индивидуальной разумной необходимости и *гармонично соединить их* в своем волевом предписании, воплощенном в модели правовой нормы или норм. Это волевое предписание, как известно, определяет права, свободы и обязанности субъектов общественных отношений, пределы их осуществления. Поэтому на передний план всегда должна выходить потребность выяснения социальной обусловленности той или иной нормы права на научно-практическом уровне. С другой стороны, субъект общественных отношений, будучи просоциально настроенным, должен уметь выяснить, воспринять разумность социальной необходимости, оценить разумность своей индивидуальной необходимости и гармонично соединить ее с разумной социальной необходимостью. Этот результат проявляется через сложный мотивационно-волевой процесс. Как уже отмечалось, в тех случаях, когда норма права включает *откровенное неразумное волевое предписание*, которое не вызвано социальной необходимостью, человек как субъект общественных отношений либо игнорирует такое предписание, либо ищет пути его обхода. В таких ситуациях доминирует *разумная субъективная, индивидуальная необходимость*. Наряду с этим антисоциально настроенный человек, как правило, обычно не воспринимает разумную социальную необходимости, воплощенную в норме права, предпочитая субъективную разумность своей индивидуальной необходимости. В этом случае является глубоко нравственным, оправданным применение к нему со стороны компетентных органов государства правомерного принуждения с целью модификации его поведения в правомерное русло. Это в идеале. В практической же повседневной жизни все гораздо сложнее, поскольку

постоянно актуальными являются проблемы эффективности контроля за социально значимым поведением людей как субъектов общественных отношений и проблема эффективности правоприменения, решение которых зависит от ряда факторов объективного и субъективного характера.

В юридической литературе в связи с мерой свободы и мерой ответственности человека рассматривается понятие «несвобода» как парная категория относительно категории «свобода». Понятие «несвобода» при этом правомерно рассматривается в связи с внешними нормативными основаниями социальной действительности. «Несвобода» является результатом признания человеком воли других субъектов общественных отношений, в частности воли государства, когда речь идет о правовой действительности. Социальная «несвобода» рассматривается в первую очередь как правовая несвобода человека.

Юридическая ответственность правонарушителя *не безгранична*. Она имеет свои пределы, которые четко определены в действующем законодательстве. Выработка, определение рационально оптимальных границ юридической ответственности – задача законодателя. Правоприменительные органы государства также имеют предусмотренные законодательством возможности для индивидуализации ответственности нарушителей норм права.

Сложность доминирующего положения законодателя заключается в первую очередь в том, что он должен, с одной стороны, понять, выяснить социальную обусловленность необходимости правового регулирования для того, чтобы избежать как надмерности, так и недостаточности, пробельности правового регулирования общественных отношений, а с другой – обеспечить соответственно высокое качество правового регулирования общественных отношений.

Нормативно-правовое основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека следует понимать в трех уровнях: а) микроуровень; б) макроуровень; в) мегауровень.

На *микроуровне* нормативно-правовым основанием для применения к человеку негативной (ретроспективной) юридической ответственности выступает норма (нормы) материального законодательства, которая закрепляет состав соответствующего правонарушения.

Нормативно-правовым основанием негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека на *макроуровне понимания феномена этого понятия* является норма (нормы) материального законодательства, которая закрепляет состав соответствующего правонарушения, а также нормы процессуального законодательства, которые определяют процедуру привлечения правонарушителя к соответствующему виду юридической ответственности и назначения ему правового взыскания или наказания, и нормы исполнительного законодательства, определяющие порядок и условия исполнения назначенного ему

правового взыскания или наказания. Кроме того, в случае привлечения человека к уголовной ответственности – нормы уголовного и уголовно-процессуального права, которые определяют реализацию института судимости.

Нормативно-правовое основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека *на мегауровне понимания феномена этого явления* составляют нормы международного права и внутригосударственного законодательства, определяющие противоправность совершенного человеком деяния, нормы внутригосударственного законодательства, которые определяют состав этого правонарушения и процедуру применения к человеку юридической ответственности (нормы процессуального и исполнительного законодательства).

На любом уровне понимания нормативно-правового основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности ее важными основаниями являются решения Европейского Суда по правам человека и решения украинских судов.

Фактическим основанием негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека является юридический факт – совершение человеком как субъектом общественных отношений *нормативно-правового деяния*, содержащего состав соответствующего правонарушения, то есть поступка, который запрещен законом под угрозой привлечения виновного в его совершении к соответствующему виду юридической ответственности. Состав правонарушения характеризуется четырьмя элементами: объектом; объективной стороной; субъектом; субъективной стороной. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов или какого-то из их признаков означает отсутствие основания для привлечения человека к негативной (ретроспективной) юридической ответственности.

* * *

Ежегодник украинского права: сб. науч. тр. / отв. за вып. А. В. Петришин. – Харьков: Право, 2013. – № 5. – 636 с.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

§1. Преступления против жизни: состояние исследования проблем ответственности и общая характеристика

Научные проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни постоянно находятся в поле зрения украинских ученых-криминалистов. Правда, после провозглашения независимости Украины по этой тематике не было защищено ни одной диссертации на соискание научной степени доктора юридических наук, чего нельзя сказать о

диссертациях на соискание научной степени кандидата юридических наук¹. За эти годы опубликовано ряд монографий и научных пособий².

В комментариях к УК Украины также уделено должное внимание анализу составов этих преступлений.

В научных исследованиях поднят ряд проблемных вопросов, имеющих научное, законодательное и правоприменительное значение. Среди них: понятие убийства; совершенствование квалифицированных составов убийств, дополнение их перечня новыми составами; совершенствование составов убийств при смягчающих обстоятельствах, а также состава неосторожного убийства; наказуемость убийств.

В ч. 1 ст. 115 УК Украины закреплено понятие убийства: убийство – умышленное противоправное причинение смерти другому человеку. Таким образом, убийство определено как только умышленное деяние, что полностью соответствует пониманию убийства в уголовном законодательстве ряда стран континентальной системы права (Дания, Болгария, Россия, Латвия, Франция, КНР и др.). На необходимость такого подхода

¹ См.: Бурко О. В. Кримінальна відповідальність за вчинення умисного вбивства в стані сильного душевного хвилювання: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1997; Короленко М. П. Кваліфікація і класифікація умисних вбивств при обтяжуючих обставинах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2002; Мамчур В. М. Кримінальна відповідальність за умисне вбивство особи чи її близького родича у зв'язку з виконанням цією особою службового або громадського обов'язку: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2002; Гороховська О. В. Кримінальна відповідальність за вбивство через необережність: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2003; Остапенко Л. А. Кримінально-правова характеристика умисних вбивств при пом'якшуючих обставинах (статті 116, 117, 118 КК України): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2003; Сотула О. С. Кримінальна відповідальність за посягання на життя державного чи громадського діяча: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2003; Дідківська Н. А. Кримінальна відповідальність за умисне вбивство з метою приховати інший злочин або полегшити його вчинення: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2005; Кудрявцев В. В. Кримінально-правова охорона життя осіб, що є носіями судової влади, за кримінальним законодавством України: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 2006; Луїносова О. М. Умисне вбивство при перевищенні меж необхідної оборони: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 2007. Старко О. Л. Умисне вбивство матір'ю своєї новонародженої дитини (кримінально-правове та кримінологічне дослідження): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2007; Павленко Т. А. Концепція кримінально-правової охорони права людини на життя в Україні: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Львов, 2008; Маковецька Н. Е. Умисні вбивства за кримінальним правом України та Республіки Польща: юридичний аналіз складів злочинів: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Львів, 2010.

² См.: Борисов В. И., Куц В. Н. Преступления против жизни и здоровья: вопросы квалификации. Харьков, 1995; Коржанський М. Й. Кваліфікація злочинів проти особи та власності. Киев, 1996; Литвин О. П. Злочини проти життя: Навчальний посібник. Киев, 2002; его же. Кримінально-правовий захист життя та здоров'я громадян України / ред. В. О. Глушков. Киев, 2001; Навроцький В. О. Злочини проти особи: Лекції для студ. юрид. фак. ЛДУ ім. І. Франка. Львов, 1997; Сташис В. В., Бажанов М. І. Особа під охороною кримінального закону. Харьков, 1996; Саинчин А. С. Убийство по заказу (уголовно-правовой, криминалистический и криминологический аспекты). Одесса, 2003; Шестопалова Л. М. Самоубийство як явище. Киев, 2000.

указывал еще М.Д.Шаргородский. При этом причинение смерти по неосторожности убийством не признается. Между тем украинский законодатель допустил логическую ошибку, закрепив в ст.119 УК состав убийства по неосторожности. На это обратили внимание многие ученые-криминалисты (Н.П.Короленко, А.А.Музыка, Е.В.Гороховская, Л.А.Остапенко, А.И.Перепелица, С.Д.Бережный, Н.Е.Маковецкая и др.). По единодушному мнению наиболее рациональный выход из сложившейся ситуации – перенаименование ст. 119 УК Украины и внесение соответствующих изменений в ее диспозиции. Предложено определить это преступление как «неосторожное причинение смерти» либо «причинение смерти по неосторожности».

Нет единого мнения ученых относительно противоправности как признака убийства. В.Т.Дзюба, например, полагает, что этот признак следует исключить из ч. 1 ст.115 УК Украины. Н.Е.Маковецкая предлагает новый признак убийства – «насильственное деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть».

В уголовно-правовой науке поддержано мнение, что понятие «личность» и «человек» не всегда равнозначны по содержанию и поэтому в названии раздела II УК Украины «Преступления против жизни и здоровья личности» и в статьях этого раздела целесообразно использовать понятие «человек» (В.К.Гришук, А.А.Музыка, Е.В.Гороховская, Н.Е.Маковецкая и др.). При этом обращено внимание на нелогичность размещения преступлений против жизни человека в II разделе Особенной части УК Украины, что не соответствует ст. 3 Конституции Украины, где человек, его жизнь, здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность провозглашены наивысшими социальными ценностями.

Полярными являются взгляды относительно признания человека предметом убийства. Ряд ученых (В.Я.Таций, М.И.Коржанский, А.М.Орлеан, В.К.Гришук, Н.Е.Маковецкая) считают, что человек может выситупать предметом убийства, а другие (Е.В.Гороховская, В.Я.Горбачевский) – нет.

Высказано ряд предложений относительно дополнения ч.2 ст.115 УК Украины новыми видами убийства при отягчающих обстоятельствах. В частности, убийства, сопряженного с похищением человека; с целью изъятия органов и тканей потерпевшего; совершенного преступной организацией; совершенного при разбое; вымогательстве; бандитизме; убийство родственников, близких из низменных мотивов либо неуважительного к ним отношения; убийство лицом, которое уклоняется от следствия и суда с целью уклониться от ответственности; убийство с привлечением женщины, несовершеннолетнего либо лица, не подлежащего уголовной ответственности; убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии; убийство, совершенное специальным субъектом – лицом, которое использует свою служебную деятельность для склонения зависящих

от него по службе лиц к совершению убийства (Н. П. Короленко); с применением огнестрельного оружия; по мотивам этнического происхождения либо идеологических убеждений (Н. Е. Маковецкая).

Обоснованы некоторые предложения относительно совершенствования редакции норм об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах: лица либо его близкого родственника в связи с выполнением этим лицом служебного либо общественного долга (В. Н. Мамчур); с целью укрытия другого преступления либо облегчения его совершения (Н. А. Дидковская); из корыстных мотивов (С. В. Бережный).

Возникли сомнения относительно равнозначности общественной опасности убийств при отягчающих обстоятельствах, которые предусмотрены ч. 2 ст. 115 УК Украины. Например, А. А. Музыка, учитывая более высокую степень общественной опасности, предложил выделить в ст. 115 УК Украины ч. 3, в которой предусмотреть особо квалифицированный состав убийства – «убийство двух либо более лиц, либо убийство, совершенное повторно (за исключением убийства, предусмотренного статьями 116–118 этого Кодекса», а Н. В. Шепелева, кроме того, – «убийство малолетнего либо женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности» и «убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих лиц».

Весьма кардинальным представляется предложение Т. А. Павленко декриминализировать деяния, предусмотренные ст. 112, 348, 379 УК Украины, дополнить ст. 115 УК Украины особо квалифицированным видом преступления: «убийство государственного или общественного деятеля (Президента Украины, Председателя Верховного Совета Украины, народного депутата Украины, Премьер-министра Украины, члена Кабинета Министров Украины, Председателя либо судьи Конституционного Суда Украины либо Верховного Суда Украины, либо высших специализированных судов Украины, Генерального прокурора Украины, Уполномоченного Верховного Совета Украины по правам человека, Председателя Счетной палаты, Председателя Национального банка Украины, руководителя политической партии), сотрудника правоохранительного органа, члена общественного формирования по охране общественного порядка и государственной границы либо военнослужащего, судьи, народного заседателя или присяжного, либо их близких с целью противодействия законной деятельности указанных лиц либо мести за такую деятельность».

Анализу признаков составов убийств при смягчающих обстоятельствах посвящены, в частности, исследования Л. А. Остапенко, О. В. Байлова, О. Н. Лупиносовой, О. В. Бурко, О. Л. Старко, Н. Е. Маковецкой.

Нет единого мнения относительно выделения в УК Украины нового состава убийства при смягчающих обстоятельствах – убийство из сострадания, сочувствия (эвтаназия). Одни ученые-криминалисты (В. И. Борисов,

В.Н. Куц, В.К. Грищук, В.Т. Дзюба, Я.О. Тринева, С.Д. Бережный, Н.Е. Маковецкая) высказались о целесообразности научного анализа этой проблемы и выработки соответствующих уголовно-правовых механизмов ее реализации. При этом Л.И. Шеховцова предложила дополнить УК Украины отдельным составом преступления «Эвтаназия», а Н.Е. Маковецкая – «Причинение смерти из сочувствия (эвтаназия)». Каждая из них обосновала свою редакцию соответствующей статьи УК Украины. Другие ученые (Т.А. Павленко, С.Г. Стеценко, И.А. Сенюта и др.) возражают против такой постановки вопроса, полагая, что легализация эвтаназии может привести к в связи с легализацией трансплантации. Подобные деяния, по их мнению, следует квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, как простое убийство (ч. 1 ст. 115 УК Украины) либо как убийство при отягчающих обстоятельствах. В связи с этим В.А. Глушков предложил разработать и принять Закон Украины «О эвтаназии».

В поле зрения криминалистов продолжает оставаться проблема начала уголовно-правовой охраны жизни человека, поскольку на уровне законодательства такого определения нет. Вместе с тем окончание жизни человека четко определено в законе. Согласно ст. 15 Закона Украины от 16 июля 1999 г. «О трансплантации органов и других анатомических материалов человека» указано, что человек считается умершим с момента, когда установлена смерть его мозга. Диагностические критерии смерти мозга и процедура констатации момента смерти человека урегулирована Инструкцией по констатации смерти человека на основании смерти мозга, утвержденной приказом Министерства охраны здоровья Украины от 25.09.2000 № 226.

Как правило, вопрос о начале уголовно-правовой охраны жизни человека возникает при исследовании признаков убийства матерью своего новорожденного ребенка (ст. 117 УК Украины). Л.А. Остапенко, учитывая, что многие ученые начало жизни связывают с началом физиологических родов, предложила под началом последних понимать первый период родового процесса, который характеризуется раскрытием шейки матки. По мнению О.Л. Старко, начальным моментом жизни человека (в том числе и в случае рождения ребенка методом кесаревого разреза) следует признавать появление какой-либо части тела ребенка из утробы матери. Т.А. Павленко полагает, что с юридической точки зрения начало жизни человека есть момент формирования его мозга, а именно: достижение плодом полных 22 недель внутриутробного развития. При этом прослеживается определенная корреляция: если окончание жизни человека связано со смертью мозга, то начало его жизни, вероятно, следует связывать с возникновением (формированием) мозга.

Разделились мнения относительно понимания имеющего в ст. 117 УК Украины понятия «сразу после родов». Л.А. Остапенко и О.Л. Старко

придерживаются мнения, что момент окончания периода «сразу после родов» должен определяться в каждом конкретном случае исходя из конкретных обстоятельств дела. Н. Е. Маковецкая, напротив, полагает, что такой подход противоречит принципу равенства лиц перед уголовным законом, а судебское усмотрение может послужить почвой как для ошибок, так и для злоупотреблений при решении вопросов уголовной ответственности лиц, совершивших такие преступления. В акушерстве периодом «после родов» считают сутки после их окончания, то такое его определение целесообразно дать и в УК Украины.

Остапенко обосновала необходимость дополнения ст. 117 УК Украины квалифицированным составом этого преступления – «убийство матерью двух либо более новорожденных детей либо убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное повторно». В части «повторности» ее поддержала О. Л. Старко, которая наряду с этим предложила заменить в ст. 117 УК Украины понятие «мать» понятием «роженица», которым охватывается биологическая и суррогатная мать.

Ряд ученых (Л. А. Остапенко, О. П. Рябчинская, Н. Е. Маковецкая) высказались за необходимость закрепления в ст. 117 УК Украины такого признака указанного преступления, как «особое психофизическое состояние матери», совершившей детоубийство.

В научных исследованиях обоснован ряд предложений относительно совершенствования ст. 118 УК Украины, предусматривающей ответственность за умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника. Л. А. Остапенко, в частности, внесла следующие положения: а) под основаниями возникновения права на необходимую оборону надо понимать действия лица, проявляющиеся в насилии над личностью, которая защищается, других лиц, противоправном посягательстве на их имущество, причинении вреда общественным интересам либо интересам государства, а также в приготовлении к таким действиям либо в покушении на их совершение; б) новую редакцию первого предложения ч. 3 ст. 36 УК Украины «Необходимая оборона» такого содержания: «Превышением пределов необходимой обороны признается умышленное причинение посягающему тяжкого вреда, явно не соответствующего опасности посягательства или обстановки защиты, а также в результате несвоевременной (преждевременной или запоздалой) обороны»; в) исходя из разной общественной опасности деяний выделить в ст. 118 УК Украины два самостоятельных преступления: 1) убийство при превышении пределов необходимой обороны; 2) убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника.

О. Н. Лупиносова отстаивает, в частности, следующие положения: а) о необходимости возложить на защищающегося обязанности предупредить нападающего о применении оружия либо иных средств, которые могут

причинить ему вред; б) выделить из ст. 118 УК Украины в качестве самостоятельного преступления убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника; в) предусмотреть в ст. 118 УК Украины специальный вид освобождения от уголовной ответственности ограничено вменяемого лица; г) исключить из ст. 36 УК Украины определение превышения пределов необходимой обороны и сформулировать его в ст. 118 УК Украины; д) повысить возраст субъекта преступления, предусмотренного ст. 118 УК Украины, до 18 лет; е) исключить уголовную ответственность лиц по ч. 1 и ч. 2 ст. 263 УК Украины, которые использовав оружие, боевые припасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства при необходимой обороне от общественно опасного посягательства, включая и случаи превышения пределов необходимой обороны, добровольно сдали их органам власти.

Предусмотренное ст. 119 УК Украины «Убийство по неосторожности» было предметом специального диссертационного исследования Е. В. Гороховской, которая, поддержав высказанные в уголовно-правовой литературе предложения об изменении названия II раздела УК Украины, заменив в нем термин «лицо» термином «человек», а также необходимость изменения названия этой статьи на «Причинение смерти по неосторожности», обосновала ряд положений, имеющих важное значение для доктрины уголовного права и правоприменительной практики. Среди них: а) выделение наиболее распространенных способов совершения этого преступления; б) предложение дополнить ч. 2 ст. 119 УК Украины квалифицирующими признаками: 1) неосторожное причинение смерти в сфере действия источника повышенной опасности; 2) повторное причинение смерти по неосторожности; в) авторское понимание повторного причинения смерти по неосторожности; г) предложение дополнить УК Украины специальной статьей «Сопричинение в преступлении» дав ее редакцию, а также дополнить ст. 67 УК Украины обстоятельством, отягчающим наказание, – сопричинение преступления.

Научный анализ проблем уголовной ответственности за убийства позволил авторам высказаться относительно наказуемости этих преступлений. Мнения ученых по этому поводу разделились: одни из них обосновали необходимость усиления наказуемости убийств, а другие, наоборот, – смягчения их наказуемости.

За усиление наказуемости умышленных убийств высказались, в частности, В. Т. Дзюба и Н. А. Дидковская, предложившие предусмотреть в санкции ч. 2 ст. 115 УК Украины лишение свободы на срок от 10 до 25 лет или пожизненное лишение свободы, а С. Д. Бережный – лишение свободы до 20 лет или пожизненное лишение свободы. В. Н. Мамчур указал на несоответствие санкций специальных норм УК Украины, предусматривающих ответственность за убийство (ст. 112, 348, 379, 400, ч. 4 ст. 404, 443) уровню наказуемости умышленного убийства, предусмотренного ч. 2

ст. 115 УК Украины. В отдельных случаях уровень наказуемости убийства предусмотренных санкциями специальных норм УК Украины (ст. 348, 379, 400, 443), в сравнении с санкцией ч. 2 ст. 115 УК Украины несколько ниже, а в ст. 112, ч. 4 ст. 404 УК Украины – равный санкции ч. 2 ст. 115 УК Украины. По его убеждению, уровень наказуемости специальных видов умышленных убийств должен быть выше уровня наказуемости умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч. 2 ст. 115 УК Украины.

Вместе с тем Е. В. Гороховская пришла к выводу, что УК Украины предусматривает чрезмерно суровое наказание за убийство по неосторожности и в этой связи предложила снизить санкции ч. 1 ст. 119 УК Украины с пяти до трех лет ограничения либо лишения свободы, а в санкции ч. 2 ст. 119 УК Украины – с восьми до пяти лет лишения свободы, наряду с этим предусмотреть альтернативное наказание в виде ограничения свободы.

Л. А. Остапенко, как уже отмечалось, обосновав необходимость дифференцировать уголовную ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны и убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника, предложила предусмотреть за первое из них наказание в виде исправительных работ на срок до трех лет, а за второе – в виде исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничение свободы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на тот же срок.

Специальных монографических исследований проблем уголовной ответственности за доведение до самоубийства в Украине не проводилось.

В теории уголовного права Украины принято классифицировать преступления против жизни на следующие виды: 1) убийства; 2) доведение до убийства; 3) угроза убийством.

Различают следующие виды убийств в зависимости от формы вины: умышленные убийства; убийства по неосторожности. В числе умышленных убийств выделяют:

- а) основной состав умышленного убийства (ч. 1 ст. 115 УК Украины);
- б) убийство при отягчающих обстоятельствах: умышленное убийство двух или больше лиц; умышленное убийство малолетнего ребенка или женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности; умышленное убийство заложника или похищенного человека; умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью; умышленное убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих лиц; умышленное убийство, совершенное из корыстных побуждений; умышленное убийство из хулиганских побуждений; умышленное убийство лица, его близкого родственника в связи с выполнением этим лицом служебного или общественного долга; умышленное убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; умышленное убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой

страсти неестественном способом; умышленное убийство, совершенное по заказу; умышленное убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц; умышленное убийство, совершенное лицом, которое раньше совершило умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного статьями 116–118 УК Украины; умышленное убийство по мотивам расовой, национальной либо религиозной нетерпимости (ч. 2 ст. 115 УК Украины);

в) умышленные убийства при смягчающих обстоятельствах: умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения; умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка; умышленное убийство при превышении границ необходимой обороны или в случае превышения мер, необходимых для задержания преступника (ст. 116, 117, 118 УК Украины).

В теории уголовного права Украины нет единства взглядов относительно общего понятия объекта преступления. Наиболее распространенными понятиями являются: а) объект преступления – охраняемые уголовным законом общественные отношения; б) объект преступления – охраняемые уголовным законом социальные блага (ценности); в) объект преступления – охраняемый уголовным законом порядок общественных отношений; г) объект преступления – охраняемые уголовным законом правовые отношения.

Представляется, что общий объект преступления против жизни есть вся совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений. Родовой объект преступлений против жизни – охраняемые уголовным законом общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье человека. Непосредственным объектом данных преступлений выступают охраняемые уголовным законом общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека.

§ 2. Умышленное убийство без смягчающих и отягчающих обстоятельств (основной состав умышленного убийства)

Убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 115 УК Украины, как отмечалось, в теории уголовного права называют убийством без смягчающих и отягчающих обстоятельств или основным составом убийства, простым составом убийства (простым убийством) или составом убийства без квалифицирующих признаков. М.Д. Шаргородский называл его убийством без отягчающих вину обстоятельств.

Согласно УК Украины убийство – это умышленное противоправное причинение смерти другому человеку. Закрепленное в ч. 1 ст. 115 УК Украины понятие убийства, без сомнения, имеет методологическое значение как для науки уголовного права, так и для законодательной и правоприменительной практики. Однако законодатель, определяя убийство лишь как умышленное деяние, в ч. 2 ст. 115 и ст. 116–118 УК Украины, явно без надобности отмечает: «умышленное убийство».

Кроме этого, весьма нелогичной представляется редакция ст.119 УК Украины, где для определения названия преступления и в диспозиции нормы употребляется словосочетание «убийство по неосторожности». Если изложить в этом словосочетании понятие «убийство» в той редакции, что закреплена в ч.1 ст.115 УК Украины, то оно будет выглядеть нелепо: «умышленное, противоправное причинение смерти другому человеку по неосторожности». Исходя из этого, в названии ст.119 УК Украины и ее содержании должно быть словосочетание «причинения смерти по неосторожности», как это сделано в ст.109 УК РФ.

Непосредственным объектом умышленного убийства признаются охраняемые уголовным законом конкретные общественные отношения относительно обеспечения жизни человека. Уголовный кодекс Украины защищает жизнь каждого человека независимо от его социального статуса, национальности, расы, гражданства, возраста, состояния здоровья, общественно-моральной характеристики и других признаков.

Жизнь – динамическое состояние организма человека, которое заключается в непрерывности процессов обмена материей и энергией с окружающей средой. Проявлениями жизни человека, в частности, могут быть: дыхание, движение, возбудимость, мышление и общение, питание, выделение, размножение, рост. Начальным этапом жизни человека является время физиологичных родов, конечным – наступление необратимой смерти. Поэтому противоправные действия относительно лишения жизни плода человека, который находится в утробе матери, при наличии признаков состава преступления надлежит квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, по ст.121 УК Украины как умышленное тяжелое телесное повреждение (умышленное телесное повреждение, повлекшее прерывание беременности) или по ст.134 УК Украины – незаконное проведение аборта.

Убийство является преступлением с материальным составом. Обязательными признаками объективной стороны являются: а) общественно опасное деяние; б) общественно опасные последствия; в) причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями. Общественно опасное деяние при убийстве проявляется, как правило, в активной форме поведения субъекта преступления – действия, направленном на причинение смерти пострадавшему.

В судебной практике по ч.1 ст.115 УК Украины квалифицируют, в частности, убийства в обоюдной ссоре или драке, из мести, ревности, других мотивов, вызванных личными отношениями виновного с потерпевшим. К их числу обоснованно относят умышленные убийства, совершенные лицом, охраняющим свое имущество или имущество другого лица; из-за сострадания к пострадавшему или с целью облегчить его страдание, а также по просьбе пострадавшего; по взаимному соглашению, когда двое

лиц договорились совершить самоубийство, но дальше один из них отказывается его совершить, предварительно лишив жизнь другого участника такого «соглашения»; в связи с аморальными или противоправными действиями пострадавшего (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 116, 118 УК); в результате неправомерного применения оружия представителем власти или охранником в связи с невыполнением пострадавшим их законного требования (при отсутствии нападения); с непрямым умыслом при проведении научного эксперимента или испытания изобретения; лица, ошибочно принятого за нападающего при отсутствии признаков мнимой обороны; без установленных мотивов. Такими убийствами могут быть некрофильские и ритуальные убийства и, по нашему мнению, при отсутствии отягчающих обстоятельств убийства: при превышении границ крайней необходимости (при отсутствии обстоятельств, предусмотренных ч. 3 ст. 39 УК Украины); совершенные под непосредственным влиянием физического и психического принуждения (при условиях, указанных в ч. 2 ст. 40 УК Украины); принуждением на выполнение явно преступного приказа или распоряжения (ч. 2 ст. 41 УК Украины); при наличии неоправданного риска (ч. 3 ст. 42 УК Украины); совершенные во время выполнения специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации (ч. 2 ст. 43 УК Украины).

Убийство может совершаться и путем бездействия. Необходимыми условиями для наличия состава преступления в этих случаях является обязанность субъекта преступления беспокоиться о пострадавшем и наличие у него возможности не допустить наступления его смерти. Например, родители (или один из них) длительное время умышленно не предоставляют с целью лишить жизнь еды младенцу, чем причиняют ему смерть, или же медицинский работник с той же целью умышленно не выполняет свои профессиональные обязанности относительно предоставления помощи больному.

Убийство является противоправным деянием. При убийстве виновный нарушает не только предписания уголовно-правовых, но и других норм права. В частности, нормы международного права, которыми закреплено право человека на жизнь, Конституции Украины, Основ законодательства Украины о здравоохранении. Не является противоправным лишение жизни другого человека при наличии обстоятельств, исключаящих преступность деяния: необходимая оборона (ст. 36 УК Украины); мнимая оборона (ч. 2 ст. 37 УК Украины); задержание лица, совершившего преступление (ч. 1 ст. 38 УК Украины); крайняя необходимость (ч. 1 ст. 39 УК Украины); непреодолимое физическое принуждение (ч. 1 ст. 40 УК Украины). Согласие другого человека на лишение его жизни или наличия его просьбы о лишении жизни не устраняет противоправности деяния и не освобождает лица, совершившего указанное деяние,

от уголовной ответственности за умышленное убийство. В этом контексте отдельного рассмотрения заслуживает проблема эвтаназии. Эвтаназия – «хорошая, спокойная и легкая смерть, без мук и страданий». Иногда такую смерть называют «сладкой». Впервые понятие «эвтаназия» было введено в научное обращение английским философом Ф. Беконом (1561–1626).

Если право человека на жизнь признано международным правовом, то право человека на смерть, необходимость которого в виде эвтаназии отстаивает ряд ученых и практиков, не находит поддержки как на международно-правовом уровне, так и на уровне абсолютного большинства цивилизованных государств. Между тем в штате Калифорния в 1977 г., после многократных референдумов, был принят первый в мире закон «О праве человека на смерть», а в штате Индиана законом предусмотрено завещание, в котором пациент может отказаться от искусственного продолжения его жизни в экстремальных условиях.

В Российской империи уголовная ответственность за убийство, совершенное по настоянию пострадавшего или из соболезнования к нему, была предусмотрена Уголовным уложением 1903 г. Согласно ст. 460 Уголовного уложения такие действия наказывались заключением в крепости сроком до трех лет.

Уголовный кодекс Украинской ССР 1922 г. в примечании к ст. 143 содержал положение, согласно которому убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сожаления, являлось ненаказуемым. Однако эта норма действовала лишь до 3 января 1923 г., потом была упразднена.

Эвтаназия в Украине запрещена, поэтому правомерно возникает вопрос о квалификации деяния лица, ее совершившего. Умышленное непредоставление (преступная бездеятельность) медицинским работником помощи больному (пассивная эвтаназия) с целью причинения ему смерти как по просьбе пострадавшего, так и с его согласия, что привело к такому последствию, надлежит квалифицировать как умышленное убийство по ч. 1 ст. 115 УК Украины. Не исключается квалификация действий врача, совершившего пассивную эвтаназию, в зависимости от обстоятельств дела, по п. 2, 4, 6, 8, 9, 11, 12 ч. 2 ст. 115 УК Украины.

При активной эвтаназии в виде «убийства из милосердия» действия виновного, при наличии всех других признаков состава преступления, надлежит квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, по ч. 1 или 2 ст. 115 УК Украины. При «самоубийстве, которое асистируется врачом (другим субъектом)», т. е. самоубийстве без участия врача (другого субъекта), когда последний лишь предоставляет больному необходимые средства для самоубийства, оснований для уголовной ответственности врача, как представляется, нет. В таких случаях врач является пособником самоубийства, которое не является преступлением.

Уголовно наказуемыми признаются приготовление к совершению умышленного убийства и покушение на умышленное убийство.

Приготовлением к убийству, как следует из ч. 1 ст. 14 УК Украины, есть подыскивание или приспособление средств или орудий, подыскивание соучастников или сговор на совершение убийства, устранение препятствий, а также другое умышленное создание условий для совершения убийства. Исходя из содержания ч. 1 ст. 15 УК Украины, покушение на убийство имеет место в случаях ненаступления смерти другого человека независимо от воли субъекта, который действовал непосредственно с прямым умыслом на лишение ее жизни. Оно является законченным, если субъект полностью совершил деяние, которое считал необходимым и достаточным для лишения жизни потерпевшего, но его смерть не наступила по причинам, не зависящим от воли лица. Незаконченным является такое покушение на убийство, когда виновный, по причинам, не зависящим от его воли, не полностью совершил деяние, которое считал необходимым и достаточным для причинения смерти пострадавшему.

Ненаступление смерти жертвы в ряде случаев является последствием ошибки лица. Так, покушение на негодный объект имеет, в частности, место тогда, когда субъект совершает «посягательство» на труп человека, статую, манекен, принимая их за живого человека. Покушение с непригодными средствами будет тогда, когда лицо применяет такие средства, которые по своим качественным характеристикам не могут причинить смерть пострадавшему (непригодное оружие, непригодные заряды к нему, недостаточная доза яда и т. п.).

Умышленные действия, которые не причиняют и объективно не могут причинить смерть пострадавшему (гадание, проклятие и т. п.), не являются покушением на убийство. В судебной практике действия, которые в силу суеверности или явного невежества лица, пытавшегося с помощью сверхприродных сил причинить кому-нибудь вред, правомерно рассматриваются как выявление намерения («голый» умысел), которое не является уголовно наказуемым.

Ошибка в способе действия – субъект применяет такой способ совершения убийства, который не приводит к причинению смерти потерпевшего. Например, виновный закрывает люк подземного резервуара, открывает запорную задвижку и заполняет его водой с целью причинить смерть лицу, которое там находится. Однако не наступает, поскольку жертва воспользовалась для спасения резервным водогоном, имеющим автономную водозапорную задвижку и выход на поверхность. Отклонение действия будет, например, в случае, когда субъект, посягая на конкретного человека с помощью огнестрельного оружия, промахивается и по неосторожности причиняет смерть другому человеку, который был рядом. Деяние, совершенное в этой ситуации, надлежит квалифицировать как покушение на умышленное убийство (ч. 2 ст. 15 и, в зависимости от обстоятельств, ч. 1 или ч. 2 ст. 115 УК Украины) и убийство по неосторожности (ч. 1 ст. 119 УК Украины). Если же неосторожная форма вины относительно причинения

смерти другому лицу при этом отсутствует (казус), то деяние следует квалифицировать как покушение на умышленное убийство.

При ошибке в личности потерпевшего виновный ошибочно причиняет смерть другому лицу, приняв ее за того, которому намеривался причинить смерть. При одинаковом уголовно-правовом статусе этих лиц содеянное, в зависимости от обстоятельств дела, надлежит квалифицировать как умышленное убийство (ч. 1 или ч. 2 ст. 115 УК Украины).

По другому пути идет судебная практика, когда ошибочно совершено посягательство на жизнь лица, которое согласно УК Украины является специальным пострадавшим, например государственным или общественным деятелем (ст. 112); женщиной, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. 2 ч. 2 ст. 115); лицом, выполнявшим служебный или общественный долг (п. 8 ч. 2 ст. 115). Когда виновный, желая убить пострадавшего в связи с выполнением им служебного или общественного долга, ошибочно лишил жизнь другого человека, который такого долга не выполнял, его действия необходимо квалифицировать как покушение на убийство лица в связи с выполнением им служебного или общественного долга (п. 8 ч. 2 ст. 115 УК Украины) и, при отсутствии отягчающих обстоятельств, как умышленное убийство (ч. 1 ст. 115 УК Украины).

Убийство женщины, которую виновный ошибочно считал беременной, надлежит квалифицировать также по совокупности преступлений: ч. 2 ст. 15 и п. 2 ч. 2 ст. 115 УК Украины и, в зависимости от обстоятельств дела, по соответствующей части ст. 115 УК Украины.

От покушения на убийство человека необходимо отличать добровольный отказ от совершения убийства и деятельное раскаяние. Исходя из законодательной конструкции добровольного отказа при незаконченном преступлении (ст. 17 УК Украины), добровольный отказ от совершения убийства – это окончательное, по собственной воле прекращение лицом деяния, направленного на причинение смерти другому человеку, при осознании возможности завершения этого преступления. Добровольный отказ согласно ч. 1 ст. 17 УК Украины возможен на стадиях приготовления к убийству и покушения на убийство. Приготовление к убийству и покушение на убийство совершаются с прямым умыслом. Из содержания указанной статьи УК Украины вытекает, что добровольный отказ возможен как при незаконченном, так и оконченом покушении на убийство. При бездействии, направленном на причинение смерти другому человеку, покушение на убийство, на наш взгляд, практически может быть лишь оконченом. Моментом его окончания является прекращение, независимо от воли субъекта, состояния бездействия, направленного на причинение смерти другому человеку.

При оконченом покушении на убийство возможны фактическое причинение потерпевшему тяжелых, средней тяжести или легких телесных повреждений, незаконное лишение свободы или похищение человека,

побои и истязание, незаконное введение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Поэтому действия лица, добровольно отказавшееся от причинения смерти другому человеку, освобождаются от уголовной ответственности за покушение на убийство, но подлежат наказанию за фактически содеянное соответственно по ст. 121, 122, 123, 125, 126, 127, 146 или 314 УК Украины. Также надлежит квалифицировать, например, действия виновного, который добровольно отказался от причинения смерти другому человеку, совершив покушение на убийство при превышении власти либо служебных полномочий.

При реальной совокупности преступлений (покушение на убийство и другое одновременно совершенное преступление) подлежит самостоятельной квалификации по соответствующим статьям УК Украины.

От добровольного отказа причинения смерти другому человеку в теории уголовного права отличают деятельное раскаяние. Последнее может иметь место лишь после совершения убийства или оконченного покушения на убийство, когда субъект уже не контролирует свое преступное деяние. В соответствии со ст. 45 УК Украины лицо, которое впервые совершило преступление небольшой тяжести, освобождается от уголовной ответственности, если оно искренне раскаялось, активно способствовало раскрытию преступления и полностью возместило нанесенные им убытки или устранило причиненный вред. Убийство согласно ст. 12 УК Украины является особо тяжким преступлением и поэтому лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Однако упомянутые выше действия виновного в силу п. 1 и 2 ч. 1 ст. 66 УК Украины являются обстоятельствами, смягчающими наказание.

Факультативные признаки объективной стороны преступления – место, время, способ, орудия, средства, обстановка совершения убийства – не признаются конститутивными обстоятельствами объективной стороны основного состава убийства (ч. 1 ст. 115 УК Украины). Смерть человеку может быть причинена любыми способами: выстрелом из огнестрельного или другого оружия, нанесения удара в жизненно важные органы; удушением; утоплением; повешением; отравлением; использованием радиоактивных материалов, электрического тока, взрывчатых веществ, низкой или высокой температур и т. п. Способом причинения смерти может быть и психическое влияние (испуг), когда виновный, например, зная о неизлечимой сердечной болезни человека, совершает такие действия с умыслом на лишение его жизни. Совершение убийства с особой жестокостью или способом, опасным для жизни многих лиц, надлежит квалифицировать соответственно по п. 4 или 5 ч. 2 ст. 115 УК Украины.

Общественно опасные последствия убийства – наступление необратимой смерти потерпевшего. Именно с этого момента убийство как преступление является окончанным. Согласно ч. 2 ст. 52 Основ законодательства Украины о здравоохранении активные мероприятия по

поддержке жизни больного прекращаются в том случае, когда состояние человека определяется как необратимая смерть. В ст. 15 Закона Украины от 16 июля 1999 г. «О трансплантации органов и других анатомических материалов человека» указано, что человек считается умершим с момента, когда установлена смерть его мозга. Как уже указывалось, диагностические критерии смерти мозга и процедура констатации момента смерти человека определены в Инструкции относительно констатации смерти человека на основании смерти мозга», утвержденной приказом Министерства здравоохранения Украины от 25.09.2000 № 226. В ней, в частности, отмечено, что смерть мозга – полное и необратимое прекращение всех его функций, которые регистрируются при работающем сердце и принудительной вентиляции легких (ст. 1). Следовательно, необратимая смерть человека и биологическая смерть человека не являются тождественными понятиями, поскольку биологическая смерть – необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и тканях человека.

От необратимой смерти следует отличать клиническую смерть, когда жизнеспособность организма на протяжении определенного времени (в среднем около 6–8 мин.) сохраняется и при надлежащем предоставлении медицинской помощи человека можно вернуть к жизни. Причинение смерти лицу, находящемуся в состоянии клинической смерти, или совершение деяния, направленного на лишение жизни такого человека, если по независимым от его воли причинам смерть не наступила, необходимо квалифицировать соответственно как умышленное убийство или покушение на убийство. Непредоставление же без уважительных причин такому человеку, а также человеку, находящемуся в опасном для жизни состоянии, помощи медицинским работником, который обязан согласно установленным правилам оказать такую помощь, если ему заведомо известно, что это могло повлечь смерть или другие тяжелые последствия для этого человека и такие последствия наступили, то совершенное надо квалифицировать по ч. 2 ст. 139 УК Украины. При этом вина как психическое отношение лица к деянию и его последствиям проявляется в виде преступной самоуверенности. Однако, как отмечалось, умышленное непредоставление этому человеку помощи таким медицинским работником с целью лишения его жизни, если последствия наступили, надлежит квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, по ч. 1 или 2 ст. 115 УК Украины.

Длительность времени, которое прошло от совершения деяния с целью причинения смерти другому человеку до фактического наступления его смерти, не влияет на квалификацию содеянного. Нужно, однако, помнить, что в этот период не исключается совершение другими лицами, а не только медицинскими работниками, деяний, которые могут привести к наступлению смерти потерпевшего. Такие деяния подлежат самостоятельной квалификации.

В теории уголовного права высказывалось мнение, что причинение смерти другому человеку при убийстве носит насильственный характер. Закономерно возникает вопрос, что следует понимать под понятием «насильственный характер» смерти? Может ли наличие согласия или просьбы потерпевшего быть основанием для освобождения лица от уголовной ответственности за совершенное при таких условиях лишение жизни? Думается, что выделение такого признака убийства, как «насильственное лишение жизни», имеет смысл лишь в том случае, когда под ненасильственной смертью понимать смерть, которая не является закономерным, естественным результатом старения человеческого организма или тяжелой болезни человека. Во всех других случаях, в том числе и при наличии согласия или просьбы потерпевшего, смерть является результатом насилия над человеческим организмом, искусственным прекращением жизни человека.

Причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями – смертью потерпевшего является обязательным признаком объективной стороны убийства. В теории уголовного права Украины есть господствующей теория необходимой причинной связи, согласно которой смерть пострадавшего есть закономерный, необходимый результат деяния субъекта преступления, а не третьих лиц или каких-либо внешних сил. Если такая причинная связь имеется, а вина лица отсутствует, то имеет место казус (случай) – невинное причинение смерти.

Субъект убийства без смягчающих и отягчающих обстоятельств – лицо, достигшее возраста 14 лет.

В теории уголовного права выделяют «посредственное выполнение», когда лицо, которое обладает признаками субъекта убийства, подстрекает к совершению убийства или помогает его совершению невменяемому, малолетнему или лицу, которое находится под воздействием ошибки (введенное в заблуждение). В таких случаях исполнителем убийства (не пособником или подстрекателем) признается лицо, которое может нести ответственность за убийство. Невменяемое, малолетний или лицо, которое введено таким субъектом в заблуждение, является орудиями совершения умышленного убийства. Также надлежит квалифицировать действия лица в случае привлечения им к причинению смерти пострадавшему зверей, животных, птиц и т. п. «Посредственное выполнение» имеет место, на наш взгляд, и в случае совершения лицом убийства под непосредственным влиянием физического принуждения, в результате которого оно не могло руководить своими поступками (непреодолимое физическое принуждение – ч. 1 ст. 40 УК Украины). Исполнителем убийства в этом случае признается лицо, которое применило непреодолимое физическое принуждение, а лицо, действовавшее под воздействием такого принуждения, – орудием совершения умышленного убийства.

Субъективная сторона умышленного убийства характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла. Прямой умысел имеет место тогда, когда лицо осознавало общественно опасный характер своего деяния, предвидело наступление смерти потерпевшего и желало этого, а косвенный – когда осознавало общественно опасный характер своего деяния, предвидело наступление смерти потерпевшего, не желало, но сознательно допускало возможность ее наступления.

Невинное причинение смерти другому человеку (казус, случай) имеет место, если лицо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своего деяния или по обстоятельствам дела не предвидело, не должно или не могло предвидеть возможности наступления смерти человека. В подобных случаях уголовная ответственность исключается.

Мотив, цель и эмоции являются факультативными признаками субъективной стороны преступления, а поэтому на его квалификацию не влияют. Однако мотив и цель убийства характеризуют, в частности, личность виновного, что учитывается судом при назначении наказания (п. 3 ч. 1 ст. 65 УК Украины).

§3. Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах

В теории уголовного права иногда называют убийства при отягчающих обстоятельствах квалифицированными видами убийства. Их исчерпывающий перечень дан в ч. 2 ст. 115 УК Украины.

Проанализируем их последовательно с учетом разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г. № 2 «О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья личности».

Умышленное убийство двух или более лиц (п. 1 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Непосредственным объектом являются общественные отношения относительно обеспечения жизни двух или больше лиц.

Объективная сторона характеризуется одним или несколькими действиями, которые совершаются, как правило, одновременно или без значительного разрыва во времени. Общественно опасные последствия при таком убийстве – наступление смерти двух или больше лиц. Когда жизни лишено одно лицо, а относительно другого имеет место покушение на убийство, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений: умышленное убийство (ч. 1 или ч. 2 ст. 115 УК Украины) и покушение на умышленное убийство двух или более лиц (ч. 2 или 3 ст. 15 и п. 1 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Если виновный лишил жизни двух или более лиц, а относительно других не довел до конца умысел на лишение их жизни по независящим от его воли причинам, то в этом случае также имеет место совокупность преступлений: убийство двух или более лиц (п. 1 ч. 2 ст. 115 УК Украины) и покушение на убийство двух или более лиц (ч. 2 или 3 ст. 15 и п. 1 ч. 2 ст. 115 УК Украины).

Особенностью субъективной стороны преступления является то, что убийство двух или больше лиц охватывается единым умыслом (прямым или косвенным) субъекта и может быть совершено по разным мотивам. Если такие мотивы являются квалифицирующими признаками, то деяние надлежит квалифицировать еще и по другим пунктам ч.2 ст.115 УК Украины (п.5 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.). В случае умышленного убийства при совершении преступлений, квалифицирующим признаком которых является гибель людей (ч.3 ст.110, ч.3 ст.161, ч.2 ст.294, ч.5 ст.260, ч.2 ст.194, ч.2 ст.347, ч.2 ст.378, ч.3 ст.399 УК Украины и др.), содеянное, в зависимости от обстоятельств дела, необходимо квалифицировать по соответствующей части ст.115 и по статье УК, которая предусматривает ответственность за совершенное конкретное преступление, где квалифицирующим признаком является гибель людей. Причинение во время совершения таких преступлений смерти по неосторожности не нуждается в дополнительной квалификации по ст.119 УК Украины (п.26 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.).

Необходимо заметить, что ст. 442 УК Украины предусматривает ответственность за геноцид, который, в частности, характеризуется деянием с целью полного или частичного уничтожения какой-нибудь национальной, этнической, расовой или религиозной группы.

Умышленное убийство малолетнего ребенка или женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности (п.2 ч.2 ст.115 УК Украины). Отличительной чертой этого квалифицированного вида убийства является непосредственный объект – охраняемые уголовным законом общественные отношения относительно обеспечения жизни малолетнего ребенка или женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности.

Малолетним является ребенок, которому на момент лишения его жизни не исполнилось 14 лет. Малолетство ребенка охватывается умыслом виновного при совершении убийства.

Беременность в медицинской науке рассматривают как физиологичный процесс, во время которого в организме женщины из оплодотворенной яйцеклетки развивается плод, способный к внутриутробной жизни. Заведомость при убийстве такой женщины означает наличие у субъекта прямого умысла на лишение жизни именно женщины, которая находится в состоянии беременности. Убийство женщины, которую виновный ошибочно считал беременной, в судебной практике квалифицируют по совокупности преступлений: покушение на умышленное убийство женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности (ч.2 ст.15 УК и п.2 ч.2 ст.115 УК Украины) и умышленное убийство (в зависимости от обстоятельств дела, ч.1 или соответствующий пункт ч.2 ст.115 УК Украины).

Умышленное убийство заложника или похищенного человека (п. 3 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Непосредственным объектом являются охраняемые уголовным законом общественные отношения относительно обеспечения жизни заложника. Заложник – это человек, который против его воли, незаконно удерживается субъектом с требованием к конкретному лицу (лицам) о его освобождении при определенных условиях.

Умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью (п. 4 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Деяния, которые являются проявлением особой жестокости, всегда совершаются с прямым умыслом на причинение потерпевшему физических или моральных страданий. Они могут быть направлены против других, близких потерпевшему лиц, когда виновный осознавал, что, совершая деяние по отношению к жертве, он тем самым причиняет им особенные страдания. Особая жестокость, проявляясь в таких ее отрицательных чертах как безжалостность, бессердечие, свидетельствует о повышенной общественной опасности преступника. Особая жестокость – оценочное понятие. Суд, исходя из конкретных обстоятельств дела, приходит к выводу о наличии этого способа совершения преступления. В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г., в частности, указано, что особая жестокость может проявляться в причинении потерпевшему особых страданий путем глумления, пыток, мучения (в том числе с использованием огня, электрического тока, кислоты, щелочи, радиоактивных веществ, яда, который причиняет нестерпимую боль), большого количества телесных повреждений, которые заведомо для виновного причиняли особые страдания, глумления над трупом. Уничтожение или сокрытие трупа человека с целью сокрытия убийства не охватывается понятием особой жестокости. Умышленное убийство, совершенное лицом в состоянии сильного душевного волнения, которое возникло внезапно в результате противоправного насилия либо тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего, с превышением пределов необходимой обороны, превышением мер, необходимых для задержания преступника, даже если оно было совершено с признаками особой жестокости путем причинения большого количества телесных повреждений или в присутствии близких потерпевшему лиц, необходимо квалифицировать лишь как умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 116 УК) или как умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или превышения мер, необходимых для задержания преступника (ст. 118 УК) (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.).

Умышленное убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих лиц (п. 5 ч. 2 ст. 115 УК Украины). В теории уголовного права и в судебной практике признаются общеопасными, в частности, такие способы совершения убийств, как взрыв, поджог, заражение или отравление

источников общего пользования (воды, пищи и т. п.), затопление, использование автоматических устройств, электрического тока, газа и т. д.

Такой способ убийства повышает его общественную опасность, а также личность преступника, поскольку при этом возникает угроза для нескольких объектов уголовно-правовой охраны. Пленум Верховного Суда Украины в постановлении от 7 февраля 2003 г. разъяснил, что применение способа, опасного для многих лиц, имеет место тогда, когда виновный, осуществляя умысел на лишение жизни определенного лица, осознавал, что применяет способ убийства, опасный для жизни не только одного человека. При этом опасность для жизни других людей должна быть реальной. Если при этом лишены жизни несколько лиц, содеянное надлежит квалифицировать по п. 5 и 1 ч. 2 ст. 115 УК Украины.

Умышленное убийство, совершенное из корыстных побуждений (п. 6 ч. 2 ст. 115 УК Украины). При совершении такого убийства лицо, лишая жизни потерпевшего, желает получить в связи с этим материальные блага для себя или других лиц (завладеть деньгами, драгоценностями, ценными бумагами, имуществом), получить или сберечь определенные имущественные права, избежать материальных расходов или обязанностей (освободиться от платежа и т. п.) или достичь иной материальной выгоды. Изъятие из корыстных побуждений органа или ткани у человека путем принуждения или обмана, что заведомо для субъекта преступления причинит смерть потерпевшего, надлежит квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, по соответствующей части ст. 143 и п. 6 ч. 2 ст. 115 УК Украины. В этом случае имеет место посягательство одновременно на два непосредственных объекта: а) общественные отношения относительно обеспечения установленного законом порядка трансплантации органов или тканей человека; б) общественные отношения относительно обеспечения жизни человека.

Для наличия данного состава умышленного убийства не важно, достиг ли виновный той материальной выгоды, которой хотел. В тех случаях, когда умысел на завладение имуществом возник после убийства из других мотивов, совершенное им надлежит квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, по соответствующей части ст. 115 и по ст. 186 или 187 УК Украины. Совокупность преступлений будет и в том случае, когда субъект совершит умышленное убийство во время нападения или сразу же после него с целью завладения или удержания имущества. При таких условиях содеянное надлежит квалифицировать как умышленное убийство из корыстных побуждений (п. 6 ч. 2 ст. 115 УК Украины) и разбой (ч. 4 ст. 187 УК Украины). Также по совокупности преступлений квалифицируется совершение умышленного убийства с целью завладения предметами, ответственность за хищение которых предусмотрена специальными нормами. Например, ст. 262, 308, 312, 313 УК Украины. Действия подстрекателя умышленного убийства из корыстных

побуждений необходимо квалифицировать по ч. 4 ст. 27 и п. 6 ч. 2 ст. 115 УК Украины независимо от того, что его личные мотивы относительно лишения жизни не были корыстными. Незаконное завладение транспортным средством, сопряженное с лишением жизни потерпевшего, надлежит квалифицировать в зависимости от направленности его умысла, а при наличии корыстных мотивов – по п. 6 ч. 2 ст. 115 и ч. 4 ст. 187 УК Украины. Убийство с целью облегчить незаконное завладевшее транспортным средством охватывается п. 9 ч. 2 ст. 115 и ч. 3 ст. 289 УК Украины.

Умышленное убийство из хулиганских побуждений (п. 7 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Таким является умышленное убийство, совершенное на основе явного неуважения к обществу, пренебрежения общечеловеческими правилами общежития и нормами морали, а также преднамеренное убийство без какой-нибудь причины или с использованием незначительного повода. При наличии реальной совокупности умышленного убийства из хулиганских побуждений и хулиганства содеянное надлежит квалифицировать по п. 7 ч. 2 ст. 115 и по ст. 296 УК Украины. Когда во время хулиганства причинена смерть пострадавшему по неосторожности, действия следует квалифицировать по соответствующей части ст. 296 и по ст. 119 УК Украины. Умышленное убийство в ссоре или в драке, которую начал сам потерпевший, а также из ревности, мести или других мотивов, возникших из-за личных отношений, хотя при этом и был нарушен общественный порядок, не образует убийство, совершенное из хулиганских мотивов (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.).

Умышленное убийство лица или его близкого родственника в связи с выполнением этим лицом служебного или общественного долга (п. 8 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Цель данного вида убийства – помешать правомерной деятельности потерпевшего, выполнению им своего служебного или общественного долга либо отомстить за такую деятельность. Под выполнением служебного долга понимается деятельность лица, входящая в круг его полномочий, а под выполнением общественного долга – осуществление специально возложенных на лицо общественных полномочий или других действий в интересах общества или отдельных граждан, например пресечение правонарушения, сообщение органам власти о совершенном преступлении или приготовлении к совершению преступления и т. п. Время, прошедшее с момента выполнения потерпевшим своего служебного или общественного долга, не влияет на квалификацию убийства.

Умышленное убийство лица, принимавшего меры по прекращению хулиганства, охватывается п. 8 ч. 2 ст. 115 УК Украины и не нуждается в дополнительной квалификации еще и по п. 7 ч. 2 ст. 115 УК Украины. Хулиганство и последующее убийство лица, принимавшего меры по пресечению хулиганства, квалифицируются по соответствующей части ст. 296

и п. 8 ч. 2 ст. 115 УК Украины (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.).

К числу близких родственников относятся: родители, жена, дети, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки (п. 11 ст. 32 УПК Украины).

УК Украины содержит специальные нормы об ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 112), работника правоохранительного органа, члена общественного формирования по охране общественного порядка и государственной границы или военнослужащего (ст. 348), судьи, народного заседателя или присяжного в связи с их деятельностью, связанной с осуществлением правосудия (ст. 379), защитника или представителя лица в связи с деятельностью, связанной с оказанием правовой помощи (ст. 400), представителя иностранного государства (ст. 443).

Умышленное убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. 9 ч. ст. 115 УК Украины). Обязательным признаком субъективной стороны преступления является цель – скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Для наличия состава преступления не имеет значения, что пытался скрыть субъект – приготовление к преступлению, покушение на преступление или оконченное преступление. Потерпевшим может быть любое лицо, которое владеет определенной информацией о совершенном преступлении, и это обстоятельство известно виновному.

В тех случаях, когда лицо лично совершило преступление и умышленное убийство с целью сокрытия последнего, содеянное охватывается п. 9 ч. 2 ст. 115 и статьей УК Украины, которая предусматривает ответственность за второе преступление. На квалификацию не влияет, было ли оно исполнителем (соисполнителем) преступления или его организатором, подстрекателем, пособником. Когда виновный совершил умышленное убийство с целью скрыть преступление, совершенное другим лицом, его действия следует квалифицировать только по п. 9 ч. 2 ст. 115 УК Украины без дополнительной квалификации по ст. 396 УК Украины. Если же убийство с целью скрыть преступление, совершенное другим лицом, было предварительно обещано, то содеянное подпадает под признаки п. 9 ч. 2 ст. 115 УК Украины и соучастия в совершении преступления, которое скрывалось. Потерпевшим при умышленном убийстве с целью облегчить совершение другого преступления может быть любое лицо, способное в какой-либо форме помешать совершению деяния. При этом не важно, осуществил ли субъект свой умысел на совершение такого преступления (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.).

Умышленное убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой страсти неестественным способом (п. 10 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Убийство не является способом

совершения изнасилования или насильственного удовлетворения половой страсти неестественным способом, поэтому оно образует совокупность преступлений: п. 10 ч. 2 ст. 115 и ч. 3 ст. 152 или ч. 3 ст. 153 УК Украины. Когда же умышленное убийство с целью скрыть изнасилование, насильственное удовлетворение половой страсти неестественным способом или покушению на эти преступления совершено через некоторое время после указанных деяний, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 152 или ст. 153 либо по ст. 15 и ст. 152 или ст. 153 УК и по п. 10 ч. 2 ст. 115 УК Украины (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.).

Умышленное убийство, совершенное по заказу (п. 11 ч. 2 ст. 115 УК Украины) Убийством по заказу признается умышленное лишение жизни пострадавшего, которое осуществлено лицом (исполнителем) по поручению другого лица (заказчика). Такое поручение может иметь форму приказа, распоряжения либо соглашения, в соответствии с которым исполнитель обязывается лишить пострадавшего жизни, а заказчик совершить или не совершать в интересах исполнителя определенные действия материального или иного характера. В последнем случае умышленное убийство квалифицируется по п. 11 ч. 2 ст. 115 УК Украины независимо от того, когда были исполнены обещанное исполнителю – до или после убийства, выполнил или не выполнил их заказчик, собирался он это делать или нет. Под действиями материального характера следует понимать: уплату исполнителю вознаграждения за совершение убийства, передачу или сохранение прав на имущество, освобождение от имущественных обязательств и др.; под действиями иного (нематериального) характера – действия, совершение или несовершение которых непосредственно не связано с материальными интересами исполнителя убийства. Например, помощь в трудоустройстве, решении определенных жизненных проблем, освобождение от уголовной ответственности, привлечение к совершению других преступлений, если этого желает исполнитель, и др. Заказчик умышленного убийства, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, является либо подстрекателем, либо организатором, если он не является соисполнителем этого убийства; его действия надлежит квалифицировать по ч. 3 или 4 ст. 27 и п. 11 ч. 2 ст. 115 УК Украины, а при наличии оснований – и по другим пунктам ч. 2 ст. 115 УК Украины. В частности, по п. 6 ч. 2 ст. 115 УК Украины, если исполнитель совершил убийство с целью получения выгод материального характера; по п. 12 ч. 2 ст. 115 УК Украины, если убийство было заказано группой лиц. В случае, если заказчик умышленного убийства был его соисполнителем, совершенное им надлежит квалифицировать по п. 11 и 12 ч. 2 ст. 115 УК Украины как умышленное убийство, совершенное по заказу по предварительному сговору группой лиц. Если же заказчик умышленного убийства, который не является соисполнителем убийства, руководствуется корыстными, а

исполнитель – какими-то другими мотивами, действия заказчика необходимо квалифицировать по ч.3 или 4 ст.27 и п.6 и 11 ч.2 ст.115 УК Украины. Пункт 11 ч.2 ст.115 УК Украины не может вменяться, когда заказано не умышленное убийство, а другое насильственное преступление, например заказчик поручил исполнителю причинить потерпевшему телесные повреждения, а исполнитель умышленно убил последнего. В этом случае заказчик подлежит уголовной ответственности за соучастие в преступлении, которое он организовал или к совершению которого подстрекал, а исполнитель – за умышленное убийство. Действия исполнителя умышленного убийства по заказу необходимо квалифицировать по п.11 ч.2 ст.115 УК Украины. Если исполнитель умышленного убийства по заказу по независящим от него причинам не реализовал умысел на убийство, действия заказчика в зависимости от конкретных обстоятельств надлежит квалифицировать как соучастие в приготовлении к умышленному убийству по заказу (ч.3 или 4 ст.27, ч.1 ст.14 и п.11 ч.2 ст.115 УК Украины) или как соучастие в покушении на это убийство (ч.3 или 4 ст.27, ч.2 или 3 ст.15 и п.11 ч.2 ст.115 УК Украины) (п.14 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.).

Умышленное убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц (п.12 ч.2 ст.115 УК Украины). Умышленное убийство признается совершенным по предварительному сговору группой лиц, если его совместно совершили несколько лиц (два и более), которые предварительно, т.е. к началу убийства, договорились о его совместном совершении.

Согласно п.161 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г. соисполнителями умышленного убийства должны признаваться и лица, хотя и не совершавшие действий, которыми непосредственно была причинена смерть потерпевшему, но будучи объединенными с другими соисполнителями единственным умыслом, направленным на лишение жизни, осуществили часть тех действий, которые группа считала необходимым выполнить с целью реализации этого умысла. С учетом конкретных обстоятельств дела и содержания общего умысла лиц, которые совершают убийство по предварительному сговору, к таким действиям могут быть отнесены:

1. применение в начале нападения насилия к потерпевшему с целью приведения его в беспомощное состояние с тем, чтобы другой соучастник, воспользовавшись таким состоянием, причинил ему смерть;

2. преодоление сопротивления потерпевшего с целью облегчить причинение ему смерти другим соисполнителем (применение физического или психического насилия, связывание его или удержание во время того, как другой соучастник наносит ему удары с целью причинения смерти, и т.д.;

3. устранение определенных препятствий, мешающих другому лицу причинить пострадавшему смерть или существенно осложняющих это (удержание или изоляция лица, который пытается или может помочь

жертве, отвлечение внимания такого лица и др.), а также содействия доступу другому лицу к жертве;

4. предоставления лицу, которое согласно договоренности причиняет смерть потерпевшему, помощи во время совершения убийства путем передачи оружия, дачи советов и т. д.;

5. ведение наблюдения за пострадавшим, другими лицами или обстановкой непосредственно перед убийством или во время его совершения с целью обеспечить реализацию общего умысла на убийство.

Если участники группы лиц действовали согласованно относительно нескольких лиц, хотя каждый из них лишил жизнь одного из них, действию каждого надлежит квалифицировать как умышленное убийство двух и более лиц, совершенное по предварительному сговору группой лиц (п. 1 и п. 12 ч. 2 ст. 115 УК РФ). В случае, когда умышленное убийство совершено бандой, действия членов банды надлежит квалифицировать по совокупности преступлений: бандитизм (ст. 257 УК Украины) и умышленное убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц (п. 12 ч. 2 ст. 115 УК Украины).

Умышленное убийство, совершенное лицом, которое раньше совершило умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного статьями 116–118 УК Украины (п. 13 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Субъект преступления специальный – лицо, которое раньше совершило убийство, за исключением деяний, предусмотренных статьями 116–118 УК Украины. Убийство не может квалифицироваться по п. 13 ч. 2 ст. 115 УК Украины, если судимость за ранее совершенное умышленное убийство в установленном порядке снята с виновного или погашена (ст. 88, 89, 90, 91, 108 УК Украины), или на момент совершения следующего умышленного убийства истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 49, 80, 106 УК Украины). Под ранее совершенным умышленным убийством нужно понимать не только убийство, предусмотренное ст. 115 УК Украины, но и убийство, предусмотренное ст. 112, 348, 379, 443, а также ст. 113, 258, 404 УК Украины, если они были сопряжены с умышленным лишением жизни человека или покушением на него. Ответственность за повторное умышленное убийство или покушение на него наступает независимо от того, совершило ли лицо ранее умышленное убийство или покушение на него, было исполнителем или другим соучастником. В том случае, если лицо не было осуждено за ранее совершенное умышленное убийство или покушение на него, действия подлежат самостоятельной оценке, а следующее умышленное убийство надлежит квалифицировать по п. 13 ч. 2 ст. 115 УК Украины. Совокупность преступлений образует деяния субъекта в случаях, когда сначала совершается покушение на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 115 УК Украины), а затем – умышленное убийство (ч. 1 ст. 115 УК Украины); когда сначала совершается убийство

при отягчающих обстоятельствах, а затем – покушение на умышленное убийство. Если в разное время осуществлены два покушения на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и за первое из них лицо не было осуждено, содеянное в целом нужно квалифицировать по ч. 2 или 3 ст. 15 и соответствующим пунктам ч. 2 ст. 115 УК Украины, предусматривающим отягчающие обстоятельства обоих покушений. Если совершено несколько умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных разными пунктами ч. 2 ст. 115 УК, их виновному следует вменить совокупность этих пунктов и п. 13 ч. 2 ст. 115 УК Украины (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 7 февраля 2003 г.).

Убийство, по мотивам расовой, национальной либо религиозной нетерпимости (п. 14 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Отличительной чертой субъективной стороны этого вида умышленного убийства выступает мотив – лишение жизни другого лица на почве неуважительного отношения, ненависти, вражды к определенной расе, национальности, религиозной конфессии, к которой принадлежит потерпевший.

В случае нарушения равноправия граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии и совершения умышленного убийства по указанным мотивам содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений – по ст. 161 и, в зависимости от обстоятельств дела, п. 14 ч. 2 ст. 115, а также по другим пунктам ч. 2 ст. 115 УК Украины.

§ 4. Умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах

В теории уголовного права к числу убийств при смягчающих обстоятельствах традиционно относят: а) умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения; б) умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка (ст. 117 УК Украины); в) умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника (ст. 118 УК Украины).

Умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 116 УК Украины). Смягчение уголовной ответственности за этот вид умышленного убийства вызвано тремя обстоятельствами: 1) общественно опасное деяние спровоцировано противозаконным насилием, систематическим издевательством или тяжкой обидой со стороны потерпевшего; 2) субъективная сторона характеризуется особым эмоциональным состоянием – внезапно возникшим сильным душевным волнением; 3) умысел на лишение жизни также возникает внезапно на почве указанного волнения и реализуется немедленно.

Поведение человека (правомерное или противоправное), как известно, всегда социально обусловлено. Среди причин убийства выделяется роль потерпевшего. Поведение жертвы в генезисе преступления имеет широкий диапазон – от прямого противодействия преступлению

к его грубой провокации. Условно выделяют три вида такого поведения: а) нейтральная, когда она не способствует и не препятствует совершению преступления; б) позитивная (общественно одобрительная), выражающаяся в противодействии преступнику; в) негативная, когда она способствует, провоцирует совершение преступления¹.

Поводом к умышленному убийству, предусмотренному ст.116 УК Украины, является поведение агрессивного типа потерпевшего. К такому типу в виктимологии относят лиц, которые стали жертвами преступления в результате проявленной ими агрессии в форме противозаконного насилия относительно субъекта анализируемого убийства или другого провоцирующего поведения – систематического издевательства или тяжелой обиды. В этом типе представлены агрессивные насильники и агрессивные провокаторы². Однако виктимное поведение в этих случаях не является составным элементом преступной деятельности субъекта, а относится к условиям совершения преступления.

В теории уголовного права, рассматривая провокацию из более широких позиций как своеобразный вид подстрекательства, было высказано мнение о целесообразности решения на законодательном уровне вопроса об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые совершили преступление, когда относительно них имела место провокация³. Более взвешенной кажется позиция А.Ф.Бантышева, который считает, что решить однозначно и категорически этот вопрос невозможно. В каждом конкретном случае следует учитывать как степень насилия или угрозы, имевшей место относительно спровоцированного, так и то, какое преступление при этом совершено. Следует также согласиться, что провокация не может служить основанием для освобождения от уголовной ответственности, когда спровоцированным совершено убийство⁴. Однако относительно других насильственных преступлений следует применять, по нашему мнению, дифференцированный подход. Принципиальным моментом здесь является недопустимость освобождения от уголовной ответственности, когда спровоцированным совершено тяжкое или особо тяжкое насильственное преступление.

Уголовный закон должен характеризоваться, в частности, ясностью изложенных в нем предписаний, которые выражают волю законодателя. Учитывая это применяемые в норме уголовного закона понятия, особенно

¹ См.: Юрченко О. Ю. Роль виктимного поведения в механизме совершения тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности // Проблемы борьбы с насильственной преступностью в Украине. Харьков, 2001. С. 107.

² См.: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. СПб., 2000. С. 91.

³ См.: Пипия А. Г. К вопросу о понятии и юридической природе провокации в уголовном праве (сравнительно-правовое исследование) // Труды Высшей школы КГБ СССР. 1990. № 47. С. 48

⁴ См.: Бантышев А. Ф. Насильственные преступления в системе проекта УК Украины (вопросы квалификации) // Проблемы борьбы с насильственной преступностью в Украине. Харьков, С. 16.

когда речь идет об уголовной ответственности, должны характеризоваться максимальной определенностью, однозначностью. К сожалению, этого нельзя сказать относительно ст. 116 УК Украины, содержащей такие понятия, как «противозаконное насилие», «систематическое издевательство», «тяжкая обида». В целом они являются оценочными, в ст. 116 УК Украины не определены, а вопрос об их содержании и наличии в конкретном случае решает суд исходя из фактических обстоятельств дела. Понятно, что суд в таких случаях исходит из выработанных судебной практикой и теорией уголовного права подходов.

Противозаконное насилие как понятие не нашло своей полной и однозначной трактовки в постановлениях Пленума Верховного Суда Украины, позиция которого меняется в зависимости от вида преступления. Так, в постановлении «О судебной практике в делах о преступлениях против жизни и здоровья лица», не раскрывая содержания противозаконности насилия, Пленум указал, что «насилие может быть как физическим (причинение телесных повреждений, нанесения побоев, незаконное лишение свободы, и тому подобное), так и психическим (угроза нанести физический, моральный или имущественный вред)». Указание на «и тому подобное», понятно, оставляет открытым вопрос о других формах (видах) физического насилия.

В юридической литературе отмечается, что «противозаконное насилие» применительно к преступлению, предусмотренному ст. 116 УК Украины, может быть физическим и психическим. При этом его «противозаконность» следует понимать в широком значении слова – как насилие, которое противоречит какому-либо действующему закону Украины, а не только Уголовному кодексу. В первую очередь упомянутое насилие противоречит ст. 3, 23, 27, 28, 29 Конституции Украины.

Противозаконный характер насилия означает, что потерпевший согласно закону не имел права в конкретном случае его применять. Противозаконность действий выступает при этом причиной возникновения у лица специфического эмоционально-психического состояния, которое в свою очередь вызывает его соответствующую реакцию в виде причинения смерти. Таким образом, потерпевших в данном случае два: 1)лицо, относительно которого примененное противозаконное насилие; 2)лицо, которое применило насилие и вследствие этого было лишено жизни спровоцированным лицом.

Причиной возникновения состояния сильного душевного волнения может быть противозаконное насилие как со стороны частного, так и со стороны служебного лица, в том числе и того, которое по своей должности или характере выполняемых полномочий наделено законом правом применять силу к гражданам. Это, например, сотрудники милиции,

Службы безопасности Украины, члены общественных формирований по охране общественного порядка, сотрудники уголовно-исполнительных учреждений.

Противозаконное физическое насилие – противозаконное, виновное причинение или покушение на причинение физического вреда другому человеку, совершенное пострадавшим от преступления, предусмотренного ст. 116 УК Украины. Оно может проявиться в убийстве, нанесении телесных повреждений разной тяжести, лишении свободы, истязании, побоях и мордовании, изнасиловании, удовлетворение половой страсти неестественным способом и т.п.

Противозаконное психическое насилие – противоправное, виновное причинение морального вреда другому человеку, совершенное потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 116 УК Украины. В частности, психическое насилие может осуществляться путем угрозы нанести физический, имущественный или моральный вред, демонстративного и циничного нанесения имущественного вреда, обиды, издевательства и т.п.

Противозаконное насилие, вызвавшее состояние сильного душевного волнения, может быть направлено как против субъекта убийства, так и против его родных или близких, судьба которых не безразлична для спровоцированного.

Нередко противозаконное насилие, систематическое издевательство и тяжкая обида имеют комбинированный характер. Например, наряду с нанесением телесных повреждений совершаются угрозы, издевательство, обиды.

Возникновение состояния сильного душевного волнения в результате применения силы на законных основаниях (например, при задержании работниками милиции в случае совершения преступления или другого правонарушения) или же в результате не систематического издеательства или тяжелой обиды, исключает ответственность по ст. 116 УК Украины.

Систематическое издевательство может проявляться в насмешке, психическом или физическом насилии, носящем циничный характер, травле, несении убытков, незаслуженном осуждении, неадекватной критике, иронизировании, целеустремленном высмеивании и т.п. преднамеренных действиях, которые совершаются не меньше трех раз.

Издевательство по своей природе не может быть правомерным и поэтому в ст. 116 УК Украины нет указания на такой его признак, как противоправность.

В теории уголовного права под обидой традиционно понимают умышленное унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме. Обида может совершаться на почве бытовых, производственных отношений, задевать семейные, дружеские, национальные, профессиональные, религиозные чувства. По способу совершения различают обиду словом (устно, в письменном виде), совершаемую путем изображения или действия. Обидой словом является, например, открытые циничные пренебрежительные высказывания, нецензурное ругательство, субъективные унижительные характеристики и оценки самого лица или ее родных и близких как живых, так и умерших. Обида может быть осуществлена

путем выполнения рисунка, карикатуры, фотоколлажа. Не исключается изготовление мультипликационного фильма обидного характера. Обида действием нередко совершается путем циничного насмешливого касания к телу, неприличных жестов, движений тела, нанесения пощечины, выливания на потерпевшего фекалий, отходов, срывания одежды с интимных частей тела, насмешливого демонстрирования действий, которые якобы совершал или собирается совершить провоцирующий, и т. п.

В целом обида совершается с целью унижить в неприличной форме честь и достоинство, деловую репутацию человека путем ее негативной оценки, дискредитации, подрыва авторитета, морального престижа.

Понятие «тяжкая обида» принадлежит к числу оценочных. Признание (оценка) той или иной обиды как тяжкой или не тяжкой относится к компетенции суда. Суд, оценивая обиду, должен исходить из фактических обстоятельств дела учитывая не только личностные психологические характеристики субъекта убийства, но и причину, способ выражения обиды, ее содержание и интенсивность, степень противоречия совершенных обидчивых действий общественной морали, широту их публичности, особенности обстановки обиды, предыдущие взаимные отношения субъекта и пострадавшего и т. п.

Противозаконное насилие, систематическое издевательство и тяжкая обида как деяния глубоко аморальны, всегда причиняют лицу моральный вред, под которым следует понимать потери неимущественного характера в результате моральных или физических страданий или других негативных явлений, причиненных лицу. Моральный вред может заключаться в: унижении чести, достоинства, престижа или деловой репутации; моральных переживаниях, связанных с повреждением здоровья; нарушении нормальных жизненных связей из-за невозможность продолжения активной общественной жизни; нарушении права собственности (в том числе интеллектуальной), прав, предоставленных потребителям, других гражданских прав, при незаконном пребывании под следствием и судом; наступлении других негативных последствий.

Обязательным признаком объективной стороны убийства, предусмотренного ст. 116 УК Украины, признается время его совершения. Это преступление может быть совершено лишь тогда, когда субъект находится в состоянии сильного душевного волнения, которое чаще всего бывает кратковременным и длится, как правило, несколько минут, хотя в отдельных случаях оно может быть более длительным.

Субъективная сторона характеризуется двумя обязательными признаками: 1) вина в форме умысла; и 2) особое эмоциональное состояние субъекта убийства.

В теории уголовного права нет единодушия относительно вида умысла при умышленном убийстве в состоянии сильного душевного волнения. В юридической литературе выражены три мнения на этот счет:

а) убийство может быть совершено лишь с прямым умыслом;
б) убийство может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом;

в) убийство может быть совершено лишь с косвенным умыслом¹.

Правоприменительная практика свидетельствует, что преимущество имеет вторая точка зрения ученых: умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом.

В юридической литературе достаточно распространено мнение о том, что признаком субъективной стороны любого преступления являются эмоции, которые в отдельных преступлениях, в том числе предусмотренном ст. 116 УК Украины, выступают в качестве обязательного. Эмоции представляют собой психические состояния и процессы, в которых реализуются ситуативные переживания человека. Можно условно выделить три вида эмоций в зависимости от стадии преступной деятельности: а) эмоции, которые сопровождают подготовку преступной деятельности; б) эмоции во время совершения преступления; в) эмоции после совершения преступления. В данном случае имеются в виду те переживания субъекта, которые свойственны ему во время совершения преступления и имеют значение для квалификации убийства. Противозаконное насилие, систематическое издевательство и тяжкая обида вызывают у лица негативные эмоции – моральные или психические страдания особой интенсивности – состояние сильного душевного волнения (аффект). Этимологическое содержание понятия «аффект» раскрывают исходя из латинского слова *affectus*, что означает душевное волнение.

Состояние сильного душевного волнения – это внезапный, кратковременный эмоциональный процесс, вызванный действиями потерпевшего, протекающий бурно и быстро, существенно сужающий сознание, способность лица осознавать свои действия и руководить ими. Таким образом, в результате сильного душевного волнения значительно нарушается способность к целостному осмыслению ситуации и ее оценки, резко ухудшается качество контроля за своими действиями и прогноз их возможных последствий.

Лицо, которое находилось во время умышленного убийства в состоянии сильного душевного волнения, подлежит уголовной ответственности. В теории уголовного права такое состояние называют физиологическим аффектом. В отличие от него патологический аффект исключает уголовную ответственность, поскольку лицо не осознает значения своих действий и не может руководить ими.

Мотивами умышленного убийства в состоянии сильного душевного волнения являются, как правило, месть и ревность.

¹ См.: Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 162.

Необходимо отметить, что состояние сильного душевного волнения может быть вызвано как одним или несколькими действиями, совершенными в течение короткого времени, так и долговременной психотравмирующей ситуацией, формирующейся в результате многократных, иногда совершаемых годами, противозаконных, обидных действиях, издевательствах, которые постепенно накапливаются и в соответствующий момент переполняют «чашу терпения». В ответ на последнее такое действие обидчика, находясь в состоянии сильного душевного волнения (физиологического аффекта), лицо лишает его жизни. Статья 116 Уголовного кодекса Украины, в отличие от УК РФ (ст. 107) не предусматривает такого признака, как «психотравмирующая ситуация». Подобные ситуации охватываются понятием «систематическое издевательство».

Для установления состояния сильного душевного волнения (физиологического аффекта) назначается судебно-психиатрическая экспертиза, вывод которой не имеет заранее установленной доказательной силы. Суд, руководствуясь законом, оценивает этот вывод по внутреннему убеждению в совокупности с другими доказательствами в деле о данном убийстве. Суд может не согласиться с выводом эксперта и назначить дополнительную или повторную экспертизу (ст. 75, 76, 203, 204 УПК Украины).

Если умышленное убийство совершено после того, как состояние сильного душевного волнения прошло, содеянное, в зависимости от обстоятельств дела, необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. 115 УК Украины. Поведение потерпевшего в этом случае является обстоятельством, снижающим общественную опасность преступления и смягчающим наказание (п. 7 ст. 66 УК Украины).

Нередки случаи, когда умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения совершается служебными лицами при исполнении служебных обязанностей, применяя при этом доверенное им табельное оружие. Совершенное при таких условиях умышленное убийство подлежит квалификации по ст. 116, а не по ч. 3 ст. 365 УК Украины. Здесь налицо конкуренция уголовно-правовых норм со смягчающими и с отягчающими обстоятельствами, при которой преимущество отдается первой из них.

Субъект преступления специальный – лицо, которому к совершению преступления исполнилось 14 лет, находившееся во время совершения убийства в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего в результате противозаконного насилия, систематического издевательства или тяжкой обиды со стороны потерпевшего.

Надо иметь в виду, что деяние может содержать одновременно признаки убийства при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч. 2 ст. 115 УК Украины, например убийство двух и более лиц; малолетнего ребенка или женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности; с особой жестокостью; способом, опасным

для жизни многих лиц; в связи с выполнением лицом служебного или общественного долга (п. 1, 2, 4, 5, 8 ч.2 ст.115 УК Украины). Возникает конкуренция норм уголовного закона. Норма, предусматривающая уголовную ответственность за умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения (ст.116 УК Украины) конкурирует, например, с п.4 ч.2 ст.115 УК Украины, которая предусматривает ответственность за умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью (квалифицированный состав преступления или состав преступления с отягчающим обстоятельством), а обе эти нормы конкурируют с ч.1 ст.115 УК Украины (основной состав умышленного убийства). Часть 1 ст.115 УК Украины содержит общую норму, а ст.116 и п.4 ч.2 ст.115 УК Украины – специальные относительно нее. В случае конкуренции общей и специальной норм применяется специальная норма. Однако в данном случае этих норм две и ими предусмотрены два состава преступлений: а) со смягчающим обстоятельством (ст.116 УК Украины); б) с отягчающим обстоятельством (п.4 ч.2 ст.115 УК Украины). При конкуренции таких двух специальных норм, как уже отмечалось, преимущество предоставляется норме, содержащей состав преступления со смягчающим обстоятельством, а поэтому содеянное при изложенных выше условиях надлежит квалифицировать по ст.116 УК Украины. Состояние сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием, систематическим издевательством или тяжкой обидой со стороны потерпевшего, существенно меняет криминологическую и уголовно-правовую природу преступления, что выступает определяющим для квалификации. Так оцениваются подобные действия и в судебной практике.

При конкуренции двух норм, которые предусматривают составы преступлений со смягчающими обстоятельствами, преимущество предоставляется той из них, которая является более смягчающей (привилегированной) для субъекта. Поэтому при конкуренции ст.116 и ст.118 УК Украины (умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или в случае превышения мер, необходимых для задержания преступника) применяется ст.118 УК Украины, поскольку ее санкция предусматривает более мягкие наказания.

Умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка (ст.117 УК Украины). Непосредственным основным объектом являются общественные отношения относительно обеспечения жизни новорожденного ребенка. Следовательно, предметом общественных отношений в этом случае является жизнь новорожденного ребенка.

Уголовная ответственность за лишение жизни чужого новорожденного ребенка наступает на общих основаниях.

Общественно опасное деяние женщины, которая убивает своего новорожденного ребенка, обусловлено ее особым физическим и психическим состоянием во время родов. Оно может быть совершено как в форме

действия (удушение, утопление, закапывание в землю и т. д.), так и в форме бездействия. Бездействие, в частности, может проявиться в преднамеренном непредоставлении послеродовой помощи ребенку, отказе от кормления и ухода, оставлении на улице или в холодном помещении с целью причинения ему смерти.

Обязательным признаком объективной стороны является время совершения преступления – во время родов или сразу после них. Роды – это физиологический процесс рождения человека, который имеет свои, четко определенные медицинской наукой, объективные стадии. В медицине роды (partus) – это завершающий беременность физиологический процесс, в результате которого происходит удаление из полости матки через родильные пути плода, околоплодных вод и плаценты (плодных оболочек, пуповины). В физиологических условиях роды наступают при сроке беременности от 38 до 42 недель, т. е. в среднем по истечении 40 недель (280 дней, 9 календарных или 10 акушерских месяцев), когда плод становится зрелым и способным к внеутробной жизни. Согласно критериям Всемирной организации здоровья роды при сроке беременности от 22 до 37 недель называют преждевременными, а при сроке беременности свыше 42 недель – запоздалыми.

Выделяют три периода в процессе родов: первый – раскрытие шейки матки (у женщин, рожаящих впервые, длится 13–18 час., во второй раз – 6–9 час.); второй – изгнание плода (1–2 час у тех, кто рождает впервые, 5 мин. – 1 час – во второй раз); третий – послеродовый (в среднем 20–30 мин. у тех и других). Уголовный кодекс не содержит дефиниции понятия «роды».

В ст. 117 УК Украины указано, что потерпевшим от преступления является «новорожденный ребенок», хотя, на наш взгляд, пострадавшим является и «новорождаемый» ребенок.

В ряде случаев беременность прерывается досрочно – искусственно или в результате несчастного случая. Лишение жизни жизнеспособного ребенка, который появился на свет в результате преждевременных родов, необходимо квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, как убийство по соответствующей статье УК Украины. Умышленное лишение жизни такого ребенка матерью во время или сразу после родов образует состав преступления, предусмотренный ст. 117 УК Украины. Если ребенок умер в результате преждевременных родов, вызванных незаконным искусственным прерыванием беременности, совершенным не матерью, а другим, действия последнего следует квалифицировать по ст. 134 УК Украины.

Прерывание беременности в результате нанесения женщине удара, побоев образует умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 121 УК Украины).

Таким образом, рассмотренная нами выше концепция начала жизни человека обоснована на том, что началом жизни человека считается

момент прорезания части тела ребенка из лона матери. На сегодняшний день эта концепция уже удовлетворяет не всех отечественных и зарубежных ученых-криминалистов. Зарубежные авторы нередко ссылаются на ст. 4 Американской конвенции прав человека, которая провозглашает, что жизнь человека начинается с момента зачатия. На этом постулате обоснована деятельность многих общественных организаций, которые выступают за запрещение аборт.

Рассмотренные выше две позиции ученых относительно начала жизни человека имеют право на существование, но они небезупречны. Если идти от обратного, то, как отмечалось, согласно Инструкции относительно констатации смерти человека на основании смерти мозга смерть человека есть смерть его мозга. Логично в данном случае было бы связывать начало жизни человека с физиологическим завершением формирования мозга и началом его функционирования. Тогда не рассматривалось бы как убийство умерщвление плода в период от зачатия к началу функционирования мозга плода. Однако, правла, возникла бы проблема установления начала функционирования мозга.

Смерть мозга, как отмечалось, не означает фактическую смерть всего человеческого организма, который во многих случаях может поддерживаться в функционирующем состоянии с помощью аппаратов и лекарственных средств достаточно длительное время. Понятно, что определение смерти человека через смерть его мозга выгодная из позиций трансплантации органов и тканей человека, эффективность которогоявляется максимальной, когда трансплантатом является функционирующий (живой) орган или живая ткань. С признанием человека умершим меняется режим уголовно-правовой защиты. В этом случае даже при функционировании отдельных органов лицо, смерть мозга которого констатирована, уже не человек, а тело человека. Применение норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за убийство, здесь невозможно. Вместе с тем при наличии признаков состава преступления виновный может быть привлечен к уголовной ответственности за нарушение установленного законом порядка трансплантации органов или тканей человека (ст. 143 УК Украины) или за надругательство над трупом человека (ст. 297 УК Украины).

Концепция начала жизни человека с момента зачатия является более выгодной не только с позиции прав человека, но и с позиции возможности доказывания лишения жизни. Сам факт прерывания беременности и гибели плода человека будет свидетельствовать, что убийство совершено, а в случае ненаступления последствия – о покушении на убийство. При этом возникает вопрос об уголовной ответственности за незаконное проведение аборта (ст. 134 УК Украины). Его решение возможно лишь одним путем – запрещением операции искусственного прерывания беременности в Украине. Исключение из этого правила может составлять лишь

состояние крайней необходимости (ст. 39 УК Украины), а также когда беременность является последствием изнасилования, инцеста. Аномалия развития плода может также быть критерием, при наличии которого допускается искусственное прерывание беременности. При таком подходе любое незаконное искусственное прерывание беременности будет квалифицироваться как убийство по соответствующей статье УК Украины. Можно при этом дифференцировать уголовную ответственность, установив ее отдельно за убийство плода человека и за убийство человека.

Преступление может быть совершено как с прямой, так и с косвенным умыслом. Умысел может возникнуть перед началом родов, во время родов или после их завершения. Причинение новорожденному ребенку смерти по неосторожности надлежит квалифицировать по ст. 119 УК Украины.

Мотив и цель на квалификацию убийства матерью своего новорожденного ребенка не влияют.

В ст. 117 УК Украины не говорится об убийстве на эмоциях как обязательном признаке субъективной стороны убийства. Применяя словосочетание «во время родов или сразу после родов», законодатель будто указывает на особенное, дискомфортное состояние женщины-роженицы как такое, которое само собой понятно и не нуждается в доказывании в каждом конкретном случае совершения преступления. Реально же не все женщины во время родов находятся в таком состоянии, в частности женщины, которые рожают не первый раз, а также те, которые, исходя из физиологического строения, не чувствуют особой психической нагрузки во время родов. Между тем, как следует из ст. 117 УК Украины, формальной разницы между женщинами, которые находятся в особом психическом состоянии во время родов и теми, которые не находятся в таком состоянии, законодатель не сделал. Им, очевидно, презюмируется такое состояние в каждом случае родов. Любое сомнение относительно наличия особого психического состояния женщины-роженицы следует толковать в ее пользу. Исключение из этого правила целесообразно сделать лишь тогда, когда будет доказано, что умысел на лишение новорожденного ребенка жизни относится к заранее обдуманному, т. е. возник до родов, например по взаимному сговору супругов, когда женщина не находилась в особом дискомфортном психическом состоянии, или после родов, когда такое состояние женщины прошло. При таких условиях, на наш взгляд, убийство надлежит квалифицировать по п. 2 и п. 12 ч. 2 ст. 115 УК Украины. Соисполнитель преступления подлежит уголовной ответственности также по п. 2 и п. 12 ч. 2 ст. 115 УК Украины; подстрекатель и пособник – соответственно по ч. 3 или 4 ст. 27 и п. 2 ч. 2 ст. 115 УК Украины. В зависимости от обстоятельств дела, не исключается квалификация действий соучастников и по п. п. 1, 4, 5, 13 ч. 2 ст. 115 УК Украины.

Если же виновный во время родов склонил женщину-роженицу к совершению убийства ее новорожденного ребенка или помог ей в

совершении данного убийства, то его действия надлежит квалифицировать по ч.3 или 4 ст.27 и ст.117 УК Украины, а действия матери – по ст.117 УК Украины.

Субъектом преступления может быть мать-роженница, достигшей возраста 14 лет. Ее особое дискомфортное психическое состояние может быть обусловлено также семейным конфликтом, супружеской изменой, материальными и другими социально-бытовыми неурядицами. Это временное психическое расстройство ослабляет способность матери осознавать свои действия и руководить ими. Она, исходя из законодательной формулировки (ст.20 УК), является, по сути, ограниченно вменяемой.

Умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника (ст.118 УК Украины). Непосредственным основным объектом являются общественные отношения относительно обеспечения жизни человека. Предметом общественных отношений может быть: а) жизнь человека, посягающего на охраняемые законом права и интересы лица, которое защищается, или другого лица, а также на общественные или государственные интересы; б) жизнь человека, который ошибочно принят за посягающего; в) жизнь человека, который совершил преступление и уклоняется от задержания и доставки его соответствующим органам власти.

Особенностью объективной стороны является то, что лишение жизни совершается в форме действий и в обстановке необходимой обороны (в том числе мнимой обороны) или задержания лица, совершившего преступление. Оно является результатом превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания преступника, либо результатом ошибочного предположения о наличии общественно опасного посягательства со стороны потерпевшего.

Необходимая оборона согласно ч.1 ст.36 УК Украины – это действия, совершенные с целью защиты охраняемых законом прав и интересов лица, которое защищается, или другого лица, а также общественных интересов и интересов государства от общественно опасного посягательства путем причинения тому, кто посягает, вреда, необходимого и достаточного в данной обстановке для немедленного предотвращения или пресечения посягательства. Правомерной является необходимая оборона, которая отвечает определенным условиям (критериям). Они разделяются на две группы: 1) условия, характеризующие общественно опасное посягательство; 2) условия, характеризующие акт защиты. К первой группе ряд авторов относит такие условия: 1) посягательство является общественно опасным; 2) посягательство является реальным; 3) посягательство является действительным. Во вторую группу включают также три условия: 1) лицо защищает собственные охраняемые законом права и интересы, другого лица либо общественные или государственные интересы; 2) вред

причиняется посягающему, а не другому лицу (лицам); 3) защита не превышает пределов необходимой обороны¹.

П. С. Матышевский определил еще более широкий перечень условий правомерности необходимой обороны. Общественно опасное посягательство, по его мнению, должно быть: 1) действием, предусмотренным уголовным законом как преступление, или общественно опасным действием лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или опасным действием со стороны душевнобольного (неподсудного) человека; 2) объективно явным, реальным; 3) деянием, связанным с причинением вреда или направленным на причинение вреда потерпевшему; 4) действием, вызывающим немедленную потребность со стороны потерпевшего, другого лица или представителя власти сейчас же предотвратить или пресечь опасное посягательство. Автор выделяет пять условий правомерности защиты: 1) оборона направлена против опасного посягательства со стороны человека; 2) защита должна быть осуществлена ущемлением причинения вреда лишь самому лицу (лицам), которое совершает посягательство, или его имущественным правам с целью предотвратить или пресечь опасности посягательства; 3) оборона допустимая для защиты человеком личных благ или благ другого человека (жизни, здоровья, воли, достоинства), неприкосновенности жилья, имущественных и других социальных прав человека, общественных благ и ценностей (общественной безопасности, общественного порядка, безопасности окружающей среды, здоровья населения, социальных, материальных и духовных ценностей государства, в частности, конституционного строя и суверенитета государства, целостности и неприкосновенности территории, внутренней и внешней безопасности); 4) своевременность обороны относительно причинения вреда тому, кто посягает, именно на протяжении существования посягательства; 5) относительное соответствие силы и энергии защиты, с одной стороны, силе и энергии посягательства (нападения) – с другой².

Ю. В. Баулин подходит к определению правомерности необходимой обороны иначе – через призму ее основания, объективных и субъективных признаков. Право на необходимую оборону, отмечает он, возможно лишь при наличии соответствующего основания. Согласно ч. 1 ст. 36 УК Украины таким основанием является совершение общественно опасного посягательства, которое вызывает у того, кто защищается, необходимость в немедленном его предотвращении или прекращении путем причинения вреда тому, кто посягает. Таким образом, основание необходимой обороны состоит из двух элементов: а) общественно опасного посягательства

¹ См.: Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины. Киев, 2002. С. 66–67; Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 332–334; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1998. С. 85.

² См.: Матишевський П. С. Уголовное право Украины. Общая часть. Киев, 2000. С. 173–175.

и б) необходимости его немедленного предотвращения или прекращения. Признаками необходимой обороны считаются: 1) цель обороны; 2) направленность (объект) причинения вреда; 3) характер действий того, кто защищается; 4) своевременность обороны; 5) соразмерность обороны¹.

Концепция Ю. В. Баулина кажется наиболее приемлемой. Между тем, на наш взгляд, есть потребность говорить не об основании, а об основаниях необходимой обороны. Целесообразно выделить два основания: а) правовой и б) фактический. Кстати, Ю. В. Баулин раньше также выделял два основания необходимой обороны: а) правовое основание – возникновение общественно опасного посягательства; б) фактическое основание – необходимость немедленного причинения вреда посягающему с целью прекращения или предотвращения посягательства².

На наш взгляд, правовым основанием является субъективное право человека на необходимую оборону. По своему происхождению оно имеет объективный характер, его наличие (или отсутствие) не зависит от воли человека. Права человека в Украине определяются действующим законодательством. Необходимо подчеркнуть, что право на необходимую оборону является одним из конституционных прав человека. В ч. 5 ст. 55 Конституции Украины провозглашено, что «каждый имеет право любыми, не запрещенными законом средствами, защищать свои права и свободы от нарушений и противоправных посягательств», а в ч. 3 ст. 27 Конституции Украины – «каждый имеет право защищать свою жизнь и здоровье, жизнь и здоровье других людей от противоправных посягательств».

Фактическим основанием необходимой обороны является совершение общественно опасного посягательства, которое вызывает у того, кто защищается, необходимость немедленно защищать охраняемые законом свои права и интересы, интересы другого лица, общественные или государственные интересы путем причинения посягающему вреда, необходимого и достаточного в данной обстановке для немедленного предотвращения или прекращения посягательства. Другими словами, состояние необходимой обороны возникает не только в момент общественно опасного посягательства, но и при наличии его реальной угрозы. Об этом может свидетельствовать поведение посягающего, направленность умысла, интенсивность и характер его действий и т. д., что дает основания лицу, которое защищается, воспринимать угрозу как реальную.

Согласно ч. 2 ст. 36 УК Украины каждое лицо имеет право на необходимую оборону независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Таким образом, совершение общественно опасного

¹ См.: Уголовное право Украины. Общая часть / под ред. М. И. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тация. Киев–Харьков, 2001. С. 250–257.

² См.: Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 227.

посягательства является юридическим фактом, порождающим право на применение необходимой обороны. Важно, чтобы при этом не были превышены пределы необходимой обороны.

Пределы необходимой обороны, отмечает Ю.В.Баулин, определяются опасностью совершенного посягательства и характером защиты, сложившимися при пресечении такого посягательства. Правомерным признается причиненный посягающему вред, который отвечает опасности посягательства и обстановке защиты. В связи с этим следует различать: а) предел допустимого вреда; б) предел достаточного вреда. Первый предел – причинение посягающему смерти или тяжких телесных повреждений. Он возможен лишь при применении необходимой обороны против посягательства большой общественной опасности и в неблагоприятной обстановке защиты. В относительно благоприятной обстановке, при обороне от посягательства любой степени общественной опасности, максимальная граница достаточного вреда – причинение телесных повреждений средней тяжести¹.

Превышение пределов необходимой обороны (эксцесс обороны) согласно ч.3 ст.36 УК Украины – это умышленное причинение тому, кто посягает, тяжкого вреда, который явно не отвечает опасности посягательства или обстановке защиты. Оно наказуемо лишь в случаях умышленного причинения посягающему смерти (ст.118 УК Украины) или тяжких телесных повреждений (ст.124 УК Украины).

Умышленное причинение при таких обстоятельствах средней тяжести или легких телесных повреждений не влечет уголовной ответственности. Уголовный закон не предусматривает также ответственности за причинение при превышении пределов необходимой обороны любого вреда по неосторожности. Таким образом, вопрос о наличии превышения пределов необходимой обороны или его отсутствии можно рассматривать лишь тогда, когда состояние необходимой обороны имелось в конкретной ситуации. Нельзя превзойти то, чего реально не существует. Когда состояние необходимой обороны возникло, потерпевший приобретает право на оборону путем нанесения посягающему вреда с целью предупреждения или прекращения посягательства. В связи с этим Пленум Верховного Суда Украины вполне обоснованно подчеркнул, что решая вопрос о правомерности причинения вреда, надлежит установить, защищалось ли лицо от реального, уже начатого и еще незаконченного общественно опасного посягательства. Лишь при наличии состояния необходимой обороны необходимо сделать вывод, превышены ли пределы необходимой обороны.

Недопустимым, по мнению отдельных авторов, является применение необходимой обороны против посягательства, которое возможно в будущем. Имеется в виду применение разных устройств, механизмов,

¹ См.: Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 254.

электрического тока и т. п. для охраны имущества. Главным доводом является то, что такие механизмы и устройства могут причинить вред не только посягающему, но и другим лицам, а также причинить вред, который явно не отвечает значению охраняемого блага.

Причиненный вред выступает предметом оценки пределов необходимой обороны. В связи с этим выделяют два вида эксцесса обороны (превышение пределов необходимой обороны): а) превышение пределов допустимого вреда; б) превышение пределов достаточного вреда. Относительно преступления, предусмотренного ст. 118 УК Украины, превышение пределов допустимого вреда будет иметь место тогда, когда смерть посягающему будет причинена при защите от посягательства небольшой степени общественной опасности. Иначе говоря, в таких случаях вред (смерть посягающего) явно (однозначно, бесспорно, без сомнения, очевидно) не отвечает опасности посягательства, например, при мелком хулиганстве, нанесении умышленного легкого или средней тяжести телесного повреждения, неосторожном нанесении телесных повреждений, незаконном завладении транспортным средством. При превышении пределов достаточного вреда лицо, защищаясь от посягательства, осознает свое явное преимущество над посягающим и без необходимости лишает его жизни, что выглядит как демонстративная месть, отплата. Такое преимущество может проявиться в значительно большей физической силе, наличии оружия или других технических средств или предметов. Следовательно, в случае убийства при превышении пределов необходимой обороны смерть причинена без надобности, виновный мог защитить правоохраняемые интересы путем нанесения меньшего вреда, в частности телесных повреждений. Когда же имеет место покушение на убийство, то содеянное не может квалифицироваться по ст. 118 УК Украины. Однако при наличии оснований, виновный может привлекаться к уголовной ответственности по ст. 124 УК Украины.

При установлении превышения пределов необходимой обороны, как разъяснил Пленум Верховного Суда Украины, суды должны учитывать не только соответствие или несоответствие орудий защиты и нападения, но и характер опасности, угрожавшей защищаемому, обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил нападающих и защищающихся, место и время, внезапность нападения, неготовность к его отражению, количество нападающих и защищающихся, их физические данные (возраст, пол, инвалидность, состояние здоровья) и др.. Вместе с тем необходимо выяснить, имело ли лицо, которое защищалось, реальную возможность эффективно пресечь общественно опасное посягательство другими средствами, с причинением посягающему меньшего вреда, и почему оно не использовало такой возможности. Однако когда имеет место посягательство группы лиц, которая количественно превосходит защищающихся, действует агрессивно, с очевидной угрозой для жизни

или здоровья, то для защиты обороняющиеся имеют право применять такие средства, которые имеются в наличии. При этом переход использованных для нападения оружия и других предметов от нападающих к лицу, которое защищается, не всегда является свидетельством окончания посягательства (постановление Пленума Верховного Суда Украины от 26.04.2002 «О судебной практике по делам о необходимой обороне»).

В соответствии с ч.5 ст.36 УК Украины применение оружия либо других технических средств или предметов не является превышением пределов необходимой обороны, если они использованы для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для пресечения противоправного насильственного вторжения в жилье или другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему.

Необходимо отметить, что применение оружия, специальных средств и мер физического воздействия работниками правоохранительных органов как при необходимой обороне, так и при задержании преступника, определяется специальными нормативными актами, которые регулируют их деятельность. Это, в частности, Законы Украины: от 20 декабря 1990 г. «О милиции», от 25 марта 1992 г. «О Службе безопасности Украины», от 18 февраля 1992 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», от 4 ноября 1991 г. «О Пограничных войсках Украины». Согласно ст.2 Закона Украины от 23 декабря 1993 г. «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов» к числу работников правоохранительных органов относятся сотрудники: прокуратуры, внутренних дел, службы безопасности, таможни, охраны государственной границы, государственной налоговой службы, государственной лесной охраны, а также другие органы, которые осуществляют правоприменительные или правоохранительные функции. Если для физических лиц необходимая оборона и задержание преступника является субъективным правом и моральной обязанностью, то для соответствующих работников правоохранительных органов, наделенных правами в сфере борьбы с преступностью, они являются не только правом, но и служебной обязанностью. Обязанности работников милиции четко определены в ст.10 Закона Украины «О милиции».

Работники милиции обязаны обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок, выявлять, предотвращать, прекращать и раскрывать преступления, принимать с этой целью оперативно-розыскные и профилактические меры, разыскивать лиц, которые скрываются от органов дознания, следствия и суда, уклоняются от отбывания наказания. Для выполнения этих и других обязанностей им предоставлено право применять огнестрельное оружие, специальные средства и физическую силу. В соответствии со ст.12 Закона Украины «О милиции» их применению должно предшествовать предупреждение о намерении их

использования (если позволяют обстоятельства). Без предупреждения физическая сила, специальные средства и оружие могут применяться, если возникла непосредственная угроза жизни или здоровью граждан или работников милиции.

Запрещается применение мер физического влияния, специальных средств и огнестрельного оружия к женщинам с явными признаками беременности, лицам преклонного возраста или с выраженными признаками инвалидности и малолетних, кроме случаев совершения ими группового нападения, угрожающего жизни и здоровью людей, работников милиции, вооруженного нападения или вооруженного сопротивления.

В случае невозможности избежать применения силы она не может превышать меры, необходимые для выполнения возложенных на милицию обязанностей, должна сводиться к минимуму возможности нанесения вреда здоровью правонарушителей и других граждан.

Применение работником милиции оружия регулируется ст.15 Закона Украины «О милиции», в котором указано, что как крайняя мера он имеет право применять оружие:

1) для защиты граждан от нападения, угрожающего их жизни и здоровью, а также освобождения заложников;

2) для отражения группового или вооруженного нападения на работника милиции или членов его семьи или другого нападения, если их жизни или здоровью угрожает опасность;

3) для отражения нападения на охраняемые объекты, конвои, обитаемые помещения граждан, помещения государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций, а также освобождения их в случае захвата;

4) для задержания лица, которого застали при совершении тяжкого преступления, пытавшегося убежать;

5) для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, пытающегося убежать из-под стражи, а также вооруженного лица, угрожающего применением оружия и других предметов, опасных для жизни и здоровью работника милиции;

6) для остановки транспортного средства путем его повреждения, если водитель своими действиями создает угрозу жизни или здоровью граждан или работника милиции.

Запрещается применять и использовать огнестрельное оружие при значительном скоплении людей, если от этого могут пострадать посторонние лица.

Работники милиции имеют право использовать оружие для подачи сигнала тревоги или вызова помощи, для обезвреживания животных, которые угрожают жизни или здоровью граждан или работника милиции.

Работникам милиции согласно ст.14 Закона Украины «О милиции» предоставлено право применять специальные средства:

наручники, резиновые палки, средства связывания, слезоточивые вещества, светозвуковые устройства отвлекающего действия, устройства для открытия помещений, принудительной остановки транспорта, водометы, бронемашин и другие специальные транспортные средства, а также использовать служебных собак:

1) для защиты граждан и самозащиты от нападения и других действий, которые создают угрозу их жизни или здоровью;

2) для прекращения массовых беспорядков и групповых нарушений общественного порядка;

3) для отражения нападения на здания, помещения, сооружения и транспортные средства независимо от их принадлежности или их освобождения в случае захвата;

4) для задержания и доставки в милицию или другое служебное помещение лиц, которые совершили правонарушение, а также для конвоирования и задержания лиц, задержанных и представленных к аресту, если последние оказывают сопротивление работникам милиции или есть основания считать, что они могут совершить побег или нанести вред окружающим или себе;

5) для прекращения массового захвата земли и других действий, которые могут привести к столкновению групп, населения, а также деяний, которые парализуют работу транспорта, жизнедеятельность населенных пунктов, посягают на общественный покой, жизнь и здоровье людей;

6) для прекращения сопротивления работнику милиции и другим лицам, которые выполняют служебные или общественные обязанности по охране общественного порядка и борьбе с их преступностью;

7) для освобождения заложников.

Вид специального средства, время начала и интенсивность его применения определяются с учетом сложившейся обстановки, характера правонарушения и личности правонарушителя.

Нарушение установленного законом порядка деятельности работника правоохранительного органа, в том числе и порядка применения оружия и специальных средств, может образовать состав преступления, предусмотренный ст. 365 УК Украины (превышение власти или служебных полномочий). При этом умышленное убийство, совершенное служебным лицом при превышении границ необходимой обороны, подлежит квалификации по ст. 118 УК Украины. В этом случае также имеет место конкуренция нормы сотячающим обстоятельством (ч. 3 ст. 365 УК Украины) и нормы со смягчающим обстоятельством (ст. 118 УК Украины), которое и применяется.

Иногда причинение смерти посягающему совершается в состоянии сильного душевного волнения (физиологического аффекта), вызванного общественно опасным посягательством. Если в такой ситуации лицо не могло оценить соответствие причиненной смерти опасности

посягательства или обстановке защиты, то оно не подлежит уголовной ответственности из-за отсутствия вины (ч. 4 ст. 36 УК Украины). Однако когда лицо, несмотря на состояние сильного душевного волнения, осознавало, что причинение смерти явно не отвечает опасности посягательства или обстановке защиты, то лишение жизни надлежит квалифицировать по ст. 118 УК Украины, а состояние сильного душевного волнения учесть как обстоятельство, смягчающее наказание (п. 7 ст. 66 УК Украины). В этом случае, в сущности, имеет место конкуренция двух норм со смягчающими обстоятельствами: ст. 116 УК Украины – умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, и ст. 118 УК Украины – умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника. Применению подлежит норма с более смягчающим обстоятельством – ст. 118 УК Украины.

Состояние сильного душевного волнения может привести к возникновению патологического аффекта – полной потери лицом контроля над своими действиями. В таких случаях лицо не подлежит уголовной ответственности, к нему по решению суда могут быть применены принудительные меры медицинского характера (ч. 2 ст. 19 УК Украины).

Уголовный закон (ст. 36 УК Украины) не ограничивает право на необходимую оборону случаями совершения конкретных видов преступлений. В ч. 1 ст. 36 УК Украины содержится только указание на необходимость «немедленного предотвращения или пресечения посягательства», что, как отмечалось, является одним из элементов основания необходимой обороны.

В правоприменительной практике бывают случаи, когда превышение пределов необходимой обороны является последствием ошибки. Речь идет о так называемой преждевременной или запоздалой обороне, когда лицо ошибается относительно наличия общественно опасного посягательства. Решение вопроса квалификации совершенного в этих случаях следует проводить на основании законодательных положений о мнимой обороне, закрепленных в ст. 37 УК Украины. В ч. 1 данной статьи указано, что мнимой обороной признаются действия, связанные с причинением вреда при таких обстоятельствах, когда реального общественно опасного посягательства не было, и лицо, неправильно оценивая действия потерпевшего, ошибочно предполагало наличие такого посягательства.

В соответствии с ч. 2 ст. 37 УК Украины мнимая оборона исключает уголовную ответственность за причиненный вред лишь в случаях, когда сложившаяся обстановка давала достаточные основания считать, что имело место реальное посягательство, и лицо не осознавало и не могло осознать ошибочности своего предположения.

Причинение смерти посягающему при мнимой обороне может квалифицироваться по ст. 118 УК Украины при наличии двух условий: 1) лицо

добросовестно ошиблось относительно наличия общественно опасного посягательства, т. е. не осознавало и не могло осознать ошибочности своего предположения о наличии посягательства: 2) лицо превысило пределы защиты, допустимые в условиях соответствующего реального посягательства, причинив смерть посягающему. При таких условиях содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 37 и ст. 118 УК Украины. Когда же лицо причинило смерть при недобросовестной ошибке, т. е. когда оно не осознавало, но по обстоятельствам дела могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, оно подлежит ответственности за убийство по неосторожности (ст. 119 УК Украины). Также по ст. 119 УК Украины необходимо квалифицировать действия виновного, который при обороне случайно причинил смерть непричастному к нападению лицу.

Правомерное задержание преступника потерпевшим или другими лицами – это насильственные действия, предпринятые непосредственно после совершения лицом преступления и направленные на краткосрочное лишение свободы такого лица с целью доставки его органам власти, если эти действия вызваны необходимостью задержания и отвечают опасности совершенного посягательства и обстановке задержания. Основанием задержания лица является совершение им преступления. В ч. 1 ст. 38 УК Украины указано: «после совершения посягательства». В этом случае под понятием «посягательство», как представляется, следует понимать покушение на преступление или законченное преступление. Задержание характеризуется: 1) целью; 2) лицом, которое подлежит задержанию; 3) характером действия при задержании; 4) своевременностью; 5) необходимостью причинения вреда; 6) соразмерностью вреда, причиненного преступнику при его задержании.

Теоретически обоснованным является возражение П. П. Андрушко относительно преждевременного признания посягающего преступником. В ст. 38 УК Украины употреблено понятие «лицо, совершившее преступление». Согласно ст. 62 Конституции Украины преступником может признать лишь суд. Другими словами, совершение лицом объективно общественно опасного посягательства автоматически не делает его преступником. В ряде случаев может оказаться, что такое лицо не является субъектом преступления или действовало невиновно. Кроме того, не исключается ошибочное задержание лица, которое не совершило посягательство. Важно и то, что оценка потерпевшего или иных лиц о совершении задерживаемым преступления может оказаться ошибочной, не совпадающей с оценкой суда. Поэтому до вынесения судом обвинительного приговора и вступления его в законную силу лицо нельзя считать преступником. Следовательно, следует согласиться с предложением П. П. Андрушко о целесообразности употребления вместо понятия «лицо, совершившее преступление» другого понятия – «лицо, совершившее

общественно опасное посягательство». Между тем, на наш взгляд, употребляя понятие «лицо, совершившее преступление», законодатель имеет в виду те случаи, когда совершенное лицом явно, однозначно, бесспорно является преступлением, в частности, убийство, нанесение телесных повреждений, изнасилование, бандитизм, грабеж, разбой, терроризм, захват заложника и т. п.

Каждое лицо имеет право и моральную обязанность на задержание лица, совершившего преступление, с целью доставки его соответствующим органам власти. Понятие «соответствующие органы власти» не определено в уголовном законе. Таким органом власти может быть ближайший к месту задержания орган исполнительной власти, в том числе и органы милиции, органы самоуправления, прокуратуры, а также суд. Например, в селе таким органом может быть исполком сельского Совета или участковый уполномоченный милиции.

Действующим законодательством Украины на должностных лиц правоохранительных органов возложена обязанность задерживать лиц, совершивших преступление. В связи с этим им предоставлены определенные полномочия. В частности, в соответствии со ст. 106 УПК Украины орган дознания вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из таких оснований: а) когда это лицо застали при совершении преступления или непосредственно после совершения преступления; б) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившего преступление; в) когда на подозреваемом, его одежде, при нем или в его жилье будут найдены явные следы преступления. При наличии других данных, которые дают основания подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано лишь в том случае, когда пыталось убежать, не имеет постоянного места жительства, не установлено место проживания.

В ч. 1 ст. 38 УК Украины указано, что действия относительно задержания лица, совершившего преступление, является правомерным, когда они совершены «непосредственно после совершения преступления». Это требование не касается работников правоохранительных органов, деятельность которых, как отмечалось, определяется специальными нормативными актами. Однако это совсем не означает, что срок для задержания преступника в этом случае является неограниченным. На наш взгляд, здесь следует исходить из сроков давности, установленных ст. 49 и ст. 80 УК Украины.

Закономерно возникает вопрос об ответственности лица, которое не является работником правоохранительного органа, за вред, причиненный задерживаемому лицу, совершившему преступление, не «непосредственно после совершения посягательства», а через некоторое время после этого. Если исходить из законодательной формулировки ч. 1 ст. 38 УК Украины,

то такое задержание будет несвоевременным, а следовательно, незаконным. Поэтому ответственность за причиненный вред должна наступать на общих основаниях.

Превышением мер, необходимых для задержания преступника, как следует из ч.2 ст.38 УК Украины, признается умышленное причинение лицу, совершившему преступление, тяжкого вреда, который явно (однозначно, бесспорно, несомненно, очевидно) не отвечает опасности посягательства или обстановке задержания преступника.

Уголовная ответственность за умышленное или неосторожное причинение вреда не задерживаемому, а посторонним лицам, в том числе его родным или близким, наступает на общих основаниях.

Причинение при превышении мер, необходимых для задержания преступника, нетяжкого вреда преступнику: лишение свободы, нанесение ударов, побоев, причинение легких или средней тяжести телесных повреждений, причинение вреда имуществу не является уголовно наказуемым.

Под тяжким вредом, как следует из ч.2 ст.38 УК Украины, следует понимать умышленное причинение задерживаемому смерти или тяжких телесных повреждений. Как видим, открытым остается вопрос о пределе причинения вреда имуществу задерживаемого. Если выходить из ч.2 ст.38 УК Украины, причинение любого вреда имуществу преступника не является превышением мер, необходимых для его задержания, что, на наш взгляд, может приводить к существенному нарушению прав последнего. Причинение имущественного вреда должно иметь определенные законодателем рациональные границы. Допустимым следует признавать причинение при задержании преступника вреда его одежде, транспортному средству, на котором уклоняется от задержания. Нерациональным и недопустимым, например, будет поджог дома, в котором находится преступник, с целью вынудить его сдаться, а также причинение иным способом умышленного уничтожения или повреждение имущества в больших или особенно больших размерах. Умышленное же уничтожение или повреждение имущества преступника без цели задержания, например из мести, надлежит квалифицировать по ст.194 УК Украины.

П.П.Андрушко подчеркивает, что как превышение мер, необходимых для задержания преступника, должно, в частности, рассматриваться: 1) причинение тяжкого вреда лицу, которое совершило незначительное по степени и характеру общественной опасности посягательство; 2) причинение без необходимости тяжкого вреда при возможности причинить меньший по размеру вред; 3) причинение вреда, если была возможность осуществить задержание без него; 4) причинение вреда в случае, если вообще не было необходимости немедленно осуществлять задержание и доставлять лицо, которое совершило преступление, в соответствующие органы. Относительно приведенных П.П.Андрушко третьего и четвертого

случаев превышения мер, необходимых для задержания, есть сомнение. Дело в том, что в таких случаях следует тщательно выяснять наличие всех признаков задержания. Скажем, если убийство совершено лицом преднамеренно, а не с целью задержания или при несвоевременном задержании, то деяние следует квалифицировать по соответствующей части ст. 115 или по ст. 116 УК Украины. Также следует поступать при отсутствии оснований задержания. Действия же должностных лиц, например органа дознания, следствия или прокуратуры, проявившиеся в заведомо незаконном задержании, повлекшем смерть задерживаемого, надо квалифицировать по ч. 3 ст. 371 и по соответствующей части ст. 115 УК Украины, поскольку, на наш взгляд, умышленное убийство не охватывается ч. 3 ст. 371 УК Украины.

При превышении пределов необходимой обороны, а также мер, необходимых для задержания преступника, попытка лица пресечь нападение подменяется попытками достичь результата какими-либо средствами и методами, не считаясь с возможными последствиями, которые, в сущности, игнорируются (чаще всего) или воспринимаются как вполне допустимые. Вследствие этого действия относительно защиты или задержания изменяют свой характер: с одной стороны, они продолжают оставаться общественно полезными, а с другой стороны, – приобретают общественно опасные качества, которые делают деяние относительно защиты или задержания в целом более общественно опасным, чем само посягательство.

Важно отметить, что умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или в случае превышения мер, необходимых для задержания преступника, может быть совершено при наличии признаков, предусмотренных п. 1, 2, 4, 5, 13 ч. 2 ст. 115 УК Украины. В таком случае имеет место конкуренция нормы со смягчающими обстоятельствами и нормы с отягчающими обстоятельствами. Применению подлежит норма со смягчающими обстоятельствами, т. е. ст. 118 УК Украины.

Субъективная сторона убийства при превышении пределов необходимой обороны или в случае превышения мер, необходимых для задержания преступника, характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла.

Цель преступления совпадает с целью необходимой обороны и задержания преступника, а именно: достичь соответствующего позитивного результата – предотвратить посягательство или пресечь его, либо задержать преступника и доставить его соответствующим органам власти.

Мотив не является обязательным признаком субъективной стороны анализируемого преступления. Мотивация поведения субъекта обусловлена состоянием необходимой обороны, мнимой обороны или состояния задержания преступника. Субъект преступления специальный – физическое, в том числе должностное, лицо в возрасте 16 лет, находившееся в

состоянии необходимой обороны, мнимой обороны или задержания лица, совершившего преступление.

§5. Убийство по неосторожности.

Уголовный кодекс Украины предусматривает ряд преступлений, одним из преступных последствий которых является наступление смерти по неосторожности (ч. 4 ст. 152, ч. 3 ст. 153, ч. 3 ст. 258, ч. 2 ст. 265, ч. 2 ст. 267, ч. 2 ст. 269, ч. 2 ст. 271, ч. 2 ст. 272, ч. 2 ст. 273, ч. 2 ст. 274, ч. 2 ст. 275, ч. 3 ст. 276, ч. 3 ст. 277, ч. 3 ст. 278 и др.). В названных и других случаях охраняемые уголовным законом общественные отношения по обеспечению жизни человека являются дополнительным непосредственным объектом. Основным же объектом являются иные общественные отношения. Например, объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 267 УК Украины, выступают общественные отношения по обеспечению общественной безопасности, а преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 276 УК Украины, – общественные отношения по обеспечению безопасности движения и эксплуатации транспорта. Упомянутые нормы Уголовного кодекса Украины – специальные по отношению к ст. 119 УК Украины. При конкуренции общей и специальной норм в соответствии с выработанными теорией уголовного права принципами квалификации применяется специальная норма.

Убийство по неосторожности менее общественно опасно, чем умышленное убийство. Оно может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия. С.С.Яценко и С.Д.Шапченко выделяют такие типичные варианты проявления и квалификации деяния при убийстве по неосторожности:

а) действие (бездействие), повлекшее наступление смерти, имеет сознательный, целеустремленный характер, однако само по себе умышленным преступлением не является или таким не признано (например, виновный отталкивает потерпевшего, последний падает, от толчка ударяется головой об острый выступ ступеньки и получает смертельную травму); при наличии неосторожной вины к смерти потерпевшего деяние должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 119 УК Украины;

б) действие (бездействие), повлекшее наступление смерти, имеет сознательный, целеустремленный характер и предусмотрено как признак другого умышленного преступления, но состав не включает смерть потерпевшего или причинение ему тяжкого телесного повреждения как обязательный или альтернативный признак объективной стороны (например, основной или квалифицированные составы хулиганства); при наличии неосторожной вины к смерти потерпевшего содеянное должно рассматриваться как совокупность преступлений и квалифицироваться по соответствующей статье (части статьи) Особенной части УК Украины (в приведенном примере – по соответствующей части ст. 296 и по ч. 1 ст. 119 УК Украины);

в) действие (бездействие), повлекшее наступлению смерти, имеет сознательный, целеустремленный характер, предусмотрено как признак состава другого умышленного преступления, и этот состав включает причинение пострадавшему тяжкого телесного повреждения как обязательный или альтернативный признак его объективной стороны (например, ч. 4 ст. 187, ч. 4 ст. 189 УК Украины); при наличии неосторожной вины к смерти потерпевшего деяние образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи Особенной части УК Украины, содержащей квалифицирующий признак «соединенное с причинением тяжкого телесного повреждения», и по ч. 1 ст. 119 УК Украины;

г) действие (бездействие), повлекшее наступление смерти, имеет сознательный, целеустремленный характер, предусмотрено как признак другого умышленного состава преступления, и этот состав включает смерть потерпевшего как обязательный или альтернативный признак его объективной стороны (например, ч. 3 ст. 110, ч. 3 ст. 258 УК Украины); при наличии неосторожной вины к смерти потерпевшего деяние квалифицируется по соответствующей части статьи Особенной части УК Украины и дополнительной квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 119 УК Украины не требует.

Анализ судебной практики свидетельствует, что убийства по неосторожности нередко совершаются при хозяйственной деятельности или в процессе взаимодействия людей на бытовом уровне или во время досуга. Они являются последствием нарушения принятых в обществе правил осторожности, безопасности или небрежного отношения к своим профессиональным обязанностям. Чаще всего убийства по неосторожности являются результатом неосторожного поведения лица с транспортными средствами, механизмами, электрическим током, огнем, взрывчатыми, отравляющими веществами или последствием умышленного нанесения потерпевшему телесных повреждений, удара, побоев или сброса с небольшой высоты.

Убийство по неосторожности при преступной самоуверенности имеет место в тех случаях, когда лицо, совершая деяние, предвидело возможность наступления смерти человека, но легкомысленно рассчитывало на ее предотвращение.

Убийство, совершенное при преступной самоуверенности необходимо отграничивать от убийства, совершенного с косвенным умыслом. В последнем случае виновный предвидит не только возможность, но и реальность наступления смерти потерпевшего именно в этом случае, т. е. он сознательно допускает возможность наступления смерти конкретного потерпевшего и соглашается или относится безразлично к такому результату собственного деяния. Отношение же к наступлению смерти при преступной самоуверенности заключается в том, что лицо, предвидя такой результат, рассчитывает на какие-то конкретные обстоятельства

(собственные способности, физическую силу, опыт, поведение других людей, силы природы, физические или химические законы, технические свойства транспортного средства, других машин и механизмов и т. п.), которые помешают наступлению смерти, но этот его расчет оказался необоснованным, легкомысленным. Предвидение возможности наступления смерти при преступной самоуверенности носит абстрактный, неконкретизированный, не персонифицированный характер. Например, В. ограждал территорию огорода колючей проволокой, подключив к ней электрический ток с напряжением 220 вольт. Через каждые 3–4 метра он вывесил предупредительные плакаты: «Внимание! Электрический ток 220 вольт! Не влезай – убьет!» С., намереваясь поживиться овощами с огорода В., перелезая через ограждение, схватил руками обнаженный провод под напряжением и погиб. В этом случае В. предвидел в общих чертах, что от контакта человека с колючей проволокой, находящейся под электрическим напряжением 220 вольт, может наступить смерть каго-то, но рассчитывал, что вывешенные им предупредительные плакаты позволят предотвратить это последствие.

Особенностью волевого признака вины как при косвенном умысле, так и при преступной самоуверенности является то, что в обоих случаях лицо не желает наступления смерти потерпевшего.

Убийство при преступной небрежности, исходя из ч.3 ст.25 УК Украины, имеет место тогда, когда лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий в виде смерти пострадавшего, хотя должно и могло это предвидеть, если бы действовало более осмотрительно. Таким образом, причиняя смерть потерпевшему, оно не осознает общественной опасности своего деяния. Нарушение правил безопасности при убийстве по преступной небрежности охватывается сознанием лица. Однако его сознательное отношение к нарушению этих правил не является свидетельством желания или сознательного допущения наступления смерти, что характерно соответственно для убийства с прямым и косвенным умыслом. Нет в этом случае и абстрактного предвидения возможности наступления смерти человека, как это имеет место при убийстве при преступной самоуверенности. Например, К., Г. и Б. употребляли в лесу спиртные напитки. Между К. и Г. возникла ссора, в ходе которой К. дважды ударил Г. рукой по лицу. После первого удара потерпевший ударился головой об дерево, а после второго – упал на землю. К. просил Б. отвести Г. в комендатуру, где тот отбывал наказание, но Б. отказался, и они оставили потерпевшего в лесу. В судебном заседании было установлено, что черепно-мозговая травма, которая стала причиной смерти, была не только результатом непосредственных действий К., но и того, что Г. ударился головой об дерево. Суд признал, что К. не предвидел возможности причинения смерти Г., хотя должен и мог это предвидеть. Другой пример. После выполнения работы Д. и Ш. возвращались на

тракторе к месту стоянки тракторной бригады. Дорогой произошла поломка гусеницы, и они остановились, чтобы отремонтировать ее. Д., по команде К. неоднократно сдвигал трактор вперед и назад для того, чтобы Ш. мог забить «палец» для соединения траков гусеницы. В очередной раз Д., сдвигая назад, своевременно не остановил трактор, в связи с чем совершил наезд на Ш., который вследствие этого погиб¹.

От убийства по неосторожности нужно отличать невинное причинение смерти другому человеку (казус, объективный случай), что исключает уголовную ответственность. Относительно его понятия в теории уголовного права высказаны разные мнения. Условно можно выделить широкое и узкое понимание казуса. Широкое понимание казуса нашло свое обоснование в российской теории уголовного права и соответственно закрепления в ст. 28 УК РФ. Узкое понимание казуса свойственно для украинской уголовно-правовой науки. В частности, П. С. Матишевский пишет, что для невинного причинения вреда (казуса) характерно, что лицо не осознавало и не могло осознавать общественную опасность своего действия (бездеятельности) или не предвидело, не должно или не могло предвидеть наступления общественно опасного последствия². В. И. Борисов, обращая внимание на то, что случай (казус) рассматривается в юридической литературе как самостоятельный вид психического отношения к общественно опасным последствиям, подчеркивает, что он имеет место тогда, когда последствия, которые наступили, находятся в причинной связи с действием (бездействием) лица, которое, однако, не только не предвидело возможности их наступления, но и не могло их предвидеть³.

Из имеющихся определений казуса наиболее полными представляется определение П. С. Матишевского, в нем присутствует как признак неосознания общественно опасного деяния, так и признак непредвидения общественно опасных последствий, которые характеризуют интеллектуальный признак казуса. Волевой же признак сводится к тому, что лицо не желает и сознательно не допускает наступления общественно опасных последствий.

Таким образом, невинное причинение смерти другому человеку (казус, объективный случай) имеет место тогда, когда лицо, которое его совершило, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своего деяния, или по обстоятельствам дела не предвидело, не должно или не могло предвидеть возможности наступления смерти человека. При данных обстоятельствах лицо, причинившее смерть другому человеку, не подлежит уголовной ответственности из-за отсутствия состава преступления.

¹ Бюлетень законодавства і юридичної практики України. 1993. № 4. С. 131.

² См.: Матишевський П. С. Уголовное право Украины. Общая часть. С. 121.

³ См.: Уголовное право Украины. Общая часть. Киев, 2001. С. 159.

Субъектом убийства по неосторожности является лицо, достигшее возраста 16 лет.

В тех случаях, когда причинение смерти по неосторожности является последствием превышения должностным лицом власти или служебных полномочий, оно охватывается понятием «тяжкие последствия» и поэтому деяние квалифицируется по ч. 3 ст. 365 УК Украины; дополнительной квалификации по ст. 119 УК Украины не требуется. Такой является позиция Пленума Верховного Суда Украины, которая представляется правильной¹.

Квалифицирующим признаком по ч. 2 ст. 119 УК Украины является убийство по неосторожности двух или более лиц. В данном случае общественно опасные последствия – наступление смерти двух или больше лиц – выступают признаком объективной стороны единичного преступления. При реальной совокупности двух или более убийств по неосторожности имеет место их повторность.

§ 6. Доведение до самоубийства

Объективная сторона преступления характеризуется: а) общественно опасным деянием в виде жестокого обращения с потерпевшим, шантажа, принуждения к противоправным действиям или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего; б) общественно опасными последствиями в виде самоубийства потерпевшего или его покушение на самоубийство; в) причинной связи между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями.

В УК Украины определен исчерпывающий перечень уголовно наказуемых способов доведения до самоубийства, а именно: жестокое обращение с потерпевшим, шантаж, принуждение к противоправным действиям или систематическое унижение человеческого достоинства. Иные способы, даже если они привели к самоубийству потерпевшего, не могут влечь ответственности по ст. 120 УК Украины.

Под жестоким обращением Пленум Верховного Суда Украины в постановлении «О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья личности» понимает безжалостные, грубые деяния, которые причиняют физические или психические страдания (систематическое нанесение телесных повреждений или побоев, лишения пищи, воды, одежды и т. п.). Шантаж – это запугивание потерпевшего какими-либо последствиями, которые могут постигнуть его или близких ему людей, если потерпевший не совершит конкретное действие или не воздержится от его совершения. Пленум Верховного Суд Украины определяет систематическое унижение человеческого достоинства как длительное унижительное отношение к потерпевшему (постоянные оскорбления,

¹ См.: Про судову практику в справах про злочини проти життя і здоров'я особи: постанова Пленуму Верховного Суду України № 2 від 7 лютого 2003 р.; Про судову практику в справах про перевищення влади або службових повноважень: постанова Пленуму Верховного Суду України від 26 грудня 2003 р. № 15.

глумление и т. д.). Принудить к противоправным действиям означает заставить потерпевшего совершить деяние, которое противоречит нормам права.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме умысла или неосторожности.

Субъект преступления – лицо, достигшее возраста 16 лет.

Квалифицированными видами данного преступления является доведение до самоубийства или покушения на самоубийство: а) лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного; б) двух или более лиц. Под материальной зависимостью понимают полное или частичное пребывание потерпевшего на содержании виновного; под иной зависимостью – служебную, брачную, зависимость пациента от врача, зависимость подозреваемого от работника дознания или следствия и т. д.

Доведение до самоубийства или покушения на самоубийство несовершеннолетнего образует особо квалифицированный состав.

§ 7. Угроза убийством

В УК Украины отсутствует определение угрозы; до сих пор не разработано общепризнанной дефиниции и уголовно-правовой доктрины. Одни ученые рассматривают ее как принуждение, другие подразумевают под угрозой запугивание. Некоторые авторы понимают угрозу как психическое воздействие, направленное на запугивание потерпевшего. Угроза может выражаться разными способами: устно, письменно, жестами непосредственно потерпевшему или через третьих лиц.

Выделяют такой обязательный признак угрозы, как ее реальность. Она означает, что существуют достаточные основания опасаться приведения ее в исполнение. О реальности угрозы могут свидетельствовать обстоятельства, которые ее сопровождают, вытекают из предыдущих взаимоотношений виновного и потерпевшего, характеризуют личность виновного в целом.

Состав преступления – формальный, преступление считается оконченным в момент выражения угрозы.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознанно высказывает угрозы, рассчитанные на восприятие их потерпевшим как реальных, и желает поступить таким образом.

Субъект преступления – лицо, достигшее возраста 16 лет.

Квалифицированными видами угрозы убийством являются совершение этого преступления членом организованной группы или по мотивам расовой, национальной или религиозной нетерпимости.

* * *

Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / Монография. / П. А. Андрушко, А. А. Арямов, Н. А. Бабий [и др.]: отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2014. – Глава I. – С. 7 – 113.

УСТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ

Генезис института уголовной ответственности коллективных субъектов состоялся давно. Его корни мы находим, например, в «Русской Правде» и «Саксонском зеркале».

Весомым толчком к научному осмыслению этого института уголовного права послужили европейские буржуазные революции. С бурным развитием капиталистических общественных отношений возросла роль корпораций экономической и общественной жизни. Несмотря на общее позитивное значение роста корпораций и их роли в общественной жизни, возникла ситуация, когда деятельность корпораций, в ряде случаев, входила в противоречие с действующим законодательством, а иногда становилась общественно опасной. С другой стороны, новоявленные буржуазные государства стремились обеспечить нормативное регулирование на уровне законодательства деятельности всех субъектов общественных отношений, особое внимание уделяя корпорациям. Средств административного и гражданского законодательства оказалось недостаточно. Остро возник вопрос о введении уголовной ответственности корпораций. На этом фоне в научных кругах развернулась дискуссия о целесообразности такого нововведения, которая продолжается и поныне.

Противники установления уголовной ответственности корпораций (юридических лиц) утверждали и утверждают, что это противоречит новым гуманистическим принципам уголовного права: ответственность при наличии вины и индивидуальной (личной) ответственности. Так, отдельные ученые-юристы утверждали, что корпорация, будучи юридической фикцией, не соответствует закрепленным в законе требованиям *actus reus* (виновное действие) и *mens rea* (виновная воля, вина). Уголовное право – отмечал еще в 1879 г. Р. Филлимор в Комментариях по международному публичному и частному праву – имеет дело с физическими лицами – существами мыслящими, имеющими волю. Юридические лица не имеют этих атрибутов, хотя посредством представительства и системы управления воля определенных индивидов рассматривается как воля корпорации, но только в определенных пределах. Для того чтобы было основание для применения уголовного закона, необходима индивидуальная воля [8, 5].

Наряду с этим другие ученые доказывали, что есть основания для уголовной ответственности корпораций. Среди значительного количества концепций того времени новизной отличалась теория яркого представителя школы постглоссаторов Бартоло. Он пытался обосновать уголовную деликтоспособность коллективных образований следующим образом. В основу деликтоспособности сообщества он ставил деяния его членов.

При этом наказуемые деликты, которые должны были вменяться в вину сообществу, он разделял на две категории. К первой из них он относил деликты, которые проявлялись в действиях членов коллективного образования, физических лиц в составе руководящего органа, а также деяния самих руководителей (*delictapropria*). Ко второй категории – деликты отдельных членов сообщества, выполнявших решения руководящих органов (*delictaimpropria*). За нарушение первого вида (*delictapropria*) члены коллективного образования должны были подлежать ответственности как соучастники, а корпорация, в лице органов управления – как исполнитель. За нарушение второго вида (*delictaimpropria*), согласно теории Бартоло, коллективное образование должно было подлежать ответственности как подстрекатель или организатор, а отдельные его члены как исполнители. При этом невинные члены общины – дети, невменяемые лица, а также все те, кто не был причастен к правонарушению или преступлению, освобождались бы от ответственности. В качестве наказания относительно коллективных субъектов согласно этой теории допускались штраф, конфискация, лишение привилегий, лишение определенных прав [16, 272-273].

Теория Бартоло, совершенно очевидно, в известной мере отражала черты принципа личной виновной ответственности и этим весьма существенно отличалась от учения о *personaficta*. В наиболее общем виде различие состояло в том, что наказуемое деяние, совершенное органом коллективного образования, ставилось в вину не сообществу как отвлеченной категории, а конкретным лицам в рамках их личного участия в противоправном деянии.

В последние десятилетия средних веков почти никто уже не спорил о деликтоспособности корпораций, признавая тем самым вслед за Бартоло, что фикция личности корпорации не противоречит ее деликтоспособности, соответственно отсюда допускалась возможность применения наказаний относительно нее. В такой форме учение Бартоло об уголовной ответственности коллективных субъектов было воспринято законодательством Германии и оставалось основой для доктрины и судебной практики довольно длительное время.

В эпоху абсолютизма относительно суверенные города Германии, Италии, Франции и других государств постепенно утрачивали свою самостоятельность. Абсолютизм руководствовался тем, что корпоративные образования должны быть исключены из политической жизни, а индивид, будучи подданным, должен был подвергаться непосредственной юрисдикции государства. Поэтому возможность наказания коллективных субъектов становилась маловероятной. Для абсолютных монархий было свойственно дальнейшее крепление власти, в которой не находилось места иным коллективным образованиям, помимо государственных органов [17, 274].

Однако идеи просветительства привели к изменению ценностей в соотношении «индивид – коллективное образование». Эти изменения дали толчок для развития новых подходов к решению проблемы ответственности коллективных субъектов.

В указанную эпоху можно выделить учение немецкого философа Мальбланка. Он руководствовался тем, что ответственность и наказание коллективного образования является ничем иным, как ответственностью его членов, при наличии у них единой цепи. Суть коллективного образования, по мнению Мальбланка, состоит в единстве деятельности его участников. Этот ученый утверждал, что именно коллективное образование, будучи категорией абстрактной, деликтоспособностью владеть не могло из-за отсутствия у абстрактной категории вины, а также из-за невозможности подлежать наказанию в виде смертной казни или лишения свободы [2, 46].

В это время в Германии стали появляться догматические аргументы против привлечения к ответственности коллективных субъектов. Как отметил Х. Ешек, это спровоцировало появление так называемой «триады контраргументов»: 1) коллективные субъекты не могут совершать самостоятельных действий; 2) к ним нельзя применить такую категорию, как вина; 3) они не могут быть наказаны санкцией, включающей в себя морально-этический элемент [4, 204].

Баварский уголовный кодекс 1813 г. безапелляционно ввел принцип индивидуальной уголовной ответственности, и дискуссия на тему ответственности корпораций в этом государстве завершилась.

Однако в конце XIX в. в связи с развитием хозяйственной сферы и ростом роли корпораций вновь вернулись к вопросу об ответственности коллективных субъектов. В этот период корпорацию признают субъектом преступления в Англии, США и других государствах мира.

Установление уголовной ответственности корпораций в Англии сначала исключалось. Это было обусловлено требованием права о том, что подсудимый сам лично должен явиться в суд. В известной речи английский юрист лорд Эдвард Терлоу, противник привлечения коллективных субъектов к ответственности, утверждал, что у корпорации нет совести, так как она не имеет души и тела, которые можно наказать [1, 8].

Однако в середине XIX в. в государствах общего права (Англия, США) суды начали в отдельных случаях привлекать к уголовной ответственности корпорации за невыполнение собственных обязанностей, возложенных на них законом, а впоследствии и за ненадлежащее совершение правомерных действий, результатом которых стало причинение ущерба обществу [13, 53]. Следует подчеркнуть, что эта вина должна была иметь такой уровень общественной опасности, что применение санкций других отраслей права фактически было неадекватно указанному ущербу.

В Англии было установлено такое правило: в случае преступного поступка (букв. перевод: злоупотребления властью) (*misfeasance*) к ответственности по обвинительному акту всегда мог быть привлечен сам служащий или агент, фактически совершивший преступление. Бездействие (*nonfeasance*), в свою очередь, не может быть поставлено в вину физическому лицу, а только самой корпорации [6, 110].

Признание корпорации субъектом преступления в Англии произошло в середине XIX в. [18, 45]. В 1846 г. Лорд Детлем вынес решение по делу «*The Queen v Great North of England Railway Co.*» (Королева против компании «Великая железная дорога Севера Англии»), в котором отметил, что корпорации могут признаваться субъектом преступления за совершение ненадлежащим образом правомерных действий [11, 12].

Изданный в 1889 г. *International Act* также не исключал возможности признания корпорации субъектом преступления, за исключением преступлений, которые она не может совершить (например, убийство, клевета и др.). С 1944 г. стало возможным привлечение корпораций к ответственности как исполнителей и соучастников. При этом довольно часто используется принцип «*alterego*» [17, 282].

Общие принципы уголовной ответственности юридических лиц были установлены Законом «Об интерпретации» 1978 г., согласно которому корпорация в Англии может подлежать уголовной ответственности за коррупционные деяния, отмывание доходов и финансирование терроризма. Согласно указанному Закону под субъектом, подлежащим ответственности за совершение уставного преступления, если иное не предусмотрено законом, понимается корпорация [17, 281].

Уголовное законодательство США, которое развивалось под влиянием английского общего права, в течение долгого времени вопрос об ответственности корпораций рассматривало в практической плоскости. Так, в 1887 г. был принят Закон о торговле между штатами, а в 1890 г. – антитрестовый уголовный закон Шермана, которые действуют и ныне. С их принятием становится очевидным намерение законодателя осуществлять борьбу с общественно опасными проявлениями деятельности корпораций в сфере экономики путем применения уголовно-правовых санкций к корпоративным субъектам [17, 279].

В США на фоне экономического роста, увеличения количества корпораций, повышения их роли в общественной жизни возникла необходимость более жесткой регламентации и контроля их деятельности. В начале XX в. Конгресс США в Акте Элкинса (*Elkins Act*) сформулировал положение, что действие или бездействие служащего корпорации в пределах своих полномочий считается действием или бездействием самой корпорации. Это положение в 1909 г. рассмотрел Верховный Суд США на предмет его конституционности по делу «*New York Central & Hudson River Railroad Co. v United States*». При слушании апелляции на обвинительный

приговор против *New York Central* за нарушение Акта Элкинса адвокат аргументировал несоответствие Конституции раздела I Акта об ответственности корпорации за действия служащих, агентов и сотрудников тем, что наложение штрафа на корпорацию за действия ее сотрудников сводится к отниманию денег у невинных акционеров и их наказанию без надлежащего судебного процесса. Верховный Суд не согласился с таким утверждением, признав возможность уголовной ответственности корпораций [11, 12].

Уголовную ответственность юридических лиц ввели в законодательство и других государств. Так, в судебной практике Италии и Франции времен XIII-XVI вв. также можно найти значительное количество примеров вынесения судебных решений о наказании городов, общин, гильдий и других корпоративных образований. Итальянские уставы средневековья допускали возможность наказания города, волости, в которых было совершено преступление относительно их господина (например, Римский статут 1362 г.) [7, 33]. В средние века возможность наказания коллектива за действия, совершенные его членом, была предусмотрена в испанском праве, праве Королевства Сицилии, каноническом праве (наказание экскомуники налагалось на целый город или регион) [1, 7].

Среди первых законодательных актов на территории континентальной Европы, которые непосредственно устанавливали уголовную ответственность юридических лиц, упоминается французский Ордонанс 1670 г. В нем был предусмотрен раздел, касающийся наказания обществ, отдельно определивший виды и порядок назначения наказаний для городов [16, 70]. Он предусматривал для корпораций, ассоциаций и других объединений применение наказаний имущественного характера: денежные штрафы, выкупы, выплаты, а для городов, как особых объединений, специфические наказания: разрушение, лишение определенных прав, привилегий или льгот, возмещение причиненного ущерба [14, 3].

Со временем во Франции практика привлечения коллективных субъектов к ответственности была прекращена, и ответственности подлежали исключительно физические лица. Ключевое значение здесь имела Французская революция (1789-1794 гг.), нанеся сокрушительный удар идее ответственности коллективных субъектов, а УК 1810 г. уже не предусматривал уголовной ответственности юридических лиц [18, 307]. Хотя ст. 428 УК Франции 1810 г., отмененная в 1957 г., предусматривала ответственность юридических лиц за нарушение норм о собственности на литературное произведение, в частности, наложение штрафа и конфискацию прибыли. Эти санкции могли применить к любой ассоциации артистов, демонстрировавших в своем театре драматическое произведение с нарушением законов и регламентов о праве собственности их авторов [16, 71]. Однако другими законами Франции предусматривалась уголовная ответственность юридических лиц. Как известно, во Франции

нормы уголовного законодательства предусмотрены не только УК, хотя законодатель стремится к наиболее полной кодификации правовых норм. В частности, в ст. 36 Закона от 9 декабря 1905 г. «Об отделении церкви от государства» указано, что ответственности за неуплату штрафа, назначенного священнику за совершение нарушения так называемого *policedecultes* (законодательства о культах), подлежит религиозная организация [3, 589]. Законом от 19 июля 1934 г. «О морской торговле» была установлена солидарная уголовная ответственность капитана корабля и владельца корабля, который мог быть не только физическим, но и юридическим лицом. Не действующая сегодня ст. 26-2 Кодекса Франции о труде признала предприятие-юридическое лицо ответственным за уплату штрафа и судебных издержек, назначенных его работнику обвинительным приговором суда за совершенное по неосторожности преступление на производстве. Закон от 14 января 1933 г. «О борьбе с торговлей детьми под видом усыновления» предусматривал уголовную ответственность как физических лиц, так и организаций.

Большое значение также имел Ордонанс от 5 мая 1945 г. об уголовном преследовании учреждений печати, сотрудничавших с оккупантами в годы Второй мировой войны. Наряду с физическими лицами – владельцами учреждений печати – уголовной ответственности могло подлежать любое общество, ассоциация, синдикат как исполнитель или соучастник преступного деяния. В сфере вещания (прессы и печатных изданий) в то время очень редко собственниками соответствующих учреждений были физические, а не юридические лица. Соответственно Ордонанс, в принципе, был рассчитан на применение относительно организаций. В этом Ордонансе впервые были определены основания уголовной ответственности юридического лица: а) деяние совершено от имени юридического лица; б) деяние совершено в пользу юридического лица, в) деяние совершено органами или руководителями юридического лица. Предусматривались следующие виды наказаний, которые применялись к юридическому лицу: прекращение деятельности юридического лица с запретом ее восстановления; конфискация имущества (полная или частичная); опубликование приговора суда [15, 50-51].

Такие нормы французского законодательства во многом противоречивы. Иногда к ответственности могли быть привлечены организации, не имевшие статуса юридического лица, нередко в качестве наказания к юридическому лицу применялось тюремное заключение, хотя речь шла об организации [16, 72].

Проект УК Франции, разработанный специальной комиссией в 1934 г., значительное место отводил уголовной ответственности юридических лиц. Согласно положениям этого проекта организация привлекалась бы к ответственности в случае совершения преступления или проступка органами юридического лица, от его имени и с использованием предоставленных

им средств [9, 44]. Однако последующие исторические события, связанные с началом Второй мировой войны, заставили французского законодателя прекратить любые законопроектные работы, поэтому данный проект даже не прошел обсуждения в законодательном органе.

Во второй половине XX в. французские юристы в очередной раз возвращаются к институту уголовной ответственности юридических лиц. Указанная идея в этот период встретила ряд существенных возражений. Последнее обусловлено развитием во Франции в середине XIX в. уже упомянутой теории фикции, которая отрицала существование юридического лица как отдельного, самостоятельного субъекта. Однако это не помешало в УК Франции 1992 г., вступившем в силу с 1994 г., предусмотреть возможность привлечения к уголовной ответственности любого юридического лица, за исключением государства [12, 67].

УК ФРГ был разработан на основе Уголовного Уложения Германской империи 1871 г., которое основывалось на идеях классической школы уголовного права с ее теорией психологического понимания вины, исключавшей возможность привлечения к ответственности корпораций. Необходимость решения этой проблемы обусловлена концентрацией внимания на наличии административной ответственности юридических лиц в законодательстве Германии. Признается, что вопрос вменения в вину – это, главным образом, проблема влияния действий органа корпорации на ответственность целостного субъекта. Решение этого вопроса имеет значение не только для уголовного или административного, но и для гражданского законодательства. В этой связи профессор К. Шмидт рассматривает проблематику вменения в вину за поведение органов объединений. Предпосылки уголовной ответственности, по его мнению, следующие: а) она наступает лишь за действия законных органов корпорации; б) указанные органы действуют как представители объединения; в) эти органы действуют в пределах своей компетенции; г) ответственность наступает перед третьими лицами и обосновывается перед участниками.

В результате длительных дискуссий в ФРГ была введена квазиуголовная (административно-уголовная) ответственность юридических лиц, предусмотренная § 14 УК.

Институт уголовной ответственности коллективных субъектов развивался и в законодательстве ближайших соседей Украины. Так, в Республике Польша одной из первых попыток привлечения юридического лица не только к имущественной ответственности, предусмотренной гражданским законодательством, стал Закон «О картелях» от 13 июля 1939 г., который предусматривал в своих предписаниях возможность привлечения коллективного субъекта к уголовной ответственности [5, 145]. Принятый 16 апреля 1993 г. Закон «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» предусматривал административную ответственность юридических лиц за активное взяточничество [10, 57].

С принятием Закона «Об ответственности коллективных субъектов за действия, запрещенные под угрозой наказания» от 28 октября 2002 г. была введена уголовная ответственность юридических лиц и коллективных субъектов, не имеющих статуса юридического лица.

На протяжении XX в. уголовная ответственность юридических лиц вводится и в законодательстве многих других государств. Так, например, согласно Закону Ирландии «О толковании» 1937 г. уголовное законодательство, касающееся физических лиц, может применяться также к лицам юридическим, в 1947 г. в Японии был принят антимонопольный закон, предусматривавший уголовную ответственность корпораций. В 1976 г. уголовная ответственность юридических лиц была введена в Голландии, Уголовный кодекс которой в ст. 51 наряду с физическим лицом считал возможным привлечь к ответственности и юридическое лицо. Такая ответственность введена в 1982 г. в Португалии, в 1988 г. в Китайской Народной Республике, что интересно, впервые в нормативной практике социалистических государств. В 1991 г. УК Норвегии дополнен секциями 48a и 48b, которые предусматривают ответственность организаций за совершение преступных действий. В 1995 г. юридическое лицо признано субъектом преступления в Финляндии. Уголовная ответственность юридических лиц была предусмотрена УК Бельгии 1999 г. и Законом Словении «Об ответственности юридических лиц за преступные деяния» того же года, в 2002 г. уголовная ответственность юридических лиц введена в УК Эстонии. С 2003 г. такая ответственность введена в Хорватии и Молдове. В 2004 г. уголовная ответственность корпораций появилась в Венгрии. В этом же году в УК Македонии были внесены изменения, которые устанавливали уголовную ответственность этого субъекта права. Кроме того, юридическое лицо подлежит уголовной ответственности в Канаде, Дании, Ирландии, Мальте, Швеции, Албании, Исландии, Черногории, Иордании, Ливане, Сирии, Индонезии, в уголовных кодексах ряда африканских государств (бывших французских колониях), в частности, Того и Кот-д'Ивуар и др.

Относительно континентальной Европы следует отметить, что из 27 государств ЕС в УК большей половины из них юридические лица признаны субъектом преступления. Так, юридическое лицо подлежит уголовной ответственности в таких европейских государствах: а) входящих в состав ЕС (Королевство Бельгия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Венгерская Республика, Королевство Дания, Республика Ирландия, Республика Мальта, Королевство Нидерландов, Республика Польша, Румыния, Республика Словения, Финляндская Республика, Французская Республика, Королевство Швеция, Эстонская Республика), б) не входящих в состав ЕС (Республика Албания, Республика Исландия, Республика Македония, Республика Молдова, Королевство Норвегия, Республика Хорватия, Республика Черногория).

Кроме того, в отдельных государствах предусмотрена квазиуголовная, то есть административно-уголовная ответственность юридических лиц (Австрийская Республика, Итальянская Республика, Королевство Испания, ФРГ).

Заслуживает внимания рассмотрение вопроса об установлении уголовной ответственности юридических лиц на международном уровне, что способствовало внедрению института уголовной ответственности юридических лиц в отдельных зарубежных государствах. Так, начало XX в. ознаменовалось острой дискуссией на тему введения уголовной ответственности юридических лиц на международном уровне. Если раньше допускалась только возможность привлечения юридического лица к уголовной ответственности, но не была разработана ее концепция, то на данном этапе начался процесс предоставления такой ответственности конкретного правового измерения.

В уголовных кодексах большинства государств континентальной Европы, как уже отмечалось, был закреплён классический принцип личной виновенной ответственности, поэтому идея установления уголовной ответственности юридических лиц не находила поддержки. Однако уже в 1929 г. на Международном конгрессе по уголовному праву (AIDP) состоявшемся в Бухаресте, был рассмотрен вопрос о возможности привлечения юридического лица к уголовной ответственности с точки зрения ее соответствия принципу справедливости уголовного права, и была выражена поддержка установлению такой ответственности. Определены три условия, при которых юридическое лицо может подлежать уголовной ответственности: 1) работник выполняет задание юридического лица; 2) работник действует по собственной инициативе, однако в интересах юридического лица; 3) работник выполняет решение, которое было одобрено общим собранием [5, 30]. Постулаты признания юридического лица субъектом преступления также были отражены в аналогичных Конгрессах AIDP в Гамбурге в 1979 г., в Каире в 1984 г., в Рио-де-Жанейро в 1994 г.

Определенное значение для введения уголовной ответственности юридических лиц также имели решения Международного трибунала, который во время Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками признал, что государство и его организации могут быть субъектами международных преступлений.

В 1978 г. состоялся X Международный конгресс по уголовному праву в Будапеште, на котором проработана концепция «деяния за кого-то другого». В этом же году Европейский комитет по вопросам преступности Совета Европы вынес рекомендацию о признании юридического лица ответственным за экологические преступления, которая в 1985 г. была подтверждена Седьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Особый интерес в отношении признания юридического лица субъектом преступления вызывает Рекомендация № 88(18) Комитета министров стран – членов Совета Европы об ответственности предприятий-юридических лиц за правонарушения, совершаемые ими при осуществлении хозяйственной деятельности от 20 декабря 1988 г., принятая на совещании заместителей министров, и Меморандум с комментариями к этой рекомендации.

В указанных международных документах речь идет об уголовной ответственности предприятий-юридических лиц, ведущих хозяйственную деятельность. В статье 17 Меморандума с комментариями прямо указано, что эти рекомендации не распространяются на учреждения, осуществляющие правительственные функции или наделенные верховной властью.

В разделе первом «Ответственность» и разделе втором «Штрафные санкции» Приложения к Рекомендации № R(88)18 выделено десять принципов, на которых целесообразно основывать уголовную ответственность юридических лиц.

Следующим международным актом является Неапольская политическая декларация и Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности от 23 декабря 1994 г. В ст. 15 указано, что государствам следует в качестве средства укрепления возможностей борьбы с организованной преступностью на национальном уровне и совершенствования сотрудничества на международном уровне предусмотреть в своем национальном уголовном законодательстве наказание за участие в преступных обществах или за преступный сговор и уголовную ответственность для юридических лиц.

26 июля 1995 г. была подписана Конвенция о защите финансовых интересов Европейских Сообществ, согласно ст. 2 которой государства ЕС должны были предусмотреть ответственность юридических лиц за подкуп иностранного государственного служащего.

Рамочная Конвенция ООН против организованной преступности от 21 июля 1997 г. в ст. 3 указывает, что каждое государство – участник Договора рассматривает вопрос об установлении в своем внутреннем уголовном законодательстве возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, которые получают прибыль от организованной преступной деятельности или функционируют как прикрытые для преступной организации.

Нормы об уголовной ответственности юридических лиц содержатся в Резолюции (97) 24 Комитета министров Совета Европы от 6 ноября 1997 г. «О двадцати руководящих принципах борьбы с коррупцией».

Уголовная конвенция о борьбе с коррупцией Совета Европы (ETS 173) от 27 января 1999 г., ратифицированная ВР Украины с заявлением Законом № 252-V (252-16) от 18 октября 2006 г., в ст. 18 указывает, что каждая Сторона будет предпринимать такие законодательные и другие

меры, которые могут быть необходимы для обеспечения ответственности юридических лиц за предусмотренные настоящей Конвенцией уголовные преступления – дачу взятки, злоупотребление влиянием и отмывание доходов, совершенные в их пользу любым физическим лицом, действовавшим независимо или как представитель того или иного органа юридического лица и занимающего руководящую должность в этом юридическом лице, с использованием представительских полномочий юридического лица или полномочий принимать решения от имени юридического лица; либо полномочий осуществлять контроль за деятельностью юридического лица, а также за привлечение такого физического лица к указанным выше преступлениям в качестве соучастника или подстрекателя. Кроме случаев, предусмотренных в п. 1, каждая Сторона будет предпринимать необходимые меры для обеспечения ответственности юридического лица, когда ненадлежащий контроль со стороны физического лица, упомянутого в п. 1, привел к совершению в интересах этого юридического лица преступлений, перечисленных в п. 1, физическим лицом, ему подчиняющимся. Ответственность юридического лица не исключает уголовного преследования физических лиц, совершающих преступления, подстрекающих к ним или принимающих в них участие.

Каждая Сторона будет обеспечивать, чтобы относительно юридических лиц, привлеченных к ответственности в соответствии с пунктами 1 и 2 ст. 18, применялись эффективные, адекватные и сдерживающие уголовные или неуголовные санкции и меры, включая штрафы (ч. 2 ст. 19). Каждая Сторона будет предпринимать законодательные и другие меры, которые могут быть необходимыми для обеспечения возможности конфисковывать или иным образом изымать орудия совершения уголовных преступлений и доходы от уголовных преступлений, определенных настоящей Конвенцией, или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам (ч. 3 указанной статьи).

Аналогичные положения об уголовной ответственности юридических лиц, в частности в ст. 10, содержатся в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией № 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г., ратифицированной ВР Украины с оговорками и заявлениями Законом № 1433-IV (1433-15) от 4 февраля 2004 г.

В 2001 г. была принята Директива 2001/97/ЕС относительно предотвращения использования финансовой системы с целью отмывания денег (известная как «Вторая директива по отмыванию денег»), также содержащая ряд положений об ответственности юридических лиц.

Конвенция о киберпреступности от 23 ноября 2001 г., ратифицированная ВР Украины 7 сентября 2005 г. и вступившая в силу 1 июля 2006 г., в ст. 12* «Корпоративная ответственность» предусматривает, что каждая Сторона принимает такие законодательные и другие меры,

которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридическое лицо могло нести ответственность за уголовное правонарушение, установленное согласно настоящей Конвенции, которое было совершено в ее пользу любым физическим лицом, как индивидуально, так и как часть органа такого юридического лица. Такое физическое лицо должно занимать руководящую должность в рамках юридического лица, в силу: а) полномочий представлять это юридическое лицо; б) полномочий принимать решения от имени этого юридического лица; в) полномочий осуществлять контроль в рамках этого юридического лица. В упомянутой Конвенции также указано, что, кроме случаев, уже предусмотренных в п. 1 настоящей статьи, каждая Сторона принимает меры для обеспечения того, чтобы юридическое лицо могло подлежать ответственности в случае, когда недостаточный надзор или контроль со стороны лица, указанного в п. 1, создал возможность совершения уголовного преступления, установленного в соответствии с настоящей Конвенцией, в пользу такого юридического лица физическим лицом, действующим под его контролем. Такая ответственность не исключает уголовной ответственности физических лиц, совершивших правонарушения.

Согласно ч. 2 ст. 13 каждая Сторона обеспечивает, чтобы юридические лица, подлежащие ответственности согласно ст. 12, наказывались эффективными, соразмерными и убедительными уголовными или неуголовными санкциями или мерами, включая денежные санкции.

22 июня 2003 г. Советом ЕС принято Рамочное решение о борьбе с коррупцией в частном секторе, которое раскрывает понятия «активной» и «пассивной» коррупции и санкции за их совершение. Это решение предусматривает непосредственную уголовную ответственность юридических лиц за совершение коррупционных деяний в их пользу любым физическим лицом.

Конвенция ООН «Против коррупции» от 31 октября 2003 г., ратифицированная ВР Украины с заявлениями Законом № 251-V (251-16) от 18 октября 2006 г., в ст. 26 также допускает уголовную ответственность юридических лиц.

Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма» от 16 мая 2005 г. по состоянию на 26 марта 2007 г., ратифицированная ВР Украины с заявлениями и оговорками Законом № 54-V (54-16) от 31 июля 2006 г., в ст. 10 также предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности непосредственно юридических лиц. В частности, ст. 10 предусматривает, что каждая Сторона принимает такие меры, которые могут быть необходимыми согласно ее правовым принципам для установления ответственности юридических лиц за участие в совершении преступлений, указанных в статьях 5-7 и 9 настоящей Конвенции. В зависимости от правовых принципов ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданской или административной. Такая

ответственность не устраняет уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления.

Несмотря на то, что Верховная Рада Украины часть указанных международных документов ратифицировала, их имплементация в полном объеме в украинском уголовном законодательстве не проведена, что не только нарушает взятые нашим государством международные обязательства, но существенно снижает эффективность противодействия преступности.

При таких обстоятельствах возникает необходимость глубокого анализа опыта зарубежных государств по введению института уголовной ответственности юридических лиц для разработки наиболее целесообразного варианта его использования в нашем государстве.

1. *Kasprzyk Adam*. Odpowiedzialność karna podmiotów zbiorowych // Praca magisterska napisana na seminarium Prawa karnego / Katolicki Uniwersytet Lubelski. – Lublin, 2005.

2. *Busch R*. Grundfragen der strafrechtliche Verantwortlichkeit der Verbände. – Leipzig, 1933.

3. *Eichmann-Mörsdorf*. Lehrbuch des Kirchenrechts auf Grund des Codes Juris Canonici. II Band, 1930.

4. *Jescheck H. H*. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeine Teil. – Berlin, 1988.

5. *Namysłowska-Gabrysiak B*. Odpowiedzialność karna osób prawnych. – Warszawa, 2003.

6. *Nita B*. Koncepcj eodpowiedzialności karnej podmiotów zbiorowych w anglo-amerykańskim systemie prawnym // Prokuratura i Prawo. – 2003. – Nr. 2.

7. *Pantiakowski M*. Winaikara – element rzymskie i germańskie w prawie karnym statutówmiast włoskich. – Krakow, 1939.

8. *Phillimore R*. Commentaries upon international Law. – London, 1879.

9. *Skoczelas M*. Odpowiedzialność karna osób prawnych w ustawodawstwie francuskim // Jurysta. – 1998. – Nr. 7-8.

10. *Бирюков П. Н*. Уголовная ответственность юридических лиц за преступления в сфере экономики (опыт иностранных государств). – М., 2008.

11. *Волженкин Б. В*. Уголовная ответственность юридических лиц: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». – СПб., 1998.

12. *Гришук В. К*. Загальні засади відповідальності юридичних осіб за кримінальним законодавством Франції // Вісник Львівського інституту внутрішніх справ. – Л., 2003. – № 3.

13. *Гришук В. К*. Глобалізація і проблеми кримінальної відповідальності юридичних осіб // Вісник Львівського університету. Серія «Міжнародні відносини». – 2002. – Вип. 7.

14. Гришук В. К. Питання кримінальної відповідальності юридичних осіб в Англії, США, Франції та Республіці Польща // Вісник Академії адвокатури України. – 2007. – Вип. 10.

15. Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. – М., 1996.

16. Крылова Н. Е. Уголовная ответственность юридических лиц во Франции: предпосылки возникновения и основные черты // Вестник Московского университета. Серия 11. – 1998. – № 3.

17. Пимонов В. А. Теоретические и прикладные проблемы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права. – М., 2007.

18. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под. ред. И. Д. Козочкина. – М., 2001.

* * *

Гришук В. К., Пасека А. Ф. Установление уголовной ответственности коллективных субъектов в зарубежных государствах: к истории проблемы // Право Украины. – 2011. – № 9-10. – С. 53-64.

ZASADY NEGATYWNEJ (RETROSPEKTYWNEJ) ODPOWIEDZALNOŚCI PRAWNEJ CZŁOWIEKA W DOKTRYNIE PRAWA UKRAINY

Najbardziej obiektywna, wyczerpująca i gruntowna analiza prawnej rzeczywistości jest możliwa jedynie w zakresie zasad prawa, ich roli w mechanizmie prawnej regulacji publicznych relacji.

Zasady negatywnej (retrospektywnej) odpowiedzialności prawnej człowieka, według N. Witruka, – są to najogólniejsze dla tej prawnej instytucji, zawierające dyrektywę, imperatywne normy-wymogi, które kształtują treść prawnej regulacji relacji odpowiedzialności prawnej, jak również działalność w zakresie realizacji środków (wymiarów) odpowiedzialności prawnej. Poznanie zasad prawnej odpowiedzialności jest ważne dla ustawodawcy, który formuje odpowiednie zasady prawa, jak również dla sędziów i innych, którzy zastosowują prawo [4, 185].

Zasady negatywnej (retrospektywnej) odpowiedzialności prawnej człowieka są rodzajem międzybranżowych zasad prawa (regulacji prawnej), a więc, jak inne zasady takiego kształtu, są one subordynowane, «podporządkowane» jego ogólnym typologicznym rzeczywiście-historycznym zasadom [11, 162].

S. Bobrownik przedstawia zasady negatywnej (retrospektywnej) odpowiedzialności prawnej człowieka jako postanowienia i idee, które posiadają prawne utrwalenia i podają samodzielny i rzeczywisty charakter odpowiedzialności jako zasobu zrozumienia i ochrony obiektywnego i subiektywnego prawa jak również publicznego porządku [3, 295].

Jak podaje B. Bazyljew, zasady odpowiedzialności prawnej człowieka jako podstawowe idee, które wyrażają istotę, naturę i misję instytucji odpowiedzialności, istnieją w ustawodawstwie pod postacią norm. Normy natomiast, ustalają charakter prawnej regulacji deliktowych relacji [1, 56-57].

W. Łazariew i W. Fiodorowa uważają, że poprawnie będzie, gdy zasadami odpowiedzialności prawnej człowieka będziemy uważać takie zasady, które wynikają z socjalno-ekonomicznej natury prawa, powszechnie uznane i zafiksowane w ustawach, ideale regulacyjno-ochronnego wpływu prawnej odpowiedzialności na zachowanie zdolnych do czynności podmiotów prawa, jak również zasięg i porządek wykorzystania zasobów prawnej odpowiedzialności [8, 84].

W prawniczej literaturze niema zgodności zdań uczonych na temat systemu zasad negatywnej (retrospektywnej) prawnej odpowiedzialności człowieka i ich treściowej części. Między innymi, wyodrębniają zasady, które są bezpośrednio zafiksowane w prawie (legalne zasady) a również zasady, które wynikają z prawnej natury odpowiedzialności prawnej człowieka. Według formy prawnego definiowania pośród legalnych zasad prawnej odpowiedzialności człowieka istnieją zasady konstytucyjne, czyli takie, które są zafiksowane w Konstytucji jak również branżowe zasady, które są zafiksowane w branżowym ustawodawstwie. Zwraca się uwagę na to, że do prawnej odpowiedzialności człowieka odnoszą się wszystkie ogólnoprawne zasady. Owe zasady zakładają treść i skierowanie zasad prawnej odpowiedzialności, które są specjalnymi zasadami w stosunku do ogólnie prawnych zasad. Do zakresu ogólnie prawnych zasad wchodzi zasady: prawowitości; sprawiedliwości; humanistyczności; panowania prawa; równości prawnej; gwarantowanie przez państwo praw i wolności człowieka i obywatela; wyrównanie przez państwo strat zadanych osobie działaniami bezprawnymi i czynnościami państwowych organów i funkcjonariuszy. Ogólnie prawne zasady pełną miarą wyznaczają treść i działanie odpowiedzialności prawnej człowieka. One są bardzo ze sobą związane treściowo i są we wzajemnym oddziaływaniu i urzeczywistniają się w specjalnych zasadach prawnej odpowiedzialności człowieka. N. Witruk do specjalnych zasad zalicza takie zasady prawnej odpowiedzialności człowieka: 1) konstytucyjność i prawowitość, oszacowanie i zasadność podstaw odpowiedzialności prawnej; 2) bezzwrotność nastania prawnej odpowiedzialności; 3) równe podstawy odpowiedzialności prawnej; 4) personifikacja i indywidualizacja odpowiedzialności prawnej; 5) niedopuszczalność podwójnego ukarania za identyczne wykroczenie; 6) optymalność procesowo manipulacyjnej formy odpowiedzialności prawnej; 7) efektywność realizacji odpowiedzialności prawnej [4, 185-187].

P. Rabinowicz wyraził słuszną myśl, iż negatywna (retrospektywna) odpowiedzialność prawna stosuje się według takich zasad: a) prawności (względem podstaw, procedury przyciągnięcia do odpowiedzialności, jej rodzaju i wymiaru); b) uzasadnienia (względem wniosków o fakcie i o podmiocie wykroczenia prawa, jak również o innych prawnie znaczących faktach,

związanych z tymi okolicznościami); c) celowości (względem realizacji celów odpowiedzialności prawnej); d) nieuniknioność (żadne wykroczenie nie może pozostać bez należytego reagowania od strony właściwych organów); e) sprawiedliwości lub indywidualizacji (stosowność wybranego w zakresie prawa wymiaru odpowiedzialności względem negatywnej publicznej opinii konkretnego wykroczydciela). W prawie państwa socjalno-demokratycznej orientacji – zgodnie z jego typologicznymi zasadami – odpowiedzialność prawna przewidziana w prawodawstwie jedynie za: 1) czynności fizyczne (lecz nie za myśli, światopogląd, publiczne lub osobowe cechy człowieka); 2) prawnie zakazany czyn; 3) winny czyn (możliwe jednak wyjątki); 4) osobisty czyn wykroczydciela (możliwe jednak wyjątki) [11, 162].

Najważniejszymi zasadami negatywnej prawnej odpowiedzialności pisze N. Oniszczenko, – są zasady: prawomocności; winy; nieuniknioności kary; humanistyczności, sprawiedliwości; domniemanie niewinności [10, 40-41].

Szersze podejście do ustalenia zasad negatywnej (retrospektywnej) prawnej odpowiedzialności człowieka użyła S. Bobrownik, która przeanalizowała następujące zasady: 1) zasada prawowitości; 2) zasada współmierności wykroczenia i kary; 3) zasada sprawiedliwości; 4) zasada słuszności; 5) zasada kontrydycyjności; 6) zasada prawa na obronę; 7) zasada nieuniknioności odpowiedzialności; 8) zasada aktualności odpowiedzialności; 9) zasada humanistyczności; 10) zasada celowości; 11) zasada indywidualizacji kary; 12) zasada odpowiedzialności za czyny; 13) zasada prawnego uregulowania [3, 296-299].

Według M. Mironenko, istnieje pięć takich zasad: 1) zasada sprawiedliwości; 2) zasada prawowitości; 3) zasada nieuniknioności odpowiedzialności; 4) zasada indywidualizacji odpowiedzialności; 5) zasada winy. Przy czym, – sądzi ona, – zasada sprawiedliwości i odpowiedzialności prawnej człowieka są systemotwórczymi zasadami [9, 5].

Do liczby specjalnych zasad negatywnej (retrospektywnej) prawnej odpowiedzialności człowieka dobrze jest dodać jeszcze takie zasady: 1) zasada demokratyczności odpowiedzialności; 2) zasada humanistyczności odpowiedzialności; 3) zasada normatywności odpowiedzialności; 4) zasada sprawiedliwości odpowiedzialności; 5) zasada równości odpowiedzialności.

Zasada demokratyczności prawnej odpowiedzialności człowieka.

Prawna odpowiedzialność człowieka wprowadza się w sposób demokratyczny – przez uznane organy demokratycznego państwa w ramach ich kompetencji, i również odpowiednio do ustanowionego prawnie postępowania opracowania, uchwalenia i nabycia czynności przez akty normatywne

Demokratyczność prawnej odpowiedzialności człowieka przejawia się w szczególnej procesowo-prawnej formie jej realizacji. W szeregu sytuacji do tego procesu mogą dołączać zespoły trudownicze, ludowe ławnicy, przysięgłe.

Objawem demokratyczności prawnej odpowiedzialności człowieka są przewidziane czynnym ustawodawstwem możliwości jego zwolnienia od prawnej odpowiedzialności i w tym także według aktów amnestii i łaski.

Demokratyczną istotę odpowiedzialności prawnej człowieka zapewniają demokratycznie uformowane organy państwa – zgodnie z wymogami prawa i w ramach swej kompetencji. Główną rolę w tym udziela się sądom, organom prokuratury, innym organom ochrony prawa. Ważne znaczenie przy tym posiada nadanie możliwości oskarżenia, zgodnie z prawem, decyzji i czynności tych organów podczas realizacji odpowiedzialności prawnej.

Zasada humanistyczności prawnej odpowiedzialności człowieka ta zasada realizuje się przede wszystkim przez proklamację w Art. 3 Konstytucji Ukrainy, że człowiek, jego życie i zdrowie, cześć i godność, nietykalność i bezpieczeństwo są wyznawane na Ukrainie za najwyższą wartość społeczną. Prawa i wolności człowieka i ich zabezpieczenie stanowią treść i skierowanie działalności państwa i, przede wszystkim, za pomocą prawa, prawnej odpowiedzialności.

Wielce humanistycznym strategicznym celem ukraińskich reformacyjnych procesów jest rozwój i umocnienie demokratycznego, społecznego i prawnego państwa.

Prawna odpowiedzialność człowieka opiera się na czynnym ukraińskim ustawodawstwie, które ciągle aktualizuje się odpowiednio do wypracowanych przez światową wspólnotę humanistycznych standardów. To w pełnej mierze tyczy się zasobów regulacji, poborów, kar, które są wystosowywane do wykroczyteli prawnych przepisów jak też przebiegu realizacji prawnej odpowiedzialności. Szczególną rolę w tym została udzielona sądom.

Przejawem zasady humanistyczności prawnej odpowiedzialności człowieka są obszerne możliwości dla dyferencjacji odpowiedzialności, indywidualizacji zasobów regulacji, poborów i kar, zwolnienia od odpowiedzialności.

Humanistyczność prawnej odpowiedzialności człowieka ciasno związana z jej celowością. To, głównie, znaczy, że prawne pobory i kary muszą być zastosowywane odpowiednio do celu prawnej odpowiedzialności. Jeżeli cel prawnej odpowiedzialności, według tego kto zastosowuje prawo, może być osiągnięty bez wykorzystania prawnego pobierania czy kary, to człowiek może nie być przyciągnięty do prawnej odpowiedzialności lub może być zwolnony od niej.

Treść tej zasady streszcza się do tego, że: człowiek może być przyciągnięty do odpowiedzialności prawnej jedynie w wypadku obecności w jego czynach odpowiedniego naruszenia prawa; przyciągnięcie go do odpowiedzialności prawnej możliwe w ramach terminu przedawnienia, ustalonego obowiązującym ustawodawstwem; prawne pobierania czy kary mogą być wyznaczone tylko takie i w takich rozmiarach, które są przewidziane przez obowiązujące ustawodawstwo w czasie popełniania wykroczenia prawnego; prawne pobierania czy kary muszą być ustanawiane właściwym organem państwa, najczęściej przez sąd; prawne pobierania muszą być ustanawiane w należytą prawną procesową działalność należytego organu państwa; prawne pobierania i kary muszą być wykonywane odpowiednio do obowiązujących wymogów prawa.

Zasada sprawiedliwości prawnej odpowiedzialności człowieka

W Art.10 Ogólnej deklaracji praw człowieka zaakcentowano, między innymi, że każdy człowiek, w celu ustalenia jego praw i obowiązków jak również dla ustalenia słuszności wniesionego względem niego oskarżenia karnego, ma prawo, na podstawie całkowitej równości, na to, żeby jego dzieło było rozpatrzone publicznie z ***dotrzymaniem wszystkich wymogów sprawiedliwości*** przez niepodległy i bezstronny sąd. Sądownictwo na Ukrainie zgodnie z Art.124 Konstytucji Ukrainy, prowadzą wyłącznie sądy.

Rozumienie sprawiedliwości zależy od poziomu rozwoju społecznej świadomości, jego ogólnej i prawnej kultury. Przede wszystkim musi być zabezpieczona nieuniknioność prawnej odpowiedzialności człowieka jako jedna z najważniejszych jej typowych cech. Właściwe organy państwa mają obowiązek ***w terminie*** wykrywać każde wykroczenie prawne i ***w terminie*** przyciągać każdego winnego w czynie wykroczenia prawnego do należytego rodzaju prawnej odpowiedzialności i zgodnie z normami obowiązującego prawa.

Nieuniknioność prawnej odpowiedzialności człowieka nie obowiązkowo jest związana z użyciem sankcji norm prawnych. Reakcja państwa na czyn wykroczenia prawnego może być realizowana, w zależności od okoliczności sprawy, przez osądzenie wykroczydela i zwolnienia jego od odpowiedzialności prawnej.

Jeśli wykroczenie zostało uczynione, lecz nie ujawnione przez właściwe organy państwowe, albo jeżeli wykroczenia są wykryte, a winne w ich dokonaniu nie przyciągnięte do odpowiedzialności, w takich wypadkach zadawana jest szkoda porządkowi prawnemu, podrywane jest zaufanie do władz, wiara w prawowitość i sprawiedliwość, wzrasta prawny nihilizm i, wskutek tego wzrasta liczba wykroczeń prawnych.

Sprawiedliwą jest taka prawna odpowiedzialność człowieka, która jest przeprowadzana w dziedzinie prawa, podstawą czego są ogólnoludzkie wartości demokracji, humanistyczności, dobroczynności. Sprawiedliwość prawnej odpowiedzialności człowieka dużą miarą zależy od tego kto zastosowuje prawo. Prawne pobieranie lub kara może formalnie odpowiadać wymogom obowiązujących norm prawa, lecz ich rodzaj i rozmiar może być niesprawiedliwy. Dlatego, ten kto zastosowuje prawo, podczas przyznaczenia prawnego pobierania lub kary jest zobowiązany ich indywidualizować – uwzględniać nie tylko formalne przyczyny wykroczenia przeciwko normom prawa, lecz także stopień społecznej szkodliwości czy niebezpieczności wykroczenia, jego ciężkość, osobę wykroczydela, formę jego winy, okoliczności sprawy, które zmniejszają lub obciążają jego prawną odpowiedzialność. Według powszechnie przyjętej reguły, wykroczytel ***nie może*** dwukrotnie być przyciągnięty do odpowiedzialności jednego rodzaju za jedno i to samo wykroczenie prawne. Jednak, wykroczytel ***może*** być przyciągnięty zgodnie z obowiązującym ustawodawstwem do kilku rodzajów odpowiedzialności prawnej. Tak, w sytuacji

umyślnego zniszczenia lub uszkodzenia dóbr wykroczytel przyciąga się do odpowiedzialności karnej i, oprócz tego, do odpowiedzialności cywilnej w zakresie wyrównania, kompensaty zadanej szkody. A pracownik organu ochrony prawa, na przykład, może przy tym być przyciągnięty jeszcze do dyscyplinarnej odpowiedzialności.

Sprawiedliwe powinno być nie tylko przyciągnięcie człowieka do odpowiedzialności prawnej, wyznaczenie należytego prawnego pobierania czy kary, lecz również wykonanie wyznaczonego prawnego pobierania czy kary.

Zasada równości prawnej odpowiedzialności człowieka

W Oxfordskim politycznym słowniku zaznaczono cztery główne cechy zasady równości: 1) równy szacunek w granicach pewnego schematu procesu uchwały rozporządzeń – wymaganie okazywać równy szacunek do zdania każdego człowieka; 2) obiektywne traktowanie – wymaganie jednakowo rozpatrywać identyczne sytuacje; 3) równość podziału – wymaganie otrzymania przez każdego człowieka równej części pewnego dobra; 4) równość wyniku – wymaganie, według którego jednostki po procedurze podziału powinni okazać się w jednakowych warunkach [7, 596].

Treść zasady równości prawnej odpowiedzialności człowieka odkrywają najpierw odsyłając do międzynarodowo-prawnych aktów o prawach człowieka. W Art. 1 Ogólnej deklaracji praw człowieka, zatwierdzonej przez Generalne Zgromadzenie ONZ 10 grudnia 1948 roku, zadeklarowano, że ***wszystkie ludzie rodzą się wolnymi i równymi w swej godności i prawach***, a w Art. 7 podano, że wszystkie ludzie równi względem prawa i posiadają prawo, bez żadnych zastrzeżeń, na równą ich obronę prawem.

Zasada równości wszystkich ludzi względem prawa jest nicią przewodnią w czynnej Konstytucji Ukrainy. W Art. 21 Konstytucji Ukrainy zadeklarowano, że wszystkie ludzie są wolnymi i równymi w swej godności i prawach, a w Art. 24, że wszystkie obywatele mają równe konstytucyjne prawa i wolności i są równymi względem prawa. Jedną z zasad sądownictwa na Ukrainie, utrwalonych w Art. 129 Konstytucji Ukrainy, jest równość wszystkich uczestników procesu sądowego względem prawa i sądu.

Prawna równość nie jest absolutną. Można powiedzieć, że jest to względna (formalna) równość wolnych i niepodległych ludzi (podmiotów prawa) na podstawie jedynych norm i w jednakowej mierze [5, 122-127]. Ona jest jednym z kryteriów opinii prawa jako demokratycznej, humanistycznej, sprawiedliwej społecznej instytucji. Uznanie różnych ludzi formalnie równymi, – stwierdza I. Kalnoj, – jest «... równoznacznym uznaniu ich równej zdolności prawnej jako możliwości, którą jedna jednostka może realizować, a inna nie próbuje tego uczynić. Innymi słowy, prawo jest równą dla różnych ludzi formalną drogą w celu nabycia dóbr, lecz nie rozdzielaniem tych dóbr każdemu w równej mierze» [6, 31].

Równość i nierówność są nieodzielne jedna od drugiej, one istnieją w każdym systemie społecznym jak przeciwległe wzajemnie równoważące się

tendencje. W takim przypadku system publiczny trwa w stanie stałej a jednocześnie dynamicznej równowagi. Równość jako jedna z zasad istnienia systemu społecznego pozwala utrzymywać jego stałość. Nierówność z kolei, jest czynnikiem, który wyznacza miejsce człowieka w hierarchicznej strukturze społeczeństwa, i może posiadać różne rodzaje [5, 123].

W. Baczinin wyodrębnił następujące rodzaje ludzkiej nierówności: 1) naturalna nierówność, uwarunkowana fizjologicznymi, cielesnymi, psychofizycznymi właściwościami ludzi, różnicą wieku, płci, mocy fizycznej, urody i inne, które istniały zawsze między ludźmi i nigdy nie znikną; 2) społeczna nierówność powstała wraz z rozwojem cywilizacji, posiada różne formy i przejawia się w różnych dziedzinach społecznego życia. Najbardziej wydocznie ten rodzaj nierówności przejawia w sytuacji podziału pracy na fizyczną i umysłową; w sposobach życia na wsi i w mieście; w różnorodnych społecznych rolach (zawodach, stanowiskach); poziomach zabezpieczenia materialnego, rozmiarach własności; w przynależności do różnych zrzeszeń i grup; w charakterze społecznych przywilejów; 3) kulturalna nierówność przewiduje różnicę w poziomie wykształcenia, kultury, w stopniu obdarowania twórczymi zdolnościami i talentami. Ludzie różnią się między sobą charakterem własnych potrzeb, światopoglądami, ideologicznymi przekonaniem, przynależnością do jakiegoś wyznania. [2, 686].

Formalna, prawnicza równość ludzi względem obiektywnego prawa karnego przejawia się w tym, że normy prawne jawią się jednakową, równą dla wszystkich podmiotów publicznych relacji, miarą działań ludzi, jednakową miarą prawowitości realizowania przez nich swoich praw i obowiązków. Racjonalna równość zawsze była cechą sprawiedliwości.

Posiadanie głębokiego naukowego zrozumienia zasad negatywnej (retrospektywnej) prawnej odpowiedzialności jest czynnikiem, który może być pożytecznym w następnych badaniach teoretycznie-praktycznych zagadnień prawoznawstwa, w realizacji projektów ustaw i ustawodawczej działalności, zastosowaniu przepisów prawnych ze współczesnych norm które są współbrzmiające do socjalno-demokratycznych tendencji rozwoju społeczeństwa.

Spis literatury wykorzystanej

1. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.
2. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – М.: Юридический центр Пресс, 2006.
3. Бобровник С.В. Юридична відповідальність // Загальна теорія держави і права (основні поняття, категорії, правові конструкції та наукові концепції): навч. посібник / за ред. О. В. Зайчука, Н.М. Оніщенко. – К.: Юрінком Інтер, 2011.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: ПАМ, 2008.

5. Гришук О.В. Людська гідність у праві: філософські проблеми. – К.: Атіка, 2007.
6. Кальной И.И. Философия права: учебник. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
7. Короткий оксфордський політичний словник / За редакцією І.Макліна і А.Макмілана; переклад з англ.. – К.: Основи, 2006.
8. Лазарев В.М., Федорова В.Г. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография. – Волгоград: Изд-во Вол. ГУ, 2005.
9. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе права: автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
10. Оніщенко Н.М., Тарахонич Т.І., Пархоменко Н.М., Макаренко Л.О. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах / за заг. ред. Н.М. Оніщенко. – К.: Юридична думка, 2009.
11. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. Посібник. – Вид. 10-е доповнене. – Львів: Край, 2008.

«ZACHOWAĆ NA ZAWSZE»: SPRAWA KARNA WOBEC PROFESORA JULIUSZ A MAKAREWICZA

«Zachować nazawsze» – to taki przypis znajduje się na pierwszej karcie sprawy karnej wobec prof. Juliusza Makarewicza. Karty sprawy dają możliwość dowiedzieć się o niezmiernie bolesnych i dotychczas nieznanych szerokiej społeczności naukowej stronach z życia prof. Juliusza Makarewicza.

Nota wprowadzająca ku historii pytania.

Ukraina, z łaski Bożej, stała się państwem prawnie niezależnym na mocy „Deklaracji Suwerenności Ukrainy”, podjętej przez Radę Najwyższą dnia 16 lipca 1990 roku, oraz „Aktu o niepodległości Ukrainy”, przyjętego przez Radę Najwyższą dnia 24 sierpnia 1991 roku. Akto niepodległości Ukrainy zdobył poparcie mieszkańców kraju na ogólnoukraińskim referendum z 1 grudnia 1991 roku. W wyniku tych wydarzeń, powiew wolności stał się odczuwalny we wszystkich dziedzinach życia publicznego. W pełni dotknęło to także działalność naukowo-badawczą.

Z szeregu procesów reformacyjnych wyłoniło się zadanie stworzyć encyklopedię prawniczą. Zgodnie z rozporządzeniem Zarządu Narodowej Akademii Nauk Ukrainy z 08.09.1993 roku „O opracowaniu fundamentalnej Encyklopedii Prawniczej” zostało wszczęto prace przygotowawcze przez naukowców-prawników z Kijowa, Charkowa, Odessy, Lwowa oraz innych miast Ukrainy. Po pewnym czasie, 29.11.1996 roku, wydano postanowienie Kabinetu Ministrów Ukrainy „O państwowym wsparciu wydania ukraińskiej „Encyklopedii Prawniczej”.

Pierwszy tom Encyklopedii okazał się drukiem w 1998 roku. W kolejnych latach wyszły drukiem: drugi (1999), trzeci (2001), czwarty (2002), piąty (2003) oraz szósty (2004) tomy. Ogólna ilość artykułów, map oraz ilustracji w tych tomach wynosi ponad 9000.

W roku 1993 obroniłem swą pracę habilitacyjną. W tym samym czasie na mocy postanowienia dziekana Wydziału Prawa prof. Wasyla Nory oraz odpowiedniej decyzji Rady Naukowej wydziału, zostałem załączony do prac z opracowania artykułów do Encyklopedii. Były wśród nich zadania o „personalnościach”. Przede mną powstało zadanie wydobyć z archiwów materiały o profesorach, którzy pracowali na Wydziale w przeszłości, oraz napisać o nich artykuły do Encyklopedii. Zgodnie z zaleceniami moich nauczycieli akademickich, prof. Wołodymyra Kulczytskiego oraz docenta Mirosława Nakłowycza, do swojego planu roboczego dodałem opracowanie artykułu o prof. Juliuszu Makarewiczu, który to właśnie był nauczycielem moich nauczycieli. Z opowieści moich opiekunów akademickich dowiedziałem się, że prof. Juliusz Makarewicz był wybitną i bardzo patriotyczną postacią, co z kolei wzmocniło moje zaangażowanie jego postacią. Niemniej jednak realizacja mojego zapału okazała się dość skomplikowanym przedsięwzięciem. Musiałem, bowiem najpierw zapoznać się z kartami jego sprawy osobowej, z tym, że to wymagało zezwolenia naczelnika tak zwanego „Pierwszego Oddziału” uniwersytetu, który w rzeczywistości był podporządkowany Służbie Bezpieczeństwa. W oddziale tym pracowali byli funkcjonariuszy KGB, którzy delikatnie mówiąc, nie podzielali moich poglądów dotyczących prof. Makarewicza, odwołując się do tego, że był on karany za działalność antyradziecką. To ostatnie byłodla mnie nowością. Oczywiście, nie dostałem zezwolenia nazapoznanie sięz omawianą sprawą, natomiast polecono mi znaleźć sobie innytemat doposzukiwań naukowych.

Życie na Ukrainie nie stało na miejscu. W szybkim tempie przeprowadzano transformacje demokratyczne. Po pewnym czasie, prawdopodobnie w 1994 roku, pierwszy oddział na Uniwersytecie został likwidowany.

Wszystkie sprawy osobiste "nieprawomyślących" byłych pracowników uczelni zostały odtajnionei przekazane doswobodnego użytku publicznego. Wtedy pojawiła sięokazja zapoznać się z teczką osobowąprof. JuliuszaMakarewicza, więc, w pełni się z nią skorzystałem.

Zgodnie zwymaganiami kolegium redakcyjnego Encyklopedii Prawniczej, przygotowałem krótki artykuł biograficzny o prof. Makarewiczu, którywraz ze zdjęciemzostał przedstawiony na rozpatrzenie kolegium redakcyjnego.

W 2001 rokuokazał siędrukiem trzeci tom Encyklopedii Prawniczej, zawierający artykuł autobiograficzny o prof. Juliuszu Makarewiczu. Oczywiście, żeprzed drukiem została przeprowadzona redakcja podanego przeze mnie tekstu artykułu, wskutek czego w pierwszym zdaniu wyraz „polski i ukraiński prawoznawca” został zmieniony na „ukraiński prawoznawca”, z powodów,

których do dziś nie znam i nie rozumiem. Albowiem, takie jednostronne podejście jest w przeciwieństwie do znanej nam rzeczywistości. Wiadomo, że prof. Juliusz Makarewicz w czasach przedwojennych oraz po II wojnie światowej pracował na Uniwersytecie Lwowskim. Aczkolwiek całe dotychczasowe życie naukowca było poświęcone Polsce, o czym mówi się w dalszym ciągu mojego o nim artykułu. Nie miałem zamiaru „przywłaszczyć” osobę i osiągnięcia naukowe prof. Juliusza Makarewicza, wpisując jego postać wyłącznie w kontekst ukraiński. Artykuł nie zawierał zmianki, że był Ukraińcem, bo tonie jest prawdą, przecież nie znał nawet języka ukraińskiego. Wydaje się, że ten ostatni fakt był wykorzystywany jako przesłanka biurokratyczna, żeby odmówić prof. Juliuszu Makarewiczowi w możliwości zatrudnienia na Uniwersytecie Lwowskim w okresie powojennym. Razem z tym, chciałbym zaakcentować, że stosowane określenie „ukraiński”, moim zdaniem, w żaden sposób niemal na celu kogoś obrazić, ponieważ nie zawiera takiej treści. Niemniej jednak, zaistniała sytuacja jest dla mnie nieprzyjemna. A chciałem zrobić dobrą sprawę!

Co w takim razie było dobre i ważne w całym tym przedsięwzięciu? Warto sobie przypomnieć, że stosunki prof. Makarewicza z władzą radziecką, która dzisiaj w środkach masowego przekazu jest często mianowana „okupacyjną”, były nieproste. Chociaż sprawa karna wobec niego została umorzona, to jednak zgodnie z ówczesną praktyką, do końca życia przebywał pod tajnym nadzorem KGB. Po śmierci, jego imię zostało faktycznie wyeliminowane z naukowego użytku na Ukrainie. Żadna powojenna encyklopedia, wydana w Związku Radzieckim nie mieści wiadomości o nim, nawet w postaci wzmianki biograficznej. Jak już wspomniałem wyżej, taka możliwość pojawiła się dopiero w niepodległej odrodzonej Ukrainie. Należało donieść do szerokiej społeczności naukowej chociażby najistotniejszą informację o prof. Juliuszu Makarewiczu. I to zostało zrobione, jako pierwszy krok powrotu jego dobrego imienia w ukraińską naukę prawniczą. Następnym krokiem w tym celu stała się publikacja dwóch artykułów, które napisaliśmy razem z doktorem prawa Głowackim. W tych artykułach po części odsłania się i szlak życiowy, i dziedzictwo naukowe prof. Juliusza Makarewicza.

Ponadto, obecnie na Uniwersytecie Lwowskim są przygotowywane dwie prace doktoranckie, w których rozpatruje się dziedzictwo naukowe prof. Juliusza Makarewicza. Zaczęto opracowanie kolejnego wydania ukraińskiej Encyklopedii Prawniczej pod auspicjami Narodowej Akademii Nauk Ukrainy. Do niego przygotowałem poprawiony i rozszerzony artykuł o prof. Makarewiczu.

Wracając do sprawy karnej prof. Juliusza Makarewicza.

Kilku lat przed swoją śmiercią mój nauczyciel prof. Wołodymyr Kulczytskyi (zmarł w 2009 r.) zaprosił mnie na spotkanie. Pod czas rozmowy zapytał, czy wciąż zajmuję badaniami życia i spuścizny prof. Juliusza Makarewicza. Po mojej twierdzącej odpowiedzi prof. Kulczytskyi przekazał mi kopie sprawy

karnej wobec prof. Juliusza Makarewicza, które przedstawiam niżej. W taki sposób chciałbym udostępnić polskim badaczom możliwość przeanalizować tą sprawę. Historię tego pytania przywołuję poniżej.

Na podstawie materiałów śledztwa, sprawa karna wobec prof. Juliusza Makarewicza została umorzona w sierpniu 1945 roku. Wydaje się dziwnym, że stało się to tak szybko, ponieważ nie odpowiadało „stylu” KGB. Każdy, kto tam trafiał, wracał z więzienia min. za 10-15 lat, lub wcale nie wracał, bo umierał z nadmiernej pracy i chorób. Profesor Makarewicz również został skazany na ciężką pracę w kopalniach węgla kamiennego.

Jednak w przypadku z prof. Juliuszem Makarewiczem sytuacja skończyła się inaczej. Dlaczego? Rozmawiając o tym ze swoimi nauczycielami akademickimi – prof. Wołodymyrem Kulczytskym i docentem Mirosławem Nakłowiczem dowiedziałem się ich zdanie na ten temat. Obaj stwierdzili, że decydującą rolę w zwolnieniu prof. Makarewicza odegrał akademik Akademii Nauk ZSRR, doktor prawa, profesor Andriy Wyszynskiy. Obejmował stanowisko generalnego prokuratora ZSRR (1935-1939), dyrektora Instytutu Prawa Akademii Nauk ZSRR (1937-1941). Potrafił jednocześnie obejmować kilku wysokich stanowisk. W latach 1939-1944 był zastępcą prezesa Rady Komisarzy Ludowych ZSRR (Rządu ZSRR), oraz pełnił funkcje dyplomatyczne w latach 1940-1954. Z materiałów sprawy wynika, że prof. Wyszynskiy znał prof. Makarewicza. W przesłuchaniu prof. Kazimierz Przybyłowski zeznał, że prof. Wyszynskiy przekazywał osobiste powitania prof. Makarewiczu. Jednak pytanie polega na tym, w jaki sposób i od kogo ten funkcjonariusz radziecki dowiedział się o areszcie prof. Makarewicza i czy rzeczywiście przyczynił się do jego zwolnienia?

Należy zgodzić się z przypuszczeniem, że w tym czasie w otoczeniu prof. Makarewicza nie było dużo osób na tak wysokim szczeblu, którzy mogłyby wpłynąć na sytuację i zwolnić prof. Makarewicza. Liczba takich osób jest mała. Jedną z nich mógł stać się prof. Mykoła Pasze-Ozerskyy, który od 1939 roku pracował na Uniwersytecie Lwowskim profesorem na katedrze prawa karnego, i musiał mieć bezpośredni kontakt z prof. Makarewiczem. Podobnie do prof. Makarewicza, w czasie okupacji niemieckiej mieszkał we Lwowie. Musieli także kontaktować ze sobą, bo pracowali na jednej katedrze. Po zwolnieniu Lwowa od najeźdźców niemieckich, prof. Mykoła Pasze-Ozerskyy przez pewien czas pełnił funkcje rektora Uniwersytetu Lwowskiego oraz przewodniczącego katedry prawa karnego. Wiadomo także, że prof. Andriy Wyszynskiy i prof. Mykoła Pasza-Ozerskyy znali się od dawna – w czasach studenckich, bowiem razem studiowali prawo na Uniwersytecie Kijowskim.

Drugą taką osobą był akademik Akademii Nauk ZSRR, prof. Borys Mańkowski, którego prof. Makarewicz poznał w kwietniu 1941 roku na sesji naukowej we Lwowie. Z materiałów sprawy także wynika, że to prof. Borys Mańkowski zaangażował prof. Makarewicza do pisania pracy naukowej p.t. „Zasoby bezpieczeństwa w burżuazyjnym prawodawstwie karnym”, która

stała się przedmiotem odpowiedniej umowy. Prof. Mańkowski pracował wtedy w Instytucie Prawa Akademii Nauk ZSRR, którego dyrektorem był prof. Andriy Wyszynskyi. Oczywiście, że zawarcie takiego rodzaju umowy nie mogło odbyć się bez jego zgody. Z materiałów sprawy również dowiadujemy się, że w sierpniu 1944 roku prof. Juliusz Makarewicz wysłał do prof. Borysa Mańkowskiego pisemne zawiadomienie o wykonaniu zleconej jemu pracy naukowej i dostał od niego odpowiedź. Świadczyć to może o ciągłych kontaktach między nimi.

W postanowieniu o umorzeniu sprawy karnej jest wzmianka o pewnym ukrytym profesorze, który w 1944 roku „pracował w Głównym Zarządzie Armii Czerwonej” i do którego zwracał się prof. Makarewicz z powodu zatrudnienia na Uniwersytecie. Profesorem tym ewentualnie może być uczeń prof. Pasza-Ozerskiego, prof. Sergiy Tykhenko, obejmujący w 1944 roku stanowisko śledczego prokuratury wojskowej Kijowskiego Okręgu Wojskowego. Profesor Sergiy Tykhenko przed wojną pracował na katedrze prawa i postępowania karnego w Kijowskim Instytucie Gospodarstwa Ludowego, prowadzonej przez prof. Mykołę Pasza-Ozerskiego. Musiał, więc uczestniczyć w przedsięwzięciach naukowych, które organizował na Uniwersytecie Lwowskim prof. Mykoła Pasza-Ozerskyi. Oczywiście, że musiał znać prof. Juliusza Makarewicza.

Jeszcze jeden szczegół. Nie jest wykluczone, że główną przyczyną aresztu i więzienia prof. Mykoły Pasza-Ozerskiego od 24 kwietnia 1945 roku do 8 czerwca 1946 roku, stała się jego aktywna ingerencja w sprawę wycofania zarzutów z prof. Makarewicza. Wiemy również o tym, że jego zwolnienie oraz dość krótki czas więzienia, stały się możliwe wskutek ingerencji prof. Andriya Wyszynskiego. Również istnieje informacja o tym, że prof. Andriy Wyszynskyi dwa razy zwracał się ku Ministrowi Edukacji z prośbą o możliwości zatrudnienia prof. Mykoły Pasza-Ozerskiego po jego zwolnieniu z więzienia.

Tak prawdopodobnie mogło być. Natomiast „mechanizm”, w jaki odbyły się te wydarzenia pozostanie wciąż od nas ukryty.

* * *

Studia Prawnicze KUL. 2017, [nr] 1, s. 235-274.

ЦІННОСТІ ТА КОМУНІКАЦІЯ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНІ: ДО ПИТАННЯ ВЗАЄМОЗВ'ЯЗКУ

Новітні комунікативні проекти змін з урахуванням європейських орієнтирів ще не перебувають на порядку денному у філософському аксіологічному та антропологічному зв'язку. Відтак ключові характеристики із консекутивно спрямованим ситуативним критицизмом програмують філософський наратив у напрямі дискурсивного осмислення цінностей через призму комунікації в їх амбівалентному зв'язку. Наш предмет

дослідження сфокусований на національних цінностях буття, які формуються і реалізуються засобами комунікації на основі європейських традицій і загальносвітових. На етапі кризового стану функціонування сучасного європейського суспільства візуалізуються спади культури, девальвація цінностей, екології, гідності, справедливості, свободи і рівності. Комунікація в українському суспільстві спотворена підірваними, масовими, персоналізованими і транскордонними технологіями. Тому національні цінності девальвують, «зобов'язання» ігноруються, на взірць того, як міжнародні норми безкарно порушуються, а «закон» почасти використовується як юридична технологія. Чому це сталося? Суперечності, підсилені політичними технологіями, які населення України реципіює без належної аналітики, створюють такі глибинні ментально ворожі прецеденти, як зло. Криза моральності національних видозмін проблемна і ще досі не позбавлена ознак архаїчних тоталітарних традицій.

У національній культурі з'являються нові виклики нетрадиційної культури, росте взаємонерозуміння, нав'язуються ідеї світової «сили» і її впливу на сповідування чужих пріоритетів. Соціальна дезорієнтація вносить погані аналоги у співбуття, стає руйнацією чи то ліберального, чи то консервативного порядку. Яку б сферу життєдіяльності не взяти для аналітики – чи то екологічні проблеми, чи правові, чи воєнні – всі вони пов'язані із сутністю людських цінностей. Цей висновок екстраполюємо через вияв у комунікації питомих національних духовних цінностей або їх відсутність.

Методи, якими встановлено мету дослідження та її реалізацію, випливають із семантики поставлених завдань: виявити особливості комунікативної взаємодії в Україні із цінностями суспільства; встановити ідентифікації як національних, так і загальноцивілізаційних цінностей в реалізації комунікативних інтенцій людини; схарактеризувати ціннісні орієнтири локальної ідентифікації і загальнокультурної; довести потребу ціннісних взаємовпливів і взаємодій для гармонізації українських суспільних та особистісних інтересів комунікаторів. Комунікативний метод є основним способом розв'язання «семантичних дисонансів» через взаємодію і встановлені параметри ціннісного мирного співіснування; аксіологічний підхід дозволяє ідентифікувати цінності крізь призму комунікації. Результативність раціонального комунікативного акту синергетично сприяє самоорганізації спільнот.

Методологічну основу статті становлять: а) мислєдіяльнісні методології Ю.Габермаса, Р.Лотце, А.Фурмана); б) авторська концепція польського Цінності та комунікація в сучасній Україні: до питання взаємозв'язку вченого Б.Вольневича про цінності і філософію; в) методологічна концепція блага і буття А.Баумейстера; г) авторське методологування у праві і комунікації С.Максимова; д) методологічний підхід до відповідальності В.Гришука.

Огляд досліджень. Дослідники сингенетично (одночасно) конденсують дві протилежні точки зору: з одних позицій сучасна криза цінностей поглиблюється; з іншого – в українській соціокультурі спостерігається наявність невідкритих великих етичних резервів, а також, на жаль, спотворених тоталітаризмом параметрів. Фундаментальною є проблема синтезу багатого спадку цінностей у сегментації як національного, так і світового досвіду культивування добра засобами комунікації для його найширшого утвердження. Однак маркування добра має різну стратифікацію. До оцінок якості засвоєних цінностей віднесені ідеї культури. В її стратифікації наявні два щаблі: верхній і нижній (етнічний). Д. Андреев трактує верхній щабель як «загальнолюдську метакультуру», яка не виключає розвитку національної культури (Андреев 1991). Логіка такої схематизації референтна із багатоманітністю і єдністю, цілісністю і самоцінністю всіх культур, які пов'язує й артикулює комунікація. У цьому процесі проблемною є, наприклад, для східноєвропейського менталітету взаємооцінка національних цінностей.

Окремі дослідницькі ідеї виформовувалися як реакція цінностей через призму ідентичності: дослідники С. Хантінгтон, Р. Кенегем, А. Аарніо, Г. Г. фон Врігт та ін. Від спостережень Врігта уважливлені дві концептуальні засади: з модернізацією не сталося оновлення основ буття. Йдеться саме про цінності, «які формують основи моралі». Культурний спадок, який не витримав процесів модернізації, спричинив і «занепад цінностей суспільства» (Аарніо 2008-2009, 18). Стрімке зростання інформаційних технологій розпочалося наприкінці ХХ ст. та призвело до формування умов створення технологій, в яких комунікація та передача інформації почали відігравати першорядну роль. Цей процес супроводжувався розвитком постмодернізму, який виник як певна філософія епохи посиленого персоналізму та плюралізму (Ваєва 2017). На цьому шляху на підставі «ідеї всеєдності світу» східнослов'янській культурі та її цінностям треба пройти шлях відродження саморозвитку, з одного боку, а з іншого – критично засвоїти вивірені загальносвітові і локалізовані у Європі цінності. Виникає утопічна (чи ні) ідея «вивчення структури нашого незнання» і виділення ключових завдань, розв'язання яких допомогло б Україні і людству еволюціонувати. Пошуки сутності цінностей мають свою історію на підставі диференціації понять «добро» і «зло». За Ніцше, ці опозиції – «це тисячолітня «жахлива битва» «протилежних цінностей «добре та погане». Концепція гармонійного засвоєння цінностей у процесі комунікації вибудовується на необхідності пізнання опозицій «свій-чужий», «зло-добро, а також подолання окремих рис національного характеру: індивідуалізму, ворожості, емоціоналізму (пріоритет емоцій над рацією), конфліктності, негативізму, «нестійкості волі» через емоційність. Такий концепт зупинення негативізму і потреби змін спричинені глобалізацією, «відотною рівністю», оскільки «ми перебуваємо

у релевантних відносинах з усіма людьми світу» (Такінава 2006-2007, 29). Із XIX ст. поняття «цінність» (від німецького філософа Р.Г.Лотце), семантичне його наповнення не міняється, воно зазнає лише або розширення, або галузевого звуження. Це всеохопний термін, який дефініює соціальні цінності як сутнісні значення, які стратифікують для людини оцінку ідеологій, концепцій, речей, фактів, явищ Всесвіту та соціальних взаємин. Цінності ж, які втілюються через комунікацію, функціональні. Найближче до цього семантичного диференціалу підійшов відомий польський філософ сучасності Б. Вольневіч. На нинішній час це одна із найбільш ґрунтовних філософських праць, «до якої автор доходив крізь роки», яка охоплює всі життєдайні цінності: це «цінності онтології», «формули гуманізму», «найвищої цінності (життя)», «операційного сенсу «гуманізму», «гуманізму і антропотелізму», «різних версій «гуманізму» (Wolniewicz 2018, 261-264).

Варіативність культивування національних цінностей узалежнена в Україні від світосприйняття сучасного буття, а його проєкції на будучність постають в кількох варіантах. Перший – філософсько-культурологічний – співзвучний із нашою концепцією – вибудовується на феноменах сучасної культури, етики, права. Інша складова – моральнісна, універсалістська етика (етика «єдиного всемогутнього розуму»), що зазнає останнім часом своєї нівеляції. Кризово-духовний виклик, у т.ч. в Україні, пов'язаний із теорією споживацтва і байдужості, віднесений до соціокультурних феноменів, які вважаються «закономірним результатом розвитку західноєвропейської цивілізації» (Рогожа 2004, 77).

Належність України до європейської цивілізації не піддається сумніву, що своїми виразними питомо національними принципами привносить їх у світовий контекст, збагачуючи світові цінності. Саме українська комунікація підтвердила в майданних інтеракціях зміст слів «в єдності сила народу», а у воєнних умовах народила національний ціннісний феномен волонтерства, із незаними досі масштабами. Однак суттєвим гальмом прогресування, що підриває утвердження цінностей, є саме комунікативне мислення – ворогування між собою, а не із зовнішнім ворогом; невіра у свої сили; національна гординя. Занепад цінностей або еволюція найвиразніше акумульовані в комунікативних актах, співвідносних із суспільно-політичними подіями в Україні. Поступовий відхід від тоталітарної системи СРСР репрезентував «обнадійливо» марковану комунікацію – трансльовану на підставі очікування змін щодо Цінності та комунікація в сучасній Україні: до питання взаємозв'язку якості життя і визнання демократичних цінностей: сповідування принципу верховенства права, повноцінний розвиток науки й культури, відродження духовних засад суспільства. Проте часовий відрізок у десятиліття (1991-2001) не засвідчив глибинної демократичної ідентифікації. «Обнадійливий» тип суспільної комунікації набув ознак «оманливого»

діалогу. Деформаційними і гальмівними чинниками стали пропагандистські рудименти фальшивих обіцянок «поліпшити», «вдосконалити», «побудувати». Інструменти правової комунікації, як і свобода журналістів, були обмежені. Не настали зміни щодо чесного розслідування вбивства Г.Гонгадзе. Справедливість у судовій системі була знівельована корупційним елементом. Відтак до масштабного вибуху в 2004 р. в Україні мільйонні маси вийшли зі сформованими комунікативними матрицями «Ми за чесність і справедливість», «Банду геть», «Злочинцям тюрми», «Європейське майбутнє!», «Україні – демократичне майбутнє», «Гідні умови життя!» та ін. До початку революційних дій поширювалася «протестна» комунікація. Офіційна владна інтеракція не викликала довіри. Президентські вибори були сфальсифіковані. Завдяки масовим комунікативним протестам і під їхнім тиском суд встановив справедливі результати виборів, у яких переміг В.Ющенко. У цей період замість зневаги прав людини, її свобод та утисків з'явилися надії на справедливість, захист, відновлення втрачених цінностей (історичних, економічних і культурних надбань). Протести на Майдані в Києві були мирними зразками єдності, солідарності, взаємодопомоги.

Переконливими є докази зниження злочинності. Якщо в 2004 р. було зареєстровано 527 тис. 812 злочинів, за які засуджено 204 тис. 794 особи, то у 2005 р. кількість злочинів становила 491 тис. 754, засуджених – 176 тис. 934 особи. Така ж тенденція до спаду злочинності спостерігалася й надалі. У 2006 р. вчинено 428 тис. 149 злочинів. Засуджено 160 тис. 865 осіб. За чотири наступних роки розчарування громадян України посилюлося у зв'язку зі зневагою і безконтрольністю планів керівництва країни. Була припинена партнерська комунікація із суспільством. Новий президент В. Янукович спричинив ще більше невдоволення зміною курсу. Молодь вийшла з лозунгами за європейський курс і була піддана жорстоким побоям, що і викликало неймовірну реакцію в суспільстві. Мільйони громадян повстали за свої права і європейські цінності. Показники злочинності 2014 р. – це черговий її ріст: 529 тис. 139 злочинів з урахуванням ще не окупованого Криму. Корупція, рейдерство, несправедливість у судах та зневага прав і свобод людини викликали потребу ставати на захист своїх національних надбань і незалежності держави. У жорстоких протистояннях із владними інтересами віддали життя 12,2 тис. чоловік. У трагічних подіях людські цінності набули своєї особливої кристалізації: суспільство об'єдналося духовно, морально і матеріально. Комунікація на Майдані транслювалася постійно. Це сприяло швидкій та адекватній взаємодопомозі. Фактично комунікативний тиск із трибуни та його масова підтримка протестантами стали єдиним дієвим інструментом у відстоюванні демократичних цінностей у 2014 році.

За моделлю World Values Survey (WVS) – проект 1981 р., – що вивчає зміну цінностей і соціальних та політичних наслідків цих процесів,

Р. Інглеґарт і К. Вельцель у класифікації 100 країн диференціюють діяльність таких «перпендикулярних координатних шкал»: 1) традиційні цінності проти світських раціональних цінностей; 2) цінності виживання проти цінностей самовираження. Україну дослідники відносять до країн (Молдова, Туніс, Болгарія, Білорусь), в яких за статистикою 2011-2014 рр. домінують риси цінностей виживання. «Цінності виживання» формуються на основі економічної та фізичної безпеки людей з етноцентричним світоглядом (надання переваг своїй етнічній групі перед іншими, сприйняття й оцінка життєвих явищ виключно крізь призму її традицій і цінностей, низький рівень терпимості і довіри до «чужих», пріоритет безпеки над свободою, фокусування на отриманні вигоди лише для себе і свого вузького кола, що веде до недоброчесності й корупції – визнані зміненними ціннісними наслідками в Україні (Михайленко-Блейон 2019). До цього віднесено й «утримання від політичних дій», чого не підтверджують суспільно-політичні протести 2004 і 2014 років в Україні.

«Цінності самовираження» з пріоритетом охорони довкілля, а також толерантність до іноземців і сексуальних меншин, гендерної рівності, участь у політичному й економічному житті, пріоритетами свободи вибору і рівності можливостей – за висновками Р. Інглеґарт і К. Вельцель – не властиві нашій державі до 2014р. Однак, очевидно, ці дані аналізу 2011-2014 років не охопили періоду Революції Гідності і боротьби в ній за європейські цінності з величезним піднесенням цінностей самовираження учасників протесту у їхніх комунікативних діях, що й призвело до повалення режиму В. Януковича. За даними WVS, респонденти зі Швеції та України у 2014 р. засвідчили такі показники Good Country Index, що позначають внесок країн у надбання світової спільноти щодо ціннісних рис у вихованні: йдеться про аналіз 2014 р. Швеція Україна Незалежність 70,3 42,8 Уява 46,7 13,0 Толерантність і повага до людей 87 59,0 Довіра до людей 60,1 23,1 Слухняність 12,2 42,3 Самовираження 37,6 32,3 Цінності та комунікація в сучасній Україні: до питання взаємозв'язку 295 Ми взяли до уваги післяреволюційні події 2014 р. і провели за такими ж показниками опитування за наступних п'ять років. Отже, характеристики за названими цінностями в Україні набули таких видозмін: Незалежність 82,8 Уява 13,8 Толерантність і повага до людей 59,7 Довіра до людей 28 Слухняність 40,2 Самовираження 59 Тобто, на основі моделі, аналогічної до WVS, інтерв'юери (а це 300 студентів: по 100 від трьох вищих навчальних закладів – Львівський національний університет ім. І. Франка; Національний університет «Львівська політехніка» – інститут права і психології; Львівський університет внутрішніх справ) засвідчили, що вияв ціннісних якостей у 2019 році зріс у порівнянні із 2014р. за окремими показниками майже вдвічі. Так, незалежність, за даними WVS, становила 42,8, а в 2019р. 82,8; самовираження – 32,3 в 2014р. зросло до 59 у 2019р. Інші показники не зазнали суттєвих змін. Навпаки, слухняність

знизилися на 2,1 (42,3 проти 40,2), а довіра до людей незначно зросла з 23,1 до 28. Така ціннісна комунікативна якість, як толерантність і повага до людей залишається майже на тому ж рівні: 59,7 (2019) проти 59,0 (2014). Репрезентантами цінностей інтерв'юери вказали: гідність – 81%, свободу слова – 75,8%, право на свободу вираження поглядів – 32,3%, розвиток національної культури – 37,9%, відповідальність за власні професійні дії – 83%, боротьба з корупцією – 90,9%. Стриманими є показники гендерної політики (38,2) і толерантність до сексуальних меншин (11,7). Показовими є дані спільного опитування Центру «Соціальний моніторинг», «Українського інституту соціальних досліджень ім. О.Яременка», компанії «Інфо сапієнс» соціологічної групи «Рейтинг». На основі аналізу відповідей 10 тис. респондентів в усіх областях України, крім населення АР Крим і окупованих територій Донецької і Луганської областей, віком від 18 років, при статистичній похибці не більше 1,0 %, у січні 2019 р. було констатовано перелік цінностей, вагомих для України: 67% – мир, якого найбільше бракує державі, 37% – порядку; 34% – достатку; 31% – розвитку; 28-30% – єдності і справедливості (Настрої 2019). До цих політичних даних обов'язково треба додати вагомий суспільний генератор, яким у досягненні цінностей є комунікація. На жаль, на даному етапі розуміння такого взаємозв'язку наявне не в усіх управлінців в Україні. Аудит виявив, що у 80% міністерств цілком відсутня комунікативна стратегія, а 87% їх взагалі не вимірюють власну комунікативну ефективність (Запровадження 2016).

У нашому висліді уважливлюються висновки Г.Гарта, який вдаввся до виведення найменшого спільного знаменника – цінності, яка була б спільною для всіх людей – це життя і виживання. Мінімальна апріорна система природного права сформована на таких засновках: оскільки право становить собою механізм регулювання поведінки індивідів у суспільстві, воно повинне мати певний основний, мінімальний зміст, щоб сприяти мінімальному завданню виживання; для існування суспільства потрібно забезпечити можливість виживання для його членів (Hart 1961). Однак пересторогою деформацій (хай і в мінімальному вимірі) має стати право як комунікація (Хук 2012).

Висновки. Відповідно до концепції взаємозв'язку цінностей і комунікації, остання впливає на формування, поширення й унормування цінностей. У нерозривній єдності цінності впливають на якісний рівень комунікації, що й становить основу динамічного способу життєбуття. Поява антицінностей призводить до комунікативного протесту, руйнування європейських та загальносвітових цінностей. Відтак загальна криза вартостей залежить від їхнього нівелювання в національному масштабі. Запобіжником такого стану може стати об'єднання зусиль на ґрунті національних демократичних засад та бажання міжнародної спільноти в тому числі у відстоюванні усталених світових цінностей.

Бібліографія. Аарніо, А. (2008-2009), Хто ми? Проблеми соціальної, культурної та правової ідентичності. В: Проблеми філософії права. VI-VII, 18-24. [Aarnio, A. (2008–2009), Khto my? Problemy sotsial'noyi, kul'turnoyi ta pravovoyi identychnosti. In: Problemy filosofiyi prava. VI-VII, 18-24.] Аериян, Э. (2017), Этнический и политический миф как фактор формирования общественного мнения. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 161-172. [Asriyan, E. (2017), Etnycheskyu y polytycheskyu myf kak faktorformirovaniya obshchestvennogo mneniya. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1, 161-172] Андреев, Д. (1991), Роза мира. [Andreyev, D. (1991), Roza mira.] In: http://lib.ru/DANDREEW/roza.txt_with-big-pictures.html [доступ: 1 II 2019]. Баумейстер, А. (2014), Буття і благо. Вінниця. [Baumeyster, A. (2014), Buttya i blaho. Vinnytsya.] Гришук, В. (2012), Філософсько-правове розуміння відповідальності людини. Хмельницький. [Grishchuk, V. (2012), Filosofs'ko-pravove rozuminnya vidpovidal'nostilyudyny. Khmel'nyts'kyu.] Гришук, О. (2007), Людська гідність у праві: філософські проблеми. Київ. [Grishchuk, O. (2007), Lyuds'ka hidnist' u pravi: filosofs'ki problemy. Kyiv.] Запровадження (2016), Запровадження комунікації органів державної влади. Київ. [Zaprovadzhennya komunikatsiyi orhaniv derzhavnoyi vlady. Kyiv.] In: http://www.niss.gov.ua/content/articles/files/Verstka_ost_ispr-2eea8.pdf [доступ: 15 II 2019]. Капица, С./Малинецкий, Г. (2003), Синергетика и прогнозы будущего. Москва. [Kapitsa, S./Malinetskiy, G. (2003), Sinergetika i prognozy budushchego. Moskva.] Цінності та комунікація в сучасній Україні: до питання взаємозв'язку 297 Лебедев, А. (2016), Основы практичної філософії. Київ. [Lebedev, A. (2016), Osnovy praktichnoyi filosofiyi. Kyiv.] Лебедь, Е. (2004), И. Кант и Г. Йонас: два подхода к природе как этической проблеме. В: Практична філософія. 1(11), 63-75. [Lebed', Ye. (2004), I. Kant i G. Yonas: dva podkhoda k prirode kak eticheskoy probleme. In: Praktichna filosofiya. 1(11), 63-75.] Максимов, С. (2007), Українська правова культура: ціннісний вимір. В: Державне будівництво та місцеве самоврядування. 14, 15-21. [Maksymov, S. (2007), Ukrayins'ka pravova kul'tura: tsinnisnyy vymir. In: Derzhavne budivnytstvo ta mistseve samovryaduvannya. 14, 15-21.] Мелков, Ю. А. (2004), Размышления о кризисе культуры. В: Практична філософія. 1(11), 82-94. [Melkov, Yu.A. (2004), Razmyshleniya o krizise kul'tury. In: Praktichna filosofiya. 1(11), 82-94.] Михайленко-Блейон, О. (2019), Академічна етика у дзеркалі культурних інтерпретацій. [Mykhaylenko-Bleyon, O. (2019), Akademichna etyka u dzerkali kul'turnykh interpretatsiy.] In: https://dt.ua/EDUCATION/akademichna-etika-u-dzerkali-kulturnih-interpretatsiy-302164_.html?fbclid=IwAR3RhRfMCM7-T71zOYlroWN-6b5FbJceAQ28KZ4ZFVutSz3EMuJTIMRO lo [доступ: 15 II 2019]. Настої (2019), Настої та оцінки загроз українцями. [Nastroyi (2019), Nastroyi ta otsinky zahroz ukrayintsyamy. (2019).] In: <http://ratinggroup.ua/research/ukraine/>

nastroeniya_i_ocenka_ugroz_ukraincami.html [доступ: 15 II 2019]. Препотенська, М. (2011), Філософія риторики: екзистенційні та метаантропологічні аспекти. Київ. [Prepotens'ka, M. (2011), *Filosofiya rytoryky: ekzystentsiyni ta metaantropolohichni aspekty*. Kyiv.] Рогожа, М. (2004), Байдужість як феномен сучасної культури. В: Практична філософія. 1(11), 76-81. [Rohozha, M. (2004), *Bayduzhist' yak fenomen suchasnoyi kul'tury*. In: *Praktychna filosofiya*. 1(11), 76-81.] Соломадин, І. (2016), Культура діалога. Розв'язання конфліктів. Київ. [Solomadin, I. (2016), *Kul'tura dialoga. Razresheniye konfliktov*. Kiyev.] Такінава, Хірохіде (2006-2007), Виправдання держави загального достатку в добу глобалізації. До питання про комплексні кордони. В: Проблеми філософії права. IV-V, 29. [Takinava, Khirokhide (2006-2007), *Vypravdannya derzhavy zahal'noho dostatku v dobu hlobalizatsi. Do pytannya pro kompleksni kordony*. In: *Problemy filosofiyi prava*. IV-V, 29.] Токарська, А. С. (2017), Комунікація правова. В: Максимов, С. І. (ред.), Велика українська юридична енциклопедія: Філософія права. 2. Харків, 358-362. [Tokars'ka, A. S. (2017), *Komunikatsiya pravova*. In: *Maksymov, S. I. (red.), Velyka ukrayins'ka yurydychna entsyklopediya: Filosofiya prava*. 2. Kharkiv, 358-362.] Тур, М. (2016), Основи практичної філософії. Київ. [Tur, M. (2016), *Osnovy praktychnoyi filosofiyi*. Kyiv.] Філіп, де Лара. (2018), Що не так із цінностями? Чому принципи існування суспільства стають порожніми абстракціями. [Filip, de Lara. (2018), *Shcho ne tak iz tsinnostyamy? Chomu pryntsypy isnuvannya suspil'stva stayut' porozhnimy abstraktsiyamy*.] In: <http://tyzhden.ua/World/218615> [доступ: 1 II 2019]. Фурман, А. (2015), Система сучасних методологій: хрестоматія у 4-х т. Тернопіль, 2. [Furman, A. (2015), *Systema suchasnykh metodolohiy: khrestomatiya u 4-kh t. Ternopil', 2.*] Хук, М. ван (2012), Право як комунікація. Санкт-Петербург. [Hoecke, M. van (2012), *Pravo kak kommunikatsiya*. Sankt-Peterburg.] Баєва, Л. (2017), Values of Mediasphere and E-Culture. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 177-178. Харт, Н. Л. А. (1961), *The Concept of Law*. Oxford. Нішіхара, Н. (2001), The significance of constitutional values. In: *Potchefstroom Electronic Law Journal*. IV [DOI: 10.4314/pelj.v4i1.43493]. Волнієвич, В. (2018), *Filozofia i wartosci*. Warsaw.

* * *

Viktor Hryshchuk. Oksana Hryshchuk. Antonina Tokarska. Цінності та комунікація в сучасній Україні: до питання взаємозв'язку // Przegląd wschodnio-europejski xi/1 2020: S. 289–297

RELACJE KOŚCIOŁ-PAŃSTWO WEDŁUG KONSTYTUCJI UKRAINY, USTAWY O WOLNOŚCI SUMIENIA I WYZNANIA

Relacje kościół-państwo w stanie orientacji demokratycznej ma służyć podstawą do realizacji prawa człowieka na wolność sumienia i wyznania. Prawo to jest jednym z najważniejszych elementów poszanowania godności ludzkiej.

Jego treść ujawnia się w następujących międzynarodowych aktach prawnych: Powszechna Deklaracja Praw Człowieka, Międzynarodowy Pakt Praw Obywatelskich i Politycznych, Deklaracja w sprawie eliminacji wszelkich form nietolerancji i dyskryminacji opartych na religii lub przekonaniach, **Konwencja o Ochronie Praw Człowieka i Podstawowych Wolności, Karta praw podstawowych Unii Europejskiej.**

W Powszechnej Deklaracji Praw Człowieka prawo to znalazło swój skondensowany wyraz w artykule 18, który głosi, że każdy człowiek ma prawo wolności myśli, sumienia i wyznania; prawo to obejmuje swobodę zmiany wyznania lub wiary oraz swobodę głoszenia swego wyznania lub wiary bądź indywidualnie, bądź wspólnie z innymi ludźmi, publicznie i prywatnie, poprzez nauczanie, praktykowanie, uprawianie kultu i przestrzeganie obyczajów.

Artykuł 9 Europejskiej Konwencji Praw Człowieka o wolność myśli, sumienia i wyznania stanowi:

1. Każdy ma prawo do wolności myśli, sumienia i wyznania; prawo to obejmuje wolność zmiany wyznania lub przekonań oraz wolność uzewnętrzniania indywidualnie lub wspólnie z innymi, publicznie lub prywatnie, swego wyznania lub przekonań przez uprawianie kultu, nauczanie, praktykowanie i czynności rytualne.

2. Wolność uzewnętrzniania wyznania lub przekonań może podlegać jedynie takim ograniczeniom, które są przewidziane przez ustawę i konieczne w społeczeństwie demokratycznym z uwagi na interesy bezpieczeństwa publicznego, ochronę porządku publicznego, zdrowia i moralności lub ochronę praw i wolności innych osób.

Ukraina, będąc jednym z państw założycielskich Organizacji Narodów Zjednoczonych, dba o umocnienie uniwersalnych wartości ludzkich uznawanych za takie w prawie międzynarodowym. Jest wśród nich ludzkie prawo do wolności religijnej. Przede wszystkim znalazło ono odzwierciedlenie na poziomie konstytucyjnym. Artykuł 35 Konstytucji Ukrainy zawiera podstawowe zasady realizacji tego prawa człowieka i stosunków państwa z instytucjami religijnymi.

W Konstytucji Ukrainy zwłaszcza mówi się, że każdy ma prawo do swobodnego wyboru światopoglądu i wyznania. Prawo to obejmuje wolność wyznawania jakiegokolwiek religii albo nie wyznawania żadnej, uprawiania bez przeszkód pojedynczo lub grupowo kultu i obrzędów rytualnych, prowadzenie działalności religijnej.

Stosowanie tego prawa może być ograniczone przez ustawę tylko w interesie obrony porządku społecznego, zdrowia i moralności publicznej albo obrony praw i wolności innych ludzi.

Kościół i organizacje religijne na Ukrainie są oddzielone od państwa, a szkoła – od kościoła. Żadna religia nie może być uznana za państwową lub obowiązującą. Nikt nie może być zwolniony z obowiązków wobec państwa ani odmówić wykonywania postanowień ustaw z powodu przekonań religijnych. O ile wypełnienie obowiązku służby wojskowej pozostaje w sprzeczności z przekonaniem religijnym obywatela, wykonanie tego obowiązku może być zamienione na służbę alternatywną (niewojskową).

W przywoływanym tutaj artykule 35 Konstytucji Ukrainy została ustalona podstawowa zasada wzajemnych relacji państwa i organizacji religijnych: Kościół i organizacje religijne na Ukrainie są oddzielone od państwa, a szkoła – od kościoła. Żadna religia nie może być uznana za państwową lub obowiązującą. Wyszczególnie tej zasady zawarte jest w Ustawie Ukrainy O wolności sumienia i organizacjach religijnych, która zostanie omówiona później.

Ważne w tym kontekście jest to, że powyższe zasady zostały wzmocnione także w artykule 24 Konstytucji Ukrainy poprzez stwierdzenie równości osób wobec prawa.

Ponad to państwo ukraińskie ma obowiązek, wynikający z artykułu 3 Konstytucji: „Prawa i wolności człowieka oraz ich gwarancje określają istotę i kierunek działalności państwa. Państwo odpowiada przed jednostką za swoją działalność. Usankcjonowanie i zabezpieczenie praw i wolności człowieka jest głównym obowiązkiem państwa”.

Gwarancje prawne wyżej wymienionych zasad zawarte są także w Ustawie Ukrainy O wolności sumienia i organizacjach religijnych z 23 kwietnia 1991 roku (dalej – Ustawa). Zadania Ustawy są następujące:

- zagwarantowanie obywatelom Ukrainy prawa na swobodę sumienia i korzystanie z tego prawa;
- zapewnienie, zgodnie z Konstytucją Ukrainy, Deklaracją Suwerenności Państwowej Ukrainy i uznawanych przez Ukrainę norm prawa międzynarodowego, sprawiedliwości społecznej, równości, ochrony praw i interesów prawnych obywateli, niezależnie od ich stosunku do religii;
- określenie obowiązków państwa wobec organizacji religijnych;
- określenie obowiązków organizacji religijnych wobec państwa i społeczeństwa;
- przezwyciężenie negatywnych skutków polityki państwa wobec religii i kościoła;
- zapewnienie sprzyjających warunków dla rozwoju moralności publicznej i humanizmu, harmonii społecznej i współpracy między ludźmi, niezależnie od ich światopoglądu i przynależności wyznaniowej.

W artykule 2 tej ustawy zaznaczono, że na Ukrainie wszystkie stosunki prawne, związane z wolnością sumienia i działalnością organizacji religijnych są regulowane przez ustawodawstwo Ukrainy.

Prawo człowieka dowolności sumienia zostało szczegółowo wyartykułowane w artykule 3 Ustawy. Mówi się w nim, że każdy obywatel Ukrainy ma zagwarantowane prawo do wolności sumienia. Prawo to obejmuje swobodę wyznania, przyjmowania i zmiany wiary lub przekonań we własnym zakresie i swobodę bądź indywidualnie, bądź wspólnie z innymi ludźmi praktykować swoje wyznanie lub nie praktykować żadnego wyznania, uprawiać kultury religijne, otwarcie wyrażać i swobodnie głosić swoje przekonania religijne lub ateistyczne.

Nikt nie może ustanawiać obowiązkowych przekonań czy światopoglądu. Nikt nie może być zmuszany do określenia swoich przekonań religijnych, do ich wyznawania lub rezygnacji z wyznawania, do uczestniczenia lub nieuczestniczenia w praktykach religijnych i obrzędach oraz do nauki religii.

Rodzice lub osoby, którzy ich zgodnie z prawem zastępują, mają prawo do wychowania swoich dzieci zgodnie z własnymi przekonaniem i poglądami religijnymi.

Korzystanie z wolności praktykowania wyznania lub przekonań podlega jedynie tym ograniczeniom, które są konieczne dla ochrony bezpieczeństwa i porządku publicznego, życia, zdrowia i obyczajów, a także praw i wolności innych obywateli, ustanowionych przez prawo i zgodnie z międzynarodowymi zobowiązaniami Ukrainy. Nikt nie ma prawa żądać od księży informacji uzyskanych przez nich pod czas spowiedzi wiernych.

Zaakcentowana w artykule 24 Konstytucji zasada równości obywateli, niezależnie od ich stosunku do religii została rozwinięta w artykule 4 Ustawy, który stanowi, że obywatele są równi wobec prawa i mają równe prawa we wszystkich dziedzinach życia gospodarczego, politycznego, społecznego i kulturalnego, bez względu na ich stosunek do religii. W dokumentach urzędowych nie wymaga się określać stosunek obywatela do religii.

Jakiegokolwiek bezpośrednie lub pośrednie ograniczenie praw, określenie bezpośrednich lub pośrednich preferencji dla obywateli, w zależności od ich stosunku do religii, a także podleganie do wrogości i nienawiści oraz znieważenie uczuć innych obywateli, pociąga za sobą odpowiedzialność przewidzianą przez prawo.

Nikt, na podstawie swoich przekonań religijnych, nie może uchylać się od swoich obowiązków konstytucyjnych. Zamiana jednego zobowiązania na inne z tytułu przekonań jest dozwolona tylko w przypadkach określonych przez ustawodawstwo Ukrainy.

Powyżej wspomniana zasada rozdzielenia kościoła (związków wyznaniowych) od państwa została rozwinięta w artykule 5 Ustawy.

Na terytorium Ukrainy realizacja polityki państwowej w zakresie religii i kościołów należy wyłącznie do kompetencji państwa.

Kościół (związki wyznaniowe) na Ukrainie są oddzielone od państwa.

Państwo chroni prawa i interesy prawne związków wyznaniowych; promuje nawiązywanie wzajemnych relacji na podstawie tolerancji religijnej i

światopoglądowych oraz szacunku wśród obywateli, którzy wyznają lub nie wyznają religię, między wiernymi różnych wyznań i ich organizacjami religijnymi; bierze pod uwagę i szanuje tradycje i wytyczne wewnętrzne związków wyznaniowych, jeśli one nie są sprzeczne z obowiązującymi przepisami prawnymi.

Państwo nie ingeruje w działalność związków wyznaniowych, prowadzoną w granicach prawa, ani nie dofinansowuje działalności żadnej organizacji, założonej na podstawie stosunku do religii.

Wszystkie religie, denominacje i związki wyznaniowe są równe wobec prawa. Ustanowienie jakichkolwiek preferencji lub ograniczeń dla którejś z religii, denominacji lub związku wyznaniowego w stosunku do innych jest niedopuszczalne.

Związki wyznaniowe nie pełnią żadnych funkcji państwowych.

Związki wyznaniowe mają prawo do udziału w życiu społecznym, a także do korzystania na równi z organizacjami społecznymi ze środków masowego przekazu.

Związki wyznaniowe nie biorą udziału w działaniach partii politycznych i nie udzielają wsparcia finansowego partiom politycznym, nie nominują kandydatów na stanowiska państwowe, nie prowadzą, nie dofinansowują kampanii wyborczych dla kandydatów na te stanowiska. Duchowni mają prawo uczestniczyć w życiu politycznym na równi z pozostałymi obywatelami.

Związek wyznaniowy nie powinien ingerować w działalność innych związków wyznaniowych, w żadnej formie, a także głosić wrogość, nietolerancję wobec niewierzących i wiernych innych wyznań.

Związek wyznaniowy jest zobowiązany do przestrzegania wymogów obowiązujących przepisów prawnych i porządku publicznego.

Wartykule 6 Ustawy zawarte zostały zasadnicze przepisy, dotyczące rozdzielienia szkoły od kościoła (związków wyznaniowych). Między innymi mówi się, że państwowy system edukacji na Ukrainie jest oddzielony od kościoła (związków wyznaniowych) i ma charakter świecki. Dostęp do wszystkich rodzajów i poziomów wykształcenia jest zapewniony wszystkim obywatelom, niezależnie od ich stosunku do religii.

Niedopuszczalne jest ograniczanie prowadzenia badań naukowych, w tym finansowanych przez państwo, propagowanie ich wyników lub włączanie ich do ogólnych programów edukacyjnych na podstawie ich zgodności lub niezgodności z zasadami jakiegokolwiek religii lub ateizmu.

Obywatele mogą studiować religię i zdobywać wykształcenie religijne indywidualnie lub grupowo, swobodnie wybierając język nauczania.

Związki wyznaniowe mają prawo, zgodnie ze swoimi wytycznymi wewnętrznymi, powoływać zakłady edukacyjne i grupy dla wykształcenia religijnego dzieci i dorosłych, a także przeprowadzać naukę w innych formach, korzystając z pomieszczeń, które są w ich własności lub zostały im nadane.

Nauczyciele religii i kaznodzieje religijni są zobowiązani do wychowywania swoich słuchaczy w duchu tolerancji i szacunku dla obywateli niereligijnych i wiernych innych wyznań.

Wspomniana Ustawa Ukrainy legalizuje związki wyznaniowe. W myśl artykułu 7 Ustawy, związki wyznaniowe na Ukrainie są tworzone w celu zaspokojenia religijnych potrzeb obywateli w wyznawaniu i krzewieniu wiary i działają zgodnie z własnym ustrojem hierarchicznym i instytucjonalnym, wybierając, mianując i zastępując personel zgodnie z własnym statutem (regulaminem).

Związkami wyznaniowymi na Ukrainie są wspólnoty religijne, zarządy i ośrodki religijne, klasztory, bractwa religijne, towarzystwa misyjne (misje), instytucje edukacyjne o charakterze religijnym, a także stowarzyszenia zrzeszające wyżej wymienione związki wyznaniowe. Związki wyznaniowe są reprezentowane przez ich centra (zarządy).

Każdy rodzaj związków wyznaniowych ma swoje określenie w Ustawie. Tak więc, zgodnie z artykułem 8 Ustawy, wspólnotą religijną jest lokalna organizacja religijna wyznawców tego samego kultu, religii, kierunku, prądu lub myśli, którzy dobrowolnie zrzeszyli się, aby wspólnie zaspokajać potrzeby religijne.

Państwo uznaje prawo wspólnoty religijnej do jej podporządkowania w kwestiach kanonicznych i organizacyjnych jakimkolwiek ośrodkom religijnym (kierownictwu) działającym na Ukrainie lub za granicą oraz do swobodnej zmiany tego podporządkowania.

Zawiadomienie władz publicznych, dotyczące utworzenia wspólnoty religijnej nie jest obowiązkowe.

Zgodnie z artykułem 9 Ustawy zarządy i ośrodki religijne działają na podstawie ich statutów (regulaminów), które są rejestrowane w sposób określony w art. 14 Ustawy.

Odpowiednio do artykułu 14 Ustawy, w celu rejestracji statutu (regulaminu) wspólnoty religijnej, obywatele powyżej 18 lat, którzy tworzą wspólnotę w ilości nie mniej dziesięciu osób, wnoszą wniosek i statut (regulamin) do obwodowej, Kijowskiej i Sewastopolskiej administracji miejskich, a w Republice Autonomicznej Krymu – do Rady Ministrów Republiki Autonomicznej Krymu.

Ośrodki religijne, zarządy, klasztory, bractwa religijne, misje i szkoły religijne w celu rejestracji przedstawiają statut (regulamin) do centralnego organu władzy wykonawczej, który realizuje politykę państwa w dziedzinie religii.

Organ rejestrujący w ciągu jednego miesiąca rozpatruje wniosek, statut (regulamin) związku wyznaniowego, podejmuje decyzję i nie później niż w terminie dziesięciu dni, informuje o tym wnioskodawcę na piśmie.

W razie konieczności organ, który dokonuje rejestracji statutów (regulaminów) związków wyznaniowych, może wymagać zaświadczenia od lokalnej

administracji państwowej, organu wykonawczego wsi, osiedla, rady miejskiej, a także specjalistów. W takim przypadku decyzja o rejestracji statutów (regulaminów) związku wyznaniowego jest podejmowana w ciągu okresu trzymiesięcznego.

Przekroczenie wyznaczonego w Ustawie terminu na podjęcie decyzji o rejestracji statutów (regulaminów) związków wyznaniowych, może być zaskarżone do sądu w sposób przewidziany przez ustawodawstwo cywilno-procesowe Ukrainy.

Zmiany i uzupełnienia statutów (regulaminów) związków wyznaniowych są rejestrowane w taki sam sposób i na takich samych warunkach, jak rejestracja statutów (regulaminów).

W razie potrzeby przedstawiciele związku wyznaniowego mogą brać udział w rozpatrywaniu kwestii rejestracji statutu (regulaminu) związku wyznaniowego.

W rejestracji statutu (regulaminu) związku wyznaniowego może być odmówiono, jeżeli jego statut (regulamin) lub działalność jest sprzeczna z obowiązującym prawem.

Decyzja o odmowie rejestracji statutu (regulaminu) związku wyznaniowego ze wskazaniem przyczyn odmowy, zawiadamia się na piśmie w ciągu dziesięciu dni. Od decyzji tej można się odwołać do sądu w sposób przewidziany przez ustawodawstwo cywilno-procesowe Ukrainy.

Związki wyznaniowe, których zarządy znajdują się za granicami Ukrainy, w swojej działalności mogą kierować się wskazówkami z tych ośrodków, jeżeli przy tym prawo Ukrainy nie zostanie naruszone.

Nieuregulowane prawnie stosunki państwa z zarządami i ośrodkami religijnymi, w tym także z tymi, które znajdują się poza Ukrainą, są regulowane zgodnie z porozumieniami między nimi a organami państwowymi.

Klasztory, bractwa religijne i misje dysponują odrębnym statusem prawnym, który w ogólnym zarysie został przedstawiony w artykule 10 Ustawy.

Zarządy i ośrodki religijne mają prawo, zgodnie ze swoimi zarejestrowanymi statutami (regulaminami), do zakładania klasztorów, bractw religijnych, stowarzyszeń misyjnych (misji), działających na podstawie ich statutów (regulaminów), rejestrowanych zgodnie z procedurą ustanowioną w przywołanym wyżej artykule 14 Ustawy.

Klasztory i bractwa religijne mogą być zakładane także w sposób, przewidziany niniejszą Ustawą dla założenia wspólnot religijnych rejestracją ich statutów (regulaminów).

Wartykule 11 Ustawy zostały uregulowane kwestie szkół religijnych. Zarządy i ośrodki religijne mają prawo, zgodnie ze swoimi zarejestrowanymi statutami (regulaminami), do zakładania szkół religijnych w celu kształcenia duchownych i innej kadry religijnej, która jest im potrzebna. Szkoły religijne działają zgodnie ze swoimi statutami (regulaminami), rejestrowanymi zgodnie z procedurą, przewidzianą we wspomnianym artykule 14 Ustawy.

Obywatele studiujące w wyższych i średnich szkołach religijnych korzystają z praw i przywilejów, dotyczących odroczenia obowiązkowej służby wojskowej, opodatkowania, włączenia czasu wykształcenia do doświadczenia zawodowego w sposób i na warunkach ustalonych dla studentów i uczniów publicznych zakładów edukacyjnych.

W Ustawie (artykuł 12) zostały szczegółowo określone wymagania dotyczące Statutów (regulaminów) związków wyznaniowych. Statut (regulamin) związku wyznaniowego, który zgodnie z prawem cywilnym określa jego zdolność prawną, rejestruje się zgodnie z procedurą przewidzianą w artykule 14 Ustawy.

Statut (regulamin) związku wyznaniowego jest podejmowany na walnym zgromadzeniu wiernych lub na kongresach i konferencjach religijnych.

Statut (regulamin) związku wyznaniowego powinien zawierać następujące informacje:

- 1) rodzaj związku wyznaniowego, jego przynależność religijną i lokalizację;
- 2) miejsce związku wyznaniowego w strukturze organizacji;
- 3) status majątkowy związku wyznaniowego;
- 4) prawo związku wyznaniowego do zakładania przedsiębiorstw, środków masowego przekazu, innych organizacji religijnych, stworzenia instytucji edukacyjnych;
- 5) procedura wniesienia poprawek i uzupełnień do statutu (regulaminu) związku wyznaniowego;
- 6) procedura rozwiązywania majątkowych i innych kwestii w przypadku ustania działalności związku wyznaniowego.

Statut (regulamin) może zawierać inne informacje, związane ze szczegółową działalnością związku wyznaniowego.

Statut (regulamin) związku wyznaniowego nie może być sprzeczny z obowiązującym prawem.

Dokumenty, określające działalność religijną i rozstrzygające inne kwestie wewnętrzne związku wyznaniowego, nie podlegają rejestracji w organach państwowych.

Związek wyznaniowy jest uznawany za osobę prawną od daty jego rejestracji państwowej (artykuł 13 Ustawy).

Jako osoba prawna związek wyznaniowy korzysta z praw i ponosi odpowiedzialność zgodnie z obowiązującym prawem i własnym statutem (regulaminem).

Rzeczywiście ważna jest kwestia rozwiązania związku wyznaniowego. Zgodnie z artykułem 16 Ustawy, działalność związku wyznaniowego może zostać rozwiązana w związku z jego reorganizacją (podzieleniem, połączeniem, przejęciem) lub likwidacją.

Reorganizacja lub likwidacja związku wyznaniowego odbywa się zgodnie z jego własnymi instrukcjami. Rejestracja statutów (regulaminów) utworzonych po reorganizacji związków wyznaniowych odbywa się zgodnie z procedurą ustanowioną w wyżej przywołanym artykule 14 Ustawy.

W przypadku naruszenia przez związek wyznaniowy, będącą osobą prawną przepisów niniejszej Ustawy i innych aktów prawnych Ukrainy, jego działalność może zostać rozwiązana również na mocy decyzji sądowej.

Za pośrednictwem sądu działalność związku wyznaniowego rozwiązuje się tylko w przypadkach:

1) popełnienie przez związek wyznaniowy działań, które są niedopuszczalne zgodnie z artykułami 3, 5 i 17 Ustawy;

2) połączenie ceremonialnych lub kaznodziejskich działań związku wyznaniowego z atakami na życie, zdrowie, wolność i godność osoby;

3) systematyczne naruszanie przez związek wyznaniowy ustanowionych przez prawo sposobów na przeprowadzanie religijnych akcji społecznych (nabożeństw, obrzędów, ceremonii, marszy itp.);

4) zachęcanie obywateli do niedotrzymywania ich obowiązków konstytucyjnych lub do działań, którym towarzyszą rażące naruszenia porządku publicznego lub ingerencja w prawa i własność państwową, organizacji społecznych lub religijnych.

Sąd rozpatruje sprawę dotyczącą zakończenia działalności związku wyznaniowego w trybie postępowania z pozwu, przewidzianego przez Kodeks postępowania cywilnego Ukrainy, na podstawie wniosku organu uprawnionego do rejestracji statutu danej organizacji wyznaniowej lub prokurator.

Związki wyznaniowe mają prawo do wykorzystania dla swoich celów budynków i mienia, które są im nadawane na podstawie umowy przez państwo, społeczne organizacje pozarządowe lub obywateli. Powyższe prawo przysługuje im na podstawie artykułu 17 Ustawy.

Budynki sakralne i mienie, będące własnością państwową są przekazywane przez organizacje, w których ewidencji one są ujęte, w użytkowanie bezpłatne, lub są przekazywane w użytkowanie bezpłatne na mocy decyzji władz obwodowych..

Budynki sakralne i mienie, będące własnością państwową mogą być przekazane w pokolejne wykorzystanie dwóm lub więcej wspólnotom religijnym za ich wzajemną zgodą. W przypadku braku takiej zgody organ państwowy określa sposób korzystania z budynku i mienia religijnego, zawierając osobne porozumienie z każdą wspólnotą religijną.

Budynki sakralne i inne mienie o wartości historycznej, artystycznej lub innej wartości kulturowej przekazywane są związkom wyznaniowym i wykorzystywane przez nich zgodnie z ustalonymi zasadami ochrony i użytkowania zabytków historycznych i kulturowych.

Wniosek o przekazanie do związku wyznaniowego budynków religijnych i mienia w użytkowanie bezpłatne rozpatrywany jest w ciągu jednego miesiąca z pisemnym zawiadomieniem wnioskodawcy.

Związki wyznaniowe mają preferencyjne prawo do przekazania do nich budynków sakralnych wraz z gruntami niezbędnymi do utrzymania tych budynków.

Związki wyznaniowe używają ziemi zgodnie z procedurą ustanowioną przez Kodeks ziemski Ukrainy i inne akty prawne Ukrainy. Grunty nadawane związkom wyznaniowym do stałego użytku w celu budowy i konserwacji budynków sakralnych i innych obiektów niezbędnych do prowadzenia ich działalności, zabronione jest wykorzystywać do prowadzenia działalności przedsiębiorczej.

Umowy o przekazanie budynków sakralnych oraz innych budynków i mienia do użytku przez związki wyznaniowe mogą być rozwiązane lub unieważnione w sposób i na podstawach określonych przez prawo cywilne Ukrainy.

Nieuprawnione zajęcie budynków sakralnych lub przywłaszczenie mienia religijnego jest niedopuszczalne.

Decyzje organów państwowych, dotyczące posiadania i użytkowania budynków i mienia sakralnego mogą być zaskarżone do sądu w sposób określony przez Kodeks postępowania cywilnego Ukrainy.

Związki wyznaniowe posiadają, używają i rozporządzają się mieniem, należącym do nich na podstawie prawa własności (Artykuł 18 Ustawy).

Własnością związku wyznaniowego mogą być budynki, przedmioty kultu, obiekty o przeznaczeniu produkcyjnym, społecznym i charytatywnym, środki transportu, środki pieniężne i inne mienie, niezbędne do zapewnienia ich działalności.

Związki wyznaniowe mają prawo do posiadania prawa własności na mienie nabyte lub wytworzone na własny koszt, ofiarowane przez obywateli, organizacje lub przekazane przez państwo, a także nabyte na innych podstawach przewidzianych przez prawo.

We własności związków wyznaniowych może być również mienie znajdujące się poza Ukrainą.

Związki wyznaniowe mają prawo ubiegać się o dobrowolne ofiary w formie pieniężnej i innych formach oraz otrzymywać je.

Ofiary finansowe i majątkowe, a także inne dochody związków wyznaniowych, nie są opodatkowane.

Związki wyznaniowe mają prawa nakładać obowiązkowych opłat na wierzących.

Własność związków wyznaniowych jest chroniona prawem.

Na podstawie artykułu 19 Ustawy, związki wyznaniowe, w ramach wykonywania swoich celów ustawowych mają prawo, zgodnie z procedurą przewidzianą przez obowiązujące przepisy prawne, do zakładania przedsiębiorstw wydawniczych, drukarskich, przemysłowych, restauratorskich, budowlanych, rolniczych i innych, a także do powołania instytucji charytatywnych (schroniska, internaty, szpitale itp.), które dysponują podmiotowością prawną.

Dochód od działalności produkcyjnej i inne dochody przedsiębiorstw, należących do związków wyznaniowych, podlegają opodatkowaniu zgodnie z

obowiązującymi przepisami w sposób i w wysokości, ustalonymi dla przedsiębiorstw organizacji społecznych. Kwoty dochodów, które są wykorzystywane na cele charytatywne, nie są opodatkowane.

Inwestycje sakralne i inwestycje innych budynków przez związki wyznaniowe są przeprowadzane zgodnie z procedurą przewidzianą przez obowiązujące ustawodawstwo dla obiektów o przeznaczeniu cywilnym.

Konserwacja i naprawa budynków sakralnych – zabytków historycznych i kulturowych jest prowadzana zgodnie z ustalonymi zasadami ochrony i użytkowania zabytków historycznych i kulturowych.

W przypadku zaprzestania działalności związku wyznaniowego, kwestie majątkowe są rozstrzygane zgodnie z jego statutem (regulaminem) i obowiązującym prawem (artykuł 20 Ustawy).

Po zaprzestaniu działalności związku wyznaniowego, mienie, które zostało jemu przekazane przez państwo, organizacje społeczne lub obywatele powraca się do poprzedniego właściciela.

Mienie przeznaczone do uprawiania kultu, należące do związku wyznaniowego nie może być wyegzekwowane z tytułu roszczeń wierzycieli.

W przypadku braku następców prawnych mienie związku wyznaniowego, który zaprzestał działalności, staje się własnością państwa.

W przypadku zaprzestania działalności związku wyznaniowego w związku z naruszeniem niniejszej Ustawy i innych aktów prawnych Ukrainy, mienie, znajdujące się w jego posiadaniu, z wyjątkiem przedmiotów kultu, może być bezpłatnie przeniesione we własność państwową. Mienie przeznaczone do uprawiania kultu zostaje przekazane innym związkom wyznaniowym.

Związki wyznaniowe, zgodnie z artykułem 21 Ustawy, mają prawo do zakładania i utrzymywania dostępnych miejsc kultu i zebrań wiernych, a także miejsc czczonych w tej lub innej religii (miejsca pielgrzymek).

Nabożeństwa, obrzędy religijne, ceremonie i procesje odbywają się swobodnie w budynkach sakralnych i przyległych terytoriach, w miejscach pielgrzymek, w instytucjach związków wyznaniowych, na cmentarzach, w miejscach indywidualnych pochówków i krematoriów, w mieszkaniach i domach obywateli, a także w instytucjach, organizacjach i przedsiębiorstwach z inicjatywy ich kolektywów i za zgodą administracji.

Dowództwa jednostek wojskowych umożliwiają żołnierzom uczestniczenie w nabożeństwach i obrzędach religijnych.

Nabożeństwa i obrzędy religijne w szpitalach, lazaretach, domach dla osób starszych i inwalidów, miejscach tymczasowego aresztowania i odbycia kary są przeprowadzane na prośbę obywateli, którzy znajdują się w nich lub z inicjatywy związków wyznaniowych. Administracja wymienionych instytucji sprzyja temu, uczestniczy w określeniu czasu i zapewnieniu warunków dla uprawiania nabożeństw, obrzędów lub ceremonii.

W innych przypadkach nabożeństwa publiczne, obrzędy religijne, ceremonie i procesje odbywają się każdego razu za zgodą właściwej lokalnej

administracji państwowej, organu wykonawczego rady wiejskiej, osiedlowej lub miejskiej. Wniosek o wydanie zaznaczonego zezwolenia składa się nie później niż dziesięć dni przed wyznaczoną datą nabożeństwa, obrzędu religijnego, ceremonii lub procesji, z wyjątkiem nagłych przypadków.

Obywatele i związki wyznaniowe mają prawo do zdobywania, posiadania i używania literatury religijnej w wybranym przez siebie języku, jak również innych przedmiotów i materiałów religijnych (artykuł 22 Ustawy).

Związki wyznaniowe mają prawo do wytwarzania, eksportu, importu i dystrybucji przedmiotów religijnych, literatury religijnej i innych materiałów informacyjnych o treści religijnej.

Związki wyznaniowe mają wyłączne prawo do zakładania przedsiębiorstw do produkcji literatury liturgicznej i wytwarzania przedmiotów o przeznaczeniu kultowym.

Przy związkach wyznaniowych, na podstawie artykułu 23 Ustawy, mogą być założone stowarzyszenia, bractwa, fundacje, inne zrzeszenia obywateli w celu prowadzenia działalności charytatywnej, badania i rozpowszechniania literatury religijnej oraz prowadzenia innej działalności kulturalnej i edukacyjnej. Organizacje te mogą mieć własne statuty zarejestrowane w sposób przewidziany dla organizacji społecznych.

Związki wyznaniowe mają prawo do działalności charytatywnej i dobroczynnej zarówno w sposób niezależny, jak i ze środków publicznych. Kwoty wydatków na ten cel nie podlegają opodatkowaniu.

Związki wyznaniowe i osoby wierzące, samodzielnie lub wspólnie z innymi, mają prawo do nawiązywania i utrzymywania kontaktów międzynarodowych oraz bezpośrednich kontaktów osobistych, w tym podróży zagranicznych w celach pielgrzymkowych, uczestniczenia w spotkaniach i wydarzeniach religijnych (artykuł 24 Ustawy).

Uczestnicy tych kontaktów i przedsięwzięć mogą, zgodnie z procedurą przewidzianą przez obowiązujące prawo, nabywać, otrzymywać i przewozić ze sobą literaturę religijną i inne materiały informacyjne o treści religijnej.

Związki wyznaniowe mogą wysyłać obywateli za granicę w celu odbycia studiów na uczelniach religijnych, a także przyjmować w tym celu cudzoziemców.

Osoby duchowne, religijni kaznodzieje, mentorzy, inni przedstawiciele organizacji zagranicznych, którzy są obcokrajowcami i znajdują się na terytorium Ukrainy tymczasowo, mogą angażować się w głoszenie wiary, wykonywać obrzędy religijne lub prowadzić inną działalność kanoniczną jedynie w tych organizacjach religijnych, przez które zostali zaproszeni i pod oficjalną zgodą organu państwowego, który zarejestrował statut (regulamin) danego związku wyznaniowego.

Na podstawie artykułów 25, 26 i 27 Ustawy, związek wyznaniowy ma prawo do zatrudniania obywateli.

Warunki pracy ustalane są na podstawie umowy między związkiem wyznaniowym a pracownikiem i są określone na podstawie umowy o pracę, zawieranej na piśmie.

Związek wyznaniowy jest zobowiązany do rejestrowania umowy o pracę w ustalony sposób.

W ten sam sposób rejestrowane są dokumenty, określające warunki wynagradzania osób duchownych, pracowników kościelnych i osób zatrudnionych w związku wyznaniowym na podstawie wyborów.

Obywatele, którzy pracują w związku wyznaniowym na podstawie umowy o pracę, mogą być członkami związku zawodowego.

Obywatele, którzy pracują w związkach wyznaniowych i stworzonych przez nich przedsiębiorstwach, zakładach charytatywnych na podstawie umowy o pracę, są objęte przepisami prawa pracowniczego, obowiązkowego państwowego ubezpieczenia społecznego i opodatkowania.

Obywatele, którzy pracują w związkach wyznaniowych i stworzonych przez nich przedsiębiorstwach, zakładach charytatywnych na podstawie umowy o pracę, a także osoby duchowni, pracownicy kościelni i osoby zatrudnione w związku wyznaniowym na podstawie wyborów, podlegają obowiązkowemu państwowemu ubezpieczeniu społecznemu na warunkach i zgodnie z procedurą przewidzianą przez ustawodawstwo dotyczące obowiązkowego państwowego ubezpieczenia społecznego.

Związki wyznaniowe, ich przedsiębiorstwa i zakłady oraz, w przypadkach przewidzianych prawem, pracownicy tych związków, przedsiębiorstw i zakładów opłacają składki na ubezpieczenie do Funduszu Obowiązkowego Państwowego Ubezpieczenia Społecznego Ukrainy na wypadek bezrobocia, Funduszu Ubezpieczeń Społecznych Ukrainy, a także składki na obowiązkowe państwowe ubezpieczenie emerytalne do Funduszu Emerytalnego Ukrainy w sposób i w kwotach ustalonych przez prawo.

Wszystkim obywatelom, którzy są zatrudnione w związkach wyznaniowych, ich przedsiębiorstwach i zakładach, emerytura państwowa jest przyznawana i wypłacana na ogólnych podstawach zgodnie z przepisami prawnymi.

Obowiązujące prawo Ukrainy przewiduje dyscyplinarną, materialną, administracyjną i karną odpowiedzialność za naruszenie prawa o wolności sumienia i związkach wyznaniowych.

Przykładem może służyć odpowiedzialność karna. Na przykład, artykuł 178 Kodeksu karnego (dalej – KK) przewiduje odpowiedzialność za uszkodzenie obiektów religijnych bądź budynków kultowych. Uszkodzenie, bądź zniszczenie obiektu religijnego lub budynku kultowego podlega karze grzywny w wysokości do 300 nieopodatkowanych płac minimalnych obywateli lub prac społecznych od 60 do 240 godzin lub aresztu do 6-ciu miesięcy lub ograniczenia wolności do lat 3 lub pozbawienia wolności na ten sam okres. Bezprawne przetrzymywanie, profanacja lub zniszczenie świątyń religijnych

(artykuł 179 KK) podlega karze grzywny do 200 nieopodatkowanych płac minimalnych obywateli lub prac społecznych od 60 do 240 godzin lub aresztu do 6-ciu miesięcy lub ograniczenia wolności do lat 3 lub pozbawienia wolności na ten sam okres. Artykuł 180 KK przewiduje i różnicuje odpowiedzialność za przeszkadzanie w wykonywaniu obrządku religijnego. Mianowicie, bezprawne przeszkadzanie w wykonywaniu porządku religijnego, które przerwało lub zagroziło obrządkowi religijnemu podlega karze grzywny do 50 nieopodatkowanych płac minimalnych obywateli lub prac społecznych od 120 do 240 godzin lub aresztu do 6-ciu miesięcy lub ograniczenia wolności do lat 2. Przymuszanie duchownego z użyciem przemocy fizycznej lub psychicznej do przeprowadzenia obrządku religijnego podlega karze grzywny do 50 nieopodatkowanych płac minimalnych obywateli lub aresztu do 6-ciu miesięcy. Zamach na zdrowie osób w ramach krzewienia nauki wiary lub wykonywania obrządków religijnych (art. 181 KK) karane jest ograniczeniem wolności do lat 3 lub pozbawieniem wolności na taki samy okres. Powyższe czyny w połączeniu z zaangażowaniem grupy osób nieletnich karane są pozbawieniem wolności na okres od 3 do 5 lat.

Przedstawiona tutaj analiza świadczy, że w czasie niepodległości Ukrainy przeprowadzono polepszenie gwarancji prawnych, niezbędnych do należytej realizacji praw człowieka na wolności sumienia i wyznania, które w ogólnym zakresie są zgodne z obecną praktyką w państwach demokratycznych.

* * *

Relacje Kościół–Państwo na Ukrainie: Międzynarodowa konferencja naukowa. Lwów, 24 listopada 2017 r. Подано до видання

THE GENOCIDAL ESSENCE OF "RASHISM": GENESIS, DEVELOPMENT AND MODERNITY

Abstract. The term "rashism" is used in lexical circulation not so long ago. Its etymological meaning is not related to the term "Russia." Among modern researchers, politicians, journalists, including in this article, this term is used to refer to state-legal ideology, social practices and the political regime of Russia. The term "rashism" was first used by Russian journalist Nikolai Andreev in his article "Ordinary Rashism," which was published in 1990 in the Russian magazine "Ogoniok". Andreev called "Rashism" the extremely warlike ideological views of the Russian militaristic writer Karem Rush, a Kurd by national origin. Actually, the term "rashism" comes from his surname, in this sense. One of the works of Karem Rush, widely published by special order of the then Minister of Defense of the USSR and was translated at the Pentagon and published in the United States.

Reflections on the issue of the genocide of the Ukrainian people by Russia, which is based on the principles of the genocidal ideology of «rashism». This

work provides an answer to the question – what is «rashism» as a hateful social phenomenon. This work highlights its characteristic features – the idealistic, groundless imagination of the Russian elite regarding their alleged exceptionalism, “superhumanity”, which has always been manifested in a supercilious, contemptuous, cruel, barbaric, predatory attitude towards the enslavement of all other peoples. In the legal doctrine, there is a lack of systematic, fundamental monographic studies in the field of «rashism» – a murderous ideology and the practice of its application. The author analyzes the main historical stages of the genocide of the Ukrainian people by Russia, which are aimed at the destruction of Ukrainian statehood and the Ukrainian people, have been frankly cynical, purposeful, persistent, insolent and continued unceasingly for many centuries. Based on the analysis of the problems of «rashism», the author comes to the conclusion about the need to condemn «rashism» as a man-hating, murderous ideology and its practice to prevent the existence and development of such a shameful phenomenon in the civilized world, by uniting the efforts of the entire civilized world.

Key words: the aggressive war of the Russian regime against Ukraine, the murderous ideology of «rashism», the main historical stages of the liquidation of Ukrainian statehood, the genocide of the Ukrainian people by Russia.

Introduction

Global democratic practice of social being founded on common universal values has encountered unexpected emergence of a genocidal ideology, which is new to it, but has long been known to the Ukrainian people, and which in Ukraine is now called ‘**rashism**’. Along with other historically known misanthropic ideologies, particularly such as ‘racism’, ‘chauvinism’, ‘nazism’, ‘stalinism’, and ‘fascism’, ‘**rashism**’ is a totalitarian form of the state and legal regime, misanthropic ideology of the ruling elite of the Russian federation, an extreme, sophisticated improvement, and a symbiosis of the principles of these ideologies. Complete destruction of Ukraine as a state and Ukrainians as an ethnic group are the purpose of rashism. The basis of the ideology of ‘**rashism**’ has always been, and still is, an idealistic, unjustified idea of the ruling elite of Russia about its alleged exclusivity, ‘superhumanity’, which has always been shown, and is shown, in its arrogant, contemptuous, cruel, barbaric, predatory attitude to the enslavement of all the other peoples, including the threat to use nuclear weapons against the peoples. This ideology is aimed at the desire to present itself to the peoples of the world as the ruler of their destinies, the world arbiter (1, p. 7).

Despite the fact the classical Italian fascism was formed in the 20s of XX century, certain elements of this criminal ideology in Russia were laid down back in the XV-XVI centuries, when Moscow began to establish itself as both the New Jerusalem and the New Rome, i.e., the Third Rome. The Roman

Church was destroyed by heresy, and the Church of Constantinople, which is the Church of the Second Rome that inherited imperial and spiritual power after the fall of the First Rome, was seized by the Muslims. According to the authors, the idea of 'Moscow – Third Rome' gave sacredness and greatness to the Moscow, and, since 1721, the Russian state, as it was the state where the only 'correct' religion was preserved. The Moscow monarchs gained unlimited power within the country and the ability to pursue aggressive foreign policy aimed at empire expansion. Thus, it is owing to autocracy and Orthodoxy that the Moscow state managed to transform from a principedom into a kingdom, and, starting from XVIII century, into the Russian Empire, which significantly expanded its territory through aggressive wars and enslavement of peoples. In XX century, after the transformation of the Russian Empire into the Soviet Empire (in the form of the USSR), an important component of modern rashism was created. It was a special service called VChK (the All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage) – GPU (the State Political Directorate) – NKVD (the People's Commissariat of Interior Affairs) – MGB (the Ministry of State Security) – KGB (the Committee for State Security), which ensured the Communist Party's dictatorship inside the country and implemented the policy of external expansion of the communist ideology all over the world (10, pp. 5-6).

According to social naturalism, as emphasized by professor OleksandrKostenko, the cause of all wars is the same: the aggressor's sociopathy, i.e. his will in a state of arbitrariness and his consciousness in a state of illusions. Collective sociopathy can take different forms. In Italy, it was a form of fascism, in Germany, a form of nazism, and in the USSR, a form of totalitarianism. In Russia, this sociopathy has taken the form of rashism. Therefore, the only reason for the military aggression of the Russian Federation is rashism, i.e. a sociopathic ideology that is based on arbitrariness and illusions, is cultivated in society by its government and is implemented in social practice. All the other factors are not causes, but conditions the Russian Federation uses to manifest rashism in the form of military aggression. The formula of the Russian aggression against Ukraine is as follows: 'If there were no racism, there would be no war.' According to him, rashism, in its nature, is a positivist (anti-naturalist or unnatural) ideology that does not recognize the existence of the principle of the social nature laws rule and consists in replacing reality with appearances, the natural with the unnatural, and manipulating senses by ascribing different meaning to words. The method of rashism consists in the substitution for or disguise of reality with appearance through 'renaming things' and attributing different meanings to words: black is renamed to 'white', fascism is renamed to 'anti-fascism', defense against expansion and aggression of the Russian imperialism is renamed to 'russophobia', xenophobia is renamed to the 'Russian world', movement backward is renamed to movement 'forward',

war is renamed to ‘non-war’, consequences are renamed to ‘causes’, defense against aggression is renamed to ‘aggression’, etc. The practice of rashism is aimed to transform social reality that is unfavorable to ruscists: 1) through violence (military, totalitarian, terrorist, etc.); 2) through propaganda by arbitrarily renaming things the way it is needed to the ruscists. According to social naturalism, the essence of rashism along with fascism, nazism, and totalitarianism, is **SOCIAL UNNATURALNESS**, i.e., failure to recognize the principle of social nature laws rule and violation of social nature laws-guided by arbitrariness and illusions. Unlike today’s Russia, Europe has been founded on the ideology of the Age of Enlightenment, from which European values generated under the principle of social nature laws rule derive. As he further concludes, rashism, in its essence, is an anti-European ideology, i.e. an ideology that opposes the European world values to the ‘Russian world’ values, which are based on social arbitrariness and social illusions. According to rashism as an ideology, which is based on arbitrariness and illusions and which is opposed to European values, what is happening in Ukraine today is ***Russia’s war against Europe on the territory of Ukraine*** for the preservation of conditions for the existence of the imperial ‘Russian world’ opposed to Europe (2).

Materials and Methods.

The civilized world is astonished and shocked by the current Russia’s genocide of the Ukrainian people, wondering how such a phenomenon like that is possible in XXI century. Unfortunately, today in Ukraine there are no special-purpose, fundamental, comprehensive monographic studies of the issue of ‘rashism’ from the viewpoint of modern scientific approaches. The use of modern methods of scientific research, in particular, historical and legal one, and analysis, synthesis, induction and deduction, taking into account the scientific article limit, allows us to outline approaches to the scientific study of this issue only in general terms.

Mainpart

Genesis and practice of applying the ideology of ‘rashism’ in Ukraine. For Ukrainians, ‘rashism’ is not a historically new phenomenon, but another, historically subsequent violent act of genocide. In the particular Ukrainian case, the criminal actions on the systemic basis of the Russian state leaders aimed at the Ukrainian statehood destruction, genocide of the Ukrainian people, are overtly cynical, intentional, persevering, arrogant and **such that have been relentlessly continuing for many centuries.**

Hence, the main stages of this process will be briefly analyzed in the form of a thesis. This is to remind that the ‘March Articles’ of 1654, the original text of which, unfortunately, has not survived, contained contractual confederal conditions of the union between Moscovia and Ukraine, and

was in no way about Ukraine's accession to Russia. From the beginning, the Russian contracting party did not intend to fulfill these conditions, taking systematic steps aimed at forced liquidation of the Ukrainian statehood, **genocide, Russification of the Ukrainian people, and destruction of their natural identity.** In particular, all institutes of the Ukrainian statehood were gradually eliminated: during the 18th century, the Hetmanate gradually lost its political and economic autonomy. By Order of the Empress Kateryna II dated 1764, the institute of the Hetman of Ukraine was abolished, and a year later, the entire territory of the Hetmanate was reformed into the Little Russia Governorate. In 1781, the regimental administrative structure of the Hetmanate was abolished and three governorates were established: Kyiv, Chernihiv, and Novhorod-Siverskyi, which altogether formed the Little Russia Governorate-General. In 1783, the Cossack army was abolished, and ten carabinier cavalry regiments were formed instead. Therefore, the Hetmanate's autonomy was practically eliminated, and on May 3, 1783, **serfdom was introduced** in the freedom-loving Hetmanate and Sloboda Ukraine (Slobozhanshchyna). In addition, the Ukrainian Orthodox Church was liquidated and the Russian Orthodox Church was introduced, and **historically the first** systemic 'de-Ukrainization' was gradually implemented, with numerous genocidal acts of removing the Ukrainian language from public use. Among them: **in 1622** – Tsar Mykhailo's Order, at request of the Moskow Patriarch Filaret, to burn all copies of the 'Didactic Gospel' printed in Ukraine; **in 1729** – Order of Petro II to rewrite all state decrees and orders from Ukrainian into Russian; **in 1731** – confiscation of books printed in Ukrainian from churches and educational institutions and replacement thereof with books of Moscow editions, introduction of teaching in the Russian language only in collegiums; a secret instruction from the Empress Anna Ivanivna ordered that Ukrainians be prevented from marrying Poles and Belarusians; **in 1763** – Decree of Kateryna II on complete ban of teaching in the Ukrainian language at the Kyiv-Mohyla Academy; **in 1769** – the Synod of the Russian Orthodox Church banned printing and use of the Ukrainian primer; **in 1775** – liquidation of the Zaporozhian Sich and closure of Ukrainian schools at Cossack regimental offices; **in 1832** – complete transfer to teaching in schools in the Russian language; **in 1847** – the Cyril and Methodius Society was shut down and violent persecution of the Ukrainian language and culture was intensified; prohibition of the best works by Shevchenko, Kulish, Kostomarov, and others; **in 1863** – the infamous Valuev Circular prohibiting censors from giving permission to the publication of Ukrainian spiritual and popular educational literature: 'no separate Little Russian language has ever existed and cannot exist'; **in 1864** – adoption of the Primary School Charter, according to which education should be conducted in Russian only; **in 1876** – Oleksandr's Ems Decree, which prohibits printing and importing any Ukrainian-language

literature from abroad; it also prohibited stage performances and printing Ukrainian-language texts for sheet music, i.e. folk songs; **in 1881** – prohibition of teaching in folk schools and preaching sermons in Ukrainian; **in 1884** – Oleksandr III prohibited Ukrainian theatrical performances in all Little Russia Governorates; **in 1888** – Decree of Oleksandr III prohibiting the use of the Ukrainian language in official institutions and baptism of children with Ukrainian names; **in 1892** – prohibition to translate books from Russian into Ukrainian; **in 1895** – prohibition of the Main Office for Printing to publish Ukrainian books for children; **in 1914** – prohibition to celebrate the 100th Anniversary of Taras Shevchenko's birthday; Decree of Mykola II on the prohibition of the Ukrainian press (9.pp.48-49; 13.pp.11-41).

The Ukrainian people have resisted the ruscist genocide policy for centuries. History has preserved many examples of the horrific criminal cruelty of the ruscists against peaceful Ukrainians through **punitive 'special operations'** aimed at suppression. For example, the massacre committed by the Muscovites in the Hetman's capital city of Baturyn. The barbaric punitive operation of Moscow troops to capture and destroy Hetman Mazepa's capital city of Baturyn and its inhabitants was carried out on November 2, 1708. During these criminal acts, the Moscow troops, as prescribed by the Muscovites' inhuman customs, raped women, tortured everyone, and slaughtered all inhabitants of the city, starting with infants, women, and grandfathers. According to various estimates, between 11 and 15 thousand Ukrainians were murdered. In the Ukrainian history, these events are known as the 'Baturyn Massacre'. The city itself was looted, including the Orthodox churches, and then, by order of Menshykov, a head of the punitive operation, the churches were burnt and destroyed.

Starting from the end of November of 1708, the Muscovites' barbarism continued resulting in the massacre of the Ukrainian people in the city of Lebedyn, where over 900 Cossack officers and local residents, who supported Hetman Mazepa during the Northern War, were martyred and tortured to death (6, pp. 115-116; 13, pp. 150-151).

Another example of the Muscovites' barbarism is a **special punitive expedition** of Moscow troops to Ukraine. It was in 1709, when Tsar Petro I sent the punitive expedition to the Ukrainian lands for the support of anti-Moscow protests and participation of Ukrainians in the battles on the side of the Swedes during the Northern War. The tsar's troops used the same inhuman and cruel methods to loot and destroy the cities: Keleberdy, Perevolochna, Staryi Kodak, Novyi Kodak, and the Cossack fortress, the Zaporozhian Sich. This also resulted in the thousands of Ukrainians murdered along the river of Dnipro, mostly civilians, who did not even live in the above-mentioned cities and did not participate in defensive actions, but were engaged in farming, fishing, or other crafts in other numerous villages (3, pp. 170-173; 12; 17, pp. 280-287).

After the so-called 'October Revolution' of 1917, the communist regime consistently continued the misanthropic Moscow ruscist policy. During the civil war, **numerous punitive 'special operations'**, suppression, and **'red terror'** were unleashed against the Ukrainian people that resisted the communist invasion. The number of Ukrainians murdered as a result of the aforementioned is still unknown (13.p.329; 14.pp.42-54,76-79; 17.pp.28-30, 64-65,123; 18.pp.39-54, 56-79).

Forced **'total collectivization'** in the late 20s and early 30s, when the Ukrainian peasantry was subjected to mass repressions, was a significant stage of the Muscovite genocide. Over the years of the **'total collectivization'**, according to certain researchers, 200,000 peasant households were expropriated in Ukraine and 400,000 peasant households were destroyed, over one million of Ukrainian peasants were subjected to the so-called **'dekulakization'**, about 850 thousand of them were deported to the regions of Siberia and Northern Russia (8, p.174; 13, pp.355-356; 117, pp.315-316,397; 11, pp.73-79).

The anti-religious terror aimed to destroy the religious consciousness of the Ukrainian people, elimination of church from the political and social life, and forced implementation of the communist ideology has become unprecedented in scale. Only during the years of 1931-1936, three fourths of the total number of churches, as researchers state, were completely destroyed. In 1936, services were held in only 1,116 churches, and regions of Ukraine such as Poltava, Kharkiv, and Luhansk had only one functioning church each. There were no churches in Donetsk, Vinnytsia, and Mykolaiv regions. After 1938, only 3% of church parishes remained in Ukraine as compared to the pre-revolutionary period. Researchers claim that in 1937 alone, according to incomplete information, 3,970 people were subjected to repression on charges of the so-called 'church and sectarian counterrevolution' (7, pp. 49-53; 11, pp. 58-65; 14, pp. 9-34, 45-53; 17, pp. 591-617).

Then, the **historically second** systemic **'de-Ukrainization'** was held by the communist Moscow authorities using historically similar methods. Thus, **in 1926**, Stalin sent a letter to comrade Kaganovich and other members of the political bureau of the Central Committee of the CP(b)U indicating the need for intensification of the struggle against the 'national bias' and harassment of the 'Ukrainization'-related figures, and **in 1933**, Stalin's infamous telegram was sent to all party structures to stop 'Ukrainization'. Here are a few examples of the repressive terror. May of the year 1933, when Mykhailo Yalovyι was arrested and MykolaKhvylovyyι committed suicide, is considered to be the beginning of the mass liquidation of the Ukrainian intelligentsia. November 3, 1937 became the culmination of the Soviet repressive regime actions. At that time, 'in honor of the 20th Anniversary of the Great October Revolution', Les Kurbas, Mykola Kulish, Matviy Yavorskyi, Volodymyr Chekhovskyi, Valerian Pidmohylnyi, Pavlo Fylypovych, Valerian Polishchuk,

Hryhorii Epik, Myroslav Irchan, Marko Voronyi, Mykhailo Kozoris, Oleksa Slisarenko, Mykhailo Yalovyi, and others, were shot in the Solovki special camp by the verdict of 'troika'. Basically, **on this one day alone under the decision of non-judicial bodies, over 100** Ukrainian intellectuals were executed. During the period from October 27 and November 4, 1937, the largest mass execution of intellectuals took place in the Sandarmokh forest massif in Karelia. At that time, 287 representatives of the Ukrainian intelligentsia were shot by NKVD executioners. Many others died in the following years in concentration camps and prisons. Thousands of civilians, including the Ukrainians and Polish soldiers, were shot in Katyn, in the Kurapaty forest massif near Minsk (Belarus). Tens of thousands of victims of the great communist terror found their final resting place near Kyiv, in the Bykivnia forest. Historians believe that the total number of those shot and buried in Bykivnia may range from 20 to 100 thousand people (5, pp. 8-48, 81-96, 199-222, 247-262, 287-305; 13, pp. 362-366; 16, pp. 225-343; 19, pp. 5-76).

In early December of 1930, a congress of blind folk kobzar singers took place in Kharkiv Opera House, where 337 delegates were brought from different regions of the Soviet Ukraine. The kobzars were told that an issue relating to their active involvement in 'socialist construction', abandonment of performance traditions, and determination of new ideological priorities would be settled during the event. In fact, the congress as such did not take place. The kobzars, lyrists, and their minor guides were loaded onto a train and taken to the outskirts of the KozachaLopan station (Kharkiv region), where they were shot in a forest massif. Their bodies were thrown into previously dug trenches and buried, and musical instruments were burnt. Numerous facts of prisoners shot took place at the beginning of World War II during the retreat of the Soviet army under the onslaught of Nazi Germany (8, pp. 179-180; 14, p. 46).

Nowadays, the horrific fact of the genocide of Ukrainian children in 1949 has been made public. Then, by order of the Muscovites, about three thousand Ukrainian girls aged 12-14 were drowned alive in a swamp, near one of Kolyma concentration camps, a lot of them had been raped beforehand (14, p.58).

In the postwar period, after Stalin's personality cult condemnation, such genocidal policy became more sophisticated. Indeed, in the summer of 1971, the Soviet authorities began developing an operation called 'Blok', the measures aimed at 'neutralising' people that could spread anti-Soviet policy. On January 12-14, 1972, 14 people, including the poet VasylStus, critics VyacheslavChornovil and Ivan Svitlychnyi, as well as artists, scientists, and doctors were arrested by the KGB officers in Kyiv and Lviv. On January 12, 1972, most of the arrested were convicted of 'anti-Soviet agitation and propaganda' and sentenced to 5 – 7 years in strict-regime camps and three years in

exile. According to the Kharkiv Human Rights Protection Group, 193 people were arrested in Ukraine, including 100 people for anti-Soviet propaganda and 27 people for religious beliefs, in the years between 1972 and 1974 (8, pp. 120-121; 13, pp. 439-440, 445-450; 14, pp. 61-66).

Separately, it is worthwhile to dwell on such instruments of deliberate genocide of the Ukrainian people by the communist Moscow regime as artificial famines aimed to suppress the national liberation movement and destroy a part of the Ukrainian peasantry. There were three of them. The first one was organized in 1921-1923. The second one was organized in 1932-1933. The third planned act of genocide was the famine in 1946-1947. According to researchers' estimates, as a result of the first famine, about half a million people died of starvation, as a result of the second famine, more than seven million people (mostly Ukrainians) on the territory of the Ukrainian SSR and three million Ukrainians outside the Ukrainian SSR, and, as a result of the third famine, more than 1 million Ukrainians (4, pp. 18-20; 7, pp. 21-34, 69-177, 183-262; 14, pp. 28-34, 69-114, 174-177; 17, pp. 462-496).

Our attention should be drawn to another ruscist act of genocide of that time against Ukrainians. By order No. 0078-12 of the Peoples Commissariat of Internal Affairs of the USSR and the People's Commissariat of Defense of the USSR dated June 22, 1944, signed by Beria and Zhukov, all Ukrainians, who lived under the occupation of the German regime, were subject to deportation to certain regions of the USSR. In the first place, it concerned those who worked or served during the occupation. In the second place, all the other Ukrainians, who were 'familiar with life during the occupation', were subject to deportation. It was ordered to evict people after all agricultural works relating to harvesting were completed and handed over to the state. Fortunately, this order was only partially implemented, but the mass deportation of Ukrainians with their families to the northern regions, to Siberia, and other remote areas of the USSR did take place. After Stalin's death, the execution of this order was suspended. Feliks Chuyev mentions this in his book 'Soldiers of the Empire'. He quotes the story of Vasyl Ryasnyi, a former People's Commissar of Internal Affairs of the Ukrainian SSR: 'It [the order] was partially implemented,' says Vasyl Ryasnoy, 'and I was directly involved in this. I received this order from Moscow from one of Deputy People's Commissars of Internal Affairs. It was said that comrade Stalin had ordered deportation of all Ukrainians to the known mother, or more specifically, to Siberia, for their vigorous activities led by the OUN members against the Red Army, activities of the OUN military units, and hostile attitude toward the Russian people. I identified the most active enemies of the Russian people and the Soviet government – hardened wolves. My boys filled several trains and sent them. But then they suddenly stopped this order. At first, I did not know what was going on, and neither did anyone else. Something happened between the Ukrainian chiefs and our real leaders, having a difference on whether to engage in this

matter (22, pp. 177-178). Operation 'West', which was conducted on October 21, 1947, serves as evidence of the genocidal policy towards Ukrainians. It was the beginning of the forced deportation of Ukrainians. It became the most massive deportation of the population from Western Ukraine in history, when more than 78 thousand people were deported to remote areas of Siberia and Kazakhstan. 26,332 families, or 77,791 people, were forcibly deported to Siberia and Kazakhstan. Among them: 18,866 men, 35,685 women and 23,240 children under 15. This is not the only deportation, but the most massive one carried out in Western Ukraine (12).

Let us return to the issue of the communist regime's repressive measures against the Ukrainian language. The policy of Russification of Ukrainians was consistently and relentlessly implemented, as it had been in the pre-war period of the 1930s. In **1938**, a Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the ACP (b) 'On the Compulsory Study of the Russian Language in Schools of National Republics and Regions' was adopted. Later, events developed in the following manner: **1974** – Resolution of the Central Committee of CPSU 'On Preparations for the 50th Anniversary of the Union of Soviet Socialist Republics', which for the first time proclaimed the creation of a 'new historical community of the Soviet people', and, therefore, the official **course aimed at 'denazification'**; **1984** – Order of the Ministry of Culture of the USSR, according to which all office work in all museums of the Soviet Union should be in the Russian language; **1989** – Resolution of the Central Committee of the CPSU on 'legislative consolidation of the Russian language as the national language'; **1990** – adoption of the Law on the Languages of the Peoples of the USSR, according to which the Russian language was granted the status of the official language throughout the USSR (14, pp. 46-51).

Nowadays, the global democratic community is indignant at Russia's historically traditional barbaric methods of genocidal war against Ukraine, cynical violation by Russia of generally accepted up-to-date principles of humanity and standards of morality, and use of brute military force to resolve disputable interstate issues and establish a new world order upon its desire. A vivid example of the essence of Russian '**rashism**' ideology is the publication by RIA Novosti agency entitled 'What Russia should do with Ukraine', which contains a 'guide to action' and openly demonstrates calls for the genocide of Ukrainians.

Today's aggressive war of the Russian regime against Ukraine has been lasting since 2014, and since February 24, 2022, it has become a large-scale war. This is to remind that the Ukrainian people have always resisted rashism. According to the Ukrainian historians' calculations, this is already the 23rd war that Ukraine is now fighting against 'rashism' for the independence.

Russian dictator Putin has called this latest open and brutal Moscow aggression a '**special operation**', the **outright genocidal purpose of**

which is complete ‘denazification and demilitarization’ of Ukraine, prevent Ukraine’s entry into the EU and NATO.

As far as methods of today’s punitive **‘special operation’** are concerned, it clearly reflects the historically known systemic, ongoing for centuries, inhuman Russia’s actions, which partially have already been mentioned above.

It is known about mass violations of the international humanitarian law caused by Russia’s full-scale armed aggression, violations of human rights, and other issues the internally displaced people, people under the temporary occupation, and those, who found refuge in other countries, often have to deal with. There are numerous facts of the Russian troops’ inhuman, barbaric cruelty, and evidence of horrific destructions, mass torture, murder, and rape of civilians in the Ukrainian cities of Bucha, Irpin, Hostomel, Borodianka, Vorzel, Mariupol, Bakhmut, and many villages and towns in Chernihiv, Sumy, Kharkiv, Kherson, Donetsk, and Luhansk regions of Ukraine. This exceptionally aggressive war is accompanied by unprecedented horrific destruction of cities and villages. The aggressor deliberately targets residential buildings, destroys civilian infrastructure of heat, gas, water and electric power supply. Many localities have been completely destroyed and ceased to exist as such. According to incomplete data, more than 150 thousand buildings have been destroyed. Dozens of grain storage facilities have been completely looted and destroyed, and Ukrainian oil depots are being targeted. Thus, the aggressor is trying to create fuel shortage, disrupt the grain crops sowing campaign and cause another famine in Ukraine. Russian aggression has led to a reduction in jobs and incomes, a decrease in their purchasing capacity and the amount of savings. In 2022, the national economy lost 29.2% of its real gross domestic product, and 13.5 million Ukrainians were forced to leave their homes. Many of them have nowhere to return to as their homes have been completely destroyed (8.p.165;26).

The occupants’ inhuman practices against children have become widespread. Ukraine has officially recognized abduction by Russia of 4,390 children, who are orphans, half-orphans or such that are deprived of parental care, and deportation of 16,207 children from the temporarily occupied territories. Over the year of full-scale Russian armed aggression in Ukraine, more than 1,700 children have suffered. According to available official information, over 550 children died and over 1,100 children suffered injuries of various severity during the occupation. The taken children are ‘re-educated’, some of them are illegally adopted. Due to heavy bombing and shelling during the year by the Russian armed forces, more than 3,100 educational institutions were damaged and over 500 of them were completely destroyed (23;24,25).

It should be noted that the Muscovites, during their territorial expansions, carried out special destructive genocidal operations in other countries, too. In particular, bloody actions to suppress the insurgent Polish people were implemented in the 18th – 19th centuries, the Red Terror was carried

out in Turkmenistan, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, and Armenia. More recent cases of genocidal actions took place against Hungary, Czechoslovakia, Chechnya, and Georgia.

During the large-scale war, the Russian army has committed and is committing against Ukrainian citizens almost all crimes falling within the following three groups: crimes of aggression, war crimes, and crimes against peace, security of mankind and international law and order. In 1974, the UN General Assembly adopted Resolution No. 3314, which defined the crime of aggression as the unlawful, direct or indirect, use of armed force by a State against the sovereignty, territorial integrity or political independence of another State. The crime of aggression committed by the Russian Federation against Ukraine has already been recognized at the UN level. On March 2, 2022, during the UN Emergency Special Session, a resolution titled 'Aggression against Ukraine' was adopted and a resolution of 24 March 2022 on the humanitarian consequences of aggression against Ukraine. The European Council adopted a resolution on Ukraine on 31 May 2022, in which EU leaders condemned Russia's aggressive war and expressed strong support for Ukraine, its people and political leadership in the fight against the unprovoked Russian invasion. The EU Council decided to extend restrictive measures against persons involved in undermining the territorial integrity, sovereignty and independence. In addition, comprehensive military and humanitarian assistance is provided.

The crime of aggression, under the Rome Statute of the International Criminal Court (ICC), falls under the jurisdiction of the ICC. War crimes are violations of the laws and customs of war, and the norms and principles of international humanitarian law. According to the Statute of the International Criminal Tribunal, war crimes include, in particular: a) willful killing, torture, enslavement or taking civilians on the occupied territory for other purposes; b) willful killing, torture of the prisoners of war or people at sea; c) killing hostages; d) plunder of public or private property; e) destruction of cities or villages; f) devastation not justified by military necessity. According to the Rome Statute of the International Criminal Court, crimes against peace, security of mankind and international order shall be any act committed as part of a widespread or systematic attack against civilians, with knowledge of the attack, in particular: a) murder; b) mass extermination; c) enslavement; d) deportation or forcible transfer of population; e) imprisonment or other severe deprivation of physical liberty in violation of fundamental rules of international law; f) torture; g) rape, sexual slavery, enforced prostitution, forced pregnancy, enforced sterilization or any other form of sexual violence of comparable gravity; g) persecution against any identifiable group or collectivity on political, racial, national, ethnic, cultural, religious, gender, or other grounds that are universally recognized as inadmissible under the international law; h) enforced disappearance of persons; i) the crime of apartheid;

and j) other inhuman acts of a similar character intentionally causing great suffering, or serious injury to body, and such that cause negative effect to mental and/or physical health. This group of crimes also includes genocide and ecocide. It is worth mentioning that the Convention for the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide adopted by the UN General Assembly in 1948 defines genocide as acts committed with intent to destroy, in whole or in part, a national, ethnical, racial, religious, or ethnic group as such. Thereat, under the Convention, the following is referred to the signs of genocide: killing members of the group or causing serious bodily or mental harm to members of the group; deliberate inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction; imposing measures intended to prevent births within the group, and forcibly transferring children of the group to another group; public incitement to commit such acts. The defining characteristic of all of these crimes is that they are part of a government policy; thereat, those guilty of committing such acts, or widespread atrocities that are silenced or justified by the government or de facto authorities, do not necessarily have to identify themselves with that policy (23).

The facts of the Ukrainian people's genocide and evidence of other horrific crimes committed by the Muscovites are being documented by the Ukrainian authorities in order to further submit them to the International Criminal Court. Now, these crimes are being investigated in Ukraine, in particular, within the framework of criminal proceedings on violations of the laws and customs of war (Article 438 of the Criminal Code of Ukraine).

The foregoing allows us to agree that rashism has united the most inhuman manifestations of fascism, nazism and communism. The glorification of the 'Russian' race, genocidal policy in Ukraine, discrimination against both neighboring countries and peoples, and the indigenous peoples of the Russian Federation, sanctified by the Russian Orthodox Church, leaderism ('vozhdism') and manipulation of propaganda are combined with total lies, which actually results in the outbreak of the largest conventional war on a global scale since World War II. The definition of 'rashism' proposed by NazarRudyi as a form of undemocratic totalitarian state and legal regime, which was formed in the Russian Federation and is based on radical Russian imperial chauvinism, fascism and practices of the USSR communist regime, is manifested in the form of the 'Russian world', violation of principles of the international law, human rights and fundamental freedoms, militarism and unleashing aggressive wars, and implementation of a genocidal policy against the Ukrainian people, deserves to be supported (10, p. 7).

It is known that ruscist criminal genocidal aggression never stops on its own. If this evil is not stopped, it will come to every European home and knock on its door. It turned out that the ruscist adventurers also have secret aggressive plans against the peoples of Europe, openly threatening them with punitive operation or nuclear weapons. This point was rightly emphasized by

professor Klaus Kreß during the International Conference 'Human Rights Against Genocide' organized by LiberaleModerne Analytical Centre in Berlin. From the international legal perspective, Russia's aggressive war and its atrocities during this war are directed not only against Ukraine. This is the matter which concerns the entire international community. This means that the international efforts to bring to justice should be directed to ensure fairness and justice for Ukraine and its people; increase the international legal order stability, ensure the international law and its implementation,' he said (26).

Conclusions

'Rashism' is a distinctly criminal and totalitarian form of the state and legal regime, which is based on a misanthropic, genocidal ideology and its practical implementation, and which is grossly and cynically attempting to destroy the existing global legal order. Rashism must be unequivocally condemned at the global level. Only by uniting the entire civilized world's efforts against the bloody plague, which is 'rashism', can it be stopped and overcome, and the possibility of such a disgraceful phenomenon occurrence and development in the future be prevented. All people of the democratic civilized world have expressed and continue to express their sincere condolences to all the victims in every corner of Ukraine, and provide essential assistance, for which we express special and immeasurable gratitude. Eternal and blessed memory to all the soldiers, our citizens-martyrs, and children, who died at the hands of those professing the ideology of 'rashism', who committed the disgraceful genocidal aggression.

The war brought to Ukraine's peaceful land by the Russian aggressors has changed the Ukrainians' lives to 'before and after.' In today's hard times, the war has also made unexpected adjustments to people's mental health. Happiness, joy, laughter, and personal security have disappeared for many people, but strong faith in victory over 'rashism' has remained. The unbroken spirit of the Ukrainian people has demonstrated to the whole world that no 'rashism', its inhuman political decisions and blackmail can defeat our people's sense of patriotism, genetic strength in love for the Motherland and freedom, desire to protect universal democratic values and live in a civilized European state.

References

1. Postanova Verchovnoi Rady Ukrainy "Pro SajavuVerchovnoi Rady Ukrainy "Pro vykorystannia politychnym rezymom rosijskoi federacij ideologii razshyzmy, zasudzennia zasady praktyk raschyzmu jak totalitarnych i ludynonenavysnykych" vid 02.05.2023 №3078 IX // Oficijnyi visnykUkrainy vid 25.05.2023. №50.

2. Kostenko A. Razsyzm – prychna vijny Rosijproty Evropy v Ukraini // <https://zbruc.eu/node/115545>
3. Kasczenko A. (1992). Opovidannia pro Vijsko Zaporizke nyzove. Korotka istorija Vijska Zaporizskoho z malunkamy ta planamy/ Kyiv: Veselka. [in Ukrainian].
4. Kozytskyi A. (2021). Doslidzennia holodomoru ta henocydni studii./ Lviv: Apriori. [in Ukrainian].
5. Bilyashivskyi B. and Sheptytska T. (2017). *Bykivnyniancka tragedia v konteksti zloczyniv totalitarnoho rezymu: zbirnyk statej.* / Kyiv: Ukrainian Institute of National Remembrance. [in Ukrainian].
6. *Velyka istoria Ukrainy: u 2-x tomach. Tom 2.* (1993)/ Kyiv: Globus. [in Ukrainian].
7. Veselova O.M., Marochko V.I., Movchan O.M. (2000). *Holodomor v Ukraini: 1921-1923, 1932-1933, 1946-1947: Zloczyny proty narodu.* / Kyiv-New York: M. Kots. [in Ukrainian].
8. Vyatrovych V. (2023). *Nazsa stolitnia. Korotki narysy pro dovuhu vijnu.* / Kharkiv. Morning. [in Ukrainian].
9. Malik Y., Vol B., Chupryna V. (1995). *Istoriaukrainskoiderzavnosti.* / Lviv: Svit. [in Ukrainian].
10. Rudyi N. (2023). *Razsyzmjakriznovydfazsysyskoiformyderzavno-pravovohorezymu.* / Social-legal studies. LvDUVS. Volume 6. No. 2. [in Ukrainian].
11. Galeta O. (2012). *Rozstrilianevidrozdennia: vid istoriimetafory do metaforyistorii.* / Kyiv: Word and Time: a scientific and theoretical journal.
12. Koczubej O. *75 ricznicia zloczynu radjanskoi vlady proty ukrainciv. Zsczo take operaciaZachid.* Retrieved from <https://susplne.media/299034-75-ricnica-zlocinu-radanskoi-vladi-proti-ukrainciv-so-take-operacia-zahid>. [in Ukrainian].
13. Subtelnyi O. (1991). *Ukraina. Istoria.* / Kyiv: Lybid. [in Ukrainian].
14. Sushko R, Levitskyi M. (2012). *Chronikanyzsczenniaukrainskoimovy. ViddobyRomanovych do siohodennia.* / Kyiv: MPP Talya. [in Ukrainian].
15. Pavlenko S. (2007). *ZahybelBaturyna. 2 lystopada 1708 r.* / Kyiv: Kyiv-MohylaAcademy.[in Ukrainian].
16. Shevchenko S. (2021). *Imperia teroru.* / Kyiv: Phoenix. [in Ukrainian].
17. Kulchytskyi S. (2013). *Czervonyjvyklyk. Istoria komunizmu v Ukraini vid joho narodzennia do zahybeli.* Knyha 2. /Kyiv: Tempora. [in Ukrainian].
18. KurtuzS., Vert N., Pannet J-L. Paczkowski A., Bartoszek K., Margolin J-L. (2008). *Czorna knyha komunizmu. Zloczyny, teror i represiji.* / Lviv: Afisha. [in Ukrainian].
19. *Solovki: Sandormokh..Levashovo..Bykivnia.* (2001)./ Kyiv: Ukrainian Center of Spiritual Culture. [in Ukrainian].
20. Yavornytskyi D.I. (1992). *IstoriaZaporizkichkozakiv.* Tom 3./Lviv: Svit. [in Ukrainian].

21. Zyla A. *Ekonomiczni ta socialni naslidky vijny v Ukraini, vplyv konfliktu na svitovu ekonomiku*. Economy and society, (47). Retrieved from <https://doi.org/10.32782/2524-0072/2023-47-35>. [in Ukrainian].

22. Czujev Feliks. Soldaty imperii. Vospominaniya. Dokumenty./ Moskva. Kovczeh. [in Rosija].

23. *Rosija poruzsjuje prava vyvezenych ukrainskykh ditej – zvit KSE*. Retrieved from <https://suspilne.media/Children>. [in Ukrainian].

24. Abramova Y. *VOON povidomyly skilky cyvilnych zahynulo v Ukraini vid poczatku povnomashtabnoi vijny*. Retrieved from <https://tsn.ua/War>. [in Ukrainian].

25. *Jaki zloczyny skojuje Rosija v Ukraini?* Retrieved from <https://uin.gov.ua/informaciyni-materialy/rosiysko-ukrayinska-viyna-istorychnyy-kontekst/yaki-zlochyyny-skoyuye-rosiya-v-ukrayini>. [in Ukrainian].

26. <https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/3598290-agresivna-vijna-rosii-spramovana-ne-lise-proti-ukraini-a-j-vsiei-miznarodnoi-spilnoti-ekspert.html>

PROBLEM ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR OFFENSES AGAINST JUSTICE UNDER THE DRAFT CC OF UKRAINE*

Abstract. *In connection with Ukraine's acquisition of the status of a candidate for EU membership, and the related need to adapt the national law of Ukraine to EU law, including ensuring the independence of the judiciary and its effectiveness, it is important to research the problems of criminal liability for offenses against justice. The purpose of this article is to formulate a proposal for a legislative model for enshrining in the draft Criminal Code of Ukraine liability for criminal offenses committed by unlawful influence on participants in relations regarding the conduct of judicial proceedings and the execution of court decisions, to ensure more complete criminal law protection of professional advocacy under the draft Criminal Code of Ukraine. In the process of this study, the dialectical approach and the corresponding method, the systemic approach, as well as the methods of systemic analysis, technical and legal analysis, formal-logical, and sociological were applied.*

The findings of this research offers approaches that might be used when formulating criminal law norms on liability for unlawful influence on participants of judicial proceedings and the execution of court decisions. The feasibility of providing in the draft Criminal Code of Ukraine for liability for interference in the activities of special victims - participants in relations regarding the conduct of judicial proceedings and the execution of court decisions, encroachment on their personal benefits in connection with the exercise

* Співавтор – Палюх Л. М.

of their powers in judicial proceedings, the execution of court decisions, with differentiation of forms of such influence on the relevant victims depending on its intensity, which have different degrees of social danger; proposals to ensure the completeness of criminal law protection of advocacy have been formulated.

Keywords: *criminal offense, criminal liability, justice, unlawful influence, lawyer, differentiation of criminal liability.*

ПРОБЛЕМНІ ПИТАННЯ КРИМІНАЛЬНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ ЗА ПРАВОПОРУШЕННЯ ПРОТИ ПРАВОСУДДЯ ЗА ПРОЄКТОМ КК УКРАЇНИ

Анотація. *У зв'язку з набуттям Україною статусу кандидата на членство в ЄС, і пов'язаною з цим необхідністю адаптації національного права України до права ЄС, у тому числі забезпеченням незалежності судової влади, її ефективності, важливим є дослідження проблем кримінальної відповідальності за правопорушення проти правосуддя. Метою цієї статті є формулювання пропозиції щодо законодавчої моделі закріплення у проєкті КК України відповідальності за кримінальні правопорушення, які вчиняються шляхом протиправного впливу на учасників відносин щодо здійснення судочинства і виконання судових рішень, щодо забезпечення більш повної кримінально-правової охорони професійної адвокатської діяльності за проєктом Кримінального кодексу України. У процесі цього дослідження було застосовано діалектичний підхід і відповідний йому метод, системний підхід, а також методи системного аналізу, техніко-юридичного аналізу, формально-логічний, соціологічний.*

У результаті проведеного дослідження сформульовано підходи, якими доцільно керуватися при формулюванні кримінально-правових норм про відповідальність за протиправний вплив на учасників судочинства і виконання судових рішень. Обґрунтовано доцільність передбачити в проєкті КК України відповідальність за втручання в діяльність спеціальних потерпілих – учасників відносин щодо здійснення судочинства і виконання судових рішень, посягання на їх особисті блага у зв'язку із здійсненням ними повноважень у сфері судочинства, виконання судових рішень, з диференціацією форм такого впливу на відповідних потерпілих залежно від його інтенсивності, які мають різний ступінь суспільної небезпеки; сформульовано пропозиції щодо забезпечення повноти кримінально-правової охорони адвокатської діяльності.

Ключові слова: *кримінальне правопорушення, кримінальна відповідальність, правосуддя, незаконний вплив, адвокат, диференціація кримінальної відповідальності.*

INTRODUCTION. *The issue of criminal liability for offenses against justice is invariably relevant for research in Ukrainian criminal law science.*

This is due to Ukraine's movement towards the European Union, its acquisition of the status of a candidate for EU membership, and the related need to adapt Ukraine's national law to EU law, to ensure increased efficiency of the judiciary, and to guarantee its independence. Currently, of particular interest to researchers in the field of criminal law is the analysis of the provisions of the draft Criminal Code of Ukraine (here in after referred to as the CC of Ukraine), developed by the working group on the development of criminal law of the Commission on Legal Reform under the President of Ukraine [1]. One of the structural subdivisions of the draft, its Special Part, is the book, entitled "Criminal Offenses Against Justice".

The authors of this article have previously noted that, in our opinion, the title of the book of the draft CC of Ukraine "Criminal Offenses Against Justice" does not fully reflect the entire range of social relations protected by this subdivision of the draft CC of Ukraine. In particular, in addition to the actual social relations regarding the administration of justice, the norms of this structural part of the draft should protect the activities related to the administration of justice at all stages-pre-trial, judicial, as well as social relations regarding the execution of court decisions, which is actually reflected in the above mentioned book of the draft CC of Ukraine. Also, the court, in addition to the administration of justice itself, performs other functions, for example, judicial control. Therefore, it seems that the title of this structural part of the draft CC of Ukraine should be formulated as "Criminal offenses against the established procedure of judicial proceedings and the execution of court decisions", systematizing criminal law norms within this structural part of the draft CC of Ukraine by specific object [2, p. 110]. At the same time, the authors have proposed to allocate as one of the sections of this book of the draft CC of Ukraine a section on criminal offenses against the guarantees of independence and immunity of officials, defense attorneys, representatives of a person in judicial proceedings, during the execution of court decisions [3, p. 32], where to include norms on liability for interference in the activities and encroachment on the personal benefits of the relevant special victims in connection with their lawful activities in judicial proceedings and in relation to the execution of court decisions.

Considering the above mentioned, it is important to analyze the provisions of this structural subdivision of the Special Part of the CC of Ukraine, to express considerations on the regulation of the material basis of criminal liability for offenses committed by means of unlawful influence on participants of judicial proceedings and the execution of court decisions.

In the current CC of Ukraine, the group of criminal offenses committed by means of unlawful influence on special victims – participants of relations regarding the conduct of judicial proceedings should include those for which liability is provided for in Articles 376–379, 386, 397–400 of the CC of Ukraine.

The draft CC of Ukraine under consideration proposes to provide for liability for unlawful influence on a judge (or his/her close relative) in connection with the administration of justice, a prosecutor, investigator, detective, inquirer, employee of an operational department, defense attorney, representative of a person, expert (or their close relatives) in connection with the performance of their official duties or professional duties.

The above-mentioned wording of these articles raises several questions:

– Does the draft CC of Ukraine provide for differentiation of criminal liability depending on the kind and intensity of such influence on the victim? How will the actions of the guilty person be qualified if such unlawful influence takes place through mental violence (for example, through threats of murder, violence), or through the use of physical violence, with varying degrees of intensity?

– How to resolve the issue of unlawful influence on a person providing legal assistance, in particular, a lawyer (advocate), outside the framework of relations regarding the conduct of legal proceedings and the execution of court decisions in connection with the providing of such legal assistance? The last issue generally concerns the providing by means of criminal law the guarantees for the professional activities of an advocate, which may be carried out outside the framework of proceedings and the execution of court decisions.

In the context of these tasks, we will analyze the current CC of Ukraine, the draft CC of Ukraine and, taking into account the positions of the criminal law doctrine, we will offer our vision of resolving the above-mentioned problematic issues.

LITERATURE REVIEW. Issues related to criminal liability for offenses against justice, committed by means of unlawful influence on participants of the administration of justice and the execution of court decisions, have been researched by many Ukrainian scientists – N. Yu. Alekseeva [4], V. P. Belenok [5], V. V. Vlasyuk [6], N. V. Verbytska [7], V. S. Zatolochnyy [8], R. V. Karhut [9], V. V. Lazarenko [10], G. V. Logvinsky [11], T. S. Losych [12], A. O. Moroz [13], D. Yu. Teslyuk [14], M. V. Shepitko [15], and others. The subjects of their research were the features of the components of above-mentioned criminal offenses against justice, the problems of qualification of these criminal offenses, and their punishment. Almost all of these researches were carried out on the basis of the current version of the CC of Ukraine [9].

Some researchers, based on the developments of the criminal law doctrine on the problems of criminal liability for offenses against justice, including personal scientific results, formulated proposals for the draft CC of Ukraine. In particular, M. V. Shepitko formulated conceptual provisions on criminal liability for offenses against justice, in particular, on the object of these criminal offenses, developing approaches to establishing liability for some groups of offenses against justice both in the current CC of Ukraine and in the draft

CC of Ukraine, as well as on the systematization of norms on liability for criminal offenses against justice in the specified subsection of the draft CC of Ukraine [15; 16, p. 473–476].

Among the problematic issues considered in the science of criminal law regarding the regulation of criminal liability for offenses committed through unlawful influence on special victims, the following should be highlighted:

- Does the Draft CC of Ukraine provide for a differentiation of criminal liability for these offenses depending on the kind and intensity of unlawful influence on special victims – participants of the judicial proceedings and the execution of court decisions?

- What is the optimal (most appropriate) model for constructing criminal law norms that provide for liability for criminal offenses committed through unlawful influence on special victims from the point of view of legislative technique and principles of criminalization? Is it appropriate in the Special Part of the CC of Ukraine to provide in separate sections special norms that provide for liability for unlawful influence on special victims, including by encroaching on their personal benefits in connection with the lawful official or professional activities of such persons?

- The issue of ensuring the completeness of criminal law protection of legal assistance advocacy activities: the place of norms on criminal liability for relevant criminal offenses in the system of the Special Part of the CC of Ukraine, the formulation of the provisions of the relevant norms in terms of determining the boundaries (circle) of those social relations within which legal assistance is being provided. This issue arises due to the fact that not all legal assistance activities are covered by the generic object of criminal offenses provided for in Section XVIII of the Special Part of the CC of Ukraine, and, vice versa, Articles 397-400 of the CC of Ukraine protect relations, some of which lie beyond the generic object of criminal offenses against justice (in particular, the activities of a representative of a person providing legal assistance not in judicial proceedings and not during the execution of court decisions).

The issue of whether the norms on liability for offenses against justice committed by unlawful influence on participants of proceedings and the execution of court decisions should protect their benefits in connection with their activities in the past, if at the time of the commission of offense against them they no longer had the corresponding status, was the subject of study by all the above-mentioned researchers. Some scholars argue that criminal law norms should protect the personal benefits of the said persons in connection with their activities in the past. Their position is based on the fact that such offenses have an intimidating effect on those individuals who currently hold relevant positions or engage in certain activities. Some researchers state that the personal benefits of these persons should be protected by criminal law norms only in connection with their current official, professional activities,

since the activities of these persons in the past go beyond the main direct object of criminal offenses against justice.

Some researchers have formulated proposals for ensuring by means of criminal law the most complete criminal-legal protection of the activity of providing legal assistance, including the activities of a defense attorney, a representative of a person. These proposals concern the section of the Special Part of the CC of Ukraine in which the relevant norms should be placed (in particular, V. V. Vlasyuk, O. F. Bantyshev) [6, p. 4; 17, p. 174], based on the range of social relations that are being encroached upon. Those scholars who propose to leave the specified norms in the subsection on liability for criminal offenses against justice consider it appropriate to change the dispositions of the relevant criminal law norms, either by providing them with wording that would outline the range of social relations within which legal assistance is provided, or by expanding the range of victims in the considered criminal offenses, or in general, they propose to change the name of the Section XVIII of the CC of Ukraine [18, p. 164–166; 11, p. 12].

METHODOLOGICAL BASIS. The basis for the application of all other methods of this research for achieving its goal, objectives, is the dialectical approach and the corresponding method, which involves clarifying the reasonableness, expediency of establishing criminal liability for the relevant acts, reflects the objective needs of society and subjective ideas about the desired criminal law regulation. The dialectical method was utilised to research the issue of differentiation of liability for criminal offenses related to illegal influence on participants in relations regarding the conduct of legal proceedings and the execution of court decisions, the issue of criminal law protection of advocacy, - whether the relevant activity is sufficiently protected by criminal law, as well as the issue of criminal law protection of the activities of a defense attorney, a representative of a person, including the place of norms on liability for illegal influence on them, obstruction of their lawful activities, in the Special Part of the CC of Ukraine. Applying in this case the dialectical method, as well as the sociological method, in March-April 2020, an anonymous written survey of prosecutors, investigators, state bailiffs, and advocates was conducted on issues related to the establishment of criminal liability for encroachment on their official and professional activities.

Throughout the research, dogmatic, hermeneutic methods have been utilised when analyzing the relevant criminal law norms. In addition, when researching the problems of differentiation of liability for criminal offenses related to illegal influence on participants in judicial proceedings, the execution of court decisions the method of technical and legal analysis has been applied. The main means of this method are criminal law terminology, legal construction - the composition of a criminal offense. In particular, this method has been applied when researching the forms of unlawful influence on the

above-mentioned persons, which are provided for in the norms of the current CC of Ukraine, the draft CC of Ukraine.

When constructing draft criminal law norms, the modeling method has been applied. The systematic approach was utilized to research the issues of criminal law protection of the advocate professional activities. This approach involves logical and structural coordination of the provisions of the criminal law, ensuring the completeness of criminal law regulation, as well as coordination of the provisions of the criminal law with the provisions of international legal acts.

RESULTS AND DISCUSSION. Regarding the first of the issues raised above: *does the draft CC of Ukraine provide for a differentiation of criminal liability depending on the intensity of such influence on special victims- participants of judicial proceedings and the execution of court decisions? How will the actions of the guilty person be qualified if such unlawful influence takes place through mental violence (for example, through the threat of murder, violence), or through the use of physical violence, and of varying degrees of intensity?*

It was noted above that the draft CC of Ukraine proposes to provide for liability for unlawful influence [*italics added.* – V.G., L.P.] on a judge (or his close person) in connection with the administration of justice (Art. 8.1.5), a prosecutor, investigator, detective, inquirer, employee of an operational department, defense attorney, representative of a person, expert (or their close people) in connection with the performance of their official powers or professional duties (Art. 8.2.12). It should be noted that in previous editions of the draft CC of Ukraine, in the book on criminal offenses against justice, the relevant articles provided for liability for *interference* [*italics added.* – V.H., L.P.] in the activities of the relevant special victims by: 1) influencing them in any way; 2) violence or threats against the relevant special victim or a person close to him. The current version of the draft CC of Ukraine only mentions illegal influence on the relevant special victims without specifying the forms of such influence, and in the titles of the relevant articles the concept of “interference” has been replaced by “illegal influence”. In this regard, it is necessary to analyze the expediency of such a version of the norm, to formulate the optimal, from our point of view, model (legislative construction) of the elements of criminal offenses that are committed by illegal influence on special victims from the position of *de lege ferenda*.

Based on the analysis of the current CC of Ukraine, researchers note that for the elements of criminal offenses provided for in the articles of the Special Part of the CC of Ukraine, which provide for liability for the illegal influence on special victims in connection with their official, professional or public activities, a typical legislative construction should be provided. In particular, E.M. Blazhivskiy, based on an analysis of the current CC of

Ukraine, reasonably noted that there are system-forming connections between the articles of the CC of Ukraine that provide for liability for interference in the activities of special victims. Namely, the description of all such criminal offenses in criminal legislation has the following same features: the use of the same term “interference in activities” in their titles; a special victim, a special purpose that are mandatory features of such offences; similarity in legislative construction of qualifying features of such crimes. These peculiarities necessitate unification of the wording of such articles in the CC of Ukraine [19, p.8]. Such a position is justified, taking into account the principle of criminalization, which concerns the requirements of legislative technique, such as certainty and unity of terminology. At the same time, it was noted above that the legislator chose the wording “unlawful influence” to designate the form of action in the considered criminal offenses.

All Ukrainian scholars who have researched this issue consider interference in the activities of a special person under investigation exclusively as an influence on him [20, p. 589; 21, p. 9; 22, p. 31; 23, p. 3; 24, p.9]. A similar position was formulated by the Plenum of the Supreme Court of Ukraine, which in para. 11 of its resolution No. 8 of June 13, 2007, explained that interference in the activities of judicial bodies should be understood as influence on a judge in any form (request, demand, instruction, threat, bribery, violence, criticism of a judge in the media regarding the resolution of a case in connection with its consideration, etc.) by any person in order to persuade him to perform or not perform certain procedural actions or adopt a certain judicial decision. In this case, it does not matter by what means, at what stage of the process and in the activities of the court of which instance the interference has been carried out [25]. It seems that the interpretation of the term interference only as influence on the victim unreasonably narrows the meaning of the concept of “interference”. In addition to influence, interference can have other forms. Y. O. Bunin, A. H. Martirosyan noted the need to replace the disposition of Part 1 of Art. 376 of the CC of Ukraine of the term “interference” to “unlawful influence”, arguing that, in the opinion of the authors, interference in the lawful activities of judicial bodies can be committed only by means of unlawful influence on the consciousness and will of persons administering justice [26, p. 9; 21, p. 4].

The same position has been expressed by V. I. Tyutyugin, speaking about the composition of the criminal offense provided for in Art. 376 of the CC of Ukraine, but from the point of view of *de lege lata*. In particular, the author noted that the elements of a criminal offense are absent if the interference is carried out not by influencing the consciousness and will of the judge, but in another way [author's emphasis. – V. T.] (for example, by stealing or destroying the materials of the proceedings, substituting material evidence, forcing witnesses to give false testimony, etc.). In such cases, the act is qualified under the relevant articles of the CC (Articles 357, 386, etc.) [27, p. 577–578].

However, it seems that the above mentioned positions do not correspond to the literal, philological interpretation of the norm provided for in Article 376 of the CC of Ukraine. In particular, the word “interfere” in the Ukrainian language has the following meanings: to arbitrarily engage in someone else's affairs, to interfere in someone else's relations, etc.; to take an active part in something to stop something, to oppose something, etc. [28, p.777] . So, the term “interference” has semantic shades closer to the word “counteraction”, implies “spontaneous occupation with someone’s affairs”, characterizes active activity, regardless of whether there is an influence on a specific person. The word “obstruct” has the following meanings: 1) to be an obstacle to something; 2) to create obstacles, to hinder, to prohibit someone, something. So, the term “obstruction” more in its semantic shade reflects the result that the person who obstructs seeks to achieve, to create obstacles in a certain activity.

The word “influence” has the following meanings: 1) an action that a certain person or object or phenomenon is taken to another person or object; to exert (have, etc.) influence on someone, something; 2) the force of power, authority [28, p. 751].

So, we can it may be concluded on the basis of a philological interpretation that interference is carried out in the activities of a person; one of the methods of such interference is the influence exerted on the consciousness and will of this person. Given the above, it is possible to derive the following optimal model of the correlation of these concepts in Art. 376 of the CC of Ukraine: the main act is interference aimed at preventing the relevant activity, and the method of this act may be influence on a certain person, there may also be other methods not related to direct influence on another person [29, p. 346]. At the same time, there are possible methods of interference in the activities of a judge that do not contain signs of other elements of crimes and at the same time do not constitute illegal influence on the judge (for example, intentional power outage, Skype communication during a court session, etc.).

Therefore, interference as part of the criminal offense provided for in Art. 376 of the CC of Ukraine, may consist of the following actions: 1) unlawful influence on the victim (pushy request, persuasion, threat to disclose certain information, to restrict the rights and interests of the judge, other types of threats (except for threats of murder, violence, destruction or damage to property, liability for which provide for the Part 1 of Art. 377 of the CC of Ukraine, revealing the intention of a person to exercise his or her rights and legitimate interests in judicial proceedings), coercion, as well as other methods (for example, an instruction from another official – the head of the court, etc.)); 2) committing any form of obstruction to the exercise of lawful activities (for example, intentional disconnection of electricity, Skype communication during a court session, etc.), provided that such acts do not contain

other elements of criminal offenses. It seems that the authors of the relevant structural subdivision of the draft CC of Ukraine share a similar distinction between the concepts of "unlawful influence" and "obstruction", since in subsection 2 "Misdemeanors" of the draft CC of Ukraine, an article entitled "Obstruction of the performance of juror duties" provides for liability for an official preventing another person from performing juror duties.

In view of the above, we propose to provide the following wording in the article under consideration of the draft CC of Ukraine: "Interference in the activities of a judge with the aim of preventing him from performing his official duties directly related to the administration of justice, by means of unlawful influence, creating obstacles in the exercise of his powers, if such acts do not contain signs of criminal offenses provided for by articles ... of this Code".

As regards other victims – officials who are participants of legal proceedings and the execution of court decisions, as well as a defense attorney, a representative of a person (we are talking about Art. 8.2.12 of the draft version of the CC of Ukraine), it seems appropriate to expand the circle of victims in this criminal offense, supplementing it by other participants of legal proceedings and the execution of court decisions. Such a norm might be worded the following way: "Interference in the activities of an investigator, prosecutor, inquirer, detective, employee of an operational department, state bailiff, private bailiff, authorized person of the National Agency of Ukraine for Finding, Tracing and Management of Assets Derived from Corruption and Other Crimes National Agency of Ukraine for Finding, Tracing and Management of Assets Derived from Corruption and Other Crimes, defense attorney, a representative of a person with the aim of obstructing their performance of official duties, powers directly related to legal proceedings or the execution of court decisions, by means of unlawful influence, creating obstacles in the exercise of their powers, if such acts do not contain signs of criminal offenses provided for by articles of this Code".

Regarding *criminal offenses that constitute in the impact on special victims by encroaching on their personal benefits (life, health, property, safety)*, the doctrine of criminal law proposes the following ways of regulating the relevant norms on criminal liability:

1. To provide articles on encroachment on the personal benefits of special victims in the sections of the Special Part of the CC of Ukraine depending on the field of official, professional activity of the relevant special victim, while constructing these components according to a typical unified legislative structure.

Meanwhile, within this approach, it may be distinguished a position to provide special norms on liability for unlawful influence by encroachment on the personal benefits of special victims without a specific description of the relevant type of their official or professional activity. Thus, in particular,

based on the analysis of the criminal legislation of foreign states, in which there are fewer special norms on encroachment on the personal benefits of the so-called special victims, O.A. Kirbyatyev proposed to change the legislative approach in terms of describing the victim of criminal offenses regardless of his or her position or a specific body. The author has argued that such an approach would provide a more utilitarian model of constructing the relevant components of criminal offenses, would fully determine the characteristics of a special victim even in the event of amendments and additions to the branch legislation in connection with the creation of new state authorities [30, p. 7].

2. To provide for norms on liability for encroachment on the personal benefits of the special victims in the sections of the Special Part of the CC of Ukraine on liability for the offenses against life, health, and property of a person. According to this position the relevant general norms should provide for such a qualifying feature as the commission of a criminal offense in connection with the lawful official, professional activities of the victim or the performance by him of his public duty [31, p.225–232]. Among the main arguments that are called in favor of such a position is that in the hierarchy of benefits protected by criminal law – life, health, and property are more important benefits than justice. In addition, among the arguments of the supporters of this position is the fact that criminal law norms on liability for encroachment on the personal benefits of special victims are also committed in connection with dissatisfaction with their official, professional activities in the past, when at the time of the commission of the criminal offense the victim was no longer engaged in the relevant official, professional activities. Thus, when committing these criminal offenses, no harm is caused to such an object of criminal law protection as judicial proceedings.

Regarding both of abovementioned models of the constructing of criminal law norms on liability for influencing special victims, committed by encroaching on their personal benefits, one can give arguments “for” and “against”. However, regarding the arguments for the first of the above-mentioned legislative models, it seems that we cannot agree with the fact that in all cases an additional direct object of criminal offense cannot lie in the light of the value hierarchy of objects of criminal law protection, higher than the main direct object of the crime. V.Y.Taziy reasonably noted that the main direct object reflects the main content of a particular crime, its antisocial essence and direction [32, p. 151]. Often the main object can be lower in the hierarchy of the protected values compared to the additional object. For example, in the components of some criminal offenses against property or occupational safety, in which an additional mandatory object is social relations that ensure the protection of a person’s health (for example, Articles 187, 189, 271–275 of the CC of Ukraine). By providing for criminal liability for encroachment on the life, health, property, and safety of special victims in connection with their

official or professional activities, the legislator aimed, first of all, to provide for criminal-legal protection of social relations, which are the main direct object of the components of the relevant criminal offenses. At the same time, the multi-object nature of these criminal offenses indicates their increased social danger, which should be adequately reflected in the sanctions of the relevant criminal-legal norms. Therefore, we support the first of the abovementioned models for constructing norms on liability for influencing special victims by encroaching on their personal benefits. It should be noted that when constructing norms on liability for such offenses, the authors of the draft CC of Ukraine chose the second of the abovementioned models for constructing the norms, leaving in the subsection on liability for criminal offenses against justice only norms on liability for unlawful influence that is not combined with physical or mental violence. At the same time, based on the provisions of the latest draft of the CC of Ukraine (as of August 1, 2024), there are such options for qualifying the actions of the perpetrator, depending on whether the offense is committed against a person who, at the time of the commission of the criminal offense, had the appropriate status (judge, prosecutor, investigator, etc.), or the offense is committed in connection with his activities in the past.

1. The unlawful influence is combined with the use of threats or physical violence not related to causing harm to health and is related to the lawful professional or official activities of the victim, *who at the time of the commission of the criminal offense had the appropriate status* (prosecutor, judge, etc.) *in order to force him to commit or not commit a certain action within the limits of his official powers or, based on his procedural status or powers provided for by law, - based on the provisions of the draft CC of Ukraine.* Such actions should be qualified under the set of articles that provide for liability for unlawful influence on the relevant special victim (Articles 8.1.5, 8.2.12) and under Art. 4.4.7 of the draft, entitled “Coercion”, located in the section “Criminal Offenses against Personal Freedom and Dignity of a Person”, which provides for liability for coercing another person to commit or refrain from committing a certain action by applying to him or her close person: 1) violence that caused physical pain, 2) other violence not related to causing harm to health, or 3) threats, except for cases of coercion provided for in other articles of the CC. In this case, a threat should be understood as verbal, written or conclusive actions of intimidating a person by using violence, rape, destruction or damage to property, disclosing real or fictitious information that may compromise a person, or causing him or her any other harm, if this person perceived the threat as real. At the same time, when qualifying coercion (Article 4.4.7), it should be taken into account the feature that increases the severity of the crime - the commission of coercion “in relation to a person (or to a close person) in connection with the performance of official powers or professional duties, the exercise of his subjective right or the performance of a legal duty in the public interest.”

2. *The unlawful influence on special victim is combined with the use of physical violence which is causing harm to health and is related to the lawful professional or official activities of the victim, who at the time of the commission of the criminal offense has the appropriate status (prosecutor, judge, etc.), regardless of whether such actions have been committed with the aim of forcing him or her to commit or not to commit a certain action within the official powers or, based on his or her procedural status or powers.* In accordance with the draft CC of Ukraine, such actions should be qualified as a set of articles that provide for liability for unlawful influence on the relevant special victim (Articles 8.1.5, 8.2.12) and the norms of the relevant sections of the book "Criminal Offenses against a Person" – Section 4.2 "Criminal Offenses against Health of a Person", which involve causing harm to the health of a person of varying degrees. In this case, when qualifying, should be taken into account such qualifying features provided for in this Section: committing a crime of causing harm to the health of a person (or a person close to him) in connection with the performance of his or her official powers or professional duties, the exercise of his or her subjective right or the performance of a legal duty in the public interest [1].

3. *The encroachment on personal benefits is carried out due to the fact that the special victim held the relevant position or engaged in relevant activities in the past, or without the aim of influencing the current official or professional activities of the victim, but for reasons of dissatisfaction with such activities in general (i.e. in the absence of the aim of forcing to commit or not to commit a certain action).* In this case the specified activity is not protected by the norms of the book on liability for criminal offenses against justice. Such actions should be qualified under the norms of the relevant sections of the book "Criminal Offenses against a Person" - section 4.2 "Criminal Offenses against the Health of a Person", which provide for causing harm to the health of a person of varying degrees, under Art. 4.3.3 "Threat of causing death or serious harm", which is located in the section "Criminal Offenses against the Mental and Physical Safety of a Person". In this case, the following qualifying features should be taken into account: the commission of an offense of causing harm to health of a person (or a close person) in connection with the performance of his or her official powers or professional duties, the exercise of his or her subjective rights or the performance of a legal duties in the public interest [1].

It seems that abovementioned legal regulation of liability for unlawful influence on special victims will create some difficulties in qualifying such actions in practice. It should be noted that, based on the principle of differentiation of criminal liability, it appears that the following three types of acts have different degrees of social danger: a) impact on a person without a threat; b) impact on a person with a threat (or in other words, through the use of mental violence); c) impact on a person with the applying of physical

violence. In addition, different degrees of social danger have threats to restrict the rights and legitimate interests of a person, on the one hand, and threats of murder, violence, on the other hand. When it comes to physical violence (in the draft CC of Ukraine, it is designated by the term “violence”), - different degrees of social danger have actions that caused various harm to the health of a person, on the one hand, and did not cause such harm, but caused physical pain to the victim, on the other hand. It seems that the section on liability for criminal offenses against justice should provide for rules on liability for unlawful influence, including by encroaching on the personal benefits of the relevant special victims in connection with their respective official or professional activities in judicial proceedings, regarding the execution of court decisions, by differentiating liability for such influence depending on the kind (mental or physical) and intensity of the violence applied to the victim.

Regarding *such participants of legal proceedings and the execution of court decisions as a witness, victim, expert, specialist, translator, person summoned to provide explanations who are not officials*, it seems that – since their activities contribute to the conduct of legal proceedings or, accordingly, the execution of court decisions, but they do not belong to the officials who directly carry out legal proceedings – liability for unlawful influence on such persons should be regulated by separate criminal law norms.

According to the survey of state bailiffs conducted in March - April 2020, among those state bailiffs who indicated that in their activities they encountered facts of illegal influence on an expert, appraiser, specialist, translator involved in enforcement proceedings, or other obstruction of their activities in order to persuade them to refuse to provide, respectively, an opinion, a property valuation report, a translation, or to provide a knowingly false opinion, a property valuation report, or a translation, 12.5% indicated that such influence had been in the form of bribery; the remaining 87.5% indicated another forms of influence not specified in Art. 386 of the CC of Ukraine. According to the survey of experts conducted during the same period, among those experts who noted that there were cases of interference in their professional activities, obstruction of such activities related to their performance of expert functions in judicial proceedings, 66.7% indicated that such interference had been in the form of illegal influence; 33.3% - in the form of the offer or promise of an illegal benefit. None of the respondents mentioned other forms of illegal influence (in particular, the questionnaire referred to such forms of interference, obstruction of activities as obstruction of appearance before pre-trial investigation bodies or in court, threats of murder, violence, threats to harm the legitimate interests of the expert or his close relatives, physical violence) [29, p. 373–374].

According to a survey of prosecutors conducted in March-April 2020, when asked whether they had encountered cases in their practice when witnesses and experts in criminal proceedings were influenced in order to

force them to give false testimony, a conclusion, or refuse to give testimony or a conclusion, 60% of respondents answered in the affirmative; accordingly, 38.3% of respondents noted that there were no such cases in their practice. Of those respondents who noted that they had encountered such cases in their practical activities, they noted the following forms of the aforementioned illegal influence: bribery (58.3% of respondents), threat of violence (25% of respondents), threat of destruction or damage to property (8.3% of respondents), threat of disclosure of information that could harm the rights and interests of the victim or his close relatives (11.1% of respondents), obstruction of appearance before pre-trial investigation bodies or in court (19.4% of respondents), physical violence (5.6% of respondents). As for other variants of illegal influence, the respondents noted that such illegal influence was due to acquaintance with the accused, friendship, family ties (5.6% of respondents). Thus, the above survey data indicate that most often such illegal influence on witnesses and experts in criminal proceedings is carried out through bribery, preventing them from appearing before pre-trial investigation bodies or in court, as well as through threats (threat of violence, destruction or damage to property, disclosure of information that can harm the rights and interests of the victim or his close relatives). In addition to the forms of illegal influence provided for in Art. 386 of the CC of Ukraine, such influence is also carried out through the use of violence against the specified categories of victims, other illegal influence due to acquaintance with the accused, friendship, family ties (5.6% of respondents). These actions, given that they do not have an increased public danger, which would necessitate the establishment of criminal liability for them in a separate special norm, should be qualified, if there are appropriate grounds, as incitement to commit criminal offenses provided for in Articles 384 or 385 of the CC of Ukraine [29, p. 374-375].

Hence, it should be noted that the common form of the influence on the above-mentioned officials is influence connected with bribery. Therefore, it is a positive point that the current draft of the CC of Ukraine, in the section "Criminal Offenses against the Assistance of Justice", includes an article on liability for bribing a participant in criminal proceedings or a participant in a trial in a court of any jurisdiction who is not an official, in order to obtain certain explanations, testimony or a knowingly incorrect translation. At the same time, it seems that bribing a participant in criminal proceedings who is not an official or a person carrying out activities related to the provision of public services reaches a public danger in cases where it is aimed either at inducing such a person to provide *false* testimony, a conclusion, an incorrect translation, or to refuse to provide testimony or a conclusion. Therefore, it seems appropriate to provide for criminal liability for unlawful influence on the specified persons in the form of bribery for this purpose. Also, given the above statistical data, taking into account the fact that the draft CC of Ukraine does not contain an article that would establish liability for unlawful

influence on participants in relations regarding the conduct of legal proceedings, the execution of court decisions, who are called upon to facilitate the conduct of legal proceedings, respectively, the execution of court decisions and who are at the same time not officials (witness, victim, expert, specialist, translator, person summoned to provide explanations), it seems important to provide for an article in the draft CC of Ukraine that would provide for liability for unlawful influence on such persons with differentiation of liability for the relevant actions depending on its intensity, as well as depending on other methods of such influence on the specified victims. In particular, it would be advisable to provide in a separate article of the draft CC of Ukraine for the above-mentioned special victims (witness, victim, expert, specialist, translator, person summoned to provide explanations) liability for such acts as bribery, obstruction of appearance in court, the Constitutional Court of Ukraine, pre-trial investigation bodies, coercion to refuse to give testimony, explanations, conclusion, translation or to give knowingly false testimony, explanations, conclusion, translation by threatening these persons or their close relatives or family members with murder, violence, destruction or damage to property, restriction of the rights or legitimate interests of these persons or disclosure of information protected by law and which these persons wish to keep secret, or other information, the disclosure of which may cause significant harm to the rights and interests of the victim or his close relatives, family members, or threat to commit the above actions of revenge for previously given testimony, explanation, conclusion, translation or report on property valuation in enforcement proceedings, in legal proceedings, including in constitutional proceedings. Meanwhile, it would be advisable to differentiate liability for such coercion in separate parts of the proposed article depending on whether such coercion is committed by:

- gh threats;
- physical violence of varying degrees of intensity.

Among the important issues related to liability for criminal offenses of the group under consideration are ***the issues of criminal law protection of the activities of a defense attorney, a representative of a person, and advocacy.***

In the current CC of Ukraine, the relevant norms are provided for in the Articles 397–400. From the content of the provisions of the relevant norms, it should be concluded that the object of the relevant criminal offenses goes beyond the object of criminal offenses against justice, because, according to the literal interpretation of the aforementioned norms, they must be applied even when interference with the activities of a defense attorney or representative of a person, intentional destruction or damage to their property, encroachment on life, threat or violence were committed in connection with the providing of legal assistance both within and outside a judicial proceedings and the execution of court decisions. In this aspect, the draft CC of Ukraine

(Art. 8.2.12) formulates the aforementioned norms in a similar way, in particular, liability is provided for interference with the activities of a defense attorney or representative of a person in connection with the performance of their professional duties [1]. Although it is important to say that the activities of a representative of a person do not always fall within their professional activities (professional duties). For example, when it comes to a representative of a legal entity – its employee, acting by proxy (Part 2 of Art. 58 of the Criminal Procedure Code of Ukraine).

Scholars in the field of criminal law have proposed ways to resolve this issue. In particular, V.V. Kudryavtsev proposed to determine in the Articles 398–400 of the CC of Ukraine the motives and purpose of encroachment on the legitimate activity of providing legal assistance during legal proceedings [18, p.164-166]. O.F. Bantyshev proposed to place (separate) articles that ensure the interests of both the activities of the defense attorney, the representative of the person, and their personal interests, the safety of their life and health in a separate section – “Crimes against the normal activities of the defense attorney or representative of the person” [17, p. 174].

G.V. Logvinskyi proposed to change the range of those social relations that are the generic object of criminal offenses in Section XVIII of the Special Part of the CC of Ukraine, and define it as social relations that reflect the procedure for the administration of justice, assistance in conduct of human rights protection activities. Accordingly, the author proposed to reword the title of this section as follows: “Crimes against ActivitiesR to the Administration of Justice or Human Rights Protection Activities”. In this regard, G.V. Logvinskyi also proposed to expand the range of victims in the criminal offenses provided for in Articles 398–400 of the CC of Ukraine, wording a victim as “a person who carries out human rights protection activities”, which, as the author notes, would include, in addition to the defender and representative of the person, also legal representatives, other persons who carry out human rights protection activities in providing legal assistance, regardless of the legal sectoral affiliation of such assistance [11, p. 12]. At the same time, it seems that human rights protection activities go beyond the boundaries of judicial proceedings, the execution of court decisions, and may be carried out within other generic objects of criminal offenses.

V.V. Vlasjuk has proposed to unify the signs of liability for criminal offenses against persons who protect or represent a person, providing him with legal assistance, and to provide for it in the section on encroachments on the authority of state authorities, local governments, associations of citizens and criminal offenses against journalists, in the articles that provide for liability for encroachment on law enforcement officers, along with these special victims. The scholar proposed to consider the criteria (grounds) for distinguishing in these articles liability for encroachment on the above-mentioned persons as special signs of the injured persons (defender and representative of

the person), as well as the activities carried out by them [6, p. 4]. This position cannot be supported, given that the activities of a defense attorney, a representative of a person, are in most cases carried out within the framework of legal proceedings, and therefore are covered by the generic object of criminal offenses against justice. At the same time, it should be noted about the legal protection of the an advocate professional activities. In Art. 397–400 of the CC of Ukraine, as well as in Art. 8.2.3 of the draft CC of Ukraine, norms are designed to ensure the legal protection of the legal activities of advocates only in cases where an advocate provides legal assistance, while being in the status of a defense attorney or representative of a person. The specified norms do not protect professional legal activities in cases where an advocate carries it out not in the status of a defense attorney or representative of a person. The analyzed draft CC of Ukraine also does not contain other special norms aimed at the legal protection of the advocate professional activities.

International legal acts that define international standards for guarantees of professional advocate activity emphasize the need or recommendations to ensure in the national legislation of states guarantees of professional activity of a lawyer, which concern all areas (spheres) of his activity (not only judicial proceedings). In particular, international legal acts provide for the following provisions concerning guarantees of legal activity of an advocate:

- ensuring the possibility for advocates to perform professional duties without intimidation, obstacles, inappropriate interference (paragraph 2 of the Basic Principles of the Role of Lawyers, adopted by the VIII UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (1990) [33]; paragraph a) of the Charter of Core Principles of the European Legal Profession (2006) [34];

- ensuring the conditions for the absolute independence of the advocate in the performance of his professional tasks and the absence of any influence on him, related primarily to his personal interest or to external pressure (paragraph 2.1.1 of the Code of Conduct for European Lawyers, adopted at the plenary session of the Council of Bar Associations and Law Societies of Europe (1988) [35];

- ensuring the advocate criminal and civil immunity from prosecution for statements relating to the case, in the conscientious performance of his duty, the performance of his duties in a court, tribunal, other legal or administrative body (paragraph 20 of the Basic Principles on the Role of Lawyers, adopted by the VIII United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (1990);

- ensuring the exclusion of the possibility for the advocate to be subject to punishment or the threat of its application, the possibility of prosecution, sanctions for actions committed during performance of his professional duties in accordance with standards, ethical norms (paragraph 16 of the Basic Principles on the Role of Lawyers, adopted by the VIII UN Congress on

the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (1990), paragraph a) [33] of the Charter of Core Principles of the European Legal Profession (2006) [34];

– the obligation of the authorities to take measures to adequately protecting of advocates in cases where the safety of advocates in connection with the performance of their professional duties is at risk (paragraph 17 of the Basic Principles on the Role of Lawyers, adopted by the VIII United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (1990)).

Based on the provisions of the above-mentioned international legal acts, it appears that the activities of advocates should be provided with special guarantees. At the same time, the guarantees of the professional activities of advocates should relate both to non-interference in his professional activities in various aspects (the advocate's obligation to maintain the confidentiality of the client's cases, independence, the lawyer's freedom to conduct the case, and others), and to ensuring his personal safety in connection with the activities he carries out. Therefore, it appears that limiting the criminal law protection of professional legal activities only to those cases where advocate has the status of a defender, a representative of a person, as provided for, based on provisions of Articles 397–400 of the CC of Ukraine, does not fully comply with the provisions of international legal acts, does not fully protect the professional advocate activities.

The generalization of empirical data obtained as a result of the survey of advocates confirms the need to supplement the criminal law in order to provide for more complete criminal law protection of advocate professional activities. In particular, according to the survey of advocates conducted in March-April 2020, when asked whether there were cases of interference in legal activities, obstruction of such activities, related to the performance of the function of a defender, a representative of a person, the vast majority of advocates, 69.7%, answered affirmatively: such cases were present in their practice; 30.3% of advocates stated that no such actions had been committed against them. Another question was following: whether there were any cases of interference in their practice that were not related to their performance of the function of a defender or a representative of a person, but were related to other types of professional legal practice (for example, providing explanations on legal issues, consultations, drafting applications, complaints, procedural and other documents of a legal nature; legal support for the activities of individuals and legal entities, the state), 36.4% of advocates indicated that there were such cases; the majority (63.6%) gave a negative answer to this question [29, p. 266]. Hence, most such encroachments are committed in connection with the advocate's performance of the functions as a defender or a representative of a person, but cases of interference in activities during the performance of other types of legal practice are also relatively common. Therefore, these issues need to be resolved in the CC of Ukraine.

Given the above, it is advisable to introduce into the structural draft of the CC of Ukraine norms that would protect the activities of a defense attorney, a representative of a person in connection with their performance of relevant functions in judicial proceedings, during the execution of court decisions. At the meantime, in the structural subdivision of the Special Part of the CC of Ukraine, where the object is public relations regarding the provision of socio-economic rights of a person (in the current CC of Ukraine - this is Section V, in the draft CC of Ukraine – Section 4.8), it seems reasonable to provide for a separate article to establish liability for intentional obstruction of a lawyer's lawful professional activity, violation of the guarantees of their activity and professional secrecy specified by law in the absence of signs of elements of criminal offenses that constitute unlawful influence on a defense attorney or representative of a person.

CONCLUSIONS. The abovementioned provides grounds for formulating the following outcomes:

1. Considering that interference in activities related to the conduct of judicial proceedings or the execution of court decisions may be not only in the unlawful influence on the relevant special victims - participants in relations regarding the conduct of judicial proceedings and the execution of court decisions, but may also be carried out in other ways (i.e. unlawful influence is one of the methods of such interference), it seems appropriate to word the relevant article of the draft CC of Ukraine as follows: “Interference in the activities of a judge with the aim of preventing him from performing his official duties directly related to the conduct of judicial proceedings, by means of unlawful influence, creating obstacles in the exercise of his powers, if such acts do not contain signs of criminal offenses provided for by articles ... of this Code”.

Similarly, it would be advisable to formulate a norm on liability for interference in the activities of other special victims who are participants in relations of legal proceedings and the execution of court decisions, while expanding the circle of these victims compared to the current wording of the relevant article of the draft CC of Ukraine - to include such categories of persons as a state bailiff, a private bailiff, an authorized person of the National Agency of Ukraine for Finding, Tracing and Management of Assets Derived from Corruption and Other Crimes. In particular, it seems appropriate to formulate the relevant provision of the draft CC of Ukraine in the following wording: “Interference in the activities of an investigator, prosecutor, inquire, detective, employee of an operational unit, state bailiff, private bailiff, authorized person of the National Agency of Ukraine for the Identification, Search and Management of Assets Obtained from Corruption and Other Crimes, defense attorney, representative of a person with the aim of preventing them from performing their official duties, powers directly related to the conduct of legal proceedings or the execution of court decisions, by means of unlawful

influence, creating obstacles in the exercise of their powers, if such acts do not contain signs of criminal offenses provided for by Articles of this Code.”

2. Liability for unlawful influence on the special victims by means of violence (physical, mental) should be differentiated depending on the intensity of the violence applied to the victim: a) influence on a person without threat; b) influence on a person with a threat (or in other words, through the use of mental violence); c) influence on a person with the use of physical violence. In addition, given the different degrees of social danger, differentiation of criminal liability requires illegal influence on special victims, combined with the threat of murder, physical violence; physical violence depending on the degree of its intensity.

3. It seems appropriate to provide for rules on liability for influencing special victims – participants in relations regarding the conduct of judicial proceedings and the execution of court decisions, – by encroaching on their personal benefits (including in connection with their relevant activities in the past), – in the structural subdivision of the draft CC of Ukraine on liability for criminal offenses against judicial proceedings and the execution of court decisions (in the current version of the draft CC of Ukraine – "against justice"). Providing for criminal liability for encroachment on the life, health, property, and safety of the special victims in connection with the exercise by them of powers, the legislator aimed, first of all, to provide for criminal-law protection of social relations, which are the main direct object of the components of the relevant criminal offenses, – which lie within the framework of social relations regarding the conduct of judicial proceedings and the execution of court decisions. At the same time, the multi-objective nature of these criminal offenses indicates their increased social danger, which should be adequately reflected in the sanctions of the relevant criminal law norms.

4. It would be reasonable to place in the structural subdivision of the draft CC of Ukraine on liability for criminal offenses against justice (against the established procedure of judicial proceedings and the execution of court decisions) norms that would protect the activities of a defense attorney, a representative of a person within the framework of the relations regarding judicial proceedings, execution of court decisions. At the meantime, in the structural subdivision of the Special Part of the CC of Ukraine, where the object is public relations regarding the provision of socio-economic rights of a person (in the draft CC of Ukraine - section 4.8), it seems appropriate to single out an article that would provide for liability for acts that constitute intentional obstruction of the advocate's lawful professional activity, violation of the guarantees of their activity and professional secrecy specified by law, in the absence of signs of criminal offenses that provide for liability for unlawful influence on the defense attorney or representative of a person in judicial proceedings and within the framework of relations regarding the execution of court decisions.

RECOMMENDATIONS. The provisions, proposals, recommendations set out in this article may serve as the basis for further scientific research of the problems of criminal liability for criminal offenses against justice, criminal liability for unlawful influence on special victims in connection with their official, professional activities. Also, the conclusions reached by the authors of this work can be taken into account for further improvement of the draft CC of Ukraine.

ACKNOWLEDGEMENTS. The authors express their sincere gratitude to Lviv Research Institute of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Ukraine, Western Interregional Department of Justice of the Ministry of Justice of Ukraine, the Lviv Bar Association, and the Lviv Regional Prosecutor's Office for their assistance in organizing the questionnaire for this research.

CONFLICT OF INTEREST. None.

REFERENCES

- [1] The text of the Draft of the new Criminal Code of Ukraine as of July 2, 2024 (2022). Retrieved from <https://newcriminalcode.org.ua/criminal-code>.
- [2] Hryshchuk, V., Paliukh, L. (2021). On the Issue of the Object of Criminal Offenses against Justice under the Criminal Law of Ukraine. *University Scientific Notes*, 5(83), 104 – 115.
- [3] Hryshchuk V., Paliukh L. (2022). Problematic Issues of Liability for Crimes Against Justice in the Criminal Law Doctrine. *Social and Legal Studios*, vol. 5, No. 3, 29 – 36.
- [4] Alekseeva, N.Yu. (2017). *Criminal liability for crimes against justice committed by or in relation to witnesses, experts, translators* (PhD thesis, Lviv State University of Internal Affairs, Lviv, Ukraine).
- [5] Belenok, V.P. (2021). *Criminal law and criminological characteristics of threat or violence against a law enforcement officer*. (PhD thesis, National Academy of Internal Affairs, Kyiv, Ukraine).
- [6] Vlasnyuk, V.V. (2020). *Criminal legal protection of the activity of a defender or a representative of a person providing legal assistance* (PhD thesis, Interregional Academy of Personnel Management, Kyiv, Ukraine).
- [7] Verbytska, N.V. (2017). *Criminal law characteristics of threats or violence against a defender or representative of a person* (PhD thesis, Academy of Advocacy of Ukraine, Kyiv, Ukraine).
- [8] Zatolochnyy, V. (2022). *Criminal Liability for Apprehension, Detention, House Arrest and Remand Known to Be Illegal*. (PhD thesis, National University “Lviv Polytechnic”, Lviv, Ukraine).
- [9] Karhut, R.V. (2018). *Criminal liability for interference in the activities of judicial bodies under the legislation of Ukraine and the Republic of Poland* (PhD thesis, V.M. Koretsky Institute of state and law of National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine).

- [10] Lazarenko, V. (2021). *Criminal-legal characteristics of concealment of a criminal offense: a comparative legal study* (PhD thesis, National University "Odesa Law Academy", Odesa, Ukraine).
- [11] Logvinsky, G.V. (2021). *Criminal-legal characteristics of encroachment on the defender or representative of a person*. (PhD thesis, National University "Odesa Law Academy", Odesa, Ukraine).
- [12] Losych, T.S. (2017). *Criminal liability for threats or violence against a judge, people's assessor or juror* (PhD thesis, Kharkiv National University of Internal Affairs, Kharkiv, Ukraine).
- [13] Moroz, A.O. (2018). *Criminal-legal investigation of the crime of interference in the activity of a defender or representative of a person (Article 397 of the Criminal Code of Ukraine)* (PhD thesis, National Academy of Management, Kyiv, Ukraine).
- [14] Teslyuk, D.Yu. (2024). *Criminal law protection of judges in Ukraine* (PhD thesis, Lviv State University of Internal Affairs. Lviv, Ukraine).
- [15] Shepitko, M.V. (2018). *Crimes in the sphere of justice: The evolution of views and scientific approaches to the formation of countermeasures*. Kharkiv: Pravo.
- [16] Shepitko, M.V. (2019). Trends in the development of criminal legislation regarding crimes against justice. In V.Y. Tatsii (Ed.), *Conceptual principles of the new version of the Criminal Code of Ukraine: materials of the international of science conference*, (pp. 473-476). Kharkiv: Pravo.
- [17] Bantyshev, O.F. (2016). *Qualification of Crimes Related to Causing Death to Another Person and Their Distinction from Related Crimes*. Kyiv: National Academy of the Security Service of Ukraine.
- [18] Kudryavtsev, V.V. (2006). *Criminal-legal Protection of the Life of Persons Who are the Bearers of Judicial Power, according to the Criminal Legislation of Ukraine* (PhD dissertation, National University "Odesa Law Academy", Odesa, Ukraine).
- [19] Blazhyvskiy, E.M. (2010). *Criminal liability for intervention in activity on Criminal Law of the Ukraine*(PhD thesis, Lviv State University of Internal Affairs. Lviv, Ukraine).
- [20] Aleksandrov, Yu.V., Dudorov, O. O., Klymenko, V. A. and others (2008). *Criminal law of Ukraine. Special part: textbook*. Kyiv.
- [21] Martirosyan, A.H. (2011). *Criminal responsibility for the interference with the functioning of a court*. (PhD thesis, Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Science of Ukraine, Kyiv, Ukraine).
- [22] *Crimes against justice: academic. manual* (2011) / by general ed. Borysov, V. I., Tyutyugin, V. I. Kharkiv.
- [23] Chub, I.M. (2014). *Interference in the activity of a law enforcement officer*. (PhD thesis, Academician V.V. Stashis Research Institute for the Study of Crime Problems of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine, Kharkiv, Ukraine).

[24] Karkhut, R.V.(2018). *Criminal liability for interference in the activity of judicial authorities of Ukraine and the Republic of Poland*. (PhD thesis, V. M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine).

[25] *On the Independence of the Judiciary*: the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Ukraine, June 13, 2007, available at: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/v0008700-07> [last accessed 12.07.2024].

[26] Bunin, Y.O. (2015). *Interference in the activity of judicial authorities under the Criminal Code of Ukraine: analysis of the body of the crime and the issues of qualification*. (PhD thesis, Yaroslav Mudryi National Law University, Kharkiv, Ukraine).

[27] *Criminal law of Ukraine: Special part: textbook* (2015). / by general ed. Taziy, V.Y., Borysov, V. I., Tyutyugin, V. I. Kharkiv.

[28] *Dictionary of the Ukrainian Language: in 11 vol.* (1970). / by general ed. Bilodid, I.K. and others. Vol. 1: A-B. Kyiv.

[29] Paliukh, L.M. (2020). *Criminal Liability for Crimes against Justice*. Lviv: Ivan Franko National University of Lviv.

[30] Kirbyatyev, O.A. (2021). *Criminal-law protection of professional activities of the law enforcement officers*. (PhD thesis, Classic Private University, Zaporizhzhia, Ukraine).

[31] Shymko, T.V. (2009). Certain aspects of determining the object of encroachment in crimes against justice. *Actual problems of the improvement of the current legislation of Ukraine: collection of scientific articles*, (pp. 225–232). Ivano-Frankivsk: Vasyl Stefanyk National University of Prykarpattia.

[32] Taziy, V.Y. (2016). *Object and subject of crime in criminal law: monograph*. Kharkiv: Pravo.

[33] Basic principles on the role of lawyers: Adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. (1990, September). Retrieved from <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/document/basic-principles-on-the-role-of-lawyers/>.

[34] The Charter of Core Principles of the European Legal Profession and Code of Conduct for European Lawyers.(2019). Retrieved from: https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/DEONTOLOGY/DEON_CoC/EN_DEON_CoC.pdf.

[35] The Code of Conduct for European Lawyers. (1988, October). Retrieved from: <https://www.abogacia.es/wp-content/uploads/2012/06/cod-deontologico-abogados-UE-INGLES.pdf>.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

[1] Текст проекту Кримінального кодексу України станом на 2 липня 2024 року. URL: <https://newcriminalcode.org.ua/upload/media/2024/07/03/kontrolnyj-tekst-proyektu-kk-stanom-na-02-07-2024.pdf> (Дата звернення: 07.07.2024).

[2] Гришук В. К., Палюх Л. М. До питання про об'єкт кримінальних правопорушень проти правосуддя за кримінальним правом України. *Університетські наукові записки*. 2021. № 5(83). С. 104 – 115.

[3] Hryshchuk V., Paliukh L. Problematic Issues of Liability for Crimes Against Justice in the Criminal Law Doctrine. *Socialand Legal Studios*. 2022. Vol. 5, No. 3. P. 29 – 36.

[4] Алексеева Н.Ю. Кримінальна відповідальність за злочини проти правосуддя, що вчиняються свідками, експертами, перекладачами або щодо них: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Львів, 2017. 19 с.

[5] Беленок В.П. Кримінально-правова та кримінологічна характеристика погрози або насильства щодо працівника правоохоронного органу: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ, 2021. 20 с.

[6] Власюк В.В. Кримінально-правове забезпечення охорони діяльності захисника чи представника особи з надання правової допомоги: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ, 2020. 21 с.

[7] Вербицька Н.В. Кримінально-правова характеристика погрози або насильства щодо захисника чи представника особи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ, 2017. 19 с.

[8] Затолочний В.С. Кримінальна відповідальність за завідомо незаконне затримання, привід, домашній арешт, тримання під вартою: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Львів, 2022. 20 с.

[9] Кархут Р.В. Кримінальна відповідальність за втручання у діяльність судових органів за законодавством України та республіки Польща: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ, 2018. 19 с.

[10] Лазаренко В.В. Кримінально-правова характеристика приховування кримінального правопорушення: порівняльно-правове дослідження: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Одеса, 2021. 20 с.

[11] Логвинський Г.В. Кримінально-правова характеристика посягання на захисника чи представника особи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Одеса, 2021. 20 с.

[12] Лосич Т.С. Кримінальна відповідальність за погрозу або насильство щодо судді, народного засідателя чи присяжного: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Харків, 2017. 16 с.

[13] Мороз А.О. Кримінально-правове дослідження злочину втручання в діяльність захисника чи представника особи (ст. 397 КК України): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ, 2018. 20 с.

[14] Теслюк Д.Ю. Кримінально-правова охорона діяльності суддів в Україні: дис. ... доктора філософії: 081. Львів, 2024. 248 с.

[15] Шепітько М.В. Злочини у сфері правосуддя: еволюція поглядів та наукові підходи до формування засобів протидії: монографія. Харків: Право, 2018. 408 с.

[16] Шепітько М.В. Тенденції розвитку кримінального законодавства щодо злочинів проти правосуддя. *Концептуальні засади нової редакції*

Кримінального кодексу України: матеріали міжнар. наук. конф. (м. Харків, 17–19 жовт. 2019 р.) / редкол.: В.Я. Тацій (голов. ред.), А.П. Гетьман, Ю.В. Баулін та ін. Харків: Право, 2019. С. 473–476.

[17] Бантишев О.Ф. Кваліфікація злочинів, пов'язаних із спричиненням смерті іншій людині, та їх відмежування від суміжних злочинів: монографія. Київ: Національна академія СБУ, 2016. 216 с.

[18] Кудрявцев В.В. Кримінально-правова охорона життя осіб, що є носіями судової влади, за кримінальним законодавством України: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Одеса, 2006. 205 с.

[19] Блажівський Є.М. Кримінальна відповідальність за втручання в діяльність за кримінальним правом України : автореф. дис.... канд.. юрид. наук. : 12.00.08. Львів, 2010. 20 с.

[20] Кримінальне право України. Особлива частина: підручник / Ю.В. Александров, О.О. Дудоров, В.А. Клименко та ін. ; за ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. Вид. 2-ге, переробл. та допов. Київ : Атіка, 2008. 712 с.

[21] Мартіросян А. Г. Кримінальна відповідальність за втручання в діяльність осіб, які здійснюють правосуддя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Київ, 2011. 17 с.

[22] Злочини проти правосуддя : навч. посібник / за заг. ред. проф. В. І. Борисова, проф. В. І. Тютюгіна. Харків : Нац. ун-т “Юридична академія України імені Ярослава Мудрого”, 2011. 160 с.

[23] Чуб І. М. Втручання в діяльність працівника правоохоронного органу: кваліфікація та відмежування від суміжних злочинів: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Харків, 2014. 20 с.

[24] Кархут Р. В. Кримінальна відповідальність за втручання у діяльність судових органів за законодавством України та Республіки Польща: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ, 2018. 19 с.

[25] Про незалежність судової влади: Постанова Пленуму Верховного Суду України від 13 червня 2007 р. № 8. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/v0008700-07>(дата звернення: 12.07.2024).

[26] Бунін Є.О. Втручання в діяльність судових органів за Кримінальним кодексом України: аналіз складу злочину та питання кваліфікації : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 “Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право”. Харків, 2015. 20 с.

[27] Кримінальне право України: Особлива частина : підручник / Ю.В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. ; за ред. проф. В. Я. Тація, В. І. Борисова, В. І. Тютюгіна. 5-те вид., переробл. і допов. Харків : Право, 2015. 528 с.

[28] Словник української мови : в 11 т. / ред. колег. І. К. Білодід (голова) та ін. ; АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. Київ : Наукова думка, 1970–1980. Т. 1: А – В. Київ : Наукова думка, 1970. 799 с.

[29] Палюх Л.М. Кримінальна відповідальність за злочини проти правосуддя: монографія. Львів : ЛНУ імені Івана Франка, 2020. 744 с.

[30] Кирбят'єв О.О. Кримінально-правова охорона професійної діяльності працівників правоохоронних органів :дис.. ... докт.юрид. наук : 12.00.08. Київ, 2021. 36 с.

[31] Шимко Т.В. Окремі аспекти визначення об'єкта посягання у злочинах проти правосуддя. *Актуальні проблеми вдосконалення чинного законодавства України*: збірник наукових статей. Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, 2009. Вип. XXI. С. 225–232.

[32] Тацій В. Я. Об'єкт і предмет злочину в кримінальному праві: монографія. Харків: Право, 2016. 256 с.

[33] Основні положення про роль адвокатів (Прийняті VIII Конгресом ООН по запобіганню злочинам у серпні 1990 року).URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_835(дата звернення: 12.07.2024).

[34] The Charter of Core Principles of the European Legal Profession and Code of Conduct for European Lawyers of 24.11.2006. Brussels: CCBE, 2019. 28 p. URL: https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/DEONTOLOGY/DEON_CoC/EN_DEON_CoC.pdf(дата звернення: 27.06.2022).

[35] Кодекс поведінки європейських адвокатів від 28.10.1988 р. / пер. Національної асоціації адвокатів України. URL: [https://unba.org.ua/assets/uploads/legislations/inshi-dokumenty/kodeks_povedinky_yevropeyskykh_advokativ\(ukr\).pdf](https://unba.org.ua/assets/uploads/legislations/inshi-dokumenty/kodeks_povedinky_yevropeyskykh_advokativ(ukr).pdf)(дата звернення: 27.06.2022).

* * *

Victor K. Hryshchuk, Lidiia M. Paliukh. Щорічник українського права. 2025 р. №17

ТЕОРЕТИЧНІ КОНЦЕПТИ СУЧАСНИХ РЕФОРМАЦІЙНИХ ПРОЦЕСІВ В УКРАЇНІ

В нинішньому суспільстві і його різнобарвному політикумі вочевидь у черговий раз виникли два болюче нестерпних та історично-традиційних питання:

1) **Як ми дожилися до такого, м'яко кажучи, плачевного стану, маючи найкращі стартові можливості після організованого демонтажу СРСР?**

2) **Що робити? Як вийти з такого стану?**

Соціально-детермінаційний підхід дозволяє окреслити логічно послідовне коло проблем, які служать причинами та умовами деградації суспільства. Треба подивитися правді у вічі, хоча кажуть, що дивитися ще не означає бачити, а слухати – не означає чути. Знову ж таки, не бачити, не усувати ці причини – шлях до чергового Майдану. Україна не може жити від Майдану до Майдану, бо колись черговий Майдан може стати останнім і Україна може, борони Боже, дезінтегруватися, втративши цілісність та незалежність як це вже було в історичній ретроспективі. Правда, не з вини Майдану.

Скептики, мабуть, будуть висловлювати сумніви щодо доцільності чи можливості певних заходів про які йтиме мова нижче. Однак, кожен сумнів, який ґрунтується на усталеній догмі **«так має бути»**, може бути розвіяний вивченням зарубіжного досвіду чи проведенням відповідних поглиблених теоретичних досліджень даної проблематики, або ж проведенням соціальних експериментів як локальних так і всеукраїнських, або ж елементарною логікою речей, яка впливає з суспільної практики.

Немає, звичайно, нічого дивного в тому, що стосовно запропонованих певних заходів буде супротив з чисто суб'єктивних, догматичних розумінь, небажання втратити якісь свої привілеї чи повноваження тощо. У першу чергу, це можливе з боку можновладців всіх рівнів, починаючи з народних депутатів України і закінчуючи головами сільських рад.

Масштабність і складність проблематики, яка розглядається, не дозволяє максимально широко і глибоко розглянути окремі питання і тому доцільним видається тезовий варіант викладу думок, які можуть слугувати темами окремих дискусій. Кожна з цих тез може бути розвинута до рівня однієї або навіть кількох монографій.

Теза 1. Перші кроки для народу:

а) впродовж найближчих місяців завершити необхідні підготовчі роботи щодо надання українським громадянам права безвізового в'їзду до держав Євросоюзу;

б) враховуючи наявність чіткого сигналу з боку Євросоюзу, в найближчі місяці подати заявку на вступ України до Євросоюзу;

в) протягом найближчого часу вирішити з державами Євросоюзу,

США та іншими провідними державами, питання: 1) про квоти на робочі місця для українців; 2) укладення з цими державами угод про взаємний захист працюючих. Ці кроки успішно в свій час здійснив Бальцерович у Польщі, що дало робочі місця, легальну зарплату громадянам в інших державах, їх соціальний захист та додаткові надходження до державного бюджету, зменшило істотно соціальну напругу.

Теза 2. Безпека суспільства і держави. Поняття «Безпека», як відомо, багатозначне. Нагальними заходами в цьому плані, можуть бути:

1) з метою ефективної протидії тероризмові і сепаратизмові, умисним вбивствам при обтяжуючих обставинах, зловживанням владою або службовим становищем, службовою недбалістю, встановити кримінальне покарання у виді смертної кари, а за незаконне перетинання державного кордону – позбавлення волі від 10 до 15 років;

2) негайне розірвання договору (Харківських угод) з нашим географічним сусідом щодо базування Російського Чорноморського флоту, який став головним дестабілізуючим фактором в Криму;

3) подання найближчим часом **заявки на вступ до НАТО**;

4) звернення до НАТО про **надання матеріально-технічної допомоги** Збройним Силам України;

5) звернення, у разі потреби, до гарантів без'ядерного статусу України – США і Великої Британії **про надання всебічної військової допомоги** на території України;

6) **технічне переозброєння** Збройних Сил України. Запровадження військової системи територіальної Громадянської Самооборони;

7) **створення мобільних підрозділів** швидкого реагування для забезпечення внутрішнього правопорядку;

8) **відмовитися від попередніх угод**, що укладені з Російською Федерацією попередньою українською владою. Тут мається на увазі договір щодо поставок газу. Його доцільно розірвати і вирішити до кінця питання про альтернативність поставки газу. І ще одне – влада не повинна бути стороною, гарантом в газових контрактах. Годі «сидіти на трубі»! Контракти на поставки газу повинні підписуватися з господарюючими суб'єктами без державних гарантій, як це є в державах Європи.

Крім цього, необхідно переглянути тарифи на транзит газу через територію України до держав Європи, забезпечивши їх європейських рівень.

9) звернутися до «країн-донорів» та міжнародних фінансових організацій **про повне або хоча б часткове списання боргів** Україні як перший крок до стабілізації фінансової ситуації в Україні;

10) **негайно розпочати розслідування використання** попередніми владними структурами одержаних **внутрішніх і зовнішніх кредитів** України, різного роду наданих від імені України **фінансових гарантій**. Запровадження прозорої системи одержання державних кредитів і **звітування** перед народом про їх використання;

11) **припинення, ліквідація корупційної схеми** продажу іноземної валюти, **що є власністю держави**, через комерційні банки. Саме комерційні банки, як свідчить минуле, виступали головним фактором дестабілізації гривні. Ліквідація міжбанківської фінансової біржі. Іноземну валюту, яка є власністю держави, доцільно продавати лише через державні фінансові установи і лише громадянам України;

12) **широкий доступ** на фінансовий ринок іноземних банків з цивілізованими, дешевими кредитами;

13) **виявлення** награваних попередніми можновладцями майнових цінностей, їх конфіскація, включаючи і належні їм банки;

14) **заборона діяльності** тих політичних партій, громадських організацій і рухів, які діють проти України, розпалюють міжгромадянську ворожнечу і є по суті «п'ятою колоною» на території України;

15) **негайне виявлення і вислання** з території України тих іноземних громадян, які нещодавно з'явилися з метою підривної діяльності проти України, заборона можливості їх повторного в'їзду до України;

16) **прийняття термінових заходів** щодо зміцнення Служби Безпеки України, Прокуратури України, МВС України і розширення їх правоохоронних функцій;

17) **без зволікань відновити**, починаючи з дитячих садочків, шкіл, навчальних закладів, господарюючих суб'єктів систему військово-патріотичного виховання молоді;

18) в найкоротші строки **забезпечити** вироблення української **державної ідеології**, заснованої на загальнолюдських цінностях та історичному досвіді українського народу, а **також створити надійний механізм її поширення** в суспільстві. Особлива роль тут має належати засобам масової інформації;

19) у зв'язку з тим, що Російська Федерація мотивує свої зазіхання на Крим посиланнями на історичну приналежність його до території Російської Федерації, поставити питання про повернення Україні споконвічно належних їй територій, а саме: Придністров'я, м. Таганрог з околицями, частини територій Курської і прилеглих до неї областей Російської Федерації, які за часів СРСР були передані їй.

Теза 3. Державний устрій.

Концептуальні підходи:

а) **категоричне заперечення** ідеї федералізації України;

б) **укрупнення** адміністративних одиниць:

1) **ліквідація областей**, об'єднання кількох областей **в край**, наприклад: Волинський край, Галицький край, Подільський край, Буковинський край, Русинський край, Таврійський край, Кримський край, Полянський край, Шахтарський край, Степовий край, з розумно чисельним штатом чиновників.

За часів УНР була розроблена реформа поділу України на Землі. Всі

матеріали є в центральному державному архіві України. Вони можуть бути цікавими і корисними в частині обґрунтування такої реформи.

2) **ліквідація районів** через їх укрупнення і створення повітів на території кожного краю – один повіт з трьох-чотирьох районів з розумно чисельним штатом чиновників;

3) **ліквідація сільських рад і створення волостей** – одна волость з п'яти сільських рад з розумно чисельним штатом чиновників;

4) **запровадження** в кожному селі виборної посади сільського голови або старости, який діє на безоплатній основі.

в) якщо вже насправді економити гроші бюджету, то доцільно, як думається, здійснити **скорочення кількості надуманих міністерств і різного роду державних комітетів**, ефективність роботи яких, м'яко кажучи, сумнівна, бо їх вплив на розвиток суспільних процесів ніякий, а затрати з державного бюджету доволі вагомі. В умовах гострого дефіциту бюджетних коштів, треба економити. Логіка підказує, що в таких умовах можна, наприклад, дозволити в Україні наявність таких міністерств: міністерство економіки, міністерство освіти (але не науки, бо наука не сприймає команд, вона в системі Академії Наук України); міністерство оборони; міністерство внутрішніх справ; міністерство закордонних справ; міністерство охорони здоров'я. Всі інші міністерства ліквідувати. Очевидно, є також необхідність скорочення чисельності штату міністерств до розумних меж.

Здійснення цих реформ дозволить істотно скоротити витрати на утримання державного апарату, знизити поширення бюрократизму і корупції, рівень яких, без сумніву, прямо пропорційний кількості чиновників і обернено пропорційний можливостям держави щодо протидії цим ганебним явищам. Сьогодні, вочевидь, після проведення приватизації, зміни політичних пріоритетів на користь людей, настав час ліквідувати наведені вище рудименти тотального контролю за громадянами і територіями, що успадковані від командно-адміністративної системи. Змінився час, змінилися суть та функції влади, і тому потреба в них відпала. Необхідно широко розвивати місцеве самоуправління на безоплатній основі.

Теза 4. Законотворчість. Відразу зазначу, що політична система України абсолютно не відповідає сучасним викликам, які виникли перед Україною. Без її глибокого реформування не можна розраховувати на успішне реформування інших сфер суспільного життя і, у першу чергу, економічної системи.

Система державної влади в сучасній Україні, за формами її вияву, майже нічим не відрізняється від тієї, яка була за часів командно-адміністративної системи в СРСР. Однак, ефективність її функціонування значно погіршилася, зросли корупція і бюрократизм.

Істотною перешкодою на шляху приведення її до сучасних вимог, завдань і функцій української держави – є законотворчий монізм (монополізм), здійснюваний через Верховну Раду.

Необхідна **реструктуризація (демонополізація) законодавчої влади** та перехід до **законотворчого плюралізму** створення **механізму законодавчих рівноваг**, що послужить подальшій реалізації конституційних принципів народовладдя, стане додатковою гарантією стабільності законодавчої діяльності, а отже і влади та суспільства. У цьому контексті, як думається, є можливим бачення трьох суб'єктів законотворчості:

а) Всеукраїнський референдум;

б) Верховна Рада. У можливій перспективі, при переході до двопалатного парламенту – 1) Національна (Народна) Рада – верхня палата; 2) Народні Збори – нижня палата;

в) Президент України.

Кожен з цих суб'єктів може урівноважувати іншого виконуючи свої повноваження. Очевидно, що в цьому випадку можна говорити не про президентську, парламентську, президентсько-парламентську, парламентсько-президентську республіку, а, з врахуванням того, що буде сказано далі, – про **народну республіку**. І головне – виключиться можливість, коли суспільство може стати заручником парламентської кризи.

Теза 5. Всеукраїнський референдум. В сучасних державах північної частини Європи все частіше використовується референдум як безпосередній інструмент народовладдя, здатний, зокрема, гармонізувати множину суспільних інтересів, корегуючи, урівноважуючи, таким чином, позицію Парламенту з тих чи інших суспільно значимих питань.

Важливе значення інститут Всеукраїнського референдуму матиме також в справі ефективного забезпечення виконання своїх функцій Президентом України, Кабінетом міністрів України, Конституційним судом України.

Відповідно до статті 5 та 38 Конституції України, Всеукраїнський референдум слід наділити законодавчими повноваженнями шляхом прийняття на Всеукраїнському референдумі Закону «Про Всеукраїнський референдум в Україні».

Про організацію проведення Всеукраїнського референдуму Президент видає Указ Президента України. Верховна (в можливій перспективі – Національна, Народна) Рада України – приймає спеціальну постанову, у випадку народної ініціативи – відповідна кількості підписів громадян і рішення Центральної виборчої комісії. Прийняті на Всеукраїнському референдумі закони мають підписувати Президент України і Голова Центральної виборчої Комісії.

Ці закони повинні мати статус **Конституційних законів**, наділених **найвищою юридичною силою** в ієрархії законів. З врахуванням необхідності **логічно-послідовного підходу до прийняття Конституційних законів**, до числа **першочергових** можна віднести такі з них: 1) «Про Всеукраїнський референдум в Україні»; 2) «Про владу в Україні»; 3) «Про

Президента України»; 4) «Про Народні Збори України»; 5) «Про Верховну Раду України»; 6) «Про Кодифікаційну комісію України»; 7) «Про Кабінет Міністрів України»; 8) «Про суд і судівництво в Україні»; 9) «Про органи охорони правопорядку в Україні»; 10) «Про оборону України»; 11) «Про місцеве самоврядування в Україні»; 12) «Про вибори в Україні»; 13) «Про правотворчість в Україні»; 14) «Про контрольну владу в Україні» (див. далі).

Власне, через Конституційні закони, народ, як носій суверенітету і єдине джерело влади, може визначати принципи організації того чи іншого органу, наділити його відповідною компетенцією, повноваженнями, визначати процедурні питання певного виду діяльності, які ніхто, крім нього, не може змінити.

Конституція України має відповідати названим вище **Конституційним Законам** як найвищої юридичної сили законам, оскільки вони прийняті безпосередньо народом. Зміни та доповнення до Конституційних Законів, зрозуміло, можливо буде вносити лише через Всеукраїнський референдум. Верховна Рада (в можливій перспективі – двопалатний парламент), таким чином, не матиме такого права, що сприятиме відносній стабільності Конституційних Законів, а отже і стабільності та ефективності системи влади, стабільності політичної ситуації в державі в цілому.

Найбільш вигідним є варіант прийняття Конституції України **на Всеукраїнському референдумі**, що забезпечить **найбільш можливо високу її юридичну силу**. В цьому випадку вочевидь немає необхідності в наявності інституту Конституційних Законів.

Конституцію України можна прийняти також і **Народними Зборами України** (див. далі). В такому варіанті є обов'язковим прийняття на референдумі названих вище Конституційних Законів. Верховна Рада України (в можливій перспективі – двопалатний парламент), таким чином, не зможе вносити зміни до Конституції України, що також може забезпечити її відносну стабільність, а отже і стабільність та ефективність системи влади, стабільність політичної ситуації в державі в цілому.

Обов'язковою при будь-якому варіанті прийняття Конституції України, як і Конституційних законів є попередня наукова **експертиза проекту** Конституції України Національною академією правових наук України.

Закон «Про референдум в Україні» має легалізувати законодавчу владу народу. Не Верховна Рада України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) має визначати законодавчі і владні повноваження всіх гілок державної влади. Народ як суверен, єдине джерело державної влади, уповноважений визначати через названі вище Конституційні Закони, чи відразу у Конституції України, всі принципи організації системи органів влади в державі, їх повноваження і в тому числі і

повноваження Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент). Такий підхід, як уже зазначалося, дозволить застabilізувати як Конституційні Закони і Конституцію України так і весь законодавчий процес, чітко виробити межі законодавчих повноважень названих вище трьох суб'єктів законотворчої діяльності, а відтак і нормалізувати суспільне життя в цілому, запобігти колапсу влади в умовах можливої парламентської кризи.

Скептики твердять, що народ ніби то нездатний приймати закони, йому важко розібратися в складних хитросплетіннях механізму правового регулювання, але теж саме можна сказати і про Верховну Раду України (в можливій перспективі – двопалатний парламент), де майже немає кваліфікованих депутатів-юристів. Друге, а чи потрібно в Конституційних Законах виписувати дрібні та найдрібніші деталі правового регулювання? Очевидно, що ні. В них мають міститися зрозумілі для всіх **принципи регулювання** тих чи інших суспільних відносин. Третє, а чи дійсно народ перебуває в такому стані? Його інтелектуальний державницький потенціал, як свідчить Майдан, достатньо високий.

Ще одне – потрібний спеціальний державний орган – **Кодифікаційна Комісія України** (див. далі), яка буде розробляти зрозумілі і якісні закони, що, без сумніву, сприятиме усуненню суперечностей та пробілів в правовому регулюванні.

Теза 6. Основні концептуальні підходи щодо оптимізації повноважень Президента України. За Президентом України необхідно залишити право внесення до Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) проектів Законів України, які повинні бути розглянуті у першочерговому порядку **впродовж одного місяця**.

Президента України потрібно, в умовах можливої парламентської кризи, наділити правом видання Указів, які регулюватимуть питання у певній сфері суспільних відносин, за винятком питань регулювання яких віднесено до компетенції Всеукраїнського референдуму. Дані Укази Президента України мають діяти до того часу, доки Верховна Рада України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) прийме Закон з цього питання і коли він набуде чинності. Це забезпечить безперервність законодавчого процесу, оперативність реагування законодавчої влади на незрілі інтереси і потреби суспільного розвитку, а отже і ефективність реформаційних процесів. Суспільні процеси, в ситуаціях можливої парламентської кризи повинні розвиватися в правовому полі.

Такі Укази Президент України повинен мати право видавати також у тому випадку, коли виявиться, що діяльність Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) буде заблокована.

Президент України, як уже зазначалося, має підписувати Закони України, прийняті Всеукраїнським референдумом, Верховною Радою

України (в можливій перспективі – двопалатний парламент). У випадках, коли прийнятий Верховною Радою України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) Закон суперечитиме Конституційному Запові, Конституції України, міжнародному праву, або коли він міститиме істотні прогалини в правовому регулюванні чи суперечливі положення, Президент України відмовляє у його підписанні і повертає до Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) зі своїми зауваженнями для доопрацювання.

Таким чином, у випадку запровадження наведених вище принципів, Президент матиме реальні можливості для забезпечення, зі свого боку, безперервності і ефективності законотворчого процесу з метою оперативного правового реагування на виклики прогресивного розвитку держави і суспільства.

Теза 7. Верховна Рада України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) – верхня палата парламенту. В засобах масової інформації, в наукових джерелах накопичилося ряд претензій до організації та діяльності Верховної Ради України. Зокрема, що вона: **а)** є необґрунтовано велика за чисельністю, а кошти держави в умовах кризових явищ обмежені. В США наприклад, на 314 мільйонів населення, 435 осіб – у палаті представників та 100 осіб – у Сенаті. В Російській Федерації – 450 осіб у Державній Думі та 166 осіб у Раді Федерації – на більш ніж 143 мільйони населення. Федеративна Республіка Німеччина – 622 особи в Бундестазі та 69 осіб у Бундесраті при чисельності населення 83 мільйони. «Перебір» кількості депутатів в Україні на 46 мільйонів населення очевидний, не кажучи вже про фактор фінансової спроможності української держави; **б)** діє неоперативно в часі, маючи надмірно забюрократизовану процедуру прийняття законів – кілька їх читань, а тому законодавство нерідко відстає від потреб розвитку суспільства; **в)** є непрофесійною за якісним складом народних депутатів – відсутність, як правило, правозастосовчого життєвого досвіду, високих моральних якостей, належної юридичної освіти; **г)** використовується окремими народними депутатами як «схованка» від можливих переслідувань за протиправну діяльність; **д)** служить окремим народним депутатам надійним щитом для збереження і примноження майнових статків, нерідко набутих нечесним чи незаконним шляхом; **е)** морально-етична поведінка окремих народних депутатів, як під час проведення засідань Верховної Ради України так і їх поведінка поза межами Верховної Ради України, є неприйнятною; **є)** має місце низький рівень участі ряду народних депутатів в роботі Верховної Ради України; **ж)** вона перетворилася в політико-економічний клуб «за інтересами», де **переважає політична демагогія**; **з)** появились «штатні» депутати, які обиралися до Верховної Ради України багаторазово, а ефекту їх роботи не видно. Виникає питання – **чому за все це повинен платити народ** в умовах, коли не вистачає коштів на елементарні

потреби життя людини: медичне обслуговування і освіти? **и)** вона фактично **відмежувалася від народу** через прийняте нею ж законодавство. Народ не має реальної можливості впливати як на обраних ним народних депутатів так і на діяльність Верховної Ради України в цілому.

Таким чином, сьогодні вже немає сумніву, що Верховна Рада України, в тому організаційному кількісно-якісному варіанті в якому вона наявна, є слабокомпетентним, громіздким, заполітизованим, непрофесійним, неоперативним, суперечливим в своїх діях, не виправдано дорогим і малоефективним органом держави. В силу цього вона нерідко гальмує прогресивний розвиток всього суспільства. Отже, сама ідея парламентаризму, в особі такого варіанту Верховної Ради України, в такому її кількісно-якісному складі, а також з таким правовим статусом, формами і методами діяльності виявилася значною мірою скомпрометованою. І якби це було на мітингу, то можна було б вигукнути: ганьба! Закономірно виникає питання як виправити ситуацію?

Сьогодні **правове становище** Верховної Ради України гіперболізоване, перебільшене самою Верховною Радою України. Вона домінує над іншими гілками влади. **Розподіл повноважень між ними**, таким чином, розбалансований. Гілки влади **мають бути рівними в джерелі легітимності своїх повноважень**, які вони повинні отримати безпосередньо від носія суверенітету і єдиного джерела влади-народу через Конституційні Закони або через Конституцію України, прийняті на Всеукраїнському референдумі чи Народними Зборами України.

Верховна Рада України не повинна мати права **наділяти саму себе, а особливо інші гілки влади владними повноваженнями**, визначити свій і їхній правовий статус. Нині фактично інші гілки влади **певною мірою залежні від Верховної Ради України**. Вона є ніби домінуючим центром влади, що суперечить засадам поділу владина законодавчу, виконавчу та судову.

Правовий статус Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент), враховуючи наведене вище, слід **оптимізувати до розумних меж**, внаслідок чого вона не зможе приймати закони всупереч Конституційним Законам і Конституції України. Якщо Конституція України буде прийнята Всеукраїнським референдумом, чи **Народними Зборами України**, то Верховна Рада України (в можливій перспективі – двопалатний парламент), як уже зазначалося, також не матиме право вносити до неї зміни. Це значною мірою вплине на забезпечення стабільності конституційних принципів правового регулювання, а отже стабільності системи влади, підвищить її ефективність, а, в кінцевому рахунку, – ефективність реформаційних процесів.

Через Всеукраїнський референдум **слід вирішити наступні організаційно-правові питання** забезпечення якості роботи Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент):

1) **про відхід від системи виборів** депутатів «у авоськах» (оптом – у господарських сітках) – **за партійними списками** чи то відкритими, чи то закритими. Запропонована система партійних виборів **скомпрометувала себе** через корупцію, кумівство, сватівство, продажем місць у Верховній Раді (за місце у списку) підкупом виборців та іншими ганебними вчинками. Як показала практика, партії включали до своїх списків не завжди тих, хто складає інтелектуальний потенціал України і може забезпечити високу якість законодавства. Виявилося, що, попри демагогічні запевнення про політичну відповідальність партій, **вони реально ні за що не відповідають**.

Крім того, партії, які складають десь 4 – 5% від чисельності українського населення (нерідко їх чисельність – «дута»), фактично узурпують владу, що є грубим порушенням засад демократії. **Вихід з ситуації** – партії мають висувати своїх кандидатів у виборчих округах, на рівні з іншими суб'єктами виборчого процесу, і власне там доводити переваги, якості свого кандидата. Думається, що це треба врахувати у законодавстві про вибори;

2) **про запровадження виборчих цензів** до кандидатів у депутати (освіта, вік, практичний стаж роботи, суспільно-моральна характеристика, відсутність притягнення до кримінальної відповідальності за умисні злочини, кількість разів обрання депутатом Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент). Такі цензи широко використовуються у багатьох штатах США та в інших державах;

3) **про кількісний склад** Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент): 450, 300 чи 150 народних депутатів. Можна з впевненістю сказати, що народ проголошує за її склад з 150 народних депутатів. Тобто відповідна кількість народних депутатів від кожної області (або відповідна кількість від кожного Краю – у випадку переходу до таких адміністративних одиниць) чого вочевидь достатньо;

4) **про роботу депутатів на постійній оплатній основі** чи у сесійному порядку і на безоплатній основі як то було за часів УРСР. Відповідь Всеукраїнського референдуму на це питання також не важко спрогнозувати;

5) **Чи має користуватися народний депутат правом недоторканості?** Питання контраверсійне, але відповідь більшості народу за підсумками Всеукраїнського референдуму буде, як видається, негативною.

6) **Скільки разів одна й та ж особа може обиратися** до Верховної Ради України? Думається, що як і Президент України, не більше двох разів, що може підтвердити Всеукраїнський референдум.

Теза 8. Кодифікаційна комісія України.

Кодифікація – найвища форма удосконалення чинного законодавства в Україні. Кодекси законів є у кожній галузі українського законодавства. Крім цього, є і окремі закони, які здійснюють регулювання певних сфер суспільних відносин.

На сьогоднішній день склалася парадоксальна ситуація при якій в державі відсутній єдиний орган який би готував проекти законів відповідав за їх якість. **Ці проекти готують всі – «кому не лінь»**. Найчастіше ця ноша падає на Кабінет Міністрів чи підпорядковані йому Міністерства, що не є їх функціональним завданням. Та й фахівців з юридичною освітою найвищого наукового рівня там немає. Крім того, наслідком такої ситуації є так званий **«відомчий» підхід**, коли відомство намагається нав'язати своє, нерідко спонтанне, необґрунтоване, суб'єктивне, суперечливе бачення, правового врегулювання суспільних відносин і нерідко не на користь громадян.

Часто, окрилені **«голим ентузіазмом»**, функцію підготовки законопроектів виконують народні депутати, котрі, як правило, або взагалі не мають юридичної освіти, або якщо окремі з них і мають цю освіту, то не найвищого наукового рівня. В народі вірно кажуть, що на «голому ентузіазмі» без належного інтелекту не поїдеш, а якщо поїдеш, то не далеко.

Звідси – якість законів прямо узалежнена від якості Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент), її народних депутатів. Тому й не випадково **«маємо те, що маємо»** – часто низької якості, суперечливе, неефективне, заполітизоване, нерідко прийняте в інтересах економіко-політичних планів законодавство, яке іноді викликає відомі соціальні конфлікти, гальмує соціальний розвиток.

Найважливіші концептуальні підходи до розуміння ролі Кодифікаційної Комісії України:

1) Кодифікаційна Комісія України – **єдиний державний орган**, який має бути наділений повноваженнями щодо **розроблення законопроектів** для їх розгляду на Всеукраїнському референдумі чи у Верховній Раді України (в можливій перспективі – двопалатний парламент).

2) Кодифікаційна Комісія України **утворюється** Президентом України (варіант: Верховною Радою України (в можливій перспективі – двопалатний парламент)) за поданням Національної академії правових наук України;

3) Кодифікаційна Комісія України утворюється у складі **40-50 державних кодифікаторів** (за рахунок скорочення чисельності Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) через Всеукраїнський референдум) ;

4) **Державним кодифікатором** може бути особа не молодша 40 років, яка є: громадянином України не менше 20 років, вільно володіє державною мовою, не притягалася до кримінальної відповідальності за вчинення умисного злочину, має позитивну моральну поведінку, має науковий ступінь доктора юридичних наук та наукове звання професора;

Державний кодифікатор не наділяється правовим статусом державного службовця. Він є службовою особою.

5) **Рівень** соціально-побутового забезпечення державних кодифікаторів та гарантії їх діяльності мають бути на рівні народних депутатів;

6) Кодифікаційна Комісія України **діє на підставі** Закону України «Про Кодифікаційну Комісію України» який приймається на Всеукраїнському референдумі. Це надійно убезпечить її від можливого деструктивного впливу з боку Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент), дозволить розробляти проекти законів, необхідних для держави, а не «на замовлення» економіко-політичних сил, що наявні у складі Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) чи за її межами;

7) Кодифікаційна Комісія України **повинна здійснювати свою** роботу відповідно до перспективного «Плану кодифікації законодавства України», який складається на 5-10 років і затверджується Президентом України (**варіант** – Верховною Радою України) за поданням Національної академії правових наук України.

Правом ініціювання перед **Кодифікаційною Комісією України** питання про розроблення відповідних **змін до чинного законодавства** повинні мати: Президент України, Верховна Рада України (в можливій перспективі – двопалатний парламент), Кабінет Міністрів України, Контрольна Судова Палата України, Уповноважений Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) з прав людини, Конституційний Суд України, Верховний Суд України, Антикорупційне Бюро України, Національна академія правових наук України;

8) Розроблений Кодифікаційною Комісією України проект Закону, **разом з висновком** Національної академії правових наук України, має подаватися Президентові України, який **вирішує питання про його винесення** на Всеукраїнський референдум чи внесення на розгляд Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент).

Президент України має **право повернути проект** Закону на доопрацювання зі своїми зауваженнями до Кодифікаційної Комісії України.

9) Депутати Верховної Ради України (в можливій перспективі – двопалатний парламент) розглядаючи внесений Президентом України Закон **пропонують** свої зміни до нього. Такі пропозиції змін у концентрованому вигляді направляються Головою Верховної Ради України (головою верхньої палати парламенту) до Кодифікаційної Комісії України для їх розгляду по суті.

У випадку відмови Кодифікаційною Комісією України щодо врахування відповідної пропозиції щодо зміни законопроекту, вона **не може бути** внесена повторно на її розгляд.

10) Рішення Кодифікаційної Комісії України **не можуть** бути оскаржені в судовому порядку.

11) Кодифікаційна Комісія України **не проводить** офіційного розгляду скарг звернень та подань тощо.

Концептуальні підходи правового врегулювання щодо розроблюваних Кодифікаційною Комісією України, згідно «Плану кодифікацій законодавства України» (**варіант:** «Плану законодавчих робіт»), проектів законів можуть ініціюватися: 1) за дорученням Президента України; 2) за поданням: Голови Верховної Ради України, Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини, Прем'єр-Міністра України, Голови Конституційного Суду України, Контрольної Судової Палати України, Голови Верховного Суду України, Генерального Прокурора України, Антикорупційного Бюро України, Національної академії правових наук України.

Теза 9. Народні Збори України – нижня палата парламенту. Основні концептуальні підходи до розуміння її функціонального призначення:

1) вони **можуть утворюватися** шляхом всеукраїнських або місцевих виборів на строк 5 років у кількості не більше 450 депутатів. Модус представництва від адміністративно-територіальних одиниць визначається від кількості населення, що проживає в них;

2) вони **можуть** виконувати роль своєрідного політичного клубу «за інтересами» для **моніторингу політичної та соціально-економічної ситуації** в суспільстві, виявлення назрілих інтересів і потреб суспільного розвитку, і вироблення відповідних рекомендацій щодо їх реалізації, апробації проектів законів, що виносяться на Всеукраїнський референдум;

3) депутати **Народних Зборів України** здійснюють свої повноваження **безоплатно і не напостійній основі**;

4) **правовою основою** їх діяльності має бути спеціальний Конституційний Закон «Про Народні Збори України», прийнятий на Всеукраїнському референдумі;

5) на їх розгляд можуть, зокрема, в міру потреби, виноситися **такі питання**:

а) у разі визнання за доцільне – **прийняття Конституції України**. В такому випадку Народні Збори України стануть четвертим суб'єктом законотворчості;

б) інформація Президента України про соціально-політичний стан розвитку суспільства;

в) інформація Голови Верховної Ради України про діяльність Верховної Ради за минулий рік;

г) інформація Уповноваженого Верховної Ради України з права людини щодо забезпечення прав і свобод людини в Україні;

д) інформація Прем'єр-міністра України про стан соціально-економічного розвитку, про виконання державного бюджету за минулий рік або про проект державного бюджету на наступний рік;

е) інформація Голови Конституційного Суду України про діяльність Конституційного Суду України за відповідний період часу;

е) інформація Голови Верховного Суду України, Голів вищих спеціалізованих судів про стан правосуддя;

ж) інформація керівників правоохоронних органів про стан забезпечення правопорядку в державі тощо;

з) проекти Законів України, концептуальні підходи до здійснення конкретних соціальних реформ.

6) Народні Збори України **можна скликати у міру потреби**, але не рідше 1-2 разів на рік.

Теза 10. Контрольна влада. Доктрина конституційного права містить з цього питання відповідні напрацювання. Ця влада розглядається як самостійна гілка влади. Її багатосуб'єктному складу має бути властивий владно-соціальний характер: це не лише виключно державні органи, але й відповідні суспільні органи. В системі цих органів бачаться, наприклад: 1) Народне віче «Майдан»; 2) Національна (Народна) Рада – верхня палата; 3) Народні Збори України; 4) Конституційний Суд України; 5) Антикорупційне Бюро України; 6) Анти-монопольний Комітет України; 7) Контрольна Судова Палата України; 8) Засоби масової інформації України; 9) Громадські організації України.

Контрольна влада здійснює свої повноваження згідно Конституційного Закону «Про контрольну владу в Україні», або Конституції України – у випадку її прийняття Всеукраїнським референдумом.

Окреслені вище окремі тези-думки являють собою наболілу уяву автора як правознавця, що має пряме відношення до науки. Окремі з них, звичайно, «підігріті» певною мірою політичною ситуацією останніх місяців в Україні.

Хотілося б щоб вони дійшли до громадськості, відповідних владних структур і політиків як ідеї для творчого осмислення, а, можливо, і до активізації відповідної діяльності. Поки що спостерігається їх явна нерішучість, кволість у задумах і діях, а іноді і слабка компетентність. Відомо ще з часів Римської імперії, що «Periculum in mora» – зволікання смерті подібне, хоча з другого боку – «Festina lente» – спіши повільно. Треба знайти між ними «золоту середину».

Автор цих рядків не претендує на абсолютну істину в контексті цих тез-думок, які є лише запрошенням до можливої дискусії. Вони відображають теоретично-можливі, на думку автора, підходи до розв'язання окремих назрілих державотворчих проблем. Можливість чи неможливість, доцільність чи недоцільність їх реалізації залежить від конкретних життєвих ситуацій – низки реальних факторів об'єктивного і суб'єктивного характеру. Їх продуктивність, таким чином, може бути перевірена соціальною практикою яка, як відомо, є критерієм істини. Правда, окремі історичні

персонажі стверджували, що коли теорія не знаходить підтвердження на практиці, то тим гірше для практики. Так було, але чи буде так надалі???

* * *

Вісник Національного університету Львівська політехніка. Серія юридична. № 807 (3), 2014. – С. 211-220.

АНТРОПОЛОГІЧНІ ОСНОВИ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ ЛЮДИНИ

Відповідальність людини становить невід'ємну органічну властивість свободи, її зворотню сторону в сенсі свободи волі і дій людини, яка є суб'єктом свободи і водночас відповідальності. Свобода людини належить до числа основних загальнолюдських моральних чеснот суспільства, якими, зокрема, є справедливість, совість, гуманність, незалежність, рівність. Головною детермінантою її поведінки і відповідальності є розум.

Поняття розум об'єднує досить широкий спектр ментальних феноменів куди відносяться обізнаність, відчуття, думки, пам'ять, увага, емоції і досвід. Елементом мислення є ментальний стан, який поєднує взаємодію перерахованих феноменів, що завершується залученням розсудку і прийняттям відповідних рішень.

Розум загалом можна представити як систему, яка збирає, зберігає, перетворює інформацію, дає відповідь у формі прийняття рішень, мовної трансляції і рухів біологічного тіла. Інформація поступає від п'яти зовнішніх сенсорних органів чуття, рецепторів на поверхні і всередині тіла, що забезпечує зв'язок розуму з навколишнім середовищем, і функціональним станом організму. Сенсорні відчуття весь час присутні, тому розглядаються як фонові. Крім того інформація у розум поступає у формі внутрішніх відчуттів і почуттів, які по суті дуалістичні і не належать до сенсорних (спокій, страх, роздратованість, радість, заздрість, ревність, скупість і т.д.). Збір і обробка інформації здійснюється апаратом, куди входять мислення, розсудок, пам'ять і досвід, тобто апаратом оперування інформацією, який відносимо до власне розуму або до раціонального [25, с. 82-83].

Із найдавніших часів **розум** розглядається філософами чи не як найважливіша психофізична людська якість, а **розум, совість і воля** – три антропологічні основи поведінки людини. Водночас, **розум, совість і воля людини** є тими чинниками, які задіяні у формуванні соціальних норм і тим самим є **антропологічними основами** відповідальності людини.

Аристотель розумів свободу людини як основне начало демократичного ладу. Тільки при такому державному устрої всі користуються свободою [3, с. 570]. На його думку, в основі психофізичної діяльності

людини перебувають дві першопричини – *прагнення і розум*. Їхнє поєднання породжує волю – начало, народжене в розумній частині душі, основою якого є знання. Воля є проміжною ланкою між розумною діяльністю і імпульсивною поведінкою людини [1, с. 371-377].

«Люди стають заповзятими і чеснотливими, – стверджував Аристотель, – завдяки трьом чинникам: природі, звичаям і розуму», «... розум за прийнятим нами поділом, буває двояким: *діяльний і споглядальний*...». Він розглядав у душі дві частини: частину, що не має розуму, і частину, обдаровану розумом; і ці частини, своєю чергою, мають дві властивості, з яких одна – *бажання*, а друга – *свідомість*. І подібно до того, як виникненню тіла передуює виникнення душі, так і частина душі, що не має розуму, утворюється раніше обдарованої розумом частини. І це зрозуміло на прикладах: стан збудження, вольові прагнення, а також вияви пристрастей притаманні навіть новонародженим дітям, тим часом, як розсудливість і мисленнєві здібності, природно, у них з'являються тільки з віком. Тому-то *турбота про тіло має передувати турботі про душу*, а потім, *після тіла, слід потурбуватися про виховання нахилів*, з тим, щоб виховання їх служило вихованню розуму, а виховання тіла – вихованню душі» [2, с. 121, 123, 127, 128].

Платон, наголошуючи на особистій відповідальності людини перед суспільством та державою, стверджував, що вона пов'язана зі знанням істини, доброчесності, реалізацією громадянських якостей, несхитним дотриманням принципів співжиття. Це відповідальність не вроджена, а набута у процесі навчання та виховання, пов'язана з формуванням у громадянина моральної свідомості, притаманної лише людям як таким, що, маючи розум, котрий гармонізує усі бажання та прагнення, посідає особливе становище серед інших земних істот [20, с. 89-454].

Платон виділяв чотири ступені стану душі людини: перший – *розум*, другий – *міркування, мислення*, третій – *віра*, четвертий – *уподобання*. У своїх роздумах про модель держави він виходив із ієрархії найвищих здібностей людини: розуму, волі та почуттів. При цьому кожній із цих найвищих здібностей людини кореспондує своя чеснота: *розуму* – мудрість, *волі* – мужність, *почуттям* – поміркованість у вияві [21, с. 170, 254].

Згідно з думкою Спінози, вільний лише Бог, лише його дії детерміновані внутрішньо закономірні, а людина як частина природи не вважається вільною. Тим не менш вона прагне до свободи, переводячи афекти в раціональну любов. Розум примножує свободу, а страждання скорочують її, – вважає Лейбніц, розрізняючи свободу негативну (свободу від...) і позитивну (свободу для ...). Для Локка поняття свободи рівнозначне свободі дій; свобода – це здатність діяти у відповідності з свідомим вибором. Саме свобода волі протиставляється розуму, виступає фундаментальним визначенням людини, – такий погляд Ж.-Ж. Руссо. *Перехід від*

природної свободи, який обмежений силами самого індивіда, до «моральної свободи» можливий лише через використання законів, які люди приписують самі собі. Згідно з Кантом, свобода волі можлива лише у сфері моральної закономірності, що протиставляє собі закономірності природи. Для Фіхте свобода – це засіб здійснення морального закону. Шеллінг знаходить своє вирішення проблеми свободи волі, вважаючи дії вільними, якщо вони походять із внутрішньої необхідності, і свобода людини стоїть на роздоріжжі між Богом і природою, буттям і небуттям. За Гегелем, християнство вносить у свідомість європейської людини ідею про те, що історія – це процес, який полягає в усвідомленні свободи. Ніцше вважав всю історію моралі – історією омані відносно свободи волі. Згідно з його поглядами, свобода волі – фікція, омана всього природного [11].

Б. Спіноза пов'язував свободу людини з розумним обмеженням її прагнень. Нездатність людини до приборкання і обмеження своїх прагнень він називав **рабством**. Така людина не володіє собою, вона перебуває в руках фортуни до такої міри, що хоча і бачить перед собою краще, однак змушена прямувати до гіршого. На його думку, людина **розумна** прямує згідно із загальним порядком природи, підкоряючись йому і прилаштовуючись до нього, наскільки цього вимагає природа речей, бо **розум** не вимагає нічого, що суперечить природі речей. Пізнання природи речей дає людині гарантію особистої свободи. Її бажання, що виникають через розум, надмірними бути не можуть. Вільною є лише та людина, яка керується розумом. **Свобода людини – це не індивідуальне свавілля, а пізнана людиною необхідність** [29, с. 521, 529, 537, 571, 576].

Соціальні норми, і в тому числі право, є продуктами розуму людини. Вони звернені, адресовані до **свідомості, совісті і волі, розуму** людей. У цьому зв'язку актуальною є виведена понад дві з половиною тисячі років тому формула Сократа: **«Мудрому не потрібний закон, у нього є розум»**.

Ціцерон, виходячи з того, що природу права слід шукати в природі людини, стверджував, що «... виникнення права слід виводити з закону. Бо закон є силою природи. Він – **розум і свідомість мудрої людини**». Він запитував: «Але що є в людині, та й на всьому небі і на землі божественним, ніж розум? Коли цей розум досягне зрілості, – зауважував він, – і досконалості, то його справедливо називають **мудрістю**. І оскільки краще за розум нема нічого ... то перший зв'язок між людиною і божеством – у **розумі** ... Адже тим, кому природа дарувала розум, вона дарувала і **здоровий глузд**. Звідси випливає, що вона їм дарувала і закон, який є здоровим глуздом – як у веліннях, так і в заборонах. Тому якщо вона дарувала їм закон, то дарувала й право. Розум же був даний усім. Отже, право було дано всім...». З цього він зробив висновок: «... що **найвище за все**, – я маю на увазі **розум** (ratio), або, якщо ласка, в багатьох словах – **глузд** (mens), **розважливість** (consilium), **мислення**

(cogitatio), **розсудливість** (prudentia)». За умови, наголосив Ціцерон, що закон закладений у природі **найвищим розумом**, який велить нам чинити те, що слід чинити, і забороняє протилежне. **Цей же розум**, коли він зміцнів у думках людини та вдосконалився, і є законом, сенс якого в тому, що він велить чинити правильно, а вчиняти злочини забороняє [33, с. 170, 171, 177, 204].

Г. В. Ф. Гегель стверджував, що правові закони – це закони, що йдуть від людей. **Внутрішній голос людини**, наполягав він, може або вступити в колізію, або погодитися з ними. В праві людина повинна знайти свій розум, має, відповідно, розглядати **розумність права** [6, с. 57].

В цьому ж контексті вірно пише Є. В. Скурко, що воля не пасивна стосовно розуму і права, що право у всі часи служило найяскравішим втіленням впливу розуму на волю – з одного боку, і волі на розум – з іншого. І якщо визнати, що мета еволюції людства – розвиток розуму, інтелектуальний ріст кожного і всіх разом, то право є його еволюція – відображення прогресивного руху в цьому напрямі, що втілюється і фіксується в історії вольовим зусиллям на благо і проти шкоди як кожній конкретній людині, так і суспільству в цілому [23, с. 14].

У філософсько-правовій літературі, як правило, розглядається **взаємозв'язок розуму і волі** людини, що базується на концепції Гегеля про те, що вони є двома сторонами, генетичними початками соціального явища – права. Так, В. В. Шкода вивів таку формулу права: **«Право = воля + розум»**. Волі автор відводить пріоритетну роль щодо розуму [37, с. 175]. Думається, що для такого висновку вочевидь брак достатніх аргументів. Психологічний механізм тут, як видається, такий: розум, як найвища духовна здатність людини, є детермінантом її волі. Тоді воля буде **розумною, доброю**. Власне метою закону, як справедливо наголошує В. С. Соловйов, є не допустити прояву **злої волі** в її крайніх видозмінах [26, с. 451-452].

Подібно до наведених вище розумінь даної проблеми висловився Р. В. Соутерн: «Свобода – це породження закону, а **закон – це розум в дії**; власне розум робить людей самоцінними» [39, с. 107]. Там, де панує закон, стверджує О. Гюффе, панує також і розум. Завдяки своїй формі самоорганізації у формі права суспільство підпорядковується певним вимогам розуму і навпаки, право є невід'ємною приналежністю розуму. Розум належить до визначення права. Поняття розуму може застосовуватися в нормативному сенсі. В цьому випадку розум притаманний тому чи іншому закону, що дає можливість говорити про наявність розумного (правового) і нерозумного (неправового) закону. В цьому сенсі він пише про антропологічну необхідність, яка охоплює два моменти: право як необхідність для виживання людини (**правовизначальний розум**) і як необхідність для гуманного (хорошого, справедливого) життя (**правонормуючий розум**) [8, с. 29, 33, 35].

У вченні Канта **практичний розум** виступає джерелом, звідки пізнання черпає свою істину щодо природного права; **розум** – зовнішній, суверенний законодавець і закон водночас, і в жодному випадку не інтерпретатор, не тлумач, не виконавець, ні, тим більш, засіб тлумачення чи з'ясування. При такому способі абсолютизації розум як поняття остаточно втрачає будь-який суб'єктивний відтінок, пов'язаний зі здатністю людського інтелекту розуміти, мислити, узагальнювати тощо, перетворюється на самоцінну й самодостатню інстанцію, в об'єктивну категорію, що має свою дійсність поза людиною і до людини [22, с. 217].

Саме І. Кант вперше повноцінно розглянув свободу з особистісно-антропологічних позицій. Феномен свободи, за І. Кантом, **не феномен, а ноумен** (поняття, яке фіксує, що за межею пізнання є чуттєвість). Вектор свободи спрямований не на зовні, а всередину. Свобода в метафізичному розумінні є зворотною стороною відповідальності. Розум і свідомість людини вторинні щодо одвічної свободи, вони дані як **інструмент** пізнання **міри, глибини** і змісту цієї відповідальності, ступеня вкорінення людини у світ, в сіть казуальних зв'язків і залежностей. Ноументальність свободи виражає суто особистісний вимір буття. В силу цього з **допомогою розуму і розуміння** все більш глибоких зв'язків, людина метафізично вільна [15, с. 15].

Свобода у суспільстві, за міркуванням Дж. Локка, належить людині, здатній **діяти чи не діяти відповідно до приписів розуму** та загально встановлених правил добровільності і визнання гідності людини [16, с. 180]. Свободи людини не може бути там, де немає думки, бажання, немає волі. Свобода людини передбачає розум і волю [17, с. 289].

Як правильно наголошують Г.І. Іконніков та В.П. Лященко, відповідальність людини є органічною властивістю її свободи. Свобода завжди визнає за суб'єктом певні права щодо суспільства, але в той же час вимагає від нього відповідальності (виконання обов'язків) перед суспільством. Відповідальність є органічною властивістю свободи. Тому сваволя не є свободою, оскільки вона не припускає відповідальності. Людина та інші суб'єкти суспільних відносин здійснюють свою діяльність не інстинктивно, а свідомо. Це означає, що розум, а саме юридично оформлений, не дозволяє соціальному суб'єктові робити все, що завгодно. Свобода – це можливість жити на власний розсуд у межах, визначених соціальними нормами. Жити ж на власний розсуд – означає вибирати між добром і злом, справедливістю і несправедливістю, моральністю і аморальністю, бути творцем – реалізувати себе як особу і відповідати за вибір перед суспільством і собою [12, с. 253-254].

М.Д. Шаргородській писав, що відповідальність «...може мати місце тільки в тому випадку, **коли є можливість вибору**, тобто коли є об'єктивно наявні більше ніж один варіант можливої поведінки, і з них суб'єкт вибирає. Немає вибору і вибір детермінований – це зовсім не

одне й те саме. Немає вибору – це означає, що воля і розум людини не приймають участі в детермінації конкретної події... Свобода полягає у **можливості вибору** без вибору немає свободи, а без свободи немає відповідальності...» [35, с. 511, 513].

Визначення свободи людини за І. Кантом має двоякий характер. З одного боку, – це визнання прагнення людини до самовияву і самореалізації, а з іншого, – це певний ідеал чи принцип, з яким повинні узгоджуватися вчинки особи. Однак самі вчинки набували б «ознак необхідності, або ж належності до правильного вибору». Тобто, свобода як повинність, залишається лише формальним виявом **людської здатності до неї**. Якщо формально свобода виявляється у **формі прав людини**, то реально вона може бути реалізована чи здійснена лише будучи пов'язаною практичними діями та правовою відповідальністю перед іншими [7, с. 47]. Людська здатність, згідно з І. Кантом, визначається трьома факторами: а) чуттєвістю; б) здоровим глуздом; в) розумом. **Чуттєвістю** називається здатність людини отримувати уявлення тим способом, яким предмети впливають на нас. Це інтуїтивно-цілісне осягнення предмета в його присутності, під впливом вражень, які він дає. **Здоровий глузд** – це здатність людини говорити та думати про предмети, не отримуючи від них безпосередніх вражень. Це її опосередкована здатність розмірковувати за допомогою суджень, понять, логіки та мислення. **Розум** людини як поняття характеризується І. Кантом наступним чином. **Перше**, розум, на відміну від чуттєвості та розсудку, є здатністю людини до опосередкованого, прямо не пов'язаного з досвідом пізнання. **Друге**, розум – це здатність людини до найвищого узагальнення, синтезу, єдності пізнання. Розум – це підсумовування обробленого розсудком матеріалу чуттєвості під вищу єдність мислення. **Третє**, розум є здатністю людини виробляти поняття. **Четверте**, розум, на відміну від розсудку, як здатності людини давати правила, є здатністю формувати принципи при пізнанні часткового в загальному через посередництво понять. **П'яте**, якщо здоровий глузд – це здатність людини до судження, тобто її здатність розмірковувати, то розум визначається як здатність людини будувати умовиводи, здатність їх робити. За І. Кантом, **є три ідеї розуму: Бог, свобода та безсмертя** [31, с. 102-105].

Дещо скептично щодо функції розуму як однієї з найважливіших здатностей людини висловилися М. Шелер та К. Юнг. М. Шелер образно трактував розум людини так: «це демон, сам біс, сила, що руйнує життя і душу» [36, с. 89]. К. Юнг інтерпретував ненормативну поведінку людини як «звільнення безмежного потягу, вибух неприборканої динаміки тваринної природи; тому в діонісійському хорі людина з'являється **у вигляді сатира, зверху – Бог, знизу – козел**» [38, с. 167].

Людвіг Фейербах, як і інші його сучасники та попередники, не був осторонь полеміки щодо свободи волі людини. Зокрема, цієї проблеми

він торкається в праці «Про спіритуалізм і матеріалізм, особливості в їх ставленні до свободи волі», де він поставив завдання відкрити істинний зміст і підставу положення про свободу волі людини і уяву про неї та сприяти пізнанню того, що змушує людину приписувати собі та іншим свободу волі, і таким чином, показати ті кордони, в межах яких людина робить це правомірно. Свобода волі людини, вважав він, полягає **не в можливості розпочати, а власне в здатності закінчити почате**. Але можливістю і умовою такої свободи є час. **Не воля, не розум людини, а лише час**, тільки **майбутнє** звільнення від пристрастей і безумства, від пороків і нещастя дня сьогоднішнього. За допомогою **розуму**, наголошував він, можна провести різницю між причиною і дією, між предметом і відчуттям. З допомогою ж волі можна відрізнити благо і зло, щастя і нещастя, між небом і пеклом, між самовладанням і несамовладанням так само, як між життям і смертю. Воля виявляється і стверджується лише в діях. Воля, вільна від примусу фізичного і психічного, від примусу люті, яка позбавляє **волі і розуму**, разом з тим є волею, вільною від нещастя і зла, незалежно від його предмета. **Моральна** воля – це така воля, яка не хоче заподіяти зла тому, що не хоче сама його терпіти. Тільки воля, яка не терпить зла, тільки прагнення до щастя є моральним законом і совістю, яка має утримувати людину від заподіяння зла. Воля, отже, є прагненням до щастя [30, с. 332, 338, 339, 345]. Вочевидь, тут йдеться про розуміння суті «доброї волі». Все поза цим розумінням волі належить до сфери «злої волі».

На думку Вільгельма фон Гумбольдта, «... уже цілком доведено принцип, що **істинний розум може бажати людині лише такого стану, коли не тільки кожен окремий індивід має найнескутішу свободу самому розвивати себе в усій своїй своєрідності, а й фізична природа під дією людських рук набуває лише такої форми, якої з власної волі надає їй кожен окремий індивід відповідно до своїх потреб і своїх схильностей, обмежений тільки своїми спроможностями і правами**. Від цього принципу, я вважаю, розум не повинен відступати, хіба що такий відступ буде необхідний для збереження самого принципу» [5, с. 649].

Погоджуючись з І.І.Кальним, що воля – це свідомо цілеспрямованість людини на здійснення певної дії і, як видається, не лише активної, але і пасивної поведінки, слід зазначити невинуватість трактування автором питання про джерело свободи і сутність волі. «Оскільки джерело свободи – воля, а не розум – пише він – то за своєю суттю воля ірраціональна. Але у своїй ірраціональності вона тяжіє до власної протилежності – свободи як розумної необхідності» [13, с.19].

С.С.Сливка так само вважає, що свобода людини не може бути безмежною. Вона повинна мати обмеження, границі, інакше вона на кожному кроці буде перетворюватися на свавілля. такими обмеженнями **служує розум і інтелект** [24, с. 19].

Таким чином, *свобода волі нерозривно зв'язана з розумовою здатністю* людини здійснити усвідомлений і продуманий вибір (нормативний чи антинормативний) та мужньо прийняти рішення. Свобода волі формується через розум на основі категорій: добро, зло, обов'язок, необхідність, совість і відповідальність. Вольова поведінка завжди опосередкована розумом людини. *Розум і воля* є антропологічними основами формування поведінки людини, складовими чинниками об'єктивної та суб'єктивної підстав відповідальності. Воля не може бути визнана за своєю суттю ірраціональною, тобто такою, що перебуває за межами розуму. Ірраціональною, нерозумною її можна визнати, наприклад, у контексті доцільності певної форми поведінки людини через призму її особистих інтересів, інтересів суспільства чи держави.

Соціальна свобода людини та її соціальна відповідальність, таким чином, узалежнені від особистої розумової здатності людини, яка визначається її індивідуальною чуттєвістю, здоровим глуздом, розумом і совістю, силою волі. Категорії *«свобода»*, *«необхідність»* та *«відповідальність»* опосередковуються такою якісно-спеціальною, особистісною рисою людини, як совість. Філософи з давніх-давен зазначали цю властивість совісті. Загалом совість розглядається філософами як невід'ємна позитивна властивість соціалізованої людини, показник її гідності. *Совість людини є передумовою, антропологічною основою її як позитивної (перспективної), так і негативної (ретроспективної) відповідальності.*

Совість визначається як інтелектуально-вольова здатність людини приймати рішення і діяти через призму категорій добра і зла, гуманності й негуманності, необхідності поваги до гідності інших індивідів, урахування інтересів відповідного соціуму і суспільства в цілому. *Совість* як індикатор, визначник позитивного чи негативного вольового рішення людини в умовах конкретної «необхідності» чи «необхідностей», має неоднаковий рівень стосовно різних людей. У тому разі, *коли совість* людини панує *над волею* людини, вірогідність вибору нею позитивного варіанта поведінки в нормативному соціальному полі *через позитивну силу* воліє найбільшою. За *умов відсутності панування совісті* людини над свободою волі найбільш вірогідним є вибір людиною анти-соціального варіанта поведінки *через негативну силу волі*. Отже, *свобода волі людини пов'язана зі свободою її совісті.*

Філософське визначення совісті людини знаходимо у Г.В.Ф. Гегеля: «Совість є святе, недоторкане в людині, вона є чиста впевненість в самому собі, свобода як предикат, в собі і для себе суще, ніщо гетерогенне в ній не міститься, совість недоторкана щодо того, що є добром, вона є знанням добра» [6, с. 421].

Постановку проблеми пов'язують у філософії з Мартіном Лютером – ідейним натхненником та духовним лідером протестантського руху, який

поряд зі свободою совісті заперечував свободу волі. Його трактат «Про свободу християнина» (1520 р.) прислужився до наукової полеміки вчених того часу і пізніше. Еразм Роттердамський, зокрема, вважав, що заперечення свободи волі людини робить її неодолюваною істотою, не здатною відповідати за свої вчинки, а Бога – деспотом, не достойним ні шани, ні любові. У відповідь Мартін Лютер стверджував абсолютну суверенність волі Бога і те, що ми не можемо говорити: Бог має вчиняти так, бо це благо; навпаки, це благо, тому що Він так вчиняє. Воля людська знаходиться десь посередині між Богом і сатаною, подібно вантажної худоби. Якщо заволодіє людиною Господь, вона охоче піде туди, куди Господь забажає. Якщо нею заволодіє сатана, то вона охоче піде туди, куди сатана забажає. Воля людська «без Божої благодаті анітрішки не свободна, а неминуче виявляється взятою у полон, рабинею зла, тому що сама собою не може повернутися до добра» [18, с. 468]. На противагу Мартіну Лютеру, Тома Аквінський стверджував про необхідність диктату, домінуванню совісті людини над її свободою. За його вченням, *syngeresis – іскра совісті, лежить в основі практичного розуму людини*, метою якого є створення речей і визначення поведінки. Вона дає етичне знання, яке має всезагальний характер.

Згідно з Б.Н. Чічеріним, совість людини є найбільш свободне, що є у світі. Вона не підпорядковується жодним зовнішнім примусам. Можна змусити людину чинити певним способом, але не можна змусити її чинити так чи інакше за совістю. Вона становить недосяжне для зовнішньої влади, – *це моральне святилище людини*. І тільки те має моральне значення, що випливає саме з цього святилища, що визначається людиною на ґрунті внутрішнього, свободного голосу совісті. Коли влада втручається в межі, які визначаються винятково совістю, вона чинить не у правовому полі. Найбільш просвітлена совість є всього лиш суддею, який виносить вирок. Вона обмежується оцінкою діяння, але вона не виконує свої рішення. Для цього необхідною є особлива *моральна сила*, здатна стримувати прагнення, підпорядковуючи їх вимогам розуму та совісті. Цією силою є *добродетельність* [34, с. 190, 191, 194].

Смисловим органом, інтуїтивною здатністю людини відчувати єдиний необхідний смисл буття та своєї поведінки, за В. Франклом, є її совість – єдине, що дозволяє їй протистояти жорстокості та бездуховності [32, с. 184-186].

Як справедливо зазначає Н.В. Гайворонюк, совість є виявом моральної самосвідомості людини. Її можна назвати *компасом, який веде людину по життю*. Наявність совісті демонструє здатність людини до самоконтролю, вміння визначати свої обов'язки, контролювати їхнє виконання і давати оцінку своїм діям. Якщо людина живе за совістю, вона відповідає за свій вибір і поведінку. Совість людини завжди наділена почуттям обов'язку. В її духовному світі немає місця ницим почуттям,

вона чуйна, уважна, справедлива. Внутрішній контролер, яким для такої людини є совість, допомагає їй бути насправді вільною, не залежати від зовнішнього контролю і примусу [10, с. 59]. Про таку людину можна сказати, що вона позитивно відповідальна.

Окремі вчені в поняття «совість» включають обов'язок, гідність, інші моральні категорії. Деякі вчені заперечують таке трактування совісті [19, с. 87].

Совість, – підкреслює А.А. Козловський, – вважають етичною категорією, тоді як вона **є центральною категорією** механізму функціонування **автентичного права**. Коли ведуть мову про природне право, яке зафіксоване в позитивному, це означає, що знайдено певні соціальні форми регламентації **совісті як показника буття людини**, яке є основою природного права. Повна регламентація совісті неможлива, як неможлива повна регламентація буття, котре є нескінченним. Совість є формою скінченного в нескінченному, конкретною формою буття в конкретній людині. Критерієм **придушення совісті** є применшення, постійне і перманентне **вбивство Буття в собі**. Совість є онтичною формою зв'язку суцього з Буттям як Відповідальністю. Совість – онтичний голос онтологічного Смыслу. Його, голос, можна задушити, та безсвідоме карає за онтологічний розрив із Буттям. Совість людини онтологічна тому, що народжена соціальною онтологією як специфічною нормативністю самовиживання. Проте існувати й функціонувати вона може тільки у формі інтравертно-суб'єктивованих (**моральна совість**) чи у формі екстравертно-об'єктивованих (**соціально-поведінкова совість – етикет, правомірність дій**) соціально-нормативних структур. **Безсовісність** означає відрив від онтології, втрату Буття й заплющення очей перед Ніщо. Тільки злиття з Буттям дає відчуття спокою, **нечиста совість породжує неспокій** через несвідомий відрив від Буття. Відповідальність і є механізмом закріплення в Бутті. Проте відповідальність ніколи не гарантована, **совість не завжди дає радість**. Окрім механізму відповідальності як форми поведінки, є ще й інші обов'язкові її елементи, передовсім онтологічна константа духовності, без якої відповідальність людини ніколи не гарантуватиме повноцінного результату. Совість може бути й **бездуховною**, коли набуває вигляду зовнішнього процедурно-церемоніального характеру [14, с. 98].

«Совість, – пише В.В. Сорокін, – можна визначити як **специфічну здатність** морального судження, з допомогою якої людина в кожному випадку визначає, що робити і як вчинити... Совість є внутрішнім духовно-моральним законом людини, який дозволяє їй поважати право без зовнішнього поліцейського примусу... Як внутрішній божественний стан совість непідкупна, **з нею не можна домовитися**. Після вчинення дурної справи совість негайно **мучить і карає людину**, яка порушила правову заборону... Совість – це внутрішній **свідок і суддя** «першої

інстанції» для наших вчинків. Закони держави і суспільства можуть бути суперечливими, такими, що мають прогалини, є недоступними до розуміння, і у всіх цих випадках людину *виручає совість* – прямий зв'язок з Богом» [27, с. 22, 23].

Подібний підхід до розуміння ролі совісті у детермінаційному комплексі поведінки людини спостерігається і в доктрині кримінального права. Ще В. Д. Спасовіч писав, що совість переслідує злочинця своєю гризотою, тим внутрішнім хвилюванням, неспокоєм, який отрує кожну його хвилину. Від внутрішнього морального пекла людина може позбавитися не інакше, як відновивши порушену рівновагу через покарання. Таким чином здійснюється примирення людини зі своєю совістю і її внутрішнє заспокоєння. Нерідко обличчя злодія має на собі маску непорушного спокою, а між тим у душі його здійснюється страшна драма, про яку ми й не підозрюємо, і яка б навела жах на глядачів, якби вони могли її спостерігати. Людина як істота, що має совість, є сама собі законодавець, вона чи виконавець чи порушник цього закону, вона ж і свій власний кат. Людину, яка нездатна страждати від докорів сумління, ми можемо лише зневажати, але не можемо на неї гніватися, так само, як не гніваються на вовка чи тигра за те, що вони кровожерливі. До такої людини треба ставитися лише як до шкідливої тварини, в якій необхідно відняти засоби шкодити. Усі явища життя зводяться до найпростішого елементу – совісті. Людину карають докори сумління, оскільки злочин – це удар по совісті. Однак покарання застосовується попри те, що людину карає її совість [28, с. 53, 59, 60].

«Розум і совість, – як обґрунтовано зробив висновок М. Д. Шаргородскій, – входять в сукупність взаємодіючих обставин, які визначають конкретну поведінку людини» [35, с. 520].

В. К. Демиденко навів влучні слова англійського письменника-мораліста С. Смайlsa: «Совість – моральний наставник серця, що спрямовує до добрих вчинків, добрих думок, доброї віри, доброго життя». Далі він приходить до висновку, що совість – це не тільки визнання відповідальності за минуле і сьогодення, але й за майбутнє. Рівень усвідомлення цієї відповідальності знаходиться у прямій залежності від рівня розвитку самої людини. Людина як особистість – само оцінювальна істота. Без самооцінки практично неможливо самовизначитися в житті, зрівноважитися з його умовами. Правильна самооцінка передбачає глибокий і всебічний зважений самоаналіз своїх можливостей стосовно вимог життя, умовно самостійно ставити перед собою реальні цілі, прискіпливо оцінювати свої думки, ідеали, своєчасно відмовитися від нереальних гіпотез [9, с. 31].

Прямий зв'язок між відповідальністю і совістю прослідковує О. М. Белова, розуміючи під совістю «особисту справу», основу внутрішньої гідності людини. *Совість* має стримувати людину від заподіяння зла. Перед прийняттям будь-якого рішення людина покладається на

совість, яка не «прокидається» в душі людини, а являє собою першопочаткові інтелектуальні та моральні здібності. Совість має також соціальний аспект, який проявляється в наступному: людині доводиться вибирати одну лінію з альтернатив, за кожною з яких стоять потужні спонукання. Свідомість людини напружується, і коли рішення прийнято, людина зазнає особливих відчуттів, які ми називаємо почуттям повинності, обов'язку, рішучості і правоти. Тим самим совість витупає як голос найбільш глибокої раціональності. Йти всуперечсовісті – означає діяти у стані звуженої і фрагментарної свідомості, а це, в свою чергу, означає, що людина починає втрачати цілісність своєї особистості, «розпадається» на частини. Для індивіда, який розмірковує над власною поведінкою, його совість – єдино можливий керівний принцип, істина в кінцевій інстанції. Зрадити їй – означає здійснити моральне самогубство. У невірноваженої людини совість є, але вона нестійка у своїх оцінках, влада її слабка, а зусилля короточасні. У таких людей голос совісті – це лише відлуння їх короточасних, швидкоминучих емоцій, бо довготривалий внутрішній синтез їм не під силу. І навіть цей голос, заглушений потоком імпульсивних переживань, вони часто не чують, їхня поведінка взагалі позбавлена раціонального контролю. На людей такого типу позитивно впливає загроза покарання [4, с. 40, 41].

Розглянуті вище методологічні підходи вчених щодо розуміння проблем антропологічних основ відповідальності людини, дозволяють зробити наступні висновки.

Відповідальність як саморегулятор діяльності людини передбачає наявність у неї свободи і сили волі, відчуття розумної необхідності, совісті, здатність до самоконтролю та самоуправління в ім'я власного добра та добра інших членів соціуму. Це означає, що, здійснивши вибір, прийнявши відповідне рішення, людина бере на себе відповідальність, і передовсім за наслідки своєї поведінки. Тому й свобода волі пов'язується із розумовою здатністю людини здійснити усвідомлений і продуманий вибір, мужньо прийняти рішення. Свобода волі через розум, на основі категорій: **добро, зло, обов'язок, розумна необхідність, совість і відповідальність** – такий у загальних рисах діалектичний шлях формування моделі поведінки людини.

Свобода волі людини як потенційна можливість містить у собі **опосередковані** розумом три інтелектуально-вольові характеристики: **свободу бажання, свободу вибору, свободу дій**, які завжди, в кожній конкретній ситуації, реалізуються через домінуючу мету людини. **Факторами** індивідуального психофізичного характеру, які можуть визначати раціональність і нормативність свободи волі, є: **а) усвідомлення** людиною на рівні розуму небезпеки суспільного осуду і (або) застосування санкцій соціальних норм; **б) усвідомлення** нею на рівні розуму свого суспільного обов'язку; **в) совість** людини як її внутрішній

орієнтир, стабілізатор, здатність розумно унормовувати свою поведінку через призму загальнолюдських цінностей, гармонійно поєднуючи свої інтереси з інтересами суспільства, держави, інших людей.

Отже людина, через призму відповідальності, має бути наділена пересічного (звичного) рівня **свідомістю і розумною свободою волі** до діяння (дії чи бездіяльності). Вона має бути **здатною** співвідносити свою поведінку з приписами правових норм через призму її **совісті** на ґрунті **розумної** індивідуальної та соціальної **необхідності**. **Держава**, у випадку порушення такою людиною приписів правових норм, має виконати одну з своїх функцій: притягнути її до відповідного виду юридичної відповідальності. В державі демократичного спрямування застосування видів юридичної відповідальності має бути збалансованим щодо кожного випадку порушення людиною юридичних норм: кожному такому випадку має кореспондувати **розумний (необхідний) і достатній** вид і міра юридичної відповідальності. Зловживання найсуворішим видами і мірами юридичної відповідальності в державі демократичного спрямування **є недопустимим**.

Юридичні межі індивідуальної свободи визначаються не лише суб'єктивними правами людини, але й її правовими свободами і обов'язками. **Межі соціальної свободи людини**, таким чином, значною мірою визначаються державою за допомогою норм права, які дозволяють, заохочують, забороняють певну її поведінку або зобов'язують її до певної поведінки. Кожна норма права містить у собі відповідний **припис, веління** суб'єктові суспільних відносин, вказуючи на **бажаний** державою **стандарт** його поведінки в певних умовах соціального буття. Такий припис, веління забезпечується примусовою силою держави, яка покликана контролювати соціально значиму поведінку суб'єктів суспільних відносин, забезпечувати дотримання ними меж соціальної свободи через застосування юридичної відповідальності. За цих умов **свобідна воля** людини формується **через її розум і свободу совісті** не лише в межах її соціальної свободи, але й в органічному зв'язку **з соціальною необхідністю** та юридичною відповідальністю, яка, як відомо, також має чітко визначені в законі межі і міру. Крім того, на формування свободи волі людини впливають інші особистісні і соціальні фактори об'єктивного і суб'єктивного характеру. Людина, як уже зазначалося, **може бути наділена належно високим рівнем розуму і совісті, мати силу і волю, але не мати сили волі**. Лише за наявності у людини сили волі, її воля, опосередкована совістю і розумом, може бути джерелом її соціальної свободи, чинником, що детермінує **вибір** нею форми її поведінки – просоціальної (правослухняної) чи антисоціальної (протиправної).

Свободу людини в праві слід уявляти як **розумну правову необхідність**, узгоджену з її власними переконаннями, настановами, ідеалами, інтересами і потребами, опосередковану **її совістю** та забезпечувану

силою волі людини. Право, **як уречевлення, продукт людського розуму**, має бути наділене рисами загальнолюдських цінностей. За таких умов розум, совість людини, її розумна **свобода волі** до діяння (дії чи бездіяльності), служать антропологічними основами соціально-етичної (моральної) підстави юридичної відповідальності людини.

Правовий раціоналізм є однією з основних підвалин сучасної філософії, філософії права, загальної теорії права. **Розум** є найвищою, іманентною складовою здібностей людини, яка прямує до утвердження загальнолюдських гуманістичних цінностей права. Право, як втілення розуму, спрямоване до розумних істот – людей. Воно здатне стимулювати свободну і розумну волю людини, якщо має достатньо міцні демократичні підвалини.

Норми права, як продукт розуму людини, за своєю вираженістю є еталонами, моделями суспільно корисної, суспільно прийнятої правослухняної поведінки людини, бажаної з боку законодавця. Вони є виразом правової свідомості суспільства в цілому або домінуючої її частини, утворюючи позитивне нормативне поле юридичної відповідальності людини та регулюючи вольову поведінку людей. В нормах права уречевлена воля держави, **державне веління**, котре адресоване до індивідуальної **совісті і волі** кожної людини як суб'єкта суспільних відносин через її розум і свідомість.

Совість, зокрема, є одним із важливих показників гідності людини, її домінуюча чеснота. Вона є антропологічною основою відповідальності людини – як позитивної (перспективної) так і негативної (ретроспективної). Державна воля, державне веління реалізується саме через **розум** людини, її індивідуальну **свідомість та совість**, через її **волю**, через потенційну загрозу застосування примусу з боку компетентних органів держави. Спочатку **потенційна загроза** застосування державою примусу спонукає людину до добровільного виконання обов'язку, а у випадку вчинення нею правопорушення виконання обов'язку може бути **як добровільним**, так і наслідком **застосування примусових заходів**, передбачених чинним законодавством. Крім того, як видається, у випадках заподіяння правопорушником матеріальної або моральної шкоди чи обох її видів одночасно, цим обов'язком правопорушника охоплюється відшкодування, компенсації такої шкоди.

Об'єктивне право є уречевленням розуму, **продуктом розуму** людини, її **совісті і волі**. Через право **розум, як його основа, впливає** на волю людей, схилиючи їх до соціально позитивної поведінки. **Розум** конкретної людини, як правило, здатний оцінити рівень уречевленого в нормі права розуму, співвіднести його з власними розумом і совістю. Від цієї індивідуальної оцінки значною мірою залежить розвиток мотиваційного процесу людини на вибір відповідного варіанта поведінки: правослухняного чи протиправного. Тому **норма права повинна бути**

«розумною», «добросовісною» – морально правильною з боку держави, соціально зумовленою загалом і через призму природних інтересів і потреб пересічної людини, до розуму, волі і совісті якої вона адресована. *«Нерозумна», «безсовісна» – морально неправильна* в побутовому розумінні норма права не сприймається широким загалом людей, ігнорується ними, як правило, у формі пасивного чи активного спротиву через невиконання її приписів, підшукування шляхів для того, щоб обійти ці приписи. Зокрема, за допомогою корупційних дій і корупційних схем. Вона приречена лише на малоефективне примусове застосування і реалізацію з мінімальним успіхом. Натомість *«розумна», «добросовісна» – морально правильна* норма права є найпридатнішою для сприйняття її розумом, совістю і волею максимально широким загалом людей, що є вагомою складовою надійної основи реалізації такої норми з найбільш високим рівнем ефективності. Окрім цього, «розумна», «добросовісна» – морально правильна норма права є тим вагомим чинником, який максимально сприяє утвердженню поваги до права, формуванню позитивної юридичної відповідальності людини. Очікування такого соціально-правового результату з найбільшою вірогідністю може бути забезпечене тоді, коли *розум законодавця* базується на виявлених юридичною наукою закономірностях і потребах правового регулювання, що являють собою частину інтелектуального потенціалу суспільства. Тому повага до права повинна мати двосторонній, діалогічний вияв. З боку держави, в особі законодавця, компетентних правозастосовних органів держави, які повинні *беззастережно поважати людину як розумну, правову істоту*, поважати її гідність, права і свободи, сприяти їх утвердженню та розвитку. Саме в цьому, головним чином, проявляється *позитивна відповідальність держави*. З боку громадян – це повага до держави, до її розумних, справедливих, гуманних законів. Лише за таких умов можливий надійний зворотній зв'язок *між людиною і державою*, а, отже, і ефективність державного управління. Взаємодія (комунікація), діалог цих двох та всіх інших суб'єктів суспільних відносин є однією з передумов цивілізованого розвитку суспільства. Юридична відповідальність, як позитивна (перспективна), так і негативна (ретроспективна), має соціально-комутативну (інтерсуб'єктивну) природу.

Основу відповідальності людини становить усвідомлення і сприйняття нею у повному обсязі наявних суспільних цінностей. Цінностей не як егоїстично відособленої істоти, а як органічно невід'ємної складової цивілізованої спільноти людей. Сприймаючи приписи (веління) *розумного*, демократичного закону як усвідомлену необхідність, особисте благо, людина зміцнює свої зв'язки з цією спільнотою, яка слугує основою, запорукою її безпеки та добробуту, що у свою чергу, поєднується зі зміцненням в індивідуальній колективній та суспільній свідомості та бутті одвічних чеснот: шляхетності, любові до ближнього, любові до своєї

країни, доброзичливості, почуття обов'язку, вдячності, справедливості, чесних стосунків тощо.

Таким чином, є підстави стверджувати, що розум, совість, розумна і свободна воля, сила волі людини до діяння (дії чи бездіяльності) є **антропологічними основами** її відповідальності як позитивної (перспективної), так і негативної (ретроспективної).

Список використаних джерел

1. Антология мировой философии: Античность. – Минск: Харвест, 2000.
2. Аристотель. Політика // Антологія лібералізму: політико-правничі вчення про верховенство права. – К.: Книга для бізнесу, 2008.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т.4. – М.: Мысль, 1983.
4. Белова О.М. Социальная ответственность как один из аспектов формирования личности // Вестник Оренбург. ун-та. – 2005. – № 7.
5. Вільгельм фон Гумбольдт. Позитивна і негативна держава // Лібералізм. Ліберальна традиція політичного мислення від Джона Локка до Джона Роулдза. Антологія. – вид. друге, переробл. / упорядник Олег Проценко, Василь Лісовий. – К.: Смолоскип, 2009.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
7. Гришук О.В. Людська гідність у праві: філософські проблеми. – К.: Атіка, 2007.
8. Гюфе О. Розум і право. Складові інтеркультурного правового дискурсу; переклад з нім. мови Л.А. Сотниченко, М.Д. Култаєвої. – К.: Альтерпрес, 2003.
9. Демиденко В.К. Совість: Навч.-метод. посібник; Наук.-метод. центр серед освіти. К., 2000.
10. Етика та естетика / за ред. М.П. Гетьманчука. – Львів: ЛьвДУВС, 2010.
11. Ждановский А.П. Свобода воли: [Электронный ресурс] – Режим доступа: // http://psylib.org.ua/books/grits01/svoboda_voli.htm
12. Иконников Г.И., Лященко В.П. Философия права. – М.: Юрайт, 2010.
13. Кальной И.И. Философия права: учебник. – Спб.: Юридический центр Пресс, 2006.
14. Козловський А. Філософія відповідальності // Про українське право. Часопис кафедри теорії та історії держави і права Київ. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка / За ред. проф. Безклубого І. А. – К.: Вид.-во КНУ ім. Т. Шевченка, 2010 – Число 5.
15. Коломак А.И. Свобода и ответственность в современном мире: автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук. – Ставрополь: Северо-Кавказ. госуд. техн. ун-т, 2006.
16. Локк Дж. Два трактата про врядування. – К.: Основи, 2001.

17. Локк Дж. Сочинения в 4 т. – Т.1. – М.: Мысль. 1985.
18. Новая философская энциклопедия: в 4 т. // Ин-т философии РАН. – М.: Мысль, 2010. – С. 468.
19. Панов А. Т., Шабалин В. А. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976.
20. Платон. Государство. // Платон. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3.
21. Платон. Диалоги. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001.
22. Рабінович С.П. Розумність у праві. Філософсько-правовий та емпірико-юридичний виміри // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): Статті учасників Другого всеукраїнського «круглого столу». – Львів: Край, 2007.
23. Скурко Є.В. Философия права и правовая жизнь. – М.: Юрлитинформ, 2011. –
24. Сливка С.С. Позитивістські концепти: філософсько-правовий аналіз: монографія. – Львів: ЛьвДУВС, 2006.
25. Соболев Леонід. Анатомія розуму [Текст]. - Blue Ridge Summit, PA: Edwards brothers Inc. : Xlibris corporation, 2011.
26. Соловьев В.С. Оправдание добра. Соч.: в 2 т. – Том. 1. – М.: Мысль, 1988.
27. Сорокин В.В. Совесть как элемент русского православного правосознания // Государство и право. – 2011. – № 6.
28. Спасович В. Учебник уголовного права. – Т. 1. – Вып. 1. – Спб.: Типограф. И. Огризко, 1863.
29. Спиноза Б. Избранные произведения. – М.: Госюриздат, 1957. – Т.1
30. Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли // Фейербах Л. Сочинения в 3 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1995.
31. Філософія: навч. посібник / за ред. М.П. Гетьманчука. – Львів: ЛьвДУВС, 2010.
32. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
33. Цицерон. Про закони // Антологія лібералізму: політико-правничі вчення про верховенство права / відпов. ред.. С. Головатий. – К.: Книга для бізнесу, 2008.
34. Чичерин Б.Н. Философия права. Изд. 2-е испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
35. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Избранные труды. – Спб.: «Юридический центр Пресс», 2004.
36. Шелер М. Человек и история. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1992.
37. Шкода В.В. Вступ до правової філософії. – Харків: Фолио, 1997.
38. Юнг К. Психологические типы. – Минск: ООО «Попурри», 1998.

ГЕНОЦИДНА СУТЬ «РАШИЗМУ»: ГЕНЕЗИС, РОЗВИТОК ТА СУЧАСНІСТЬ

Анотація. Роздуми в сфері проблематики геноциду Росією українського народу, який ґрунтується нею на засадах людинобивчої ідеології «рашизму». Ця праця дає відповідь на запитання – що являє собою «рашизм» як людиноненависне соціальне явище. В цій праці виділені його характерні риси – ідеалістична, безпідставна уява російської еліти про свою ніби винятковість, «надлюдькість», яка завжди проявлялася саме в зверхньому, зневажливому, жорстокому, варварському, хижому ставленні до поневолення всіх інших народів. В доктрині права бракує системних, фундаментальних монографічних досліджень в сфері проблематики «рашизму» – людинобивчої ідеології та практики її застосування. Автор аналізує головні історичні етапи геноциду українського народу з боку Росії, які спрямовані на знищення української державності та українського народу, є відверто цинічними, цілеспрямованими, наполегливими, нахабними і продовжуваними невпинно впродовж багатьох століть. На підставі аналізу проблематики «рашизму» автор приходить до висновку про необхідність засудження «рашизму» як тоталітарної форми державно-правового режиму, людиноненависницької, людинобивчої ідеології та її практику застосування для недопущення існування та розвитку такого ганебного явища у цивілізованому світі, об'єднавши зусилля усього цивілізованого світу.

Ключові слова: агресивна війна Росії проти України, людинобивча ідеологія «рашизму», головні історичні етапи ліквідації української державності, геноциду українського народу Росією.

Вступ.

Світова демократична практика суспільного буття, заснована на відомих загальнолюдських цінностях, зіткнулася з несподіваною появою в дії нової для неї, але давно відомої українському народові, геноцидної ідеології, яку в Україні тепер називають словом **“рашизм”**. Важливе значення має розуміння суті цієї ідеології та її співвідношення з іншими історично відомими людиноненависницькими геноцидними ідеологіями, зокрема такими як «расизм», «шовінізм», «нацизм», «сталінізм», «фашизм». Сьогодні вже немає сумніву, що **“рашизм”** є тоталітарною формою державно-правового режиму, людиноненависницькою ідеологією правлячої

еліти російської федерації, крайнім, витонченим удосконаленням, симбіозом засад цих ідеологій. Її мета – цілковите знищення України як держави та українців як етносу. Фундаментом геноцидної ідеології **”рашизму”** завжди була і є ідеалістична, нічим не обґрунтована уява правлячої еліти Росії про свою ніби винятковість, «надлюдськість», що завжди виявлялось і виявляється в її зверхньому, зневажливому, жорстокому, варварському, хижому ставленні до поневолення всіх інших народів, включаючи і погрозу застосування до них ядерної зброї. Ця ідеологія спрямована на прагнення представити себе народам світу в ролі вершителя їх долі, світового судді (1).

Цивілізований світ здивований і вражений теперішнім вчиненням геноциду українського народу з боку Росії, дивуючись як таке явище як **рашизм** можливе в умовах ХХІ століття. На жаль, сьогодні відсутні комплексні монографічні дослідження даної проблематики з сучасних співзвучних часові наукових позицій. Застосування сучасних методів наукового дослідження, зокрема історико-правового, дозволяє в загальних рисах окреслити дану наукову проблематику. Разом з цим, уже появились перші ґрунтовні наукові розвідки цього явища Так, Назар Рудий, проаналізувавши ознаки **рашизму** за допомогою сучасної наукової методології, чітко констатував, що «...рашизм об'єднав найбільш антигуманні прояви фашизму, нацизму та комунізму. Возвеличення «русской» раси, геноцидна політика в Україні, дискримінація, як сусідніх країн та народів, так і корінних народів Російської Федерації, що освячується російською православною церквою, вождизм та маніпуляції пропаганди поєднані з тотальною брехнею і, як наслідок, розв'язання найбільшої конвенційної війни планетарного масштабу з часів Другої світової. Враховуючи ті загрози та негативні наслідки, які спричинив рашизм, Людству потрібно зробити адекватні висновки, що втіляться у засудженні та забороні на міжнародному та національних рівнях рашизму, як ідеології та форми державно-правового режиму» (9, С. 7).

Генезис та практика застосування ідеології ”рашизму” в Україні. Для українців **”рашизм”** не є історично новим явищем, а лише черговою, історично наступною жорстокою акцією геноциду. Вданому українському випадку злочинні системні дії очільників російської держави, спрямовані на знищення української державності, геноцид українського народу, є відверто цинічно цілеспрямованими, наполегливими, нахабними і **продовжуваними невпинно впродовж багатьох століть**. Історія зберегла обширні матеріали які є переконливими доказами людиноне-нависницької, геноцидної суті **”рашизму”**. Коротко, в тезовому варіанті, застосовуючи історико-правовий метод, проаналізую основні етапи цього процесу. Нагадаю, що нормативний акт «Березневі статті» 1654 року, оригінальний текст якого, на жаль, не зберігся, містив договірні конфедеративні умови союзу між Московією та Україною, але жодним чином

не про входження України до складу Росії. Російська сторона договору з самого початку не збиралася виконувати ці умови, вчиняючи систему дій, спрямованих на примусову ліквідацію української державності, **геноцид, зросійщення українського народу, знищення його природної ідентичності**. Зокрема, російськими правовими актами поступово були ліквідовані всі інститути української державності: протягом 18 століття Гетьманщина поступово втратила політичну і економічну автономію. Наказом імператриці Катерини II 1764 року інститут гетьмана України було скасовано, а ще через рік всю територію Гетьманщини реформовано в Малоросійську губернію. У 1781 р. було скасовано полковий адміністративний устрій Гетьманщини та було утворено три намісництва. - Київське, Чернігівське і Новгород-Сіверське, що разом творили Малоросійське генерал-губернаторство. У 1783 р. було скасоване козацьке військо, замість якого створювалися десять карабінерних полків кавалерії. Тим самим автономію Гетьманщини практично було ліквідовано, а 3 травня 1783 р. **запроваджувалося кріпосне право** на теренах вільнолюбних Гетьманщини та Слобожанщини. Крім наведеного вище, було ліквідовано українську та запроваджено російську православну церкву, послідовно вчинено **історично першу системну «деукраїнізацію»** – багаточисельні геноцидні акти щодо вилучення з суспільно вжитку української мови. Серед них: **1622 р.** – наказ царя Михайла, з подання Московського патріарха Філарета, спалити в державі всі примірники надрукованого в Україні «Учительного Євангелія»; **1729 р.** – наказ Петра II переписати з української мови на російську всі державні постанови і розпорядження; **1731 р.** – вилучення з українських церков книг українського друку та заміна їх на московські видання, запровадження викладання в колегіумах виключно російською мовою; таємною інструкцією імператриці Анни Іванівни приписувалося перешкоджати українцям одружуватися з поляками та білорусами; **1763 р.** – указ Катерини II про повну заборону викладати українською мовою в Києво-Могилянській академії; **1769р.** – Синод російської православної церкви заборонив друкувати та використовувати український буквар; **1775 р.** – зруйнування Запорізької Січі та закриття українських шкіл при полкових козацьких канцеляріях; **1832 р.** - повне переведення навчання в школах на російську мову; **1847р.** – розгром Кирило-Мефодіївського товариства й посилення жорсткого переслідування української мови та культури, заборона найкращих творів Шевченка, Куліша, Костомарова та інших; **1863 р.** – сумнозвісний Валуєвський циркуляр про заборону давати цензурний дозвіл на друкування україномовної духовної і популярної освітньої літератури: «жодної окремої малоросійської мови не було і бути не може»; **1864 р.** – прийняття Статуту про початкову школу, за яким навчання має проводитись лише російською мовою; **1876 р.** – Емський указ Олександра про заборону друкування та ввозу з-за кордону будь-якої україномовної літератури, а також

про заборону українських сценічних вистав і друкування українських текстів під нотами, тобто народних пісень; **1881 р.** – заборона викладання у народних школах та виголошення церковних проповідей українською мовою; **1884 р.** – заборона Олександром III українських театральних вистав у всіх малоросійських губерніях; **1888 р.** – указ Олександра III про заборону вживання української мови в офіційних установах і хрещення дітей українськими іменами; **1892 р.** – заборона перекладати книжки з російської мови на українську; **1895 р.** – заборона Головного управління в справах друку видавати українські книжки для дітей; **1914 р.** – заборона відзначати 100-літній ювілей Тараса Шевченка; указ Миколи II про скасування української преси (8. с. 48-49; 13. с. 11-41).

Український народ століттями чинив спротив політиці рашистського геноциду. Історія зберегла багато прикладів прояву жажливої злочинної жорстокості рашистів проти мирних українців шляхом проведення **каральних «спеціальних операцій»** упокорення. Наприклад, вчинена московитами різанина у гетьманській столиці місті Батурин. Варварська каральна операція московських військ із захоплення і знищення столиці гетьмана Мазепи міста Батурина і його мешканців була проведена 2 листопада 1708 року. Під час цих злочинних дій, московські війська, як наказують нелюдські звичаї московитів, ївтували жінок, катували всіх, вирізали всіх мешканців міста, починаючи від немовлят, жінок і дітей. За різними оцінками загинуло від 11 до 15 тисяч українців. В історію України ці події увійшли під назвою «Різанина в Батурині». Саме місто пограбували, в тому числі і православні храми, а потім, за наказом керівника каральної операції Меншикова спалили, а церкви зруйнували. Продовженням варварства московитів стала вчинена, починаючи з кінця листопада 1708 року, різня українського люду в місті Лебедині, де було піддано нелюдським тортурам і закатовано близько 900 козацьких старшин і місцевих жителів, що підтримували гетьмана Мазепу під час Північної війни (5. с. 115-116; 12. с. 150-151).

Наступним прикладом московського варварства є **спеціальна каральна експедиція** московських військ в Україну, що була надіслана у 1709р. царем Петром I на українські землі за підтримку антимосковських виступів та участь українців у бойових діях на боці шведів під час Північної війни. Такими ж самими нелюдськими жорстокими методами царські війська пограбували та знищили міста: Келеберди, Переволочна, Старий Кодак, Новий Кодак, козацьку фортецю Запорізька Січ. Наслідком стало також знищення вздовж річки Дніпро тисяч українців, переважно цивільних людей, які навіть не проживали в названих вище містах і не брали участі в оборонних діях, а займалися в інших багаточисельних селах селянським,рибацьким або іншим ремеслом (2. с. 170-173; 13; 19. с. 280-287).

Людиноненависницька московська рашистська політика була послідовно продовжена комуністичним режимом після так званої

«жовтневої революції» 1917 року. Впродовж громадянської війни, яка тривала до 2022 року, були проведені **чисельні каральні «спеціальні операції»**, упокорення, **«червоного терору»** проти українського люду, що чинив супротив комуністичній навалі. Кількість замордованих внаслідок цього українців донині невідома (12. с.329; 13. с.42-54, 76-79; 16.с.28-30, 64-65, 123; 17. с.39-54, 56-79).

Знаковим етапом московського геноциду стала в кінці 20-х, початку 30-х років примусова **«суцільна колективізація»**, коли масовим репресіям було піддано українське селянство. Всього за роки **«суцільної колективізації»**, як зазначають окремі дослідники, в Україні було експропрійовано 200 тисяч селянських господарств, а з 400 тисяч селянських господарств знищено, понад один мільйон українських селян потрапило під так зване **«розкуркулення»**, біля 850 тисяч з них було вислано в райони Сибіру та Півночі Росії (7.с.174; 12.с.355-356; 16.с.315-316, 397; 13.с.73-79).

Небаченого розмаху набув антирелігійний терор, спрямований на знищення релігійної свідомості українського народу, усунення церкви з політичного суспільного життя, насильницького запровадження комуністичної ідеології. Лише впродовж 1931–1936 років, за даними дослідників, було повністю зруйновано три четверті церков від їх загальної кількості. У 1936 році служба провадилася лише в 1116 церквах, а такі області України як Полтавська, Харківська, Луганська мали лише по одній чинній церкві. В Донецькій, Вінницькій, Миколаївській областях не було жодної церкви. Після 1938 року в Україні залишилося лише 3% церковних парафій у порівнянні з дореволюційним періодом. Дослідники стверджують, що лише у 1937 році, за неповною інформацією, було репресовано 3970 осіб за звинуваченням у так званій «церковній і сектантській контрреволюції» (6. с. 49-53; 10. с. 58-65; 13. с. 9-34, 45-53; 16. с. 591-617).

Далі комуністична московська влада провела **історично другу** системну **«деукраїнізацію»** історично подібними методами. Так, в 1926 році Сталін направив лист товарищу Кагановичу та іншим членам політбюро ЦК КП(б)У з вказівкою на необхідність посилення боротьби проти «національного ухилу», переслідування діячів «українізації», а в 1933 році була направлена сумнозвісна телеграма Сталіна всім партійним органам про припинення «українізації». Наведу лише окремі приклади репресивного терору. Початком масового нищення української інтелігенції вважається травень 1933 року, коли відбулися арешт Михайла Ялового і самогубство Миколи Хвильового. Кульмінацією дій радянського репресивного режиму стало 3 листопада 1937 року. Тоді, «на честь 20-ї річниці Великого Жовтня» у Соловецькому таборі особливого призначення за вироком «трійки» були розстріляні Лесь Курбас, Микола Куліш, Матвій Яворський, Володимир Чеховський, Валер'ян Підмогильний, Павло Филипович, Валер'ян Поліщук, Григорій Епик, Мирослав Ірчан, Марко

Вороний, Михайло Козоріс, Олекса Слісаренко, Михайло Яловий та інші. Загалом, лише в цей один день за рішенням несудових органів, було страчено понад 100 представників української інтелігенції. У період із 27 жовтня по 4 листопада 1937 року в урочищі Сандармох у Карелії відбувся наймасовіший розстріл інтелігенції. Кати НКВС розстріляли тоді 287 представників цвіту української інтелігенції. Багато інших загинули в наступні роки в концентраційних таборах та тюрмах. Тисячі мирних людей, у тому числі українців, військових поляків були розстріляні в Катині, у лісовому урочищі Куропати, що неподалік від Мінська (Білорусь). Біля Києва, у Биківнянському лісі, знайшли свій останній спочинок десятки тисяч жертв великого комуністичного терору. На думку істориків, загальна кількість розстріляних, похованих у Биківні, може становити від 20 до 100 тисяч осіб (4.с. 8-48, 81-96, 199-222, 247-262, 287-305; 12.с. 362-366; 15.с. 225-343; 18.с. 5-76).

На початку грудня 1930 року в Харківському оперному театрі відбувся з'їзд народних незрячих співців-кобзарів, куди з різних областей Радянської України завезли 337 делегатів. Кобзарям пояснили, що на заході буде вирішуватися питання їхнього активного залучення до «соціалістичного будівництва», відходу від виконавських традицій і визначення нових ідеологічних пріоритетів. Насправді ж з'їзду як такого не відбулося. Кобзарів, лірників та їхніх малолітніх поводитирів повантажили до ешелону і вивезли на околицю станції Козача Лопань (Харківщина) де, у лісосмузі, їх і розстріляли. Тіла поскидали у заздалегідь вириті траншеї і поховали, а музикальні інструменти спалили. Чисельні факти розстрілів в'язнів тюрем мали місце на початку другої світової війни при відступі радянської армії під натиском військ фашистської Німеччини (7.с. 179-180; 14.с. 46).

В наш час оприлюднено жахливий факт геноциду українських дітей в 1949 році. Тоді, за наказом московитів, поблизу одного з колимських концтаборів, було втоплено живцем в болоті близько трьох тисяч українських дівчат віком 12–14 років, багато з яких були попередньо згвалтовані (13.с. 58).

В повоєнний період, після засудження культу особи Сталіна, така геноцидна політика стала більш витонченою. Так, улітку 1971 року радянська влада розпочала розробку операції під назвою «Блок», заходи якої були направлені на «нейтралізацію» людей, які могли поширювати антирадянську політику. 12–14 січня 1972 року співробітники КДБ у Києві та Львові арештували 14 осіб, серед яких поет Василь Стус, критики В'ячеслав Чорновіл та Іван Світличний, а також художники, науковці й лікарі. Більшість із арештованих 12 січня 1972 року були засуджені за «антирадянську агітацію та пропаганду» й отримали вирок позбавлення волі терміном на 5–7 років у таборах суворого режиму та три роки заслання. За даними Харківської правозахисної групи, у 1972-1974

роках в Україні заарештували 193 особи, у тому числі за антирадянську пропаганду – 100 людей, а за релігійні переконання – 27 (7.с.120-121; 12.с.439-440, 445-450; 13.с.61-66).

Окремо варто зупинитися на таких засобах цілеспрямованого геноциду комуністичним московським режимом українського народу як штучні голодомори, розраховані на придушення національно-визвольного руху та знищення частини українського селянства. Таких було три. Перший був організований в 1021–1923 роках. Другий – в 1932–1933 роках. Третьою спланованою акцією геноциду став голодомор 1946–1947 роках. За оцінками дослідників, померло з голоду: за наслідками першого голодомору – близько пів мільйона людей, другого – понад сім мільйонів людей (переважно українців) на території Української СРР та три мільйони українців поза її межами; третього – понад 1 мільйон українців (3.с.18-20; 6.с.21-34, 69-177, 183-262; 13.с.28-34, 69-114, 174-177; 16.с.462-496).

Необхідно привернути увагу до ще одного геноцидного рашистського акту того часу проти українців служить проведена **21 жовтня 1947 року** операція «Захід». Тоді було розпочате примусове виселення українців. Вона стала наймасовішою депортацією населення заходу України в історії, коли до віддалених районів Сибіру та Казахстану депортували понад 78 тисяч осіб. До Сибіру та Казахстану було насильно вивезено 26 332 сім'ї – 77 791 особу. Серед них – 18 866 чоловіків, 35 685 жінок та 23 240 дітей до 15 років. Це не єдина, але наймасовіша депортація, здійснена на заході України (11).

Повернемося далі до питання репресивних заходів комуністичного режиму щодо української мови. Послідовно та невпинно, як і раніше в передвоєнний період 30-х років, проводилася політика зросійщення українців. В 1938 році прийнята була постанова РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про обов'язкове вивчення російської мови в школах національних республік і областей». Далі розвиток подій був наступним: **1974 р.** – постанова ЦК КПРС «Про підготовку до 50-річчя створення Союзу Радянських Соціалістичних Республік», де вперше проголошується створення «нової історичної спільноти радянського народу», а отже офіційний **курс на «денацифікацію»**; **1984 р.** – наказ Міністерства культури СРСР про переведення діловодства в усіх музеях Радянського Союзу на російську мову; **1989 р.** – постанова ЦК КПРС про «законодавче закріплення російської мови як загальнодержавної»; **1990 р.** – прийняття Закону про мови народів СРСР, яким російській мові надавався статус офіційної на всій території СРСР (13. с. 46-51).

Сьогодні демократична світова громадськість обурена історично традиційними для Росії варварськими методами ведення геноцидної війни проти України, цинічне порушення нею загальноприйнятих сучасних засад людяності, еталонів моральності, використанням нею грубої воєнної

сили для вирішення спірних міждержавних питань і встановлення бажаного нею нового світового порядку. Яскравим наглядним прикладом вияву сутності ідеології російського **”рашизму”** є публікація агентства «РИА «Новости» під назвою «Що Росія має зробити з Україною», яка містить «керівництво до дії» та відкрито демонструє заклики до геноциду українців.

Сучасна агресивна війна російського режиму проти України триває з 2014 року, а з 24 лютого 2022 року стала широкомасштабною. Нагадаю, що український народ постійно чинив спротив рашизмові. Українські історики підраховували, що Україна веде зараз вже 23-ю війну проти **”рашизму”** за свою незалежність.

Російський диктатор Путін назвав цю чергову відкриту та брутальну московську агресію **«спеціальною операцією»**, яка має **відверту геноцидну мету** – повну **”денацифікацію та демілітаризацію”** України, недопущення її вступу до Європейського союзу та НАТО.

Сучасна каральна **«спеціальна операція»**, за методами її проведення, яскраво віддзеркалює історично відомі системні, безперервні впродовж століть, нелюдські російські акції на частину яких я вже звернув увагу вище.

Вже відомі масові порушення норм міжнародного гуманітарного права, спричинені повномасштабною збройною агресією Росії, порушення прав людини і інші проблемні питання, з якими найчастіше доводиться стикатися внутрішньо переміщеним особам, людям, які живуть в тимчасовій окупації, а також тим громадянам, які знайшли прихисток у інших країнах. Багаточисельними є варварські факти нелюдської жорстокості російських військових та докази жакхливих руйнувань, масових катувань та вбивств, ґвалтувань цивільних людей в українських містах Бучі, Ірпені, Гостомелі, Бородянці, Ворзелі, Маріуполі, Бахмуті, багатьох селах і містах Чернігівської, Сумської, Харківської, Херсонської, Донецької та Луганської областей України. Ця винятково агресивна війна супроводжується безпрецедентним за розмахом жакхливими руйнуваннями міст та сіл. Агресор цілеспрямовано завдає ударів по житлових будинках, знищує цивільну інфраструктуру теплового, газового, водяного та електричного постачання. Багато населених пунктів зруйновані повністю і перестали існувати як такі. За неповними даними знищено понад 150 тисяч будівель. Повністю розграбовано і знищено десятки зерносховищ, прицільно завдаються удари по українських нафтобазах. Таким чином агресор намагається створити дефіцит пального і зірвати посів зернових культур та спричинити черговий голод в Україні. Російська агресія призвела до скорочення робочих місць і доходів людей, зменшення їх купівельної спроможності і обсягів накопичених активів. У 2022 році національна економіка втратила 29,2% реального внутрішнього валового продукту, а 13,5 млн. українців змушені були покинути свої домівки. Багато з них

не мають куди повертатися, оскільки їх будинки повністю зруйновані (7. с. 165; 18).

Масштабною стала нелюдська практика окупантів щодо дітей. Україна офіційно визнала викраденими Росією 4390 дітей, які є сиротами, напівсиротами або позбавленими батьківського піклування та депортацію з тимчасово окупованих територій 16 207 дітей. За рік повномасштабної російської збройної агресії в Україні постраждали більше ніж 1700 дітей. За наявною офіційною інформацією в процесі окупації понад 550 дітей загинуло та понад 1100 дітей отримали поранення різного ступеню тяжкості. Вивезених дітей піддають «перевихованню», частину з них протиправно усиновлено. Через масовані бомбардування та обстріли протягом року збройними силами РФ пошкоджено понад 3100 закладів освіти, а понад 500 з них зруйновано повністю (21; 22).

Потрібно зазначити, що з боку московитів, під час їх територіальних експансій, проводилися спеціальні руйнівні операції геноциду також і у інших державах. Зокрема, криваві акції придушення повсталого польського народу здійснено у 18–19 століттях, червоний терор в Туркменістані, Казахстані, Узбекистані, Киргизстані, Азербайджані, Вірменії. Більш сучасні випадки геноцидних акцій мали місце проти Угорщини, Чехословаччини, Чечні, Грузії.

Під час широкомасштабної війни російська армія вчинила та вчиняє щодо громадян України майже всі злочини, які відносяться до таких трьох груп: злочин агресії, військові злочини, злочини проти миру, безпеки людства та міжнародного правопорядку. В 1974 році Генасамблея ООН ухвалила резолюцію №3314, яка визначила злочин агресії як протиправне, пряме чи опосередковане, застосування збройної сили однією державою проти суверенітету, територіальної цілісності чи політичної незалежності іншої держави. Злочин агресії, який вчинила Російська Федерація щодо України, вже визнаний на рівні ООН. Генасамблея ООН на надзвичайній спеціальній сесії 2 березня 2022 року резолюцію «Агресія проти України». За Римським статутом Міжнародного кримінального суду злочин агресії підпадає під юрисдикцію МКС. Військові злочини – це порушення правил ведення бойових дій та норм і принципів міжнародного гуманітарного права. Згідно Статуту Міжнародного трибуналу до військових злочинів, зокрема, належать: а) вбивство, катування, взяття у рабство чи для інших цілей цивільного населення окупованої території; б) вбивство, катування військовополонених чи осіб, які перебувають у морі; в) вбивство заручників; г) пограбування державної або приватної власності; д) знищення міст чи сіл; е) розорення, не виправдане військовою необхідністю. Злочинами проти миру, безпеки людства та міжнародного правопорядку, згідно Римського статуту Міжнародного кримінального суду є будь-яке діяння, вчинене в межах свідомого широкомасштабного або системного нападу на цивільних осіб, а саме: а) вбивство; б) масове

винищення людей; в) поневолення; г) депортація або насильницьке переміщення населення; д) поміщення у в'язницю або інше жорстоке позбавлення фізичної свободи на порушення основоположних норм міжнародного права; е) тортури; є) зґвалтування, сексуальне рабство, примус до проституції, примусова вагітність, примусова стерилізація або будь-які інші форми сексуального насильства подібної тяжкості; ж) переслідування будь-якої ідентифікованої групи або спільноти за політичними, расовими, національними, етнічними, культурними, релігійними, гендерними, або іншими мотивами, які повсюдно визнані неприпустимими згідно з міжнародним правом; з) насильницьке викрадення людей; и) злочин апартеїду; і) інші нелюдські діяння аналогічного характеру, які полягають в умисному заподіянні сильних страждань або серйозних тілесних ушкоджень, а також такі, що спричиняють негативний вплив на психічне та / або фізичне здоров'я. До цієї групи злочинів належать також геноцид та екоцид. Нагадаю, що ухвалена Генеральною асамблеєю ООН у 1948 році Конвенція про запобігання злочину геноциду та покарання за нього визначає геноцид як дії, які здійснюються із наміром повністю або частково знищити національну, етнічну, расову, релігійну, етнічну групу як таку. При цьому до ознак геноциду Конвенція відносить: вбивство членів групи або заподіяння їм серйозних тілесних ушкоджень; навмисне створення життєвих умов, розрахованих на знищення групи; запобігання дітонародженню та насильницька передача дітей з однієї групи до іншої; публічне підбурювання до вчинення таких дій. Визначальною характеристикою всіх цих злочинів є те, що вони є частиною політики певного уряду, при цьому винні у вчиненні зазначених дій не обов'язково повинні ідентифікувати себе з цією політикою, або широко розповсюджених злодіянь, які замовчуються чи виправдовуються урядом або фактичною владою (23).

Факти геноциду українського народу та докази інших жахливих злочинів московитів документуються органами влади України для передачі їх до Міжнародного кримінального суду. Наразі ці злочини в Україні розслідуються, зокрема, в рамках кримінальних проваджень за фактами порушення законів та звичаїв війни (стаття 438 Кримінального кодексу України).

Викладене вище дозволяє також підтримати запропоноване Н. Я. Рудим визначення «рашизму», як форми недемократичного тоталітарного державно-правового режиму, який був сформований на Російській Федерації та базується на радикальному російському імперському шовінізмі, фашизмі та практиках комуністичного режиму СРСР, проявляється у формі «руського мира», порушеннях принципів міжнародного права, прав та основоположних свобод людини, мілітаризмі та розв'язані агресивних воєн і реалізації політики геноциду Українського народу (9. с. 7).

Відомо, що рашистська злочинна геноцид на агресія ніколи не зупиняється сама. Якщо це зло не зупинити, воно прийде до кожного європейського будинку і постукає в його двері. Виявилось, що агресивні таємні плани рашистські авантюри стимають і проти народів Європи, відверто погрожуючи їм то каральною операцією, то ядерною зброєю. Дуже слушно про це нагадав Професор Клаус Кресс на Міжнародній конференції “Права людини проти геноциду”, організованій берлінським аналітичним центром *Liberale Moderne*. З міжнародно-правової точки зору агресивна війна Росії і її звірства під час цієї війни спрямовані не лише проти України. Це стосується всієї міжнародної спільноти. Це означає, що міжнародні зусилля щодо притягнення до відповідальності мають бути спрямовані в напрямках забезпечення справедливості, правосуддя для України та її народу; підвищення стійкості міжнародного правопорядку, забезпечення міжнародного права та його реалізації, - сказав він.

Висновки.

У статті показана людиноненависницька геноцидна суть **«рашизму»**. Послідовно, в історичній ретроспективі, розкрито етапи його жорстокого терористичного прояву. Весь цивілізований світ одностайно засудив **“рашизм”** як виразно злочинну, тоталітарну та людиноненависницьку форму державно-правового режиму, людиновбивчу ідеологію та її практику застосування для недопущення існування та розвитку такого ганебного явища. Тільки об'єднавши зусилля усього цивілізованого світу проти **«рашизму»**, застосувавши організаційно-правові механізми, можна його зупинити та подолати.

Ми українці висловлювали та висловлюємо щирі співчуття усім постраждалим у кожному куточку України, надаємо їм посильну допомогу. Вічна і світла пам'ять усім воїнам, нашим громадянам-мученикам, діткам, які загинули від рук сповідувачів ідеології «рашизму», які вчинили ганебну геноцидну агресію.

Війна, яку принесли на українську мирну землю агресори, змінила життя українців на «до і після». В наші і без того скрутні часи вона внесла свої неочікувані корективи і у психічне здоров'я людей. Однак, незламний дух українського народу продемонстрував усьому світу, що ніякий **«рашизм»**, його політичні рішення та шантажування не можуть перемогти почуття патріотизму, генетичну силу нашого народу та любов до Батьківщини і свободи, прагнення жити в цивілізованій європейській державі.

Список використаних джерел:

1.Постанова Верховної Ради України “Про Заяву Верховної Ради України “Про використання політичним режимом російської федерації ідеології рашизму, засудження засад і практик рашизму як тоталітарних і людиноненависницьких” від 02.05.2023 №3078 IX // Офіційний вісник України від 25.05.2023. №50.

2. Кащенко А. Оповідання про славне Військо Запорізьке низове. Коротка історія Війська Запорізького з малюнками та планами./ А. Кащенко. – Київ: Веселка. 1992. -271 С.
3. Козицький А. Дослідження голодомору та геноцидні студії. / А. Козицький. – Львів. Апріорі. 2021.- 244 С.
4. Біляшівський Б.Б., Шептицька Т.Л. Биківнянська трагедія в контексті злочинів тоталітарного режиму: Збірник статей./ Б.Б. Біляшівський, Т.Л. Шептицька. – Київ: Український інститут національної пам'яті. 2017. – 340 С.
5. Велика історія України: у 2-х томах. Том 2. – Київ: Глобус 1993. – 400 С.
6. Веселова О.М., Марочко В.І., Мовчан О.М. Голодомори в Україні: 1921-1923, 1932-1933, 1946-1947: Злочини проти народу./ О.М. Веселова, В.І. Марочко, О.М. Мовчан. – Київ-Нью Йорк: М. Коць. 2000. – 274 С.
7. В'ятрович В.. Наша столітня. Короткі нариси про довгу війну./ В. В'ятрович. – Харків. Ранок. 2023. – 256 С.
8. Малик Я., Вол Б., Чуприна В. Історія української державності./ Я. Малик, Б. Вол, В. Чуприна. – Львів: Світ. 1995. – 248 С.
9. Рудий Н.Я. Рашизм як різновид фашистської форми державно-правового режиму / Н.Я. Рудий // Соціально-правові студії. ЛьвДУВС. 2023. Том 6. №2. С.1-10.
10. Галета О. “Розстріляне Відродження”: від історії метафори до метафори історії. Слово і Час: науково-теоретичний журнал. / О. Галета. – К., 2012. – С. 58–65.
11. Кочубей О. 75 річниця злочину радянської влади проти українців. Що таке операція «Захід»[Електронний ресурс].-Режим доступу:<https://suspilne.media/299034-75-ricnica-zlocinu-radanskoi-vladi-proti-ukrainciv-so-take-operacia-zahid>.
12. Субтельний О. Україна. Історія./ О. Субтельний. – Київ: Либідь. 1991.– 510 С.
13. Сушко Р., Левицький М. Хроніка нищення української мови. Від доби Романових до сьогодення./ Р. Сушко, М. Левицький – Київ: МПП Таля. 2012. – 80 С.
14. Павленко С. Загибель Батурина. 2 листопада 1708 р./ С. Павленко. Київ: Києво-Могилянська академія. 2007. – 268 С.
15. Шевченко С. Імперія терору./ С. Шевченко. – Київ: Фенікс. 2021. 368 С.
16. Кульчицький С. Червоний виклик. Історія комунізму в Україні від його народження до загибелі. Книга 2. / С. Кульчицький. – К: Темпора. 2013. – 628 С.
17. Куртуз С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковський А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Чорна книга комунізму. Злочини, терор і репресії./ С. Куртуз, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковський, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен. -Львів: Афіша. 2008. – 712 С.

18. Соловки: Сандормох. Левашово. Биківня. – Київ: Український центр духовної культури. 2001. – 76 С.

19. Яворницький Д.І. Історія Запорізьких козаків. Том 3. / Д.І.Яворницький -Львів: Світ.1992. – 456 С.

20. Жила Г. Економічні та соціальні наслідки війни в Україні, вплив конфлікту на світову економіку. Економіка та суспільство, (47). [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://doi.org/10.32782/2524-0072/2023-47-35>.

21. Росія порушує права вивезених українських дітей – звіт KSE [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://suspilne.media>>Діти.

22. Абрамова Ю. В ООН повідомили, скільки цивільних загинуло в Україні від початку повномасштабної війни[Електронний ресурс]. – Режим доступу:<https://tsn.ua>>Війна.

23. Які злочини скоює Росія в Україні? [Електронний ресурс].-Режимдоступу:<https://uin.gov.ua/informaciyni-materialy/roziysko-ukrayinska-viyna-istorychnyy-kontekst/yaki-zlochyny-skoyuye-rosiya-v-ukrayini>

* * *

Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. 2023.№ 4. С.144-154.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНІ ПРОБЛЕМИ КОНСТИТУЦІОНАЛІЗМУ В КОНТЕКСТІ НАУКОВИХ ПОГЛЯДІВ ПРОФЕСОРА ЮЗЬКОВА Л. П.

Зазвичай конституційна демократія розглядається як обмеження демократії принципами політичної моралі, закріпленими в конституції (верховенство права, людські права, людська гідність). Конституційна демократія є балансувальним актом, за якого основні людські права та верховенство права застосовуються за рахунок демократії, а також відбувається зворотний процес. Це є виправданим, зважаючи на необхідність контролю над небажаними результатами демократії з метою правильного функціонування демократичного процесу. Юрген Габермас назвав чотири особливості конституційної демократії: особлива інтерпретація принципу народного суверенітету; своєю чергою, його прочитання дає принцип всебічного правового захисту осіб, який гарантується незалежною судовою владою; принципи, які вимагають, щоб адміністрація підпадала під дію закону та судового контролю (а також контролю над парламентом); принцип поділу держави і суспільства, який покликаний не допустити перетворення суспільної влади безпосередньо на адміністративну владу, тобто без попереднього проходження через шлюзи формування комунікативної влади (1, с. 97).

Ряд вчених, зокрема, Peter H. Russell, О.Водянніков, Y. Roznai, R. Albert, О.Гришук, відстоюють концепт про те, що звернення до ідеї конституційних цінностей і стрибкоподібний етап переходу кількісних соціально-правових змін у якісні відбувається, як правило, у часи нелегких політичних випробувань, революцій або воєн. У сучасній конституційно-правовій доктрині доведено, що «жодна ліберально-демократична держава не здійснила всеосяжних конституційних змін поза контекстом якоїсь катаклізмичної ситуації, такої як революція, світова війна, розпад імперії, громадянська війна чи загроза неминучого розпаду». Доведено, що «між конституціоналізмом і кризою існує чіткий і нерозривний зв'язок... в переважній більшості країн конституції приймалися, скасовувались чи зазнавали суттєвих змін саме за наявності в суспільстві екстремальних умов». Це підтверджує факт, що за останні 40 років понад 200 конституцій були прийняті в кризових умовах. Яскравим прикладом цього є етап буржуазних революцій, коли було запропоновано основні складові ліберальної концепції прав людини і вона поступово почала ставати частиною правових систем, починаючи від декларацій, поступово переміщуючись до конституційних текстів, наповнюючи закони і практику їх застосування (1, с. 96).

Українська історична суспільна дійсність періоду переходу України від однієї соціально-економічної формації до іншої не є виключенням з дії цієї важливої закономірності. Нагадаю, що за останні більше як 40 років Україна пережила три соціальні революції: Революція Свободи (1991 рік Всеукраїнський Референдум), Помаранчева Революція (2004 – 2005 роки), Революція Гідності (2013 – 2014 роки), які здивували демократичний світ. Перша з них була мирною, а дві інші, на великий жаль, супроводжувалися кривавими наслідками. У 2014 році Російська Федерація віроломно загарбала і частину українського Донбасу. Нині триває війна українського народу проти загарбників. Частину українських територій визволено від окупантів Збройними Силами України. Росія продовжує ракетно-бомбові удари по мирних містах України, повномасштабне вторгнення й окупація міст і сіл України супроводжується масовими звірствами окупантів щодо населення на захоплених територіях.

Тепер повернемося на цьому фоні до теоретико-прикладних проблем реформи конституційного законодавства України та ролі в цьому складному і триваючому процесі доктора юридичних наук, професора, академіка-засновника Національної академії правових наук України Л. П. Юзькова.

Згадаймо його правничо-прикладну діяльність. Зокрема, що він вже у 1990 році керував робочою групою з розроблення проекту «Декларації про державний суверенітет України», був членом Комісії із розроблення нової Конституції Української РСР (з 24 жовтня 1990 року), очолював робочу групу цієї Комісії (з 1 листопада 1990 року). Верховна Рада України

1 липня 1992 року обрала його першим Головою Конституційного суду України. Був членом Конституційної комісії, керівником робочих груп з підготовки проектів Концепції нової Конституції України, двох офіційних проектів Конституції України, Закону України «Про Конституційний Суд України». Був членом Венеційської Комісії Ради Європи «За демократію через право», головою наглядової ради Української правничої фундації.

Авторському перу Леоніда Петровича належить більше 200 наукових праць з проблем конституціоналізму. Він, задовго до початку формування Конституції сучасної Української держави, досліджував та оприлюднював результати, котрі стосувалися сучасних конституційно-правових категорій. До групи цих напрацювань, на думку М.І.Колоса, належать такі: «О правовом государстве и государственном праве» (1989), «Через демократизацию к правовому государству» (1989), «Народовладдью — надійну правову основу: про необхідність принципово нових Конституції СРСР і Конституції УРСР» (1990), «Підкорятися закону — щоб бути вільним: Україна, сходження до суверенітету» (1991), «Жити за власною Конституцією» (1991), «Новій Україні — нову Конституцію» (1992), «Конституція юридична і фактична» (1992), «Основні положення проекту нової Конституції України» (1992), «На сторожі правових засад держави» (1992), «Осуспільнення держави: новий проект Конституції України» (1992), «Юридичні аспекти проекту нової Конституції України» (1992), «Конституційно-правові основи виконавчої влади в Україні» (1993), «Верховенство Конституції і конституційність законів» (1993), «Виконавча влада у механізмі реалізації державної влади» (1992), «Парламентаризм і демократія — поняття синонімічні» (1994). Уже після смерті Л. П. Юзькова вийшла з друку його остання відома його праця «Конституційний процес в Україні: основні віхи і процедура» (1996). Окрім 60 документів, пише далі М.І.Колос, нами віднайдено і передано до архіву Конституційного Суду України 82 наукових праці Л. Юзькова, де з ними можна ознайомитися (2. с. 158).

М.І.Колос підкреслив **людиноцентриський характер наукового доробку** Л. П. Юзькова, який відстоював позицію, що «Конституція України має бути основним законом незалежної суверенної держави, що функціонує в громадянському суспільстві, яке, в свою чергу, є асоціацією вільних незалежних людей; Конституція покликана закріпити пріоритет загальнолюдських цінностей над класовими; в центр організації і функціонування держави Конституція має поставити людину як найвищу соціальну цінність, її свободу, гідність, права, матеріальні і духовні блага...» (2. с. 158-159).

Про його роль як фундатора сучасної теорії і практики конституціоналізму зазначається в спогадах народними депутатами, сучасними науковцями. Зокрема, про його діяльність з теплотою згадує народний депутат другого скликання Ю.О.Буздуган, назвавши його серцем

Конституційної Комісії, унікальним правознавцем-конституціоналістом про якого розповідають легенди (3, с.7).

Як ствердив академік А.О.Селіванов, Леонід Петрович Юзьков був видатним конституціоналістом-новатором, і це виявилось вже під час політичної кризи, коли він очолив підготовку у 1994 році проекту Конституційного Договору. За його ідеєю цей політико-правовий документ став особливим джерелом права, у творенні якого брали участь водночас всі суб'єкти державної влади. Виступаючи з цією ідеєю у грудні 1994 року, вчений визначив власну тему: «Конституційний Договір – шлях до злагоди». Реалізація і підписання Конституційного Договору «Про державну владу і місцеве самоврядування» підтвердило, що договірно-консенсусний шлях в політиці, освячений правом і мудрістю вченого-конституціоналіста, залишається правильним способом досягнення мети – суспільної злагоди. Серед багатьох новелістичних ідей конституційного права, які відрізнялися конструктивним характером і чіткою аргументацією, особливе значення мали його пропозиції щодо введення у конституційну теорію таких нових юридичних понять, як конституційні та органічні закони. Він наголошував, що необхідно нейтралізувати бажання політичних сил і влади часто вносити зміни до Конституції, інакше неможливо зробити Конституцію «реальною, діючим правом, втілюватися в життя саме через конкретні правовідносини». Головна ідея професора Л.П.Юзькова у розробці нової Конституції ще у 1992 році залишається актуальною і сьогодні: народовладдя підпорядковує діяльність держави та її органів інтересам людини, всіх соціальних верств суспільства. Виконуючи почесну і важку інтелектуальну працю над розробкою тексту Конституції України, як керівник робочої групи Л.П.Юзьков передбачив і здійснив два етапи: підготував проект нової Конституції України (в редакції від 1 липня 1992р.), винесений на всенародне обговорення, а потім розробив новий проект (в редакції від 27 травня 1993р.) після всенародного обговорення. Таким чином, сумлінно без політичних мотивацій швидких темпів розробки нової Конституції, уникаючи кон'юнктури привабливості посилення влади державних інститутів, Л.П.Юзьков переслідував мету народної легітимізації і публічний розгляд тексту Конституції, яка створювалася для народу і громадян України, які здобули свободу (4).

Для реалізації прав людини та інших конституційних цінностей, зауважив В.М.Кампо, професор Л.Юзьков вважав за необхідне, щоб Основний Закон був сформований як безпосередньо дієвий правовий акт. Він конкретизував дану доктринальну позицію так: а) Конституція України як юридичний документ повинна охоплювати внутрішньо узгоджену систему правових норм, які з різним ступенем конкретності покликані регулювати основоположні відносини між людиною, суспільством і державою; б) усі конституційні норми (незалежно від ступеня їх конкретності) повинні бути нормами прямої дії, породжувати певні

юридичні наслідки (правовідносини); в) від конституційних норм мають бути похідними усі інші (галузеві) правові норми, а не навпаки, як це тоді часто траплялося через нестабільність правової системи; г) конституційні норми (доки вони не змінені чи не відмінені) повинні діяти і надійно захищатися державою; ці норми можуть юридично заперечуватись (змінюватись чи скасовуватись) за умови дотримання визначених у самій Конституції жорстких процедур (5, с. 22). Фактично доктрина Конституції незалежної України Леоніда Юзькова була направлена на правореалізацію конституційних положень, тобто на їх інноваційне виконання і дотримання всіма органами публічної влади, їх посадовими і службовими особами, а також інститутами громадянського суспільства. Не на формальну їх правореалізацію, як це до сих пір різні органи державної влади розуміють і практикують, а головним чином – на новаторську реалізацію конституційних положень через закладені в них цінності: **захист гідності та прав людини, забезпечення верховенства права і конституційної демократії**. Оскільки прагматична ідея професора Л. П. Юзькова про виконання і дотримання Конституції незалежної України задля забезпечення захисту гідності та прав людини та інших конституційних цінностей до сих пір системно не реалізується, тому як ні одна інша його ідея, вона зберігає актуальність у теоретичному і практичному відношенні. Це підтверджують усі Президенти України у відставці, які наголошують на тому, що органи державної влади мають вчитися виконувати і дотримуватись Основного Закону. Цінність конституційної доктрини професора Л. П. Юзькова полягає не тільки в актуальності його загальних підходів до теорії та практики українського конституціоналізму, але і в питаннях розвитку окремих конституційних інститутів. Саме він відстоював інноваційну конституційну ідею про те, щоб інститут прокуратури був у структурі судової влади, а не над судовою владою (5, с. 27).

М. Ставнійчук, член Європейської комісії «За демократію через право» (Венеційська комісія) у 2009–2013 роках, віце-президент Світового конгресу українських юристів, розпочала свою фундаментальну статтю цитуванням Л. П. Юзькова: «Над Конституцією – лише Бог», над нею не можуть «стояти» не тільки державні (правові) акти, а й будь-які інші соціальні акти: політичні, корпоративні, акти самоврядування тощо. Усі вони повинні відповідати букві й духу Конституції, але й сама Конституція має бути «конституційною» (6, с. 163). Надзвичайно актуальними, зазначила далі вона, залишаються методологічні й змістовні позиції світоча українського конституціоналізму Л. П. Юзькова. Віддаючи Леоніду Петровичу величезну шану, хочеться одразу зауважити, що він був одним із перших вітчизняних науковців, які ще на початку 90-х років минулого сторіччя висловлювали переконання щодо необхідності зв'язаності держави у своїй діяльності правом. Він відстоював погляди щодо верховенства права та

конституції, необхідності забезпечення найвищої юридичної сили та прямої дії Основного Закону, перевірки на конституційність законів та інших нормативно-правових актів. В умовах пострадянської державності, обтяженої авторитарною традицією, ці ідеї мали особливо важливе значення не лише для подальших наукових досліджень, а й для безпосереднього формування конституційних норм, запровадження адміністративної та судової практик, заснованих на повазі до прав людини й основоположних свобод. Л. П. Юзьков сформулював основні риси концепції верховенства права як мірила справедливості, зв'язаності держави правом та недопущення владної сваволі. Вченому свого часу довелося реалізовувати свої ідеї конституціоналізму за дуже непростих суспільно-політичних обставин. На нашу думку, ці ідеї залишаються надактуальними й донині. Академік Л. П. Юзьков був ключовою особою конституційного процесу (6, с. 165–166).

В Україні, особливо після Революції Гідності, констатує В. І. Розвадовський, будується цивілізоване громадянське суспільство. У процесі розбудови нового демократичного суспільства зростає актуальність осмислення її минулого, того важкого й неоднозначного шляху, який вона пройшла протягом своєї історії. Актуальним у вивченні цієї проблеми на сьогодні є феномен видатного українського вченого-правознавця Леоніда Петровича Юзькова, адже Л. П. Юзьков був тією людиною, з якої почалася історія становлення конституційного судочинства, українського державотворення, якому вдалося закласти підґрунтя для формування сучасного українського законодавства. Леонід Петрович прагнув збудувати правову базу для незалежної, демократичної держави та на благо Українського народу, і цьому віддав багато сил, знань і творчого натхнення. Леонід Петрович Юзьков – людина, яка зробила вагомий внесок у розробку концептуальних підходів щодо розбудови України як демократичної, правової держави. Окрім того, його внесок в організації і функціонування держави було закладено людину як найвищу соціальну цінність (7, с. 123, 125).

Чимало інноваційних конституційних ідей професора Л. П. Юзькова, справедливо наголошує В. М. Кампо, ще чекають на своє втілення. Проте цьому заважає насамперед конституційний нігілізм, що корениться як в традиційній культурі українців, так і в практиці державного апарату: він перешкоджає розвитку конституційної культури в суспільстві та державі, викривляє практику діяльності органів державної влади тощо. Для протидії цьому нігілізму потрібна не просто публічна критика, а окрема державна програма конституційної просвіти громадян і державних службовців, добре диференційована й вмотивована. Взагалі, у нас не люблять обговорювати питання про цю просвіту, однак тільки так в Україні може з'явитися модерний громадянин, який навчиться всебічно захищати свою гідність і права, суспільні й національні інтереси та ефективно

протидіяти ідеології «руського міра», тенденційно нав'язуваної російською пропагандистською машиною. Саме такий громадянин може стати справжнім ідеалом для значної частини населення окупованих Росією районів Донбасу та анексованого українського Криму. Поза сумнівом нереалізовані інноваційні конституційні ідеї професора Л. Юзькова зберігають актуальність, і з часом, сподіваємось, будуть реалізовані. Це стосується, зокрема, деяких інститутів прав людини, парламентаризму і президентціалізму, судової та муніципальної системи тощо. Досить проаналізувати проекти Конституції України 1992–1993-х років, підготовлених під його керівництвом, щоб це зрозуміти. Мова йде про інститути конституційних законів, народної законодавчої ініціативи, мирових суддів тощо. Очевидно, що нереалізовані інноваційні конституційні ідеї професора Л. Юзькова можуть стати засобом розв'язання сучасних проблем конституційного розвитку України (5, с. 64). Такий погляд висловив також М. І. Колос, наголосивши, що його інтелектуальний внесок у розвиток сучасного українського конституціоналізму, а тим паче у розвиток науки управління у сфері функціонування органів державної влади та місцевого самоврядування, ще очікує свого вивчення (2, с. 157).

Зазначу також, що я мав честь виконувати впродовж 1989–2002 років функції наукового консультанта Комісії правопорядку та боротьби зі злочинністю Верховної Ради України. Як відомо, всі проекти законодавчих актів обов'язково розглядалися попередньо в Комісіях Верховної ради, деформувалася загальна думка депутатів щодо конкретних норм проекту закону, виявлялися розбіжні погляди, положення, які потребують доопрацювання. Зрозуміло, що до такої роботи залучалися наукові консультанти і я в тому числі. Оскільки ми були давно знайомі з Л. П. Юзьковим як земляки і науковці, то була можливість спілкування, обміну думками щодо важливих питань формулювання проекту Конституції України. Його цікавила думка народних депутатів щодо певних положень цього проекту. З огляду на це, мені відома низка його поглядів щодо конституційно-правового регулювання, які мною загалом підтримуються з врахуванням низки наявних дискусійних розбіжностей. Це спілкування вплинуло певним чином і на мою наукову діяльність.

Перш за все зазначу, що не всі запропоновані Л. П. Юзьковим наукові концепти конституційно-правового регулювання були сприйняті науковою спільнотою та політично заангажованою, непрофесійною Верховною Радою України. Зокрема, щодо Народної Думи при Президентові та Кабінетові Міністрів України, посади Віце-Президента України, сильної президентської держави, про двопалатний склад Верховної ради. Окремі його наукові концепти реалізовані частково. Враховуючи обмеженість регламенту конференції, коротко зупинюся на таких з них: установа влади народу; професійність Верховної Ради і якість Конституції України та законодавства; двопалатний склад Верховної Ради.

Установча влада народу. Система державної влади в сучасній Україні, за формами її вияву, майже нічим не відрізняється від тієї, яка була за часів командно-адміністративної системи в СРСР. Однак, ефективність її функціонування значно погіршилася, зросли корупція і бюрократизм.

В сучасних державах північної частини Європи все частіше використовується референдум як інструмент безпосереднього народовладдя, **інструмент установчої влади народу.** Важливе значення інститут Всеукраїнського референдуму в такій якості матиме також в справі ефективного забезпечення, гармонізації виконання своїх функцій Президентом України, Кабінетом міністрів України, Конституційним судом України.

Відповідно до статті 5 та 38 Конституції України, Всеукраїнський референдум можна наділити законодавчими повноваженнями. Ідеальним є варіант коли статус всеукраїнського референдуму визначити на рівні Конституції України, прийнятої всеукраїнським референдумом.

Влада належить народові. **Вона єдина і неділима.** Якщо зобразити її у вигляді схематичної конструкції, **то** можна умовно говорити про **дерево влади**, яке належить народові. Воно має три функціональні гілки, які невіддільні від дерева та перебувають на ньому на одному рівні, врівноважуючи одна одну і стовбур влади в цілому. На вершині цього умовного дерева органічно нерозривно домінує Конституція. Тому можна говорити про **«нерозривний функціонал влади»**, але не про її розподіл. Якщо відділити ці гілки від дерева влади, то зав'януть гілки влади і зав'яне само дерево влади, **а це шлях до тоталітаризму, до деградації народу, суспільства та держави.**

Сьогодні **правове становище** Верховної Ради України **гіперболізоване**, перебільшене самою Верховною Радою України. Вона домінує над іншими гілками влади. **Розподіл повноважень між ними**, таким чином, розбалансований. Гілки влади **мають бути рівними в джерелі легітимності своїх повноважень**, які вони повинні отримати безпосередньо від носія суверенітету і єдиного джерела влади-народу через Конституційні Закони або через Конституцію України, прийняті на Всеукраїнському референдумі **як найвищому рівні народної легітимності.**

Верховна Рада України не повинна мати права **наділяти саму себе, а особливо інші гілки влади владними повноваженнями**, визначити свій і їхній правовий статус. Нині фактично інші гілки влади **певною мірою залежні від Верховної Ради України.** Вона є ніби домінуючим центром влади, що суперечить засадам поділу влади на законодавчу, виконавчу та судову.

Правовий статус Верховної Ради України, враховуючи наведене вище, слід **оптимізувати до розумних меж**, внаслідок чого вона не зможе приймати закони всупереч Конституційним Законам і Конституції

України, вносити до них зміни. Це значною мірою вплине на забезпечення стабільності конституційних принципів правового регулювання, а отже стабільності системи влади, підвищить її ефективність, а, в кінцевому рахунку, – ефективність реформаційних процесів.

Можливий варіант легітимації установчої влади українського народу, як зазначалося вище, на рівні Конституційних законів, прийнятих всеукраїнським референдумом та наділених **найвищою юридичною силою** в ієрархії законів. Конституція України в цьому варіанті може прийматися Верховною Радою і має їм відповідати. З врахуванням необхідності **логічно-послідовного підходу до прийняття Конституційних законів, до числа першочергових** можна віднести такі з них: 1) «Про Всеукраїнський референдум в Україні»; 2) «Про владу в Україні»; 3) «Про Президента України»; 4) «Про Народні Збори України»; 5) «Про Верховну Раду України»; 6) «Про Кодифікаційну комісію України»; 7) «Про Кабінет Міністрів України»; 8) «Про суд і судівництво в Україні»; 9) «Про органи охорони правопорядку в Україні»; 10) «Про оборону України»; 11) «Про місцеве самоврядування в Україні»; 12) «Про вибори в Україні»; 13) «Про правотворчість в Україні». Зміни та доповнення до Конституційних Законів, зрозуміло, можливо буде вносити лише через Всеукраїнський референдум. Верховна Рада (в можливій перспективі – двопалатний парламент), таким чином, не матиме такого права, що сприятиме відносній стабільності Конституційних Законів.

Власне, через Конституційні закони, народ, як носій суверенітету і єдине джерело влади, може визначати, *легітимувати* принципи організації того чи іншого органу, наділити його відповідною компетенцією, повноваженнями, визначати процедурні питання певного виду діяльності, які ніхто, крім нього, не може змінити, що значно підвищуватиме стабільність суспільних процесів загалом та правового регулювання зокрема, а отже і стабільності та ефективності системи влади, стабільності політичної ситуації в державі в цілому.

Повторюю, що найбільш вигідним є варіант прийняття Конституції України **на Всеукраїнському референдумі**, що забезпечить **найбільш можливо високу її юридичну силу**. В цьому випадку вочевидь немає необхідності у вирішенні зазначених проблем на рівні Конституційних Законів.

Обов'язковою при будь якому варіанті прийняття Конституції України, як і Конституційних законів є попередня наукова **експертиза проекту** Конституції України Національною академією правових наук України.

Скептики твердять, що народ ніби то нездатний приймати закони, йому важко розібратися в складних хитросплетіннях механізму правового регулювання, але теж саме можна сказати і про Верховну Раду України (в можливій перспективі – двопалатний парламент), де

майже немає кваліфікованих депутатів-юристів. Друге, а чи потрібно в Конституційних Законах виписувати дрібні та найдрібніші деталі правового регулювання? Очевидно, що ні. В них мають міститися зрозумілі для всіх **принципи регулювання** тих чи інших суспільних відносин. Третє, а чи дійсно народ перебуває в такому стані? Його інтелектуальний державницький потенціал, як свідчить, зокрема, Всеукраїнський референдум 1 грудня 1991 року, достатньо високий.

Істотною перешкодою на шляху приведення її до сучасних вимог, завдань і функцій української держави – є **заколотворчий монізм (монополізм)**, здійснюваний через Верховну Раду. Законодавча влада не обов'язково має реалізовуватися **лише виключно** засобами виключно одного державного органу. Видається можливою **реструктуризація (демонополізація) законодавчої влади** та перехід до **законодавчого плюралізму** створення надійного **механізму законодавчих рівноваг**, що послужить подальшій реалізації конституційних принципів народо-владдя, стане додатковою гарантією стабільності законодавчої діяльності, а отже і влади та суспільства. У цьому контексті, як думається, є можливим бачення **трьох суб'єктів** законотворчості: а) Всеукраїнський референдум; б) Верховна Рада. в) Президент України.

Окремо слід зупинитися на повноваженнях в цьому контексті Президента України.. За Президентом України необхідно залишити право внесення до Верховної Ради України проектів Законів України, які повинні бути розглянуті у першочерговому порядку **впродовж одного місяця**.

Президента України потрібно, в умовах можливої парламентської кризи, інших надзвичайних ситуаціях, наділити правом видання Указів, які регулюватимуть певну сферу суспільних відносин, за винятком питань регулювання яких віднесено до компетенції Всеукраїнського референдуму. Дані Укази Президента України мають діяти до того часу, доки Верховна Рада України прийме Закон з цього питання і коли він набуде чинності. Це забезпечить безперервність законодавчого процесу, оперативність реагування законодавчої влади на незрілі інтереси і потреби суспільного розвитку, а отже і ефективність реформаційних процесів. Суспільні процеси, в ситуаціях можливої парламентської кризи чи надзвичайних ситуаціях мають розвиватися в оптимально якісному правовому полі.

Таким чином, у випадку запровадження наведених вище принципів, Президент України, як глава держави, матиме реальні можливості для забезпечення, зі свого боку, безперервності і ефективності законотворчого процесу з метою оперативного правового реагування на виклики прогресивного розвитку держави і суспільства

Кожен з названих вище трьох суб'єктів законотворчості, сумарно уособлюючи законодавчу владу, зможе певним чином урівноважувати іншого

виконуючи свої повноваження. Очевидно, що в цьому випадку можна говорити не про президентську, парламентську, президентсько-парламентську, парламентсько-президентську республіку, а про **народну республіку**. І головне – виключиться можливість, коли суспільство може стати заручником парламентської кризи.

Професійність Верховної Ради. Є потреба розглянути питання про **професійність** як найбільш притаманну рису законотворця – народного депутата. Очевидним став факт, що професійність полягає не в тому щоб на постійній основі бути присутнім у Верховній Раді, а в особистій добросовісності та здатності розробляти та приймати якісні закони, що **не є можливим, зокрема, без належної юридичної освіти**. Отже, при максимальному варіанті вирішення проблеми, в Конституції України і в законодавстві про вибори доцільно встановити, нарівні з іншими цензами, ценз, вимогу про наявність у кандидата у народні депутати юридичної освіти, а також передбачити, за прикладом США, низку цензів, здатних перешкодити обрання до Верховної Ради осіб, які за своїми особистими інтелектуальними властивостями не здатні до законотворчої роботи.

Можливий і інший варіант. За умови запровадження двопалатної Верховної Ради, передбачити гармонійне **поєднання принципів професійності та представництва** від суб'єктів адміністративно-територіального устрою. Для кандидатів у депутати до верхньої палати – обов'язкова вимога наявності юридичної освіти, а до нижньої палати – ні, але забезпечити окремий спеціальний цензовий підхід виборів до обох палат.

Наболілими на сьогоднішній день є проблеми, що виникли внаслідок запровадження пропорційної виборчої системи. Виявилось, що вона не сприяє забезпеченню належного рівня професійності Верховної Ради. Назріла необхідність **розглянути питання про відхід від системи виборів** депутатів «у авоськах» (оптом – у господарських паке-тах) – **за партійними списками** чи то відкритими, чи то закритими. Запропонована система партійних виборів **скомпрометувала себе** через корупцію, кумівство, сватівство, продажем місць у Верховній Раді (за місце у списку) підкупом виборців та іншими ганебними вчинками. Як показала практика, партії включали до своїх списків не завжди тих, хто складає інтелектуальний потенціал України і може забезпечити високу якість законодавства. Виявилось, що, попри демагогічні запевнення про політичну відповідальність партій, **вони реально ні за що не відповідають**.

Крім того, на разі в Україні відсутні партії парламентського типу. Наявні українські партії, як правило, є **«кишеньковими» – належать відповідним олігархічним кланам**. Вони складають десь 4–5% від чисельності українського населення (нерідко їх чисельність – «дута»), фактично узурпують владу, що є грубим порушенням засад

демократії. **Вихід з ситуації** – партії мають висувати своїх кандидатів у виборчих(мажоритарних) округах, на рівні з іншими суб'єктами виборчого процесу, і власне там доводити переваги, якості свого кандидата. Думається, що це треба врахувати у законодавстві про вибори;

Дуже давно в доктрині права дискутується питання про необхідність розроблення та прийняття спеціального закону, який би регулював питання законодавчої діяльності, забезпечував високу якість законопроектних робіт. Зокрема, пропонувалося назвати його “Законом про правотворчість”, “Законом про нормативні акти”.

Якість конституційно правового регулювання, законодавства в цілому, прямо залежить від низки детермінантів: а) якості законодавчого органу; б) наявності чіткого врегулювання законодавчого процесу на рівні спеціального закону.

Як вже зазначалося мною, від якості законодавчого органу, сприйняття депутатами принципів права залежить якість ухвалених ними законів.. Це проблема значного рівня, бо нинішні законодавці, як правило, не мають юридичної професійної правосвідомості загалом і правової свідомості зокрема за браком належної юридичної освіти та правозастосовної практики. Оскільки є проблема сприйняття такими законодавцями цих принципів, то логічно є проблемним і їх відтворення в «матерію» законодавства. Особливо це видно у тих випадках, коли прийнятий закон не чітко сформульований, неясний, містить неоднозначні поняття, суперечності. Ситуація ускладнена відсутністю обов'язкової наукової експертизи законопроектів. Все це разом, як думається, не дозволяє належним чином забезпечити дотримання наукових засад законодавчої техніки, реалізацію в законодавстві кожного з принципів права на науковому рівні, забезпечивши при цьому неодмінно їх гармонійне поєднання.

На сьогоднішній день склалася парадоксальна ситуація при якій в державі відсутній єдиний орган який би готував проекти законів відповідав за їх якість. Ці проекти готують всі – «кому не лінь». Найчастіше ця ноша падає на Кабінет Міністрів чи підпорядковані йому Міністерства, що не є їх функціональним завданням. Та й фахівців з юридичною освітою найвищого наукового рівня там немає. Крім того, наслідком такої ситуації є так званий «**відомчий**» підхід, коли відомство намагається нав'язати своє, нерідко спонтанне, необґрунтоване, суб'єктивне, суперечливе бачення, правового врегулювання суспільних відносин і нерідко не на користь громадян.

Часто, окрилені «**голим ентузіазмом**», функцію підготовки законопроектів виконують народні депутати, котрі, як правило, або взагалі не мають юридичної освіти, або якщо окремі з них і мають цю освіту, то не найвищого наукового рівня. В народі вірно кажуть, що на «голому ентузіазмі» без належного інтелекту не поїдеш, а якщо поїдеш, то не далеко. Тому й не випадково «**маємо те, що маємо**»: часто низької якості,

суперечливе, неефективне, заполітизоване, нерідко прийняте в інтересах економіко-політичних планів законодавство, яке іноді викликає відомі соціальні конфлікти, гальмує соціальний розвиток.

Отже, потрібний спеціальний державний законопроектний орган. На мою думку, з врахуванням українського та зарубіжного досвіду, ним може стати **Кодифікаційна Комісія України**, яка буде розробляти зрозумілі і якісні закони, що, без сумніву, сприятиме усуненню суперечностей та пробілів в правовому регулюванні.

Виходячи з наведеного вище, можна запропонувати для наукової дискусії наступні **найважливіші концептуальні підходи до розуміння правового статусу і ролі Кодифікаційної Комісії України**.

1) Кодифікаційна Комісія України – **єдиний державний орган**, який наділений повноваженнями щодо **розроблення законопроектів** для їх розгляду на Всеукраїнському референдумі чи у Верховній Раді України (в можливій перспективі – у двопалатному парламенті).

2) Кодифікаційна Комісія України **утворюється** Президентом України (**варіант:** Верховною Радою України (в можливій перспективі – двопалатний парламент)) за поданням Національної академії правових наук України;

3) Кодифікаційна Комісія України утворюється **у складі 40-50 державних кодифікаторів**.

4) **Державним кодифікатором** може бути особа не молодша 40 років, яка є: громадянином України не менше 20 років, вільно володіє державною мовою, не притягалася до кримінальної відповідальності за вчинення умисного злочину, має позитивну моральну поведінку, має науковий ступінь доктора юридичних наук та наукове звання професора;

Державний кодифікатор не наділяється правовим статусом державного службовця. Він є службовою особою.

5) **Рівень** соціально-побутового забезпечення державних кодифікаторів та гарантії їх діяльності мають бути не нижче рівня народних депутатів;

6) Кодифікаційна Комісія України **діє на підставі** Закону України «Про Кодифікаційну Комісію України» який приймається на Всеукраїнському референдумі. Це надійно убезпечить її від можливого деструктивного впливу з боку Верховної Ради України.

7) Кодифікаційна Комісія України повинна **здійснювати свою роботу** відповідно до перспективного «Плану кодифікації законодавства України», який складається на 5–10 років і затверджується Президентом України (**варіант** – Верховною Радою України) за поданням Національної академії правових наук України.

8) Правом ініціювання перед **Кодифікаційною Комісією України** питання про розроблення відповідних **змін до чинного законодавства** повинні мати: Президент України, Верховна Рада України,

Кабінет Міністрів України, Уповноважений Верховної Ради України з прав людини, Конституційний Суд України, Верховний Суд України, Антикорупційне Бюро України, Національна академія правових наук України.

9) Розроблений Кодифікаційною Комісією України проект Закону, **разом з висновком** Національної академії правових наук України, має подаватися Президентові України, Голові Верховної Ради, які, в межах своєї когерентності, **вирішують питання про його винесення** на Всеукраїнський референдум чи внесення на розгляд Верховної Ради України

Президент України, Голова Верховної Ради мають **право повернути проект** Закону на доопрацювання зі своїми зауваженнями до Кодифікаційної Комісії України.

10) Депутати Верховної Ради України розглядаючи внесений проект закону, **пропонують** свої зміни до нього. Такі пропозиції змін у концентрованому вигляді направляються Головою Верховної Ради України до Кодифікаційної Комісії України для їх розгляду по суті.

У випадку відмови Кодифікаційною Комісією України щодо врахування відповідної пропозиції щодо зміни законопроекту, вона **не може бути** внесена повторно на її розгляд.

11) Рішення Кодифікаційної Комісії України **не можуть** бути оскаржені в судовому порядку.

12) Кодифікаційна Комісія України **не проводить** офіційного розгляду скарг звернень та подань тощо.

Окремо зупинюся на одній із проблемі формування правової держави на основі Конституції. Конституційний лад, ствердив Л. П. Юзьков у своїй науковій праці «Конституція юридична і фактична», можна розглядати як фактичну конституцію держави, тобто ті реальні суспільні відносини, які складаються на ґрунті юридичної конституції або, навпаки, виникають і функціонують наперекір їй. Він (цей лад), з одного боку, є похідним від юридичної конституції, виступає (звичайно, в ідеалі) як її втілення в життя. З іншого боку, конституційний лад як реальні і основоположні суспільні відносини сам впливає на зміст нормативно-правового вираження і забезпеченість або незабезпеченість юридичної конституції. Іншими словами, конституційний лад (фактична конституція) і юридична конституція, що складають конституційну систему, в кожній конкретній державі взаємопов'язані і взаємообумовлені, маючи більшу чи меншу розбіжність за змістом. У крайніх випадках вони існують ізольовано, самі по собі. Якщо вони прямо взаємообумовлені (по суті, збігаються), то конституційна система є реальною. Вона забезпечує постійний розвиток та вдосконалення і конституційного ладу, і юридичної конституції. Якщо ж конституційний лад (фактична реальна конституція) і юридична конституція, не збігаючись, існують самі по собі, то конституційна система держави є фіктивною,

не реальною. В цьому разі остання не виконує свою функціональну роль, працює на деформацію не тільки держави, але й суспільства, призводячи до їх занепаду, регресу. За таких умов юридична конституція і реальний конституційний лад надмірно політизуються. Виникає атмосфера, у якій слова політиків різко розходяться з практикою, а конституціоналізм як наука ввергається у занепад (4, с. 18-19).

Прикро зазначати, але сучасна українська правнича дійсність не відповідає повною мірою цьому науковому концептові. На жаль, іноді приймаються закони, інші нормативні акти, які суперечать Конституції. Свідченням цього слугують чисельні випадки визнання Конституційним Судом України неконституційними окремих правових норм законів. Мало того, є випадки коли правові позиції Конституційного Суду не враховуються в законодавчій та правозастосовній діяльності. Мають місце непоодинокі випадки невиконання рішень Європейського Суду з прав людини. Все це свідчить про наявність в нашій українській правовій дійсності елементів правового нігілізму, що є недопустимим в правовій державі, що може сформувати тенденцію волюнтаризму в праві з усіма негативними наслідками для верховенства права. Конституційні реформи, як справедливо наголосив В.М. Кампо, мають супроводжуватися конституційною просвітою громадян, а також системним виконанням і додержанням Конституції України кожним чиновником на своєму державному чи громадському місці. Поки цього не буде, конституційні реформи нагадуватимуть декоративні вітряки, які крутяться, але нічого не мелють (8).

Конституційний Суд України в своєму рішенні від 02.11.2004 року визначив, що “Верховенство права – це панування права в суспільстві. Верховенство права вимагає від держави його втілення в правотворчу та правозастосовну діяльність, зокрема у закони, які за своїм змістом мають бути проникнуті ідеями соціальної справедливості, свободи, рівності тощо. Одним з проявів верховенства права є те, що право не обмежується лише законодавством як однією з його форм, а й включає й інші соціальні регулятори, зокрема норми моралі, традиції, звичаї, принципи права, які зумовлені історично досягнутим культурним рівнем суспільства. Всі ці елементи права об’єднуються якістю, що відповідає значною мірою ідеології справедливості, ідеї права, Яка значною мірою дістала своє відображення в Конституції України.

Таке розуміння права не дає підстав для його ототожнення із законом, який іноді може бути й несправедливим, у тому числі обмежувати свободу та рівність особи. Справедливість – одна з основних засад права, є вирішальною у визначенні його як регулятора суспільних відносин, одним із загальнолюдських вимірів права. Зазвичай справедливість розглядають як властивість права, виражену, зокрема, в рівному юридичному масштабі поведінки й у пропорційності юридичної відповідальності вчиненому правопорушенню”(9).

Очевидною є необхідність пам'ятати, що відповідно до Статті 1512. Конституції України, Рішення та висновки, ухвалені Конституційним Судом України, є обов'язковими, остаточними і не можуть бути оскаржені.

Ще одна деталь. Очевидним є факт незахищеності Конституції України спеціальним механізмом правової відповідальності за невиконання, порушення встановлених нею вольових приписів народу, що заслуговує на окрему наукову дискусію.

Автор цих рядків не претендує на абсолютну істину в контексті цих тез-думок, які є лише запрошенням до наукової дискусії. Вони відображають теоретично-можливі, на думку автора, підходи до розв'язання окремих назрілих державотворчих проблем. Можливість чи неможливість, доцільність чи недоцільність їх реалізації залежить від конкретних життєвих ситуацій – низки реальних факторів об'єктивного і суб'єктивного характеру. Їх продуктивність, таким чином, може бути перевірена соціальною практикою яка, як відомо, є критерієм істини. Правда, окремі історичні персонажі стверджували, що коли теорія не знаходить підтвердження, реалізації на практиці, то тим гірше для практики. Так було, але чи буде так надалі???

Використана література:

1. Оксана Гришук. Конституційні цінності та принципи в рішеннях Конституційного Суду України: особливості в умовах воєнного стану та загроз національній безпеці// Вісник Конституційного Суду України.2022.№5-6.

2. Михайло Колос. Український конституціоналізм: матеріалізація ідей Л.Юзькова. Вісник Конституційного Суду України. 2018. №1.

3.Юрій Буздуган. Історичний контекст прийняття Конституції України// Конституційний процес в Україні: політико-правові аспекти.№7(87).2021.С.7.

4.Анатолій Селіванов. Справа усього життя професора Леоніда Юзькова // Голос України, 23 січня 2013 року.

5. Проблеми сучасного українського конституціоналізму: Збірка наукових праць. На пошану першого Голови Конституційного Суду України професора Леоніда Юзькова. К., 2008.

6.Володимир Кампо. Доктрина Конституції незалежної України проф.Л.П.Юзькова: минуле і сучасне // Світогляд.2020,№5 // <https://w.w.w.mao.kiev.ua>.

7.М.Ставнічук. Конституційна доктрина Л.Юзькова. Вісник Конституційного Суду України. 2018. №1.

8.В.І.Розвадовський. Роль Л.П.Юзькова у становленні української держави як конституційної цінності// Конституційні цінності: правова природа та практика реалізації : збірник тез Міжнародної науково-практичної конференції «Конституційні цінності: правова природа та практика реалізації» (м. Хмельницький, 17 травня 2019 року). [у 2-х

част.]. – Частина 2. Хмельницький : Хмельницький університет управління та права імені Леоніда Юзькова, 2019.

8. Конституційна скарга громадян – це мініреволюція в конституційній юстиції. Юридична газета online, №48 (702) – jur-gazeta.com

9. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) положень статті 69 Кримінального кодексу України (справа про призначення судом більш м'якого покарання) від 2 листопада 2004 року № 15-рп/2004

* * *

Правові засади організації та здійснення публічної влади / / Збірник тез VI Міжнародн. науково-практ. конференції, присвяченої 85-річчю Л. П. Юзькова (м. Хмельницький, 31 березня 2023 року). ХУУП. 2023р. С. 127–138. (Електронне видання).

МАЛОЗНАЧНІСТЬ ПРИ ВЧИНЕННІ АДМІНІСТРАТИВНИХ ПРАВОПОРУШЕНЬ, ПЕРЕДБАЧЕНИХ ст. 130 КОДЕКСУ УКРАЇНИ ПРО АДМІНІСТРАТИВНІ ПРАВОПОРУШЕННЯ*

Малозначність при вчиненні адміністративних правопорушень, передбачених ст. 130 Кодексу України про адміністративні правопорушення

Проаналізовано судову практику звільнення правопорушників у зв'язку з малозначністю від адміністративної відповідальності, передбаченої ст. 130 Кодексу України про адміністративні правопорушення (КУпАП). Розкрито проблеми тлумачення оцінного поняття «малозначність» як підстави для звільнення від адміністративної відповідальності за ст. 130 КУпАП. Розглянуто найбільш поширені на практиці випадки віднесення керування транспортним засобом у стані сп'яніння до малозначних адміністративних правопорушень. Зокрема, «низький рівень етанолу в крові», «наявність пом'якшуючих обставин», «позитивна поведінка особи після вчинення правопорушення», «настання стану сп'яніння внаслідок вживання лікарських засобів», «не вилучення працівниками поліції транспортного засобу». Проведено розмежування протиправної поведінки особи, яка містить всі ознаки адміністративного правопорушення, адміністративних правопорушень з формальним складом, обставин, що пом'якшують відповідальність, та малозначного адміністративного правопорушення. Зазначено, що для констатації малозначності правопорушення не повинні братися до уваги поведінка

*Співавтор – Рибалко В. О.

особи після вчиненого правопорушення та обставини, що пом'якшують відповідальність за адміністративне правопорушення. Встановлено, що щире каяття винного, вчинення правопорушення особою вперше або особою, яка раніше не притягалась до адміністративної відповідальності, тяжкий матеріальний стан правопорушника, відшкодування заподіяної шкоди та наявність утриманців, як і 10 років тому, продовжують залишатися найпоширенішими підставами для звільнення правопорушників від адміністративної відповідальності через малозначність. Позитивно оцінено збільшення до одного року терміну накладення адміністративного стягнення за вчинення правопорушення, передбаченого ст. 130 КУпАП.

Порушення правил дорожнього руху щорічно призводить до людських жертв і значних матеріальних збитків. Як свідчать статистичні дані Патрульної поліції України, лише за перші п'ять місяців 2021 року кількість ДТП із причини керування транспортним засобом у стані сп'яніння становить 1894. Травмовано 378 осіб, загинуло 28 осіб [1].

Як на практиці, так і у науковій юридичній літературі, неодноразово порушено питання про можливість звільнення водія за керування транспортним засобом у стані сп'яніння, зважаючи на малозначність [2]. Це питання є також складовою проблематики розмежування адміністративного правопорушення та малозначного проступку.

Рішення про звільнення від адміністративної відповідальності за малозначністю не є простим, адже діяння охоплює всі елементи складу адміністративного правопорушення та є адміністративно караним [3, с. 97]. КУпАП не наводить ознак малозначного адміністративного правопорушення, не дає його чіткого визначення та критеріїв для тлумачення, що зумовлює його неправильне трактування і призводить до помилкового звільнення правопорушника від відповідальності. Зважаючи на те, що відсутні роз'яснення Верховного Суду щодо застосування оцінного поняття «малозначність», це лише сприяє його довільному багатоманітному трактуванню на практиці.

Ст. 22 КУпАП визначає, що у разі малозначності вчиненого адміністративного правопорушення орган (посадова особа), уповноважений вирішувати справу, може звільнити порушника від адміністративної відповідальності й обмежитись усним зауваженням.

Оцінке поняття «малозначність» не знайшло свого однакового розуміння ні в науковій літературі, ні на практиці. На думку одних учених, малозначні правопорушення – це такі діяння, які не зумовлюють великої суспільної шкідливості, у вчиненні яких правопорушник щиро розкався, діяння, що не заподіяли або не здатні були заподіяти значної шкоди охоронюваним законом цінностям [4, с. 69], а також якщо заподіяна адміністративним правопорушенням матеріальна шкода є незначною та була добровільно відшкодована [5, с. 34].

На думку С.О.Резніка, малозначними адміністративними правопорушеннями є діяння, санкції яких перевищують розмір заподіяної шкоди або передбачають такі види стягнень, як попередження та штраф до 3 н.м.д.г. Учений стверджує, що до малозначних також слід віднести діяння, спосіб вчинення якого не призвів і не міг призвести до заподіяння значної шкоди або якщо розмір доходів, одержаних протиправним шляхом, є незначним. Науковець до ознак малозначного адміністративного правопорушення відносить діяння, які вчинені з необережності, що наявні обставини, котрі пом'якшують адміністративну відповідальність, або правопорушення вчинено вперше [6, с. 15-16].

Протилежної позиції дотримуються В. М. Панькевич та Т. І. Сухоребра. Вони наполягають на тому, що щире каяття, добровільне відшкодування заподіяної шкоди та інші обставини, що пом'якшують відповідальність за адміністративне правопорушення, не є ознаками малозначного адміністративного правопорушення. На їхню думку, ці обставини повинні враховувати при призначенні покарання, але не звільняють від нього [7, с. 238]. Науковці також стверджують, що більшість адміністративних проступків сконструйовані з формальним складом та не заподіюють значної шкоди. Тому вони погоджуються з позицією С.В.Веремієнко та Л.В.Шестак про те, що є хибною позиція про віднесення всіх адміністративних правопорушень із формальним складом до малозначних [3, с. 97; 7, с. 238].

Головне науково експертне управління Апарату Верховної Ради України дає визначення малозначності як формальної категорії, відповідно до якої шкода, заподіяна суспільним інтересам, є настільки малою, що діяння хоча й має формальні ознаки правопорушення, але не може бути назване суспільно шкідливим і не потребує застосування адміністративного стягнення (висновок від 11 лютого 2020 р. на проєкт Закону №1231-ІХ «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення відповідальності за окремі правопорушення у сфері безпеки дорожнього руху») [8].

Розглянемо найбільш поширені на практиці випадки віднесення керування транспортним засобом у стані сп'яніння до малозначних кримінальних правопорушень.

Першим таким прикладом є **«низький рівень етанолу в крові»**. До малозначних, на думку деяких правозастосувачів, можна віднести такі, в яких вміст етанолу в крові водія є порівняно незначним. Наприклад, 0,24, 0,34 чи 0,47 проміле (справи №285/94/18 [9], 285/3490/18 [9], 285/908/19 [11]). Інколи суди доходять висновків, що у зв'язку з тим, що водій випив лише 100 г горілки (справи № 446/214/20, 446/979/20) [12] або вживав лише пиво і слабоалкогольні напої (справа № 446/893/20) [13], то це могло призвести до незначного алкогольного сп'яніння, а тому свідчить про малозначність вчиненого. Однак такий підхід не можна вважати правильним.

Чинне законодавство чітко визначило мінімальну межу, якій має дорівнювати вміст алкоголю, наявного у крові водія. Як визначено п. 7 розд. II Інструкції про порядок виявлення у водіїв транспортних засобів ознак алкогольного, наркотичного чи іншого сп'яніння або перебування під впливом лікарських препаратів, що знижують увагу та швидкість реакції, допустима наявність алкоголю у крові людини, яка керує транспортним засобом, – 0,2 проміле [14]. На відміну від законодавства Федеративної Республіки Німеччини, Французької Республіки, Республіки Польща, Естонської Республіки, український законодавець не диференціює відповідальність за керування у стані сп'яніння залежно від рівня алкоголю в крові. Наприклад, польське законодавство виділяє два рівні вмісту алкоголю в крові, за які водій може бути покараний:

1) стан після вживання алкоголю – рівень алкоголю в крові від 0,2 до 0,5 проміле;

2) нетверезий стан – рівень алкоголю в крові понад 0,5 проміле. Тому стан сп'яніння та відповідно наявність складу адміністративного правопорушення за чинним в Україні законодавством потрібно констатувати навіть у тому випадку, якщо вміст етанолу в крові водія є вищим від допустимої норми хоча б на 0,01 проміле. Якщо ж рівень етанолу в крові становить 0,2 і менше проміле, потрібно констатувати, що у діях водія відсутні ознаки складу адміністративного правопорушення, а не стверджувати про малозначність діяння.

Другою обставиною, що слугує підставою для висновку про малозначність правопорушення, є **«відсутність тяжких наслідків»**. Варто зазначити, що малозначність діяння та відсутність шкідливих наслідків – це ознаки, які нерозривно пов'язані між собою. Водночас не потрібно отождествлювати адміністративні правопорушення з формальним складом та малозначні правопорушення. У першому випадку факт вчинення адміністративного правопорушення містить в собі склад закінченого проступку, незалежно від того, чи наявні наслідки. Адміністративне правопорушення, визначене ст. 130 КУпАП, є з формальним складом. Воно має дуже високу суспільну шкідливість, тому малозначним його не можна вважати, незважаючи на те, призвело чи ні керування транспортним засобом у стані сп'яніння до дорожньо-транспортних пригод, людських травм чи матеріальних збитків. Такі наслідки не можна розглядати обов'язковою ознакою складу адміністративного правопорушення, визначеного ст. 130 КУпАП, а за їх настання дії правопорушника додатково підлягають кваліфікації, передбаченій іншими статтями Особливої частини КУпАП. У випадку настання кримінально-караних наслідків дії особи слід визначати, з огляду на певні частини ст. 286 КК України, а стан сп'яніння виступатиме як обтяжуюча обставина (постанови Великої Палати Верховного Суду від 21 серпня 2019 р. у справі № 682/956/17 [15]).

Третьою і достатньо поширеною підставою для висновку про малозначність правопорушення у практиці судів є **«наявність пом'якшуючих обставин»** (щиросердечне розкаяння винного, скоєння адміністративного правопорушення уперше, наявність проблем зі здоров'ям, заслуги перед державою, наявність позитивної характеристики, з огляду на молодий вік правопорушника, перебування на утриманні винного неповнолітніх дітей, проживання у скрутному матеріальному становищі тощо). Зокрема, у судових справах зазначається, що правопорушник «є єдиним повнолітнім членом багатодітної родини», «має на утриманні малолітніх дітей», «сирота з дитинства, батьки відносно нього позбавлені батьківського піклування, фактично перебуває на утриманні бабусі», «є студентом денної форми навчання, навчається на платній формі навчання», «має на утриманні малолітню дитину та студента, який навчається на платній формі навчання», «є непрацездатною особою (пенсіонер) та отримує мінімальний розмір пенсії», «за станом здоров'я потребує постійного медичного лікування», «на утриманні має батьків пенсіонерів, батько інвалід I групи», «має на утриманні трьох малолітніх дітей, а також жінку, яка є інвалідом III групи», «є інвалідом II групи», «має на утриманні малолітню дитину, яку виховує сама, отримує пенсію по втраті годувальника у зв'язку зі смертю чоловіка» (справи про адміністративні правопорушення № 285/94/18 [16], 285/287/18 [17], 285/487/18 [18], 133/899/18 [19], 285/3218/18 [20], 285/3490/18 [21], 285/3056/18 [22], 278/2610/18 [23], 285/4370/18 [24], 285/4250/18 [25], 285/908/19 [26], 285/600/19 [27], 285/903/19 [28], 285/1477/19 [29], 285/2759/19 [30], 285/3311/19 [31], 285/2816/19 [32], 285/1077/20 [33], 285/1360/20 [34], 285/1737/20 [35]).

Усі вищезазначені обставини, незважаючи на їхню безсумнівну важливість, не перетворюють адміністративне правопорушення у малозначиме. Вони можуть бути причинами, що можуть пом'якшити несення відповідальності за адміністративне правопорушення, однак не звільняють від нього.

Верховний Суд у постанові від 17 грудня 2015р. у кримінальній справі № 5-152кс15 (рішення про помилковий висновок суду щодо малозначності діяння на прикладі закінченого замаху на крадіжку) дійшов висновку про те, що сам по собі посткримінальну поведінку особи можна розглядати лише як правову підставу для пом'якшення покарання, але не можна розглядати як підставу для виявлення наявності або відсутності малозначності діяння. Аналогічний висновок є актуальним і для адміністративного права. Позитивна поведінка водія після вчинення адміністративного правопорушення і наявність обставини, що пом'якшують відповідальність, не є тими ознаками, на підставі яких можна стверджувати про малозначність адміністративного правопорушення [36].

У дисциплінарній практиці Вищої ради правосуддя є випадки, коли суддя обґрунтовує свою позицію про віднесення правопорушення,

визначеного ст.130 КУпАП, до малозначного **«позитивною поведінкою особи після його вчинення»**. Стверджує, що особа виправилася, зробила для себе відповідні висновки і більше не притягувалася до відповідальності за керування в стані сп'яніння.

Варто зазначити, що ухвалення суддею рішення про звільнення від відповідальності водія, який керував транспортним засобом у стані сп'яніння, дійсно може призвести до глибокого переосмислення ним свого вчинку та усвідомлення своєї помилки, однак він може зробити і повністю протилежний висновок про допустимість і безкарність таких дій. Суд не може передбачити майбутню поведінку особи. Зважаючи на це, обіцянки правопорушника виправитися і більше не вчиняти аналогічні правопорушення не повинні братися до уваги у процесі вирішення питання про можливість віднесення правопорушення до малозначних.

Ще однією підставою для звільнення водія від керування транспортним засобом у стані сп'яніння у зв'язку з малозначністю, яка трапляється в судовій практиці, є **«настання стану сп'яніння внаслідок вживання лікарських засобів»**(справи № 446/1936/19 [37], 446/1889/19 [38]).

Таку практику, звичайно, не можна вважати правильною, оскільки вона не відповідає принципу законності та порушує як приписи Правил дорожнього руху, так і ст. 130 КУпАП.

Як визначено підп.«а» і «б» п.2.9 Правил дорожнього руху, які затверджено постановою Кабінету Міністрів України № 1306 від 10 жовтня 2001 р., водій не має права керувати транспортним засобом, якщо він вжив лікарські препарати, внаслідок впливу яких можливе зниження уваги і зменшення швидкості реакції [39]. У разі порушення цього положення визначена адміністративна відповідальність, встановлена ч.1 ст.130 КУпАП.

Для правової оцінки вчиненого за ст.130 КУпАП не важливо, якою є причина перевищення допустимої норми етанолу в крові водія: вживання алкогольних напоїв чи лікарських препаратів. Водій, який здійснює керування під впливом лікарських препаратів, так само, як і водій в стані сп'яніння, викликають небезпеку не лише для себе, але й для інших учасників дорожнього руху. Такі дії є однаково суспільно шкідливими і караними.

Трапляються випадки, коли до малозначних відносять діяння лише на тій підставі, що **«працівники поліції не вилучили у водія транспортний засіб»** (справи № 446/893/20 [40], 446/895/20 [41], 446/979/20 [42]). Таку практику вважати правильною не можна. По-перше, якщо можна стверджувати, що водій перебуває у стані алкогольного, наркотичного чи іншого сп'яніння, до чого призвело вживання лікарських препаратів, що знижують увагу та зменшують швидкість реакції, як визначено вимогами ст.265 та 266 КУпАП, поліцейський у водія тимчасово вилучає посвідчення відсторонює його від керування транспортним засобом. По-друге,

тимчасове затримання транспортного засобу дозволяється у виняткових випадках, зокрема, якщо розміщення транспортного засобу значною мірою створює перешкоди дорожньому руху або створює загрозу безпеці руху (ст. 265 КУпАП). По-третє, критерієм малозначності правопорушення не можуть бути процедурні дії працівників поліції під час складання відносно особи протоколу про адміністративне правопорушення. Правове значення для оцінки проступку як малозначного мають винятково його об'єктивні та суб'єктивні ознаки, суспільна цінність об'єкта посягання, завдана йому шкода, відсутність характерної для адміністративного правопорушення суспільної шкідливості.

Підсумовуючи вищезазначене, потрібно підсумувати розгляд найважливішого питання: чи можуть діяння, що визначені у ст. 130 КУпАП, взагалі вважатися малозначними?

Донедавна адміністративне законодавство не містило прямих обмежень для суду щодо застосування звільнення від адміністративної відповідальності у разі наявності малозначності правопорушення. Однак із 17 березня 2021 р. став чинним Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення відповідальності за окремі правопорушення у сфері безпеки дорожнього руху» [43]. Згідно із цим законом ст. 22 КУпАП доповнено приміткою про те, що положення про малозначність не застосовуються до правопорушень, встановлених ст. 130 цього Кодексу. На думку Головного юридичного управління Апарату Верховної Ради України, у цій примітці не було необхідності, оскільки, з огляду на ступінь суспільної шкідливості ст. 130 КУпАП та її санкцію, це правопорушення не може бути віднесено до малозначних правопорушень, за вчинення яких можна обмежитись усним зауваженням [44].

Суди апеляційних інстанцій також неодноразово доходили висновку про те, що характер правопорушень, які визначені ст. 130 КУпАП, становить підвищену суспільну шкідливість і неможливо звільнити від адміністративної відповідальності, зважаючи на малозначність (наприклад, постанова Вінницького апеляційного суду від 20 серпня 2020 р. у справі № 127/9133/20 [45], постанова Київського апеляційного суду від 26 лютого 2021 р. у справі № 367/8497/20[46]).

З огляду на останні законодавчі зміни потрібно однозначно констатувати, що в справах, у яких водій керує транспортним засобом в стані сп'яніння, ступінь суспільної шкідливості малозначним бути не може. Санкція ст. 130 КУпАП не випадково є однією з найсуворіших у КУпАП. За останні роки відповідальність за керування транспортними засобами у стані сп'яніння лише посилюється. Найновіші такі зміни відбулися з набуттям чинності Закону України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення відповідальності за окремі правопорушення у сфері безпеки дорожнього руху». Законодавець збільшив розмір штрафу до 17 тис. грн та збільшив до 1 року термін накладення

адміністративного стягнення. Варто також зазначити, що Верховна Рада України навіть робила спроби криміналізувати таке правопорушення та зачислити його до кримінальних проступків (Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо спрощення досудового розслідування окремих категорій кримінальних правопорушень» від 22 листопада 2018р. № 2617–VIII [47]). Наведені законодавчі тенденції, що простежуються, дозволяють стверджувати про особливий підхід до оцінення характеру та суспільної шкідливості адміністративного правопорушення, визначеного ст. 130 КУпАП.

Отже, якщо донедавна в судовій практиці ще були випадки звільнення водіїв за керування в нетверезому стані, то з 17 березня 2021р. встановлена пряма заборона на застосування приписів ст. 22 КУпАП до таких правопорушень.

У 2011 році на основі аналізу судових рішень С.О.Резнікову своїй дисертаційній роботі наводить дані про те, що серед підстав для аргументації звільнення правопорушника від адміністративної відповідальності через малозначність, які трапляються найчастіше, є щиросердечне розкаяння винного (26,0 %); вчинення правопорушення особою вперше або особою, яку раніше не притягали до адміністративної відповідальності (12,6 %); важке матеріальне становище (4,9 %); усунення порушення на момент розгляду справи (3,5 %); у винного є утриманці (1,5 %). Також автор зазначає, що у 62,7 % постанов судді застосування ст. 22 КУпАП не мотивують. За підрахунками вченого, найчастіше визнавались як малозначні саме правопорушення у транспортній галузі, шляхового господарства, зв'язку – 41,3 % [48, с.9]. Проведений аналіз застосування ст. 22 КУпАП підтверджує, що вищезазначені підстави упродовж 10 років продовжують залишатися популярними.

Ми не поділяємо позиції С.О.Резніка про можливість віднесення до малозначних правопорушень тих, які вчинені за пом'якшуючих обставин [48, с.4]. На нашу думку, слід розмежовувати протиправну поведінку особи, яка має всі ознаки адміністративного правопорушення, адміністративні правопорушення з формальним складом, обставини, що пом'якшують відповідальність, та малозначне адміністративне правопорушення. Для констатації малозначності правопорушення не повинні братися до уваги поведінка особи після вчиненого правопорушення та обставини, за наявності яких можливе пом'якшення відповідальності за адміністративне правопорушення.

Також критично оцінюємо законодавче нововведення щодо встановлення переліку діянь, які за жодних обставин не можуть бути визнані малозначними. З позиції теорії адміністративного права малозначним може бути будь-яке правопорушення, незважаючи на важливість суспільних відносин, визначених нормами КУпАП. Об'єкт адміністративно-правової охорони малозначним бути не може. Якщо законодавець

охороняє власність, громадський порядок, безпеку дорожнього руху, то ми не можемо стверджувати, що в одному випадку вони є важливим, а в іншому – ні.

Незважаючи на наше авторське бачення, доводиться констатувати, що законодавець, судова практика та наука адміністративного права відходять від традиційного підходу до інституту малозначності, як підстави, за якої можливе звільнення від адміністративної відповідальності, до сучасного – як до складової частини принципу індивідуалізації адміністративної відповідальності.

Другу частину цієї публікації хочемо присвятити процесуальним проблемам, пов'язаним із притягненням особи до адміністративної відповідальності, визначеної ст. 130 КУпАП. Серед найгостріших проблем варто виокремити проблему належного повідомлення про те, коли і де відбуватиметься розгляд справи судом особам, яких притягують до адміністративної відповідальності. На практиці достатньо часто виникають ситуації, коли в суді немає інформації про належне повідомлення осіб, щодо яких складено протокол про адміністративне правопорушення, про те, коли і де відбуватиметься судові засідання у зв'язку з поверненням судової повістки, на яких зазначено позначки «за закінченням терміну зберігання» або «інші причини, що не дали змогу виконати обов'язки щодо пересилання поштового відправлення». Виникає питання, чи вважається за таких обставин особа належно повідомленою про час, дату та місце судового засідання.

Варто зауважити, що на законодавчому рівні це питання чітко не врегульоване. Як визначає ч. 1 ст. 268 КУпАП, справа про адміністративне правопорушення розглядається в присутності особи, яку притягають до адміністративної відповідальності. У разі відсутності цієї особи справу може бути розглянуто лише у випадках, коли є дані про своєчасне її сповіщення про місце і час розгляду справи і якщо від неї не надійшло клопотання про відкладення розгляду справи.

Відповідно до ст. 277 КУпАП повістка особі, яку притягають до адміністративної відповідальності, вручається не пізніше як за три доби до дня розгляду справи у суді. На повістці зазначаються дата і місце розгляду справи.

За змістом п.п. 17, 106, 116 Правил надання послуг поштового зв'язку, що затверджені постановою Кабінету Міністрів України від 5 березня 2009 р. № 270, рекомендовані листи з позначкою «судова повістка» приймають для пересилання лише з рекомендованим повідомленням про їх вручення; бланк повідомлення про вручення рекомендованого листа з позначкою «судова повістка» повертається за зворотною адресою у першочерговому порядку, а у разі невручення такого листа з поважних причин він разом з бланком повідомлення про вручення повертається за зворотною адресою не пізніше ніж через п'ять календарних днів з дня

надходження листа до об'єкта поштового зв'язку місця призначення із зазначенням причини невручення [49].

У КУпАП немає ніяких вказівок щодо того, як діяти за обставин, коли судова повістка повернулася до суду з позначками «за закінченням терміну зберігання» або «інші причини, що не дали змогу виконати обов'язки щодо пересилання поштового відправлення». З огляду на те, що немає однозначного правового регулювання цього питання, це призвело до різної судової практики.

Наприклад, у справі №654/2238/17 суд апеляційної інстанції встановив, що матеріали справи не містять даних про отримання правопорушником судових повісток, оскільки рекомендовані повідомлення про вручення поштового відправлення повернуто з позначкою про закінчення визначеного терміну зберігання. Наведене, на думку суду апеляційної інстанції, підтверджує той факт, що правопорушник не був належним чином та у відповідний спосіб повідомлений про день та час розгляду справи. За цих обставин суд апеляційної інстанції дійшов висновку, що суд першої інстанції порушив право особи на захист і справедливий судовий розгляд, оскільки не було досліджено її доводи [50]. Аналогічним прикладом є постанова Апеляційного суду Одеської області у справі №677/152/18. Відповідно до цієї постанови скасовано постанову суду першої інстанції та закрито провадження у справі. Підставою для такого рішення слугувало те, що було повернуто судову повістку у зв'язку із закінченням терміну зберігання. Це, відповідно, призвело до несповіщення про час і місце розгляду справи і як наслідок спричинило порушення права особи на захист [51].

Велика Палата Верховного Суду у постанові в справі №800/547/17 зазначає, що направлення листів рекомендованою кореспонденцією на дійсні адреси є достатнім для того, щоб вважати повідомлення належним [52]. Верховний Суд у складі колегії суддів Касаційного адміністративного суду у справі №820/1400/17 зазначає, що до повноважень адміністративних судів не віднесено визначення фактичного місце перебування юридичних осіб або місця проживання фізичних осіб — учасників судового процесу — на час вчинення тих чи інших процесуальних дій. Зважаючи на це, примірники повідомлень про вручення рекомендованої кореспонденції, повернуті органами зв'язку з позначками «за закінченням терміну зберігання», «адресат вибув», «адресат відсутній» тощо, з врахуванням конкретних обставин справи, можна розглядати як належні докази виконання адміністративним судом обов'язку щодо повідомлення учасників судового процесу.

Водночас не менш поширеною є протилежна точка зору, яка виходить із буквального тлумачення законодавства. Зокрема, Велика Палата Верховного Суду у справі №752/11896/17-ц зазначає, що приписи ЦПК України не дають підстав висувати, що повернення повістки про виклик

до суду із вказівкою причини повернення «за закінченням терміну зберігання» є доказом, що засвідчує належне інформування відповідача про певний час і визначене місце розгляду справи [53]. Подібна позиція викладена у постанові Великої Палати Верховного Суду у справі №461/10610/13-ц [54] та постанові Верховного Суду у складі колегії суддів Другої судової палати Касаційного цивільного суду у справі №127/2871/16-ц [55]. Зокрема, у справі №676/752/17 Касаційний адміністративний суд у складі Верховного Суду дійшов висновку, що особу, яку притягують до адміністративної відповідальності, не можна вважати належно повідомленою про розгляд справи щодо неї, якщо лист із повідомленням повернувся за закінченням терміну зберігання або з огляду на інші причини [56].

Зважаючи на наявність двох наведених вище діаметрально протилежних позицій, питання, як діяти за таких обставин не є однозначним. З одного боку, сторона може зловживати своїми правами, розраховуючи на уникнення адміністративної відповідальності, свідомо ухилятися від отримання кореспонденції, знаючи, що лист повернеться до суду з позначкою «за закінченням терміну зберігання». З іншого, особа й справді може не знати про проведення судового розгляду, а повернення судової кореспонденції, зважаючи на те, що закінчився термін її зберігання, як правильно зазначає М. П. Худик, формально не підтверджує іншого [57].

Отже, є необхідність на законодавчому рівні чітко врегулювати процедуру вручення повісток у справах про адміністративні правопорушення. Якщо цього не зробити, така ситуація і надалі спричинятиме збитки державі у вигляді сум нестягнутих штрафів, формуватиме у правопорушника почуття безкарності, а також підриватиме авторитет судової системи.

Вища рада правосуддя проаналізувала судову практику, що склалася з врученням повісток і запропонувала чітко врегулювати процедуру повідомлення учасників процесу про час, дату та місце судового засідання. Радою пропонується змінити ст. 277 КУпАП, передбачивши, що повістка надсилається за зареєстрованою адресою місця проживання особи, а, якщо особа в протоколі вказала іншу адресу, – за вказаною у протоколі адресою. У випадку повернення повістки за закінченням терміну зберігання або з інших причин пропонується вважати особу повідомленою про засідання. Також запропоновано вважати особу належно повідомленою про судові засідання і у випадку, якщо повістка передана під розписку одному з повнолітніх членів сім'ї адресата. Пропозиції передбачають можливість розглядати справу щодо особи, яка відмовилася від отримання повістки. У разі невручення повістки особу можна буде повторно викликати шлях надсилання тексту повідомлення електронною поштою, факсимільним повідомленням, телефонограмою, текстовим повідомленням з використанням мобільного зв'язку. Запропоновані зміни передбачають обов'язок учасника провадження повідомити суд про зміну місця свого проживання

(перебування). У разі невиконання такого обов'язку повістка надсилається за останньою відомою адресою, а особа вважається повідомленою, навіть, якщо адресат за цією адресою більше не проживає [57].

Прийняття таких змін позитивно відобразиться не лише на судовій практиці притягнення до адміністративної відповідальності водіїв, які здійснювали керування транспортними засобами в стані сп'яніння, а й на судовій практиці розгляду і вирішення інших категорій справ про адміністративні правопорушення.

Останнє питання, яке варто порушити в межах цієї публікації, – це законодавче збільшення строку накладення адміністративного стягнення за вчинення правопорушень, які визначені ст. 130 цього Кодексу.

17 березня 2021 р. став чинним Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення відповідальності за окремі правопорушення у сфері безпеки дорожнього руху». Цим Законом термін накладення адміністративного стягнення за вчинення правопорушень, визначених ст. 130 цього Кодексу, збільшено до одного року (ч. 6 ст. 38 КУпАП). Раніше такий строк становив 3 місяці.

Хоча Головне науково-експертне управління Верховної Ради України дещо сумнівно висловилося щодо визначення більш тривалих строків накладення адміністративних стягнень у разі скоєння правопорушень, які визначені ст. 130 КУпАП [8], проте, на нашу думку, такі законодавчі зміни є повністю виправданими. Аналізуючи дисциплінарні провадження щодо суддів під час прийняття ними рішень про закриття проваджень, виявили, що головною підставою для закриття проваджень щодо правопорушників було закінчення тримісячного строку накладення адміністративного стягнення. Не секрет, що саме на затягуванні справи часто будувалася основна лінія захисту правопорушника. Правопорушник та його захисники робили усе можливе, щоб затягнути справу більше, ніж на 3 місяці. З цією метою вони не лише свідомо відмовлялися від отримання судових повісток, але і заявляли клопотання щодо перенесення розгляду справи, зважаючи на хворобу, відрядження, потребу скористатися послугами адвоката, подавали безпідставні клопотання про виклик для подання пояснень свідків та поліцейського, який склав протокол про адміністративне правопорушення, витребування додаткових доказів, заявляли відвід судді тощо. До таких клопотань зазвичай долучалася медична документація, накази про відрядження, проїзді квитки, сьогоднішнім чи вчорашнім днем укладений договір про надання правової допомоги. Суддям було дуже не просто протидіяти таким процесуальним зловживанням, адже формально клопотання правопорушників справляли враження достатньо обґрунтованих і підстав для відмови у їх задоволенні зазвичай не було.

Судді намагалися реагувати на протиправну поведінку учасників процесу, спрямовану на затягування справи, проте стислі терміни

притягнення правопорушника до адміністративної відповідальності не завжди давали можливість ефективно їй протидіяти. Наприклад, у справі № 751/3621/18 суддя відмовила у задоволенні клопотання адвоката про виклик зазначених у протоколі свідків та витребування інформації щодо проходження сертифікації приладом «Драгер». Таку відмову пояснила тим, що задоволення такого клопотання призведе до закінчення строків притягнення правопорушника до адміністративної відповідальності. Після чого адвокат подала підготовлену ще до початку судового засідання (і розгляду вищезазначеного клопотання) письмову заяву про відвід судді, в обґрунтування якої вказала на те, що в її клопотанні про витребуванні доказів і допиті свідків було безпідставно відмовлено. На запитання головуючого адвокат пояснила, що підготувала таку заяву про відвід раніше, оскільки готувалася до різних варіантів перебігу судового засідання. Відповідно до протоколу автоматизованого розподілу заяву про відвід судді передано на розгляд іншому судді, який хоча і відмовив у її задоволенні, проте жодним чином не міг вплинути на ту обставину, що провадження щодо правопорушника підлягає закриттю у зв'язку із закінченням на момент розгляду справи строку накладення адміністративного стягнення [58].

Отже, законодавче збільшення строку накладення адміністративного стягнення за вчинення правопорушень, передбачених ст. 130 цього Кодексу, до 1 року має позитивно відобразитися на судовій практиці застосування ст. 38 КУпАП. Один рік — цілком достатньо, щоб об'єктивно і всебічно розглянути таку справу. Випадки, коли правопорушнику усе-таки вдасться затягнути розгляд справи більше від 1 року, стануть одиничними. Якщо Вища рада правосуддя брала до уваги пояснення суддів про неможливість у багатьох випадках (через поведінку учасників процесу, завантаженість суду, з інших об'єктивних причин) розглянути справу в тримісячний строк і не притягувала суддів до дисциплінарної відповідальності, то після останніх законодавчих змін не лише правопорушнику, але й судді, який не вкладеться в річний строк, буде складно уникнути відповідальності.

Список використаних джерел

1. Статистика ДТП в Україні за період з 01.01.2021 по 31.05.2021. *Патрульна поліція України*. URL : [http:// patrol.police.gov.ua/wp-content/uploads/2021/06/05.2021.xlsx](http://patrol.police.gov.ua/wp-content/uploads/2021/06/05.2021.xlsx).
2. П'яні за кермом — покарати не можна звільнити. *ГО «Фундація DEJURE»*. URL : <https://dejure.foundation/skhemy-piani-za-kermom>.
3. Веремієнко С. В., Шестак Л. В. До питання про звільнення від адміністративної відповідальності за незначне правопорушення. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Сер. Право*. 2015. Вип. 30, Т. 2. С. 96–98.

4. Бачун О. Питання, які виникають при розгляді справ про адміністративні правопорушення. *Право України*. 2000. № 8. С. 67–69

5. Калюжний Р. А., Комзюк А. Т., Погрібний О. О. Кодекс України про адміністративні правопорушення: Науково-практичний коментар. Київ, 2008. 781 с.

6. Резнік С. О. Малозначність правопорушення як підстава звільнення від адміністративної відповідальності. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Дніпропетровськ, 2011. 20 с.

7. Панькевич В. М., Сухоребра Т. І. Звільнення від адміністративної відповідальності при малозначності правопорушення. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Сер. Право*. 2020. Вип. 62. С. 235–239.

8. Висновок Головного науково-експертного управління Верховної Ради України на проект Закону про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення відповідальності за окремі правопорушення у сфері безпеки дорожнього руху (№ 2695 від 27.12.2019 р.) від 11.02.2020 р. *Верховна Рада України*. URL : <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=67814&pf35401=520652>.

9. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 30.01.2018 р. у справі № 285/94/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/71900629>.

10. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 09.10.2018 р. у справі № 285/3490/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/77020713>.

11. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 02.04.2019 р. у справі № 285/908/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/80899622>.

12. Постанова Кам'янка-Бузького районного суду Львівської області від 25.06.2020 р. у справі № 446/979/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/90040510>.

13. Постанова Кам'янка-Бузького районного суду Львівської області від 05.06.2020 р. у справі № 446/893/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/89838660>.

14. Інструкція про порядок виявлення у водіїв транспортних засобів ознак алкогольного, наркотичного чи іншого сп'яніння або перебування під впливом лікарських препаратів, що знижують увагу та швидкість реакції. Затв. наказом Міністерства внутрішніх справ України, Міністерства охорони здоров'я України від 09.11.2015 р. № 1452/735, зареєстр. в Міністерстві юстиції України 11.11.2015 р. за № 1413/27858. *Верховна Рада України. Законодавство України*. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1413-15>.

15. Постанова Великої Палати Верховного Суду від 21.08.2019 р. у справі № 682/956/17. *Verdictum. Liga 360*. URL : <https://verdictum.ligazakon.net/document/84153042>.

16. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 30.01.2018 р. у справі № 285/94/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/71900629>.

17. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 14.02.2018 р. у справі № 285/287/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/72207099>.

18. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 19.04.2018 р. у справі № 285/487/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/73514801>.

19. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 06.06.2018 р. у справі № 133/899/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/74523764>.

20. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 25.09.2018 р. у справі № 285/3218/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/76693162>.

21. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 09.10.2018 р. у справі № 285/3490/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/77020713>.

22. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 24.10.2018 р. у справі № 285/3056/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/77376842>.

23. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 14.11.2018 р. у справі № 278/2610/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/77862848>.

24. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 10.12.2018 р. у справі № 285/4370/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/78451628>.

25. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 13.12.2018 р. у справі № 285/4250/18. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/78521075>.

26. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 02.04.2019 р. у справі № 285/908/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/80899622>.

27. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 13.05.2019 р. у справі № 285/600/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/81663873>.

28. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 17.05.2019 р. у справі № 285/903/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/81822983>.

29. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 21.05.2019 р. у справі № 285/1477/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/81882048>.

30. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 14.08.2019 р. у справі № 285/2759/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/83650601>.

31. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 10.10.2019 р. у справі № 285/3311/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/84849204>.

32. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 14.08.2019 р. у справі № 285/2759/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/83650601>.

33. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 29.04.2020 р. у справі № 285/1077/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/89015920>.

34. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 29.04.2020 р. у справі № 285/1360/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/89015093>.

35. Постанова Новоград-Волинського міськрайонного суду Житомирської області від 10.06.2020 р. у справі № 285/1737/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/89708980>.

36. Практика застосування Верховним Судом України положень Загальної частини Кримінального кодексу України [уклад. О. П. Горох] ; за заг. ред. А. А. Музики. Київ : Центр учбової літератури, 2017. 524 с. <https://>

newcriminalcode.org.ua/upload/media/2020/09/22/praktyka-zastosuvannya-vsu-polozhen-zagalnoyi-chastyny-kku-2017-goroh-1.pdf.

37. Постанова Кам'янка-Бузького районного суду Львівської області від 05.11.2019 р. у справі № 446/1936/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/85530136>.

38. Постанова Кам'янка-Бузького районного суду Львівської області від 15.11.2019 р. у справі № 446/1889/19. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/85894838>.

39. Правила дорожнього руху. Затв. постановою Кабінету Міністрів України від 10.10.2001 р. № 1306. *Верховна Рада України. Законодавство України*. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1306-2001-%D0%BF>.

40. Постанова Кам'янка-Бузького районного суду Львівської області від 05.06.2020 р. у справі № 446/893/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/89838660>.

41. Постанова Кам'янка-Бузького районного суду Львівської області від 09.06.2020 р. у справі № 446/895/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/89924380>.

42. Постанова Кам'янка-Бузького районного суду Львівської області від 25.06.2020 р. у справі № 446/979/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/90040510>.

43. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення відповідальності за окремі правопорушення у сфері безпеки дорожнього руху. Закон України від 16.02.2021 р. № 1231–ІХ. *Верховна Рада України. Законодавство України*. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1231-20>.

44. Зауваження Головного юридичного управління Апарату Верховної Ради України від 11.12.2020 р. до проекту Закону України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення відповідальності за окремі правопорушення у сфері безпеки дорожнього руху» (реєстр. № 2695, друге читання). *Верховна Рада України*. URL : <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=67814&pf35401=542487>.

45. Постанова Вінницького апеляційного суду від 20.07.2020 р. у справі № 127/9133/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/90505871>.

46. Постанова Ірпінського міського суду Київської області від 29.01.2021 р. у справі № 367/8497/20. *Єдиний державний реєстр судових рішень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/94526734>.

47. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо спрощення досудового розслідування окремих категорій кримінальних правопорушень. Закон України від 22.11.2018 р. № 2617–VIII. *Верховна Рада України. Законодавство України*. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2617-19>.

48. Рєзнїк С. О. Малозначнїсть правопорушення як пїдстава звільнення вїд адмїнїстративної вїдповїдальностї. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. Днїпропетровськ, 2011. 20 с.

49. Правила надання послуг поштового зв'язку. Затв. постановою Кабїнету Мїнїстрів України вїд 05.03.2009 р. № 270. *Верховна Рада України. Законодавство України*. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/270-2009-%D0%BF>.

50. Постанова Апеляцїйного суду Херсонської областї вїд 24.11.2017 р. у справї № 654/2238/17. *Єдиний державний реєстр судових рїшень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/70534261>.

51. Постанова Апеляцїйного суду Хмельницької областї вїд 13.06.2018 р. у справї № 677/152/18. *Єдиний державний реєстр судових рїшень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/74687550>.

52. Постанова Великої Палати Верховного Суду вїд 25.04.2018 р. у справї № 800/547/17. *ZakonOnline*. URL : <https://zakononline.com.ua/court-decisions/show/73837584>.

53. Постанова Великої Палати Верховного Суду вїд 12.12.2018 р. у справї № 752/11896/17. *ZakonOnline*. URL : <https://zakononline.com.ua/court-decisions/show/78977546>.

54. Постанова Великої Палати Верховного Суду вїд 10.04.2019 р. у справї № 461/10610/13-ц. *Verdictum. Liga 360*. <https://verdictum.ligazakon.net/document/82218112>.

55. Постанова Верховного Суду у складї колегїї суддїв Другої судової палати Касацїйного цивїльного суду вїд 20.06.2018 р. у справї № 127/2871/16-ц. *Протокол*. URL : https://protocol.ua/ua/postanova_ktss_vp_vid_20_06_2018_roku_u_spravi_127_2871_16_ts/.

56. Постанова Верховного Суду у складї колегїї суддїв Касацїйного адмїнїстративного суду вїд 31.03.2021 р. у справї № 676/752/17. *ipLex*. URL : <http://iplex.com.ua/doc.php?regnum=95917876&red=100003e7067f02023b0ff470ac611650aee931&d=5>.

57. Худик М. Вища рада правосуддя пропонує внести змїни до Кодексу про адмїн правопорушення (07.08.2018). Вища рада правосуддя. URL : http://www.vru.gov.ua/mass_media/1074.

58. Постанова Новозаводського районного суду мїста Чернїгова вїд 21.09.2018 р. у справї № 751/3621/18 *Єдиний державний реєстр судових рїшень*. URL : <https://reyestr.court.gov.ua/Review/84967121>.

* * *

Часопис ХУУП іменї Леонїда Юзькова. Хмельницький унїверситет управлїння та права іменї Леонїда Юзькова. Унїверситетські науковї записки, 2021, № 2 (80), С. 121-137. unz.univer.km.ua

ОРГАНІЗАЦІЙНО-ПРАВОВІ ЗАСАДИ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ ІНТЕГРАЦІЇ УКРАЇНИ

Ретроспективна суспільна практика свідчить, зокрема, про наявність своєрідного впливу на рівні соціуму двох взаємовиключних рацій термодинаміки: 1) кожна складна соціальна, і в тому числі інтердержавна, структура тяжіє до самозбереження, в першу чергу, через упорядкування суспільних відносин засобами соціальних норм та механізму політичної організації суспільства; 2) кожна складна соціальна структура, і в тому числі інтердержавна, структура тяжіє до розпаду, дезінтеграції, через відсутність цивілізованих, демократичних, справедливих і гуманних внутрішніх взаємозв'язків. Для прикладу, можна згадати Римську імперію, Русь Київську, Югославію, Радянський Союз. Знову ж таки, як зворотній процес, – створення Унії Європейської, Унії Незалежних Держав, прагнення до утворення Євро-Азійської Унії.

Початково ідея об'єднання європейських держав виникла, як відомо, під гаслом створення «Сполучених Штатів Європи». Наразі достеменно не відомо хто першим проголосив це гасло, однак є всі підстави пов'язувати його виникнення зі створенням Сполучених Штатів Америки і Великою Французькою революцією. На користь створення Сполучених Штатів Європи висловилися Наполеон Бонапарт, Дж. Мандзіні, В. Гюго, М. Бакулін, У. Черчіль, Л. Троцький, В. Ленін. Правда останні троє з них бачили реалізацію цієї ідеї через постулати своїх партійних уподобань. Зокрема, В. Ленін був прихильником створення «Сполучених Штатів Світу». Дуже популярним це гасло було в 1830-х роках в Німеччині. До буквальної матеріалізації гасла «Сполучені Штати Європи», як відомо, не дійшло. Разом з тим, довготривала дискусія навколо нього сприяла її поширенню і зміцненню в розумі як державних та політичних діячів так і в розумі пересічних європейців, що в кінцевому рахунку, поступово, через економічну і політичну інтеграцію, завершилося підписанням Маастрихтського Трактату у лютому 1992 року про утворення Унії Європейської (далі УЄ).

З наведеного вище короткого за рису історичного можна зробити висновок про те, що євроінтеграція є тенденцією, є рацією світового характеру, що свідчить і на користь євроінтеграційних прагнень України.

Реалізації інтеграції європейської України притаманний засадничий організаційно-правовий характер. Можливість прийняття певної країни до складу європейської спільноти передбачена в статті 49 Договору про Унію Європейську. Теоретично кожна країна може подати заявку на вступ до Унії Європейської, попередньо отримавши відповідний «імпульс» з її боку.

Для прийняття країн до Унії Європейської вироблена певна правова процедура, яка включає чотири етапи: 1) консультативний етап; 2) переговорний етап; 3) перегляд права та його результати; 4) перехідні періоди.

Україна на шляху євроінтеграції, перебуваючи на першому його етапі, виконала і виконує низку критеріїв (вимог), визначених на зустрічі Європейської Ради 1993 року у Копенгагені: а) політичних; б) економічних; в) членських.

Політичними критеріями (вимогами) є:

- 1) забезпечення свободи парламентських, президентських виборів і виборів до місцевих органів влади;
- 2) створення та розширення діяльності демократичних інституцій, неурядових організацій, незалежних засобів масової інформації;
- 3) прийняття законодавства, що надійно захищає права меншин, і створення відповідних установ;
- 4) посилення боротьби з організованою злочинністю та корупцією;
- 5) вирішення питань правового забезпечення та посилення спроможності боротьби з відмиванням коштів;
- 6) створення надійно діючих інститутів у сфері юстиції і внутрішніх справ;
- 7) здійснення заходів з протидії дискримінації у всіх сферах суспільного життя;
- 8) захист особистих свобод.

До числа економічних належать такі критерії (вимоги):

- 1) макроекономічна стабільність;
- 2) здійснення адміністративної реформи та структурних реформ;
- 3) наявність ринкових інститутів;
- 4) лібералізація торговельного режиму;
- 5) відповідне правове забезпечення ринкових перетворень;
- 6) поліпшення умов конкуренції;
- 7) створення середовища, сприятливого для підприємницької діяльності;
- 8) створення сприятливого інвестиційного клімату;
- 9) підвищення кваліфікації робочої сили;
- 10) поліпшення структури та диверсифікація експорту;
- 11) здійснення промислової політики, спрямованої на зниження матеріало- та енергоємності виробництва.

В якості «членських» визначено визнання, прийняття, виконання та правове застосування *acquis communautaire* «спільного доробку» Унії Європейської, тобто сукупності напрацьованих правових документів (договори, постанови, директиви та інші акти).

Досягнення «членських» критеріїв – ключовий аспект підготовки до членства в Унії Європейській. Це вимагає не лише включення *acquis communautaire* до національного законодавства, але й забезпечення його дієвого застосування через відповідним чином пристосовані адміністративні та судові структури.

Значна частина політичних, економічних та «членських» критеріїв (вимог) Україною вже виконані, а інші перебувають на різних стадіях виконання, завершеності.

Серед актуальних **політичних** критеріїв (вимог) це: боротьба з організованою злочинністю та корупцією; посилення спроможності боротьби з відмиванням коштів; створення надійно діючих інститутів у сфері юстиції та внутрішніх справ; гарантії незалежності судової влади, покращення функціонування судів.

Актуальними серед **економічних** критеріїв (вимог) є такі: макроекономічна стабільність; здійснення адміністративної реформи; створення сприятливого середовища для підприємницької діяльності; здійснення промислової політики, спрямованої на знищення матеріало- та енергоємності виробництва.

Триває імплементація європейських правових стандартів в чинне законодавство України. Ті з них, яким властивий конституційно-правовий характер, вже втілені в Конституцію України 1996 року, яка отримала схвальну оцінку Венеціанської комісії. Серйозні зміни внесено до Кримінального кодексу України. Зокрема, скасовано смертну кару, яку Конституційний Суд України визнав незгідною з Конституцією України. Прийнято новий Кримінальний процесуальний кодекс України, який також отримав схвальну оцінку Венеціанської комісії. Внесено ряд істотних змін в інші чинні акти права.

Необхідно звернути увагу на той факт, що інтеграція європейська України має конституційно-правовий характер. Домінуючою правовою засадою інтеграції європейської України є засада закріплена у ст.18 Конституції України, де задекларовано: «Зовнішньополітична діяльність України спрямована на забезпечення її національних інтересів і безпеки шляхом підтримання мирного і взаємовигідного співробітництва з членами міжнародного співтовариства за загальновизнаними принципами і нормами міжнародного права».

В цьому ж контексті важливе значення має засада, яка міститься в ст.9 Конституції України: «Чинні міжнародні договори, згода на обов'язковість яких надана Верховною Радою України, є частиною національного законодавства України».

Незмірно важливими конституційними інтеграції європейської України є, зокрема, засада верховенства права, що міститься в ст.8 Конституції України, засада поділу влади на законодавчу, виконавчу та судову (ст.6 Конституції України), засади правового забезпечення прав, свобод і обов'язків людини і громадянина в Україні (розділ 2 Конституції України), засади здійснення правосуддя (розділи 8 та 12 Конституції України).

Інтеграція європейська України є складним, багатоетапним історичним процесом, якому властива засада прозорості стосунків.

Умовно можна виділити п'ять етапів реляції між Унією Європейською та Україною, здійснення кожного з яких підпорядковане організаційно-правовим унійним засадам.

Перший етап – етап багатокерунковості України, партнерства і співробітництва з Європейською Спільною. Стосунки з Унією Європейською будувалися на засадах добросусідства. Він започаткований 2 грудня 1991 року декларацією Європейської Спільноти щодо України, якою відзначено демократичний характер Всеукраїнського референдуму і запропоновано Україні підтримувати з Європейською Спільною відкритий і конструктивний діалог, спрямований на виконання всіх колишніх зобов'язань СРСР. Цей етап тривав до завершення президентської каденції Леоніда Кравчука. Він був в цілому продуктивним – проведено низку організаційно-правових заходів. Зокрема 14 вересня 1992 року відбулася перша зустріч Україна – Європейська Спільнота на найвищому рівні: зустріч Президента України Л.Кравчука з Президентом Комісії Європейських Співтовариств Ж.Делором; 5 травня 1993 року підписано знакову угоду між Європейською Спільнотою та Україною про торгівлю текстильними виробами; 25-26 грудня 1993 року відбулися переговори на найвищому рівні про партнерство та співпрацю між Україною та УЄ, а в 1974 році вже була підписана Угода про партнерство і співпрацю між Україною та УЄ, яка 10 листопада цього ж року була ратифікована Верховною Радою України.

Другий етап – декларативна євроінтеграція України за часів президентства Леоніда Кучми (1994–2004 р.р.). В цей період здійснено декларування на українському політичному рівні прагнення до поглиблення стосунків з УЄ і в осяжній перспективі долучитися УЄ. Загалом же проводилася політика багатокерунковості. Разом з цим, розширювалася співпраця між Україною та УЄ як в політичному так і в економічному секторах. Регулярно двічі на рік відбувалися засідання Україна – Трійка УЄ на рівні Міністрів закордонних справ. 24 березня 1995 року започатковано регулярні засідання Спільного комітету Україна – УЄ на якому розглянуто питання міжгалузевої співпраці, а 1 червня 1995 року відбулася зустріч Президента Леоніда Кучми з Президентом Європейської Комісії Ж.Сантером внаслідок якої підписано Тимчасову угоду про торгівлю між Україною та УЄ. В 1996 році УЄ визнала за Україною статус країни з перехідною економікою. Наслідком візиту до України члена Європейської Комісії Х. Ван ден Брука 12-13 вересня 1996 року стало підписання індикативної програми Тасіс для України на 1996-1999 роки та Фінансового протоколу про спільний план дій УЄ/Великої сімки стосовно реструктуризації української енергетичної галузі. 6 грудня 1996 року Рада Міністрів УЄ прийняла План дій щодо України і висловила готовність розвивати та посилювати політичні і економічні відносини з Україною. В 1997 році найважливішими були дві події: 15 липня підписано Угоду

між УЄ з Україною по вугіллю та сталі і про торгівлю сталеварними виробами; а 5 вересня відбувся Перший Саміт Україна – УЄ, на якому підтверджено європейський вибір України.

1 березня 1998 року набула чинності Угода про партнерство і співпрацю між Україною та УЄ, а 8–9 червня цього ж року відбулося перше засідання Ради з питань співпраці між Україною та УЄ, де Україна офіційно заявила про прагнення набути статусу асоційованого члена УЄ, схвалено Правила процедури Ради співробітництва, прийнято Спільну робочу програму на 1998-1999 роки. Крім цього, Указом Президента України № 165 від 11 червня 1998 року затверджено Стратегію інтеграції України до УЄ, а 12 червня – прийнята постанова Кабінету Міністрів України № 582 про запровадження механізму адаптації законодавства України до європейських вимог.

Впродовж 1999-2004 років найбільш вагомими євроінтеграційними подіями стали: 23 липня 1999 року на третьому саміті Україна – УЄ визнано успіхи курсу України на інтеграцію до УЄ, підтверджено намір УЄ сприяти вступу України до СОТ; постановою Кабінету Міністрів України від 16 серпня 1999 року затверджено Концепцію адаптації законодавства України до вимог УЄ; 10 грудня 1999 року на Хельсінському саміті УЄ схвалено стратегію УЄ щодо України; 11 вересня 2001 року, на четвертому саміті Україна – УЄ, керівники УЄ та Президент України Леонід Кучма підтвердили свої зобов'язання щодо посилення стратегічного партнерства; 25 листопада 2004 року УЄ заявила про те, що президентські вибори на Україні не відповідали міжнародним стандартам демократичних виборів.

Третій етап – етап великих надій на швидке інтегрування до УЄ бере свій початок з завершенням Помаранчевої революції в Україні і охоплює роки президенства Віктора Ющенка (2005–2009 роки). В цей час було здійснено цілу низку організаційно-правових заходів між УЄ і Україною. Зокрема: 21 лютого 2005 року Рада УЄ схвалила висновок щодо України і в тому числі «10 пунктів», спрямованих на максимізацію переваг Плану дій Україна – УЄ; 23 грудня 2005 року Рада УЄ надає Україні статус країни з ринковою економікою; 1 січня 2008 року набула чинності Угода про спрощення візового режиму між Україною та УЄ; 7 травня 2009 року відбувся запуск ініціативи Східного партнерства; 25 лютого 2010 року Європарламент схвалив резолюцію ситуацію в Україні, визнано право України на приєднання до УЄ. На жаль, попри велику чисельність проведених організаційно-правових заходів, очікуваного стрімкого інтегрування України до УЄ не відбулося.

Четвертий етап – декларативно-прагматичний. Він охоплює роки президенства Віктора Януковича. Найбільш вагомими подіями цього етапу були наступні: 24 вересня 2010 року Україна вступила до Європейського енергетичного співтовариства; 11 листопада відбувся

останній 21-й пленарний раунд переговорів щодо Угоди про асоціацію України з УЄ; 30 березня 2012 року головні переговорники УЄ та України парафували текст Угоди про асоціацію України з УЄ; 19 липня 2012 року здійснено парафування Поглибленої та всеохоплюючої угоди про зону вільної торгівлі між Україною та УЄ; 1 липня 2013 року набула чинності оновлена Угода про спрощення оформлення віз між УЄ та Україною.

Процес євроінтеграції України було перервано за наслідками таємної зустрічі двох президентів: Віктора Януковича та Володимира Путіна. 21 листопада 2013 року Кабінет Міністрів України прийняв постанову про призупинення підготовки до підписання Угоди про асоціацію України з УЄ. Наслідком цього стали масові протести українців, які завершилися Майданом і безславною втечею Віктора Януковича з України.

П'ятий етап – реалістично-прагматичний. Розпочався після революційних подій Майдану. Він є найбільш продуктивний в плані європейської інтеграції України: 21 березня 2014 року у Брюсселі було підписано Політичну частину Угоди про асоціацію України з УЄ; 17 квітня 2014 року Європарламент ухвалив резолюцію по Україні, згідно якої Україна може подавати заявку на членство до УЄ; з 23 квітня було введено в дію одностороннє скасування мит для українських товарів на європейському ринку. Економічна частина угоди, як очікується, буде підписана після президентських виборів 25 травня 2014 року. Зона вільної торгівлі України та Євросоюзу (у двосторонньому форматі) може запрацювати з 1 листопада. Безвізовий режим з країнами ЄС планується започаткувати до кінця 2014 року.

Повертаючись до Політичної частини Угоди про асоціацію України з УЄ, слід зазначити, що вона дуже деталізована та об'ємна. Головні її елементи наступні:

1. У частині **«Преамбула, загальні цілі та принципи»** міститься визнання з боку ЄС європейського вибору та європейських устремлінь України як європейської країни, а також **визначені цілі угоди**, серед яких – створення асоціації, поступове зближення між Україною та ЄС, поглиблення економічних та торговельних відносин, зокрема шляхом створення зони вільної торгівлі, посилення співробітництва у сфері юстиції, свободи і безпеки.

2. Закріплюються **основні принципи**, які лежатимуть в основі асоціації. Це, передусім, забезпечення прав людини та основоположних свобод, повага до принципу верховенства права, дотримання принципів суверенітету і територіальної цілісності, непорушності кордонів і незалежності.

3. Частина **«Політичний діалог і реформи, політична асоціація, співробітництво та конвергенція у сфері закордонних справ та політики безпеки»** містить положення, реалізація яких має сприяти розвитку і зміцненню політичного діалогу у різних сферах, зокрема у сфері безпеки і оборони, зміцнення миру та міжнародного правосуддя,

попередження конфліктів, нерозповсюдження, роззброєння та контроль за озброєнням, боротьбу з тероризмом тощо. Крім того, у цій частині визначені рівні та формати політичного діалогу, зокрема передбачено проведення самітів, зустрічей на міністерському та інших рівнях.

4. Відповідно до **«Інституційних, загальних та прикінцевих положень»** передбачається запровадження нових форматів та рівнів співробітництва між Україною та ЄС після набуття чинності угоди про асоціацію, зокрема створення Ради та Комітету з питань асоціації, Парламентського комітету з питань асоціації. З метою залучення громади до реалізації угоди планується створення Платформи громадянського суспільства.

Підписання та реалізація політичної частини угоди стане важливим чинником **збереження незалежності і територіальної цілісності України**. Адже ця частина, зокрема, передбачає тісну взаємодію з метою збереження безпеки і стабільності в регіоні.

Терміни підписання решти розділів (юстиція, свобода і безпека; секторальне та фінансове співробітництво, поглиблена та всеохоплююча зона вільної торгівлі) будуть визначені сторонами на більш пізньому етапі. Відповідні зобов'язання сторін будуть закріплені у **Заключному акті** за результатами наступного саміту.

Інтеграція європейська України – складний і тривалий процес, який в даний час перебуває на найбільш активній стадії. Спливає 23 рік євроінтеграційних старань України. У цьому зв'язку є незмірно цінною та допомога, яку надавали і надають Україні політичні еліти та народ Республіки Польща. Без цієї допомоги навряд чи було б досягнуто сьогоденішнього рівня стосунків між Україною та UE. Саме Республіка Польща, як найближчий за історичними зв'язками та культурною ментальністю сусід, першою визнала незалежність України і є її надійним гарантом та оборонцем українських інтересів на міжнародній арені. З огляду на це, незмірно зріс авторитет Республіки Польща в очах українців, як і незмірно зросли довіра та вдячність українців до польської держави і польського народу.

* * *

Relacje polityczne między Polską a Ukrainą. Doświadczenia I perspektywy. Lublin. Wydawnictwo KUL. 2015. – S. 161-168.

ПРАВО ЯК ЗАСІБ РЕФОРМУВАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ДЕРЖАВНО-ПРАВОВОЇ СИСТЕМИ

Право, за своїм функціональним призначенням, має, зокрема, гарантувати безпеку політичної системи в Україні, яка включає в себе державні та недержавні соціальні інститути та норми, покликані забезпечити незалежність, територіальну цілісність держави та самоуправління народу як основу прогресивного розвитку всіх сфер його життєдіяльності. В українській доктрині права виділяють такі їх елементи: 1) інституційний; 2) регулятивний; 3) функціональний; 4) комунікативний; 5) духовний. **Інституційний** елемент утворюють окремі політичні інститути: державна влада в її органічному розподілі на законодавчу, виконавчу та судову; політичні партії та суспільні громадсько-політичні організації; церква; органи місцевого самоуправління. **Регулятивний** елемент складають соціальні норми в їх системному утворенні. **Функціональний** елемент чітко проявляється в політичному процесі та політичному режимі. **Комунікативний** елемент є складним системним розгалуженням суспільних політичних відносин. В його складі виділяють інформаційно-комунікативну підсистему: засоби масової інформації; засоби комунікації; науково-інформаційну інфраструктуру до складу якої включають систему установ, які спеціалізуються на зборі інформації, її обробці та поширенні споживачам. **Духовний** елемент утворюють: культура віросповідання; політична свідомість; політична культура. Функціонування кожного з цих елементів, у першу чергу, забезпечується в Україні правом як домінуючим засобом регулювання суспільних відносин. Тому, запропонована до дискусії тема є надзвичайно широка і багатогранна.

В українській доктрині права дуже широко висвітлюються позитивні зрушення в політичній системі за роки незалежності і особливо після Революції гідності, яку знаменував Майдан. Зазначаються також постійно і ті заходи підтримки реформам, яких надає Європейський Союз і, зокрема, Республіка Польща, за що українці особливо вдячні. Поряд з цим, відзначаються і ті дискусійні питання та проблеми, які виникають на шляху розбудови в Україні демократичної, правової, соціальної держави. Їх наявність істотно впливає на якість права, не дозволяє повною мірою і своєчасно реагувати на виклики соціального буття з тим, щоб правовими засобами забезпечити належним чином безпеку політичної системи в цілому.

В міру наданої регламентом можливості зупинюся на окремих, найбільш істотних з них, що стосуються намагань удосконалити інституційний та регулятивний елементи політичної системи України.

І. Проблема вироблення механізму збалансування опосередньої та безпосередньої форм народовладдя на шляху до громадянського суспільства. Головна мета – активізувати участь

громадян в політичних, економічних і культурних процесах. В сучасних державах північної частини Європи все частіше використовується **референдум як інструмент безпосереднього народовладдя**. Як показала практика, він здатний істотно гармонізувати множину суспільних інтересів, корегуючи, урівноважуючи, збалансовуючи, таким чином, позицію всіх суб'єктів суспільних відносин. Необхідність такого переходу викликана чисто практичною ситуацією. Справа в тому, що на шляху демократичних перетворень виявились істотні недоліки наявної системи влади. **Система влади нині продовжує ґрунтуватися на принципах опосередкованого народовладдя**, коли владні функції здійснюють від імені народу обрані ним представники, які фактично непідконтрольні та непідзвітні народові.

Поширеною є думка про необхідність запровадити такий інститут безпосередньої демократії як Всеукраїнський референдум в новій його якості, який, відповідно до статті 5 та 38 Конституції України, можна наділити законодавчими повноваженнями. В законі України про референдум є можливість виокремити **коло питань, вирішення яких належатиме виключно народові**. Це елемент механізму стабільності політичної системи.

Виправданою видається пропозиція передбачити прийняття Всеукраїнським референдумом Конституційних законів, наділених найвищою юридичною силою в ієрархії українських законів. У тому разі, коли Конституція України буде прийнята на Всеукраїнському референдумі, зміни (поправки) до неї можуть бути внесені лише Конституційними законами. У випадку, коли Конституція все ж таки буде прийматися Верховною Радою, вона за юридичною силою буде другою після Конституційних законів. Мало того, вона повинна їм відповідати як законам, що мають найвищу юридичну силу, оскільки прийняті народом. Забезпечення цієї відповідності має бути завданням, функцією Конституційного Суду України.

II. Проблема адміністративно-територіального устрою України. В логічній площині концептуальні наукові підходи до вирішення цієї проблеми, в загальних рисах, виглядають так: а) категоричне **запечечення ідеї федералізації України**; б) **укрупнення**, з врахуванням українського історичного державницького досвіду, адміністративно-територіальних одиниць з розумно чисельним, індивідуальним в кожному випадку штатом чиновників: 1) **ліквідація областей**, об'єднання кількох областей, наприклад, в Край: Волинський край, Галицький край, Подільський край, Буковинський край, Русинський край, Таврійський край, Степовий край; 2) **ліквідація районів** через їх укрупнення і **створення повітів** на території кожного краю – один повіт з трьох-чотирьох районів; 3) **ліквідація сільських, селищних Рад і створення**, наприклад, **волостей** – одна волость з територій п'яти сілрад; з розумно

чисельним штатом чиновників. **Волость** повинна об'єднувати окремі сільські громади; 4) **запровадження** в кожному селі виборної посади сільського голови або старости, **який обирається сільською громадою і діє на безоплатній основі**.

III. Реформування апарату управління державою. Вирішення проблеми адміністративно-територіального устрою України може стати своєрідним «вступом» до розв'язання наступної проблеми – **ліквідація, злам «старої державної машини»** - апарату управління державою як на всеукраїнському так і на місцевих рівнях. Розбудована на командно-адміністративних засадах, вона стала істотним гальмом реформаційних процесів від самого початку української незалежності, виявилась інструментально неспроможною для вирішення нових завдань на шляху реформації суспільства. Провідна роль в «державній машині» без сумніву належить центральним органам держави. Йдеться про необхідність скорочення кількості міністерств і різного роду державних комітетів, ефективність роботи яких, м'яко кажучи, сумнівна, бо їх позитивний вплив на розвиток суспільних процесів ніякий, а затрати з державного бюджету доволі вагомі.

Зарубіжний досвід та елементарна логіка підказують, що в сучасних, складних фінансових умовах можна дозволити в Україні наявність лише, наприклад, таких міністерств: міністерство економіки, міністерство оборони, міністерство внутрішніх справ, міністерство закордонних справ, міністерство охорони здоров'я. Всі інші міністерства слід ліквідувати, передавши їх повноваження органам місцевого самоврядування.

В нинішніх умовах, після проведення приватизації, зміни політичних пріоритетів на користь людей, **настав час ліквідувати наведені вище рудименти тотального контролю за громадянами і територіями, що успадковані від командно-адміністративної системи**. Змінився час, змінилися суть та функції влади, і тому потреба в них відпала. Необхідно широко розвивати місцеве самоуправління, перенести «центр ваги» владних повноважень на місцевий рівень, у міста та інші населені пункти, що має важливе значення для розбудови громадянського суспільства.

З кількісними показниками зв'язані якісні показники державного апарату управління. Йдеться про належне кадрове забезпечення органів держави чесними, висококваліфікованими, патріотично налаштованими кадрами фахівців. Чиновники повинні не керувати, дозволяти чи забороняти або вирішувати, а обслуговувати ці інтереси та потреби. Ця продуктивна ідея все ще потребує свого нагального вирішення.

IV. Проблема забезпечення гармонізації, збалансованості між гілками влади: законодавчої, виконавчої та судової. Нові життєві реалії вимагають корекції механізму розподілу владних функцій між гілками влади.

Законодавча гілка влади сьогодні наділяє виконавчу, судову владу **і, що парадоксально, саму себе** відповідними владними повноваженнями. Звичайно, що при цьому Верховна Рада, у першу чергу, дбає про власну компетенцію, своє становище у суспільстві, становище народних депутатів. При цьому **чітко вимальовується прагнення «прибрати до рук» владу виконавчу і владу судову**. Тим самим, образно висловлюючись, «ковдра влади», більшою частиною, перебуває у руках влади законодавчої. Таке її домінуюче становище суперечить доктрині розподілу влади, не працює ефективно механізм зрівноваження цих трьох гілок влади.

Необхідна **реструктуризація (демонополізація) законодавчої влади** та перехід до **законотворчого плюралізму** створення **механізму законодавчих рівноваг**. У цьому контексті, як думається, є можливим бачення трьох суб'єктів законотворчості:

а) Всеукраїнський референдум, про що вже йшлося вище; б) Верховна Рада; в) Президент України. Зрозуміло, що це незвично бо міняє уяву про владу законодавчу і ніби наділяє Президента додатковими функціями. Згідно Конституції України, Президент є главою держави, а не главою виконавчої влади. Органи влад законодавчої, виконавчої та судової входять в механізм держави. Він, відповідно до ст. 102 Конституції, є гарантом державного суверенітету, територіальної цілісності України, додержання Конституції України, прав і свобод людини і громадянина. В силу цього, природно, йому належать функції суб'єкта законотворчості і це не лише право вето і підпису законів.

Кожен з цих суб'єктів (Президент, Верховна Рада, Всеукраїнський референдум) матиме можливість певним чином урівноважувати інших, виконуючи свої повноваження, виключитися, або принаймні мінімізується, можливість, коли суспільство стає заручником періодичної і тривалої парламентської кризи.

Перехід до законодавчого плюралізму доцільно здійснити на рівні Конституційного закону «Про владу в Україні» або у самій Конституції України у випадку прийняття її на Всеукраїнському референдумі.

Народ як носій, єдине джерело державної влади (ст. 5 Конституції України), уповноважений безпосередньо визначати через спеціальний Конституційний Закон, чи у Конституції України, всі принципи організації системи органів влади в державі, їх повноваження, і в тому числі і Верховної Ради. Все це, як уже зазначалося, дозволить посилити стабільність політичної системи так і всього законодавчого процесу, чітко виробити межі законодавчих повноважень названих вище трьох суб'єктів законотворчої діяльності, а відтак і нормалізувати суспільне життя в цілому, запобігти колапсу влади в умовах можливої парламентської кризи, відкрити широко простір для реформаційних процесів. Народ прагне серйозних політичних і економічних змін в Україні.

Коротко щодо Верховної Ради України. В засобах масової інформації, в наукових джерелах накопичилося ряд, як правило, достатньо обґрунтованих претензій щодо її організації та діяльності. Зокрема, **що вона:**

- а)** є необґрунтовано велика за чисельністю, а фінансові можливості держави обмежені. У США ,наприклад, на 314 мільйонів населення, 435 осіб – у Палаті представників та 100 осіб – у Сенаті. В Російській Федерації – 450 осіб у Державній Думі та 166 осіб у Раді Федерації – на більш ніж 143 мільйони населення. Федеративна Республіка Німеччина – 622 особи в Бундестазі та 69 осіб у Бундесраті при чисельності населення 83 мільйони.
- «Перебір»** кількості депутатів в Україні на приблизно, за різними оцінками, 42-44 мільйони населення очевидний, не кажучи вже про фактор фінансової спроможності української держави;
- б)** діє неоперативно в часі, маючи надмірно забюрократизовану процедуру прийняття законів, а тому законодавство нерідко відстає від потреб розвитку суспільства;
- в)** є непрофесійною за якісним складом народних депутатів – відсутність, як правило, належної юридичної освіти;
- г)** використовується окремими народними депутатами як «схованка» від можливих переслідувань за протиправну діяльність;
- д)** служить окремим народним депутатам надійним щитом для збереження і примноження майнових статків, нерідко набутих нечесним чи протиправним шляхом;
- е)** морально-етична поведінка окремих народних депутатів, як під час проведення її засідань так і поведінка поза її межами є неприйнятною;
- є)** має місце низький рівень участі ряду народних депутатів в її роботі;
- ж)** перетворилася в політико-економічний клуб «за інтересами», де **переважає політична демагогія**;
- з)** появились «штатні» народні депутати, які обиралися до неї багаторазово, а ефекту їх роботи не видно;
- и)** вона фактично **відмежувалася від народу** через прийняття нею ж законодавство. Це найбільш «м'які» претензії до Верховної ради.

Отже, немає сумніву, що Верховна Рада України, в наявному організаційному кількісно-якісному варіанті, є, до певної міри, корумпованим, малокомпетентним, громіздким, заполітизованим, непрофесійним, неоперативним, суперечливим в своїх діях, невинновато дорогим і мало-ефективним органом держави, а сама ідея парламентаризму, в такому її кількісно-якісному складі, а також з таким правовим статусом, формами і методами діяльності, **виявилася значною мірою скомпрометованою, а сама вона – інструментально нездатною ефективно здійснювати законодавчу діяльність.** Нині правове становище Верховної Ради, **гіперболізоване**, перебільшене нею самою. Її правовий статус слід оптимізувати до розумних меж.

Гілки влади мають бути рівноправними в джерелі легітимності своїх повноважень, які вони, як уже зазначалося, повинні отримати через всеукраїнський референдум безпосередньо від носія суверенітету і єдиного джерела влади – народу.

Верховна Рада України не повинна мати права **наділяти саму себе, а особливо інші гілки влади владними повноваженнями**, визначити свій і їхній правовий статус. Нині фактично інші гілки влади **певною мірою залежні від Верховної Ради України**.

Через Всеукраїнський референдум, як думається, **слід вирішити наступні організаційно-правові питання** забезпечення якості роботи Верховної Ради України:

1) про відхід від неадекватної системи виборів депутатів за партійними списками чи то відкритими, чи то закритими. Запропонована система партійних виборів **скомпрометувала себе** через корупцію, кумівство, підкуп виборців та інші ганебні вчинки. Як показала практика, партії включали до своїх списків не завжди тих, хто складає інтелектуальний потенціал України і може забезпечити високу якість законодавства. Виявилося, що, попри демагогічні запевнення про політичну відповідальність партій, **вони реально ні за що не відповідають**. Крім того, партії, які разом усі взяті становлять десь 4-5% від чисельності українського населення, **фактично узурпували владу**, що є грубим порушенням засад демократії. Нерідко чисельність партії «дута», або вона є «кишеньковою» партією якогось олігархічного клану, який спритно використовує її для просунення «своїх» людей до Верховної Ради з метою впливу на законодавчу діяльність. **Вихід із ситуації** – партії мають висувати своїх кандидатів у виборчих округах чи нових адміністративно-територіальних утвореннях, на рівні з іншими суб'єктами виборчого процесу, і власне там доводити переваги, якості свого кандидата. Вони повинні «виросити» на цьому ґрунті до рівня парламентських, набуті професійності, злитися з народом і бути його органічною частиною, вболівати за його інтереси та потреби. Тому вибори за партійними списками є передчасним;

2) про запровадження виборчих цензів до кандидатів у депутати: освіта, вік, практичний стаж роботи, суспільно-моральна характеристика, відсутність притягнення до кримінальної відповідальності за умисні злочини, кількість разів обрання депутатом Верховної Ради України. Такі цензи широко використовуються у багатьох штатах США та в інших державах.

Варіант: при двопалатному варіанті законодавчого органу можливе **поєднання розширених виборчих цензів(верхня палата) – для забезпечення професійності у законотворчості, і звужених виборчих цензів(нижня палата) – для забезпечення представництва;**

3) про кількісний склад Верховної Ради України висловлені різні думки: 450, 300, 100 чи 150 народних депутатів. Можна з впевненістю сказати, що народ проголосує за розумно мінімальний його склад;

4) про роботу депутатів на постійній оплатній основі чи у сесійному порядку і на безоплатній основі. Відповідь Всеукраїнського референдуму на це питання також не важко спрогнозувати;

5) чи має користуватися народний депутат правом недоторканості? Питання контраверсійне, але відповідь більшості народу за підсумками Всеукраїнського референдуму буде, як видається, негативною;

6) скільки разів одна й та ж особа може обиратися до Верховної Ради України? Думається, що, як і Президент України, не більше двох разів.

За Президентом України має бути право внесення проектів законів на Всеукраїнський референдум, а також до Верховної Ради, яка повинна розглянути їх у першочерговому порядку **впродовж одного місяця**.

В умовах можливої парламентської кризи чи інших виняткових умов, Президента необхідно наділити правом видання Указів для урегулювання будь-якого питання у певній сфері суспільних відносин, за винятком питань регулювання яких віднесено до компетенції Всеукраїнського референдуму. Дані Укази Президента мають діяти до того часу, доки Верховна Рада України прийме Закон з цього питання і коли він набуде чинності. Суспільні процеси, в ситуаціях можливої парламентської кризи повинні розвиватися в правовому полі, оперативно вдосконалюватися для забезпечення правової безпеки політичної системи, прогресивного розвитку держави і суспільства.

V. Відсутність компетентного державного законодавчого органу, здатного забезпечити розробку проектів законів на наукових засадах.

На сьогоднішній день склалася парадоксальна ситуація при якій в державі відсутній єдиний орган який би системно, на науковій основі, готував науково обґрунтовані проекти законів, відповідав за їх якість. **Ці проекти готують** переважно люди, які не мають глибокої уяви про принципи організації та функціонування держави, про право загалом та принципи правового регулювання зокрема. Найчастіше ця «ноша» падає на Кабінет Міністрів, чи підпорядковані йому Міністерства, що не є їх функціональним завданням. Та й фахівців з юридичною освітою найвищого наукового рівня там практично немає. Крім того, наслідком такої ситуації є, так званий, **«відомчий» підхід**, коли відомство намагається нав'язати країні, народові своє, нерідко спонтанне, необґрунтоване, суб'єктивне, суперечливе бачення правового врегулювання суспільних відносин і нерідко не на користь громадян.

Часто функцію підготовки законопроектів виконують народні депутати, котрі, як правило, або взагалі не мають юридичної чи взагалі будь-якої вищої освіти, або, якщо окремі з них і мають цю освіту, то не найвищого наукового рівня.

Найважливіші доктринальні підходи до розуміння ідеї створення та функціональної ролі Державної кодифікаційної Комісії України.

1) Державна кодифікаційна Комісія України – **єдиний державний орган**, який має бути наділений повноваженнями щодо **розроблення законопроектів** для їх розгляду на Всеукраїнському референдумі чи у Верховній Раді .

2) Кодифікаційна Комісія України **утворюється** Президентом за поданням Національної академії правових наук.

3) Кодифікаційна Комісія України утворюється **у складі 40-50 державних кодифікаторів**. Державним кодифікатором може бути особа не молодша 40 років, яка є: громадянином України не менше 20 років, вільно володіє державною мовою, не притягалася до кримінальної відповідальності за вчинення умисного злочину, має позитивну моральну поведінку, має науковий ступінь доктора юридичних наук та вчене звання професора.

4) Державна кодифікаційна Комісія України **діє на підставі** Закону «Про кодифікаційну Комісію України», який приймається на Всеукраїнському референдумі. Це надійно убезпечить її від можливого деструктивного впливу з боку Верховної Ради України, дозволить розробляти проекти законів, необхідних для держави, а не в інтересах корумпованих економіко-політичних кланів, чи інших «зацікавлених» суб'єктів.

5) Державна кодифікаційна Комісія повинна **здійснювати свою роботу** відповідно до перспективного «Плану кодифікації законодавства України», який складається на 5-10 років і затверджується Президентом за поданням Національної академії правових наук.

6) Правом ініціювання перед **Державною кодифікаційною Комісією України** питання про розроблення відповідних змін до **чинного законодавства** повинні мати: Президент України, Верховна Рада України, Кабінет Міністрів України, Уповноважений Верховною Радою України з прав людини, Конституційний Суд України, Верховний Суд України, Антикорупційне Бюро України, Національна академія правових наук України.

7) Розроблений Державною кодифікаційною Комісією України проект Закону, **разом з висновком** Національної академії правових наук України, подається Президентові України, який **вирішує питання про його винесення** на Всеукраїнський референдум чи внесення на розгляд Верховної Ради або **про повернення** проекту Закону на доопрацювання зі своїми зауваженнями.

8) Депутати Верховної Ради України розглядаючи внесений Президентом Закон **пропонують** свої зміни до нього. Такі пропозиції змін у концентрованому вигляді направляються Головою Верховної Ради до Державної кодифікаційної Комісії України для їх розгляду по суті.

У випадку відмови Кодифікаційною Комісією України щодо врахування відповідної пропозиції депутата щодо зміни законопроекту, вона **не може бути** внесена повторно на її розгляд.

9) Рішення Державної кодифікаційної Комісії України **не можуть** бути оскаржені в судовому порядку.

Викладені вище судження не позбавлені певних ознак дискусійності як і інші судження щодо аналізу доволі складної української політико-правової дійсності та забезпечення правової безпеки політичної системи України.

Резюме. Розглядаються питання розуміння політичної системи в Україні, її складових елементів. Аналізуються можливі доктринальні шляхи перспективного забезпечення її правової безпеки. Зокрема, через збалансування інститутів безпосереднього та опосередього народовладдя, проведення адміністративної реформи, запровадження законодавчого плюралізму, забезпечення належної збалансованості між гілками державної влади, покращання якості законів.

* * *

Соціальна функція кримінального права: проблеми наук. забезпеч. законотворен. та правозаст. // Матеріали міжнародної науково-практ. конференції 12-13 жовтня 2016 р. Харків, 2016 р. С. 38-43.

КОНСТИТУЦІЯ – ПРАВОВА ОСНОВА РЕГУЛЮВАННЯ І ОХОРОНИ СУСПІЛЬНИХ ВІДНОСИН

В сучасній європейській правовій традиції прийнято, що конституція є Основним законом держави, який, будучи юридичною формою виразу досягнень загальної та правової культури, визначає найбільш вагомі засади функціонування держави і суспільства. Аксіоматичність цього постулату не викликає жодного сумніву. Прояв його є всеосяжним і в Україні на шляху розбудови соборної, суверенної, демократичної, правової і соціальної держави, громадянського суспільства.

Механізм реалізації Конституції України є складним, багаторівневим і системним. В основі його змістовно-суб'єктивного детермінанта є людина – як в іпостасі громадянина так і в іпостасі працівника відповідного державного чи недержавного органу. Втілення положень Конституції у всі форми суспільного буття людини найбільш наглядно знаходить свій прояв через поведінку людини.

Коло суб'єктів суспільних відносин, які забезпечують, кожен у міру своєї компетенції, своїх потенційних можливостей і прикладених вольових зусиль, конституційність кримінально-правового регулювання і охорони досить широке. Серед них: сім'я, навчальні заклади, колективи за місцем праці, громадські організації та партії, державні органи тощо. Всі названі суб'єкти причетні до формування у людини поваги до Конституції України, прийнятих на її основі правових актів. Саме вони,

у першу чергу, найбільш істотно впливають на забезпечення позитивної (перспективної) відповідальності людини.

В контексті правового регулювання, в діяльності державних органів щодо матеріалізації конституційних принципів, умовно можна виділити три напрями: а) правотворчий, б) правозастосувальний, в)правовиховний. Кожен з означених виявів діяльності здійснюється через систему відповідних органів держави, наділених законом певними повноваженнями.

Конституція України, виконуючи установчу, регулятивну та правоохоронну функції, слугує фундаментом, правовою основою, найважливішим джерелом всіх галузей українського права. Верховенство Конституції України обумовлене рядом юридичних обставин. **По-перше**, в ч. 2 ст. 8 Конституції України визначено, що вона **має найвищу юридичну силу** і закони та інші нормативні акти приймаються тільки на її основі й повинні відповідати їй. **По-друге**, відповідно до ст. 8 Конституції України **її норми є нормами прямої дії**. Суди при вирішенні справ мають право посилалися на норми Конституції України. **По-третє**, про це прямо зазначено, наприклад, в ч. 1 ст. 3 КК України: «Законодавство України про кримінальну відповідальність становить Кримінальний кодекс України, який ґрунтується на Конституції України...»

Інструментальна цінність Конституції України як фундаменту, правової основи, основного джерела українського права зумовлена не лише закріпленням такого її становища в самій Конституції України та чинному законодавстві України. Головним чином така якісна властивість зумовлена тим, що вона: а) є опосередкованим через народних депутатів волевиявленням українського народу; б) в ній закріплені досягнуті і домінуючі перспективні ціннісні пріоритети й принципи організації та функціонування механізму держави і політичної організації суспільства, права і свободи людини, принципи правового регулювання; в) вона є реально діючою моделлю гармонійного поєднання, правового балансу публічних, приватних та корпоративних інтересів; г) ряд її норм є нормами-цілями, які визначають, програмують перспективу розвитку української державності, права та суспільства.

Конституція України, виконуючи роль правової основи, найважливішого джерела права, породжує послідовну діалектичну залежність: Конституція України – об'єктивне право – правозастосовні акти компетентних органів держави– виконання цих актів. Правозастосовні акти, породжують певні права та обов'язки суб'єктів суспільних відносин. Отже, джерелом права виступає Конституція України, а джерелом правозастосовних рішень – і Конституція України, і об'єктивне право.

Важливе значення для забезпечення конституційності правового регулювання має чинна постанова Пленуму Верховного Суду України № 9 від 1 листопада 1996 року «Про застосування Конституції України при здійсненні правосуддя», в якій, зокрема, звертається увага на наступні положення:

Наголошуючи, що відповідно до ст.8 Конституції в Україні визнається і діє принцип верховенства права, Пленум Верховного Суду України вказав на безпосередню дію конституційних прав і свобод людини і громадянина. Вони визначають цілі і зміст законів та інших нормативно-правових актів, зміст і спрямованість діяльності органів законодавчої та виконавчої влади, органів місцевого самоврядування і забезпечуються захистом правосуддя.

У зв'язку з тим, що Конституція України **має найвищу юридичну силу, а її норми є нормами прямої дії**, суди при розгляді конкретних справ повинні оцінювати зміст будь-якого закону чи іншого нормативно-правового акта з точки зору його відповідності Конституції і в усіх необхідних випадках застосовувати Конституцію як акт прямої дії. Судові рішення мають ґрунтуватися на Конституції, а також на чинному законодавстві, яке не суперечить їй.

У разі невизначеності в питанні про те, чи відповідає Конституції України застосований закон або закон, який підлягає застосуванню у конкретній справі, суд за клопотанням учасників процесу або за власною ініціативою зупиняє розгляд справи і звертається з мотивованою ухвалою (постановою) до Верховного Суду, який відповідно до ст.150 Конституції може порушувати перед Конституційним Судом України питання про відповідність Конституції законів та інших нормативно-правових актів.

- Суд безпосередньо застосовує Конституцію України у разі:

1) коли зі змісту норм Конституції не випливає необхідність додаткової регламентації її положень законом;

2) коли закон, який був чинним до введення в дію Конституції чи прийнятий після цього, суперечить їй;

3) коли правовідносини, що розглядаються судом, законом України не врегульовано, а нормативно-правовий акт, прийнятий Верховною Радою або Радою Міністрів Автономної республіки Крим, суперечить Конституції України;

4) коли укази Президента України, які внаслідок їх нормативно-правового характеру підлягають застосуванню судами при вирішенні конкретних справ, суперечать Конституції України.

• Якщо зі змісту конституційної норми випливає необхідність додаткової регламентації її положень законом, суд при розгляді справи повинен застосовувати тільки той закон, який ґрунтується на Конституції України і не суперечить їй.

• Суд може на підставі ст.144 Конституції визнати такими, що не відповідають Конституції чи законам України, рішення органів місцевого самоврядування, а на підставі ст.124 Конституції – акти органів державної виконавчої влади: міністерств, відомств, місцевих державних адміністрацій тощо.

- Нормативно-правові акти будь-якого державного чи іншого органу підлягають оцінці на відповідність їх як Конституції, так і закону.

Таким чином, Конституція України, з одного боку, закріплює досягнутий новий якісний стан політико-правової організації суспільства, баланс (консенсус) інтересів політичних сил, засновану на загальнолюдських цінностях гуманізму, добра і справедливості політичну і правову ідеологію, правову культуру, відображає об'єктивну спрямованість суспільного розвитку, слугує правою основою наукової, законодавчої та правозастосовної діяльності, а з іншого – створює передумови для дальшого розвитку суспільства, є основним джерелом українського права, фундаментом правових засобів регулювання суспільних відносин, виконує консолідуючу, стабілізуючу, мобілізуючу, виховну роль у суспільстві, сприяючи усвідомленню його суб'єктами свого правового статусу і конституційних завдань суспільного розвитку.

Саме цим зумовлена **особлива суспільна цінність** Конституції України.

Проілюструємо ці властивості Конституції на прикладі чинного кримінального кодексу України.

Яскравим свідченням того, що джерелом чинного КК України є Конституція України, слугує, зокрема, пряме закріплення, трансформація в ньому ряду конституційних положень. Наприклад, положення ст. 58 Конституції України про зворотну дію нормативно-правових актів у часі знайшли своє відображення в ст. 5 КК України, а закріплена у ст. 62 Конституції України презумпція невинуватості – в ч. 2 ст. 2 КК України. Конституційний принцип про неможливість притягнення до юридичної відповідальності одного виду за одне й те саме правопорушення (ч. 1 ст. 61 Конституції України) закріплений в ч. 3 ст. 2 КК України, а закріплене право особи не виконувати явно злочинні розпорядження чи накази (ст. 60 Конституції України) – в ч. 3 ст. 41 КК України. Принцип про невидання іноземній державі громадянина України (ч. 2 ст. 25 Конституції України) відтворений в ч. 1 ст. 10 КК України, а право на необхідну оборону (ч. 2 ст. 27, ч. 5 ст. 55 Конституції України) – в ст. 36 КК України.

У ряді випадків конституційні положення зумовлюють необхідність криміналізації певних суспільно небезпечних діянь. Відповідно до ст. 3 Конституції України, людина, її життя і здоров'я, честь і гідність, недоторканість і безпека визнаються в Україні найвищою соціальною цінністю. Це, зокрема, зумовило криміналізацію діянь, передбачених ст.ст. 115–126, 128–156 КК України. Частина перша ст. 28 Конституції України заборонила катування, що послужило підставою для криміналізації катування в ст. 127 КК України.

Конституційний принцип протепе, щоніхтоне може бути протиправно позбавлений права власності, що право приватної власності є непорушним,

послужив підставою для криміналізації посягань проти власності, передбачених ст.ст.185–198 КК України. Виконання обов'язку громадянина не заподіювати шкоду природі (ст. 66 Конституції України) забезпечується, зокрема, ст.ст. 236–254 КК України, а обов'язок сплачувати податки (ст. 67 Конституції України) – ст. 212 КК України.

Ніхто, відповідно до ч. 2 ст. 29 Конституції України, не може бути заарештований або триматися під вартою інакше як за вмотивованим рішенням суду і тільки на підставах та в порядку, встановлених у законі, що послужило підставою для криміналізації в ст.ст. 371, 372, 373, 374, 375 КК України, діянь, які суперечать названому принципу.

Особливе місце в системі органів української держави посідає Конституційний Суд України. **По-перше**, відповідно до ст. 147 Конституції України він є єдиним органом конституційної юрисдикції в Україні. **По-друге**, згідно ст. 150 Конституції України, до виключних повноважень Конституційного Суду України належить, зокрема, вирішення питань про відповідність Конституції України (конституційність): законів та інших правових актів.

По-третє, рішення Конституційного Суду з наведених вище питань є обов'язковими на території України, остаточними і не можуть бути оскаржені (ч. 2 ст. 150 Конституції України). **По-четверте**, закони та інші правові акти або їх окремі положення, що визнані неконституційними, втрачають чинність з дня ухвалення Конституційним Судом рішення про їх неконституційність. **По-п'яте**, невиконання рішення Конституційного Суду України тягне за собою юридичну відповідальність і в тому числі відповідальність кримінальну.

Конституційний Суд України, таким чином, виконує важливу функцію забезпечення конституційності правового регулювання загалом та кримінально-правового регулювання і охорони суспільних відносин зокрема.

Рішення Конституційного Суду України є джерелом українського кримінального права в тій частині, де йдеться про вирішення окремих спеціальних питань кримінально-правового регулювання суспільних відносин. Серед рішень Конституційного Суду України, які є актами роз'яснення кримінального закону, можна, зокрема, назвати:

1) рішення Конституційного Суду України від 7 липня 1998 року № 11-рп/98 (справа № 1-19/98 щодо порядку голосування та повторного розгляду законів Верховною Радою України) та від 9 лютого 1999 року № 1-рп/99 (справа № 1-7/99 про зворотну дію в часі законів та інших нормативно-правових актів), а також від 19 квітня 2000 року № 6-рп/2000 (справа № 1-3/2000 про зворотну дію кримінального закону в часі). Дані акти тлумачення насамперед мають значення для застосування статей 4 та 5 КК України;

2) рішення Конституційного Суду України від 29 грудня 1999 року № 11-рп/99 (справа № 1-33/99 про смертну кару), яким положення ст. 24 та санкцій статей чинного тоді КК України, які передбачали смертну кару як вид покарання, визнано таким, що не відповідають Конституції України (неконституційними).

3) рішення Конституційного Суду України від 3 червня 1999 року № 5-рп/99 (справа № 1-8/99), в якому роз'яснено, що членами сім'ї військовослужбовця, працівника міліції, особового складу державної пожежної охорони можуть бути визнані й інші особи, за умови постійного проживання разом і ведення з ним спільного господарства, тобто не лише його (її) близькі родичі (рідні брати, сестри, онуки, дід, баба), але й інші родичі або особи, які не перебувають з військовослужбовцем, працівником міліції, особового складу державної пожежної охорони у безпосередніх родинних зв'язках (неповнорідні брати, сестри; зять, невістка; вітчим, мачуха; опікуни, піклувальники, пасинки, падчерки та інші). Це рішення Конституційного Суду України має, зокрема, значення для кваліфікації злочинів, передбачених статтями 115 (п. 8 ч. 2), 122 (ч. 2), 126 (ч. 2), 189, 345, 346, 347, 348, 349, 377, 378, 379, 380, 398, 399, 400 КК України.

В демократичних умовах панування плюралізму думок в доктрині права України, є можливість звернути увагу на дискусійність окремих рішень Конституційного Суду України. У рішенні Конституційного Суду України від 02.11.2004 року № 15-рп/2004, зокрема, вказано, що «Верховенство права – панування права в суспільстві. Верховенство права вимагає від держави його втілення у правотворчу та правозастосовну діяльність, зокрема, у закони, які за своїм змістом мають бути проникнуті передусім ідеями соціальної справедливості, свободи, рівності, тощо. Одним із проявів верховенства права є те, що **право не обмежується лише законодавством як однією з його форм, а включає й інші соціальні регулятори, зокрема норми моралі, традиції, звичаї, принципи права тощо, які легітимовані суспільством і зумовлені історично досягнутим культурним рівнем суспільства**. Всі ці елементи права об'єднуються якістю, що відповідає ідеї справедливості, ідеї права, яка значною мірою дістала відображення в Конституції України» (Рішення Конституційного Суду України від 2 листопада 2004 року № 15-рп/2004 у справі про призначення судом більш м'якого покарання).

Як видно з наведеного, Конституційний Суд України об'єднав в одному понятті законодавство та інші соціальні норми, які, як прийнято в доктрині права є самостійними, самодостатніми регуляторами суспільних відносин.

Думається, що таке «розмите» розуміння права загалом, як і кримінального права зокрема, не може забезпечити належну якість і ефективність правового і кримінально-правового регулювання і охорони суспільних відносин на ґрунті принципу правомірності.

Значний вплив на розуміння українськими вченими-криміналістами початку кримінально-правової відповідальності справило рішення Конституційного Суду України № 9рп/99 від 27 жовтня 1999 року (справа про депутатську недоторканність), згідно якого кримінальна відповідальність людини настає з **моменту набрання законної сили обвинувальним вироком суду**. Більшість вчених-криміналістів просто приєдналася до цієї позиції Конституційного Суду, незважаючи на власне розуміння поняття кримінальної відповідальності людини, або у зв'язку з тим, що воно відповідає їх розумінню цього поняття.

Як впливає з названого рішення Конституційного Суду України, його автори, на тлі чинного тоді КК України, висунули оригінальну синтезовану концепцію розуміння поняття негативної (ретроспективної) кримінально-правової відповідальності людини: **«кримінально-правова відповідальність – осуд і звільнення від покарання або осуд і покарання»**. Разом з тим, вони обійшли питання самого поняття кримінальної відповідальності людини, ствердивши лише, що вона є різновидом юридичної відповідальності, особливим елементом у механізмі кримінально-правового реагування держави щодо особи, яка вчинила злочин, що є підстави розглядати її як особливий правовий інститут. Таким чином, порушено логічний ряд мислення: з моменту набрання законної сили обвинувальним вироком суду виникає те, що не знайшло свого змістовно-логічного визначення як категорія, як поняття. Нічого не сказано в рішенні Конституційного Суду України і про припинення кримінально-правової відповідальності.

Аналізуючи згадане рішення Конституційного Суду, П.С.Матішевський вірно зауважив, що вирішення питання про момент настання кримінальної відповідальності людини можливе лише після визначення самого поняття «кримінальна відповідальність». Тому, дещо некоректним є визначення моменту настання кримінальної відповідальності людини без поєднання з самим її поняттям. При цьому безперечним положенням є те, – писав він, – що кримінальна відповідальність людини пов'язана з подією, яка має назву «злочин». Посилання в рішенні Суду на положення ч. 1ст. 62 Конституції України, відповідно до якого: «особа вважається невинуватою у вчиненні злочину і не може бути піддана покаранню, доки її вину не буде доведено в законному порядку і встановлено обвинувальним вироком суду», не є достатнім аргументом. Це положення Конституції України зовсім не означає, що до моменту винесення обвинувального вироку суду, подія злочину не може вважатися юридичним фактом, що породжує охоронні кримінально-правові відносини, а людина, яка вчинила злочин, не повинна відповідати за вчинене. Якщо з цим не рахуватися, то тоді кримінальне переслідування та притягнення її до кримінальної відповідальності до винесення обвинувального вироку позбавляється свого матеріального (кримінально-правового) обґрунтування і фактично

стає незаконним. Між тим, – наголосив далі він, – кримінальне переслідування особи пов'язане з кримінально-правовими нормами, оскільки поняття злочину і караність небезпечного діяння визначені кримінальним законом. З цієї точки зору саме з моменту вчинення злочинного діяння виникає (починається) кримінальна відповідальність людини, тобто виникають суб'єкти кримінально-правових відносин, а також їхні суб'єктивні права та юридичні обов'язки (1, с. 56-57).

До наведених суджень П. С. Матишевського можна додати ще одне – в частині 1 ст. 62 Конституції України не вживається словосполучення **«кримінальна відповідальність»**, а йдеться лише **про покарання** як одну з форм реалізації кримінальної відповідальності. Тільки в контексті **покарання** положення про **вину і обвинувальний вирок суду** мають суто правовий сенс.

В. І. Осадчий більш прямо пише, що «початковий момент виникнення негативної кримінальної відповідальності не пов'язаний з вступом у силу обвинувального вироку суду негативна кримінальна відповідальність не виникає внаслідок констатації її у вирокі суду або в іншому процесуальному документі. Вона є результатом неправомірності поведінки особи, яка вчинила передбачене чинним КК діяння, що містить склад злочину». Тому, – вважає він, – згадане вище Рішення Конституційного Суду України стосується не стільки моменту виникнення кримінальної відповідальності, скільки її офіційної констатації в обвинувальному вирокі суду і початку її реалізації (2, с. 76).

Таким чином, необхідно розрізняти, як думається, два поняття: **«виникнення кримінально-правової відповідальності»** та **«реалізація кримінально-правової відповідальності»**, що не враховано в названому рішенні Конституційного Суду України. Як би ми не розглядали негативну (ретроспективну) кримінально-правову відповідальність людини – чи то через призму обов'язку, чи правовідносин, чи покарання, санкції, примусового впливу, обмеження прав і свобод тощо, **початок її виникнення**, генезис необхідно пов'язувати з юридичним фактом – **вчинення злочину**. Саме з цього моменту виникають **обов'язок** особи, яка вчинила злочин, дати звіт за вчинене і **право перетерпіти відповідно до закону** покарання, або інші заходи кримінально-правового впливу, а також **право і обов'язок** держави в особі компетентних органів виявити вчинений людиною злочин і застосувати до неї кримінальну відповідальність, чинне кримінальне законодавство в широкому його розумінні.

Реалізація негативної (ретроспективної) кримінально-правової відповідальності людини – є, насамперед, кримінально-процесуальним поняттям, а пізніше, з часу звернення обвинувального вироку до виконання, – також і кримінально-виконавчим поняття. До початку кримінально-процесуальних, а пізніше

виконавчо-процесуальних дій кримінально-правова відповідальність перебуває в статусі «потенційної», теоретично можливої.

Загалом, рішення Конституційного Суду України, як акти роз'яснення закону, забезпечують конституційність правового регулювання і охорони суспільних відносин, є джерелом українського права. Разом з цим, як думається, вони не повинні слугувати засобом вирішення дискусійних питань в доктрині права. Як і інші джерела науки права, вони підлягають неупередженому, критичному осмисленню.

Забезпечення конституційності правового регулювання і охорони суспільних відносин є складним і відповідальним завданням. Його вирішення потребує вираженого, системного підходу і здійснення виключно на наукових засадах. Адже відомо, що кожний вид суспільної діяльності може розраховувати на максимальну ефективність лише за умови належного його наукового забезпечення. Лише такий підхід є запорукою конституційності як правотворчої так і правозастосовної діяльності в царині правового регулювання і охорони суспільних відносин в державі соціально-демократичної орієнтації.

Література:

1. Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина / П.С. Матишевський. – К.: Юрінком Інтер, 2000.
2. Уголовное право Украины. Общая часть / под ред. В.А. Клименко, Н.И. Мельника. – К.: Атика, 2002.

ДО ПИТАННЯ ПРО ПРИНЦИПИ НЕГАТИВНОЇ (РЕТРОСПЕКТИВНОЇ) ЮРИДИЧНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ ЛЮДИНИ

Максимально об'єктивний, осяжний і змістовний аналіз правової реальності можливий через призму принципів права, їх ролі в механізмі правового регулювання суспільних відносин.

Принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини, за Н.В. Вітруком, – це найбільш загальні для даного правового інституту, директивні, імперативні норми-вимоги, які визначають зміст як правового регулювання відносин юридичної відповідальності, так і діяльності щодо застосування заходів (мір) юридичної відповідальності. Пізнання принципів юридичної відповідальності важливе як для законодавця, котрий формує відповідні норми права, так і для суддів та інших правозастосувачів [3, 185].

Принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини є різновидом міжгалузевих принципів права (правового регулювання, а тому, як і інші принципи такого виду, вони субординовані,

«підпорядковані» його загальним типологічним конкретно-історичним принципам [12, 162].

О. В. Рагузіна дещо в іншій площині бачить поняття принципів юридичної відповідальності людини: «... це ключові ідеї, установки, керівні засади відповідальності, закріплені в законі, які визначають і виражають її суть, зміст і соціальне призначення та стимулюють або обмежують поведінку суб'єктів правових відносин» [13, 17].

С. В. Бобровник визначає принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини як положення та ідеї, що мають законодавче закріплення та визначають самостійний і реальний характер відповідальності як засобу трактування і охорони об'єктивного і суб'єктивного права та суспільного порядку [2, 295].

За визначенням Б. Т. Базилева, принципи юридичної відповідальності людини як основоположні ідеї, що виражають сутність, природу і призначення інституту відповідальності, містяться в законодавстві у вигляді норм. Норми ж визначають характер правового регулювання деліктних відносин. Це внутрішні закономірності існування даного правового інституту, що виражають його природу і призначення. Порушення цих принципів, відступ від них неминуче деформує інститут юридичної відповідальності людини, розмиває його межі, веде до штучного змішування з іншими правоохоронними інтересами, які мають свої закономірності буття. Принципами юридичної відповідальності людини, на його думку, є: 1) законність підстав; 2) невідворотність настання; 3) недопустимість подвоєння (застосування кількох видів юридичної відповідальності за одне й те ж протиправне діяння); 4) персоніфікованість накладення; 5) регламентованість здійснення [1, 56-57].

В. М. Лазарев та В. Г. Фьодорова вважають, що правильним буде розуміти під принципами юридичної відповідальності людини такі, що впливають з соціально-економічної природи права, загальновизнані і закріплені в законі ідеали регулятивно-охоронного впливу юридичної відповідальності на поведінку дієздатних суб'єктів, а також об'єм і порядок застосування її заходів [5, 84].

В юридичній літературі немає єдності думок вчених щодо системи принципів негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини та їх змістовної частини. Зокрема, виокремлюють принципи, які безпосередньо закріплені в законі (легальні принципи) та принципи, які впливають з правової природи юридичної відповідальності людини. За формою юридичного визначення серед легальних принципів юридичної відповідальності людини розрізняють конституційні принципи, тобто такі, що закріплені в Конституції та галузеві принципи, що закріплені в галузевому законодавстві. Звертається увага на те, що на юридичну відповідальність людини поширюються всі загальноправові принципи. Вони принципи обумовлюють зміст і спрямованість принципів юридичної

відповідальності, які є спеціальними принципами щодо загальноправових принципів. До загальноправових принципів відносять принципи: правомірності; справедливості; гуманізму; верховенства права; юридичної рівності; гарантованість державою прав і свобод людини і громадянина; відшкодування державою шкоди, заподіяної особі незаконними діями державних органів і службових осіб. Загальноправові принципи повною мірою визначають зміст і дію юридичної відповідальності людини. Вони тісно зв'язані між собою за змістом та своєю дією вони знаходять своє втілюються у спеціальних принципах юридичної відповідальності людини [3. 185–186]. Н. В. Вітрук до спеціальних принципів відносить такі принципи юридичної відповідальності людини: 1) конституційність і законність, визначеність і обґрунтованість підстави юридичної відповідальності; 2) невідворотність настання юридичної відповідальності; 3) рівні підстави юридичної відповідальності; 4) персоніфікація і індивідуалізація юридичної відповідальності; 5) неприпустимість подвійного покарання за одне й теж правопорушення; 6) оптимальність процесуально-процедурної форми юридичної відповідальності; 7) ефективність реалізації юридичної відповідальності [3, 187].

П. М. Рабінович висловив слушну думку, що негативна (ретроспективна) юридична відповідальність людини застосовується на таких засадах: а) законності (щодо підстав, процедури притягнення до відповідальності, її виду та розміру); б) обґрунтованості (щодо висновків про факт та про суб'єкта правопорушення, а також про інші юридично значимі факти, пов'язані з цими обставинами); в) доцільності (щодо здійснення цілей юридичної відповідальності); г) невідворотності (жодне правопорушення не повинне залишатися без відповідного реагування компетентних органів); д) справедливості або індивідуалізації (щодо відповідності обраного в межах закону заходу відповідальності негативній соціальній характеристиці конкретного правопорушника). У праві держави соціально-демократичної орієнтації – відповідно до його типологічних принципів – юридична відповідальність передбачається у законодавстві тільки за: 1) фізичне діяння (а не за думки, світогляд, соціальні або особистісні властивості людини); 2) юридично заборонене діяння; 3) винне діяння (проте можливі окремі винятки); 4) особисте діяння правопорушника (проте можливі окремі винятки) [12, 162].

«Найважливішими принципами негативної юридичної відповідальності є принципи:

- законності – означає, що вся процедура накладення покарання та його відбування порушником повинна здійснюватися у строгій відповідності до закону;

- вини – передбачає, що немає відповідальності без вини, відповідальність накладається тільки за здійснення особою винного протиправного діяння;

- невідворотності покарання – вимагає, щоб жодне правопорушення не залишалося без покарання;
- гуманності – покарання не може мати своєю метою спричинення фізичних страждань, приниження людської гідності;
- справедливості – застосовані міри відповідальності повинні відповідати ступеню суспільної небезпеки, а також є неприпустимою подвійна відповідальність за одне і те саме правопорушення;
- презумпція невинуватості – кожний громадянин вважається невинуватим, поки інше не буде доведено в установленому законом порядку [10, 40-41].

Л. А. Морозова, наголошуючи, що різні автори визначають різні принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини, назвала п'ять з них, які найчастіше зазначаються вченими-теоретиками: 1) законність; 2) обґрунтованість; 3) справедливість; 4) доцільність; 5) невідворотність [9, 346].

Н. М. Пархоменко розглядає юридичну відповідальність людини як матеріально-правовий інститут, принципами якого є: а) справедливість; б) законність; в) невідворотність; г) індивідуалізація; д) гуманізм та е) винність діяння. Вона визначає принципи юридичної відповідальності як положення та ідеї, що мають законодавче закріплення та визначають самостійний і реальний характер відповідальності як засобу гарантування і охорони об'єктивного і суб'єктивного права та суспільного порядку. Принципи юридичної відповідальності формуються на підставі принципів права [11, 54, 56].

Більш широкий підхід до визначення принципів негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини застосувала С. В. Бобровник, яка назвала і проаналізувала наступні принципи: 1) принцип законності; 2) принцип відповідності правопорушення та покарання; 3) принцип справедливості; 4) принцип обґрунтованості; 5) принцип змагальності; 6) принцип права на захист; 7) принцип невідворотності відповідальності; 8) принцип своєчасності відповідальності; 9) принцип гуманізму; 10) принцип доцільності; 11) принцип індивідуалізації покарання; 12) принцип відповідальності за винні діяння; 13) принцип правової регламентованості [2, 296-299].

Юридична відповідальність людини, за Р. Х. Макуєвим, реалізується на ґрунті семи принципів: 1) відповідальність лише за винне діяння; 2) законність; 3) співрозмірність юридичної відповідальності тяжкості вчиненого правопорушення; 4) невідворотність юридичної відповідальності; 5) оперативність притягнення правопорушника до юридичної відповідальності; 6) доцільність юридичної відповідальності; 7) презумпція невинуватості [7, 44-45].

І. С. Самощенко та М. Х. Фарукшін до основних принципів юридичної відповідальності людини відносять: а) відповідальність лише

за поведінку, за вчинки учасників суспільних відносин, а не за думки, біологічні чи соціальні властивості, родинні чи інші зв'язки людей; б) відповідальність лише за вину людей і організацій; в) законність; г) справедливість; д) доцільність; е) невідворотність і швидке настання відповідальності [14, 125].

На думку М.Б. Міроненко, таких принципів є п'ять: 1) принцип справедливості; 2) принцип законності; 3) принцип невідворотності відповідальності; 4) принцип індивідуалізації відповідальності; 5) принцип вини. При цьому, - вважає вона, - принцип справедливості юридичної відповідальності людини є системоутворювальним принципом [8, 5].

З-поміж інших наукових концептів принципів юридичної відповідальності людини вирізняється оригінальністю їх бачення як охоронних принципів права обґрунтування А.М. Колодієм. Він визначає охоронні принципи права так: «це обумовлені соціальним призначенням найбільш загальні й головні, нормативно-регулятивні напрями правового впливу на діяльність з охорони загальнозначущих, соціально важливих політичних, економічних, культурних, національних, особистих та інших відносин, забезпечення їх недоторканності і, відповідно, на боротьбу з явищами, які шкодять цим суспільним відносинам». Специфіка охоронних принципів права, - пише він далі, - полягає в тому, що вони: а) характеризують право як особливий спосіб правового впливу на поведінку людей, що реалізується під загрозою санкцій, шляхом встановлення заборон і практичної реалізації юридичної відповідальності; б) слугують найбільш зрозумілим і доступним інформатором для суб'єктів суспільних відносин щодо того, які соціальні цінності перебувають під охороною держави, що здійснюється за допомогою права; в) є найбільш наочним показником політичного, соціального і духовного рівня розвитку суспільства, морально-гуманістичних витоків права; г) є загальними, керівними центрами порядку і процедури накладення і реалізації покарання. Сутність охоронного права і його принципів більш чітко виявляється у правоохоронній діяльності суспільства. Найбільш чітко вираженими принципами охоронного права, на його думку, є: загальна заборонність, примусовість, розрахованість на правопорушення, можливість практичного застосування юридичної відповідальності, регламентованість покарання, його подальша гуманізація тощо [4, 78].

Д.М. Лук'янець зробив спробу виявити концептуальні джерела юридичної відповідальності людини, показати зумовленість її існування фундаментальними філософськими законами. На цій основі він сформулював основні принципи, які, на його думку, утворюють концептуальну модель юридичної відповідальності людини, а саме принципи: 1) діалектичної суперечності і причинності; 2) відповідальності; 3) нормативного описання відхилень від норми.

Принцип діалектичної суперечності і причинності передбачає те, щоб у процесі соціального нормування суспільних відносин, різновидом якого

є правове регулювання, обов'язково були враховані принципи діалектики, а також фундаментальні положення детермінізму, філософського вчення про об'єктивні закономірності взаємозв'язку і взаємозумовленості явищ матеріального і духовного світу.

Принцип відповідальності розкривається автором через його складові: а) нормативну модель відхилення від норми і б) нормативну модель реакції на відхилення. Нормативна модель реакції на відхилення від норми базується на принципах: 1) реалізованості реакції; 2) адекватності реакції; 3) об'єктивності оцінки; 4) об'єктивності істини; 5) достовірності джерел; 6) належного суб'єкта оцінювання реакції; 7) необхідних підстав ініціювання реакції; 8) достатності підстав об'єктивної оцінки; 9) фаховості суб'єкта оцінки; 10) подолання неочевидності; 11) страхування об'єктивності.

Нормативна модель відхилення від норми забезпечується принципами нормативного описання відхилень, які викликають відповідну реакцію: 1) формалізації відхилення; 2) пропорційності рівня нормативної деталізації відхилення і точності визначення меж можливої реакції; 3) відповідності об'єкта реакції адресату норм; 4) належної спрямованості реакції; 5) дієвості реакції; 6) конкретності ознак об'єктивної сторони; 7) об'єктивної зумовленості діяння волею відповідного суб'єкта і адекватного відображення цього діяння у його свідомості; 8) конкретизації реакції [6, 4-11].

На наш погляд, до числа спеціальних принципів негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини доцільно віднести наступні принципи: 1) принцип демократичності відповідальності; 2) принцип гуманності відповідальності; 3) принцип нормативності; 4) принцип справедливості відповідальності; 5) принцип рівності відповідальності.

Список використаних джерел

1. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б.Т. Базылев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.
2. Бобровник С.В. Юридична відповідальність / С.В. Бобровник // Загальна теорія держави і права (основні поняття, категорії, правові конструкції та наукові концепції): навч. посібник / за ред. О.В. Зайчука, Н.М. Оніщенко. – К.: Юрінком Інтер, 2011.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – М.: ПАМ, 2008.
4. Колодій А.М. Принципи права України / А.М. Колодій – К.: Юрінком Інтер, 1998.
5. Лазарев В.М. Принципы правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография / В.М. Лазарев, В.Г. Федорова. – Волгоград: Изд-во Вол. ГУ, 2005.

6. Лук'янець Дмитро. Філософські основи і концептуальна модель юридичної відповідальності // *Юридична Україна*. – 2006. – № 4.

7. Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность / Р.Х. Макуев. – Орел: Юрид. институт МВД России, 1998.

8. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе права: автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук / М.Б. Мироненко. – Саратов, 2001.

9. Морозова Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова. – М.: Юрист, 2002.

10. Оніщенко Н.М. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах / Н.М. Оніщенко, Т.І. Тарахонич, Н.М. Пархоменко, Л.О. Макаренко / за заг. ред. Н.М. Оніщенко. – К.: Юридична думка, 2009.

11. Пархоменко Наталія. Юридична відповідальність і законність: основні аспекти співвідношення // *Про українське право*. – 2010. – Чис. V.

12. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник / П.М. Рабінович. – Вид. 10-е доповнене. – Львів: Край, 2008.

13. Рагузина О.В. Гуманизм и справедливость юридической ответственности в публичном и частном праве: автореф. дисерт. на соиск. науч. степени канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.

14. Самощенко И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – М.: Юридическая литература, 1971.

* * *

Актуальні проблеми юридичної науки: Збірник тез Міжнародної наукової конференції «Одинадцяті осінні юридичні читання» (м. Хмельницький, 23–24 листопада 2012 року): у 4-х част. – Частина перша. – Хмельницький: Видавництво Хмельницького університету управління та права, 2012. – С. 35–39.

ПОЗИТИВНА КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ: ПОРІВНЯЛЬНО- ДОКТРИНАЛЬНЕ РОЗУМІННЯ

До числа вчених-криміналістів, які відстоювали або відстоюють концепцію позитивної (перспективної) кримінальної відповідальності людини, або просто констатують її наявність, пишуть про неї розходячись нерідко в розумінні поняття, змісту, стадій та форм реалізації обох видів цієї кримінально-правової відповідальності, можна, зокрема, віднести: З.А. Астемірова, Л.В. Багрія-Шахматова, Н.А. Беляева, С.А. Веліева, В.С. Волкова, П.С. Дагеля, С.І. Дементьева, В.А. Єлеонского, Н.І. Загороднікова, І.Е. Звечеровского, В.В. Клочкова, Г.Г. Криволапова,

Н.М.Кропачева, В.Н.Кудрявцева, Ж.В.Мандриченко, К.В.Міхайлова, А.С.Міхліна, Г.В.Назаренко, В.А.Номоконова, В.І.Осадчого, А.Н.Павлухіна, І.Л.Петрухіна, В.С.Прохорова, Б.Т.Разгільдієва, І.С.Ретюнських, А.І.Санталова, В.В.Сверчкова, Б.В.Сідорова, В.Г.Смірнова, А.Н.Тарбагаєва, І.А.Тарханова, В.Д.Філімонова, П.А.Фефелова, В.М.Хоміча, А.А.Чістякова, В.А.Якушіна.

Б.В.Сідоров категорично наполягає, що провідним напрямом в юридичній відповідальності людини є її позитивний аспект, що в реалізації правових норм провідна роль належить не негативній (ретроспективній), а позитивній відповідальності, яка спрямована у майбутнє [21, с. 99, 116, 130].

А.Н.Павлухін та А.А.Чістяков зробили висновок, що кримінально-правова відповідальність людини первісно виникає як позитивна в рамках загальних кримінально-правових відносин. Негативна (ретроспективна) кримінально-правова відповідальність людини є наслідком порушення нею кримінально-правових заборон. Формою реалізації позитивної кримінально-правової відповідальності людини є добровільне дотримання суб'єктами вимог кримінального закону, а формою реалізації негативної (ретроспективної) кримінально-правової відповідальності людини є державні заходи кримінально-правового характеру, суть яких – правовий примус [14, с. 74].

Так, А.І.Санталов прийшов до висновку, що під відповідальністю людини слід розуміти: а) усвідомлення і виконання нею своєї повинності (обов'язку) перед іншими людьми, суспільством, державою; б) негативну оцінку і заходи стягнень до порушника повинності (обов'язку) у відповідь з боку інших людей, суспільства, держави. Відповідальність, констатує він, – складні суспільні відносини, перший (позитивний) аспект яких нерозривно пов'язаний з другим (ретроспективним). Відповідальність людини в позитивному значенні виключає відповідальність в ретроспективному значенні і навпаки – позитивна відповідальність дає підставу для ретроспективної відповідальності [19, с. 8-9].

В залежності від суб'єкта відносин відповідальності, наголошує І.Е.Звечаровскій, про відповідальність людини можна говорити на двох рівнях, а відповідно в двох значеннях: на рівні того, хто пред'являє правові вимоги, і на рівні того, кому ці вимоги адресовані. В першому випадку йдеться про відповідальність людини на рівні держави – це правовий наслідок, що супроводжується правовими вимогами. В другому випадку йдеться про відповідальність на рівні людини – це відповідь на пред'явлені державою правові вимоги, тобто правомірна чи неправомірна поведінка. Таким чином, на його думку, кримінальна відповідальність людини в самому загальному виді – це правовий наслідок її кримінально-правової поведінки – правомірної чи неправомірної. В залежності від характеру кримінально-правової поведінки людини і

відповідних їх кримінально-правових наслідків, її кримінальна відповідальність поділяється ним на два види: відповідальність за правомірну кримінально-правову поведінку – позитивну відповідальність, і відповідальність за неправомірну кримінально-правову поведінку – негативну відповідальність. Далі він приходить до висновку, кримінальна відповідальність людини являє собою діалектичну єдність двох протилежностей: позитивної та негативної відповідальності [8, с. 24-26, 41].

В. В. Ключков, констатуючи наявність двох видів кримінально-правової відповідальності: позитивної та негативної, підкреслює, що противники такої характеристики структури кримінально-правової відповідальності людини не навели скільки-небудь переконливих доказів на підтвердження її особливої специфічності, у зв'язку з якою їй ніби не притаманний, як іншим видам відповідальності, поділ на позитивну і негативну. Між тим, зазначає далі він, відмінність кримінально-правової відповідальності людини від інших видів відповідальності – не у відсутності позитивної відповідальності, а в особливому характері негативної відповідальності (застосування кримінального покарання) [9, с. 7].

Категорія відповідальності людини, також приходить до висновку П. А. Фефелов, розглядається в двох аспектах – активному (позитивному) і ретроспективному (негативному). У першому аспекті відповідальність є усвідомленням людиною своєї повинності і обов'язків перед суспільством, розуміння в цьому значенні значення своїх вчинків. Відповідальність в ретроспективному (негативному) значенні є відповідальністю за її поведінку в минулому, але не за кожную, а лише за вчинки, що суперечать певним соціальним нормам. Розгляд негативної відповідальності людини поза зв'язком з активною веде до зменшення її ролі як інструменту регулювання і охорони суспільних відносин, як засобу виховання відповідального ставлення громадян до своїх обов'язків, приниження творчої ролі негативної відповідальності і заохочувальних санкцій [23, с. 46-47].

А. Н. Тарбагаєв вважає, що кримінальна відповідальність виражається в вольовій і усвідомленій поведінці суб'єктів – учасників як регулятивних, так і охоронних кримінально-правових відносин, яка складається у відповідності до вимог закону (дотримання заборони, виконання обов'язків, використання наданих повноважень). Ця законслухняна поведінка людини може бути як добровільною, так і формуватися під впливом державного примусу. Даний підхід до проблеми, на його думку, дозволяє розглядати кримінальну відповідальність як прояв соціальної і правової відповідальності і дає можливість виділити два її аспекти: позитивний і негативно-ретроспективний. У випадку вчинення злочину позитивна відповідальність людини щодо конкретного діяння припиняється і реалізації підлягає негативний аспект кримінальної відповідальності, що має ретроспективний характер [22, с. 102-106].

В. А. Номоконов також пише, що в цілому «відповідальність суб'єкта в кримінальному праві, з врахуванням всієї системи кримінально-правових відносин (і як єдине поняття), можна визначити наступним чином. Це комплекс обов'язків, покладених на суб'єкта кримінального права: а) утриматися від вчинення злочину (під загрозою застосування покарання), а якщо воно вчинене, то б) піддатися за нового покаранню і осуду, а також в) виконати інші обов'язки при вчиненні інших дій, прямо передбачених кримінальним законом». Тому, «відповідальність у сфері кримінального права виражається у двох формах: кримінальній (негативній) відповідальності за злочин і позитивній відповідальності як спеціального обов'язку виконати дії, що вимагаються кримінальним законом або судовим вироком». При цьому він звертає увагу на те, що «негативну відповідальність філософи нерідко вважають «несправжньою» ... це зв'язане з тим, що вона виникає внаслідок дій, що виходять за рамки «справжньої» свободи» [12, с. 520, 523].

Дещо з іншого боку до аналізу суті кримінально-правової відповідальності підійшов В. В. Похмелкін. На його думку, те, що традиційно позначають або намагаються позначити термінами «позитивна» (перспективна) і «негативна» (ретроспективна) відповідальність є не що інше як добровільна і примусова форми реалізації єдиної юридичної відповідальності людини, яка виступає в якості закріпленої в праві міри повинної соціально-рольової поведінки [15, с. 34]. Він сформував поняття кримінально-правової відповідальності в синтезі її обох аспектів: позитивною (перспективною) і негативною (ретроспективною). «Кримінальна відповідальність, визначає він, – це встановлена кримінальним законом міра належної поведінки, яка проявляється в сукупності обов'язків не вчиняти злочину і реалізується у формі добровільного дотримання цих обов'язків, а у випадку їх винного порушення – через примусовий вплив з боку держави» [15, с. 71].

Як категорію цілого визначають кримінальну відповідальність людини В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаєв у своїй спільній монографії, розрізняючи дві її діалектично протиставлені сторони: 1) виконання людиною кримінально-правових вимог, що фіксують належну, таку, що відповідає потребам суспільства, поведінку (позитивна відповідальність); і 2) виконання нею належної, такої, що відповідає потребам суспільства, поведінки, також зафіксованої кримінально-правовою нормою, але вже внаслідок державного примусу як реакція на правопорушення (ретроспективна відповідальність) [16, с. 147].

Кримінальна відповідальність людини, за Є. А. Єлеонським, являє собою діалектичне поєднання двох аспектів: ретроспективного (негативного) і позитивного (перспективного). Обидва ці аспекти не є тотожними. Вони органічно зв'язані між собою, працюють один на іншого, виконують спільну соціальну функцію – виступають в якості одного із засобів попередження правопорушень і протидії злочинності [7, с. 73].

На думку З.А.Астемірова, відправним положенням для з'ясування суті кримінальної відповідальності людини є визнання складної структури цього явища, наявності в ньому ряду таких, що діалектично переплітаються сторін: позитивного і негативного аспектів; об'єктивного і суб'єктивного змісту, соціального і особистісного моментів [2, с.9]. Об'єктивне начало, з одного боку означає, що суть кримінальної відповідальності людини визначається законодавцем в кримінальному законі. Вона полягає в імперативній вимозі до суб'єктів, не вчиняти діянь, які становлять суспільну небезпеку, і бережливо відноситися до охоронюваних законом інтересів. З другого боку, воно передбачає підзвітність людини, яка вчинила злочин, перед органами правосуддя, ставлення йому у вину вчиненого і реалізацію санкції, тобто справедливе покарання винного. Суб'єктивне начало кримінальної відповідальності передбачає усвідомлення правосуб'єктами особами цієї об'єктивної реальності. Виходячи з цього, пише далі він, за формою вияву кримінальна відповідальність людини має два аспекти: позитивно-перспективний та негативно-ретроспективний. Перший аспект є пріоритетним і основним, оскільки передбачає, що правосуб'єктні особи з повагою ставляться до вимог кримінального закону, узгоджуючи свою поведінку з ними. Найбільш яскраво позитивна відповідальність людини, з пункту бачення кримінального закону, проявляється тоді, коли суб'єкти не просто самі не вчиняють злочинів, але й активно протидіють посяганням на охороні кримінальним правом об'єкти з боку інших осіб. Негативно-ретроспективний аспект кримінальної відповідальності для суб'єкта означає необхідність і вимушеність перетерпіння кримінального переслідування, відповідати перед органом правосуддя за вчинення злочину і понести покарання [25, с.16-17].

М.Ф.Шульгін, підтримуючи двоаспектний характер кримінально-правової відповідальності людини, запропонував для позначення її позитивної відповідальності в кримінальному праві застосовувати словосполучення, термін «загальнопревентивна кримінально-правова відповідальність» [24, с. 336].

Група авторів висловила оригінальне розуміння позитивної (перспективної) відповідальності людини, ствердивши, що «... позитивна відповідальність існує в кожному із видів соціальної відповідальності, в тому числі і в рамках правової, однак вона не може мати різновидностей в залежності від галузевої належності виконуваних суб'єктом норм» [1, с. 14]. Зрозуміло з наведеного, що, на думку авторів, немає і позитивної (перспективної) кримінально-правової відповідальності людини.

Позитивна (перспективна) відповідальність людини, на переконання Г.В.Назаренко, являє собою її відповідальну поведінку, яка співвідноситься з соціальними нормами, в тому числі з кримінально-правовими. Однак, підкреслює він, позитивна відповідальність людини не може вважатися юридичною, в тому числі і кримінально-правовою,

так як не має ретроспективного характеру. Позитивна відповідальність людини, за своєю суттю, є моральною категорією, а не кримінально-правовим інститутом – пише він [18, с. 50].

Узагальнюючи, є, без сумніву, підстави ствердити, що в теорії кримінального права немає єдності поглядів вчених щодо розуміння позитивної (перспективної) кримінально-правової відповідальності людини. Позитивна (перспективна) кримінально-правова відповідальність людини, зокрема, визначається як: 1) усвідомлення нею необхідності (обов'язку), повинності додержання кримінально-правової заборони (В. Г. Смірнов, Н. А. Беляев, З. А. Астеміров); 2) єдність об'єктивної та суб'єктивної сторін, при якій має місце правомірна поведінка правосуб'єктної особи (В. А. Єлеонскій); 3) це обов'язок людини виконувати дії, передбачені і заохочувані кримінальним законом (П. С. Дагель, В. А. Номоконов); 4) це суспільно необхідна, бажана чи допустима, з пункту бачення інтересів суспільства, поведінка громадян і колективів, яка полягає в додержанні (виконанні, здійсненні) норм права, гарантована і охоронювана державою (В. М. Кудрявцев); 5) це виконання людиною нормативних вимог, що диктують належну, таку, що відповідає інтересам суспільства поведінку (В. С. Прохоров, М. М. Кропачев, О. М. Тарбагаєв); 6) це правомірна поведінка людини відповідно до вимог кримінального закону (В. І. Осадчий, І. Є. Звечаровскій, Б. С. Волков, Р. Л. Хачатуров, Р. Г. Ягутян); 7) це усвідомлення людиною правових властивостей своїх дій (бездіяльності), співвідношення їх з чинними законами і підзаконними актами, готовність відповідати за них перед державою і суспільством (Ф. Н. Фаткулін, Л. В. Багрій-Шахматов); 8) право громадян на вчинення суворо визначених дій в інтересах забезпечення правопорядку (Б. Т. Разгільдієв) тощо.

Для більш глибокого розуміння наукових позицій згаданих вище вчених-криміналістів, розглянемо окремі з них більш детально.

В. Н. Кудрявцев зазначив, що поняття позитивної юридичної відповідальності людини є більш широким, ніж лише обов'язок, це правовідношення, яке складається з декількох елементів, а кожне правовідношення має, як мінімум, два суб'єкти, права і обов'язки яких зазвичай кореспондують одне одному [11, с. 286].

Н. А. Беляев зазначив, що позитивна (перспективна) відповідальність – це усвідомлення громадянином почуття повинності перед суспільством, переконаність в необхідності суворого дотримання законів. в недопустимості суспільно небезпечних злочинних діянь і заснована на цьому усвідомленні практична діяльність [4, с. 54].

І. Є. Звечаровскій запропонував визначати позитивну відповідальність в кримінальному праві як «... точне, добросовісне виконання суб'єктом своїх юридичних обов'язків, опосередковане його високою свідомістю і почуття повинності перед суспільством... виконання належного; стосовно до кримінальної відповідальності – фактичне дотримання

вимог кримінального закону, кримінально-правових приписів». На його думку таке розуміння поняття позитивної кримінально-правової відповідальності людини є найбільш вірним, оскільки він, по-перше, «зрівнює» позитивну кримінально-правову відповідальність з негативною через призму правомірної і неправомірної поведінки, а, по-друге, мотиви утримання суб'єкта від вчинення злочину самі собою не заперечують добровільного характеру його поведінки [8, с. 30].

В. В. Похмелкін визначив позитивну кримінальну відповідальність людини «... як встановлену кримінальним законом міру поведінки, що відповідає охоронюваній стороні соціальних ролей учасників суспільних відносин, яка проявляється в сукупності обов'язків не вчиняти злочин і реалізується в формі добровільного дотримання даних обов'язків» [15, с. 39].

Позитивна кримінально-правова відповідальність людини передбачає її правомірну поведінку, яка виявляється через усвідомлення нею своєї відповідальності перед суспільством і державою. Виходячи з цього, позитивна кримінально-правова відповідальність людини визначається В. А. Єлеонським як ставлення особи до суспільних цінностей, в тому числі і до норм права і кримінально-правових заборон. Він вважає, що позитивна (перспективна) кримінально-правова відповідальність людини має свою структуру: об'єктивну і суб'єктивну сторони, а також суб'єкт відповідальності. Об'єктивна сторона позитивної відповідальності виражається в тих кримінально-правових заборонах, котрі містять вимоги до людини не заподіювати шкоди охоронюваним закон соціальним благам. Суб'єктивна сторона знаходить свій вираз в тому, що людина усвідомлює кримінально-правові заборони і керується вимогами, що містяться в них. Людина поступає відповідально з точки зору кримінального права в тих випадках, коли її поведінка бездоганна. Об'єктивна сторона позитивної кримінальної відповідальності характеризує повинне, а суб'єктивна – оцінку поведінки людини суспільством [7, с. 7].

В юридичній літературі сформувався концепт відповідно до якого поняття позитивної кримінально-правової відповідальності людини трактується як виконання нею обов'язку: як фактичне дотримання вимог кримінального закону, кримінально-правових приписів. На думку А. Н. Тарбагаєва ця відповідальність людини переслідує наступні цілі: 1) запобігання злочинам; 2) припинення злочинів; 3) запобігання заподіяння шкоди внаслідок дій і подій, що не є злочинами, або обмеження її розмірів. Він розглядає позитивну кримінально-правову відповідальність людини як сукупність кримінальних правовідносин щодо реалізації права людини на необхідну оборону, затримання злочинця тощо [22, с. 22, 88-90].

Визначення позитивної (перспективної) кримінально-правової відповідальності людини через її позитивний зміст, зазначив Б. С. Волков, повністю відповідає аксіологічній природі права. При цьому, на його

думку, дана кримінальна відповідальність людини являє собою виражену в законі міру вимог, яка пред'явлена їй як членові колективу, суспільства, держави, недотримання яких тягне за собою певні правові наслідки, передбачені в санкції цього закону [5, с. 69].

Г.Г. Криволапов зазначає, що добровільна (позитивна) форма реалізації кримінально-правової відповідальності людини полягає в тому, що вона свідомо і згідно власної волі дотримується кримінально-правових заборон і приписів, тобто не вчиняє злочинів. Виходячи з цього він розрізняє два види добровільної форми реалізації кримінальної відповідальності людини: 1) свідоме дотримання вимог кримінально-правової норми; 2) вимушене (під загрозою застосування санкції) виконання приписів кримінально-правової норми [10, с. 297]. Думається, що при такому розумінні двоєдності позитивної кримінально-правової відповідальності явна певна некоректність. В обох формах, які вирізнені Г.Г. Криволаповим, має місце свідоме поведінка особи. Інша справа, що в першому випадку вона дійсно добровільна, а в другому – вимушена.

В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев та А.Н. Тарбагаєв зробили висновок, що конкретний зміст позитивної кримінальної відповідальності людини, в її поведінковому аспекті, включає в себе: а) поведінку, яка відповідає вимогам кримінально-правових норм (дотримання заборони) і б) поведінку, яка виражається у використанні прав, передбачених в кримінальному законі – прямо чи опосередковано [16, с. 162].

П.С. Дагель і В.А. Номоконов визначили позитивну кримінально-правову відповідальність людини як її обов'язок виконати дії, передбачені і заохочувані кримінальним законом [6, с. 72].

Своєрідно розглядає позитивну кримінально-правову відповідальність людини Б.Т. Разгільдієв, на думку якого вона може бути заснована на кримінальному законі, якщо прямо передбачена кримінально-правовою нормою, яка надає право громадянам на вчинення суворо визначених дій, спрямованих на забезпечення завдань щодо охорони суспільних відносин від злочинних посягань на них. В таких випадках вона зв'язана з реалізацією громадянами права на необхідну оборону, крайню необхідність, затримання злочинця тощо, а також із заохоченням позитивної посткримінальної поведінки. Такого роду поведінку, на його думку, правильніше назвати заохочувальною кримінально-правовою відповідальністю [17, с. 152].

Позитивна кримінально-правова відповідальність людини за В.В. Ключковим, являє собою «... органічне поєднання її об'єктивної та суб'єктивної сторін (аспектів), які не можуть функціонувати окремо одна від іншої. Об'єктивний аспект позитивної кримінально-правової відповідальності включає обов'язки, які покладаються на суб'єкта нормами кримінального права, а також їх реалізацію в правомірній поведінці суб'єкта. Вимоги, які пред'являються до поведінки людей кримінальним

законом, не можуть бути реалізовані, якщо вони не відображені відповідним чином в їх свідомості і не «включені» в механізм саморегуляції поведінки. Суб'єктивний аспект позитивної кримінально-правової відповідальності охоплює знання суб'єктом вимог, які пред'являються до нього нормою кримінального права, переконання в необхідності їх виконання, визначальний вплив цих вимог на мотивацію поведінки і її оцінку суб'єктом. За наявності всіх цих елементів можна говорити про засвоєння суб'єктом кримінально-правової норми (норм), про включення її вимог в сферу його ціннісно-нормативних орієнтацій. Ступінь засвоєння норми, який визначає рівень позитивної відповідальності, різний: від такого її засвоєння, коли індивіду в кримінальній ситуації приходить до прикладати вольові зусилля, щоб не обрати заборонений варіант поведінки, до такого, коли в кожній ситуації протиправні варіанти взагалі не приймають участі в мотивації поведінки (ідеальний рівень позитивної відповідальності)» [9, с. 8-9].

Узагальнивши наукові позиції вчених щодо позитивної (перспективної) кримінально-правової відповідальності людини, яку вона назвала перспективною, Н.А. Орловська зробила висновок, що вона можлива, щонайменше, в двох форматах: 1) як почуття відповідальності людини, яке зумовлене наявністю нереалізованих правових норм; 2) як загроза, наявна в санкції кримінально-правової норми, яка може бути реалізована в майбутньому стосовно до конкретної людини, яка вчинить злочин. Основою першого формату може виступати філософське сприйняття відповідальності одночасно як і почуття, і свідомості, і суспільного зв'язку, і стимулу, і санкції. В цьому розумінні, вважає вона, під відповідальністю можна розуміти категорію, яка відображає особливе соціальне і моральне ставлення людини до суспільства, або людства в цілому, яке характеризується виконанням свого морального обов'язку і правових норм [13, с. 118].

В.В. Сверчков сформулював поняття позитивної (перспективної) кримінально-правової відповідальності людини так: це соціально-психологічне явище, дійсна, наявна, усвідомлена, реалізована, така, що впливає з правомірної (належної, іноді такої, що переходить в зобов'язану) поведінки її здатність сприймати об'єктивний і (або) суб'єктивний вплив схваленням [20, с. 24].

В.А. Номоконов розглядає позитивну кримінально-правову відповідальність людини як спеціальний обов'язок виконувати дії, які вимагаються кримінальним законом чи судовим вироком. Вона реалізується, на його думку, не лише в діях громадян, які виконують приписи кримінального закону, але й у відповідній реакції держави: відмові від караності діянь, вчинених за обставин, що виключають злочинність цих діянь (необхідна оборона, крайня необхідність, затримання злочинця, обґрунтований ризик), а також в звільненні від кримінальної

відповідальності чи покарання (від його подальшого відбування) чи заміні покарання більш м'яким [12, с. 523-525].

Позитивна (активна) юридична відповідальність людини, написав Л. В. Багрій-Шахматов, передбачає засвоєння правосуб'єктними особами норм права, правил поведінки, адекватне до них ставлення у відповідності із запитами суспільства і держави, усвідомлення необхідності узгоджувати з ними свою поведінку, а також усвідомлений обов'язок і вимушеність відповідати за їх порушення. Позитивна відповідальність людини передбачає її правомірну поведінку, яка визначається усвідомленням нею своєї відповідальності перед суспільством і державою. Таке розуміння стосується і кримінально-правової позитивної відповідальності, яка є, в її суб'єктивно-психологічному смислі, структурним елементом правосвідомості особи. Визнаючи це положення, підкреслив він, необхідно все ж таки мати на увазі, що вона не є правовою відповідальністю у власному розумінні слова. Інакше можна прийти до абсурдного висновку, що, наприклад, особа, яка не вчинила злочину, вже несе правову (кримінальну) відповідальність [3, с. 46, 49].

Аналіз наявних і доступних до ознайомлення розумінь позитивної (перспективної) кримінально-правової відповідальності людини дозволив зазначити найбільш істотні, сутнісні її ознаки, які виокремлюються різними науковцями: 1) це вид кримінально-правової відповідальності, який реалізується в межах кримінальних правовідносин; 2) це форма реалізації приписів кримінального закону; 3) це пасивна, усвідомлена, вольова поведінка людини – дотримання нею кримінально-правових заборон, невчинення нею злочинів, передбачених чинним законом України про кримінальну відповідальність (КК України); 4) це активна, усвідомлена, вольова поведінка людини – виконання нею свого кримінально-правового обов'язку, передбаченого чинним законом України про кримінальну відповідальність (КК України); 5) це активна, усвідомлена, вольова поведінка людини – використання нею свого права, передбаченого нормою Загальної частини чинного закону України про кримінальну відповідальність (КК України); 6) це позитивна, посткримінальна поведінка людини – усвідомлене, вольове використання нею свого права, передбаченого заохочувальною нормою Особливої частини чинного закону України про кримінальну відповідальність (КК України); 7) це активна поведінка людини як суб'єкта кримінальних правовідносин (службової особи) щодо обов'язку чи права застосувати норму кримінального закону.

Враховуючи висловлені науковцями погляди, критично їх оцінивши, є можливість ствердити, що позитивна (перспективна) кримінально-правова відповідальність людини – це реалізована необхідність свідомого і добровільного використання людиною права, виконання обов'язку, дотримання заборони, що міститься у кримінально-правових нормах.

Список використаних джерел

1. Андриенко В.А. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / Андриенко В.А., Лесниченко И.П., Пудовочкин Ю.Е., Разумов П.В. – М.: Юрлитинформ, 2006.
2. Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказания несовершеннолетних / Астемиров З.А. – М.: Юрид. лит., 1970.
3. Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и формы ее реализации. Курс лекций. Общая часть. Издание второе и дополненное. – Одесса: Юридическая литература АО БАХВА, 2000.
4. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986.
5. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975.
6. Дагель П.С., Номоконов В.А. Уголовная политика и проблемы позитивной ответственности // Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток: Изд-во Дальнев. гос. ун-та, 1985.
7. Елеонский Е.А. Уголовное показание: единство ретроспективной и позитивной ответственности // Вопросы ответственности и наказания в свете решений XXVI съезда: Сб. научн. трудов. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1982.
8. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.
9. Ключков В.В. Социальная ответственность и уголовный закон // Правоведение. – 1987. – № 2. – С. 7.
10. Криволапов Г.Г. Уголовная ответственность и ее основание // Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И.Ляпунова. – М.: Новый юрист КюоРус, 1997.
11. Кудрявцев В.Н. Закон, проступок, ответственность. – М.: Наука, 1986.
12. Номоконов В.А. Ответственность в уголовном праве и ее основание // Полный курс уголовного права в 5-ти томах / Под ред. А.И. Коробеева. Т. 1. – СПб: Юридический Центр Пресс, 2008.
13. Орловская Н.А. Уголовно-правовые санкции: проблемы определения, классификации и функционального анализа: Монография. – Одесса: «Юридическая литература», 2010.
14. Павлухин А.Н., Чистяков А.А. Уголовная ответственность как научная категория российской правовой доктрины. Генезис, состояние, перспективы: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
15. Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1990.

16. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1989.
17. Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993.
18. Русское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М.: Ось-89, 2000.
19. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. – Ленинград: Изд-во Ленинград. Ун-та, 1982.
20. Сверчков В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (система, законодательная регламентация, эффективность применения). Диссертация на соиск. учен. степени канд. юрид. наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. – Нижний Новгород, 1997.
21. Сидоров Б.В. Уголовно-правовые гаранты правомерного, социально-полезного поведения. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1992.
22. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве // Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 102–106;
23. Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). – М.: Наука, 1992.
24. Шульгин Н.Ф. Теоретические вопросы позитивного и негативного аспектов уголовной ответственности // Актуальна проблеми політики: Збірн. наук. праць. Вип. 8. – Одеса: Юрид. л-ра, 2000. – С. 336.
25. Энциклопедия уголовного права. Т.8. Уголовная ответственность и наказание. – Издание профессора Малинина – СПб.: СПб. ГКА, 2007. – С. 16–17.

* * *

Порівняльне правознавство: сучасний стан і перспективи розвитку: Збірник наукових праць / За ред. Ю.С. Шемшученка, В.П. Тихого, М.М. Цимбалюка, І.С. Гриценка; упор. О.В. Кресів, І.М. Ситар. – 2-е вид., випр. і доп. – Львів, Київ: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2012. – С. 563–576.

НЕГАТИВНА (РЕТРОСПЕКТИВНА) ЮРИДИЧНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ ТА ЇЇ ПІДСТАВИ

У загальній теорії права, як і в загальній філософії та філософії права, не вироблено також єдиного розуміння поняття феномену негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини. У сучасній юридичній літературі спостерігається визнання таких ознак цього виду соціальної відповідальності:

1) юридична відповідальність – наслідок вчинення людиною правопорушення, форма реагування держави на поведінку людини;

- 2) юридична відповідальність є наслідком вчинення людиною діяння, яке містить ознаки правопорушення, передбаченого нормами права;
- 3) юридична відповідальність людини реалізується в межах правового поля;
- 4) юридична відповідальність людини реалізується компетентними органами держави;
- 5) юридична відповідальність людини реалізується у визначених законом формах, способах;
- 6) юридична відповідальність людини має свої стадії реалізації;
- 7) юридична відповідальність людини реалізується впродовж певного часу і на певному просторі – території держави;
- 8) юридична відповідальність людини підпорядкована відповідним принципам.

Найбільш поширеними в загальній теорії права є такі концепції поняття феномену юридичної відповідальності людини в її негативному значенні:

- 1) юридична відповідальність – правовідносини;
- 2) юридична відповідальність – покарання;
- 3) юридична відповідальність – реалізація санкції;
- 4) юридична відповідальність – здатність людини здавати собі звіт про свою протиправну поведінку і перетерпіти заходи державно-примусового впливу у формі позбавлення належних їй благ;
- 5) юридична відповідальність – захід, міра примусу за вчинене правопорушення;
- 6) юридична відповідальність – правовий обов'язок людини, що виникає з факту вчиненого правопорушення;
- 7) юридична відповідальність – осуд поведінки, діяння правопорушника, відплата правопорушникові за вчинене правопорушення.

Необхідно зазначити, що прихильники кожної з названих концепцій нерідко також неодностайні в розумінні підходів до визначення їх змістовної частини, іноді окремі вчені виказують прихильність до кількох названих вище концепцій юридичної відповідальності.

Юридична відповідальність людини зв'язана з потенційним або реальним державним примусом. Однак не можна зводити негативну (ретроспективну) юридичну відповідальність як лише до стягнення чи покарання, так і лише до застосування санкції, бо ці поняття не відображають повною мірою зміст і форми реалізації цієї відповідальності. Негативна (ретроспективна) юридична відповідальність ширша за своїм змістом від поняття «покарання» і «застосування санкції». Треба пам'ятати, що негативна (ретроспективна) юридична відповідальність може реалізовуватися і без застосування санкції загалом і покарання зокрема.

Негативну (ретроспективну) юридичну відповідальність людини слід відрізняти від заходів (мір) державного примусу. Заходи (міри)

державного примусу, як поняття, ширше за об'ємом від поняття негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності, оскільки воно, крім правового стягнення чи покарання, включає й інші правові засоби. Правильною є позиція тих авторів, які стверджують, що державний примус завжди присутній, починаючи уже з моменту набрання чинності нормою права.

Норми права за своєю вираженістю є еталонами, моделями суспільно корисної, суспільно прийнятої поведінки людини, бажаної з боку законодавця. Норми права є виразом правової свідомості суспільства в цілому або домінуючої її частини. Вони утворюють нормативне поле юридичної відповідальності людини. Вони регулюють вольову поведінку людей. У нормах права уречевлена воля держави, **державне веління**. Це державне веління адресоване до індивідуальної **совісті і волі** кожної людини як суб'єкта суспільних відносин через її розум і свідомість. **Совість**, зокрема, є одним із важливих показників гідності людини, її домінуюча чеснота. Державна воля, державне веління реалізується саме через **розум** людини, її індивідуальну **свідомість та совість**, через її **волю**, через потенційну загрозу застосування примусу з боку компетентних органів держави. Спочатку **потенційна загроза** застосування державою примусу спонукає людину до добровільного виконання обов'язку, а у випадку вчинення нею правопорушення виконання обов'язку може бути **як добровільним**, так і наслідком **застосування примусових заходів**, передбачених чинним законодавством. Крім того, на наше переконання, у випадках заподіяння правопорушником матеріальної або моральної шкоди чи обох її видів одночасно цим обов'язком правопорушника охоплюється відшкодування, компенсації такої шкоди.

До числа інших державно-правових заходів правомірно відносять:

а) **попереджувальні заходи** (наприклад, опис майна особи, яка визнана обвинуваченою у кримінальній справі; оголошення карантину в місцевості, де виникла або може виникнути епідемія);

б) **заходи припинення** (наприклад, затримання особи, яка вчиняє хуліганські дії);

в) **відновлювальні заходи** (скажімо, ухвалення судового рішення, яким керівник підприємства примушується поновити на роботі безпідставно звільненого ним працівника);

г) **компенсаційні заходи** (зокрема, відшкодування матеріальної шкоди, заподіяної правопорушенням).

Негативна (ретроспективна) юридична відповідальність людини – це вид її соціальної відповідальності, який є **необхідністю перетерпіти** порушником правових приписів застосування до нього компетентними органами держави передбачених чинним законодавством **примусових заходів** правового впливу у встановлених процесуальній та виконавчій формах. Кожна з цих форм є невід'ємною складовою,

важливим елементом усього процесу, процедури реалізації юридичної відповідальності. У цьому зв'язку дуже слушним є застереження, зроблене Ю. В. Феофановим про те, що закон без ритуалу, без процедури його дії призводить владу до свавілля, а громадян – до незахищеності.

Негативна юридична відповідальність є наслідком юридичної безвідповідальності людини, а саме: безвідповідальної, протиправної поведінки людини як суб'єкта суспільних відносин, результатом втрати нею **сили відчуття** юридичної відповідальності.

Найбільш оптимальним сьогодні, на нашу думку, є виокремлення **трьох підстав** негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини:

- а) соціально-етична (моральна);
- б) нормативно-правова;
- в) фактична.

Соціально-етична (моральна) підстава негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини повинна дати відповідь на запитання: чому і за яких умов людина підлягає юридичній відповідальності, а держава в особі компетентних органів влади має моральне право застосувати до неї юридичну відповідальність.

Людина в таких випадках повинна бути наділена пересічним (звичним) рівнем свідомості і розумною свободою волі до діяння (дії чи бездіяльності). Вона повинна бути здатною співвідносити свою поведінку з приписами правових норм через призму її совісті на ґрунті розумної індивідуальної та соціальної необхідності. Держава у випадку порушення такою людиною приписів правових норм повинна виконати одну із своїх функцій – притягнути її до відповідного виду юридичної відповідальності. У державі демократичного спрямування застосування видів юридичної відповідальності повинна бути збалансованим щодо кожного випадку порушення людиною юридичних норм: кожному такому випадку повинні кореспондувати розумний (необхідний) і достатній вид і міра юридичної відповідальності. Зловживання найбільш суворими видами і мірами юридичної відповідальності в державі демократичного спрямування є недопустимим.

Науковий аналіз соціально-етичної (моральної) підстави негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини в доктринах філософії права та загальної теорії права обов'язково пов'язують з поняттями «розум», «совість», «свобода волі», які є антропологічними основами цієї підстави юридичної відповідальності.

Загалом, теоретичні підходи до з'ясування цього зв'язку зводиться до такого. Держава демократичного спрямування як суб'єкт суспільних відносин здійснює правовий вплив на людину з метою модифікації її поведінки, спрямування її в суспільно корисне або суспільно прийнятне правомірне русло і з цією метою встановлює правові межі суспільної свободи людини як суб'єкта суспільних відносин. Саме правове поле в цих

межах – бажаний демократичною державою ґрунт для реалізації автономної свободи волі і відповідальності людини як суб'єкта суспільних відносин. За цими межами свобода волі людини породжуватиме свавілля, і як результат, її юридичну відповідальність.

Між **правовою (юридичною) свободою людини** і її юридичною відповідальністю наявна відносна кореляційна залежність. Юридична відповідальність є, образно висловлюючись, зворотною стороною правової (юридичної) свободи. Зростання обсягу правової (юридичної) свободи обумовлює зростання обсягу її юридичної відповідальності. Зростання ж обсягу юридичної відповідальності може вести до звуження обсягу правової (юридичної) свободи.

Важливе значення для теорії юридичної відповідальності людини має з'ясування **співвідношення** між категоріями **«свобода волі»** і **«необхідність»**. Необхідність не пригнічує людину, вона ставить її в таке становище, коли людина повинна вибирати, вирішувати самотійно. Тим самим **необхідність** виступає об'єктивною передумовою відповідальності людини, суб'єктивною ж передумовою юридичної відповідальності є її **свобода волі**. Розгляд свободи волі людини поза рамками необхідності породжує свавілля, всездозволеність, волюнтаризм. Необхідність поза свободою волі породжує повну нездатність людини до самотійних рішень, вчинків, породжує її часткову чи повну інфантильність, а також безмежну віру в долю, тобто фаталізм.

Між **«свободою волі»** і **«необхідністю»** є **«свобода совісті»** як **детермінанта розумного вибору** людиною варіанта поведінки в конкретній життєвій ситуації. У тих випадках, коли совість, якщо вона є у людини на достатньо розвинутому рівні, панує над волею, вибір людиною варіанта правомірної поведінки через її **позитивну силу волі** є найбільш вірогідний. Коли таке панування совісті над свободою волі відсутнє – найбільш вірогідним є вибір людиною протиправного варіанта поведінки **через негативну силу її волі**.

Правовий раціоналізм є однією з основних підвалин сучасної філософії, філософії права, загальної теорії права. **Розум** є найвищою, іманентною складовою здібностей людини, яка стерує до утвердження загальнолюдських гуманістичних цінностей права. Право, як втілення розуму, спрямоване до розумних істот – людей. Воно здатне стимулювати необмежену і розумну волю людини, якщо має достатньо міцні демократичні підвалини.

Об'єктивне право є уречевленням розуму, **продуктом розуму** людини, її **совісті і волі**. Через право **розум, як його основа, впливає** на волю людей, схиляючи їх до соціально-позитивної поведінки. **Розум** конкретної людини, як правило, здатний оцінити рівень уречевленого в нормі права розуму, співвіднести його з власними розумом і совістю. Від цієї індивідуальної оцінки залежить значною мірою розвиток

мотиваційного процесу людини на вибір відповідного варіанта поведінки: правомірного чи протиправного. Тому **норма права повинна бути «розумною», «добросовісною»**, соціально зумовленою загалом і через призму природно правомірних інтересів і потреб пересічної людини, до розуму, волі і совісті якої вона адресована. **«Нерозумна», «безсовісна»** в побутовому розумінні норма права не сприймається широким загалом людей, ігнорується ними у формі пасивного чи активного спротиву через невиконання її приписів, підшукування шляхів для того, щоб обійти ці приписи, зокрема, за допомогою корупційних дій і схем. Вона приречена лише на малоефективне примусове застосування і реалізацію з мінімальним успіхом. Натомість «розумна», «добросовісна» норма права є найбільш придатна для сприйняття її розумом, совістю і волею максимально широким загалом людей, що є вагомою складовою надійної основи реалізації такої норми з найбільш високим рівнем ефективності. Окрім цього, «розумна», «добросовісна» норма права є тим вагомим чинником, який максимально сприяє утвердженню поваги до права, формуванню позитивної юридичної відповідальності людини. Очікування такого соціально-правового результату з найбільшою вірогідністю може бути забезпечене тоді, коли **розум законодавця** базується на виявлених юридичною наукою закономірностях і потребах правового регулювання, що є частиною інтелектуального потенціалу суспільства. Тому повага до права повинна мати двосторонній вияв: з боку держави – в особі законодавця, компетентних органів держави, які повинні беззастережно поважати людину як розумну, правову істоту, поважати її гідність, права і свободи, сприяти їх утвердженню та розвитку. Саме в цьому, головним чином, проявляється **позитивна відповідальність держави**. З боку громадян – це повага до держави, до її розумних, справедливих, гуманних законів. Лише за таких умов можливий надійний зворотній зв'язок між людиною і державою, а отже, і ефективність державного управління.

Свобода волі людини як потенційна можливість містить у собі опосередковані її розумом такі інтелектуально-вольові характеристики: **свобода бажання, свобода вибору, свобода дій**. Вона є однією з фундаментальних цінностей цивілізованої ментальності людини, її невід'ємною рисою. Свобода волі визнає за людиною **право** вільного вибору й **обов'язок** відповідати за здійснений вибір соціально значимої поведінки. Відповідальність є вагомою гарантією унормованої свободи людини.

Право як соціальна реальність, нормативний регулятор є мірилом як **внутрішньої**, так і **зовнішньої** свободи людини як суб'єкта суспільних відносин, нормативною формою її виразу. Право як мірило внутрішньої свободи людини сприяє унормуванню її **внутрішньої свободи – свободи волі**, свободи вибору варіанта її поведінки, сприяючи через закріплені в ньому ціннісні орієнтири поступальній соціалізації людини, зміцненню її внутрішніх установок просоціального, правомірного характеру,

зростанню її рівня суспільної благонадійності, законослухняності. У кінцевому рахунку це має забезпечити надійний рівень позитивної юридичної відповідальності людини, коли вона переконана в необхідності співвідносити свою поведінку з вимогами правових норм, діяти у правовому полі. Формування **свободи волі** людини в такому випадку беззаперечно узгоджується з приписами норм права. У цій ситуації право виходить з презумпції наявності у людини достатньо високого рівня розуму, соціалізації, совісті, сили волі, поваги до права, соціальної благонадійності. Воно звернене **до свідомості і волі** такої людини як суб'єкта суспільних відносин і в цьому разі є вірогідним прагматичний розрахунок на позитивний зворотній зв'язок між державою, як правовим регулятором суспільних відносин і адресатами правових приписів в особі людини як суб'єкта суспільних відносин. Розрахунок на такий зв'язок не завжди виправданий у силу особистісних і соціальних факторів суб'єктивного та об'єктивного характеру. Зокрема, коли добросовісна людина, маючи силу і маючи волю, але **не маючи сили волі**, поводить себе безвідповідально і вчиняє правопорушення, закономірним наслідком якого є її негативна юридична відповідальність.

Виконуючи роль мірила **зовнішньої свободи** людини як суб'єкта суспільних відносин, право зорієнтоване на достатній рівень її чеснот. В іншому випадку діє зворотна презумпція: відсутність у людини достатнього рівня соціалізації, соціальної благонадійності, совісті, розумної сили волі, поваги до права об'єктивно вимагає застосування до неї нормативно визначеного примусу з метою зміцнення її індивідуальних нормативно-правових установок, модифікації поведінки такої людини у суспільно-позитивному руслі. Інтенсивність цього примусу значною мірою залежить від суспільної шкідливості чи суспільної небезпечності вчиненого людиною діяння, а також особи винного.

Поєднання відчуття свободи й усвідомлення **розумної соціальної та індивідуальної необхідності** людиною породжують специфічну залежність, онтологічним змістом якої є самопідкорення, самопримус до унормованої поведінки у правовому полі, у просоціальному руслі.

Необхідність нерідко пов'язана з двома іншими алетичними модульностями: **випадковість і неможливість**. Саме в такому їх органічному поєднанні забезпечена можливість якомога повної характеристики поняття та форм реалізації юридичної відповідальності людини. При цьому **необхідність корелює з невідворотністю, випадковість – з довільністю, а неможливість – з повним виключенням юридичної відповідальності людини**.

Свобода людини, як зовнішня, так і внутрішня (свобода волі), реалізується через правовий еквівалент, яким є **правосуб'єктність**, що характеризується єдністю **трьох правових інститутів**: правоздатність; дієздатність; деліктоздатність. При цьому під **правоздатністю** в

юридичній літературі розуміється визнана державою здатність людини мати юридичні права й обов'язки, а під **діездатністю** визнана державою здатність людини своїми самостійними, вольовими вчинками набувати, здійснювати, змінювати чи припиняти юридичні права й обов'язки. **Деліктоздатність** – визнана державою здатність людини самостійно обирати варіант поведінки і відповідати за неправомірну реалізацію прав чи виконання обов'язків.

Юридична свобода людини є невід'ємним елементом механізму суспільної правової реальності, **домінуючою соціальною цінністю**, однією з надійних підвалин громадянського суспільства. **Право як мірило свободи і відповідальності** людини створює **поле юридично значимої її свободи**, яке є найбільш безпечним місцем для формування і зовнішнього виразу індивідуальної **совісті і свободи волі** людини. **Унормована правова свобода** людини – це ті соціально-правові можливості її поведінки, які визначені нормами чинного законодавства, в широкому розумінні цього слова, через дозвіл, заохочення, зобов'язання, заборону. Вихід за нормативні рамки, межі юридичної свободи нерозривно зв'язаний з відповідного виду юридичною відповідальністю людини. Унормована правом свобода волі людини реалізується через суспільно корисні, суспільно прийнятні, суспільно шкідливі, суспільно небезпечні або суспільно нейтральні моделі поведінки людини. Свобода волі людини забезпечує **її свободу вибору** між правомірною і протиправною поведінкою.

Свобода волі людини тим самим співвідноситься з волею держави (державним велінням). Наслідком позитивного співвідношення свободи волі людини і волі держави (державного веління) є її позитивна (перспективна) юридична відповідальність. Наслідком негативного співвідношення волі людини і волі держави (державного веління) є вихід людини за межі юридичної свободи і, як наслідок, настання її негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності. Тут людина постає **як неправова істота**. Тому коли таке співвідношення виникає на раціональному рівні, а не на суто емоційному, шансів на результат у вигляді позитивної юридичної відповідальності людини значно більше.

Свобода волі, таким чином, не є причиною протиправної поведінки людини, вона – лише діапазон можливої її поведінки в правовому полі.

Розрізняють юридичну свободу людини (**формальну**) і юридичну свободу людини (**реальну**). **Формальна** юридична свобода – це передбачені нормами права можливі та доцільні моделі поведінки людини в суспільстві. **Реальна** юридична свобода – це реалізація людиною своїми індивідуальними здібностями і зусиллями передбачених нормами права юридичних можливостей юридичної свободи на ґрунті реальних суспільних умов її реалізації.

Таким чином, право є одночасно і регулятором суспільних відносин і регулятором вольової поведінки людей в умовах суспільства.

Праву як мірилу свободи людини властивий динамічний характер: воно постійно розвивається з розвитком суспільних відносин. Тому одним із головних завдань законодавця є забезпечення розвитку права, гармонізація цього розвитку з розвитком суспільних відносин. Лише за цієї умови право буде максимально наділене інструментальними властивостями мірила свободи, справедливості, гуманності та демократії. Гармонійний розвиток права у співвідношенні з суспільними відносинами, суспільними інтересами і потребами – запорука прогресивного поступу суспільства на шляху до нових рівнів цивілізації.

Зовнішня свобода людини легалізується в праві, у першу чергу, через закріплення її у формі суб'єктивних прав, свобод та обов'язків як у міжнародному праві, так і у внутрідержавному, головним чином, на рівні Конституції як основного закону держави. Легалізація зовнішньої свободи людини у формі суб'єктивних прав, свобод та обов'язків – це лише одна із форм визначення її меж. Детальна ж регламентація меж зовнішньої свободи людини здійснена в чинних нормативних актах держави як матеріальних, так і процесуальних та виконавчих. У чинному законодавстві правам і свободам людини кореспондують відповідно суб'єктивні обов'язки. Суб'єктивні права, свободи і обов'язки становлять правовий статус людини в суспільстві. Вони є легальним орієнтиром меж соціальної свободи кожної людини в цивілізованому суспільстві. Суспільною практикою доведено, що немає прав і свобод без обов'язків, як і немає обов'язків без прав і свобод. Оптимальним варіантом є їх гармонійне поєднання, узгодження за допомогою норм права у правовому полі, на правовому ґрунті. Органічна єдність прав, свобод і обов'язків є засадою цивілізованого визначення меж зовнішньої свободи у правовому полі держави.

Внутрішня свобода людини – **свобода волі**, значною мірою, як уже зазначалося, формується під впливом її морально-психічних, правових установок та приписів, що містяться в уповноважувальних (дозволяючих), зобов'язувальних, заохочувальних та заборонних правових нормах. Важливе значення у цьому процесі має рівень забезпечення доступності до людей як суб'єктів суспільних відносин цих установок, приписів. Традиційними формами забезпечення доступності правових установок, приписів є **правова пропаганда, правове виховання, правова освіта**.

Вочевидь, назріла необхідність критично оцінити конституційний принцип «Незнання законів не звільняє від юридичної відповідальності» (ч. 2 ст. 68). Він повинен бути урівноважений не лише конституційним обов'язком держави доводити свої правові приписи до людини, але й **виробленням ефективного механізму** цієї діяльності через правову пропаганду, правове виховання, правову освіту. Сучасні можливості держави в цьому напрямі далеко не вичерпані. Використання цих можливостей дозволить зміцнити інтелектуально-правові установки людини, а отже, і її позитивну юридичну відповідальність.

Межі соціальної свободи людини, як уже зазначалося, значною мірою визначаються державою за допомогою норм права. Кожна норма права містить у собі відповідний припис, веління держави, суб'єктові суспільних відносин, вказуючи на бажаний державою стандарт, модель його поведінки в певних умовах соціального буття. Такий **припис, веління**, забезпечується потенційною або реальною примусовою силою держави, яка покликана контролювати соціально значиму поведінку людини як суб'єкта суспільних відносин, забезпечувати дотримання нею меж соціальної свободи через застосування юридичної відповідальності. За цих умов **необмежена воля** людини, як уже зазначалося, унормовується не лише в межах соціальної правової (юридичної) свободи, але й в органічному зв'язку з **розумною соціальною та індивідуальною необхідністю та юридичною відповідальністю**, яка, як відомо, також має чітко визначені в законі межі і міру. Держава в особі законодавця і своїх компетентних органів повинна, у першу чергу, з'ясувати, чи має вона **моральне право** обмежувати свободу людини в конкретній життєвій ситуації, чи можливо вирішити соціальну проблему іншими методами і засобами.

Таким чином, свободу людини у праві слід уявляти як **розумну правову необхідність**, узгоджену з її власними переконаннями, установками, ідеалами, інтересами і потребами, опосередковану її **совістю** та забезпечувану **силою волі** людини.

Право, як **уречевлення, продукт людського розуму**, має бути наділене рисами загальнолюдських цінностей. За таких умов розум і воля людини, її **розумна свобода волі і розумна правова необхідність** служать онтологічними основами підстав юридичної відповідальності.

Розумна правова необхідність в ідеалі має дихотомічний характер: соціальна та індивідуальна. Мудрість законодавця проявляється лише тоді, коли він зуміє виявити, уяснити для себе, зрозуміти в кожній конкретній ситуації вирішення питання правового врегулювання відповідних суспільних відносин, об'єктивно-суб'єктивний зміст соціальної та індивідуальної розумної необхідності і **гармонійно поєднати їх** у своєму вольовому приписі, втіленому в моделі правової норми чи норм. Цей вольовий припис, як відомо, визначає права, свободи та обов'язки суб'єктів суспільних відносин, межі їх здійснення. Тому на передній план завжди повинна виходити потреба з'ясування соціальної зумовленості тієї чи іншої норми права на науково-практичному рівні. З другого боку, суб'єкт суспільних відносин, будучи просоціально налаштованим, повинен бути здатним з'ясувати, сприйняти розумність соціальної необхідності, оцінити розумність своєї індивідуальної необхідності та гармонійно поєднати її з розумною соціальною необхідністю. Цей результат виявляється через складний мотиваційно-вольовий процес. Як уже зазначалося, у тих випадках, коли норма права містить у собі **явно відвертий нерозумний**

вольовий припис, який не викликаний соціальною необхідністю, людина як суб'єкт суспільних відносин, або ігнорує такий припис або шукає шляхи його обходу. У таких ситуаціях домінує розумна **суб'єктивна**, індивідуальна необхідність. Поряд з цим антисоціально налаштована людина, як правило, переважно не сприймає розумної соціальної необхідності, втіленої в нормі права, надаючи перевагу суб'єктивній розумності своєї індивідуальної необхідності. У цьому випадку є глибоко моральним, виправданим застосування до неї з боку компетентних органів держави правомірного примусу з метою модифікації її поведінки у правомірне русло. Це в ідеалі. У практичному ж повсякденному бутті все значно складніше, оскільки постійно є актуальною проблема ефективності контролю за соціально-значимою поведінкою людей як суб'єктів суспільних відносин та проблема ефективності правозастосування, вирішення яких залежить від низки факторів об'єктивного та суб'єктивного характеру.

У юридичній літературі, у зв'язку з мірою свободи і мірою відповідальності людини, розглядається поняття **«несвобода»** як парна категорія щодо категорії **«свобода»**. Поняття **«несвобода»** при цьому правомірно розглядається у поєднанні із зовнішніми нормативними засадами соціальної дійсності. **«Несвобода»** є результатом визнання людиною волі інших суб'єктів суспільних відносин, зокрема волі держави, коли йдеться про правову дійсність. Соціальна **«несвобода»** розглядається, у першу чергу, як правова несвобода людини.

Юридична відповідальність правопорушника **не безмежна**. Вона має свої межі, які чітко визначені в чинному законодавстві. Вироблення, визначення раціонально оптимальних меж юридичної відповідальності – завдання законодавця. Правозастосовні органи держави мають передбачені законодавством можливості для індивідуалізації відповідальності порушників норм права.

Складність домінуючого становища законодавця полягає у першу чергу в тому, що він повинен, з одного боку, зрозуміти, з'ясувати соціальну зумовленість правового регулювання для того, щоб запобігти як надмірності, так і недостатності правового регулювання суспільних відносин, а з другого боку – забезпечити відповідну високу якість правового регулювання суспільних відносин.

Нормативно-правову підставу негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини можна розуміти на трьох рівнях:

- а) мікрорівень;
- б) макрорівень;
- в) мегарівень.

На **мікрорівні** нормативно-правовою підставою для застосування до людини негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності є норма (норми) матеріального законодавства, яка закріплює склад відповідного правопорушення.

Нормативно-правовою підставою негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини на макрорівні розуміння феномену цього явища є норма (норми) матеріального законодавства, яка закріплює склад відповідного правопорушення, а також норми процесуального законодавства, які визначають процедуру притягнення її до відповідного виду юридичної відповідальності і призначення правового стягнення чи покарання, та норми виконавчого законодавства, які визначають порядок і умови виконання призначеного їй правового стягнення чи покарання. Крім того, у випадку притягнення людини до кримінальної відповідальності – норми кримінального та кримінально-процесуального права, які визначають реалізацію інституту судимості.

Нормативно-правову підставу негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини на мегарівні розуміння цього поняття становлять норми міжнародного права та внутрідержавного законодавства, що визначають протиправність вчиненого людиною діяння, норми внутрідержавного законодавства, які визначають склад цього правопорушення і процедуру застосування до людини юридичної відповідальності (норми процесуального та виконавчого законодавства).

На будь-якому рівні розуміння нормативно-правової підстави негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності важливими її підставами є рішення Європейського Суду з прав людини та рішення українських судів.

Фактичною підставою негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини є юридичний факт – вчинення нею як суб'єктом суспільних відносин нормативно-правового діяння, яке містить склад відповідного правопорушення, тобто вчинку, який заборонений законом під загрозою притягнення винного у його вчиненні до відповідного виду юридичної відповідальності. Склад правопорушення характеризується чотирма елементами: об'єкт; об'єктивна сторона; суб'єкт; суб'єктивна сторона. Відсутність хоча б одного з цих елементів або якоїсь з їх ознак означає відсутність підстави для притягнення людини до негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності.

Юридична відповідальність людини можлива лише за діяння, які є суспільно значимими, тобто такими, які зачіпають інтереси інших членів суспільства, держави, всього суспільства. Вона є наслідком безвідповідальної поведінки людини, вчинення нею діяння, яке заподіює шкоду або створюють реальну можливість заподіяння шкоди інтересам іншої людини (людей), іншим суб'єктам суспільних відносин. Тобто, ці діяння людини є об'єктивно суспільно шкідливими або суспільно небезпечними. Такі діяння є і повинні бути юридично значимими для законодавця і правозастосувачів.

Ежегодник украинского права: сб. науч. тр. / отв. за вып. А. В. Петришин. – Харьков: Право, 2013. – № 5. – С. 590-602

ПРИНЦИПИ НЕГАТИВНОЇ (РЕТРОСПЕКТИВНОЇ) ЮРИДИЧНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ ЛЮДИНИ

Максимально об'єктивний, осяжний і змістовний аналіз правової реальності можливий через призму принципів права, їх ролі в механізмі правового регулювання суспільних відносин.

Принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини, за Н. В. Вітруком, – це найбільш загальні для даного правового інституту, директивні, імперативні норми-вимоги, які визначають зміст як правового регулювання відносин юридичної відповідальності, так і діяльності щодо застосування заходів (мір) юридичної відповідальності. Пізнання принципів юридичної відповідальності важливе як для законодавця, котрий формує відповідні норми права, так і для суддів та інших правозастосувачів [4, 185].

Принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини є різновидом міжгалузевих принципів права (правового регулювання, а тому, як і інші принципи такого виду, вони субординовані, «підпорядковані» його загальним типологічним конкретно-історичним принципам [15, 162].

О. В. Рагузіна дещо в іншій площині бачить поняття принципів юридичної відповідальності людини: «... це ключові ідеї, установки, керівні засади відповідальності, закріплені в законі, які визначають і виражають її суть, зміст і соціальне призначення та стимулюють або обмежують поведінку суб'єктів правових відносин» [16, 17].

С. В. Бобровник визначає принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини як положення та ідеї, що мають законодавче закріплення та визначають самостійний і реальний характер відповідальності як засобу трактування і охорони об'єктивного і суб'єктивного права та суспільного порядку [3, 295].

За визначенням Б. Т. Базилева, принципи юридичної відповідальності людини як основоположні ідеї, що виражають сутність, природу і призначення інституту відповідальності, містяться в законодавстві у вигляді норм. Норми ж визначають характер правового регулювання деліктних відносин [1, 56-57].

В. М. Лазарев та В. Г. Фьодорова вважають, що правильним буде розуміти під принципами юридичної відповідальності людини такі, що впливають з соціально-економічної природи права, загальновизнані і закріплені в законі ідеали регулятивно-охоронного впливу юридичної відповідальності на поведінку дієздатних суб'єктів, а також об'єм і порядок застосування її заходів [9, 84].

В юридичній літературі немає єдності думок вчених щодо системи принципів негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини та їх змістовної частини. Зокрема, виокремлюють принципи, які

безпосередньо закріплені в законі (легальні принципи) та принципи, які випливають з правової природи юридичної відповідальності людини. За формою юридичного визначення серед легальних принципів юридичної відповідальності людини розрізняють конституційні принципи, тобто такі, що закріплені в Конституції та галузеві принципи, що закріплені в галузевому законодавстві. Звертається увага на те, що на юридичну відповідальність людини поширюються всі загальноправові принципи. Вони принципи обумовлюють зміст і спрямованість принципів юридичної відповідальності, які є спеціальними принципами щодо загальноправових принципів. До загальноправових принципів відносять принципи: правомірності; справедливості; гуманізму; верховенства права; юридичної рівності; гарантованість державою прав і свобод людини і громадянина; відшкодування державою шкоди, заподіяної особі незаконними діями державних органів і службових осіб. Загальноправові принципи повною мірою визначають зміст і дію юридичної відповідальності людини. Вони тісно зв'язані між собою за змістом та своєю дією, вони знаходять своє, втілюються у спеціальних принципах юридичної відповідальності людини. Н. В. Вітрук до спеціальних принципів відносить такі принципи юридичної відповідальності людини: 1) конституційність і законність, визначеність і обґрунтованість підстави юридичної відповідальності; 2) невідворотність настання юридичної відповідальності; 3) рівні підстави юридичної відповідальності; 4) персоніфікація і індивідуалізація юридичної відповідальності; 5) неприпустимість подвійного покарання за одне й теж правопорушення; 6) оптимальність процесуально-процедурної форми юридичної відповідальності; 7) ефективність реалізації юридичної відповідальності [4, 185-187].

П. М. Рабінович висловив слушну думку, що негативна (ретроспективна) юридична відповідальність людини застосовується на таких засадах: а) законності (щодо підстав, процедури притягнення до відповідальності, її виду та розміру); б) обґрунтованості (щодо висновків про факт та про суб'єкта правопорушення, а також про інші юридично значимі факти, пов'язані з цими обставинами); в) доцільності (щодо здійснення цілей юридичної відповідальності); г) невідворотності (жодне правопорушення не повинне залишатися без відповідного реагування компетентних органів); д) справедливості або індивідуалізації (щодо відповідності обраного в межах закону заходу відповідальності негативній соціальній характеристиці конкретного правопорушника). У праві держави соціально-демократичної орієнтації – відповідно до його типологічних принципів – юридична відповідальність передбачається у законодавстві тільки за: 1) фізичне діяння (а не за думки, світогляд, соціальні або особистісні властивості людини); 2) юридично заборонене діяння; 3) винне діяння (проте можливі окремі винятки); 4) особисте діяння правопорушника (проте можливі окремі винятки) [15, 162].

Найважливішими принципами негативної юридичної відповідальності пише Н.М.Оніщенко є принципи: законності; вини; невідворотності покарання; гуманності; справедливості; презумпція невинуватості [13, 40-41].

Н.М.Пархоменко розглядає юридичну відповідальність людини як матеріально-правовий інститут, принципами якого є: а)справедливість; б)законність; в)невідворотність; г)індивідуалізація; д)гуманізм та е)винність діяння. Вона визначає принципи юридичної відповідальності як положення та ідеї, що мають законодавче закріплення та визначають самостійний і реальний характер відповідальності як засобу гарантування і охорони об'єктивного і суб'єктивного права та суспільного порядку. Принципи юридичної відповідальності формуються на підставі принципів права [14, 54, 56].

Більш широкий підхід до визначення принципів негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини застосувала С.В.Бобровник, яка назвала і проаналізувала наступні принципи: 1)принцип законності; 2)принцип відповідності правопорушення та покарання; 3)принцип справедливості; 4)принцип обґрунтованості; 5)принцип змагальності; 6)принцип права на захист; 7)принцип невідворотності відповідальності; 8)принцип своєчасності відповідальності; 9)принцип гуманізму; 10)принцип доцільності; 11)принцип індивідуалізації покарання; 12)принцип відповідальності за винні діяння; 13)принцип правової регламентованості [3, 296-299].

Юридична відповідальність людини, за Р.Х.Макуєвим, реалізується на ґрунті семи принципів: 1)відповідальність лише за винне діяння; 2)законність; 3)співрозмірність юридичної відповідальності тяжкості вчиненого правопорушення; 4)невідворотність юридичної відповідальності; 5)оперативність притягнення правопорушника до юридичної відповідальності; 6)доцільність юридичної відповідальності; 7)презумпція невинуватості [11, 44-45].

І.С.Самощенко та М.Х.Фарукшін до основних принципів юридичної відповідальності людини віднесли: а)відповідальність лише за поведінку, за вчинки учасників суспільних відносин, а не за думки, біологічні чи соціальні властивості, родинні чи інші зв'язки людей; б)відповідальність лише за вину людей і організацій; в)законність; г)справедливість; д)доцільність; е)невідворотність і швидке настання відповідальності [17, 125].

На думку М.Б.Міроненко, таких принципів є п'ять: 1)принцип справедливості; 2)принцип законності; 3)принцип невідворотності відповідальності; 4)принцип індивідуалізації відповідальності; 5)принцип вини. При цьому, – вважає вона, – принцип справедливості юридичної відповідальності людини є системоутворювальними принципом [12, 5].

На наш погляд, до числа спеціальних принципів негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини доцільно віднести наступні принципи: 1)принцип демократичності відповідальності;

2) принцип гуманності відповідальності; 3) принцип нормативності відповідальності; 4) принцип справедливості відповідальності; 5) принцип рівності відповідальності.

Принцип демократичності юридичної відповідальності людини. Юридична відповідальність людини встановлюється демократичним способом – через легітимні органи демократичної держави у межах їх компетенції, а також у відповідності до встановленої законодавством процедури розроблення, прийняття та набрання чинності нормативними актами.

Демократичність юридичної відповідальності людини проявляється в особливій процесуально-правовій формі її реалізації. В ряді випадків до цього процесу можуть включатися трудові колективи, народні засідателі, присяжні.

Проявом демократичності юридичної відповідальності людини є передбачені чинним законодавством можливості її звільнення від юридичної відповідальності і в тому числі за актами амністії та помилування.

Демократичну сутність юридичної відповідальності людини забезпечують демократично сформовані органи держави – відповідно до закону і в межах своєї компетенції. Головна роль тут відведена судам, органам прокуратури, іншим правоохоронним органам. Важливе значення при цьому має надання можливості оскарження відповідно до закону рішень і дій цих органів при реалізації юридичної відповідальності.

Принцип гуманності юридичної відповідальності людини проявляється цей принцип перш за все через проголошення в ст. 3 Конституції України, що людина, її життя і здоров'я, честь і гідність, недоторканність і безпека визнаються в Україні найвищою соціальною цінністю. Права і свободи людини та їх гарантії визначають зміст і спрямованість діяльності держави і, у першу чергу, за допомогою права, юридичної відповідальності.

Високогуманною є і стратегічна мета українських реформаційних процесів – розвивати і зміцнювати демократичну, соціальну і правову державу.

Юридична відповідальність людини ґрунтується на чинному українському законодавстві, яке постійно приводиться у відповідність до вироблених світовою спільнотою гуманістичних стандартів. Це повною мірою стосується як засобів регулювання, стягнень, покарань, що застосовуються до порушників правових приписів, так і процедури реалізації юридичної відповідальності. Особлива роль в цьому відведена судам.

Проявом принципу гуманності юридичної відповідальності людини є широкі можливості для диференціації відповідальності, індивідуалізації засобів регулювання, стягнень та покарань, звільнення від відповідальності.

Гуманність юридичної відповідальності людини нерозривно пов'язана з її доцільністю. Це, головним чином, означає, що правові

стягнення і покарання мають застосовуватися відповідно до мети юридичної відповідальності. Якщо мета юридичної відповідальності, на думку правозастосувача, може бути досягнута без застосування правового стягнення чи покарання, то людина може не притягатися до юридичної відповідальності або може бути звільнена від неї.

Зміст цього принципу головним чином зводиться до того, що: людина може бути притягнена до юридичної відповідальності лише за наявності в її діянні складу відповідного правопорушення; притягнення її до юридичної відповідальності можливе в межах строків давності, встановлених чинним законодавством; правові стягнення чи покарання можуть призначатися лише такі і в таких межах, які передбачені чинним законодавством на час вчинення правопорушення; правові стягнення чи покарання мають призначатися компетентним органом держави, найчастіше судом; правові стягнення мають призначатися у відповідній правовій процесуальній діяльності компетентного органу держави; правові стягнення і покарання мають виконуватися відповідно до чинних норм права.

Принцип справедливості юридичної відповідальності людини. Етимологічний термін «справедливість», як підкреслив М.І.Козюбра, навіть ближче до правової, ніж до моральної свідомості, а тому цілком виправдано може розглядатися і як правова категорія [7, 85-86]. За визначенням С.І.Максімова справедливість подібно до свободи, наділена таким, що виходить за межі нашої щоденної реальності, метафізичним виміром, в якому вона відкривається в своєму абсолютному аспекті. Вона є ферментною цінністю для всіх соціальних, правових і політичних цінностей [10, 317].

В ст.10 Загальної декларації прав людини підкреслено, зокрема, що кожна людина, для визначення її прав і обов'язків та для встановлення обґрунтованості пред'явленого їй кримінального обвинувачення, має право, на основі повної рівності, на те, щоб її справа була розглянута публічно і з **дотриманням усіх вимог справедливості** незалежним і неупередженим судом. Правосуддя в Україні, відповідно до ст.124 Конституції України, здійснюється виключно судами.

Розуміння справедливості залежить від рівня розвитку суспільної свідомості, його загальної і правової культури. Насамперед має бути забезпечена невідворотність юридичної відповідальності людини як одна знайважливіших її характерних рис. На компетентних органах держави лежить обов'язок **своєчасного** виявлення кожного правопорушення і **своєчасного** притягнення кожного винного у вчиненні правопорушення до відповідного виду юридичної відповідальності і відповідно до норм чинного права.

Невідворотність юридичної відповідальності людини не обов'язково зв'язана із застосуванням санкцій юридичних норм. Реакція держави на

вчинення правопорушення може бути, залежно від обставин справи, через осуд правопорушника та звільнення його від юридичної відповідальності.

Коли правопорушення вчинене, але не виявлене компетентними органами держави, або коли правопорушення виявлені, але винні у їх вчиненні не притягнені до відповідальності, то в таких випадках завдається шкода правопорядку, підривається довіра до влади, віра у законність і справедливість, посилюється правовий нігілізм і, як наслідок, зростає кількість правопорушень.

Справедливою є юридична відповідальність людини, яка реалізується в правовому полі, підґрунтям якого є загальнолюдські цінності демократії, гуманності, доброчинності. Справедливість юридичної відповідальності людини значною мірою залежить від правозастосувача. Правове стягнення чи покарання може формально відповідати вимогам чинних норм права, але за своїм видом і розміром бути несправедливим. Тому, правозастосувач при призначенні правового стягнення чи покарання зобов'язаний їх індивідуалізувати – враховувати не лише формальні причини порушення норм права, але й ступінь суспільної шкідливості чи небезпечності правопорушення, його тяжкості, особу правопорушника, форму його вини, обставини справи, що пом'якшують чи обтяжують його юридичну відповідальність. За загальним правилом, правопорушник **не може** бути двічі притягнений до юридичної відповідальності одного виду за одне й те ж правопорушення. Разом з тим, правопорушник **може** притягатися відповідно до чинного законодавства до кількох видів юридичної відповідальності. Так, у випадку умисного знищення чи пошкодження майна правопорушник притягається до кримінальної відповідальності і, крім того, до цивільної відповідальності в частині відшкодування, компенсації заподіяної шкоди. Працівник правоохоронного органу, наприклад, може при цьому притягатися ще й до дисциплінарної відповідальності.

Справедливим має бути не лише притягнення до юридичної відповідальності людини, призначення відповідного правового стягнення чи покарання, але й виконання призначеного правового стягнення чи покарання.

Принцип рівності юридичної відповідальності людини. В оксфордському політичному словнику зазначено чотири основні аспекти принципу рівності: 1) рівна повага в межах певної схеми процесу ухвалення постанов – вимога виявляти рівну повагу до думки кожного; 2) об'єктивне ставлення – вимога однакового розгляду однакових випадків; 3) рівність розподілу – вимога отримання кожним рівної частини певного блага; 4) рівність результату – вимога, згідно з якою індивіди після процедури розподілу повинні опинитися в однакових умовах [8, 596].

Зміст принципу рівності юридичної відповідальності людини розкривають насамперед відсилаючи до міжнародно-правових актів про

права людини. В ст. 1 Загальної декларації прав людини, прийнятій Генеральною Асамблеєю ООН 10 грудня 1948 року, проголошено, що **всі люди народжуються вільними і рівними у своїй гідності та правах**, а в ст. 7 вказано, що **всі люди рівні перед законом** і мають право, без будь-якої різниці, на рівний їх захист законом.

Принцип рівності всіх людей перед законом червоною ниткою проходить в чинній Конституції України. В ст. 21 Конституції України проголошено, що усі люди є вільні і рівні у своїй гідності та правах, а в ст. 24, що усі громадяни мають рівні конституційні права і свободи та є рівними перед законом. Однією з засад судочинства в Україні, закріплених в ст. 129 Конституції України, є рівність усіх учасників судового процесу перед законом і судом.

Правова рівність не є абсолютною. Можна сказати, що це є відносна (формальна) рівність вільних і незалежних людей (суб'єктів права) на підставі єдиних норм і однаковою мірою [5, 122-127]. Вона є одним із критеріїв характеристики права як демократичного, гуманного, справедливого соціального інституту. Визнання різних людей формально рівними, - констатує І.І. Кальной, - є «... рівнозначним визнанням їх рівної правоздатності як можливості, яку один індивід може реалізувати, а інший і не намагається цього зробити. Іншими словами, право є рівним для різних людей формальним шляхом для набуття благ, а не роздача цих благ порівну кожному» [6, 31].

Рівність і нерівність невід'ємні одна від одної, вони існують у кожній соціальній системі як протилежні взаємоврівноважувальні тенденції. В цьому випадку соціальна система перебуває у стані стійкої і водночас динамічної рівноваги. Рівність як один із принципів існування суспільної системи дозволяє утверджувати її стабільність. У свою чергу, нерівність є фактором, що обумовлює місце людини в ієрархічній структурі суспільства, і може бути декількох видів [5, 123].

В.А. Бачинін виділив наступні види людської нерівності: 1) природна нерівність, що зумовлена фізіологічними, соматичними, психофізичними особливостями людей, їх відмінностями у віці, статі, силі, красі та ін., що завжди існували між людьми та ніколи не зникнуть; 2) соціальна нерівність виникла разом з розвитком цивілізації, має різноманітні форми і проявляється в різних сферах суспільного життя. Найбільш чітко цей вид нерівності проявляється при розподілі праці на фізичну та розумову; в способах життя в селі і в місті; у різноманітних соціальних ролях (професіях, посадах); в рівнях добробуту, розмірах власності; у належності до різноманітних об'єднань і груп; характері соціальних привілеїв; 3) культурна нерівність передбачає різницю у рівні освіченості, вихованості, культури, в ступені обдарованості творчими здібностями і талантами. Люди відрізняються між собою за характером потреб, типами світогляду, ідеологічними переконаннями, релігійними віруваннями [2, 686].

Формальна, юридична рівність людей перед об'єктивним кримінальним правом проявляється в тому, що норми права виступають однаковим, рівним для всіх суб'єктів суспільних відносин, масштабом, мірилом діянь людей, однаковим мірилом правомірності реалізації ними своїх прав і обов'язків. Раціональна рівність завжди була ознакою справедливості.

Наявність глибокого наукового розуміння принципів негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності є фактором, котрий здатний сприяти подальшим дослідженням теоретико-прикладних проблем юриспруденції, здійсненню законопроектної і законодавчої діяльності, застосуванню правових норм з сучасних співзвучних соціально-демократичним тенденціях розвитку суспільства.

Список використаних джерел

1. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б.Т. Базылев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.
2. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. – М.: Юридический центр Пресс, 2006.
3. Бобровник С.В. Юридична відповідальність / С.В. Бобровник / Загальна теорія держави і права (основні поняття, категорії, правові конструкції та наукові концепції): навч. посібник / за ред. О. В. Зайчука, Н.М. Оніщенко. – К.: Юрінком Інтер, 2011.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – М.: РАМ, 2008.
5. Грищук О.В. Людська гідність у праві: філософські проблеми / О.В. Грищук. – К.: Атіка, 2007.
6. Кальной И.И. Философия права: учебник / И.И. Кальной. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
7. Козюбра М.І. Правовий закон: проблема критеріїв // Вісник Акад. правов. наук України. – 2003. – № 2-3 (33-34).
8. Короткий оксфордський політичний словник / За редакцією І. Макліна і А. Макмілана; переклад з англ. – К.: Основи, 2006.
9. Лазарев В.М. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи): монография / В.М. Лазарев, В.Г. Федорова. – Волгоград: Изд-во Вол. ГУ, 2005.
10. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С.И. Максимов. – Харьков: Право, 2002.
11. Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность / Р.Х. Макуев. – Орел: Юрид. институт МВД России, 1998.
12. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе права: автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук / М.Б. Мироненко. – Саратов, 2001.
13. Оніщенко Н.М. Інститут юридичної відповідальності у демократичних правових системах / Н.М. Оніщенко, Т.І. Тарахонич,

Н.М.Пархоменко, Л.О. Макаренко / за заг. ред. Н.М. Оніщенко. – К.: Юридична думка, 2009.

14. Пархоменко Наталія. Юридична відповідальність і законність: основні аспекти співвідношення // Про українське право. – 2010. – Чис. V.

15. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави: навч. посібник / П.М. Рабінович. – Вид. 10-е доповнене. – Львів: Край, 2008.

16. Рагузіна О.В. Гуманізм и справедливость юридической ответственности в публичном и частном праве: автореф. дисерт. на соиск. науч. степени канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.

17. Самощенко И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – М.: Юридическая литература, 1971.

* * *

Загальнотеоретичне правознавство, верховенство права та України. Збірник наукових статей / Гол. редактор: Андрій Мелешевич. – К.: Дух і Література, 2013. – 608 с. – С. 163–175.

КОНСТИТУЦІЙНІСТЬ – ФУНДАМЕНТАЛЬНА ОЗНАКА КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ І ОХОРОНИ СУСПІЛЬНИХ ВІДНОСИН

В сучасній європейській правовій традиції прийнято, що конституція є Основним законом держави, який, будучи юридичною формою виразу досягнень загальної та правової культури, визначає найбільш вагомі засади функціонування держави і суспільства. Аксиоматичність цього постулату не викликає жодного сумніву. Прояв його є всеосяжним і в Україні на шляху розбудови соборної, суверенної, демократичної, правової і соціальної держави, громадянського суспільства.

Механізм реалізації Конституції України є складним, багаторівневим і системним. В основі його змістовно-суб'єктивного детермінанта є людина – як в іпостасі громадянина так і в іпостасі працівника відповідного державного органу. Втілення положень Конституції у всі форми суспільного буття людини найбільш наглядно знаходить свій прояв через поведінку людини.

Коло суб'єктів суспільних відносин, які забезпечують, кожен у міру своєї компетенції, своїх потенційних можливостей і прикладених вольових зусиль, конституційність кримінально-правового регулювання і охорони досить широке. Серед них: сім'я, навчальні заклади, колективи за місцем праці, громадські організації та партії, державні органи. Всі названі суб'єкти причетні до формування у людини поваги до Конституції України, прийнятих на її основі правових актів і в тому числі кримінально-правових. Саме вони, у першу чергу, найбільш істотно впливають на забезпечення позитивної (перспективної) відповідальності людини.

В контексті правового регулювання, в діяльності державних органів щодо матеріалізації конституційних принципів, умовно можна виділити два напрями: а) правотворчий і б) правозастосувальний. Кожен з означених виявів діяльності здійснюється через систему відповідних органів держави, наділених законом певними повноваженнями.

Конституція України, виконуючи установчу, регулятивну та правоохоронну функції, слугує фундаментом, правовою основою, найважливішим джерелом кримінального права, як і всіх інших галузей українського права. Верховенство Конституції України обумовлене рядом юридичних обставин. *По-перше*, в ч. 2 ст. 8 Конституції України визначено, що вона **має найвищу юридичну силу** і закони та інші нормативні акти приймаються тільки на її основі й повинні відповідати їй. *По-друге*, відповідно до ст. 8 Конституції України **її норми є нормами прямої дії**. Суди при вирішенні кримінальних справ мають право посилалися на норми Конституції України. *По-третє*, про це прямо зазначено в ч. 1 ст. 3 КК України: «Законодавство України про кримінальну відповідальність становить **Кримінальний кодекс України, який ґрунтується на Конституції України...**»

Інструментальна цінність Конституції України як фундаменту, правової основи, основного джерела українського кримінального права зумовлена не лише закріпленням такого її становища в самій Конституції України та чинному КК України. Головним чином така якісна властивість зумовлена тим, що вона: а) є опосередкованим через народних депутатів волевиявленням українського народу; б) в ній закріплені досягнуті і домінуючі перспективні ціннісні пріоритети й принципи організації та функціонування механізму держави і політичної організації суспільства, права і свободи людини, принципи правового регулювання загалом і кримінально-правового регулювання зокрема; в) вона є реально діючою моделлю гармонійного поєднання, правового балансу публічних, приватних та корпоративних інтересів; г) ряд її норм є нормами-цілями, які визначають, програмують перспективу розвитку української державності, права та суспільства.

Конституція України, виконуючи роль правової основи, найважливішого джерела кримінального права, породжує послідовну діалектичну залежність: Конституція України – кримінальне право – судові рішення (ухвали та вирoki) – виконання судових ухвал, постанов та вироків. Судові рішення, породжують певні права та обов'язки суб'єктів суспільних відносин. Отже, джерелом кримінального права виступає Конституція України, а джерелом судових рішень – і Конституція України, і кримінальне право.

Важливе значення для забезпечення конституційності кримінально-правового регулювання має чинна постанова Пленуму Верховного Суду України №9 від 1 листопада 1996 року «Про застосування Конституції

України при здійсненні правосуддя», в якій, зокрема, звертається увага на наступні положення:

- Наголошуючи, що відповідно до ст. 8 Конституції в Україні визнається і діє принцип верховенства права, Пленум Верховного Суду України вказав на безпосередню дію конституційних прав і свобод людини і громадянина. Вони визначають цілі і зміст законів та інших нормативно-правових актів, зміст і спрямованість діяльності органів законодавчої та виконавчої влади, органів місцевого самоврядування і забезпечуються захистом правосуддя.

- У зв'язку з тим, що Конституція України **має найвищу юридичну силу, а її норми є нормами прямої дії**, суди при розгляді конкретних справ повинні оцінювати зміст будь-якого закону чи іншого нормативно-правового акта з точки зору його відповідності Конституції і в усіх необхідних випадках застосовувати Конституцію як акт прямої дії. Судові рішення мають ґрунтуватися на Конституції, а також на чинному законодавстві, яке не суперечить їй.

- У разі невизначеності в питанні про те, чи відповідає Конституції України застосований закон або закон, який підлягає застосуванню у конкретній справі, суд за клопотанням учасників процесу або за власною ініціативою зупиняє розгляд справи і звертається з мотивованою ухвалою (постановою) до Верховного Суду України, який відповідно до ст. 150 Конституції може порушувати перед Конституційним Судом України питання про відповідність Конституції законів та інших нормативно-правових актів.

- **Суд безпосередньо застосовує Конституцію України у разі:**

- 1) коли зі змісту норм Конституції не випливає необхідність додаткової регламентації її положень законом;

- 2) коли закон, який був чинним до введення в дію Конституції чи прийнятий після цього, суперечить їй;

- 3) коли правовідносини, що розглядаються судом, законом України не врегульовано, а нормативно-правовий акт, прийнятий Верховною Радою або Радою Міністрів Автономної республіки Крим, суперечить Конституції України;

- 4) коли укази Президента України, які внаслідок їх нормативно-правового характеру підлягають застосуванню судами при вирішенні конкретних справ, суперечать Конституції України.

- Якщо зі змісту конституційної норми випливає необхідність додаткової регламентації її положень законом, суд при розгляді справи повинен застосовувати тільки той закон, який ґрунтується на Конституції України і не суперечить їй.

- Суд може на підставі ст. 144 Конституції визнати такими, що не відповідають Конституції чи законам України, рішення органів місцевого самоврядування, а на підставі ст. 124 Конституції – акти органів

державної виконавчої влади: міністерств, відомств, місцевих державних адміністрацій тощо.

- Нормативно-правові акти будь-якого державного чи іншого органу підлягають оцінці на відповідність їх як Конституції, так і закону.

Таким чином, Конституція України, з одного боку, закріплює досягнутий новий якісний стан політико-правової організації суспільства, баланс (консенсус) політичних сил, засновану на загальнолюдських цінностях гуманізму, добра і справедливості політичну і правову ідеологію, правову культуру, відображає об'єктивну спрямованість суспільного розвитку, слугує правою основою наукової, законодавчої та правозастосовної діяльності, а з іншого – створює передумови для дальшого розвитку суспільства, є основним джерелом українського права, фундаментом правових засобів регулювання суспільних відносин, виконує консолідуючу, стабілізуючу, мобілізуючу, виховну роль у суспільстві, сприяючи усвідомленню його суб'єктами свого правового статусу і конституційних завдань суспільного розвитку.

Саме цим зумовлена *особлива суспільна цінність* Конституції України.

Яскравим свідченням того, що джерелом чинного КК України є Конституція України, слугує, зокрема, пряме закріплення, трансформація в ньому ряду конституційних положень. Наприклад, положення ст. 58 Конституції України про зворотню дію нормативно-правових актів у часі знайшли своє відображення в ст. 5 КК України, а закріплена у ст. 62 Конституції України презумпція невинуватості – в ч. 2 ст. 2 КК України. Конституційний принцип про неможливість притягнення до юридичної відповідальності одного виду за одне й те саме правопорушення (ч. 1 ст. 61 Конституції України) закріплений в ч. 3 ст. 2 КК України, а закріплене право особи не виконувати явно злочинні розпорядження чи накази (ст. 60 Конституції України) – в ч. 3 ст. 41 КК України. Принцип про невидання іноземній державі громадянина України (ч. 2 ст. 25 Конституції України) відтворений в ч. 1 ст. 10 КК України, а право на необхідну оборону (ч. 2 ст. 27, ч. 5 ст. 55 Конституції України) – в ст. 36 КК України.

У ряді випадків конституційні положення зумовлюють необхідність криміналізації певних суспільно небезпечних діянь. Відповідно до ст. 3 Конституції України, людина, її життя і здоров'я, честь і гідність, недоторканість і безпека визнаються в Україні найвищою соціальною цінністю. Це, зокрема, зумовило криміналізацію діянь, передбачених ст.ст. 115–126, 128–156 КК України. Частина перша ст. 28 Конституції України заборонила катування, що послужило підставою для криміналізації катування в ст. 127 КК України.

Конституційний принцип про те, що ніхто не може бути протиправно позбавлений права власності, що право приватної власності є непорушним, послужив підставою для криміналізації посягань проти

власності, передбачених ст.ст. 185–198 КК України. Виконання обов'язку громадянина не заподіювати шкоду природі (ст. 66 Конституції України) забезпечується, зокрема, ст.ст. 236–254 КК України, а обов'язок сплачувати податки (ст. 67 Конституції України) – ст. 212 КК України.

Ніхто, відповідно до ч. 2 ст. 29 Конституції України, не може бути заарештований або триматися під вартою інакше як за вмотивованим рішенням суду і тільки на підставах та в порядку, встановлених у законі, що послужило підставою для криміналізації в ст.ст. 371, 372, 373, 374, 375 КК України, діянь, які суперечать названому принципу.

Особливе місце в системі органів української держави посідає Конституційний Суд України. **По-перше**, відповідно до ст. 147 Конституції України він є єдиним органом конституційної юрисдикції в Україні. **По-друге**, згідно ст. 150 Конституції України, до виключних повноважень Конституційного Суду України належить:

1) вирішення питань про відповідність Конституції України (конституційність): законів та інших правових актів Верховної Ради України; актів Президента України; актів Кабінету міністрів України; правових актів Верховної Ради Автономної Республіки Крим¹;

2) офіційне тлумачення Конституції України та законів України.

По-третє, рішення Конституційного Суду з наведених вище питань є обов'язковими на території України, остаточними і не можуть бути оскаржені (ч. 2 ст. 150 Конституції України). **По-четверте**, закони та інші правові акти або їх окремі положення, що визнані неконституційними, втрачають чинність з дня ухвалення Конституційним Судом рішення про їх неконституційність. **По-п'яте**, невиконання рішення Конституційного Суду України тягне за собою юридичну відповідальність і в тому числі відповідальність кримінальну.

Конституційний Суд України, таким чином, виконує важливу функцію забезпечення конституційності правового регулювання загалом та кримінально-правового регулювання і охорони суспільних відносин зокрема.

Рішення Конституційного Суду України є джерелом українського кримінального права в тій частині, де йдеться про вирішення окремих спеціальних питань кримінально-правового регулювання суспільних відносин. Серед рішень Конституційного Суду України, які є актами тлумачення кримінального закону, можна, зокрема, назвати:

1) рішення Конституційного Суду України від 7 липня 1998 року № 11-рп/98 (справа № 1-19/98 щодо порядку голосування та повторного розгляду законів Верховною Радою України) та від 9 лютого 1999 року № 1-рп/99 (справа № 1-7/99 про зворотну дію в часі законів та інших нормативно-правових актів), а також від 19 квітня 2000 року № 6-рп/2000

¹ Оскільки територія Автономної Республіки Крим окупована Російською Федерацією, то юрисдикція Конституційного Суду України, де-факто, на неї не поширюється.

(справа № 1-3/2000 про зворотну дію кримінального закону в часі). Дані акти тлумачення насамперед мають значення для застосування статей 4 та 5 КК України;

2) рішення Конституційного Суду України від 29 грудня 1999 року № 11-рп/99 (справа № 1-33/99 про смертну кару), яким положення ст. 24 та санкцій статей чинного тоді КК України, які передбачали смертну кару як вид покарання, визнано таким, що не відповідають Конституції України (неконституційними). Зрозуміло, що назване рішення Конституційного Суду України має визначальне, керівне значення для українського законодавця – Верховної Ради України;

3) рішення Конституційного Суду України від 3 червня 1999 року № 5-рп/99 (справа № 1-8/99), в якому роз'яснено, що членами сім'ї військовослужбовця, працівника міліції, особового складу державної пожежної охорони можуть бути визнані й інші особи, за умови постійного проживання разом і ведення з ним спільного господарства, тобто не лише його (її) близькі родичі (рідні брати, сестри, онуки, дід, баба), але й інші родичі або особи, які не перебувають з військовослужбовцем, працівником міліції, особового складу державної пожежної охорони у безпосередніх родинних зв'язках (неповнорідні брати, сестри; зять, невістка; вітчим, мачуха; опікуни, піклувальники, пасинки, падчерки та інші). Це рішення Конституційного Суду України має, зокрема, значення для кваліфікації злочинів, передбачених статтями 115 (п. 8 ч. 2), 122 (ч. 2), 126 (ч. 2), 189, 345, 346, 347, 348, 349, 377, 378, 379, 380, 398, 399, 400 КК України.

В демократичних умовах панування плюралізму думок в доктрині права України, є можливість звернути увагу на дискусійність окремих рішень Конституційного Суду України. Доцільним видається зупинитися на трьох з них.

Перше стосується визначення права, яке, зрозуміло, стосується права і кримінального права. У рішенні Конституційного Суду України від 02.11.2004 року № 15-рп/2004, зокрема, вказано, що «Верховенство права – панування права в суспільстві. Верховенство права вимагає від держави його втілення у правотворчу та правозастосовну діяльність, зокрема, у закони, які за своїм змістом мають бути проникнуті передусім ідеями соціальної справедливості, свободи, рівності, тощо. Одним із проявів верховенства права є те, що **право не обмежується лише законодавством як однією з його форм, а включає й інші соціальні регулятори, зокрема норми моралі, традиції, звичаї, принципи права тощо, які легітимовані суспільством і зумовлені історично досягнутим культурним рівнем суспільства**. Всі ці елементи права об'єднуються якістю, що відповідає ідеї справедливості, ідеї права, яка значною мірою дістала відображення в Конституції України» (Рішення Конституційного Суду України від 2 листопада 2004 року № 15-рп/2004 у справі про призначення судом більш м'якого покарання).

Як видно з наведеного Конституційний Суд України об'єднав в одному понятті законодавство та інші соціальні норми, які, як прийнято в доктрині права є самостійними, самодостатніми регуляторами суспільних відносин.

Думається, що таке «розмите» розуміння права загалом, як і кримінального права зокрема, не може забезпечити належну якість і ефективність правового і кримінально-правового регулювання і охорони суспільних відносин на ґрунті принципу правомірності.

Значний вплив на розуміння українськими вченими-криміналістами початку кримінально-правової відповідальності справило рішення Конституційного Суду України № 9рп/99 від 27 жовтня 1999 року (справа про депутатську недоторканність), згідно якого кримінальна відповідальність людини настає з **моменту набрання законної сили обвинувальним вироком суду**. Більшість вчених-криміналістів просто приєдналася до цієї позиції Конституційного Суду, незважаючи на власне розуміння поняття кримінальної відповідальності людини, або у зв'язку з тим, що воно відповідає їх розумінню цього поняття.

Як випливає з названого рішення Конституційного Суду України, його автори, на тлі чинного тоді КК України, висунули оригінальну синтезовану концепцію розуміння поняття негативної (ретроспективної) кримінально-правової відповідальності людини: **«кримінально-правова відповідальність – осуд і звільнення від покарання або осуд і покарання»**. Разом з тим, вони обійшли питання самого поняття кримінальної відповідальності людини, ствердивши лише, що вона є різновидом юридичної відповідальності, особливим елементом у механізмі кримінально-правового реагування держави щодо особи, яка вчинила злочин, що є підстави розглядати її як особливий правовий інститут. Таким чином, порушено логічний ряд мислення: з моменту набрання законної сили обвинувальним вироком суду виникає те, що не знайшло свого змістовно-логічного визначення як категорія, як поняття. Нічого не сказано в рішенні Конституційного Суду України і про припинення кримінально-правової відповідальності.

Аналізуючи згадане рішення Конституційного Суду, П.С.Матішевський вірно зауважив, що вирішення питання про момент настання кримінальної відповідальності людини можливе лише після визначення самого поняття «кримінальна відповідальність». Тому, дещо некоректним є визначення моменту настання кримінальної відповідальності людини без поєднання з самим її поняттям. При цьому безперечним положенням є те, – писав він, – що кримінальна відповідальність людини пов'язана з подією, яка має назву «злочин». Посилання в рішенні Суду на положення ч. 1ст. 62 Конституції України, відповідно до якого: «особа вважається невинуватою у вчиненні злочину і не може бути піддана покаранню, доки її вину не буде доведено в законному порядку і встановлено обвинувальним вироком суду», не є достатнім аргументом. Це положення Конституції

України зовсім не означає, що до моменту вчинення обвинувального вироку суду, подія злочину не може вважатися юридичним фактом, що породжує охоронні кримінально-правові відносини, а людина, яка вчинила злочин, не повинна відповідати за вчинене. Якщо з цим не рахуватися, то тоді кримінальне переслідування та притягнення її до кримінальної відповідальності до винесення обвинувального вироку позбавляється свого матеріального (кримінально-правового) обґрунтування і фактично стає незаконним. Між тим, – наголосив далі він, – кримінальне переслідування особи пов'язане з кримінально-правовими нормами, оскільки поняття злочину і караність небезпечного діяння визначені кримінальним законом. З цієї точки зору саме з моменту вчинення злочинного діяння виникає (починається) кримінальна відповідальність людини, тобто виникають суб'єкти кримінально-правових відносин, а також їхні суб'єктивні права та юридичні обов'язки¹.

До наведених суджень П. С. Матишевського можна додати ще одне – в частині 1 ст. 62 Конституції України не вживається словосполучення **«кримінальна відповідальність»**, а йдеться лише **про покарання** як одну з форм реалізації кримінальної відповідальності. Тільки в контексті **покарання** положення про **вину і обвинувальний вирок суду** мають суто правовий сенс.

В. І. Осадчий більш прямо пише, що «початковий момент виникнення негативної кримінальної відповідальності не пов'язаний з вступом у силу обвинувального вироку суду... негативна кримінальна відповідальність не виникає внаслідок констатації її у вирокі суду або в іншому процесуальному документі. Вона є результатом неправомірності поведінки особи, яка вчинила передбачене чинним КК діяння, що містить склад злочину». Тому, – вважає він, – згадане вище Рішення Конституційного Суду України стосується не стільки моменту виникнення кримінальної відповідальності, скільки її офіційної констатації в обвинувальному вирокі суду і початку її реалізації².

Таким чином, необхідно розрізняти, як думається, два поняття: **«виникнення кримінально-правової відповідальності»** та **«реалізація кримінально-правової відповідальності»**, що не враховано в названому рішенні Конституційного Суду України. Як би ми не розглядали негативну (ретроспективну) кримінально-правову відповідальність людини – чи то через призму обов'язку, чи правовідносин, чи покарання, санкції, примусового впливу, обмеження прав і свобод тощо, **початок її виникнення**, генезис необхідно пов'язувати з юридичним фактом – **вчинення злочину**. Саме з цього моменту виникають **обов'язокособи**, яка

¹ Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина / П.С. Матишевський. – К.: Юрінком Інтер, 2000. – С. 56–57.

² Уголовное право Украины. Общая часть / под ред. В.А. Клименко, Н.И. Мельника. – К.: Атика, 2002. – С. 76.

вчинила злочин, дати звіт за вчинене і **правоперетерпіти відповідно до закону** покарання, або інші заходи кримінально-правового впливу, а також **право і обов'язок** держави в особі компетентних органів виявити вчинений людиною злочин і застосувати до неї кримінальну відповідальність, чинне кримінальне законодавство в широкому його розумінні.

Реалізація негативної (ретроспективної) кримінально-правової відповідальності людини – є, насамперед, кримінально-процесуальним поняттям, а пізніше, з часу звернення обвинувального вироку до виконання, – також і кримінально-виконавчим поняттям. До початку кримінально-процесуальних, а пізніше виконавчо-процесуальних дій кримінально-правова відповідальність перебуває в статусі «потенційної», теоретично можливої.

Певні застереження викликало роз'яснення терміну «законодавство України» Конституційним Судом України в постанові «У справі за конституційним зверненням Київської міської ради професійних спілок щодо офіційного тлумачення частини третьої статті 21 Кодексу законів про працю України (справа про тлумачення терміна «законодавство») за № 12-рп/98 від 9 липня 1998 року. Згідно п. 1 цієї постанови поняття «законодавство України» включає: а) Закони України; б) постанови Верховної Ради України; в) укази Президента України; г) постанови (декрети) Кабінету Міністрів України; д) міжнародні договори, згоду на які дала Верховна Рада України. Дискусійність цього роз'яснення полягає в наступному. По-перше, в п. 1 згаданого рішення Конституційного Суду України термін «законодавство» роз'яснено лише стосовно до ч. 3 ст. 21 Кодексу законів про працю України (щодо визначення сфери застосування контракту). По-друге, в мотиваційній частині даного рішення (п. 3) вказано, що «У законах, залежно від важливості і специфіки суспільних відносин, що регулюються, цей термін вживається в різних значеннях: в одних маються на увазі лише закони, в інших, передусім кодифікованих, в поняття «законодавство» включаються як закони так і інші акти Верховної Ради України, так і акти Президента України, Кабінету Міністрів України, а в деяких випадках – і нормативні акти центральних органів виконавчої влади». Саме останнє розуміння цього поняття, як думається, стосується і кримінального законодавства. В цьому випадку запропоноване Конституційним Судом розуміння поняття «законодавство України» є «розмитим», позбавленим чіткості і однозначності, а отже і універсальності. В доктрині права прийнято, як відомо, два значення цього терміну – вузьке і широке. У вузькому значенні під поняттям «законодавство» розуміють виключно сукупність законів України, а в широкому – сукупність законів України і підзаконних актів.

Загалом, рішення Конституційного Суду України, як акти тлумачення кримінального закону, забезпечують конституційність кримінально-правового регулювання і охорони суспільних відносин, є

джерелом українського кримінального права. Разом з цим, як думається, вони не повинні слугувати засобом вирішення дискусійних питань в доктрині кримінального права. Як і інші джерела науки кримінального права, вони підлягають неупередженому, критичному осмисленню.

Забезпечення конституційності кримінально-правового регулювання і охорони суспільних відносин є складним і відповідальним завданням. Його вирішення потребує виваженого, системного підходу і здійснення виключно на наукових засадах. Адже відомо, що кожний вид суспільної діяльності може розраховувати на максимальну ефективність лише за умови належного його наукового забезпечення. Лише такий підхід є запорукою конституційності як правотворчої так і правозастосувальної діяльності в царині кримінально-правового регулювання і охорони суспільних відносин в державі соціально-демократичної орієнтації.

* * *

Теоретико-прикладні проблеми юридичної науки на сучасному етапі реформування кримінальної юстиції: збірник тез всеукраїнської науково-практичної конференції (м.Хмельницький, 17 квітня 2015 року). – Хмельницький: Хмельницький університет управління та права, 2015. – С.42-49.

ЗМІСТ

Гришук В. К. Философско-правовая парадигма ответственности человека. *Монография*

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ...	8
1.1. Общефилософские подходы к пониманию феномена социальной ответственности человека	8
1.2. Виды социальной ответственности человека	44
1.3. Основания социальной ответственности человека	52
1.4. Стадии социальной ответственности человека	126
1.5. Принципы социальной ответственности человека	129
Выводы к разделу 1	136
РАЗДЕЛ 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	152
2.1. Общие подходы к пониманию феномена юридической ответственности человека	152
2.2. Общие подходы к пониманию феномена позитивной юридической ответственности человека	168
2.2.1. Основания и стадии позитивной (перспективной) юридической ответственности человека	188
2.3. Понимание феномена юридической ответственности человека его негативном (ретроспективном) значении	192
2.3.1. Основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека	212
2.3.2. Виды (формы, способы), стадии реализации негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека	257
2.4. Понимание феномена юридической ответственности человека в ее позитивно-негативном значении как единого правового понятия	267
2.5. Принципы юридической ответственности	271
Выводы к разделу 2	287
РАЗДЕЛ 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	312
3.1. Общие подходы к пониманию феномена уголовно-правовой ответственности человека	312
3.2. Уголовно-правовая ответственность человека как двухаспектный уголовно-правовой, позитивно-негативный феномен	352

3.3. Феномен уголовно-правовой ответственности человека в его негативном (ретроспективном) значении	387
3.3.1. Основания негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека	434
3.3.2. Формы реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека	477
3.3.3. Стадии реализации негативной (ретроспективной) уголовно-правовой ответственности человека	501
3.4. Принципы уголовной ответственности человека	515
Выводы к разделу 3	553
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	590
Prawno-karna ochrona i realizacja praw dziecka na Ukrainie.....	637
Уголовно-правовая реальность: общие подходы к понятию	647
Społeczno-prawna ocena eutanazji w Ukrainie	650
Общие подходы к пониманию феномена уголовно-правовой ответственности.....	659
Уголовно-правовая ответственность и безответственность человека	661
Definicja przestępstwa i podziały przestępstw w prawie karnym Ukrainy.....	665
Zasady negatywnej (retrospektywnej) prawnej odpowiedzialność w doktrynie praw człowieka w ukrainie	686
Bezpieczeństwo prawne systemu politycznego w Ukrainie: rzeczywistość i perspektywy.....	692
Kultura prawna państwa zorientowanego na demokrację.....	701
Prawnokarna ochrona życia człowieka przed umyślnym zamachem w drodze ku integracji europejskiej	706
Zasady organizacyjno-prawne integracji europejskiej Ukrainy.....	715
Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность и ее основания.....	722
Преступления против жизни и здоровья человека.....	734
Установление уголовной ответственности коллективных субъектов в зарубежных государствах: к истории проблемы	790
Zasady negatywnej (retrospektywnej) odpowiedzialności prawnej człowieka w doktrynie prawa ukrainy	803
«Zachować na zawsze»: sprawa karna wobec profesora Juliusza Makarewicza	810

Цінності та комунікація в сучасній Україні: до питання взаємозв'язку	814
Relacje kościoł – państwo według konstytucji Ukrainy, ustawy o wolności sumienia i wyznania	823
The genocidal essence of “rashism”: genesis, development and modernity	835
Problem issues of criminal liability for offenses against justice under the draft CC of Ukraine	850
Теоретичні концепти сучасних реформаційних процесів в Україні	877
Антропологічні основи відповідальності людини	891
Геноцидна суть «рашизму»: генезис, розвиток та сучасність	908
Теоретико-прикладні проблеми конституціоналізму в контексті наукових поглядів професора Юзькова Л. П.	920
Малозначність при вчиненні адміністративних правопорушень, передбачених ст. 130 Кодексу України про адміністративні правопорушення	936
Організаційно-правові засади європейської інтеграції України	954
Право як засіб реформування української державно-правової системи	961
Конституція – правова основа регулювання і охорони суспільних відносин	969
До питання про принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини	977
Позитивна кримінально-правова відповідальність: порівняльно-доктринальне розуміння	983
Негативна (ретроспективна) юридична відповідальність та її підстави	994
Принципи негативної (ретроспективної) юридичної відповідальності людини	1006
Конституційність – фундаментальна ознака кримінально-правового регулювання і охорони суспільних відносин	1014

Наукове видання

*Грищук Віктор Климович,
доктор юридичних наук, професор*

ВИБРАНІ НАУКОВІ ПРАЦІ

Книга IV

Підписано до друку 2025 р.
Формат 707×100¹/₁₆. Ум. др. арк. 82,16.
Наклад прим. Зам № .

Хмельницький університет управління та права
імені Леоніда Юзькова
29013, м. Хмельницький, вул. Героїв Майдану, буд. 8
www.univer.km.ua

Свідоцтво Державного комітету інформаційної політики,
телебачення та радіомовлення України
про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
Серія ДК № 6982 від 19.11.19 р.